

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CP 373.10

~~14.7.24.~~

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ.

1886.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. соб. д.

1886.

CP 373.1C

HARVARD COLLEGE LIBRARY
TREAT FUND
Feb. 6, 1925

Печатать дозволяется. 9 апрѣля 1886 г.

Ректоръ Кіевской духовной Академіи
Епископъ Сильвестръ.

Такимъ образомъ, дѣяній демонскихъ весьма много, и чѣмъ болѣе мы признаемъ ихъ удивительными, тѣмъ съ большею осторожностію должны избѣгать ихъ. Но по отношенію къ тому, о чемъ идетъ у насъ рѣчь, они имѣютъ и полезную для насъ сторону. Именно, если такія дѣла могутъ дѣлать нечистые демоны, то во сколько же разъ могущественнѣе ихъ святые ангелы, а всѣхъ ангеловъ—Богъ, который и самымъ ангеламъ даровалъ силу совершать такіа чудеса?

Такимъ образомъ, если человѣческое искусство, пользуясь твореніемъ Божиимъ, совершаетъ столько и такихъ удивительныхъ дѣлъ (которыя у грековъ называются *μηχανήματα*), что люди незнающіе считаютъ ихъ божественными,—къ числу которыхъ относится и то, что въ одномъ храмѣ въ полу и крышѣ на соразмѣрномъ разстояніи уставлены были магниты, а въ срединѣ между тѣмъ и другимъ камнемъ въ воздухѣ желѣзный истуканъ, который для не знавшихъ, что находится выше и ниже его, казался висящимъ въ пространствѣ какъ бы по манію божества,—равно и то, что, какъ уже сказалъ я, могло быть устроено искусникомъ и въ лампадѣ Венеры при посредствѣ камня асвестона; если дѣйствіа маговъ, которыхъ наши писанія называютъ волхвами и чародѣями, могли въ такой степени возвеличить демоновъ, что знаменитый поэтъ шель, очевидно, вслѣдъ за понятіями людей, говоря о нѣкоей женщинѣ, которая сильна была въ подобномъ искусствѣ:

*Они обѣщаютъ, что чары ея веселятъ тому духъ,
Кому она хочетъ; другимъ же печаль населяютъ,
Въ рѣкахъ останавливаютъ воду, звѣзды назадъ обращаютъ.
Кличъ кликнетъ ночнымъ божествамъ и увидишь, дрожитъ
Земля подъ ногами, и ясени съ горъ ниспадаютъ*

(Энеид., кн. IV. ст. 487—491):

то во сколько же разъ болѣе можетъ Богъ совершать то, что для невѣрующихъ невѣроятнѣе, а для Его могущества Творенія бл. Августина. ч. 6.

легко; когда Онъ же сотворилъ силу камней и другихъ вещей, и способности людей, которыми они пользуются удивительнымъ образомъ, равно и превосходящія всѣ земныя живыя существа могуществомъ ангельскія природы,—сотворилъ дивною, всѣ чудеса превосходящею, силою и совершающею, повелѣвающею и нопускающею премудростію, распоряжаясь всѣмъ такъ же чудесно, какъ чудесно и сотворилъ?

ГЛАВА VII.

О томъ, что послѣднимъ основаніемъ вѣры въ чудесныя явленія служитъ всемогущество Творца.

И такъ, почему же Богъ не могъ бы сдѣлать, чтобы и тѣла мертвыхъ воскресли, и тѣла осужденныхъ вѣчно мучились въ огнѣ,—Богъ, который сотворилъ міръ, наполненный безчисленными чудесами на небѣ, на землѣ, въ воздухѣ и въ водахъ; хотя самый уже этотъ міръ есть чудо, безъ сомнѣнія, большее и превосходящее, нежели все, чѣмъ онъ наполненъ? Но тѣ, съ которыми или противъ которыхъ мы ведемъ рѣчь, — которые вѣруютъ и въ Бога, сотворившаго міръ, и въ боговъ, коихъ Онъ сотворилъ и чрезъ коихъ управляетъ міромъ, и наконецъ въ совершителей чудесъ добровольныхъ или вынужденныхъ какимъ-нибудь культомъ и обрядомъ, а натуральную силу маговъ не только не отрицаютъ, а даже еще и превозносятъ, когда мы говоримъ имъ объ удивительной силѣ другихъ предметовъ, которые не суть ни разумныя существа, ни разумомъ одаренныя духи, каковы тѣ предметы, о какихъ мы упомянули выше, обыкновенно отвѣчаютъ: „Такова ужъ сила ихъ природы; такъ устроена ихъ природа; таковы дѣйствія ихъ природа“. Итакъ все основаніе, почему агригентская соль отъ огня дѣлается жидкою, а отъ воды трещить, заклю-

чается въ томъ, что такова ея природа. Но иждь такое явленіе представляется скорѣе противорѣчащимъ природѣ, которая свойство растворять соль дала не огню, а водѣ, свойство же сушить ее не водѣ, а огню. Но, говорятъ, такова ужь естественная сила этой соли, что въ огонь и водѣ она претерпѣваетъ обратныя дѣйствія. Такой же отвѣтъ дается и о томъ гармантскомъ источникѣ, въ которомъ одна и та же струя днемъ бываетъ холодна, а ночью горяча, являясь по тому и другому своему свойству одинаково неприятною для дотрогивающихся къ ней. Такое же объясненіе дается и относительно другаго источника, который, будучи холоднымъ для осязанія и загашая, какъ и другіе, зажженный факель, зажигаетъ чудеснымъ образомъ факель потушій. То же самое говорится относительно и камня авестона, который, не имѣя никакого собственнаго огня, зажженный отъ огня посторонняго горитъ такъ, что уже не можетъ быть погашенъ. Равно и относительно другихъ предметовъ, перебирать которые заново скучно, хотя повидимому имъ присуща необычайная и природѣ противная сила, дается не иное объясненіе, какъ то, что такова ужь, говорятъ, ихъ природа. Объясненіе, признаюсь, весьма короткое, и отвѣтъ достаточный. Но если Богъ есть творецъ всякой природы, то почему же они не хотятъ, чтобы мы привели имъ основаніе сильнѣйшее, когда на ихъ нежеланіе вѣрить чему-либо какъ невозможному и на требованіе дать этому объясненіе, отвѣчаемъ, что такова воля всемогущаго Бога, который потому и называется всемогущимъ, что можетъ все, чего ни захочетъ; который могъ сотворить многое такое, что мы сочли бы рѣшительно невозможнымъ, если бы не видали этого сами, или не говорили намъ о немъ достовѣрные свидѣтели, не только рассказанное мною вовсе у насъ неизвѣстное, но и такое, что вполне извѣстно. Ибо тому, что у насъ не имѣетъ за себя свидѣтеля, кромѣ трехъ, чьи

квиги мы читали, и что описано людьми, которые не просвѣщены свыше и, какъ люди, могли, при случаѣ, и опибаться, можетъ каждый по усмотрѣнію своему и не вѣрить, не подвергаясь за это справедливому укору.

Да я и не требую, чтобы вѣрили всему вышеприведенному мною, ибо и самъ этому не вѣрю въ такой степени, чтобы въ моей мысли не оставалось уже никакого сомнѣнія, за исключеніемъ того, что я самъ узналъ и что каждому легко узнать на опытѣ, напр. что извѣсть въ водѣ кипить, а въ маслѣ остается холодною,—магнитъ, невѣдомо какою жидкостію, соломинки не двигаетъ, а желѣзо притягиваетъ,—мясо павлина не портится, а между тѣмъ тѣло даже и Платона соглѣло,—солонина такъ холодна, что не допускаетъ свѣтъ таять, и такъ тепла, что помогаетъ дозрѣвать яблокамъ, — огонь, раскаляя камни, дѣлаетъ ихъ бѣлыми подобно своему свѣту, а весьма многое, сожигая, потемняетъ, вопреки своему свѣту. Сюда же относится и то, что прозрачное масло оставляетъ черныя пятна, а бѣлое серебро проподать черныя линіи; а также и то, что въ горящемъ огнѣ дрова претерпѣваютъ такія превращенія, что изъ самыхъ яркихъ по цвѣту, твердыхъ и подверженныхъ гніенію превращаются въ темные, хрупкіе и негниющіе угли. Все это и весьма многое другое, о чемъ въ настоящей книгѣ говорить долго, я узналъ иное виѣстѣ со многими, а иное виѣстѣ со всѣми. Относительно же того изъ приведеннаго мною, чего на опытѣ я не видѣлъ и о чемъ только вычиталъ изъ книгъ, именно—источника, въ которомъ зажженные фавелы гаснуть, а погашенные зажигаются, а также яблоковъ содомской земли, сваружнı повидимому созрѣвшихъ, а внутри наполненныхъ дымомъ,—я не могъ даже найти достовѣрныхъ свидѣтелей, отъ которыхъ могъ бы удостовѣриться, дѣйствительно ли оно такъ на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, если я не встрѣтилъ людей, которые бы сказали, что видѣли такой ис-

точниѣ въ Эпирѣ, то встрѣчалъ такихъ, которые знали подобный источникъ въ Галліи, не далеко отъ Гренобля. Что же касается плодовъ содомскихъ деревьевъ, то не только о нихъ упоминаютъ заслуживающія довѣрія сочиненія, но и такъ многіе, какъ говорятъ, видали ихъ сами, что въ этомъ случаѣ я не могъ сомнѣваться. Наконецъ, остальное я не считаю нужнымъ ни утверждать, ни отрицать; а привелъ потому, что вычиталъ о немъ у историковъ изъ лагеря самихъ тѣхъ, противъ которыхъ ведется наша рѣчь,— привелъ съ цѣлію показать, какъ многіе изъ нихъ, безъ всякаго основанія, вѣрятъ многому такому, о чемъ пишется въ сочиненіяхъ ихъ ученыхъ; между тѣмъ, когда мы говоримъ, что всемогущій Богъ сотворить такое, что превышаетъ ихъ опытъ и чувство, словамъ нашимъ не хотятъ вѣрять, хотя нами приводится и основаніе. Ибо что можетъ быть приведено лучше и сильнѣе того основанія, какое приводимъ мы, когда говоримъ, что всемогущій можетъ исполнить то, предсказаніе о чемъ мы читаемъ тамъ же, гдѣ предсказано Имъ многое и другое, что видимъ уже исполнившимся? Все это, что считается невозможнымъ, исполнить—и исполнить потому, что предсказалъ объ исполненіи—Тотъ, Кто обѣщалъ, что невѣрующіе народы увѣруютъ невѣроятному, и исполнилъ это.

ГЛАВА VIII.

Нѣтъ противорѣчія природѣ, если въ какомъ-нибудь предметѣ, природа котораго известна, оказывается нѣчто отступающее отъ того, что было известно.

Но скажутъ, что они не вѣрятъ нашимъ словамъ о вѣчныхъ страданіяхъ человѣческихъ тѣлъ и въ то же время ихъ безсмертія потому, что организація—де человѣческихъ тѣлъ совершенно иная; что въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть примѣненіе то основаніе, которое приводилось выше въ при-

иъненіи въ чудеснѣишѣхъ природахъ; что нельзя — де сказать, что такова ихъ естественная сила, такова ихъ природа“: — потому что не такую мы знаемъ природу человѣческой плоти. На это мы могли бы отвѣтить на основаніи священныхъ писаній, что одна и та же человѣческая плоть иначе была устроена до грѣха, то есть такъ, что могла не подвергаться смерти; и иначе является устроенною послѣ грѣха, какою мы знаемъ ее въ злополучномъ состояніи настоящей смертности, когда она продолжать жизни безъ конца не можетъ. Точно также въ воскресеніи мертвыхъ она организована будетъ иначе, чѣмъ какъ извѣстна намъ теперь. Но такъ какъ этимъ нашими писаніями, въ которыхъ изображается, какимъ человѣкъ былъ въ раю и какъ онъ далеко былъ отъ необходимости смерти, они не вѣрятъ (гдѣ если бы они имъ вѣрили, намъ нечего бы и толковать съ ними пространно о будущемъ наказаніи осужденныхъ); то мы изъ сочиненій ихъ ученѣйшихъ писателей должны привести что-нибудь такое, изъ чего было бы видно, что всякій предметъ можетъ оказаться инымъ, чѣмъ какимъ онъ былъ извѣстенъ въ ряду другихъ предметовъ прежде по существеннымъ признакамъ своей природы.

Въ книгахъ Марка Варрона, имѣющихъ заглавіе „О родѣ римскаго народа“, пишется слѣдующее (привожу въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ оно читается у Варрона): „На небѣ, говорятъ онъ, совершилось удивительное чудо: въ звѣздѣ Венеры, которую Плавтъ называетъ Вечернею Звѣздою ¹⁾, а Гомеръ — Гесперомъ, съ прибавленіемъ эпитета „прекраснѣйшій“ ²⁾, произошло, какъ пишетъ Касторъ, такое диво, что звѣзда эта измѣнила цвѣтъ, величину, форму и теченіе; чего не было ни прежде, ни послѣ. Адрасть

¹⁾ *Amphitr.*, act. 1, scen. I, vers. 119.

²⁾ *Iliad.* X, vers. 318.

квизическій и Діонъ неапольскій, извѣстнѣйшіе математики, говорили, что это случилось при царѣ Огигѣ⁴. Писатель, подобный Варрону, не называлъ бы, конечно, этого чудомъ, если-бы оно не казалось ему противнымъ природѣ; потому что всѣ чудеса мы называемъ явленіями противными природѣ. Но на самомъ дѣлѣ они не противны природѣ. Ибо какъ можетъ быть противнымъ природѣ то, что совершается по волѣ Божіей, когда воля Творца есть природа всякой сотворенной вещи? Чудо противно не природѣ, а тому, какъ извѣстна намъ природа. Кто перечислитъ все множество чудесъ, о которыхъ рассказываетъ исторія народовъ? Въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе только на одно вышеприведенное, имѣющее отношеніе къ предмету, о которомъ ведется наша рѣчь. По видимому, что еще подчинено Творцемъ небесной и земной природы порядку въ такой степени, какъ строжайше рассчитанное движеніе свѣтила? Что утверждено такими точными и непреложными законами? И однако, когда захотѣлъ Тотъ, Кто своею высочайшею властью управляетъ всѣмъ сотвореннымъ, звѣзда, въ сравненіи съ другими весьма извѣстная своею величиною и свѣтомъ, измѣнила цвѣтъ, величину, фигуру и—что всего удивительнѣе—порядокъ и законъ своего движенія. И это нарушеніе порядка произошло тогда, когда безъ сомнѣнія существовали уже какія-нибудь таблицы астрологовъ, которыя считались составленными путемъ безошибочныхъ вычисленій прошедшихъ и будущихъ движеній звѣздъ и на основаніи которыхъ смѣло говорили, что случай съ звѣздою Венерою не имѣлъ мѣста ни прежде ни послѣ! А въ божественныхъ книгахъ мы читаемъ, что даже само солнце разъ остановилось, когда этого просилъ у Господа Бога святой мужъ, Іисусъ Навинъ, пока начатое имъ сраженіе не окончится побѣдой (Ис. Нав. X, 13), а въ другой отодвинулось назадъ, когда это, соединенное съ обѣтованіемъ Божіимъ, чудо должно было

служить знаменіемъ, что царю Езекии прибавляется пятнадцать лѣтъ жизни (Иса. XXXVIII, 8). Но и эти, совершенныя по заслугамъ святыхъ, чудеса, признавая ихъ дѣйствительность, приписываютъ магическимъ искусствамъ! Отсюда объясняются и выше приведенныя мною слова Виргилія:

Въ рѣкахъ останавливается воду, звѣзды назадъ обращаетъ;
 ибо въ священныхъ книгахъ читаемъ, что и рѣка остановилась верхнею своею частию, а нижнею утекла, когда проходилъ чрезъ нее подъ водительство упомянутаго Іисуса Навина народъ Божій (Нав. IV, 18); то же совершилось, когда переходили рѣку пророкъ Ілія, а потомъ ученикъ его Елисей (4 Царст. II, 8, 14); и великое свѣтло отступило назадъ, въ царствованіе Езекии, какъ только-что я упомянулъ объ этомъ. Что же касается описаннаго у Варрона случая съ звѣздою Венеры, то у него не сказано, чтобы это имѣло мѣсто по просьбѣ какого-нибудь человѣка.

Итакъ, пусть невѣрующіе не отуманиваютъ себя знаменіемъ природы, какъ будто божественною силою въ той или другой вещи не можетъ совершиться что-либо иное въ сравненіи съ тѣмъ, какъ люди знаютъ ея природу путемъ опыта; хотя уже и то самое, что въ природѣ вещей всѣмъ извѣстно, не меньше было бы удивительнымъ и для всякаго внимательнаго наблюдателя поразительнымъ, если бы люди не имѣли обыкновенія удивляться только явленіемъ рѣдкимъ. Кто, напримѣръ, внимательно присмотрѣвшись къ безконечному разнообразію и къ такому сходству людей по природѣ, не замѣтитъ того весьма удивительнаго явленія, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой особенный видъ, такъ что если бы всѣ они между собою не были сходны, то видъ ихъ не отличался бы отъ остальныхъ животныхъ, а если бы, съ другой стороны, не были другъ отъ друга отличны, то каждый не разнился бы отъ остальныхъ людей? Такимъ образомъ тѣхъ же самыхъ, которыхъ мы признаемъ сход-

ными, въ то же время находимъ и отличными. Но болѣе удивленія возбуждаетъ наблюденіе различія; потому что общность природы, повидимому, скорѣе требуетъ сходства. И однако, въ виду того, что удивленіе возбуждаютъ явленія лишь рѣдкія, мы гораздо болѣе удивляемся, когда встрѣчаемъ двухъ людей настолько одинъ на другаго похожихъ, что постоянно или часто смѣшиваемъ ихъ.

Но, можетъ быть, тому, что я привелъ изъ Варрона, хотя онъ и считается у нихъ ученѣйшимъ историкомъ, они не вѣрятъ какъ факту дѣйствительному, или же примѣръ этотъ представляется имъ малоубѣдительнымъ въ виду того, что звѣзда та не надолго измѣнила свое движеніе и потомъ снова приняла обычное свое теченіе. Въ такомъ случаѣ есть вѣчто другое, что можетъ быть наблюдаемо ими еще и теперь, и изъ чего, по моему мнѣнію, они должны убѣдиться, что хотя бы они и имѣли нѣкоторое знакомство съ такимъ или инымъ устройствомъ природы, хотя бы даже приобрѣли себѣ полное познаніе этой природы, все же это еще не даетъ имъ права дѣлать предписанія Богу, будто бы Онъ не можетъ превратить или измѣнить эту природу въ нѣчто совершенно иное въ сравненіи съ тѣмъ, какъ она имъ извѣстна. Страна содомитовъ не была конечно такою, какова она теперь, а находилась въ одинаковомъ съ другими положеніи и отличалась одинаковымъ, даже большимъ, плодородіемъ, такъ какъ въ божественномъ Писаніи сравнивается съ садомъ Господнимъ (Быт. XIII, 10). Но послѣ того, какъ подверглась небесной карѣ, — о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ же исторія¹⁾ и что примѣчаютъ въ ней еще и теперь бывающіе въ тѣхъ мѣстахъ, — она поражаетъ страшнымъ смрадомъ и ея яблоки подъ обманчивымъ видомъ зрѣлости внутри заключаютъ пепель. И вотъ - не была она такою, а теперь такова! Творецъ природъ чудеснымъ измѣненіемъ привелъ

¹⁾ Tacit. Hist. V, 7.

ея природу въ это ужаснѣйшее состояніе и такую она продолжаетъ оставаться втеченіи столь долгаго времени.

Такимъ образомъ, какъ не было невозможнымъ для Бога создать природы, какія Онъ хотѣлъ, такъ не невозможно для Него и въ созданныхъ производить, какія Ему угодно, перемѣны. Отсюда происходитъ и множество ихъ чудесъ, которыя у нихъ называются *monstra, ostenta, portenta, prodigia*, — такое множество, что если бы я захотѣлъ ихъ перечислять и припоминать, не было бы и конца настоящему сочиненію. *Monstra* (знаменія) называются такъ отъ *monstrando* (означать), такъ какъ они уясняютъ что-нибудь знакомъ; *ostenta* (предуказанія) отъ *ostendendo, указывать*; *portenta* (предзнаменованія) отъ *portendendo, предзнаменовывать*, предугазывать; наконецъ *prodigia* (предвѣщанія) называются такъ потому, что они напередъ говорятъ, *предрекаютъ* будущее. Но пусть ужъ сами гадатели ихъ рѣшаютъ, какимъ образомъ при посредствѣ этихъ явленій они или ошибались, или же по внушенію духовъ, которые стараются сѣтями вреднаго любопытства уловить души людей, заслуживающія такого наказанія, предсказывали дѣйствительныя событія, или наконецъ среди болтовни наталкивались случайно на частичку истины. Что же насъ касается, то всѣ явленія, повидимому совершающіяся вопреки природѣ, или называемыя таковыми (этому человѣческому способу выраженія слѣдуетъ и апостолъ, говоря, что дикая маслина, привитая вопреки природѣ къ хорошей маслинѣ, становится общницею сока маслины, Римл. XI, 17. 24), — всѣ эти ихъ знаменія, предуказанія, предзнаменованія, предвѣщанія у насъ должны служить знаменіями, предуказаніями, предзнаменованіями того, что сотворитъ Богъ, — что свои предсказанія относительно человѣческихъ тѣлъ Онъ исполнитъ, не встрѣтивъ никакого затрудненія, никакого воспрещенія со стороны закона природы. А какія это были предсказанія, это, полагаю, я достаточно показалъ въ предвѣдущей книгѣ, почерпнувши изъ свя-

щепныхъ писаній, новыхъ и ветхихъ, если не все относящееся къ предмету, то столько, сколько казалось мнѣ достаточнымъ въ предѣлахъ настоящаго сочиненія.

ГЛАВА IX.

О гееннѣ и свойствѣхъ вѣчныхъ мученій.

Итакъ, что Богъ сказалъ презъ своего пророка о вѣчномъ наказаніи осужденныхъ, такъ оно и будетъ, непремѣнно будетъ: *Червь ихъ не скончается и огонь ихъ не угаснетъ* (Исаи LXVI, 24). Для сильнѣйшаго запечатлѣнія этихъ словъ и Господь Иисусъ, разумѣя подъ членами, соблазняющими чело-вѣка, такихъ людей, которыхъ кто-либо любить какъ свои правые члены, и повелѣвая ихъ отсѣкать, говорить: *Добрѣе ти есть бѣднику* (безрукому) *въ животѣ внити, неже объ руку имущу внити въ геенну, въ огонь неугасающій, идѣже червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ.* Точно также говорить о ногѣ: *Добрѣе ти есть внити въ животѣ хрому, неже двѣ нозѣ имущу ввержену быти въ геенну, въ огонь неугасающій, идѣже червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ.* Не иначе говорить и о глазѣ: *Добрѣе ти есть со единѣмъ окомъ внити въ царствіе Божіе, неже двѣ оцѣ имущу ввержену быти въ геенну огненную, идѣже червь не умираетъ и огонь не угасаетъ* (Марк. IX, 42—47). Три раза сряду то же и то же проговорилъ Онъ: кого не устрашитъ это повтореніе, эта столь сильная угроза вѣчнымъ мученіемъ, изреченная божественными устами?

Между тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и то, и другое, т. е. огонь и червь, относятся къ мученіямъ духа, а не тѣла.—Тѣхъ, говорятъ они, которые отдѣлены будутъ отъ царства Божія, будетъ сожигать скорбь поздно и бесплодно лающагося духа; поэтому не было ничего несообразнаго назвать эту сожигающую скорбь огнемъ; отсюда и апостолъ говорить: *Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? То же, полагаютъ, нужно разумѣть и относительно червя, ибо, говорятъ, написано: *Якоже моліе*

въ ризѣ и червѣ въ древь, тако печаль мужу вредитъ сердце (Притч. Сол. XXV, 21). Тѣ же, которые не сомнѣваются, что въ будущихъ мукахъ наказаніямъ будутъ подлежать и духъ и тѣло, утверждаютъ, что тѣло будетъ жечься огнемъ, а духъ подтачиваться своего рода червемъ печали. Хотя послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе, такъ какъ рѣшительно нелѣпо, чтобы тогда или духъ, или тѣло свободны были отъ страданія; однако, по моему мнѣнію, вѣрнѣе сказать, что и то и другое относится къ тѣлу, чѣмъ одно къ тѣлу, а другое къ духу. Въ приведенныхъ выше словахъ божественнаго писанія о страданіи духа умалчивается; потому что само собою понятно, хотя и не высказывается, что когда будетъ страдать такимъ образомъ тѣло, духъ будетъ мучиться бесплоднымъ раскаяніемъ. Ибо и въ ветхозавѣтномъ писаніи читаемъ: Наказаніе плоти нечестиваго огонь и червь (Сир. VII, 19). Могло бы быть сказано короче: „Наказаніе нечестиваго“. Почему же сказано „плоти нечестиваго“, если не потому, что и то и другое, т. е. и огонь и червь, будутъ наказаніемъ плоти? А если о наказаніи плоти сказано потому, что въ человѣкѣ будетъ подлежать наказанію то, что жило по плоти (ибо по этой причинѣ человѣкъ вступить во вторую смерть, какъ указываетъ то апостоль въ словахъ: *Аще бо по плоти живете, имате умерети*, Римл. VIII, 13); то пусть каждый выбираетъ что ему угодно: или приписываетъ тѣлу огонь, а духу червя, — первое въ буквальномъ смыслѣ, а послѣднее въ переносномъ; или же и то и другое—тѣлу, въ буквальномъ смыслѣ. Выше я достаточно уже доказалъ, что животныя могутъ жить въ огнѣ, горѣть не уничтожаясь и страдать не умирая, чудеснымъ дѣйствіемъ всемогущаго Творца: кто отрицаетъ возможность этого для Него, тотъ не знаетъ, отъ Бога происходитъ все, что только есть во всѣхъ природахъ удивительнаго. Ибо Онъ есть Богъ, сотворившій въ мірѣ всѣ тѣ великія и малые чудеса, о которыхъ мы упомянули,

и несравненно еще большія, о которыхъ не упомянули, и заключившій всё ихъ въ этомъ мірѣ, представляющемъ собою единственное и величайшее изъ всѣхъ чудо. Итакъ, пусть каждый выбираетъ одно изъ двухъ, что ему угодно, — пусть думаетъ, что и червь относится къ тѣлу, въ буквальномъ смыслѣ, или — къ духу, въ смыслѣ переносномъ отъ матеріальнаго на нематеріальное. А что изъ этихъ двухъ истинно, это ясиѣе покажетъ самое дѣло, когда наступитъ такое знаніе святыхъ, что для нихъ не будетъ нужды въ опытѣ для изслѣдованія тогдашнихъ мученій, а для познанія и этого предмета будетъ достаточно одной только мудрости, которая тогда будетъ полною и совершенною. Ибо нынѣ мы знаемъ отчасти, доколь придетъ совершенное (1 Кор. XIII, 9). А до тѣхъ поръ будемъ вѣрить, что будущія тѣла подвергнуты будутъ мукамъ посредствомъ огня.

ГЛАВА X.

Можетъ ли огонь геенскій, если онъ огонь матеріальный, своимъ прикосновеніемъ жечь злыхъ духовъ, т. е. нематеріальныхъ демоновъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: Если огонь не будемъ нематеріальнымъ, въ родѣ страданій духа, а матеріальнымъ, вреднымъ по непосредственному прикосновенію, такъ что въ немъ могутъ мучиться тѣла; то какимъ образомъ онъ будетъ служить наказаніемъ и для злыхъ духовъ? Ибо одинъ и тотъ же огонь будетъ опредѣленъ для наказанія и людей и демоновъ, по слову Христа: *Идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѡ. XXV, 42). Предположить развѣ, что и демоны, какъ полагаютъ ученые люди, имѣютъ своего рода тѣла изъ этого сгущенного и текучаго воздуха, ощущеніе котораго получается, когда дуетъ вѣтеръ. Если бы этотъ родъ элемента не могъ испытывать никакого дѣйствія отъ огня, то онъ не

жегъ бы, разгоряченный въ баняхъ. Чтобы жечь, онъ прежде разжигается самъ, т. е. дѣлаетъ то, чему самъ подвергается. Если же кто станетъ утверждать, что демоны вовсе не имѣютъ тѣлъ; то относительно этого предмета не стоитъ входить ни въ тщательное изслѣдованіе, ни въ спорное препирательство. Развѣ мы, не можемъ сказать, что матеріальный огонь удивительнымъ для насъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ образомъ можетъ служить наказаніемъ и для безтѣлесныхъ духовъ, когда души людей, будучи тоже безтѣлесными, какъ въ настоящее время заключены въ тѣлесные члены, такъ и тогда будутъ связаны неразрывно узами своего тѣла? И не имѣи никакихъ тѣлъ, духи демоновъ, или лучше-духи-демоны, хотя и безтѣлесны, привлекаются къ мученіямъ посредствомъ матеріальныхъ огней, не такъ, разумѣется, чтобы огни эти, къ которымъ демоны будутъ привлечены, сами одушевлялись чрезъ сопрیکосновеніе съ ними и становились животными, состоящими изъ тѣла и духа, а, какъ сказалъ я, удивительнымъ и необъяснимымъ образомъ, получая отъ огней наказаніе и не давая имъ лица. Ибо вѣдь и тотъ способъ, какимъ души соединяются съ тѣлами и становятся животными, въ полномъ смыслѣ слова удивителенъ и рѣшительно непонятенъ для человѣка; а между тѣмъ это и есть самъ человѣкъ.

Я сказалъ бы, что духи, не имѣющіе тѣла, будутъ горѣть такъ, какъ горѣлъ въ адѣ извѣстный богачъ, когда говорилъ: *Стражду во пламени семъ*, если бы не предвидѣлъ соответствующаго возраженія, что пламя то было такимъ же, какими были глаза, которые богачъ поднялъ и увидѣлъ Лазаря, какимъ былъ языкъ, прохладить который онъ желалъ, и палецъ Лазаря, при помощи котораго просилъ это сдѣлать: тамъ души были безъ тѣлъ. Отсюда, какъ пламя, въ которомъ горѣлъ богачъ, такъ и капля, которой онъ просилъ, были такими же, каковы бывають видѣнія

спящихъ, или въ состояніи экстаза видящихъ вещи безтѣлесныя, хотя и имѣющія подобіе тѣлъ. Да и самъ человѣкъ, хотя въ этихъ видѣніяхъ участвуетъ духомъ, а не тѣломъ, видитъ себя, однако, въ такой степени подобнымъ своему тѣлу, что рѣшительно не можетъ провести между ними различія. Но та геенна, называемая также огненнымъ и сѣрнымъ озеромъ (Апок., XX, 10), будетъ огнемъ матеріальнымъ и будетъ терзать мучами тѣла осужденныхъ, — людей ли и демоновъ виѣстъ, грубыя у первыхъ и воздушныя у послѣднихъ, или только тѣла людей виѣстъ съ духомъ, а демоны будутъ мучиться духомъ безъ тѣлъ, привлеченные только для наказанія въ матеріальному огню, но не сообщая ему жизни. Ибо для тѣхъ и другихъ будетъ одинъ огонь, какъ изрече сама Истина (Мѡ. XXV, 41).

ГЛАВА XI.

Согласно ли съ справедливостію, чтобы время мученій было продолжительнѣе, чѣмъ время грѣховъ.

Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ тѣхъ, противъ которыхъ мы защищаемъ Градъ Божій, находятъ несправедливымъ, чтобы за грѣхи, какъ бы велики они ни были, но совершенные въ короткое время, осужденъ былъ кто-либо на вѣчныя мученія; какъ будто когда-нибудь справедливость какого-нибудь закона стремилась въ тому, чтобы каждый неся наказаніе въ продолженіе такого именно времени, втеченіи какового онъ совершилъ то, за что наказывается. Тулліи лишеть, что въ законахъ указываются восемь родовъ наказаній, именно: штрафъ, тюрьма, тѣлесное наказаніе, возмездіе, лишеніе чести, ссылка, смерть, рабство. Какое же изъ этихъ наказаній, соотвѣтственно скорости преступленія, опредѣляется на такое короткое время, чтобы отбывалось втеченіе такого же срока, въ какой совершено преступленіе? Исключеніе можетъ составлять развѣ одно возмездіе. Отсюда и изреченіе закона: *Око за око и зубъ за зубъ* (Исх. XXI,

24). Дѣло конечно возможное, что каждый по суровому закону мести лишится глаза въ такое же короткое время, въ какое самъ учинилъ это другому по дерзкому преступленію. Но если за поцѣлуй, нанесенный чужой женѣ, подвергнуть тѣлесному наказанію, то употребившій на поцѣлуй одно мгновеніе развѣ не чувствовалъ бы боли отъ ударовъ втеченіе цѣлыхъ часовъ, и пріятность мимолетнаго удовольствія не была бы наказана продолжительнымъ страданіемъ? А въ тюрьмѣ развѣ каждый присуждается отсидѣть столько же времени, сколько употреблено имъ на совершеніе того, за что онъ заслужилъ заключеніе, когда считается напримѣръ дѣломъ вполне справедливымъ, если подвергается многолѣтнему наказанію въ кандалахъ рабъ, нанесшій господину оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ? А штрафъ, безчестіе, ссылка, рабство, не смягчаемая никакою милостію, развѣ въ предѣлахъ настоящей жизни не представляются подобными вѣчнымъ наказаніямъ? Ибо вѣчными они не могутъ быть потому, что самая жизнь, которая ими наказывается, не простирается въ вѣчность: тѣмъ не менѣе преступленія, подвергнутыя продолжительнѣйшимъ наказаніямъ, совершаются въ самое короткое время; и вѣтъ такого человѣка, который бы думалъ, что наказанія преступниковъ должны оканчиваться такъ же скоро, какъ скоро совершается чело-вѣкоубійство, или прелюбодѣйніе, или святотатство, или иное какое-нибудь злодѣйство, а всякій полагаетъ, что каждое изъ нихъ должно быть измѣряемо не продолжительностію времени, а великію непопотребства и нечестія. А когда кто наказывается за какое-нибудь великое преступленіе смертію, развѣ законы считаютъ за наказаніе время умерщвленія, которое весьма коротко, а не то, что наказываемый извергается на-вѣки изъ общества живыхъ? Между тѣмъ, удаленіе людей изъ настоящаго смертнаго града чрезъ наказаніе путемъ первой смерти равносильно удаленію людей изъ этого безсмертнаго града чрезъ наказаніе путемъ второй смерти.

Порядки и обычаи, соблюдавшіеся при сказываніи проповѣдей въ древней церкви (въ III—V вѣкахъ).

(Окончаніе¹).

Рукоплесканія и другія публичныя заявленія одобренія проповѣдникамъ.

Самая рѣзкая особенность въ обычаяхъ, замѣчемыхъ въ проповѣднической практикѣ древнихъ вѣковъ,—это публичное выраженіе одобренія проповѣднику со стороны слушателей: рукоплесканія, восклицанія и другіе подобныя знаки, которыми слушатели заявляли или свое вниманіе проповѣдному слову и свое согласіе съ нимъ, или свое удовольствіе и свое восхищеніе сильнымъ блестящимъ краснорѣчіемъ. Порядокъ веденія проповѣднаго дѣла въ древніе вѣка ни чѣмъ такъ не отличается отъ нашего, какъ этою своею особенностію. Съ нашей точки зрѣнія поведеніе слушателей въ церкви, дозволявшихъ себѣ рукоплескать проповѣднику, шумными возгласами и криками прерывать его и сопровождать его по окончаніи слова, кажется очень страннымъ и не согласнымъ съ тѣмъ благоговѣніемъ, какое должно быть соблюдаемо въ церкви и какое должно обязывать слушателей проповѣдника въ тишинѣ и молчаніи воспринимать его слова.

¹) См. Труды Киев. дух. Акад., 1885 г. №№ 4, 10, 11. 1886 г. №№ 1 и 3.

Этотъ, чуждый церкви, обычай перешелъ въ нее изъ тѣхъ общественныхъ свѣтскихъ учреждений, въ которыхъ представлялись произведенія искусства или говорились публичныя рѣчи. Въ свѣтскихъ кругахъ, въ первые вѣка христіанской эры, въ греко-римскомъ обществѣ слишкомъ распространенъ былъ обычай громко заявлять свое удовольствіе или неудовольствіе не только каждому артисту, вступающему на театральную сцену, но и каждому публичному оратору. Самое большее примѣненіе этого обычая было на театральныхъ зрѣлищахъ, въ чемъ впрочемъ не уступаетъ древнему и наше нынѣшнее время. Отсюда онъ перешелъ въ школы, въ аудиторіи, въ сенатъ и на форумъ, и сдѣлалъ громкое и шумное заявленіе одобренія или неодобренія оратору необходимою принадлежностію каждой публичной рѣчи. Всѣ, выступавшіе съ публичными рѣчами въ какомъ либо собраніи, желали рукоплесканій и другихъ знаковъ одобренія со стороны слушателей и привыкли ожидать ихъ. А такъ какъ не всегда можно было быть увѣреннымъ, что рѣчь вызоветъ рукоплесканія, то многіе честолюбивые ораторы, предъ публичнымъ выступленіемъ съ рѣчью въ собраніи, прибѣгали къ разнымъ средствамъ для снисканія себѣ шумнаго одобренія во время произнесенія рѣчи или послѣ ея произнесенія. Сойти съ кафедры среди тишины и молчанія слушателей—это считалось безчестнымъ и было признакомъ неуспѣха оратора. И вотъ, чтобы избѣжать этого безчестія, чтобы обезопасить вѣшній успѣхъ своего слова, ораторы подговаривали нѣкоторыхъ лицъ рукоплескать имъ, когда они будутъ произносить рѣчь, и даже прямо нанимали и подкупали хлопальщиковъ или крикуновъ хвалителей,—а люди богатые и вліятельные, имѣвшіе нужду или по желанію рѣшавшіеся выступать въ собраніи съ публичнымъ словомъ, привозили съ собой цѣлую толпу хвалителей, приказывали быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ они имѣли выступить на публичную арену, своей дворнѣ, состоявшей изъ слугъ, прислужниковъ и прихлѣбателей, и

эти съ неутомимымъ усердіемъ и рукоплескали и издавали шумные одобрительные крики своему патрону. Подкупленные или нанятые хлопальщики, приводимые въ собраніе людьми, выступавшими съ публичнымъ словомъ, назывались *софохлаіς* и *laudicoeni* ¹⁾). Первое названіе указываетъ на тѣ возгласы, какіе они должны были дѣлать, когда говорилъ ораторъ (*софῶς* и *κλέω*): гдѣ нужно, и гдѣ не нужно, они кричали: *софῶς*, *софῶς*. А другое латинское названіе указываетъ на тотъ способъ, какимъ подкупали хлопальщиковъ, или на ту плату, за которую они должны были вознаграждать оратора криками и рукоплесканіями. Подкупъ хвалителей совершался впрочемъ различнымъ образомъ. Самый обычный подкупъ состоялъ въ предложеніи дароваго ужина голоднымъ людямъ, готовымъ предложить за угощеніе свои добрыя услуги усердными рукоплесканіями и похвальными криками оратору, отъ чего названія *laudicoeni*. Но люди небогатые стѣснялись дѣлать полныя и роскошныя ужины своимъ хвалителямъ: они посылали корзинки съ кушаньями тѣмъ, которыхъ хотѣли задобрить и въ которыхъ думали приобрести наемныхъ хвалителей. И среди бѣдноты городской находилось очень много такихъ, которые за корзинку съ однимъ кушаньемъ готовы были нещадить рукъ своихъ, чтобы рукоплескать своему благотворителю,—и горла, чтобы выкрикивать во время рѣчи хвалебныя и одобрительныя возгласы. Случалось, что давали что-нибудь изъ одежды людямъ, предлагающимъ свои услуги оратору, ищущему славы и публичнаго одобренія, а иногда разсылали деньги и за деньги нанимали хвалителей. Эта денежная плата была очень небольшая: охотники апплодировать за плату довольствовались двумя, тремя денаріями ²⁾), и за такую цѣну можно было найти сколько угодно хвалителей. Плиній гово-

¹⁾ Lib. II, epist. XIV. Plinii epistol. libri de:em, ed. Petropoli, 1774. p. 59—60.

²⁾ Денарій заключалъ въ себѣ на наши деньги около 24 коп.

речь въ одномъ письмѣ¹⁾: „вчера два мои номенклатора²⁾ навялись хвалить за три денаріа: столько стоитъ быть краснорѣчивымъ; за такую цѣну наполняются (крикунами) какія угодно обширныя скамьи; за такую цѣну сплетается огромный вѣнецъ; за такую цѣну возбуждаются безконечныя крики, лишь только дастъ знакъ *μεσούχορ*“³⁾. Изъ подонковъ народа большею частію набирались эти толпы продажныхъ хвалителей, которые за ничтожную плату готовы были кричать и хлопать тому, кто къ нимъ обращается, и при этомъ стараются превзойти одинъ другаго въ усердномъ исполненіи даннаго имъ порученія³⁾. Эти панятые хвалители, по словамъ Плинія⁴⁾, и не слушали того, что говорилъ ораторъ; они поднимали крикъ и неистово рукоплескали, по знаку своего предводителя или человѣка, купившаго ихъ похвалы и рукоплесканія. Злоупотребленіе этими публичными и шумными знаками одобренія дошло до того, что они отнюдь не служили признакомъ и свидѣтельствомъ достоинства рѣчи, ими прерываемой и сопровождаемой. Скорѣе напротивъ. „Если когда (говоритъ Плиній)⁵⁾ ты пройдеши чрезъ базилику (гдѣ говорились судебныя рѣчи) и хочешь знать, какъ кто говоритъ, а самъ не имѣешь возможности слышать рѣчей,—легко отгадать, кто какъ говорить. Знай, что тотъ говоритъ хуже всѣхъ, кого хвалятъ больше всѣхъ“.

Способы выраженія одобренія оратору были различны. Самымъ обычнымъ и общепринятымъ изъ нихъ были аппло-

¹⁾ Lib. II, epist. XIV. Plinii epistolarum libri decem, ed. Petropoli, 1774. p. 59—60.

²⁾ Номенклаторомъ назывался рабъ, обладавшій большою памятью и знавшій многія гражданъ, который во время прогулокъ и доха называлъ имена ихъ своему господину. У важныхъ сановниковъ въ числѣ слугъ были и номенклаторы, которые находились при нихъ при ихъ выходахъ и докладывали дома о являющихся къ нимъ. Номенклаторы находились и въ свитѣ императоровъ. См. Словарь класс. древн. по Лубкеру, стр. 925.

³⁾ Themistius. Orat. IV.

⁴⁾ Plin. epistolarum lib. II, epist. XIV, p. 60.

⁵⁾ Ibidem.

дисманы или рукоплесканія. Но кромѣ рукоплесканій заявляли слушатели свое удовольствіе оратору еще тѣмъ, что вставали и поднимались съ своихъ сѣдалищъ, и не просто, не тихо вставали и поднимались, а вскакивали и подпрыгивали, махали руками, потрясали одеждою, топали ногами, и вообще приводили въ движеніе весь корпусъ тѣлесный. Къ жестамъ и тѣлодвиженіямъ присоединились крики и восклицанія. Изъ восклицаній не у грековъ только, но и латинявъ самое употребительное было *софῶς*, какъ это видно изъ эпиграммъ Марціала ¹⁾. Кричали еще *ὀρθῶς* (справедливо), *κρείοντος* (отлично), *θεῖως* (божественно), *θεοφορήτως* (боговдохновенно), *ἀπροσίτως* (неподражаемо), *καλῶς*, *ἀληθῶς*, *δριμέως* (умно, пронизательно), *ἀνθηρῶς* (прекрасно), *εὖ* (хорошо), *μαγάλως* (превосходно), *θαυραστῶς* (удивительно), *ὑπερφῶς* (сверхъестественно), у латинявъ *bene*, *praeclare*, *belle*, *testive*, *non potest melius*, *inimitabiliter*, *nihil supra*, *pulchre*, *recte*, *euge*, *decenter*, *effecte*, *graviter*, *diserte* и т. под. Между такими похвальными криками очень часто слышалось междометіе *οὐά*, служащее выраженіемъ удивленія: оно напоминаетъ собою наше „*браво*“ и было узаконено обычаемъ какъ у грековъ, такъ и у римлянъ. Его выкрикивали, когда поражались неожиданностію и новостію представленія, или величіемъ и силою мысли, или блестящимъ изяществомъ словъ. Само собою понятно, что тамъ, гдѣ допускалось обычаемъ шумное выраженіе хвалы и удовольствія со стороны слушателей публичныхъ рѣчей, тамъ являлись и шумныя выраженія порицанія и неодобренія. Они тоже были различны, но заявленія порицанія и неудовольствія бывали значительно рѣже, чѣмъ заявленія восторженныхъ похвалъ, особенно при тѣхъ искусственныхъ средствахъ, къ какимъ прибѣгали люди, выступавшіе съ публичными рѣчами, для снисканія шумныхъ похвалъ.

¹⁾ Martialis lib. I epigr. IV, LXVII, LXXVII, lib. III ep. XLVI, lib. VI ep. XLVIII.

Изъ театровъ, изъ аудиторій, форума и сената обычай заявлять громкое одобреніе оратору рукоплесканіями и возгласами незамѣтно проникъ и въ церковь. При его всеобщемъ распространеніи, при утвердившейся въ греческо-римскомъ обществѣ привычкѣ каждую рѣчь публичнаго оратора сопровождать шумными выраженіями удовольствія или неудовольствія, ему не трудно было явиться и въ оградѣ храма. Страсть или привычка публично и громко заявлять оратору свое одобреніе до того вошла въ нравы народа, что ея не могли ограничить никакими запретами и законами, и что ей поддавались сами законодатели, издававшіе особыя эдикты противъ нея. Евнапій въ *Жизни Юліана*, аѳинскаго софиста, рассказываетъ слѣдующій характерный случай. Позванъ былъ на судъ Юліанъ по жалобѣ другаго софиста, его соперника Ансина гадарскаго. Предъ разбирательствомъ дѣла проконсулъ отдалъ строгій приказъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не смѣлъ апплодировать говорящему, и угрожалъ за неисполненіе его чувствительнымъ наказаніемъ. Въмѣсто Юліана, по его желанію, утвержденному проконсуломъ, говорилъ ученикъ его Прозерезій. Но когда Прозерезій началъ говорить, всѣ такъ восхитились его краснорѣчіемъ, что проконсулъ забылъ свой приказъ о томъ, чтобы не апплодировать и не дѣлать шумныхъ возгласовъ одобренія оратору, и самъ сталъ усердно рукоплескать ему,—забыли объ угрозахъ наказаніемъ за неисполненіе приказа и слушатели, и стали громко кричать и апплодировать молодому оратору. Слушали проповѣдь тѣ же люди, которыхъ пріучили считать рукоплесканія и другіе знаки выраженія удовольствія какъ бы необходимымъ аксессуаромъ въ сферѣ служенія ораторскаго, и которые въ другихъ мѣстахъ не могли удержаться, чтобы такъ или иначе не заявили оратору своего сочувствія. Въ церковь началъ вторгаться этотъ обычай съ тѣхъ поръ, какъ проповѣдь стала сближаться по внѣшней своей сторонѣ съ произведеніями свѣтскаго ораторства, тогда сильно развитаго и высоко цѣни-

маго всѣмъ образованнымъ классомъ, и когда стала усвоять тѣ искусственныя приемы, какіе узаконяла и предписывала тогдашняя реторика. Прежде слушали проповѣдь, какъ простое слово назиданія, и тогда не могло быть у людей, ищущихъ въ церковной бесѣдѣ одного назиданія,—обыкновенія относиться къ ней съ тѣми шумными одобреніями, какими награждали свѣтскихъ ораторовъ, преслѣдовавшихъ внѣшнее изящество и старавшихся не столько говорить о дѣлѣ, сколько усладить краснымъ словомъ и пышною декламаціею избалованный слухъ своихъ слушателей. Но вотъ, съ половины третьяго вѣка, проповѣдь, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, начинаетъ уклоняться отъ прежней собесѣдовательной простоты, овладѣваетъ искусствомъ художественнаго построенія слова, къ которому тогда страстно стремились всѣ образованные люди, и даетъ не одно назиданіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и услажденіе слуха. Естественно было и слушателямъ измѣнить свое прежнее отношеніе къ проповѣди, и привнести въ церковь то, чѣмъ ознаменовывалось вниманіе къ публичнымъ рѣчамъ въ другихъ мѣстахъ,—наградять отличныхъ проповѣдниковъ тѣмъ, чѣмъ награждали ораторовъ въ судебныхъ залахъ и школьныхъ аудиторіяхъ.

Оближеніе проповѣди съ свѣтскимъ краснорѣчіемъ по внѣшнему строю произошло само собою, безъ нарочитыхъ усилій проповѣдниковъ, вслѣдствіе обыкновеннаго теченія тогдашней жизни. На церковной кафедрѣ являлись люди, въ молодые годы учившіеся съ софистическихъ школахъ и языческихъ учебныхъ заведеній, гдѣ краснорѣчіе было главнымъ предметомъ вниманія учащихся: оттуда они выносили съ собою и любовь къ краснорѣчію и то практическое искусство слова, какимъ славились тогдашніе софисты, и для снисканія котораго къ нимъ толпами стекались юноши знатныхъ и болѣе или менѣе достаточныхъ семействъ. Посвятивъ себя на служеніе церкви, бывшіе ученики софистовъ не могли и на кафедрѣ церковной разстаться съ тѣмъ, съ

чѣмъ сдружились въ школѣ и къ чему страстно стремились въ годы воспитанія, увлеченные общимъ стремленіемъ тогдашняго времени. Было и побужденіе для отцовъ не пренебрегать на церковной кафедрѣ искусствомъ изящнаго слова: имъ необходимо было въ своей проповѣднической практикѣ сообразоваться со вкусомъ и желаніями своихъ слушателей. Въ большихъ городахъ въ третьемъ, въ особенности въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ, между христіанами было очень много людей образованныхъ. Эти образованные слушатели привыкли къ утонченной роскоши словъ, и ихъ риторическій вкусъ былъ слишкомъ развитъ и изощренъ: къ этому направлено было все тогдашнее школьное образованіе. Вездѣ, гдѣ ни являлись публичные ораторы, въ аудиторіяхъ школы, на форумѣ или въ севатѣ, они не просто представляли и излагали дѣло, а хотѣли завлечь своихъ слушателей и доставить имъ удовольствіе виѣшнею оболочкою рѣчи и искусственною декламаціею: въ изяществѣ формы даже больше полагали цѣны, чѣмъ во внутренней сторонѣ предмета, обсуждаемаго въ словѣ. Народъ, собиравшійся вокругъ кафедры отцовъ проповѣдниковъ древнихъ вѣковъ, былъ народъ развитый, тонкій, богатый фантазіею, любившій такия возбужденія и наслажденія, какия доставляло художественное слово. Слухъ его избалованъ былъ излишнимъ развитіемъ риторскаго искусства, и когда онъ являлся въ церковь, отъ проповѣдника, предъ нимъ выступавшаго, онъ ждалъ и требовалъ такого же раздраженія и услажденія слуха краснымъ словомъ, какое доставляли ему ораторы въ другихъ мѣстахъ. Безъ этого онъ, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, холодно и невнимательно отнесся бы къ проповѣдному слову. Простыя безыскусственныя рѣчи были бы для него мало занимательны, и онъ не охотно сталъ бы слушать ихъ. „Не видишь ли (говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ)¹⁾, какъ глубоко любовь къ краснорѣчію про-

¹⁾ О священствѣ слово V.

ника теперь въ душѣ людей? И тѣ, которые имъ овладѣваютъ, не стоятъ ли въ большомъ почетѣ не только у язычниковъ, но и у единовѣрцевъ?“ Прежде, когда ученіе христіанское излагалось и сообщалось просто и безыскусственно, язычники съ самодовольною гордостію указывали на то, что у христіанъ нѣтъ хорошихъ ораторовъ. По тогдашнему взгляду, этотъ фактъ служилъ къ униженію христіанства: это значило, что христіанство не способно представить ни матеріала, ни формы для такого высокаго искусства, каково краснорѣчіе, бывшее въ то время предметомъ всеобщаго стремленія и восхищенія. Христіанскіе учителя въ отвѣтъ на этотъ упрекъ язычниковъ выставляли то, что божественная истина не нуждается во внѣшнихъ прикрасахъ для своего распространенія, и что она сама по себѣ, своею непосредственною силою, способна побуждать умы и сердца. Но въ то же время на практикѣ они отнюдь не хотѣли чуждаться аттическаго краснорѣчія; когда оно присоединялось къ побѣдоносной силѣ божественнаго слова, и христіане и язычники не могли не сознавать, что вмѣстѣ съ этимъ въ рукахъ служителей церкви явилось новое оружіе для успѣшной борьбы съ язычествомъ и для возвышенія самаго христіанства въ глазахъ образованныхъ язычниковъ своего времени. „Если кто-нибудь блестяще краснорѣчіемъ (говоритъ св. Златоустъ), язычники славятъ не только его, но всю церковь. Они не только то говорятъ: это удивительный мужъ, но и то: христіане имѣютъ удивительныхъ учителей“¹⁾.

Признавая дѣйствіе указанныхъ условій, способствовавшихъ сближенію церковной проповѣди съ свѣтскимъ краснорѣчіемъ, мы не можемъ не приписать нѣкоторой доли участія въ этомъ и естественной страсти человѣка. Гдѣ дѣйствуетъ человѣкъ съ своею душею, не чуждою желаній чести и славы, тамъ не можетъ не заявлять себя, если не

¹⁾ Св. Іоанна Зл. бес. 31 на 1 посланіе къ Коринтянамъ.

у всѣхъ, то по крайней мѣрѣ у многихъ, стремленіе къ тому, чтобы нравиться народу и заслужить себѣ похвалу отъ слушателей. Естественное славолюбіе могло привести многихъ на тотъ путь, на которомъ свѣтскіе ораторы снискивали себѣ шумныя одобренія и почести, могло заставить ихъ гоняться за тѣмъ риторическимъ блескомъ, который такъ нравился и цѣнился тогда. А стараясь объ услажденіи слуха слушателей и снисканіи ихъ благосклонности, стремясь произвести эффектъ среди собранія, церковные ораторы или славолюбивые изъ нихъ не чужды были желаній, чтобы видимымъ образомъ заявляли предъ ними слушатели свое удовольствіе отъ краснаго или блестящаго слова и награждали ихъ шумными знаками одобренія наравнѣ съ ораторами, блиставшими въ свѣтскихъ аудиторіяхъ.

Въ церковной исторіи о рукоплесканіяхъ и другихъ выраженіяхъ одобренія проповѣднику въ первый разъ упоминается при рѣчи о Павлѣ самосатскомъ, занявшемъ катедру антиохійскаго епископа въ шестидесятихъ годахъ III столѣтія, извѣстномъ своимъ еретическимъ лжеученіемъ о лицѣ Господа Іисуса Христа, котораго онъ представлялъ обыкновеннымъ по естеству человѣкомъ. Этотъ Павелъ самосатскій на катедрѣ епископа слишкомъ рѣзко заявлялъ свои свѣтскія замашки и стремленія и любилъ пышность въ церковныхъ собраніяхъ, которую, по словамъ отцовъ собора, разсматривавшаго его дѣло, онъ заботился выказывать въ своемъ славолюбіи и мечтательности, изумляя этимъ души неопытныхъ¹⁾. Любя пышность и вишнюю помпу, этотъ честолюбивый епископъ и на катедрѣ держалъ себя такъ, какъ свѣтскіе ораторы, и подобно имъ искалъ и требовалъ, чтобы ему рукоплескали и шумно выражали свое одобреніе, когда онъ говорилъ въ церкви свои рѣчи, „порицая и браня тѣхъ, которые не хвалили его, не махали платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали, вмѣстѣ съ

¹⁾ Церк. Ист. Евс. VII, 30.

поставленными нарочно вокругъ его мужчинами и женщинами—самыми непристойными его слушателями, но слушали благоприлично и скромно, какъ надлежить въ домѣ Божіемъ“¹⁾). Какъ видно изъ этихъ словъ, взятыхъ нами изъ посланія отцовъ антиохійскаго собора на Павла самосатскаго, этотъ епископъ прибѣгалъ къ тѣмъ же средствамъ для снисканія себѣ шумныхъ похвалъ, какія были въ обычаѣ у свѣтскихъ ораторовъ того времени, и имѣлъ въ кругу близкихъ лицъ многихъ почитателей, которые если не за деньги, то изъ лести и изъ желанія угодить этому сильному и суетному челоуѣку старались рукоплескать ему и шумно заявлять ему свое одобреніе во время держанія имъ своихъ бесѣдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждать другихъ къ тому же, и для того они занимали въ храмѣ особыя мѣста близъ каедръ епископа.

Отцы антиохійскаго собора неблагопріятно отнеслись къ шумнымъ выраженіямъ одобренія проповѣднику въ храмѣ Божіемъ и осудили Павла самосатскаго между прочимъ и за то, что онъ желалъ и требовалъ отъ слушателей своихъ, чтобы они во время проповѣди рукоплескали ему по театральному обычаю. Но стояло разъ почтить въ церкви проповѣдника, снискавшаго благосклонность слушателей, и сила слишкомъ распространеннаго и утвердившагося въ обществѣ обычая взяли свое. Лишь только вторгся этотъ обычай въ ограду церкви, онъ, подобно напору воды, прорвавшей плотину, овладѣлъ этимъ, прежде недоступнымъ для него, мѣстомъ, и никакіе запреты и осужденія не могли противодѣйствовать ему и изгнать его оттуда, гдѣ, по желанію и воззрѣніямъ отцовъ самыхъ первыхъ вѣковъ, быть ему не слѣдовало. Въ IV и V вѣкахъ мы видимъ этотъ обычай рукоплескать въ церкви проповѣднику въ общемъ употребленіи въ большихъ городахъ восточной и западной греко-римской имперіи. Больше всѣхъ восхищалъ своихъ

¹⁾ Церк. Ист. Евс. VII, 30.

слушателей проповѣдями св. Іоаннѣ Златоустѣ, и ему, какъ въ Антиохіи, такъ и въ Константинополѣ, шумными рукоплесканіями и восклицаніями не переставалъ народъ заявлять свое одобреніе, какъ это видно изъ свидѣтельствъ его жизнеописателей и изъ многихъ указаній, заключающихся въ самихъ проповѣдяхъ Златоуста ¹⁾. Читли рукоплесканіями и св. Григорія Богослова. Въ своемъ стихотвореніи: „*Сонъ о храмѣ Анастасіи*“, св. Григорій такъ представляетъ и воспоминаетъ бывшее съ нимъ въ Константинополѣ, когда онъ являлся на кафедрѣ учителя церковнаго съ словомъ назиданія: „Народъ, желающій слышать слово, стоялъ, раздѣлившись на части. Одни требовали слова низкаго и доступнаго разумѣнію... Другіе желали рѣчи возвышенной и витіеватой... Но изъ устъ моихъ изливалась единичная Троица, сіяющая тремя явленными намъ Красотами. Я излагалъ противниковъ звучнымъ голосомъ, потоками пламеняющаго духа, порывами рѣчи. Одни приходили въ восторгъ и хвалили, другіе стояли въ безмолвномъ изумленіи; иные издавали еще какіе то класы... Но добротѣ услаждало всѣхъ, и краснорѣчивыхъ и свѣдущихъ въ священномъ словѣ благочестія, и нашихъ и пришлыхъ, и даже тѣхъ, которые весьма далеки отъ нашего двора, будучи жалкими читателями безсильныхъ идоловъ“ ²⁾. И блаж. Іеронимъ въ письмѣ къ Непоціану передаетъ слова св. Григорія Богослова, въ которыхъ этотъ святой отецъ свидѣлствуетъ, что онъ возбуждалъ всеобщіе клики одобренія, когда говорилъ въ церкви. „Мой прежній учитель (говоритъ Іеронимъ) какъ-то на мою просьбу объяснить, что такое значить у Луки суббота *δατερωπρωτον*,

¹⁾ Бес. 30 на Дѣян. Апостольскія. Бес. 5 и 17 на Евангеліе отъ Матвея. На книгу Бытія бес. 1, 4, 6, 27, 54. Бес. 2 на Лазаря. Бес. 3 на Евангеліе отъ Іоанна. Бес. 3 и 5 о непостижимомъ Божествѣ. Бес. къ антиохійскому народу 2, 5 и 7. Бес. 11 на посланіе къ Титу. Бес. 1 о словахъ Ісаіи. Бес. на слова: *еще алчетъ градъ твой, узлыби его*.

²⁾ Сонъ о храмѣ Анастасіи. Твореніе св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. IV, стр. 330.

т. е. второпервая (Лук. VI. 1), съ изящною шутливостію отвѣчалъ: я научу тебя этому въ церкви; тамъ *при всеобщемъ кликанъ народа* по неволѣ принужденъ будешь знать то, чего не знаешь. А если одинъ будетъ молчать, одинъ всѣми будешь обвиненъ въ глупости¹⁾. Изъ исторіи Сократа²⁾ видно, что часто рукоплескали Кириллу александрійскому. Онъ упоминаетъ о нѣкоемъ Іераксѣ, учителѣ литературы, который былъ усерднѣйшимъ слушателемъ Кирилла и старался возбуждать рукоплесканія, когда Кириллъ говорилъ проповѣди. По свидѣтельству Θεодорита, возбуждалъ рукоплесканія, являясь съ проповѣдью въ храмѣ, Несторій, впоследствии ересіархъ, осужденный и низложенный на Ефесскомъ соборѣ. Онъ (говоритъ Θεодоритъ)³⁾ былъ больше, чѣмъ кто-либо другой искателемъ рукоплесканій, и для достиженія этой обычной награды публичнымъ ораторамъ онъ упражнялъ свой голосъ такъ, чтобы онъ былъ пріятнымъ и высокимъ, и отъ тона слова благороднаго и плодотворнаго, могшаго воздѣлывать человѣческія души, уклонился къ слогу, забавляющему народную толпу. Рукоплесканія награждали ораторовъ и не такъ славныхъ, каковы были св. Златоустъ и св. Григорій Богословъ, какъ это видно изъ письма св. Исидора Пелусіота къ Дороею, который, произнося слова Исидора, вызвалъ рукоплесканія⁴⁾. Не въ одной Греціи, не на одномъ Востокѣ были въ употребленіи рукоплесканія при проповѣдахъ. Они не менѣе, чѣмъ у грековъ, принялись и на Западѣ, у латинянъ. На нихъ есть неоднократныя указанія въ бесѣдахъ блажен. Августина⁵⁾, котораго, какъ видно, любили слушатели и

¹⁾ Блаж. Іеронима письмо къ Нелоціану объ образѣ жизни клириковъ 49. Твор. блаж. Іер. въ р. перев. Т. II, стр. 65.

²⁾ Сокр. Церк. Ист. VII, 13.

³⁾ Αἰρετικὸς κληρονομίας ἐπιτομή. IV, 12. Patr. с. с. Т. LXXXII, col. 433.

⁴⁾ Исид. Пел. н. 382.

⁵⁾ Sermo 5 de verbis Domini in Evang. Matthaei. Serm. 19 et 28 de verbis Apostoli. I. de tempore 45. et. caet.

которому воздавали такую же дань публичной похвалы, къ какой приучили ихъ свѣтскіе ораторы. Подобно Августину, удостоивались рукоплесканій и другіе, отличавшіеся проповѣдничествомъ, западные епископы. Аполлинарій Сидоній въ письмѣ къ Фавсту, одному изъ замѣчательныхъ представителей южно-галльскаго клира, сдѣлавшемуся епископомъ рейнскимъ или регійскимъ (*reienensis—rhegiensis*) изъ аббатовъ леринскаго монастыря, упоминаетъ о томъ, что онъ слушая проповѣди его, то говорившя импровизаціею, то обработанныя, когда требовали того обстоятельства, до того кричалъ въ похвалу ему, что охрипъ, — въ особенности, когда онъ по просьбѣ преосвященныхъ сослужителей проповѣдывалъ при торжествѣ освященія діонской церкви ¹⁾.

Свое сочувствіе проповѣднику или свое удовольствіе при слушаніи его рѣчи народъ въ древнее время заявлялъ въ церкви не одинаковымъ образомъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ обычаямъ свѣтскихъ аудиторій. У грековъ это выраженіе публичнаго одобренія оратору называлось *κρότος*, что означаетъ шумъ, гулъ, громкій звукъ, производимый не руками только, но и другими органами или орудіями, находящимися въ распоряженіи человѣка. Къ двумъ главнымъ видамъ могутъ быть сведены разнообразныя способы одобренія проповѣднику: заявляли удовольствіе проповѣднику слушатели или тѣлодвиженіями или одобрительными восклицаніями.

Изъ выраженій одобренія посредствомъ тѣлесныхъ движеній самое обычное и употребительное какъ въ театрахъ, судебныхъ залахъ и школьныхъ аудиторіяхъ, такъ и въ церквахъ, составляли рукоплесканія. Они имѣли то скромную, довольно приличную форму, то раздражались слишкомъ шумнымъ, неистовымъ хлопаньемъ руками, когда слушатели, выходя изъ себя отъ удовольствія и оставляя

¹⁾ Sidonii Apollinaris epistolarum lib. IX, epist. 3. Patrologiae. latinae cursus compl. T. LVIII, col. 618—619.

спокойное самообладаніе, ничѣмъ не сдерживали овладѣвшаго ими чувства и не жалѣли ругъ своихъ, чтобы только сильнѣе заявить предъ ораторомъ свое вниманіе къ его слову и свою благодарность предъ нимъ. Впрочемъ, судя по аналогіи съ явленіями на театрахъ и въ свѣтскихъ аудиторіяхъ, неистовый шумъ рукоплесканій еще не свидѣтельствовалъ о дѣйствительномъ и сильномъ услажденіи предметомъ и формою ораторскаго слова. Бывали рукоплесканія дѣланныя, искусственныя, вызываемыя, если не подкупомъ, чего со стороны проповѣдниковъ нельзя предполагать, то другими побочными соображеніями, — желаніемъ угодить какому либо честолюбивому церковному оратору: внушеніями и подстрекательствами съ чьей-либо стороны, духомъ партійнаго пристрастія къ тому или другому проповѣднику и т. под. Эти искусственныя рукоплесканія, вызываемыя особенными причинами, бывали болѣе напряженны и шумны, чѣмъ тѣ, которыя служили выраженіемъ естественнаго чувства: недостатокъ естественнаго возбужденія старались восполнить шумомъ и гуломъ частыхъ и усиленныхъ рукоплесканій. Но рукоплесканія, служа выраженіемъ чувства, волнующаго человѣка, — заразительны, подобно тому, какъ заразителенъ смѣхъ. Если одни начинаютъ усиленно хлопать руками, ихъ одушевленіе незамѣтно передается сосѣду, одному, другому, третьему и т. дал., и весь народъ приходитъ въ необычайное возбужденіе, и въ церкви повторяется то, что бываетъ въ театрахъ, когда зрители приходятъ въ восторгъ при какомъ-либо удачномъ представленіи сильныхъ сценъ... Этотъ родъ неистовыхъ рукоплесканій имѣлъ въ виду св. Григорій Богословъ, когда приглашалъ своихъ слушателей замѣнить театральное рукоплесканіе рукоплесканіемъ благодарственнымъ и стройнымъ движеніемъ ругъ ¹⁾).

Кромѣ рукоплесканій, выражали слушатели свое удовольствіе и одобреніе проповѣднику и другими тѣлодви-

¹⁾ Твор. св. отцовъ въ р. пер. Т. I, стр. 210. Слово св. Григ. Бог. 5, на Юліана 2.

женіями, именно: вскакивали и подпрыгивали съ своихъ сѣдалищъ, топали ногами, махали руками, двигались всѣмъ корпусомъ тѣла, махали или бросали носовыми платками, трясли полы своего платья и т. под. Всѣ подобныя формы выраженія сочувствія проповѣднику не самостоятельно явились въ церкви: онѣ перенесены были въ церковь изъ театровъ и свѣтскихъ аудиторій. Но уже очень рано, въ третьемъ вѣкѣ, исторія свидѣтельствуетъ о перенесеніи въ храмъ и объ употребленіи при слушаніи проповѣдей всѣхъ этихъ разнообразныхъ формъ выраженія сочувствія оратору. О Павлѣ самосатскомъ отцы антиохійскаго собора (267 г.) засвидѣтельствовали, что онъ „порицалъ и бранилъ тѣхъ, которые не хвалили его, не махали платками, какъ на зрѣлищахъ, не вскрикивали и не вскакивали, вмѣстѣ съ поставленными нарочно вокругъ его мужчинами и женщинами—самыми непристойными его слушателями, но слушали благоприлично и скромно, какъ надлежитъ въ домѣ Божиемъ“¹⁾. Что дозволяли себѣ слушатели Павла самосатскаго, или чего требовалъ отъ нихъ такой тщеславный и честолюбивый епископъ, какимъ былъ Павелъ самосатскій, то самое встрѣчается и у позднѣйшихъ христіанъ IV и V вѣка, и приемы или формы похвальныхъ одобреній, заимствованныя изъ театровъ и свѣтскихъ аудиторій, употребляли даже люди, по своему образованію занимавшіе видное мѣсто среди тогдашняго общества. „Вспомни, прошу тебя (читаемъ мы въ письмѣ блаж. Іеронима къ Вигиліанцію), тотъ день, когда я проповѣдывалъ о воскресеніи и дѣйствительности тѣла: ты подлѣ меня подпрыгивалъ тогда, и рукоплескалъ, и топалъ ногами, и кричалъ, что я православенъ“²⁾. Блаж. Іеронимъ въ этомъ письмѣ напоминаетъ не что-либо особенное, выдающееся изъ обыкновеннаго порядка вещей, а

¹⁾ Церк. ист. Евсевія. VII, 30. Hist. eccl. Nicephori Callisti, VI, 30. Patr. c. compl. T. CXLV. col. 1188—9.

²⁾ Твор. блаж. Іеронима въ русск. переводѣ. Т. II, стр. 167. 57 письмо бл. Іер. къ Вигиліанцію.

говорить о томъ, что дѣлалъ Вигиланцій, слѣдуя принятому тогда въ церкви обычаю, когда проповѣдь нравилась слушателямъ. Вигиланцій укорялъ Іеронима за приверженность къ мнѣніямъ Оригена, и даже осуждалъ его въ ереси за это. Входи въ объясненіе по этому поводу съ Вигиланціемъ, Іеронимъ и напоминаетъ ему о томъ, какъ онъ относился къ нему прежде, и какъ выражалъ ему свое сочувствіе, слушая его проповѣдь о воскресеніи тѣлъ. Тотъ же Іеронимъ (въ толкованіи на V главу посланія къ Ефесемъ) свидѣтельствуетъ, что народъ, слушая проповѣдь, топаясь ногами объ полъ или землю заявлялъ то, что ему проповѣдь понравилась, и вообще дѣлалъ въ священныя собранія почти все то, что привыкли дѣлать въ театрахъ въ честь играющихъ. Жизнеописатель Златоуста (Георгій александрійскій), замѣтивъ, что всѣ удивлялись мудрости, данной ему щедрымъ даромъ Божиимъ, говоритъ далѣе, какъ выражалось это удивленіе. „Его проповѣди принимали рукоплесканіями, поражая самый воздухъ; одни подбрасывали при этомъ мягкія верхнія одежды, другіе потрясали перьями, третьи хватались за мечи или кинжалы, четвертые за шарфы или перевязи и т. дал.

Кромѣ рукоплесканій и другихъ тѣлесныхъ движеній въ древнее время слушатели выражали свое удовольствіе предъ проповѣдникомъ громкими хвалебными криками и возгласами одобренія. У св. Златоуста, когда онъ изображаетъ, съ какимъ вниманіемъ слушали его антиохійскіе христіане, и чѣмъ заявляли это вниманіе, рядомъ съ рукоплесканіями упоминаются и возгласы одобренія¹⁾. Эти хвалебныя клики бывали не менѣ шумны и напряженны, какъ и рукоплесканія, и они обыкновенно соединялись съ этими послѣдними. Когда Прокъ, епископъ константинопольскій, говорилъ похвальное слово Златоусту, поднялись такіе громкіе крики слушателей, и такъ частые, что Прокъ

¹⁾ Св. Іоанна Злат. на Еванг. Іоанна бес. 3, въ р. пер. Ч. I. стр. 35.

никакъ не могъ кончить начатой рѣчи). Аполливарій Сидоній въ письмѣ Фавсту, епископу регіискому, свидѣтельствуеть, что онъ до хрипоты хвалилъ его (*gaucus plosor*), когда слушалъ его проповѣди,—въ особенности когда при освященіи церкви въ Лионѣ его упросили проповѣдывать его преосвященные сослужители¹⁾. Изъ признанія Сидонія видно, что онъ такъ усердно и съ такимъ напряженіемъ кричалъ, желая почтить и похвалить проповѣдника, ему нравившагося, что даже потерялъ голосъ. На этотъ обычай кричать изо всей силы въ похвалу оратора-проповѣдника указываетъ св. Григорій Богословъ, когда въ заключеніи своего прощальнаго слова константинопольцамъ²⁾ говорить: „плещите руками, *восклицайте пронзительнымъ голосомъ, поднимите вверхъ своею витію*“.

Восклиданія, раздававшіяся со стороны слушателей при произнесеніи проповѣдей, не имѣли одной установившейся опредѣленной формы. Одни состояли въ громкихъ крикахъ, ничего особеннаго не выражающихъ, кромѣ удовольствія слушателей и одобренія проповѣднику. Это были, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ, *какіе-то гласы*³⁾, служащія не выраженіемъ опредѣленной мысли, а простымъ отголоскомъ внутренняго ощущенія или чувства слушателей, или, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, *крикъ, ничему не означающій* (*ἄστροφος βροή*) и *беспорядочный* (*φωνή τῆς ἀταξίας*)⁴⁾. Междометіями выражались эти неопредѣленные и шумные влики одобренія. У грековъ и латинянъ, какъ мы уже говорили, такими кликами одобренія служило часто употреблявшееся и въ свѣтскихъ аудиторіяхъ междометіе *ооѳ*, *ваһ*.

¹⁾ *Annales ecclesiast. Baronii ad an. Christi 438.*

²⁾ *Sidonii Apollinaris epistolarum lib. IX, ep. 3. Patr. lat. curs. compl. T. LVIII, cöl. 618—619.*

³⁾ Твор. св. отцовъ въ р. пер. Т. IV, стр. 50. Св. Григ. Богосл. сл. 42 прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь 150 епископовъ.

⁴⁾ Твор. св. отцовъ въ р. пер. Т. IV, стр. 330. Сонъ о храмѣ Анастасіа.

⁵⁾ *Homilia de verbis Esai I. Patr. c. compl. T. LVI, col. 102.*

Къ этой же категоріи восклицаній, не заключающихъ никакого особеннаго выраженія, мы относимъ часто раздававшіеся при проповѣдяхъ знаменитыхъ отцовъ: σοφός, θείος, μεγάλος, θαυμαστός, ὑπερφύος, bene, praeclare, acriter, floride. Но были восклицанія, болѣе опредѣленные, которыми выражалось одобреніе направленію проповѣдника и содержанію его проповѣдей или признаніе за нимъ особеннаго достоинства. Наиболѣе употребительнымъ восклицаніемъ такого рода было возгласеніе: „православный“! Такое возгласеніе, по свидѣтельству блаж. Іеронима, дѣлалъ Вигиланцій, когда слушалъ проповѣдь Іеронима о воскресеніи тѣлъ. Во времена горячихъ споровъ съ еретиками защитники вѣры православной часто слышали подобныя возгласы, когда на церковной каедрѣ касались спорныхъ предметовъ, опровергали мнѣнія противниковъ и излагали ученіе церкви о томъ или другомъ пунктѣ вѣры, подвергавшемся жетолкованіямъ. Такъ во время несторіанскихъ споровъ посланъ былъ къ Кириллу александрійскому Іоанномъ антиохійскимъ Павелъ емессій для улаженія и утвержденія мира (въ 432 году). Бывши въ Александріи, онъ два раза проповѣдывалъ въ великой церкви александрійской, въ присутствіи Кирилла (25 декабря и 1 января), и въ обѣихъ проповѣдяхъ онъ излагалъ православное ученіе о рожденіи Господа и Спасителя нашего, согласное съ ученіемъ Кирилла, говорилъ, что святая Дѣва Марія есть истинная Богородица. Когда народъ услышалъ изъ устъ Павла емесскаго, прежде сочувствовавшаго Несторію, такія же выраженія, какія предъ тѣмъ употребилъ Кириллъ въ своей проповѣди,—выраженія направленныя къ возвышенію богоматернаго достоинства Присводѣвы, умаляемаго Несторіемъ и его приверженцами, народъ громкими хвалебными криками не разъ прерывалъ Павла, и при этомъ началъ хвалить не его одного, но и Кирилла, главнаго противника Несторія, заявляя, какой вѣры онъ хочетъ держаться. Онъ кричалъ: „Вотъ это истинная вѣра, это даръ Божій, православный Кириллъ!...

Это мы желали слушать; кто не такъ говорить, анаеема². Павелъ продолжалъ свою рѣчь послѣ этихъ возгласовъ; ему опять кричатъ: „добрѣ пришелъ ты, православный епископъ! Достойный съ достойнымъ соединяется... Сохрани, Господи, епископа отца. Добрѣ пришелъ ты, православный епископъ, учитель вселенной. Кто такъ вѣритъ, достоинъ любви, великій хвалитель великаго учителя“¹⁾! Когда проповѣдывалъ Златоустъ, слушатели, увлекаемые его краснорѣчивымъ и сильнымъ словомъ, и поражаемые его яснымъ раскрытіемъ смысла въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ священнаго Писанія, по словамъ его жизнеописателя (Георгія александрійскаго), оглашали храмъ словами, указывающими на особенное достоинство его, какъ учителя церковнаго... Кричали ему: „тринадцатый апостолъ! Достойнъ священства“! Существуетъ преданіе, что именемъ Златоуста, усвоеннымъ ему церковію и исторіею, въ первый разъ назвала его одна изъ его слушательницъ въ храмѣ, восхищенная его краснорѣчіемъ, и ея случайное возглашеніе замѣчено было и принято другими. Многіе опровергаютъ подлинность этого преданія на томъ основаніи, что объ этомъ фактѣ не сообщаютъ древніе историки, и что имя Златоустъ въ первый разъ приложено къ имени Іоанна архіепископа константинопольскаго въ VII столѣтіи, у Исидора Испалійскаго. Но при той свободѣ восклицаній, какія слышались при проповѣдяхъ въ древнее время, и при томъ обаяніи, какое производилъ на всѣхъ величайшій изъ проповѣдниковъ христіанскихъ, весьма возможно полагать, что не одна женщина, а многіе изъ слушателей Златоуста и не одинъ разъ возглашали предъ нимъ то слово, которое потомъ какъ бы сдѣлалось его собственнымъ именемъ.

Рукоплесканія и возгласы одобренія проповѣдникамъ со стороны слушателей не приурочивались къ какому-либо опредѣленному пункту въ проповѣди и раздавались по

¹⁾ Patr. c. c. T. LXXVII, col. 1436—7.

вызову обстоятельствъ и настроенію слушателей въ началѣ, срединѣ или концѣ проповѣди. Иногда, если проповѣдывалъ любимый и чтимый народомъ проповѣдникъ, они были довольно часты и почти непрерывны. Златоустъ, въ третьей бесѣдѣ на книгу Бытія¹⁾ припоминая то, съ какимъ вниманіемъ народъ слушалъ его предыдущую бесѣду, говорить о его частыхъ рукоплесканіяхъ, которыми прерываемо было теченіе словъ. Когда онъ, при изъясненіи книги Дѣяній апостольскихъ, убѣждалъ своихъ слушателей оставить обычай рукоплескать проповѣднику, его, какъ видно изъ текста проповѣди²⁾, нѣсколько разъ прерывали рукоплесканіями. Равнымъ образомъ и Павла ефесскаго не одинъ разъ прерывали сочувственными восклицаніями его слушатели, когда онъ проповѣдывалъ въ великой церкви города Александріи³⁾. А Проклъ константинопольскій не могъ даже докончить свое похвальное слово Златоусту; потому что при этомъ поднялись шумные клики, которые никакъ не могли смолкнуть, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе усиливались.

Рукоплесканія и сочувственные возгласы иногда раздавались при самомъ первомъ появленіи проповѣдника на кафедрѣ, и слышались прежде, чѣмъ проповѣдникъ начиналъ излагать какое-либо ученіе. Такого рода рукоплесканія и возгласы одобренія вызывались не проповѣдію, не достоинствомъ ея содержанія или изяществомъ ея изложенія, а относились собственно къ проповѣднику и были выраженіемъ сочувствія народа къ его личности и къ его дѣятельности. Это были такія же привѣтственные рукоплесканія и возгласы, какими нынѣ такъ часто встрѣчаетъ публика любимыхъ и заслужившихъ вниманіе артистовъ при первомъ появленіи ихъ на сценѣ. Такъ часто встрѣчали рукоплесканіями и возгласами одобренія Августина, когда онъ яв-

¹⁾ Вес. I. Зл. на книгу Быт., перев. съ греч. Ч. I, стр. 46.

²⁾ S. Ioannis Chrysostomi in Acta apostolorum hom. XXX. Patrol. curs. compl. T. LX, col. 226—8.

³⁾ Patr. с. с. T. LXXVII, col. 1436—7.

лялся на кафедру, чтобы сказать назиданіе народу. И вотъ по этому поводу, когда народъ сталъ оглашать храмъ криками сочувствія, лишь только онъ намѣревался приступить къ изъясненію 147-го псалма, онъ обратился къ слушателямъ съ такими словами: „чѣмъ вы всѣ восторгаетесь? Я еще ничего не говорилъ, ничего не излагалъ; и только произнесъ стихъ (текстъ), а вы уже стали восклицать“.

Далѣе, при самомъ произнесеніи проповѣдей, громкія выраженія сочувствія и одобренія възывались первѣе всего ихъ содержаніемъ. Такъ, при увлеченіяхъ догматическими спорами, когда выступалъ на кафедру проповѣдникъ и излагалъ предъ нимъ ученіе, согласное съ настроеніемъ слушателей и направленное къ отраженію заблужденій еретическихъ, народъ часто не могъ удержаться, чтобы не похвалить проповѣдника и не заявить предъ нимъ своего полнаго сочувствія его слову. Примѣръ этого показываетъ проповѣдь Павла емесскаго о воплощеніи Бога Слова: народъ съ такою радостію принялъ православное исповѣданіе, выраженное имъ въ проповѣди, что постоянно прерывалъ его возгласами одобренія. Рукоплесканія и одобрительные возгласы съ неудержимою силою раздавались еще, когда проповѣдь посвящена была похвалѣ лица или предмета, чтимаго народомъ. Такъ возбудилъ неумѣренный восторгъ въ своихъ слушателяхъ Прокль константинопольскій, когда сталъ говорить предъ ними панегирикъ Златоусту, о которомъ сохранялась благоговѣйная память въ Константинополѣ. Въ этомъ случаѣ внѣшній блескъ, какимъ отличалось слово, имѣлъ второстепенное вліяніе на возбужденіе восторга константинопольцевъ. Имя Златоуста было тою первою и великою силою, которая вызвала несдержанные восклицанія народа.—Иной разъ проповѣдникъ касался въ проповѣди какого-либо недостойнаго жизненнаго явленія, возбуждающаго негодованіе и отвращеніе, и во всей наготѣ показывалъ его гнусность. Народъ, чтобы показать свое сочувствіе слову проповѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ свое

отвращеніе отъ того явленія, какое изображалось въ проповѣди, поднималъ громкіе крики и раздражался рукоплесканіями. Такъ Златоустъ, въ пятой бесѣдѣ на посланіе къ Титу, коснулся нѣкоторыхъ дурныхъ обычаевъ, державшихся у язычниковъ, и когда упоманулъ онъ между прочимъ о томъ, что у нихъ было въ обычаѣ, что нагія дѣвицы боролись въ присутствіи мужей,—въ народѣ поднялся шумный крикъ. Златоустъ, услышавъ этотъ крикъ одобренія себѣ и негодованія на дурной обычай, похвалилъ ихъ за это. „Много благодаренъ я вамъ (говорилъ онъ) и желаю вамъ всѣхъ благъ за то, что вы не могли равнодушно и терпѣливо выслушать простаго упоминанія объ этомъ“.

Затѣмъ возбуждала рукоплесканія сильная, ясная и дѣйственная мысль проповѣдника, чего бы она ни касалась, возбуждало рукоплесканія краснорѣчивое изложеніе мысли и стройное, гармоническое теченіе рѣчи. Иногда какой-либо одинъ искусный оборотъ, одна ловкая фраза способны были привести въ восторгъ слушателей. Многихъ проповѣдниковъ награждали одобрительными восклицаніями и рукоплесканіями за ихъ прекрасное произношеніе, за ихъ текучую рѣчь, за ихъ благородное дѣйствованіе на каедрѣ и т. п. Въ этомъ случаѣ не взвѣшивались строго внутреннія или внѣшнія достоинства проповѣди, сопровождаемой рукоплесканіями. Одному изъ слушателей что-либо понравилось, и вслѣдствіе минутнаго возбужденія онъ давалъ волю своему чувству и выражалъ его громко среди собранія. Его возбужденіе, заявленное громко, сообщалось другимъ, и овладѣвало душами, настроенными на тонъ, сочувственный проповѣднику. И вотъ все собраніе вдругъ увлекается однимъ движеніемъ и согласнымъ хоромъ воздаетъ хвалу и честь проповѣднику, умѣвшему найти сочувственный откликъ въ нѣсколькихъ сердцахъ его слушателей.

Какъ относились проповѣдники древнихъ вѣковъ къ шумнымъ выраженіямъ публичнаго одобренія ихъ слову?

Находилось между служителями церковнаго слова очень не мало такихъ, которые, подобно свѣтскимъ ораторамъ, желали и искали рукоплесканій. Страсть честолюбія, побуждавшая Павла самосатскаго разными мѣрами вызывать у слушателей шумное одобреніе своему слову, заявляя свое дѣйствіе, хотя; можетъ быть, и не въ такой степени, и въ другихъ, позднѣе его выступавшихъ на церковную кафедру. Служители церковнаго слова не занимали дешевыхъ крикуновъ, которые за два денарія, за ужинъ или за какое-либо блюдо, посланное на домъ голодному бѣднягъ, готовы были въ свѣтскихъ публичныхъ аудиторіяхъ до утомленія рукоплескать своему патрону, являвшемуся гдѣ-либо съ публичнымъ словомъ, и до хрипоты, гдѣ нужно и не нужно, кричать ему: *σοφῶς, σοφῶς, θεῖῶς* и т. под. Но многіе изъ нихъ, выступая на кафедру, болѣе надлежащаго заботились о томъ, чтобы понравиться своимъ слушателямъ, произвести на нихъ благопріятное впечатлѣніе, усладить ихъ изнѣженный слухъ и вызвать со стороны ихъ шумное заявленіе удовольствія: многіе служеніе суетности или удовлетвореніе возбужденному тщеславію считали выше служенія назиданію народа. Такіе очень довольны были, что изъ свѣтскихъ аудиторій и театровъ перешелъ въ церковь обычай рукоплесканій и желали его утвержденія въ практикѣ проповѣднической. Такіе замѣтно чувствовали большое удовольствіе, когда слова ихъ сопровождались громкими рукоплесканіями; такіе награждали знаками вниманія и благоволенія своего тѣхъ, которые льстили или удовлетворяли ихъ суетности, и напротивъ были скучны и недовольны, когда слова ихъ выслушивались въ молчаніи, видя въ этомъ свидѣтельство своей безуспѣшности на поприщѣ церковно-ораторскомъ. Говоримъ такъ не сами отъ себя, а на основаніи словъ лучшаго изъ проповѣдниковъ IV вѣка. „Многіе (читаемъ мы въ одной бесѣдѣ¹⁾) св.

¹⁾ In Acta Apostol. hom. XXX. Patr. curs. compl. T. LX. col. 225--6.

Іоанна Златоуста на Дѣянїя Апостольскїя) слишкомъ заботятся о томъ, чтобы, ставши на средину, держать длинную рѣчь, и если они получаютъ рукоплесканїя отъ толпы, то для нихъ это все равно, какъ будто они получили царство; а если они кончаютъ слово при общемъ молчанїи, то для нихъ такое молчанїе гораздо хуже и тяжелѣе геенны. Такъ извратился порядокъ церковный, что вы не хотите слушать слова назиданїя и сокрушенїя, и ищите слова, могущаго забавлять васъ звукомъ и сочетанїемъ словъ, какъ будто вы слушаете пѣвцовъ или игроковъ на цитрѣ, и мы такъ равнодушно и жалко поступаемъ, что служимъ тѣмъ вашимъ склонностямъ, которыя слѣдуетъ искоренять. Съ нами случается то же самое, какъ если бы какой отецъ своему изнѣженному сыну, хотя и больному, далъ какое-нибудь лакомство или что-либо могущее доставить одно удовольствїе, а не позаботился дать то, что полезно; и когда потомъ упрекали его за это, онъ въ извиненїе свое сказалъ: что же дѣлать? Я не могу видѣть слезъ дитяти. Жалкій, несчастный и предатель! Но я не о такомъ отцѣ говорю... И мы то же самое дѣлаемъ, когда слишкомъ заботимся объ изяществѣ рѣчи, о прїятной гармонїи и плавномъ сочетанїи словъ, для того, чтобы понравиться вамъ, а не для того, чтобы привести вамъ пользу, для того, чтобы заслужить у васъ удивленїе, а не для того, чтобы научить васъ, для того, чтобы доставить вамъ удовольствїе, а не для того, чтобы привести васъ въ сокрушенїе, для того, чтобы съ рукоплесканїями и похвалами сойти съ каедры, а не для того, чтобы исправить ваши нравы^а. И св. Григорїй Богословъ свидѣтельствуетъ, что между вызывающимися нынѣ священствовать есть много краснослововъ, которые умѣютъ похищать благосклонность ласкательствомъ. „Эти люди по его словамъ ¹⁾), и наше благочестїе, которое просто и чуждо

¹⁾ Св. Григ. Бог. сл. 36 о себѣ самомъ и къ говорившимъ, что онъ желаетъ константинопольскаго престола. Твор. св. отцовъ въ русск. пер. Т. III, стр. 201—2.

искусственности, обратили въ искусственное и въ какой-то новый родъ упражненія, перенесенный съ торжищъ во святилище и съ зрѣлищъ въ недоступное взорамъ многихъ тайноводство; такъ что у насъ (если должно выразиться смѣлѣе) два позорища, и между ними то единственно различіе, что одно открыто для всѣхъ, а другое для нѣкоторыхъ; на одномъ возбуждается смѣхъ, на другомъ уваженіе; одно называется зрѣлищнымъ, а другое духовнымъ¹⁾. Къ такимъ краснословамъ, заботящимся о снясканіи народныхъ публичныхъ похвалъ, блаж. Феодоритъ причисляетъ Несторія. Онъ имѣлъ славу недюжиннаго проповѣдника; но его краснорѣчіе, по свидѣтельству Феодорита¹⁾, рассчитано было не столько на назиданіе слушателей, сколько на эффектъ и на одобреніе народа; онъ слишкомъ заботился о пріятности слова, любилъ рѣчь не столько плодотворную, воздѣлывающую души человѣческія, сколько забавляющую народную толпу, и болѣе чѣмъ кто другой, искалъ шумныхъ похвальныхъ восклицаній.

Многіе и изъ чтимыхъ церковію отцовъ не неблагоклонно относились къ тѣмъ заявленіямъ одобренія, какія получали за свое слово. Какъ скоро утвердился обычай рукоплескать проповѣднику въ церкви, они считались съ нимъ, какъ съ нѣмымъ закономъ, вошедшимъ въ силу независимо отъ ихъ воли, и болѣе или менѣе подчинялись его дѣйствию. Похвала, въ какой бы формѣ она ни выражалась, пріятна естественному чувству человѣка, и сочувственное принятіе ея отнюдь не служитъ признакомъ испорченности или искаженнаго направленія его духа. Если другихъ хвалятъ, если другимъ рукоплещутъ въ знакъ удовольствія отъ ихъ слова, то какимъ образомъ я стану исключать себя изъ подчиненія этому обычаю? Такъ могли разсуждать проповѣдники тѣхъ временъ, когда этотъ театральныи обычай проникъ за ограду церковную, и не безъ

¹⁾ Αρετικῆς κακομοδίως ἐπιστολῆ. IV, 12. Patr. с. с. T. LXXXIII. col. 433.

удовольствія принимали шумное выраженіе вниманія и одобренія своему слову. Къ такимъ проповѣдникамъ, благосклонно принимавшимъ рукоплесканія и другія выраженія одобренія своему слову отъ слушателей, принадлежалъ между прочимъ блаженный Августинъ. Долгое время, до принятія священнаго сана онъ былъ риторомъ въ разныхъ городахъ Африки и Италіи. Какъ одинъ изъ блестящихъ представителей современнаго риторства, привыкшій встрѣчать шумное одобреніе себѣ въ тѣхъ аудиторіяхъ, въ какихъ приходилось ему говорить, онъ и въ церкви, когда всходилъ на кафедру, являлся съ такими же чувствами, какія волновали его во время прежнихъ риторскихъ упражненій, и находилъ дѣломъ вполне естественнымъ, если и здѣсь его хвалили такъ же, какъ хвалили его слушатели въ школахъ Тагаста, Кареагена, Рима и Милана и въ судебныхъ залахъ тѣхъ городовъ. Въ своей *Христіанской Науки* онъ представляетъ обыкновеннымъ и законнымъ явленіемъ воздаяніе громкихъ похвалъ и рукоплесканій проповѣднику. „Не признакъ, не доказательство возвышеннаго сильнаго слога (говорить онъ)¹⁾, когда проповѣднику воздаютъ громкія похвалы и частыя рукоплесканія: ибо то же самое дѣйствіе производятъ и остроты слога простаго, и красота слога умѣреннаго или средняго. Напротивъ возвышенный слогъ тяжестью и силою своею задушаетъ хвалебные клики, но исторгаетъ слезы... О надлежащемъ дѣйствіи моихъ поученій узналъ я не тогда, когда слышалъ одобрительные клики народа, а тогда, какъ примѣтилъ на глазахъ его слезы. Клики народные показываютъ, что я нравлюсь имъ; а слезы ихъ свидѣтельствовали, что они точно убѣждены мною“. Въ проповѣдяхъ его не разъ встрѣчаются мѣста, изъ которыхъ видно, что Августинъ не безъ удовольствія принималъ шумныя выраженія одобренія со стороны слушателей. Такъ въ одной бесѣдѣ на слова Гос-

¹⁾ Христ. Наука. Кн. IV, гл. 53. Кіевъ. 1835. стр. 834—5.

пода въ Евангеліи Маттея (VII, 7—II): *просите, и дастся вамъ* Августинъ увѣщааетъ своихъ слушателей подавать милостыню. Въ концѣ этой бесѣды мы читаемъ: „и такъ подавайте бѣднымъ: я прошу, увѣщаваю, настоятельно со-вѣтую, приказываю (дѣлать это). Не скрою отъ любви вашей, почему съ такою рѣчью я сочелъ нужнымъ обратиться къ вамъ. Когда мы идемъ въ церковь и возвращаемся изъ нея, бѣдные приступаютъ къ намъ и просятъ насъ говорить вамъ, чтобы вы помогли имъ, сколько можно. Они заставили насъ говорить вамъ: и когда они видятъ, что ничего не получаютъ отъ васъ, они думаютъ, что мы тщетно трудимся для васъ“... Когда говорилъ Августинъ подобныя увѣщанія, слушатели отвѣчали на нихъ громкими рукоплесканіями, и Августинъ по поводу этихъ рукоплесканій такъ заканчиваетъ свою бесѣду: „Вы выслушали, похвалили: благодареніе Богу. Восприняли сѣмя, воздали клики. Самые ваши хвалы отягощаютъ насъ больше и приводятъ въ опасность: мы сносимъ ихъ и трепещемъ изъ-за нихъ. Однако, братіе мои, ваши похвалы только листья деревьевъ, а ожидается плодъ“¹⁾. Въ другомъ словѣ на день воспоминанія своего посвященія (in die anniversario suscripti episcopatus) Августинъ говоритъ: „что мнѣ дѣлать теперь (при воспоминаніи тяжести бремени, на меня возложеннаго), если не повѣрить вамъ опасеніе мое, что вы не будете радостію моею? А опасность тогда угрожаетъ мнѣ, когда я буду обращать вниманіе на то, какъ вы хвалите, а буду опускаться изъ виду, какъ вы живете. Но Тотъ, предъ очами котораго я говорю, даже предъ очами котораго думаю, знаетъ, что я не столько утѣшаюсь народными похвалами, сколько тревожусь и беспокоюсь о томъ, какъ живутъ тѣ, которые меня хвалятъ. Похвалъ отъ худо живущихъ я не хочу, отвращаюсь отъ нихъ, гнушаюсь ими: онѣ мнѣ причиняютъ печаль, а не удовольствіе. А если скажу, что

¹⁾ S. Aur. Augustini sermo de scripturis LXI. Augustini oper. omnium, edit. a Minio. T. V, col. 414.

не хочу, чтобы меня хвалили хорошо живущіе, то солгу; а если скажу: хочу, то боюсь показаться болѣе суетнымъ, чѣмъ солиднымъ. Итакъ что же скажу? И не вполнѣ хочу, и не вполнѣ не хочу. Не вполнѣ хочу, чтобы не подвергнуться опасности отъ человѣческой похвалы: и не вполнѣ не хочу, чтобы не оказались неблагодарными тѣ, которымъ проповѣдую¹⁾. Самъ строгій Златоустъ чувствовалъ себя не непріятно, когда во время его проповѣди или по окончаніи его проповѣди раздавались рукоплесканія. „Повѣрьте мнѣ (читаемъ мы въ одной его бесѣдѣ); я говорю искренно: когда рукоплещутъ мнѣ во время проповѣди, нѣкоторое время я чувствую нѣчто человѣческое (почему не сказать правды?),—и радуюсь и услаждаюсь; но когда пришедши домой подумаю, что рукоплескавшіе не получили никакой пользы, а если можно было получить что полезное, то потеряли отъ рукоплесканія и похвалъ, тогда я скорблю, въздыхаю и плачу, и нахожусь въ такомъ состояніи, представляя то, что я напрасно говорилъ то, что говорилъ, и говорю самому себѣ: какая польза отъ моихъ трудовъ, когда слушатели не хотятъ воспринять ничего полезнаго отъ словъ нашихъ“²⁾? Въ четвертой бесѣдѣ на книгу Бытія Златоустъ съ благодарностію упоминаетъ объ усердіи народа къ слушанію его бесѣдъ, и благодаря его за усердіе, съ удовольствіемъ упоминаетъ и о рукоплесканіяхъ, какими они свидѣтельствовали о своемъ вниманіи къ нему. „Вида ваше, возлюбленные, усердное ежедневное стеченіе сюда, я чувствую великое удовольствіе и не перестаю прославлять челоуѣколюбиваго Бога за ваше преснѣваніе. Ибо какъ алчба есть признакъ тѣлеснаго здоровья, такъ и усердіе къ слушанію слова Божія можно считать самымъ лучшимъ

¹⁾ S. Aur. Augustini Lenuo CCCXXXIX (in die ordinationis suae) Aug. oper. omnium ed. a Minio. T. V, col. 1480.

²⁾ S. Iouannis Chrysost. in Acta apostol. hom. XXX. Patr. c. compl. T. LX col. 226.

признакомъ душевнаго здоровья... Это-то умножаетъ нашу ревность, это-то возбуждаетъ нашъ умъ,—это увѣренность, что мы не тщетно и не напрасно предлагаемъ поученіе, что вы принимаете слова наши внимательнымъ слухомъ и бодримъ умомъ. Ибо я видѣлъ, какъ вы всѣ внимательно слушали и всячески старались, чтобы не опустить ни одного слова. Кромѣ того, и частыя рукоплесканія были весьма яснымъ доказательствомъ, что вы слушали поученіе съ удовольствіемъ. А кто слушаетъ что-нибудь съ удовольствіемъ, тотъ, очевидно, въдряетъ это въ умъ и, слагая во глубинѣ души, дѣлаетъ неизгладимымъ. Кто же можетъ достойно и восхвалить васъ, и ублажить насъ за то, что говоримъ въ слухъ слушающихъ¹⁾? „Радуюсь и восхищаюсь (читаемъ мы въ одной бесѣдѣ Златоуста), видя, что вы съ удовольствіемъ слушаете меня и своими рукоплесканіями показываете, что вы стараетесь расположить себя (къ примиренію съ врагами) и привести въ исполненіе заповѣдь Господню“²⁾.

Но хотя отцы-проповѣдники чувствовали нѣкоторое удовольствіе, когда ихъ слова вызывали рукоплесканія, и многіе изъ нихъ охотно принимали эти рукоплесканія,—въ глубинѣ церковнаго сознанія укоренилось убѣжденіе, что шумныя выраженія одобренія проповѣднику не у мѣста въ храмѣ Божіемъ, что они не отвѣчаютъ ни достоинству проповѣди, ни тѣмъ цѣлямъ, какія преслѣдуетъ она, и что они нарушаютъ то благоговѣніе, къ какому обязываетъ церковь присутствующихъ, и съ какимъ нужно слушать слово Божіе и его изъясненіе со стороны лица, облеченнаго священнымъ саномъ. Выразителемъ этого сознанія былъ святой Іоаннъ Златоустъ, болѣе всѣхъ другихъ проповѣдниковъ награждаемый рукоплесканіями и похвалами народа,

¹⁾ Св. Іоанна Злат. бесѣды на книгу Бытія, пер. съ греч. Ч. I, стр. 45—6.

²⁾ Св. Іоанна Злат. бес. на книгу Бытія пер. съ греч. Ч. II. Бес. 27. стр. 106.

восхищавшагося его проповѣдями. Пресыщенный похвалами, онъ находилъ и многократно высказывалъ, что не для рукоплесканій говорится проповѣдь, и что если за ними одними гоняется проповѣдникъ и слушатели концомъ слова считаютъ громкое одобреніе проповѣднику, то искажено и унижено дѣло проповѣди, и цѣль ея совершенно не достигнута. Все стремленіе проповѣдника должно быть направлено къ тому, чтобы въ благопріятномъ смыслѣ подѣйствовать на слушателей, исправить и очистить ихъ убѣжденія и произвести улучшение въ ихъ жизни и нравахъ. И дѣло слушателей не хвалить проповѣдника, но воспринимать сердцемъ и осуществлять въ жизни то, что онъ говоритъ. Проповѣдникъ не тогда долженъ быть доволенъ, когда его хвалятъ и ему рукоплещутъ, а когда стараются проводить въ жизнь и прилагать къ дѣлу тѣ уроки, какіе онъ предлагаетъ. Иначе вѣтъ у него полного успѣха, какъ бы усердно и какъ бы шумно ни хвалили его. Высказывая такія мысли, Златоустъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалъ, что церковь не театръ, и что обычаи, умѣстные на театрѣ, не должны бы быть допускаемы въ домъ Божіемъ, гдѣ должно заботиться о назиданіи, а не о суетной славѣ, и гдѣ прилично и законно благоговѣйное молчаніе, а не шумное выраженіе своего удовольствія и восторга. Вотъ подлинныя его выраженія, сюда относящіяся: онъ касался этого предмета въ очень многихъ своихъ бесѣдахъ. „Вы похвалили сказанное (говорить онъ въ одномъ словѣ)¹⁾, но мнѣ не нужны ни рукоплесканія, ни шумныя хвалебныя возгласы. Одного только я хочу, чтобы, съ спокойствіемъ и разумѣніемъ слушая то, что говорится, вы выполняли то на дѣлѣ. Это для меня лучше рукоплесканій, это для меня лучше похвалы. А если ты хвалишь сказанное, и не исполняешь того, что хвалишь, это служить къ большому наказанію, къ большей винѣ твоей, а насъ подвер-

¹⁾ Св. Іоанна Злат. бес. на Евангеліе Матвея XVII.

Труды Киев. дух. Акад. Т. II, 1886 г.

гаеть безчестію и посмѣвянію. Ибо вы присутствуете не на театрѣ, и не на зрѣлищѣ трагическихъ актеровъ сидите теперь, чтобы только рукоплескать. Здѣсь духовная школа: по этому объ одномъ нужно стараться здѣсь, чтобы вы сохранили сказанное и дѣлами показала повиновение¹. „Мы собираемся сюда (говорить онъ другой разъ)²), не просто для того только, чтобы одинъ поговорилъ, а другой только по рукоплескалъ словамъ его, и съ тѣмъ всѣ ушли отсюда; но чтобы и мы сказали что-нибудь полезное и потребное къ вашему спасенію, и вы получили плодъ и великую пользу отъ словъ нашихъ, и съ тѣмъ вышли отсюда“.— „Ужели мы хотимъ говорить безразсудно и по-напрасну, чтобы получить отъ васъ только плоды похвалъ, и чтобы рукоплещущіе ни съ чѣмъ удалились отсюда? Не это мы имѣемъ въ виду, нѣтъ. Но ваша польза—моя лучшая похвала, и самое лучшее одобреніе для меня, если кто изъ васъ обратится отъ пороковъ къ добродѣтели³“. „Вы молчите, слыша сіе (о мученикахъ грѣшной души, когда она должна быть исторгнута изъ тѣла)? Благодарю васъ за это молчаніе болѣе, нежели за рукоплесканія (говорить Златоустъ въ бесѣдѣ на Лазаря)³): потому что рукоплесканія и похвалы дѣлають меня славнѣе, а это молчаніе содѣлываетъ васъ цѣломудреннѣе“. „Не театръ церковь, чтобы мы ходили слушать сюда для увеселенія; отсюда нужно уходить, получивъ какую-либо пользу, вынося какой-либо значительный и великій плодъ. Какая для меня польза отъ этихъ рукоплесканій, отъ этихъ похвалъ и шумныхъ восторговъ? Похвала моя въ томъ, чтобы вы дѣломъ исполняли все то, что говорится: тогда я буду счастливъ и блаженъ, — не тогда, когда съ похвалами воспринимаете, а тогда, когда со всѣмъ усер-

¹) Бес. св. І. Злат. на книгу Быт. I, утѣшительная при наступленіи св. четырёхдесятницы. Св. І. Злат. бес. на Быт., пер. съ греч. Ч. I. стр. 5.

²) Св. Іоанна Злат. бес. на книгу Быт. LIV.

³) Бес. о Лазарѣ II. Бес. І. Злат., гов. въ Антиохіи, пер. съ греч. Т. I, стр. 62.

діемъ дѣлаете то, что слышали¹⁾). „Ты сказалъ вѣрно и получилъ рукоплесканія? Что пользы изъ этого? Если рукоплескавшіе получили помощь и измѣнились, и сдѣлались лучшими и воздержались отъ прежнихъ золъ, тогда истинно нужно радоваться, нужно радоваться не тому, что приобрѣтены дружныя похвалы, но тому, что произошла добрая и удивительная переменна; а если хвалящіе и шумно восторгающіеся упорствуютъ и рукоплещущіе не выносятъ никакого плода отъ рукоплесканій; тогда нужно болѣе скорбѣть и не радоваться; потому что это служить къ суду и осужденію“²⁾). „Вы одобрили то, что я сказалъ, съ великимъ шумомъ и рукоплесканіями приняли увѣщаніе; но я хотѣлъ бы, чтобы вы приложили стараніе дѣломъ показать ваше одобреніе... Я желаю и требую такого рода одобренія и хвалы; я желаю такого рукоплесканія, которое состоитъ въ дѣлахъ, а не словахъ“³⁾).

Сознавая несоотвѣтствіе театральнаго обычая рукоплесканій тому духу, какой долженъ господствовать въ домѣ Божіемъ, и тому благоговѣнію, съ какимъ должна выслушаться проповѣдь, состоящая въ изъясненіи слова Божія, Златоустъ высказывалъ мысль, что нужно бы ввести законъ, запрещающій рукоплесканія въ церкви проповѣднику. Но что же было слѣдствіемъ этого? Какъ принята была слушателями Златоуста эта мысль о законѣ, запрещающемъ рукоплесканія? Народъ встрѣтилъ рукоплесканіями заявленіе противъ рукоплесканій, и предложеніе о законѣ, ихъ запрещающемъ, осталось одною благою мыслию и не перешло въ дѣло. „Часто я думалъ (говорить Златоустъ въ одной бесѣдѣ на Дѣянія Апостольскія, уже

¹⁾ Св. I. Злат. бес. II къ антиох. народу.

²⁾ Св. I. Злат. на посл. къ Титу бес. XI. бр. бес. о неслышимомъ существѣ Божіемъ III и V.

³⁾ Бес. I. Злат. о неслышимомъ существѣ Божіемъ III. Тоже и въ V сл. о неп. сущ. В.

цитованной нами)¹⁾, постановить законъ, запрещающій рукоплесканія, и убѣдить васъ, чтобы вы въ молчаніи и съ приличною скромностію слушали (то, что говорится). Но поддержите меня, прошу васъ, и повѣрьте мнѣ, и если угодно, постановимъ такой законъ, чтобы никому изъ слушателей не позволено было рукоплескать, когда говорить проповѣдникъ; но если кто хочетъ удивляться, пусть удивляется въ молчаніи: этому никто не препятствуетъ; а все стараніе и усердіе должно быть направлено къ тому, чтобы надлежащимъ образомъ принять то, что говорится. Зачѣмъ же вы рукоплещете теперь? Я предлагаю вамъ законъ противъ этого; а вы не хотите даже и слушать объ этомъ. Это было бы причиною многихъ благъ и училищемъ любомудрія. И языческіе философы говорили; никто никогда имъ не рукоплескалъ; и апостолы проповѣдывали, и нигдѣ мы не читаемъ, чтобы во время ихъ рѣчей прерывали ихъ слушатели рукоплесканіями. Великая отъ этого будетъ для насъ польза. Постановимъ же это: въ тишинѣ всѣ будемъ слушать, среди молчанія мы будемъ говорить все. Хотя послѣ рукоплесканій удержимъ и будемъ выполнять то, что слышали; иначе похвала будетъ совершенно бесполезна (я не разборчивъ на слова; пусть никто не обвинить меня въ грубости): поелику для меня отсюда нѣтъ никакой прибыли, но даже вредъ, то уничтожимъ препятствіе, изгонимъ и удалимъ пляску и скачки души. Христосъ проповѣдывалъ на горѣ, и никто ничего не сказалъ, пока Онъ не кончилъ слова. Я не удерживаю желающихъ рукоплескать, но даже стараюсь произвестъ на слушателей доброе впечатлѣніе. Но гораздо лучше, если слушавшій въ молчаніи, воспоминаемая слышанное, во всякое время одобряетъ слово и дома и на площади, чѣмъ если потерявши все, возвращается домой пустой, не удерживая въ себѣ того, чему рукоплескалъ.

¹⁾ S. Ioannis Chrysost. in Acta apostolorum hom. XXX. Patr. curs. compl. T. LX, col. 226.

Не будетъ ли смѣшнымъ такой слушатель? Какъ не счесть его ласкателемъ или насмѣшникомъ за то, что онъ объявляетъ, что хорошо говорилъ учитель, а не можетъ сказать, что онъ говорилъ? Это свойственно лести. Когда кто слушаетъ игроковъ на цитрѣ или трагическихъ актеровъ, тотъ естественно воспринимаетъ то, чего не можетъ выразить словомъ; а гдѣ нѣтъ ни пѣнія, ни декламация, но одна сила мысли и любомудрія, которую легко каждому высказать и разъяснить, — тамъ какимъ образомъ не достоинъ обвиненія тотъ, который не можетъ сказать, почему онъ рукоплескалъ проповѣднику? Ничто такъ не прилично церкви, какъ молчаніе и добрый порядокъ. Шумныя похвалы у мѣста въ театрахъ, въ баняхъ, въ торжественныхъ процессіяхъ и площадяхъ; а гдѣ ученіе о такихъ догматахъ, тамъ должны быть спокойствіе, тишина, любомудріе и невозмутимое стояніе. Прошу и умоляю васъ, чтобы всѣ вы знали и помнили это. Я и самъ стараюсь изыскивать всяческіе способы, какими могу помочь душамъ вашимъ. И настоящій (мною предлагаемый) способъ мнѣ кажется немало важнымъ; ибо онъ не вамъ только, но и вамъ принесетъ пользу. Онъ не дозволяетъ намъ ни гоняться за высокопарною рѣчью, ни искать похвалъ и славы, ни говорить то, что нравится, а не то, что приноситъ пользу, ни заботиться о гармоніи и изяществѣ, а не о силѣ мыслей. Если ты взойдешь въ мастерскую живописца, ты и тамъ будешь соблюдать совершенное приличное молчаніе. Также веди себя и здѣсь: ибо и здѣсь мы пишемъ царскія картины, а не какую-нибудь простую, красками добродѣтели. Что это? Опять рукоплещете? Легкое дѣло кажется, и введено не природою, но обычаемъ, и вы никакъ не можете исправиться (оставить его). Языкъ нашъ только трость, а художникъ Духъ Святой. Скажи мнѣ: въ таинствахъ бываетъ ли какой-либо шумъ? бываетъ ли какое-либо безпокойство? Когда мы совершаемъ крещеніе, когда все другое дѣлаемъ, не соблюдается ли всяческая тишина и молчаніе? Такой порядокъ устроенъ на

небѣ. Это у еллиновъ (язычниковъ) мы заимствовали, что все дѣлаемъ на показъ и изъ честолюбія. Но если этого не допускать, то и прекратится это исканіе преимуществъ. Достаточно, если кто любитъ похвалы, получать ихъ послѣ проповѣди, когда собираетъ плоды отъ нея. Итакъ прошу васъ, утвердимъ этотъ законъ, чтобы мы, дѣлая все для угожденія Богу, удостоились его человѣколюбія, благодатію и милосердіемъ Единороднаго Его (Сына), Господа нашего Иисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ“.

Какъ видитъ читатель, были заявленія и увѣщанія противъ обычая рукоплесканій, изъ театровъ и другихъ свѣтскихъ общественныхъ мѣстъ вторгшагося въ церковь. Но эти протесты и увѣщанія не оказывали надлежащаго дѣйствія и не способствовали искорененію чуждаго обычая. Обычай такъ утвердился, что даже самое слово противъ него встрѣчено и прерываемо было неоднократно рукоплесканіями. Притомъ эти увѣщанія и протесты противъ рукоплесканій въ церкви при проповѣдяхъ не были всеобщі и рѣшительны. Изъ отцовъ IV вѣка мы встрѣчаемъ ихъ у св. Златоуста; а у другихъ нѣтъ примаго осужденія ихъ. Да и самъ Златоустъ иногда съ одобреніемъ относился къ слушателямъ, когда они своими шумными криками и рукоплесканіями заявляли ему свое сочувствіе. Правда, въ III вѣкѣ было соборное осужденіе исканія рукоплесканій въ лицѣ Павла самосатскаго. Но въ IV вѣкѣ, если поднимались голоса противъ нихъ, то они имѣли частный характеръ и не переходили въ область закона, не стремились къ тому, чтобы стать правиломъ жизни, упорядочивающимъ допущенное прежде. Обычай существовалъ, и его допускало и поддерживало молчаливое согласіе руководителей церковной жизни. Какія же причины и соображенія побуждали отцовъ церкви терпѣть чуждый обычай, несоответственный благоговѣйной тишинѣ, какая должна соблюдаться въ храмѣ, а иныхъ и благоприятно относиться въ

нему? Кромѣ удовлетворенія естественнаго чувства чести, здѣсь есть благовидныя стороны, которыя могли располагать людей, выступающихъ на поприще публичнаго оратора въ церкви, въ пользу обычая громко заявлять свое одобреніе слову оратора. Рукоплесканія и другіе знаки заявленія удовольствія проповѣднику со стороны слушателей были выраженіемъ ихъ вниманія къ слову, для нихъ назначенному и произносимому, были очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что присутствующіе съ полнымъ усердіемъ слушаютъ то, что произносится предъ ними, съ сочувствіемъ и удовольствіемъ принимаютъ то и прилагаютъ къ сердцу. Служа добрымъ свидѣтельствомъ усерднаго вниманія къ проповѣди со стороны слушателей, рукоплесканія вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали вниманіе въ менѣе внимательныхъ изъ слушателей или въ тѣхъ, въ комъ оно ослабѣвало. При теченіи длинной бесѣды не возможно вниманію всѣхъ присутствующихъ при ней быть въ одинаковомъ напряженіи: если у одного оно не теряетъ свой бодрости и свѣжести при долгомъ разглагольствіи, то у другаго, по естественной слабости человѣческой, понижалось и притуплялось, и воображеніе, желая избавиться отъ утомительнаго словенія души въ одну сторону, нерѣдко разсѣвдалось и представляло себѣ образы и картины, чуждые предмету слова и отвлекавшіе мысль отъ него. Рукоплесканія, при этомъ раздававшіяся, будили засыпавшее вниманіе, и разсѣвающуюся мысль снова возвращали къ тому, къ чему она должна быть прикована во время проповѣди. Ими давалось чувствовать всѣмъ, присутствующимъ въ церкви при проповѣди, что произносимое особенно интересно и стѣбитъ особеннаго вниманія, и потому отъ нихъ и при нихъ, какъ струны, напрягалась мысль слушающихъ, и сосредоточенная всецѣло обращалась къ тому, что говорилось. Отъ нихъ и при нихъ вниманіе къ слову дѣлалось общимъ, и всѣ присутствующіе дружиѣ слушали произносимое. Св. Григорій Богословъ не захотѣлъ на-единѣ объяснить блаженному

Иерониму, что значить суббота второ-первая, а предложилъ ему пойти въ церковь и тамъ послушать, какъ онъ будетъ толковать это мѣсто Евангелія: „тамъ при всеобщихъ кликахъ народа онъ по неволѣ принужденъ будетъ знать то, чего не знаетъ. А если одинъ будешь молчать, одинъ всѣми будешь обвиненъ въ глупости“¹⁾. Эти соображенія имѣли въ виду отцы, когда соизволяли на допущеніе въ церкви при проповѣди рукоплесканій. Для нихъ, какъ и для всякаго, призваннаго или обязаннаго говорить рѣчь предъ народомъ, внимательный слушатель болѣе пріятенъ и желателенъ, чѣмъ невнимательный, и рукоплесканія, какъ выраженіе вниманія и средство къ его возбужденію и поддержанію, по тому самому не могли заслуживать ихъ безусловнаго осужденія, хотя они и видѣли, что эта форма выраженія вниманія къ проповѣди, взятая отъ нуды, не гармонировала съ тѣмъ духомъ, какой долженъ господствовать въ храмѣ Божіемъ. Видя наглядное выраженіе вниманія къ своему слову, отцы проповѣдники съ большимъ усердіемъ и удовольствіемъ вели и исполняли свое дѣло; потому что въ явномъ сочувствіи слушателей видѣли доказательство того, что не безъ пользы ихъ служеніе, что ихъ слово падаетъ на землю, охотно принимающую его. Что это такъ, видно изъ многихъ выраженій, встрѣчающихся у отцовъ. Блаж. Августинъ, въ книгѣ объ оглашеніи простыхъ людей²⁾, выражаетъ желаніе, чтобы слушатель во время рѣчи чѣмъ-нибудь заявлялъ свое сочувствіе слову или свое пониманіе его; иначе, по его сужденію, проповѣдникъ будетъ чувствовать себя несовсѣмъ пріятно, когда не будетъ видѣть, понимаютъ ли его и сочувствуютъ ли ему. „Неподвижный слушатель (говорить Августинъ) причиняетъ досаду говорящему тѣмъ, что совершенно не трогается и не возбуждается рѣчью, или тѣмъ,

¹⁾ Бл. Иеронима письмо къ Неподіану объ образѣ жизни клириковъ 49. Твор. бл. Иеронима въ р. переводѣ Т. II, стр. 65.

²⁾ De catechizandis rudibus liber unus, с. X. Augustini operum. T. VI, col. 321.

что вы какимъ тѣлеснымъ движеніемъ не показывааете, что онъ понимаетъ или что ему нравится то, что говорится. И не отъ того эта досада, чтобы мы желали человѣческой похвалы, но отъ того, что служеніе, какое мы совершаемъ, есть служеніе Божіе. Чѣмъ больше мы любимъ тѣхъ, кому говоримъ, тѣмъ больше мы желаемъ, чтобы имъ нравилось то, что предлагается для ихъ спасенія. А если это не достигается, мы огорчаемся, и при самомъ совершеніи дѣла ослабѣваемъ и теряемъ энергію отъ мысли, что мы напрасно тратимъ трудъ". Въ бесѣдѣ на Евангеліе отъ Маттея, уже цитованной нами, тотъ же Августинъ воздастъ благодареніе Богу за то, что слушатели выразили предъ нимъ громкое одобреніе его словамъ,—благодарить потому, что видить въ этомъ доказательство того, что они восприняли сѣмя и приняли къ сердцу то, что слышали. Св. Іоаннъ Златоустъ, подобно Августину, не разъ благодарилъ своихъ слушателей, когда они громкими рукоплесканіями встрѣчали его слова; потому что въ его глазахъ это было свидѣтельствомъ добраго впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ его поученіемъ, свидѣтельствомъ того, что не напрасно, не на вѣтеръ онъ говоритъ свое слово. „Это-то (говоритъ онъ) и умножаетъ нашу ревность, это-то и возбуждаетъ нашъ умъ,—эта увѣренность, что мы не тщетно и не напрасно предлагаемъ поученіе, что вы принимаете слова наши внимательнымъ слухомъ и бодрымъ умомъ. Говорю это, не ласкательствуя любви вашей, но заключая о вашемъ усердіи изъ вчерашней нашей бесѣды. Ибо я видѣлъ, какъ всѣ вы внимательно слушали и всячески старались, чтобы не опустить ни одного слова. Кромѣ того, и частыя рукоплесканія были весьма яснымъ доказательствомъ, что вы слушали поученіе съ удовольствіемъ. А кто слушаетъ что-нибудь съ удовольствіемъ, тотъ, очевидно, видѣряетъ это въ умъ и, слагая во глубинѣ души, дѣлаетъ неизгладимымъ"¹⁾). Подобное теплое и доброе отношеніе къ руко-

¹⁾ На книгу Вит. бес. IV. св. Іоанна Зл. бес. на кн. Витія, перев. съ греч. Ч. I, стр. 46—7.

плесканіямъ заявилъ Златоустъ въ 3-й бесѣдѣ на Евангеліе Іоанна¹⁾: потому что (признаетъ Златоустъ) рукоплесканія и возгласы одобренія свидѣтельствуютъ о вашей душевной теплотѣ и усердіи къ слушанію⁴.

Другое благовидное основаніе къ допущенію рукоплесканій въ церкви было въ томъ, что въ нихъ видѣли выраженіе благодарнаго чувства со стороны слушателей по отношенію къ проповѣднику, съ усердіемъ трудящемуся для нихъ и предлагающему для ихъ пользы и назиданія доброе слово. Находили нѣкоторые, соображая аналогическія явленія въ другихъ кругахъ, что христіанамъ не приходится отставать отъ слушателей свѣтскихъ ораторовъ въ заявленіи предъ ними своей благодарности, особенно когда ихъ учителя предлагали имъ обильную и утонченную духовную трапезу. Такъ понимали многіе отцы публичное заявленіе одобренія и сочувствія со стороны слушателей своему церковному учителю, и съ этой точки зрѣнія, во вниманіи къ благородству побужденій, руководившихъ рукоплескавшими, терпѣли его въ церкви. Св. Григорій Богословъ рукоплесканіе, слышимое часто въ церкви въ его время, называютъ прямо рукоплесканіемъ благодарственнымъ, и онъ не противъ этого обычая, а только приглашаетъ своихъ слушателей замѣнить безчинное зрѣлищное рукоплесканіе стройнымъ движеніемъ рукъ²⁾. И блаж. Августинъ въ одной проповѣди открыто заявляетъ, что онъ не можетъ сказать, что не желаетъ похвалъ и рукоплескавій, и именно потому, чтобы не оказались неблагодарными тѣ, которымъ онъ проповѣдуетъ³⁾. Значитъ, по его воззрѣнію, отсутствіе похвалъ въ церкви свидѣтельствовало бы объ отсутствіи добраго благодарнаго чувства въ слушателяхъ, и чрезъ то самое на нихъ набрасывалась бы неблаговидная тѣнь.

В. Пшонцкій.

¹⁾ Св. Іоан. Злат. бес. на Евангеліе Іоанна Богослова, бес. III. Русск. пер. Ч. I, стр. 35.

²⁾ Твор. св. отцевъ въ русск. пер. Т. I, стр. 210. Св. Григорія Богослова слово V, второе обличительное на цара Юліана.

³⁾ S. Aug. Augustini sermo CCCXXXIX (in die ordin. suae) Aug. op. omni., ed. a Minio T. V. col. 1480.

Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности.

Греко-болгарская распря, ярко обозначившаяся послѣ восточной войны 1853—1855 г.г., первоначально выразилась въ стремленіи болгаръ освободиться отъ іерархической подчиненности грекамъ и въ усиліяхъ послѣднихъ удержать за собою іерархическую власть надъ болгарами. Слѣдовательно, на первыхъ порахъ греко-болгарская распря имѣла, по-видимому, чисто церковный характеръ. Этотъ же характеръ она удерживала и въ послѣдующее время и остановилась на объявленіи цареградскою патріархіею болгаръ схизматиками и отлученіи ихъ отъ церкви въ 1872 году. Но, со времени политическаго освобожденія болгарскаго народа и образованія болгарскаго княжества и восточной Румелии, церковный характеръ греко-болгарской распри начинаетъ мало по малу ступшеываться и изъ-за него выдвигается политическая сторона этой распри. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, греко-болгарская распря имѣла чисто церковный, каноническій характеръ, то она сама собою прекратилась бы съ образованіемъ самостоятельнаго болгарскаго княжества, которое, по каноническимъ постановленіямъ, имѣетъ право и на іерархическую самостоятельность. А между тѣмъ, и послѣ провозглашенія политической самостоятельности Болгаріи, греко-болгарская распря продолжаетъ существовать, находя пищу себѣ въ политическихъ тенденціяхъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Константинопольская патрі-

архія изъявляла готовность согласиться на признаніе особыхъ экзарховъ и въ княжествѣ Болгаріи, и въ Румелии, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы болгары уступили патриархіи греческую варвскую митрополию. Съ своей стороны, болгары не только не хотѣли уступить грекамъ этой митрополии, но и требовали, чтобы патриархъ уступилъ имъ также епархіи въ Македоніи и Фракіи, хотя эти области не вошли въ составъ Болгаріи и Румелии и хотя болгары составляютъ здѣсь меньшинство ¹⁾). Слѣдовательно, вся греко-болгарская распри сводится теперь къ установленію этнографическихъ границъ между болгарами и греками. Но еще яснѣе выступаетъ политическая тенденція греко-болгарской распри въ послѣднихъ смутахъ, происходящихъ на балканскомъ полуостровѣ изъ-за объединенія Болгаріи и Румелии. Объединеніе это, представляющее одинъ изъ послѣдовательныхъ шаговъ болгарскаго народа къ полному возстановленію національной самобытности своей, не только разбудило прежнее соперничество между греками и болгарами изъ-за этнографическихъ границъ и преобладанія, но и вызвало на сцену новаго претендента на участіе въ наслѣдствѣ „больнаго чловѣка“, т. е. Сербію. И всѣ эти претенденты и соперники не прикрываются болѣе идеею церковности и религіи, къ которой сами они относятся теперь довольно индифферентно, а уже прямо выступаютъ съ политическими притязаніями на расширеніе своихъ границъ и политическое преобладаніе, какими преемственно пользовался въ прежнее время на балканскомъ полуостровѣ каждый изъ этихъ претендентовъ и соперниковъ.

Такимъ образомъ, въ послѣдовательномъ развитіи греко-болгарской распри преемственно выступали на первый планъ существенные элементы ея, сначала элементъ церковно-каноническій, а потомъ элементъ политико-этнографическій. Но каждый изъ этихъ элементовъ не господство-

¹⁾ „Кіевскія Епарх. Вѣдомосте“ 1880 г., № 47, стр. 9.

валъ исключительно въ томъ или другомъ періодѣ развитія греко-болгарской распри и не исключалъ собою другаго элемента, а только подчинялъ его себѣ или заслонялъ его собою на время. Если въ настоящее время ясно опредѣлились политическія стремленія и конечныя цѣли соперничающихъ сторонъ, т. е. грековъ и болгаръ; то мы имѣемъ основаніе заключать, что тѣ же стремленія и цѣли таились въ греко-болгарской распрѣ и на первыхъ порахъ ея возникновенія и развитія, хотя бы даже въ неясномъ, инстинктивномъ состояніи. Съ другой стороны, нынѣшнія смуты на Балканскомъ полуостровѣ и особенно политическое соперничество грековъ и болгаръ между собою имѣютъ исходнымъ пунктомъ своимъ прежнія церковно-іерархическія притязанія обѣихъ сторонъ на новыя области и еще болѣе усложняются и запутываются этими притязаніями...

Имѣя въ виду совмѣстное, хотя и неравносильное участіе въ греко-болгарской распрѣ обѣихъ указанныхъ элементовъ ея, т. е. церковно-іерархическаго и политическаго, — мы изложимъ съ этой точки зрѣнія исторію возникновенія и первоначальнаго развитія греко-болгарской распри. А такъ какъ, съ церковно-политической точки зрѣнія, средоточнымъ пунктомъ этой распри было стремленіе болгаръ къ церковной и политической самостоятельности; то исторія греко-болгарской распри будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркомъ исторіи возрожденія болгарской народности. Мы избрали только начальный періодъ греко-болгарской распри или возрожденія болгарской національности какъ потому, что во всякомъ дѣлѣ имѣютъ особенную важность первые шаги, опредѣляющіе дальнѣйшее его направленіе, такъ и потому преимущественно, что имѣемъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько новыхъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ этому періоду и могущихъ пролить на него новый свѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Эти данныя извлечены нами изъ бумагъ новгородскаго и с.-петербургскаго митрополита Григорія († 1860 г.) и бывшаго настоятеля посольской рус-

I.

По словамъ современнаго болгарскаго дѣятеля и ученаго **Θ. Стоянова-Бурмова**, угасавшее въ прошломъ столѣтїи народное чувство болгаръ стало мало по малу снова возгараться въ томъ же столѣтїи, благодаря искрамъ, брошеннымъ въ прошломъ же вѣкѣ трудами болгаръ іеромонаха **Паисїа** изъ Самокова и **Софронїа**, епископа врачанскаго ¹⁾. Но патриотическая литературная дѣятельность этихъ двухъ болгаръ, по нашему мнѣнію, является скорѣе послѣднимъ замирающимъ вхомъ засыпавшей жизни болгарскаго народа, послѣ уничтоженїа во второй половинѣ прошлаго вѣка болгарскаго патріаршества и болгарской іерархіи, чѣмъ предвозвѣстникомъ возрожденїа болгарской народности въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Съ одной стороны, идеалы этихъ писателей были въ прошломъ болгарскаго народа, а не въ будущемъ, съ другой же стороны—мы не видимъ, чтобы они хоть сколько нибудь пробудили народное самосознанїе въ ближайшихъ поколѣнїяхъ своихъ соплеменниковъ. Напротивъ, факты свидѣтельствуютъ о совершенномъ подавленїи народнаго самосознанїа болгаръ въ началѣ нынѣшняго

ской церкви въ Константинополѣ архимандрита **Петра** (Троицкаго), послѣдствїи епископа акерманскаго, викарія кишиневской епархіи (+ 1872 г.). Первые взяты были покойнымъ архіепископомъ кишиневскимъ **Антонїемъ** (Шокотовымъ) изъ архива м. **Григорїа**, а по смерти высокопреосвященнаго **Антонїа**—ключаремъ кишиневскаго собора протоіереемъ **Понятовскимъ** и переданы Церковно-Археологическому Обществу при Киевской дух. Академіи (см. „Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Киевской дух. Академіи“ за 1880 г. стр. 58—62 и 71—81). Бумаги же архимандрита **Петра**, бывшаго въ Константинополѣ съ 26 августа 1858 г. до 24 авг. 1860 года, частїю приобрѣтены для Церковно-Археологическаго Общества послѣ смерти покойнаго профессора Киевской дух. Академіи протоіерея **А. М. Воскресенскаго** (см. „Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества“ за 1884 г., стр. 18—19), частїю переданы пишущему сіи строки племянникомъ архимандрита **Петра**, непремѣннымъ членомъ кїевского губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствїа **Θ. А. Троицкимъ**. Послѣднїя тоже поступаютъ въ Церковно-Археологическое Общество.

¹⁾ „Греко-болгарская распря“ **Θ. Стоянова-Бурмова** въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за январь 1886 г., стр. 150—153.

столѣтія и нежеланіи ихъ воспользоваться даже тѣми правами, какія имъ предлагали. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка,—говоритъ г-жа Муромцова,—во время возстанія грековъ, турецкое правительство, въ видахъ разединенія православнаго населенія, предложило даровать болгарамъ самостоятельное отъ грековъ церковное управленіе. Но болгары отказались какъ потому, что симпатизировали грекамъ и считали ихъ дѣло своимъ дѣломъ, такъ и потому, что изъ-за идеи о вѣрѣ имъ не видно еще было идеи о народности. Причиной своего отказа болгары выставили отсутствіе въ ихъ средѣ достойныхъ и достаточно образованныхъ людей для посвященія въ высшія духовныя должности¹⁾. Во время восточной войны 1828—1829 г.г., всѣ участвовавшіе въ этой войнѣ „были свидѣтелями сношеній греческаго духовенства съ болгарами,—говоритъ одна записка 1858 года,—находили вездѣ въ церквахъ и домахъ болгаръ наши богослужебныя книги, слышали на родномъ себѣ языкѣ богослуженіе, а горькія жалобы, до нихъ доходившія, касались только общихъ и всегдашнихъ враговъ христіанства—магометанъ“²⁾.

Пробужденіе и возрожденіе болгарской народности начинается тотчасъ послѣ восточной войны 1828—1829 г.г., отчасти вслѣдствіе нѣкотораго расширенія правъ греческой іерархіи, коснувшагося и болгаръ, частью же вслѣдствіе пробудившагося въ Европѣ интереса къ изученію болгарской народности. „Греческое духовенство,—говоритъ Н. Геровъ,—вслѣдствіе войны 1828—1829 г.г., вмѣстѣ съ нѣкоторою свободою богослуженія, получило возможность пользоваться лучше предоставленными ему съ давнихъ поръ правами“³⁾. А эти права отчасти распространялись и на

¹⁾ „Первый болгарскій экзархъ блаженный Автимъ“ А. Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 313—314.

²⁾ Записка эта—въ бумагахъ и. Григорія, № 79.

³⁾ Записка Н. Герова къ директору Азіатскаго департамента Е. П. Козленскому, 7 марта, 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра; см. въ его же бу-

болгарь, составлявшихъ нераздѣльную съ греками паству греческой іерархіи. Поэтому вселенскій патріархъ Германъ позаботился и объ удовлетвореніи религиозныхъ потребностей болгарскаго народа и принялъ въ нихъ живое участіе. Въ 1843 году онъ вызвалъ изъ Болгаріи въ богословское Халкинское училище о. Нефита для преподаванія славянской литературы будущимъ архипастырямъ болгарскихъ епархій и напечаталъ октоихъ и ридовое евангеліе для славянскихъ церквей, съ московскаго изданія. Съ тѣхъ поръ преподаваніе славянскаго языка въ Халкахъ продолжается и донынѣ ¹⁾. Въ то же время стали раздаваться голоса славянскихъ писателей, призывавшіе къ жизни разрозненныя славянскія народности, и эти голоса съ каждымъ годомъ становились смѣлѣе, многочисленнѣе. „Труды нѣкоторыхъ чешскихъ и русскихъ писателей, а въ особенности Юрія Венелина, угро-русина, воспитанника Московскаго Университета, гдѣ онъ и сошелся съ болгарами, по исторіи болгарскаго народа, способствовали первые пробужденію чувства народности и сознанія своихъ народныхъ правъ сначала въ самомъ ограниченномъ кружкѣ болгаръ, но мало по-малу воздѣйствіе этого кружка стало ощущаться въ народныхъ массахъ. Благодаря усиліямъ этихъ историковъ, которые, развернувъ предъ болгарами картины блестящаго прошлаго, вдохнули въ нихъ вѣру въ самихъ себя и надежду на повтореніе временъ Симеона и Калояна, благодаря всему этому народъ стряхнулъ съ себя пятивѣковой сонъ, вспомнилъ, что и онъ способенъ къ самостоятельной жизни и что и онъ имѣетъ право на свое мѣсто подъ солнцемъ. Въ свою очередь болгарская эмиграція, съ тридцатыхъ годовъ утвердившаяся преимущественно въ

нагахъ описъ дѣлъ константинопольской миссіи, составленную имъ въ 1858 г., стр. 8, № 7.

¹⁾ „Изъ воспоминаній о Востокахъ“ свящ. Петра Соловьева, въ „Духовной Бесѣдѣ“, 1863 г., № 33, стр. 600.

Румыніи, частію путемъ печати, частью чрезъ посредство своихъ агентовъ, во-первыхъ,—вызвала нѣкоторое сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы къ болгарамъ, заставила заговорить о нихъ въ печати и тѣмъ самымъ развила въ нихъ извѣстную степень самоувѣренности и надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ и, во-вторыхъ, обобщила самую идею этой борьбы, поддерживая и распространяя эту идею указаніемъ на внѣшнюю помощь¹⁾.

Однимъ изъ первыхъ и могущественнѣйшихъ средствъ къ возрожденію болгарской народности было учрежденіе народныхъ болгарскихъ училищъ. Въ 1835 году, стараніями В. С. Априлова и Н. Е. Палаузова открыта была въ Габровѣ первая народная болгарская школа, и первымъ учителемъ въ ней былъ архимандритъ Неофитъ Рыльскій изъ братіи Рыльского въ Болгаріи монастыря²⁾. Съ этого времени народные училища въ Болгаріи стали размножаться довольно быстро. „Съ 1835 года досель,—писалъ болгаринъ З. П. Княжескій 27 ноября 1858 года архимандриту Петру,—открыто въ Болгаріи до 80 и болѣе народныхъ училищъ ланкастерской методы, въ томъ числѣ и нѣсколько узданныхъ“³⁾. Самъ Княжескій былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей и насадителей народнаго образованія въ Болгаріи. По словамъ свидѣтельства, выданнаго ему Ески-загрской народной общиной 29 ноября, 1859 года, Княжескій еще съ юношества посвятилъ себя народному образованію и былъ учителемъ въ Тырновѣ, но потомъ оставилъ эту должность

¹⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“ В. А. Телова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май, 1882 г., стр. 405—406. Изсѣдованіе это издано и особой книгой. См. „Греко-болгарская распри“ О. Стоянова-Бурмова, тамъ же, февраль, 1886 г., стр. 314.

²⁾ „Греко-болгарская распри“, О. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 176.

³⁾ Въ бумагахъ архимандрита Петра. Съ 1835 до 1841 г., кромѣ габровскаго, открыто было еще 11 училищъ. См. „Денницу новоболгарскаго образованія“ В. Априлова, Одесса, 1841 года.

Труды Кіев. дух. Акад. 1886 г. Т. II.

и, для усовершенствованія себя въ наукахъ, отправился въ Россію, откуда возвратился въ 1848 году въ Ески-Загру и здѣсь до 1854 года преподавалъ въ главной школѣ славянскую грамматику, географію, священную исторію, пространнѣйшій катихизисъ, русскій языкъ и другіе предметы. Кромѣ того, онъ посѣщалъ и другія смѣшанныя и женскія школы и присутствовалъ на экзаменахъ въ школахъ другихъ городовъ, отправилъ въ Россію для образованія и приготовленія къ учительскому званію двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, Александру и Анастасію Михайловыхъ, изъ коихъ первая въ послѣдствіи времени преподавала въ Акоржанскомъ женскомъ училищѣ, а вторая—въ училищѣ св. Димитрія ¹⁾. Въ послѣдствіи времени г. Княжескій проектировала устройство, насчетъ средствъ нашего Св. Синода, одной семинаріи для юношества духовнаго званія и одного пансіона или сиротскаго учебнаго заведенія для бѣдныхъ и сиротъ дѣвочекъ ²⁾. Въ Хаскійскомъ училищѣ съ 1848 года былъ учителемъ іеромонахъ Аеанасій Чолаковъ, окончившій въ этомъ году курсъ наукъ въ Одесской семинаріи; онъ убитъ былъ въ 1852 году по дорогѣ въ Ески-Загру ³⁾. Въ Филипполѣ, благодаря пожертвованіямъ и патриотизму болгарина Стояна Θεодорова Чалыкова, лица въ то время вліятельнаго между турками, 1 сентября 1850 года была открыта болгарская школа, имѣвшая своей задачей готовить юношей къ званію учителей и священниковъ. Главнымъ начальникомъ этой школы былъ Найдешъ Геровъ, впоследствии завывшій постъ русскаго вице-консула въ томъ же городѣ ⁴⁾.

Къ сожалѣнію, народное образованіе въ Болгаріи на первыхъ порахъ не вездѣ шло правильнымъ путемъ, частію

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября, 1858 г., тамъ же.

³⁾ „Греко-болгарская распря“ Ф. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 184.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 183.

по недостатку организаціи школьнаго дѣла и хорошо подготовленныхъ учителей, частію вслѣдствіе ложнаго образованія и направленія этихъ учителей. Извѣстный уже намъ З. Княжескій, сказавъ о размноженіи болгарскихъ народныхъ училищъ и между ними нѣсколькихъ уѣздныхъ, называвшихся полугимназіями и гимназіями, замѣчаетъ, что эти полугимназіи и гимназіи на самомъ дѣлѣ хуже уѣздныхъ училищъ. „Ихъ справедливо можно назвать приходскими, — говоритъ Княжескій; преподаваніе производится однимъ учителемъ и помощникомъ. А ученики, будучи бѣдными, не могутъ посѣщать классовъ и большею частію занимаются домашнею работою. Кромѣ того, бѣдность заставляетъ болгаръ жить вмѣстѣ въ одной комнатѣ и работать вечеромъ или утромъ рано всѣмъ при одной свѣчкѣ, и ученикъ, при разговорѣ, шумѣ и пѣсняхъ, не можетъ приготовить уроковъ и долженъ выучивать ихъ въ классѣ. Въ этомъ случаѣ когда найти время объяснять имъ новые уроки? Это — главное препятствіе. Кромѣ того, матери, будучи необразованы, не понимаютъ цѣны образованія и обязанностей учениковъ и употребляютъ ихъ почти до половины дня на домашнюю и свою работу. И въ такомъ безпорядкѣ (ученики) посѣщаютъ училище годъ или два, потомъ отдаютъ ихъ въ обученіе ремеслу, гдѣ въ теченіи года забываютъ все, выученное поверхностно и отрывочно. Изъ такихъ учениковъ имѣемъ нынѣ градоначальниковъ, надзирателей училищъ, старостъ церковныхъ, защитниковъ общественной пользы, священниковъ, благочинныхъ, іеромонаховъ и архипастырей, которые суть не что иное, какъ свирѣпые янычары или лютые звѣри. Подъ видомъ благочестія, они стараются только набивать свои карманы и за интересъ готовы высосать кровь у своего роднаго брата. Послѣ сего, кто будетъ имѣть понятіе и попеченіе о систематическомъ порядкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, украшеніи церковей и образованіи необходимаго капитала для училищныхъ расходовъ (на жалованье учителямъ, которые года

по три не получают его, а повтому и живут бѣдно, и Богъ вѣсть, какъ и что преподають)? Оттого и все суета суетъ, и за суетою гонятся. Въ церквахъ никогда не бываетъ поученія слова Божія, равно и виѣ оныхъ; правоучительныхъ и поучительныхъ книгъ не имѣемъ на прирдномъ языкѣ. Правда, патриотизмъ, человеколюбіе и любочестіе не существуютъ. Народъ былъ дикій, а въ этомъ случаѣ еще болѣе одичалъ и сдѣлался грубѣе: ничего про христіанство не слыхалъ и не знаетъ, а оттого потерялъ и уваженіе къ религіи, церкви, апостольскимъ и святоотеческимъ постановленіямъ, святымъ постамъ и праздникамъ. Отъ подобнаго народа чего можно ожидать? При незнаніи своего существеннаго, его нетрудно совратить съ праваго пути и повести куда угодно. Поэтому и западъ лѣзетъ сюда и успѣваетъ чрезъ своихъ миссіонеровъ, изъ коихъ каждый имѣетъ въ рукахъ неограниченную сумму... До 1846 года въ Есви-Загрѣ было только четыре семейства, которыя иногда тайно нарушали посты; но въ это время наняли одного учителя изъ австрійскихъ сербовъ г. Любомира, воспитаннаго въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ, по правамъ богохульника и еретика. Онъ въ короткое время соблазнилъ почти половину жителей города, которые не соблюдаютъ постовъ, не ходятъ на исповѣдь и сами не помнятъ, когда пріобщались, развѣ когда были еще мальчиками... Упомянутый учитель жилъ въ Котельнѣ, Сливнѣ и Колоферѣ и вездѣ совратилъ довольное количество людей. Послѣ разбитія венгерцевъ въ 1849 году, многіе изъ нихъ, а также изъ поляковъ и другихъ націй, поселились въ Болгаріи, и болгары, не зная различія между православіемъ и католицизмомъ и не проникая въ іезуитскіе ихъ замыслы, принимали ихъ на учительскія должности, гдѣ они и сѣяли свободно свои плевелы, которыя въ скоромъ времени выросли и подавили доброе сѣмя православія, сбереженное въ чистотѣ въ самыя тяжкія времена турецкой свирѣпости, съ безчисленными невинными жертвами. Вслѣдствіе отсут-

ствія поученій въ церквахъ, праздничное богослуженіе стало дѣлиться на 4 разряда: 1) когда прочтутъ евангеліе, одна часть народа уходитъ изъ церкви и не возвращается болѣе; 2) другая уходитъ послѣ херувимской пѣсни и перенесенія даровъ; 3) третья уходитъ по прочтеніи молитвы Господней; 4) окончанія обѣдни и возгласа „Благословеніе Господне на васъ“ не дожидается и десятая часть. На заутрени очень рѣдко кто ходитъ, развѣ съ десятокъ старыхъ бабъ. Священники, будучи неучеными, вислоко не пекутся о своихъ прихожанахъ. Епархіальные архіереи болѣе всего озабочены тѣмъ, какъ собирать свою милостыню отъ болгаръ и производить за деньги и безъ надобности для церкви малограмотныхъ людей въ священники, а о поученіи народа и подрѣвленіи угасающаго православія и благочестія имъ и на память не приходитъ¹⁾.

Были въ это время въ Болгаріи педагоги и съ болѣе солиднымъ образованіемъ, полученнымъ ими въ Россіи, или на западѣ; но, во-первыхъ, ихъ было весьма немного, а во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ не отличались благонадежнымъ направленіемъ и не пользовались довѣріемъ народа. „Есть ли подготовленные начальники и наставники?“—писалъ въ 1858 году преосвященный Кириллъ мелитопольскій. „Увы! четыре человѣка, поучившіеся кое-чему кто въ Россіи, кто въ Германіи, составляютъ слишкомъ скудный и недостаточный запасъ просвѣтителей духовенства“²⁾. По словамъ архимандрита Петра, „болгаринъ въ образованіи ищетъ свѣдѣній, нужныхъ для свѣтскаго человѣка, и знаеніемъ французскаго языка дорожитъ несравненно болѣе, чѣмъ всякою духовною мудростію. Болгаринъ образованный не приметъ на себя духовнаго званія, потому что не видитъ

¹⁾ Письмо З. Князескаго къ архим. Петру 27 ноября, 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра. О венгерскихъ и польскихъ эмигрантахъ см. еще брошюру Т. И. Филипова „Всеелескій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распра“ 1870 г., стр. 13—14.

²⁾ Записка, писанная въ мартѣ 1858 г., между бумагами м. Григорія, № 81.

въ томъ особенныхъ выгодъ, притворно боится воображаемыхъ непріятностей жизни и въ званіи учителя, при поразительной необразованности народа, любитъ собою, какъ особою съ почетомъ, вліаніемъ и голосомъ“¹⁾). Особенную язву въ болгарской интеллигенціи составляли люди, получившіе образованіе на западъ Европы и утратившіе здѣсь свой народный обликъ и національныя болгарскія преданія. По окончаніи войны 1828—9 гг. и „послѣ змиренія, Россійское правительство,—говоритъ одна записка 1858 года,—заявившее предъ всею Европою и свое могущество, и сочувствіе къ себѣ всѣхъ православныхъ обитателей Турціи, будучи въ теченіи тридцатилѣтняго мира отвлекаемо другими событіями, выпустило изъ рукъ все вліаніе, законно пріобрѣтенное пролитомъ православною кровію на поляхъ адрианопольскихъ. Ошибка эта тѣмъ важнѣе, что, пробуdivши враждебное вниманіе запада, мы какъ бы предали его кознямъ святую церковь и нашихъ восточныхъ собратій. Однимъ изъ плодовъ отсутствія нашего вліанія было то, что изъ придунайскихъ княжествъ, изъ Сербіи и даже изъ Болгаріи образовалось въ Парижѣ и въ нѣмецкихъ университетахъ новое поколѣніе, отличающееся отъ отцовъ равнодушіемъ къ вѣрѣ, самонадѣянностію и философическою мечтательностію. Сіи-то выходцы, еще новые и немногочисленные въ Болгаріи, составляютъ лучшее орудіе западнымъ интригамъ. Съ 1848 года примѣшалася къ неяснымъ ихъ мечтамъ всеобщая тогдашняя мысль о возстаніяхъ во имя народностей, которою воспользовалась латинская пропаганда для усиленія своихъ постоянныхъ нападеній на греческую церковь“²⁾). Болгарскіе воспитанники западно-европейскихъ школъ, пристраиваясь на родинѣ къ дѣлу народнаго образованія, однако относились къ этому дѣлу нерадиво и небрежно, занимаясь вопросами высшаго порядка. „Жаль,—

¹⁾ Письмо архим. Петра къ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, писанное 8 ноября 1858 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 2.

²⁾ Въ бумагахъ м. Григорія, № 79.

писать архимандритъ Петръ,—что училища болгарскія не имѣютъ правильной, опредѣленной и лучшей организаціи; но въ этомъ уже ни въ какомъ смыслѣ нельзя обвинять греческихъ пастырей; виноваты обществомъ приготовляемые, особенно на западѣ, въ учителя юноши-болгары, о коихъ часто искренно сожалѣетъ общество, видя, что они за границей получили не образованіе, т. е. истинное, необходимое для края, но, по поговоркѣ болгаръ, *отразованіе*, т. е. опорожненіе всѣхъ отеческихъ добрыхъ убѣжденій. Такихъ учителей не любить и боится народъ, но все же они приносятъ много зла на родинѣ, или бѣгутъ въ чужіе края...“¹⁾). Вѣроятно, такіе просвѣтители забрлись около 1859 года и въ Тырновѣ. Въ это время „болгары въ Тырновѣ открыли училище и, говорятъ, въ значительныхъ размѣрахъ. Но до свѣдѣнія князя (Вогоридиса) дошли самыя разнорѣчащія извѣстія: по однимъ, преподаваніе въ этомъ училищѣ идетъ хорошо и въ духѣ православія; по другимъ, въ немъ преобладаетъ духъ запада“²⁾. Князь встревожился и изыскивалъ средства узнать дѣло въ его истинномъ видѣ³⁾).

Не смотря однако на эти недостатки, народныя школы Болгаріи въ общемъ характерѣ своемъ были весьма благотѣльны для болгаръ, пробуждая и поддерживая въ нихъ народное чувство и питая надежды на лучшее будущее. Уже одно преподаваніе въ школахъ на болгарскомъ языкѣ само по себѣ было нагляднымъ доказательствомъ особенности болгарскаго народа, отличнаго отъ грековъ. Последніе поняли опасность, угрожавшую неприкосновенности ихъ власти надъ болгарами, и забили тревогу. Когда въ 1851 году въ болгарской филиппопольской школѣ произведенъ былъ учащимся экзаменъ на болгарскомъ языкѣ, то греки поражены были обнаружившеюся на этомъ экзаменѣ нео-

¹⁾ Письмо архим. Петра къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, писанное въ іюнѣ 1859 года, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 10 на об.

²⁾ Тамъ же, л. 13 на об. и 14.

жиданностию, что науки могутъ быть преподаваемы также на болгарскомъ языкѣ, и путемъ печати старались доказать, что болгарскій языкъ не можетъ быть органомъ просвѣщенія и образованія, и что преподавать науки на необработанномъ языкѣ—потеря времени для учителей. Не довольствуясь этимъ, Филиппопольскій митрополитъ Хрисанеъ въ 1852 году выгналъ изъ Хасковя учительницу и закрылъ болгарское въ семь городѣ училище для дѣвочекъ. Онъ выслалъ также оттуда іеромонаха Рыльскаго монастыря, пребывавшаго въ городѣ въ качествѣ таксидіота, подозрѣвая его въ агитаціи между болгарами къ возстановленію собственной ихъ письменности, и воспретилъ практиковавшійся мѣстами обычай пѣть и читать по-славянски на одномъ изъ клиросовъ, предписавъ отправлять богослуженіе лишь на греческомъ языкѣ. Патріархія, увѣдомленная о стремленіи болгаръ замѣнить греческій языкъ въ церквахъ и училищахъ собственнымъ славянскимъ, отправила посланіе къ митрополиту и христіанамъ Филиппополя, въ коемъ предписывала не нарушать существующаго порядка вещей, т. е. не вводити снова славянскаго языка въ церкви и училища. Митрополитъ Хрисанеъ показывалъ всѣмъ это посланіе для оправданія своихъ дѣйствій. Съ своей стороны филиппопольскіе болгары обвиняли митрополита Хрисанеа въ жадности и жестокости при поборахъ и въ клеветѣ на болгаръ¹⁾. Такимъ образомъ школьный вопросъ о преподаваніи на болгарскомъ языкѣ связанъ былъ въ Филиппполѣ съ церковнымъ и іерархическимъ вопросомъ и слился съ нимъ воедино. Отсюда мы имѣемъ поводъ заключать, что и возникновеніе и развитіе греко-болгарской распри въ полномъ ея объемѣ было прямымъ и необходимымъ послѣдствіемъ развитія болгарскихъ школъ и народнаго болгарскаго образованія.

¹⁾ „Греко-болгарская распра“ Ѡ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 183—186.

II.

Стремленіе болгаръ отдѣлиться отъ греческой іерархіи и образовать свою особую, національную іерархію обнаружилось вскорѣ послѣ учрежденія первыхъ болгарскихъ народныхъ школъ и, если не опиралось на эти школы, то во всякомъ случаѣ развивалось въ параллель съ ними. Впервые съ ясностію болгары высказали турецкому правительству свое негодованіе противъ греческаго духовенства въ 1840 году. Въ этомъ году ѣздили въ Константинополь жаловаться на злоупотребленія и притѣсненія своего владыки Панарета представители отъ тырновской епархіи. Находившіеся въ то время въ Константинополь архимандритъ Неофитъ Хилиндарскій Бозвели изъ Котла и монахъ Иларіонъ Стояновичъ, бывший впоследствии сначала епископомъ при болгарской въ Константинополь церкви подъ названіемъ макаріупольскаго, а потомъ тырновскимъ митрополитомъ, посовѣтовали представителямъ отъ тырновской епархіи просить у правительства, чтобы въ Тырновъ назначенъ былъ архіереемъ болгаринъ, что послѣдніе и исполнили. Порта не только не отвергла просьбы тырновскихъ представителей, но даже показала видъ, что сдѣлаетъ распоряженіе объ удовлетвореніи ея. Дѣйствительно, Панаретъ былъ отрѣшенъ. Но патриархія все-таки назначила на мѣсто его грека Неофита, усыпавъ болгаръ подкупамъ и обѣщаніемъ приступить въ скоромъ времени къ посвященію болгаръ во епископы въ Русдукъ, Ловчу, Врацу, Преславу (Шумлу) и Ески-Загру. Но она не исполнила данныхъ ею тырновскимъ представителямъ обѣщаній, а новый тырновскій митрополитъ Неофитъ въ 1842 году сослалъ на Афонъ вышеупомянутаго Неофита Хилиндарскаго, считавшагося кандидатомъ во епископа. Тогда въ 1845 году тырновскіе болгары снова жалуются на своего архіерея и ходатайствуютъ объ освобожденіи архимандрита Неофита Бозвели изъ заключенія. Вслѣдствіе сихъ ходатайствъ, Неофитъ Хилиндарскій Бозвели былъ возвращенъ

изъ ссылки въ томъ же 1845 году и снова прѣхалъ въ Константинополь, гдѣ сообщая съ о. Иларіономъ Стояновичемъ опять сталъ хлопотать о восстановленіи болгарской церковной іерархіи и въ іюлѣ 1845 года подалъ, по уполномочію пребывавшихъ въ Константинополь болгаръ, прошеніе Портѣ, въ которомъ высказаны были слѣдующія желанія: 1) патріархія должна объяснить происхожденіе своихъ долговъ, указавъ, кто заключалъ займы и для чего были израсходованы полученныя отъ этихъ займовъ деньги; 2) если окажется, что эти займы были правильно и законно заключены, то необходимо опредѣлить для каждой епархіи порознь сумму, которую она должна вносить на ихъ погашеніе, и запретить на будущее время заключеніе займовъ для общепользныхъ дѣлъ безъ спроса епархій; 3) въ болгарскія епархіи должны быть посылаемы архіереи изъ болгаръ, дабы они объясняли населенію обязанности его къ Богу, царю и ближнимъ на собственномъ его языкѣ; 4) необходимо назначить содержаніе архіереямъ и опредѣлить размѣры слѣдующаго имъ вознагражденія за совершеніе священнодѣйствій; 5) должно установить, чтобы на будущее время въ синодѣ присутствовали вмѣстѣ съ греческими архіереями и трое изъ болгарскихъ; 6) архіереи должны быть избираемы населеніемъ, а рукополагаемы патріархомъ, и не должны быть смѣняемы иначе, какъ по распоряженію Высокой Порты и по желанію самаго населенія; 7) представителями болгарскаго народа предъ правительствомъ должны быть природные болгары въ числѣ четырехъ, которые бы сносились съ правительствомъ посредствомъ грековъ. Правительство будетъ у нихъ освѣдомляться о нуждахъ и желаніяхъ болгарскаго народа и чрезъ нихъ будетъ сообщать свои рѣшенія касательно этихъ нуждъ и желаній.—Въ то же время о. Иларіонъ Стояновичъ подалъ тогдашнему верховному визирю Респидъ-пашѣ докладную записку объ отношеніяхъ грековъ къ болгарамъ и о греческихъ политическихъ провѣтахъ, въ которой, инсинуируя на грековъ, пред-

загаль Портъ, чтобы она выдѣлила болгарскій народъ отъ грековъ и съ этою цѣлю дала болгарамъ возможность выстроить собственную церковь въ Константинополѣ, съ предоставленіемъ имъ права издавать въ столицѣ газету, которая могла бы содѣйствовать укрѣпленію ихъ привязанности къ правительству. Порта должна позаботиться, чтобы въ болгарскія епархіи посылались архіереями болгары же, дабы они могли поучать народъ на собственномъ его языкѣ, объясняя ему милостивое расположеніе къ нему султанскаго правительства и гибельныя проекты грековъ. Каждая епархія должна имѣть своего преемителя въ Константинополѣ, который бы доводилъ до свѣдѣнія правительства ея нужды и желанія и былъ бы ея поручителемъ предъ нимъ. Высокой Портѣ слѣдуетъ также постараться объ открытіи въ Болгаріи школъ, дабы болгарское юношество не имѣло надобности отправляться за границу для своего образованія. Начальствующимъ необходимо запретить занятіе торговлей въ компаніи съ другими лицами, ибо это даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ¹⁾.

Не знаемъ, имѣли ли это прошеніе и эта записка какую-либо связь съ попытками свѣтскихъ лицъ въ 1844 году урегулировать внутреннія церковно-іерархическія отношенія константинопольской патріархіи и добиться участія въ избраніи іерарховъ и церковно-судныхъ дѣлахъ,—попытками, окончившимися неудачею²⁾. Во всякомъ случаѣ, безуспѣшность стремленій и усилій народнаго собранія не обѣщала успѣха и представленіемъ Неофита Бозвели и Иларіона Стояновича. Греческое церковное начальство очернило этихъ двухъ болгарскихъ дѣятелей предъ представителемъ Россіи и послѣ того уже безъ труда выхлопотало у Порты

¹⁾ „Греко-болгарская распра“ О. Стоянова Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 154—167.

²⁾ Литографическая „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 13 и 14 и др., см. тамъ же, замѣчанія на постановленія церковно-народнаго собранія, № 90.

фирманъ о ссылкѣ ихъ на Аeonъ. Неопитъ умеръ въ 1848 году въ тюрьмѣ, а Иларіонъ получилъ свободу лишь въ 1849 году, благодаря ходатайству А. Н. Муравьева, прѣзжавшаго тогда на Аeonъ въ свитѣ великаго князя Константина Николаевича.

Вскорѣ болгарамъ представился удобный случай возобновить свое ходатайство о принадлежащихъ имъ правахъ. Этимъ случаемъ было путешествіе султана Абдуль-Меджида въ 1846 году чрезъ Волгарію. Болгары тырновской епархіи подали султану просьбу о смѣненіи своего митрополита и о назначеніи на его мѣсто архипастыря изъ болгаръ. Вслѣдствіе этого митрополитъ былъ удаленъ съ тырновской кафедрѣ, но преемникомъ его былъ назначенъ снова грекъ.

Въ слѣдующемъ 1847 году снова обнаружилось между Константинопольскими болгарами движеніе противъ преобладанія грековъ и выразилось въ мысли о сооруженіи болгарской церкви въ столицѣ. Благодаря содѣйствію князя Стефана Вогоридиса, они успѣли исходатайствовать въ 1849 году у патріарха разрѣшеніе на постройку особаго для болгаръ храма въ столицѣ, которое, по стараніямъ того же Вогоридиса, было вскорѣ утверждено султанскимъ фирманомъ. Вогоридисъ подарилъ подъ церковь собственный обширный домъ въ Фаварѣ, въ которомъ и устроена была въ томъ же году временная церковь. При ней состояли постоянные священники изъ болгаръ, которые совершали богослуженіе по веѣмъ праздникамъ на славянскомъ языкѣ, и кромѣ того, съ 15 августа 1851 года,—титularный епископъ, въ каковой санъ первоначально возведенъ былъ изъ австрійскихъ сербовъ Стефанъ Ковачевичъ, съ титуломъ епископа лаодикійскаго и болгарскаго ¹⁾).

¹⁾ „Греко-болгарская распра“ О. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 169—177. О титулѣ епископа Ковачевича см. также письмо его къ архим. Петру, въ бумагахъ послѣдняго.

III.

Неизвѣстно, какъ далеко и въ какомъ направленіи пошло бы стремленіе болгаръ къ отдѣленію себя отъ греческой іерархіи и образованію своей собственной, если бы оно не было приостановлено на время въ своемъ развитіи восточною войной 1853—5 годовъ. Но есть нѣкоторыя примѣты, что вслѣдъ за церковно-іерархическимъ вопросомъ объ образованіи особой болгарской іерархіи стали подниматься болгарами и вопросы чисто политическіе, касавшіеся внутренняго устройства турецкаго государства, насколько они имѣли отношеніе къ вѣшнему благосостоянію болгаръ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ записка болгарина Александра Екзарха или Екзархова, поданная имъ великому визирю Решидъ-пашѣ въ концѣ 1850 или въ началѣ 1851 года, въ которой онъ, по желанію самаго Решидъ-паши, описалъ нѣсколько извѣстныхъ ему случаевъ произвольнаго и деспотическаго обращенія турокъ съ жителями сѣверной Болгаріи, съ 6 ноября 1847 года по 28 іюля 1850 года. Записка эта основана на сообщеніяхъ и слухахъ, полученныхъ Екзарховымъ изъ Ески-Загры, Тырнова, Ямболи, Чирпанъ, Сіамли, Отукѣля, Оршовицы, Габрова, Сястова, Карлова, Виддина и другихъ мѣстъ и оканчивается проектомъ Екзархова, въ которомъ онъ предлагаетъ турецкому правительству нѣкоторыя мѣры къ успокоенію и обезпеченію болгарскаго населенія Турціи. При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что, если не самъ Екзарховъ, то нѣкоторые корреспонденты его, давшіе матеріалъ для его записки, иногда прямо говорятъ о знакомствѣ своемъ съ тогдашними политическими движеніями западно-европейскихъ народовъ противъ своихъ правительствъ и тѣмъ какъ бы угрожаютъ косвенно турецкому правительству, въ случаѣ неудовлетворенія имъ желаній Болгаръ. „Намъ приходится иногда читать журналы,—писали изъ Ески-Загры 6 апрѣля 1849 года,—и съ нѣкотораго времени мы начали

часто замѣчать, что почти во всей Европѣ народы возстаютъ противъ своихъ правительствъ. Мы удивляемся этому: что можетъ принуждать ихъ прибѣгать къ такимъ крайностямъ? Ихъ государи не столь же ли добры и мудры, какъ и нашъ,—да хвалить его Богъ“?

Для образца, приведемъ нѣсколько рассказовъ изъ записки Егзархова, довольно ярко обрисовывающихъ безправное положеніе болгарскаго престолюдина. „Правительство предписало,—писали изъ Ески-Загры 19 декабря 1847 года,—чтобы судъ мѣстнаго совѣта былъ произносимъ только съ признаніемъ вины и при достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Что же? Выходитъ изъ этого совершенно противное; ибо христіанинъ напрасно будетъ доказывать неоспоримость своихъ правъ предъ мусульманиномъ, если не представитъ двухъ свидѣтелей мусульманъ, что невозможно. Онъ не только лишается своихъ правъ, но еще присуждается къ уплатѣ штрафа, хотя бы въ его пользу свидѣтельствовали 1000 христіанъ“. „На этихъ дняхъ,—писали изъ Сіамли 23 іюня 1848 года, въ нашей деревнѣ одинъ рекрутъ имѣлъ дерзость посѣтить молодую дѣвушу, которая работала въ полѣ съ отцемъ своимъ, съ намѣреніемъ обезчестить ее даже въ присутствіи отца. Когда бѣдный отецъ думалъ просьбою и слезами отклонить его отъ этого намѣренія, этотъ злодѣй, чтобы отдѣлаться отъ отца, повергъ его на землю выстрѣломъ изъ ружья и убилъ. Братъ этой несчастной жертвы тотчасъ пошелъ просить совѣтъ объ отмщеніи, но такъ какъ не могъ представить двухъ свидѣтелей мусульманъ, то и это преступленіе, какъ и другія, останется тоже ненаказаннымъ“. „Нашъ промыселъ,—писали изъ Отукѣля 7 іюля 1849 года,—состоитъ въ разведеніи стадъ, въ выгонѣ ихъ въ самое благопріятное время года на горы, гдѣ они находятъ изобильное количество корма, что намъ даетъ возможность, откормивши однажды, отправлять въ столицу для тамошняго продовольствія. Въ прежніе годы намъ сильно препятствовали пользоваться нашими правами

на ластбища по горамъ и пустопорожнимъ землямъ страны; но до конца успѣли мы все это вынести, единственно по своему терпѣнью и своей безропотности. Нынѣшній годъ это дошло до крайнихъ предѣловъ. Злодѣи, поощряемые, безъ сомнѣнн, безнаказанностию, попирають ногами всѣ законы божескіе и человѣческіе и, не довольствуясь тѣмъ, что мѣшаютъ намъ ходить навѣщать наши стада, они дошли до дерзости убивать вездѣ, гдѣ только встрѣтятъ. А что всего безнадежнѣе для насъ бѣдныхъ болгаръ, такъ это то, что, когда мы ходили увѣдомить о томъ губернаторовъ, они пожимали плечами въ знакъ невѣроятности и грубо отсылали насъ назадъ. Эти безчестные люди со дня св. Георгія наложили на насъ подать, чему мы не смѣли противиться, простирающуюся до 36900 піастровъ (піастръ=10 копѣекъ). Тѣ изъ насъ, которые не могли тотчасъ заплатить суммы, требуемой этими разбойниками, были принуждены согнать свои стада съ горъ во время самыхъ сильныхъ жаровъ, отъ чего больше половины околѣло. А сколько умерщвлено нашихъ пастуховъ, вздумавшихъ — было противиться! Аги, входящіе въ составъ городскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, „по деревнямъ насильно заставляютъ ходить на барщину, — писали изъ Ямболи 16 августа 1849 г., жать ихъ хлѣбъ, возить ихъ снопы, убирать въ амбары ихъ солому и проч. По городамъ они принуждаютъ цеховыхъ мастеровъ, которые такъ ихъ боятся, что не смѣютъ на нихъ жаловаться, брать у нихъ всѣ съѣстные припасы: бакалейщикамъ рассылають соль, кожи, хлѣбопекамъ — зерновой хлѣбъ, скорнякамъ — овечьи шкуры, а также и другія вещи“. „Въ день св. Іоанна Предтечи, — писали изъ Систова 8 апрѣля 1850 года, — большое число христіанъ, пришедши, по заведенному обычаю, на богомолье въ монастырь, отстоящій отъ города на половину лье, вдругъ увидѣло себя запертымъ въ этомъ монастырѣ и окруженнымъ значительною толпой мусульманъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Къ счастью, нѣсколькимъ христіанамъ удалось ускользнуть.

Они прибѣгаютъ къ мудриру и доносятъ объ опасности, которая имъ угрожаетъ. Тотъ стремглавъ летитъ на мѣсто, разгоняетъ злодѣевъ и захватываетъ ихъ предводителей, которые наивно объявляютъ, что кадіи и улемы Систова послали ихъ избить безъ милосердія христіанъ, находящихся въ монастырѣ". „Одна бѣдная женщина, по имени Θεодора, — писали изъ Ески-Загры 13 мая 1850 года, — живущая въ Травнѣ, тырновскаго уѣзда, лилась всего, поселилась въ-скольکو мѣсяцевъ тому назадъ въ городъ съ двумя дочерьми, которыхъ она помѣстила къ мусульманамъ въ качествѣ служанокъ. Младшая, 11 лѣтъ, поступила къ Тагирь-Байрактаръ для служенія въ гаремъ. Вѣроятно, обѣщаніями и подаркомъ какихъ нибудь платьевъ ее склонили къ отступленію отъ своей вѣры. Бывъ приведена одною изъ женщинъ гарема въ мѣстный меджлисъ, бѣдная дѣвочка объявила, что она хотѣла бы принять ислаимзмъ; а когда старѣйшина, находившійся при этомъ, возразилъ, что она еще не въ такомъ возрастѣ, чтобы различать, что такое религія, кади велѣлъ позвать депутата архіерейскаго и двухъ или трехъ знатнѣйшихъ жителей и въ присутствіи этихъ лицъ обратился къ дѣвочкѣ со слѣдующими вопросами: „зачѣмъ ты, милая дѣвочка, пришла сюда?"— „За тѣмъ, что я хочу сдѣлаться мусульманкою". И нарочно повторивши этотъ вопросъ три раза, онъ велѣлъ выйти дѣвочкѣ изъ меджлиса; ее отдали на руки женщинѣ, приведшей ее сюда. Тогда кади, обращаясь къ свидѣтелямъ, прибавилъ: „По нашимъ законамъ, коль скоро дитя, даже семилѣтняго возраста, изъявляетъ желаніе принять ислаимзмъ, то нашъ долгъ принять его, не спрашиваясь никого. А какъ я замѣтилъ, что вашъ старѣйшина противился этому, то я пригласилъ васъ, а вы видѣли и слышали, какъ дѣвочка сдѣлала тавериръ. Теперь, если вы хотите писать о томъ вашему патріарху, то это—ваша воля". При этомъ извѣстіи бѣдная мать прибѣжала въ сопровожденіи старшей дочери, и коль скоро дочь замѣтила ее, со слезами бросилась къ ней на шею,

умоляя ее взять съ собою; но варвары вырвали ее изъ объятій при помощи полиціи, не смотря на раздирающіе вопли матери, которую они дерзнули обругать и исколотить палками. Принуждена была бѣдная женщина оставить эти мѣста и навсегда отказаться видѣть свою дочь“. Но еще возмутительнѣе были нижеслѣдующіе случаи. По сообщенію изъ Отукѣли отъ 24 іюня 1850 года, „два албанца, отправляясь въ свою сторону и желая выбрать себѣ двухъ хорошенѣйшихъ болгарокъ, добились того, что начальство снабдило ихъ тескере, подтверждающимъ, будто бы они путешествовали со своимъ гаремомъ. Тогда они ночью вломились въ дома, гдѣ дѣйствительно находились хорошенѣйшія дѣвушки, и похитили ихъ. На другой день родственники хотѣли подать жалобу начальству; но ихъ прогнали съ бранью. Какой-то христіанинъ, проходя по улицѣ, услышавъ плачь и рыданія этихъ дѣвушекъ, далъ знать другимъ и они ворвались въ домъ, чтобы ихъ освободить оттуда. Тогда собрались турки въ большомъ количествѣ, обнажили сабли, ранили четверыхъ или пятерыхъ болгаръ и безъ милосердія схватили дѣвушекъ и увлекли ихъ въ сосѣдную гору. Наконецъ болгары, жертвы своего великодушія, постоянно изрѣзываемые итаганами албанцевъ, возстали на защиту, и въ заключеніе одинъ изъ албанцевъ былъ убитъ. Увы! тогда 20 старѣйшинъ нашихъ были схвачены и посажены въ тюрьмы, гдѣ находятся и понынѣ“. Если кто изъ жандармовъ белюкъ-баши вздумаетъ жениться на болгарской дѣвушкѣ, то обращается къ белюкъ-баши. „Ефендимъ,—говоритъ онъ,—я хочу во-что бы то ни стало сдѣлать изъ этой дѣвушки мусульманку и потомъ жениться на ней; но она не хочетъ того, а равно и ея родители: аманъ, что нужно дѣлать?“ — „Сафооглу,—отвѣчаетъ белюкъ-баши,—утащи ее“. Онъ собираетъ тогда своихъ товарищей; они окружаютъ домъ, дѣйствительно похищаютъ молодую дѣвушку, увозятъ ее въ Албанію, тамъ силою заставляютъ ее принять исламямъ, и наконецъ похититель ея женится

на ней. Родители въ отчаяніи обращаются сначала къ ба-люкъ-баши. „Ну,—говорить онъ,—вы мерзавцы и скоты, ваша дочь развратной жизни“. Передъ совѣтомъ кади отвѣ-чаетъ имъ: „ваша ночь дѣйствительно ушла“.., и ихъ вы-гоняютъ. Наконецъ они идутъ къ архіерею, гдѣ несчастные сильнѣе предаются своему горю, и онъ удостоиваетъ вы-слушать ихъ долгую и бесполезную рѣчь съ слѣдующимъ послѣднимъ рѣшеніемъ: „я не могу ссориться съ мудиромъ и кадіемъ изъ-за дѣвки позорной жизни“. Въ случаѣ при-тѣсненія и поборовъ со стороны мудира и десятивѣщика, болгары въ отчаяніи приходятъ къ архіерею просить защиты и совѣта; но тотъ, будучи угощенъ, безъ сомнѣнія, объ-домъ, или имѣя нужду упасть власти, чтобы и онъ ему не мѣшали въ свою очередь дѣлать подобныя вещи, отвѣчаетъ имъ: „дѣти мои! нельзя дѣлать иначе; ибо это—воля сул-тана. Вы должны повиноваться. Остерегайтесь противиться высочайшему указу! Мы пропадемъ, согласитесь, мои дѣти! Вамъ дадутъ время для выплачиванія. Идите, да благосло-вить васъ Богъ“!

Всего тяжелѣе для болгаръ было то, что естественные ихъ побровители и защитники, именно духовныя лица и народные старѣйшины, вмѣсто защиты, становились на сторону притѣснителей. „Духовное сословіе съ давняго вре-мени,—писали изъ Ески-Загры 17 ноября 1847 года, по своему невѣжеству и своей огрубѣлости не будучи въ со-стояніи поддерживать своего достоинства, впало въ состоя-ніе совершеннаго униженія и, что для него всего ужаснѣе, оно смотритъ на свое положеніе, какъ на самое низкое ре-месло, и грубѣетъ отъ того. Архіепископы и старѣйшины одни могли бы ихъ возстановить, внушая имъ любовь къ своему званію и чувство собственнаго достоинства; но и эти господа имѣютъ предметомъ своимъ другія занятія. Архіепископы, гордась громкими своими титулами, титу-лами святыхъ, думаютъ только объ умноженіи своихъ бо-гатствъ, при помощи которыхъ они держатся на своихъ

мѣстахъ, торгуютъ своею совѣстію и покрываютъ себя мантию, чтобы задать страху низшимъ и этимъ средствомъ вытянуть у нихъ до послѣдняго *пара*. Что для нихъ значать ложь и лицемеріе? Они смотрятъ на нашихъ бѣдныхъ священниковъ, которые служатъ ихъ орудіями, какъ на подчиненныхъ, какъ на рабовъ⁴. „Извѣстно,—говорится въ другомъ мѣстѣ записки,—какъ въ Константинополѣ они безнравственны, низки и жадны къ деньгамъ, какъ достигаютъ этого важнаго поста и какъ, задолжавши отъ 100 до 1000000 піастровъ, они ѣдутъ къ намъ бѣднымъ болгарамъ нагрѣвать руки именемъ религіи, безъ стыда, безъ жалости. Они немилосердно налагаютъ на каждую чету отъ 12 до 16 піастровъ, берутъ все, что имъ попадетъ подъ руку: платье, домашнюю утварь, съѣстные припасы и проч.,—все имъ хорошо⁵. „Старѣйшины, съ своей стороны, считаютъ себя представителями націи, потому что они засѣдаютъ на совѣтахъ, и что, по ихъ понятіямъ, это достоинство возвышаетъ ихъ предъ другими, присвояютъ себѣ видъ и титула дворянства и воображаютъ себѣ, что страна очень счастлива, обладая ими. Посмотрите же на нихъ на дѣлѣ! Всѣ средства ихъ направлены къ достиженію предположенной ими цѣли, это—дѣлать то же, что епископы, копить богатства. Кто вздумалъ бы возражать противъ ихъ управленія, того тотчасъ назовутъ интриганомъ и возмутителемъ⁶. „Наши жители раздѣлены на двѣ партіи,—писали изъ Ески-Загры 13 октября 1848 года: одна состоитъ изъ людей честныхъ, но простыхъ, которые хотятъ обуздать злоупотребленія и требуютъ отрѣшенія старѣйшинъ. Послѣдніе интригуютъ, чтобы удержаться. Нѣсколько зватныхъ турокъ берутъ сторону то однихъ, то другихъ, но съ намѣреніемъ подерживать такое раздѣленіе и окончательно назначать старшинъ по своему выбору, и притомъ такъ, чтобы ничто не противилось исполненію произвольныхъ плановъ ихъ и ихъ хищничеству. При всѣхъ таковыхъ столкновеніяхъ, старѣйшины запускаютъ дѣла, небрегутъ о шко-

лахъ, не платятъ учителямъ и дѣлаютъ такъ, что бѣдный народъ, утомленный сопротивленіемъ, обязанъ подчиниться и умолять ихъ о томъ, чтобы они оставались въ должности“. „Наше правительство не обращало еще своего вниманія на этотъ родъ чиновниковъ и смотритъ на нихъ, какъ на гарантію, даваемую населеніемъ, между тѣмъ какъ эти негодяи, условливаясь съ мусульманами, поступаютъ въ янычары, и это отродье, не исключая епископовъ и архіепископовъ, это скопище кровопійцъ вырываетъ у насъ до послѣдняго пара и высасываетъ по каплѣ нашу кровь“.

Записка А. Екзархова, искренно или притворно, вѣрить еще въ правосудіе и милость турецкаго правительства и султана, но считаетъ ихъ недосыгаемыми для простыхъ смертныхъ, систематически отдаваемыхъ отъ своего государя низшими провинціальными чиновниками. „Если крестьяне вздумаютъ идти въ Константинополь жаловаться и увѣриться, дѣйствительно ли (подложный) фирманъ, по которому дѣйствовали, есть воля ихъ милосердаго государя, то наши безчестные плуты прибѣгаютъ къ новому средству. Они отправляютъ гирь-билюкъ-башей, переодѣтыхъ болгарами, въ сосѣднія горы, съ приказомъ чинить всякаго рода разбой. Эта переодѣтая шайка, и говорящая совершенно по-болгарски, нападаетъ сначала на тѣхъ пастуховъ, которые намѣреваются идти въ Константинополь жаловаться, страшными угрозами заставляя ихъ поскорѣе отыскать своихъ хозяевъ, чтобы они принесли или прислали въ назначенное мѣсто и часъ сумму болѣе или менѣе значительную, съ присовокупленіемъ, что если онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ приказано, то шайка прежде всего перерѣжетъ и уничтожитъ ихъ стада. Мало того, эти бѣшеные врываются ночью въ деревни, отрываютъ отъ сна и хватаютъ тѣхъ, которыхъ только что послали за требуемою суммою, мучать ихъ и часто даже убиваютъ. Если кому удастся ускользнуть изъ ихъ кровожадныхъ рукъ, пробраться въ Константинополь въ надеждѣ найти и получить правосудіе, то каймакамъ и архіерей поспѣшно пишутъ одинъ къ сво-

ему капи-кигаиа, а другой къ патриарху, и такимъ образомъ они успѣвають не только сдѣлать ведѣйствительнымъ ихъ искъ, но и убѣдить правительство, что челобитчики-интриганы, и если ихъ не заковывають въ кандалы и не сажаютъ въ тюрьму, то эти несчастные съ отчаяніемъ въ душѣ остаются въ Константинополѣ, не смѣя возвратиться къ своимъ, и часто умираютъ тамъ вдали отъ своихъ неутѣшныхъ семействъ и въ совершенной нищетѣ*.

Безправное, безвыходное положеніе болгаръ вызвало въ Виддинѣ въ 1850 году возмущеніе, объ обстоятельствахъ котораго, однако, мы не имѣемъ свѣдѣній¹⁾. Это возмущеніе произвело сильное впечатлѣніе на турокъ, которые, вслѣдъ за нимъ, ожидали возстанія всей Болгаріи и готовились залить его болгарскою кровію. „Виддинскія возмущенія,—писали изъ Ески-Загры отъ 28 іюля 1850 года,—произвели на здѣшнихъ мусульманъ глубокое впечатлѣніе. Коль скоро кади замѣчаетъ христіанина, хорошо одѣтаго, обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: „знаете ли о томъ, что происходитъ тамъ—выше“? И это—такимъ тономъ, чтобы дать понять, что бунтъ готовъ вспыхнуть во всей Болгаріи. Достаточно возбудить подозрѣніе въ простыхъ и легковѣрныхъ мусульманахъ, чтобы ихъ вооружить противъ насъ. Судите, какова должна быть ваша тревога, когда мы не знаемъ ни того, что происходитъ, ни того, что готовится... Вчера кадій велѣлъ отточить оружіе и запастись патронами и другими вещами. Не знаю, противъ какихъ призраковъ онъ готовится такъ сражаться,—и это—надзоръ главнаго начальника“?

¹⁾ Впослѣдствіи объяснили, что это возмущеніе произведено происками мѣстнаго архіерея (см. письмо Н. Герова къ Ковалевскому 7 марта, 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра). Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что около 1851 г. виддинскіе болгары жаловались на притѣсненія своего архіерея и просили о назначеніи ему опредѣленнаго содержанія взамиѣнъ разныхъ поборовъ, взысканіе которыхъ сопровождалось вопіющими злоупотребленіями („Греко-болгарская распра“ Ф. Стоянова-Вурнова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 179).

Въроятно, тревожное состояніе Болгаріи, вызванное виддинскими событіями, и побудило г. Екзархова подать Решиду-пашѣ свою записку, въ которой онъ стоя на вѣрно-подданической точкѣ зрѣнія, старался доказать, что виддинское возмущеніе направлено было не противъ верховной власти султана, а противъ злоупотребленій провинціальныхъ властей и чиновниковъ. Соответственно этому, г. Екзарховъ предлагалъ турецкому правительству слѣдующія мѣры для успокоенія и обезпеченія болгарскаго населенія Турціи: 1) учредить повсемѣстно, гдѣ нужно будетъ, смѣшанныя судилища изъ мусульманъ и христіанъ, на которыхъ бы рѣшались дѣла между мусульманами и христіанами, и кромѣ того дозволить христіанамъ образовывать семейныя судилища, гдѣ всѣ дѣла между ними рѣшались бы сообразно съ законами имперіи. 2) Дозволить болгарамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, строить себѣ церкви всюду, гдѣ будетъ нужно, избирать своихъ священниковъ, епископовъ и архіепископовъ, прилично вознаграждать посредствомъ денежнаго жалованья и предоставить имъ вліяніе только нравственное. 3) Образовать въ каждомъ уѣздѣ родъ совѣта старѣйшинъ, избираемыхъ городскими и сельскими жителями, дабы чрезъ него правительство освѣдомлялось о нуждахъ народа. Совѣтъ этотъ, будучи возобновляемъ ежегодно, долженъ собираться также ежегодно въ определенное время, и каждый изъ членовъ обязанъ сообщать свѣдѣнія правительству, которое могло бы судить о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи извѣстнаго мѣста, имѣть обстоятельныя или статистическія свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ и торговлѣ, о финансахъ, состояніи дорогъ, о приращеніи и убыли населенія, о состояніи общественнаго здравія, о числѣ школъ, количествѣ воспитанниковъ, о числѣ и свойствахъ процессовъ, нуждахъ, бѣдствіяхъ и проч. Дѣйствіе этого совѣта произвело бы благоприятное впечатлѣніе какъ на народъ, такъ и на депутатовъ. 4) Предоставить болгарамъ, кромѣ всѣхъ другихъ правъ, право избирать

себѣ адьюдикаторовъ десятинъ (?) всякаго рода. Избираемые изъ лицъ на хорошемъ счету, безъ залоговъ, такъ какъ они—главные поземельные собственники, адьюдикаторы условливаются между собою относительно гарантіи каждаго и назначенія сборщиковъ податей, обложенныхъ достаточнымъ полномочіемъ. Нѣтъ ничего проще, чтобы сдѣлаться адьюдикаторами. Болгары назначили бы депутатомъ передъ правительствомъ одного изъ наиболѣе почетныхъ своихъ согражданъ, которому бы даны были всевозможныя полномочія въ этомъ дѣлѣ, и этотъ депутатъ, уполномоченный такимъ образомъ, имѣлъ бы главною обязанностію наблюдать за аккуратною уплатою адьюдикацій, денежныхъ налоговъ и всего, сюда относящагося, разсматривать сообщенія, доставляемыя совѣтомъ старѣйшинъ, исправлять и сообщать правительству. Такимъ образомъ былъ бы упрощенъ составъ администраціи. Между тѣмъ, пока этотъ способъ практиковался бы въ теченіи десяти лѣтъ сряду, правительство предписало бы (и оно имѣло бы на то время) измѣрять, оцѣнить и правильно обложить данью земли имперіи какъ воздѣлываемыя, такъ и невоздѣлываемыя¹⁾.

Но когда эти желанія и проекты остались неисполненными и бѣдствія болгаръ не прекратились, то записка Екзархова получила, по видимому, иное движеніе и циркулировала въ русскихъ политическихъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ русской константинопольской миссіи мы нашли полный переводъ ея и, кромѣ того, краткій экстрактъ изъ нея.

Другіе же болгары, потерявъ надежду на турецкое правительство, обращались со своими жалобами къ русскому правительству и его представителямъ. Такъ, передъ войной 1853—1855 г.г., константинопольскіе болгары подавали ка-

¹⁾ Записка А. Екзархова, въ русскомъ переводѣ, и экстрактъ изъ нея—въ бумагахъ архимандрита Петра.

кое-то прошеніе князю Меншикову въ бытность его въ Константинополѣ. Наконецъ, болгары, проживавшіе въ Валахіи и Молдавіи, обратились съ просьбою къ Государю Императору Николаю Павловичу, при вступленіи русскихъ войскъ въ княжества въ 1853 году ¹⁾.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Письмо Н. Герова къ Ковалевскому 7 марта 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра. Св. „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря“, Т. И. Филиппова, 1870 г., стр. 14—15.

Судьба Славянской Церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія.

(Продолженіе ¹⁾).

Другимъ источникомъ свѣдѣній о судьбѣ славянской церкви въ Моравіи и Панноніи въ первые годы по кончинѣ св. Меѳодія есть греческое „Житіе св. Климента“, одного изъ учениковъ его, впоследствии бѣлицваго епископа въ Болгаріи, озаглавленное въ наданіяхъ такъ: Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία τε καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου καὶ αὐθιμίμου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας κυρίου Θεοφιλᾶχτου καὶ μαϊστορος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντίνου πόλει ²⁾.

¹⁾ См. Труды Киев. дух. Акад., мартъ, 1886 г.

²⁾ Житіе стало извѣстно только со второй половины XVII в. и притомъ сперва только въ отрывкѣ, который найденъ былъ въ Ватиканской библиотекѣ въ кодексѣ 1409 г. и наданъ Аллациемъ въ Римѣ въ 1665 году. Въ полномъ видѣ оно издано было въ первый разъ въ 1741 г. въ Мескополѣ въ южной Албаніи, въ Сборникѣ *Ποσλῶδωνίη* ('Ακολουθία), составленномъ греческими монахами Михаиломъ и Григоріемъ Константинодосомъ; потомъ вновь переиздано иеромонахомъ Амвросіемъ Пампереемъ въ Вѣнѣ въ 1802 г., по списку, принадлежащему монастырю св. Наума близъ Охрида. Вновь и лучше издалъ Житіе Миклошичъ въ 1847 году (*Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum*. Vin-dobonae. 1847) также по списку монастыря св. Наума, который найденъ В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ и доставленъ Миклошичу, и, по мнѣнію первого, относится къ началу XV в. Издавалъ житіе, Миклошичъ свѣрилъ этотъ списокъ съ ватиканскими отрывками и присоединилъ въ латинскомъ переводѣ извлечения изъ Житія. По изданію Миклошича сдѣланы и другія, какъ въ Pat. Graec. edit. Migne, T. 126. p. 1192—1240 съ присоединеніемъ дословнаго латинскаго перевода и частію въ *Fontes regum Bohemiarum* 1, p. 76—92 съ чешскимъ переводомъ. Въ Россіи Житіе издано сперва въ русскомъ переводѣ (А. И. Меньшикова) въ юбилейномъ изданіи Московскаго университета „Матеріалы для исторіи письменъ“ (Москва. 1855 г.), потомъ въ греческомъ текстѣ и новомъ переводѣ г. Бильбасова (Кирилль и Меѳодій. Ч. II. С.-Петербург. 1871 г.).

По вопросу объ авторѣ Житія и времени составленія его, важному для опредѣленія степени достовѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій, высказаны изслѣдователями различныя мнѣнія. Не входя въ разборъ этихъ мнѣній, ограничимся изложеніемъ тѣхъ чужихъ и своихъ выводовъ по данному предмету, которые представляются намъ наиболѣе вѣроятными.

1. Сущствующее греческое Житіе составлено, безъ сомнѣнія, не ранѣе 1014—1015 г., ибо въ немъ въ гл. 23 упоминается объ архіепископѣ въ Охридѣ, куда она перенесена не ранѣе этихъ годовъ, при архіепископѣ Филиппѣ. Оно писано не позже 30—50 годовъ XII в., ибо имъ пользовался составитель одного древняго списка болгарскихъ архіепископовъ, составленнаго не позже этихъ годовъ¹⁾. Затѣмъ несомнѣннымъ можно признать, что Житіе составлено около времени болгарскаго архіепископа Теофилакта (1085—1107 гг.), имя котораго стоитъ въ надписаніи Житія; но—весьма вѣроятнымъ и то, что оно составлено не самимъ Теофилактомъ, а другимъ современнымъ ему, но пережившимъ его грекомъ²⁾.

2. Но авторъ сущствующаго греческаго Житія, по всей вѣроятности, пользовался болѣе древнимъ Житіемъ, или сказаніемъ о св. Климентѣ, принадлежавшимъ ученику

¹⁾ Соображенія объ этомъ у г. Голубинскаго (Исторія Правосл. Церкви, стр. 38 и 258; св. Константинъ и Мессодій, стр. 54—57). Списокъ болгарскихъ архіепископовъ у Дю-Канжа (Familiae Byzant. сар. 28, стр. 174) въ извлеченіи у Розенкамфа (обозр. Корич., стр. 64—66).

²⁾ Шафарикъ признавалъ авторомъ Житія Теофилакта въ томъ только смыслѣ, что Теофилактъ лишь заново передѣлалъ Житіе, составленное прежде ученикомъ св. Климента. Настоятельница всѣхъ мнѣній о Теофилактѣ, какъ непосредственномъ авторѣ Житія, защищаемо было Вороновымъ. (Источники для исторія св. Кирилла и Мессодія, стр. 109—139, гдѣ и обзоръ мнѣній по данному вопросу). Мнѣніе, что авторомъ Житія былъ не Теофилактъ, а другой грекъ, жившій немного позже его, заявлено было впервые Добровскимъ (Кирилла и Мессодій, въ русск. переводѣ. Москва. 1825 г., стр. 6—7), принято и переводчикомъ его Погодинымъ. Рѣшительнѣе оно высказано г. Голубинскимъ (Ист. пр. церк., стр. 258. Св. Константинъ и Мессодій, стр. 54—57).

последняго, заноса слова его мѣстами даже буквально. Таково въ особенности слѣдующее мѣсто: „насъ же смиренныхъ и недостойныхъ, по добротѣ сердца своего, сдѣлалъ онъ приближеннѣйшими изъ всѣхъ, а потому мы во всякое время находимся при немъ, слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, что говорилъ и чему посредствомъ того или другаго научалъ; и такъ мы никогда не видѣли его празднымъ; напротивъ, онъ или училъ дѣтей и притомъ различно: однимъ показывалъ начертаніе писемъ, другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго, вныхъ руководилъ и упражнялъ въ письмѣ; или же онъ предавался молитвѣ, и не только днемъ, но и ночью, или занимался чтеніемъ, или писалъ книги, а иногда въ одно время дѣлалъ два дѣла, занимаясь письмомъ и уча какой-либо науцѣ дѣтей. Поэтому ученики его были превосходнѣйшими изъ всѣхъ, какъ по жизни, такъ и по ученію. Изъ нихъ поставлялъ онъ чтецовъ, иподьяконовъ, діаконовъ и пресвитеровъ“ (гл. 18). Такъ могъ говорить только современникъ и ученикъ св. Климента. Объяснять эти выраженія въ какомъ-то отвлеченномъ или переносномъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ изслѣдователи, признающіе непосредственнымъ авторомъ Житія Теофилакта (1085—1107 г.), не позволяетъ слишкомъ ясный и прямой смыслъ выраженій¹⁾. Въ виду такого прямого смысла ихъ, нѣкоторые склонны думать, что позднѣйшій грекъ конца XI или начала XII в. сознательно-обманно выдаетъ себя здѣсь за ученика св. Климента. Хотя подобныя обманы небезызвѣстны въ исторіи житій, но въ данномъ случаѣ обманъ невѣроятенъ, ибо авторъ самъ себя изобличилъ бы, говоря объ охридской архіепи-

¹⁾ Волѣ всего на основаніи этого именно мѣста Житія многіе изслѣдователи (Миклошичъ, Дюхлеръ, Ламанскій, Лавровскій и др.) приписывали его прямо, какъ оно есть, ученику св. Климента. Но это не допустимо по указаннымъ выше и другимъ основаніямъ. Въ смыслѣ отвлеченномъ или переносномъ объяснять это мѣсто старался особенно проф. Вороновъ, утверждавшій, что авторъ говоритъ здѣсь вообще объ отношеніяхъ Климента къ лицамъ духовнымъ. Но подобное толкованіе натянуто и произвольно.

скопии, учрежденной чрезъ сто лѣтъ по смерти Климента, о которой поэтому онъ предпочелъ бы умолчать. Затѣмъ, не иначе, какъ *изъ древней записи* онъ могъ взять точное обозначеніе обстоятельствъ кончины или точнѣе погребенія св. Климента: „святое тѣло его положено въ этой обители въ гробъ, устроенномъ собственными руками его, по правую сторону трапезы, 27 іюля въ лѣто отъ сотворенія міра 6424 (916 г.)“^а. А эта запись и должна была представлять не что иное какъ *часть сказанія* о св. Климентѣ, составленнаго современникомъ и ученикомъ его. Отсюда же, конечно, взято довольно подробное обозначеніе славянскихъ переводовъ и твореній св. Климента, сопровождаемое замѣчаніемъ: „говорять (φέρονται), что всѣ они сохраняются людьми трудолюбивыми“ (гл. 22). Это *юворятъ*—не есть ли ссылка на слова начального сказанія? Едва ли не автору послѣдняго принадлежатъ и тѣ выраженія заключительной молитвы св. Клименту, гдѣ онъ молить святого „прогнать злую ересь, которая, какъ язва зловредная, *скралась съ стадо твое по твоемъ во Христѣ успеніи*“ (гл. 29). Это (какъ вообще полагаютъ) ересь богомилская. А она *скралась* (παρεισφύδαρη), т. е. *началась* въ X вѣкѣ при царѣ Петрѣ (927—969 г. 30 янв.) по свидѣтельству пресвитера болгарскаго Козьмы, который говоритъ: „первые нача учить ереси въ землѣ Болгарстѣй поплъ Богомилъ, живый въ лѣта православнаго царя Петра“¹⁾. Еще: въ той же молитвѣ авторъ молить св. Климента ограждать *питомцевъ своихъ, новыхъ чадъ своихъ* отъ варварскихъ нашествій и скинскаго меча, упившагося въ болгарской крови. Надежиѣе и эти слова приписать ученику св. Климента,

¹⁾ Слово или препредіе на еретьяки Козьмы, (писавшаго въ концѣ X в.)— въ изд. Прав. Соборника 1864 г. Авторъ конца XI или начала XII в., когда ересь богомилская широко уже распространилась и дѣйствовала нѣрѣдко съ открытою силою, едва ли бы ограничился (если бы хотѣлъ самостоятельно и отъ себя говорить о ней) упоминаніемъ только о томъ начальномъ возникновеніи ея, которое имѣло мѣсто по кончинѣ св. Климента. Но это естественно въ рѣчи такого сказателя, который самъ жилъ во время, недалекое отъ кончины святого.

жившему при царѣ Петрѣ, когда Болгарія терпѣла отъ вторженій венгровъ (называемыхъ у византійцевъ и скинами) въ 934, 943, 959 и 962 гг., а въ 967 г. и отъ вторженія нашихъ руссовъ съ Святославомъ¹⁾.

3. Авторъ начальнаго сказанія былъ *бомаринъ*, дающій знать о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: „вообще все, что относится къ церкви, чѣмъ украшаются памяти Господа Бога и святыхъ Его и души возбуждаются, все это Климентъ передалъ намъ болгарамъ“. Онъ и писалъ, какъ болгаринъ, какъ ученикъ св. Климента изъ болгаръ. Сказаніе его было простымъ, историко-поучительнымъ сказаніемъ, имѣвшимъ цѣлю почтить память славянскихъ первоучителей и ихъ учениковъ, особенно св. Климента, его учителя, прославить къ назиданію другихъ и все дѣло ихъ—дѣло устроенія славянскихъ книгъ и богослуженія. По всей вѣроятности, онъ хотѣлъ и защитить это дѣло отъ „гаждателей“ его, чувствуя надобность въ этомъ, какъ ранѣе его чувствовалъ ее черноризецъ Храбръ. При царѣ Петрѣ болгарскомъ эта потребность могла чувствоваться не менѣе, чѣмъ прежде: этотъ царь, женатый на гречанкѣ, почти всегда дружившій съ византійскимъ дворомъ, допустилъ усилиться греческому вліянію при своемъ дворѣ. Не похожій на отца своего Симеона, грекофила лишь въ смыслѣ знатока греческаго языка и книгъ, но ревнителя самобытнаго народнаго развитія и славянской книжности, не похожій во многомъ и на Святополка моравскаго, онъ походилъ однако же на этого послѣдняго поблажкою чужому вліянію при своемъ дворѣ, какимъ было здѣсь греческое,

¹⁾ Говоримъ только—*надежныя*: ибо наслѣдователи, признающіе только позднѣйшаго автора Житія (Феофилакта или др.), имѣютъ основаніе понимать эти выраженія о печенѣгахъ, которые къ концу XI в. еще жестоко венгровъ опустошала Болгарію и еще обыкновеннѣе называются у византійцевъ скинами. Впрочемъ, выраженія *итомисецъ*, *новыя чадъ* ближе идутъ по времени Петра, недалекаго отъ кончины св. Климента, чѣмъ по времени конца XI или нач. XII в. Преосвящ. Филаретъ черниг. слова Житія о вторженіяхъ скинскихъ понималъ именно какъ намекъ на вторженіе руссовъ Святослава.

какъ при дворѣ Святополка—латино-нѣмецкое. Замѣчаютъ, что при Петрѣ и славянская литература пришла въ упадокъ¹⁾. Возможно, что между греками, находившимися въ Болгаріи при царѣ Петрѣ (вѣроятно и на епископскихъ кафедрахъ, какъ то было и у насъ даже при большей дальности Руси отъ Греціи и меньшемъ числѣ кафедръ), слышались неуважительные голоса о славянской книжности и славянскомъ богослуженіи, вызвавшіе автора на защиту ихъ. Намъ кажется, что именно въ интересахъ этой защиты начальный авторъ сказанія о св. Климентѣ позволилъ себѣ усилить значеніе св. Мееодія, какъ учителя князя Бориса, воспользовавшись весьма вѣроятнымъ фактомъ свиданія ихъ во время путешествія Мееодія изъ Моравіи въ Царьградъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ напоминая о чрезвычайно почетельныхъ отношеніяхъ Бориса и Симеона къ св. Клименту, укорами Святополку моравскому за его невниманіе къ Мееодію и его ученикамъ онъ желалъ подвинуть дворъ царя Петра къ большому вниманію къ представителямъ славянской книжности и славянской церкви въ Болгаріи²⁾.

¹⁾ Такъ приблизительно характеризуютъ царя Петра и его время специалисты-ислѣдователи болгарской исторіи, какъ напр. Иречекъ. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „При Симеонѣ болгаре едва не завоевали Константинополь; при Петрѣ началось подчиненіе Болгаріи Византіи. Петръ не стоялъ во главѣ народа, но былъ орудіемъ одной партіи. Обиженные его братья возстали противъ него во главѣ воиновъ изъ школы великаго Симеона. *Литература пришла въ упадокъ*“ и проч. Исторія болгаръ, стр. 220.

²⁾ Нѣкоторые изъ тѣхъ ислѣдователей, которые существующее Житіе какъ оно есть, приписываютъ ученику св. Климента, полагаютъ, что оно сперва писано было на славяно-болгарскомъ языкѣ и уже потомъ переведено на греческій. Однакоже славянской подлинникъ Житія никогда не былъ извѣстенъ и, вопреки ожиданіямъ (Водянскаго), доселѣ нигдѣ не найденъ ни въ цѣломъ видѣ, ни даже въ отрывкахъ, какъ найденъ былъ сперва въ отрывкахъ греческій текстъ Житія. Противъ мысли о славянскомъ подлинникѣ Житія г. Голубинскій дѣлаетъ то вѣское возраженіе, что если бы существовало славянское Житіе, то или св. Климента внесено было бы въ славянскіе святцы, чего однакоже не видно, за единственнымъ исключеніемъ святцевъ Ассеманіева глаголитскаго Евангелія, въ которое имя св. Климента внесено изъ существующаго греческаго Житія. Последнее предположеніе не легко совмѣщается съ тѣмъ предположеніемъ

4. Греческій авторъ существующаго Житія, заново переработывая начальное сказаніе, далъ ему другой характеръ, преслѣдуя и другія цѣли въ своемъ трудѣ. Пиша въ то время, когда Болгарія находилась уже подъ властію грековъ, стремившихся подавить славянское богослуженіе и славянскую церковь, авторъ-грекъ, содѣйствуя этому стремленію, игнорируетъ фактъ введенія *славянскаго богослуженія* св. первоучителями, перехода его въ Болгарію при Меѳодіи и его ученикахъ, выставляетъ послѣдняго переводчикомъ только книгъ свящ. Писанія, объясняя такой подвигъ его только свисхожденіемъ къ грубости и тупости болгарскаго народа, неразумѣвшаго по-гречески, объясняя такимъ же образомъ и книжные труды св. Климента. Другой интересъ, наиболѣе сосредоточившій вниманіе позднѣйшаго греческаго автора—это полемика по вопросу объ исхожденіи св. Духа. Найдя въ начальномъ сказаніи рѣчь о борьбѣ учениковъ св. Меѳодія съ Вихингомъ и нѣмцами (у автора-франками) изъ-за этого вопроса, авторъ, какъ видно,

нѣкоторыхъ изслѣдователей, что само Ассеманіево Евангеліе относится къ XI вѣку, тогда какъ существующее греческое Житіе можетъ быть писано даже въ началѣ XII в. Поэтому не заисено ли въ святцы этого Евангелія имя св. Климента изъ начальнаго Житія X в.? Это Житіе, думаемъ, писано также не на славянскомъ языкѣ, а на греческомъ. Болгаринъ въ вѣкъ царя Петра могъ писать по-гречески и могъ это дѣлать именно для того, чтобы прославить память славянскихъ учителей и защитить славянскую книжность предъ греками, а можетъ быть и болгарамъ-грекофилами. Въ исторіи критики по нашему предмету остается совсѣмъ невыясненнымъ еще одинъ вопросъ: существовалъ ли архіепископъ Теофилактъ, современникъ царя Петра, писавшій для него „разговоръ о природѣ“ и потомъ Житіе его. Осмѣялся на Bibl. Graeca Fabricii, ed. Hargles (VII, 596), гдѣ дѣйствительно упоминаются эти сочиненія (какъ сомнительныя) въ перечнѣ сочиненій Теофилакта болгарскаго, пресвящ. Филаретъ признавалъ существованіе Теофилакта X в., считая его авторомъ и Житія св. Климента и исторіи Тверіюп. мучениковъ (Св. южнихъ славянъ, 30 янв.). Архимандритъ Леонидъ пошелъ еще далѣе въ разсужденіяхъ объ этомъ новомъ Теофилактѣ (Чт. въ И. М. Общ. Истор., 1871, IV, стр. 8—19). Критика не особенно внимательно отнеслась къ мысли о новомъ Теофилактѣ. Хотя нѣкоторыя сужденія послѣдняго изъ двухъ авторовъ (архим. Леонида) представляются болѣе недосмотрами (наприм. ссылка на московское изданіе толковавій Евангелія Теофилакта 1849 г.), но въ общемъ мысль заслуживаетъ разбора.

страстный противник новаго франкскаго догмата, горячо, такъ сказать, ухватился за этотъ матеріалъ и широко обработалъ его. Тенденціозность обработки сказалась особенно на приѣмахъ разсказа автора о знаменіяхъ и чудесахъ, явленныхъ надъ учениками Мееодія именно во свидѣтельство истинности ученія ихъ противъ Filioque. Затѣмъ къ особенностямъ авторства грека, при переработкѣ имъ начальнаго болгарскаго сказанія, слѣдуетъ отнести широкую витіеватость изложенія, которою, по всей вѣроятности, не отличалось начальное сказаніе. Такой предполагаемый характеръ переработки начальнаго болгарскаго сказанія о св. Климентѣ авторомъ существующаго греческаго Житія, не рекомендуя послѣдняго, какъ друга болгарь, не особенно рекомендуетъ его и какъ писателя. Но онъ заслуживаетъ благодарность за то, что, по своему переработывая начальное сказаніе о св. Климентѣ, онъ все-таки сохранилъ многое изъ него, сохранилъ, слѣдовательно, одинъ изъ важныхъ источниковъ для свѣдѣній о судьбѣ славянской церкви въ Моравіи при ученикахъ Мееодія¹⁾.

¹⁾ Въ общемъ изложенноездѣсь мнѣніе наше о Житіи примыкаетъ съ одной стороны къ мнѣнію Шафарика, съ другой, къ мнѣніямъ Добровскаго и г. Голубинскаго; но въ нѣкоторыхъ чертахъ расходится съ ними, какъ могутъ видѣть знакомые съ мнѣніями названныхъ изслѣдователей. Въ пополненіе къ сказанному, укажемъ на тѣ соображенія, по которымъ мы авторомъ существующаго греческаго Житія, передѣланнаго изъ начальнаго болгарскаго сказанія, считаемъ не Теофилакта, а другаго грека, писавшаго нѣсколько позже его. Самый характеръ авторства въ Житіи сильно тенденціозный и граничащій съ фальсификаціею кажется намъ не вдумчивъ къ лицу такого почтеннаго церковнаго писателя, какъ Теофилактъ. Въ частности Теофилактъ, любившій свою паству, не говорилъ о болгарахъ такъ рѣзко и уничижительно, какъ говоритъ авторъ Житія, называющій ихъ не только грубыми, тупыми, но и скотоподобными. Будучи ревнителемъ православія и защитникомъ православнаго ученія объ исхожденіи св. Духа, Теофилактъ не выражается такъ рѣзко и раздраженно о франкахъ, какъ авторъ Житія. Говоря въ своей Исторіи тиверіопольскихъ мучениковъ о просвѣщеніи Бориса христіанствомъ, Теофилактъ не приписываетъ его Мееодію, даже не упоминаетъ о немъ. Между сочиненіями Теофилакта, писателя весьма извѣстнаго и уважаемаго, до послѣднихъ временъ не значилось и не упоминалось Житія Климента; неизвѣстно, откуда взято имя Теофилакта въ надписаніи полнаго списка Житія, не встрѣчающагося въ вати-

5. Въ связи съ пространнымъ Житіемъ находится „Краткое (также греческое) Житіе св. Климента“, называемое Охридскою легендою¹⁾. Житіе писано послѣ пространнаго и подъ его вліяніемъ, ибо оно ссылается на него и повторяетъ въкоторыя вѣвѣстія его, хотя сокращенно, иногда и въ переименованномъ видѣ. Это, конечно, умалываетъ значеніе краткаго Житія, какъ источника, но не совсѣмъ уничтожаетъ, ибо есть признаки, что авторъ говоритъ вѣчто и самостоятельно, слѣдовательно, имѣлъ свои источники на это въ какихъ-либо записяхъ или преданіяхъ²⁾. Еще менѣе значенія имѣетъ Житіе св. Наума, извѣстное только на полуновогреческомъ языкѣ по тому же изданію Мосхопольскому, гдѣ впервые издано было и пространное Житіе Климента. Послѣднее, очевидно, служило источникомъ для греча составителя Житія св. Наума, а время составленія его, по всей вѣроятности, недалеко отстоитъ отъ времени изданія³⁾. Такимъ образомъ пространное Житіе св. Климента остается почти единственнымъ житійнымъ источни-

канскихъ отрывкахъ его (на что указалъ еще Добровскій). Впрочемъ, это надписаніе, а также признаки, что авторъ Житія въ своей защитѣ православнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа пользовался сочиненіемъ Теофилакта о томъ же (примѣры сличенія такихъ мѣстъ изъ обоихъ сочиненій—у Воронова, тамъ же, стр. 131—132) приводятъ къ заключенію, что авторъ Житія писалъ позже Теофилакта. Если имя Теофилакта съ самаго начала находилось въ надписаніи Житія, то оно было поставлено или для приданія сочиненію большей важности, или можетъ указывать на имя автора, сомненнаго знаменитому болгарскому архіепископу и отождествленному съ нимъ по догадкѣ. Примѣры на то и другое извѣстны.

¹⁾ Такъ же, какъ и первое, оно открыто В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ, — открыто въ греческой пергаментной рукописи, заключающей въ себѣ житія святыхъ за іюнь, іюль и августъ, и относимой къ XIII в. (Изысканія о славянскихъ аполстолахъ, произведенныхъ въ странахъ Европ. Турціи. Ж. М. Н. Пр., Ч. IPII стр. 1—24). Послѣ Григоровича переведено г. Вильбасовымъ (Кириллъ и Меодій, ч. II, стр. 301—306).

²⁾ Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что это Житіе существовало сперва въ славянскомъ подлинникѣ; но нѣтъ основаній для такого предположенія.

³⁾ Предположеніе о славянскомъ подлинникѣ Житія св. Наума имѣетъ нѣкоторыя основанія, но не довольно убѣдительныя.

Труды Кіевской дух. Академіи. Т. II. 1886 г.

6

комъ свѣдѣній о славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ св. Кирилла и Меѳодія, которымъ мы и воспользуемся въ той мѣрѣ, въ какой свѣдѣнія эти могутъ быть признаваемы за идущія изъ начальнаго Житія, служившаго, источникомъ позднѣйшему автору его.

Въ рѣчи о славянской церкви въ Моравіи и Панноніи мы остановились на томъ времени, когда прибыли сюда папскіе легаты епископъ Доминикъ, пресвитеры Іоаннъ и Стефанъ съ извѣстною намъ инструкціею папы Стефана V. Это могло быть не ранѣе и не позже 886 года. Дѣйствуя согласно съ инструкціею и въ духѣ папскаго письма къ Святополку, которое ей предшествовало, но оставлялось ею въ силѣ, легаты, какъ само собою понятно, представились Святополку въ Велеградѣ, преподали ему благословеніе и лѣстивыя привѣтствія отъ папы, и предъявили тѣ требованія или просьбы, какія поручались имъ въ инструкціи. Они потребовали, чтобы въ моравской церкви отмѣнено было „лжеученіе Меѳодія“, т. е., чтобы отмѣнено было введенное св. Меѳодіемъ пѣніе или чтеніе православнаго символа въ моравскихъ храмахъ и чтобы въ замѣнъ его принять былъ символъ съ франко-латинскимъ *Filioque* и такимъ образомъ возстановилось согласіе моравской церкви съ римскою церковью въ вѣроученіи; чтобы устроено было славянское богослуженіе и замѣнено латинскимъ, съ чѣмъ вмѣстѣ предполагалась отмѣна всего греко-славянскаго обряда и замѣна его латинскимъ, съ оставленіемъ только обычая объяснять по-славянски литургійныя чтенія изъ евангелія и апостола. Опорочивая память св. Меѳодія, какъ лжеучителя и подпавшаго анаемѣ, легаты требовали, чтобы ученики его отрепались отъ духовнаго союза съ нимъ, чтобы главный изъ нихъ Гораздъ, какъ незаконно (съ папской точки зрѣнія) назначенный Меѳодіемъ въ преемники его служенія, устраненъ былъ отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ архіепископіи, пока не лобывается въ Римѣ для обьясненія по своему дѣлу, и чтобы права архіепископской вла-

сти переданы были Вихингу съ подчиненіемъ ему учениковъ Меоодія и всего моравскаго духовенства. Всѣ эти требованія легаты необходимо должны были предъявить Святополку, если они поступали согласно съ инструкціей и письмомъ папы Стефана, что само собою должно предполагаться о нихъ, какъ о легатахъ. Столько же необходимо думать, что эвергическій Вихингъ послѣ всего, что онъ недавно предпринималъ и чего достигъ въ интересахъ своего дѣла, не опустилъ свидѣться съ легатами по прибытіи ихъ въ Моравію, вліять на нихъ въ пользу своего дѣла, пособлять ихъ миссіи и у Святополка. Если въ инструкцію папы Стефана не внесено требованіе о немедленной передачѣ Вихингу моравско-паннонскои архіепископіи, то опоры для такого требованія Вихингъ находилъ въ письмѣ папы къ Святополку и, безъ сомнѣнія, не опустилъ и не затруднился съловить и легатовъ къ истолкованію въ этомъ смыслѣ выраженной папскаго письма предъ Святополкомъ. Какъ отнесся Святополкъ къ изложеннымъ требованіямъ или просьбамъ легатовъ отъ имени папы? Едва ли онъ согласился устроить въ моравской церкви славянское богослуженіе и замѣнить его латинскимъ ¹⁾. Но необходимо думать, что подкупаемый лстивыми словами папы и его легатовъ, настраиваемый и Вихингомъ, Святополкъ вполне согласился, чтобы моравская церковь согласовалась въ ученіи вѣры, въ частности въ символѣ, съ римскою и латино-вѣмецкою церковію: онъ не желалъ, чтобы на моравской церкви тяготѣлъ укоръ въ ереси; высказанный папою, не желалъ и самъ слыть еретикомъ среди западныхъ государей, будучи однимъ изъ среды ихъ ²⁾. Весьма вѣроятно и

¹⁾ Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

²⁾ Если прежде при жизни Меоодія Святополкъ поддался наговорамъ о несогласіи ученія Меоодія съ ученіемъ римской церкви и нарочно обращался съ вопросомъ объ этомъ къ папѣ Іоанну VIII; то могъ ли онъ не податься и теперь и притомъ столь рѣшительному увѣренію папы Стефана и его легатовъ о ерестичесствѣ Меоодія? Въ разборъ противорѣчій между довольно общими от-

то, что Святополкъ согласился теперь передать Вихингу управление моравскою архіепископіею и отстранить отъ участія въ немъ Горазда, пока онъ не побудетъ въ Римѣ для объясненій по своему дѣлу или не объяснится по нему предъ папскими легатами. Наконецъ необходимо предполагать, что Святополкъ предоставилъ легатамъ и лично переговорить по всему этому съ Гораздомъ и другими учениками Мееодія, наставить ихъ, и что легаты не только согласились на это, но и сочли это своею обязанностию. То, что послѣдовало далѣе затѣмъ, открываетъ намъ именно Житіе св. Климента. Въ Житіи говорится, что по кончинѣ Мееодія, дерзкая толпа еретиковъ не вынесла, чтобъ видѣть Мееодія и послѣ смерти живымъ противникомъ ихъ въ лицѣ Горазда. „Придите, говорили они, насилуемъ Горазда и уловимъ его лестію... Если оставимъ его жить, то въ немъ оживетъ для насъ Мееодій. Такимъ образомъ лишаютъ его епископства, а нѣкоего Вихинга, упоеннаго неистовою ересью и способнаго опомтъ другихъ (почему онъ и былъ преданъ Мееодіемъ сатанѣ съ проклятіемъ вмѣстѣ съ толпою бѣсновавшихся съ нимъ людей), — этого-то Вихинга... возводятъ на епископскій престолъ, который, какъ при Мееодіи прославился и возвысился надъ многими другими, такъ при Вихингѣ унизился, ниспавъ въ бездну безславія. Такимъ образомъ онъ захватилъ въ свои рѣки епископство незаконно..., а званнаго отъ Бога (т. е. Горазда) оттолкнулъ силою мышцы грѣшника“¹⁾. Житіе вѣрно представляетъ

вѣтомъ папы Іоанна, признавашаго Мееодія православнымъ и рѣшительнымъ уврѣненіемъ папы Стефана и легатовъ его Святополкъ, конечно, не могъ входить, а если и обращалъ на него вниманіе, то легаты съ Вихингомъ сдѣлали, конечно, по своему истолковать предъ нимъ и прикрыть это противорѣчіе.

¹⁾ Эти и подобныя выраженія Житія о Гораздѣ понимаются нѣкоторыми изслѣдователями въ томъ смыслѣ, что онъ былъ посвященъ во епископа самимъ Мееодіемъ. Но мы уже выяснили несостоятельность этого мнѣнія. По этому всѣ указанныя выраженія Житія должны быть понимаемы такъ, что Гораздъ былъ назначенъ, нареченъ Мееодіемъ на епископство послѣ него, и въ этомъ качествѣ завѣдывалъ дѣлами архіепископіи, какъ то бывало въ подобныхъ случаяхъ въ

ходъ событій, когда начальными дѣйствіями толпы еретиковъ ставить возведеніе Вихинга на моравскую архіепископію съ устраненіемъ отъ нея Горазда. Оно не говоритъ только о томъ, что предшествовало этимъ дѣйствіямъ, какъ подготовленіе къ нимъ, но совершилось вдали отъ глазъ учениковъ Мееодія—въ Римѣ и при дворѣ Святополка. Оно начинается съ того акта печальной драмы, который совершился на глазахъ ихъ, непосредственно касался ихъ, былъ первымъ и рѣшительнымъ актомъ въ начинавшемся гоненіи на учениковъ Мееодія. Но, думаемъ, этотъ актъ наступилъ не ранѣе, какъ послѣ того, когда легаты, побывавъ у Святополка, получили согласіе его на передачу моравской архіепископіи Вихингу и устраненіе отъ нея Горазда. Въ составѣ „дерзкой толпы еретиковъ“ должны разумѣться не только Вихингъ съ его сообщниками изъ вѣмецкаго духовенства, но и самые папскіе легаты, ибо они-то могли имѣть власть возвести Вихинга на архіепископскій престолъ, объявить его архіепископомъ, а Горазда устраненнымъ отъ преемства Мееодію и отъ церковнаго управленія, согласно своей инструкціи о послѣднемъ. Объявленіе о томъ и другомъ со стороны легатовъ и лицъ изъ вѣмецкаго духовенства было, какъ слѣдовало ожидать, первымъ мѣропріятіемъ ихъ по отношенію къ ученикамъ Мееодія и другимъ представителямъ изъ моравскаго духовенства и народа. Конечно, оно сопровождалось, быть можетъ, сдержанными, но тѣмъ не менѣе хульными отзывами и о самомъ Мееодіи, какъ осужденномъ папою за лжеученіе и анаемю на Вихинга, и незаконно назначившемъ себя преемника и т. п. Возможно, что все это объявлялось въ нарочитомъ для сего собраніи, даже въ каѳедральной церкви Велеграда. Понятно, съ какимъ глубокимъ прискорбіемъ и негодованіемъ встрѣтили такое объ-

Гречин и у насъ въ древней Руси, когда избранные на епископство вступали въ управленіе и до посвященія, только не служили по-епископски и не совершали хиротоній.

явленіе ученики Мееодія. Несомѣнно и то, что они не убоались заявить съ своей стороны, что не могутъ отречься отъ Мееодія, его ученія и отступить отъ Горазда.

Возникшія при этомъ или за этимъ пренія учениковъ св. Мееодія съ „толпою еретиковъ“ Житіе изображаетъ такъ: „ересь поднимаетъ главу свою и превозносится надъ православнымъ сонмомъ учениковъ мееодіевыхъ; еретики, поднявши крикъ и возставши противъ вѣрныхъ, говорятъ: для чего вы доселѣ прилѣпляетесь къ словамъ мееодіевымъ, уже согнившимъ и мертвымъ, а не присоединяетесь къ живому архіепископу и не исповѣдуете Сына, рожденнаго отъ Отца и Духа, отъ Сына исходящаго? Они же чрезъ Горазда и Климента отвѣчали, что Мееодій еще живъ и мы объ этомъ знаемъ совершенно отъ Господа, Который то говоритъ, что вѣруй въ Него, аще и умреть, оживеть, то учить, что Богъ Авраама, Исаака и Іакова, называется Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ. И такъ, что же за грѣхъ съ нашей стороны, что мы имѣемъ учителя, живущаго въ Богѣ, духовно съ вами присутствующаго и собесѣдующаго и противъ васъ укрѣпляющаго? Что же касается до этой новой вѣры вашей, то мы, не находя, чтобы она подтверждалась свидѣтельствомъ какого-нибудь писанія, или принята была св. отцами, боимся подвергнуть себя проклятію, такъ какъ апостоль Павелъ ясно говоритъ: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаеема да будетъ“. Въ Житіи довольно широко излагается начавшаяся такимъ образомъ рѣчь Горазда и Климента, защитительная по отношенію къ православному ученію объ исходяденіи Св. Духа отъ единаго Отца и обличительная по отношенію къ римско-франкскому ученію о Filioque. Сопоставляя эту рѣчь съ извѣстнымъ намъ письмомъ и инструкціею папы Стефана, нельзя не примѣтить, что Гораздъ и Климентъ направляютъ свои объясненія и обличенія преимущественно противъ тѣхъ доводовъ, какіе именно выставлены были папою, рекомендовались и легатамъ въ защиту Filioque и которые

слѣдовательно и были пущены въ дѣло легатами, Вихингомъ и его сообщниками во время собесѣдованія или пренія съ учениками Мееодія. Такъ, напр., въ объясненіе тѣхъ мѣстъ св. писанія, въ которыхъ говорится о дарованіи, о ниспосланіи вѣрующимъ благодати Св. Духа Сыномъ Божиимъ Іисусомъ Христомъ, и которыя приводились папою въ доказательство мысли объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, ученики Мееодія говорили, что иное дѣло—вѣчное личное исхожденіе Св. Духа, усвояемое писаніемъ Единому Отцу, иное—явленіе или посланіе Св. Духа во времени, т. е. подавіе его вѣрующимъ, совершившееся чрезъ Сына Божія по единству Божества, по спасительной благодати Его. Когда Гораздъ и Климентъ окончили свою рѣчь, сообщники Вихинга (продолжаетъ Житіе) не могли удержать себя, и зажавши уши, какъ нѣкогда побившіе камнями Стефана, мужественнаго свидѣтеля Слова, начали кричать и приводить все въ безпорядокъ, и чуть не подняли рукъ на православныхъ, утружденному языку придавая въ пособіе руки¹⁾. Но наконецъ отступивши, обратились къ послѣднему своему убѣжищу, къ скверному (χοιρῶν) Святополку и клеветуютъ на православныхъ, будто бы они замышляютъ произвестъ возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти, если не будутъ согласоваться въ ученіи съ властителемъ, ибо держаться противнаго ученія есть вмѣстѣ и противоборствовать. Князь, призвавши послѣдователей Мееодія, говорилъ имъ: „что это расколъ дѣлается между вами, и каждый день схватываетесь вы между собою какъ

¹⁾ Извѣстіе Житія, что сообщники Вихинга изъ нѣмецкаго духовенства, при спорѣ съ учениками Мееодія, *чуть не поднимали рукъ на нихъ*,—восьма характерно. Вспомнимъ слова папы Іоанна VIII въ письмѣ къ пассавскому епископу Германриху, одному изъ тѣхъ нѣмецкихъ епископовъ, которые на соборѣ спорили съ Мееодіемъ и судили его: „до того обезумѣлъ ты, что когда Мееодій былъ приведенъ на соборъ, ты бросился на него съ плетью, но былъ остановленъ другими“. Вихингъ и его сообщники были не лучше Германриха. Извѣстіе о такой подробности, какъ готовность ихъ поднимать руки на учениковъ Мееодія въ спорѣ съ ними, даетъ основаніе предполагать, что оно записано со словъ свидѣтеля спора, т. е. самаго Климента.

враги (καὶ καθ' ἑκάστην ἀλλήλοις πολέμῳ συμπλέκομεν)? Не братья ли вы всѣ, не христіане ли? Для чего же вы не соглашаетесь между собою и не стараетесь о единеніи^а? Они же устами Горазда и Климента (эти два мужа вели разговоръ съ княземъ), отвѣчали: „князь, много надобно бы намъ говорить объ этомъ: ибо не о маловажномъ предметѣ и не въ маловажномъ дѣлѣ предстоитъ намъ опасность, но о догматѣ церкви, касающемся Св. Троицы, и въ дѣлѣ спасенія нашей души, что для насъ всего существеннѣе; но какъ незнакомство твое съ св. писаніемъ не позволяетъ тебѣ выслушивать болѣе продолжительныя и глубокія разсужденія, то мы на твой вопросъ отвѣтимъ просто: развѣднимся (мы съ ними) потому, что и Господь пришелъ возврещи мечъ и раздѣлить лучшее отъ худшаго; и о Давидѣ знаемъ, что онъ исповѣдалъ исповѣдающихъ Господа и особенно чтилъ друзей Христовыхъ; а христіанами никогда не признаемъ мы людей, не принимающихъ Евангеліе. Ибо тогда какъ въ немъ единъ отъ Св. Троицы, Сынъ Божій сказалъ: *Духъ истинны, Иже отъ Отца исходитъ*, — эти люди утверждаютъ, что Духъ святой исходитъ и отъ Сына. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то почему бы Господь не сказалъ: Духъ Святой, Который отъ Меня исходитъ? Вотъ первое доказательство. Другое то, что второй константинопольскій соборъ архіереевъ, собравшихся со всей вселенной, изъяснилъ догматъ о Св. Духѣ, — такъ какъ для того и собирався, чтобы опровергнуть духоборца Македонія, — изложивши символъ вѣры не въ опроверженіе поставленнаго на соборѣ никейскомъ, но, — такъ какъ тогда не возникали споры о Св. Духѣ, — въ дополненіе онаго, какъ Сынъ, сохраняя наслѣдіе Отца. Что же видимъ мы въ этомъ символѣ, взятомъ изъ греческихъ книгъ, который *каждодневно произносишь ты*, князь? Исповѣдуется ли здѣсь вѣра въ Духа Святаго, исходящаго отъ Сына, или же исходящаго отъ Отца? Какъ же намъ согласиться съ людьми, которые мудрствуютъ вопреки Евангелію и изложенію отцевъ по внушенію Св.

Духа?... И такъ, если они переимѣняютъ свои мнѣнія и станутъ согласны съ Евангеліемъ и св. отцами, то мы поспѣшимъ къ нимъ, какъ братьямъ, бросимся въ объятія и обнимемся. Если же они, покинувъ единого наставника нашего Христа, пойдутъ по руководству своего ума и осуетятся помышленіями своими, то мы викакъ не рѣшимся по ихъ толкованію изучать догматъ Св. Троицы“. Думаемъ, что разсказъ этотъ въ главныхъ чертахъ вѣрно воспроизводитъ то, что было въ дѣйствительности. Пренія учениковъ Мееодія съ ихъ противниками, начавшіяся въ присутствіи легатовъ, возобновлялись и потомъ изо-дня въ день, какъ намекаютъ слова Святополка: что это—каждый день вы схватываетесь между собою, какъ враги? Естественно и то, что Вихингъ и его сообщники, истощивъ собственные усилія въ спорахъ съ учениками Мееодія, нашли нужнымъ ослабить ихъ властію князя и представить ихъ послѣднему, какъ людей мятежныхъ, противниковъ его самаго. Естественно далѣе, что Святополкъ желалъ прекратить борьбу и вражду сторонъ, склонить ихъ къ единенію въ вѣрѣ, но понимая это единеніе не иначе, какъ въ согласіи съ ученіемъ римской церкви. Естественно наконецъ и то, что Гораздъ и Климентъ не находили возможнымъ и умѣстнымъ входить въ длинныя богословскія разсужденія съ Святополкомъ, а ограничились тѣмъ, что передаетъ Житіе, то есть: сослались на ясныя слова Спасителя объ исхожденіи Св. Духа и на Символъ никеодареградскій, напомнивъ Святополку, что этотъ Символъ и самъ онъ доселѣ произносилъ въ церкви, что наконецъ сохраненіе этого Символа ставили они первымъ условіемъ своего вѣроисповѣднаго единенія съ противною стороною. „Князь, продолжаетъ Житіе, едва ли понималъ что-либо немногое изъ того, что было сказано Гораздомъ и Климентомъ: ибо онъ въ познаніи истинъ божественныхъ былъ совершенно невѣжда, какъ потому, что и воспитался болѣе какъ варваръ, или просто сказать, какъ бесловесное животное, такъ и потому, что умъ его помраченъ былъ

вечистотою плотоугодія, какъ объ этомъ сказано выше. А какъ же можно постигнуть ученіе о Троицѣ челоуѣку, чуждому святости дѣломудрія, ея же кромѣ ничтоже узрѣть Господа. И вотъ онъ, наученный еретиками, которымъ былъ вполне преданъ, далъ такой отвѣтъ православнымъ: я признаю себя челоуѣкомъ совершенно неученымъ и въ догматахъ неувѣдущимъ. Я челоуѣкъ неграмотный, но христіанства держусь и буду держаться. А этихъ недоумѣній и споровъ, которые вы подымаете, не могу рѣшить на основаніи доказательства и различить лжеучителя отъ православнаго. И такъ я, какъ христіанинъ разсужу васъ. Конечно, я и объ этомъ догматѣ даю такой приговоръ, какой привыкъ давать и о прочихъ дѣлахъ: кто первый придетъ и поклонится, что онъ вѣруетъ истинно и православно, о томъ я и буду судить, что онъ нисколько не претыкается и не уклоняется отъ точнаго смысла вѣры,—тому я и церковь вручу и предоставляю завѣдываніе церковными дѣлами по чину пресвитерскому. „Франки, съ величайшею готовностію желая принять клятву, не дождавшися еще до конца княжескаго рѣшенія, поклонились, и тѣмъ утвердили свое злочестивое ученіе, положивши конецъ, безумному суду сообразный. При такихъ судьяхъ ересь увѣнчалась побѣдою надъ православіемъ и получила полную власть притѣснять и влачить истинныхъ рабовъ Христовыхъ и блюстителей вѣры. Ибо, сказалъ князь, если кто уличенъ будетъ неувѣрующимъ по ученію франковъ, тотъ будетъ преданъ имъ въ руки, и они могутъ дѣлать съ нимъ, что хотятъ“. По нашему мнѣнію, и этотъ разсказъ вѣрно изображаетъ дѣйствительность, вѣрно изображаетъ характеръ Святополка, его отношеній къ спору между учениками Мееодія и ихъ противниками съ Вихивгомъ во главѣ, вѣрно передаетъ и сущность того, что говорилъ князь о своемъ невѣдѣніи въ догматахъ вѣры и своей неграмотности или некнижности. Черта живой дѣйствительности видится намъ особенно въ конечномъ способѣ рѣшенія религіознаго спора, предложенномъ Святопол-

комъ: это присяга, оказывающаяся однимъ изъ видовъ того суда *Божія*, которымъ въ средніе вѣка у новыхъ христіанскихъ, но еще не такъ давно вышедшихъ изъ язычества, народовъ рѣшались споры по дѣламъ уголовнымъ, гражданскимъ, иногда даже религиознымъ. Къ видамъ этого суда, кромѣ вѣяты, принадлежали поединковъ или поле, жребій, чудо. Извѣстно напр. толедское преданіе въ Испаніи о рѣшеніи поединкомъ вопроса о литургіи музарабской и римской. Это было вскорѣ послѣ 1085 г., когда городъ Толедо отнятъ былъ у испанскихъ арабовъ кастильскимъ королемъ Алонсомъ VI. По требованію папскаго легата, Алонсо желалъ на мѣсто музарабской литургіи, державшейся у толедскихъ христіанъ прежде—подъ владычествомъ арабовъ, ввести римскую. Но когда этому воспротивились толедскіе христіане, то положено было рѣшить споръ поединкомъ между двумя ратоборцами, избранными изъ сторонниковъ музарабскаго и римскаго обряда. Когда за тѣмъ, не смотря на побѣду музарабскаго ратоборца, папскій легатъ съ соборомъ епископовъ все-таки потребовалъ замѣны музарабскаго обряда римскимъ, то король и народъ предложили рѣшить споръ еще другимъ способомъ суда *Божія*, а именно чрезъ огонь или чрезъ чудо: положено было, послѣ нѣсколькихъ дней поста и общественныхъ молитвъ, бросить въ разожженный на площади костеръ служебники музарабскій и римскій съ тѣмъ, что принять будетъ тотъ изъ нихъ, который выйдетъ цѣлымъ изъ огня¹⁾. Если Святополькъ предложилъ

¹⁾ По одному преданію, римскій служебникъ выбросило изъ огня неповрежденнымъ, а музарабскій остался въ пламени неповрежденнымъ до тѣхъ поръ, пока не потухъ огонь; по другому преданію, римскій сгорѣлъ до тла, а музарабскій остался цѣлымъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ въ концѣ рѣшенъ такъ, что принять римскій служебникъ, какъ общій для всѣхъ церквей, а музарабскій оставленъ только для шести приходскихъ церквей въ Толедо. Легендарный характеръ этихъ преданій отнюдь не препятствуетъ признать дѣйствительность того, что лежитъ въ основѣ ихъ, т. е. мысли о рѣшеніи религиознаго спора судомъ *Божіимъ*. „Музарабское богослуженіе“, ст. прот. К. Кустодіева въ „Прав. Обозрѣніи“ 1370 г. Ч. II, стр. 215—216. Въ древней Руси извѣстны попытки рѣшенія религиозныхъ споровъ тѣмъ или другимъ видомъ суда *Божія*, между прочимъ, и жребіемъ.

рѣшить религіозный споръ клятвою или присягою то, конечно, потому, что этотъ видъ суда Божія былъ обычае въ его практикѣ, какъ то онъ прямо говорить. Совершенно естественно, что франки т. е. Вихингъ или его сторонники, можетъ быть, въ слѣдствіе большей близости къ князю, предупрежденные о способѣ рѣшенія спора, успѣли принять его и произнести клятву, предупредивъ Горазда и Климента и др. учениковъ Мееодія, для которыхъ подобный способъ суда являлся неожиданностію, даже несообразностію, безразсудствомъ, какъ и выражается о немъ авторъ Житія. Но понятно, что для Святлополка быстрая готовность на присягу и послѣшное произнесеніе ея сторонами римскаго ученія оказались достаточно успокоительнымъ рѣшеніемъ спора. Послѣ этого ему, на его взглядъ, и оставалось сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Онъ объявилъ обязательнымъ для учениковъ Мееодія принятіе ученія римской церкви, повелѣлъ повиноваться Вихингу и его сторонникамъ, предоставивъ послѣднимъ и право карать ослушниковъ, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ согласно съ папскимъ письмомъ. Можно полагать, что все это совершилось еще во время нахожденія въ Велеградѣ папскихъ легатовъ, которые теперь признали свою миссію въ Моравіи оконченною и, въ главномъ, достигшею цѣли, и потому отправились обратно въ Римъ.

Теперь - то настало самое тяжкое время для учениковъ Мееодія. „Какое слово, продолжаетъ Житіе, можетъ изобразить, что послѣ этого сдѣлала злоба, получивши власть въ свои руки? Это помстивъ огонь въ лѣсу, раздуваемый вѣтромъ: одни принуждали приложиться къ лукавому ученію, другіе защищали вѣру отцовъ; одни готовы были все сдѣлать, другіе—все потерпѣть; иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали дома, съ нечестіемъ соединяя любостыжаніе, иныхъ нагими тащили по терновнику, и притомъ людей престарѣлыхъ... А изъ пресвитеровъ и дьяконовъ, тѣхъ которые были моложе, еретики продавали

іудеямъ, сами іудиной части и удавленія будучи достойны. Какъ онъ продалъ Христа, такъ эти еретики рабовъ Іисуса Христа, или лучше, друзей Его, какъ самъ Іисусъ Христосъ называлъ ихъ, смѣю даже назвать, помазанниковъ или христовъ, продавали всегда преогорчевающимъ Его врагамъ. Всѣхъ же ихъ было не мало, *но до двухъ сотъ считалось однихъ служителей алтаря.* А которые стояли на ступени учителей, какъ тотъ самый Гораздъ, часто нами упоминаемый, родившійся въ Моравіи и владѣвшій совершенно обоими языками, славянскимъ и греческимъ, котораго добродѣтель Меодія даровала каедрѣ, а злоба еретиковъ, низведши сего мужа съ каедры, лишила ея украшенія,—также Климентъ пресвитеръ мужъ ученѣйшій, и Лаврентій, и Наумъ и Ангеларъ,—этихъ и многихъ другихъ мужей знаменитыхъ, заковавши въ желѣза, держали въ темницѣ въ заключеніи, гдѣ всякое утѣшеніе было возбранено, такъ какъ ни родственники, ни знакомые, ни подъ какимъ видомъ не смѣли имѣть къ нимъ доступа. Но Господь, утѣшающій смиренныхъ, врачующій сокрушенныхъ сердцемъ и соразмѣрно съ множествомъ болѣзней, утѣшеніями веселящій душу, утѣшилъ святыхъ, пославши имъ помощь отъ Святого. Они, будучи обременены узами желѣзными, и въ этомъ состояніи не забывали о молитвѣ; напротивъ, воспѣвши пѣсни третьяго часа, пропѣли потомъ поемый за псалмами припѣвъ, въ которомъ мы молимся, чтобы пресвятой Духъ, ниспосланный въ третій часъ апостоламъ, обновился и въ насъ. Богъ же, призрѣвши на землю, сотвори ю трястися, и вотъ сотворился трусъ великій, подобный тому, который былъ въ то время, какъ Павелъ молился въ оковахъ, и какъ бы шумъ съ небеси,—и оковы спали; и бывшіе дотогдѣ узниками сдѣлались свободными, будучи связуемы одною неразрывною любовію ко Христу. Такимъ образомъ Богъ стрясъ землю и смутилъ ее. Потрясены были и жители того города и приведены въ смятеніе этимъ событіемъ, удивляясь и недоумѣвая, что бы значило такое явленіе, посланное отъ

Бога. Когда же приблизились къ темницѣ и увидѣли, что случилось со святыми, и какъ они, по спаденіи съ нихъ оковъ, оставались совершенно свободными, пріавши слухомъ, какъ говорить Давидъ, божественную радость, съ поспѣшностію пришедши къ князю, говорятъ: что это такое? доколѣ мы будемъ противоборствовать силѣ Божіей? Доколѣ не увидимъ свѣта истины? или мы имѣемъ очи и не видимъ, имѣемъ уши и не слышимъ, какъ истуканы, о которыхъ говоритъ Давидъ, или какъ тѣ люди, которые, по изображенію Исаи, приняли духъ усыпленія? Ужели не познаемъ совершившагося чуда? Ужели не убоимся божественнаго знаменія? Не лучше ли намъ сдѣлаться узниками, связанными почитаніемъ къ этимъ разрѣшеннымъ отъ узъ? Но языкъ еретиковъ опять покушается оклеветать чудо, какъ фарисейскій старался оклеветать то, что тогда совершаемо было Господомъ: они называютъ это явнымъ чародѣйствомъ и хитростію волшебства, другими словами, они приписывали это необыкновенное дѣйствіе вельзевулу, сами будучи исполнены силы его. Послѣ сего,—нужно же было, что бы не позналъ сего неразумный князь,—святыхъ опять обременили оковами, тягчайшими прежнихъ, и изнуреніемъ въ темницѣ еще болѣе безотраднѣе, нежели прежде. Прошло три дня, и вотъ опять, когда они совершали молитву третьяго часа, случилось то же самое, что прежде: трюсъ, соединенный съ шумомъ съ небеси и спаденіе оковъ,—и опять богоборцы, не объявивши ничего князю объ этомъ происшествіи, подвергли святыхъ тѣмъ же самымъ оскорбленіямъ, которыхъ, по суду истины, сами были вполне достойны. Но Богъ открываетъ съ обѣихъ сторонъ взаимное соревнованіе въ дѣйствіи злобы съ одной стороны, и въ ученіи, вселяющемъ радость, съ другой. По прошествіи десяти дней опять въ третій разъ востокъ свыше посѣтилъ подвижниковъ. Но безчувственные еретики остались опять въ томъ же самомъ ожесточеніи; стропотное не дѣлалось правымъ и недостатокъ разумнія въ познаніи добра не

восполнился. И такъ къ боли ранъ, которую чувствовали святые, еретики прибавили еще болѣе. Получивши отъ князя позволеніе поступать какъ имъ заблагоразсудится, они выводятъ ихъ изъ темницы, истязуютъ ударами; какъ говорится, нечеловѣческими, не давая никакой пощады ни сѣдинамъ, ни слабости, которой отъ многихъ измученій подвергались тѣла святыхъ. Но ничего этого не зналъ князь, раболѣпствовавшій еретикамъ, ибо онъ, по обстоятельствамъ, находился въ отлучкѣ; а если бы былъ дома, то еретики не показали бы такихъ жестокостей надъ исповѣдниками истины; потому что онъ, хотя въ тысячу разъ болѣе былъ расположенъ къ фравкамъ, но, не смотря на свою полувѣрскую и жестокою природу, уважалъ добродѣтель святыхъ мужей, въ особенности, когда Богъ сотворилъ трижды повторившееся чудо. Послѣ такихъ безчеловѣчныхъ ударовъ, еретики, не давши святымъ подкрѣпить себя сколько-либо пищею—ибо они никому не позволяли бросить ни одного куска хлѣба рабамъ Иисуса Христа и, можно сказать, помазанныкамъ или христамъ—отдали ихъ войнамъ отвести въ разныя мѣста, прилежащія къ Истру, обрешши гражданъ небесныхъ на всегдашнее изгнаніе изъ города. Войны, люди грубые—ибо это были вѣмцы—и въ предѣ своей имѣя что-то звѣрское, а потомъ увеличивши это звѣрство вслѣдствіе приказанія, взявши святыхъ, выводятъ изъ города, и потомъ, снявши съ нихъ одежды, повлекли ихъ нагими. Такимъ образомъ, въ одно и то же время подвергали ихъ двойной скорби: позору и непріязненному дѣйствию холоднаго воздуха, облегающаго всегда страны, при Истрѣ находящіяся. Они даже прикладывали мечи къ ихъ выямъ, какъ бы намѣреваясь поразить, и подставляли къ бокамъ копыя, какъ бы готовясь воззять оныя, чтобы они не однажды только умирали, но столько разъ, сколько того ожидали; и все это наказано было войнамъ отъ враговъ. Но когда они уже находились на далекомъ разстояніи отъ города, то войны, которые вели, покинувши ихъ, направились опять въ городъ.

Приведенный длинный рассказъ есть, полагаемъ, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ болѣе всего сказались характеристическія черты переработки Житія позднѣйшимъ авторомъ грекомъ, совершенной съ особенною цѣлю. У начальнаго автора Житія рассказъ этотъ былъ, по всей вѣроятности, короче и проще. Но *фактическое* содержаніе рассказа, въ его сущности, было взято все-таки изъ начальнаго Житія или сказанія. Явленія, здѣсь описываемыя, вполне сообразны съ временемъ и обстоятельствами. Таковы, прежде всего, описываемыя въ Житіи жестокія насилія надъ учениками Мееодія со стороны враговъ ихъ. Припомнимъ, какъ жестоко поступали съ Мееодиємъ, какъ тяжело истязали его три вѣмецкіе прелата: Адальвинъ зальцбургскій, Германрихъ пассивскій и Аннонъ фрейзангенскій. Вихингъ былъ, конечно, не лучше, а скорѣе хуже ихъ, и притомъ еще озлобленнѣе противъ Мееодія, слѣдовательно и его учениковъ и послѣдователей. Получивъ теперь въ полную свою власть послѣднихъ, не желавшихъ однакоже признать этой власти, Вихингъ не зналъ удержа своей злобѣ и раздраженію и, конечно, не затруднялся найти пособниковъ къ исполненію жестокихъ распоряженій его относительно мееодіевыхъ учениковъ и вообще лицъ славянскаго духовенства, не хотѣвшихъ отречься отъ Мееодія и Горазда и покориться Вихингу¹⁾. Полную историческую вѣроятность имѣетъ и то,

¹⁾ Примѣровъ необузданнаго самоуправства и жестокаго насилія со стороны не мірскихъ только, но и духовныхъ лицъ надъ людьми противной стороны или просто надъ слабѣйшими, подпавшими ихъ власти, можно бы набрать весьма и весьма много изъ средневѣковой исторіи и въ частности изъ IX и X в. Но довольно вспомнить слишкомъ извѣстные факты этого рода, имѣвшіе мѣсто въ данную эпоху въ самомъ Римѣ во время борьбы партій и лицъ изъ-за папскаго престола и вообще за преобладаніе въ Римѣ. Самые приемы жестокихъ мученій, описываемые въ Житіи, аналогичны съ тѣми, какіе встрѣчаемъ въ это время и въ Римѣ. Такъ напр. Житіе говоритъ, что „нихъ (изъ послѣдователей Мееодія) вагни волочили по терновнику“. Отъ того же времени въ хроникѣ монастыря св. Венидикта сохранилась замѣтка: *iste Adrianus cecavit Gregorium de Abentinum et Mariam superistaniam nudam per totam Romam fusticavit*. Фульдская лѣтопись относитъ убіеніе этого Григорія ко времени папы Марина, предшественника папы Адриана III. Dümmler, *Geschichte des Ostfränk. Reichs*. Band II, p. 251.

что говорить Житіе, при описаніи разныхъ видовъ насилія надъ лицами моравскаго духовенства, о продажѣ ихъ іудеямъ. Въ моменты, подобныя настоящему, евреи тогда, какъ и прежде и потомъ, являются услужниками сильнѣйшей стороны, эксплуатирующими борьбу между христіанами въ интересахъ корысти. А ихъ роль, какъ покупщиковъ, перекупщиковъ и продавцевъ плѣнныхъ, рабовъ и т. п., слишкомъ извѣстна едва не съ первыхъ вѣковъ христіанства и долго потомъ во все теченіе среднихъ вѣковъ¹⁾. И вотъ Вихингъ и его нѣмецкіе пособники пользуются услугами евреевъ, продаютъ имъ захваченныхъ, въ качествѣ мятежниковъ и плѣнниковъ, молодыхъ священниковъ и діаконовъ изъ мораво-паннонскихъ славянъ, чтобы этимъ унизить и выжить ненавистное духовенство, непренебрегая случаемъ и къ наживѣ отъ такой продажи, рядомъ съ наживою отъ расхищенія домовъ и имущества гонимаго духовенства. Безъ сомнѣнія, вѣрно въ основѣ и то, что говоритъ Житіе о терпѣніи и мужествѣ учениковъ Меодія. Какъ воспитанники св. первоучителей славянскихъ, воскресившихъ въ себѣ истинный духъ апостольства, они проявили въ себѣ духъ древне-христіанскаго исповѣдничества, были первыми послѣ своихъ учителей исповѣдниками восточнаго православія на латино-нѣмецкомъ западѣ. Подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ, они въ узахъ и тюремномъ заключеніи утѣшаютъ

¹⁾ Со времени Карла V. іудеи уже довольно извѣстны во франко-нѣмецкой имперіи, верѣдко занимали и важное положеніе при дворѣ. Іудей Исаакъ былъ посломъ Карла V. къ царю персидскому (Pertz, I, 190. 353). Іудей Седекія былъ придворнымъ врачомъ императора Карла V. († 877 г.). Ibid. p. 504. 589. Въ половинѣ IX в. извѣстенъ и примѣръ совращенія іудеями въ свою вѣру нѣмецкаго діакона Возола, который отличился потомъ своими жестокостями противъ христіанъ въ Испаніи. Изъ нѣмецкой имперіи іудеи проникали и въ сѣвѣднія славянскія земли, гдѣ однимъ изъ привычныхъ промысловъ ихъ была торговля рабами и плѣнными, между которыми попадались и духовныя лица. Право такой торговли было отнято у нихъ уже въ 1124 г. княземъ Владиславомъ. Извѣстно свидѣтельство объ этой торговлѣ въ Житіи св. Войтѣха еп. пражскаго. Fontes R. V. T. I, p. 245. См. А. Будиловича: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ, стр. 45—47. Варшава. 1880 г.

себя пѣніемъ свящ. псалмовъ и молитвъ, пѣніемъ, конечно, на родномъ славянскомъ языкѣ. Они сподобляются знаменій утѣшающей и укрѣпляющей благодати, даруемой Господомъ своимъ вѣрнымъ рабамъ, согласно Его обѣтованіямъ. Эти знаменія были ощутимы и зримы имъ, но едва ли другимъ, ибо трудно допустить, чтобы видя ихъ не вразумились ими гонители—не язычники или іудеи, а христіане, чтобы не вразумился и князь, если бы свѣдалъ о такихъ знаменіяхъ. Временное освобожденіе учениковъ Мееодія изъ оковъ и тюрьмы было, думается намъ, послѣдствіемъ заступничества за нихъ со стороны моравянъ, требовавшихъ или просившихъ освободить невинныхъ страдальцевъ. Но за освобожденіемъ слѣдовали со стороны гонителей новыя нападенія на нихъ, новыя истязанія, особенно тогда, когда князь, могшій сдерживать гонителей, „находился, по обстоятельствамъ, въ отлучкѣ“, какъ замѣчаетъ Житіе, прибавляя, что „если бы онъ былъ дома, то еретики не показали бы такихъ жестокостей надъ исповѣдниками истины“. Но какъ Святополкъ могъ допустить тѣ прежнія насилія и жестокости надъ учениками Мееодія, какія совершались Вихингомъ и его сообщниками еще до отлучки Святополка и слѣдовательно могли быть ему болѣе или менѣе извѣстны? Святополкъ и самъ въ борьбѣ съ своими противниками способенъ былъ на страшныя жестокости и уже поэтому могъ мириться и съ жестокостями другихъ надъ ихъ противниками¹⁾. Притомъ,

¹⁾ См. напр. описаніе жестокостей Святополка во время войны его съ вѣмскими графами въ 883—884 гг. Pertz, I, 400. А образъ дѣйствій Вихинга, который пользовалъ своею силою у Святополка, позволялъ себѣ необузданное и жестокое самоуправство, имѣетъ нѣкоторую аналогію съ образомъ дѣйствій его современника, Лутварда, епископа верцелленскаго, который былъ такой же выскочка, какъ и Вихингъ, достигъ большой силы и званія канцлера при императорѣ Карлѣ Толстомъ. За свое жестокое самоуправство временщикъ зготъ прослѣдилъ у вѣмцевъ Аманомъ и былъ свергнутъ только благодаря соединеннымъ усиліямъ вѣмцкихъ епископовъ и вельможъ (Pertz, I, 402—404 и др.). Свергнуть Вихинга въ Моравіи было некому, такъ что здѣсь онъ могъ долго неистовствовать.

какъ было уже замѣчено со словъ „Житія“, Вихингъ и его сообщники представляли князю учениковъ мееодіевыхъ противниками его власти, не желающими принять то римское ученіе, какое призналъ князь, производящими раздоръ и смуту. Предоставивъ Вихингу полную власть надъ ними, а слѣд. и право карать ихъ, какъ ослушниковъ, Святополкъ могъ рассчитывать этимъ именно способомъ омирить ихъ, привести въ покорность и въ единство вѣры съ римскою церковію. Когда послѣ ряда насилій надъ ними, обнаружилась ихъ непоколебимое терпѣніе и мужество, то Святополкъ, не совѣмъ глухой и къ ропоту народа на такія насилія, находить нужнымъ сдерживать неистовства гонителей, не позаботившись однако предупредить возобновеніе ихъ на время предстоявшей отлучки своей изъ Велеграда, которою по этому воспользовались гонители, чтобы приняться за прежнее дѣло. Надо полагать, что это была отлучка довольно долгая и далекая, такъ что не легко могли дойти къ Святополку жалобы на возобновеніе жестокостей.

За этими жестокостями послѣдовало не менѣе жестокое изгнаніе исповѣдниковъ вѣры. Оно было прямымъ исполненіемъ папскаго наставленія, даннаго еще въ письмѣ къ Святополку: „а упорныхъ и непослушныхъ, производящихъ вражду и соблазнъ, если не исправятся послѣ пераго и второго увѣщанія, предписываемъ извергать изъ нѣдръ церкви, чтобы одна больная овца не заразила всего стада, предписываемъ обуздывать нашу властію и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ“¹⁾. Изгнаніе это состоялось приблизительно въ 886—887 г., во время отлучки Святополка изъ Велеграда, но, конечно, съ его вѣдома и согласія¹⁾.

¹⁾ Упомянутая въ Житіи отлучка Святополка могла быть отлучкою для свиданія, для какихъ-либо переговоровъ и соглашеній съ Арнульфомъ, съ которымъ Святополкъ находился теперь опять въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Это могла быть отлучка именно для переговоровъ по поводу задуманнаго Арнульфомъ отнятія престола у императора Карла Толстаго, причемъ надобилось Арнульфу содѣйствіе или согласіе сильнаго Святополка. Событіе это относится

Въ замѣнъ жестокихъ гоненій, которыми не удалось побѣдить твердость исповѣдниковъ и которыя въ то же время возбуждали ропотъ и волненіе въ народѣ, Святополкъ предпочелъ ограничиться прямымъ исполненіемъ начальнаго папскаго наставленія объ изгнаніи непокорныхъ изъ предѣловъ мораво-паннонскаго государства. Изгнанію подверглись тѣ главнѣйшіе изъ учениковъ Мееодія, тѣ „начальники хора“ въ духовной паствѣ Мееодія, которыхъ Вихингъ и его сообщники считали, съ своей точки зрѣнія, вождями сопротивленія, зачинщиками мятежа. Кромѣ названныхъ въ Житіи Горазда, Климента, Наума, Ангеляра, Лаврентія, Саввы, были въ томъ числѣ еще и другіе¹⁾. Понятно и то, что для изгнанія такихъ лицъ, хотя и безоружныхъ, требовалась военная сила, требовался военный конвой, въ виду возможности заступничества за нихъ со стороны народа. Вполнѣ вѣроятно свидѣтельство Житія, что конвой этотъ состоялъ изъ немцевъ, ибо они, а не славянскіе воины могли быть надежными и усердными исполнителями подобнаго жестокаго распоряженія о славянскомъ духовенствѣ. Нѣмцевъ этихъ могъ, съ вѣдома Святополка, собрать и Вихингъ изъ своей прежней витранской епархіи, и вообще изъ своей нѣмецкой паствы въ предѣлахъ Моравіи и Панноніи. Онъ же, стоя во главѣ гонителей, былъ главнымъ виновникомъ того приказа, по которому, какъ замѣчаетъ Житіе, воины, конвоируя изгнанниковъ, обращались съ ними нагло и жестоко, къ чему впрочемъ они и сами способны были какъ солдаты своего времени, привычныя къ всякаго рода насиліямъ надъ мирными и беззащитными жителями, какъ нѣмцы, недолюбливавшіе и презиравшіе славянъ, а на изгнанниковъ

къ 887 г. (о немъ еще упомянемъ ниже). Извѣстіе Житія о томъ особенномъ обстоятельстве, что послѣднія истязанія учениковъ Мееодія и затѣмъ изгнаніе ихъ происходили во время отлучки Святополка, можетъ, по нашему мнѣнію, быть принимаемо, какъ извѣстіе, идущее отъ *начальнаго* автора Житія.

¹⁾ Таковъ былъ извѣстный Константинъ, потомъ пресвитеръ болгарскій при царѣ Соломонѣ, называвшій себя *ученикомъ* св. Кирилла и собратомъ Наума.

смотрѣвшіе какъ на еретиковъ и мятежниковъ. Согласно прямому наставленію папскаго письма, въ которомъ повѣлвалось изгонять ослушниковъ *далеко* отъ предѣловъ Моравіи, воинамъ дано приказаніе отвезть изгнанниковъ *въ разныя мѣста, прилежащія къ Истру—Дунаю*. И дѣйствительно, воины загнали ихъ въ какую-то далекую отъ моравской столицы мѣстность, всего вѣроятно въ ту степную, тогда малонаселенную равнину между Дунаемъ и Тиссой, которая отдѣляла предѣлы мораво-паннонскаго государства отъ болгарскаго, въ которой бродили остатки аваръ, а потомъ осѣлись венгры. Здѣсь-то изгнанники оставлены на произволъ судьбы, ограбленные, истощенные, измученные. Но не оставлены они Богомъ. Одни, между небомъ и землею, они вознесли молитвы къ Богу, укрѣпляемые Его благодатію и теперь, какъ прежде въ тюремномъ заключеніи, находя утѣшеніе въ чувствахъ вѣры и правды, за которую были изгнаны.

Раздумье изгнанниковъ о томъ, куда теперь направить свой путь, было непродолжительно. Оно разрѣшалось для нихъ живучею мыслию о своемъ призваніи, въ качествѣ учениковъ святыхъ и равноапостольныхъ просвѣтителей славянскихъ. „Исповѣдники Христовы, продолжаетъ Житіе, помня слова Господа, заповѣдавшаго гонимымъ изъ одного города бѣжать въ другой, влеклись желаніемъ въ Болгарію; въ Болгарію стремился духъ ихъ, въ Болгаріи надѣялись они найти успокоеніе. Но и ее не могли бы они достигнуть, если бы не скрывали своего пути; потому они и старались укрываться отъ взоровъ всѣхъ, претерпѣвая нужду въ пищѣ и одеждѣ. И такъ они принуждены были отъ страха разлучиться другъ отъ друга и разошлись въ разныя стороны, по Божьему изволенію, чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія“. Что мысли изгнанниковъ стремились въ Болгарію, какъ наиболѣе желанному и надежному убѣжищу, — это понятно. О Болгаріи они напередъ слышали, какъ странѣ христіанской, единовѣрной, странѣ

родственнаго славянскаго народа, слышали, конечно, еще отъ самаго Мееодія, прошедшаго ее на своемъ пути изъ Моравіи въ Царьградъ и обратно въ 881—882 г. Но что заставляло ихъ скрывать свой путь и для этого идти не вмѣстѣ, а разлучиться и пойти въ разныхъ направлеиіяхъ, чтобы менѣе обращать на себя вниманіе и удобнѣе скрыть, такъ сказать, слѣды своего пути? Быть можетъ, они опасались преслѣдованія ихъ со стороны гонителей, если послѣдніе грозили имъ этимъ въ предупрежденіе возврата ихъ. Возможно и то, что путники опасались попасться на глаза какому-либо бродячимъ хищникамъ въ степи, при довольно обычныхъ тогда грабежахъ и разбояхъ по дорогамъ, или опасались возбуждать подозрительность въ себѣ самимъ, если бы шли цѣлою дружиною или группою, такъ что вслѣдствіе подобныхъ опасеній, предпочли идти по двое-трое, въ видѣ нищихъ странниковъ, которымъ въ одномъ случаѣ легче дадутъ вольную дорогу, въ другомъ дадутъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Какъ бы то ни было, но необходимость разлуки была для собратій изгнанниковъ новою горестію, которая умѣрилась однакоже тою вѣрою въ Промыслъ и свѣтлою мыслию о призваніи исповѣдниковъ на служеніе разнымъ странамъ, которую высказываетъ при этомъ и авторъ Житія. Далѣе онъ говоритъ только о томъ, что Климентъ съ Наумомъ и Ангеларомъ пошли по направленію къ Истру, достигли пограничнаго болгарскаго селенія и затѣмъ водворились въ Болгаріи, и сосредоточивается на дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности въ Болгаріи. Но, къ сожалѣнію, онъ не сказалъ, куда пошли и гдѣ водворились Гораздъ и другіе спутники, такъ что дальнѣйшая жизнь и участь ихъ остались намъ неизвѣстными.

Оставимъ путниковъ идти туда, куда направляла ихъ рука Провидѣнія и куда влекли ихъ желанія и надежды ихъ. Возвратимся въ Моравію, чтобы всмотрѣться въ то положеніе здѣшней славянской церкви, въ какомъ она нашлась по изгнаніи изъ нея предѣловъ учениковъ св. Мееодія. Поло-

женіе это было печальное. Римъ, не только допустившій, но и поощрившій совершить такое беззаконіе надъ избранными представителями этой церкви, преемниками ученія и духа великихъ учителей, надолго остается безучастнымъ къ ней, предоставивъ властвовать надъ нею Вихингу, имѣвшему искоренять въ ней ученіе Меѳодія, закрѣплять и власть Рима надъ нею¹⁾. Святополкъ въ моментъ изгнанія учениковъ Меѳодія или вскорѣ послѣ этого входитъ въ новыя политическія сдѣлки съ Арнульфомъ, не оставшіяся безъ вліянія и на характеръ отношеній его къ славянской церкви въ своемъ государствѣ. Въ 887 г. этотъ Арнульфъ задумалъ отнять императорскій престолъ у Карла Толстаго, чего и достигъ, бывъ провозглашенъ императоромъ въ ноябрѣ 887 г. Есть основаніе полагать, что Арнульфъ достигъ своей цѣли, между прочимъ, съ помощію Святополка, своего кума, теперь и пріятеля, уступивъ ему въ замѣнъ сего права на Чехію, какія продолжала усваивать себѣ имперія²⁾. Само собою должно предполагаться, что Вихингъ и теперь, какъ прежде, игралъ роль посредника между Святополкомъ и Арнульфомъ, и что подобною ролю онъ упрочивалъ свое положеніе при Святополкѣ, а слѣдовательно, и свою власть надъ всею мораво-паннонскою церковію и ея славянскимъ духовенствомъ. Въ качествѣ союзника имперіи и императора, виднаго члена въ ряду западно-европейскихъ госуда-

¹⁾ О. Мартиновъ въ своемъ, извѣстномъ уже намъ, изслѣдованіи—*S. Méthode, apôtre des Slaves*, разобралъ письмо папы Стефана и его инструкцію легатамъ, т. е.—тѣ два документа, которыми нанесенъ тяжкій ударъ славянской церкви въ Моравіи и которые послужили для Вихинга опорой для жестокихъ гоненій на учениковъ Меѳодія,—находитъ возможнымъ заключить свое изслѣдованіе умилительнымъ отзывомъ о папѣхъ, ихъ мудрости, возвышенности видовъ и неизмѣнной любви, какими руководились они въ своей божественной миссіи. Удивительная логика! Что было бы съ правдою при такой логикѣ?

²⁾ Фульдская лѣтопись подъ этимъ годомъ говоритъ (*Pertz, I, p. 405*), что Арнульфъ шелъ противъ Карла съ сильнымъ войскомъ изъ нориковъ (т. е. вѣнцевъ Восточной Марки) и *славянъ*. Слѣдуетъ думать, что это славянское войско дано было Святополкомъ. Замѣчанія объ уступкѣ правъ на Чехію у Грота, принимающаго здѣсь мнѣніе Дудика (1. с. р. 136). Впрочемъ, права эти могли быть только притязаніями (Шафарика, *Слав. Др. пер. Бодянскаго, т. II, кн. 2, стр. 235*).

рей, Святополкъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, стоялъ при своемъ желаніи видѣть мораво-панновскую церковь единою по вѣрѣ съ церковію латино-нѣмецкою и главенствующею римскою, и съ своей стороны также предоставлялъ Вихингу властвовать въ качествѣ единственнаго моравско-панновскаго архіепископа. Затѣмъ на характеръ политическихъ и церковныхъ отношеній Святополка указываетъ извѣстіе Фульдской лѣтописи о происходившемъ въ мартѣ 890 г. сѣздѣ его съ Арнульфомъ въ Омунтесбергѣ, въ Панновіи, причемъ первый, по просьбѣ папы, настойчиво уговаривалъ Арнульфа предпринять походъ въ Италію и оказать помощь папѣ и Риму противъ вѣнскихъ и внутреннихъ враговъ¹⁾. Это извѣстіе даетъ понять, что предметъ былъ какія-то сношенія у самаго Святополка съ папою, въ интересахъ ли то перваго или послѣдняго, или же ихъ обоеихъ, что вообще въ Римѣ считали Святополка преданнымъ римской церкви. Въ виду такихъ продолжавшихся сношеній Святополка съ Римомъ, страннымъ представляется то обстоятельство, что моравско-панновской церкви не дано было, кромѣ Вихинга—архіепископа, еще двухъ-трехъ епископовъ, какъ то предполагалось при папѣ Іоаннѣ VIII и Мееодіи, и какъ сдѣлано было потомъ при Моймирѣ. Обстоятельство это можетъ указывать на нѣкоторое равнодушіе Святополка въ церкви своего государства, на его нежеланіе затруднять себя обезпеченіемъ содержанія новыхъ епископскихъ кафедръ, а вѣроятно и на его поблажку Вихингу, которому, конечно, болѣе нравилось одному вла-

¹⁾ *Mediante vero quadragesima rex (Arnulphus) Pannoniam proficiscens, generalem conventum cum Zuentibaldo duce, loco qui vulgo appellatur Omuntersberg, habuit. Ibi inter alia praefatus dux ab apostolico rogatus, regem obnixè interpellabat ut urbe Roma domum sancti Petri visitaret, et Italicum regnum, a malis christianis et imminentibus paganis ereptum, ad suum opus restringendo dignaretur tenere.* Арнульфъ не нашелъ возможнымъ исполнить эту просьбу. Pertz I, 407. Обстоятельныя указанія и сужденія о переговорахъ въ Омунтесбергѣ см. въ соч. проф. Успенскаго „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ“, стр. 84. Сиб. 1873 г.

ствовать надъ всею церковью въ предѣлахъ обширной моравской державы, одному пользоваться епископскими сборами и доходами, тогда обычными. Но дѣло Меодія и его учениковъ не было въ конецъ подавлено и въ это тяжелое время господства Вихинга. Если главные ученики Меодія были изгнаны, если кромѣ ихъ и нѣкоторые другіе священники и діаконы изъ моравянъ были удалены, загнаны, проданы жидамъ, то все-таки ихъ осталось еще довольно по крайней мѣрѣ изъ числа тѣхъ 200, о которыхъ говоритъ Житіе. Оно и не говоритъ, чтобы изгнаны были всѣ они ¹⁾. Да и трудно допустить поголовное изгнаніе всего моравскаго духовенства. Естественно, напротивъ, думать, что многіе священники, діаконы и клирики мораво-паннонскіе, удерживаемые на родинѣ семейными и другими житейскими связями, предпочли, скрѣпя сердце, покориться Вихингу, признать его власть, не спорить и противъ его римскаго символа или ученія, и потому остались на своихъ мѣстахъ. Но покорившись Вихингу и ученію римскому, они сохранили то, что особенно дорого было имъ и народу—это славянское богослуженіе. Скажемъ бодрѣ: самъ Святополкъ, согласившись на все, чего требовали папа и его легаты въ пользу римской церкви и Вихинга, не могъ и не желалъ согласиться на упраздненіе славянскаго богослуженія, зная что народъ, не понимающій, какъ и онъ самъ, тонкостей вѣроисповѣдныхъ различій и потому способный мириться съ тѣмъ ученіемъ, какое выдавалось за ученіе римской церкви, далеко не такъ легко снесетъ изгнаніе славянскаго богослуженія, къ которому онъ уже довольно привыкъ и привязался. Вотъ почему Святополкъ, по всей вѣроятности, не допустилъ и легатовъ объявить упраздненіе славянскаго богослуженія, входилъ по этому поводу въ новыя объясне-

¹⁾ Неосомнительно нѣкоторые исследователи извѣстіе Житія о 200 священникахъ и діаконахъ, поставленныхъ св. Меодіемъ, сливаютъ съ извѣстіемъ объ изгнаніи главныхъ учениковъ Меодія, въ числѣ нѣсколькихъ. Извѣстія эти стоятъ отдѣльно.

ніи съ Римомъ¹⁾, обязалъ и Вихинга терпѣть славянское богослуженіе, предоставлялъ моравскому духовенству полную свободу совершать его въ своихъ приходскихъ храмахъ. Папа тогда былъ далеко не такъ силенъ, чтобы грозить за это Святополку, волею или неволею допустилъ держаться въ Моравіи славянскому богослуженію, волею или неволею терпѣлъ его и Вихингъ. Довольствуясь пока тѣмъ, чего достигъ, властолюбивый и воровстолюбивый прелатъ вынужденъ былъ отлагать остальное надалѣе, надѣясь на время. Но время подорвало и положеніе Вихинга въ Моравіи.

Святополкъ, то мирившійся, то ссорившійся, съ Арнульфомъ, недолго оставался въ мирѣ съ нимъ и теперь. Въ 891 г. Арнульфъ присылалъ въ Моравію пословъ для переговоровъ съ Святополкомъ о возобновленіи мира (pro renovanda pace). Видно, уже опять заходило недовѣріе между ними вслѣдствіе новыхъ притязаній Арнульфа, какъ императора, на верховенство надъ моравскимъ государемъ. Въ томъ же 891 г. Арнульфъ, побывавъ во Франціи, одержалъ здѣсь въ мѣсяцъ ноябрѣ блистательную побѣду надъ норманнами, которая сдѣлала его самоувѣреннѣе и притязательнѣе. Въ февралѣ 892 г. онъ былъ уже опять въ Баваріи, откуда послѣшилъ въ Восточную Марку въ надеждѣ, что сюда явится на встрѣчу ему Святополкъ, обѣщавшій ему это, вѣроятно, во время переговоровъ 891 года. Но Святополкъ, какъ выражается неприязненный ему латинонѣмецкій анналистъ, по своему обычаю, отказался прійти къ королю, обманувъ его относительно своей вѣрности и всего, что обѣщалъ. Вѣрнѣе то, что Святополкъ окончательно разубѣждался въ искренности пріязни Арнульфа и вѣмцевъ, примѣчалъ возрастающія притязанія ихъ привести

¹⁾ Возможно, что вопросъ этотъ былъ предметомъ тѣхъ сношеній Святополка съ Римомъ, какія происходили не задолго до переговоровъ первого съ Арнульфомъ въ Оунгесбергѣ въ мартѣ 890 г.

Моравію въ вассальныя отношенія къ имперіи и, сознавая собственную силу, рѣшилса держать себя съ полною независимостью. Теперь возгорѣлась уже послѣдняя война между Арнульфомъ и Святополкомъ, въ которой первый окончательно выдаетъ себя какъ непримиримый врагъ самобытности моравскаго государства. Сперва онъ заключаетъ союзъ и устраиваетъ совѣщанію съ Брацлавомъ (Брячиславомъ), княземъ по-Савской Хорватіи, о томъ, когда и какимъ путемъ вторгнуться въ Моравію¹⁾. Затѣмъ, собравъ большое войско изъ франковъ, баварцевъ и швабовъ, въ мѣсяцъ іюнь вторгается въ Моравію, куда съ другой стороны вторгаются угры, возбужденныя къ этому тѣмъ же Арнульфомъ²⁾. Четыре недѣли громадное войско Арнульфа и толпы угровъ опустошали Моравію, истребляя хлѣба на поляхъ, срубая фруктовыя деревья, сожигая до тла селенія и т. д. Святополкъ съ своими моравами заперся въ укрѣпленіяхъ. Онъ не защитилъ своей несчастной страны, хотя самъ лично не былъ побѣжденъ. Арнульфъ искалъ новыхъ союзниковъ противъ Святополка въ болгарахъ и въ сентябрѣ отправилъ пословъ къ болгарскому князю съ большими дарами и съ предложеніемъ возобновить старую дружбу³⁾. На этотъ разъ онъ домогался, чтобы прекращенъ былъ вывозъ соли изъ Болгаріи въ Моравію⁴⁾. Послы Арнульфа,

¹⁾ Этотъ Брацлавъ, владѣвшій землями между р. Савою и Дравою, упоминается въ Фульдентской лѣтописи подъ 884 г. какъ уже зависящій отъ нѣмецкой имперіи при Карлѣ Толстоюмъ. Pertz, I, 401.

²⁾ Что угры въ это время вторгались въ Моравію и именно въ качествѣ союзниковъ Арнульфа, — объ этомъ ясно говоритъ Фульдентская лѣтопись, когда описывая движеніе Арнульфа въ Моравію съ нѣмецкимъ войскомъ, прибавляетъ: *Ungaris etiam ibidem ad se cum expeditione venientibus*. Pertz, I, p. 408.

³⁾ Подъ этою старою дружбою разумѣлись тѣ сношенія и союзы нѣмецкой имперіи съ Болгаріей, которые начались при Борисѣ и Лудовикѣ, какъ разъ предъ моравскою миссіей св. Константина и Меодія.

⁴⁾ Моравія получала соль преимущественно изъ баварскихъ соляныхъ копей подъ Зальцбургомъ. Теперь, по случаю войны съ Арнульфомъ и баварцами, этотъ источникъ снабженія солью закрылся для Моравіи. Арнульфъ хотѣлъ закрыть ей и другой морской источникъ, доступъ къ которому былъ черезъ Болгарію. Этимъ онъ надѣялся поставить Святополка въ большое затрудненіе.

опасаясь умысловъ Святополка, не рѣшались отправиться сухимъ путемъ чрезъ Паннонію и отравились воднымъ путемъ изъ владѣній Брацлава и достигли Болгаріи ¹⁾. Здѣсь они будто бы приняты были почетно и тѣмъ же путемъ съ полученными дарами возвратились въ м. маѣ 893 года ²⁾. То было печальнымъ явленіемъ, что два славянскіе государя Брацлавъ и болгарскій князь являются союзниками нѣмецкаго государя, стремившагося подавить третьяго со-сѣдняго имъ славянскаго государя, хотя впрочемъ неиз-вѣстно, исполнилъ ли болгарскій князь просьбу Арнульфа о недопущеніи соли изъ Болгаріи въ Моравію. Между тѣмъ война Святополка съ Арнульфомъ продолжалась и въ слѣ-дующемъ 893 г. Святополкъ казался такъ еще сильнымъ, что у него искали убѣжища или союза недовольные Арнуль-фомъ нѣмецкіе вельможи (потомки тѣхъ, изъ-за коихъ были и прежде ссоры и войны у Святополка съ Арнульфомъ), впрочемъ безуспѣшно. Затѣмъ Арнульфъ опять вторгся въ Моравію, но весь успѣхъ его здѣсь состоялъ въ опустоше-ніяхъ страны, изъ которой въ свою очередь съ большимъ трудомъ онъ могъ выбраться обратно, угрожаемый съ раз-ныхъ сторонъ засадами Святополка. Замѣчательно, что въ ту пору, когда Арнульфъ такъ ожесточенно воевалъ съ Свя-тополкомъ въ Моравіи, Арнонъ, вюрцбургскій епископъ, по совѣту тюрингскаго маркграфа Поппо, вторгся съ франк-

¹⁾ Въ томъ обстоятельствѣ, что Арнульфъ не могъ отправить своихъ по-словъ чрезъ Паннонію, болсъ засады отъ Святополка, Шафарикъ (Славян. древ-ности, пер. Бодянскаго, т. II, кн. 11, стр. 305, М. 1847 г.), за нимъ и другіе изслѣдователи основательно видятъ доводъ на то, что Паннонія еще находилась во власти Святополка.

²⁾ Фульденская лѣтопись говоритъ, что посольство отъ Арнульфа отпра-влено было къ Владимиру (Laodomir). Но извѣстно, что Борисъ, сдавшій прав-леніе Владимиру въ 888 г., когда самъ постригся въ монахи, потомъ за недо-стойное поведеніе послѣдняго устранилъ его и передалъ правленіе Симеону не-позже 892 г. Такимъ образомъ посольство, отправленное въ сентябрѣ 892 г. и возвратившееся въ маѣ 893 г., по всей вѣроятности, имѣло дѣло уже съ Симео-номъ. Впрочемъ нѣкоторые изслѣдователи иначе разставляютъ годы княженія Владимира и Симеона.

скимъ войскомъ въ Чехію въ той, вѣроятно, надеждѣ, что теперь она не можетъ получить защиты изъ Моравіи отъ Святополка, занятаго войною съ Арнульфомъ. Воинственный епископъ искалъ бранной славы и добычи, и успѣлъ надѣлать вреда Чехіи, но и самъ не избѣгъ кары: на обратномъ пути отрядъ его внезапно настигнуть былъ отрядомъ славянъ въ землѣ сорабовъ или сербовъ (жившихъ по Лабѣ, Солявѣ и Мльдавѣ и одноплеменныхъ съ лужицкими сербами), пограничной съ Тюрингією и восточною Франковією¹⁾, произошла жестокая схватка, въ которой однимъ изъ первыхъ былъ убитъ предводитель-епископъ 13 іюля 893 г. Отрядъ его бросился въ бѣгство, но задержанный проливнымъ дождемъ близъ рѣчки и болота Хемницъ, потерпѣлъ полное поражение²⁾. Если взять во вниманіе, что этотъ епископъ былъ въ большемъ почетѣ и милостяхъ у Арнульфа, надѣлявшаго его разными правами и привилегіями относительно десятинъ, доходовъ и проч., что въ пору послѣдней борьбы Арнульфа съ Моравією ближайшимъ совѣтникомъ

¹⁾ Тюрингія въ нынѣшней верхней Саксоніи; восточная Фравконія—нынѣ верхнефранконскій округъ въ Баваріи. Вирдбургъ главный городъ восточной Франконіи съ епископствомъ, основаніе котораго относятъ къ первой половинѣ VIII в. Карта и описаніе поселеній, упомянутыхъ здѣсь сорабовъ или сербовъ у Аф. Раттиха: „Славянскій міръ“, стр. 50—51. Варшава 1885 г. Мѣстность, гдѣ послѣдовало нападеніе на епископскій отрядъ, называется въ памятникахъ *ragus Chutizi* при рѣчкѣ или болотѣ *Chemita* или *Caminiisi*. См. у Дюллера (*Geschichte des Ostfränkischen Reichs*, Band I, p. 354—355); гдѣ собраны выписки изъ источниковъ объ этомъ событіи.

²⁾ Событіе это передается въ латинско-нѣмецкихъ сказаніяхъ съ разными баснословными прикрасами. Съ явною цѣлію прикрасить позорную участь епископа, наказаннаго за свой безпричинный, грабительскій набѣгъ на Чехію, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній прибавляется, будто епископъ убитъ въ тотъ моментъ, когда совершалъ миссу въ своей походной палаткѣ. Если бы было и такъ, то обстоятельство это наоминило бы одну изъ извѣстныхъ характеристическихъ чертъ въ жизни западныхъ средневѣковыхъ іерарховъ, спокойно служившихъ миссы послѣ совершенныхъ грабежей и кровопролитій. Тѣ же сказанія пытаются возвести Арнона въ мученики и святые, сообщая о знаменіяхъ въ видѣ свѣтовыхъ явленій или огней надъ мѣстомъ убіенія Арнона. У Дюллера, *ibid.* О Гаттонѣ, Майнцкомъ архіепископѣ, о которомъ далѣе затѣмъ говорится у насъ въ текстѣ, См. *ibid.*, стр. 352—353.

и другомъ его былъ майнцскій архіепископъ Гаттонъ, прозванный у современниковъ „сердце короля“, то нельзя не прийти къ грустному выводу о духѣ тогдашней вѣмецкой іерархіи, непріязненной славянамъ, простиравшей свою непріязнь и на славянскую церковь. Это былъ тотъ же духъ, который жилъ въ извѣстныхъ намъ епископахъ-гонителяхъ и мучителяхъ св. Меодія, а теперь имѣлъ своего представителя въ самой Моравіи въ лицѣ Вихинга. Только цѣною бѣдствій, испытанныхъ въ войну 892—893 г., Моравія избавилась отъ Вихинга. Этотъ злой геній Святополка, льстиво выдавшій себя доброжелателемъ его, какимъ лживо выставлялъ его и папа Стефанъ V, теперь, во время войны 892—893 г., уже, какъ видно, не смогъ скрыть своей роли, въ качествѣ сообщника Арнульфа, ревнителя нѣмецкаго преобладанія въ Моравіи и Панноніи и врага славянской народности и церкви. Святополкъ, окончательно убѣжденный въ предательскомъ характерѣ Вихинга, прогналъ его, котораго за то принялъ Арнульфъ, сдѣлавъ его своимъ канцлеромъ¹⁾.

И. Малышевскій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Въ качествѣ канцлера Арнульфа Вихингъ извѣстенъ съ 2 сент. 893 г. (ibid., стр. 362).

СЛОВО

въ пятокъ третьей недѣли великаго поста.

Никогда неправда человѣческая не достигала до столь ужасающихъ размѣровъ, какъ въ дѣлѣ осужденія на крестную смерть нашего Божественнаго Учителя. Осуждается на распятіе, какъ величайшій преступникъ Тотъ, вся земная жизнь котораго всецѣло посвящена была на служеніе страждущему человечеству и представляла собою недосыгаемый образецъ нравственной чистоты и святости,—осуждается на позорную казнь не праведникъ только, но *Святѣйшій Святыхъ*, самъ *Сынъ Божій, Богочеловѣкъ*.

Къ чему же прибѣгла злоба враговъ Иисуса Христа, предрѣшившихъ Его смерть, для достиженія преступнаго своего замысла?

Отвѣтъ на это мы находимъ въ только что прочтенномъ Евангеліи о страданіяхъ нашего Спасителя. *Поведоши Ею* (Иисуса Христа)—повѣствуетъ Евангелистъ Лука—къ *Пилату*. *Начаша же намъ вадити маюмоше: сею обрѣтохомъ развращающа языкъ нашъ, и возбраняюща Кесареви дань даяти; маюмоша себе Христа царя быти* (Лук. XXIII, 1—2). И такъ клевета,—это самое порочное и пагубное проявленіе неправды человѣческой,—легла въ основу обвиненій противъ Божественнаго Страдальца. Принесшій съ небесъ и и возвѣщавшій міру чистѣйшее высоконравственное ученіе обличается въ развращеніи народа; заповѣдавшій воздавать Кесареви Кесарева—обвиняется въ противленіи верховной власти, и именно, какъ возбраняющій дань даяти

Кесареви, — проповѣдовавшій о томъ, что царство Его *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36), и скрывшійся отъ народа, когда тотъ, вопреки воли Божественнаго Учителя хотѣлъ провозгласить Его царемъ, — выставляется, какъ политическій агитаторъ, желающій захватить въ свои руки правительственную власть...

Предъ нами явленіе, по своей вопіющей несправедливости поразительное! Но таковы, братіе, свойства клеветы. Имѣя свой корень въ исконномъ врагѣ рода человѣческаго, духъ злобы, отцѣ лжи и всякаго лукавства, питаясь соками наиболѣе порочныхъ человѣческихъ страстей, — руководимая враждою, завистью, ненавистью, — клевета не гнушается никакими средствами для погубленія своей жертвы и не смущается достоинствомъ лицъ, на которыхъ направляет свое ядовитое жало. *Изостриши* — говорить псалмопѣвецъ о клеветникахъ — *языкъ свой яко змій; ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ* (Псал. CXXXIX, ст. 3).

Восемнадцать съ половиною столѣтій протекло съ того времени, какъ легкомысленная и легковѣрная толпа, виявъ клеветамъ на Спасителя, измышленнымъ злобою Его враговъ, неистово вопіяла предъ Пилатомъ изрыгая: *распи Ею!* Столько же столѣтій протекло съ того времени, какъ Сыномъ Божіимъ, своими страданіями и крестною смертію искупившимъ грѣхи всего міра, положено было основаніе новой христіанской религіи, сущность которой можетъ быть выражена не многими, но многознаменательными словами *любовь къ Богу и любовь къ ближнему*.

Заповѣдь о любви къ ближнему возведена была Божественнымъ Основателемъ нашей религіи на высоту, подобную заповѣди о любви къ Богу (Матѣ. XXII, 31. Марк. XII, 31) и поставлена основнымъ закономъ взаимныхъ отношеній между Его послѣдователями: *О семъ разумѣютъ вси* (говорилъ Спаситель), *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 31). Это святое чувство послѣдователи Христа призваны възгрѣвать въ себѣ въ такой мѣрѣ

и силѣ, что оно должно равняться ихъ любви къ самимъ себѣ (Матѣ. XXII, 31. Марк. XII, 33), подобно быть любви Божіей къ людямъ и любви къ намъ самого Сына Божія, — этого добраго пастыря, душу свою положившаго за овцы своя. Но и сказаннымъ еще не вполне исчерпывается мѣра и сила любви христіанской. Сынъ Божій — всеобъемлющая любовь — возвѣстилъ міру новую, дотоѣ неслыханную заповѣдь о любви: *любите враги ваша!*

Въ христіанскомъ обществѣ, гдѣ руководящимъ началомъ во взаимныхъ отношеніяхъ между его членами поставляется широко-объемлющая любовь, повидимому, не можетъ найти себѣ пріюта, создаваемая злобою, враждою и ненавистью къ ближнему клевета... Но, братіе, то ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Увы! Говорить и писать ложь въ поношевіе или обиду ближняго, несправедливо приписывать ему какія-либо недостатки, пороки и даже преступленія, преувеличивать его слабости, перетолковывать въ дурную сторону добрые его поступки, — словомъ клевета въ различныхъ ея степеняхъ и видахъ, далеко не составляетъ рѣдкаго исключенія въ нашемъ обществѣ. Скажемъ болѣе: она сдѣлалась язвою нашего времени!... Гдѣ нельзя встрѣтить клеветы? — Какъ татъ проскользаетъ она въ тѣсный кругъ жизни домашней, видѣривается въ отношенія родныхъ и знакомыхъ, проникаетъ въ среду общественную. Появляясь въ одномъ мѣстѣ, она съ быстротою молніи летитъ въ другое, третье, и т. д., всюду оставляя слѣды своего ядовитаго жала. И къ какимъ средствамъ не прибѣгаетъ клевета для достиженія своихъ преступныхъ замысловъ? Въ какія разнообразныя и, повидимому, свѣтлыя одежды, не облачается она свой ужасный и отвратительный видъ? Здѣсь подъ благовиднымъ покровомъ заботы и ревности о благѣ общественномъ, о свободѣ гражданской, — она порочитъ справедливыя распоряженія властей общественныхъ, обзывая ихъ самоуправствомъ, насиліемъ, стѣсненіемъ свободы совѣсти... Въ другомъ мѣстѣ, облекшись плащомъ

Труды Киев. дух. Акад. Т. I. 1886 г.

усердія и преданности подчиненнаго къ начальствующему, она изрыгаетъ свой ядъ на полезнаго и честнаго труженика, почему - либо невозлюбленнаго клеветникомъ. Въ иныхъ случаяхъ, подъ образомъ любви и дружбы, она вторгается въ семейную и частную жизнь, стараясь ложными извѣтами разстроить истинную любовь и истинную дружбу. Но можно ли перечислить всѣ образы, въ которыя облакаетъ отецъ лжи слугъ своихъ, „хотящихъ исполнять похоти его?“

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, указывая на злобное сердце, какъ источникъ клеветы, сравниваетъ ее съ самыми тяжкими злодѣяніями, — какovy убійство, татьбы, — и съ такими порочными проявленіями человѣческихъ страстей, какovy любодѣяніе, прелюбодѣяніе. *Отъ сердца* — говоритъ Онъ — *исходятъ помышленія злая: убійства, любодѣянія прелюбодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы* (Матѣ. XV, 11)... И дѣйствительно, развѣ клеветникъ — это хульникъ и лжесвидѣтель — лучше убійцы?... Послѣдній посягаетъ на тѣлесную жизнь человѣка, а первый старается погубить во мнѣніи общества его духовную, нравственную жизнь. Тать похищаетъ вещественное наше достояніе: но развѣ не опаснѣе его клеветникъ нашъ, окрадывающій самое дорогое наше сокровище, доброе наше имя? Прелюбодѣй лишаетъ и нарушается надъ честью лицъ, подпавшихъ его порочной страсти: но развѣ иное что дѣлаетъ хульникъ и лжеецъ, изрыгая на ближняго ядъ своей клеветы?...

Гнусная по природѣ клевета безпощадна въ своихъ дѣйствіяхъ. Исторія представляетъ намъ, хотя и рѣдко, примѣры состраданія и даже великодушія среди самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ и убійцъ. Почтенная сѣдина, высокое положеніе, священный санъ, материнская любовь, беззащитная дѣва... вызывали иногда чувство состраданія въ сердцахъ злодѣевъ и склоняли ихъ къ пощадѣ, даже защитѣ и помощи... *Клевета же не пощадилъ и Сына Божія!*

Гражданскій законъ въ значительной степени охраняетъ насъ отъ преступныхъ посягательствъ на нашу жизнь

и имущество. Отъ того же можетъ насъ предохранять собственная наша осторожность и осмотрительность. Но гдѣ найдемъ мы то средство, которое предохраняло бы насъ отъ клеветы? Кто защищенъ отъ нея? Кто не подвергался ей? Можетъ-быть, слѣдуетъ указать на осмотрительность и осторожность въ словахъ и поступкахъ,—слѣдуетъ указать на безупречность жизни, не дающей пищи для злорѣчія? Но увы, жизненный опытъ показываетъ, что не рѣдко клевета злыхъ людей и направляетъ свое жало именно противъ тѣхъ лицъ, которые наиболѣе безупречны, жизнь которыхъ отличается наибольшою чистотою и законностію,—словомъ противъ тѣхъ лицъ, которыя всего менѣе походятъ на клеветниковъ, представляя собою для нихъ какъ-бы живые укоры... Не преслѣдовала ли клевета св. Апостоловъ? Не чрезъ нее ли лилась потоками кровь св. мучениковъ? Не она ли воздвигала гоненія на церковь Христову? Не она ли изгнала въ заточеніе величайшаго изъ отцовъ и учителей церкви — Іоанна Златоустаго?... Но зачѣмъ преумножать примѣры! Повторимъ опять: клевета не смутилась направить свое ядовитое жало даже на Того, Кто—*правда-безконечная, истина непреложная и источникъ всякой истины!*

Будучи оружіемъ духа тьмы и злобы, клевета стремится къ извращенію существенныхъ основъ христіанской религіи и вмѣсто мира и любви, возвѣщаемыхъ ею, усиливается сѣять раздоры и несогласія въ средѣ послѣдователей Христовыхъ. И можно ли представить въ одной картинѣ все то неисчислимое зло разстройства счастія семейнаго, супружескаго, добрыхъ отношеній между друзьями, сосѣдами, господами и слугами, начальниками и подчиненными,—можно ли перечислить все зло, какое духъ лжи и злобы наноситъ своимъ ядовитымъ оружіемъ обществу вѣрующихъ?

Но почему же, братіе, столь вредный и стоящій въ прямомъ противорѣчій съ христіанскимъ ученіемъ порокъ находитъ себѣ пріютъ въ нашемъ обществѣ и принимаетъ здѣсь размѣры губительнаго повѣтрія? Не виновато ли въ

этомъ само общество? Не представляетъ ли оно въ своей жизни условій, благопріятствующихъ развитію этой губительной язвы? Какъ язвы физическія находятъ для себя мѣсто въ организмахъ, гдѣ подготовлена для нихъ почва, и распространяются при неосторожномъ общеніи здоровыхъ съ больными, такъ и въ мірѣ духовномъ зло можетъ укореняться и распространяться только тамъ, гдѣ замѣчается ослабленіе понятій и неустойчивость религіозныхъ началъ, тамъ гдѣ возможно смѣшеніе плевель со пшеницею.

Помыслимъ, братіе, свято ли исполняется нами заповѣдь Спасителя о любви къ ближнему? Такъ ли онъ близокъ и дорогъ намъ, какъ братъ по Христу? Творимъ ли мы—по завѣту Апостола другъ друга честью большими? Бережемъ ли доброе имя собратій?—Къ сожалѣнію святыя завѣты нашей божественной религіи о взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу часто нами забываются. Пересуды о ближнихъ составляютъ едва ли не самый главный и занимательный предметъ нашихъ бесѣдъ. Тщательно разыскивать сучець въ оцѣ брата—стало однимъ изъ любимыхъ нашихъ занятій. *Что новаго?*—вотъ первый вопросъ, который предлагается нами при встрѣчахъ съ другими, и рассказъ о погрѣшностяхъ ближняго едва ли не всегда служитъ первымъ на него отвѣтомъ. Осужденіе брата сдѣлалось такою обычною потребностію нашего времени, что, какъ безъ соли невкусенъ для насъ хлѣбъ, такъ рѣчи, неприправленныя пересудами, для многихъ теряютъ свою привлекательность.

Это ли, братіе, не почва, удобная для распространенія клеветы?

Въ обществѣ, гдѣ съ драгоценнымъ даромъ—Божіимъ словомъ—обращаются легкомысленно, гдѣ празднословіе дѣлается явленіемъ обычнымъ, гдѣ доброе имя ближняго не составляетъ неприкосновенной святыни, — тамъ ложь, какъ бы ни была она невѣроятна, принимается за истину, — клевета, какъ бы ни была чудовищна, не вызываетъ не-

годованія, а клеветники и лжецы пожинаютъ плоды своей преступной дѣятельности! Клевета никогда не имѣла бы успѣха въ обществѣ, если бы нѣкоторые люди, по своему легкомыслию и склонности къ празднословію, сами того не замѣчая, не сдѣлались покорными и слѣпыми ея орудіями. Но празднословіе и склонность къ осужденію ближняго и сами по себѣ не рѣдко бываютъ источникомъ клеветы. Забавная и остроумная насмѣшка, неопредѣленный и двусмысленный намекъ, полу-ясное предположеніе, высказанныя по любви къ празднословію однимъ, принимаютъ болѣе опредѣленныя формы въ устахъ другаго празднословца, приобрѣтаютъ новыя наслоенія въ устахъ третьяго и, путешествуя далѣе и далѣе, достигаютъ наконецъ до вида чудовища, котораго навѣрное устранился бы и не призналъ своимъ дѣтищемъ самъ первоначальный его творецъ. Сплетенная изъ такихъ тонкихъ, часто вовсе невидимыхъ сѣтей, состоя изъ молвы и слуховъ, неизвѣстно кѣмъ и когда пущенныхъ въ ходъ, подобная клевета тѣмъ не менѣе какъ путами желѣзными охватываетъ свою жертву, и сколько нужно усилій, трудовъ и времени, чтобы она освободилась изъ этихъ сѣтей и правда невиннаго человѣка возсіяла во всемъ свѣтѣ!

Гнусна и пагубна клевета! Но, братіе, для того, чтобы вести успѣшную борьбу съ этою многоглавою гидрою, посягающею на нашу честь и доброе имя, на наше домашнее и общественное спокойствіе, — необходимо намъ самимъ глубоко впечатлѣть въ своихъ сердцахъ заповѣдь Божественнаго нашего Учителя: *не судите, да не судимы будете*. Необходимо самимъ осторожниѣе и осмотрительнѣе обращаться съ словомъ, и не разносить легкомысленно всѣ тѣ рѣчи, которыя доходятъ до нашего слуха. Не дѣти будемъ умомъ (1 Кор. XIV, 20) и не всякому духу будемъ вѣрвать. Не будемъ отголоскомъ чужихъ рѣчей и мнѣній!... Только тогда, когда клевета не будетъ находить въ насъ людей, съ рабскимъ усердіемъ и покорностію разносящихъ ея ядъ,

когда этотъ ядъ обратно будетъ извергаемъ въ ея пасть, когда судъ общественнаго мнѣнія возстанетъ противъ клеветника, какъ губительной язвы,—тогда только этой многоглавой гидрѣ нанесется смертельная рана...

Къ тебѣ обращаемся съ словомъ утѣшенія, невинно оклеветанный братъ!

Тяжело твое положеніе. Миръ и душевное спокойствіе твои нарушены. Но мужайся! Не падай духомъ! Долгъ каждого христіанина мужественно переносить всякое несправедливое нареканіе. Удвой, утрой свою полезную дѣятельность. Сознаніе собственной правды придастъ тебѣ силу и крѣпость. Въ средѣ самого общества найдутся люди, хорошо тебя знающіе; они подадутъ тебѣ руку помощи, окажутъ искреннее сочувствіе и уваженіе, и возстановятъ въ глазахъ истинно-добрыхъ и благомыслящихъ людей твою честь и доброе имя. Старайся и самъ законными путями изобличить клевету; но избѣгай злорѣчія. Знай, что быть оклеветаннымъ лучше, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ быть клеветникомъ. Въ тяжелыя жъ минуты чаще вспоминай о Божественномъ Страдальцѣ. Ты грѣшенъ, ты не безупреченъ; клевета могла коснуться тебя вслѣдствіе какаго-либо неосторожнаго поступка или слова съ твоей же стороны. Но посмотри на Того, Кто *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ Его* (Исаіи LIII, 9),—Кто благость самосуцая и вѣчная, Кто правда безконечная: воззри на Сына Божія и старайся, насколько возможно немощному чловѣку, подражать Ему. Злоба и клевета приковали Его ко кресту, но и на крестѣ Божественная любовь не слова гнѣва изрекала на враговъ своихъ, но возносила мольбу за нихъ къ Отцу небесному: *Отче, прости имъ, не видятъ бо, что творятъ. Аминь.*

С. Голубевъ.

СЛОВО

на четвертую пассію.

Въ нашемъ современномъ обществѣ, крайне неустойчивомъ въ своихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, весьма часто приходится слышать два совершенно противоположныя сужденія или взгляда на семейную жизнь вообще и на священныя обязанности матери въ частности. Съ одной стороны, мы слышимъ сѣтованія и жалобы, чтобы не сказать болѣе, на трудность и тяжесть семейной жизни и обязанности матери, а съ другой, по преимуществу въ молодомъ подростающемъ поколѣніи, мы слышимъ легкомысленныя сужденія объ односторонности этихъ взглядовъ зрѣлой и умудренной житейскимъ опытомъ половины нашего общества и о возможности мать семейства вывести на арену общественной жизни. Будучи призваны на сіе святое мѣсто благочестивымъ обычаемъ вашихъ приснопамятныхъ предшественниковъ, дѣлателей въ нашемъ духовномъ вертоградѣ, мы рѣшились въ эти священныя минуты воспоминанія о крестныхъ страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа предложить вашему, возлюбленные братіе, благочестивому вниманію краткій обзоръ жизни ближайшей соучастницы Его тяжелыхъ страданій, возлюбленной Его Матери Пресвятой Дѣвы Маріи, которая представляетъ намъ замѣчательный образецъ женщины, какъ матери. Въ этомъ чистѣйшемъ и святѣйшемъ образцѣ матери христіанки, изнемогающія подъ тяжестью добровольно поднятаго на себя креста—семейной жизни и воспитанія дѣтей не только найдутъ полезный и назидательный урокъ,

но и живое слово ободренія и утѣшенія безропотно и съ покорностію нести этотъ крестъ, а празднословіе и претельность неопытнаго ума отыщеть въ немъ отвѣты на многіе интересующіе его вопросы.

По человѣческимъ соображеніямъ казалось бы, кому какъ не той, которая названа „благословенною въ женахъ“ (Лук. I, 42), которая читается св. Церковью выше херувимовъ и серафимовъ, которой выпало счастье называться Матерію Господа (Лук. I, 43), кому какъ не ей наслаждаться въ сей земной юдоли миромъ, счастіемъ и полнымъ благополучіемъ съ тѣмъ, чтобы потомъ, переселясь на лоно возлюбленнаго Сына своего, вкусить сладости неизреченныя. Но если мы приблизимся къ ея скорбному лику, окруженному необыкновеннымъ для людей міра сего ореоломъ святости и чистоты, всмотримся въ него, приведемъ себѣ на память ея праведную святую жизнь, то постигнемъ, что вся она отъ колыбели до честнаго ея успенія преисполнена была лишеній и такихъ страданій, которыя рѣдко выпадаютъ на долю матерей обыкновенныхъ смертныхъ людей.

Желанное дитя, какъ плодъ пламенныхъ молитвъ къ Богу и неутѣнныхъ слезъ праведныхъ старцевъ Богоотецъ Іоакима и Анны, Пресвятая Дѣва Марія была недолго предметомъ утѣхи и радости своихъ одинокихъ престарѣлыхъ родителей. Трехлѣтнимъ дитятею она лишилась нѣжныхъ заботъ своего отца, горячихъ ласкъ своей матери, и отведена была подъ сѣнь священнаго храма, во святая святыхъ; отдана на воспитаніе первосвященнику и священнику. Да и въ какое другое болѣе лучшее мѣсто, какъ не въ священный храмъ могли отдать на воспитаніе свое желанное чадо праведные Іоакимъ и Анна? Кому, какъ не служителямъ алтара Божія могли ввѣрить свою юную горлицу праведные родители, цѣль жизни которыхъ состояла главнымъ образомъ и прежде всего въ исполненіи воли Божіей, Его святаго закона? Гдѣ же въ иномъ мѣстѣ и подъ руководствомъ какихъ другихъ воспитателей могла юная

Богомъ дарованная дщерь ихъ узнать полнѣе и обстоятельнѣе этотъ св. законъ и научиться сообразовать жизнь и дѣятельность свою съ его требованіями и предписаніями, какъ не въ храмѣ и не подѣ руководствомъ тѣхъ лицъ, которые приставлены быть хравителями и блюстителями предписаній закона и сами были первыми его исполнителями?

Воспитаніе Пресвятой Богородицы при храмѣ было направлено ея воспитателями къ тому, что можетъ служить „къ животу и благочестію“, и къ тому, что полезно ей знать, какъ домоправительницѣ, жевѣ и матери. Пресвятая Дѣва Марія весьма быстро научилась подѣ руководствомъ священниковъ чтенію и письму и такъ полюбила первое, что все свободное время отъ обычныхъ женскихъ работъ посвящала ему. Но не сказки, басни и повѣсти, дающія пищу воображенію и льстящія чувственности были предметомъ чтенія ея, любимымъ развлеченіемъ, а святѣйшая книга книгъ, съ которой, къ стыду нашего времени, незнакомы и которую даже не видятъ въ глаза не только многія дѣти, но и весьма многіе родители. По этой великой книгѣ Пресвятая Дѣва Марія познакомилась не только съ историческою судьбою своего народа и узнала важное назначеніе и призваніе своего царственного рода, но и научилась безусловной покорности волѣ Провидѣнія, необыкновенному смиренію и спокойному безропотному перенесенію всѣхъ житейскихъ невгодъ, выпавшихъ на ея долю.

Женскимъ руководствіямъ Пресвятая Дѣва Марія обучалась подѣ руководствомъ своихъ, старшихъ ея по возрасту, сожительницъ при храмѣ. Она прала ленъ и шерсть, вышивала шелками и искусно ткала. Преданіе свидѣтельствуєтъ, что „нешвенный хитонъ“, поразившій искусствомъ воинвоъ, распинателей Божественнаго Страдальца, былъ сотканъ пречистыми руками Богоматери. Здѣсь при храмѣ Пресвятая Дѣва Марія привыкла къ мудрому распредѣленію времени, которое Она не тратила напрасно. Съ ран-

ного утра до 3 часа дня, какъ гласитъ преданіе, она стояла на молитвѣ, а отъ 3 до 9 часа упражнялась въ рукодѣльи и чтеніи св. писанія, а потомъ снова молилась, пока не наступало время вкушенія пищи. Въ нравственномъ отношеніи жизнь ея здѣсь въ періодъ воспитанія представляетъ образецъ совершенства. „Въ храмѣ она жила такъ, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, что будучи удалена отъ сообщества неблагонравныхъ мужей и женъ, представляла образецъ жизни лучшей и чистѣйшей въ сравненіи съ прочими“.

Но пора юности и воспитанія, мирно и безмятежно протекшая подъ благодатною сѣнью святаго храма, быстро миновала. Какія же думы, мысли, и чувства волновали четырнадцатилѣтнюю отроковицу, стоящую теперь на порогѣ отъ беззаботной дѣтской жизни къ жизни семейной, трудовой? Воспитанная въ строгомъ уваженіи къ закону Божию и ближайшимъ хранителямъ и исполнителямъ его, подъ благодатною сѣнью святаго храма, удаленная отъ житейской суеты, чуждая красотамъ и прелестямъ жизни за оградой храма, Пресвятая Дѣва Марія не простирала своихъ мыслей далѣе церковной ограды. Ея излюбленною мечтою, ея пламеннымъ желаніемъ было навсегда остаться здѣсь при храмѣ и быть самою вѣрною и точною исполнительницею велѣній Божиихъ. Четырнадцатилѣтняя юная отроковица, въ своей особенной любви къ храму, предъ лицомъ Всемогущаго Бога произносить непримѣрный въ исторіи ветхозавѣтной обѣты навсегда остаться дѣвою и всецѣло посвятить себя на служеніе Богу при храмѣ.

Свято соблюдая законъ, говорившій *„человѣкъ, аще обѣщаетъ обѣты Господу, да сотворитъ“*, изумленные величіемъ даннаго обѣта отроковицею Маріею, ея воспитатели не могли, однако, удовлетворить пламенному желанію ея сердца — остаться на всю жизнь при храмѣ. Сила обычая была такова, что Пресвятая Дѣва Марія должна была оставить горячо любимый ею кровъ, храмъ Зоровавела, и войти въ

семейную жизнь. Но чтобы не нарушить ее объѣта, священники руководители рѣшаются обручить ее тому, кто бы былъ въ состояннн соблюсти ее святой объѣтъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, покорная раба Господня отдаетъ себя въ руки Провидѣннн и въ распоряженіе своихъ руководителей. И вотъ близъ ювой четырнадцати-лѣтней отроковицы, цвѣтущей красотой и добродѣтелями души и сердца, дѣвицы царственнаго происхожденнн становится для произнесеннн объѣтовъ, требуемыхъ отъ обрученника, 80-лѣтннй старецъ, убѣленный сѣдинами, бѣдвыи плотникъ, съ трудомъ прокормливавшнй свое семейство; но, правда, человекъ праведной жизни, тоже царственнаго происхожденнн и даже далекой родственникъ Богоматери. Безропотно и покорно она мѣняетъ блестящую шумную столицу на бѣдный Назаретъ, пользовавшнйся нехорошею славой въ своемъ отечествѣ (Іоан. I, 46), прекрасныя постройки при храмѣ Зоровавеля на убогую хижину плотника, свою одинокую и безбѣдную жизнь на трудовую и полную всякаго рода лишеннн семейную жизнь.

Кто не знаетъ изъ насъ, возлюбленные братнн, что счастье, миръ и благополучіе въ семьѣ, хотя бы она состояла изъ самыхъ разнородныхъ членовъ, почти всецѣло зависитъ отъ женщины? Во всякомъ семейномъ кругѣ достаточно бываетъ нѣжнаго влннн одной любящей души, чтобы во всемъ окружающемъ водворить миръ и полное счастье. Женщина съ истинно-любнщимъ сердцемъ, съ чистою душою, высоко-правдивная по природѣ, умная и съ свѣтлымъ правильнымъ взглядомъ на цѣли и задачи жизни, имѣетъ въ семьѣ умиротворяющую силу подобно сіянію вечерняго свѣта; ничто грубое, ничто жестокое не можетъ устоять противъ ея благодѣтельнаго влннн; никакой злобный раздоръ не можетъ держаться при ея умиротворяющемъ очарованнн. Если же такова сила женщины вообще, то во сколько кратъ выше должна быть благословенная между женами, вошедшая въ семейство престарѣлаго Іосифа! Пре-

святая Дѣва Марія явила въ своемъ лицѣ образецъ для всѣхъ другихъ женъ. Домъ праведнаго Іосифа со времени поселенія въ немъ Пресвятой Дѣвы Маріи представлялъ изъ себя пріютъ искренняго благочестія, ангельской чистоты и невозмутимаго мира. Всѣ въ домѣ были заняты своимъ дѣломъ и каждый жилъ счастьемъ другаго. Праведный Іосифъ занимался плотничествомъ, а Пресвятая Богоматерь съ ранняго утра до ночи несла обязанности домоправительницы, удѣляя лишь нѣкоторыя свободныя минуты отъ этихъ трудовъ на молитву и на любимое свое занятіе—чтеніе св. писанія.

Трудовая и мирная жизнь Пресвятой Дѣвы Маріи была нарушена явленіемъ къ ней архангела Гавріила, явившагося съ радостною вѣстію о непорочномъ зачатіи ея отъ Духа Свята Богомладенца Іисуса (Лук. I, 26—37). Какъ ни поразительна была эта радостная вѣсть для Пресвятой Дѣвы Маріи, какъ ни велико было ея счастье называться Матерію Господа, она съ покорностію рабы Господней приняла радостное благовѣстіе архангела Гавріила (ст. 38) и, скрывъ его отъ Іосифа, поспѣшила въ домъ праведныхъ своихъ родственниковъ Захаріи и Елисаветы (ст. 39—40) подѣлиться этимъ радостнымъ извѣстіемъ, а главное раздѣлить радость своей родственницы Елисаветы, готовящейся быть матерью величайшаго изъ пророковъ Крестителя Господня Іоанна (ст. 36). И что это за чудная была встрѣча двухъ величайшихъ матерей на землѣ! Не обычные вопросы о здоровьѣ, не новости домашнія и сосѣдей, не слухи городскіе служатъ предметомъ бесѣды ихъ при первой встрѣчѣ, а пророчески вдохновленные рѣчи той и другой о той великой радости, которая явится въ недалекомъ будущемъ въ мірѣ. На пророческое неожиданное привѣтствіе праведной Елисаветы: „*Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего. И откуда мнѣ сіе да придетъ Мати Господа моею?*“ (Лук. I, 42—43), Пресвятая Дѣва Марія, объята Духомъ святымъ, произноситъ чудную и величественную

пѣснь, которою она прославляется церковью съ первыхъ вѣковъ христіанства до настоящаго времени. Безспорно и всѣ три мѣсяца жизни подъ кровомъ своихъ родственниковъ (ст. 56) были проведены святыми женами въ благоговѣйныхъ и поучительныхъ бесѣдахъ и въ чистыхъ размышленіяхъ.

Когда же возвратилась въ Назаретъ Пресвятая Дѣва Марія, въ душѣ благочестиваго старца, по выраженію церковной пѣсни, поднялась цѣлая „бура сумнительныхъ помысленій“, такъ какъ онъ, не зная, какъ говорить св. Прокль, „тайны, происходившей въ Дѣвѣ“, остановился на мысли, что Пресвятая Дѣва Марія, по выраженію той же церковной пѣсни была кѣмъ-то „брако-окрадована“. „Увидѣлъ Марію (св. Іосифъ), говоритъ упомянутый нами святой отецъ, и уязвилось сердце его; увидѣлъ неправдство и считалъ тайну чистоты ея потерянною; увидѣлъ имущую во чревѣ и впалъ въ величайшее смущеніе, предполагая ея оболъщенною“.

Что же происходило въ душѣ Пресвятой Дѣвы Маріи, когда „бура сумнительныхъ помысленій“ волновала душу добраго старца? Чистая душа ея испытывала невыразимыя страданія. Пресвятая Дѣва Марія чужала своимъ добрымъ нѣжнымъ сердцемъ, какія мысли обуревали праведнаго старца, она видѣла, что въ его глазахъ она потеряла невинность, чистоту и уваженіе и не могла сама ни вывести его изъ сомнѣнія, ни сказать слова оправданія въ свою защиту. „Чтобы не показать себя, какъ выражается св. Димитрій Ростовскій, тщеславною“, она не могла открыть своей тайны безъ особенной на то воли Божіей и, привыкшая къ смиренію и молчанію, она рѣшилась страдать, но молчать, пока Господь Богъ не выведетъ старца на путь дѣйствительной правды. Высоту смиренія и глубину страданій Пресвятой Дѣвы Маріи въ это время трудно изобразить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, и эти страданія ея были лишь началомъ ряда болѣе тяжелыхъ страданій, выпавшихъ на ея долю впоследствии.

„Бура помышленийъ сумнительныхъ“ въ душѣ праведнаго старца была превращена явленіемъ ему во снѣ Ангела, который возвѣстилъ: *„Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: родившеюся въ ней отъ Духа есть Свята“* (Мате. I, 20). Съ этого времени въ семьѣ праведнаго старца водворились снова миръ и тишина, и началось нетерпѣливое ожиданіе появленія на свѣтъ Спасителя міра (Мате. I, 21), рожденіе Котораго было новымъ испытаніемъ для любящаго сердца св. Приснодѣвы. Предъ самымъ днемъ рожденія Спасителя Пресвятая Дѣва Марія должна была совершить утомительное трехдневное путешествіе по гористой мѣстности изъ Назарета въ Вифлеемъ, куда она отправилась, по повелѣнію кесаря Августа, съ своимъ обрученникомъ *написатися* (Лук. II, 4—5). Въ Вифлеемѣ же, такъ какъ *„исполнишася дніе родити ей“* (ст. 6), по неизбѣжной мѣста въ домахъ жителей, она съ праведнымъ Іосифомъ помѣстилась въ пещерѣ, куда въ непогоду пастухи загоняли свой скотъ. Здѣсь Пресвятая Дѣва Марія *„И роди Сына своего первенца и повитъ Его и положи Его въ яслехъ“* (ст. 7). Съ смиреніемъ и кротостію взирала она на Бога-младенца и безропотно переносила убогую обстановку своего временнаго, но отселѣ навсегда прославленнаго, помѣщенія. Появленіе пастырей новорожденному Младенцу, посланныхъ Ангелами, было великимъ утѣшеніемъ для Богоматери, запечатлѣвшей все совершившееся въ сердцѣ своемъ глубокимъ молчаніемъ (ст. 19).

Изъ Вифлеема св. Богоматерь и праведный Іосифъ *„егда исполнишася дніе очищенія ея, по закону Моисееву, вознесоста его въ Іерусалимъ, поставити предъ Господемъ“* (ст. 22). Пресвятая Богоматерь, несмотря на непорочность своего зачатія и на безболѣзненное безгрѣшное рожденіе Богомладенца, рѣшилась исполнить то, что требовалъ законъ отъ обыкновенной женщины, чтобы своимъ личнымъ примѣромъ научить Мать христіанку нашего времени святоблюсти церковные уставы. Да и какъ иначе могла посту-

пить Богоматерь, привыкшая съ самаго дѣтства къ строгому и точному исполненію закона? Кромѣ того, душа ея, преисполненная необъятною радостію, по поводу рожденія Богомладенца, теперь рвалась ко храму, чтобы тамъ излиться въ чувствѣ благодаренія за счастье быть не только матерію, но и Богоматерію. Держа на своихъ пречистыхъ рукахъ содержащаго „всѣческая“, Богоматерь, какъ бѣдная женщина, несла съ собою въ жертву двухъ молодыхъ голубей (Лук. II, 24) вмѣсто однодѣтнаго агнца во всеоживленіе и молодаго голубя въ жертву за грѣхъ, что требовалось закономъ отъ достаточныхъ людей (Лев. XII, 6--8).

Но не привѣтствія и обычныя пожеланія по поводу радостнаго семейнаго событія встрѣчаетъ Пр. Богородица въ Иерусалимѣ, а пророческія грозныя предсказанія о судьбѣ новорожденнаго Богомладенца и о тяжести испытаній, какія ждутъ юную Богоматерь впереди изъ-за этого Младенца. „*Се лежитъ сей на наденіе и на востаніе многимъ во Израилѣ, и въ знаменіе прерѣкаемо, говоритъ богодухновенный старецъ Симеонъ, уже стоящій на краю могилы. И тебѣ самой душу пройдетъ оружіе, яко да открыются отъ многихъ сердець помышленіе*“ (Лук. гл. II, 29—35).

Ради сокращенія времени пройдемъ благоговѣйнымъ молчаніемъ рядъ послѣдующихъ событій въ скорбной жизни Пресвятой Богоматери и перенесемъ мыслию, возлюбленные братіе, на Голгоу къ честному кресту Господа нашего Иисуса Христа, страсти Котораго мы воспоминаемъ сегодня, такъ какъ здѣсь душевныя муки и страданія Богоматери достигли самаго высокаго своего напряженія и силы. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить болѣе тяжелое и мучительное зрѣлище для материнскаго любящаго сердца какъ то, которое было здѣсь на Голгоу предъ очами Пресвятой Богородицы? Можно ли материнскому вѣжному сердцу безъ жгучей боли и горькихъ слезъ вынести столь тяжелую и мучительную пытку—видѣть собственнаго своего любимаго сына, пригвожденнаго ко кресту? Мать горько плачетъ,

когда теряетъ кого бы то ни было изъ своихъ чадъ. Невыносимо больно чувствуется и сердце обливается кровью, когда невольно становишься свидѣтелемъ тяжелой разлуки матери съ единственнымъ своимъ чадомъ. Но смерть вообще есть естественный удѣлъ всякаго человѣка и никто не избѣгнетъ его, а посему и съ потерю даже самыхъ дорогихъ и милыхъ сердцу нашему людей приходится мириться. А здѣсь предъ нами не обычная естественная смерть, а смерть позорная и мучительная на крестѣ, и мать, стоящая у этого креста. Пресвятая Богоматерь видѣла Сына своего въ крайнемъ поношеніи, видѣла, когда грубые воины издѣвались надъ Нимъ, созерцала, когда Онъ, царь неба и земли, былъ облеченъ въ багряницу и украшенъ терновымъ вѣяномъ, слѣдовала за нимъ, когда возлюбленное ея чадо изнемогло подъ тяжестію несомого креста, слышала удары молота въ гвозди, приковылавшіе пречистыя длани и ноги Божественнаго Страдальца, и каждый ударъ былъ ударомъ въ собственное ея сердце, слышала на Голгоѣ издѣвательства толпы надъ Божественнымъ Страдальцемъ и, наконецъ, Она видитъ теперь Сына своего, чистѣйшаго праведника, висящимъ на крестѣ посреди „двою разбойникъ“. Можно ли представить болѣе тяжелое и болѣе мучительное зрѣлище для материнскаго сердца? Чье сердце осталось бы спокойно, у кого не полились бы слезы изъ глазъ, при видѣ той потрясающей картины, которую представляли послѣдніе дни земной жизни Божественнаго Страдальца. И если плакали и рыдали народъ много и жены, идущія за Іисусомъ Христомъ на Голгоѣ, при видѣ Его ужасныхъ страданій (Лук. XXIII, 27), если „*вси пришедшии народи на позоръ сей, видяще бывающія, бѣюще перси своя возвръщашуся*“ (ст. 48), то могла ли равнодушно вынести все Пресвятая Богоматерь, душа которой переполнена была страданіями.

Да и какъ было не плакать и не страдать Пресвятой Богоматери? Мать обыкновеннаго человѣка плачетъ надъ гробомъ сына потому, что лишается съ его смертію кор-

мильца. Пресвятая же Богоматерь лишалась теперь такого Сына, Который пять тысяч народа насытилъ патью хлѣбами (Мате. XIV, 17—21). Мать плачетъ потому, что со смертію сына она лишается опоры въ старости, услуги въ тяжелыхъ болѣзняхъ, поддержки въ трудныя тяжелыя минуты жизни. Пресвятая Богоматерь лишалась Сына, Который прокаженныхъ очищалъ, слѣпымъ давалъ прозрѣніе, исцѣлялъ всяку болѣзнь и всяку язву въ людехъ, воскрешалъ даже мертвыхъ и всѣхъ обездоленныхъ и страдающихъ отъ житейскихъ неязгодъ кроткимъ гласомъ призывалъ къ Себѣ: *Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мате. XI, 28). Мать плачетъ надъ сыномъ, потому что испытала съ его стороны нѣжныя ласки, покорность своей волѣ и заботу о себѣ, чего съ его смертію она лишается. Пресвятая Богоматерь лишалась Сына, Который всегда былъ преданъ ей и Который не забылъ о ней въ послѣднія минуты страданій на крестѣ. Среди самыхъ тяжкихъ крестныхъ страданій, когда уста сгорали отъ палящей внутренней жажды, Божественный Страдалецъ шлетъ слово утѣшенія и ободренія съ креста своей возлюбленной страдальницѣ Матери. *Иисусъ же видѣвъ Матерь, повѣствуетъ нынѣ чтенное евангеліе, и ученика стояща, еюже любяща, глагола Матери своей: жено, се сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се мати твоя. И отъ того часа поятъ ю ученикъ во свояси* (Іоан. XIX, 26—27). Мать наконецъ плачетъ надъ сыномъ потому, что видѣла его въ жизни, окруженнаго почетомъ и славою и сама изъза него пользовалась общимъ вниманіемъ. Пресвятая же Богоматерь лишалась Сына, за Которымъ всегда слѣдовали толпы народа, Котораго народъ желалъ провозгласить своимъ царемъ, Котораго наконецъ, всего пять дней тому назадъ, тотъ же народъ привѣтствовалъ, при вшествіи Его на ослати во Іерусалимъ, съ ваіями и вѣтвями и съ радостными кликами: „*Осанна, благословенъ ѡрядый во имя Господне, царь израилевъ* (Іоан. XII, 13. Сравни. Мате. XXI, 8). Можно ли

было стерпѣть, можно ли было удержать слезы, при видѣ страданій такого Сына? И св. Церковь, проникая въ глубину страдающей души Богоматери при крестѣ, изобразила силу ея страданій и горечь слезъ въ своихъ священныхъ пѣнопѣвнѣхъ для назиданія намъ. „Днѣсь зряци ты непорочная Дѣва, на крестѣ Слово возвышаема, поетъ св. Церковь въ великій пятокъ, рыдающе матернею утробою, уязвляшеся сердцемъ юриць, и стелящи болѣзненно изъ глубины души, лице со власы терзающы, взываше жалостно: Увы мнѣ Божественное чадо! Увы мнѣ Сяте мира! Что зашелъ отъ очю моею, Аинче Божій“? (Стих. на вечерни). *Како не възрыдаю и утробы моя не бѣю, зряци Ты нага, яко осуждена, на древь висяща?* (Стих. на хвалитѣхъ въ велик. пят.). *Сыне мой, идѣ доброта зайде зрака твоею? не терплю зрѣти Ты неправедно распинаема: потицися убо возстани, яко да вижу и азъ твое изъ мертвыхъ тридневное воскреснѣе* (Стих. на вечернѣ). Едину надежду и животъ Владыко Сыне мой и Боже, во очю свѣтъ раба твоя имѣхъ, нынѣ же лишена быхъ тебе, сладкое мое чадо и любимое... Радость мнѣ николиже отселѣ прикоснется, рыдающе глаголаше непорочная: свѣтъ мой и радость моя во гробъ зайде: во не оставлю его единого, здѣ же умру и спогребуся ему (изъ канона на повечеріи въ пятокъ). Какую же неизреченною радостію преисполнилось сердце Пресв. Дѣвы Маріи, истерзанной муками предшествующихъ дней, когда „Ангель вопіаше Благодатный: чистая Дѣво, радуйся, и паки реку: радуйся. Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба, и мертвыя воздвигнувый. Людіе, веселитесь“ (изъ канона на Пасху).

Но кто, возлюбленные братіе, исчерпалъ бы море и при томъ въ краткое время? Конечно, никто и это не въ силахъ человѣческихъ. И мы какъ бы далеко не простирали наше слово, все-таки не исчерпали бы всего того назиданія, какое можетъ представлять намъ жизнь Пр. Богоматери.

Мать христіанка! Великое и священное имя! Счастлива та женщина, которой судилъ Господь Богъ носить священ-

ное имя матери. Высоко твое призваніе и велико твое назначеніе, а посему старайся быть вполне достойною того и другого. Ты добровольно берешь на себя крестъ—семейную жизнь и носи его до конца жизни безропотно, съ покорностію воле Божіей. Не озирайся вспять, не оглядывайся въ беззаботную прошлую дѣвическую жизнь, не ищи себѣ того, что искала ты будучи свободною, потому что какъ земледѣлецъ, взявшійся за плугъ и озирающійся назадъ оказывается плохимъ земледѣльцемъ, такъ и женщина принявшая на себя священныя обязанности матери и тяготящаяся ими, будетъ всегда плохою матерью. Мать должна все свое вниманіе, всѣ свои помышленія сосредоточить на своемъ домѣ и на своихъ дѣтяхъ. Ихъ, какъ безцѣнный даръ Божій, мать должна беречь и воспитывать, памятуя, что за нихъ она должна дать отвѣтъ предъ Богомъ. Работай прилежно надъ воспитаніемъ дѣтей, потому что, какъ говорить премудрый Соломонъ, *сынъ премудръ веселитъ отца, сынъ же безуменъ печаль матери* (Притч. Солом. X, 1). Отъ тебя всецѣло зависятъ жизнь и нравственный обликъ дитяти: захочешь работать надъ воспитаніемъ дитяти—оно выйдетъ хорошимъ, не захочешь—выйдетъ плохимъ, какія бы потомъ ни принимались къ тому самыя лучшія мѣры. Обязанности матери не чужды болѣзненнаго рожденія, душевныхъ тяжелыхъ мукъ, бессонныхъ ночей и горькихъ слезъ, но онѣ и не лишены большихъ радостей и наслажденія, которыя весьма часто съ избыткомъ вознаграждаютъ первыя. Къ кому, какъ не къ тебѣ, мать, обращенъ первый сознательный взглядъ дитяти, чью, какъ не твою шею обвиваютъ нѣжныя его руки, къ чьимъ, какъ не къ твоимъ устамъ прижимаются его невинныя уста? Твое первое имя лепечеть дитя, твоимъ именемъ напутствуется оно во всѣ важныя моменты своей жизни, твое имя оно произноситъ и на смертномъ одрѣ. И какой сынъ (да и можно ли назвать такого сына сыномъ?) не раздѣлитъ со своею матерью своихъ успѣховъ въ жизни, своего счастья? А какое великое удовольствіе

должна испытать мать, когда услышитъ о своемъ дѣтищѣ общественный приговоръ: „Се человекъ“! Какую радостію должно наполниться въ это время ея сердце. Въ минуты же тяжелыхъ мукъ сердечныхъ, когда собственныхъ силъ не хватаетъ покорно и безропотно нести взятый на себя крестъ, мать, спѣши подѣ стѣнь святой обители сей, припади къ чудотворной иконѣ Богоматери и проси, чтобы Она, какъ мать Божественнаго Страдальца Господа нашего Иисуса Христа, подкрѣпила тебя и дала силы спокойно нести свой крестъ до края могилы. Та, жизнь которой была преисполнена самыхъ тяжелыхъ и мучительныхъ страданій, не оставитъ тебя безъ своей помощи. — А мы, возлюбленные братія, имѣя въ виду высочайшій примѣръ въ лицѣ голгоетскаго Богострадальца, будемъ чтить, любить и заботиться о своихъ нѣжныхъ матеряхъ отъ юныхъ дней до могилы. Это сдѣлаемъ не столько для ихъ пользы, сколько для своей собственной, потому что намъ за почтеніе родителей обѣщаны отъ Господа Бога и благо и долголѣтіе на землѣ (Второз. V, 16). Аминь.

А. Дмитріевскій.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА ПАЛОМНИКА НА АЕОНЪ ¹⁾.

Пятница. 15 июля. Проснулся я сегодня часовъ въ пять; не могъ спать, такъ какъ страшно душно было; на дворѣ и безъ того жарко до удушливости, а намъ еще дали зимнія одѣяла, въ которыя мы должны были обернуться во избѣжаніе насѣкомыхъ. О. Діонисій доложилъ намъ, что скоро начнется литургія въ параклисѣ св. Саввы сербскаго, гдѣ присутствуетъ преосвященный Михаилъ, пришедшій сюда съ самаго начала утрени, начавшейся, какъ обыкновенно въ монастыряхъ, въ первомъ часу ночи ²⁾). Мы скоро одѣлись и пошли въ церковь, гдѣ уже началась литургія. По приходѣ въ церковь все вниманіе мое было направлено къ тому, чтобы скорѣе увидѣть преосвященнаго Михайла—этого борца за православіе въ Сербіи. При этомъ онъ въ моемъ воображеніи представлялся мнѣ почему-то рослымъ, представительнымъ. Сообразно такому представленію о немъ ищу его глазами по всей церкви и не нахожу. Ужъ не обманулъ ли меня о. Діонисій, думаю про себя. А впрочемъ, можетъ-быть митрополитъ въ алтарѣ. Спрашиваю сосѣдняго монаха: есть ли преосвященный Михаилъ въ церкви и гдѣ онъ? „Вотъ онъ“, тихо промолвилъ монахъ, указывая на монаха въ со-

¹⁾ См. Труды Киев. дух. Акад., мартъ, 1886 г.

²⁾ Описаніе моей встрѣчи съ преосвященнымъ Михаиломъ было помѣщено мною въ корреспонденціи изъ Аеона въ „Церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ за 1883 годъ 20 августа,—только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, сообразно съ формою корреспонденціи.

сѣдней почти съ нами монашеской формѣ. Въ лицѣ его я увидѣлъ скромнаго, даже смиреннаго монаха низкаго роста, одѣтаго весьма просто, только съ папагією на персяхъ. Въ церкви онъ стоялъ не на видномъ мѣстѣ, а чуть ли не позади всѣхъ. Всю утреню и литургію простоялъ онъ, усердно молясь. Съ какимъ благоговѣніемъ прочелъ онъ „Символъ вѣры“ и „Молитву Господню“. Богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Пѣніе мнѣ совершенно не понравилось, такъ какъ пѣли напѣвомъ греческимъ. Удивляетъ меня отзывъ Барскаго о здѣшнемъ пѣніи: „на правилѣ своими сербскими гласами кратко сложенными поютъ, по недѣлямъ же и праздникамъ, сербскимъ языкомъ на гласы гречески поютъ зѣло лѣпо и медленно“¹⁾). Но никакой лѣпоты нѣтъ въ славянскомъ пѣніи, облеченномъ въ греческія формы. Послѣ литургіи преосвященный разсматривалъ живопись въ этомъ параклисѣ, которая не слишкомъ древняя, потому что этотъ параклисъ, какъ гласитъ надпись: „Согродися въ 1779 году съ келліями до низу, иже прежде изгорѣвшій“, и не представляетъ ничего достопримѣчательнаго. Затѣмъ преосвященный пошелъ въ архондарикъ. Мы намѣревались идти къ нему; но чувствовали себя очень неловко, такъ какъ были одѣты совершенно по-паломнически. Изъ такого нерѣшительнаго состоянія вывелъ насъ пришедшій отъ митрополита монахъ, говоря, что насъ просить къ себѣ преосвященный. Нечего дѣлать — пошли. Признаюсь, я чувствовалъ себя въ возбужденномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что идя къ нему, я обдумывалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, которыя намѣревался сказать ему. Преосвященный сидѣлъ въ архондарикѣ и ждалъ насъ; вмѣстѣ съ нимъ было нѣсколько старшихъ иноковъ, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ знакомецъ о. Евѣимій. Я подошелъ первымъ. Преосвященный большимъ крестомъ благословилъ меня. При этомъ я сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ въ

¹⁾ Барскій, т. II. стр. 651.

такомъ родѣ: „Считаю себя счастливымъ, Ваше Высокопреосвященство, что удостоился видѣть Васъ—ревнителя православія на востокѣ. Позвольте мнѣ привѣтствовать Васъ отъ лица студентовъ той Академіи, студентомъ которой Вы вѣкогда были, а теперь состоите почетнымъ членомъ ея“. Экспромптъ мой удался, какъ нельзя лучше. Преосвященный раздѣловалъ меня и посадилъ возлѣ себя. Сейчасъ осыпалъ онъ меня вопросами о Кіевѣ, Кіевской Академіи, о ректорѣ, профессорахъ и студентахъ. Между профессорами еще жавы бывшіе ему профессорами, напр. Поспѣховъ, Бобровницкій и Думитрашко. Съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ о Кіевѣ, и времени своего студенчества и о юбилѣ Кіевской Академіи (1869 г.), на которомъ онъ присутствовалъ. Больше часу говорилъ съ нами преосвященный, спрашивая о состояніи умовъ въ Россіи, о русской молодежи, о нашемъ путешествіи по Аеону, что мы замѣтили во время путешествія. Мы сказали, что при путешествіи по Аеону обращаетъ на себя вниманіе разнъ, существующая между греческими и русскими иноками. Преосвященный сказалъ, что и онъ въ краткое свое путешествіе успѣлъ замѣтить это. Въ особенности его возмущаютъ не-христіанскія отношенія между Пантикраторомъ и Ильинскимъ скитомъ, о чемъ я раньше говорилъ. Мы хотѣли уже было идти; но преосвященный не пустилъ насъ, онъ пошелъ въ другую комнату и мигнуть черезъ пять вышелъ оттуда уже въ одномъ простенькомъ кафтанѣ и безъ клобука, но съ цѣлою кипюю какихъ-то старинныхъ книгъ. Я просто не вѣрилъ, что этотъ добродушный старикъ, такъ просто одѣтый, былъ сербскимъ митрополитомъ. Эти старыя книги оказались старинными славянскими рукописями, которыя и предложилъ намъ читать преосвященный и мы съ нимъ читали ихъ около двухъ часовъ. При этомъ преосвященный сказалъ: „вотъ, отъ нечего дѣлать при путешествіи занимаюсь чтеніемъ древнихъ славянскихъ рукописей, свидѣтельствующихъ о состояніи сербской церкви; гдѣ даютъ, а гдѣ и не даютъ

ихъ, усмѣхнувшись сказалъ преосвященный. Вотъ—третьяго дня я былъ въ Ватопедѣ—греческомъ монастырѣ. Мнѣ показывали драгоценности этого монастыря; тутъ много есть иконъ и крестъ съ славянскими (сербскими) надписями. Между прочимъ тамъ видѣлъ я большой напрестольный крестъ въ серебрянномъ окладѣ съ сербскими надписаніями. Я попросилъ грековъ списать ихъ мнѣ, а они списали только греческую надпись на крестѣ запрестольномъ, а славянской не списали. Былъ въ Карей, въ Протатѣ или въ аеонскомъ синодѣ, разсматривалъ здѣсь тоже нѣкоторыя славяно-сербскія рукописи. Здѣсь въ Хилендарѣ—сербскомъ монастырѣ есть довольно много сербскихъ рукописей, хотя много расхищено невѣждами; здѣсь-то я и останусь на большее время“. Мы вмѣстѣ читали рукописное житіе св. Саввы, потомъ похвальное слово Константину Великому, написанное какимъ-то Евфиміемъ; этого слова мы не прочли всего, такъ какъ оно слишкомъ большое: здѣсь излагается вся исторія царствованія Константина. Тутъ еще была какая-то древняя рукописная медицинская книга. Такъ какъ уже была пора обѣденная, то мы, получивъ благословеніе владыки, пошли обѣдать и съ тѣмъ, чтобы предъ выѣздомъ еще увидѣться. Какая простота въ обращеніи, какое смиреніе, подумалъ я.

Обѣдали мы вмѣстѣ съ о. Евфиміемъ. Обѣдъ былъ не хорошъ; сравнительно съ другими монастырями здѣсь хуже всего кормили. Напившись чаю, мы отправились на прощаніе къ владыкѣ. Около часу провели съ нимъ въ разговорѣ. Между прочимъ я спросилъ его: долго ли, Ваше Высокопреосвященство, пробудете на Аеонѣ? „Около мѣсяца, отвѣчалъ онъ, а потомъ въ Константинополь“.

— А отсюда, осмѣлюсь спросить, въ Сербію?

„Богъ знаетъ. Тамъ теперь большія неурядицы; австрійцы всѣмъ руководятъ. Въ Бѣлградѣ прежде была только маленькая католическая часовня, а теперь Штросмайеръ строить большой католическій соборъ. Надѣюсь, что будетъ

скоро новая скулицина и тогда, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ къ лучшему“. Затѣмъ преосвященный передалъ поклонъ ректору Академіи, знакомымъ профессорамъ и весьма любовно попрощался, пожелавъ намъ окончить курсъ и честно служить церкви и отечеству. Въ 5 часовъ мы выѣхали въ Зографъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о Хилендарѣ и его святыхъ, которымъ мы поклонялись.

Почему этотъ славяно-сербскій монастырь называется Хилендаремъ? Существуетъ двойное объясненіе этого названія; производятъ его или отъ греческихъ словъ, *χίλια ἀντίγρα*—тысящная миа или отъ *χείλη λέονταρί*—уста львовы. Въ подтвержденіе такого словопроизводства приводятъ такія основанія: а) будто когда-то различные варвары многократно подступали къ монастырю, но по Божію смотрѣнію внезапно покрывала ихъ такая густая мгла, что они не могли даже видѣть себя самихъ и потому поражали одинъ другого. Отъ этой многократной (тысящной) мглы и монастырь получилъ свое названіе; б) будто монастырская долина съ обрамляющими ее высотами походить на разверстую пасть льва, а вслѣдствіе этого и монастырь получилъ такое названіе. Барскій, приведя эти яко-бы основанія, слышанныя имъ отъ монаховъ, приводитъ такое объясненіе второму словопроизводству: „Хиландарь, си есть уста львовы, миа бо по-гречески знаменуютъ уста, а леонтари льва: можетъ-быть оттуду наречеса, яко древній тамо иногда бывшій градъ, имѣяше предъ враты вмѣсто іероглифика нѣкоего льва съ отверстыми устами, живо отъ мрамора изсѣченнаго“¹⁾... Преосвященный Порфирій, взявъ за исходную точку послѣднее поясненіе Барскаго, доказываетъ, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря существовало мѣстечко или селеніе, называемое Хилантири, отъ чего и монастырь получилъ свое настоящее названіе²⁾.

¹⁾ Барскій. т. II, 642.

²⁾ Исторія Аѳона. Ч. I. Гл. 10, стр. 96.

Хилендарь основанъ въ XII в. Стефаномъ, царемъ сербскимъ, а въ монастырѣ св. Саввою архіепископомъ сербскимъ. Поэтому, этотъ монастырь считается сербскимъ, хотя теперь здѣсь очень мало сербовъ, а все болгаре. Дѣло объясняется тѣмъ, что съ 1770 г. по 1820 г. въ Сербіи продолжалось народное возстаніе противъ турокъ. Въ это время никто изъ сербовъ не шелъ на Аѳонъ. Въмѣсто нихъ нахлынули болгаре. Монастырь этотъ, по словамъ о. Евѳимія, бывшаго нашимъ чичероне, весьма часто подвергался пожарамъ, такъ что здѣсь почти все заново устроено, за исключеніемъ соборнаго храма и братской трапезы, не подвергавшихся пожарамъ. Но хотя здѣсь многое заново устроено, тѣмъ не менѣе зданія монастыря производятъ впечатлѣніе какого-то запустѣнія. Повторяю, что ни одинъ монастырь въ общемъ не произвелъ на меня такого тягостнаго впечатлѣнія, какъ Хилендарь. Украшеніемъ этого монастыря служитъ только прекрасный соборъ съ четырьмя куподами, расположенными крестообразно. Снаружи этотъ соборъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ не оштукатуренъ и взору представляются перемежающіеся ряды камня съ кирпичемъ. Внутренность собора состоитъ изъ трехъ частей—самой церкви и двухъ притворовъ. Планъ главной церкви — крестообразный — расширяется въ клиросахъ. На южной и сѣверной сторонѣ возвышаются четыре большіе мраморные столпа, поддерживающіе самый большой куполъ. Изъ средины купола спускается большое бронзовое паникадило. Передъ царскими дверьми, на клиросахъ и на западной сторонѣ висятъ меньшей величины паникадила. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе помость церковный, довершающій внутреннее великолѣпіе храма. Онъ весь сдѣланъ изъ дорогого разноцвѣтнаго мрамора и по срединѣ противъ главнаго купола высланъ на подобіе креста и обложенъ мозаическими изображеніями. Здѣсь позади праваго клироса у храмовой стѣны стоитъ мраморная гробница св. Симеона, бывшаго великаго жу-

пана Сербіи. На гробницѣ наклонно положенъ образъ св. Симеона—въ ростъ, написанный въ 1780 году, какимъ-то аеонскимъ художникомъ. Тѣла св. Симеона здѣсь нѣтъ,— оно унесено на родину сыномъ его св. Саввою. Непосредственно за этимъ намъ показали видѣ церкви виноградную лозу, которая сама выросла изъ подъ этой стѣны, гдѣ находится гробъ св. Симеона. Эту лозу считаютъ чудодѣйственной въ случаяхъ супружескаго неплодія. Здѣсь продаются эти высушенные ягоды...

Мощей въ монастырѣ не слишкомъ много.

Безспорно драгоценную святыню монастыря составляетъ честный крестъ, сдѣланный изъ части Животворящаго Древа, подаренный св. Саввѣ греческимъ императоромъ Іоанномъ Ватаціемъ. Иконъ, признаваемыхъ чудотворными, здѣсь тоже есть нѣсколько. Подлѣ праваго клироса подъ навѣсомъ находится чудотворный образъ Божіей Матери Троеручицы. Предъ образомъ Богоматери висятъ 12 неугасимыхъ лампадъ и бронзовое паникадило съ восковыми свѣчами, которое зажигаютъ во время службы. Икона эта была принесена въ Хилендарь сербскимъ архіепископомъ Саввою (1233) изъ Палестинской Лавры св. Саввы Освященнаго, гдѣ она стояло въ кельѣ преподобнаго Іоанна Дамаскина, которому нѣкогда и принадлежала и отъ которой онъ получилъ исцѣленіе правой руки своей, отсѣченной дамасскимъ халифомъ по проискамъ Льва Исаврянина—иконборца. Преосвященный Порфирій признаетъ эту икону только копією съ извѣстной иконы Дамаскина. Эта хилендарская Троеручица находилась въ сербскомъ городѣ Скопій, гдѣ находился монастырь, называемый Троеручица по иконѣ Богоматери Троеручицы. Около 1203 г. этимъ городомъ завладѣли болгары. Сербскій великій жупанъ Стефанъ и сынъ его Савва, не желая, чтобы она досталась болгарамъ, принесли ее въ Хилендарь, гдѣ она и понынѣ находится. Ликъ Богоматери благообразенъ и чрезвычайно выразителенъ; ликъ Младенца выражаетъ кротость. Въ соборѣ есть

еще нѣсколько другихъ чудотворныхъ иконъ, о которыхъ можно прочесть въ книжкѣ „Вышній Покровъ“.

Хилендарь находится въ самой сѣверной части Аеонской горы. Отъ него недалеко начинается „миръ“—Македонія. Отсюда и начался нашъ поворотный пунктъ къ Зографу, который находится на разстоянн трехъ часовъ пути отъ Хилендаря. Стропотная тропинка, ведущая въ Зографу, все постепенно возвышается до хребта горы, по которому проѣхавъ около $\frac{1}{4}$ часа по мягкой и торной дорожкѣ, спускаешься все внизъ до самаго Зографа. Зографъ еще издали мелькомъ покажется, а затѣмъ спрячется и увидишь его только тогда, когда будешь подъѣзжать къ монастырской портѣ. Чѣмъ ближе къ Зографу, тѣмъ растительность и мѣстоположеніе роскошнѣе. Мѣстоположеніе же самаго монастыря прекрасное, живописное: кругомъ богатѣйшая растительность, дикія дебри и зеленѣющіе сады, горы, доли и поляны, шумящіе потоки.. Отъ этого монастыря не вѣетъ какою-то ветхостью, какъ напр. отъ Хилендарскаго Корпуса отдѣланы заново и притомъ изящно и удобно. Вездѣ чистота, опрятность и удобство. Ни одинъ монастырь не произвелъ на меня такого прекраснаго впечатлѣнія, какъ Зографъ.—Зографъ—исключительно болгарскій монастырь. Основаніе его восходитъ до болѣе глубокой древности даже, чѣмъ Лавра св. Аѳанасія. Онъ сначала былъ не на этомъ мѣстѣ, а немного далѣе,—ближе къ морю, но послѣ разгрома турецкаго устроился на данномъ мѣстѣ между горами, въ мѣстности вполне уединенной, вполне соответствующей характеру монастырской жизни. Вблизи Зографа мы были оглушены страшнымъ гуломъ, похожимъ на пушечный выстрѣлъ, вслѣдствіе чего наши мулы повеслись—было, но энергією Григорія остановлены. Оказалось, что это порохоми взрывали камни для постройки громаднаго монастырскаго корпуса. Мы прибыли въ монастырь къ концу вечера. Насъ встрѣтилъ главный экономъ о. Іосифъ, очень представительный инокъ уже не первой молодости. Онъ немного

умѣеть говорить по-русски, такъ какъ лѣтъ 10 жилъ въ Бессарабіи въ Кипріановскомъ монастырѣ, принадлежавшемъ Зографу. Онъ повелъ насъ въ самый лучшій архондарикъ. Стѣны архондарика украшены картинами изъ древней болгарской исторіи и послѣдней русско-турецкой войны, портретами болгарскихъ и русскихъ царей. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе два портрета: „образъ Стефана Сильнаго Воеводы—обновителя Священно-Зографскія обители и ктитора принадлежащихъ ей монастырей Добровецкаго и Кипріановскаго“ и другой портретъ, написанный масляными красками, „Архимандрита Зографскія обители Анатолія“, удержавшаго, кажется, въ 20 годахъ настоящаго столѣтія Кипріановское имѣніе за Зографомъ. Послѣ обычнаго угощенія глико, раки и кофе, намъ предоставили прекрасные номера для отдыха. Какая противоположность съ обстановкою Хилендарскаго монастыря! Народъ здѣсь весьма учтивый и вѣжливый. О. Діонисій чувствовалъ себя между болгарами въ своей сферѣ, такъ какъ онъ самъ болгаринъ; поэтому онъ былъ въ веселомъ настроеніи и мы прекрасно провели вечеръ.

А. Стадницкій.

(Продолженіе будетъ).

Письма протоіерія І. М. Скворцова къ преосв. Иннокентію, Архієпископу Херсонскому.

(Продолженіе ¹).

XXXVII.

Теперь Вы въ моихъ рукахъ—въ Вашемъ портретѣ. Съ Коррадини, какъ слѣдовало, расплатился, и портретъ, доставившій ему, думаю, не мало пользы чрезъ литографію, доставляетъ теперь мнѣ удовольствіе, стоя предъ моимъ письменнымъ столомъ. Не думайте однако, что мы обратимъ его въ собственность,—почта,—сдѣлаемъ ему ящикъ и когда прикажете, перешлемъ къ Вамъ.

Изъ С.-Петербурга пишетъ о. ректоръ ¹). Тамъ занимается овъ разборомъ программъ училищныхъ или предположеніемъ преобразованія курса наукъ. Нѣкоторыя богословскія науки (напр. церк. исторія) полагаютъ отнести къ низшему отдѣленію Академіи, чтобъ кругъ богословія расширить болѣе.

Слышно также, что наконецъ соглашаются уволить меня отъ Академіи съ тѣмъ, чтобъ я безмездно давалъ въ ней лекцію недѣльную. Хорошо! Пусть только скорѣе рѣшатъ мою судьбу.

Пр. Аполлиарія (посвященнаго 15 августа) ждемъ вскорѣ на михайловскую кафедру. Мы боялись, чтобъ на

¹) См. Труды Кіев. дух. Акад. апрѣль, 1886 г.

²) Т. е. Ректоръ Академіи, архимандритъ Дмитрій. См. въ его письмахъ, къ Иннокентію, напечатанныхъ въ Трудахъ К. А. за 1884 г. (августъ).

мѣсто пр. Іустина не поставили нашего ректора: теперь боязнь прошла—ставятъ Наеанаюа костромскаго.

Недавно видѣли мы въ Кіевѣ пр. Гавріила одесскаго. Пастырѣ, кажется, добрый. Замѣчаютъ, что онъ въ лицѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Вами. Только Вы непохожи на него; ибо онъ такъ полюбилъ Кіевъ, что нарочито просился видѣться съ его святынею, а Вы—и не подумаете побывать у насъ!!

Кіевъ надѣялся еще разъ въ этомъ лѣтѣ имѣть счастье видѣть у себя Государя, но теперь болѣе не надѣется. Вамъ предоставлено нынѣ исходить въ срѣтеніе всевожде-лѣвному Гостю.

Посылаю нѣсколько экземпляровъ моей недавно отпечатанной книжки. Много не посылаю. Кому нужно будетъ, тотъ и самъ не полѣнитъ выписать.

Между тѣмъ я все ожидаю отъ Васъ Ареопажита. Уже не попался ли онъ подъ судъ въ ареопагѣ харьковскомъ?...

31 августа 1845 г.

Погода началась у насъ почти осенняя. Холодно и вѣтрено. Дождей впрочемъ мало.

XXXVIII.

Получилъ я отъ Васъ двѣ книги. И что мнѣ дѣлать съ ними? Неужели мое дѣло различать эту ядовитую траву, этотъ корень горести выспись прозябаяй?

Впрочемъ, что главное въ книгѣ, я прочиталъ и долгомъ почитаю отдать Вамъ нѣкоторый отчетъ въ моемъ чтеніи.

Нѣтъ никакой надобности опровергать автора подробно, проходя весь рядъ его главъ или отдѣленій. Довольно обратить вниманіе на главныя основанія, изложенныя или въ предисловіи или *Einleitung*.—Главная мысль у него слѣдующая: „все, что отзывается чудомъ, то мнѣ! Почему? Причина въ понятіи автора о Богѣ. Что Богъ у него? Не

личное существо, свободно дѣйствующее, а Абсолютъ, дѣйствующій въ природѣ по законамъ необходимости, которому нельзя иначе дѣйствовать. Если такъ, то какъ и спорить съ системою, основанною на такомъ понятіи? Если такъ, скажемъ Г. Штраусу, то къ чему всё твои разсужденія, доказательства, изслѣдованія? Скажи только: „Богъ не можетъ производить чудесъ: слѣдовательно всякое сказаніе о чудесахъ—баснословно—миѣ“. Слѣдствіе ясно какъ день. Для чего же ты написалъ свои два тома?

Что требуется прежде всего отъ автора? Доказательство ясное для всѣхъ понятное, что дѣйствія Божіи сверхъестественныя невозможны. Но этого никто и никогда доказать не можетъ. Самъ патріархъ новѣйшихъ рационалистовъ (Кантъ) сознается (о религіи въ предѣлахъ одного разума), что допуская непосредственное дѣйствіе Бога на міръ, нельзя не допустить цѣлой бездны дѣйствій таинственныхъ, превышающихъ силы природы. Разумѣется, что если не допустить перваго, надобно отвергнуть и послѣднее. Но какъ не допустить? Легко это сдѣлать тому, кто не хочетъ принять идеи о Богѣ нашей, а принимаетъ новозобрѣтенный Абсолютъ. Чѣмъ же, спросимъ, лучше этотъ Абсолютъ нашего Бога-Творца и Промыслителя? Почему первому должно быть, а второму нельзя существовать? Ужели тѣ, которые вѣровали и вѣруютъ въ послѣднее, глупѣе абсолютистовъ?—Нѣтъ! Верхъ философіи языческой былъ въ Платонѣ, а Платонъ принималъ Бога личваго. Христіанскіе философы гениальныя (напр. Картезіи и Лейбницъ) поклонялись также Богу личному, а не Абсолюту-абстракту.

Раскрываю и перелистываю книгу Д-ра Штрауса; что въ ней? Разборъ важнѣйшихъ сказаній евангельскихъ, доказательства того, что св. писатели въ этихъ сказаніяхъ точно хотѣли передать намъ описаніе чудесныхъ дѣйствій, а не какихъ-либо событій необыкновенныхъ, но естественныхъ (за это спасибо ему!), затѣмъ сужденіе:—значить, всё эти сказанія миѣ;—и подтвержденія этого сужденія—

въ чемъ? въ произвольныхъ соображеніяхъ, подобныхъ слѣдующимъ: писатели хотѣлъ возвысить Іисуса Христа больше Моисея, котораго лице нѣкогда сіяло, и потому избрѣлъ Преображеніе, въ которомъ не лице, а все тѣло Іисуса Христа сіяло; хотѣлъ поставить его выше пророка Елисея, который когда-то напиталъ 20 хлѣбами 100 человѣкъ, и представилъ насыщеніе 5000 патью хлѣбами... За это не только не спасибо автору, а стоитъ сказать еще: *pugo! pugo! somnia, figmenta, deliramenta*, словомъ, вздорныя выдумки, игра остроумія. Такимъ методомъ трудно ли и великую исторію о чемъ-нибудь необыкновенномъ превратить въ мифъ? Петръ I, наприм., оказывающій неустрашимость во время бури—мифъ. Почему? Потому что есть подобный мифъ древній—*Caesarem ochis*, и русскіе хотѣли въ своемъ царѣ видѣть своего неустрашимаго Цезаря. Суворовъ перешедшій Альпы—опять мифъ. Почему? Потому что есть подобная же быль объ Аннибалѣ. Русскіе въ своемъ полководцѣ хотѣли видѣть и эту славную черту героя.

Таковъ мой взглядъ на теорію Др. Штрауса. Какъ Вамъ кажется? Довольно ли такого отвѣта тѣмъ, которые дѣлаютъ намъ возраженія изъ этой книги? Если не довольно, то что еще нужно?

Особеннаго разбора требуетъ разсужденіе Штрауса въ концѣ послѣдняго тома, гдѣ онъ, излагая систему православнаго ученія, указываетъ на неразрѣшимыя (будто бы) противорѣчія въ ней. Больше всего кажется ему невозможною такъ называемая *communicatio idiomatum* во Христвѣ. Не благоволите ли объ этомъ сообщить мнѣ нѣсколько Вашихъ мыслей? Вы, какъ всегда говаривали, того мнѣнія, что ученіе нашей вѣры можетъ и должно быть объясняемо и по началамъ разумнымъ.

Если Вы еще не въ дорогѣ, то не полѣнитесь увѣдомить меня, когда уже не застанутъ Васъ письма мои въ Харьковѣ, и какъ писать на имя Ваше въ Петербургъ.

XXXIX.

Во-первыхъ имѣю честь поздравить Васъ съ наступающими праздниками, и желаю провести ихъ въ духовной радости. Духовная радость да укрѣпитъ всѣ силы Ваши на благіе подвиги во славу Господню и во благо паствы!—Аминь!

Во-вторыхъ извѣщаю Васъ, что благотворное свѣтило, свѣтившее нѣсколько недѣль Кіеву, давно сошло съ нашего горизонта. А. А. Орлова теперь, думаю, въ Москвѣ, либо въ другомъ городѣ великороссійскомъ.—Намѣреніе издать „Русскихъ отцев“¹⁾, конечно, благотворное, преполезное,—но исполненіе его, кажется, будетъ многотрудно. Дай Богъ силъ и терпѣнія!—Что-то скажетъ Св. Синодъ?...

Въ-третьихъ отвѣчаю и на вопросъ Вашъ о слышанныхъ у Васъ словахъ царскихъ, Вамъ невѣрно пересказанныхъ. По рассказамъ Владыки это было такъ: Государь при встрѣчѣ похвалилъ пѣвчихъ митрополичьихъ, и прибавилъ, между прочимъ, „а вотъ въ Харьковѣ не такы“.—Что именно не понравилось ему въ Вашихъ пѣвчихъ?—не знаемъ. Не пѣли ль они чего не по-придворному? Или, можетъ-быть, Государь разумѣлъ одинъ костюмъ пѣвчихъ, который у насъ съ золотыми галунами, а въ Харьковѣ, вѣроятно, попроще. О Васъ самихъ не было ни слова. Вѣрьте же, послѣ этого, слушаю изъ Кіева!...

Въ-четвертыхъ—позвольте спросить Васъ самихъ: доставлено ли Вамъ г. Булгаковымъ мое письмо со вложен-

¹⁾ Т. е. св. отцевъ русской церкви—такъ называетъ Сворцовъ духовныхъ писателей древней Руси, изданіе которыхъ въ одномъ общемъ собраніи дѣйствительно задумывалось Иннокентіемъ, какъ видно изъ другихъ писемъ къ нему. Эта мысль Иннокентія, какъ и многія другія его грандіозныя научно-литературныя начинанія, не осуществилась. Будемъ благодарны, что въ позднѣйшее время хотя по частямъ изданы и Максимъ Грекъ, и Іосифъ Волоколамскій и Зинавій Отенскій и другіе Православныя Собесѣдники, Археографической Комиссіей и другими.

нымъ въ него извѣстнымъ билетомъ¹⁾.—Странное дѣло! Ни Вы, ни онъ ничего объ этомъ не говорите, какъ будто все это тринь-трава — не болѣе! Отъ г. Булгакова я имѣю росписку.

Въ - пятыхъ — позвольте повторить или *подесятерить* просьбу о присылкѣ Ареопагита. Владѣтель его сильно приступаетъ ко мнѣ, и требуетъ, чтобъ я совершилъ обращеніе его Ареопагита...

Приближается Новый годъ общій, а тамъ и новый годъ для нашего журнала. Не преподадите ли совѣта, какъ лучше устроить содержаніе Воскр. Чтенія? — Подписчики пока держатся, хотя далеко не такъ, какъ бывало прежде. Сотъ восемь читателей есть; но за тысячу доходитъ рѣдко.

У меня есть мысль послать въ цензуру Церк. Законо-вѣдѣніе, которое я прилежно, кажется, обрабатываю. Не благоволите ли на досугахъ просмотрѣть мои тетрадки прежде, нежели онъ поступитъ въ бюро цензурное?

14 декабря 1845 г.

Правосл. Исповѣданіе мы пересылаемъ для нашей акад. библіотеки, изъ которой, вѣроятно, оно и взято нѣкогда.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Билетъ, о которомъ здѣсь упоминается, банксовый денежный билетъ, который прислалъ Иннокентій Ивану Михайловичу, когда услышалъ, что у него сгорѣлъ домъ. Иванъ Михайловичъ былъ тронутъ добрымъ расположеніемъ къ себѣ преемъ. Иннокентія, но не воспользовался щедрнымъ подаркомъ своего друга-архиерея, а отослалъ его обратно пр. Иннокентію.

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи

ЗА М. ФЕВРАЛЬ 1886 Г.

I.

3 февраля было обыкновенное собраніе Общества, въ которомъ разсматривались актъ составленной Церковно-Археологическимъ Обществомъ комиссіи для осмотра крышъ и куполовъ Кіево-Софійскаго собора, предполагаемыхъ къ возстановленію въ древнемъ, первоначальномъ ихъ видѣ, и отношеніе духовнаго собора Кіево-Печерской Успенской Лавры о разрѣшеніи возобновить стѣнную живопись на хорахъ Великой Лаврской церкви, и сдѣлано сообщеніе членомъ и секретаремъ общества Н. Петровымъ о бронзовой медали съ греческой надписью, найденной въ 1885 году въ мѣстечкѣ Корсуни, Кіевской губерни.

II.

Въ теченіи февраля мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество, музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія и отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества: XXIII-й выпускъ „Странствованій Василя Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“.

В) Отъ Московскаго Археологическаго Общества: 1) „Древности Московскаго Археологическаго Общества“, т. V, выпускъ 1, и 2) „Незабвенной памяти графа А. С. Уварова“. Москва. 1885.

В) Отъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества: „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго Государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI—XVIII столѣтіи, собраныя въ разныхъ архивахъ и редактированныя Д. Н. Багалъемъ“. Харьковъ. 1886.

Г) Отъ Сплетскаго Музея въ Далмаціи: *Bulletino di Archeologia e Storia Dalmata*, за январь и февраль 1886 года.

Д) Отъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи брошюра: „Тамбовская Ученая Архивная Комиссія. Общее собраніе членовъ Комиссіи 3 декабря 1885 года. Составилъ правитель дѣлъ Комиссіи В. Соловскій“. Тамбовъ. 1886.

Е) Отъ члена - корреспондента, игумена Николаевскаго Больничнаго монастыря Кіево-Печерской Лавры Артемія: *Ἡ κατὰ διαθήκην. Verolini et Lipsiae. 1698. 8-о.*

Ж) Отъ члена - корреспондента, законоучителя Маринскаго Холмскаго женскаго училища, священника П. Галаповича: Латинская біблія, in 4-о, Виттембергскаго изданія 1597 года, безъ начала, съ гравюрами въ текстѣ, и „Схематисмъ“ епархіи Перемышльской на 1879 годъ.

З) Отъ дѣйствительнаго члена, житомирскаго полиціймейстера Т. І. Вержбицкаго: большая серебряная медаль на открытіе Екатериною II памятника Петру I, 6 августа, 1780 года; испанскій талеръ Фердинанда VП, 1811 года; мѣдная копѣйка Петра I.

И) Отъ іеромонаха Задонскаго монастыря Геронтія: 1) „Книга глаголемая Діонисія Ареопагита глебино премудростнаго философа“, рукопись XVII в. въ листъ, безъ конца; 2) „Книга именуемая Лусидаріосъ сирѣчь Златый

Бисеръ“, рукопись начала XVIII вѣка, in 4-о, 3) „Спиритизмъ, подтверждаемый евангеліемъ (краткая спиритическая бесѣда)“, медиума Н. М., ноября 1865 г., рукопись in 4-о; 4) „Восьмая бесѣда спирита съ священникомъ о мірѣ духовномъ“, новѣйшая рукопись in 4-о; 5) серебряный жетонъ на коронацію эрцгерцога австрійскаго Фердинанда V венгерскою короною, 28 сентября, 1830 года; 6) бронзовая медаль въ память тысящелѣтія Россіи; 7) серебряный жетонъ на чье-то бракосочетаніе 2 сентября, 1857 года, съ инициалами Л. В.; 8) серебряная римская монета Траяна; 9) татарская золотоордынская серебряная; 10—11) турецкія серебряныя; 12—14) одна персидская и двѣ грузинскія серебряныя нынѣшняго вѣка; 15—26) серебряныя западноевропейскія монеты и между ними — англійская 1682; двѣ сардинскія Карла Феликса 1827 г., франкъ Наполеона I, 1812 г., и испанскій галеръ Фердинанда VII, 1827 г.; 27—36) одна мѣдная и девять серебряныхъ русскихъ монетъ и между ними копѣчка Алексѣя Михайловича, алтынь 1704 г., рубль Петра II, 1729 г., полтина 1737 г., рубль 1749 г. и полуполтинникъ 1766 г.; 37) финляндская монета 50 Реннѣ 1865 г.; 38) десятирублевая ассигнація 1835 г. за № 408,031; 39) трехрублевая ассигнація Финляндскаго банка, 1841 г., за № 27,003; 40) трехрублевая ассигнація 1859 г. за № 3349856, и 41) рублевая ассигнація 1865 г., за № 38456719.

1) Отъ преподавателя Елисаветградскаго реального училища Вл. Н. Ястребова — рукописная латинская реторика, подъ названіемъ *Rostra Tulliana*, преподаваемая въ Кіево-Могилянскои Коллегіи въ 1701—2 годахъ и переписанная ученикомъ Вороновскимъ, in 8-о.

К) Отъ студента IV курса Кіевскои духовнои Академіи Корчинскаго: серебряная римская монета Марка Аврелія Антонина (161—180 г. по Р. Хр.), найденная въ землѣ въ м. Корсуни, Кіевскои губ., и серебряный польскій шотакъ Яна III Собѣскаго, 1683 года.

Д) Отъ студента той же Академіи Медвѣдова—алтынъ 1704 года.

ЗА М. МАРТЪ 1886 Г.

I.

10 марта было обыкновенное собраніе членовъ Церковно-Археологическаго Общества, на которомъ избранъ былъ въ члены-корреспонденты Общества іеромонахъ Задонскаго монастыря Геронтій и сдѣлано сообщеніе Н. Петровымъ о неизвѣстной доселѣ гравюрѣ Каріона Заулонскаго, съ изображеніями царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, дравича Алексѣя Петровича, московскаго патріарха Адріана и, вѣроятно, кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго, 1693 года.

II.

Въ теченіи марта мѣсяца въ Церковно Археологическое Общество при Кіевской дух. Академіи, музей и бібліотеку его поступили слѣдующія пожертвованія и отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества: 1) „Отчетъ отдѣленія поддержанія православія въ св. землѣ Православнаго Палестинскаго Общества, читанный предсѣдательствующимъ П. А. Васильчиковымъ въ засѣданіи отдѣленія 19 декабря, 1885 года“; 2) „Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества, читанный секретаремъ М. П. Степановымъ въ засѣданіи 10 января 1886 года“; 3) „Отчетъ ревизіонной Комиссіи, читанный графомъ Н. Ѳ. Гейденомъ въ засѣданіи 10 января 1886 года“, и 4) „Сообщенія Православнаго Палестинскаго Общества“ въ февралѣ 1886 года.

Б) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: „Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ 1. Новая серія. С.-Петербургъ. 1886“. 8-о.

В) Отъ С.Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества—„Извѣстія“ сего Общества за январь 1886 года и „Указатель“ къ сему изданію за 1885 годъ.

Г) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—„Отчетъ“ сего Общества за 188⁴/₅ годъ. Одесса. 1886. 8-о.

Д) Отъ почетнаго члена Церковно-Археологическаго Общества, Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. П. Побѣдоносцева: 1) семь таблицъ фотографическихъ изображеній, открытыхъ въ 1882 году въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ сзади иконостаса, на стѣнѣ алтаря. Здѣсь изображены: Алексій Божій человѣкъ, Спасъ благое молчаніе, херувимъ, Паревій, Іоаннъ Дѣствичникъ, Іоаннъ Кушнякъ, Павелъ Фивейскій, Θεодосій, Исаакъ Сиринъ, Ефремъ Сиринъ, Евѣмій, Автовій, Савва, Симеонъ, Арсеній, Пименъ, царевичъ Іоасафъ, Варлаамъ, Сисой, Серапіонъ и др. 2) Четыре выпуска „Сборника видовъ, памятниковъ, типовъ Россіи и копій съ картинъ и портретовъ Русской исторіи“, въ листъ, С.-Петербургъ, 1881 года. 3) Литографическое изображеніе „Бракоборовъ“, 1884 года, въ листъ; 4) „Коптская и еѣіопская архитектура“ В. В. Стасова, in 8-о, и 5) второй выпускъ „Нумизматическаго кабинета Московскаго Публичнаго и Румянцеваго музеевъ“, А. Подшивалова, Москва, 1885 года, in 8-о.

Е) Отъ высокопреосвященнаго Мелхиседека, архіепископа романскаго (въ Румыніи), двѣ старопечатныя румынскія книги: 1) „Евангеліе учительное“, Яссы, 1643 года, въ листъ; оно переведено съ славянскаго языка и, какъ говорить самъ переводчикъ митрополитъ, составлено „по разнымъ славянскимъ писаніямъ“; 2) „Анеологіонъ“ или общая минея; Бухарестъ, 1736 года, въ листъ. Въ немъ уставъ, чтенія изъ бібліи, равно и синаксари—на румынскомъ языкѣ, а пѣсни и каноны—на славянскомъ: „Объ эти книги,—пишетъ высокопреосвященный Мелхиседекъ,—весьма замѣча-

тельны для ученаго изслѣдователя древностей румынской церкви. До XVII вѣка въ нашей церкви употреблялись при богослуженіи исключительно славянскія болгарскія книги, какъ показываетъ множество славянскихъ рукописей богослужебныхъ, сохранившихся по нашимъ стариннымъ монастырямъ и церквамъ, писанныхъ на пергаментѣ и на бумагѣ. Но такъ какъ народъ румынскій не понималъ славянскаго языка, то съ XVI вѣка начали появляться на румынскомъ языкѣ переводы съ славянскаго языка, сначала евангелія и апостола, псалтири, аскетическихъ сочиненій, проповѣдей. Прежде всего ввелись въ богослуженіе только проповѣди на румынскомъ языкѣ, потомъ постепенно ввелись чтенія изъ апостола, евангелія, паремій, синаксари, дабы могъ понимать и народъ, и только въ XVIII вѣкѣ переведено и введено цѣлое богослуженіе на румынскомъ языкѣ. Сохранились у насъ славяно-румынскія рукописи евангелія и апостола, изъ чего видно, что было время, когда въ румынскихъ церквахъ читался прежде текстъ по-славянски, а потомъ—въ румынскомъ переводѣ“.

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Московскаго Заиконо-Спасскаго монастыря архимандрита Арсенія: 1) „Остромирово евангеліе 1056—57 года, хранящееся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, изданіемъ с.-петербургскаго купца Ильи Савинкова: С.Петербургъ. 1883“. F. (Фототипическое изданіе). 2) *Ottonis Phrisingensis episcopi, viri clarissimi, rerum ab origine mundi ad ipsius usque tempora gestarum libri octo; Eiusdem de gestis Friderici primi Aenobarbi caesaris Augusti libri duo; Radevici ecclesiae canonici libri duo, prioribus additi, de eiusdem Friderici imperatoris gestis. Venetiis, 1515, in folio.* На заглавномъ листѣ—гравирсванный портретъ императора Максимилиана. Въ одномъ переплетѣ находится—*Ioannis Candidi iureconsulti commentariorum Aquiliensium libri octo. Venetiis, 1521“.* 3) „Святъ з писъмо або вся Библия старого и нового завѣту русько-украинською мовою переложена“ (собственно Пятковичіе).

Труды Киев. дух. Акад. 1886 г. Т. II.

10**

Львовъ. 1869^{г.}. 4-о. 4) „Феофана Керамея, архіепископа тавромиискаго (X вѣка), бесѣды на утренія евангелія“. Москва, 1866 г., 8-о.

З) Отъ предсѣдателя гражданскаго департамента Кіевской Судебной Палаты Ал. Матв. Лазаревскаго: О żywocie у sudach B. Stanislawa Kostki, Давида Бартола, въ польскомъ переводѣ Войцеха Тыльковскаго. Вильна, 1674 г. in 4-о.

И) Отъ непремѣннаго члена Кіевскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія О. А. Троицкаго, чрезъ члена и секретаря Общества Н. Петрова: 1) кусочекъ папируса съ древними грузинскими письменами VII—VIII в.; 2) связка бумагъ преосвященнаго аскерманскаго Петра (Троицкаго), заключающая въ себѣ его „переписку константинопольскую“, съ 26 августа 1858 г. по 24 августа 1860 года, и замѣчанія на статью Жемчужникова „Православный Востокъ и Россія“.

Г) Отъ дѣйствительнаго члена, житомирскаго полиціймейстера Т. І. Вержбицкаго: 1) бронзовая медаль въ память англійскаго короля Генриха VIII; 2) большая серебряная медаль на столѣтній юбилей горной Фрейбергской академіи, 1866 г.; 3—5) три мѣдныхъ русскія монеты XVIII вѣка.

Б) Отъ дѣйствительнаго члена, учителя Одесской дух. семинаріи Л. С. Мацѣевича: 1) Оттискъ съ печати Молдавскаго воеводы Александра Маврокордата, съ подписью, 1785 года; 2) брошюра „Описаніе найденной золотой римской монеты съ изображеніемъ Муція Сцевола“ Ф. А. П. Кіевъ, 1674 г.; 3) тройкъ Сигизмунда III, 1593 г., и 4) журналъ Slovincas за 1880—84 гг.

Д) Отъ дѣйствительнаго члена, Н. П. Чернева — два бронзовые медальончика, изъ коихъ одинъ съ изображеніемъ Лоретскаго монастыря пресв. Богородицы, а другой съ изображеніемъ Лютера.

М) Отъ священника Каминскаго, чрезъ члена, священника Кл. І. Оможенка, — дискосъ изъ низкопробнаго серебра

съ подписью: „Року 1729 марта 8 сооружися сия патіна і звѣзда въ храмъ преподоб. отецъ Автонія і Θεодосія за честного іеромонаха Полеена городничого Васильковъ-ского“.

Н) Отъ члена корреспондента, учителя Одесскаго дудоваго училища Игн. Ант. Чемены: 1) мѣдный образокъ святаго Николая; 2) большая цинковая нѣмецкая медаль съ изображеніемъ рудоконныхъ шахтъ; 3—6) бронзовыя византійскія монеты Льва философа, Іоанна Цимисіа и др.; 7) мѣдная болгарская монета царя Асена; 8—19) мордовскіе сустуги, представляющіе собою поддѣлку подъ московскія деньги; 20—25) двѣ серебряныя западно-европейскія, 1 мѣдная и 3 русскія мѣдныя монеты XVIII вѣка.

О) Отъ члена-корреспондента, священника Васильевской церкви въ г. Владимирѣ-Волынскомъ Дан. Левицаго: 1—2) два польскія серебряныхъ гроша королей Александра и Сигизмунда I; 3) *Rituale Sacramentorum*, Краковъ, 1700 г. іп 8-о; 4) рукописный отрывокъ изъ сборника „Казаній“ т. е. проповѣдей, на западнорусскомъ нарѣчій, XVII вѣка, въ листъ; 5) Описаніе Успенскаго Рыбцовскаго монастыря, Черниговской епархіи, рукопись конца XVIII в. въ листъ; 6) Позовъ владимирскому епископу Θεодосію Лазовскому отъ землянина Журовскаго за уойство Лозовскимъ Станислава Журовскаго, 10 окт., 1566 г., и позовъ папскаго нунція Алонзіа Фабри владимирскому кафедральному духовенству за злоупотребленія въ имѣніяхъ Спасскаго монастыря Подгайцахъ и Радочижъ, 1700 года.

П) Отъ К. В. Болсуновскаго: 1) рубль 1804 года, въ обмѣнъ на дублетныя польскія монеты музея; 2—4) фотографическія карточки буратскаго ламы и кяхтинскаго китайскаго губернатора съ женой.

Р) Отъ воспитанника Кіевской дух. Академіи изъ болгаръ Преслава Доброплоднаго—монеты, найденныя въ Придѣлѣ, въ Македоніи: 1) бронзовая греческая солунская; 2)

бронзовая македонская императора римскаго Клавдія; 3) бронзовая римская Траяна; 4—6) серебряныя римскія Гордіана, 7—126) мѣдныя византійскія Комненовъ.

С) Отъ воспитаника 2 й Кіевской гимназіи Бѣлашевскаго: 1) цинковая медаль на бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича съ великою княгиней Наталіей Алексѣвной 29 сентября 1773 года; 2) *Catalogus historicus criticus codicum manuscriptorum bibliothecae ecclesiae metropolitanae Coloniensis. Coloniae Agrippinensium. 1752. 4-о.*

Секретарь Общества *Н. Петровъ.*

ОТЧЕТЫ

О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ

ДЛЯ

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ СТУДЕНТАМЪ ЕЯ

за 1883, 1884 и 1885 годы

съ приложеніемъ

списка всѣхъ лицъ, вошедшихъ въ составъ Братства за эти годы.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.

1886.

I.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Богоявленскаго Братства при Кіевской духовной Академіи для вспомошествованія нуждающимся студентамъ ея, со времени открытія его 28 сентября 1882 года до 31 декабря 1883 года.

Ровно четыре года тому назадъ—31 дек. 1879 г.—члены академической корпораціи, расходясь послѣ обычной въ этотъ день панихиды въ Братскомъ монастырѣ, высказали сожалѣніе о томъ, что къ этому дню никто не подготовилъ записки о настоятельной нуждѣ учрежденія общества вспомошествованія нуждающимся студентамъ Академіи и не созвано для сей цѣли собраніе; но утѣшали себя мыслию, что это дѣло съ удобствомъ можетъ быть приурочено къ предстоящему дню 25-лѣтія благодѣтельнаго царствованія Государя Александра II, именно къ 19 февраля 1880 года, когда Совѣтомъ Академіи предположено было публичное общее собраніе въ академической портретной залѣ послѣ молебна въ церкви. По независѣвшимъ отъ Академіи обстоятельствамъ предположенное собраніе не состоялось, но не надолго. Въ 26 день того же февраля—день рожденія Наслѣдника Его, нынѣ царствующаго Государя Императора Александра III, академическая корпорація, послѣ благодарственнаго молебствія, имѣла совѣщаніе въ квартирѣ ректора Академіи и по совѣщаніи единодушно положила: въ ознаменованіе дня 25-лѣтія царствованія Государя Императора Александра II возстановитъ древнее Богоявленское Братство съ цѣлю пособія нуждающимся студентамъ, число которыхъ

съ прошлаго (1879) года увеличилось. Составленный о семъ актъ за подписью 33 лицъ ректоромъ Академіи потомъ внесенъ былъ въ Совѣтъ Академіи, который, по разсмотрѣніи и одобреніи устава Братства проектированнаго особою комиссіею изъ трехъ лицъ, представилъ его чрезъ Высокопреосвящ. Митрополита Кіевскаго въ Святѣйшій Синодъ. Но изъ Синода уставъ былъ переданъ на утвержденіе, по принадлежности, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Утвержденный Министромъ 10 декабря 1881 г. уставъ отъ начальника края поступилъ въ Академію въ январѣ 1882 г. Послѣ предварительныхъ распоряженій о напечатаніи устава въ академическомъ журналѣ и отдѣльномъ брошюрою и по распространеніи его въ обществѣ, Совѣтомъ Академіи положено было открытъ Братство официально въ день годичнаго акта 28 сентября тогоже 1882 года, и въ этотъ день открытіе совершилось ¹⁾. Братство существуетъ годъ и три мѣсяца. О состояніи его за этотъ краткій періодъ существованія нынѣ (31 дек. 1883 г.), по порученію Совѣта Братства, долгъ имѣю предложить вниманію общаго собранія членовъ Братства краткія свѣдѣнія.

I. О составѣ Братства.

Первоначальный составъ Братства, по 7 § устава, образуется изъ учредителей, т. е., лицъ подписавшихъ проектъ до открытія Братства. Таковыхъ лицъ, какъ уже сказано, 33, изъ коихъ одинъ есть почетный членъ Братства по званію ректора Академіи (§ 9 уст.), а другой есть непремѣнный членъ Совѣта Братства по званію инспектора Академіи (§ 24 уст.). Во главѣ Братства, по 4 § устава, стоитъ покровитель его Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій. Но этотъ составъ Братства, еще до открытія его, пополнился 9-ю лицами, и не только изъ нихъ, но и вообще первыиъ по времени членомъ воостановленнаго Братства,

¹⁾ Описаніе сего торжества (съ рѣчью преосвящ. Миканла и словами сказанными высокопреосвящ. Платономъ) напечатано въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“ за 1882 г. №№ 19 и 20 (стр. 349—353 и 371) и въ отдѣльной брошюрѣ.

по справедливости, можно назвать настоятеля Виленской Николаевской церкви протоіерея о. Петра Левицкаго, который прежде, чѣмъ подписанъ былъ актъ объ учрежденіи Братства, выслалъ для благихъ цѣлей его при отношеніи отъ 17 февраля 1880 г. за № 32 свою лепту—10 руб. и, объщая до конца своей жизни высылать такую лепту, пояснилъ, что онъ, узнавъ изъ газетъ о предполагаемомъ возстановленіи Богоявленскаго Братства 19 февраля въ ознаменованіе 25-лѣтія благотворнаго царствованія Императора Александра II, вполне сочувствуетъ благому дѣлу, какъ бывшій воспитанникъ Кіевской Академіи (XII курса) и какъ взысканный милостіями богохранимаго Августѣйшаго Государа Александра II. Затѣмъ нельзя не упомянуть о двухъ лицахъ: о преосвящ. Владимірѣ, епископѣ Бійскомѣ, начальникѣ Алтайской Миссіи (въ западной Сибири), который еще отъ 17 октября 1881 г. выслалъ 110 рублей для Братства, и объ архимандритѣ Дмитріѣ, ректорѣ Воронежской дух. Семинаріи, который прислалъ Братству въ маѣ 1882 года сто рублей, пояснивъ, что, хотя онъ не былъ воспитанникомъ Кіевской Академіи, приноситъ съ своей стороны сильную лепту въ пользу Братства по глубокому уваженію къ Кіевской Академіи, какъ къ древнѣйшей въ нашемъ отечествѣ духовной школѣ и разсаднику другихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Такимъ образомъ Братство было въ составѣ 42 членовъ, когда оно 28 сентября въ торжественномъ собраніи Академіи покровителемъ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ было объявлено открытымъ.

При самомъ открытіи Братство осчастливлено было тѣмъ, что Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна чрезъ духовника о. протоіерея Василя Ивановича Лебедева соизволила выразить свое полное сочувствіе учрежденію сего Братства въ милостивыхъ словахъ привѣтствія и въ назначеніи ему отъ себя единовре-

меннаго вклада 1000 р.¹⁾ и ежегоднаго взноса 100 р.²⁾; во Августѣйшая милость не ограничилась этимъ,—Ея Высочество, согласно желанію Братства, соизволила изъявить свое согласіе быть Почетною Почетительницею его. Въ 5-й день февраля 1883 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе Государя Императора на принятіе Ея Высочествомъ означеннаго званія. Кромѣ того въ день открытія почтили Братство внесеніемъ своихъ именъ въ списокъ членовъ его и при томъ съ значительными вкладами: Высокопреосвященнѣйшій Платонъ (1000 р. одновременно и 500 руб. ежегодно), Преосвященнѣйшій Іоаннъ епископъ Чигиринскій (300 единовр.), Его Высокопревосходительство Кіевскій генералъ-губернаторъ А. Р. Дренгельнъ (100 р. единовр.), духовникъ Ея Высочества протоіерей В. И. Лебедевъ (200 р. единовр.) и другія лица гражданскаго и духовнаго вѣдомства. Ректоръ Кашиневской дух. Семинаріи о. прот. Вас. М. Пархомовичъ отъ имени Семинаріи телеграммою привѣтствовалъ Академію съ открытіемъ Братства и заявилъ, что всѣ преподаватели сей Семинаріи изъявили полную готовность быть членами его. Восторженно привѣтствовалъ открытіе Братства особою телеграммою Л. Ст. Мацѣвичъ съ пожеланіемъ, „да объединитъ оно всѣхъ воспитанниковъ Кіевской дух. Академіи въ духъ служенія братской любви и идеямъ церковной истины“. Послѣ 28 сентября продолжали поступать въ Братство членскіе взносы. Болѣе значительныя суммы до конца 1882 г. внесены: преосвященнѣйшимъ Михаиломъ еписк. Уманскимъ 300 р. и коммерціансовѣтникомъ Н. Гр. Хряковымъ 1000 р. Заявленія о поступленіи въ члены Братства продолжались и въ теченіи всего 1883 года. Въ этомъ году, кромѣ годичныхъ взносовъ почет-

¹⁾ Этотъ вкладъ полученъ въ 11 сторублевыхъ облигаціяхъ восточнаго займа съ приложеніемъ 10 р. наличными деньгами, слѣдовательно составляетъ нарицательную сумму 1110 р.

²⁾ Внесена сторублевая облигація и 10 р. наличныхъ, слѣдовательно 110 рублей.

ной попечительницы и покровителя Братства, сдѣланы болѣе крупныя вклады Высокопреосвященными Никандромъ архіеписк. Тульскимъ 1000 р. и Аполлосомъ архіеписк. Вятскимъ 150 р. Кромѣ того прежде записавшійся въ пожизненные члены со вкладомъ 1000 р. Н. Гр. Хряковъ, по своему сочувствію цѣлямъ Братства, сдѣлалъ въ мартѣ еще особый взносъ—200 рублей. Не утомляя вниманіи собранія поименнымъ, при семь особо прилагаемымъ, перечнемъ всѣхъ членовъ, состоящихъ въ Братствѣ къ 31 декабря сего 1883 года, приведу здѣсь общія цифры. Кромѣ Покровителя Братства Высокопреосвящ. Платона и Почетной Попечительницы Ея Высочества Великой Кн. Александры Петровны, въ составъ Братства до 31 декабря 1883 года вошло 12 почетныхъ членовъ (изъ нихъ 11 по избранію и одинъ по званію ректора Академіи); затѣмъ 24 пожизненныхъ членовъ, 147 дѣйствительныхъ членовъ и 62 членовъ-соревнователей. Слѣдовательно, съ почетною попечительницею и съ покровителемъ, всѣхъ членовъ въ составѣ Братства оказывается 247. Для почетныхъ членовъ Братства уставомъ его не положено обязательнаго взноса. Въ это званіе общимъ собраніемъ Братства избираются лица, содѣйствіе которыхъ Братство признаетъ для себя весьма полезнымъ. Въ прочіе члены, по 8 § устава, принимаются Совѣтомъ Братства лица обоюга пола, всѣхъ званій и состояній (кромѣ учащихся) по заявленіи ими желанія выполнить условія, соотвѣтствующія тому разряду членовъ, въ который они желаютъ вступить. По силѣ 6 § устава пожизненные члены одновременно вносятъ не менѣе ста рублей, а дѣйствительные члены ежегодно не менѣе пяти рублей; но члены-соревнователи, не обязываясь членскимъ взносомъ, оказываютъ содѣйствіе Братству или пожертвованіями или трудами своими по дѣламъ его. Нѣсколько членовъ пожизненныхъ и дѣйствительныхъ сдѣлали взносы большіе установленнаго низшаго размѣра. О пожизненныхъ членахъ, внесшихъ въ кассу Братства болѣе ста рублей упомянуто

выше. Изъ дѣйствительныхъ членовъ наибольшей взносъ 50 р. сдѣлалъ о. игумень Панкратій, настоятель Медвѣдовскаго Николаевскаго монастыря, заявивъ о ежегодномъ взносѣ по 10 р. въ послѣдующее время; затѣмъ по 25 р. внесли Кіев. губернаторъ С. Н. Гудимъ-Левковичъ, намѣстникъ Кіево-Печерской лавры архим. Иларіонъ, протоіерей Кіево-Софійскаго собора П. Гр. Лебединцевъ, священникъ Д. Ив. Роздольскій и Елена Сем. Шпаковская; по 10 руб. внесли 14 членовъ¹⁾, по 6 руб. двое, а всѣ прочіе по 5 руб. Изъ членовъ-соревнователей никто не внесъ менѣе 30 коп. и болѣе 3 руб. Сверхъ того въ 1883 году заявили о своемъ желаніи вступить въ члены Братства: смотритель Черкаскаго духовнаго училища Арсеній С. Царевскій и законоучитель Виленскаго учительскаго Института свящ. Никодимъ Андр. Соколовъ. Первый предоставилъ редакціи „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“ передать въ кассу Братства гонораръ, какой будетъ ему причитаться за статью напечатанную въ семъ журналѣ „Обзоръ библейской литературы 1882 г.“, а второй выслалъ Братству для продажи въ пользу его 15 экземпляровъ книжки „Ченстоховская чудотворная икона пресвятой Богородицы“. Но до 31 декабря сего 1883 года эта брошюра еще не распродана, равно и деньги г. Царевскаго изъ редакціи академическаго журнала еще не поступили въ кассу Братства.

Рядомъ со вступленіемъ въ Братство новыхъ членовъ происходило выбитіе изъ состава его. Смерть похитила изъ среды Братства почетнаго члена его высокопреосвящ. Дмитрія архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, преосвященнаго Іоанна епископа Чигиринскаго, по собственному желанію вступившаго въ число пожизненныхъ членовъ его, а по единогласному избранію общаго собранія Братства бывшаго предсѣдателемъ Совѣта его, изъ дѣйствительныхъ членовъ—о. протоіерея А. М. Воскресенскаго и А. Д. Воронова профессора Академіи.

¹⁾ Двое изъ внесшихъ по 10 руб., именно преосвященные Арсеній епископъ Ладожскій и Виталій епископъ Чигиринскій, внесли потомъ по 100 рублей и изъ дѣйствительныхъ членовъ перечислились въ пожизненные: первый въ ноябрѣ 1883 г., а второй въ январѣ слѣдующаго года.

II. О средствахъ Братства.

Сформированный въ общемъ собраніи 31 октября 1882 года Совѣтъ Братства, обязанный по уставу, между прочимъ, хранить суммы и другое имущество его и употреблять ихъ по назначенію, отерылъ свои дѣйствія съ половины ноября тогоже года и немедленно принялъ въ свое вѣдѣніе братскія суммы: а) поступившія до открытія Братства въ Правленіе Академіи въ количествѣ 345 р. и б) до открытія дѣйствій Совѣта Братства, по уполномочію учредителей, собранныя ректоромъ Академіи—въ суммѣ 5263 р. и секретаремъ Правленія ея въ количествѣ 473 р., итого 6081 р.; затѣмъ въ Совѣтъ Братства поступило еще членскихъ взносовъ на сумму 4435 р. 69 к. Взносы и пожертвованія членовъ Братства по 31 декабря 1883 года составили сумму 10516 р. 69 к. (въ томъ числѣ 4000 р. въ процент. бумагахъ). Изъ нея 3867 р. 28 к. (въ видѣ взносовъ пожизненныхъ членовъ и 10⁰/₀-го отчисленія отъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ и пожертвованій членовъ - соревнователей) обращены въ государственныя процентныя бумаги, именно куплено въ разное время 26 облигацій восточныхъ займовъ на сумму 4250 р. Черезъ эту операцію получилось номинальное приращеніе прихода кассы Братства на 382 р. 72 к. Кроме того онъ увеличился еще черезъ полученіе процентовъ: а) по текущему счету въ Киевскомъ Городскомъ Обществѣ взаимнаго кредита за полтора послѣднихъ мѣсяца 1882 года—3 р. 36 к. и б) по купонамъ отъ государственныхъ %-ныхъ билетовъ 408 р. Такимъ образомъ весь приходъ Братства по 31-е декабря 1883 года составляетъ сумму 11310 р. 77 к.

Расходъ суммъ Братства Совѣтомъ его сообразовался какъ съ поступленіемъ ихъ въ кассу, такъ и съ дѣйствительными нуждами, на основаніи устава, и за истекшій годъ съ тремя мѣсяцами произведенъ по разнымъ статьямъ въ такомъ размѣрѣ: а) 51 р. 30 к. на первоначальное обзаведеніе предметами необходимыми для дѣлопроизводства

Братства: именною печатію его, квитанціонными или билетными книгами, разными другими книгами, бланками отпечатавшихся и т. п. на 10 лѣтъ. б) 1512 р. на пособія нуждающимся студентамъ Академіи. Изъ этой суммы употреблено на единовременныя пособія 408 руб. (въ этомъ числѣ 26 своекоштнымъ 163 р. 50 к. и 16-ти казеннокоштнымъ 244 р. 50 к.) отъ 5 до 25 рублей каждому, и только одному (Василію Ковалевскому) дано было 40 руб. на поѣздку въ Одессу для леченія на лиманѣ отъ костофды правой малой берцовой кости. Затѣмъ 1104 р. употреблены на ежемѣсячныя пособія своекоштнымъ студентамъ. До января 1883 года за два мѣсяца получили 8 студентовъ въ пособіе отъ 5 до 10 р.; съ января до іюля 1883 года 12 студентовъ получали помѣсячное пособіе въ томъ же размѣрѣ, а съ сентября до конца сего года 16 студентовъ получали пособіе отъ 6 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Изъ 100 рублей, пожалованныхъ къ Пасхѣ Ея Высочествомъ Почетною Попечительницею, и 10 р., пожертвованныхъ о. протоіереемъ Вас. Ив. Лебедевымъ, произведена выдача предъ Пасхою всѣмъ 22 наличнымъ своекоштнымъ студентамъ. в) 66 руб. на вознагражденіе служителю и писцу. г) 2 р. 70 к. на покупку канцелярскихъ матеріаловъ. д) 3867 р. 28 к. на покупку облигацій восточнаго займа. Не считая послѣдней суммы, какъ поступившей обратно на приходъ въ видѣ %-ныхъ бумагъ, получаемъ дѣйствительный расходъ въ суммѣ 1632 руб. Затѣмъ остатокъ къ 1 января 1884 года равняется 9678 р. 77 к., изъ коихъ 8250 р. заключаются въ государственныхъ %-бумагахъ, внесенныхъ въ денежную шкатулку академическаго Правленія, хранимую въ Киевскомъ Губернскомъ Казначействѣ, а 1428 руб. 77 к. наличными деньгами содержатся на текущемъ счетѣ въ Киевскомъ город. Обществѣ взаимнаго кредита.

III. Управленіе дѣлами Братства.

Управленіе дѣлами Братства, по уставу (§ 14), принадлежитъ общему собранію его членовъ. По открытіи Брат-

ства 28 сентября 1882 года созваніе его было первою необходимою. По совѣщаніи ректора Академіи 4 октября съ учредителями признано было необходимымъ созвать общее собраніе не ранѣе конца октября, чтобы въ теченіи этого мѣсяца дать возможность желающимъ изъ жителей Кіева записаться въ члены Братства и чтобы изъ большаго числа ихъ удобнѣе было выбирать въ члены *Совѣта* его, положеннаго, по уставу (§ 15), для *завѣдыванія текущими дѣлами*, но и не поздиѣе конца октября, дабы дѣла Братства приняли теченіе вполнѣ соответствующее уставу и направлялись къ осуществленію намѣченныхъ имъ цѣлей.

Первое *общее собраніе* членовъ Братства состоялось 31 октября 1882 г. Первымъ дѣломъ сего собранія было сформированіе *Совѣта* Братства чрезъ выборъ въ составъ его 7 лицъ, кромѣ инспектора Академіи (Ак. Ал. Олесницкаго, а съ 11 іюня 1883 года Ив. Ник. Королькова) непремѣннаго члена *Совѣта* по должности (24 § уст.); при чемъ оказались избранными: а) преосвящен. Іоаннъ, епископъ Чигиринскій, первый викарій Кіевской епархіи,—предсѣдателемъ *Совѣта* Братства; б) законоучитель Коллегіи Павла Галагана протоіерей Ілія Тих. Экземлярскій—товарищемъ предсѣдателя; в) затѣмъ въ члены *Совѣта*: ректоръ Кіевской духовной Семинаріи архимандритъ Виталій, г) заслужен. ординарн. профессоръ Кіевской духовной Академіи Ив. Игнат. Малышевскій, д) коммерціи-совѣтникъ Ник. Григ. Хряковъ, е) эконоомъ Академіи свящ. Дан. Ив. Роздольскій—въ должности казначея Братства (на время его болѣзни помощникъ инспектора Академіи Алексѣй Ив. Михайловскій) и ж) секретарь Академіи Ив. Петр. Исаевъ—въ званіи секретаря *Совѣта* Братства. Другимъ предметомъ занятій тогоже общаго собранія было избраніе въ почетные члены; при чемъ единогласно избраны девять іерарховъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Кіевской Академіи или изъ состоявшихъ на службѣ въ Кіевѣ въ близкихъ отношеніяхъ къ сей Академіи и продолжающихъ оказывать ей свое вниманіе и содѣй-

стве, именно: высокопреосвященные митрополиты Исидоръ С.-Петербургскій и Іоаннiй Московскій, архіепископы: Димитрій Херсонскій, Леонтій Варшавскій, Серафимъ Воронежскій, Іоаннъ Полтавскій, Митрофанъ Донской, Аполлосъ Вятскій и Никандръ Тульскій. Затѣмъ какъ въ семь, такъ и въ общемъ собраніи 31 декабря 1882 г. предметомъ особаго сужденія было поднесеніе Ея Высочеству Великой Княгини Александрѣ Петровнѣ особаго приличествующаго званія въ числѣ членовъ Братства—званія Почетной Попечительницы его; кромѣ того въ этомъ послѣднемъ собраніи состоялось избраніе Ихъ Высокопревосходительствъ Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и Начальника юго-западнаго края А. Р. Дрентельна въ почетные члены Братства. Наконецъ 3 апрѣля было еще общее собраніе членовъ Братства, въ которомъ на мѣсто почившаго въ Бозѣ преосвящен. Іоанна избранъ въ званіе предсѣдателя Совѣта Братства преосвященный Виталий, епископъ Чигиринскій, состоявшій прежде членомъ Совѣта, и было сужденіе о замѣщеніи отрывшейся, послѣ того, вакансіи члена Совѣта, но выборъ на сію вакансію отложенъ до слѣдующаго общаго собранія Братства по назначеніи въ Кіевскую духов. Семинарію ректора, ближайшее участіе котораго въ дѣлахъ Совѣта Братства признано полезнымъ и желательнымъ, какъ представителя одного изъ такихъ заведеній, которыя почти исключительно даютъ для Академіи контингентъ воспитанниковъ, и при томъ такой Семинаріи, изъ которой поступаетъ наибольшее число ихъ вообще и своекоштныхъ въ частности. Въ томъ же общемъ собраніи отъ 3 апрѣля составлена Ревизіонная Комmissія для повѣрки кассы и приходорасходныхъ книгъ Совѣта Братства изъ трехъ лицъ: заслужен. ординарн. профессора Академіи Вас. Θεодор. Пѣвницкаго, экстраординар. профессора ея Ив. Ник. Королькова и преподавателя Семинаріи Павла Григор. Преображенскаго; кромѣ того установлено, согласно 12 § устава, процентное отчисленіе въ запасной

капиталъ въ мѣримальномъ размѣрѣ, т. е. 10⁰/. Наконецъ четвертое общее собраніе Братства, по силѣ 16 и 25 § устава, Совѣтомъ назначено на 31 декабря 1883 года какъ для выслушанія и утвержденія годичнаго отчета, такъ и для выбора новыхъ членовъ Совѣта на мѣсто выбывшихъ.

Совѣтъ Братства открылъ свои дѣйствія 12 ноября 1882 года. Въ этомъ первомъ собраніи предметомъ занятій его было обсужденіе и опредѣленіе порядка и образа дѣйствій Совѣта въ указанныхъ уставомъ Братства предѣлахъ (25—38 §§ уст.); въ частности постановлено заготовить именную печать Братства (§ 38) и приходорасходныя книги (§ 35), и установленъ срокъ отчетнаго года. Принимая во вниманіе указаніе 16 § устава о годовыхъ собраніяхъ въ 31-й день декабря и признавая большее удобство въ веденіи счетоводства по гражданскому году, Совѣтъ принялъ этотъ годъ за отчетный и поступившія со времени открытія Братства суммы, равно и могущія поступить до 31-го декабря 1882 года, положилъ считать поступленіемъ на 1883 годъ, если это не оговорено самимъ жертвователемъ, или если не будетъ имъ сдѣланъ новый взносъ на сей годъ. Кромѣ этого перваго засѣданія, до конца 1882 года Совѣтъ Братства имѣлъ еще три засѣданія: а) 17 ноября—по дѣлу о приѣмѣ собранныхъ въ пользу Братства суммъ, записи ихъ на приходъ, о раздѣленіи ихъ на капиталы—запасной и расходный и объ обращеніи части наличныхъ денегъ въ процентные государственные билеты; о мѣстѣ храненія братскихъ капиталовъ; при чемъ, въ видахъ сохранности суммъ, удобства и экономіи Братства въ употребленіи ихъ, положено передать (и переданъ) Правленію Академіи основной капиталъ, заключающійся въ ⁰/₁₀₀ бумагахъ, для внесенія въ академическую денежную шкатулку, хранящую въ Киевскомъ Губернскомъ Казначействѣ, а сумму на текущіе расходы или наличныя деньги держать въ Киевскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита; кромѣ того въ этомъ засѣданіи предоставлено непремѣнному члену Совѣта—и-

спектору Академіи, вмѣсто предсѣдателя его, принимать отъ студентовъ прошенія въ видахъ какъ удобства для нихъ, такъ и пользы при разрѣшеніи ихъ, ибо инспекторъ имѣеть возможность вносить эти просьбы на разсмотрѣніе Совѣта со всѣми, потребными при разрѣшеніи ихъ, справками; б) 25 ноября—о произведенной операціи обращенія наличныхъ денегъ въ % бумаги, раздѣленіи новыхъ поступленій денежныя по капиталамъ и о выдачѣ пособій по прошеніямъ студентовъ, и в) 22 декабря о вновь поступившихъ суммахъ, о изготовленіи членскихъ билетовъ, или квитанціонныхъ книгъ, бланковъ отношеній и о созваніи общаго собранія членовъ на 31 декабря 1882 года. Такимъ образомъ административная дѣятельность Братства за три первые мѣсяца существованія его, т. е. за послѣдніе мѣсяцы 1882 г., можетъ быть названа преимущественно организаціонною. За тѣмъ въ теченіи 1883 г. было 9 засѣданій Совѣта. Дѣла по Братству за сей годъ производились въ такомъ установленномъ порядкѣ: поступавшія на имя Боголюбскаго Братства денежныя почтовые повѣстки, смотря по суммѣ ихъ, или вручались казначею или довѣрялись служителю за подписью товарища предсѣдателя или секретари Совѣта съ приложеніемъ печати Братства по 34 § устава его; получаемыя деньги чрезъ почту или непосредственно отъ самихъ членовъ казначею вносились въ квитанціонную книгу, а вырѣзанныя изъ нея билеты Совѣтомъ отсылались по принадлежности съ выраженіемъ благодарности. О поступившихъ суммахъ секретаремъ обыкновенно докладываемо было въ первомъ очередномъ собраніи Совѣта и записываемо какъ въ журналъ его, такъ и въ общую книгу на приходъ. Процентныя бумаги передавались въ Правленіе Академіи для внесенія въ денежную шкатулку его, хранимую въ Губерн. Казначействѣ, а наличныя деньги, если количество ихъ значительно превышало предстоящій расходъ, сдавались въ Общество Взаимнаго Кредита на текущій счетъ. Затѣмъ въ каждомъ засѣданіи Совѣта рассматривались

прошенія студентовъ о пособіи, поступавшія на имя его къ непремѣнному члену. Разрѣшенныя къ расходу суммы вносились въ журналы засѣданій и, по записи въ книгѣ расхода, выдавались казначею подъ расписки получателей. Такимъ образомъ предметомъ всѣхъ 9 засѣданій Совѣта за 1883 годъ были распоряженія о поступавшихъ въ кассу Братства суммахъ и о назначеніи пособій, какъ помѣсячныхъ студентамъ своекоштнымъ, такъ и единовременныхъ студентамъ своекоштнымъ и казеннокоштнымъ, по прошеніямъ ихъ.

II.

ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ

БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ

ДЛЯ ВОПОМОЩЕСТВОВАНІА НУЖДАЮЩИМСЯ СТУДЕНТАМЪ ЕЯ
ЗА 1884 ГОДЪ.

По 16 § устава Братства годовое общее собраніе членовъ его назначено на 31 декабря каждаго года—день поминовенія основателей и благотворителей Кіевской Академіи, и въ числѣ занятій сего собранія положено разсмотрѣніе отчета о дѣйствіяхъ Братства. Въ исполненіе сего и на основаніи §§ 36 и 25 е. составленъ за 1884 годъ отчетъ, который и представляется нынѣ—31 декабря сего года—вниманію общаго собранія и въ которомъ содержатся краткія свѣдѣнія: 1) о личномъ составѣ Братства, 2) о средствахъ Братства и 3) объ управленіи дѣлами его.

I. О составѣ Братства.

Изъ общаго числа 247 лицъ, вошедшихъ до 31 декабря 1883 года въ составъ Братства, за послѣдовавшею въ томъ же году смертію четырехъ изъ нихъ, состояли къ началу

отчетнаго года: а) Почетная Попечительница Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна, б) покровитель Братства Высокопреосвященнѣйшій Платонъ Митрополитъ Кіевскій, в) почетныхъ членовъ 11, г) пожизненныхъ членовъ 23, д) дѣйствительныхъ членовъ 145 и членовъ-соревнователей 62, всего 243.

Съ 1 января по 31 декабря 1884 года въ составѣ Братства произошли слѣдующія перемѣны: вступившій въ 1882 году по собственному желанію въ число пожизненныхъ членовъ Братства протоіерей Вас. Ив. Лебедевъ, духовникъ Ея Высочества, избранъ въ почетные члены Братства общимъ собраніемъ его 31 декабря 1883 года; преосвященнѣйшій Виталій епископъ Чигиринскій, вступившій 28 сентября 1882 г. въ число дѣйствительныхъ членовъ, 31 января 1884 г. перешелъ въ число пожизненныхъ членовъ Братства по внесеніи установленнаго для нихъ единовременнаго взноса; изъ дѣйствительныхъ членовъ умерли трое: преосвящ. Далмать, бывшій ректоръ Екатеринославской д. Семинаріи, и бывшіе профессора Кіев. д. Академіи Н. Ив. Щеголевъ и Ф. А. Терновскій, а изъ членовъ-соревнователей двое: Мелетій іеромонахъ и Галактіонъ монахъ Кіево-Богоявленскаго Брат. монастыря. Въ теченіи 1884 г. вновь вступили въ число дѣйствительныхъ членовъ Братства 10 лицъ, а въ число членовъ-соревнователей одно лице. За такими перемѣнами къ 31 декабря 1884 г. въ составѣ Братства всѣхъ членовъ считается 249. Въ этомъ числѣ покровитель и почетная попечительница, почетныхъ членовъ 12, пожизненныхъ 23, дѣйствительныхъ 151 и соревнователей 61.

II. О средствахъ Братства.

Отъ 1883 года осталось 8250 р. въ процентныхъ билетахъ и 1428 р. 77 к. наличными, итого 9678 р. 77 к. Вѣрность сего остатка засвидѣтельствована Ревизіонною Комиссіею по книгамъ.

Отчеты Боголюб. Братства.

2

Въ теченіи 1884 года касса Братства пополнялась Бленскими взносами. Изъ вступившихъ въ число дѣйствительныхъ членовъ въ 1882 и 1883 г. сдѣлали взносы въ 1884 году только 50 и всѣ 11 вновь записавшіеся въ число членовъ. Изъ дѣйствительныхъ членовъ внесли: по 5 руб. 51 членъ (изъ коихъ прот. Григ. Покровский, законоучит. Астрахан. Гимназій, присоединилъ по 5 руб. за 1882 и 1883 годы); по 6 руб. 2 члена, 7 р. 50 к. одинъ членъ Арс. С. Царевскій (говорарь свой отъ редакціи „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“), по 10 р. 6 членовъ, 20 р. одинъ прот. П. Я. Левицкій, и наконецъ 100 руб. (въ облигаціи восточнаго займа) преосвященнѣйшій Виталий, вступившій чрезъ таковой взносъ въ число пожизненныхъ членовъ. Кромѣ обязательныхъ взносовъ въ кассу Братства сдѣланы пожертвованія почетными членами его: ректоромъ Академіи 5 р. и протоіереемъ Вас. Изв. Лебедевымъ 25 р., членомъ-соревнователемъ свящ. Никод. А. Соколовымъ 4 р. 25 к., вырученныя отъ продажи его книги „Ченстоховская чудотворная икона Богородицы“. Но главное подкрѣпленіе кассѣ Братства оказано взносомъ его покровителя Высокопреосвященнѣйшаго Платона въ 500 р. Такимъ образомъ 65-ю лицами всего въ 1884 году внесено въ кассу 998 р. 75 к.

Вторымъ источникомъ увеличенія средствъ Братства было полученіе процентовъ, которыхъ въ 1884 году поступило: а) съ запаснаго капитала 415 р. 50 к. и б) по текущему счету 36 р. 70 к., итого 452 р. 20 к.

Наконецъ приобрѣтенъ 500 рублевый государственный ч^о/. банковый билетъ 5 выпуска за 488 р. 19 к. по курсу.

Такимъ образомъ за отчетный годъ весь приходъ Братства равняется 1950 р. 95 к. (въ этомъ числѣ государственныхъ процентныхъ бумагъ на 600 р. и 1350 р. 95 к. въ наличныхъ), а съ остаткомъ отъ 1883 г. оказывается къ 31 дек. 1884 г. 8850 р. въ банк. билетахъ и 2779 р. 72 к. налич., всего 11.629 р. 72 к.

Расходъ суммъ Братства, сообразно съ поступленіемъ ихъ и съ дѣйствительными нуждами, Совѣтомъ Братства произведенъ за 1884 годъ въ такомъ размѣрѣ.

1. На пособіе студентамъ: а) помѣсячное 23 своекоштныхъ 630 р. и б) единовременное 2 своекоштнымъ и 13 казеннокоштнымъ 268 р., итого 898 р.

2. На вознагражденіе писца и служителя 66 р.

3. На почтовые издержки 72 к.

4. На покупку 500-рублеваго госуд. 5%^о

банковаго билета 488 р. 19 к.

Всего . . . 1452 р. 91 к.

А за вычетомъ изъ сего 488 р. 19 к., употребленныхъ на покупку пятисотрублеваго 5%^о государств. банкаго билета, дѣйствительный расходъ составляетъ сумма 964 р. 72 к.

Затѣмъ къ концу 1884 г. состоитъ въ остаткѣ билетами банковыми на 8850 р. и наличными деньгами 1326 р. 81 к., всего 10.176 р. 81 к.

Изъ означеннаго остатка (10176 р. 81 к.) находятся: а) 8850 р. въ процент. бумагахъ въ штатулкѣ Правленія Академіи, хранямой въ Кіевскомъ Казначействѣ, б) 1140 р. на текущемъ счетѣ по книжкѣ № 825 въ Кіевскомъ Город. Обществѣ Взаимнаго Кредита и в) 186 р. 81 к. на рукахъ у казначей Братства.

III. Объ управленіи дѣлами Братства.

Въ отчетномъ году по управленію дѣлами Братства потребовалось одно общее собраніе членовъ его, а по завѣдыванію текущими дѣлами 8 засѣданій Совѣта, въ которыхъ состоялись постановленія о вновь поступившихъ суммахъ, о выдачѣ пособій тѣмъ студентамъ, которымъ назначены были прежде, о назначеніи новымъ просителямъ пособія ежемѣсячнаго и единовременнаго и т. под.

Въ составѣ Совѣта, въ которомъ подагается 8 членовъ, избираемыхъ на два года, кромѣ одного непремѣннаго члена

инспектора Академіи, произошли за 1884 годъ слѣдующіе перемѣны. На мѣсто двухъ выбывшихъ въ прошломъ году съ января сего года вошли въ составъ Совѣта Братства, по избранію общаго собранія его 31 декаб. 1883 г., два лица: ректоръ Семинаріи о. архимандр. Иринеѣ и эконоомъ Академіи А. Устиновъ въ званіи казначея Братства. Нынѣ (31 дек. 1884 г.) истекъ двухлѣтній, опредѣленный уставомъ (§ 23), срокъ полномочія для четырехъ членовъ Совѣта по завѣдыванію текущими дѣлами, а потому общему собранію предстоитъ для сего теперь избрать членовъ въ составъ Совѣта на новое двухлѣтіе.

Завершеніемъ административной дѣятельности Братства за 1884 годъ служатъ два акта Ревизіонной Комиссіи его: а) о повѣркѣ запаснаго капитала 29 октября и б) о повѣркѣ приходо-расходныхъ документовъ Совѣта Братства 28—30 декабря.

III.
ОТЧЕТЪ
О СОСТОЯНІИ
БОГОЯВЛЕНСКАГО БРАТСТВА

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ

ДЛЯ ВОСПОМОЩСТВОВАНІА НУЖДАЮЩИМСЯ СТУДЕНТАМЪ ЕЯ
ЗА 1885 ГОДЪ.

Къ настоящему годичному общему собранію членовъ Братства (31 декабря 1885 года), въ исполненіе устава его §§ 36, 25 е. и 17 в., составленъ и представляется на разсмотрѣніе отчетъ о положеніи Братства за истекшій годъ въ отношеніи а) къ составу Братства, б) къ средствамъ его и в) къ управленію дѣлами его. По каждому изъ сихъ отдѣловъ, - намѣченныхъ уставомъ, въ семь отчетѣ излагаются краткія свѣдѣнія.

I. О составѣ Братства.

Къ 31-му декабря 1884 года въ составѣ Братства значилось 249 членовъ. Съ 1-го по 31 декабря 1885 года въ немъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Пятеро вновь поступили въ число членовъ Братства: а) почетныхъ—высокопреосвященный Θεовитъ архіепископъ Рязанскій по избранію общаго собранія 31 декабря 1884 года; б) дѣйствительныхъ—по собственному желанію четверо, изъ коихъ 3 лица вновь поступившія на службу въ Кіевскую духовную Академію. Кромѣ того преосвященный Михаилъ епископъ

Уманскій (ныня Курскій), чрезъ одновременное пожертвованіе 300 р. вступившій въ число пожизненныхъ членовъ Братства, а по званію ректора Кіевской Академіи со времени открытія онаго до 11 апрѣля 1883 года бывшій почетнымъ членомъ, общимъ собраніемъ 31 декабря 1884 года избранъ въ число почетныхъ членовъ Братства, какъ основатель его; а священникъ о. Никодимъ Соколовъ изъ членовъ-соревнователей перечисленъ въ дѣйствительные члены вслѣдствіе полученія 5 р. 83 к. отъ продажи 17 изъ 30 присланныхъ имъ экземпляровъ брошюры „Ченстоховская чудотвор. икона Богородицы“ и одного экземпляра книги его „Остробрамская чудотворная икона Богородицы въ г. Вильнѣ“. Но рядомъ съ увеличеніемъ числа членовъ въ составѣ Братства происходила убыль ихъ. Скончались въ этомъ году шестеро: а) почетный членъ высокопреосвящ. Аполдосъ архіепископъ Вятскій, б) пожизненные члены: высокопреосвящ. Тихонъ архіепископъ Волынскій и преосвящ. Ѳеодосій епископъ Екатеринославскій, в) дѣйствительные: Гудимъ Левковичъ Сер. Ник. кіевскій губернаторъ и Струменскій Евг. Ст. протоіерей, законоучитель Каменецъ-Подольской Гимназіи, г) членъ-соревнователь іеромонахъ Никонъ, эконормъ Кіево-Боговлянскаго Братскаго монастыря. Такимъ образомъ къ 31 декабря 1885 года числится всѣхъ членовъ Братства 248. Въ этомъ числѣ покровитель Братства, почетная попечительница его, почетныхъ членовъ 13, пожизненныхъ 20, дѣйствительныхъ 154 и соревнователей 59.

II. О средствахъ Братства.

Отъ 1884 года къ отчетному году оставалось въ процентныхъ бумагахъ 8850 р. и наличными деньгами 1326 р. 81 к., всего 10176 р. 81 к. Наличность и вѣрность этихъ суммъ, а также правильность веденія счетоводства, засвидѣтельствованы Ревизионною Коммиссіею.

Касса Братства пополнялась и въ 1885 году тѣми же способами, какими поддерживалась въ прошломъ 1884 году.

Первымъ источникомъ служили членскіе взносы и пожертвованія, каковыхъ по квітаціонной книгѣ за отчетный годъ оказывается 54. Въ томъ числѣ значатся три крупныя взноса: а) 500 рублей, ежегодно жертвуемые Покровителемъ Братства высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ Митрополитомъ Кіевскимъ, б) 100 руб., также ежегодно жалуемые Почетною Попечительницею Ея Император. Высочествомъ Великою Княгинею Александрою Петровною и в) 100 руб. отъ почетнаго члена высокопреосвященнаго Феодиста архіепископа Рязанскаго въ видѣ единовременнаго пожертвованія. Затѣмъ поступилъ годичный взносъ 10 р. отъ о. протоіерея Вас. Ив. Лебедева сверхъ единовременнаго вклада его при открытіи Братства. Прочіе 50 взносовъ сдѣлали дѣйствительныя члены не въ одинаковомъ размѣрѣ: 1 (товарищъ предсѣдателя Совѣта Братства) 15 рублей, 5 по 10 руб. (изъ коихъ одинъ П. П. Пегрушевскій присоединилъ 5 руб. за предыдущій годъ), 1 внесъ 6 р., 1 внесъ 5 р. 85 р. и 42 по 5 рублей. Изъ этого числа 33 лица принадлежатъ къ академической корпораціи, а 9—посторонніе, изъ коихъ одинъ членъ (преосвященный Іустинъ е. Новомирг.) вмѣстѣ внесъ 5 руб. и за предыдущій годъ. Такимъ образомъ въ теченіи 1885 года отъ членовъ Братства въ кассу его поступило всего 1006 р. 85 к

Вторымъ источникомъ дохода Братства служило полученіе процентовъ: а) съ запаснаго капитала, заключающагося въ государственныхъ %-ныхъ бумагахъ, и б) по текущему счету наличныхъ суммъ въ Городскомъ Обществѣ взаимнаго кредита. По первому получено въ 1885 году 454 р. 86 к., а по второму въ разчетной книжкѣ названнаго Общества за № 825 на приходъ записано 40 р. 11 коп., итого 494 р. 97 коп.

Наконецъ къ увеличенію прихода кассы Братства въ отчетномъ году послужило приобрѣтеніе въ равное время двухъ облигацій восточ. займа за наличныя деньги по курсу: а) тысячной за 964 р. 2 к. и б) сторублевой за 97 р.

52 к., каковыя облигаціи записаны на приходъ номинальною суммою ихъ 1100 р.; только увеличеніе его равняется по курсовой разности 38 р. 46 к.

Такимъ образомъ весь приходъ Братства за 1885 годъ равняется суммѣ 2601 р. 82 к. (или, за исключеніемъ 1061 р. 54 к. наличныхъ денегъ употребленныхъ на покупку облигацій, собственно 1540 р. 28 к.), а съ остаткомъ запаснаго и наличнаго капитала отъ 1884 года получается общая сумма 12.778 р. 63 к.

Расходъ суммъ Братства соразмѣрялся съ поступленіемъ ихъ и съ дѣйствительными нуждами студентовъ, вспомошествованіе которымъ составляетъ цѣль его. Уменьшая большею частію просимыя пособія сообразно стоимости необходимыхъ предметовъ, на которые оныя испрашивались, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе отказывая просителямъ, Совѣтъ Братства въ отчетномъ году выдалъ пособіе 35 студентамъ, изъ коихъ 6 своекоштныхъ студентовъ, 4 частныхъ стипендіата и 25 казеннокоштныхъ студентовъ, преимущественно живущихъ внѣ зданія Академіи по неимѣнію въ немъ помѣщенія. Помѣсячное пособіе въ первой половинѣ года получали 4 своекоштныхъ студента отъ 10 до 15 рублей, а съ сентября, по зачисленіи ихъ на казенное содержаніе, выдавалось двумъ новымъ студентамъ по 8 р и 15 р. въ мѣсяцъ; наконецъ съ декабря назначено мѣсячное пособіе одному стипендіату 3 р. и одному казенному студенту живущему въ частной квартирѣ 2 р. Всего на ежемѣсячное пособіе израсходовано въ теченіи года 401 р. Изъ 8 студентовъ, пользовавшихся пособіемъ Братства помѣсячно, трое получили пособіе и одновременно; а прочимъ 27 студентамъ выдано только единовременное пособіе отъ 4 до 40 рублей. Въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ дано пособіе только двумъ студентамъ по внимавію къ исключительному положенію ихъ; за тѣмъ тремъ большимъ студентамъ выдано по 25 рублей; но болѣе обыкновеннымъ размѣромъ единовременнаго пособія была сумма отъ 10 до 15 р., выда-

ваемая на одежду и обувь. Треть студентамъ, получившимъ единовременное пособие, дано было вторично. На единовременныя пособия за годъ употреблено 524 р. А всего въ теченіи 1885 года израсходовано на пособия 35 студентамъ 925 рублей.

Другой крупный расходъ Братства въ отчетномъ году представляетъ покупка двухъ облигацій, на которую употреблено—1061 р. 54 к.; но этотъ расходъ номинальный, а въ действительности деньги эти поступили на приходъ въ облигаціяхъ на сумму 1100 р., давъ номинальное приращеніе капитала Братства на 38 р. 46 коп., составляющіе разность между нарицательною и курсовою цѣнами купленныхъ облигацій.

Затѣмъ употреблено на вознагражденіе писца и служителя всего въ годъ 72 руб.

Кромѣ того сдѣланъ незначительный расходъ по слѣдующимъ статьямъ: 1) на открытіе и содержаніе текущаго счета въ Кіевской Конторѣ Государственнаго Банка употреблено 70 к. (50 к. за чековую книжку и 20 к. за двѣ гербовыя десятикопѣчныя марки) и 2) на канцелярскія надобности 50 к., итого 1 р. 20 к.

Всего въ 1885 году израсходовано 2059 р. 74 к., а за исключеніемъ изъ нихъ 1061 р. 54 к., употребленныхъ на покупку двухъ облигацій и въ нихъ обратившихъ на приходъ, действительный расходъ равняется 998 р. 20 к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 31 декаб. 1885 года состоитъ: а) въ билетахъ кредитныхъ учрежденій 9950 р. и б) наличными деньгами 768 р. 89 к., всего 10.718 р. 89 к. Всѣ процентныя бумаги на сумму 9950 р., составляющія запасной капиталъ Братства, находятся въ денежной шкатулкѣ Правленія Академіи, хранимой въ Кіевскомъ Казначействѣ; а изъ наличной суммы Братства—768 р. 89 к.—находятся: а) 570 р. на текущемъ счетѣ въ Кіевской Конторѣ Государственнаго Банка по книжкѣ № 669, б) 180 р. 11 к. въ Кіевскомъ Городскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита и в)

18 р. 78 к. на рукахъ взыачея Братства. За открытіемъ текущаго счета въ Конторѣ Государственнаго Банка и въ исполненіе указа Св. Синода отъ 3 февраля 1883 года за № 3 Совѣтомъ Братства положено закрыть текущій счетъ въ Городскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита ¹⁾.

Довольно значительный остатокъ наличной расходной суммы (768 р. 89 к.) можетъ у нѣкоторыхъ лицъ вызвать предположеніе объ изобиліи средствъ Братства, или, по крайней мѣрѣ, о превышеніи средствъ его надъ нуждами. Но такое заключеніе ошибочно и для устраненія его необходимо обратить вниманіе на два обстоятельства: 1) расходъ суммъ Совѣтомъ Братства, въ виду слабаго поступленія взносовъ, производится съ возможною экономіею, или во всякомъ случаѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы нѣкоторая часть наличныхъ денегъ оставалась отъ одного года на первые мѣсяцы другаго; 2) въ этомъ остаткѣ заключается годичный взносъ Высокопреосвященнѣйшаго Платона, поступившій въ ноябрѣ сего года и вообще поступающій въ концѣ года въ соотвѣтствіе первому взносу его при открытіи Братства въ концѣ 1882 года; сумму эту Совѣтомъ Братства принято считать главнымъ фондомъ расходной кассы Братства на слѣдующій годъ.

III. Объ управленіи дѣлами Братства.

По дѣламъ Братства въ отчетномъ году было одно общее собраніе членовъ его, которому по уставу принадлежитъ главное управленіе ими, и 6 собраній Совѣта Братства, на которомъ лежитъ завѣдываніе текущими дѣлами его.

Общее собраніе членовъ Братства состоялось предъ самымъ вступленіемъ въ отчетный 1885 годъ—31 декабря 1884 года. Предметами занятій его, какъ видно изъ журнала, были: а) заслушаніе отчета о дѣйствіяхъ Братства за прошлый годъ и отзыва Ревизіонной Коммиссіи о состо-

¹⁾ Постановленіе сіе исполнено до печатанія сего отчета; текущій счетъ закрыть 27 марта 1886 г.

являлись его; б) определение порядка возобновления выборов в члены Совета Братства на двухлѣтіе, положенное по уставу; при чемъ признано болѣе удобнымъ и полезнымъ не одновременное переизбрание всѣхъ ихъ чрезъ два года, а послѣдовательное избраніе ихъ въ годовыхъ собраніяхъ на открывшіяся вакансіи за выслугою тѣмъ или другимъ членомъ двухлѣтія или за выбытіемъ его изъ состава Совета по другимъ причинамъ, и въ данномъ случаѣ четверо выслужившихъ двухлѣтіе общимъ собраніемъ, на основаніи примѣчанія къ 23 § устава Братства, вновь избраны на два года въ члены Совета: о. протоіерей И. Т. Экземлярскій съ званіемъ товарища предсѣдателя, профессоръ Академіи Малышевскій, коммерціи-совѣтникъ Хряковъ и секретарь Академіи Исаевъ съ званіемъ секретаря Совета Братства; в) сформированіе на 1885 годъ Ревизіонной Комиссіи, въ составъ которой избраны профессора Академіи В. Ѳ. Пѣвницкій, А. В. Розовъ и преподаватель семинаріи священникъ Пав. Григ. Преображенскій; г) отчисленіе 1000 рублей изъ наличной кассы на покупку 5% государственнаго билета для увеличенія запаснаго капитала; д) распоряженіе объ употребленіи 25 рублей полученныхъ непремѣннымъ членомъ Совета Братства послѣ павихиды отъ вдовы профессора Академіи П. И. Щеголевой на выдачу пособія въ самый день 31 декабря внѣ правилъ болѣе нуждающимся студентамъ и е) избраніе въ почетные члены Преосвященнаго Михаила епископа Курскаго и Высокопреосвященнаго Феофиста архіепископа Рязанскаго.

Засѣданія Совета Братства, въ числѣ шести, состоялись въ разное время года. Предметами занятій этихъ собраній обыкновенно были распоряженія о вновь поступившихъ суммахъ и ихъ храненіи, о выдачѣ пособій помѣсячно студентамъ, которымъ оно назначено было прежде, о назначеніи новымъ просителямъ пособія какъ ежемѣсячнаго, такъ и единовременнаго. Постановленія по симъ предметамъ записаны въ шести журналахъ Совета Братства. Въ послѣд-

немъ собраніи 18 декабря, между прочимъ постановлено, созвать на 31 декабря сего 1885 года годовое общее собраніе членовъ Братства.

Административная дѣятельность Братства за 1885 годъ завершена со стороны Ревизионной Комиссіи: 1) повѣркою запаснаго капитала его 30 октября и составленіемъ особаго акта объ этомъ, 2) повѣркою приходорасходныхъ книгъ Братства 29—30 сего декабря и посвидѣтельствомъ ихъ, съ донесеніемъ общему собранію о результатахъ ревизіи.

Въ заключеніе отчета нельзя не отмѣтить факта мало-распространеннаго сочувствія благимъ цѣлямъ Братства со стороны бывшихъ воспитанниковъ Академіи, на участіе которыхъ, особенно пользовавшихся его пособіемъ главнымъ образомъ рассчитывали учредители Братства. Изъ большаго числа ихъ на разныхъ поприщахъ записались немногіе въ члены его, и изъ записавшихся въ дѣйствительные члены немногіе продолжаютъ дѣлать годичные взносы въ кассу Братства. Это равнодушіе отчасти объясняется вліяніемъ распространившагося мнѣнія, что послѣдствіе состоявшагося опредѣленія Св. Синода 6—13 іюля 1883 года о допущеніи своекоштныхъ студентовъ Академіи только въ качествѣ пансіонеровъ съ помѣщеніемъ въ академическомъ зданіи и вслѣдствіе введенія съ августа 1884 года новаго устава Академіи, который узаконяетъ тоже самое, дозволяя жителство внѣ зданій Академіи только своекоштнымъ студентамъ, имѣющимъ родителей въ томъ же городѣ, Братство должно потерять свое первоначальное назначеніе. Но такъ думающіе упускаютъ изъ виду, что оказаніе помощи своекоштнымъ студентамъ Академіи не единственная задача Братства, но только первая или ближайшая, вызвавшая самое учрежденіе Братства, а потому и уменьшеніе числа ихъ не даетъ еще достаточнаго повода къ упраздненію его. Кромѣ помощи нуждающимся своекоштнымъ студентамъ, на Братствѣ,

по силѣ 2 § устава, лежить обязанность давать единовременныя пособія казеннокоштнымъ студентамъ въ случаяхъ особой нужды, а при значительномъ развитіи средствъ давать таковыя же пособія нуждающимся бывшимъ воспитанникамъ Академіи при постигшемъ ихъ несчастіи, когда они не могутъ получить пособія отъ казны по положенію. Сверхъ того Братство, по примѣчавію къ 2 § устава, можетъ оказывать помощь и недостаточнымъ воспитанникамъ семинарій въ то время, когда они подвергаются повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ духовной Академіи. Такимъ образомъ Братство, вопреки сложившемуся мнѣнію, находится при своемъ важномъ назначеніи и въ будущемъ предстоитъ ему болѣе дѣль, чѣмъ сколько было доселѣ. Средства Братства теперь еще далеко недостаточны для осуществленія тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены уставомъ (§§ 1 и 2). Ожидать увеличенія ихъ не позволяетъ наличность такого факта, что въ минувшемъ 1885 году число членовъ Братства нисколько не увеличилось, а изъ 154 дѣйствительныхъ членовъ его за этотъ годъ доставили обязательные годичные взносы только 50 лицъ, слѣдовательно менѣ одной трети всего числа ихъ. Тѣмъ большую благодарность и признательность питаетъ Братство къ лицамъ почтившимъ его своею поддержкою при самомъ открытіи и поддерживающимъ оное ежегодными взносами. Но вмѣстѣ съ симъ оно питаетъ надежду, что и другіе изъ бывшихъ питомцевъ Кіевской дух. Академіи и вообще лицъ, сочувствующихъ задачамъ сего заведенія и цѣлямъ существующаго при немъ Братства, примутъ въ немъ участіе своими посильными пожертвованіями, руководствуясь заповѣдію Св. Апостола: *благотворенія и общенія не забываютъ, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ.*

Секретарь Совѣта Братства *Ив. Исаявъ.*

*Приложеніе къ отчетамъ Богоявленскаго
Братства за 1883, 1884 и 1885 годы.*

СПИСОКЪ ЛИЦЪ,

вошедшихъ въ составъ Богоявленскаго Братства
при Кіевской дух. Академіи со времени открытія
его 28 сентября 1882 года по 31 декабря 1885 года.

Почетная Попечительница Братства

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

(При открытіи Братства пожаловала ему 1220 руб. и на
1883, 1884 и 1885 годы по 100 руб. ежегодно).

Покровитель Братства

Высокопреосвященнѣйшій **ПЛАТОНЪ** митрополитъ
Кіевскій и Галицкій.

(При открытіи Братства пожаловалъ 1500 руб. и на 1883,
1884 и 1885 годы по 500 руб. ежегодно).

ЧЛЕНЫ БРАТСТВА

четырехъ наименованій: *)

*) Нижепоименованные члены каждаго наименованія расположены въ
алфавитномъ порядкѣ.

А) Почетные члены:	Время избранія.	Пожертвоганія.	
		Руб.	К.
а) по избранію общаго собранія Братства			
1. Аполлосъ высокопреосв. архіеписк. Вятскій († въ нояб. 1885 г.), в. К. д. А.*)	31 окт. 82г.	150	—
2. Виталій преосвящ. еписк. Тамбов., К. д. А.	31 дек. 85г.	120**)	—
3. Димитрій высокопреосвящ. архіеписк. Херсон. и Одесск. (†9 нояб. 1884 г.), К. д. А.	31 окт. 82.	—	—
4. Древетельнъ Александръ Романовичъ. Кіевскій генераль-губернаторъ . . .	31 дек. 82.	100	—
5. Исидоръ высокопреосвящ. митроп. Новгородскій и С.-Петербургскій. . .	31 окт. 82	—	—
6. Іоанникій высокопреосвящ. митроп. Московскій, К. д. А.	31 окт. 82.	100	—
7. Іоаннъ высокопреосв. архіепископъ Полтавскій, К. д. А.	31 окт. 82	100	—
8. Лебедевъ Вас. Иванов., прот. церкви при Дворѣ Ея Высочества Вел. Кн. Александры Петровны.	31 дек. 83	255	***)
9. Леонтіій высокопреосв. архіепископъ Варшавскій.	31 окт. 82.	100	—
10. Митрофанъ высокопреосвящ. архіеписк. Донской, К. д. А.	31 окт. 82.	100	—
11. Михайлъ преосвящ. еписк. Курскій (бывшій ректоръ Кіевск. д. Академіи, подписавшій актъ учрежденія Братства)	31 дек. 84.	300	—
12. Никандръ высокопреосвящ. архіеписк. Тульскій, К. д. А.	31 окт. 82.	1000	—
13. Палладій высокопр. архіеписк. Волынскій и Житомирскій.	31 дек. 85	—	—
14. Побѣдовосцевъ Конст. Петр. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода	31 дек. 82	—	—
15. Серафимъ высокопреосвящ. архіеписк. Воронежскій, К. д. А.	31 окт. 82.	—	—
16. Феодтисть высокопреосвящ. архіеписк. Рязанскій, К. д. А.	31 дек. 84	100	—

*) Буквы „К. д. А.“ означаютъ: „Кіевской дух. Академіи воспитанникъ“.

***) Сумма 120 р. составила изъ взносов: а) по званію действительнаго члена за 1882 и 1883 годы по 10 р. и б) по званію пожизненнаго члена 100 р. въ январѣ 1884 года.

***) При самомъ открытіи Братства записался въ пожизненные члены съ единовременнымъ вкладомъ 200 р.; затѣмъ ежегодно жертвовалъ по 10 р., а въ 1884 г. 25 р.

<p>17. Хряковъ Ник. Григ. коммерціи-со- вѣтникъ, почетн. блюститель по хозяй- ственной части въ Академіи.</p>	<p>*) 31 дек. 85.</p>	<p>1200 —</p>
<p>б) По званію ректора Кіев. д. Академіи</p>		
<p>18. Сильвестръ преосв. епископъ Канев- скій (К. д. А.), подписавшій актъ учреж- денія Братства</p>	<p>по 9 § уст. съ 11 апр. 1883 г.</p>	<p>**) 15 —</p>
<p>*) При открытіи Братства записался въ пожизнен- ные члены его. **) Внесены по званію действит. члена.</p>		

Б) Пожизненные члены, единовременно внесшіе въ кассу Братства не менѣе ста руб. по 6 § устава.	Время вступленія въ члены Братства.	Взносы по званію члена.		Особня пожертвованія.	
		Руб.	К.	Руб.	К.
1. Арсевій преосв. еписк. Ладожскій, викарій Петербургской епархіи, ректоръ Петербург. Академіи, в. К. д. А.	4 апр. 83.	10 *)	—	—	—
2. Варлаамъ преосвящ. епископъ Минскій.	6 нояб. 83.	100 (обл.)	—	—	—
3. Владиміръ преосв. еписк. Бійскій (нынѣ Томскій), К. д. А.	25 янв. 83.	100	—	—	—
4. Германъ преосв. еписк. Кавказск. и Екатеринодар.	въ 1882 г.	100	—	10	—
5. Горскій Георгій Семеновичъ, коллеж. совѣт., К. д. А.	2 янв. 83.	100	—	—	—
6. Демидова Елена Петровна, княгиня Санъ-Донато . . .	въ 1882 г.	100 (обл.)	—	—	—
7. Димитрій архимандр., рект. Воронеж. дух. Семинаріи.	26 мар. 83.	100	—	—	—
8. Дзбановскій Александръ Онуфимовичъ, стат. совѣт.	въ 1882 г.	100	—	—	—
9. Евгений преосвящ. еписк. Астраханскій, К. д. А. . .	въ 1883 г.	100	—	—	—
10. Іасонъ іеромонахъ Кіево-Печерской лавры	25 янв. 83.	100	—	—	—
11. Іоаннъ преосв. еписк. Чигиринскій, викарій Кіев. епархіи († 14 янв. 1883 г.).	28 сент. 83.	100 (обл.)	—	—	—
12. Іоаннъ высокопреосв. архіеп. Ярославскій, К. д. А.	въ 1882 г.	300 (обл.)	—	—	—
13. Іустинъ преосвящ. епископъ Подольскій.	25 янв. 83.	100	—	—	—
14. Кіево-Братск. монастырь.	25 янв. 83.	100	—	—	—
15. Кіево-Михайловскій монастырь	въ 1882 г.	200	—	—	—
16. Нааанаилъ преосвящ. еписк. Псковскій, К. д. А.	въ 1882 г.	200 (обл.)	—	—	—
17. Павелъ высокопреосв. архіеписк. Карталинскій и Кахетинскій, экзархъ Грузіи.	25 янв. 83.	100 (бн. бн.)	—	—	—
	25 янв. 83.	100	—	—	—

*) Съ 4 апр. 1883 г. по званію дѣйствительнаго, а съ 6 ноября того же года по званію пожизненнаго члена.

18. Павловскій Михайлъ Карповичъ протоіер., засл. орд. профес. Новороссійскаго Университета въ Одессѣ, К. д. А.	9 мар. 83.	100	—	—	—
19. Піоръ іеромонахъ Кіево-Печерской лавры	въ 1882 г.	100 (обл.)	—	—	—
20. Сольскій Владиміръ Васильевичъ священ. Кіево-Печерской Ольгинской церкви, К. д. А.	въ 1882 г.	100 (бал. бал.)	—	—	—
21. Тихонъ высокопреосв. архіеписк. Волын. (†1885г.).	25 янв. 83.	100	—	—	—
22. Θεодосій преосвящен. еписк. Екатеринославскій († 1885 г.), К. д. А. . . .	25 янв. 83.	100	—	—	—

В) Дѣйствительные члены, добровольно внесшіе и имѣющіе вносить ежегодно не менѣе пяти рублей въ кассу Братства по пункту в. 6 § и 8 § устава.	Годичные взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабр. 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1. Абакумовъ Влад. Аркад., препод. Екаториносл. дух. Семинаріи . . .	5	—	—	—	—	—
2. Александръ, бывш. ректоръ Могилев. дух. Сем., нынѣ епископъ острожск., викар. волынск. епарх.	10	—	—	—	—	—
3. Антоній іеромон., намѣстникъ Кіево-Братскаго монастыря . . .	5	—	5	—	—	—
4. Антоновъ Вас. Григ. свящ., настоятель Кіево-Печерской Воскресенской церкви.	*) 5+5	—	5	—	5	—
5. Аполинарія игуменія, настоят. Астрахан. Благовѣщ. жен. монаст.		—	** 5+5	—	—	—
6. Аристовъ Алексѣй Петров., бывш. помощ. исп. Кіев. дух. Академіи, нынѣ препод. Рижской дух. Семинаріи, (К. д. А.) учр., ***) . . .	5	—	—	—	—	—
7. Арсевій архим., членъ С.-Петербур. Комитета духовн. цензуры, нынѣ настоят. Законоспаскаго монаст. въ г. Москвѣ (К. д. А.).	5	—	6	—	6	—
8. Артемій о. игуменъ, настоятель больничнаго монастыря Кіево-Печерской лавры.	5	—	—	—	—	—
9. Артемоновичъ Андрей Θεод., препод. Волын. дух. Сем.	5	—	5	—	—	—
10. Богородицкій Іоаннъ Георг. свящ., препод. Кіев. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
11. Борзаковскій Андрей Карнилов., препод. Могил. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
12. Бочковскій Хрисанъ Иванов. священ., преподав. Кишинев. дух. Семинаріи (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—

*) Дѣя сумм или даже три, показанныя въ одной графѣ, вообще означаютъ членскіе взносы за два или за три года, сдѣланные въ одномъ году.

***) Изъ двухъ означенныхъ суммъ, по волѣ жертвователя, одна составляетъ членскій взносъ на 1884 годъ, а другая — одновременное пожертвованіе.

****) „Учр.“ означаетъ учредителя, или подписавшаго актъ объ учрежденіи Братства.

	Годичные взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабр. 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
13. Бурмейстеръ Натал. Александр., жена дѣйст. статск. совѣт.	5	—	—	—	—	—
14. Бутовскій Аристархъ Иринеев., преподав. Бахмутскаго духовнаго училища (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
15. Вороновъ Александръ Дмитріев., ордин. професс. Кіев. дух. Акад., учр. († 29 окт. 1883 г.).	5	—	—	—	—	—
16. Воскресенскій Александръ Михайлов. прот., экстраорд. профес. Кіев. д. Акад., учр. († 27 дек. 1884 г.).	5	—	—	—	—	—
17. Воскресенскій Александръ Александров. преподав. Пермск. дух. Семинаріи, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
18. Гивѣушевъ Михаилъ Васильев., преподав. Кіево-Подольскаго дух. учил., нынѣ учит. епарх. женск. училища, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
19. Голубевъ Стеф. Тимоѣев., доц. Кіев. дух. Акад. (К. д. А.), учр. .	6	—	6	—	5	—
20. Горянскій Даниль Ивановичъ, препод. Кіев. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
21. Гошовскій Іоаннъ Іоанновичъ, протоіер. каедр. Холмск. собора.	5	—	5	—	5	—
22. Григоровичъ Иванъ Ивановичъ, препод. Кіево-Сосійск. дух. учил., нынѣ смотрит. Черкаскаго дух. училища (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
23. Громачевскій Александръ Севастьяновичъ, преподав. Рижской дух. Семинаріи (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
24. Гудимъ-Левковичъ Сергѣй Николаев., б. Кіев. губерн. († 1885 г.).	25	—	—	—	—	—
25. Далмать архим., рект. Екатерин. дух. Сем. († 1884 г.), К. д. А. . .	10	—	—	—	—	—
26. Дмитріевскій Алексѣй Аванасьев., доц. Кіевской дух. Академіи съ 1 марта 1884 г.	—	—	—	—	5	—
27. Дмитревъ Дмитр. Θεодор. свящ., препод. Кіев. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
28. Дроздовъ Николай Михайлов.,						

	Годичные взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабр. 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
экстраорд. профес. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
29. Думитрашковъ Константинъ Давидловичъ, библиот. Кіев. духовн. Акад. (К. д. А.), учр.	5	—	5	—	—	—
30. Ефремовъ Николай Васильев., и. д. доцента Кіев. дух. Академіи: (К. д. А.), учр.	5	—	5	—	5	—
31. Забѣлинъ Павелъ Петровичъ, препод. Кіев. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
32. Завитневичъ Владим. Зенонов., доц. Кіев. дух. Акад. съ 1 окт. 1884 г.	—	—	—	—	5	—
33. Зенькевичъ Иванъ Евимов., и. д. инспектора Волыиск. дух. Семинаріи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
34. Златоверховниковъ Михаилъ Давидловичъ священ., законсучит. 1 Кіев. Гимназіи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
35. Знаменскій Василій Васильев., препод. Воронежской дух. Семинаріи (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
36. Знаменскій Мак. прот. Кавказской епархіи (заштатный) изъ г. Ставрополя	—	—	5	—	—	—
37. Ивановъ А—ръ Вас., преподав. Таврической дух. семинаріи (К. д. А.).	5+5	—	—	—	5	—
38. Игнатовичъ Пав. Аним, инспект. Кіев. дух. семинаріи (К. д. А.).	10	—	—	—	—	—
39. Иларіонъ Архимандр., намѣстн. Кіево-Печерск. Лавры (нынѣ еписк., викар. Полтавской епархіи).	25+25	—	—	—	—	—
40. Исаевъ Иванъ Петров., секрет. Совѣта Кіев. дух. Акад., учр.	5	—	5	—	5	—
41. Іустинъ преосвящ. епископъ Новомиргород., викар. Херсонской епарх. (б. рект. Костромск. дух. Семинаріи). (К. д. А.).	5+5	—	—	—	5+5	—
42. Киприановичъ Θεодоръ Явовлев., препод. Рижской дух. Семин., (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—

*) За два года 1888 и 1884.

	Годишние взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабр. 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
43. Кирхгеймъ Г., содержатель бу- лочной на Крещатикиъ.	—	—	—	—	5	—
44. Ковальницкій Михаилъ Георгіев., экстраорд. профес. Кіев. дух. Ака- деміи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
45. Корниловичъ Александръ Ива- новичъ, полковникъ.	5	—	—	—	—	—
46. Корольковъ Иванъ Николаев., экстраорд. профес. Кіев. дух. Ака- деміи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
47. Корсаковскій Александръ Але- ксандров., смотрит. Кіево-Софійск. дух. училища. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
48. Коршунъ Стефанъ Павловичъ, врачъ при Кіев. дух. Академіи. . .	—	—	—	—	5	—
49. Кульманъ Германъ Матвѣев., лекторъ Кіевской дух. Академіи.	—	—	5	—	5	—
50. Лашкаревъ Иванъ Θεодоров., препод. Кіев. дух. Семин., нынѣ смотрит. Кіево-Подольскаго дух. училища. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
51. Лашкаревъ Петръ Александров., экстраорд. профес. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
52. Лебедевъ Николай Ивановичъ, преподав. Тамбовской дух. Семи- наріи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
53. Лебединцевъ Петръ Гаврилов., прот. Кіево-Софійскаго кафедраль- наго собора. (К. д. А.).	25	—	—	—	—	—
54. Левицкій Іоаннъ Аним. свящ., препод. Рижск. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
55. Левицкій Петръ Яковл. прот., настоят. Николаевской церкви въ Вильнѣ. (К. д. А.).	10	—	20	—	10	—
56. Леонтіи архим., б. настоятель Ватуринаскаго Николаевскаго мо- настыря, нынѣ на покоѣ въ Кру- пицкомъ монастырѣ Черниговской епархіи.	—	—	5	—	5	—

	Годичные взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабр. 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
57. Лепешинскій Василій Иванов. протоіер., препод. Могилев. дух. Семинаріи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
58. Либеровскій Феодоръ Васильев., препод. Волын. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	5	—	—	—
59. Двигуцкій Петръ Иванов., ордин. проф. Кіев. дух. Акад., учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
60. Лисицынъ Іосифъ Григорьев., прив.-доц. Кіев. дух. Академіи (до 1 сент. 1884 г.), учит. 1-й Кіев. Гимназіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	—	—
61. Лузановскій Мих. Стеф., препод. Кишиневской дух. Семин. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
62. Маврицкій Василій Абрамовичъ, препод. Воронежской дух. Семинаріи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
63. Макаревичъ Иванъ Трифонов., препод. Кіево-Софійскаго духовн. училища. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
64. Малининъ Василій Николаев., экстраорд. профес. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
65. Малиновскій Власій Ивановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Волынск. губерніи (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
66. Малышевскій Иванъ Игнатьев., заслуж. орд. проф. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
67. Маргаритовъ Никол. Димитріев., препод. Перм. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
68. Маркевичъ Григорій Ипатіевичъ, препод. Екаторин. д. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
69. Марковъ Николай Петров. прот. препод. Воронеж. дух. Сем., нынѣ рект. Червиг. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
70. Мацѣвичъ Левъ Стеф., препод. Кишин. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
71. Михайловскій Алексѣй Иванов., лекторъ Кіев. д. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	*)	—

*) За 1885 годъ г. Михайловскій доставленъ членскій взносъ 31 дек. сего года, но записанъ на приходъ 2 янв. 1886 г. подъ № 33.

	Годичные взносы по званию члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декаб. 1883 года.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
72. Модестъ Архим., б. преподав. Кіевской дух. семинаріи.	5	—	—	—	—	—
73. Молчановъ Петръ Алекс., преподават. Кіевск. дух. сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
74. Николаевичъ Григ. Θεод., пом. секретаря Кіев. д. Академіи, учр.	5	—	5	—	5	—
75. Никонъ архим., наст. русск. церк. въ гор. Римѣ, нынѣ членъ С.-петерб. Комит. дух. Цензуры (К. д. А.). . .	—	—	5	—	—	—
76. Ничипоренко Ив. Ив., директ. Коллегіи Павла Галагана.	10	—	—	—	—	—
77. Олесницкій Ак. Алекс., ордин. проф. Кіев. д. Академіи, учр., (К. д. А.)	5	—	5	—	5	—
78. Олесницкій Марк. Алекс., экстр. орд. профес. Кіев. дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
79. Орда Харисимъ Мих., препод. Кіев. дух. семин., нынѣ Архим. Ириней, ректоръ семинаріи, (К. д. А.).	5	—	*	—	*	—
80. Орловъ Иванъ Ник., сенаторъ, предсѣд. Кіевской судебной палаты.	10	—	—	—	—	—
81. Орловъ Ілія Ст., преподав. Воронежской д. семинаріи (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
82. Орнатскій Θεод. Ст., доц. Кіев. дух. Академіи, учред., (К. д. А.). . .	5	—	5	—	5	—
83. Павловскій Яв. Андр., препод. Екатеринбургск. д. семин. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
84. Пальмовъ Ник. Гавр. священ., инспект. Астраханск. жен. училища, нынѣ законоуч. гимназіи (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
85. Панкратій игумень, настоят. Медвѣдовскаго Николаевск. моваст.	50+10	—	10	—	10	—
86. Пархомовичъ Вас. Мих. прот., и. д. Ректора Кишин. дух. семин., нынѣ преосв. Афанасій еписк. Новгородъ-Сѣверскій) (К. д. А.). . . .	5	—	—	—	—	—

*) За 1884 и 1883 г.г. о. архим. Иринеемъ доставлено вмѣстѣ при взносовъ за 1886 годъ въ мартѣ этого года.

***) Изъ двухъ суммъ первая составляетъ одновременное пожертвованіе, а вторая — годичный членскій взносъ.

	Годичные взносы по званию члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабря 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
87. Пархомовичъ Анд. Мих., препод. Кяшинев. дух. семина. (К. д. А.). .	5	—	—	—	—	—
88. Пархомовичъ Юс. Мих., препод. Кяшиневск. д. семина. (К. д. А.) .	5	—	—	—	—	—
89. Пахомовъ Евг. Мих., преподав. Минск. дух. семина. (К. д. А.) . .	5+6	—	—	—	5	—
90. Пашкевичъ Плат. Мих., преподаватель Кіевск. дух. семинаріи. .	5	—	—	—	—	—
91. Переверзевъ Ник. Вас., препод. Кіев. дух. семина., съ 1884 года инспекторъ ея, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
92. Петровъ Ник. Ив., ордин. проф. Кіев. дух. Академіи, учр.*) (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
93. Петрушевскій Пав. Петр., преп. Могилевскаго дух. училища, нынѣ Кіевск. дух. семинаріи (К. д. А.).	5	—	5	—	15	—
94. Писаревъ Мих. Вас., приватъ-доцентъ Кіев. дух. Академіи, съ 23 сент. 1884 года преподав. Волынской дух. семинаріи (К. д. А.) .	5	—	—	—	—	—
95. Подвысоцкій Пав. Феод. прот., наст. Андреевской цер. г. Кіева (К. д. А.).	10	—	5	—	—	—
96. Покровскій Гр. Гр. прот., законоучит. Астраханск. гимн. (К. д. А.).	—	—	5+5+5	—	10	—
97. Покровскій Феод. Яв., доцентъ Кіевск. д. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
98. Померанцевъ Ив. Мих., смотрит. Богуславскаго дух. учил. (К. д. А.).	5+5	—	—	—	—	—
99. Поповъ Конст. Дим., экстраорд. проф. Кіев. д. Акад., учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
100. Поповъ Іоан. Андр., свящ. соборной церкви г. Острожска Воронежской губ. (К. д. А.).	—	—	10	—	—	—
101. Поспѣховъ Дим. Вас., заслуж. ордин. проф. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
102. Поторжинскій Мат. Арс. прот., препод. Кіев. дух. семина. и наст. Георгіевской церк. (К. д. А.). . . .	5	—	—	—	—	—

*) Вѣсть съ Малышевскимъ и Исаевымъ составилъ уставъ Братства, по порученію Совета Академіи.

	Годичные взносы по званию члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабря 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
103. Преображенскій Пав. Гр., преподаватель Кіев. дух. семина., настоятель Кіево-подольск. Добро-Николаевской церкви (К. д. А.). . .	5	—	5	—	*	—
104. Пригоровскій А—ръ Павл., преподаватель Могил. д. семина. (К. д. А.)	5	—	—	—	—	—
105. Прозоровскій Григор. Андреев., каедр. протоіер. г. Новочеркаска (Обл. В. Донскаго), (К. д. А.). . .	5	—	5	—	5	—
106. Прохоровъ Дмитрій Павлов., преподаватель Воронежской дух. Семинаріи, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
107. Пѣвницкій Василій Ѳеодоров., заслуж. орд. профес. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
108. Пѣвницкій Дмитрій Ѳеодоров., рект. Воронеж. дух. Сем., нынѣ протоіер. церкви Гребневскія Божія Матери, что на Лубянкѣ, въ Москвѣ, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
109. Рахманиновъ Иванъ Иванов., заслуж. орд. профес. Унив. св. Влад.	5	—	—	—	—	—
110. Роздольскій Даніилъ Иванов. свящ., экономъ Кіев. дух. Акад. до 1 окт. 1883 г., а нынѣ настоят. церкви въ г. Заславѣ.	25	—	5	—	—	—
111. Розановъ Павелъ Петровичъ, препод. Кіев. дух. Семинаріи, нынѣ Преосв. Поликарпъ еписк. Уман., 2-й викарій Кіев. епархіи,	5	—	—	—	—	—
112. Розовъ Александръ Алексѣев., препод. Кіево-Софійск. дух. учил., нынѣ помощ. смотрит. (К. д. А.)	5	—	—	—	5	—
113. Розовъ Алексѣй Васильевичъ, экстраорд. профес. Кіевской дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
114. Романовскій Митроф. Иванов., свящ., препод. Воронежской дух. Семинаріи, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—

*) О. Пав. Гр. Преображенскій членскій взносъ за 1885 г. доставленъ 2 марта 1886 года и записанъ того же дня на приходъ подъ № 43.

	Годишние взносы по званию члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабря 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
115. Ростовцевъ Иванъ Яковлев., помощ. попеч. Киев. Учеб. Округа.	5	—	—	—	—	—
116. Рубановъ Петръ Ивановичъ протоіер., настоят. Бахмутскаго собора, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
117. Рыжковъ Констант. протоіер., настоят. Варшав. Троицкой Подвальной церкви, (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
118. Свяцкій Василій прот., настоят. Конотоп. собора Черниг. губ. . .	5	—	5	—	—	—
119. Селеховъ Гавріиль Яковлев. свящ., законоуч. Елецкой мужской Гимназіи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
120. Серединскій Дмитрій Иванов., препод. Екатериносл. дух. Семинаріи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
121. Скибинъ Герасимъ Ивановичъ, помощ. инспектора Киевской дух. Академіи. (К. д. А.).	—	—	—	—	5	—
122. Сафсаревскій Петръ Кириллов., помощн. библиотек. Киевской дух. Академіи, учр.	5	—	5	—	5	—
123. Смировъ Θεодоръ Алексѣев., экстраорд. профес. Киев. дух. Акад., нынѣ архим. Христофоръ, ректоръ Видавск. дух. Сем., учр., (К. д. А.).	5+10	—	—	—	—	—
124. Соколовъ Григ. Θεодор., препод. Таврической дух. Семинаріи. . .	5	—	—	—	—	—
125. Соколовъ Никод. Андр. свящ., законоучит. Виленск. учительск. Института. (К. д. А.).	—	—	4*	25	5	85
126. Соколовъ Сергій Васильевичъ, препод. Таврич. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
127. Соколовъ Яковъ Григ., препод. Киев. дух. Сем., нынѣ архимандр. Антоній, рект. Подольск. дух. Сем.	5	—	—	—	—	—
128. Сольскій Стеф. Михайл., ордин. проф. Киев. дух. Акад., учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—

*) По сему взносу въ 1884 году состоялъ въ числѣ членовъ-сореволюателей, а въ 1885 г. пересчисленъ въ действительные члены.

	Годичные взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декабря 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
129. Спасскій Алексѣй Михайлов., инспект. Ворон. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
130. Стерновъ Андрей Васильев., помощ. смотр. Богуславскаго дух. училища. (К. д. А.).	5	+5	—	—	—	—
131. Струменскій Евгеній Стефан., протоіер., законоуч. Камен.-Под. Гимназіи († 1885 г.), (К. д. А.).	—	—	5	—	—	—
132. Тарнопольскій Георгій Акинѣев. прот., законоуч. Минской Гимназіи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
133. Терновской Филиппъ Алексѣев., экстраорд. професс. Кіевской дух. Академіи, учр. († 1884 г.).	5	—	—	—	—	—
134. Терлецкій Николай Александр., протоіер. Покров. соб. г. Переяслава Полтавской губерніи. (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
135. Терпиловскій Василій Климен. свящ., законоуч. Витебской муж. Гимназіи. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
136. Тимоѣевъ Василій Алексѣев., препод. Бахмутскаго дух. училища, а съ 1884 г. законоучит. Ростовск на Дону Реальн. учил. (К. д. А.).	5	—	5	—	—	—
137. Троицкій Александръ Васильев., препод. Могилев. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
138. Троицкій Пав. Антоновичъ прот., законоуч. Кіев. Кадет. Корп. (К. д. А.).	5	—	5	—	—	—
139. Трусовскій Иванъ Петровичъ, препод. Могил. д. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
140. Тумасовъ Никіф. Стеф., учит. 2 Кіев. Гимназіи, доц. Кіев. дух. Акад. (до 1 сент. 1884 года), учр.	5	—	5	—	—	—
141. Тяжеловъ Иванъ Иван. свящ., препод. Таур. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
142. Уваровъ Михаилъ Стеф., титул. совѣтн., повѣрен. Астраханскаго городск. Общества, (К. д. А.).	—	—	10	—	10	—
143. Уаровъ Александръ Алексѣев., препод. Кишинев. дух. Сем., нынѣ инспект. народ. школь. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—

	Годичные взносы по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декаб. ря 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	к.	Руб.	К.
144. Устиновъ Алексѣй Іустинов., экономъ Киевской дух. Академіи.	—	—	5	—	5	—
145. Ушацкій Иванъ Вас., препод. Екатериин. дух. Сем. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
146. Фоломиновъ Алексѣй Михайлов., Киевскій купецъ.	5	5	—	—	—	—
147. Феноменовъ Антонъ Никол., препод. Таврич. дух. Сем. (К. д. А.),	5	—	—	—	—	—
148. Флоринскій Николай Иванов., прот. Кіево-Софійск. соб. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
149. Фолте Юрій Иванов., помощ. инспект. Кишин. дух. Сем. (К. д. А.)	5	—	—	—	—	—
150. Хотовицкій А—ръ Антон., прот., рект. Волынск. дух. Семин. (К. д. А.)	5	—	5	—	—	—
151. Царевскій Арсѣвій Сем., доц. Кіев. дух. Академіи. (К. д. А.).	—	—	7	50	5	—
152. Чудецкій Пав. Иванов. инспект. Кишин. дух. Сем., бывъ ректоръ Тіолисской Семинарии. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
153. Шимковичъ Васил. Яковл. прот., членъ Могил. д. Консистоіи (Б. д. А.)	5	—	—	—	—	—
154. Шпаковская Елена Семеновна. вдова коллежскаго совѣтника.	25	—	—	—	—	—
155. Штрогоферъ Александръ Леоп., лекторъ Киевской дух. Академіи.	5	—	5	—	5	—
156. Щеголевъ Никифоръ Иванов., заслуж. ордин. профес. Кіев. дух. Акад. († 1884 г.), (К. д. А.).	5	—	5	—	—	—
и Щеголева Пелагія Иван., вдова профессора Академіи.	—	—	—	—	25	—
157. Экземплярскій Ілія Тихонов. протоіерей, законоучит. Коллегіи Павла Галагана, съ 1 окт. 1885 г. преосвящен. Іеронимъ, епископъ Чыгирин., викар. Киевской епархіи. (К. д. А.).	10	—	10	—	15	—
158. Эпурі Макарій Иванов., препод. Кишиневск. дух. Сем., бывъ смотр. дух. училища. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—
159. Ястребовъ Капитонъ Васильев., инспект. Тамбовск. дух. Семин.,						

	Годишні внески по званію члена					
	съ 28 сент. 1882 г. по 31 декаб-ря 1883 г.		за 1884 г.		за 1885 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
нынѣ ректоръ Астраханской Семинаріи. (К. д. А.).	5	—	10	—	—	—
160. Ястребовъ Митроф. Филиппов., экстраордин. профессор. Киев. дух. Академіи, учр., (К. д. А.).	5	—	5	—	5	—
161. Фаворовъ Назарій Антонов. протоіер., профессор. богословія при Университ. св. Влад. (К. д. А.). . .	10	—	10	—	—	—
162. Фоменко Климентъ Іоанникіев. свящ., настоят. церкви Спаса на Берестовѣ. (К. д. А.).	5	—	—	—	—	—

Г) Члены-соревнователи, оказавшіе по пункту 1. 6 § устава содѣйствіе Братству пожертвованіями мѣнѣ пяти рублей:

	Единовременныя пожертвованія.	
	Руб.	К.
1. Андріевскій Іоаннъ, священникъ въ г. Хольтъ Люблинской губ. (К. д. А.)	3	—
2. Баторскій Догинъ Виталиевичъ, экономъ Екатеринославской дух. семинаріи.	1	—
3. Боголюбовъ Владиміръ Гаврилов., преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	2	—
4. Бѣлояровъ Павелъ Алексѣевичъ, преподаватель Владимірской дух. семинаріи	1	—
5. Бѣляевъ Николай Егоровичъ, преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	1	—
6. Ващинскій Иванъ Васильев., инспекторъ Екатеринославской дух. семинаріи.	3	—
7. Викторъ, монахъ Кіево-Братскаго монастыря.	—	30
8. Владиміръ, іеромонахъ Кіево-Брат. монаст.	1	—
9. Вознесенскій Ксенофонтъ Александров., помощникъ инспект. Владимірской дух. семин. (К. д. А.)	2	—
10. Воскресенскій А—ръ Дометіевичъ священ.	1	—
11. Галактіонъ, монахъ Кіево-Брат. монастыря.	—	50
12. Германъ, б. іеродіаконъ Кіево-Братск. монаст.	1	—
13. Гурій, іеродіаконъ Кіево-братск. монастыря.	—	50
14. Давилъ, б. іеродіаконъ Кіево-Братск. монаст.	—	40
15. Дашкевичъ Феодоръ Никитичъ, врачъ при Кіевской дух. семинаріи.	3	—
16. Долгополовъ Николай свящ., законоучит. женской гимназіи и реальнаго училища въ г. Екатеринославѣ.	2	—
17. Домовскій Иванъ Алексѣев. свящ., законоучитель женск. дух. училища въ г. Екатеринославѣ.	1	—
18. Заюнчковская Л., преподавательница (въ г. Екатеринославѣ)	1	—
19. Игнатенко Екатерина Хрисанеовна, власяная дама Екатеринославскаго жен. дух. училища.	2	—
20. Иларіонъ, іеродіак. Кіево-Брат. монастыря.	—	35
21. Иларіонъ, іеромонахъ Кіево-Брат. монаст.	—	50
22. Иривархъ, іеродіаконъ Кіево-Брат. монаст.	—	30
23. Каменскій Иванъ, преподаватель Екатеринославской дух. семинаріи	1	—
24. Комаровъ Ник. Алекс., преподаватель Владимірской духовной семинаріи.	—	50
25. Корольковъ Конст. Никол., преподаватель Екатеринославской дух. семинаріи (К. д. А.)	3	—
26. Костецкій Фавстъ Николаевичъ (К. д. А.)	3	—

27. Кравченко Гурій, нынѣ Евлампій іеродіаконъ Кіево-Брат. монастыря	—	30
28. Крыловъ Иванъ Петровичъ, преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	—	50
29. Крыловъ Василій Григорьев., преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	1	—
30. Любимовъ Иванъ Семеновичъ священникъ, преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	1	—
31. Мальчевскій Лаврентій Стефановичъ прот., настоятель Троицкой церк. въ г. Екатеринославѣ.	2	—
32. Мелетій, іеромон. Кіево-Брат. мон. (†1884 г.).	1	—
33. Митрофанъ, іеродіаконъ Кіево-Брат. мон.	—	50
34. Надеждинъ Ксенофонтъ Ѳеодоровичъ, преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	—	50
35. Нарушевичъ Павелъ Семеновичъ (К. д. А.)	3	—
36. Незвѣстный (передавшій чрезъ преподавателя Кіевской дух. семинаріи Д. И. Горанскаго свое пожертвованіе)	2	—
37. Низгодзинскій Агаѳоникъ, послушн. Кіево-Братск. монастыря.	1	—
38. Низгодзинскій Самуиль, послушникъ Кіево-Братскаго монастыря.	—	30
39. Никовъ, іеромонахъ Кіево-Бр. мон. (†1885 г.).	2	—
40. Нифонтъ, монахъ Кіево-Братск. монастыря.	—	50
41. Образцовъ Василій, препод. Екатер. д. семин.	1	—
42. Орловскій Петръ Ивановичъ протоіерей, настоятель Кѣлецкой церкви (К. д. А.)	3	—
43. Орловъ Иванъ Семеновичъ. помощн. инспектора Екатеринославской дух. семинаріи	1	—
44. Острогорскій Василій Ивановичъ священ. при церкви Богоугодныхъ завед. въ г. Екатеринославѣ.	1	—
45. Павлинскій Ѳеод. Николаевичъ, инспекторъ Владимірской дух. семинаріи.	1	—
46. Плаксинъ Мих. Александр., преподаватель Владимірской дух. семинаріи.	1	—
47. Покровскій Іоаннъ протоіерей, ключарь кафедральнаго Екатеринославскаго собора.	1	—
48. Поликарпъ, іеромон., казначей Кіево-Бр. мон.	3	—
49. Поповъ Ѳеодоръ Константиновичъ, препод. Екатеринославской дух. семинаріи.	1	—
50. Прохоръ, іеромонахъ, ризничій Кіево-Братскаго монастыря.	2	—
51. Радецкій Онуфрій Антоновичъ, священникъ м. Кагарлыкя Кіевской губерніи и уѣзда.	1	—
52. Розановъ Василій Яковлевичъ, преподаватель Владимірской духовной семинаріи (К. д. А.).	—	50

53. Руднева Антонина Феодоровна, начальница Екатеринославскаго женскаго дух. училища . . .	1	—
54. Сахаровъ Викторъ Платоновичъ, препода- ватель Екатеринославской духовной семинаріи . . .	2	—
55. Сервицкий Александръ Ильичъ, преподава- тель Владимірской духовной семинаріи	1	—
56. Соболевъ Иванъ Васильевичъ, преподава- тель Владимірской духовной семинаріи	—	50
57. Тихонъ, іеродіак. Кіево-Братск. монастыря.	—	30
58. Херасковъ Михаилъ Ивановичъ протоіерей, ректоръ Владимірской дух. семинаріи (К. д. А.).	3	—
59. Цвѣтаевъ Александръ Ивановичъ, препода- ватель Владимірской духовной семинаріи.	1	—
60. Шатлевъ Михаилъ Константинов., старшій адъютантъ окружнаго артиллерійскаго Управленія.	2	—
61. Счастливецевъ Владиміръ Семенов., помощн. инспектора Владимірской духовной семинаріи. . .	—	60
62. Яхонтовъ Стефанъ Димитріевичъ, препода- ватель Екатеринославской духовной семинаріи . . .	1	—

Списокъ воспитанниковъ Кіев. дух. Академіи, получившихъ пособіє отъ Богоявленскаго Братства съ 1 денября 1882 по 31 денября 1885 г.

Фамиліи и имена студентоѡ, получившихъ пособіє отъ Богоявленскаго Братства.	Время поступленія въ Академію.	Время вы-бытія изъ Академіи.	Количество полученнаго пособія					
			въ декаб. 1882г. и въ 1883 году.		въ 1884 г.		въ 1885 г.	
			помѣ-сячно.	едино-времен.	помѣ-сячно.	едино-времен.	помѣ-сячно.	едино-времен.
руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.			
1. Абесаловъ Спиридонъ	авг. 1881	іюн. 1885	—	10	—	—	—	—
2. Акимовичъ Θεодосій	— 1881	— 1885	—	—	—	—	—	32
3. Будзловичъ Ник.	— 1881	— 1885	—	24	—	24	—	15
4. Вулгаковъ Левъ.	ав. 82	маѡ 86	—	—	—	—	—	12.50к.
5. Бутырскій Ив.	ав. 82	маѡ 86	—	—	29	—	—	—
6. Бѡлановскій Аѡанас.	ав. 82	маѡ 86	54	Зр.50к.	15	—	—	—
7. Веселиновичъ Стеф. (сербъ).	сент. 85	—	—	—	—	—	24	—
8. Ватвицкій Мах.	авг. 82	маѡ 86	40	Зр.50к.	18	—	—	—
9. Вышемирскій Митр.	авг. 82	маѡ 86	70	19	12	—	—	15
10. Городецкій Іустинъ	авг. 81	іюня 1885	30	Зр.50к	18	—	—	—
11. Диньогорскій Ник.	авг. 82	маѡ 86	18	Зр.50к.	24	—	—	—
12. Доброправовъ Мих.	авг. 82	маѡ 86	—	—	—	—	—	15
13. Едлияскій Мих.	авг. 81	іюня 85	—	—	—	15	—	—
14. Ермаковъ Вас. .	авг. 83	—	—	—	—	—	—	15
15. Зданевичъ Ив. .	авг. 82	маѡ 86	50	Зр.50к.	—	12	3	9
16. Іонинъ А—ръ .	авг. 82	маѡ 86	—	—	20	—	60	—
17. Киржачскій Сергій.	авг. 83	—	—	—	30	—	72	—
18. Козалевскій Василій	авг. 82	маѡ 86	—	40	—	10	—	—
19. Козницкій Павелъ	авг. 84	—	—	—	—	—	—	10
20. Копа-Овдѡенко Ник.	авг. 82	авг. 86	—	—	—	10	—	—
21. Корчинскій Хрис. .	авг. 82	маѡ 86	30	Зр.50к.	—	—	—	—
22. Костяцкій Валер.	авг. 81	іюня 85	—	18	—	—	—	—
23. Крыловскій Амврос.	авг. 82	маѡ 86	64	Зр.50к.	—	—	—	—
24. Даличъ Ник. свѡд. (сербъ).	авг. 83	сент. 85	—	25	45	—	—	—
25. Делъевскій Андрей.	авг. 81	іюн. 85	—	10	—	—	—	—
26. Максимовъ Григорій	авг. 82	маѡ 86	—	—	36	—	—	20
27. Малиновскій Ив. .	авг. 82	маѡ 86	—	—	—	—	—	45
28. Матѡвѡвъ Ник. .	авг. 82	маѡ 86	21	Зр.50к.	12	—	—	—
29. Маховъ Ив. .	авг. 81	маѡ 86	—	—	—	15	—	15
30. Махровскій Сергій.	авг. 83	—	—	—	—	—	—	25
31. Миролюбовъ А—ръ	авг. 82	маѡ 86	—	10	—	—	—	12
32. Михалевичъ Андрон.	авг. 82	маѡ 86	90	Зр.50к.	24	—	—	—
33. Михалевичъ Макс.	авг. 81	іюн. 85	30	13.50к.	—	—	—	—
34. Недевъ Никифоръ (болгар.).	сент. 84	—	—	—	—	—	60	40
35. Недѡльскій Стефанъ	авг. 82	маѡ 86	—	5	—	—	—	15
36. Никольскій Петръ.	авг. 82	маѡ 86	—	—	39	—	—	—
37. Никольскій Сергій.	авг. 82	маѡ 86	—	5	—	—	—	15
38. Оболенскій Евгеній.	авг. 83	—	—	—	30	15	—	—
39. Оглобинъ Сергій.	авг. 83	—	—	—	—	—	—	15
40. Ольшевскій Іустинъ	авг. 83	—	—	—	—	40	—	—

41. Пезарскій Леонтій.	авг. 80	іюн. 84	—	25р.	—	—	—	—
42. Петровскій А—ръ.	авг. 82	мая 86	60 р.	13.50к.	18 р.	—	—	15 р.
43. Петровъ Ив. . . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	—	2	10
44. Псаревъ Семенъ . .	авг. 83	—	—	—	—	12	—	10
45. Пузановъ Петръ . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	15	—	—
46. Пятницкій А—ръ . .	авг. 82	мая 86	—	15	—	—	—	8
47. Разумовъ Пав. . . .	авг. 82	мая 86	—	3р.50к.	—	—	—	—
48. Ральцевичъ А—ръ . .	авг. 80	іюн. 85	—	45	90	—	—	—
49. Родкевичъ Мих. . . .	авг. 82	іюн. 84	68	3р.50к.	—	—	—	—
50. Розановъ Ив. . . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	15	—	15
51. Синадскій Влкт. . . .	авг. 83	дек. 85	—	—	20	—	90	—
52. Соколовъ Вас. . . .	авг. 82	мая 86	—	25	—	—	—	—
53. Соколовъ Антонъ . .	авг. 82	—	—	—	—	—	—	25
54. Сохоничъ Макарій.	авг. 82	авг. 84	130р.	23.50к.	45	—	—	—
55. Строгоновъ Ив. . . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	—	—	15
56. Сурьблицкій Ив. . .	авг. 81	іюн. 85	—	3р.50к.	—	—	—	—
57. Тарановичъ Мая . . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	—	—	6
58. Тимошевичъ Антонъ.	авг. 81	іюн. 85	—	15	—	—	—	—
59. Тихоміровъ Вас. . . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	10	—	—
60. Торскій Вас. . . .	авг. 82	іюн. 83	—	5	—	—	—	—
61. Утулъ Макарій	авг. 82	мая 86	—	17.50к.	—	15	—	40.50к.
62. Фогинскій Орестъ.	авг. 83	—	—	—	—	—	—	4
63. Хитровъ Ив. . . .	авг. 80	іюн. 84	—	10	—	—	—	—
64. Цагерейшвили Гавр.	авг. 82	мая 86	132р.	3р.50к.	30	—	—	—
65. Чеканъ Влкт. . . .	авг. 82	мая 86	—	—	—	—	—	20
66. Чичкалевскій Арсен.	авг. 82	мая 86	72	3р.50к.	18	—	—	15
67. Чичинадзе Тарасій	авг. 83	—	—	—	—	40	—	—
68. Шумовскій Мих. †.	авг. 82	іюн. 84	82	8	15	10	—	—
69. Яворскій А—ръ. . . .	авг. 82	мая 86	—	3р.50к.	33	—	90	—
70. Якубовичъ Викторъ	авг. 81	іюн. 85	18	3р.50к.	9	—	—	—
71. Яржемскій Іоанник.	авг. 83	—	—	—	—	10	—	—
72. Ястребовъ Дмитр. . .	авг. 80	іюн. 84	—	15	—	—	—	—
73. Яцковскій Иларіонъ	авг. 82	мая 84	—	—	—	—	—	15

Прибавленія къ отчету за 1885 годъ.

А.

Извлеченіе изъ журнала общаго собранія Боялявскаго Братства при Кіевской дух. Академіи для вспомоцствованія нуждающимся студентамъ ея отъ 31 декабря 1885 года за № 6.

І. По выслушаніи отчета о положеніи дѣлъ Братства за 1885 годъ *постановлено*: Отчетъ о состояніи Братства, по силѣ устава его § 17 пунк. а., утвердить. А такъ какъ отчетъ сей представляетъ извлеченіе изъ журналовъ какъ общихъ собраній Братства, такъ и засѣданій Совѣта его; то, на основаніи 20 и 37 § устава, напечатать отчетъ для общаго свѣдѣнія въ академическомъ журналѣ съ приложеніемъ списка членовъ Братства.

ІІ. По выслушаніи отаыва Ревизіонной Комиссіи о состояніи кассы Братства и приходорасходныхъ книгъ за 1885 годъ *постановлено*: Донесеніе Комиссіи принять къ свѣдѣнію и хравить при дѣлахъ, а счетъ суммъ Братства по приходу и расходу ихъ за истекшій годъ, въ виду произведенной Ревизіонною Комиссіею повѣрки ихъ, считать законченнымъ.

ІІІ. По сдѣланному членомъ Братства и предсѣдателемъ Ревизіонной Комиссіи его Васил. Феодор. Пѣвницкимъ предложенію о разрѣшеніи изъ суммъ Братства выдачи пособій семействамъ служащихъ при Академіи лицъ въ случаѣ смерти или продолжительной болѣзни ихъ, когда они не могутъ получить пособія отъ казны по положенію, *постановлено*: Имѣя въ виду бывшія и могуція быть случаи необходимости оказанія помощи нуждающимся семействамъ служащихъ при Академіи лицъ и принимая во вниманіе сдѣланныя нѣкоторыми возраженія на предложеніе г. Пѣв-

вицдаго о приуроченіи этого дѣла къ существующему при Академіи Братству для вспомошествованія студентамъ, отложить окончательное сужденіе по сему предмету до слѣдующаго годичнаго общаго собранія членовъ Братства, поручаявъ Совѣту его подготовить рѣшеніе этого вопроса своими соображеніями и заключеніемъ.

IV. По предложенію предсѣдательствовавшаго въ общемъ собраніи почетнаго члена Братства, ректора Академіи, Преосвященнаго Сильвестра епископа Каневскаго, на вакансію предсѣдателя Совѣта Братства, открывшуюся за перемѣщеніемъ Преосвященнаго Виталія въ Тамбовскую епархію, единогласно избранъ Преосвященный *Иеронимъ* епископъ Чигирявскій, викарій Кіевской епархіи.

V. По предложенію Преосвященнаго *Иеронима* избранъ единогласно въ почетные члены Братства комерціи-совѣтникъ Николай Григорьевичъ *Хряковъ*, который изъ числа пожизненныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Братства при открытіи его оказалъ ему наибольшую матеріальную поддержку и со времени открытія онаго по сіе время состоялъ членомъ Совѣта Братства.

VI. По докладу секретаря Совѣта Братства—о томъ, что 1) за избраніемъ нынѣ товарища предсѣдателя Совѣта Преосвященнаго *Иеронима* въ предсѣдателя его и за выслугою нѣкоторыми членами двухлѣтнаго срока остается въ составѣ Совѣта Братства только три члена: непремѣнный-визекторъ Академіи *Ив. Н. Корольковъ* и избранные 31 декабря 1884 года на 2-е двухлѣтіе заслужен. ордин. профессоръ Академіи *Ив. Игн. Малышевскій* и секретарь ея *Исаевъ* съ званіемъ секретаря Совѣта Братства, а затѣмъ имѣются четыре вакансіи членовъ Совѣта, которыя по 23 § устава замѣщаются по избранію общаго собранія, и 2) общему собранію Братства, по силѣ устава § 17 е., необходимо составить на 1886-й годъ Ревизіонную Комиссію изъ трехъ членовъ для повѣрки кассы и приходорасходныхъ книгъ Совѣта Братства,—избраны: 1) въ члены Совѣта на 1886 и

1887 году: ректоръ семинаріи архимандритъ *Ириней* (на 2-е двухлѣтіе), профессоръ Академіи Петръ Александровичъ *Лашкаревъ*, о. благочинный Кіево-Подольскихъ церквей священникъ Пав. Григор. *Преображенскій* съ званіемъ товарища предсѣдателя Совѣта (на 1-е двухлѣтіе) и экономъ Академіи Алексѣй Іустинов. *Устиновъ* съ званіемъ казначея Братства (на 2-е двухлѣтіе); 2) въ члены *Ревизіонной Коммисіи* на 1886 годъ: а) заслужен. ординар. профес. Академіи Вас. Феодор. *Пьеницкій* съ званіемъ предсѣдателя коммисіи, б) экстраординар. профес. Академіи А. Вас. *Розовъ* и в) преподаватель семинаріи Пав. Петровичъ *Петрушевскій*.

VII. По предложенію Преосвященнаго Сильвестра единогласно избраны въ почетные члены Братства: а) высокопреосвященный *Палладій* архіепископъ Волинскій, который сочувственно относится къ Кіевской Академіи и изъ епархіи котораго поступаетъ въ эту Академію значительное число воспитанниковъ; б) пожизненный членъ Братства преосвященный *Виталій* епископъ Тамбовской (бывшій епископъ Чигиринскій), состоявшій членомъ Совѣта со времени открытія его, а съ 3 апрѣля 1883 года по іюнь 1885 года предсѣдателемъ.

VIII. По заявленіямъ членовъ Братства: а) профессора В. Θ. Пѣвницкаго о полученіи имъ нынѣ на нужды Братства отъ о. протоіерея В. И. *Лебедева* 10 руб. и, чрезъ посредство его, отъ щедротъ Ея Император. Высочества Великой Княгини Александры Петровны 100 рублей: б) секретаря Совѣта Исаева о полученіи имъ сегодня по 5 руб. отъ трехъ лицъ: о. протоіерея Н. И. *Флоринскаго*, лектора Академіи А. И. *Михайловскаго* и учителя Новочеркаскаго дух. училища Аѳ. Ив. *Булакова*, съ поясненіемъ, что г. Михайловскій сдѣлалъ этотъ вносъ за минувшій 1885 годъ, постановлено: такъ какъ съ одной стороны счетъ суммъ Братства за 1885 годъ по книгамъ законченъ, а съ другой стороны пріемъ и храненіе суммъ его относится къ обязанности Совѣта Братства; то внесенныя нынѣ деньги передать чрезъ казначея въ Совѣтъ Братства на зависящее отъ

него распоряженіе о записи ихъ на приходъ по книгамъ за 1886 годъ, предложивъ предсѣдателю его принести глубочайшую благодарность Ея Высочеству, а также выразить благодарность другимъ жертвователямъ.

Б.

Извлеченныя изъ книгъ Совѣта Богоявленскаго Братства свѣдѣнія о суммахъ, поступившихъ въ кассу Братства за три первые мѣсяца 1886 года.

До напечатанія отчета за минувшій годъ Совѣтомъ Братства, кромѣ вышеупомянутыхъ пяти взносовъ на сумму 125 рублей, получены въ теченіи января, февраля и марта 1886 года членскіе взносы отъ слѣдующихъ лицъ:

а) за 1884, 1885 и 1886 юды:

отъ архим. Ирянея, ректора Кіев д. семина., по 5 р., 15 р.

б) за 1885 и 1886 юды:

отъ преподавателя Кіевской дух. семинаріи священника Пав. Григор. *Преображенскаю*, по 5 р. въ годъ, 10 р.

в) на 1886 юдъ.

отъ архимандрита *Арсенія*, настоятеля Заяконо-спасскаго монастыря въ Москвѣ, 6 р.

— архим. Леонтія (на покоѣ въ Крупицкомъ Николаевскомъ монастырѣ Червиг. губ.). 5 р.

— каедральнаго протоіерея Григ. Андреев. Прозоровскаго (въ Новочеркасскъ обл. войск. Дон.) 5 р.

— повѣреннаго Астраханскаго Город. Общества Мих. Ст. Уварова. 10 р.

— преподавателя Таврич. дух. семинаріи А—ра. Вас. Иванова. 5 р.

— помощника смотрителя Кіево-Софійскаго дух. училища А—ра Алексѣев. Розова. 5 р.

— служащихъ въ Кіев. дух. Академіи лицъ, по пяти рублей отъ каждаго, 155 р.

Сверхъ того получено отъ вдовы профессора Акад. Пел. Ив. Щеголевой въ пользу Братства 35 экз. сочиненія ея мужа: „Призваніе Авраама“.

Секретарь Совѣта Братства *Ив. Исеевъ*,

Къ свѣдѣнію братчиковъ и желающихъ вновь вступить въ Братство при Кіевской Академіи, или сдѣлать пожертвованіе для его цѣлей.

Нѣкоторые обращались съ вопросомъ о томъ, кому можно лично вручать членскіе взносы и пожертвованія въ пользу Братства, или на чье имя слѣдуетъ высылать ихъ. На это Совѣтъ Братства долгомъ считаетъ заявить, что годовыя взносы или пожертвованія лично могутъ быть передаваемы поименованнымъ въ отчетъ членамъ Совѣта, а преимущественно въ зданіи Академіи эконому ея и казначею Братства *Устинову*, или секретарю Совѣта *Исаеву*, или наконецъ непремѣнному члену Совѣта Братства—инспектору Академіи *Королькову*, а пакеты и посылки по почтѣ слѣдуетъ адресовать исключительно „въ Совѣтъ *Богоявленскаго Братства при Кіевской Академіи*“, какъ такое учрежденіе въ Братствѣ, которое назначено по уставу его для завѣдыванія текущими дѣлами и въ частности для пріема, храненія и употребленія суммъ его по уставу.

ПРИЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ въ Кіевскую духовную Академію.

Отъ Совѣта Кіевской духовной Академіи объявляется:

1) Съ 1 октября сего 1886 г. въ Кіевской духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣть быть приемъ воспитанниковъ.

2) Желающіе поступить въ Академію подвергаются повѣрочному испытанію изъ догматическаго богословія (или православнаго христіанскаго катихизиса—для окончившихъ курсъ въ гимназій), исторіи русской церкви, психологіи и по двумъ древнимъ языкамъ—греческому и латинскому; кромѣ того должны написать два сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна—богословскаго содержанія, а другая—философскаго.

3) Испытаніе будетъ производимо въ предѣлахъ семинарскаго или гимназическаго курса, сообразно съ тѣмъ, принадлежитъ ли испытуемый къ воспитанникамъ семинаріи или гимназій.

4) Порядокъ и условія приема воспитанниковъ въ Академію опредѣлены въ особыхъ правилахъ, изъ коихъ для свѣдѣнія здѣсь приводятся слѣдующіе §§:

§ 1. Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи или классической гимназій (съ двумя древними языками).

§ 3. Просьбы о приемѣ въ студенты Академіи подаются на имя ректора Академіи съ 1-го по 15-е августа.

§ 4. Къ прошенію о приемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожд-

деніи и крещеніи; в) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословіи обязаны, сверхъ того, представить свидѣтельство объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи. Кромѣ того тѣ изъ просителей, которые родились не раньше 1853 года, должны имѣть свидѣтельство о явѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности.

§ 5. Всѣ, желающіе поступить въ Академію, должны имѣть въ семинарскомъ или гимназическомъ аттестатѣ отмѣтку о поведеніи не ниже очень хорошей. Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство объ очень хорошемъ поведеніи отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

§ 6. Всѣ студенты, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному прошенію, подвергаются повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія (§ 111). Повѣрочныя испытанія производятся по особому расписанію Совѣта.

§ 7. Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе казеннокоштными студентами съ подпискою прослужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству согласно 160 и 161 §§ уст. дух. Акад., а остальные своекоштными (§ 112), число коихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

БИБЛИОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

ЗАПАДНЫХЪ,

издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 17.

Твореніи блаженнаго Іеронима

Стридонскаго

ЧАСТЬ 10.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собствен. домъ.

1886.

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА

Стридонскаго.

ЧАСТЬ 10.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

**Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ за
1884—86 гг.**

Поэтому и Самуилъ плавалъ и рыдалъ о Саулѣ (1 Цар. гл. 15). И апостолъ Павелъ плачетъ и печалится о тѣхъ, кой блудодѣйствовали и не покаались (2 Кор. гл. 12). И Іеремія пишетъ плачь о разрушеніи Іерусалима въ четырехъ алфавитахъ. Итакъ, по буквальному смыслу, Тиръ или Соръ живеть при входѣ въ море: или потому, что онъ прежде былъ островомъ, или потому, что онъ принимаетъ въ полноѣ безопасной пристани приходящіе съ моря борабли и ведетъ торговлю съ народами у многихъ острововъ или со многихъ острововъ. Это онъ продолжаетъ и до сего времени, такъ что въ немъ производится торговля почти со всеми народами. Слѣдуя начатому толкованію, мы все, что говорится о Тирѣ, будемъ относить къ *σοροχῆν*, то-есть къ *злок. мѣніямъ* (*angustias*) міра сего, который во злѣ лежитъ и испытываетъ стѣсненія и подвергается ударамъ отъ разнаго рода тревоженій, какъ бы отъ волнъ. О подобнаго рода торговцахъ говорится и въ псалмѣ въ таинственной рѣчи: *сходящій въ море въ корабляхъ, творщій дѣланія въ водахъ многихъ, тѣмъ видѣша дѣла Господня и чудеса Его во глубинѣ* (Псал. 106, 23—24).

Ст. 3—4. *Тиръ! ты говорилъ: я обладаю совершенною красотою (или: я облекъ себя въ красоту) и расположенъ въ сердце моря.* Первое преступленіе Тира состоятъ въ томъ, что если онъ представляется имѣющимъ что либо хорошее, то признаетъ это не Божиимъ, а своимъ, и всю красоту, получаемую имъ отъ различныхъ странъ, онъ приписываетъ собственной рачительности и достоинствамъ. Ибо онъ говорилъ: *я обладаю совершенною красотою или: я облекъ себя въ красоту*, хотя онъ находится въ сердцѣ, то есть на срединѣ моря и, подобно острову, передвигается и колеблется. А что сердце моря означаетъ средину, это показываетъ и она пророческая рѣчь: *сего ради не убоимся, вегда смущается земля и преллагаются горы въ сердца*

морская. *Возшумѣша и смятошася воды ихъ* (Псал. 45, 2—3). Но и о Господѣ нашемъ говорится, что Онъ низшелъ въ сердце земли, то есть въ средину, въ (или: и въ) преисподнюю. Истинная же и совершенная красота не присуща никому изъ людей, а только тѣлу Христову, означающему Церковь, и добродѣтелямъ многихъ святыхъ. Поэтому и Онъ говорить невѣсть: *вся добра еси, ближняя моя, и пороки нѣсть въ тебѣ* (Пѣсн. П. 4, 7).

Ст. 4—5. *Сосѣди твои, строившіе тебя, довершили красоту твою. Изъ санирскихъ елей построили тебя со всеми брусьями морскими (tabulatis maris); брали съ Ливана кедръ, чтобы сдѣлать мачту у тебя.* Въмѣсто этого LXX почему-то такъ перевели: *Велимъ сыновья твои окружили тебя красотою; изъ кедра санирскаго построили тебя; брали тонкія кипарисовыя доски съ Ливана, чтобы сдѣлать у тебя мачты еловыя.* Ибо слова *Велимъ* совсѣмъ нѣтъ у евреевъ въ этомъ мѣстѣ, но вмѣсто *Велимъ* написано *gebulaic*, что означаетъ *предѣлы твои*. Также въ связанномъ ими: *сыновья твои* они были введены въ заблужденіе двусмысленностію слова и сходствомъ начертанія, такъ какъ читаются однѣ и тѣ же буквы, но съ различнымъ произношеніемъ въ *bonatch* и въ *benaic*, *каменьщики* и *сыновья*. И такъ ты, Тиръ, который, будучи расположенъ среди моря, съ гордостію говорилъ: „я обладаю совершенною красотою“ или „я окружилъ себя красотою“, выслушай, какъ много дано тебѣ черезъ щедроты Божіи. Сосѣди твои и смежные съ тобою, не изъ отдаленныхъ, а изъ сосѣднихъ странъ, довершили красоту твою, а ты чужое считаешь своимъ. И *τροπικῶς* (образно) говоритъ [къ нему], какъ къ кораблю, указывая на красоту города и обиліе во всемъ, чтобы, описавъ всю утварь его, мачту, реи, весла, паруса, переднюю часть, вилы, канаты, бровлю и прочее, что потребно для кораблей, наилучшимъ образомъ

снаряженныхъ, возвѣститъ затѣмъ, что настанетъ для него буря и вѣтеръ суровый, отъ котораго подымутся громадныя волны, и онъ подвергнется крушенію. Этимъ онъ указываетъ на разрушеніе гѣрода Тира царемъ Навуходносоромъ или, какъ многіе полагаютъ, Александромъ, царемъ македонскимъ, о которомъ говорится, что онъ шесть мѣсяцевъ осаждалъ этотъ городъ и взялъ его послѣ побѣды надъ Даріемъ въ Ликіи. Въ таинственномъ же смыслѣ изъ елей или кедровъ санирскихъ вырубаются брусья корабля Тирскаго, изъ которыхъ онъ строится и которыми скрѣпляется, и изъ кедра или кипариса ливанскаго мачта его: изъ елей ради легкости и соединенія брусьевъ, которыя, какъ болѣе гибкіе, лучше держатся и сцѣпляются между собою, или изъ кедровъ, какъ изъ негниющаго дерева. Говорится же о *Санирѣ*, который означаетъ *путь свѣтильника* или, -- что мы считаемъ болѣе правильнымъ, -- *зубъ бѣдный*, потому что все благосостояніе корабля и освѣщеніе происходитъ отъ истиннаго Свѣта. Въ буивальномъ смыслѣ гора Саниръ тождественна съ Гермономъ, которую другіе называютъ Савіаромъ. Читай [относительно этого] исторію. *Ливанъ* означаетъ *близну* или *убыленіе*: это также относится къ благодати, приходящей отъитуда.

Ст. 6. *Изъ дубовъ васанскихъ вытесывали весла твои; скамьи твои дѣлали у тебя изъ индійской слоновой кости и каюты (praetoriola) съ острововъ Италіи. LXX: Съ Васана дѣлали весла твои и храмы твои, и построили у тебя изъ слоновой кости дома лѣсные съ острововъ Хеттійскихъ.* Столь велика красота корабля и утвари его, что онъ имѣлъ весла кедровыя, не откуда-либо, но съ Васана, и скамьи изъ слоновой кости и каюты или кладовыя, въ которыхъ складываются самыя дорогіе товары, съ острововъ *Хеттійскихъ*, что мы перевели: *Италіи*, разумѣя подъ страной, ближайшею въ Греціи, всѣ части западныхъ острововъ. Поэтому

въ иносказательномъ смыслѣ мы можемъ сказать, что весла корабля тирскаго дѣлаются съ Васана, о которомъ въ Псалмахъ пишется: *рече Господь: отъ Васана обращу во глубинахъ морскихъ* (Псал. 67, 23). Васанъ на нашемъ языкѣ означаетъ: *безчестіе*. Итакъ тѣхъ, которые были во глубинахъ морскихъ и были обезчещены грѣхами, Богъ обращаетъ, и обращаетъ въ весламъ, чтобы, плавая по морю съ апостолами, они могли достигнуть земли и береговъ; и скамьи дѣлаются изъ слоновой кости, когда они умерщвляютъ тѣла свои или пользуются зубами для восхваленія Бога, и какты или владовыя съ острововъ *Хеттимъ*, что по этимологіи еврейскаго слова означаетъ *сокрушенный*, чтобы онъ былъ не столько погубляемъ, сколько искушаемъ сѣтями діавола. Можемъ подъ слоновою костью и лѣсными домами съ острововъ хеттимскихъ разумѣть тѣ, которые еретки стараются строить не въ домѣ Божіемъ, но на кораблѣ тирскомъ. Имѣя свою слошовую кость слова и языка, они также строятъ храмы, противуположные храму Божію, и лѣсные дома, обиталища звѣрей, между тѣмъ какъ Писаніе говорить, что въ домѣ Божіемъ не должны быть насаждаемы лѣса, роци и дубравы (Второз. гл. 12).

Ст. 7. *Изъ узорчатого виссона египетскаго ткали парусъ для тебя, чтобы повѣсить его на мачту; іацинтъ и пурпуръ съ острововъ Елисы были покровомъ твоимъ. LXX: Виссонъ съ узорами изъ Египта служилъ у тебя постилкою, чтобы окружить тебя славою и облечь тебя въ іацинтъ и пурпуръ; съ острововъ Елисы были покровы твои. Такъ какъ Тиръ говорилъ: я обладаю совершенною красотою или: я самъ облекъ себя въ красоту, то показывается, что онъ получилъ отъ каждой страны, согласно съ онымъ изреченіемъ Писанія: что же имали, егоже нѣси пріялъ? аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ (1 Кор. 4, 7)? Такимъ образомъ описывается, что доставляетъ каждая провинція, подобно тому, какъ говорится у Виргилія:*

Индія шлетъ намъ слошовую кость, сабел куренья,
Твердую сталь халибел, струей же бобровой снабжаетъ
Повтъ и проч.¹⁾

Виссонъ добывается въ особенности въ Египтѣ. Изъ него ткали для корабля тирскаго парусъ, который вѣшается на мачтѣ, а покровъ его, служащій прикрытіемъ для корабельщиковъ и пассажировъ во время солнечнаго зноя и при безвѣтріи, дѣлается изъ гіацинта и пурпура, которые доставляются съ острововъ Елисы, — такъ называются здѣсь острова Іонійскаго моря. Далѣе, по Семидесяти, изъ виссона ткуются покрывала для постилки и покоя корабля тирскаго, чтобы, покрытый ими и облекшись въ нихъ, онъ былъ болѣе славнымъ и имѣлъ болѣе красивое одѣяніе. Мы неоднократно напоминали, что виссонъ отвосятся бѣ землѣ, такъ какъ онъ изъ земли происходитъ, гіацинтъ бѣ воздуху, пурпуръ къ морю, изъ котораго онъ добывается; изъ нихъ, съ присоединеніемъ двойной окраски червленью, дѣлаются одежды первосвященника, потому что они означаютъ четыре стихіи: землю, огонь, воздухъ и воду, изъ которыхъ все состоитъ. Это присвоиваетъ себѣ Тиръ, чтобы не пользоваться твореніями Божіими съ благодарностію, но говорить: „я обладаю совершенною красотою“ или: „я самъ облекъ себя совершенною красотою“.

Ст. 8—9. *Жители Сидона и арадійцы были гребцами твоими. Мудрецы твои, Тиръ, были кормчими твоими. Старцы вавлійскіе и мудрецы его доставляли корабельщиковъ для служенія при различной утвари твоей. Всякіе корабли морскіе и корабельщики ихъ были среди твоего торговаго населенія. LXX: Князья твои жили въ Сидонѣ и арадійцы были гребцами твоими. Мудрецы твои, Соръ, бывшіе у тебя, были кормчими твоими. Старцы вавлійскіе и мудрецы его были у тебя; они укрѣпляли советъ*

¹⁾ Virgil. Georg. I, 57—59.

твой, и всякіе корабли морскіе и гребцы ихъ были у тебя къ западу запада. Сказавъ выше: *сосѣди твои, построившіе тебя, довершили красоту твою*, онъ прежде, нежели перейти къ живущимъ вдали, описываетъ вспомошествованія со стороны ближайшихъ областей. *Жители*, говорятъ, *твои* или князя Сидона и Арадія, сосѣдняго острова, [были] гребцами твоими. Мудрецы твои, Тиръ, были кормчими твоими. Ибо собственно мудрымъ принадлежитъ управленіе, какъ говоритъ Писаніе: *имже нѣсть управленія, падаютъ, аки листвіе* (Притч. 11, 14). Старцы или старѣйшіе вивайскіе и мудрецы его доставляли корабельщиковъ для служенія тебѣ, или укрѣпляли совѣтъ Тира и доставляли равнаго рода утварь, и всякіе корабли морскіе и корабельщики ихъ были среди торговаго населенія тирскаго или къ западу запада. Это въ буквальномъ смыслѣ. Примѣнительно же къ таинственному смыслу мы можемъ сказать, что такъ какъ *сидоняне* въ переводѣ означаютъ *ловящихъ* и *арадійцы низлагающихъ*, то славный и гордый Тиръ, который впоследствии отъ дуновенія вѣтра будетъ разрушенъ, имѣетъ гражданами или князями ловцовъ, о коихъ написано: *душа наша яко птица избавися отъ стнхъ ловящихъ* (Псал. 123, 7). Ибо гдѣ мы читаемъ *ловящихъ*, въ еврейскомъ написано: *сидонянъ*. Они ловятъ неосторожныя души, находящіяся на высотѣ, чтобы низвести ихъ на землю, и дѣлаются гребцами, чтобы привести ихъ къ крушенію. Мудрецы же Тира, понимаемые въ худомъ смыслѣ, по которому сыны тмы мудрѣе сыновъ свѣта (Лук. гл. 16), сами управляются Тиромъ, уготованнымъ къ погибели. Старѣйшіе вивайскіе и мудрецы его доставляли корабельщиковъ Тиру для служенія или укрѣпляли совѣтъ его. Священная исторія повѣствуетъ, что очень многіе старѣйшіе были отвержены Господомъ и избирались младшіе въ образъ синагоги и Церкви. Старшій Каинъ отвергается, а младшій Авель избирается (Быт. гл. 4).

Измаилъ, сынъ Авраама, былъ отчужденъ отцомъ, а младшій Исаавъ получилъ наслѣдство (Быт. гл. 21). Также изъ сыновей Исаава старшій Исавъ занимается звѣроловствомъ и скитається по лѣсамъ, а младшій Іаковъ просто живетъ дома (Быт. гл. 25). Поэтому и у Малахіи написано: *возлюбихъ Іакова, Исава же возненавидѣхъ* (Малах. 1, 2). И справедливо по апостолу (Рим. гл. 9), находясь во чревѣ матери, они ничего не сдѣлали добраго или худаго и не имѣли ни заслуги, ни вины, чтобы одному быть избраннымъ, а другому отверженнымъ, если только не во образъ синагоги и Церкви, какъ мы сказали, старшій отвергается, а младшій принимается. Всякіе, говорить, корабли морскіе и корабельщики ихъ были среди торговаго населенія тирскаго или къ западу запада. Какъ говорится: пѣснь пѣсней; и вѣвъ (или вѣви) вѣковъ и произведеніе произведеній въ смыслѣ пѣсни, высшей другихъ пѣсней, и вѣва болѣе продолжительнаго, нежели другіе вѣва, и произведенія болѣе полезнаго, нежели другія произведенія; такъ говорится западъ запада для обозначенія обширности западныхъ странъ. И преврасно корабли морскіе, и корабельщики ихъ и гребцы, оказывающіе помощь кораблю тирскому, направляются не къ востоку и не къ восхожденію свѣта, гдѣ рождается Солнце правды, а къ западу запада, гдѣ свѣтъ заходитъ и гдѣ начало тьмы.

Ст. 10. *Персы и лидійцы и ливійцы находились въ войскѣ твоемъ ратниками твоими, они вѣшали на тебя щитъ и шлемъ для украшенія тебя (или: щиты и шлемы вѣшали на тебѣ; они придавали славу тебѣ).* Что персы были весьма мужественными, царь которыхъ Киръ, по предреченію въ пророчествѣ Исаіи (Исаіи гл. 45), низвергнувъ Астіага, царя мидійскаго, взявъ Вавилонъ, объ этомъ повѣствуетъ и священная, и гражданская исторія. Что также и лидійцы въ то время считались весьма сильными, царь

которыхъ Брезъ былъ взятъ въ плѣнъ тѣмъ же Биромъ, объ этомъ весьма подробно пишетъ Ксенофонтъ. А о ливійцахъ въ книгѣ Паралипоменонъ (2 Парал. гл. 12) говорится, что они вмѣстѣ съ троголдитянами и еѳіоплянами пришли на Іерусалимъ; такъ какъ они наиболѣе славялись въ то время и извѣстны были какъ воители, то говорится, что они были защитниками города Тира и для устрашенія враговъ вѣшали щиты и шлемы между зубцами стѣнъ. Духовный же смыслъ гласитъ, что *персы*, которые означаютъ *искушающихъ* или *искушенныхъ*, и *ливійцы*, подъ которыми мы разумѣемъ *рожденныхъ*, и *ливійцы*, которые на еврейскомъ языкѣ называются *phut* и въ переводѣ означаютъ *уста* (*os* отъ *ore*, усть, а не отъ *osse*, кости), тщетно стараются защитить Тиръ, такъ какъ они преодолеваются искущеніями и преданы рожденію и похоти и говорятъ лишь множество пустыхъ словъ, не имѣя плема спасенія и щита вѣры (Ефрес. гл. 6), но выставя только славу и трескучія слова для украшенія его.

Ст. 11. *Сыны арадійскіе съ войскомъ твоимъ (или своимъ) были кругомъ на стѣнахъ твоихъ; также пигмеи, бывшіе на башняхъ твоихъ, кругомъ на стѣнахъ твоихъ вѣшали колчаны свои (или твои); они довершали красоту твою. LXX: Сыны арадійцевъ и сила твоя на стѣнахъ твоихъ; они были стражами вокругъ на башняхъ твоихъ; колчаны свои они вѣшали кругомъ на забралахъ твоихъ. Они довершали красоту твою.* Слово *gatadit* перевели Акила въ первомъ изданіи *пигмеи*, Симмахъ *мидяне*, LXX *стражи*, Θεοδοτιώνъ [поставилъ] самое слово еврейское *gatadit*. Мы до настоящаго времени видимъ островъ Арадъ, который весь состоитъ изъ города и противъ котораго расположенъ городъ Антарадъ; онъ находится въ сосѣдствѣ съ Тиромъ и лежитъ предъ берегомъ смежной земли въ Финікіи. Они находятся въ войскѣ города Тира и служатъ стражами башенъ его, и по-

вѣсили кругомъ колчаны свои и довершаютъ красоту его, чтобы показать, что они стрѣлки или пигмен, то-есть воители, отъ слова (ἀπό τῆς) πυρρῆς, которое въ греческомъ языкѣ означаетъ *битву*. Если же арадійцы значатъ *низлагающіе*, то всякій, — обнаруживающій лжеименное знаніе и имѣющій въ колчанѣ сердца своего огненные стрѣлы діавола, которыми ранятся и разжигаются сердца обольщенныхъ, долженъ быть названъ арадійцемъ. Ибо онъ желаетъ низлагать тѣхъ, кои стремятся достигнуть высоты, и довершаетъ красоту Тира, о которой въ Притчахъ написано: *да не побѣдитъ тя доброты похоть, ниже уловленъ буди очима твоима* (Притч. 6, 25). И еще: *якоже усерязъ въ ноздрехъ свиніи, тако женъ злоумный льпота* (тамъ же 11, 22).

Ст. 12. *Карваиеняне, торговавшіе съ тобою, множествомъ всякихъ богатствъ, серебромъ, желѣзомъ, оловомъ и свинцомъ наполнили торжища твои*. Не только въ настоящемъ мѣстѣ, но также и у Исаіи, гдѣ написано: *воните, корабли Карвагена* (Исаіи 23, 14), прочіе переводчики перевели еврейское слово [безъ измѣненія]: *Фарсисъ* (Tharsis), который, безъ всякаго сомнѣнія, былъ колонією тирянъ. Они наполнили серебромъ, желѣзомъ, оловомъ и свинцомъ изъ западныхъ странъ торжища Тира. Фарсисъ (Tarsis) на нашемъ языкѣ означаетъ *высматриваніе радости*. Высматривающихъ же мы должны понимать здѣсь не въ хорошую сторону, какихъ посылалъ Моисей высмотрѣть землю обѣтованную (Числ. гл. 13), но въ противоположную, какихъ избѣгалъ и апостолъ по его словамъ: *за пришедшую лжебратію, иже привидоша соглядати свободы нашея, юже имамы о Христѣ* (Гал. 2, 4) и о какихъ Іосифъ говорить: *соглядатаи есте, соглядати путей страны прїидосте* (Быт. 42, 9). Братья же его, которые понимали, что не маловажное преступленіе составляетъ тайное высматриваніе чужаго, отвѣтили: *не суть раби твои соглядатаи*

тамъ же ст. 11). Итакъ они наполнили торжища Тира не золотомъ и не драгоценными камнями, а серебромъ, желѣзомъ, оловомъ и свинцомъ, имѣя предельность краснорѣчія и оружіе для борьбы: олово, которое выдается за серебро, служить образомъ краснорѣчія, а свинець [означаетъ] крайне тяжкое нечестіе по Захаріи (гл. 5), по которому женщина сидѣла на талантѣ свинца и египтяне погрузились во глубину, какъ свинець. Было бы слишкомъ долго говорить о каждомъ металлѣ; должно позаботиться о краткости.

Ст. 13—14. *Греція, Фуваль и Мосохъ вели торговлю съ тобою, рабовъ и сосуды мѣдные доставляли народу твоему; изъ дома Фогорма доставляли коней и всадниковъ и муловъ на рынокъ твой. LXX: Вся Греція и смежныя съ нею [страны] вели торговлю съ тобою душами человеческими и доставляли сосуды мѣдные для купли тебѣ; изъ дома Форгамма доставляли коней и всадниковъ и муловъ на торжища твои.* Іонійцы, говорить, которые по-еврейски называются Іаванъ, и Фуваль, то есть восточные иберійцы или испанцы изъ западныхъ частей, называющіеся этимъ именемъ отъ рѣки Ибера, и Мосохъ, подъ которымъ мы разумѣемъ калпадовійцевъ, главный городъ которыхъ, названный впоследствии по имени Кесаря Августа Кесаріей, до сего времени называется на ихъ языкѣ Мазаккой: они вели съ Тиромъ торговлю высокой цѣнности, доставляя изъ Коринѳа въ Тиръ мѣдные сосуды, а изъ дома Фогорма, то есть изъ Фригіи, коней и всадниковъ и муловъ, которыхъ иѣбогда имѣла въ великомъ изобиліи эта провинція. Евреи говорятъ, что *Іаванъ* означаетъ *есть* и *нѣтъ*, что собственно относится къ мірской мудрости, въ которой если находятъ что-либо хорошее, то говорится о ней *есть*, а если наоборотъ, то—*нѣтъ*. Ибо по естественной склонности къ добру они и занимаются разсужденіями объ обязанностяхъ, о воздержаніи, о презрѣннн богатства, что въ

частности присвоиваютъ себѣ стонки, и, новидимому, приобрѣтаютъ души людей, которыхъ они оболъщаютъ, и имѣютъ сосуды мѣдные, которые они поддѣлываютъ подъ золотые и предлагаютъ тирянамъ, чтобы ставить имъ претензю черезъ принятіе лжеученія. Также изъ дома *Воргома*, который значить *странникъ* и *пришелецъ*, будутъ доставляться на его рынокъ и торжище кони и всадники и мулы, о которыхъ написано: *ложь конь во спасеніе* (Псал. 32, 17); и въ другомъ мѣстѣ: *воздремаша встѣши на кони* (Псал. 75, 7) и въ Псалмахъ: *не будите, яко конь и мекъ, имже нѣсть разума* (Псал. 31, 9). Поэтому и Дожь, обвинитель и убійца священниковъ, былъ начальникомъ многихъ¹⁾ (1 Цар. гл. 21—22), и тѣ служить пришельцами изъ дома и странниками, которые не вѣдаютъ плоти агаца и о которыхъ написано: *пришелецъ или наемникъ да не ястъ отъ нея* (Исх. 12, 45), чтобы все торжища Тира наполнились этими товарами.

Ст. 15. *Сыны Дадана вели торговлю съ тобою.* Въсто этого LXX почему-то перевели: *сыны Родійскіе*, бывъ введены, можетъ быть, въ заблужденіе сходствомъ первой буквы (ר и ר), такъ что вмѣсто *Дадана* читали *Раданъ*,— такъ называется самый большой изъ цикладскихъ острововъ и городъ, бывший нѣкогда самымъ могущественнымъ на Іонійскомъ морѣ, извѣстный морскою битвою и служившій пристанищемъ для кулцовъ вслѣдствіе весьма безопасной гавани. А такъ какъ *родійцы* на нашемъ языкѣ означаютъ *видящіе судъ*, то теперь яносказательно говорится о тѣхъ, которые видятъ истинный судъ, но не исполняютъ его, какъ

¹⁾ Здѣсь вмѣсто *multorum* (многихъ) слѣдуетъ читать, по всей вѣроятности, *mulorum* (муловъ), что болѣе соответствовало бы и контексту рѣчи и свидѣтельству 1 Цар. 21, 7 о Дожѣ: *старѣйшина отъ пастырѣ Сауловыхъ, пасый мски Сауловы*.

говорить апостола: *сега ради безответенъ еси, о чловчче, всякъ судяй; имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши: таяжде бо твориши судяй* (Рим. 2, 1). Но лучше привяты названіе другой мѣстности—*Даданъ*, какъ стоитъ и въ еврейскомъ и у другихъ переводчиковъ.

Ст. 15—16. *Острова многіе были торговыми союзниками твоими (negotiatio manus tuae), давая слоновую кость и черное дерево въ уплату тебѣ. Сиріане, торговавшіе съ тобою по причинѣ множества издѣлій твоихъ, доставляли на торжища твои смирну (guttam), пурпуръ, и стѣчатыя матеріи (scutulata), и виссонъ, и сирскія ткани (sericum) и ходходъ. LXX: Съ острововъ умножили торговлю твою, [доставляя] слоновыя зубы, и за ввозимое ты уплачивалъ своими товарами. Людей для веденія торговли съ тобою, по причинѣ обширности торговли твоей, въ Аѳекъ, стакту и разноцвѣтныя ткани (polimita) изъ Фарсиса, и рамоуъ и ходходъ доставляли на торжища твои. Въ настоящемъ мѣстѣ изданіе LXX во многомъ разнится отъ еврейскаго; поэтому о каждомъ изъ нихъ слѣдуетъ немного сказать, чтобы, занявшись торговлею Тира, не замедлить переходомъ въ прочимъ пророчествамъ. Сыны Дадана, торговавшіе съ Тиромъ, умножали торговлю его, такъ что доставляли зубы слоновыя прибывавшимъ для торговли съ нимъ и имѣли людей на торжищахъ по причинѣ обширной торговли; имѣли же [ихъ] въ Аѳекъ, что у LXX прибавлено изъ Θεοδοτία и вмѣсто чего Симмахъ перевелъ разноцвѣтныя ткани (polimita). Также стакту, вмѣсто чего всѣ другіе перевели пурпуръ, который по-еврейски называется *argaman*, и узоры изъ Фарсиса, вмѣсто чего въ еврейскомъ читается *bis*, которое всѣми переведено чрезъ виссонъ. Фарсиса же совсѣмъ нѣтъ въ настоящемъ мѣстѣ. И рамоуъ, говорятъ, и ходходъ доставляли на торжища твои; такъ стоитъ и въ еврейскомъ текстѣ; но вмѣсто*

ramath Авила перевелъ *сирскія* или *тонкія ткани*. *Ходходъ* же всѣ перевели такъ, какъ поставлено въ еврейскомъ. И такъ, по Семидесяти, сыны родійцевъ, торговавшіе съ Тиромъ, съ многочисленныхъ острововъ умножили торговлю его; по еврейскому тексту вслѣдъ за сынами Дадана, торговавшими съ нимъ, также острова различныхъ народовъ умножали торговлю его, доставляя слоновыя зубы изъ Индіи и черное дерево, которое имѣетъ черный цвѣтъ и весьма дорого цѣнится, и обмѣнивали на другіе тирскіе товары. Также вели торговлю съ Тиромъ *сиріане*, вмѣсто чего въ еврейскомъ поставлено *Aram*, но LXX перевели *люди*, читая *adam* вмѣсто *Aram* и введенные въ заблужденіе, какъ и выше, сходствомъ буквъ решъ и далетъ. Среди сиріанъ до сего времени остается врожденная страсть къ торговлѣ; они разбѣзжаютъ по всему міру изъ стремленія къ наживѣ, и до такого безумія увлекаются торговлею, что теперь, когда вся римская имперія подверглась нападенію, они среди мечей и избіенія несчастныхъ домогаются богатства и чрезъ опасности избѣгаютъ бѣдности. Такого рода люди вели торговлю съ Тиромъ, продавая разноцвѣтныя ткани, пурпуръ и сѣтчатыя матеріи, доставляя также виссонъ и сирскія ткани и ходходъ на торжища его. Вмѣсто *пурпура*, какъ всѣ перевели, LXX перевели *стакта*, то есть *смирна*. А что означаетъ *ходходъ*, этого я до сего времени не могъ доискаться¹⁾. Евреи говорятъ, что этимъ именемъ обозначаются всѣ наиболѣе дорогіе товары или какой-либо видъ дорогихъ товаровъ, для котораго нѣтъ названія въ языкѣ римлянъ, или же то, что продается подъ общимъ названіемъ старья (*scruta*). Со многихъ же остро-

¹⁾ Но въ книгѣ пророка Исаіи LIV, 12 бл. Іеронимъ переводитъ *chodchod*, по примѣру LXX, словомъ *лима*. См. Твор. бл. Іеронима въ русск. пер. ч. 9 стр. 13.

вовъ, которые, — чтобы перейти въ иносказательному смыслу, — подвергаются ударамъ соленыхъ и горькихъ водъ и міра сего, торговцы Дадана доставляютъ слоновыя зубы, обѣщая блескъ (sandogem) краснорѣчія, о коихъ написано: *отъ храмовъ слоновыхъ, изъ нихже возвелася Тя дщери царей въ чести Твоей* (Псал. 44, 9). Но они не имѣють бѣлизны (non sunt candidi) и не подражаютъ невѣстѣ, о коей говорится: *кто сія восходящая зублена и утвержаема о братъ своемъ* (Пѣснь П. 8, 5)? Но имѣють черный цвѣтъ чернаго дерева тѣ, кои не могутъ измѣнить своей черноты, какъ говоритъ Іеремія: *аще премынитъ свіопляиниъ кожу свою и рысь пестроты своя* (Іерем. 13, 23). Также сиріяне, то есть *Арамъ*, который означаетъ *высокій* и который напыщенъ высокомѣремъ, ведутъ торговлю съ Тиромъ и за множество произведеній тирскихъ доставляютъ лженменное званіе, обѣщая разнообразную пестроту и стакту благоуханную и пурпуръ, [служацій отличіемъ] царскаго достоинства, и сѣтчатыя сплетенія діалектическаго искусства и виссонъ, вмѣсто чего I.XX перевелъ *Фарсисъ*, преданный земнымъ дѣламъ, и сиревія трани, вмѣсто чего въ еврейскомъ написано *rimoth*, что означаетъ *видѣніе смерти*, ибо всѣ земныя дѣла быстро приводятъ къ погибели, и предлагая на торжищахъ Тира ходходъ, все то, что ни разумѣется подъ нимъ. Подъ Даданомъ же, судя по тѣмъ товарамъ, о которыхъ говорится, что они доставляются торговцами и островами его, слѣдуетъ разумѣть страну или въ Индіи, или въ Идумеѣ и въ обширной пустынѣ, какъ нѣкоторые полагають; означаетъ же онъ *сродство*, чтобы мы познавали въ еретическихъ ученіяхъ подобіе божественныхъ.

Ст. 17. *Иуда и земля Израилева торговали съ тобою пшеницею лучшею; бальзамъ, и медъ, и масло и бальзамическую смолу (resinam) продавали на торжищахъ тво-*

ихъ. LXX: *Иуда и сыны Израилевы торговали съ тобою, продавая пшеницу и масти; лучшей медъ, и масло и бальзамическую смолу доставляли на торжища твои.* Еврейское слово *phanaq* Акила, Симмахъ и Θεοδοτιονъ перевели такъ, какъ поставлено въ еврейскомъ; LXX вмѣсто этого перевели *масти*, а мы — *бальзамъ*. Говорится же то, что чѣмъ обилуетъ земля іудейская, называющаяся теперь Палестиною, [именно] пшеницею, бальзамомъ, медомъ и масломъ и смолою, это доставляется Іудою и Израилемъ на торжища Тира. Но такъ какъ буквальный смыслъ ясенъ, то мы скажемъ примѣнительно въ иносказательному смыслу, что земля исповѣданія и умъ, созерцающій Бога, что относится въ Церкви, не должны доставлять Тиру лучшую пшеницу, которая, падая на землю, умножается и понижается въ смыслѣ слова Божія: *яко не о хлѣбъ единомъ живѣтъ человекъ, но о всякомъ словеси* Божиемъ (Второз. 8, 3). Затѣмъ бальзамъ, который родится въ виноградникахъ энгадсвихъ, или масть, о которой написано: *яко миро на главы, сходящее на браду, браду Аарону* (Псал. 132, 2). И медъ, о которомъ говорятъ и Соломонъ: *медъ обрѣтъ, яждь умеренно, да не како пресыщенъ изблюеши* (Притч. 25, 16), такъ какъ медъ, при чрезмѣрномъ насыщеніи имъ, обращается въ горечь. Также масло, изъ котораго въ скиини Божіей возжигается свѣтильникъ, чтобы не было примѣнено къ намъ оное пророчество: *елей во Египетъ посылаше* (Осіи 12, 1). Но и бальзамическая смола (*resina*) легка, пригодна для тѣла и употребляется какъ врачебное средство. Поэтому и у Іереміи написано: *или ритины нѣтъ въ Галаадъ? или врача нѣтъ тамо? чесо ради нѣтъ исцѣлена рани дочери людей Моихъ* (Іерем. 8, 22)? Эту бальзамическую смолу имѣлъ и Іаковъ, посылавшій ее вмѣстѣ съ медомъ, и фишашками, орѣхами, ладаномъ и смирною сыну своему Іосифу (Быт. гл. 43). Также измаильтяне, купившіе Іосифа

изъ земли израильской, доставляли въ Египеть эти куренія, и бальзамическую смолу изъ Галаада и смирну (тамъ же гл. 37). А чтобы мы яснѣе могли знать, какое значеніе имѣетъ доставленіе пшеницы, бальзама, меда, и масла и бальзамической смолы на тирское торжище, выслушаемъ слова Господа, говорящаго: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиньями* (Матѣ. 7, 6). Также женщинѣ хананейской, которая умоляла за свою дочь, говоря: *дщи моя злы бѣснуется*, Господь отвѣчалъ: *нѣсть добро отгнати хлѣба чадомъ и поверещи псомъ* (Матѣ. 15, 22 и 26). Но такъ какъ она вышла изъ предѣловъ Тира и Сидона и приблизилась въ землѣ израилевой, то получила то, о чемъ просила.

Ст. 18. *Дамаскинцы по причинѣ множества издѣлій твоихъ, по изобилію всякаго богатства торговали съ тобою виномъ густымъ (pingue), шерстью наилучшаго цвѣта.* LXX: *Дамаскъ по причинѣ множества издѣлій твоихъ, всей великой силы твоей, торговалъ съ тобою виномъ изъ Хелбона и шерстью изъ Милета.* Мѣсто вина густаго, какъ перевелъ Симмахъ, и у Акилы и у Θεодотіона и въ самомъ еврейскомъ текстѣ стоитъ вино изъ Гелбона. Затѣмъ, гдѣ мы поставили шерстью наилучшаго цвѣта или блестящей бѣлизны, тамъ и Акила и Θεодотіонъ перевели шерстью соорскою. Означаетъ же это то, что между прочими родами торговли Тира на торжище его доставлялись изъ Дамаска вино самое густое и наилучшая шерсть, что мы видимъ до сего времени. Если же Дамаскъ означаетъ *пьющій кровь* и если справедливо преданіе евреевъ, что поле, на которомъ былъ умерщвленъ Авель убійцею Каиномъ (Быт. гл. 4), находилось въ Дамаскѣ, вслѣдствіе чего и мѣсто сдѣлалось извѣстнымъ подъ этимъ названіемъ: то справедливо и Павелъ послѣ убіенія Стефана, перваго мученика о Христѣ, отправился въ Дамаскъ, чтобы вѣрую-

щихъ во Христа связанными приводить въ Іерусалимъ; но по милосердію Бога, который создаетъ слѣлаго и видящаго, онъ утратилъ плотскія очи, чтобы получить духовныя, и спала чешуя дракона съ очей его, чрезъ которыя онъ утратилъ свѣтъ истины, чтобы отправиться на улицу, называемую прямою, и встрѣтить *Ананію*, который на нашемъ языкѣ означаетъ *повинующийся* (Дѣян. гл. 9). Итакъ, изъ той страны, которой было сказано: „проклята земля, которая отверзала уста свои и приняла кровь брата твоего“ (Быт. гл. 4), доставляются на торжища Тира и вино густое и шерсть блестящей бѣлизны, или вино изъ *Хелбона*, который означаетъ *молочный*. LXX вмѣсто *шерсти наилучшаго цѣнта* понимали *шерсть изъ Милета* или *Соора*. Милета нѣтъ въ еврейскомъ; но такъ какъ оттуда доставляется наилучшая шерсть, то вмѣсто *Soor* они перевели *Милетъ*. Отсюда очевидно, что Тиръ питается молокомъ, свойственнымъ дѣтскому возрасту, и имѣетъ не собственныя одежды, а доставляемыя отъитуда и изъ разныхъ странъ. Объясненіе *Дамаска* въ смыслѣ *крови власницы* и *крови цѣлованія* не примѣнимо къ настоящему мѣсту. Ибо часто еврейскія имена различно объясняются, смотря по различію удареній и измѣненію буквъ и гласныхъ, въ особенности тѣхъ, которыя у нихъ имѣютъ свои особыя значенія.

Ст. 19. *Данъ, и Греція и Мозель поставляли на торжища твои желъзо искусно выдѣланное; смирною (stacte) и тростникомъ торговали съ тобою. LXX: ⋄. Данъ и Таванъ и Мозель на торжищахъ твоихъ**, что прибавлено въ изданіи ихъ изъ Θεοδοτῖου. *Желъзо искусно выдѣланное и колесо находится въ смѣшеніи твоёмъ.* Отъ имени патріарха Дана и колѣна [его] получила наименование и мѣстность, въ которой жило колѣно, гдѣ теперъ Панея, которая нѣкогда называлась Бессаріей Филипповой. Отсюда и текущая съ Ливана рѣка Іорданъ получила на-

звание, то есть отъ *Jor* потокъ и отъ [имени] *Dan*. *Iavanъ* же означаетъ Грецію, которая имѣетъ, какъ мы сказали, [слѣдующее] значеніе: *естъ и нѣтъ*. Въмѣсто *Мозела* также Симмахъ перевелъ *доставляющій*, чтобы былъ такой смыслъ: Данъ и Греція доставляли на торжища твои искусно выдѣланное желѣзо и прочее. Акила же вмѣсто *Мозелъ* поставилъ *изъ Узала*. Изъ этихъ странъ, какъ должно полагать, доставлялись желѣзо, и смирна и тростникъ на торжища Тира. Можемъ сказать также, что Греція, то-есть *Iavanъ*, имѣетъ желѣзо искусно выдѣланное и весьма пригодное для войны и устроенное чрезъ диалектическое искусство, хвастаясь, что она все выражаетъ разумно и основательно, и объщаетъ громкіе звуки, что выразится чрезъ тростникъ¹⁾, и смирну благоуханную, или желѣзо искусно выдѣланное и колесо, которое обращается вслѣдствіе искуснаго построенія словъ и имѣетъ теченіе рѣчи.

Ст. 20. *Даданъ торговалъ съ тобою коврами для сидѣнья*. LXX: *Деданъ торговалъ съ тобою отборнымъ скотомъ для колесницъ*. Во многомъ еврейскій текстъ и LXX разнятся въ настоящемъ мѣстѣ кромѣ названія смежной страны, *Дедана* и *Дадана*. Ибо чрезвычайно велико различіе между коврами для сидѣнья и отборнымъ скотомъ для колесницъ, и несомнѣнно, что четверни, колесницы и воны понимаются въ худую сторону, если они земные. Также и Илія восхищается на колесницѣ на небо и Елисей говоритъ ему: *отче, отче, колесница Израилева и конница его* (4 Цар. 2, 12). И у Гезія отверзаются очи, чтобы онъ увидѣлъ колесницы на горѣ и коней безъ всадниковъ, уготованныхъ для того, чтобы сидѣлъ на нихъ Господь (тамъ же гл. 6). Ковры же означаютъ нязщество рѣчи; сидя на нихъ, вѣдутъ и отдыхаютъ торговцы деданскіе, отправляясь на торжища Тира.

¹⁾ Разумѣется тотъ тростникъ, которымъ въ древности писали.

Ст. 21. *Аравія и всѣ князья Кедара были торговыми союзниками твоими; съ ягнятами, баранами и козлами они привозжали къ тебѣ.* Въмѣсто ягнятъ, барановъ и козловъ LXX перевели: *верблюды и бараны и ягнята.* Аравія же и князья Кедара (это теперь страна сарациновъ, какъ показано весьма подробно въ рѣчи Іереміи, написанной противъ Кедара, — Іерем. гл. 49) изобилуютъ этими животными, то есть ягнятами, и баранами и козлами, и чрезъ доставку ихъ умножаютъ торговлю Тира. Но эта страна изобилуетъ и верблюдами вслѣдствіе обширныхъ степныхъ пастбищъ и умѣренной температуры, которыя любятъ это животное. *Аравія* означаетъ вечеръ, а *Кедаръ* — тѣма. О немъ и въ Псалмахъ говорится: *вселихся съ селеніи кидарскими* (Псал. 119, 5). Эти страны доставляютъ Тиру верблюдовъ, отягченныхъ бременемъ грѣховъ, или агнцевъ, и барановъ и козловъ, заколаемыхъ ими на жертвенникахъ своихъ, которые онѣ измышляютъ изъ нечестиваго и мятежнаго сердца. Также и у этого самаго пророка въ видѣніи о пастыряхъ мы читаемъ о баранахъ, мутящихъ вполне чистую воду и толкающихъ овецъ богами и бодающихъ рогами (ниже гл. 34); также о возлахъ, обыкновенно стоящихъ опуюю, и агнцахъ, выдающихъ себя за того Агнца, о которомъ написано: *се Агнецъ Божій, возмляй грѣхи міра* (Іоанн. 1, 29). Въ добрую сторону пишетъ Исаія (гл. 60) о верблюдахъ, которые придутъ въ Іерусалимъ изъ *Мадіама*, что означаетъ *судъ Божій*, и Ефы, и о баранахъ изъ *Наваіюа* и *Савы*, которые принесутъ золото и ладанъ; изъ нихъ два послѣдніе приносятся также волхвами Господу (Матѣ. гл. 2). Эти верблюды, по сложеніи бремени грѣховъ, могутъ итти узкимъ и тѣснымъ путемъ, ведущимъ къ жизни (Матѣ. гл. 7 и 18).

Ст. 22. *Купцы изъ Савы и Реамы торговали съ тобою всякими лучшими благовоніями и дорогими камнями*

и золотомъ, которое продавали на торжищѣ твоёмъ. Въ Псалмахъ, гдѣ написано: *царіе аравіи и Сава дары принесутъ тебѣ* (Псал. 71, 10), въ еврейскомъ стоитъ: *цари Савы и Савы дары принесутъ тебѣ*, изъ которыхъ одна Сава пишется чрезъ букву сивъ, а другая чрезъ самехъ, который подобенъ нашей буквѣ. Итакъ, поелику *Сава* объясняется въ смыслѣ *обращенія*, то должно сказать, что въ настоящемъ мѣстѣ она означаетъ не обращеніе, а совращеніе, вслѣдствіе котораго въ Тиръ доставляются дары со всякими благовоіями и наилучшими духами, и дорогими камнями и золотомъ, и все это продается на торжищахъ Тира. Ибо они поддѣлываютъ также благоуханія и дорогіе камни, изъ которыхъ стараются созидать свои извращенныя церкви, и золото, общаемое въ отношеніи къ уму, и все у нихъ превратно. Ибо они ничего не получаютъ даромъ и не раздаютъ даромъ, но всѣмъ ведутъ торговлю, между тѣмъ какъ цари Аравіи и Савы даромъ приносятъ Христу дары. Это тѣ, которые все дѣлаютъ ради постыдной корысти и получили эти дары отъ того, кто говоритъ въ Евангеліи: *ибо это предано мнѣ; сія Тебѣ дамъ, аще падѣ поклонившимися* (Матѣ. 4, 9; Лук. 4, 6). Реаму или по Семидесяти Регму я не могъ найти ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Писаній, а также того, какая это страна или что она обозначаетъ; только то несомнѣнно изъ соединенія этой страны съ Савою, что она находилась въ смежности съ этою областью.

Ст. 23—24. *Аранъ и Ханна и Еденъ торговали съ тобою; Сава, Ассуръ, Хелмадъ были купцами твоими; они торговали съ тобою во многихъ мѣстахъ узорчатыми тканями (polumitogum) и дорогими сокровищами, которыя находились въ гіацинтовыхъ оберткахъ и были обмотаны и обязаны веревками. LXX: Харранъ и Хана и Една торговали съ тобою; Сава, Ассуръ и Халманъ были купцами твоими, доставлявшими для продажи ✕ въ Ма-*

халимъ и въ Галимъ * гіацинтъ и ✕ узорчатая ткани * отборныя сокровища, связанныя веревками. И эти народы заключаютъ въ себѣ названія различныхъ мѣстъ. Что же касается прибавленнаго у Семидесяти изъ Θεодотіона: въ Махалимъ и въ Галимъ, то это Симмахъ перевелъ: *дорогими покрывками*. Также узорчатая ткани, которыя Θεодотіонъ перевелъ *разноцвѣтныя*, мы прибавили изъ Акилы и Симмаха. Одежды же, заключавшіяся у купцовъ въ оберткахъ, были столь дорогія, что онѣ обвязывались гіацинтовыми веревками. Аранъ или, какъ LXX перевели, *Харранъ*, на нашемъ языкѣ означаетъ *отверстія*, Ханна *приготовленіе*, Еденъ—*наслажденіе*, вмѣсто чего у LXX *Една*, которой нѣтъ въ еврейскомъ; что она означаетъ, мы не знаемъ и не считаемъ необходимымъ доискиваться этимологическаго объясненія ложнаго имени. Такимъ образомъ въ торговлѣ Тира чрезъ плотскія чувства, на которыя указывается чрезъ отверстія, дѣлаются всѣ приготовленія людьми вѣка сего, которые единственнымъ наслажденіемъ считаютъ умноженіе торговыхъ оборотовъ города Тира. О Савѣ мы выше сказали. Асуръ объясняютъ какъ *исправляющій*, Хелмадъ или, какъ стоитъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, *Херма* переводятъ: *виноградники*, безъ сомнѣнія содомскіе; они приходятъ на торжища Тира, чтобы выпрямить кривизны или скорѣе обличить чрезъ наказанія и исправить то, что было извращено, сообразно съ тѣмъ, что говорится въ Псалмахъ: *еже разрушити врага и мстника* (Псал. 8, 3). Они имѣютъ также многообразную утварь, испещренную чрезвычайно разнообразными узорами и упакованную въ гіацинтовыхъ оберткахъ, или сокровища ихъ, собранныя ими на землѣ, связываются веревками, сообразно съ написаннымъ: *племнами своими грѣховъ кійждо замызгуется* (Притч. 5, 22). Они не имѣли также свободной торговли, но все опутывали узами грѣховъ. Гіацинтова утварь, вслѣдствіе сходства

цвѣта, мы можемъ отнести къ силамъ, господствующимъ въ воздухѣ, которыя раздають свои сокровища на торжищахъ вѣва.

Ст. 24—25. *Также имѣли они кедры въ торговль твою. Корабли морскіе (или, какъ стоитъ въ еврейскомъ, Фарсисскіе) были князьями твоими въ торговль твою.* Въмѣсто кедровъ LXX перевели *кипарисы*. Но такъ какъ выше мы сказали о томъ и другомъ, то излишне было бы усиливать свуку въ читателѣ.

Ст. 25. *И ты сдѣлался полнымъ и чрезвычайно прославился (или сдѣлался отягощеннымъ) среди моря.* Ничего, говорить, у тебя не доставало изъ того, что относится къ богатству острововъ. Однако это прославленіе было отягощеніемъ для обладающаго, потому что ты не можешь умѣренно пользоваться имъ, хотя и бѣдность часто служить искушеніемъ (Притч. гл. 30). Поэтому и Соломонъ просить только необходимаго; онъ одинаково не желаетъ и богатства и бѣдности, чтобы чрезъ одно не возникла гордость, а чрезъ другое—нетерпѣливость и лживость.

Ст. 26. *Гребцы твои завели тебя въ большія воды.* Выше мы читали о гребцахъ города Тира, сидонянахъ и арадіяцахъ, изъ которыхъ одни означаютъ ловцовъ, другіе—низлагающихъ. Ибо они ловятъ души тѣхъ, коихъ ведутъ среди волнъ вѣка сего по своей волѣ, и не возводятъ на высоту, а погружаютъ въ глубину, и не подражаютъ тѣмъ, кои, плавая до утренней стражи, сокрушили неистовствующія морскія волны и удостоились принять Господа Спасителя и тотчасъ, при помощи такого пассажира и спутника, достигли спокойной пристани. Подробнѣе объ этомъ написано въ Евангеліи.

Южный вѣтеръ сокрушилъ тебя среди моря. Всѣ богатства Тира разсѣиваются вслѣдствіе дунуенія южнаго вѣтра, который выразительнѣе обозначается чрезъ *сидѣт*,

по-гречески *καβων*, что мы можем перевести чрезъ *жгучій вѣтеръ*. О немъ говорилъ святой Давидъ: *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна ночью* (Псал. 120, 6). Этимъ вѣтромъ былъ опаляемъ Іавовъ, и однако не былъ сокрушенъ имъ, такъ какъ онъ говоритъ: *быхъ во дни жегомъ зноемъ и студенію въ ночи* (Быт. 31, 40). Также тѣ, кои были наняты съ перваго часа, выносили жаръ и зной въ теченіе цѣлаго дня, и однако получаютъ по динарію, потому что они были опаляемы, но не были сокрушены. Поэтому и невѣста говоритъ въ Пѣсни: *черна есмь азъ и добра, яко взглянуло на мя солнце* (Пѣсн. П. 1, 4) или, какъ лучше стоитъ въ еврейскомъ, *солнце измѣнило цвѣтъ мой*.

27. *Богатство твое и сокровища твои и разнообразныя приборы твои*. Многіе такъ читаютъ: *среди моря богатство твое и сокровища твои и разнообразные приборы твои* въ томъ смыслѣ, что всѣ богатства Тира и сокровища и все состояніе находились на морѣ и разрушаются волнами вѣва, и обитатели его ничего не имѣютъ устойчиваго и постояннаго во исполненіе онаго [изреченія] евангельскаго: *безумне, въ сію ночь душу твою истлѣжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)? и онаго апостольскаго: *хотящій богатитися упадутъ въ напасти и стѣти, яже погружаютъ во глубину* (1 Тим. 6, 9). Историческій смыслъ ясенъ, и потому почти къ каждому стиху мы присоединяемъ [свои] краткія сужденья. Ибо рѣчь уже послѣдуетъ къ окончанію книги.

Корабельщичики (или гребцы) твои, и кормчіе твои, завѣдывавшіе утварью твоею и управлявшіе народомъ твоимъ, и ратники твои, какіе были у тебя, со вѣзмъ твоимъ множествомъ [народа], какое было среди тебя, падутъ среди моря въ день паденія твоего. Мы читали о гребцахъ или корабельщикахъ города Тира, сидонянахъ и арадійцахъ, о которыхъ уже было сказано, а по изданію LXX о *совѣтникахъ Вивла*, который поеврейски называется *Gebal*; также о ратни-

вахъ его, персахъ, идійцахъ и ливійцахъ, которые всё падуть и обнаружатъ свою ничтожность, когда падеть Тиръ и вся слава его окончатся паденіемъ. *Множество* же, которые LXX перевели чрезъ *смѣшеніе*, означаетъ народъ за исключеніемъ князей, которые, безъ наименованія отличій [ихъ], погибнуть отъ такого же суда. Пророчество имѣеть смѣшанный характеръ, касаясь города и корабля, чтобы изъ одного можно было уразумѣть другое, и однако то и другое относится къ кончинѣ вѣка и кораблекрушенію.

Ст. 28—32. *Отъ шумнаго вопля кормчихъ твоихъ придутъ въ смятеніе флоты и сойдутъ съ кораблей своихъ все державіе весло. Корабельщики и все кормчіе моря (и пассажиры и штурманы) станутъ на землю и будутъ вопить о тебѣ громкимъ голосомъ и звать съ горестію, и будутъ бросать пыль на головы свои и посыпаться пепломъ (или покрывать себя пепломъ). Слѣдующаго же затѣмъ: и выстригутъ по тебѣ пльмину, и опоянутся власяницами, и заплачутъ о тебѣ отъ горести душевной горькимъ плачемъ, и поднимутъ плачевную пѣснь о тебѣ и будутъ рыдать о тебѣ у LXX вѣтъ, но прибавлено изъ Θεодотіонова изданія. Когда падеть Тиръ, то кормчіе его придутъ въ смятеніе, сойдутъ съ флотовъ, и гребцы, и пассажиры, и штурманы или корабельщики и все кормчіе моря, обуревавшіеся волнами, станутъ стоять наконецъ непоколебимо и будутъ вопить громкимъ голосомъ о томъ, кого прежде обогащали своими товарами, и въ воплѣ выражать душевную горестъ; также пыль или землю будутъ бросать на головы свои, принося покаяніе въ земныхъ дѣлахъ. И пепломъ или будутъ посыпаться телицы, по закону (Числ. гл. 20), для очищенія ихъ, или будутъ себя покрывать, соотвѣтственно тому, что говорится въ Іерусалиму: „посыпъ землею голову твою и покрой себя пепломъ и подними плачь“ (Іерем. гл. 6). И въ Евангеліи написано: *иже въ Тиръ и Сидонъ быша знаменія сіи были, древле во вре-**

тищи и пепелъ покалится быша (Лук. 10, 13). И псалмопѣвецъ говорить: *пепелъ яко хлѣбъ ядыхъ* (Псал. 101, 10). И выстригутъ голову по Тиру и сдѣлають плѣшь, какъ это обыкновенно бываетъ при плачѣ, въ то время, когда великою скорбью исключается всякая радость. Волосы же апостоловъ исчислены, потому что они, подобно назареемъ, посвятили свои волосы Господу (Матѣ. гл. 10: Лук. гл. 6). И Самсонъ, пока имѣлъ волосы, обладалъ силою; утративъ же волосы, былъ взятъ въ плѣнь иноплеменниками (Суд. гл. 16). Когда же говорится: *и опояшутся власнымицами*, то осуждается похоть чреслъ въ томъ смыслѣ, что тѣ, кои жили среди наслажденій, въ послѣдствіи покаются и будутъ вести жизнь строгую и суровую. Ниневитяне одѣлись во вретница (Іоанн. гл. 3). И въ Іерусалиму также говорится: *восплачися ко Миѣ паче невѣсты, препоясанныя во вретнице по мужи своемъ дѣственнѣмъ* (Іоил. 1, 8). И заплачуть о тебѣ, говорить, отъ горести душевной горькимъ плачемъ. Ибо лучше входить въ домъ плача, нежели въ домъ пира (Еккл. гл. 7), чтобы оплакивать Тиръ и усугублять плачевную пѣснь, которая далѣе присоединяется въ Писаніи. А чтобы мы знали, что это служить къ пользѣ тѣхъ, которые оплакивають падающаго и которые прежде находились въ сердце моря и среди него, этому можетъ научить насъ примѣръ пророка, которому также повелѣвается оплакивать Тиръ, чтобы, по исполненіи времени кающія, онъ пришелъ въ прѣжнее состояніе и, взявъ цитру, игралъ [на ней] для Господа. Читай Исаію. Нѣкоторые страннымъ образомъ (однако слѣдуетъ сказать о томъ, что мы читали) подъ кормчими разумѣють еретическихъ епископовъ, подъ совѣтниками пресвитеровъ, подъ штурманами архидіаконовъ, подъ гребцами и корабельщиками діаконовъ, пассажировъ же относятъ ко всему народу; а если прибавить діавола, какъ хозяина корабля, то была бы полная трагедія. Всѣ они будутъ одина-

ново вопить и горько плакать и каяться, когда узнають о врушеніи корабля своего, и станутъ на землю, и утратятъ всю славу лжеименнаго званія и вмѣсто радости и веселія будутъ въ сердечной горести чрезъ скорбь выражать раскаяніе.

Ст. 32—36. *Кто, какъ Тиръ, онемѣвшій (или умолкшій) посреди моря? (Этого у LXX нѣтъ). При выходѣ товаровъ твоихъ (или какое вознагражденіе ты получилъ) съ моря, ты наполнялъ многіе народы. Множествомъ богатства твоего и народовъ ты обогащалъ многіхъ царей. Теперь ты разбитъ моремъ (или въ морѣ) во глубинѣ водъ, богатства твои (или торговля твоя) и все многочисленное населеніе (multitudo) твое, бывшее среди тебя, пали. Всѣ жители острововъ ужаснулись (или сокрушались) о тебѣ, и всѣ цари ихъ, пораженные бурей (или пришедши въ изступленіе) измѣнились въ лицѣ (или стали плакать). Торговцы племенъ (или народовъ) зашиптали о тебѣ: ты уничтоженъ (или сдѣлался погибелю) и уже не будетъ тебя въ вѣкъ (или вѣчно). Бормчѣ, гребцы, штурманы и пассажиры будутъ такъ говорить при плачѣ о городѣ Тирѣ: какой другой городъ такъ умолкъ, что не имѣлъ смѣлости, чтобы говорить, и выслушалъ оное евангельское [изреченіе]: молчи, престани (Марк. 4, 39), и изъ Псалмовъ: вскую ты поведаеши оправданія Моя, и воспріемлещи завѣтъ Мой усты твоими (Псал. 49, 16)? Какимъ множествомъ товаровъ обогатился ты, Тиръ? И въ чему ты съ такимъ трудомъ старался днемъ и ночью собирать то, что погибнетъ отъ кораблебрушенія? Ты наполнилъ многіе народы и своими богатствами обогатилъ царей, о которыхъ написано: предсташа царіе земстїи, и князи собращася вкупу на Господа и на Христа Его (Псал. 2, 2). Но теперь ты потерпѣлъ крушеніе въ морѣ и во глубинѣ водъ подобно тому, какъ написано о фараонѣ: колесницы фараоновы и силу его сверже въ море (Исх. 15, 4). Онъ утонулъ въ глубинѣ, какъ камень, и могъ сказать: придохъ во глубины морскія, и буря потопа мя (Псал. 68, 3). Всѣ ос-*

трома или жители острововъ, подвергающіеся ударамъ волнъ вѣка сего, ужаснутся о тебѣ, и цари ихъ, пораженные бурей, уразумѣють погибель свою и, подражая звукамъ змѣи, будутъ шипѣть и говорить: ты уничтоженъ или сдѣлался погибелью, такъ что ты имѣлъ склонность къ погибели не по природѣ, а по [своей] волѣ. *И не будетъ тебя.* Если бы онъ сказалъ только это, то возникалъ бы важный вопросъ: какимъ образомъ онъ не былъ, когда мы теперь видимъ его построеннымъ? Но слѣдующими за тѣми словами *въ откъ* она указываетъ на время одного вѣка, которое, соответственно лѣтамъ жизни человѣческой, опредѣляется періодомъ въ семьдесятъ лѣтъ. Или: не будетъ тебя для Бога, какъ говоритъ апостолъ: *нарицающу не сущая* (Рим. 4, 17); и пророкъ Исаія: *се постыдятся и посрамятся вси сопротивляющіися тебѣ, будутъ бо яко не сущи* (Ис. 41, 11); и Есфиръ по переводу LXX: *не предаждь, Господи, скиптра Твоего симъ, иже не суть* (Есф. 4, 17), и въ Псалмѣ: *ослаби мя, да почию, прежде даже не отгиду и ктому не буду* (Пс. 38, 14). Въ какомъ смыслѣ должно понимать эти свидѣтельства, объ этомъ мы выше сказали. Но все это мы можемъ относить къ еретикамъ, которые при разрушеніи и кораблекрушеніи Тира уразумѣють свое заблужденіе и, находясь среди моря, возжелаютъ спасти души свои и будутъ плакать о сокровищахъ, которыя худыми способами были собраны и которыми они обогатили многихъ царей, то есть своихъ патріарховъ, и простой народъ, и богатства коихъ погибнуть посреди моря. Также обитатели всѣхъ острововъ (если, впрочемъ, мы пожелаемъ сказанное принимать въ хорошую сторону) ужаснутся о сокрушеніи Тира, и цари всѣхъ острововъ или сами они, пораженные бурей, измѣнятся въ лицѣ или, можетъ быть, выразятъ сердечную печаль въ плачъ и слезахъ и чрезъ удивленіе и шипѣніе засвидѣтствуютъ великій ужасъ относительно того, что уничтоженъ и погибъ тотъ, который многимъ народамъ обѣщалъ спасеніе. И уже не будетъ его,—не въ опредѣленное время, какъ было бы при переводѣ *αἰῶνα* [словами]: въ продолженіе вѣка (in saeculo), а вѣчно (in perpetuum); потому что одно и то же слово имѣетъ оба эти значенія.

О г л а в л е н і е

10-й части

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ІЕРОНИМА.

Четырнадцать книгъ толкованій на пророка Іезекиіля.

Книга первая	1— 58
„ вторая	58— 96
„ третья	97—146
„ четвертая	147—199
„ пятая	199—243
„ шестая	243—294
„ седьмая	295—349
„ восьмая	349—401

Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности.

(Продолженіе ¹⁾).

IV.

Какъ извѣстно, война 1853—1855 г.г., благодаря заступничеству нѣкоторыхъ державъ за Турцію, была для насъ неудачна. Но тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ неблагопріятными послѣдствіями, она имѣла и благотворныя для болгаръ результаты и въ общемъ итогѣ содѣйствовала дальнѣйшему ходу возрожденія болгарской народности.

Ближайшимъ образомъ восточная война 1853—1855 г. неблагопріятно отозвалась на болгарахъ, проживавшихъ въ Валахіи и Молдавіи. При очищеніи русскими войсками при-дунайскихъ княжествъ въ 1854 году, до 1000 болгарскихъ семействъ должны были оставить свои жилища и съ 40000 рогатаго скота переселились въ Россію и водворились въ Новороссійскомъ краѣ ²⁾). Русское правительство старалось облегчить участь этихъ переселенцевъ, выдавало денежныя пособія переселяющимся волонтерамъ въ Новороссійскій край и предоставляло званіе почетнаго гражданина тѣмъ изъ нихъ, кои были офицерами въ болгарской дружинѣ ³⁾). Но по трактату 1856 года, часть русской Бессара-

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. Акад., май 1886 г.

²⁾ Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября, 1858 г., стр. 4, въ бумагахъ архим. Петра.

³⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, въ бумагахъ архим. Петра, стр. 11, № 29. Опись эта составлена архим. Петромъ въ 1858 г., съ означеніемъ содержанія дѣлъ и выписками изъ нихъ, но, въ сожалѣнію, болшею частью безъ хронологическихъ датъ.

біи отошла къ Турціи, а въ этой части была значительная доля и болгарскаго населенія. По этому поводу жители г. Болграда представили Государю Императору Александру Николаевичу скорбный адресъ, на которомъ Его Величество изволилъ начертать слѣдующія многознаменательныя, пророчественныя слова: „Читая эти строки, у меня, признаюсь, сердце обливалось кровью. Богъ милостивъ! Наступять, можетъ-быть, лучшія времена“¹⁾.

Гораздо опаснѣе и прискорбнѣе было другое неблагопріятное послѣдствіе восточной войны 1853—1855 г.г., это именно усиленіе иновѣрной пропаганды и политическаго вліянія западныхъ державъ въ предѣлахъ Турціи.

Со времени восточной войны 1853—1855 г.г. „въ латинской церкви оживляется давняя мысль о соединеніи церквей“,—говоритъ записка 1858 года. „По извѣстнымъ эпохамъ и съ новыми силами стремится она къ своей цѣли. Какъ всегда повторялось въ години испытаній, неисповѣдимыми судьбами Божиими насылаемыхъ на древнѣйшую часть вселенской церкви и на первозванный изъ языковъ греческій народъ: такъ и нынѣ видимъ латинскую церковь исполненную властолюбивыхъ надеждъ и злонамѣренной дѣятельности. По замиреніи, агенты римской пропаганды начали между славянами распространять преувеличенныя понятія о народныхъ правахъ, дабы не только отторгнуть ихъ отъ греческой церкви, но, льстя ихъ народной гордости и самобытности, въ то же время поселить въ нихъ вражду и къ Россіи. За унию и подчиненіе папѣ они щедры въ обѣщаніяхъ“²⁾. И мы увидимъ впоследствии, что на эту соблазнительную приманку польстились нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ, молодыхъ борцовъ за восстановленіе само-

¹⁾ Тамъ же, стр. 10, № 24; см. стр. 11, № 31. Въ своей черновой запискѣ 15 окт. 1860 г. архим. Петръ говоритъ, что адресъ болгарскихъ болгаръ составленъ былъ Разинскимъ.

²⁾ Въ бумагахъ и. Григорія, № 79.

бытности болгарскаго народа и тѣмъ только нарушили національное единство болгарскаго самосознанія и единодушіе и затормозили то дѣло, которому думали служить.

О состояніи и дѣятельности римской пропаганды на Востокѣ во время и послѣ войны 1853—1855 г.г. мы имѣемъ слѣдующія цифровыя данныя. Въ распоряженіи пропаганды находился капиталъ въ 3,600,000 франковъ, полученныхъ путемъ сбора отъ католическихъ націй. Главными пунктами или центрами ея въ Турціи были: 1) Молдавія съ однимъ епископомъ; 2) Валахія и Болгарія съ однимъ епископомъ; 3) Боснія съ однимъ епископомъ и двумя миссіями, изъ коихъ одна—іезуитская; 5) Албанія съ шестью епископами; 6) Константинополь съ двумя архіепископами, миссіей лазаристовъ и сестрами милосердія; 7) Сира съ однимъ епископомъ; 8) Острова Тинъ и Санторинъ съ двумя епископами и сестрами милосердія; 9) Греція съ іезуитами и капуцинами, и 10) Корфу съ однимъ епископомъ и миссіей капуциновъ. На все это тратилось въ европейской Турціи ежегодно 202,300 фр., а во всей Оттоманской имперіи 528,600 франковъ. Средствами католической пропаганды были: печатаніе книгъ, общественное воспитаніе, человеколюбивыя заведенія и наглая клевета на Россію. Такъ напр., между другими клеветами, пропаганда распространяла слухъ, будто Россія „всюду ласкаетъ схизматизмъ, чтобы поработить его, и что она кровью ихъ миссіонеровъ обгаряетъ копья курдовъ“¹⁾.

Рядомъ съ католической пропагандой развивала свою дѣятельность и пропаганда протестантская, хотя и не съ такой навязчивостью и нахальствомъ. „Болгарію беспокоитъ пропаганда“, — писалъ архимандритъ Петръ въ іюнь 1859 года. „Католики, протестанты и—отрасль ихъ—члены свободной церкви (Independence Church), каждое изъ сихъ обществъ, угнѣздясь въ извѣстныхъ городахъ, въ Солуни,

¹⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, стр. 15, № 7.

Манастиръ, Софіи, Русукъ, Филиппополъ, Варвѣ, Шумгѣ, Никополѣ и преимущественно въ Стамбулѣ, разсылаетъ своихъ эмиссаровъ по Болгаріи, которые злокозненно благоговоря воспитаніемъ, леченіемъ, книгами и—обычье—совѣтами, приводятъ темный народъ въ смущеніе¹⁾. Въ одной запискѣ болгарина З. Княжескаго перечисляются слѣдующіе протестантскіе миссіонеры, дѣйствовавшіе въ 1850 годахъ въ Константинополѣ и Болгаріи: 1) Степанъ Мянлетъ—Баши, проживавшій около Ени-кале, который въ 1852 или 1854 годахъ исходатайствовалъ у султана американско-протестантскимъ миссіонерамъ большой фирманъ на свободу проповѣдывать въ Турціи слово Божіе и на открытіе продажи книгъ въ Константинополѣ; 2) Атуруору Амиве, изъ Парижа; 3) Чанъ Броннъ Терджеманъ, проживавшій въ Перѣ, въ собственномъ домѣ; 4) Еммануэль Бошмиптсъ, докторъ медицины и хирургіи, странствовавшій съ женою по болгарскимъ городамъ съ проповѣдію слова Божія, и 5) Морсъ, главный протестантскій миссіонеръ въ Адрианополѣ. Оттуда онъ отправилъ одного миссіонера и одного проповѣдника въ Ески-Загру, Казанлыкъ и далѣе для проповѣданія слова Божія и продажи книгъ²⁾. Но, по свидѣтельству нашего посланника при турецкомъ дворѣ г. Бутенева, протестанты не обратили къ себѣ ни одного православнаго и ни одного армянина³⁾.

Конечно, эти миссіи находили для себя поддержку въ единовѣрныхъ имъ посланникахъ и консулахъ западно-европейскихъ державъ въ Турціи. Но, не ограничиваясь покровительствомъ своимъ единовѣрцамъ и миссіонерамъ, пред-

¹⁾ Письмо архим. Петра къ Оберъ-Прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 13. Для противодѣйствія пропагандѣ, архим. Петръ совѣтовалъ назначать трехъ миссіонеровъ изъ свѣтскихъ болгаръ и указывалъ на Княжескаго, Изворскаго и Стоянова.

²⁾ Въ бумагахъ архим. Петра.

³⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи въ бумагахъ архим. Петра, стр. 11, № 27.

ставители западно-европейскихъ державъ въ Турціи стали теперь вмѣшиваться даже во взаимныя отношенія православныхъ турецкихъ подданныхъ различныхъ національностей, поддерживая одну сторону противъ другой. Такъ напр., во взаимныхъ распряхъ между греками и болгарами англійскій посланникъ держалъ сторону грековъ, а французскій—сторону болгаръ¹⁾.

Самымъ же важнымъ послѣдствіемъ восточной войны 1853—1855 г.г. для рѣшенія болгарскаго вопроса было изданіе султаномъ гатти-гумаюна 6 февраля 1856 года о правахъ разныхъ національностей, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи. Этотъ гатти-гумаюна внушенъ былъ султану западными его друзьями, гораздо болѣе изъ ненависти къ Россіи и изъ опасенія ея политическаго и церковнаго вліянія на Востокъ, чѣмъ по дѣйствительной заботливости о христіанскомъ населеніи Турціи; но тѣмъ не менѣе онъ совпадалъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ желаніями Россіи относительно улучшенія участи православныхъ подданныхъ султана и послужилъ для нея однимъ изъ прочныхъ основаній для дальнѣйшаго заступничества своего какъ вообще за православныхъ обитателей Турціи, такъ и въ частности за болгаръ. „Сей лживый и не очень искусно составленный актъ, писалъ 9/10 ноября 1858 года русскій посланникъ при Оттоманской Портѣ Бутеневъ,—очевидно придуманъ и навязанъ туркамъ западными державами *во время оно*, гораздо болѣе изъ ненависти къ Россіи и изъ опасенія ея политическаго и церковнаго вліянія на Востокъ, чѣмъ по дѣйствительной заботливости о христіанскомъ населеніи въ Оттоманскомъ государствѣ. Обманывавшіе и обманутые однако не замедлили почувствовать, что, ослѣпленные страстями и политической завистію, они сами поставили себя въ самое затруднительное и безвыходное положеніе, какъ только нужно было привести въ исполненіе сей актъ, который западныя державы торжественно представляли Европѣ бла-

¹⁾ Опись дѣлъ Констант. миссіи, стр. 13, № 3.

годѣтельными плодомъ борьбы, предпринятой противъ насъ, и началомъ освобожденія христіанъ, страждущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Порта хорошо видѣла, что сіе предполагаемое возрожденіе было для ея политическаго существованія вопросомъ жизни и смерти, и, по своему обыкновенію, она хотѣла медлить и откладывать; но, побуждаемая настоятельными требованіями своихъ совѣтниковъ, повелѣвъ принужденныхъ поддерживать свои преобразованія, торжественно провозглашенныя, Порта разочла, что ей будетъ легче совершить первый опытъ надъ преобразованіемъ греческаго духовенства, поработченнаго и испорченнаго, къ несчастію, по ея же винѣ, чѣмъ надъ другими частями своего управленія¹⁾.

Въ этомъ гатти-гумаюмъ султанъ торжественно заявлялъ, что посредствомъ него онъ хочетъ увеличить благосостояніе и благоденствіе внутреннее, доставить счастье всѣмъ своимъ подданнымъ, которые для него всѣ-де равны и одинаково дороги и которые соединены между собою сердечными узами патриотизма, и указать средства, способствующія со дня на день большому и большому развитію благоденствія его имперіи. Частные пункты гатти-гумаюма, которые могли имѣть отношеніе къ православному населенію и духовенству въ Турціи, были слѣдующіе: „§ 1. Всякое общество, христіанское, — или другое какое не-мусульманское будетъ допущено въ опредѣленный срокъ и, при содѣйствіи комиссіи, составившейся для сей цѣли изъ него самаго, приступитъ, съ моего высочайшаго соизволенія и подъ наблюденіемъ моей Блистательной Порты, къ изслѣдованію ея настоящихъ нуждъ и обязанностей, обсужденію тамъ и представленію Блистательной Портѣ реформъ, требуемыхъ успѣхами образованія и сообразныхъ съ духомъ

¹⁾ Извлеченіе изъ депеша Бутенева см. въ литографической „Заявкѣ о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патриархатѣ“, 1859 г., л. 1, въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

времени. Права, дарованныя патриархамъ и епископамъ христіанскихъ обществъ султаномъ Магометомъ II и его преемниками, будутъ согласованы съ новымъ положеніемъ, которое имѣеть дать моя щедрая и благосклонная воля. Правило о пожизненномъ назначеніи патриарховъ, послѣ строгаго обсужденія нынѣ дѣйствующихъ избирательныхъ постановленій, будетъ строго сообразовано съ содержаніемъ ихъ фирмановъ на пожалованіе саномъ. Патриархи, митрополиты, архіепископы, епископы и раввины будутъ присягать при своемъ вступленіи въ должности по формѣ, принятой вообще Блистательною Портой и духовными главами разныхъ обществъ. Церковные доходы, какой бы формы и свойства ни были, будутъ уничтожены и замѣнены опредѣленными окладами патриарху и главамъ обществъ и назначеніемъ содержанія и жалованья, строго соразмѣренныхъ съ важностію, саномъ и достоинствомъ разныхъ членовъ духовенства¹⁾). Не будетъ дѣлаемо никакого посягательства на движимую и недвижимую собственность разныхъ клировъ христіанскихъ; но мірское управленіе христіанскихъ обществъ или другихъ немусульманскихъ будетъ подчинено охранѣ старѣйшинъ, избираемыхъ изъ среды вышесказанныхъ обществъ, изъ членовъ клира и мірянъ. § 4. Въ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ народонаселеніе будетъ принадлежать всецѣло къ одной религіи, не будетъ чинимо никакого препятствія къ поправкѣ зданій, по первоначальному ихъ плану, назначенныхъ для совершенія богослуженій, для школъ, госпиталей и кладбищъ. Планы каждаго изъ этихъ зданій, въ случаѣ новаго сооруженія, будучи одобрены патриархами и главами обществъ, должны быть

¹⁾ Впервые мысль о жалованьи православному духовенству въ Турціи была подана, какъ предполагаютъ, бывшимъ княземъ самосскимъ Вогорядесомъ, который предложилъ ее представителямъ европейскихъ державъ по случаю совѣщаній о гатти-гумаючѣ. См. литографическую „Записку о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патриархатѣ“, 1859 г., л. 24 на обор., въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

представлены Блистательной Портѣ, которая утвердить ихъ моимъ императорскимъ указомъ или сдѣлаеть свои соображенія въ опредѣленный срокъ. Всякое вѣроисповѣданіе, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будетъ находиться вѣроисповѣданій другихъ религій, не будетъ подвергаемо никакому роду ограниченія въ публичномъ обнаруженіи своей религіи. Въ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ вѣроисповѣданія перемѣшаны, всякое общество, населяющее отдѣльный кварталъ, равно можетъ, сообразуясь съ вышеизложенными правилами, поправлять и поддерживать свои церкви, госпитали, школы и кладбища. Когда же коснется дѣло до устройства новыхъ зданій, то потребуется, чрезъ посредство патріарха или главъ общества, необходимое разрѣшеніе моей Блистательной Порты, которая, при пожалованіи этого разрѣшенія, получить царское соизволеніе безъ административныхъ проволочекъ... Блистательная Порта приметъ энергическія мѣры къ тому, чтобы предоставить всякому вѣроисповѣданію, каково бы ни было число его послѣдователей, полную свободу при его отправленіи. § 8. Всѣ подданные моей имперіи, безъ различія, будутъ принимаемы въ гражданскія и военныя казенныя школы, если они во всемъ будутъ удовлетворять условіямъ возраста и испытанія, указаннымъ въ утвержденныхъ регламентахъ означенныхъ школъ. Сверхъ того, всякое общество уполномочивается учреждать публичныя школы художествъ, наукъ и ремеслъ. Только способъ преподаванія и выборъ профессоровъ въ школахъ сего рода будетъ подѣ контролемъ смѣшаннаго совѣта народнаго просвѣщенія, члены котораго будутъ назначаемы непосредственно моимъ императорскимъ указомъ. § 12. Поскольку равенство податей влечетъ за собою равенство повинностей, какъ равенство должностей влечетъ равенство правъ; то подданные христіане и другіе немусульмане должны будутъ, какъ и прежде было, наравнѣ съ мусульманами удовлетворять требованіямъ закона о рекрутствѣ. Будетъ допущена статья о замѣнѣ или выкупѣ. Будетъ

обнародованъ, въ возможно краткій срокъ, полный законъ о способѣ допущенія и службъ въ арміи подданныхъ христіанскихъ и другихъ немусульманскихъ. § 13. Будетъ приступлено къ реформѣ относительно составленія провинціальныхъ и общественныхъ совѣтовъ, чтобы обезпечить правильность выборовъ депутатовъ изъ обществъ мусульманскихъ, христіанскихъ и другихъ и свободу подачи голосовъ въ совѣтахъ. Моя Блистательная Порта войдетъ въ соображеніе относительно употребленія самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ точному обследованію и повѣркѣ результатовъ подачи голосовъ и рѣшеній“⁴⁾.

По обнародованіи гатти-гумаюна, Порта тотчасъ же отказалась выдавать греческому духовенству бераты, которые подтверждали за нимъ льготы и преимущества, дарованныя ему по завоеваніи Константинополя турками. „Сей отказъ, писалъ нашъ посланникъ Бутеневъ 9/10 ноября 1858 года, основывали на правилѣ объ отдѣленіи власти свѣтской отъ духовной, — правилѣ величайшей важности, поставленномъ на будущее время въ гатти-гумаюнкѣ, и которое безъ сомнѣнія наноситъ тяжкій ударъ не только древнимъ преимуществамъ вселенскаго патріархата и высшаго духовенства, но также тѣмъ правамъ, которыя были предоставлены христіанамъ, какъ единственная защита и обезпеченіе подъ мусульманскимъ владычествомъ“⁵⁾. Но зато другіе пункты гатти-гумаюна или вовсе никогда не исполнялись на дѣлѣ, или же толковались различно и произвели цѣлый рядъ смутъ между православнымъ населеніемъ Турціи, среди которыхъ все болѣе и болѣе пробивалась наружу и разрабатывалась идея болгарской независимости, сначала церковной, а затѣмъ и политической.

⁴⁾ Гатти-гумаювъ, въ довольно несправномъ русскомъ переводѣ, есть въ бумагахъ архим. Петра.

⁵⁾ Извлеченіе изъ депеши Бутенева — въ литографической „Запискѣ о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., л. 2, въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

Всеобщая воинская повинность никогда не была введена въ Турціи и не была примѣнена къ христіанамъ, которые, по изданіи гатти-гумаюна, обязательно должны были откупаться отъ нея и такимъ образомъ нести на себѣ особый налогъ, дотогѣ не существовавшій. Что касается присяги мусульманскому правительству, то православное духовенство отказалось отъ нея, какъ неприличной христіанину, равно какъ отказалось и отъ опредѣленнаго казеннаго жалованья, опасаясь несправности выдачи его и секуляризаціи церковныхъ имуществъ ¹⁾. Далѣе, въ гатти-гумаювѣ не было точно опредѣлено, кого нужно разумѣть подѣ духовными главами обществъ разныхъ національностей, и вслѣдствіе этого возникъ цѣлый рядъ пререканій и столкновеній между греками и болгарами, имѣвшихъ подѣ собою національную почву. „Турецкое правительство,—писалъ болгаринъ Н. Геровъ къ директору азіатскаго департамента Ковалевскому 7 марта 1857 года,—принимаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ имперіи за одинъ народъ, называя его Румъ—милети (греческимъ народомъ), и главою сего многочисленнаго народа признаетъ патріарха константинопольскаго. Греки, пользуясь этимъ названіемъ, выставляютъ себя вездѣ, гдѣ только имъ выгодно, а на долю болгаръ оставляютъ однѣ повинности. Чтобы это не продолжалось и въ будущемъ и чтобы болгары могли пользоваться правами, обѣщанными гатти-гумаюномъ, непременно должны быть признаны особеннымъ народомъ, отдѣльнымъ отъ грековъ. Но такъ какъ турецкое правительство сносится съ немусульманскими народами только посредствомъ духовныхъ ихъ главъ, то и болгары, если будутъ признаны особеннымъ народомъ, должны имѣть своего духовнаго главу, отдѣльнаго отъ

¹⁾ См. ту же литографическую Записку. Противъ назначенія жалованья духовенству подали также свои мнѣнія митрополиты московскій Филаретъ, 3 апрѣля 1858 г., и новгородскій Григорій, 23 апрѣля того же года. См. Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, стр. 3—5, № 8, въ бумагахъ архив. Петра

патріарха, который служить главою и представителем греческаго народа, для того, чтобы онъ служилъ представителемъ болгаръ и чтобы чрезъ него правительство сносилось съ болгарами¹⁾. Къ этому и направлены были всѣ усилія болгаръ послѣ изданія гатти-гумаюна. Греки, въ свою очередь, не хотѣли добровольно отказаться отъ вѣковой власти своей надъ болгарами въ церковномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что въ стремленіи болгаръ къ церковной самостоятельности усматривали и политическую тенденцію, опасную для алаивизма, а потому нерѣдко отказывали даже самымъ скромнымъ и законнымъ стремленіямъ болгаръ шить богослуженіе и священныя книги на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ. А между тѣмъ католическая пропаганда не дремала и дѣлала обильный уловъ въ мутной водѣ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, на долю православной единовѣрной Россіи выпадалъ жребій быть примирительницею болгаръ и грековъ. „Если мы,—говорится въ запискѣ 1858 года,—желаю облегчить горестную участь болгаръ, не отдѣлимъ строго ихъ законныхъ желаній отъ незаконныхъ и допустимъ хотя малѣйшее нарушеніе священныхъ правъ великой церкви, то она почтетъ насъ союзниками или слѣпыми помощниками враговъ церкви, ожесточится и противъ болгаръ и противъ насъ; тогда, можетъ-быть, и законныя желанія болгаръ останутся неисполненными, и между нами и греческою церковію произойдетъ раздоръ, давно желаемый нашими врагами. Если же, заботясь единственно о мирѣ съ греческою церковію, не окажемъ въ то же время дѣятельной помощи болгарамъ въ томъ, что есть законнаго въ ихъ стремленіи къ народному просвѣщенію, то въ ихъ глазахъ станемъ наравнѣ съ австрійцами, и тогда они, не видя отъ насъ помощи, въ ожесточеніи бросятся въ увію, на которую услужливые враги ихъ давно указываютъ,

¹⁾ Письмо Герова—въ бумагахъ архимандрита Петра.

какъ на единственное средство къ спасенію. Чтобы не уклоняться намъ ни на шуюю, ни на десную, мы всегда должны памятовать 1) что Россія—держава православная, въ которой слѣдственно церковь соединена съ государствомъ, какъ душа съ тѣломъ, и что пребываніе вселенской церкви непогрѣшительною и непорочною безъ греческой невозможно; 2) что, въ качествѣ православныхъ, мы являемся на Востока не представителями какой либо партіи, а законными покровителями всѣхъ единовѣрныхъ намъ племенъ, и 3) что мы не можемъ допускать подавленія ихъ языка и ихъ народности. Мысли сіи должны руководствовать насъ въ дѣлахъ Востока и указывать намъ, въ чемъ должны состоять наши желанія и наши обязанности: 1) Если враги церкви и во французскихъ, и въ нѣмецкихъ книжкахъ и журналахъ, голосами іезуитовъ и новыхъ отступниковъ, съ злою радостію разглашаютъ повсюду бывалыя и небывалыя злоупотребленія грековъ, если они успѣваютъ раздувать неприязненныя чувства славянъ къ греческой іерархіи и бѣдствія страдальцевъ умѣютъ сваливать съ турокъ и латинъ на греческое духовенство, которое, обираемое и попираемое, не въ силахъ помочь и себѣ, то мы и на Востока, и въ Россіи и въ другихъ странахъ должны сему противоудѣствовать и стараться возстановлять въ общественномъ мнѣніи греческую іерархію, указывая на несомнѣнныя ея заслуги и достоинства. 2) По церковнымъ дѣламъ Востока не предпринимать ничего мимо греческой іерархіи, чтобы своимъ самостоятельнымъ и независимымъ дѣйствіемъ не подавать повода къ мысли, будто мы не признаемъ власти святѣйшихъ патріарховъ и хотимъ создать свое самостоятельное владычество на Востока. Напротивъ, своими дѣйствіями мы должны доказывать, что вполне признаемъ и уважаемъ права греческой іерархіи, и свое съ нею чистосердечное братство исповѣдывать предъ всѣмъ свѣтомъ и еще тѣснѣе утверждать сей союзъ возобновленіемъ частыхъ и дружескихъ съ нею сношеній. 3) Всѣми силами противоудѣство-

вать тѣмъ мѣрамъ, которыя ведутъ къ ослабленію греческой церкви (каково назначеніе жалованья греческому духовенству), ни въ какомъ случаѣ не призывать вмѣшательства турецкихъ властей во взаимныя отношенія между православными племенами и пастырями ихъ, посредствомъ котораго турки все болѣе и болѣе поработщуютъ духовенство, уничтожая независимость, дарованную церкви Амуратомъ при завоеваніи Константинополя. Ни въ какомъ случаѣ не желать и не допускать независимыхъ и отдѣльныхъ отъ патріаршаго престола церквей въ европейской Турціи. Это повело бы сначала къ разъединенію, а отсюда легко и къ догматическому разрыву между православными церквями.

4) Когда такимъ образомъ мы будемъ и предъ друзьями и предъ врагами церкви необинуясь являть, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ господствуетъ мысль о всецѣлой преданности отечества нашего пользамъ вселенской, а слѣдовательно и греческой церкви,—тогда намъ возможно будетъ дѣятельно помочь славянамъ и арабамъ, не оскорбляя тѣмъ и греческую іерархію. Помогать же имъ мы должны: содѣйствіемъ образованію ихъ духовенства и назначенію у нихъ не только священниковъ (что, впрочемъ, у болгаръ всегда было и есть), но и епископовъ изъ ихъ же племени, и заботою объ умноженіи церквей, о матеріальномъ ихъ устройствѣ, о распространеніи числа народныхъ школъ и о приѣмѣ юношей ихъ въ наши духовныя и гражданскія заведенія, что по милости Государя Императора исполнено, и нужно только поддерживать сію высокую и многоплодную мысль Его Величества⁴⁾).

Эти мысли получили монаршую санкцію, какъ это можно видѣть изъ аудіенціи, данной почившимъ въ Божѣ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ архимандриту Петру (Троицкому) 8 іюня, 1858 года, при назначеніи его настоятелемъ русской посольской церкви въ

⁴⁾ Записка эта—въ бумагахъ и. Григорія, № 79.

Константинополь. Главныя мысли Его Величества, какъ передаетъ ихъ архимандритъ Петръ, были слѣдующія:

А) „Ваше положеніе, — началъ Государь, — *весьма трудное и щекотливое*. Надобно 1) почтительно обходиться съ грѣками и покровительствовать славявъ; 2) обстоятельства восточной церкви тяжелы и сомнительны: обижаютъ турки, раздражены до крайности болгары, подкапывается пропаганда, возмущая однихъ противъ другихъ. Турки двумя послѣдними событіямъ очень радуются. Намекъ былъ 3) и въ другія трудности, коихъ смолчанная мысль — Россія не имѣетъ уже того вліянія, какое имѣла до непріятной для насъ катастрофы — войны восточной“.

В) „Греки слишкомъ своеобразно понимаютъ для церкви своей, и этимъ раздражаются христіане (раз. православные) негреческаго происхожденія: 1) греки себя только считаютъ достойными должностей, почестей, а забываютъ другихъ; 2) стѣбуютъ образованіе лицъ негреческаго происхожденія; 3) много ищутъ своихъ пользъ и часто несправедливо и корыстолюбиво; 4) заняты своей національностью и оттого не понимаютъ своихъ общихъ истинныхъ пользъ и блага и спокойствія церкви. *Мнѣ нужно единство церкви* (эти слова три раза повторены въ продолженіе рѣчи). *Все это надобно, батюшка, вамъ внушать имъ и дѣйствовать съ осмотрительностію и благоразуміемъ*. Эта мысль раскрыта очень серьезно и съ большими для меня полномочіями“, — писалъ архимандритъ Петръ.

В) „Если греки не захотятъ понимать насъ во всемъ этомъ, то скажите имъ, что, какъ намъ извѣстно, пропаганда приготовила уже всѣ средства къ ослабленію и помраченію церкви греческой. Намъ непріятно будетъ видѣть торжество пропаганды. *Надѣюсь, Богъ не допуститъ до этого*“¹⁾.

¹⁾ Въ бумагахъ архим. Петра; отпечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за февраль, 1886 года.

Главные мысли записки и Государя сходны между собою. Въ частвѣйшемъ своемъ развитіи и примѣненіи къ болгарскому вопросу, онѣ выразились въ инструкціи архимандриту Петру, который долженъ былъ представить константинопольскому патріарху и синоду его, что 1) „должно предоставить свободу народу болгарскому читать св. писаніе и слушать божественную службу на его родномъ языкѣ, 2) что священники должны быть изъ среды самого народа; 3) достойнѣйшіе изъ болгаръ должны быть возводимы и въ санъ святительскій, и что 4) денежные сборы съ частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ должны быть по возможности облегчены и отнюдь не вымогаемы“¹⁾.

V.

Представителями и агентами русскаго правительства въ Оттоманской имперіи были русское посольство или миссія въ Константинополь и консульства и вицеконсульства въ Адрианополь, Солуни, Виддинъ, Филиппополь и другихъ мѣстахъ. Они сообщали русскому правительству о современномъ положеніи дѣлъ въ Турціи, особенно же о состояніи мѣстной православной церкви, и, согласно даннымъ имъ инструкціямъ и особымъ распоряженіямъ и предписаніямъ, старались дать этимъ дѣламъ такое или иное направленіе.

Прежде всего, русскіе консулы съ радостію замѣчали повсемѣстное сочувствіе къ Россіи, не смотря на неудачный исходъ севастопольской войны, не только православнаго, единовѣрнаго намъ населенія Турціи, но и самихъ турокъ. Такъ напр., адрианопольскій консулъ Ступинъ доносилъ директору азіатскаго департамента нашего министерства иностранныхъ дѣлъ Е. П. Ковалевскому, что турки очень выгодно для насъ смотрятъ на севастопольскую войну,

¹⁾ Письмо архим. Петра къ Оберъ-Прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, писанное 8 ноября 1858 года, въ черновикъ бумагахъ архим. Петра, л. 1 на обор.

полагая, что русскіе предприняли ее для того, чтобы освободить султана отъ притѣснительной дружбы англичанъ. Греки и болгары убѣдились, что нашъ Государь заботится объ ихъ только благѣ и вовсе не думаетъ о прибавкѣ своихъ земель. Турція находится въ состояніи расслабленія; султанъ безсиленъ, а его министры и начальства неблагонадежны ¹⁾. Виддинскій консулъ Соколовъ, донося о поднятїи русскаго флага въ Виддинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ и о тѣхъ надеждахъ, какія возлагали мѣстные болгары на единовѣрную имъ Россію. Дружественные совѣты русскихъ консуловъ принимались болгарами отъ всей души ²⁾. Даже изъ Трапезунда, гдѣ не было славянскаго населенія, шли отъ тамошняго консула хорошія вѣсти о томъ, что народъ не боится уже прибѣгать къ намъ на судъ и расправу ³⁾.

Но, присматриваясь къ внутреннимъ, взаимнымъ отношеніямъ православнаго населенія Турціи, представителя и агенты русскаго правительства вездѣ видѣли глубокую вражду и упорную, ожесточенную борьбу между греками и болгарами, возбуждаемую еще болѣе неосуществившимися обѣщаніями гатти-гумаюна 6 февраля 1856 года. Спорными пунктами были совершеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ, учрежденіе болгарскихъ школъ и образованіе болгарской іерархіи.

Что касается предоставленія болгарамъ свободы читать св. писаніе и слушать божественную службу на ихъ родномъ языкѣ, то относительно этого пункта архимандритъ Петръ писалъ 8 ноября 1858 года г. Оберъ-Прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, что будто бы „вся Болгарія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ епархій въ Македоніи, читаетъ и слушаетъ слово Божіе, и не украдкой, на церковно-славянскомъ, родственномъ ей языкѣ, такъ что выписы-

¹⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра, стр. 9, № 8.

²⁾ Тамъ же, стр. 14, № 44.

³⁾ Тамъ же, стр. 15, № 5.

ваемых болгарами изъ Россіи и другихъ мѣсть, равно какъ и жертвуемыхъ имъ русскими церковныхъ книгъ крайне недостаточно для потребностей цѣлой страны... Почему въ епархіяхъ македонскихъ не отправляется богослуженіе на славянскомъ языкѣ, на это я ни отъ кого не могъ узнать положительныхъ доказательствъ. Нѣкоторые болгары говорятъ, что это запрещается высшимъ греческимъ духовенствомъ; но члены Св. Синода увѣрили меня, что никогда подобнаго запрещенія ни отъ кого не было. По моему соображенію, это зависитъ отъ того, что въ такомъ удаленномъ углу Болгаріи трудно достать славянскихъ книгъ, и едва ли онѣ когда-нибудь туда русскими были посылаемы“. Но въ томъ же самомъ представленіи архимандритъ Петръ писалъ, что „въ нѣкоторыхъ городахъ греки, по тщеславнымъ побужденіямъ клира и народа, не дозволяютъ болгарамъ отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Болгарамъ горожанамъ, хотя они всѣ знаютъ греческій языкъ болѣе или менѣе, это больно: они вопіютъ, и ихъ только слушаютъ“¹⁾. Въ другомъ донесеніи своемъ тому же Оберъ-Прокурору Св. Синода архимандритъ Петръ передавалъ секретное сообщеніе ему архимандрита Анеима, впоследствии епарха Болгаріи, „что если иногда греческіе владыки и не позволяютъ болгарамъ отправлять богослуженіе по-славянски, то это—въ городахъ, гдѣ больше или, по крайней мѣрѣ, не меньше въ приходѣ и грековъ. Притомъ, такого рода непріятности бывають большею частію не со стороны владыкъ, но со стороны народа, гдѣ, слѣдовательно, владыки являются страдательными орудіями воли народной. Если же они идутъ противъ воли народа, то получаютъ злыя и строгія обличенія за пристрастіе къ меньшей и слабѣйшей части пасомыхъ и за отчужденіе отъ собственной національности. Подобныя обличенія пастырей я читалъ въ газетахъ греческихъ; они обыкновенно

¹⁾ Въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1 и 2.
Труды Кіев. дух. Акад. Т. II, 1886 г.

желчны⁴⁾). Во всякомъ случаѣ, и самъ архимандритъ Петръ, почти во всѣхъ случаяхъ своей служебной дѣятельности склонявшійся на сторону греческой іерархіи, не отрицаетъ того, что славянское богослуженіе дѣйствительно стѣсняемо было греками въ главныхъ центрахъ народной жизни, т. е. въ городахъ.

Ярче всего обнаружилась борьба между греками и болгарами изъ-за употребленія славянскаго языка при богослуженіи въ Адрианополѣ, гдѣ имѣлъ резиденцію одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и горячихъ защитниковъ болгарской народности, русскій адрианопольскій консулъ г. Ступинъ. Раньше его, приблизительно до начала 1857 года, былъ здѣсь русскимъ консуломъ грекъ Пизани⁵⁾, который вызвалъ своими дѣйствіями нѣсколько жалобъ со стороны болгаръ⁶⁾. Новому консулу дана была посланникомъ Бутеневымъ инструкція, въ которой предписывалось ему, кромѣ наблюденія за употребленіемъ всего, присылаемаго изъ Россіи для Болгаріи, стараться смягчать стремленія грековъ и болгаръ къ борьбѣ и склонять въ взаимному сближенію, воздерживаясь отъ всякихъ пристрастныхъ мѣръ и внушеній, которыя могли бы возбудить въ той или другой сторонѣ излишнія притязанія или неосновательныя опасенія⁴⁾. Но обстоятельства заставили Ступина выйти изъ границъ этой инструкціи. Въ 1857 году іерусалимскій патриархъ разрѣшилъ подвѣдомственной ему церкви іерусалимскаго подворья въ Адрианополѣ смѣшанное богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ⁶⁾, но, кажется, на одинъ

¹⁾ Донесеніе, писанное въ іюнь, 1859 г., тамъ же, л. 10.

²⁾ Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра, л. 4 на об.

³⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 12 № 38; стр. 13, № 6, и стр. 6, № 4.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 8, № 5.

⁵⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра, стр. 10, № 17; См. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г.

только разъ, въ праздникъ овцеводовъ¹⁾. Съ своей стороны, адрианопольскій митрополитъ Кириллъ, хотя и грекъ родомъ, по стараніямъ русскаго консула, словесно разрѣшилъ мѣстнымъ болгарамъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ въ ихъ собственной церкви²⁾. Дѣйствія митрополита Кирилла, по отзыву консула, заслуживали поощренія и награды³⁾. Въ мартѣ 1857 года г. Ступинъ доносилъ Е. П. Ковалевскому, что народъ болгарскій очень полюбилъ служеніе на славянскомъ языкѣ и что все обстоитъ благополучно⁴⁾. На другомъ подобномъ донесеніи Ступина о большемъ и большемъ распространеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ Государь Императоръ собственноручно начерталъ слѣдующія слова: „Очень радъ этому“⁵⁾. Но вскорѣ мѣстные греки рѣшились искоренить это вредное, по ихъ мнѣнію, нововведеніе. Съ этою цѣлію они стали собираться въ церковь съ криками, угрозами и неприличными тѣлодвиженіями старались помѣшать произнесенію молитвъ на ненавистномъ имъ славянскомъ языкѣ. Дѣло дошло даже до драки. Обѣ стороны обратились съ жалобами къ патріарху, при чемъ греки просили, чтобы славянское богослуженіе было вовсе запрещено, а болгары—чтобъ оно было разрѣшено по возможности въ большемъ числѣ церквей⁶⁾. Вслѣдствіе этого патріархъ сдѣлалъ выговоръ адрианопольскому митрополиту за нововведеніе славянскаго языка въ богослуженіи⁷⁾, а прошеніе болгаръ возвратилъ имъ съ грознымъ внушеніемъ, что греческая церковь, а слѣдовательно и греческій языкъ суть „господствующіе“, что славословить Бога по-болгарски

¹⁾ См. ту же опись, стр. 9, № 13.

²⁾ Тамъ же стр. 10, № 17. См. „Русскій Вѣстникъ“, 1861 г. январь, стр. 831.

³⁾ Тамъ же, стр. 12, № 37.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 10, № 19.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 11, № 28.

⁶⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ по незаданнымъ источникамъ“ В. А. Тенлова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май 1882 г., стр. 411.

⁷⁾ Опись дѣлъ Константиноп. миссіи, 1858 г., стр. 9, № 8, въ бумагахъ архим. Петра.

есть грѣхъ, что никто не смѣетъ переходить предѣла, положеннаго св. отцами, и что все вышесказанное есть рѣшеніе синода, разсматривавшаго просьбу¹⁾. По этому случаю адрианопольскій митрополитъ очень жаловался на упорство патріарха по отношенію къ болгарамъ, но причину этого упорства усматривалъ въ интригахъ запада²⁾. Въроятно, послѣ этого отказа патріарха, нѣкоторые изъ адрианопольскихъ болгаръ изготовили просьбу объ устройствѣ особой славянской іерархіи; но Ступинъ успѣлъ воспрепятствовать подписанію и подачѣ этой просьбы³⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ старался объяснить ее интригами нѣкоторыхъ только болгаръ. Греки и болгары, — писалъ онъ въ одномъ донесеніи своемъ, — живутъ хорошо и сроднены вѣками, а жалуются тѣ и другіе на высшее духовенство, которое Ступинъ обрисовывалъ такъ: „нѣтъ преступленія, предъ исполненіемъ коего задумались бы они для своихъ черныхъ цѣлей; они распространяютъ вокругъ себя холодъ и тьму; отъ нихъ вѣетъ развратомъ и предательствомъ“⁴⁾. Въ другомъ донесеніи своемъ онъ доказывалъ, что болгары домогаются не раздѣленія церкви, а того, чтобы давали имъ епископовъ, хорошо знающихъ болгарскій языкъ, и чтобы литургіи и требы совершались на болгарскомъ языкѣ. По поводу этого донесенія, Государь Императоръ приказывалъ посланнику Бутеневу заняться тамошними дѣлами⁵⁾. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого передано было Бутеневу другое донесеніе Ступина Ковалевскому, въ которомъ онъ ходатайствовалъ за болгаръ въ справедливомъ ихъ требованіи у султана о на-

¹⁾ „Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ“, Муромцовой, въ „Русск. Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 331.

²⁾ Опись дѣлъ Константиноп. миссіи, 1858 г., стр. 9, № 12, въ бумагахъ архива Петра. Считаемо нужнымъ оговориться, что, вслѣдствіе отсутствія хронологическихъ датъ въ описи, трудно возстановить хронологическій порядокъ событій.

³⁾ Тамъ же, стр. 9, № 10. См. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г., стр. 409.

⁴⁾ См. ту же опись, стр. 12, № 42.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 9, № 8.

значеніи изъ родной среды пастырей, о свободѣ слышать слово Божіе и службу на природномъ языкѣ и объ утвержденіи за ними права на народное образованіе, при чемъ бросалъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія и на самаго Бутенева въ препятствіи ему Ступину¹⁾. Бутеневъ на это письмо отвѣчалъ Ив. Матв. Толстому, съ приложеніемъ копія инструкціи Ступину, что просьба болгаръ есть дѣло нѣкоторыхъ людей неавторитетныхъ, заподозриваетъ Александра Екзархова и особенно Ковачевича, который будто бы думалъ быть представителемъ всѣхъ болгарскихъ епископовъ, и увѣрялъ, что болгары просятъ только епископовъ и священниковъ въ тѣ приходы, въ коихъ нѣтъ таковыхъ; а чтобы слушать въ церкви слово Божіе на родномъ языкѣ, для этого нужно озаботиться объ исходатайствованіи имъ права на народное образованіе²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бутеневъ дѣлалъ нѣсколько представленій патриарху константинопольскому о постепенномъ введеніи славянскаго языка въ богослуженіе³⁾. Но результатъ этихъ представленій для насъ неизвѣстенъ. Знаемъ только, что въ 1858 году снова возгорѣлась въ Адрианополѣ борьба между греками и болгарами изъ-за церковнаго употребленія славянскаго языка, къ чему подали поводъ сами греки. По поводу донесеній о семъ Ступина Государь Императоръ въ двухъ мѣстахъ сдѣлалъ собственноручныя замѣтки, въ которыхъ крайне жалѣетъ о такой неурядицѣ и весьма желаетъ, чтобы Бутеневъ урезонилъ патриарха сдѣлать болгарамъ законныя уступки, предсказывая, въ противномъ случаѣ, самыя жалкія послѣдствія⁴⁾. И вѣроятно, усиліямъ русской дипломатіи нужно приписать то обстоятельство, что патриархъ разрѣшилъ адрианопольскимъ болгарамъ употреблять при богослуженіи славянскій языкъ, отъ чего болгары пришли въ неописанный

¹⁾ Тамъ же, стр. 8, № 4.

²⁾ Тамъ же, стр. 8, № 5.

³⁾ Тамъ же, стр. 8, № 6; стр. 9, № 12, и др.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 12, № 39.

восторгъ¹⁾. Въ томъ же 1858 году исходатайствовано было и слѣдующее общее распоряженіе Порты относительно даннаго предмета: „если въ приходѣ церкви 40 домовъ, и изъ нихъ 25 болгарскихъ, а 15 греческихъ, то отправлять богослуженіе по-славянски; если же наоборотъ, то по-гречески. Такую же пропорцію приказано наблюдать и въ большихъ количествахъ семействъ, принадлежащихъ къ приходу церкви. Правда, — писалъ архимандритъ Петръ, — что этотъ приказъ отданъ словесно, но онъ объявленъ со всею силою всѣмъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ“²⁾. Но словесный приказъ, ненамѣренно или намѣренно, легко могъ забыться и дѣйствительно забывался греческими іерархами. Въ 1859 году болгары полянской епархіи жаловались на своего владыку Мелетія, что онъ преслѣдуетъ родной языкъ ихъ и притѣсняетъ ихъ самихъ³⁾.

Вмѣстѣ съ ходатайствомъ о введеніи славянскаго языка въ богослуженіе, представители и агенты русскаго правительства въ Турціи заботились также о приготовленіи и распространеніи между православными турецкими славянами церковно-богослужебныхъ книгъ русской печати, но съ выпускомъ изъ нихъ россійской царской фамилии и намековъ на агарянское царство⁴⁾.

Другимъ спорнымъ пунктомъ между греками и болгарами было заведеніе болгарскихъ народныхъ школъ и училищъ. Мы видѣли выше, что съ 1835 до 1858 года во всей Болгаріи возникло до 80 народныхъ школъ, но что эти школы большею частію были плохо организованы и соотвѣтствовали только низшимъ школамъ грамотности. Особенно чувствителенъ былъ недостатокъ средняго учеб-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11, № 35. См. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г., стр. 110.

²⁾ Представленіе архим. Петра, въ черновикъ его бумагахъ, отъ 8 ноября, 1858 г., оберъ-прокурору Св. Синода. л. 1 на обор.

³⁾ Въ бумагахъ архим. Петра.

⁴⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 9, № 15; стр. 10, №№ 18 и 20; стр. 11, №№ 30 и 32.

наго заведенія для приготовленія кандидатовъ во священство и недостатокъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Все это хорошо понимали и лучшіе представители болгарскаго народа, и русскіе дѣятели, имѣвшіе такое или иное отношеніе къ Болгаріи. Такъ напр., извѣстный болгарскій ученый Палаузовъ предлагалъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, чтобы оно открыло всѣ пути и предоставило способы къ образованію болгарскаго духовенства, объявляя, что болгары, принимая на себя половину расходовъ, могутъ доставить учениковъ изъ монастырей рыльскаго, изъ четырехъ монастырей тырновской епархіи, 14 монастырей софійской епархіи и изъ одного филиппопольской епархіи. Въ этомъ дѣлѣ должны принимать участіе и консулы и особенно Одесское Попечительное Общество¹⁾. Это предложеніе совпало съ видами русскаго правительства, которое съ своей стороны заботилось какъ о приѣмѣ болгарскихъ юношей въ наши духовныя и гражданскія заведенія, такъ и о распространеніи числа болгарскихъ народныхъ школъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что такова была воля Государя Императора. Кромѣ того, изъ инструкціи адрианопольскому консулу Ступину видно, что онъ обязанъ былъ справляться о мѣстахъ въ русскіхъ учебныхъ заведеніяхъ для болгаръ, выбирать и посылать туда лучшихъ воспитанниковъ и выдавать бѣднѣйшимъ изъ нихъ пособія на проѣздъ. Независимо отъ того, Ступину выдавалось изъ русской Константинопольской миссіи по 500 піастровъ въ мѣсяць, для раздачи бѣднымъ болгаринамъ, чтобы они учились²⁾.

Но „образуемое въ Россіи число воспитанниковъ болгарскихъ,—писалъ архимандритъ Петръ,—слишкомъ ограничено, и притомъ они, по безразсуднымъ и подозрительнымъ понятіямъ старѣйшинъ народныхъ, не могутъ пользо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 14, № 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 8, № 5.

ваться плодами своего образованія⁴. Съ другой стороны, папскій префектъ въ Константинополѣ лазаристъ Боре открылъ въ Бебекѣ, предмѣстѣи Константинополя, католическое училище для болгаръ, которое, по словамъ архимандрита Петра, „манить къ себѣ болгаръ и по своимъ льщеніямъ, и по полнотѣ свѣтскаго образованія, и по безмездному, для многихъ, содержанію въ немъ“⁵). Поэтому, настояла необходимость образовывать въ самой Болгаріи центры народнаго просвѣщенія, которые бы могли качественно возвышать это просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить противоядіемъ католической пропаганды. Одинъ изъ этихъ центровъ самою природою вещей указывался въ Константинополѣ, какъ столицѣ имперіи и средоточіи болгарской интеллигенціи и плутократіи. „Что творять и глаголють константинопольскіе болгары“? писалъ высокопреосвященный херсонскій Димитрій въ архимандриту Петру 7 марта, 1859 года. „Здѣсь, по возможности, я удерживаю рьяность злѣйшихъ анти-еллиновъ. Хорошо было бы, если бѣ болгаре составили въ Константинополѣ общество, которое, оставивъ споры съ греками въ сторонѣ, предположило бы себѣ главною и единственною цѣлію религіозно-умственное и нравственное воспитаніе болгарскаго народа. Это лучше и прамѣе привело бы ихъ къ желаемой ими независимости, которая и незаконна, и неполезна, и по крайней мѣрѣ слишкомъ преждевременна, а къ нравственной самостоятельности народа, которая возможна и подѣ управленіемъ патріарха“⁶). Въ самомъ началѣ 1858 г. представители болгарскаго народа въ Константинополѣ, дѣйствительно, высказывали преосвященному Кириллу мелитопольскому желаніе имѣть семинаріи для духовенства, но почти не имѣли подготов-

⁴) Представленіе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, въ іюнь, 1859 г. въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 12 на обор.

⁵) Письмо это—въ бумагахъ архим. Петра.

ленныхъ начальниковъ и наставниковъ для подобныхъ заведеній '). На Константинополь указывалъ и посланникъ Бутеневъ, какъ на предполагаемый центръ народнаго болгарскаго образованія, и проектировалъ, въ противодѣйствіе пропагандѣ, завести въ Фанарѣ болгарское училище, сначала на 5—10 мальчиковъ и съ элементарнымъ курсомъ образованія; но впоследствии оно будетъ разрастаться и развиваться. Цѣль училища—пріохотить молодыхъ болгаръ къ Россіи и привлечь довѣріе старѣйшинъ болгаръ. Г. Бутеневъ указывалъ и средства на содержаніе этого училища, которыя частію имѣлись у посланника, частію обѣщаны были княземъ Вогоридесомъ, и имѣлъ для него въ виду учителя Изворскаго. Но министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ отклонилъ этотъ проектъ Бутенева, подѣтѣмъ предлогомъ, что Изворскій—человѣкъ ограниченный, и что училище это можетъ оказаться подѣ чужимъ вліяніемъ—константинопольскимъ '). Тогда князь С. Вогоридесъ самъ устроилъ училище при болгарской константинопольской церкви, и первымъ ректоромъ его былъ воспитанникъ Московской духовной Академіи архимандритъ Пареній; но онъ разстроилъ это училище и озлобилъ болгаръ, такъ что они сами убѣдительноше просили архимандрита Петра избавить ихъ училище отъ такого педагога '). Тѣмъ не менѣе мысль объ учрежденіи центровъ болгарскаго народнаго просвѣщенія не была еще оставлена и разрабатывалась какъ посланникомъ Бутеневымъ, такъ и архимандритомъ Петромъ. Въ концѣ 1857 года Бутеневъ вручилъ константинопольскому патріарху записку, въ которой, указывая средства къ возстановленію мира между греческимъ

1) Записка преосвящ. Кирилла, писанная въ мартѣ 1858 г.,—въ бумагахъ м. Григорія, № 79.

2) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 10, № 21.

3) Тамъ же, стр. 13, № 3; см. донесенія архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому 8 ноября 1858 г., и послѣ 12 сентября, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 2 на об. и 23--24,

духовенствомъ и болгарскою паствою, рекомендовалъ ему учрежденіе въ самой Болгаріи одного или двухъ высшихъ болгарскихъ училищъ, съ субсидіей русскаго правительства¹⁾. Но патріархъ отвѣтилъ, что у него не достаетъ средствъ къ приведенію народныхъ училищъ въ цвѣтущее состояніе²⁾. Наконецъ архимандритъ Петръ въ іюнь 1859 года проектировалъ преобразовать болгарское константинопольское училище или учредить новое такимъ образомъ, чтобы въ немъ, подъ надзоромъ нашего посольства, преподавался полный курсъ наукъ. „По неурядицъ представителей народныхъ, — писалъ онъ, — по непониманію ими важности слѣдствій, отсюда проистекающихъ, и по недостаточному довѣрію народа къ своимъ представителямъ свѣтскимъ (которые за все берутся, но очень мало дѣлаютъ и не чужды видовъ корыстныхъ), такое заведеніе своевременно и прочно организоваться не можетъ. О если бы Господь положилъ на сердце и открылъ средства нашему правительству устроить и хотя нѣсколько лѣтъ поддержать столь благое и общепользное заведеніе“³⁾! Проектъ этотъ тоже остался безъ исполненія.

Трудно сказать, кто виноватъ въ томъ, что не осуществились всѣ эти проекты относительно учрежденія среднихъ учебныхъ заведеній въ Болгаріи; но во всякомъ случаѣ не безъ вины тутъ и греческое населеніе и въ частности высшее греческое духовенство, не сочувствовавшее учрежденію и развитію болгарскихъ народныхъ школъ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греки дѣйствительно не дозволяли болгарамъ строить училища: въ Филиппополь — архіерей и чорбаджи или старѣйшины; въ Кукушѣ, уездномъ городѣ солунской митрополи, — архіе-

¹⁾ Опись дѣлъ Константиноп. миссіи, 1858 г., стр. 9, № 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 15, № 6.

³⁾ Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, въ іюнь, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 12 на об. и 13.

рей; въ Адрианополь—греческій консулъ ¹⁾). Впослѣдствіи мы увидимъ даже указаніе на то, что самъ патріархъ константинопольскій въ самомъ концѣ 1857 или въ началѣ 1858 года издалъ будто бы какой-то циркуляръ о закрытіи въ Болгаріи народныхъ училищъ ²⁾).

Стысеніи болгаръ въ богослужебномъ употребленіи славянскаго языка и народномъ образованіи, дѣлаемыя греками и высшимъ греческимъ духовенствомъ, естественно раздражали болгаръ противъ греческой іерархіи, которая при томъ же далеко не отличалась подобающимъ ей духовнымъ просвѣщеніемъ и нравственными качествами и давала болгарамъ новые поводы къ неудовольствію на себя. Поэтому, рядомъ съ вопросами объ употребленіи славянскаго языка въ богослуженіи и народныхъ болгарскихъ училищахъ само собою возникалъ вопросъ іерархическій, т. е. вопросъ объ освобожденіи болгаръ отъ греческихъ іерарховъ и образованіи своей болгарской іерархіи.

Неудовольство болгаръ своими греческими епископами обнаружилось почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, населенныхъ болгарами, какъ-то: въ Адрианополь, Филиппополь, Солуни, Тырновъ, Виддинъ, Силистрія, Шумлъ, Самоковъ, Кюстендилъ и др. ³⁾). Укажемъ нѣкоторые извѣстные намъ случаи столкновенія и вражды болгаръ со своими греческими іерархами. Виддинскій консулъ Соколовъ, донося посланнику Бутеневу о жалкомъ положеніи церквей и грамотности народа, все это приписывалъ мѣстному митрополиту, человѣку совершенно необразованному, на сторонѣ котораго, однакоже, стояли народные старѣйшины, и сообщалъ, что здѣшніе жители жалуются на высшее греческое духовенство, ни въ чемъ не сочувствующее народу ⁴⁾). Филиппо-

¹⁾ Черновыя бумаги архим. Петра. л. 33 на об.

²⁾ Тамъ же, и л. 1.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 14, № 44, въ бумагахъ архим. Петра.

польскіе болгары провктировали—было преобразование за-
сѣдаващаго въ архіерейскомъ домѣ совѣта, который, завѣ-
дывая церковными и училищными дѣлами г. Филиппополя,
рѣшалъ иногда дѣла между семейными и заботился о пра-
вильной раскладкѣ податей, на что сначала соглашался и
филиппопольскій митрополитъ Хрисанеъ. Но затѣмъ онъ
взялъ назадъ свое согласіе и даже обвинилъ филиппополь-
скихъ болгаръ, и особенно Герова, въ духъ непокорства и
сопротивленія турецкимъ властямъ и узаконенному по-
рядку¹⁾, поводомъ къ чему, вѣроятно, послужило какое-то
возстаніе и появленіе шайки въ 100 человекъ²⁾. Подъ впе-
чатлѣніемъ этихъ непріятностей, Геровъ, прежде льстившій
Россіи и заискивавшій у нея, теперь нѣсколько разъ обра-
щается въ разныя инстанціи и въ русское министерство
иностранныхъ дѣлъ съ рѣзкими, желчными жалобами, въ
которыхъ объясняетъ возстаніе страшными притѣсненіями
болгаръ со стороны турокъ, клеймитъ филиппопольскаго
митрополита, жалуется на слабость дѣйствій русской кон-
стантинопольской миссіи и грозитъ ей дурными послѣд-
ствіями: для нея со стороны болгаръ³⁾. Въ заключеніе, фи-
липпопольскіе болгары опровергли обвиненіе митрополита
Хрисанеа и добились того, что въ началѣ 1858 года онъ
перемѣщенъ былъ на смирскую кафедру⁴⁾.—Въ Тырновѣ
митрополитъ Неофитъ почему-то счелъ нужнымъ вмѣ-
шаться въ споры мѣстныхъ жителей изъ-за откупа налога
на барановъ, принявъ одну сторону противъ другой, и,
если вѣрить Герову, употребилъ слѣдующій маневръ про-
тивъ своихъ противниковъ. „Въ августѣ 1856 году Костакъ
Мегаули, повѣренный тырновскаго архіерея, какъ гово-

¹⁾ Тамъ же, стр. 10, № 17, и друг. См. „Греко-болгарская распри“ О. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 495—497.

²⁾ См. ту же опись, стр. 12, № 42.

³⁾ Тамъ же, стр. 10, №№ 25 и 26, и стр. 12, № 42.

⁴⁾ „Греко-болгарская распри“ О. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣст-
никѣ“ за февраль, 1886 г., стр. 497—502.

рять, побудилъ деда Николу изъ одного силистрийскаго селенія Сребрика сдѣлать возстаніе, чтобы послѣ выставить болгаръ возмутителями. Онъ собралъ нѣсколько человекъ, которые удалились въ горы и объявили, что не намѣрены проливать крови, но требуютъ исполненія обѣщаній гатти-гумаюна. Мѣстное начальство габровское пригласило ихъ переговорить съ ними. Они подошли къ городскому мосту, но въ городъ не вошли изъ опасенія измѣны. По нимъ начали стрѣлять сердари, убили ихъ предводителя и нѣсколькихъ человекъ,—и шайка разсѣялась⁴. Тотъ же митрополитъ Неофитъ, по словамъ Герова, при содѣйствіи губернатора, „дѣлаетъ все, чтобы одержать верхъ надъ христіанами: сажаетъ въ тюрьму знатнѣйшихъ изъ гражданъ, чтобы тѣмъ напугать толпу и заставить ее дѣйствовать въ его пользу; заставляеть въ мекхеме, послѣ присяги надъ крестомъ и евангеліемъ, подписываться на бумагахъ, не зная ея содержанія; раздаеть въ городъ деньги, чтобы купить подписи въ свою пользу“¹⁾. Наконецъ, тырновскіе болгары добились того, что въ началѣ марта 1857 года митрополитъ Неофитъ переведенъ былъ константинопольскимъ Синодомъ съ тырновской митрополіи на солунскую²⁾. Здѣсь, на новой митрополіи, Неофитъ произвелъ новыя смуты, назначивъ кукушанамъ въ епископы на подчиненную ему полианскую епархію своего діакона Мелетія и отклонивъ кандидатуру на это епископство болгарина Пареевнѣ³⁾. Объ этомъ - то Мелетія мы имѣемъ отзывъ въ одной запискѣ безъ указанія времени, относящейся, по всей вѣроятности, къ первой

¹⁾ Тамъ же, письмо Н. Герова къ А. П. Ковалевскому 7 марта 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра.

²⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 9, № 16. Сн. „Первый болгарскій эзархъ блаженный Антимъ“ Муромцовой въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 332, и „Греко-болгарская распра“ Э. Стоянова-Бурмова, тамъ же, февраль, 1886 г., стр. 497—502.

³⁾ „Первый болгарскій эзархъ блаженный Антимъ“ Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь 1881 г., стр. 334—338. Сн. черновыя бумаги архим. Петра, л. 23, 24, 29 и 30.

половинѣ 1859 года, изъ которой видно, что Мелетій по умственному и нравственному состоянію своему не могъ ни назидать, ни утѣшать. „Я, говорилъ онъ самъ,—курю наргалье, иногда читаю, занимаюсь хозяйствомъ, т. е. смотрю за кухней, ковшней и т. п., разъ въ недѣлю, иногда и рѣже, выслушиваю просителей“ и т. д. Но тѣмъ не менѣе онъ ревниво охранялъ и поддерживалъ притязанія эллинизма. Результатами такого епархіальнаго управленія были: а) „страданія и жалобы народа. Болгары со слезами на глазахъ говорятъ: чѣмъ мы заслужили архіереевъ, которые преслѣдуютъ родной языкъ нашъ и притѣсняють насъ самихъ? б) вражда между греками и болгарами и злоба послѣднихъ противъ первыхъ, которая на высшей степени обнаруживается изгнаніемъ болгарами архіереевъ изъ городовъ, какъ это сдѣлали кукушскіе болгары 8 лѣтъ тому назадъ¹⁾, и тѣмъ, что имя грека сдѣлалось между болгарами ругательнымъ... Многіе изъ македонскихъ болгаръ хотятъ просить покровительства у Англіи и перейти въ протестантскую вѣру, и это, говоритъ другіе, сбудется, если голосъ скорби не откликнется въ Россіи. Отъ русскаго консула (въ Солуни) мы ничего добраго не видѣли и не видимъ, а англійскій нѣсколько разъ выручалъ насъ изъ бѣды. Въ Солуни и Кассандрѣ и доселѣ дѣйствуетъ католическая пропаганда. Нѣкоторыя деревни болгарскія и греческія потурчены“²⁾.

Прогоняя греческихъ епископовъ изъ болгарскихъ епархій, или добываясь ихъ перемѣщенія на другія епархіи,

¹⁾ Доселѣ въ нашей литературѣ извѣстенъ только одинъ случай изгнанія кукушанами епископа и принатія уни, имѣвшій мѣсто во второй половинѣ 1859 года. Но архим. Петръ въ донесеніи оберъ-прокурору Св. Синода послѣ 12 сентября 1859 г. пишетъ, „что они это дѣлають уже въ другой разъ: о первомъ не могъ узнать достоверно, въ какомъ десятилѣтіи настоящаго вѣка, только говорятъ, какъ о недавнемъ“. См. черновія бумаги архим. Петра, л. 23. Вѣроятно, въ приводимой въ текстъ запискѣ и упоминается первый случай, который, поэтому нужно относить приблизительно къ 1850 году.

²⁾ Въ бумагахъ архим. Петра.

болгары обыкновенно хлопотали о назначеніи имъ епископовъ изъ своихъ соплеменниковъ; но ихъ хлопоты никогда почти не увѣнчивались успѣхами. По объясненію архимандрита Петра, греческая церковь не давала болгарамъ своихъ епископовъ по слѣдующимъ причинамъ: „а) болгары, въ неприятность греческому высшему клиру, слишкомъ замѣтно отособляютъ себя и расходятся въ стремленіи къ цѣлямъ, которыми бы благопоспѣшествовался общій интересъ единой церкви; б) не знакомятся съ неизбѣжными административными приемами страны и, по своему горячему характеру и неискреннему обращенію, возбуждаютъ сильныя подозрѣнія какъ со стороны турокъ, такъ и грековъ; в) церковь греческая боится (хотя это чувство нынѣ, сколько мнѣ извѣстно, слабѣетъ), по историческимъ воспоминаніямъ, давать Болгаріи единоплеменныхъ пастырей, потому что въ народѣ замѣчается тяготѣніе къ Западу; г) церковь греческая боится слишкомъ явно раздражать національное чувство своихъ, кои привыкли почитать занятіе іерархическихъ степеней какъ бы вѣковымъ своимъ правомъ, и д) не видитъ столько и такъ образованныхъ и достойныхъ лицъ, чтобъ могла придти, по неизбѣжной встрѣчѣ съ ними при опредѣленіи на высшія мѣста іерархіи, въ чувство упрека самой себѣ за неправильное ихъ устраненіе“¹⁾.

Видя безуспѣшность единичныхъ усилій отдѣльныхъ городовъ и общинъ болгарскихъ получить себѣ единоплеменныхъ архіереевъ, болгары наконецъ рѣшились общими силами требовать себѣ своей болгарской іерархіи и со своими требованіями обращались уже не къ патріарху, а къ султану, общавшему въ гатти-гумаюнѣ 6 февраля, 1856 года, доставить счастье всѣмъ безъ различія подданнымъ своимъ, — и центромъ дѣятельности болгарскихъ патріотовъ, домогавшихся самостоятельной болгарской іерархіи, становится

¹⁾ Представленіе архим. Петра с.-петербургскому митрополиту Григорію, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 16.

Константинополь. Здѣсь образовалась богатая болгарская община, состоящая изъ 60,000 человекъ, которая съ 1849 года имѣла свою болгарскую церковь и въ 1857 году основала первое болгарское литературное общество, подъ названіемъ *Българска Книжнина*, издававшее съ 1858 года *Български Книжници* и ставшее во главѣ всѣхъ болгарскихъ общинъ¹⁾. Къ ней присоединились и представители провинціальныхъ болгарскихъ общинъ, прибывшіе въ Константинополь для того, чтобы воспользоваться общавами гатти-гумаюна одинаковыхъ правъ для всѣхъ подданныхъ султана и, при обѣщанномъ преобразованіи государства, не остаться въ прежнемъ невыгодномъ подчиненномъ отношеніи къ греческому духовенству. По сообщенію Н. Герова отъ 7 марта 1857 г., къ этому времени пріѣхали въ Константинополь или назначены изъ проживающихъ въ Константинополѣ купцовъ представители Тырнова, Систова, Казанлыка, Есви-Загры, Рущука, Шумлы, Сливна, Филиппополя. Во главѣ ихъ стояли Топчялещевы и Гешевъ, представители филиппопольскихъ болгаръ²⁾. По другимъ свѣдѣніямъ, всѣхъ депутатовъ собралось въ Константинополь до 40 человекъ³⁾. Отъ нихъ подано султану отъ 30 до 60 бумагъ⁴⁾. „Общее содержаніе ихъ слѣдующее: болгары вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ не пользовались милостями, которыя оказывалъ имъ султанъ, боятся, чтобы въ будущемъ не было того же съ правами, обѣщанными гатти-гумаюномъ, и просятъ султана, чтобы онъ выразилъ, какъ ему будетъ угодно, что и болгарамъ предоставляется пользоваться этими правами, какъ особой народности. На вопросъ Порты, чѣмъ же они недовольны, болгары исчислили

¹⁾ „Греко-болгарская распра“ О. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 526.

²⁾ Письмо Н. Герова къ Е. П. Ковалевскому 7 марта 1857 года.

³⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 13—14, № 7.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 13, № 3.

жалобы свои на греческое духовенство¹⁾. Въ началѣ 1858 года представители болгарскаго народа въ Константинополѣ явились и къ преосвященному Кириллу мелитопольскому, назначенному настоятелемъ русской іерусалимской миссіи, и представляли ему о необходимости имѣть болгарамъ своихъ архіереевъ, но произвели на преосвященнаго Кирилла довольно неблагоприятное впечатлѣніе. „Началась бесѣда,— писалъ онъ,—обычными жалобами и просьбами о помощи. Дѣло дошло до вопроса: въ чемъ же собственно нуждаются и чего хотятъ болгаре?—Говорятъ, что нужно непременно своихъ архіереевъ. Много ли кандидатовъ? Два: Іоанникій и Иларіонъ. Что могутъ сдѣлать два архіерея въ отношеніи къ пяти миллионамъ народу, безъ помощи приходскаго духовенства, болѣе или мѣнѣе подготовленнаго къ своему дѣлу? Очевидно, ничего! Выходить, что нужно еще прежде имѣть училища? Отвѣчаютъ, что низшія училища есть и довольно успѣшно распространяють грамотность, такъ что почти весь народъ болгарскій—народъ грамотный; остается желать семинарій для духовенства. Совершенно справедливо; но есть ли подготовленные начальники и наставники? Увы! четыре человѣка, поучившіеся кое-чему, кто въ Россіи, кто въ Германіи, составляютъ слишкомъ скудный и недостаточный запасъ просвѣтителей духовенства. Сами сознаются, что не склеили бы у себя чего-нибудь дѣльнаго, а кричатъ на патріархію; сами видятъ, что еще довольно ясно понимаютъ, чего хотятъ, а уже спѣшаютъ просить денегъ у Россіи и, при случаѣ, готовы роптать на Россію точно такъ же, какъ ропщутъ на грековъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, нѣтъ у этихъ несчастныхъ средоточія заботъ о благѣ отечества. Что болгаринъ, то попечитель общественнаго блага; что лице, получившее нѣкоторую тѣнь образованія, то особая система общественнаго благоустройства, особая мѣра къ обезпеченію блага общества, а въ началѣ всего—своего

¹⁾ Письмо Н. Герова къ Ковалевскому 7 марта 1857 года. Труды Кіевской дух. Академіи. Т. II. 1886 г.

собственного существованія. Не мудрено, что при такомъ порядкѣ вещей являются архіереи-болгаре, которые не только скрываютъ, что они—болгаре, но и положительно забываютъ свой природный языкъ,—бываютъ вельможи, которые вспоминаютъ, что они—болгаре, только тогда, когда перессорятся съ греками и хотятъ отомстить имъ бурями въ стаканахъ воды. Насколько виноваты въ подобныхъ случаяхъ греки и насколько правы жалующіеся на грековъ, опредѣлить очень трудно¹⁾. Еще хуже аттестовалъ впоследствии болгарскихъ представителей архимандритъ Петръ. „Сказать по правдѣ,—кто хочетъ своей іерархіи? Архимандриты и монахи болгарскіе? Нѣтъ, не они главными того искателями. Этого домогаются болгарскія настоятельства Константинополя, Одессы и другихъ мѣстъ. Для чего? Отнюдь не для интересовъ церкви и не для развитія въ народѣ благочестія, а для объединенія народности и пріобрѣтенія для ней правъ гражданственныхъ: это мнѣ извѣстно за достовѣрное. Какъ же они хотятъ достигнуть этого? Они хотятъ всей тяжестью своей напастъ на архіереевъ, чтобы сіи послѣдніе, какими знаютъ судьбами, форсированно подняли въ народѣ и образованіе, и личность, и даже волеизвольность. Гдѣ деньги и средства къ тому матеріальныя? Прямѣ всего—отъ народа? Да, но настоятели этого не позволяютъ; они давно уже привыкли владѣть духомъ народа (и этого не выпускаютъ изъ своихъ рукъ) и сосать его для своего насыщенія, но, какъ говорятъ, для его здравія и благоденствія... Они-то и будутъ архіереямъ отпускать *малую толику* и для жалованья, и для потребностей народныхъ. Никогда не забуду сказаннаго ими въ собраніи: „мы ихъ (т. е. архіереевъ своихъ) посадимъ на хлѣбъ да на воду, чтобы они отнюдь не думали о себѣ, какъ жить-поживать, а

¹⁾ Записка преосвящ. Кирилла, писанная въ мартѣ 1858 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 81. О пребываніи его въ Константинополѣ см. „Духовную Бесѣду“, 1858 г., № 19, стр. 247.

чтобы дѣлали только то, что нужно, т. е. что они прикажутъ", и проч. ¹⁾).

Какъ бы то ни было, но, задумавъ свою собственную іерархію, болгарскіе представители на первыхъ же порахъ разошлись между собою во мнѣніяхъ относительно частныхъ. Одни изъ нихъ, болѣе благоразумные и умѣренные, просили только славянскаго богослуженія и епископовъ изъ болгаръ, подчиненныхъ все равно, кому бы то ни было. Другіе сверхъ этого желали, чтобы высшее духовенство болгарское независѣло отъ патріарха константинопольскаго и имѣло бы во главѣ своей духовную особу изъ болгаръ подъ какимъ бы то ни было названіемъ, которая управляла бы болгарскою церковію независимо отъ патріарха и служила бы въ глазахъ правительства представителемъ собственно болгаръ, которыхъ оно не различало до сихъ поръ отъ грековъ. Сочиненіе такихъ бумагъ приписывали Александру Евзарову и филиппопольскому болгарину Николаю Чалыкову. Первоначально всѣ болгары принадлежали къ первой категоріи; но нежеланіе константинопольскаго патріарха и синода отмѣнить существовавшую до тѣхъ поръ исключительность въ пользу грековъ повело къ тому, что родилась мысль выйти изъ подчиненности ихъ и возстановить порядокъ, существовавшій до половины прошедшаго столѣтія. При этомъ стали уже упоминать и о болгарскомъ патріархатѣ, „но объ немъ говорятъ не съ тѣмъ,—писалъ Н. Геровъ,—чтобы возстановить его, а какъ объ учрежденіи, прежде существовавшемъ, на которомъ можно основать доказательства правъ болгарской церкви на независимость“ ²⁾).

¹⁾ Записка архим. Петра, 15 окт., 1860 г., въ черновыхъ его бумагахъ, л. 38 на обор.

²⁾ Письмо Н. Герова къ Е. П. Ковалевскому 7 марта, 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра. См. тамъ же описъ дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 13, № 3.

Мы, впрочемъ, знаемъ, что мысль о возстановленіи болгарскаго патріаршества серьезно занимала нѣкоторыхъ представителей болгарскаго народа. Лѣтомъ 1858 года архимандритъ Петръ, по дорогѣ въ Константинополь, узналъ въ Одессѣ, что болгары утѣшались самыми лестными надеждами видѣть у себя свой патріархатъ и свою собственную іерархію. Усердно наготовлялась исторія Болгаріи, и, по соображеніямъ, годъ окончанія ея совпадалъ съ годомъ (окончанія?) патріаршества болгарскаго, именно 1863 годъ¹⁾. Но, въ виду предстоявшаго церковно-народнаго собранія, созываемаго въ силу гатти гумаюна 6 февраля 1856 года, болгары поспѣшили пустить эту мысль въ обращеніе раньше юбилейнаго срока и хлопотали передъ Портою о возстановленіи болгарскаго патріархата. Порта, повидимому, готова была удовлетворить требованію болгаръ, но для этого предварительно требовала доказать, на какихъ основаніяхъ возможно возстановленіе болгарскаго патріаршества. Извѣстный ученый болгарскій Палаузовъ (изъ Одессы) доказывалъ, что основанія тому есть и въ писаніяхъ греческихъ историковъ, которыя впрочемъ не сильны и частію истреблены греками, и въ рукописяхъ древнихъ монастырей, и въ его сборникѣ. Всѣхъ патріарховъ болгарскихъ было 14. Въ его памятиаѣ болгарской старины XIV столѣтія описывается довольно подробно возстановленіе болгарскаго патріаршества, съ приложеніемъ грамоты никейскаго императора Іоанна Дуки Ватаци и грамоты греческаго патріарха Германа, подтвержденной и прочими вселенскими патріархами — Аеванасіемъ іерусалимскимъ, Симономъ антиохійскимъ и Николаемъ александрійскимъ. Патріархія была въ Тырновъ,

¹⁾ Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому 8 ноября, 1858 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1. Авторъ этой исторіи, вѣроятно Палаузовъ, умеръ въ томъ же 1858 году. Въ запискѣ своей 15 окт., 1860 г., архим. Петръ упоминаетъ даже о проектѣ дать болгарамъ русскаго патріарха. См. ее въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 41 на обор.

и указаны митрополіи, состоявшія въ вѣдѣніи тырновскаго патріарха. Это было въ 1234 году. Другое доказательство тому—бумага константинопольскаго патріарха Каллиста къ тырновскимъ духовнымъ властямъ, въ которой онъ оспариваетъ патріаршество тырновское и говоритъ, *что если оно и было, то было только вслѣдствіе снисхожденія къ постояннымъ просьбамъ болгаръ*. Здѣсь важно сознаніе самаго патріарха въ томъ, что существовала тырновская патріархія. Патріархъ этотъ жилъ въ XIV вѣкѣ и властвовалъ два раза: съ 1350 по 1361 и съ 1365 по 1369 годъ ¹⁾.

Но самая неуверенность болгарскихъ требованій больше всего и была причиною ихъ неудачи. На образованіе особой, независимой іерархіи болгарской не могли согласиться ни русское правительство, дорожившее единствомъ православной церкви на Востокъ, ни тѣмъ болѣе константинопольскій патріархъ. Покойный Государь Императоръ неоднократно подтверждалъ своему посланнику въ Константинополь Бутеневу всѣми силами склонять грековъ и болгаръ къ миру и взаимнымъ уступкамъ и такимъ образомъ соблюсти единство православной церкви. Министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, препровождая къ Бутеневу три записки о самостоятельномъ въ прежнее время іерархическомъ порядкѣ у болгаръ, поручалъ опытности Бутенева стать посредникомъ между греческимъ патріархомъ и болгарами и, по силѣ обстоятельствъ и по правамъ гаттигуама, убѣдить патріарха, чтобы онъ давалъ болгарамъ и своихъ священниковъ, и своихъ архіереевъ, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не было отдѣленія болгарской церкви отъ греческой ²⁾. Вслѣдствіе этого, Бутеневъ неоднократно предлагалъ патріарху соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію мира между греческимъ духовенствомъ и болгарскою паствою, какъ-то: постепенное введеніе въ богослуженіе славянскаго языка, поставленіе священниковъ и епископовъ изъ болгаръ, учрежденіе въ самой Болгаріи одного или двухъ высшихъ бол-

¹⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 14, № 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 8, № 2.

гарскихъ училищъ, съ субсидіей отъ русскаго правитель-ства, и проч. ¹⁾). Патріархъ отвѣчалъ уклончиво и, повиди-мому, обѣщалъ исполнить желанія посланника ²⁾); но, въ заключеніе всего, патріархъ рѣшительно, хотя и деликатно, отказалъ на всѣ пункты требованій г. Бутенева. На новыя настоянія послѣдняго, патріархъ отвѣчалъ ему, въ концѣ 1857 года, голословными увѣреніями въ любви къ Россіи и писалъ, что 1) въ Болгаріи все низшее духовенство состоитъ изъ болгаръ; 2) славянскій языкъ въ повсюдномъ употребленіи въ деревняхъ, а въ городахъ—на половину; 3) что епископы, назначаемые къ болгарамъ, хорошо знакомы съ языкомъ славянскимъ; 4) что у патріарха не достаетъ средствъ къ приведенію въ цвѣтущее состояніе училищъ народныхъ; 5) что при настоящемъ изъясненіи образованіи народа нельзя ожидать вполнѣ просвѣщеннаго духовенства; 6) приведенные примѣры безпорядковъ отъ епископовъ оспариваетъ и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ, напротивъ, хвалитъ; 7) вину безпорядковъ сваливаетъ то на Порту, то на неспокойныя головы нѣкоторыхъ, ищущихъ отдѣленія отъ церкви, то на козни мусульманъ, желающихъ ослабить союзъ любви между пастырями и паствою и держать высшее греческое духовенство въ униженной отъ себя зависимости. На донесеніи о семъ Бутенева отъ 7 декабря 1857 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ собственноручно начертать: „Все это немного предвѣщаетъ хорошаго“ ³⁾). Мало того, около того же времени патріархъ будто бы издалъ даже какой-то циркуляръ, по которому должны быть закрыты въ Болгаріи народныя училища ⁴⁾).

Ближайшую причину этой рѣзкой перемены въ поведеніи константинопольскаго патріарха, дотолѣ все обѣщавшаго, но не исполнявшаго обѣщаній, вужно искать въ послѣдовав-

¹⁾ Тамъ же, стр. 9, № 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 8, № 6.

³⁾ Тамъ же, стр. 15, № 6; см. стр. 10, № 18.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 11, № 34.

шей перемены обстоятельствъ въ пользу его и патриархіи. Доселѣ патриархъ константинопольскій находился въ самомъ критическомъ положеніи. „Силы патриархіи,—говоритъ А. Муромцова, принужденной бороться и съ унией, и протестантскою пропагандой, и болгарами, раздѣлялись и ослабѣвали, тѣмъ болѣе, что за унией стояло влияние западной Европы, а за болгарами была Россія“¹⁾. Самъ патриархъ находился въ опасности. Противъ него были его же члены синода, который раздѣлился на двѣ партіи: одна изъ нихъ, съ Герасимомъ халкидонскимъ и Панаретомъ гераклійскимъ, стояла за патриарха, а во враждебномъ лагерѣ находился Іоакимъ кизическій, ставшій впоследствии преемникомъ патриарха Кирилла. Положеніе этого послѣдняго было шатко, такъ что Бутеневъ опасался, чтобы не заставили его отказаться отъ престола и не возвели на него опять Анеѣма, предавнаго Портъ и Англіи²⁾. Въ такомъ положеніи патриархъ Кириллъ самъ лично, можетъ-быть, и не прочь былъ сдѣлать болгарамъ уступки, требуемыя Россіей, чтобы удержать хотя тѣнь іерархической власти надъ болгарами, если бы не опасался происковъ враждебной ему партіи. Но болгары своими неумѣренными требованіями самостоятельной болгарской іерархіи и возстановленія болгарскаго патриархата сами подали противъ себя оружіе патриархіи и поборникамъ эллинизма. Не трудно было доказать, что всѣ доводы, приводимые Палаузовымъ въ пользу существованія болгарскаго патриархата въ прежнія времена, не имѣли законной, обязательной силы послѣ привилегій Магомета II, на которыхъ покоилось современное положеніе православной церкви въ предѣлахъ Турціи. Но едва ли патриархъ прибѣгалъ даже и къ этому доказательству: онъ просто-напросто заподозрилъ внушеніе и подстрекательство Россіи въ стремленіи болгаръ къ іерархической независимости и свои подо-

¹⁾ „Первый эзархъ болгарскій блаженный Ангиль“, Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 316.

²⁾ Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 13, № 3, въ бумагахъ архим. Петра.

зрѣнія внушилъ и Портѣ¹⁾. Результатъ былъ, можно сказать, неожиданный для самаго патріарха. Въ первыхъ числахъ ноября 1857 года Порта издала фирманъ, содержащій подробныя правила объ учрежденіи и занятіяхъ общаинныхъ гатти-гумаюномъ особенныхъ комиссій или церковно-народныхъ собраній, для разсмотрѣнія дарованныхъ христіанамъ въ разныя времена правъ и преимуществъ и приведенія ихъ въ гармонию съ прогрессомъ и просвѣщеніемъ вѣка²⁾. Но этотъ фирманъ не признавалъ особой болгарской національности съ особымъ духовнымъ главой и относился только къ греческой патріархіи, которой, такимъ образомъ, всецѣло вручены были судьбы болгарской церкви и національности. Члены будущаго народнаго собранія или комиссіи предлагались на утвержденіе Порты патріархіей, которая, поѣтому, имѣла полную возможность образовать болѣе или менѣе благопріятный для эллинизма составъ ихъ. Патріархъ Кирилъ скоро понялъ выгоды своего вновь подтвержденнаго господственнаго положенія по отношенію къ болгарамъ и не только не считалъ болѣе нужнымъ дѣлать какія-либо уступки болгарамъ, но и старался ограничить и нѣкоторыя уже данныя имъ болгарамъ права, какъ мы это видѣли выше. И болгары также поняли и почувствовали, что, съ изданіемъ фирмана объ учрежденіи церковно-народныхъ собраній, они потеряли подъ собою твердую почву и отданы подъ власть патріархіи. Извѣстный уже намъ Палаузовъ жаловался Е. П. Ковалевскому на устраниеніе болгаръ изъ предстоящаго церковно-народнаго собранія или комиссіи объ устройствѣ блага подданныхъ и на константинопольскаго патріарха за циркуляръ, по которому будто бы должны быть закрыты въ Болгаріи народныя училища, укорялъ русскихъ и угрожалъ, что болгары непременно и скоро

¹⁾ Тамъ же, стр. 13 и 14, № 7.

²⁾ „Грѣко-болгарская распра“ О. Стоянова-Бурмова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 505—506.

будуть или униатами, или еретиками особаго рода на основаніи ворава ')).

Единственная, хотя и слабая надежда оставалась болгарамъ на церковно-народное собраніе и милость самаго патріарха. Въ конфиденціальномъ разговорѣ съ г. Бутеневымъ патріархъ увѣрялъ его, что всѣ члены церковно-народнаго собранія одушевлены самыми благими намѣреніями *). Съ другой стороны, самъ патріархъ и члены его синода обѣщали архимандриту Петру возводить на степень архіерейства достойнѣйшихъ изъ болгаръ. „Прежнее мнѣніе патріарховъ и синода,—писалъ архимандритъ Петръ,—что Болгарія тяготеетъ къ Западу и потому опасно давать ей владыкъ единоплеменныхъ, нынѣ, сколько я могу замѣчать, довольно ослабѣваетъ“ *). Подъ вліяніемъ ли этихъ успокоительныхъ обѣщаній, или и по другимъ причинамъ, на нѣкоторое время затихла открытая вражда между греками и болгарами, что архимандритъ Петръ приписывалъ своимъ собственнымъ, личнымъ усиліямъ. „Благонамѣреннымъ разумленіемъ и подробнымъ съ моей стороны раскрытіемъ всего, о чемъ кратко доношу Вашему Сіятельству,—писалъ архимандритъ Петръ 8 ноября, 1858 г., г. Оберъ-Прокурору св. Синода,—предъ самими болгарами (о несправедливыхъ ихъ притязаніяхъ), милостію Божіею, остановлено желчное, угрожающее волненіе представителей народныхъ противъ грековъ, но осталось еще глухое, темное неудовольствіе противъ нихъ. Для изглаженія этого непріятнаго чувства избраны мной, совмѣстно съ болгарами, средства къ окончательному примиренію ихъ съ греками“ *). Но это было только временное затишье передъ новой бурей, продолжавшейся менѣе года.

Н. Петровъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Опись дѣлъ Константиноп. миссіи, 1858 г., стр. 11, № 34.

2) Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 2 на об.

3) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, послѣ 7 іюня, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 11.

4) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода 8 ноября, 1858 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 3.

Судьба Славянской Церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія.

(Окончаніе¹⁾).

По изгнаніи Вихинга, славянское духовенство въ Моравіи и Панноніи могло вздохнуть свободнѣе. Оно еще хранило преданія св. Меѳодія и его ближайшихъ учениковъ, имѣло учениковъ его и въ собственной средѣ и, безъ сомнѣнія, могло выставить лицъ, достойныхъ, въ епископскомъ санѣ, принять въ руки управленіе церковью, поднять благоустройство ея, удерживая славянское богослуженіе, ученіе и уставы православія, завѣщанные ей св. первоучителями. Необходимо думать, что и Святополкъ, послѣ столькихъ разочарованій на счетъ своихъ союзовъ и сдѣлокъ съ вѣмецкою имперіею и уступокъ латино-вѣмецкому вліянію, допускаемыхъ въ ущербъ національному началу и національной церкви, — что послѣ этого онъ наклоненъ былъ стать рѣшительно на сторону послѣднихъ. Война 892—893 г., хотя и оставила по себѣ много разореній и несчастій въ Моравіи и Панноніи, но не поколебала независимости и могущества моравскаго государства Святополка²⁾. Онъ не

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. Акад. май, 1886 г.

²⁾ Въ извѣстіяхъ Регино и Лиутпранда исходъ послѣдней войны Святополка съ Арнульфомъ представляется такъ, будто Святополкъ, обезсиленный страшными опустошеніями Моравіи отъ этой войны и даже побѣжденный, просилъ мира у Арнульфа и призналъ себя данникомъ имперіи. Но эти извѣстія невѣрны, какъ невѣрны указанія ихъ и на годъ войны—890-й. Dümmler, ib. p. 390. Миръ между Моравіею и Арнульфомъ состоялся уже по смерти Святополка, при его сыновьяхъ, о чемъ—ниже.

былъ побѣжденъ и могъ бы еще поднять его силы въ союзѣ съ народною славянскою церковью, рѣшительнѣе становясь теперь на ея сторону, по изгнаніи Вихинга. Но поздно наступилъ этотъ поворотъ въ политикѣ Святополка. Ничего особеннаго не успѣлъ онъ уже сдѣлать для славянской церкви въ духѣ овладѣвшаго имъ новаго настроенія по отношенію къ ней. Въ 894 г., послѣ 24 лѣтняго правленія, онъ скончался, и съ нимъ окончилось время могущества моравской державы.

По примѣру болѣе осторожныхъ изслѣдователей, воздержимся и мы отъ рѣшительнаго сужденія о немъ, ограничась немногими замѣчаніями¹⁾. При несомнѣнныхъ талантахъ война и политика, при сильной энергіи и предприимчивости, Святополку не доставало чистоты и величія нравственнаго характера, подорваннаго въ самомъ началѣ предательскимъ поступкомъ съ дядей Ростиславомъ, котораго онъ погубилъ въ союзѣ съ нѣмцами. Здѣсь начало и послѣдующихъ политическихъ сдѣлокъ его съ нѣмцами и пристрастій къ латино-нѣмецкому вліянію. До извѣстной степени они могутъ быть оправдываемы предполагаемымъ у Святополка представленіемъ о превосходствѣ латино-нѣмецкой государственной культуры и потребности усвоенія ея своему государству. Вѣроятно и то, что эти союзы и пристрастія Святополка поощрялись честолюбивыми видами его на блестящую роль въ средѣ западныхъ государей: тѣмъ не менѣе эти пристрастія невыгодно отзывались на отношеніяхъ Святополка къ народной, славянской церкви. Въ нравственной сторонѣ характера Святополка, не чуждаго и грубой раслуценности, лежала причина и того, что онъ не сблизился всѣмъ сердцемъ съ строго нравственнымъ Меѳодіемъ, не могъ поэтому вдуматься въ великое достоинство

¹⁾ Отзывы современниковъ и сужденія изслѣдователей о Святополкѣ можно видѣть у Дюллера (ib. p. 389—390), у г. Успенскаго (Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ, стр. 86—88) и др.

и значеніе его дѣла, допустивъ подорвать это дѣло при ученикахъ св. учителя. Великія ошибки не легко поправляются. Не успѣлъ поправить ихъ и Святополкъ. Въ Римѣ хвалили Святополка, но хвалили особенно тамъ, гдѣ глумились надъ Мееодіемъ, какъ это дѣлалъ папа Стефанъ въ своемъ письмѣ къ Святополку. Западные латино-нѣмецкіе анналисты, говоря о немъ при разныхъ случаяхъ, особенно по поводу его смерти, не отказываютъ ему въ политическомъ умѣ и под. качествахъ, но въ то же время изображаютъ его грубымъ, жестокимъ и коварнымъ: это, впрочемъ, отзывъ враговъ. Отголоскомъ мнѣнія о немъ въ средѣ учениковъ Мееодія есть отзывъ автора Житія св. Климента, выраженный впрочемъ рѣзко, съ горечью, добрую долю которой прибавилъ, вѣроятно, уже поздѣйшій грекъ, негодующій за потворство Святополка догматическому ученію франковъ. Въ самой Моравіи въ народѣ, какъ то почти всегда бываетъ, образъ Святополка представлялся народному преданію только съ лучшей стороны. Народъ помнилъ о немъ, какъ о государѣ, не только блестящемъ, могучемъ, но и справедливомъ и близкомъ къ народу, какимъ, слѣдовательно, и бывалъ онъ въ лучшіе дни и часы своей жизни. Образъ Святополка перешелъ и въ область легендъ. Косма пражскій говоритъ о немъ: „въ томъ же году, когда крещенъ былъ Боривой (по Космѣ—въ 894 г.), пропалъ, какъ передастъ молва, Святополкъ, король моравскій и богъ не показывался“. Далѣе Косма уже самъ объясняетъ, что Святополкъ мучился сознаніемъ своей несправедливости къ Арвульфу, на котораго онъ поднялъ вооруженную руку, забывъ его благодаренія, и рассказываетъ слѣдующее: „въ глухую, темную полночь, тайкомъ сѣлъ онъ на коня и, выбравшись изъ лагеря, направился къ одному мѣстечку на горѣ Цоберѣ, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ три пустынника построили на его иждивеніе церковь, въ непроходимомъ лѣсу. Доѣхавъ до этого мѣста, закололъ коня, воткнулъ мечъ въ землю и, при наступленіи дня, явился

къ пустынникамъ; они не узнали его, постригли, одѣли въ монашеское платье и онъ жилъ съ ними, не открывая своего сана; только когда почувствовалъ приближеніе смерти, объявилъ, кто онъ¹⁾. Если было подобное преданіе о Святополкѣ, то объясненіе Космы на счетъ раскаянія Святополка никакъ не могло быть взято изъ народнаго преданія: не переименовано ли это объясненіе съ преданія о другомъ характерѣ раскаянія Святополка—раскаяніи о несправедливости его не къ Арнульфу, а къ Меодію и его ученикамъ? Другого рода преданіе о Святополкѣ сообщаетъ Константинъ Порфирогенетъ: „князь моравскій Святополкъ былъ храбръ и страшенъ для сосѣднихъ народовъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей и, готовясь къ смерти, раздѣлилъ страну на три части и каждому сыну далъ отдѣльную часть. Старшаго по возрасту назначилъ великимъ княземъ, подчинивъ его власти двухъ остальныхъ. Онъ убѣждалъ ихъ хранить миръ и согласіе на этомъ примѣрѣ: связавъ три прута, далъ ихъ переломить старшему сыну; когда тотъ не могъ сломать связки, предложилъ второму и третьему. Потомъ далъ каждому сыну по одному пруту изъ этой связки и они легко переломили каждый пруть. Указывая на этотъ примѣръ, онъ говорилъ дѣтямъ: если вы останетесь въ любви и согласіи между собою, никогда враги ваши не одолѣютъ и не плѣвятъ васъ; если же изъ честолюбія и несогласія захотите каждый высшей власти, отказывая въ повиновеніи старшему брату, будете сами ослаблять другъ друга, и сосѣди враги совершенно уничтожатъ васъ“²⁾. Рассказъ Константина, писавшаго спустя около 30 лѣтъ по смерти Святополка, есть быть можетъ пріуроченное къ случаю повтореніе извѣстнаго древняго сказанія. Но возможно, что это сказаніе слышимо было отъ кого-либо и Святополкомъ,

¹⁾ Cosmae, Chronica Bohemorum. Lib. 1. c. 14. ap. Pertz. T. IX, 44.

²⁾ De administrando Imperio, c. XLI въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 113. p. 326.

нашедшимъ въ пору повторить его и своимъ сыновьямъ предъ смертію. И дѣйствительно, это было весьма въ пору: ибо съ кончиною Святополка для Моравіи наступило грозное время, полное зловѣщихъ предзнаменованій¹⁾.

Константинъ Порфирогенетъ говоритъ о трехъ сыновьяхъ у Святополка, не называя ихъ по имени. Западные анналисты называютъ двухъ сыновей его Моймира и Святополка²⁾. Позднѣйшіе изслѣдователи находятъ и третьяго—Святобоя, иные—Предеслава³⁾. Далѣе Порфирогенетъ замѣчаетъ, что сыновья Святополка только одинъ годъ прожили въ мирѣ и затѣмъ возникли между ними ссоры и усобицы, во время которыхъ и послѣдовало нашествіе на ихъ страну турокъ т. е. угровъ. Первое не совсѣмъ вѣрно. Миръ между сыновьями Святополка держался не одинъ годъ, а болѣе. Видно, они помнили завѣщаніе отца, да и сами сознавали, что теперь миръ имъ особенно нуженъ. Старшій сынъ, Моймиръ II, которому передана отцомъ главная власть,

¹⁾ Фульдская лѣтопись, болѣе другихъ непріязненная Святополку, характеризуетъ его по поводу его кончины и замѣчаетъ, что онъ своимъ коварствомъ и хитростію возмущалъ всѣ сосѣднія страны, прибавляетъ, что предъ смертію онъ увѣщевалъ *suosque*, (т. е. сыновей или вообще приближенныхъ моравянъ): *ne pacis amatores sed potius inimici domesticis persisterent* (ар. Pertz, I. p. 410). Это почти современное свидѣтельство имѣетъ право на некоторое довѣріе и въ такомъ случаѣ онъ подтверждаетъ прежде всего общій характеръ преданія, что Святополкъ дѣлалъ предъ смертію какое-то наставленіе или завѣщаніе сыновьямъ. Наставленіе, упоминаемое лѣтописью, разнится отъ того, о какомъ передаетъ Константинъ, но не противорѣчитъ ему. Событія у Константина дѣлать жить въ мирѣ между собою, онъ въ лѣтописи внушаетъ не держать мира съ другими. Подъ этими другими, названными въ лѣтописи *domestici*, могутъ разумѣться домашніе недруги Моравіи, т. е. или вѣнцы жившіе въ Моравіи и Панноніи, или сосѣднія племена славянскія, покоренныя Святополкомъ, но включенныя отпасть отъ Моравіи. Будучи, по выраженію Константина, страшнымъ для сосѣднихъ народовъ, Святополкъ могъ желать, чтобы страшна была Моравія и при его дѣтахъ и этимъ страхомъ удерживала свою власть надъ жившими въ ней и покоренными ею иноплеменными и родственными племенами. Не сбылись эти желанія его!

²⁾ Фульд. лѣт. подъ 898 г. ар. Pertz, I. p. 413.

³⁾ Шафарикъ (Слав. др. ib. стр. 306); Дункиъ (Marens Geschichte, с. V, 5. 320) и др. Я. К. Гротъ: Моравія и Мадыары, стр. 333—334.

какъ о томъ говорить Константинъ и какъ то было въ обычаѣ повсюду у славянскихъ князей, если и не имѣлъ дарованій отца, то имѣлъ способность удерживать старшинство безъ обиды братьямъ и безъ ссоры съ ними; вообще не лишень былъ качествъ добраго князя-правителя. Дѣла Моравіи могли при немъ идти еще хорошо, ко благу и славянской церкви. Но мирное развитіе той и другой прервано было новыми замѣшательствами, привнесенными отвнѣ.

Первымъ изъ нихъ было новое вторженіе угровъ въ принадлежавшую къ Моравіи Паннонію, послѣдовавшее вскорѣ по смерти Святополка въ 894 г. Въ своемъ мѣстѣ было, на основаніи Житія св. Меодія, говорено о свиданіи его съ угорскимъ вождемъ въ при-дунайской странѣ у предѣловъ Панноніи, которое съ наибольшею вѣроятностію должно быть относимо къ послѣднимъ мѣсяцамъ 884 года или первымъ 885 г. Изъ разсказа Житія объ этомъ свиданіи мы нашли возможнымъ заключить, что оно произвело доброе впечатлѣніе на угорскаго вождя, можетъ-быть, предрасположило его къ христіанству. Съ той поры прошло десять лѣтъ до времени, въ какомъ мы находимся теперь, т. е. до 894 г. Что случилось съ тѣмъ угорскимъ вождемъ, — неизвѣстно. Былъ ли то извѣстный намъ разумный Лебедіасъ или Лебедь, о которомъ разсказываетъ Константинъ Порфирогенеть, какъ о другѣ хазарь, могшемъ отъ нихъ вывести наклонность къ бесѣдѣ съ христіанскимъ учителемъ, или другой, походившій на него въ этомъ же отношеніи; но въ разсказѣ Константина дается основаніе для предположенія объ участи такого вождя. Въ замѣнъ Лебедіаса, слѣдов. и другихъ подобныхъ вождей надъ уграми сталъ съ 888—889 г. властвовать сынъ Альмы Арнадъ, первый дѣйствительно общій вождь угровъ, основатель политическаго могущества ихъ. Язычникъ, ставшій во главѣ дикаго народа языческаго, онъ могъ думать не о вѣрѣ, не о бесѣдахъ съ христіанскими учителями, а о хищническихъ набѣгахъ и завоеваніяхъ. Арнулфъ, вызвавшій угровъ въ

походъ во время своей войны съ Святополкомъ, тѣмъ самымъ указавъ уграмъ дорогу для этого новаго движенія. И вотъ въ Фульдской лѣтописи вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти Святополка говорится: Авары, называемые иначе уграми, бродившіе въ эти времена за Дунаемъ, надѣлали много бѣдствій. Мушцязъ и старыхъ женщинъ совершенно убивали, увлекая съ собою молодыхъ женщинъ (*ut jumenta*) для удовлетворенія своей похоти: всю Панновію они опустошили своими убійствами. Съ этихъ поръ христіанская Панновія утрачена для Моравіи, ставъ спустя нѣкоторое время мѣстомъ осѣлости новаго языческаго народа угровъ. То былъ тяжкій ударъ Моймиру съ братьями и моравамъ. Не удивительно, что имъ пришлось отбросить всякую мысль о продолженіи борьбы съ нѣмцами, наслѣдовавшею отъ отца, и поспѣшить заключить миръ съ ними, чтобы въ союзъ съ ними пріостановить дальнѣйшее движеніе дикой, завоевательной орды, или по крайней мѣрѣ обезопасить себя со стороны нѣмцевъ на случай войны съ уграми. И дѣйствительно: осенью того же года, по свидѣтельству той же лѣтописи, заключенъ былъ миръ между баварцами и моравами, т. е. Арнульфомъ и Моймиромъ. Хитрый Арнульфъ, безъ сомнѣнія, не преминулъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, вообще ослабленіемъ сязъ Моравіи, утратившей цѣлую область, и вынудилъ Моймира принять какія-либо невыгодныя условія, даже признать верховенство имперіи надъ Моравією. Послѣдствія этого мира, послѣдствія ослабленія Моравіи не замедлили разростаться къ вѣщней невыгодѣ ея. Уже въ слѣдующемъ 895 г. въ м. іюнѣ во время имперскаго съѣзда въ Регенсбургѣ явились къ Арнульфу чешскія князья Спитигневъ и Вратиславъ, которыхъ держалъ подъ своею сильною рукою Святополкъ, признали себя вассалами Арнульфа и такимъ образомъ чехи отложились отъ Моравіи, а скоро затѣмъ стали и врагами ея. Нѣсколько прежде, но въ томъ же году приходили съ изъясненіемъ покорности или дружбы къ Ар-

нульфу и послы отъ Оботридовъ. Припомнивъ союзъ съ Арнульфомъ Болгарь и Брячислава, князя по-Савской Хорватіи, получимъ въ общемъ грустный выводъ, что Славяне сами отдавали себя или другъ друга во власть нѣмцевъ, помогали имъ расширять и укрѣплять эту власть, сами умѣя болѣе ссориться, чѣмъ сирѣплять свои союзы. Пыталась и Византія привлечь нѣмецкую имперію къ союзу противъ славянъ, на этотъ разъ болгарь, но кажется безуспѣшно ¹⁾. Въ слѣдующемъ 896 году, когда греки, продолжая войну или ссору съ болгарями, увлекали къ союзу противъ нихъ угровъ, и тѣмъ приостанавливали уже начавшееся движеніе ихъ въ Паннонію, Арнульфъ прибираетъ къ рукамъ часть Нижней Панноніи, такъ называемую Блатенскую Паннонію, и тѣмъ опять отдѣляетъ ее отъ Моравскаго государства, поручая защиту ея отъ угровъ вѣрному союзнику своему князю по-Савской Хорватіи Брячиславу ²⁾. Въ 897 г. признаютъ власть Арнульфа или союзъ съ нимъ Дужицкіе сербы, нѣкогда также зависимые отъ Моравіи. Такимъ образомъ еще недавно обширное и сильное Моравское государство сводится къ тѣснымъ предѣламъ Моравіи. Часъ паденія его близится. Къ довершенію несчастія начались внутренія ссоры въ самой Моравіи. Не безъ основанія предполагаютъ, что поджигателемъ этихъ ссоръ былъ тотъ же Вихингъ, жившій при Арнульфѣ. Хорошо зная моравскія дѣла, имѣя здѣсь связи или агентовъ,

¹⁾ Такъ понимаютъ извѣстіе Фульденской лѣтописи о томъ, что въ 894 г. приходилъ въ Регенсбургъ къ Арнульфу посолъ отъ греческаго императора Анастасій съ дарами. Но Арнульфъ принялъ его сухо и отпустилъ въ тотъ же день. Интересуясь союзомъ съ Болгарями въ видахъ своей полетики противъ Моравіи, Арнульфъ уже поэтому не могъ благосклонно отнестись къ предложеніямъ о союзѣ со стороны Грековъ, воевавшихъ съ Болгарями.

²⁾ Эта часть Панноніи была сильнѣе другихъ мѣстностей Панноніи и Моравіи колонизована нѣмцами. Здѣсь въ это время насчитываютъ 21 нѣмецкихъ мѣстныхъ названій и 8 славянскихъ (Я. К. Грота, Моравія и Мадьяры, стр. 145—146). На этихъ-то нѣмцевъ и могъ опереться Арнульфъ при захватѣ Блатенской Панноніи подъ свою власть, о которомъ упоминаетъ Фульд. лѣт. годъ 896 г.

онъ съвнѣемъ смуть помогаль Арнульфу въ его планахъ на счетъ дальнѣйшаго ослабленія Моравіи и открытія Арнульфу поводовъ къ вмѣшательству въ ея дѣла. Въ томъ же 897 г. приходили отъ Моймира послы къ Арнульфу съ просьбой, во имя мира, не принимать изъ Моравіи убѣгающихъ къ нему вчинателей смуть въ послѣдней. Но вскорѣ затѣмъ въ м. маѣ пришли къ Арнульфу въ Регенбургъ князья чешскіе съ дарами съ жалобою отъ себя и своихъ соотчичей на своихъ враговъ—моравлянъ, будто бы жестоко обижающихъ ихъ, и съ просьбой защиты. Жалобы чеховъ вызваны были, по всей вѣроятности, попытками Моймира привести чеховъ въ прежнюю покорность или наказать за отпаденіе отъ Моравіи. Но то были напрасныя попытки въ виду такого настроенія чеховъ, по которому они предпочитали вѣмца Арнульфа одноплеменнику Моймиру. Арнульфъ принялъ жалобы чеховъ весьма благосклонно, обѣщаль защиту и всю осень этого года простоялъ съ войскомъ на сѣверъ отъ Дуная близъ р. Регена, по сосѣдству съ Чехіей, чтобы помочь ей на случай нападенія моравлянъ, чѣмъ и удержалъ послѣднихъ отъ нападенія. Въ слѣдующемъ 898 г. открылось вѣчто еще худшее: ссора между самими братьями Моймиромъ и Святополкомъ. Не вполне ясно, изъ-за чего возникла ссора; но довольно ясно, что она возникла подъ вліяніемъ интригъ вѣмецкой партіи въ Моравіи, привлечшей на свою сторону младшаго брата Святополка. Открылось наконецъ мѣсто вмѣшательству Арнульфа. Укрощеніе ссоры или точнѣе защиту вѣмецкой партіи въ Моравіи онъ поручилъ маркграфу Ліутпольду, который отъ имени Арнульфа управлялъ Восточною Маркою, наблюдая также за Каринтією, Чехією и самою Моравією, и брату его графу Арибо. Послѣдній выставляется даже однимъ изъ главныхъ поджигателей ссоры. Ліутпольдъ и Арибо съ баварскимъ войскомъ прошли въ Моравію съ огнемъ и мечемъ, преслѣдуя и побивая людей противной партіи. Въ слѣдующемъ 899 г. послѣдовало вторичное втор-

женіе баварскаго войска въ Моравію, гдѣ между тѣмъ Моймиръ успѣлъ запереть брата Святополка въ какомъ-то укрѣпленномъ городѣ и принуждалъ къ сдачѣ. Баварцы освободили Святополка и увели съ собой, а городъ сожгли. Какъ много ни пострадала Моравія отъ всѣхъ этихъ войнъ и смуть, но независимость ея не была еще окончательно подорвана. По выходѣ изъ нея баварцевъ съ Святополкомъ, Моймиръ остался единовластнымъ государемъ въ ней и могъ бы, казалось, укрѣпить свое государство. Онъ чувствовалъ себя не окончательно еще обезсиленнымъ, ибо не боялся оказать содѣйствіе сыну графа Арибо Исанарху, который возсталъ противъ Арнульфа, успѣлъ съ помощію Моймира добыть себѣ владѣніе въ Восточной Маркѣ, а когда былъ взятъ въ плѣнъ Арнульфомъ и успѣлъ бѣжать изъ него, то нашелъ убѣжище у Моймира¹⁾. Въ помыслахъ о новой войнѣ съ Моравією, давно уже больной Арнульфъ скончался 8 декабря 899 года. Избавилась наконецъ Моравія отъ этого стараго и закоренѣлаго врага своего. Нѣсколько прежде исчезъ со сцены и Вихингъ. Въ 899 году онъ получилъ отъ Арнульфа ставшее вакантнымъ пассавское епископство. Но тутъ открылось, какую дурную репутацію нажилъ себѣ старый интриганъ даже въ средѣ баварской іерархіи. Зальцбургскій архіепископъ Дитмаръ, въ митрополитанскомъ вѣдѣніи котораго находилось епископство, съ соборомъ своихъ епископовъ суефрагановъ, вопреки волѣ императора, немедленно низложилъ Вихинга и поставилъ на пассавскую кафедру Рихарда²⁾.

¹⁾ О дѣлѣ Исанарха и отношеніи къ нему Моймира обстоятельнѣе у Я. К. Грота (ib. 347—350).

²⁾ Нѣкоторые изслѣдователи (напр. г. Вильбасовъ въ своемъ трудѣ „Керилль и Мееодій“ ч. I, стр. 100. С.Пб. 1868 г.) утверждаютъ, что Вихингъ низложенъ уже *по смерти* Арнульфа, хотя и тотчасъ послѣ нея. Но по ясному смыслу единственнаго извѣстія о томъ Фульденской лѣтописи (Pertz, I. p. 414) онъ низложенъ именно еще при жизни Арнульфа. Лѣтопись поясняетъ даже, что архіепископъ и епископы низложили Вихинга именно *вопреки волѣ* императора, но на основаніи своего каноническаго суда. Видно, что репутація Вихинга была сликомъ уже дурна, что они рѣшились идти противъ воли импе-

Не смотря на смерть Арнульфа и исчезновеніе Вихинга, духъ политики ихъ, враждебный Моравіи и ея славянской церкви, не исчезъ въ представителяхъ нѣмецкой имперіи и латинно-нѣмецкой іерархіи. Онъ сейчасъ заявляетъ себя и при новомъ баварско-нѣмецкомъ королѣ, сынѣ Арнульфа, Лудовикѣ Дитяти, возведенномъ на престолъ въ возрастѣ 7 л., на съѣздѣ духовныхъ и свѣтскихъ представителей королевства въ Форхгеймѣ, въ началѣ февраля 900 г.¹⁾ По всей вѣроятности на этомъ же съѣздѣ рѣшенъ былъ принятый вскорѣ затѣмъ походъ баварцевъ въ Моравію²⁾. Отправились баварцы чрезъ Чехію и подкрѣпленные отрядомъ изъ чеховъ, вторглись въ Моравію и въ теченіи трехъ недѣль грабили, жгли ее безпощадно. Между тѣмъ въ виду воюющихъ сторонъ подвигалась страшная гроза въ образѣ тѣхъ же дивихъ угровъ, которые, совершивъ въ 900 г. опустошительный походъ въ Италію, наведя тамъ страхъ на самый Римъ и папу, возвратились въ Паннонію, окончательно осѣлись въ ней, угрожая отсюда самой Баваріи и Моравіи. И дѣйствительно, еще въ томъ же 900 г. угры вторглись въ Баварію, страшно опустошили ее на пространствѣ 50 римскихъ квадратныхъ миль и успѣли съ плѣнными и добычею уйти въ Паннонію прежде, чѣмъ успѣли настичь ихъ баварцы. Правда послѣднимъ удалось имѣть неболь-

ратора, не пощадилъ его любимца, прибѣгнувъ къ каноническому суду по его дѣлу. Смѣлый поступокъ архіепископа и епископовъ не есть что-либо несообразное: на западѣ высшая іерархія умѣла постоять за свои права; притомъ Арнульфъ былъ вообще почитателемъ къ высшимъ іерархамъ, къ тому же въ послѣднее время и больной. Поэтому онъ не хотѣлъ или не могъ отстоять своего бывшаго любимца противъ общаго суда мѣстной іерархіи. По неизложени съ каедръ Вихингъ совсѣмъ пропадаетъ изъ исторіи.

¹⁾ Свидѣтельства источниковъ о возведеніи Лудовика на престолъ—у Дюмлера, *ib.* p. 493—4.

²⁾ Такъ какъ однимъ изъ мотивовъ къ походу было усмиреніе графа Исанарха, который, возставъ противъ Арнульфа, потомъ, взятый имъ въ плѣнъ, бѣжалъ изъ плѣна подъ защиту къ Моймиру, продолжалъ не покоряться и правительству новаго короля; то естественно, что усмиреніе мятежнаго графа и его защитника являлось ближайшимъ дѣломъ для новаго правительства, рѣшеннымъ тотъ часъ по возведеніи на престолъ Лудовика.

шой успѣхъ въ схваткѣ съ уграми близъ Дуная. Но этимъ не предотвращалась опасность новаго подъема и нашествія громадной и воинственной орды. Время было христіанскимъ враждующимъ сторонамъ подумать о мирѣ. Повидимому, онъ Баваріи былъ даже нужнѣе, чѣмъ Моравіи. Хотя Моравія утратила Паннонію, окончательно доставшуюся уграмъ, но сама она съ 894 г. не подпадала угорскимъ вторженіямъ, и какъ будто жила въ мирѣ съ новыми сосѣдями, а баварцами была заподозрѣваема даже въ союзѣ съ ними¹⁾. Тѣмъ не менѣе моравляне предложили миръ баварцамъ и даже просили о немъ, приславъ для чего своихъ пословъ въ Регенсбургъ. Здѣсь въ началѣ 901 г. и заключенъ миръ, потомъ подтвержденъ въ Моравіи и скрѣпленъ клятвою Моймира и моравскихъ бояръ въ присутствіи прибывшихъ для сего баварскихъ пословъ, въ томъ числѣ новаго пасавскаго епископа Рихарда²⁾.

Обозрѣвныя нами политическія отношенія Моравіи къ Баваріи при Моймирѣ, въ связи съ отношеніями ихъ обѣихъ къ уграмъ, имѣютъ важное значеніе въ исторіи церковныхъ отношеній Моравіи за данное время. Стараясь уберечь политическую независимость страны, Моймиръ старался оградить и ея церковную независимость, независимость ея славянской церкви съ собственною народною іерархіею, духовенствомъ и славянскимъ богослуженіемъ. Было сказано, что выгнавъ изъ Моравіи Вихинга, Святополкъ не успѣлъ пріобрѣсть для нея своего архіепископа и епископовъ, какъ то требовалось и канонами и порядкомъ и вообще состояніемъ церкви. Долго не могъ сдѣлать этого и Моймиръ, затрудняемый войнами и смутами. Надлежало бы ожидать, что о іерархическомъ устройствѣ моравско-паннонской церкви по-

¹⁾ Обстоятельство это, не лишенное значенія въ исторіи церковныхъ отношеній Моравіи, будетъ пояснено ниже при рѣчи о послѣднихъ.

²⁾ Главнымъ источникомъ издаваемыхъ свѣдѣній о судьбѣ Моравіи со времени кончины Святополка до 901 г. служила для насъ, какъ и для другихъ изслѣдователей, Фульденская лѣтопись (ар. Pertz I, стр. 894—901), которая писана современникомъ и означивается именно этимъ годомъ.

заботятся въ Римѣ, — и уже потому, что она считалась состоящею въ непосредственной зависимости отъ римской катедры, бывъ давно изъята изъ вѣденія зальцбургскихъ архіепископовъ и пассавскихъ епископовъ. Но и въ Римѣ не скоро позаботились о моравско-паннонскои церкви. Папа Стефанъ V, нанесшій тяжкій ударъ ей своими, извѣстными намъ, мѣрами по отношенію къ ней, повидимому отложилъ свои заботы о ней послѣ того, когда отдалъ ее подъ власть Вихинга. Преемникъ его Формозъ, бывшій епископъ портуенскій, тотъ самый, который успѣлъ вѣкогда поправиться Борису болгарскому и рассчитывалъ быть болгарскимъ архіепископомъ, занявъ папскій престолъ въ 891 году, не зналъ покоя во все шестилѣтнее правленіе свое (891—896), борясь то съ претендентами на политическую власть надъ Римомъ и Италію, каковы особенно герцоги сплѣтскіе, восхищавшіе себя императорскій титулъ, то съ искателями папскаго престола. Формозъ вопилъ о помощи къ королю Арнульфу, который дѣйствительно два раза ходилъ въ Италію съ войскомъ и въ послѣдній разъ въ 896 году, взявъ Римъ, смирилъ претендентовъ, защитилъ папу, который за это возложилъ на него императорскую корону. Понятно, что Формозъ не могъ заботиться о Моравіи, не могъ быть вообще благожелателемъ ея, какъ страны, бывшей не въ мирѣ съ покровителемъ его Арнульфомъ. Преемникъ Формоза Бонифацій VI папствовалъ менѣе мѣсяца, скончавшись отъ застарѣлой подагры. За нимъ слѣдовалъ Стефанъ VI (официально VII), сторонникъ сплѣтской партіи, врагъ Формоза, „*vir fama infandus*“, ославившійся своимъ чудовищнымъ поступкомъ надъ трупомъ ненавистнаго ему папы Формоза и другими безумствами, за что и самъ въ 897-мъ году удушенъ былъ партією пресвитера Романа ¹⁾. Захвативъ самъ пре-

¹⁾ Стефанъ велѣлъ вырыть Формоза и въ папскомъ облаченіи посадить на папскомъ престолѣ въ базиликѣ св. Петра, при большомъ собраніи. Затѣмъ обратился къ покойному съ словами: „Зачѣмъ ты, портуенскій епископъ, про-

столю, Романъ папствовалъ всего около 4-хъ мѣсяцевъ. Премнигъ его Феодоръ II прожилъ на папствѣ всего 20 дней, успѣвъ впрочемъ нѣсколько исправить безумства Стефана, отыскать даже трупъ Формоза, брошенный въ Тибръ, и погребсти торжественно. Въ началѣ 898 года сталъ папою Іоаннъ IX и папствовалъ уже болѣе 2-хъ лѣтъ до половины іюля 900 г. Отъ сейчасъ названныхъ 4-хъ предѣстниковъ его нельзя, конечно, ожидать какой бы то ни было мысли о Моравской церкви. Но объ ней подумалъ Іоаннъ IX. Это былъ папа сравнительно лучшій и благоразумный; притомъ онъ былъ сторонникомъ не императора Арнульфа, какимъ былъ Формозъ, а болѣе сильныхъ изъ итальянскихъ графовъ, какъ Ламбертъ Слѣтскій, враждебный Арнулфу, Лудовигъ, сынъ Бозона прованско-бургундскаго графа, сильный теперь въ Италиі. Несмотря на то, что римскимъ императоромъ считался Арнульфъ, коронованный въ 896 г. Формозомъ, папа Іоаннъ IX въ 898 г. короновалъ на императорскій престолъ въ Римѣ графа Лудовика, послѣ того какъ послѣдній овладѣлъ Римомъ, одолѣвъ своего совѣстника Беренгарія, графа Фріульскаго, искавшаго потомъ защиты въ Баваріи у сына Арнульфа Лудовика ¹⁾). Впрочемъ Іоаннъ IX не самъ подумалъ о Моравской церкви, а бывъ

стеръ дерзость до того, что воскинулъ папскій престолъ²⁴. За покойника долженъ былъ отвѣчать назначенный Стефаномъ адвокатъ—діаконъ. Подсудимый оказался виновнымъ. Тогда сорвали съ него облачение; трупъ повергуть и тащень по полу базилики, и по отсѣченіи двухъ пальцевъ и головы, брошенъ въ Тибръ. Въ анналахъ ар. Pertz. I. 53, 412 и др. Baronius ad an. 896—897, гдѣ по поводу цѣлаго ряда безчестій и злодѣйствъ на папскомъ престолѣ выражается: „En illa infelicissima Rom. Ecclesiae tempora... quando intrusi in cathedram Petri... homines monstrosi, vita turpissimi, moribus perditissimi, usque quaque foedissimi. Удивительно, что новѣйшіе латинскіе писатели, имѣя подобныя примѣры въ исторіи папства IX в., истощаются въ усиліяхъ омрачить нравственную честь византійской іерархіи того вѣка, перебаралъ, такъ сказать, по ниточкѣ дѣло Фотія съ Игнатіемъ, чтобы всачески опорочить первого, хотя онъ не былъ повиненъ въ несчастіяхъ Игнатія и помирился съ нимъ по-христіански.

¹⁾ Pertz, I. p. 54, 608, 610.

вызванъ къ тому просьбою изъ Моравіи отъ Моймира, пожелавшаго наконецъ пріобрѣсть іерархію для моравской церкви. На основаніи документовъ, которые сейчасъ будутъ приведены, а также извѣстныхъ намъ обстоятельствъ въ исторіи Моравіи, баварскаго королевства и Рима, дѣло это представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Моймиръ, потерявъ въ теченіи четырехъ лѣтъ Паннонію, Чехію и Луницкую Сербію и оставшись при одной Моравіи, угрожаемый баварскими вѣицами и за нее, искалъ лучшаго способа спасти хотя этотъ коренной остатокъ своего, недавно обширнаго, государства. Онъ возвратился къ тому, что такъ разумно предпринялъ Ростиславъ, поддержалъ и Коцель, поддерживалъ, но не постоянно и потому испортилъ, Святополкъ: возвратился къ мысли о самостоятельной и народной іерархіи для славянской церкви въ своемъ государствѣ, въ надеждѣ найти въ ней могучаго союзника политической самостоятельности его. Въ 899 г., пользуясь затрудненіями баварцевъ при уже больномъ Арнульфѣ, свѣдавъ, можетъ быть, и о характерѣ папы Іоанна IX, не бывшаго сторонникомъ Арнульфа и баварцевъ, Моймиръ отправилъ посольство въ Римъ, съ просьбою дать Моравіи архіепископа и епископовъ¹⁾. Просьба подкрѣплена была дарами или деньгами, въ которыхъ крайне нуждался и Іоаннъ IX, какъ и

¹⁾ Время отправления моравскаго посольства въ Римъ опредѣляется приблизительно тѣмъ, что оно говорило въ Римѣ о набѣгахъ угровъ на Италію, обвиняя баварскихъ вѣицевъ въ подстрекательствѣ къ тому угровъ. А главныя набѣги угровъ, послѣ перваго развѣдочнаго, бывшаго осенью 898 г., относятся ко второй половинѣ 899 г. и первой 890 г. Подробнѣе указанія и соображенія у Я. К. Грота, стр. 352—355. Необходимо относить отправление посольства къ началу этого періода, т. е. еще къ 899 г., а не къ 890, ибо въ первыхъ мѣсяцахъ этого года уже были въ Моравіи палскіе легаты, присланные изъ Рима, вслѣдствіе моравскаго посольства. Возьмъ во вниманіе то, что въ 899 г. и именно приблизительно къ осени этого года Вихингъ назначенъ былъ Арнульфомъ на кафедру пассавакаго епископа, въ какомъ санѣ онъ, по мысли Арнульфа и собственной, могъ продолжать свои притязанія на іерархическую власть надъ Моравіей, можно предполагать, что обстоятельство это повліяло на ускореніе отправки моравскаго посольства именно къ осени 899 г.

его предѣстники, а также жалобами на баварцевъ по поводу нашествія угровъ, которыхъ впервые призвалъ противъ Моравіи Арнульфъ и которые вскорѣ затѣмъ бросились и на Италію, произведя въ ней страшныя опустошенія и убійства въ 899—900 гг. Это нападеніе угровъ на Италію также объяснялось моравлянами, какъ совершившееся по наущенію баварцевъ, что и представляется весьма вѣроятнымъ, и могло быть сдѣлано съ цѣлю отвлечь угровъ подальше отъ Восточной Марки и Баваріи. Папа внялъ просьбѣ и жалобамъ моравлянъ. Въ 899 г., вѣроятно по осени, онъ отправилъ въ Моравію трехъ легатовъ: архіепископа Іоанна, епископовъ Бенедикта и Давіапа съ порученіемъ устроить моравскую церковь, поставить для нея архіепископа и трехъ епископовъ. Легаты шли чрезъ Паннонію, видѣли запустѣніе ея отъ бывшихъ свирѣпствъ въ ней угровъ, разрушившихъ и церкви въ ней. Съ трудомъ много дней пробирались они чрезъ опустѣлую страну, пользуясь можетъ быть тѣмъ, что хищные угры въ данную пору отхлынули въ Италію. Прибывъ въ Моравію, они исполняли свое порученіе, посвятили для нея архіепископа и трехъ епископовъ, учредивъ, какъ надо полагать, и епархіальные округа въ ней, по совѣщаніи о томъ съ Моймиромъ и моравскимъ духовенствомъ. Надо полагать, что въ этихъ округахъ сочтена была и Паннонія, что требовалось опредѣленіями еще папъ Адріана и Іоанна о предѣлахъ моравско-паннонской архіепископіи, а Моймиру могло давать надежду на возвратъ утраченной Панноніи. Безъ сомнѣнія, посвященные легатами архіепископъ и епископы избраны изъ славянскаго духовенства Моравіи, изъ природныхъ моравлянъ и въ числѣ ихъ были еще лица, вышедшія изъ школы Мееодія. Весьма вѣроятно и то, что имъ предоставлено было совершать и богослуженіе по-славянски, отъзна котораго не была, какъ мы замѣтили, допущена и Святиполкомъ при легатахъ папы Стефана, не могла быть допущена и Моймиромъ. Итакъ все это дѣло было не малымъ торжествомъ для славянской церкви въ Моравіи, но увы!

уже запоздалимъ. Затѣмъ слѣдуетъ предполагать, что легаты при посвященіи обизали моравскихъ іерарховъ держаться въ дѣлѣ относительно вѣроученія и въ символѣ—римской церкви, что потребовали даже принятія обрядовъ ея, для чего новые іерархи должны были позаботиться о переводахъ латинскихъ службъ на славянскій языкъ. Исполнивъ свое дѣло въ Моравіи, легаты написали извѣстительное письмо о томъ и къ баварскимъ епископамъ, коснувшись въ немъ и тѣхъ жалобъ на нихъ со стороны моравянъ, которые, замеси ихъ прежде самому папѣ чрезъ посольство, теперь, какъ то само собою понятно, изложили ихъ шире и обстоятельнѣе. Въ письмѣ этомъ легаты рѣзко порицали образъ дѣйствій баварскихъ епископовъ, высказавъ даже, что они достойны быть пораженными Божескимъ мечемъ, т. е. проклятіемъ. Такой тонъ рѣчи походилъ на тотъ, въ какомъ нѣкогда папа Іоаннъ VIII и его легатъ Павелъ, епископъ анковскій обращался къ предшественникамъ этихъ епископовъ, гонителямъ Меодія. Возстановленіе славянской іерархіи въ Моравіи, сопровождавшееся такимъ строгимъ выговоромъ баварскимъ епископамъ, подняло цѣлую бурю среди нихъ. Дѣло о славянской іерархіи въ Моравіи ставилось ими, какъ дѣло касающееся не одной баварской, но всей германской іерархіи. Они сообщили объ этомъ дѣлѣ извѣстному намъ майнцкому архіепископу Гаттону. Прославъ „сердцемъ короля“ еще при Арнульфѣ, былъ первымъ изъ духовныхъ лицъ государственнымъ совѣтникомъ его, Гаттонъ тѣмъ болѣе сохранялъ первенствующее значеніе свое и въ правительствѣ новаго короля, считаясь его духовнымъ отцемъ, занималъ первенствующее положеніе и въ нѣмецкой іерархіи въ качествѣ преемника престола св. Бонифація. Естественно поэтому, что баварскіе епископы прибѣгли къ заступничеству Гаттона. Гаттонъ, посоветовавшись съ другими епископами суфраганами своего округа, написалъ весной 990 г. письмо къ папѣ Іоанну. Въ письмѣ, писанномъ впрочемъ въ довольно спокойномъ тонѣ, онъ сѣтуетъ на папское распоряженіе,

защищаетъ права баварцевъ и баварскихъ епископовъ на Моравію, обвиняетъ моравскихъ славянъ, высказывая надежду, что сдѣланное папою будетъ отмѣнено, что во всякомъ случаѣ славяне—*хотя бы они тою или не хотя бы—будутъ подчинены баварскому королевству*¹⁾. Страсти были настроены сами баварскіе епископы. Извѣстный намъ жестоко-опустошительный походъ баварцевъ и чеховъ въ Моравію, безъ сомнѣнія, былъ по сердцу этимъ епископамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ привести новое раздраженіе имъ, ибо побывавшіе въ Моравіи баварцы могли самолично слышать о существованіи тамъ славянскихъ епископовъ. Вскорѣ по возвращеніи баварцевъ изъ этого похода, составилъ въ половинѣ іюля 990 г. въ г. Рисбахъ съѣздъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей королевства. Здѣсь были зальцбургскій архіепископъ Теотмаръ или Дитмаръ, епископы Вальдонъ фрейзингенскій, Эрхенвальдъ вйхстедскій, Захарій себонскій, Тутонъ регенбургскій и Рихардъ пассивскій со множествомъ клира. Изъ нихъ образовался церковный соборъ, на которомъ составленъ энергическій протестъ противъ учрежденія славянской іерархіи въ Моравіи, въ формѣ письма названныхъ архіепископа и пяти

¹⁾ Письмо это съ прежнихъ изданій переиздано въ подлинникѣ г. Бильбасовымъ (Кириллъ и Меѳодій, I, 149—151). Подозрѣніе въ подлинности его, высказанное одними изслѣдователями, какъ Дюмлеромъ, устранено другими, какъ г. Дудникомъ. По нашему мнѣнію, оно достаточно устранится уже тѣмъ, что говорить самъ же Дюмлеръ о выдающемся въ данное время значеніи Гаттона въ правительствѣ и нѣмецкой іерархіи (ib. p. 494—495), которое естественно вызвало его на роль защитника интересовъ баварской іерархіи, какъ интересовъ не только ея одной, но и всей нѣмецкой іерархіи, какъ интересовъ не только церковныхъ, но и политическихъ. Время написанія письма опредѣляется тѣмъ, что оно писано довольно скоро по избраніи на престолъ сына Арнульфа Лудовика, которое происходило въ началѣ февраля 990 г., слѣдов. въ одномъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ этого года, но во всякомъ случаѣ ранѣе письма баварскихъ епископовъ, о которомъ ниже. Замѣчаніе г. Бильбасова (ib. стр. 37) о болѣе раннемъ составленіи письма Гаттона въ сравненіи съ письмомъ баварскихъ епископовъ можетъ быть восполнено тѣмъ что въ письмѣ Гаттона Италия представляется еще воюемою уграми, тогда какъ въ письмѣ епископовъ уже освобождена отъ нихъ.

епископовъ къ папѣ Іоанну ІХ¹). Начиная смиреннымъ обращеніемъ къ папѣ какъ *summo pontifici et universali pape, non unius urbis, sed totius orbis domino*, почтительно выразившись о римскомъ престолѣ, къ которому они научены обращаться въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, епископы говорятъ далѣе тономъ упрека: „мы никакъ не можемъ думать, о чемъ *ежедневно принуждены слушать*, чтобы что-нибудь превратное (*quidpiam perversitatis*) могло исходить отъ св. ап. престола и проч... И тѣмъ не менѣе пришли отъ Васъ, какъ они сами объявили, *de latere vestro*, три епископа, именно архіепископъ Іоаннъ и епископы Бенедиктъ и Данилъ, въ землю славянъ, такъ называемую Моравію, подвластную нашимъ королямъ, нашему народу и намъ, со всѣми своими жителями, не только въ церковномъ отношеніи, но и податью изъ мірскаго влущества, ибо отъ насъ исходило ихъ обращеніе и чрезъ насъ стали они изъ язычниковъ христіанами⁴. Сославшись далѣе на то, что епископъ пассавскій въ бывшее время завѣдывалъ Моравію въ церковныхъ дѣлахъ, а пограничные съ нею баварскіе маркграфы чинили въ ней судъ и управу, собирали подати и т. под., епископы продолжаютъ, что все это было

⁴) О разныхъ изданіяхъ письма у Дюмлера (*ib.* p. 508—510, 513). Русское изданіе его у г. Вильбасова (*ib.* I, 143—149). Здѣсь же и у П. Успенскаго и Грота (*l. c.*) отрывки перевода на русскій языкъ. Мнѣніе о составленіи письма въ половинѣ іюля 990 г. на сѣздѣ въ г. Рисбахѣ твердо установлено Дюмлеромъ (*ib.*). Мнѣніе тѣхъ, которые относятъ составленіе письма къ *осени* 990 г., опирается единственно на выраженіе письма: *quia, Dei gratia, liberata est Italia*—отъ угровъ. Но Італія очистилась отъ угровъ *ранѣе осени* и въ іюль они уже возвратились въ Паннонію. А что частное очищеніе Італіи уграми и возвращеніе отдѣльныхъ отрядовъ ихъ въ Паннонію начались еще ранѣе этого времени, слѣдуетъ заключать изъ сношеній и столкновеній угровъ съ баварцами, которыя происходили еще въ томъ же 990 г. по извѣстіяхъ о томъ Фульденской лѣтописи (подъ этимъ годомъ). Съ другой стороны отдалать составленіе письма къ *осени* 990 г. трудно и потому, что епископы еще не знали о смерти папы Іоанна ІХ, послѣдовавшей въ пол. іюля 990 г. О такихъ событіяхъ, какъ смерть папы и слѣд. *избраніе новаго папы* епископы едва ли могли не слышать и не знать до *осени*.

„до тѣхъ поръ, пока они (мораване) не стали ненавидѣть христіанство, отвращаться отъ правды, вчинять войну, упорно защищаться, такъ что епископу и проповѣдникамъ былъ закрытъ туда путь, и водворился тамъ полнѣйшій произволъ“. Главный мотивъ, на которомъ епископы основываютъ свои притязанія, въ частности притязанія пассавскаго епископа на власть надъ Моравією, согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, который возобладалъ на западѣ со времени Карла В., рядомъ съ обычаемъ обращать въ христіанство силою оружія, и по которому государь или народъ, обратившій другой въ христіанство, тѣмъ самымъ получалъ право на власть надъ нимъ. Была слѣдовательно доля искренности въ притязаніяхъ баварскихъ епископовъ на Моравію, въ которой христіанство зачалось, между прочимъ, подъ вліяніемъ баварскаго духовенства. Но фальшь и недобросовѣстность рѣчи епископовъ сказывается въ томъ, что они закрыли глаза на несравненно болѣе благотворное, просвѣтительное служеніе въ Моравіи и Панноніи св. Кирилла и Мееодія, на долгое епископство въ ней Мееодія, утвержденное Римомъ. О Мееодіи, о его епископствѣ они даже не говорятъ ни здѣсь, ни потомъ, какъ будто его и не было. Мало того: время существованія славянской церкви въ Моравіи они представляютъ временемъ какой-то ненависти моравлянъ къ христіанству, отпаденія ея отъ христіанства: такъ велики были ихъ ослѣпленіе и непріязнь къ этой церкви. Славянская церковь въ Моравіи и Панноніи при св. Мееодіи была для баварскихъ епископовъ беззаконіемъ, не имѣвшимъ права на существованіе, и они своимъ молчаніемъ о ней вычеркиваютъ ее изъ исторіи. Актомъ беззаконія считаютъ они и новое учрежденіе славянской іерархіи въ Моравіи. Доводы свои на это начинаютъ тѣмъ, что представляютъ это дѣло плодомъ подкупа. Не бросая этого упрека въ лице папѣ, епископы винятъ въ немъ моравлянъ, но такъ, чтобы пристыдить и папу. „Теперь они, въ увеличеніе своего беззаконія, говорятъ епископы о моравскихъ христіанахъ,

еще хвастаютъ тѣмъ, что они большою суммою достигли того, что Вы послали имъ тѣхъ епископовъ (т. е. легатовъ для поставленія епископовъ въ Моравію)⁴. Хвастовство здѣсь, конечно, присочинено съ сейчасъ указанною цѣлю. Но то, что учрежденіе іерархіи въ Моравіи, при всей законности его, достигнуто было Моймиромъ и моравлянами цѣною большихъ платежей въ Римъ, большихъ издержекъ на легатовъ, слѣдуетъ признать фактомъ, засвидѣтельствованнымъ нѣмецкими епископами со словъ моравлянъ, которымъ если не для чего было хвастаться этимъ обстоятельствомъ, то не для чего было и скрывать его. Тяжесть вины за него, на непристрастный судъ, должна падать на римскій дворъ, а не на моравлянъ: чтó имъ оставалось дѣлать, если при тогдашнемъ римскомъ дворѣ приходилось платить въ самомъ законномъ и благомъ дѣлѣ? ¹). Далѣе епископы берутся канонически изобличать папу въ незаконности совершившагося съ его согласія учрежденія 4-хъ епископовъ въ Моравіи, утверждая, что чрезъ это одно пассивское епископство раздѣлено на пять, въ противность канонамъ ²). Не говоря и здѣсь о

¹) Съ цѣлю оградить Римъ отъ упрека въ подкупѣ, римско-католическіе писатели то отрицаютъ вѣрность свидѣтельства о немъ баварскихъ епископовъ, то объясняютъ его въ смыслѣ издержекъ на снаряженіе и путешествіе легатовъ въ Моравію для поставленія ей епископовъ. Нѣкоторые же изъ нашихъ изслѣдователей тоже отрицаютъ фактъ подкупа, но уже съ цѣлю оградить отъ упрека въ немъ Моравянъ. То и другое напрасно. Вниманіе платежей за поставленія епископовъ, за паліумъ для архіепископовъ хр. стравъ и т. под. было въ общаѣ въ тогдашнемъ Римѣ, впослѣдствіи достигло громадныхъ размѣровъ. Къ тому же, въ данное время папы постоянно и крайне нуждались въ деньгахъ. Любили деньги и способны были соблазняться на подкупъ и папскіе легаты, на что примѣры довольно извѣстны. Затѣмъ само собою повяло, что путешествіе легатовъ въ Моравію совершилось не иначе, какъ на счетъ просителей—моравянъ, и что сумма издержекъ на нихъ выстѣ съ обычными дарами была не мала. Моравяне виновны только въ томъ, что должны были волею или неволею покориться необходимости платежей и издержекъ.

²) Пять епископовъ насчитывается здѣсь исключительно съ пассивскимъ, къ діоцезу котораго баварцы причисляютъ и всю Моравію. Каноническій доводъ баварскихъ епископовъ въ пользу своей мысли состоитъ въ подборѣ правилъ африканскаго собора, папъ Льва I и Целестина о томъ, что народъ, принадле-

Меооди, столько лѣтъ бывшемъ архіепископомъ Моравіи съ правомъ имѣть и епископовъ, баварцы упоминають только о Вихингѣ. Но и его епископство считаютъ не замѣннввшимъ лассавское, а учрежденнымъ для какого-то новообращеннаго народа, который былъ покоренъ Святиполкомъ и обращенъ имъ изъ язычества въ христіанство¹⁾. Еще далѣе баварскіе епископы защищаютъ себя отъ обвиненій, взведенныхъ на нихъ моравскими славянами предъ легатами. Для насъ интереснѣе слѣд. обвиненія: „и еще они говорятъ, что мы въ отношеніи къ нимъ непримиримы, чего нельзя дѣйствительно не признать, но не мы въ этомъ виноваты, а ихъ собственная строптивость. Ибо когда они начали чуждаться христіанства и въ добавокъ отказались платить должную дань властителямъ королямъ нашимъ и ихъ управителямъ, стали сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ и беспокоить нашъ народъ, то у нихъ вспыхнулъ мятежъ. И такъ какъ тѣ отстояли ихъ для себя съ оружіемъ въ рукахъ и снова обратили въ рабство, то слѣдовательно, по закону, должны были и должны имѣть ихъ своими подданными, и они во всякомъ случаѣ будутъ подвластны нашему королевству, хотятъ ли того или не хотятъ. Поэтому Вамъ слѣдуетъ быть осмотрительными и дѣйствовать въ духѣ умѣренности (т. е. справедливо), чтобы худшая сторона не усиливалась, а лучшая не ослабѣвала. Предки нашего свѣтлѣйшаго господина Лудовика—императора, короли, произошли отъ христіанскаго народа франковъ, а славяне Моймировы—отъ поганыхъ язычниковъ“. Въ этихъ характерныхъ

жавшій въ діоцезу извѣстнаго епископа или митрополита и немѣвшій доголѣ своего отдѣльнаго епископа или своихъ епископовъ, не можетъ имѣть ихъ безъ согласія первыхъ, и что вообще не допускается передача мѣстъ кому-либо чужому въ обиду другого.

¹⁾ Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что здѣсь могутъ разумѣться новообращенные изъ славянъ, жившихъ въ Каринтіи (Хорутавіи) у предѣловъ Панноніи. Тогда же было замѣчено, что обращеніе ихъ, по всей вѣроятности, принадлежало именно Меоодиу, а Вихингъ, въ качествѣ епископа нитранскаго, заведывавшаго этою мѣстностью, вошелъ въ чужой трудъ.

разсужденіяхъ сказался весь зловѣщій духъ политическихъ и церковныхъ притязаній вѣмецкой имперіи и іерархіи относительно славянской Моравіи, по которымъ послѣдняя обречалась на неизбѣжную утрату своей политической независимости, а ея народная церковь—на упраздненіе. Послѣ этого неудивительно и то, что далѣе затѣмъ говорятъ епископы по поводу еще одного обвиненія баварцевъ славянами предъ легатами—обвиненія въ томъ, что первые заключили миръ съ уграми и подущали ихъ итти на Италію. Худо оправдываясь въ этомъ обвиненіи¹⁾, епископы переносятъ его на самихъ моравлянъ, которые подружили съ уграми, приняли къ себѣ огромное множество ихъ и будто бы даже, по обычаю угровъ, обрили головы своимъ лжехристіанамъ, и не только натравили угровъ на насъ христіанъ, но и сами присоединились къ нимъ, и однихъ увели въ плѣнъ, другихъ убили, третьихъ уморили голодомъ и жаждою въ темницахъ, безчисленное множество вогнали въ нищету, благородныхъ мужей и честныхъ женъ увели въ неволю, сожгли храмы Божіи, разрушили всѣ зданія, такъ что во всей Панноніи, нашей обширѣйшей провинціи, не увидѣть ни одной церкви... Изъ вѣмецкихъ же лѣтописей (Фульденскихъ) знаемъ, что Баварцы первые въ лицѣ Арнульфа заключили въ 892 г. союзъ съ уграми противъ Моравіи, жгли, грабили и опустошали ее вмѣстѣ съ уграми, что затѣмъ въ самый годъ смерти Святополка угры уже сами опустошаютъ Паннонію, куда и проложили себѣ путь именно во время недавняго похода съ баварцами на Моравію. Знали это, конечно, и епископы, но умалчиваютъ объ этомъ. Но должно быть они не совсѣмъ лгутъ, когда говорятъ и о союзѣ славянъ мораво-паннонскихъ съ уграми. Въ виду союза баварцевъ съ уграми, что оставалось дѣлать и

¹⁾ Епископы принуждены были сознаться, что баварцы и сами баварскіе епископы имѣли сдѣлки съ уграми, одаривали ихъ одеждами и под. Только объясняютъ такой образъ дѣйствій по-своему.

славянамъ, какъ не искать такого же союза? Постоянная и жестокая вражда христіанскаго народа—нѣмцевъ противъ славянъ развѣ не способна была даже деморализировать послѣднихъ, просто вынуждать ихъ къ союзу съ язычниками, въ надеждѣ защитить себя отъ недруговъ христіанъ? Вспомнимъ союзы нашихъ южно-русовъ козаковъ съ татарами въ періодъ борьбы ихъ съ жестокимъ фанатизмомъ и папскими притязаніями католической Польши? Возможно между тѣмъ, что на сближеніе паннонско-моравскихъ славянъ съ уграми повліяло присутствіе въ рядѣ послѣднихъ и славянъ, пришедшихъ съ ними изъ прежняго мѣстожителства ихъ въ южной Россіи, а можетъ быть и присутствіе среди угровъ того вождя, который нѣкогда познакомился съ учителемъ славянъ Мееодіемъ. Союзъ моравянъ съ уграми, о которомъ говорятъ епископы, зачался, надо полагать, послѣ того, какъ Арнульфъ, пользуясь ослабленіемъ Моравіи, прибралъ къ своимъ рукамъ часть Панноніи, поручивъ защиту ея отъ угровъ князю Брячиславу, что было въ 896 г. Къ этому-то времени необходимо относить тѣ жестокости и опустошенія угровъ въ Панноніи, о которыхъ говорятъ баварскіе епископы, завиняя въ нихъ славянъ и умалчивая о прежнемъ опустошеніи Панноніи уграми, во время союза ихъ съ баварцами. Въ томъ, что говорятъ епископы объ этомъ второмъ опустошеніи Панноніи уграми въ союзѣ съ славянами, есть, вѣроятно, и преувеличенія: во всякомъ случаѣ бѣдствія, описываемыя епископами, были уже обычнымъ послѣдствіемъ войны, какъ она тогда велась, велась не уграми только, но и баварцами. Къ такимъ бѣдствіямъ относится и сожженіе храмовъ: ихъ грабили и жгли угры—язычники, а не славяне—христіане. Послѣдніе принуждены были только терпѣть это печальное и для нихъ самихъ явленіе, по невозможности воспротивиться ему. Если же они и сами участвовали въ сожженіи храмовъ, какъ то хотятъ сказать епископы, обзывая при этомъ славянъ лжеименными христіанами, вра-

гами христіанства: то не означает ли это, что славяне участвовали въ сожженіи нѣмецкихъ храмовъ, бывшихъ во враждебныхъ имъ нѣмецкихъ поселеніяхъ Панноніи? Не было ли это печальной вспышкой религиозной неприязни, посвященной между славянами во время Викинга, во время господства нѣмцевъ въ Панноніи и гоненія ихъ на славянское христіанство, жестоко почувствованнаго и въ самой Моравіи при ученикахъ Мееодія? Кто же виновать въ этомъ? Кто, еще разъ скажемъ, виновать въ томъ, что моравскіе или же оставшіеся въ Панноніи славяне, пошли на союзъ, на сближеніе съ новыми завоевателями ея уграми, чтобы предупредить то поработеніе, каковымъ грозили имъ нѣмцы, осуждавшіе на погибель и народное христіанство и народную церковь славянъ? Въ заключеніе своего письма къ папѣ Іоанну IX, баварскіе епископы усиленно повторяютъ выраженія скорби всей Германіи и Норики (Австріи и Баваріи) объ учрежденіи славянскихъ епископовъ въ Моравіи и заявляютъ надежду, что сдѣланное папою подъ вліяніемъ обмана и лукавства славянъ будетъ исправлено, т. е. что епископства будутъ упразднены. Интересна приписка въ подписи первенствующаго изъ баварцевъ епископовъ залцбургскаго архіепископа: онъ льститъ папу обѣщаніемъ прислать доселѣ неуплаченныя деньги, слѣдуемыя папѣ изъ Баваріи¹⁾.

Ни денегъ, ни даже письма баварскихъ епископовъ папа Іоаннъ не получилъ, скончавшись въ половинѣ іюля 900 г. Письмо это представлено было конечно уже преемнику его Венедикту IV. Сдѣлалъ ли по нему что-нибудь этотъ папа въ свое кратковременное правленіе (ум. въ началѣ 903 г.), источники не даютъ знать. Но невозможно думать, чтобы онъ оставилъ это дѣло такъ. Папа не могъ

¹⁾ Мы не касались нѣкоторыхъ болѣе частныхъ сообщеній и данныхъ, представляемыхъ письмомъ епископовъ, какъ потому что они не особенно важны для насъ, такъ и потому что они довольно разобраны другими изслѣдователями.

оставить безъ вниманія протеста, заявленнаго отъ цѣлаго собора баварской іерархіи, подкрѣпленнаго и протестомъ первенствующаго представителя всей вѣмецкой іерархіи, майнцакаго архіепископа Гаттона. Ни какъ не могъ папа остаться равнодушнымъ и къ обѣщанію присылки денегъ изъ Баваріи, на исполненіе котораго могъ рассчитывать, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ сдѣлавъ что-нибудь въ угоду обѣщавшимъ. Слѣдуетъ прибавить, что Венедиктъ былъ союзникомъ партіи Формоза, сторонника вѣмцевъ, коронованнаго Араульона, отца нынѣшняго вѣмецкаго короля Лудовика¹⁾. При Венедиктѣ взялъ силу въ Италіи Беренгарій, соперникъ коронованнаго предмѣстникомъ Венедикта Іоанномъ IX графа Лудовика, котораго Беренгарій взялъ въ плѣнъ и ослѣпилъ, а этотъ Беренгарій имѣлъ союзниковъ въ Баваріи²⁾. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ основаніе полагать, что Венедиктъ IV склоненъ былъ въ извѣстной мѣрѣ исполнить то, о чемъ такъ настоятельно просили баварскіе епископы. Но съ другой стороны и мораване имѣли защитниковъ своего дѣла въ упомянутыхъ папскихъ легатахъ, которые, совершивъ поставленіе епископовъ для Моравіи, естественно должны были отстаивать свое дѣло и по возвращеніи въ Римъ предъ римскою куріею. Притомъ крайне неблагоприятно было для Рима упразднить свое дѣло такъ скоро по совершеніи его. Затѣмъ выгодно было Риму удерживать Моравію въ своемъ непосредственномъ вѣденіи, чрезъ данную ей іерархію, вмѣсто того, чтобы возвратить ее подъ власть пассавакаго епископа. Наконецъ тѣ же легаты, познакомившіеся съ отношеніями баварцевъ къ мораванамъ на мѣстѣ, могли изобличить предъ папою и его куріею ту фальшь, какою переполнено письмо баварскихъ епископовъ какъ въ обвиненіяхъ на мораванъ.

¹⁾ Этотъ же папа, какъ извѣстно, окончательнаго призналъ посвященіе всѣхъ рукоположенныхъ Формозомъ, которыхъ отлучилъ—было Стефанъ VI (VII), врагъ Формоза и его вѣмецкой партіи.

²⁾ Dümmler, ib. p. 534.

такъ и въ оправданіяхъ себя самихъ. Итакъ папѣ оставалось найти средній путь, средній способъ рѣшенія дѣла между баварцами и мораванами. Этотъ способъ могъ состоять не въ иномъ чемъ-либо, а именно въ совѣтѣ или наставленіи обѣимъ сторонамъ о примиреніи, о мирѣ, хотя бы и временномъ. Къ такому рѣшенію должна была располагать папу особенно одна, въ данное время наиболѣе важная для Италіи и Рима сторона дѣла: это бѣдствія угорскихъ набѣговъ на Италію, устранившія всю Италію и самый Римъ. Изъ того, что мораване, выгораживая себя, обвиняли въ томъ баварцевъ, подустившихъ угровъ къ набѣгу на Италію, а тѣ пытались выставить славянъ союзниками угровъ, для папы возникалъ одинъ выводъ: посовѣтовать обѣимъ христіанскимъ сторонамъ помириться между собою, чтобы сообща защищать и себя отъ угровъ-язычниковъ, или по крайней мѣрѣ свободнѣе каждой сторонѣ отдѣльно отстаивать себя отъ угровъ и своими несогласіями не поощрять угровъ въ ихъ смѣлыхъ набѣгахъ какъ на Италію, такъ и другія страны. И мы видѣли, что въ началѣ 901 г., слѣдовательно спустя около полугодя послѣ отсылки въ Римъ письма баварскихъ епископовъ, заключенъ былъ въ Регенсбургѣ миръ между баварцами и мораванами. Думаемъ, что, кромѣ собственныхъ съ обѣихъ сторонъ побужденій къ миру, тутъ имѣли дѣйствіе и совѣты или наставленія, полученныя изъ Рима отъ папы. Мораване, какъ знаемъ, первые предложили миръ: полагаемъ, что и это было дѣломъ внушеній, сообщенныхъ имъ изъ Рима чрезъ возвратившееся посольство баварское, что именно этими внушеніями папа хотѣлъ дать видъ предъ баварцами, что склоняется на ихъ сторону болѣе, чѣмъ на сторону мораванъ, что онъ требуетъ отъ послѣднихъ смириться предъ первыми и просить мира. Баварцы сочли себя пока удовлетворенными, и съ своей стороны также согласились на миръ. Наконецъ мы видѣли, что по заключеніи мира въ Регенсбургѣ, отправлялся въ Моравію, въ числѣ представителей

отъ Баваріи, *Рихардъ епископъ пассавскій* для приведенія къ присягѣ на миръ Моймира и моравскихъ бояръ, — тотъ именно епископъ, права котораго на Моравію въ частности и защищали баварскіе епископы, считая ее принадлежащею къ пассавскому діоцезу. Ссылаясь на это обстоятельство, моравскій р.-католическій историкъ о. Дудикъ, навлонный поскорѣ видѣть паденіе славянской церкви въ Моравіи, утверждаетъ, что именно регенбургскимъ миромъ были парализованы недавнія распоряженія папы Іоанна IX объ учрежденіи самостоятельной славяно-моравской іерархіи¹⁾. Предположеніе поспѣшное и произвольное, не имѣющее основанія въ источникахъ. Ничто не даетъ намъ повода утверждать, что преемникъ Іоанна IX Венидиктъ IV объявилъ новоучрежденную моравскую іерархію упраздненною, а сами моравяне не были въ такомъ положеніи, чтобы сейчасъ въ угоду баварцамъ или изъ страха предъ ними упразднить то, что стоило имъ большихъ усилій и жертвъ. Такимъ образомъ въ началѣ 901 г. ни въ Регенбургѣ, ни въ Моравіи не могло быть и рѣчи объ упраздненіи только что учрежденной моравской іерархіи и переходѣ Моравіи подъ власть пассавскаго епископа. Послѣдній отправлялся въ Моравію для принятія присяги на миръ просто, какъ одинъ изъ представителей Баваріи, какъ ближайшій къ Моравіи изъ баварскихъ епископовъ. Возможно, что онъ, не покидая въ душѣ своихъ притязаній на Моравію, какъ не покидали ихъ и вообще баварскіе вѣмцы, думалъ въ свою поѣздку въ Моравію ближе ознакомиться съ политическимъ и церковнымъ состояніемъ ея, чтобы возобновить свои притязанія на нее въ будущемъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Но будущее готовило вѣчто другое какъ Моравіи, такъ и самой Баваріи.

Миръ между баварскими вѣмцами и моравскими славянами, заключенный въ январѣ 901 г. подъ влияніемъ страха

¹⁾ Mährens allgem. Geschichte, I, p. 346.

отъ угровъ и внушеній изъ Рима, продолжался какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующіе годы. Примирившіеся христіанскіе народы являются даже какъ бы союзниками въ виду необходимой обѣимъ сторонамъ взаимной помощи противъ язычниковъ угровъ. Къ сожалѣнію, этотъ союзъ былъ запоздалымъ, а главное—не былъ искреннимъ, при усвоенномъ и не покинутомъ нѣмцами девизъ: „Моравскіе славяне,—хотятъ ли они того или не хотятъ,—а должны со временемъ покориться нѣмецкому государству“. Дорого сталъ Моравія этотъ союзъ съ Баварією, накликавшій на нее месть угровъ, съ которыми она прервала союзъ для союза съ нѣмцами. Въ первое время союзъ двухъ христіанскихъ странъ дѣйствительно послужилъ къ сдержкѣ угровъ. Отъ 901 г. извѣстенъ только частный набѣгъ небольшой шайки угровъ на окраину баварскихъ владѣній въ Каринтію; угры были разбиты и прогнаны ¹⁾. Въ 902 г. угры дѣлаютъ легкой набѣгъ уже на Моравію, но и здѣсь терпятъ пораженіе и обращены въ бѣгство, успѣвъ однако нанести гдѣ-то небольшое пораженіе находившимся въ Моравіи нѣмцамъ ²⁾. Въ 903 г. происходила новая война или пѣрвіе небольшая схватка между баварцами и уграми, неизвѣстно чѣмъ окончившаяся ³⁾. Но баварцы приобрѣли большую увѣренность въ своей силѣ и въ слѣд. 904 г. отважились на поступокъ, крайне рискованный. Они пригласили какую-то группу угровъ съ вождемъ ея Хуссаломъ на пиръ и коварнымъ образомъ поубивали всѣхъ. По понятіямъ вѣка, такой поступокъ считался позволительнымъ въ отношеніи къ язычникамъ и въ данномъ случаѣ былъ рассчитанъ на то, чтобы запугать угровъ ⁴⁾. Нѣмцы полагали даже, что теперь нечего имъ бояться угровъ, бояться за прочность своихъ владѣній, прилежавшихъ къ Дунаю, въ сосѣдствѣ съ уграми.

¹⁾ Ann. Fuld., 901 г. (Pertz, I, 415); Dümmler ib. p. 515.

²⁾ Pertz, I, p. 54; Dümmler, ib. p. 527.

³⁾ Pertz, I, p. 54 sub an. 904.

⁴⁾ Ib. p. 54; Dümmler, 528; Гротъ, тамъ же стр. 385—586.

Признави такого настроенія вѣмцевъ справедливо усматриваютъ въ постановленіяхъ, состоявшихся въ собраніи баварскихъ представителей въ Раффельштеггенѣ, бывшемъ, какъ полагаютъ, не равѣ и не позже 904 г. Это постановленія о торговыхъ пошлинахъ по Дунаю, касавшіяся и славянъ, какъ моравскихъ и чешскихъ, такъ и другихъ, жившихъ въ Восточной Маркѣ и Каринтіи. Постановленія эти дѣлаются въ представленіи, что существующія политическія и бытовья отношенія не измѣнятся, что ничто не грозитъ имъ совѣй. Они же даютъ видѣть, что союзъ моравскихъ славянъ съ вѣмцами продолжался, считаясь, надо полагать, опорой и безопасности отъ угровъ ¹⁾. Но угры думали иначе. Съ жаждою мести за избіеніе родичей ихъ въ нихъ разгорается жажда новыхъ хищничествъ и завоеваній. Новые большіе походы свои они начинаютъ съ Моравіи, чтобы наказать и завоевать ее, какъ союзницу Баваріи, и этимъ завоеваніемъ обезпечить себѣ путь въ Баварію. О завоеваніи Моравіи есть прямое свидѣтельство Константина Порфирогенета. „По смерти Святополка, говоритъ онъ, послѣ того, какъ одинъ годъ проведенъ былъ въ мирѣ, и когда затѣмъ начался раздоръ и междоусобная война, явились угры, совершенно истребили ихъ (сыновей Святополка) и покорили ихъ страну, въ которой и нынѣ живутъ. Оставшіеся изъ народа разсѣялись и убѣжали въ сосѣднимъ народамъ, къ болгарамъ, туркамъ (уграмъ), хорватамъ и другимъ ²⁾. Константинъ, писавшій долго послѣ событія, не ясно и не точно представляетъ его время и ближайшія предшествовавшія ему событія. Признается вообще, что завоеваніе уграми Моравіи послѣдовало въ 905 или 906 г., находясь въ связи съ изложенными выше обстоятельствами въ отношеніяхъ Моравіи и Баваріи и ихъ обѣихъ къ уграмъ ³⁾. Ни одна одна-

¹⁾ О свидѣ въ Раффельштеггенѣ у Дюллера, ib. 529—531, Грота, тамъ же стр. 387—394.

²⁾ De administrando Imperio, въ Patr. Graec. edit. Migne, T. 113, p. 326.

³⁾ Это время завоеванія Моравіи уграми опредѣляютъ главнымъ образомъ по слѣд. извѣстіямъ. Въ лѣтописи Регино при рѣчи о смерти Святополка

коже изъ западныхъ лѣтописей ясно не отмѣтила, роковаго событія въ судьбѣ Моравіи. Эта безучастность латинонѣмецкихъ анналистовъ къ факту политической смерти Моравіи, не была ли отраженіемъ безучастности нѣмцевъ къ судьбѣ Моравіи въ роковую пору борьбы ея съ уграми? Не оставили ли они моравскихъ славянъ безпомощными въ эту роковую пору, когда на нихъ нагрянула большая орда угровъ, оставили не столько изъ страха предъ уграми, сколько въ надеждѣ разбитую уграми Моравію прибрать потомъ къ своимъ рукамъ, какъ прибрали было на время Паннонію? Намъ кажется это весьма вѣроятнымъ. И если такъ, то Баварскіе нѣмцы достойно завершили свою коварную политику по отношенію къ Моравіи, поддерживаемую отъ времени до времени и Римомъ. По внушенію папы Венидикта Моравіа прервала союзъ съ уграми и перешла къ союзу съ нѣмцами. Но, видно, совѣты папы о мирѣ были настойчивѣе даны Моравіи, чѣмъ Баваріи, или не такъ искренно приняты послѣднею, какъ первою, и баварцы сочли возможнымъ забыть о союзѣ въ наставшій для Моравіи роковой моментъ, когда за свой союзъ съ ними она накликала послѣдній страшный ударъ со стороны угровъ. Такимъ образомъ не безвиновенъ и папа въ послѣдней несчастной судьбѣ Моравіи. Само собою понятво, что нападеніе раздраженной угорской орды на Моравію было безпощадно. Истреблено множество населенія; поизбиты его вожди. Тогда же по всей вѣроятности погибъ и Моймиръ съ братьями¹⁾, по-

подъ 894 г. говорится, что послѣ него сыновья его *держали его царство не долго и несчастно*, ибо угры все до ннѣ истребляли въ немъ. Какъ эта лѣтопись дописывалась въ 906 или 907 г., то, значитъ, въ это время синовей Святополка уже не было въ живыхъ. Потому: извѣстенъ походъ угровъ въ 906 г. въ Саксонію, куда призвало ихъ одно изъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, объявленное нѣмцами. Основательно полагаютъ, что угры не могли бы въ 906 г. пройти въ землю этихъ славянъ и Саксонію, если бы предъ тѣмъ не господствовали уже въ Моравіи. Dümmler. *ib.*, p. 531.

¹⁾ Есть предположеніе, что Моймиръ палъ уже въ 907 г. въ битвѣ нѣмцевъ съ уграми, но основаній для такого предположенія не найдено.

гибли если не всѣ, то нѣкоторые изъ новыхъ епископовъ моравскихъ, также лица изъ славянскаго духовенства Моравіи. Оставшееся въ живыхъ населеніе или бѣжало въ другія страны или подпало господству и рабству завоевателей. Но и нѣмцы поплатились немалымъ за свое коварство. Въ 906 г. угры, призванные однимъ изъ родовъ славянскаго племени полабскихъ сербовъ, обижаемыхъ саксонскими нѣмцами, вторглись въ Саксонию и жестоко опустошили ее. Въ 907 г. дошла очередь и до Баваріи. Угры вторглись въ нее большою ордою. Произошла битва несчастная для баварцевъ. Въ этой битвѣ погибли и нѣкоторые епископы баварскіе и въ числѣ ихъ самъ Теотмаръ, архиепископъ зальцбургскій, тотъ самый который предсѣдалъ на соборѣ въ Рисбахѣ и первый подписалъ письмо къ папѣ, протестовавшее противъ учрежденія славянскихъ епископовъ въ Моравіи, противъ независимости и самобытности славянской церкви въ ней. Съ паденіемъ моравской державы пала и эта церковь: хотя ближайшимъ и случайнымъ образомъ пала она отъ угорскаго погрома, но кореннымъ и существеннымъ—отъ давней и незамиравшей непріязни къ ней латино-нѣмецкой іерархіи, подрѣпляемой Римомъ. Не безъ основанія утверждаютъ, что Моравія и моравская церковь пали бы и безъ угорскаго погрома, пали бы отъ преобладающей политики нѣмецкихъ государей, графовъ и прелатовъ, основанной на извѣстномъ намъ девизѣ ихъ по отношенію къ славянамъ Моравіи и Панніоніи, на постепенномъ вторженіи нѣмецкой колонизаціи въ ихъ предѣлы и на превосходствѣ ихъ воинской силы и культуры, при слабой государственной организаціи славянъ, при склонности ихъ къ спорамъ и междуусобіямъ и податливости иноземному вліянію, отъ какой не свободенъ былъ и такой счастливый и могучій государь, какимъ былъ Святополкъ. Съ этой точки зрѣнія угорское вторженіе и завоеваніе Панніи и Моравіи представляется даже явленіемъ, не совсѣмъ злосчастнымъ, имѣвшимъ то не безвыгодное для славянъ

послѣдствіе, что задержало дальнѣйшее занятіе славянскихъ земель и покореніе славянъ нѣмцами. Отпоръ назадъ, данный уграми нѣмцамъ, оставилъ славянамъ возможность сохранить черты народной самобытности тамъ, гдѣ имъ грозило неизбежное подавленіе нѣмцами.

Для насъ утѣшительнѣе слѣдующее болѣе общее явленіе въ заключительной судьбѣ Славянской церкви въ Моравіи и Панноніи. Разрушенное въ нихъ апостольское дѣло св. первоучителей славянскихъ не погибло навсегда. Не совсѣмъ погибло оно и въ самой Моравіи и Панноніи, гдѣ слѣды его, преданія о немъ сохранялись долго при угрозахъ и потомъ. Но глубоко пораженное въ Моравіи и Панноніи, оно дало ростки въ другихъ славянскихъ земляхъ, гдѣ оно насаждено отчасти и св. Меодіемъ, и куда перенесено учениками св. первоучителей: перенесено какъ во время *перваго разстѣнія* ихъ по смерти Меодія, во время гоненій на нихъ отъ Вихинга и его нѣмецкихъ елвретовъ, такъ и во время *втораго разстѣнія*, вызваннаго угорскимъ погромомъ. Были эти священные ростки и въ земляхъ западныхъ славянъ, каковы чехи, поляки и др., у юго-западныхъ, каковы хорваты, словинцы и др., у юго-восточныхъ какъ болгаре и сербы, наконецъ у сѣверо-восточныхъ или русскихъ славянъ. Свободно и съ силою раздвѣли эти ростки прежде всего въ православной Болгаріи, отчасти и Сербіи. Наиболѣе широкое, могучее и прочное развитіе ожидало ихъ въ многоплодномъ союзѣ славяно-русскихъ племенъ и въ православной славянской Россіи; ей суждено было Провидѣніемъ стать истинной наслѣдницей, хранилищею и продолжательницею великаго христіанскаго, народо-просвѣтительнаго дѣла св. первоучителей славянскихъ.

И. Малышевскій.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕТОДИЗМА.

Распространение методизма.

(Продолженіе ¹).

Всё, сказанное нами относительно основанія новыхъ общинъ, повторилось вполне въ первоначальной исторіи американскаго методизма. Мы замѣтили раньше, что первоначальные поселенцы колоній были вообще народъ энергическій: эти люди искали въ Новомъ свѣтѣ того, въ чемъ имъ было отказано въ Старомъ ²). Того же самаго искали и поальцскіе вѣмцы, вѣхавшіе въ Америку изъ Ирландіи. Съ этой точки зрѣнія намъ будетъ понятна быстрота и рѣшимость, съ какою они распространяли методизмъ въ Америкѣ. Среди вѣмецкихъ переселенцевъ былъ нѣкто Ф. Эмбѣри (Ph. Embury)—методистъ-проповѣдникъ. Онъ еще въ 1752 году сталъ методистомъ и получилъ отъ Джона Весли дозволеніе быть проповѣдникомъ своей родной общины (local preacher). Явившись въ Ньюйоркъ (1760 г.) онъ открылъ домашнія собранія съ благочестивою цѣлію соборствованій; результатомъ ихъ было основаніе методистской общины. Дѣло пошло весьма успѣшно особенно, когда къ нему присоединился отставной интендантскій капитанъ Уэббъ (Webb), обращенный въ методизмъ въ Бристолѣ и получившій отъ Джона Весли право проповѣданія, если только это можно было назвать правомъ ³). Успѣшность ихъ проповѣди заставила перенести ихъ свои собранія въ одну изъ

¹) См. Труды Кіев. дух. Акад., апрѣль 1886 г.

²) *Лабуле*, Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ т. I.

³) *Southey* II, 409; *Stevens* I, 328; подробности *Jacoby* II, 2—6.

береговыхъ корабельныхъ кладовыхъ. Въ 1768 году¹⁾ вновь основанная община наняла для капеллы особое зданіе. Изъ того, что зданіе это было въ 2 года обращено въ собственность общины можно заключить, что и финансовая сторона дѣла была у методистовъ этой общины въ хорошемъ положеніи. Судя даже по пристрастному разсказу Якоби, мы должны догадаться, что Ф. Ембѣри не отличался особыми дарованіями и потому не могъ справиться съ постоянно возрастающею общиною уже по прошествіи 4—5 лѣтъ отъ ея основанія. *Webb* былъ смѣтливѣе его и понялъ, что положеніе американскаго народонаселенія требуетъ того, чтобы число руководителей его было увеличено вызовомъ новыхъ проповѣдниковъ изъ Англіи. По этой причинѣ онъ началъ посылать въ Англію, къ Джону Весли письмо за письмомъ, въ которыхъ весьма краснорѣчиво описывалъ религиозно-нравственное состояніе колонистовъ Сѣверной Америки и настоятельно упрашивалъ Джона Весли о присылкѣ къ нимъ на помощь новыхъ проповѣдниковъ²⁾. Своими просьбами американскіе методисты добились того, что англійскіе методисты должны были подать помощь: на первый разъ изъ Англіи въ Америку было послано 2 проповѣдника и 50 (по *Stevens*'у 70) ф. стерл. на покрытіе первыхъ долговъ по покупкѣ капеллы. Итакъ Ньюйоркъ сталъ метрополіею американскаго методизма. Слѣдить за распространеніемъ методизма по американскимъ колоніямъ равняется почти тому же, что и прослѣдить исторію развитія самыхъ колоній и обращенія ихъ въ Соединенные Штаты; но это очень трудное дѣло³⁾. Съ своей стороны мы считаемъ достаточнымъ сказать, что *Webb* и проповѣдники, пріѣхавшіе

¹⁾ *Southey* II, 410 только къ этому году относятъ полное основаніе и правильную организацію этой общины.

²⁾ *Jacoby* *ibid.* 8; но кажется, еще раньше Уэбба Весли получалъ письма съ подобнаго рода просьбами, какъ, это видно изъ словъ *Преесс. Иоанна* вып. I, стрр. 117 и 118; сравн. *Stevens*'а I, 329 и *Jacoby* I, 138.

³⁾ Отъ послѣдняго труда отказываются такіе специалисты даже какъ *Лабулэ*, авторъ „Исторія Соединен. Штатовъ“.

изъ Англіи, въ непродолжительное время основали общины методистовъ по всей восточной окраинѣ Сѣверной Америки, гдѣ почва для нихъ была подготовлена Уайтфилдомъ ¹⁾. Въ 1770 году въ трактатѣ конференціи англійскихъ методистовъ „Америка“ была включена въ списокъ методистскихъ округовъ, какъ 50-й округъ. Въ немъ методизмъ распространяли какъ добровольно пріѣхавшіе туда англичане, такъ и нарочно высланные туда Джономъ Весли съ цѣлю проповѣданія. Послѣднимъ, какъ и слѣдовало ожидать, было предоставлено первенство въ дѣлѣ управленія вновь основанными общинами; на нихъ же лежала и подготовка проповѣдниковъ къ выступленію на проповѣдь методизма,— проповѣдниковъ изъ природныхъ американскихъ жителей. Но пріѣзжіе проповѣдники, особенно добровольцы не охотно переходили изъ одной мѣстности въ другую, потому что колоніи того времени были для нихъ мало извѣстны и не имѣли такихъ удобныхъ путей сообщенія, какъ это было въ Англіи. Отъ такого уклоненія отъ порядка, заведеннаго въ Англіи, зависѣло то, что въ самое первое время своего существованія американскій методизмъ былъ окрашенъ нѣкоторыми особенными отличительными чертами по сравненію съ англійскимъ методизмомъ. Приведеніе всего этого въ порядокъ и окончательное отождествленіе американскаго методизма съ англійскимъ было предпринято уже послѣ 1770 года, когда въ Америку былъ отправленъ проповѣдникъ Ашбѣри; послѣдній предложилъ ввести въ Америкѣ такой же планъ объѣзда общинъ, какъ это было и въ Англіи; тотъ же проповѣдникъ окончательно устроилъ американскія методистскія общины по образцу англійскихъ. Послѣ мы увидимъ, что его распоряженія возбудили въ другихъ проповѣдникахъ нѣкоторое неудовольствіе ²⁾. Количество

¹⁾ Подробности относительно проповѣди ихъ можно найти отчасти у *Пресса. Иоанна* I вып. стр. 119—121, а еще лучше у *Якобу* II, 8—23.

²⁾ Объ этомъ ясно говорятъ *Якобу* II, 29, 30 и *Пресса. Иоанна* вып. I, стр. 119—121. Примиреніе взглядовъ на отношеніе тогдашнихъ суперинтенден-

всѣхъ членовъ методизма въ Англіи и Америкѣ около этого времени возрасло до 29,179 человекъ¹⁾.

Дальнѣйшая исторія американскаго методизма стоитъ въ тѣсной связи съ политическими обстоятельствами, которыя переживались тогда англо-американскими колоніями и служить вѣрнымъ отраженіемъ ихъ²⁾. Въ началѣ 70 годовъ прошлаго столѣтія жители англійскихъ колоній въ Америкѣ находились въ сильномъ напряженіи. Чтобы понять его, мы должны припомнить, что это было время, когда подвиглся вопросъ объ отношеніи колоній къ метрополи. Англія постепенно довела до того свои требованія, что колоніи должны были возстать противъ нея. Несправедливость требованій, ничѣмъ неизвиняема³⁾, должна была убить въ колоніяхъ всякую промышленность и остановить правильный ходъ ихъ процвѣтанія, если бы колоніи согласились на ея требованія. Колоніи возстали; но исторія показываетъ, что въ этомъ возстаніи онѣ были не такъ виновны, какъ это казалось англійскимъ патріотамъ тогдашняго и послѣдующаго времени. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробный разборъ причинъ возстанія и описывать самый ходъ возстанія, а потому мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями. Населеніе колоній состояло или изъ бывшихъ ссыльныхъ (въ Виргиніи, Каролинѣ, Георгіи, Пенсильваніи, Мериландѣ), или изъ искателей религіозной свободы и богатства (Виргинія частію, а также всѣ колоніи, извѣстныя подъ именемъ Новой Англіи). Первые по самой

товъ методизма состоятъ въ томъ, что они (суперинтенденты) рѣшались терпѣть другъ друга (и только!).

¹⁾ *Stevens*, I, 341; по *Jacoby* I, 140 число доходило до 29,469 человекъ. Во всякомъ случаѣ оба числа нужно считать только приблизительноными, какъ и вообще числа въ протестантскихъ статистикахъ.

²⁾ *Southey* II, 412.

³⁾ Въ данномъ случаѣ Англія не можетъ быть оправдана даже стремленіемъ цивилизовать страну и ея жителей, какъ иногда пытаются оправдывать жестокости въ отношеніи колоній, потому что колонисты были вполне равны, если не выше жителей метрополиі по цивилизаціи.

причинъ своего переселенія были возбуждены противъ своего отечества, вторые—свободные колонисты—не могли примирить своего духа искательства и наживы съ духомъ стѣсненія, исходившимъ отъ Англіи въ ущербъ этой наживѣ. Это былъ народъ, который потомъ я кровью добывалъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и обезпечивалъ свое благосостояніе въ дикой странѣ,—народъ притомъ, ничѣмъ необязанный своему отечеству, кромѣ жизни. Повятно, что народъ этотъ тяготился незаконными и притомъ высокими пошлинами, наложенными на товары и обогащавшими въ метрополи только нѣсколько торговыхъ компаній и частныхъ спекулянтовъ. Третій родъ переселенцевъ—искатели религіозной свободы,—не могъ сносить стѣсненій, потому что имѣлъ въ виду создать новое царство—царство духа и свободы.—Но съ представленіемъ о такомъ царствѣ совершенно не мирилось притѣсненіе, которое приходилось сносить отъ заморскихъ чужеземцевъ, хотя они говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Такимъ образомъ уже въ самыхъ первыхъ поколѣніяхъ колонистовъ лежало зерно недовольства англійскимъ правительствомъ. Но съ одной стороны въ этихъ первыхъ поколѣніяхъ еще живо было представленіе объ отечествѣ, къ которому неизъяснимо влечется духъ чело-вѣка, а съ другой стороны стѣсненія правительства метрополи въ первое время были не такъ велики, какъ послѣ (во 2 и 3 четверти прошлаго вѣка). Такимъ образомъ колонисты почти полтора вѣка позволяли англійскимъ купцамъ обогащаться на свой счетъ. Новыя поколѣнія колонистовъ иначе взглянули на это дѣло: ихъ уже ничто не привязывало къ Англіи; Америка была вполне ихъ отечествомъ; еще менѣе могли чувствовать свою связь съ Англіею переселенцы изъ нѣмцевъ на англійскихъ земляхъ. Извѣстный поступокъ бостонскихъ жителей съ чаемъ¹⁾ былъ поводомъ

¹⁾ Подробности объ этомъ событіи можно прочесть въ общихъ курсахъ гражданской исторіи.

къ началу открытой вражды, которая окончилась освобожденіемъ колоній изъ-подъ власти Англіи и образованіемъ государства сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Вопросъ объ отношеніи колоній къ Англіи былъ серьезнымъ вопросомъ для американской церкви вообще и для методистовъ въ частности. Нужно помнить, что духовенство въ Америку присылалось большею частію изъ Англіи. Когда же началась война за независимость (1774—1783)¹⁾, то мирныя сношенія колоній съ метрополіею должны были прекратиться: война эта велась съ цѣлію защитить основныя жизненныя колониальныя права, а потому всякій сынъ колоній долженъ былъ стать врагомъ Англіи и наоборотъ. Отсюда произошла рознь между духовенствомъ и жителями страны, а въ частности между методистскими духовными руководителями изъ англичанъ и ихъ помощниками изъ американцевъ. Англійское духовенство въ большинствѣ случаевъ покинуло страну, оставивъ свои паствы на произволъ судьбы²⁾. Если теперь взять во вниманіе, что въ колоніяхъ Америки и прежде всегда ощущался недостатокъ въ религіозно-нравственныхъ руководителяхъ общества³⁾, то будетъ понятно, что во время войны этотъ недостатокъ ощущался еще живѣе. Методисты находились въ положеніи совершенно похожемъ на положеніе другихъ религіозныхъ обществъ. Но ихъ дѣла значительно ухудшились послѣ того, какъ постепенно выяснился взглядъ руководителей методизма на войну за независимость. Изъ всѣхъ англійскихъ методистовъ въ Америкѣ во время войны оставался только Ашбѣри, который и взялъ на себя руководство общинъ и присмотрѣлъ за природными американскими пропо-

¹⁾ Подробности о войнѣ за независимость смотр. у *Лабуле* въ Исторіи Соед. Штатовъ т. II.

²⁾ *Jacoby* II, 43, подробно упоминаетъ объ этомъ фактѣ, не замѣчая противорѣчія своего въ словахъ о значеніи духовенства для нравственной жизни народа.

³⁾ *Southey* II, 407.

вѣдниками въ этихъ общинахъ. Но положеніе его и его помощниковъ было очень затруднительно; дѣло въ томъ, что методисты признавали своимъ главою Джона Весли; послѣдній же былъ преданнымъ сыномъ своего отечества и любилъ его правительство, а потому не одобрялъ возстанія колоній, о чемъ ясно высказался въ письмѣ, присланномъ съ этою цѣлю въ Америку; онъ увѣщавалъ колонистовъ-методистовъ повиноваться предержавной власти. То же самое сдѣлалъ и Чарльзъ Весли. Понятно, что при напряженіи страстей, какое съ необходимостью обнаруживается въ народныхъ движеніяхъ, методисты являлись (въ глазахъ революціонеровъ) поборниками правъ Англій и противниками свободы. Ихъ начали преслѣдовать; преслѣдованія выражались въ самой грубой формѣ и на время войны почти прекратили распространеніе методизма въ С.-Штатахъ¹⁾. Число методистовъ въ колоніяхъ было въ то время уже довольно велико (до 7000 человекъ), а потому колонисты не могли отнестись къ нему безразлично: проповѣдники методизма должны были прекратить свои разъѣзды; Амбѣри (главный руководитель) даже долженъ былъ скрываться у нѣкоторыхъ друзей. Дѣтъ пять спустя послѣ начала войны настроеніе умовъ стало измѣняться: вѣроятно, что методисты успѣли убѣдиться въ безопасности, и ихъ руководители съ 1779 года начали дѣйствовать гораздо свободнѣе. Такъ, въ этомъ году уже Амбѣри осмѣлился созвать проповѣдниковъ методизма на общій совѣтъ; проповѣдники признали въ немъ своего суперинтендента (главнаго духовнаго руководителя). Съ этого времени вполнѣ были устранены важнѣшія препятствія къ распространенію методизма въ Америкѣ, хотя внутреннія затрудненія касательно устройства организаціи и управ-

¹⁾ Это будетъ для насъ понятно, если мы будемъ имѣть въ виду, что преслѣдованія не имѣли въ себѣ религіозной подкладки. — Подробнѣе объ отношеніи братьевъ Весли къ войнѣ за независимость см. у *Southey* II, 412—415. *Jacoby* II, 44, 45; у *Preuss. Иоанна* дѣло представляется какъ-то слутаяно. (См. I вып., стрр. 121, 122.)

ленія, а также по поводу отправления богослуженія еще существовали¹⁾. Къ концу 70 годовъ число методистовъ въ американскихъ общинахъ простиралось до 12 тысячъ чело-вѣкъ, которые были разсѣяны по всѣмъ 13 штатамъ, отдѣлившимся отъ Англіи; это большое пространство не могло быть предметомъ надзора одного только суперинтендента; чтобы облегчить себѣ трудъ, Ашбѣри рѣшилъ собирать проповѣдниковъ методизма 2 раза въ годъ и въ различныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ бѣдные проповѣдники могли освободиться отъ издержекъ и трудовъ по поѣздкѣ въ штаты отдаленные; а суперинтендентъ могъ съ удобствомъ сдѣлать то въ 2 раза, что прежде приходилось сдѣлать за одинъ разъ.

Распространеніе методизма въ американскихъ коло-ніяхъ произошло сравнительно раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ (въ другихъ англійскихъ колоніяхъ и земляхъ, имѣвшихъ сношенія съ Англіею). Мы нисколько не должны удивляться этому обстоятельству по той причинѣ, что до от-дѣленія Штатовъ отъ Англіи они представляли собою не больше, какъ провинцію англійскаго государства. Колоніи жили съ метрополіею одною жизнію: онѣ имѣли почти одно и тоже народонаселеніе, управлялись одними законами; власти колоній назначались парламентомъ и королемъ; боль-шинство духовенства было изъ Англіи; общность интере-совъ еще болѣе скрѣплялась единствомъ промышленности и торговли. Естественно, что методизмъ явился въ колоні-яхъ почти одновременно съ появленіемъ въ метрополіи. Что касается другихъ странъ, то интересы ихъ жителей съ метрополіею были не такъ тѣсно и всесторонне связаны, какъ отношенія американцевъ. Въ частности такіа мѣста, какъ находящіяся по сосѣдству съ Англіею острова Джерзи (Jersey) и Гернзи (Guernsey), но принадлежащія францу-

¹⁾ Эти затрудненія тогда волновали весь методизмъ Англіи и Америки, а также и епископальную церковь,—о чемъ мы будемъ говорить послѣ.

замъ и имѣющіе французское народонаселеніе, познакомились съ методизмомъ позже, чѣмъ американскія колоніи, не смотря на свои постоянныя торговыя сношенія съ Англіею и на то, что во время упомянутыхъ военныхъ дѣйствій (во время войны за испанское наследство) корабли англичанъ постоянно крейсировали около этихъ мѣстъ. Только въ 1783 году методизмъ проникъ на эти острова; первыми проповѣдниками его были солдаты, пріѣхавшіе изъ Англіи; предъ отъѣздомъ имъ удалось прослушать нѣсколько проповѣдей капитана Уэбба (Webb), когда онъ еще былъ въ Англіи. Но необразованные солдаты съ трудомъ могли объясняться на французскомъ языкѣ и не могли быть проповѣдниками въ полномъ смыслѣ этого слова. На помощь къ нимъ Джонъ Весли отправилъ способнаго человѣка; съ пріѣздомъ этого послѣдняго методизму на островахъ данъ былъ правильный ходъ¹⁾. Что касается до острововъ расположенныхъ недалеко отъ американскихъ береговъ, то на нихъ методизмъ распространился сначала изъ колоній, а потомъ изъ Штатовъ Сѣверной Америки²⁾. Торговцы, рыбаки, лодчаны, корабельные мастера и т. п. люди распространяли его во время своихъ разъѣздовъ по Ньюфаундленду, Новой Шотландіи и др. островамъ. Распространеніе методизма по Вестъ-индскимъ островамъ началось еще раньше, чѣмъ въ колоніяхъ, какъ думаетъ *Southey*³⁾ во это весьма сомнительно: слѣдовъ его до 80-хъ годовъ тамъ не было замѣтно, и потому другіе историки методизма умалчиваютъ объ этомъ. Распространеніе методизма и развитіе его до полныхъ своихъ формъ на островахъ Вестъ-Индіи относится къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія, когда тамъ появились проповѣд-

¹⁾ *Jacoby* I, 163, 167;—проповѣдникомъ здѣсь былъ нѣкто Кильгамъ (Kilham), который влослѣдствіи извѣстенъ сталъ, какъ основатель особой деноминаціи методизма. Онъ основалъ общину, назвалъ капеллу и т. д.

²⁾ За исключеніемъ Вестъ-индскихъ, какъ увидимъ ниже.

³⁾ *Southey* II, 431—говоритъ, что оно было задержано благодаря обстоятельствамъ, хотя началось рано.

вился изъ Северо-американскихъ Штатовъ. Еще въ 1758 году одинъ изъ ораторовъ общественнаго собранія на островѣ Антигуа ¹⁾ былъ по своимъ вуждамъ въ Англія, познакомился съ методистами и принялъ ихъ ученіе. Возвратившись изъ Англіи, онъ началъ проповѣдать среди негровъ, работавшихъ на плантаціяхъ. Негры по особеннымъ свойствамъ своей національности были самымъ подходящимъ предметомъ для проповѣди методизма ²⁾. Но благодаря тому, что они, какъ рабы, не могли распоряжаться своею свободою, успѣхъ проповѣди методизма среди нихъ зависѣлъ отъ ихъ господъ, отъ расположенія послѣднихъ къ методизму. По *Southey* и *Jacoby* успѣхъ былъ довольно значителенъ ³⁾. Смерть упомянутаго проповѣдника не задержала развитія юпой общины, потому что послѣ него проповѣдали двѣ невольницы изъ негровъ при содѣйствіи одной англичанки ⁴⁾. Къ проповѣданію стремились и многіе другіе негры. Понятное дѣло, что проповѣдь ихъ не могла совершаться съ такою непрерывностью и правильностію, какъ въ Англію. Негры не могли переходить съ одного мѣста на другое, не могли посвящать проповѣди часовъ, назначенныхъ для работы. Проповѣданіе происходило преимущественно по ночамъ. Все это вредно отзывалось на общинѣ; она постоянно уменьшалась. Новое возрастаніе ея начинается съ прибытіемъ туда корабельныхъ мастеровъ изъ методистовъ, которые въ концѣ 70-хъ годовъ присланы были въ ту мѣстность по распоряженію правительства. Они собрали вокругъ себя остатки методистовъ и продолжали дѣло обращенія новыхъ прозелитовъ изъ негровъ ⁵⁾.—На островѣ

¹⁾ 66° западн. долг. и 17° сѣв. шир *Lapie Atlas universelle de Géographie. Paris.*

²⁾ Объ этомъ мы будемъ говорить при удобномъ случаѣ еще нѣсколько разъ.

³⁾ *Wesley's Leben II, 437* и *Geschichte d. Methodismus I, 169.* Оттуда видно что община состояла первоначально изъ 200 человекъ.

⁴⁾ *Southey II, 438.*

⁵⁾ *Southey II, 439.*

Имайкъ проповѣдникомъ методизма былъ капитанъ Уэббъ, извѣстный по первоначальной исторіи методизма въ Нью-Йоркѣ ¹⁾.—Но всѣ подобныя попытки къ распространенію методизма по Вестъ-индскимъ островамъ принадлежатъ къ числу отрывочныхъ явленій: систематическая миссія методизма среди негровъ Вестъ-Индіи относится въ тому времени, когда американскій методизмъ вполнѣ отдѣлился отъ англійскаго методизма. Поэтой причинѣ естественное о распространеніи методизма въ Вестъ-Индіи говорить при описаніи миссій методизма; тогда же мы увидимъ какой типъ методизма; тогда же мы увидимъ, какой типъ методизма привился въ этой мѣстности.

Итакъ въ первый періодъ методизма онъ распространился по всѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ англичане имѣли свое мѣстопробываніе, или въ которыхъ съ жителями поддерживались такія или иныя сношенія. Но мы должны сдѣлать оговорку. Область распространенія была все-таки значительно меньше, чѣмъ область могущества англійской націи. Говоря „распространился“, мы хотимъ сказать только то, что методисты дѣлали попытки къ его распространенію. Дѣйствительное же распространеніе его было не такъ успешно и быстро, какъ это стараются показать историки методизма (особенно методисты). Нужно помнить, что методисты въ большинствѣ случаевъ были люди необразованные, которые знали только свой родной языкъ, а потому не могли имѣть вліянія въ странахъ, съ населеніемъ, говорящимъ на другихъ языкахъ,—что ясно сказалося при проповѣди на островахъ Джераи и Гервази. Съ другой стороны, будучи большею частію представителями низшихъ классовъ англійской націи, методисты и не пускались въ путь туда, гдѣ было трудно завести сношенія съ жителями-туземцами. Этимъ мы не хотимъ сказать того, что въ первый періодъ методисты не дѣлали попытокъ распространять свое ученіе въ такихъ мѣстахъ напримѣръ, какъ Капская земля (югъ

¹⁾ *Jacoby* II, 8.

Африки), или еще гдѣ-нибудь, куда проникали англійскія суда. Весьма вѣроятно, что такого рода попытки всегда были ¹⁾, но при отсутствіи правильно организованныхъ миссіонерскихъ обществъ эти попытки были очень рѣдки и пропадали для исторіи методизма безслѣдно, потому что не имѣли нужной поддержки. Изъ отношенія Джона Весли къ дѣлу распространенія методизма можно видѣть, что онъ никакъ не ожидалъ, что поднятое имъ движеніе будетъ имѣть даже и такіе результаты; поэтому онъ стремился только къ тому, чтобы умѣрять, сдерживать и упорядочивать ходъ методизма; его самого страшила неожиданная ревность его помощниковъ — проповѣдниковъ изъ неосвященныхъ къ проповѣди мирянъ ²⁾. Ревность ихъ сказывалась вопреки всѣмъ препятствіямъ, не смотря ни на какія задержки. Плодомъ ея было то, что изъ методистскаго кружка, по числу членовъ колебавшагося между 5 и 25 человекъ, въ 60 лѣтъ выросло общество методистовъ въ 120 т. человекъ ³⁾.

Говоря о распространеніи методизма мы уже не разъ упоминали о томъ, что въ первый періодъ было двѣ партіи методистовъ: партія Джона Весли и партія Джорджа Уайт-

¹⁾ Это тѣмъ вѣроятнѣе, что распространеніе методизма для его послѣдственной ступени стало какою-то нависю—*idée fixe*.

²⁾ *Southey II*, 71, 72; 96.

³⁾ Это число методистовъ было распределено по странамъ, принадлежащимъ Англій въ такомъ приблизительно порядкѣ:

Въ Англій	65 округовъ,	195 проповѣдниковъ,	52,832 члена
— Ирландіи	29 —	67 —	14,106 —
— Вестъ-Индіи	7 —	13 —	4,500 —
На Островѣ Монтъ (Man)	1 —	3 —	2,580 —
Въ Шотландіи	8 —	18 —	1,086 —
— Британск. Америкѣ	4 —	6 —	800 —
— Валлисѣ (Wales)	3 —	4 —	466 —
На Норманск. островахъ	2 —	4 —	498 —
Всего въ этихъ мѣстахъ	119 —	310 —	76,868 —
Въ Соединенныхъ Штатахъ	97 —	198 —	43,265 —
Всего вообще было	216 —	508 —	120,133 —

(См. *Southey II*, 436 и *Jacoby I*, 186).

Филда, или партія арминіано-методистовъ и партія кальвино-методистовъ. Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду показать, какимъ образомъ методизмъ, выросшій изъ одного корня, раздѣлился на двѣ цѣтви, противоположнаго до крайности характера. Это объясняется легко. Методизмъ выросъ среди англійскаго народа, а потому долженъ былъ отразить въ себѣ все особенности его вѣрованій, его взгляды, привычки и вообще нравы. Методизмъ не стремился къ уничтоженію догматическихъ разностей въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ; естественно поэтому, что въ его рядахъ мы видимъ людей съ самыми различными воззрѣніями въ области догматики. Методисты убѣждали людей къ тому, чтобы они искали спасенія; для этого они предлагали извѣстный методъ вѣшной жизни, который могъ быть вѣ связи съ какимъ бы то ни было теоретическимъ воззрѣніемъ. Соглашавшійся принять этотъ методъ и руководиться имъ въ своей жизни былъ включаемъ въ число членовъ какой-нибудь методистской общины; при чемъ не обращалось вниманія на его догматическія воззрѣнія¹⁾. Отсюда выходило то, что между методистами съ самаго начала можно было встрѣтить людей изъ разныхъ религіозныхъ обществъ, которыми была такъ богата Англія. Въ Англіи во все время ея исторіи послѣ Реформаціи, кромѣ заведомо кальвинскихъ общинъ, каковыми были общины пресвитеріанскія баптистскія, было весьма много тайныхъ и явныхъ кальвинистовъ, считавшихся членами господствующей церкви, потому что ученіе епископальной церкви, какъ мы видѣли раньше, имѣетъ очень много пунктовъ близкихъ къ кальвинству²⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ окончательно были

¹⁾ Сравнить 5 правило Бѣлера (Jacoby I, 60) съ III правил. Весаи (Jacoby II, 71, 72).

²⁾ Hunt. History of Religious Thoughts in England, V. I, p. 150; сравн. Baur Ferd. op. cit., 55, 412, 413.

редактированы XXXIX членовъ (и даже еще раньше), споры кальвинистовъ и арминіанъ въ Англіи почти не прерывались; особенно сильно они сказались въ XVII и XVIII в.в. ¹⁾. Такимъ образомъ противоположность въ методизмъ и разрывъ его на кальвинскую партію есть только незначительный эпизодъ кальвино-арминіанской борьбы.—Разность въ догматическихъ воззрѣніяхъ Весли и Уайтфилда объясняется какъ ихъ воспитаніемъ, такъ и побочными обстоятельствами ихъ знакомства въ первые его дни. Весли еще съ первыхъ дней обученія своего усвоилъ себѣ арминіанскій взглядъ на предопредѣленіе людей ко спасенію ²⁾. Этотъ взглядъ сказывался по всей его дѣятельности: приписывая большое значеніе свободѣ челоуѣка, онъ много трудился для самообразованія, пережилъ мучительное состояніе внутренняго переворота и велъ аскетическую жизнь; во всемъ этомъ онъ видѣлъ средства къ нравственному самоусовершенствованію, а слѣдовательно и къ вѣчному спасенію. Воспитаніе Уайтфилда равнялось отсутствію всякаго воспитанія; мы видѣли, что въ немъ долго боролись добрыя качества съ дурными; но не могъ онъ считать себя вполне активнымъ въ этой борьбѣ. Случайно (по его мнѣнію) попалъ онъ въ университетъ; случайно сошелся съ методистами; подъ вліаніемъ религіозно-нравственныхъ книгъ съ нимъ произошелъ быстрый переломъ. Эти случайности съ религіозно-нравственной точки зрѣнія были дѣломъ Высшаго Непостижимаго Существа,—и самъ Уайтфилдъ мѣше всего могъ считать себя дѣятелемъ въ томъ, что съ нимъ произошло ³⁾. Дальнѣйшая жизнь его удивительно—неожиданна: года черезъ три послѣ знакомства съ методистами онъ сдѣ-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Сравн. *Проеванч. Іоанна* вып. I, стр. 16—18, съ словами *Lesquy* о воспитаніи Весли S. 33.

³⁾ *Stevens* I, 47 приводитъ собственныя слова Уайтфилда, подтверждающія нашу мысль.

лался діакономъ и проповѣдникомъ, настолько знаменитымъ, что его сходились слушать толпы народа человѣкъ въ тысячу и больше. Если прибавить къ этому, что въ руки Уайтфилда въ большинствѣ случаевъ попадались сочиненія съ кальвинскимъ направленіемъ богословія¹⁾, а также и то, что вліянія этихъ сочиненій ничто не могло парализовать²⁾, что наоборотъ обстоятельства наталкивали его на кальвинистовъ³⁾, то вполне станетъ яснымъ, почему онъ изъ веселаго трактирнаго болтуна обратился въ истаго послѣдователя Кальвина, со всѣмъ его мрачнымъ пурризмомъ.—Говоря о кальвинскихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ Уайтфилда, мы не хотимъ этимъ сказать того, что Уайтфилдъ былъ причиною раздвоенія методистовъ: догматическія несогласія методистовъ поднялись не по его почину и даже безъ его вѣдома. Для этихъ несогласій личные взгляды Уайтфилда важны въ томъ отношеніи, что методисты, склонявшіеся на сторону кальвинизма, нашли въ Уайтфилдѣ авторитетъ, на которомъ можно было опереться съ своими взглядами: Уайтфилдъ не поднималъ догматическихъ споровъ, не желалъ ихъ и даже не звалъ о ихъ возникновеніи въ первое время. Въ доказательство этого мы можемъ привести тѣ, что послѣ начала несогласій въ вопросѣ о предопредѣленіи онъ старался избѣгать спорныхъ пунктовъ, а въ моментъ ихъ возникновенія онъ былъ въ Америкѣ. Споры о предопредѣленіи въ методистскихъ общинахъ возникли еще во время повѣдки Джона Весли въ Гернгутъ (1738 г.) и настолько сильно, что требовалось присутствіе въ общинахъ самаго Джона Весли⁴⁾. Энергическая дѣятельность Джона Весли послѣ

1) *Lecky* S. 36.

2) Уайтфилдъ поспешно сгладилъ въ сторонѣ отъ Джона Весли и былъ мало подлѣ вліяніемъ гернгутіанъ.

3) Переселенцы въ Новой Англіи были въ большинствѣ случаевъ пуритане-кальвинисты въ самой крайней степені, какъ это утверждаетъ *Лабуле* (*ibid.* чтенія VI—IX) и другіе историки.

4) *Southey* I, 197.

пріѣзда оттуда, основаніе новыхъ общинъ, несогласіа съ гернгутіанами, вѣроятно, объединили всѣхъ методистовъ и заставляли ихъ забыть о домашнихъ дѣлахъ; споры были отодвинуты на задній планъ. Когда же вопросъ о раздѣленіи съ гернгутіанами былъ поконченъ, то споры эти снова возникли и именно въ той области, гдѣ имъ естественнѣе всего было возникнуть—около кингсвудской общины,—а также въ лондонской общинѣ—центрѣ методизма съ самыми разнородными элементами¹⁾. Въ февралѣ 1741 года учитель бристольско-кингсвудской школы,—методистъ изъ мірянъ-проповѣдниковъ, — обнаружилъ свои строго-кальвинскіе взгляды и началъ открыто заявлять свое несогласіе съ Джономъ Весли; послѣдній долженъ былъ поспѣшить изъ Лондона въ Бристоль. Не имѣя силъ устоять противъ богословски образованнаго Джона Весли, этотъ учитель (*Саттикъ*) вызвалъ изъ Америки Уайтфилда, зная хорошо, что найдетъ опору въ этомъ проповѣдникѣ, слава котораго тогда гремѣла по всей Англiи²⁾. Но, кажется, еще до пріѣзда Уайтфилда около *Саттик'а* собралось общество его кальвинствующихъ единомышленниковъ въ количествѣ 25 человекъ³⁾. Уайтфилдъ до своего пріѣзда написалъ Джову Весли нѣсколько писемъ, въ которыхъ, убѣждая Весли къ прекращенію споровъ, просилъ умалчивать о спорныхъ пунктахъ, не раздувать вражды. Тѣмъ не менѣе самъ Уайтфилдъ постоянно касается этихъ пунктовъ и весьма настойчиво развиваетъ „отвратительную догматику“ Кальвина⁴⁾.

¹⁾ Особенно сильны были споры въ лондонской общинѣ, гдѣ множество невѣжественныхъ проповѣдниковъ и руководителей методизма принялись богословствовать на всѣ лады. См. *Southey I*, 331—341; *Stevens*, I, 109, 110.

²⁾ *Southey I*, 346.

³⁾ *Southey I*, 349, 350; *Jacoby I*, 78.

⁴⁾ Часть переноски приведена у *Southey I*, 337—341. Изъ нея видна горячность Уайтфилда и его рѣзкій оскорбительный тонъ. Гораздо мягче становится онъ послѣ раздѣленія общества методистовъ когда ему пришлось убѣдиться, какъ для него невыгодны были споры по данному вопросу. Это замѣтно изъ одного письма, написаннаго по дорогѣ изъ Америки (*Southey I*, 354). О томъ же можно заключить со словъ *Stevens'а I*, 231.

Когда отделившиеся единомышленники *Сантик'а* увидели для себя поддержку въ Уайтфилдъ, они съ большею дерзостью начали нападать на Джона Весли и достигли того, что около половины членовъ тогдашней общины пристало къ нимъ ¹⁾. Джонъ Весли долго уговаривалъ ихъ, произнесъ свое извѣстное слово „Свободная благодать“, отпечаталъ его и пустилъ въ обращеніе среди общества ²⁾. Но ничто не могло сдержать разгорячившихся богословствующихъ невѣждъ. Наоборотъ, рѣшительно высказанные и настойчиво проведенные взгляды Весли были рѣзкою гранью, раздѣлившею методистовъ на двѣ партіи. Съ этого времени методисты дѣлятся на кальвино-методистовъ и арминіано-методистовъ, или на партикуляристовъ и универсалистовъ; представителемъ первыхъ сталъ Джорджъ Уайтфилдъ, представителемъ и руководителемъ вторыхъ—Джонъ Весли ³⁾. Собственно только послѣ отдѣленія отъ Джона Весли, Уайтфилдъ понялъ важность единенія методистовъ для себя и своихъ приверженцевъ; это сознаніе заставляло его всѣми силами поддерживать дружбу съ Джономъ Весли ⁴⁾. Но такъ какъ онъ лично былъ только средствомъ къ объединенію кальвино-методистовъ, а не зачищикъ неудовольствія, то новаго соединенія произойти уже не могло, потому что проповѣдники изъ простыхъ мирянъ постоянно раздували споры своею горячностью. Это отдѣленіе и эти споры не повредили дѣлу методизма вообще, но для кальвино-методи-

¹⁾ *Southey* I, 353; по *Lecky* S. 60 отделившихся членовъ было до 50 человекъ.

²⁾ *Проевс. Иоаннъ*, вын. I, стр. 64. Содержаніе „Свободной благодати“ стр. 60—61.

³⁾ Названіе партикуляристы и универсалисты происходятъ отъ того, что кальвинисты признають дѣйствіе спасающей благодати только въ вѣкоторой части людей (*part*); наоборотъ арминіане утверждаютъ, что во спасенію призываются все и благодать спасающая дѣйствуетъ во всѣхъ, хотя спасаются и не все (*universi*). См. *Histoire d. Sectes Religieuses*, T. IV, 474, *Schlegel*, *op. cit. ibid.* 732.

⁴⁾ Со словъ *Southey* I, 345 видно, что Весли смотрѣлъ на Уайтфилда съ сожалѣніемъ.

ство въ они были роковыми. (Объединяющей связи кальвино-методисты у себя не имѣли: о нихъ вполнѣ можно было сказать, что у нихъ было „сколько головъ, столько умовъ“; вслѣдствіе такого разномыслия попытки прочной единой организаціи кальвино-методизма не удалась¹⁾. Правда, Уайт-филдъ увлекалъ своими проповѣдями въ общины кальвино-методистовъ многихъ членовъ; но постоянные разѣзды по Англіи и почти непрерывные переѣзды изъ Европы въ Америку, при отсутствіи организаторскаго таланта, были причиною того, что онъ не могъ своихъ послѣдователей сплотить въ одно цѣлое. Устроивъ отдѣльную отъ прочихъ методистовъ капеллу для богослуженія по сосѣдству съ главною капеллою арминіанскихъ методистовъ, или Фаундери—капеллою, поручивъ управленіе наличною общиною своихъ приверженцевъ проповѣдникамъ изъ мірянъ, онъ отправился снова путешествовать²⁾. Его общины совершенно разсыпались бы, если бы одна дама изъ высшаго лондонскаго общества не взялась за поддержку ихъ. Дама эта—Леди Гѣнтингдонъ (Lady Huntingdon)—играетъ въ исторіи кальвинскаго методизма весьма видную роль³⁾. Она и ея двѣ невѣстки еще въ Оксфордѣ покровительствовали студентамъ-методистамъ, а одна изъ нихъ даже вышла замужъ за Ингама⁴⁾. При большихъ денежныхъ средствахъ и съ сильною протекціею въ высшемъ кругѣ, эти кальвино-мыслящія дамы имѣли возможность поддержать кальвинскій методизмъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ этого времени Леди Гѣнтингдонъ

¹⁾ *Southey*, I, 356, 357.

²⁾ *Southey* II, 339; *Jacoby* I, 79; *Stevens* I, 114.—Устроенная Уайтфилдомъ капелла известна подъ именемъ шалаша, палатки (Tabernacle). Сп. *Histoire des Sectes religieuses* IV 6, 475. p.

³⁾ Одна часть кальвино-методистовъ и до сихъ поръ носитъ ея имя—*Connection of Lady Huntingdon*. См. *Grundemann*, *Allg. Missions-Atlas*.

⁴⁾ Известный уже намъ другъ Джона Весля и его сотрудникъ по устройству проповѣди въ Америкѣ и слуга въ Гернигугъ. Основатель особой отрасли методизма, чѣмъ мы увидимъ нѣсколько ниже.

стала для кальвино-методистовъ тѣмъ же, чѣмъ Джонъ Весли былъ для арминіано-методистовъ: она стала центромъ, около котораго сгруппировались проповѣдники кальвино-методизма. Она устраивала для ихъ общинъ капеллы на свой счетъ; она дарила имъ деньги для покупки необходимыхъ для этого зданій; она устраивала семинаріи для обученія проповѣдниковъ, лично наблюдала за ходомъ учебнаго дѣла въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, посѣщая классы и присутствуя на экзаменахъ¹⁾, выбирала и назначала въ проповѣдники учениковъ, казавшихся ей наиболѣе пригодными для этой цѣли. Для непосредственнаго наблюденія за жизнью общинъ она сама путешествовала въ кругу проповѣдниковъ по Англіи и Шотландіи. При помощи ея кальвино-методисты привлекли на свою сторону нѣкоторыхъ лицъ епископальнаго духовенства, склонявшагося къ кальвинству²⁾; она же ввела въ свой домъ Уайтфилда и дала ему возможность блеснуть своимъ краснорѣчіемъ предъ представителями высшей лондонской аристократіи³⁾. Домъ ея проповѣдники кальвино-методизма считали своимъ домомъ, а Уайтфилдъ даже считался священникомъ ея домовою церкви (Charlain). Леди Гентингдонъ прекрасно сознавала, что усиленіе раздоровъ кальвино—и арминіано-методистовъ будетъ гибельнымъ для первыхъ, а потому старалась примирять руководителей методизма; поэтому въ свою домовую церковь⁴⁾ приглашала проповѣдать Джона Весли и его сотрудниковъ.

Благодаря такой заботливости графини Гентингдонъ

¹⁾ *Stevens* I, 230 говоритъ, кажется, объ одномъ изъ такихъ именно посѣщеній семинаріи.

²⁾ *Stevens* I, 123—124.

³⁾ *Southey* II, 341—343 и *Stevens* I, 121 и дал.—Извѣстно, что нѣкоторые аристократы склонялись на сторону кальвино-методизма.

⁴⁾ *Jacoby* I, 80.—„Но полной дружбы между Уайтфилдомъ и Весли никогда не возобновилось“,—прибавляетъ *Southey*, въ своемъ разсказѣ о томъ же (См. *Wesley's Leben* II, 346).

кальвинскій методизмъ не исчезъ безслѣдно для исторіи; благодаря же краснорѣчію и трудамъ Уайтфилда онъ распространился. Мы видѣли равнѣе, что Уайтфилдъ и леди путешествовали по Уэльзу (Wales), гдѣ первый помогаль своими совѣтами и своею опытностію въ проповѣди *Howell Harris*'у, тамошнему проповѣднику, а вторая устраивала общины изъ вновь обратившихся членовъ; она тогда же основала семинарію съ кальвино-методистскимъ направленіемъ воспитанія¹⁾. При разсказѣ о распространеніи кальвино-методизма въ Шотландіи, мы упоминали о томъ, что онъ имѣлъ тамъ значительный перевѣсъ надъ арминіано-методизмомъ. Въ Ирландіи Уайтфилдъ былъ два раза, и если въ первый разъ имѣлъ тамъ нѣкоторый успѣхъ, то во второй разъ по *Stewens*'у имѣлъ мало успѣха, а по *Southey* едва не лишился жизни²⁾. Благодаря вліянію графини Гѣнтингдонъ въ 50 годахъ прошлаго столѣтія на сторону кальвино-методистовъ перешло около 6 лицъ кальвинскаго духовенства и епископальной церкви и диссентеровъ; эти духовные своею дѣятельностію много содѣйствовали распространенію кальвинскаго методизма въ разныхъ частяхъ Англіи и Шотландіи³⁾. Главными распространителями его были Уайтфилдъ и *Howell Harris*, а перешедшее на ихъ сторону духовенство только помогало имъ своимъ вліяніемъ. Они не составляли правильныхъ методистскихъ соборій, но за то постоянно держали совѣщанія о дѣлахъ кальвино-методизма, собираясь по временамъ у графини

¹⁾ *Southey* II, *ibid.*; *Stevens* I, 124.—Немного раньше *Stevens* упоминаетъ о томъ, что графиня на дѣла методизма подарила 100 т. фунт. стерлинговъ.

²⁾ *Stevens*, I, 287, 291; слова *Southey* мы уже приводили (см. выше о распространеніи методизма въ Ирландіи).

³⁾ Между ними особенно выдавался Берриджъ (*Berridge*), умѣвшій сильно дѣйствовать на массу народа; Ромэнъ (*Romaine*), еще въ университетѣ прославившійся, какъ рьяный методистъ, и Веннъ (*Venn*), котораго Уайтфилдъ прозвалъ „сыночь гроха“ за его сильную проповѣдь. *Stevens* I, 291 - 298; *Lacky* SS, 108—115.

Гёвтингдонъ; послѣдняя не злоупотребляла своимъ могуществомъ, предоставляя имъ полную свободу слова и дѣйствій. У историковъ методизма (особенно методистовъ) леди эта представлена такимъ же странствующимъ по Соединеннымъ Королевствамъ лицомъ, какъ и всѣ поклонники-проповѣдники методизма¹⁾. Въ противоположность арминіано-методистамъ кальвино-методистскіе проповѣдники ѣздили по странѣ цѣлыми обществами, проповѣдуя, совершая богослуженіе и т. д. въ церквахъ приходовъ, которыми завѣдывали сочувствовавшія кальвино-методизму духовныя лица²⁾.— Къ концу 60 годовъ дѣла кальвино-методистовъ находились въ блестящемъ положеніи: они имѣли все необходимое для обезпеченія себѣ дальнѣйшихъ успѣховъ: финансовая сторона и сочувствіе въ странѣ были въ достаточной степени пріобрѣтены, а, главное, до этого времени они сохраняли, благодаря Уайтфилду и Весли, достаточный внѣшній миръ съ арминіано-методистами. Въ 1770 году этотъ миръ былъ нарушенъ, — что и послужило роковымъ ударомъ для кальвино-методизма³⁾. Поводомъ къ ссорамъ послужило, нужно думать, то обстоятельство, что многіе арминіано-методисты увлеклись благоприятнымъ положеніемъ дѣлъ кальвино-методистовъ и перешли на сторону послѣднихъ, начавши развивать ученіе кальвино-методизма до самыхъ крайнихъ антиномистическихъ выводовъ, — что служило къ большому

¹⁾ *Stevens* I, 343.

²⁾ На сторонѣ кальвино-методистовъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ было до 40 духовныхъ лицъ епископальнаго и диссидентскаго духовенства. Джонъ Весли, какъ увидимъ послѣ, хотѣлъ ихъ увлечь на свою сторону; но попытка его была неудачна (См. *Southey* II, 384). По той же причинѣ онъ считалъ необходимымъ быть въ дружбѣ съ леди Гёвтингдонъ и Уайтфилдомъ, — т. е. чтобы оказывать другъ-другу взаимную поддержку (въ 1766 году. *Stevens*, I, 351, 352).

³⁾ Миръ этотъ постоянно былъ нарушаемъ и раньше; и тогда онъ вызывалъ болѣе или менѣе серьезныя вспышки и значительныя волненія въ общинахъ. Онъ поднимался горячими проповѣдниками; обыкновенно онѣ стихали, когда въ нихъ влѣзавались Весли съ Уайтфилдомъ. Въ дневникѣ Весли есть мѣста, изъ которыхъ видно, что онъ чтялъ высоко Уайтфилда, и наоборотъ. Въ

нравственному соблазну других¹⁾). Понятно, что Джонъ Весли не могъ предоставить этого движенія самому себѣ: онъ началъ проповѣдать противъ всѣхъ крайностей кальвинства²⁾). Возникли споры, которыхъ смягчить теперь было уже некому, потому что Уайтфилдъ во время споровъ оставался въ Америкѣ, гдѣ въ 1770 г. и умеръ. Проповѣди Джона Весли по этому поводу, сохранившія и въ настоящее время силу своей доказательности, сильно подрывали ученіе кальвино-методистовъ; его противники были не въ силахъ защищаться и потому обратились къ брани и насмѣшкамъ. Результатомъ всего этого было то, что Джонъ Весли на общемъ собраніи методистовъ 1770 года пересмотрѣлъ кальвинское ученіе, а также ученіе объ оправданіи человѣка, изложилъ послѣднее въ нѣсколько иной формѣ, изъ-подъ которой даже непредубѣжденный читатель могъ видѣть, что тамъ весьма ясно была высказана мысль — „вѣра безъ дѣлъ мертва“. Это положеніе противорѣчило антиномистическому выводу кальвинства. Отношенія спорящихъ сторонъ еще болѣе обострились, когда въ одной изъ кальвино-методистскихъ семинарій (въ Тревекка) графиня Гентингдонъ замѣтила отступленіе отъ кальвино-методистскихъ тенденцій. Ректора тамошней се-

1760 году Весли писалъ: „Джорджъ Уайтфилдъ постигъ меня; онъ дышетъ миромъ и любовію; пустосвятство склоняетъ свою голову предъ нимъ повсюду“. Въ 1769 году: „я провелъ съ Уайтфилдомъ пріятнѣйшіе часы“... Уайтфилдъ о Весли говорилъ: „Мы будемъ стоять отъ престола Божія такъ далеко, а онъ такъ близко, что намъ нельзя будетъ видѣть его лица“,—и это было сказано въ отвѣтъ на дерзкую выходку противъ Весли со стороны одного кальвино-методиста. Нужно сказать, что ни дружбы особой, какъ утверждаютъ методисты, ни особой вражды, какъ говоритъ преосв. Іоаннъ, между ними не было: они не трогали одинъ другаго, считая это выгоднѣйшимъ для себя. Мѣста дневника—простая вѣжливость.

¹⁾ *Southey* II, 350; *Jacoby* I, 149.

²⁾ *Преосв. Іоаннъ* (вып. I, стр. 67, 68) утверждаетъ, что Джонъ Весли рѣшился сдѣлать уступки кальвинизму; но можетъ быть у *Turman'a*, которымъ онъ пользовался, это и замѣтно, а у преосвященнаго нѣтъ.

минарии рѣшено было удалить¹⁾; онъ, сильно обиженный этимъ, перешелъ на сторону Джона Весли. Приобрѣтеніе его для арминіано-методистовъ было великимъ торжествомъ²⁾. Споры, начатыя на предыдущемъ собраніи (конференціи) методистовъ, должны были разрѣшиться въ собраніи слѣдующаго 1771 года. Дѣйствительно конференція этого года издала въ свѣтъ протоколъ, въ которомъ Весли старался, сколько возможно точнѣе, опредѣлить вопросъ о значеніи дѣлъ человѣка въ его вѣчномъ спасеніи и тѣмъ спасти себя отъ подозрѣній въ измѣнѣ протестантству. Но актъ, внесенный въ протоколъ, не удовлетворилъ рьяныхъ кальвино-методистовъ: споры продолжались съ новымъ напряженіемъ³⁾. Во время ихъ кальвино-методисты выказали себя съ неприглядной стороны. Для арминіано-методистовъ эти споры были полезны въ томъ отношеніи, что во время ихъ было выяснено ученіе методистовъ о христіанскомъ совершенствѣ,—ученіе, составляющее характерный пунктъ въ методизмѣ. Для кальвино-методистовъ они были роковыми, потому что вполнѣ обнаружили критическую несостоятельность положеній кальвинства. Съ этого времени кальвино-методизмъ отступаетъ на задній планъ, уступая мѣсто арминіано-методизму⁴⁾. Послѣдній ударъ кальвино-методизму былъ нанесенъ тогда, когда поднялся вопросъ объ отношеніи его къ господствующей церкви. Нужно замѣтить, что леди Гѣнтингдонъ, остававшаяся и по смерти Уайтфилда руководительницею и покровительницею методизма, не хотѣла допустить того, чтобы ея единомышлен-

¹⁾ Ректоромъ этимъ былъ знаменитый впоследствии Флетчеръ (Fletcher), о которомъ рѣчь впереди, какъ и вообще о подробностяхъ этой борьбы арминіано-и кальвино-методизма.—См. *Southey* II, 353; *Jacoby* I, 153, 154.

²⁾ Флетчеръ 1) былъ ординированный епископальнымъ духовенствомъ проповѣдникъ. 2) отличался ученостью питомцевъ нѣмецкихъ университетовъ. См. *Jacoby*, *Stevens*'a.

³⁾ *Southey*, II, 360.

⁴⁾ *Lecky* SS. 84—86.

и вѣи считались диссентерами; но она не хотѣла также и того, чтобы члены ея общинъ подчинялись приходскому духовенству мѣстностей, въ которыхъ были эти общины. Поэтому она продолжала строить для нихъ молитвенные дома и назначать въ нихъ проповѣдниковъ по своему вкусу. Такое положеніе дѣлъ продолжаться не могло: оно вносило раздѣленіе въ приходскую жизнь членовъ епископальной церкви. Такъ было до 1779 года; въ этомъ году министр одного прихода (приходской священникъ) воспретилъ своимъ прихожанамъ покупать сидѣнья¹⁾ въ капеллѣ кальвинистовъ и совершать тамъ таинства. Гѣнтингдонъ пожаловалась на него въ судъ, но судъ отказалъ ей, опираясь на законъ о сходкахъ²⁾. Чтобы устранить подобныя препятствія леди Гѣнтингдонъ рѣшилась стать съ своими сообщниками подъ покровительство *Toleration-Act'a*, т. е. объявить и себя и ихъ диссентерами; но многіе члены этого вовсе не ожидали: они покинули леди Гѣнтингдонъ, оставшись въ нѣдрахъ епископальной церкви; многіе изъ духовенства, бывшіе на ея сторонѣ, теперь порвали съ нею сношенія и отказались говорить поученія въ ея капеллахъ, а также пускать ея проповѣдниковъ въ храмы своихъ приходовъ³⁾. Лишившись вліянія на духовенство, графиня хотѣла было плотнѣе скрѣпить связь между разсѣянными повсюду общинами; но и здѣсь не всѣ соглашались съ ея планами. Отъ различія взглядовъ на вѣдшее устройство общины произошло раздѣленіе кальвино-методистовъ на нѣсколько мелкихъ кальвино-методистскихъ обществъ. Зародышъ одной изъ такихъ общинъ мы уже раньше видѣли, говоря о проповѣданіи Уайтфилда въ Уэльзѣ (Wales)⁴⁾. Впослѣдствіи

1) Для совершенія молитвословій, каждый членъ въ католической и протестантской церкви можетъ обезпечить для себя постоянное мѣсто, нанявъ извѣстную часть скамьи, тоже и у методистовъ.

2) Законъ о сходкахъ былъ камнемъ преткновенія для всѣхъ методистовъ; но объ этомъ мы должны будемъ говорить послѣ.

3) *Stevens* I, 125; *Jacoby* I, 180.

4) Значеніе проповѣдей Уайтфилда для Уэльза описано *Stevens'омъ* I, 368.

часть кальвино-методистовъ соединилась съ индепендентами, часть обратилась въ пресвитеріанство и только небольшая часть удержала свою самобытность до настоящаго времени¹⁾. Два изъ кальвино-методистскихъ обществъ настоящаго времени обладаютъ еще достаточною энергіею для того, чтобы заявлять о себѣ миссіонерскою дѣятельностью въ далекихъ отъ Англій странахъ. Одно изъ нихъ (Lady Huntingdon Connexion) имѣетъ нѣсколько миссіонерскихъ пунктовъ въ Сіерра-Леоне²⁾ и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ работаютъ черные проповѣдники изъ туземцевъ³⁾. Изъ Сіерра-Леоне они пытаются проинкнутъ съ своею проповѣдью въ отдаленныя страны внутренней Африки⁴⁾. Второе кальвино-методистское общество (Welsh Calvinists' Methodists) направляетъ свои миссіонерскіе подвиги преимущественно на Остъ-Индію. Но относительно ихъ миссіонерской дѣятельности мало извѣстно для постороннихъ, потому что извѣстія миссіи печатаются на уэльскомъ нарѣчій⁵⁾.

Когда Джонъ Весли поссорился съ гернгутіанами, то въ общинахъ методистовъ происходили очень значительныя волненія. Раздоры коснулись самыхъ ревностныхъ сторонниковъ методизма и помощниковъ Джона Весли. Такъ, даже Чарльзъ Весли долго колебался, выбирая между Джономъ Весли и Петромъ Бѣдеромъ (представителемъ гернгутіанства). Но если Чарльзъ Весли удержался отъ разрыва съ братомъ вслѣдствіе родственныхъ узъ, то подобныя узы не сдерживали отъ разрыва другихъ приверженцевъ Джона Весли и методизма. Среди нихъ съ самаго начала былъ нѣкто Ингамъ (Ingham) о которомъ мы говорили уже нѣсколько разъ. Этотъ человекъ, самый первый изъ методистовъ, сотрудникъ Джона Весли по проповѣданію въ Америкѣ и

¹⁾ Real-Encyclopädie von Herzog B. IV, S. 63, erste Ausgabe.

²⁾ Grundeman, Mission-Atlas, I Abth.; № 3.

³⁾ Ibid. Nachtrag zur ersten Abtheilung.

⁴⁾ Ibid. Zweite Abtheilung, №№ 5, 7, 8.

⁵⁾ Ibid.

спутникъ его по путешествію въ Гернгуть, такъ. близко сошелся съ гернгутіанами, что, послѣ разрыва съ ними Джона Весли, порвалъ связи съ приверженцами Весли и остался на сторонѣ гернгутіанства¹⁾. Онъ еще въ 1735 году началъ высказывать нѣкоторую самостоятельность въ богословствованіи. Во время поѣздки Джона Весли въ Гернгуть, *Ingham* былъ радушнѣе принятъ тамъ, чѣмъ Джонъ Весли, потому что охотнѣе послѣдняго склонялся на сторону гернгутіанства,—это видно изъ того, что его не удаляли отъ совмѣстнаго участія въ евхаристіи²⁾. По всей вѣроятности онъ и тогда уже держался ученія гернгутіанства, хотя невозможно сказать, вполнѣ ли онъ усвоилъ его себѣ или нѣтъ. Связь его съ Бѣлеромъ однако не была особенно прочна, или вѣрнѣе Бѣлеръ въ Англіи не могъ удержать гернгутіанства на той точкѣ, до которой оно дошло въ Германіи, потому что, почти непосредственно послѣ отдѣленія Весли отъ Бѣлера и *Ingham*'а, *Ingham* отдѣлился отъ Бѣлера и основалъ свои самостоятельныя общины³⁾. Общинъ его было до 60; онѣ были довольно многочисленны и разсѣяны преимущественно въ *Yorkshire*'ѣ. Характернымъ ихъ отличіемъ было то, что они принимали новыхъ членовъ по жребію, а въ возрѣвнѣихъ придерживались антиномизма и квіетизма⁴⁾. У другихъ религіозныхъ обществъ онѣ были извѣстны подъ именемъ общинъ *Ingham*'а, а члены именовались ингамитами. Въ догматическомъ отношеніи ихъ слѣдуетъ отнести къ числу антитринитаріевъ, потому что они отрицали Св. Троицу, сливая три Лица во едино⁵⁾. Широкаго распространенія эта деноминація методистовъ не достигла;—у историковъ методизма (методистовъ особенно) она извѣстна подъ именемъ моравскаго методизма. О ней

¹⁾ *Southey*, I, 361; *Real-Encyklopädie von Herzog*, B. IX, S. 459.

²⁾ *Procès. Иоаннъ* вып. I, стр. 48.

³⁾ *Histoire des Sectes religieuses*, V. IV, p. 479.

⁴⁾ *Real-Encyklopädie von Herzog*, B. IX, S. 459.

⁵⁾ *Histoire des Sectes religieuses*, *ibid.* 480.

намъ не слѣдовало бы собственно говорить, какъ о вѣз-
 начительномъ явленіи въ исторіи церкви Англіи, но она за-
 служиваетъ вниманія по своему значенію для исторіи мето-
 дизма вообще; значеніе это отрицательнаго характера.
 Дѣло въ томъ, что пока въ представленіи англійскаго на-
 рода методисты не раздѣлялись на партіи, то эксцентрическія
 выходки членовъ, принадлежащихъ къ общинамъ Ингама
 были переносимы на всѣхъ методистовъ. Основаніемъ для
 такого смѣшенія очень легко могло быть то обстоятельство,
 что въ этихъ общинахъ нерѣдко проповѣдали сторонники
 методизма изъ кружковъ Весли и Уайтфилда¹⁾. Въ 50 годахъ
 прошедшаго столѣтія къ нимъ (ингамитамъ) присоединился
 Саппік, кальвинно-методистъ, первый изъ начавшихъ споры
 о предопредѣленіи среди методистовъ. Касательно устрой-
 ства общинъ Ингама намъ ничего неизвѣстно, но у *Stevens*'а
 есть кое-гдѣ намеки на то, что у нихъ были конференціи
 и даже выбирались епископы (по совѣту Цинцендорфа,
 главы гернгутіанъ²⁾); но эти свѣдѣнія несогласны съ дру-
 гими извѣстіями о нихъ, гдѣ говорится, что они признавали
 надъ собою главенство старѣйшинъ, избираемыхъ для со-
 вершенія таинствъ³⁾. Въ 1760 году въ этихъ общинахъ
 произошла по какой-то причинѣ большія неурядицы, кото-
 рая старалась умиротворить уже извѣстная намъ графиня
 Гѣнтингдонъ⁴⁾; она убѣдила *Ingham*'а оставить общины на
 произволь судьбы, — что онъ и сдѣлалъ; общины его частію
 разсѣялись, частію соединились съ пресвитеріанскими общи-
 нами Шотландіи⁵⁾.

А. Буликовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ *Stevens*, I, 297—299.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Histoire des Sectes religieuses*, *ibid.*

⁴⁾ Нужно помнить, что *Ingham* по жѣнѣ былъ родственникомъ *Hunting-*
don'овъ.

⁵⁾ *Stevens* I, 300, 301.

КЪ ВОПРОСУ О СОМНАМБУЛИЗМЪ.

(Статья Карла Рише).

(Продолженіе ¹).

III. О сомнамбулизмѣ животныхъ.

Для рѣшенія вопроса о симуляціи не было бы, кажется, ничего проще, какъ произвести опыты надъ существами неспособными играть комедію. Однако тогда наталкиваемся на большія трудности, такія, преодолѣть которыя вполнѣ еще невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно, что мозговая произвольность столь очевидная у человѣка, у другихъ животныхъ только въ зачаточномъ состояніи. Если вѣрно, какъ мы стараемся это показать, что всѣ симптомы сомнамбулизма суть слѣдствія уничтоженія этой мозговой произвольности, то отсюда слѣдуетъ, что у другихъ животныхъ явленія сомнамбулизма проявятся съ меньшею силою, чѣмъ у человѣка. Всѣ изслѣдованія, дѣлавшіяся надъ животными не совсѣмъ убѣдительно, такъ какъ вносятъ мало свѣта въ темный вопросъ.

Въ 1646 г. отецъ Кирхеръ ²) въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Arg magna lucis et umbrae* опубликовалъ свой знаменитый опытъ о гипнотизмѣ. Проводя кускомъ мѣла черту предъ

¹) См. Труды Киев. аух. Акад., сентябрь, 1885 г.

²) Вѣроятно, по Пре́йеру, что Даніиль Швенгеръ въ книгѣ озаглавленной: *Deliciae physico-mathematicae* (Нюрнбергъ. 1636, р. 562) и неизвѣстный авторъ того же времени, профессоръ парижскаго университета, имени котораго Швенгеръ не называетъ, до Кирхера производили такой же опытъ. У меня подъ руками другая книга Кирхера, озаглавленная: *Magnes vive de arte magnetica opus* (Кельнъ, 1613), въ которой находится любопытныя замѣчанія о магнетизмѣ животныхъ (lib. III, pag. VI, р. 657 до 677 магнетизмъ животныхъ). Жаба, угорь, олень, скать, держивладья (*remora* — рыба) и нѣкоторыя фантастическія рыбы — напр. сирена — животныя магнетическія.

носомъ птицы, преимущественно пѣтуха, дѣлають животное совершенно неподвижнымъ.

Этотъ опытъ былъ повторенъ Чермакомъ¹⁾ который производилъ его надъ другими животными, надъ цыплятами напр. и раками.

Прейеръ, повторяя эти опыты, приписалъ замѣчаемые при этихъ условіяхъ у животныхъ явленія страху. Раковъ, лягушекъ, морскихъ свинокъ, кроликовъ можно сдѣлать неподвижными различнымъ образомъ. Особенный успѣхъ имѣеть сильное возбужденіе нервовъ чувствительности. Это возбужденіе вѣроятно вызываетъ къ дѣятельности задерживающій аппаратъ высшихъ нервныхъ центровъ. Въ недавнемъ сообщеніи Іенскому медицинскому обществу (28 мая 1880) Прейеръ выражается такъ: „Я гипнотизировалъ многихъ животныхъ и пришелъ къ тому заключенію, что чрезъ периферическія возбужденія можно произвести у нихъ два различныхъ задерживающихъ дѣйствія. Первое состояніе есть состояніе катаlepsii, т. е. видъ страха и испуга, овѣщаніе отъ страха. Второе состояніе—состояніе гипнотическое. Животныя, подобно человѣку, подвергаются катаlepsii вслѣдствіе внезапныхъ быстрыхъ и порывистыхъ периферическихъ возбужденій. Они гипнотизируются вслѣдствіе продолжительныхъ, слабыхъ и однообразныхъ возбужденій. Что касается способа реакціи, то онъ у различныхъ животныхъ, какъ и у разныхъ лицъ бываетъ весьма различенъ.—Если слегка пожать щипчиками ноздри морской свинки или если слабо держать ее за ухо между пальцами то чрезъ полминуты она становится гипнотизированною. Тогда можно отнять щипцы или пальцы, животное сохраняетъ такое состояніе оцѣпенѣнія, что его можно поставить въ самыя странныя положенія, не вызывая движеній съ его стороны. Легкаго толчка или дуновенія достаточно для приведенія ея въ нормальное состояніе. Этотъ гипнозъ во многомъ похожъ на

¹⁾ Comptes rendus de l'Académie de Vienne, 1872 p. 361, et Archives de Pfluger t VII, p. 107 à 121.

катаплексію; отличается онъ отъ нея особенно тѣмъ, что гиппотики могутъ двигать членами, тогда какъ у подверженныхъ катаплексіи такія движенія невозможны^а.

Первая записка Прейера о катаплексіи довольно поучительна и кромѣ новыхъ фактовъ, наблюдавшихся этимъ экспериментаторомъ, она заключаетъ подробную критику прежнихъ работъ.

Если быстро схватить морскую свинку такъ, чтобы съ силою удержать ее въ неподвижности, брюшкомъ вверхъ, то чрезъ 1—2 минуты она станетъ совершенно оцѣпенѣвшею, неподвижною. Такой же опытъ очень хорошо удается надъ курицею, пѣтухомъ, даже кроликомъ. Тогда можно на нихъ дуть, сильно освѣщать, звонить возлѣ нихъ, и эти возбужденія не выведутъ животное изъ состоянія оцѣпенѣнія. Быстрымъ перевязываніемъ (ниткою) носа пѣтуха или лапки лягушки можно вызвать тоже состояніе катаплексіи.

Осязательныя возбужденія болѣе, кажется, чѣмъ всѣ другія, способны производить катаплексію. Такъ блескъ электрическаго свѣта, внезапный и провзительный свистъ не производятъ никакого дѣйствія. Къ этимъ хорошо доказаннымъ Прейеромъ фактамъ, я могу присоединить слѣдующій, часто повторявшійся мною опытъ: внезапное и сильное электрическое возбужденіе (заряженія сильной лейденской батареи) направленное на самую голову животного, производитъ быстрое и всецѣлое движеніе всѣхъ мускуловъ тѣла, но катаплексіи впоследствии не наблюдается.

У слишкомъ молодыхъ животныхъ катаплексіа невозможна. Новорожденныя морскія свинки или самое большее десятидневныя не могутъ никогда оставаться неподвижными, хотя бы они были въ минуту быстро схвачены и удержаны. Но тѣ же самыя животныя, прійдя въ возрастъ, проявляютъ всѣ признаки катаплексіи при опытахъ.

Гейбель¹⁾ производилъ аналогичные опыты надъ лягушками. Хотя явленія были тщательно наблюдаемы, однако заключенія, которыя онъ изъ нихъ выводитъ, мнѣ кажутся, нельзя защищать.

Я часто повторялъ опытъ Гейбеля. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ. Берутъ живую и проворную лягушку, держать ее въ продолженіи почти двухъ минутъ между пальцами, положивъ большой палецъ на брюхо, а четыре остальные на спину, сжимая ее сколько нужно для того, чтобы не дать ей уйти. Между тѣмъ движенія лягушки становятся болѣе и болѣе медленными и лѣнивыми; съ трудомъ она дѣлаетъ усилія чтобы убѣжать; въ концѣ концовъ, когда ее кладутъ на столъ, она лежитъ брюшкомъ вверхъ, неподвижною и такъ въ теченіи четверти часа, иногда часа и даже болѣе.

Гейбель думалъ, что это состояніе инерціи и неподвижности животнаго было чѣмъ-то въ родѣ сна, и что даже причиною этого сна было отсутствіе внѣшнихъ возбужденій. По его мнѣнію, когда никакое периферическое возбужденіе не потрясаетъ мозга, необходимо наступаетъ сонъ, такъ какъ состояніе бодрствованія можетъ быть сохраняемо только непрерывнымъ вліяніемъ периферическихъ возбужденій, отражающихся на центральной нервной системѣ.

Подобная гипотеза совершенно неприложима къ явленіямъ, которыя можно наблюдать у лягушки. Въ самомъ дѣлѣ, если ставшую неподвижною лягушку слегка возбуждать, то она выйдетъ изъ своего оцѣпенѣнія; но если продолжать возбужденіе легкимъ щекотаніемъ пальца по спинѣ, то вмѣсто того, чтобы пробуждаться болѣе и болѣе, какъ это должно бы было случиться, если бы теорія Гейбеля была вѣрна, она почти совершенно перестаетъ двигаться. Тогда ее можно положить на столъ брюшкомъ вверхъ и

¹⁾ Archives de Pflüger t. XIV. p. 158 до 210. Состояніе бодрствованія мозга зависитъ отъ внѣшнихъ возбужденій.

растянуть объ заднія лапки, не вызывая рефлективныхъ движеній. Можно также класть ее въ положенія, совершенно противоположныя нормальному положенію лягушки; напр. прислонить ее спиною къ доскѣ, растягивая двѣ лапки, не замѣчая съ ея стороны реакціи. Кажется, будто она отравлена ядовитымъ веществомъ или что у нея перерѣзанъ спинной мозгъ.

Сдѣлайте этотъ же самый опытъ надъ обезглавленными лягушками (разрѣзавъ мозгъ ниже луковки) и вы не получите тѣхъ же результатовъ. Обезглавленная лягушка всегда сохраняетъ свои рефлективные движенія, и ее нельзя положить на столъ безъ того, чтобы она тотчасъ не отдернула своихъ заднихъ членовъ.

Напротивъ необезглавленные лягушки и продержанныя напередъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ въ рукѣ сохраняютъ, если ихъ кладутъ на столъ, данное имъ положеніе, втеченіи $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ часа и даже болѣе¹⁾.

Что гипотеза Гейбеля—о свѣ по недостатку периферическихъ возбужденій—неверна, это доказывается тѣмъ, что лягушку т. о. оцѣпенѣвшую можно трогать, двигать, возбуждать, не передвигая съ мѣста. Вотъ вѣшнія возбужденія довольно сильныя, но недостаточныя для пробужденія животнаго. Законно ли допускать, что этотъ сонъ есть слѣдствіе отсутствія вѣшнихъ возбужденій? Часто я производилъ слѣдующій опытъ: лягушка, оцѣпенѣвшая вслѣдствіе вышеуказанныхъ процессовъ, была положена на столъ и рядомъ съ нею я ставилъ сильно звенящій колокольчикъ. Этотъ звукъ не вызывалъ никакой реакціи со стороны животнаго.

Наконецъ мнѣніе Гейбеля еще ослабляется опытомъ Чермака²⁾, который повторилъ Прейеръ. Если быстро про-

¹⁾ Я думаю оспаривать эти послѣдніе опыты, потому что они несогласны съ нѣкоторыми явленіями, наблюдавшимися Прейеромъ въ ук. м. р. 63.

²⁾ Eine neurophysiologische Beobachtung an einem Triton cristatus. Zeitschrift f. viss. Zoologie 1856, p. 542.

колотъ хвостъ тритона или лапку лягушки, животное вдругъ становится неподвижнымъ, оцѣпенѣвшимъ и это оцѣпенѣніе продолжается иногда нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ сонъ выражается не отсутствіемъ периферическихъ возбужденій, но напротивъ сильнымъ возбужденіемъ. Трудно найти теорію, которая разногласила бы съ фактами болѣе, чѣмъ теорія Гейбеля.

Теорію Гейбеля слѣдовательно нельзя допустить, и вмѣсто того, чтобы въ этомъ родѣ сна лягушекъ видѣть слѣдствіе отсутствія возбужденія, нужно въ немъ видѣть слѣдствіе крайняго возбужденія. Вѣроятно, что подъ вліяніемъ периферическихъ возбужденій части мозга, завѣдующія остановкою рефлексивныхъ и невольныхъ дѣйствій, начинаютъ дѣйствовать и парализируютъ надлежащія части спинного мозга.

Таковы на-скоро резюмированныя изслѣдованія, сдѣланныя доселѣ о гипнотизмѣ животныхъ. Желательно, чтобы они были повторены, потому что они несомнѣнно дадутъ весьма интересные результаты. Во всякомъ случаѣ сдѣланныя доселѣ будутъ намъ отчасти полезны для изясненія причинъ, производящихъ сомнамбулизмъ у чловѣка.

IV. О средствахъ вызывать сомнамбулизмъ.

Конечно изученіе симптомовъ и формъ сомнамбулизма еще далеко неясно. Оно подвинется впередъ, если мы сравнимъ то, что знаемъ о симптомахъ съ тѣмъ, что знаемъ о причинахъ магнетизма. Это не значитъ, что недостаетъ теорій, но что всѣ онѣ крайне неудовлетворительны.

Во 1-хъ очевидно, что одинъ и тотъ же приѣмъ въ приложеніи къ разнымъ лицамъ не можетъ быть одинаково успѣшенъ. Прейеръ наблюдалъ подобныя индивидуальныя различія у морскихъ свинокъ и лягушекъ. Что же слѣдовательно будетъ, когда дѣло будетъ идти о чловѣческихъ существахъ? Основательно замѣчали, что чѣмъ выше по

порядку стоитъ видѣть, тѣмъ болѣе индивидуумы несходны между собою. Между лягушками болѣе различій, чѣмъ между устрицами, между собаками болѣе, чѣмъ между лягушками; между людьми гораздо болѣе, чѣмъ между собаками. Это уже вѣрно относительно органовъ жизни питанія; но насколько вѣрнѣе касательно органовъ жизни отношенія и въ особенности ума. Такъ что опыты сомнамбулизма касаются самаго разнообразнаго органа сложнѣйшаго существа, у котораго индивидуальныя разности имѣютъ свой maximum измѣчивости. Какая трудность для экспериментация!

Какъ бы то ни было, нѣкоторыя благопріятныя условія для сомнамбулизма можно опредѣлить съ достаточною точностью. Женщины чувствительнѣе мужчинъ. Что касается возраста, то я имѣю основаніе думать, что дѣти могутъ быть усыплены; но я никогда не производилъ опытовъ надъ очень молодыми субъектами, чтобы не вызвать у нихъ нервнаго состоянія, которое не безвредно. Я даже убѣжденъ, что не слѣдуетъ магнетизировать малыхъ дѣтей; потому что въ то время, когда органы находятся въ періодъ развитія, ихъ легко сбить съ прямого пути и тогда на организмъ останется отпечатокъ какой-то опасной и почти патологической нервозности. Я усыплялъ молодыхъ дѣвушекъ отъ 17—18 лѣтъ. Но этотъ возрастъ кажется не самый благопріятный. Кажется, что особенно отъ 25 до 40 лѣтъ легко можно было усыплять. Что касается стариковъ, то я охотно повѣрилъ бы, что они довольно неподатливы въ отношеніи къ магнетизму. Я съ успѣхомъ усыплялъ шестидесяти-лѣтнюю женщину; но сонъ у нея никогда не былъ полнымъ и симптомы были мало интересны.

Нервные темпераменты, какъ легко догадаться, воспріимчивѣе другихъ къ сомнамбулизму. Вообще женщины малорослыя, брюнетки, съ черными глазами, роскошными черными волосами, съ густыми бровями, субъекты весьма благопріятныя (для этой цѣли). Однако иногда очень хо-

рошо удаются опыты надъ женщинами блѣдными и лимфатическими, надъ очень же нервными—неудаются. Вообще женщины нѣжныя, вервозныя, слабыя, страдающія хронической болѣзью или выздоравливающія, болѣе всѣхъ другихъ способны подвергнуться влиянію магнетизма.

Кромѣ того главнѣйшее условіе—то, что мы выше называли приученіемъ. Одинъ случай усыпленія въ 1-й разъ дѣлаетъ субъектъ болѣе способнымъ къ усыпленію во 2-й разъ. Даже когда первый опытъ неудался, онъ все-таки измѣнилъ темпераментъ такъ, что второй опытъ можетъ удасться. Слѣдовательно, слѣдствія магнетизаціи не такъ случайны, какъ это кажется, потому что въ организмѣ произошло извѣстное измѣненіе. Дѣйствительно самые чувствительные къ магнетизму тѣ субъекты, которые часто были усыпляемы. Они даже становятся такъ чувствительны, что самыми простыми средствами можно успѣшно вызвать у нихъ сомнамбулическое состояніе.

Слѣдовательно когда хотятъ изучать средства вызыванія сомнамбулизма, то безусловно необходимо установить различіе между лицами, которыя никогда не были усыпляемы, и тѣми, которыя уже были усыпляемы. Въ отношеніи къ первымъ многія средства неудаются; относительно же вторыхъ—всѣ удаются.

Предположимъ свачала, что хотятъ произвести опытъ надъ лицомъ, еще неподвергавшимся усыпленію. Для усыпленія его можно употребить два различныя средства—*ипнотизмъ* или пассы.

Что касается гипнотизма, то объясненіе его на первый взглядъ довольно легко. Такъ какъ глаза устремлены на блестящій предметъ, то блескъ этого предмета можетъ произвести продолжительное возбужденіе мозговыхъ центровъ, находящихся въ связи съ оптическими нервами. Это возбужденіе вѣроятно влечетъ за собою параличъ интеллектуальной произвольности, или вслѣдствіе какой-то мозговой усталости или, что вѣроятнѣе, слѣдствіе какого-то

останавливающего дѣйствія. Возбужденіе зрительныхъ нервныхъ центровъ вѣроятно простирается на нѣкоторые задерживающіе центры. Дѣйствіе этихъ задерживающихъ центровъ производитъ вѣроятно то, что произвольная мозговая дѣятельность прекращается, мѣсто ея заступаетъ автоматъ.

Очевидно, что необходимо прибѣгнуть къ цѣлому длинному ряду почти правдоподобныхъ гипотезъ, но которыя все-таки—только чистыя гипотезы.

Со времени первыхъ опытовъ Брэда многіе экспериментаторы имѣли возможность производить гипнотическое состояніе фиксированіемъ блестящаго предмета. Куры, морскія свинки, предъ глазами которыхъ держать мѣль или хрусталь, немедленно испытываютъ симптомы, довольно аналогичныя со сномъ.

У истеричекъ de la Salpêtrière можно вызвать приступъ сомнамбулизма, подвергая ихъ внезапно дѣйствию сильнаго свѣта. Если направить напр. на глаза G... пучекъ электрическаго свѣта, она тотчасъ впадаетъ въ состояніе сомнамбулизма. Явленіе, можетъ-быть, не отличающееся отъ того, которое наблюдается у тѣхъ, кто въ теченіи пяти минутъ смотритъ на хрустальный шарикъ. Различна только воспримчивость субъекта. Вслѣдствіе своего истерическаго состоянія, вслѣдствіе также, можетъ быть, многочисленныхъ опытовъ, дѣлавшихся прежде, G... сдѣлалась чрезвычайно чувствительна къ дѣйствіямъ, которыя остались бы безъ послѣдствій надъ другими лицами.

Опытъ, который я часто производилъ надъ собою, показываетъ, что фиксація дѣйствуетъ, можетъ быть, меньше вслѣдствіе блеска предмета, чѣмъ отъ сосредоточенія взгляда. Часто ночью, когда въ комнатѣ бываетъ совершенно темно и я лежу въ постели въ ожиданіи сна, я для усыпленія себя употребляю очень простое средство, которое почти всегда мнѣ удается. Я устремляюсь въ воображаемую точку въ пространствѣ и смотрю упорно, совершенно закрывая вѣки. Скоро, я вижу, появляются тонкія черты, совокуп-

ность которыхъ составляетъ какъ бы маленькую шахматную доску, медленно двигающуюся предъ глазами. За этою доскою слѣдуетъ болѣе освѣщенная точка, на которую я смотрю внимательно и которая вначалѣ кажется мнѣ желтою и круговою. Этотъ желтый кружокъ перемѣщается, быстро измѣняетъ форму, принимая измѣнчивые виды, подобно тому, какъ форма слоистыхъ облаковъ безпрестанно измѣняется отъ вѣтра. По мѣрѣ того, какъ измѣняются формы, онѣ, кажется, дѣлаются болѣе смѣшанными. То являются человѣческія фигуры, то фантастическіе предметы которые проходятъ, измѣняются, опять возвращаются, исчезаютъ. Однако притупившееся вниманіе менѣе и менѣе различаетъ ихъ. Воспоминаніе о нихъ становится болѣе и болѣе спутаннымъ. Въ этой процессіи формъ не бываетъ послѣдняго образа. Сознаніе вишняго міра мало по малу исчезаетъ и постепенно наступаетъ сонъ. Всѣ формы ступеньваются въ памяти, по мѣрѣ того, какъ становятся болѣе подвижными и фантастическими.

Конечно, есть значительныя различія между обыкновеннымъ сномъ и сомнамбулизмомъ. Однако нельзя отрицать аналогіи между этими двумя состояніями. Что приложимо къ одному, вѣроятно можетъ быть приложено къ другому. Устремленіе вниманія производитъ то, что вниманіе утомляется: а эта усталость вниманія есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ сна.

Слѣдовательно нельзя сказать, что гипнотизмъ вызванъ блескомъ предмета, на который былъ устремленъ взглядъ. Это доказывается удачно опытомъ Прейера. Показавши, что морскія свинки, куры и кролики могутъ быть приведены въ состояніе оцѣпенѣнія, если ихъ быстро взять рукою за шею, онъ собралъ большое количество этихъ животныхъ въ слишкомъ темное мѣсто. Потомъ онъ быстро направилъ на нихъ лучъ ослѣпительнаго электрическаго свѣта. Ни одно животное не имѣло катаплексіи. Напротивъ животное, подвергшееся катаплексіи въ темнотѣ, снова при-

ходить въ нормальное состояніе, когда на него направляютъ лучъ электрическаго свѣта. Такимъ образомъ очень сильный свѣтъ гораздо менѣе способенъ къ произведенію катаплексіи, чѣмъ прикосновеніе къ кожѣ.

Можно-ли кромѣ того сказать, что хрусталь, когда онъ не освѣщенъ прямо солнцемъ, представляетъ слишкомъ блестящій предметъ? Если смотрѣніе на этотъ предметъ вызываетъ сонъ, то конечно не вслѣдствіе его блеска, который вообще довольно умѣренъ. Сколько людей смотреть долго на слишкомъ блестящіе предметы и не дѣлаются сомнамбулами! Путешественники, переѣзжающіе въ полярныхъ странахъ громадныя снѣжныя пространства, на которыхъ отражается солнце, почти слѣпаютъ и подвергаются тяжкимъ глазнымъ болѣзнямъ; но они не бываютъ гипнотизированы.

Мы приходимъ слѣдовательно къ тому заключенію, что сильный блескъ можетъ произвести гипнотизмъ только при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ и что фиксація взгляда имѣетъ большее значеніе, чѣмъ свѣтъ, падающій на ретину.

Но не всегда всѣ наблюдаемыя явленія можно приписывать фиксаціи взгляда. Въ самомъ дѣлѣ у лягушекъ напр. ни въ какой моментъ опыта взглядъ не фиксированъ. Морскія свинки, которыхъ быстро берутъ за шею, тритоны, которымъ прокалываютъ хвостъ, вдругъ приходятъ въ состояніе катаплексіи безъ участія сильнаго вниманія или усталости ретины. Даже когда перерѣзаны оптическіе нервы, можетъ произойти катаплексія, какъ это показалъ Гейбель.

Прейеръ на основаніи различныхъ, наблюдавшихся имъ, явленій допустилъ, что состояніе одѣпенія, въ которое были погружены эти животныя, зависѣло отъ страха, внезапнаго и сильнаго впечатлѣнія, вызывающаго у этихъ существъ боязнь вмѣстѣ съ ощущеніемъ безсилія въ виду угрожающей имъ опасности. Этотъ родъ особеннаго страха бываетъ вѣроятно причиною паралича.

Объясненіе заманчивое: но во-первыхъ оно не можетъ быть приложено къ человѣку, что отнимаетъ у него большую часть значенія. А потомъ, если даже допустить его, будетъ ли это объясненіе? Говорить, что катаплексія есть особое слѣдствіе нѣкотораго особеннаго страха, это значитъ просто признаться, что мы не знаемъ его причины. Мы видимъ явленіе, вызываемое паденіемъ, которое также можетъ произвести страхъ. Имѣемъ ли мы право заключать отсюда, что страхъ — причина явленія? Вовсе нѣтъ. Намъ только можно сказать, что наводящіи страхъ возбужденія вызываютъ катаплексію; но чтобы страхъ вызывалъ эту катаплексію — такое заключеніе можно сильно оспаривать.

Въ концѣ концовъ мы видимъ, что для различныхъ видовъ гипнотизма можно указывать различныя причины, но что почти невозможно дойти до правдоподобнаго заключенія.

Что касается магнетическихъ пассъ, то тутъ трудность еще больше. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не бываетъ ни фиксаціи взгляда, ни блестящаго предмета, ни внезапнаго страха.

Вотъ какъ вообще я поступаю. Моя метода — совершенно эмпирическая и имѣетъ интересъ только потому, что какъ она часто удавалась мнѣ, то удастся также другимъ экспериментаторамъ. Нѣкоторые изъ моихъ друзей и сотоварищей, поступая подобно мнѣ, получили тѣ же результаты.

Я усаживаю паціента въ кресло лицомъ къ себѣ; потомъ беру каждый изъ его большихъ пальцевъ въ руку и сжимаю ихъ довольно сильно, но одинаковымъ образомъ. Этотъ маневръ я продолжаю отъ трехъ до четырехъ минутъ; вообще нервозныя особы уже испытываютъ родъ отяжелѣнія въ рукахъ, особенно въ локтяхъ и въ кистяхъ. Потомъ я дѣлаю пассы, держа протянутыя руки надъ головою, лбомъ, плечами, но особенно вѣками. Пассы состоятъ въ томъ, что дѣлаютъ движенія сверху внизъ предъ глазами какъ бы такъ, чтобы опуская такимъ образомъ руки, можно

Труды Киевской дух. Академіи. Т. II. 1886 г. 18

было закрыть вѣки. Въ началѣ своихъ опытовъ я думалъ, что было необходимо фиксировать какой-либо предметъ пациенту, но мнѣ казалось, что это было бесполезное усложненіе. Фиксація взгляда имѣеть, можетъ быть, нѣкоторое вліяніе, но она не необходима.

Какъ дѣйствуютъ эти пассы? имѣеть ли нѣкоторое вліяніе прижатіе большихъ пальцевъ? Вотъ то, чего я не могъ еще объяснить, и гипотезы, которыя можно предложить, довольно невѣроятны.

Во-первыхъ, что касается сжатія большихъ пальцевъ, то не видно ли нѣкоторой аналогіи между этимъ маневромъ и вышеуказаннымъ опытомъ Чермака? Если ляпку лягушки связать ниткою, то она становится почти неподвижною; если клювъ пѣтуха обвязать ленточкой, то онъ становится совлывымъ и цѣпнеть. Слабое, продолжительное возбужденіе вызываетъ вѣроятно гипнотическое состояніе, подобно тому какъ быстрое и внезапное возбужденіе производитъ катаплексическое состояніе.

Можетъ быть, на пассы, производимыя предъ глазами, пужно смотрѣть какъ на слабое, продолжительное возбужденіе, дѣйствующее однообразіемъ и повтореніемъ. Эта гипотеза до нѣкоторой степени оправдывается явленіемъ, которое наблюдалъ Гейденгайнъ у субъектовъ, усыпившихся нѣсколько разъ уже прежде. Тиканье карманныхъ часовъ, приложенныхъ къ ихъ уху, немедленно приводитъ ихъ въ состояніе сна. Съ своей стороны и я видѣлъ паралексическую (страдавшую параличомъ нижней части тѣла) истеричку, приходившую въ состояніе сомнамбулизма отъ этой самой причины. Но мы знаемъ, что у субъектовъ, которые одинъ или нѣсколько разъ представляли симптомы сомнамбулизма, очень легко можно снова ихъ вызвать. Такъ у больныхъ de la Salpêtrière вибрація діапазона достаточно для того, чтобы вызвать сонъ.

Очевидно кромѣ того, что слабыя и повторяющіяся возбужденія, какъ напр. тиканье часовъ, ритмическая и

монотонная мелодія, вибрація діалазона едва ли могли бы успѣшно вызывать сомнамбулизмъ у субъекта даже очень нервнаго, который еще не представлялъ доселѣ симптомовъ магнетическаго невроза, хотя Гейденгайтъ склоняется, кажется, къ противоположному мнѣнію (loc. cit. p. 28). Слѣдовательно гипотеза о монотонныхъ и повторяющихся возбужденіяхъ какъ средствѣ вызывать сомнамбулизмъ — гипотеза несомнѣнно вѣрная въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но ее нельзя прилагать ко всѣмъ безъ исключенія случаямъ. Эти простые средства могутъ оказывать дѣйствіе на субъектовъ, предрасположенныхъ къ сомнамбулизму прежними опытами, но конечно они оказались бы недѣйствительными, если бы захотѣли употребить ихъ для усыпленія извѣстнаго лица въ первый разъ.

Была предложена другая гипотеза, которой нельзя отказать въ нѣкоторой вѣроятности. Говорили, что пациентъ самъ засыпалъ. Такъ какъ его вниманіе было сосредоточено на идеѣ сна, а его воображеніе было предзанято необычайными явленіями, которыя онъ ожидаетъ испытать, то онъ засыпаетъ потому, что предполагаетъ, что уснетъ.

Нужно сознаться, что въ этомъ объясненіи есть нѣкоторая доля истины. Однако и оно не общегодно. Я видалъ, что лица, которыя не беспокоились, ни волновались, которыя не надѣялись заснуть и которыя ничего не знали о гипнотизмѣ, довольно скоро засыпали подъ вліяніемъ пассъ. У этихъ лицъ выжидающее вниманіе играетъ самую ничтожную роль. Слѣдовательно приписывать всѣ случаи гипнотизма и сна этому выжидающему вниманію значило бы усиливаться вставлять факты въ рамку воображаемыхъ гипотезъ.

Давно уже существуетъ гипотеза что магнетизеръ дѣйствуетъ волею; что когда онъ дѣлаетъ пассы или держитъ большіе пальцы пациента, то онъ освобождаетъ какую-то магнетическую жидкость, которая приводитъ пациента въ состояніе сна. Эта гипотеза довольно удобна, когда дѣло идетъ о магнетизированіи кого-либо, потому что такимъ

образомъ можно въ теченіи получаса и даже долѣе дѣлать смѣшныя маневры, которые хорошо удаются и которые едва ли бы кто согласился съ такимъ терпѣніемъ продолжать, если бы не вѣрилъ, что изъ руки исходитъ какая-то жидкость. Кромѣ того во время производства пассъ невольно дѣлають усилія вниманія и воли, располагающія къ вѣрѣ, что и на самомъ дѣлѣ есть произвольное дѣйствіе и какъ бы освобождающаяся жидкость. У субъектовъ усыпленныхъ и очень чувствительныхъ, пассы вызываютъ особенныя ощущенія, мурашки, ощущенія тепла и холода.

Однако гипотеза магнетической жидкости ничѣмъ убѣдительною не доказана. Чтобы заставить допустить этотъ невѣроятный, неслыханный, противорѣчащій всѣмъ научнымъ понятіямъ фактъ, что воля извѣстнаго индивидуума освобождаетъ жидкость, дѣйствующую на волю извѣстнаго другого индивидуума, понадобилось бы совокупность строгихъ, неопровержимыхъ доказательствъ. А такихъ доказательствъ совершенно нѣтъ. Гипотеза о магнетической жидкости конечно удобна; она объясняетъ нѣкоторыя явленія, которыя безъ нея довольно трудны для объясненія; но она невѣроятна до нелѣпости и не основывается ни на какомъ твердомъ экспериментальномъ доказательствѣ.

Быть можетъ, часть наблюдаемыхъ явленій можно приписать весьма слабымъ электрическимъ токамъ. Извѣстно, что всѣ тѣлеса представляютъ сѣдалище очень слабыхъ электро-двигательныхъ силъ, впрочемъ замѣтныхъ на чувствительномъ гальванометрѣ. Эти электрическіе токи усиливаются при интенсивныхъ движеніяхъ мускуловъ, когда сухожилія скользятъ въ ихъ влагаллицахъ, при треніи поверхностей членовъ, измѣненіяхъ въ сосудистости и влажности кожи и проч. Когда рукою дѣлають магнетическія пассы, то конечно въ этой рукѣ образуются замѣтные электрическіе токи. Можетъ быть, эти токи служатъ причиною измѣненій, происходящихъ въ нервной системѣ

индивидуумовъ, усыпляемыхъ пассами. Въ самомъ дѣлѣ Буркомъ (Burg) и Шарко было доказано, что очень слабые электрическіе токи, рождающіеся отъ прикосновенія къ кожѣ мало способнаго къ окисленію металла какъ напр. золота, могутъ очень быстро измѣнить чувствительность всей стороны тѣла.

Возможно—это гипотеза, которую я робко предлагаю,— что повтореніе этихъ очень слабыхъ электрическихъ токовъ, совершаясь въ одномъ и томъ же направленіи почти около получаса, сильно дѣйствуетъ на нервныя центры возбуждаемаго индивидуума. Для доказательства истинности этого предположенія слѣдовало бы усыпить кого-либо, быстро пропуская слабые электрическіе токи чрезъ его лобъ и глаза. Я приказалъ устроить маленькій приборъ для этого, но еще не имѣлъ случая экспериментировать съ нимъ въ благоприятныхъ условіяхъ.

Итакъ если въ концѣ концовъ мы внимательно отнесемся ко всѣмъ предположеніямъ, какія были сдѣланы для изясненія происхожденія магнетическаго сна, то видимъ, что ни одно изъ нихъ неудовлетворительно. Эти 8 предположеній можно резюмировать такъ.

1. Гипотеза блеска отъ свѣтлаго предмета.
2. Гипотеза фиксаціи взгляда.
3. Гипотеза страха.
4. Гипотеза выжидающаго вниманія.
5. Гипотеза жидкости, свойственной животному магнетизму.
6. Гипотеза монотонныхъ, слабыхъ и повторяющихся возбужденій.
7. Гипотеза слабыхъ и повторяющихся электрическихъ токовъ.
8. Гипотеза отсутствія внѣшнихъ возбужденій.

Ни одна изъ этихъ причинъ не можетъ быть разсматриваема какъ окончательно доказанная. Это слова, служащія платою за незнаніе настоящей причины; а что касается

меня, то я охотно согласился бы, что причина сомнамбулизма совершенно неизвестна намъ.

При настоящемъ состояніи науки—очевидно наилучше допустить, что нѣсколько этихъ различныхъ причинъ дѣйствуютъ одновременно и совокупно. Гипотезѣ выжидающаго вниманія напр. благоприятствуютъ зрительныя и слуховыя возбужденія, которыя своею монотонностью и повтореніемъ приводятъ въ сотрясеніе предрасположенную, нервную систему. Вліяніе воли (магнетизера) связывается, можетъ быть, въ томъ явленіи, что электрическое состояніе руки магнетизера измѣняется подъ вліяніемъ испытываемыхъ имъ эмоцій, и производимыхъ движеній. Все это конечно гипотетично и наши заключенія совершенно отрицательны; но признавать, что имѣетъ только отрицательныя рѣшенія, значить кое-что знать.

Всѣ указываемыя нами причины (производящія магнетическій сонъ) могутъ не привести къ ожидаемымъ результатамъ и не приводятъ, когда ихъ строго хотятъ приложить къ такому или иному индивидууму, который никогда не былъ усыпляемъ. Напротивъ у индивидуумовъ чувствительныхъ все удается и является трудность противоположная. Въмѣсто того, чтобы изыскивать средство, которое всегда удается, тогда вопросъ бываетъ въ томъ, чтобы найти способъ, который никогда не удался бы, и не находить такого. Тиканье часовъ, прикосновеніе руки, вибрація діалазона, простое прикосновеніе неодушевленнаго предмета, быстрый жестъ, сильный свѣтъ, слово, взглядъ даже становятся достаточными причинами; такъ что въ одномъ случаѣ неудача попытокъ, а въ другомъ большая легкость (удачи) должны заставлять насъ сомнѣваться въ значеніи даваемыхъ нами объясненій.

М..., которую я усыплялъ въ госпиталѣ de Beaugon, стала столь чувствительною, что когда я входилъ въ залу съ намѣреніемъ или безъ намѣренія усыпить ее, она засыпала. До такой степени чувствительности она дошла посте-

пенно. Такъ въ первый разъ я не могъ усыпить ее, во второй сонъ наступилъ чрезъ десять минутъ, въ третій—чрезъ пять минутъ и проч. При пятомъ опытѣ я усыпилъ ее, касаясь ея лба. Нѣсколько времени спустя мнѣ достаточно было приблизиться къ ея постели. Наконецъ послѣ, какъ только я входилъ въ залу, она засыпала тотчасъ, какъ только видѣла меня. Объясненіе становится труднымъ оттого, что сонъ наступалъ не всегда. Часто я приближался къ ея постели, говорилъ съ нею, а въ ея состояніи не замѣчалось никакой перемѣны. Тогда для вызова сна достаточно было какого-либо возбужденія. Внезапный шумъ, наприм. ударъ одной руки о другую, или громко произнесенное слово, напр. „спите!“ внезапно вызывало сомнамбулическое состояніе. Физиологическое состояніе этой больной можно сравнить съ положеніемъ предмета въ неустойчивомъ равновѣсіи, который подъ вліяніемъ малѣйшаго колебанія тотчасъ падаетъ.

Исключая даже тѣ случаи, въ которыхъ чувствительность къ сомнамбулизму сильная и почти болѣзненная, констатируютъ любопытные факты, заставляющіе насъ вполне различать случаи, въ которыхъ сомнамбулизмъ былъ въ первый разъ полученъ, отъ случаевъ, въ которыхъ субъектъ сдѣлался крайне чувствительнымъ вслѣдствіе предыдущихъ опытовъ.

М. А. Гейденгайнъ, сначала съ трудомъ усыпленный своимъ братомъ, впоследствии былъ легко усыпляемъ; даже когда руки М. Р. Гейденгайна (брата) были покрыты толстыми перчатками. Точно также мои друзья F... и R..., у которыхъ сначала сонъ наступалъ съ трудомъ, въ концѣ концовъ сдѣлались очень чувствительны, и я могъ усыплять ихъ пассами на разстояніи двухъ и даже болѣе метровъ.

Всѣ эти и другіе, трудные для пониманія, факты изъясняютъ эту ходячую и вѣроятно ложную идею, что воля магнетизера служитъ причиною сна магнетизированнаго. Такъ какъ этотъ послѣдній легко засыпаетъ, а магнетизеръ хотѣлъ его усыпить, то естественно эти два явленія поставляютъ въ такое отношеніе какъ причину къ дѣйствию, хотя

такое отношеніе ни на чемъ не основано и остается до сихъ поръ недоступнымъ для какого-либо научнаго доказательства.

Можно ли усыплять не только на разстояніи, но даже тогда, когда пациентъ не предупрежденъ о присутствіи магнетизера, и не видитъ и не слышитъ его? Хотя нѣкоторые факты, казалось мнѣ, нрѣдка подтверждали это странное мнѣніе, однако я не могу считать его неоспоримымъ. Въ подобномъ случаѣ, когда дѣло идетъ о столь же изумительныхъ какъ и невѣроятныхъ идеяхъ, нельзя довольствоваться отдѣльнымъ фактомъ; нужно накопить доказательства, усилить предосторожность, окружать себя всѣми гарантіями противъ заблужденій или обмановъ, такъ чтобы можно было утверждать, что явленіе есть, потому что извѣстно, что его всякій разъ можно воспроизвести по желанію. Эта послѣдняя черта—единственная отличающая научную истину отъ смѣлаго утвержденія. Такъ, рѣшившись продолжать трудные опыты въ этомъ направленіи, я принужденъ вѣрить, что сонъ не можетъ быть вызванъ, когда пациентъ не предупрежденъ относительно присутствія магнетизера, каковы бы ни были употребляемые послѣднимъ усилія для вызова сна.

Нѣкоторымъ можетъ показаться страннымъ, что даже дѣлаютъ опыты въ этомъ смыслѣ; меня, можетъ быть, обвинять въ крайнемъ легковѣріи. Однако я думаю сообразоваться съ элементарнымъ научнымъ безпристрастіемъ, не отвергая à priori мнѣнія, какимъ бы страннымъ оно ни казалось. Въ подобномъ случаѣ неразумно крайнее отрицаніе. Чтѣ знаемъ мы опредѣленнаго относительно функцій нервной системы? Не большее ли это ослѣпленіе, чѣмъ отказываться отъ изслѣдованія (нервной системы) подъ предлогомъ того, что знаемъ достаточно въ пользу отрицанія? Если бы современнику Галилея прямо сказали, что въ Парижѣ можно слышать разговоръ, ведущійся въ Римѣ, какъ это теперь есть, благодаря телефону и электричеству, то современникъ Галилея à priori бы-можетъ отрицалъ бы

и на подобное утверждение посмотрѣлъ бы, какъ на нелѣпое и противное всякой наукѣ.

Однако онъ былъ бы неправъ; точно также были бы мы неправы, отвергая безъ болѣе тщательнаго изслѣдованія то, что, кажется, стоитъ въ противорѣчїи съ нашими настоящими ничтожными знаніями. Выражаясь точнѣе, если мнѣ докажутъ, тщательно сдѣланнымъ опытомъ, что сова можетъ быть вызванъ присутствіемъ магнетизера безъ вѣдома магнетизируемаго, то я повѣрю этому, потому что за фактами остается высшій авторитетъ, предъ которымъ я всегда буду преклоняться.

Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы распространились о нѣкоторыхъ симптомахъ, представляемыхъ сомнамбулами, и заключеніяхъ, которыя изъ нихъ можно вывести о состоянїи нервной системы. Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы снова принять соображенія и общѣе рассмотреть состояніе нервной системы сомнамбулъ.

Предположимъ на мгновеніе, что въ душѣ человѣка есть высшая сила, господствующая надъ всѣми его дѣйствіями и регулирующая направленіе его идей и чувствъ. Эта сила будетъ, если угодно, вниманіе, воля или произволь. Вотъ напр. я сѣлъ за свой столъ и пишу. Я могу въ извѣстной мѣрѣ дать своей мысли направленіе, какое мнѣ угодно. До меня доходятъ шумъ и движенія вѣшняго міра; но я не обращаю на нихъ вниманія, потому что преслѣдую свою идею, прилагаю вниманіе къ тому, что пишу. Я слѣдовательно—въ дѣйствительности или по-видимому—влажду собою. Я могу продолжать свою работу. Я могу также встать, если хочу, положить перо на столъ, взять шляпу и выйти. Я могу еще совершить такое или иное дѣйствіе, которое будетъ или покажется произвольнымъ.

Направленіе, желаніе, произвольность этихъ различныхъ дѣйствій имѣетъ вѣроятно свое мѣсто въ периферической части мозга: въ сѣрой оболочкѣ мозговыхъ изгибовъ. Въ это „я“ хотящаго и дѣйствующаго есть друге совер-

шенно автоматическое, регулирующее и координирующее желаемыя движенія, дающее приказаніе мускуламъ сокращаться, послѣ полученія этого приказанія отъ „я“ желающаго. Всѣ рефлективныя, инстинктивныя, произвольныя движенія регулируются автоматомъ, находящимся въ „я“; этотъ автоматическій аппаратъ имѣетъ свое сѣдалище въ выпуклости (protuberance), луковницѣ и мозгѣ, а вѣроятнѣе также въ мозговыхъ гангліяхъ [оптическія сѣдалища (optiches) и полосатыя (stries) бородавчатая тѣла].

Многими физиологами (Сѣменовъ, Симоновъ, Исафоръ, Герценъ, Гольцъ, Левиссонъ и др.) было доказано, что высшіе нервныя центры въ нормальномъ состояніи производятъ родъ умѣряющаго дѣйствія на автоматическія нервныя дѣйствія. Дѣло происходитъ такъ, какъ будто изъ высшихъ центровъ мозга постоянно исходитъ умѣряющій нервный токъ къ низшимъ нервнымъ центрамъ, уменьшаетъ интенсивность рефлективныхъ движеній, сѣдалищемъ которыхъ они служатъ. Животное, у котораго вынутъ мозгъ, имѣетъ рефлективныя дѣйствія болѣе энергическія, чѣмъ животное неповрежденное.

Этихъ рефлективныхъ дѣйствій достаточно для поддержанія жизни въ условіяхъ очень аналогичныхъ съ нормальнымъ. Такъ лягушка, мозговые лопасти которой разрушены, прыгаетъ, плаваетъ, движется совершенно почти такъ, какъ лягушка здоровая.

У сомнамбулъ бываетъ конечно аналогичное состояніе. У нихъ воли нѣтъ, а рефлексы усилены. Я говорю V... „сидитесь“ и она садится; „ходите“! и она ходитъ, пока я не прикажу ей остановиться. Голуби Флурана продѣлываютъ то же. Если ихъ толкнуть впередъ, то они идутъ до конца стола и, достигши края, падаютъ, потому что продолжаютъ начатое движеніе. Разъ импульсъ данъ, этотъ импульсъ не можетъ быть остановленъ волею или рефлексією, и продолжается неопредѣленно до тѣхъ поръ, пока какое-либо возбужденіе не будетъ противопоставлено первоначальному импульсу.

Что касается усиленія рефлексивнаго дѣйствія, то это—также явленіе постоянное, особенно если разсматривать рефлексивную возбудимость мускуловъ. Чѣмъ глубже сонъ, тѣмъ больше возбудимость мускуловъ; она становится такою, что достаточно бываетъ легкаго прикосновенія къ мускулу, чтобы вызвать его сокращеніе.

Такимъ образомъ два эти явленія—сильная рефлексивная возбудимость и автоматизмъ согласуются съ тою гипотезою, что въ сомнамбулизмѣ высшіе нервныя центры, сѣдалище воли и произвольности, не оказываютъ болѣе своего нормирующаго дѣйствія.

Однако не все сказано, когда произнесено слово автоматизмъ; потому что нельзя установить тождества между состояніемъ животнаго, у котораго вынуть мозгъ, погруженнаго слѣдовательно въ сонъ безъ сновидѣній, и состояніемъ сомнамбулы, у котораго память совершенна, умъ бодръ и сильно возбужденное воображеніе строитъ самыя сложныя галлюцинаціи.

Для изясненія этого кажущагося противорѣчія возвратимся къ нашей первой гипотезѣ, что въ духѣ человѣка существуетъ высшая сила—воля и произволь. Каковъ бы ни былъ этотъ произволь—много метафизическихъ споровъ велось относительно свойства и формы этой силы—можно съ довѣрностію допустить, что при отнятій ея только одной всѣ другія силы духа остаются въ цѣлости. Связь, существующая между волею и умомъ, порвана. Никакое вниманіе, никакое усиліе воли не направляютъ тогда памяти и воображенія.

Подобно тому, какъ движенія обезглавленнаго животнаго могутъ происходить только, когда вызваны виѣшнимъ возбужденіемъ, точно такъ умственныя операціи сомнамбулы могутъ быть возбуждены только отвнѣ. Въ нормальномъ состояніи это возбужденіе замѣняется волею. А у сомнамбулы нѣтъ воли. Умъ сталъ автоматиченъ, какъ хожденіе или полетъ обезглавленнаго голубя.

Такъ, я говорю сомнамбулѣ: „вотъ змѣя“! тотчасъ идея змѣи представится его воображенію въ дѣйствительной формѣ. Онъ увидитъ, что она движется, бросается на него, кусаетъ; онъ испугается, будетъ кричать, стараться бѣжать и проч. Конечно всѣ эти идеи свидѣтельствуютъ о сохраненіи ума, но этотъ умъ не владѣетъ собою. Если мнѣ говорятъ: „вотъ змѣя“ то я, направляя ассоціацію идей, какъ мнѣ угодно, могу думать о деревѣ, лодкѣ, яблони, картинѣ, романѣ, солдатѣ, лабораторіи, рѣкѣ. Мнѣ кажется, что я—господинъ этой ассоціаціи идей, и дѣйствительно все происходитъ такъ, какъ будто я господинъ надъ нею, тогда какъ сомнамбула обладаетъ только пассивнымъ умомъ. Ему говорятъ: „вотъ змѣя“, и онъ необходимо будетъ думать о змѣѣ и всѣхъ идеяхъ, обыкновенно съ нею связанныхъ. Онъ не въ силахъ будетъ принять другую идею въ рядъ своихъ воспоминаній и измѣнить этою новою идеею теченіе мыслей, вызванныхъ видомъ воображаемой змѣи.

Умъ у сомнамбулы не исчезъ: онъ спитъ. Чтобы онъ пробудился, чтобы идеи начали движеніе, нужно одно только возбужденіе, которое вызоветъ движеніе всего аппарата,—именно змѣя. Память, воображеніе, чувствительность, все тотчасъ начинаетъ дѣйствовать, совершенно какъ у индивидуума нормальнаго. Единственное различіе—то, что въ нормальномъ состояніи идею можно направлять, измѣнять, усиливать, ослаблять волею, тогда какъ у сомнамбулы этой воли нѣтъ. Весь аффективный и интеллектуальный аппаратъ мозга приведенъ въ сотрясеніе вѣщимъ возбужденіемъ; но внутренняго возбужденія (т. е. воли) нѣтъ.

Сомнамбулу можно представлять себѣ какъ индивидуумъ, оставленный въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ полнѣйшая тьма и абсолютное молчаніе. Пусть тогда какое-либо возбужденіе его дѣйствуетъ на его чувства, это возбужденіе, которое прошло бы незамѣченнымъ въ освѣщенной и шумной залѣ театра, становится господствующимъ у изолированнаго индивидуума. Вотъ почему у сомнамбулы слабыя

возбужденія, незначительныя вліянія становятся точкою отправления страшнаго ряда воображаемыхъ представленій.

Эти представленія имѣютъ замѣчательное свойство: они необходимы, неизбежны. Никакое усиліе воли или вниманія не можетъ измѣнить ихъ направленіе. Дѣйствительно у одного и того же индивидуума они всегда тождественны. Такъ у одной и той же истерички различныя формы бѣснаго неистовства слѣдуютъ съ изумительными правильностью и пунктуальностью, равно какъ у одного и того же сомнамбулы рядъ галлюцинацій, вызванныхъ однимъ и тѣмъ же возбужденіемъ, наступаетъ всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. Тѣ же жесты, слова, выраженія физиономіи повторяются чрезъ годъ или два.

Если хоть немного допустить этотъ интеллектуальный автоматизмъ, то довольно хорошо можно изъяснить большую часть свойствъ галлюцинаціонной идеи. Эта идея произвольна: она произведена пришедшимъ отвнѣ возбужденіемъ; она единственная и слѣдовательно интенсивная, приводящая въ дѣйствіе весь духъ. Она влечетъ за собою рядъ идей, составляющихъ необходимое слѣдствіе первоначальной идеи. Всѣ чувствованія непосредственно и роковымъ образомъ выражаются свойственными жестами и положеніями. Ничто не можетъ остановить или измѣнить ихъ теченіе. Воля не имѣетъ никакой власти надъ непокорнымъ умомъ.

Въ концѣ концовъ кажется, что рядомъ съ тѣлеснымъ автоматизмомъ можно допустить психическій. Подобно тому, что есть рефлексы мозговыхъ луковицъ (малаго мозга), точно также есть рефлексы большаго мозга, психическіе. Въ сомнамбулизмѣ умъ не уничтоженъ: онъ сталъ автоматическимъ. Это дивное колесо еще функціонируетъ, но это—чистый только механизмъ, и никакой произволь не въ состояніи измѣнить роковаго теченія его движеній.

Это сильное разстройство умственныхъ функцій бываетъ не специально только при сомнамбулическомъ состояніи. Всѣ яды, производящіе свое дѣйствіе на мозгъ и умъ,

дѣйствуютъ почти такъ же. Кажется, что „я“ составляющее волю легче, чѣмъ „я“ автоматическое, отравляется различными субстанціями. У людей, пившихъ алкоголь, индійскій конопляникъ (chanvre), опиумъ, не бываетъ той господствующей власти, которую мы кажется имѣемъ на ассоціацію нашихъ идей. Точно также въ истеріи бываетъ значительное ослабленіе воли и разсудка. Нѣтъ того интеллектуальнаго равновѣсія, того *impregium sui*, которое въ нормальномъ состояніи кажется существуетъ и живетъ въ насъ.

Возвратимся еще разъ къ нашей первой гипотезѣ. Она была удобна для изложенія, но теперь она не необходима. Нѣтъ нужды предполагать произвольную силу, руководящую духомъ. Эта сила можетъ быть ничто другое, какъ воспоминаніе о прежнихъ возбужденіяхъ, накопившихся въ духъ. У всякаго здороваго индивидуума есть громадное число идей, существующихъ рядомъ одна съ другою, взаимно себя уравновѣшивающихъ и восполняющихъ. Когда всѣ эти идеи вмѣстѣ предстаютъ сознанію, то результатомъ этого равновѣсія бываетъ кажущаяся произвольность нашего существа. А если предположить, какъ это весьма вѣроятно, что у сомнамбулъ нѣтъ сознанія объ одновременно существующихъ идеяхъ, то естественно равновѣсіе не можетъ удержаться, и единственная идея, вызванная внѣшнимъ возбужденіемъ, не будетъ задерживаться сосѣдними идеями. Она восторжествуетъ безраздѣльно и роковымъ образомъ овладѣетъ всѣмъ духомъ. Въ сомнамбулизмѣ не мозговая произвольность отсутствуетъ, ибо сомнительно, чтобы эта произвольность когда-либо существовала, а сознательная память прежнихъ идей. Чтобы пробудить эти воспоминанія, нужно внѣшнее возбужденіе, тогда какъ у здороваго индивидуума, это внѣшнее возбужденіе не необходимо, потому что сознаніе и память одновременно пробуждаются.

Если бы нужно было однимъ словомъ обозначить психическое состояніе сомнамбулы, то я сказалъ бы, что это—

застой (silence), покой. Въмѣсто движенія идей, совершающагося въ нашей головѣ, когда мы бодрствуемъ, у сомнамбулы нѣтъ ничего: ни сознанія, ни памяти. Онъ не мыслить, у него нѣтъ идей, и нуженъ внѣшній шумъ, чтобы его душа пробудилась отъ одѣпенія, въ которое погружена.

Какимъ механизмомъ производится это интеллектуальное разстройство? есть ли это параличъ? или задерживающее дѣйствіе? На это еще нельзя отвѣтить. Мы знаемъ только, что нужно допустить ту или другую изъ этихъ двухъ гипотезъ.

1. Нужно допустить, что нѣкоторые индивидуумы могутъ быть погружены въ особенное нервное состояніе, называемое сомнамбулизмомъ, гипнотизмомъ или магнетизмомъ. Нужно это допустить, потому что нельзя предполагать повсюду и всегда обманъ и надувательство. Тождество явленій, наблюдавшихся въ различныхъ странахъ и въ различныхъ времена, и невозможность иногда предполагать симуляцію обнаруживаютъ нелѣпость гипотезы о продолжительной и универсальной мистификаціи. Отрицающіе сомнамбулизмъ никогда не снисходили до того, чтобы повторять опыты, тѣхъ, кто утверждалъ его существованіе.

2. Это состояніе сомнамбулизма характеризуется психическими и соматическими явленіями.

Психическія явленія слѣдующія:

а) Галлюцинаціи, которыя можно вызвать внѣшнимъ даже чрезвычайно слабымъ возбужденіемъ;

б) Отсутствие произвольныхъ или кажущихся такими идей, и вслѣдствіе этого интеллектуальный автоматизмъ;

с) Сильное возбужденіе памяти;

д) Болѣе или менѣе полная потеря воспоминанія о томъ, что происходило во время сна; однако воспоминаніе это возвращается, когда вызываютъ снова сомнамбулическое состояніе: происходитъ слѣдовательно въ нѣкоторой мѣрѣ раздвоеніе личности;

е) Непосредственное вліяніе движеній на чувства и чувствованій на движенія.

Соматическія явленія слѣдующія:

- a) Анестезія;
- b) Катаlepsія;
- c) Усиленіе рефлективной возбудимости мускуловъ;
- d) Автоматизмъ движеній: соматическое состояніе, подобное интеллектуальному автоматизму.

3. Состояніе сомнамбулизма, трудное для вызова въ первые опыты у того же самаго субъекта, становится болѣе и болѣе легкимъ для вызова по мѣрѣ того, какъ чаще повторяются опыты. Къ сомнамбулизму приобрѣтается привычка, какъ и ко всѣмъ нервнымъ явленіямъ. У одного и того же индивидуума психическіе и соматическія симптомы представляются всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ и въ одинаковой формѣ.

4. У животныхъ можно вызвать болѣе или менѣе аналогичныя проявленія (катаплексію, гипнотизмъ); но изслѣдованія, сдѣланныя доселѣ надъ животными, бросаютъ мало свѣта на причины и свойство сомнамбулизма, вызываемаго у человѣка.

5. Блескъ свѣтящагося предмета, устремленный въ одну точку взглядъ, выжидающее вниманіе, страхъ, монотонность слабаго часто повторяющагося возбужденія, воля магнетизера, электричество руки,—были послѣдовательно принимаемы за причины, вызывающія сомнамбулизмъ. Всѣ эти объясненія болѣе или менѣе неудачны: возможно, что настоящая (истинная) причина еще не найдена. Въ ожиданіи ея можно допустить, что всѣ указанныя выше причины дѣйствуютъ совмѣстно.

6. У субъектовъ, ставшихъ чувствительными отъ частыхъ опытовъ, достаточно самаго незначительнаго повода для того, чтобы вызвать сомнамбулизмъ.

7. Что касается самаго свойства сомнамбулизма, то можно допустить, что этотъ неврозъ существеннымъ образомъ обуславливается отсутствіемъ произвола или автоматизмомъ. Этотъ автоматизмъ вѣроятно происходитъ отъ

потери сознательной памяти о нѣсколькихъ одновременныхъ воспоминаніяхъ. Для того, чтобы сомнамбулизмъ имѣлъ идею, нужно, чтобы она была вызвана вѣшнимъ возбужденіемъ.

8. Психофизиологическое изученіе этого темнаго и сложнаго явленія едва подготовлено. Желательно слѣдовательно, чтобы оно было предпринято и глубже изслѣдовано.

Этому послѣднему заключенію нужно можетъ-быть придать наибольшее значеніе. Факты такъ интересны, такъ неожиданны, такъ темны, что необходимо безусловно новое методическое и тщательное изученіе. Представленный нами очеркъ можетъ имѣть интересъ только потому, что онъ долженъ вызвать споры и побудить къ новымъ опытамъ.

Нѣскольکو словъ по поводу книги Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича: „Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія“.
СПБ. 1886 г. 4° маі. съ VII табб.

Въ нашей нумизматической литературѣ неоднократно высказывалось желаніе, чтобы лица, владѣющія собраніями русскихъ монетъ, издавали, по мѣрѣ силъ и возможности, каталоги своихъ собраній и такимъ образомъ дѣлились съ другими собратьями по нумизматикѣ свѣдѣніями о рѣдкостяхъ, хранящихся въ ихъ коллекціяхъ. Въ изданіяхъ подобнаго рода совершенно основательно видѣли самый вѣрный залогъ будущаго развитія русской нумизматики.

Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, желанія эти такъ и оставались желаніями. Русская нумизматическая литература не можетъ похвалиться своимъ богатствомъ. Лишь самая незначительная часть русскихъ нумизматовъ рѣшилась издать описанія и каталоги своихъ собраній. Большинство же нумизматическихъ коллекцій, заключавшихъ иногда въ себѣ величайшія рѣдкости, исчезли безслѣдно послѣ смерти лицъ, ими владѣвшихъ. Хорошо еще, если вѣсть о распродажѣ подобной коллекціи во-время доходила до свѣдѣнія знатоковъ, такъ что послѣдніе могли спасти наиболѣе цѣнныя, въ научномъ отношеніи, экземпляры отъ рукъ невѣждъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что въ теченіи послѣднаго десятилѣтія наша нумизматическая литература замѣтно оживилась, и есть основаніе думать, что оживленіе это не есть мимолетная прихоть моды, а является

сознательнымъ проявленіемъ въ нашемъ обществѣ стремленія къ собиранію и изслѣдованію памятниковъ нашей старины.

Къ числу наиболѣе блестящихъ, по внѣшнему изяществу и богатству внутренняго содержанія, проявленій этого отраднaго оживленія безусловно долженъ быть отнесенъ недавно вышедшій въ свѣтъ трудъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Георгія Михайловича, носящій скромное названіе „Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія“. (СПБ. 1886 г.). Въ виду того, что изданіе это не предназначено для широкаго круга распространенія, такъ что сравнительно весьма немногимъ придется его видѣть, мы, имѣвшіе удовольствіе близко познакомиться съ нимъ, считаемъ пріятнымъ долгомъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ другими любителями русской нумизматики.

Во введеніи къ своему труду Августѣйшій Авторъ знакомитъ читателя съ біографіей своей коллекціи. Коллекція эта, не смотря на свою молодость (она основана въ 1877—8 гг.), заключаетъ въ себѣ въ настоящее время 8,000 монетъ и около 2,000 медалей, между которыми находится значительное количество весьма рѣдкихъ и даже неизданныхъ экземпляровъ. Последнее обстоятельство даетъ этой коллекціи право на почетное мѣсто въ ряду первоклассныхъ русскихъ нумизматическихъ коллекцій. Желая сдѣлать сокровища своей коллекціи доступными вниманію любителей и знатоковъ, Его Императорское Высочество изъявляетъ любезную готовность издавать описаніе и изображеніе ихъ въ свѣтъ выпусками, по мѣрѣ возможности. Книга, разборъ которой составляетъ предметъ настоящей замѣтки, и является началомъ исполненія этого предположенія, которое, конечно, будетъ принято всѣми русскими нумизматами съ чувствомъ самой искренней признательности. Мало того,—Его Импе-

раторское Высочество имѣть намѣреніе несравненно болѣе грандіозное, предполагая издать всю послѣ-петровскую нумизматику. Нечего и говорить, что осуществленіе этого предпріятія потребуеъ многолѣтнихъ трудовъ и составитъ эпоху въ исторіи научной разработки русской нумизматики. Пожелаемъ же отъ всей души этому предпріятію благополучнаго окончанія и перейдемъ теперь къ подробному обзору внутренняго содержанія труда Его Императорскаго Высочества. Для большаго удобства, мы рассмотримъ описанныя и изображенныя въ немъ монеты по царствованіямъ.

Царствованіе Петра I. Изъ числа золотыхъ монетъ этого царствованія въ изданіи Его Императорскаго Высочества мы встрѣчаемъ оба типа двойныхъ червонцевъ (№ 1 и 7 tab. I): 1701 и 1714 гг., но въ виду того, что обѣ эти монеты хорошо извѣстны нашимъ нумизматамъ по прежнимъ нумизматическимъ изданіямъ (Schub.¹⁾ tab V, № 111 и 112), мы не станемъ останавливаться на нихъ подробно, равно какъ и на двухъ червонцахъ 1710 г. (такъ называемые червонцы „съ четырьмя флагами“), изъ которыхъ одинъ описанъ подробно подъ № 4 и изображенъ на tab. I (у Schub. на tab. V, № 118), а о другомъ прибавлено, что онъ представляетъ собою вариантъ, отличающійся отъ перваго мѣньшею величиною головы Петра I на лицевой сторонѣ.

Изъ серебряныхъ монетъ мы находимъ, помимо рѣдчайшаго „россійскаго рубловика“ 1707 г. подъ № 5 на tab. I, два весьма интересныя четвертака, изъ которыхъ одинъ былъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ, а другой изображенъ только въ никому почти неизвѣстныхъ пробныхъ таблицахъ Петровскихъ монетъ г. Рошфора. Вотъ подробное описаніе этихъ замѣчательныхъ монетъ:

¹⁾ Подъ этимъ сокращеніемъ мы будемъ цитировать изданіе: *T. Schubert. Monnaies russes des derniers trois siècles.* 1 vol. et Atlas. Leipsic. 1863.

а) Лиц. ст. Бюстъ императора Петра I вправо въ лавровомъ вѣнкѣ, связанномъ лентою, въ латахъ и мантии, застегнутой на правомъ плечѣ пряжкой съ бантомъ. Въ обрѣзѣ руки буква G (Gouin). Сверху и справа идетъ круговая надпись:

*** ЦРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ ВСЕА РАСІА ПОБѢДИТЕЛЬ**

Об. ст. Двуглавый орелъ безъ щитка на груди. Подъ орломъ годъ 1710 (1701). Кругомъ, также сверху и справа, идетъ надпись:

· ПОЛУПОЛТННИКЪ ·

Гуртъ гладкій. Въсь 1 зол. 60 долей. (№ 2 tab. I).

Въ монетѣ этой особенно бросается въ глаза оригинальность ореографіи слова „полуполтинникъ“ на об. ст. Подобной надписи, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не встрѣчается.

б) Лиц. ст. Бюстъ императора вправо въ лавровомъ вѣнкѣ безъ банта, въ латахъ и мантии, застегнутой пряжкой на правомъ плечѣ. Круговая надпись:

· ЦРЬ · ПЕТРЪ — · АЛЕКСѢВИЧЪ: К: Р: П:

идеть снизу слѣва. Кругомъ ободокъ шнуромъ.

Об. ст. Двуглавый орелъ безъ щитка на груди. Круговая надпись начинается слѣва снизу и помѣщена надъ орломъ:

(ПОЛУ)ПОЛТННИКЪ 1710.

Находящаяся въ скобкахъ часть надписи выскоблена. Гуртъ кружечками. Въсь 1 зол. 51 д. (№ 6 tab. I). Изображень у г. Рошфора на tab. 39 подъ № 599.

Далѣе подъ № 3 на tab. I мы находимъ гривенникъ 1705 г., описанный у Шодуара ¹⁾ подъ № 652 и изображенный у г. Рошфора на tab. 40 подъ № 632. Въ коллекціи Его Императорскаго Высочества находится еще одинъ экземпляръ этого рѣдкаго гривенника, отличающійся отъ

¹⁾ *S. de Chaudoir. Aperçu sur les monnaies russes, etc. 2 vols. et Atlas. SPB. et Paris. 1836.*

предыдущаго нѣкоторыми мелкими особенностями въ рисунокѣ орла на лицевой сторонѣ.

Изъ числа мѣдныхъ монеть, на *tab. I*, № 8 изображенъ пробный грошъ 1724 г. (*Schub. tab. XIV. № 397*).

Царствованіе Екатерины I. Изъ числа монеть этого царствованія на *tab. I*, № 9, мы находимъ интересный полтинникъ 1726 г., представляющій собою неизвѣстный въ русской нумизматикѣ примѣръ сочетанія лицевой стороны, изображенной у *Schub. tab. XVI, № 479*, и оборотной, изображенной тамъ же подъ № 480. Гуртъ свуркомъ. Интересны обстоятельства находки монеты. Она была вынута изъ земли въ 1876 г., при перестройкѣ дворца Великаго Князя Владиміра Александровича, подъ фундаментомъ стоявшаго на мѣстѣ этого дворца стараго зданія, извѣстнаго подъ именемъ „запасаго дворца“. По безукоризненной сохранности этого полтинника можно думать, что онъ былъ положенъ подъ фундаментъ при закладкѣ стараго зданія. Но особенно интересна монета № 12, *tab. I*,—серебряный алтынъ 1727 г. Вотъ его описаніе:

- Лиц. ст. Двуглавый орелъ безъ щигла на груди въ ободкѣ изъ отдѣльныхъ зубчиковъ или листиковъ.

Об. ст. Въ подобномъ же ободкѣ надпись:

.. —ТРИКО - ПЕНКИ—1727.

Гуртъ гладкій. Вѣсъ 26 долей.

Эта монета, до сихъ поръ совершенно неизвѣстная, представляетъ собою послѣдній серебряный алтынъ, чеканенный въ Россіи. Она была поднесена Великому Князю Владиміру Александровичу въ 1885 г. въ г. Вологдѣ, при посѣщеніи имъ Вологодскаго музея, а Вел. Кн. Владиміромъ Александровичемъ подарена Вел. Кн. Георгію Михайловичу. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ имѣется серебряный грошъ (двухкопеечникъ) того же 1727 г., весьма похожій по своему типу на описанный выше алтынъ. Грошъ этотъ упомянуть въ таблицахъ г. Гилля¹⁾, но нигдѣ еще не описанъ. Объ эти

¹⁾ *Хр. Хр. Гилль.* „Таблицы русскихъ монеть двухъ послѣднихъ столѣтій“. СПб. 1883. 4-о.

монеты значительно пополняют собою серію серебряныхъ монеть Екатерины I. До сихъ поръ были извѣстны лишь двухрублевикъ, рубли, полтинники, четвертаки и гривенники этой императрицы.

Изъ числа мѣдныхъ монеть Екатерины I въ трудѣ Его Императорскаго Высочества описаны и изображены:

Квадратный гривенникъ (№ 13, tab. II) 1727 г., подобный изображенному у Schub. tab. XVIII, № 501, но отличающийся отъ него контрамаркою на оборотной сторонѣ. На первомъ, на контрамаркѣ находятся буквы ^{ПР}_{ИП}, а на второмъ— ^{ПР}_{АВ}. Значеніе этихъ контрамарокъ остается до сихъ поръ неразгаданнымъ.

Двѣ квадратныя копейки 1726 г. Одна (№ 10, tab I) аналогична съ изображенной у Schub. tab. XVIII, № 507, но безъ контрамарки на оборотной сторонѣ, а другая (№ 11, tab. I)—совершенно сходная съ находящейся у Schub. на tab. XVIII, № 506.

Царствованіе Аны Ивановны. Изъ числа серебряныхъ монеть этой императрицы подъ № 14, tab. II, находимъ рубль 1730 г. (такъ называемый „Анна съ цѣпью“), изображенный у Schub. на tab. XIX, № 549, и весьма рѣдкій; затѣмъ гривенникъ 1739 г. (№ 15, tab. II), описанный подъ № 1031 въ цитированномъ уже нами сочиненіи Шодуара и изображенный тамъ же на tab. II—28 fig. 4. Этого гривенника извѣстны еще лишь два экземпляра: одинъ у Вел. Кн. Константина Николаевича, а другой у одного собирателя въ Москвѣ.

Подъ № 16 и 17, tab. II, мы находимъ изображеніе мѣдныхъ оттисковъ съ двухъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ гривенниковъ 1739 и 1740 гг., на которыхъ мы остановимся подробнѣе:

а) *Лиц. ст.* Штемпель лицевой стороны представляетъ собою точную копію съ лицевой стороны извѣстныхъ же.

тоновъ на миръ съ Турцію 1739 г. и на кончину Анны Ивановны ¹⁾.

Об. ст. Въ зубчатомъ ободѣ узорчатый щитъ подъ короною, на которомъ находится надпись:

ГРИВЕН - НИКЪ—1739.

Гуртъ гладкій. Вѣсъ 1 зол. 75 дол.

b) *Лиц. ст.* Двуглавый орелъ съ овальнымъ щиткомъ на груди, носящимъ изображеніе св. Георгія. Щитокъ этотъ окруженъ цѣпью ордена св. Андрея. Все—въ зубчатомъ ободѣ.

Об. ст. Подобна оборотной сторонѣ предыдущаго гривенника, но на щитѣ надпись:

ГРИВЕН - НИКЪ—1740.

Гуртъ гладкій. Вѣсъ 60 долей.

Не видавъ этихъ двухъ, чрезвычайно интересныхъ, монетъ, трудно сказать что-нибудь относительно ихъ подлинности. Но, на нашъ взглядъ, первая изъ нихъ (№ 16) подозрительна, по слѣдующимъ даннымъ. Во-первыхъ, является страннымъ сочетаніе жетоннаго штемпеля лицевой стороны съ монетнымъ штемпелемъ оборотной. Ничего подобного до сихъ поръ не было извѣстно въ русской нумизматикѣ. Во-вторыхъ, вѣсъ этой монеты (1 зол. 75 дол.) является *втрое* больше не только аналогичнаго съ нимъ мѣднаго оттиска № 17, но и подлинныхъ серебряныхъ гривенниковъ этого царствованія (около 60 долей). Кроме того нужно сказать, что обѣ эти монеты происходятъ изъ коллекціи Гр. Э. Гуттенъ-Чапскаго, который, судя по его каталогу ²⁾, не особенно строго относился къ подлинности монетъ, поступавшихъ въ его собраніе (срв. №№ 45, 235 и особенно № 573 его каталога).

Далѣе, подъ № 18, tab. II, находится мѣдный же оттискъ серебрянаго пяточка 1740 г., изображеннаго у Schub. tab. XX, № 566.

¹⁾ См. Die Reichel'sche Münzsammlung in St. Petersburg. Bd. I. № № 1818 und 1818.

²⁾ Гр. Э. Гуттенъ-Чапскій. „Деньги древней Руси“. СПб. 1875. 8-о.

Наконецъ, изъ числа мѣдныхъ монеть Анны Ивановны въ коллекціи Его Императорскаго Высочества находится чрезвычайно интересный пятикопеечникъ 1727 г., на оборотной сторонѣ котораго, въ верхнемъ лѣвомъ углу креста, образуемаго надписями, находится четырехъ-угольная контрамарка съ изображеніемъ двуглаваго орла безъ щитка на груди; подъ орломъ находится годъ: 1740 (№ 19 tab. II). У Schub. (tab. XX, № 568) есть подобный пятикопеечникъ съ контрамаркою, но на послѣдней подъ орломъ, вмѣсто года, находятся буквы: СПБ.

Вновь изданный вариантъ весьма интересенъ и важенъ тѣмъ, что на контрамаркѣ обозначенъ годъ.

Изъ монеть *царствованія Ивана Антоновича* изданъ пробный рубль 1740 г. (№ 20, tab. II), изображенный у Schub. на tab. XXI, № 573.

Царствованіе Елизаветы. Изъ числа золотыхъ монеть этой императрицы изображенъ (№ 21, tab. II) и описанъ двойной имперіаль 1755 г., изданный у Schub. на tab. XXI, № 585. Въ коллекціи Его Императорскаго Высочества есть и литой экземпляръ этой монеты.

Далѣе, подъ № 22, tab. III, изображенъ и описанъ весьма интересный мѣдный пятикопеечникъ 1757 г. Вотъ его описаніе:

Лиц. ст. Вензель Императрицы & Ж подъ короною, въ вѣнкѣ изъ лавровой и пальмовой вѣтвей, связанныхъ внизу; по сторонамъ вензеля находится годъ: 17—57.

Об. ст. Гербъ царства сибирскаго (два стоящихъ другъ противъ друга горностая, держащіе въ лапахъ корону, лукъ и двѣ стрѣлы, положенныя на-крестъ), а подъ нимъ лента съ надписью:

ПЯТЬ · КОПѢЕКЪ

Гуртъ—рѣшетчатый. Вѣсъ 11. зол. 89 долей.

Этотъ интересный пятикопеечникъ представляетъ собою первый опытъ чеканенія особой монеты для Сибири,

что было осуществлено лишь семь лѣтъ спустя. Въ виду того, что наружность этой монеты не возбуждаетъ никакихъ подозрѣній, то ее и слѣдуетъ признать пробною. Можно надѣяться, что со временемъ будутъ найдены и остальные монеты этой серіи. Такъ, до сихъ поръ были известны лишь пяти—и двухкопеечники таврическаго чекана 1787 г. (см. „Таблицы“ Г. Гиля), но въ послѣднее время известному киевскому нумизмату (С. В. Бодилевскому) удалось подобрать цѣлую серію этихъ монетъ, въ которой копейка, деньга и полупшка являются единственными, доселѣ известными ¹⁾).

Царствованіе Петра III. Изъ серебряныхъ монетъ этого государя въ изданіи Его Императорскаго Высочества находятся: рубль (крестовикъ) 1762 г. (№ 23, tab. III), изображенный у Schub. на tab. XXV, № 708, и пятачекъ 1762 г. (№ 24, tab. III), рѣзко отличающійся отъ изображеннаго у Schub. на tab. XXV, № 716. Приводимъ его описаніе:

Лиц. ст. Фигурный щитъ, украшенный лаврами и увѣнчанный короною, на которомъ находится вензель Императора 3.

Об. ст. Надпись:

ПЯТЬ - КОПѢЕКЪ—1762

подъ короною. Кругомъ замѣтны слѣды зубчатаго ободка.

Гуртъ—гладкій. Въсь 25 долей.

Изъ числа мѣдныхъ монетъ находимъ деньгу 1762 г. (№ 25, tab. III), имѣющую на лицевой сторонѣ изображеніе св. Георгія вправо, вокругъ котораго замѣтны слѣды зубчатаго ободка, а на об. ст. надпись:

ДЕНГА— 1762.

Подъ надписью находится воинская арматура, а кругомъ слѣды такого же ободка, какъ на лиц. ст. Гуртъ—гладкій. Въсь 47 долей.

¹⁾ Но на таврическихъ копейкѣ, деньгѣ и полупшкѣ буква Т подозрительна, потому что стоитъ въ нѣкоторомъ углубленіи и какъ будто поставлена вмѣсто другой какой-либо буквы или перецѣлана изъ нея. *Примѣч ред.*

Эта интересная денѣга перечекианена изъ елизаветинской денѣги типа 1757 г., отъ которой сохранились замѣтные слѣды, и происходитъ изъ извѣстнаго въ свое время, хотя и оставшагося неописаннымъ, какъ слѣдуетъ, собранія Глезарева.

Царствованіе Екатерины II. Изъ числа золотыхъ монетъ этого царствованія описавъ рубль 1762 г., чеканенный въ золотъ (№ 26, tab. III), изданный у Schub. tab. XXVI, № 733.

Изъ серебряныхъ монетъ находимъ рубль 1771 г. (№ 28, tab. IV), битый штемпелями мѣднаго сестрорѣцкаго рубля того же года и слывущій „Пугачевскимъ“ безъ всякаго на то основанія (Schub. tab. XXVI, № 740),—и пятачекъ 1763 г. (№ 27, tab. III), изображенный у Schub. tab. XXVII, № 766.

Изъ числа мѣдныхъ монетъ находимъ подъ № 29, tab. IV, интересный вариантъ пятикопеечника 1787 г., отличающагося отъ обыкновеннаго типа тѣмъ, что двуглавый орелъ на лицевой сторонѣ увѣнчанъ не императорскою, а *королевскою* короною. (Schub. tab. XXVIII № 785). Экземпляръ Его Императорскаго Высочества отличается отсутствіемъ буквъ Е—М подъ орломъ. Эта интересная монета была приобрѣтена въ Дерптѣ. До сихъ поръ пятикопеечники этого рода извѣстны были лишь со знаками Екатеринбургскаго монетнаго двора, поэтому открытіе новаго варианта, безъ этихъ буквъ, даетъ основаніе надѣяться, что можетъ-быть со временемъ попадутся подобные пятикопеечники со знаками и другихъ монетныхъ дворовъ. Затѣмъ, подъ № 30, tab. IV, находимъ полушку 1789 г. обыкновеннаго типа, но со знаками Анненскаго монетнаго двора (А—М). До сихъ поръ были извѣстны лишь пяти- и двухкопеечники этого двора съ годами отъ 1789 до 1796.

Вѣроятно, и съ этими монетами повторится та же исторія, что и съ таврическими мѣдными монетами 1787 г.,

и открытая Его Императорскимъ Высочествомъ полушка поведеть за собою открытіе и остальныхъ монетъ этой серіи. Остановимся на минуту на монетахъ, подобныхъ описаннымъ выше пятикопеечнику 1787 г. и полушкѣ 1789 г., чтобы выразить невольное удивленіе по поводу того, что наши мѣдныя монеты XVIII в. такъ мало разработаны, что до сихъ поръ многіе пробѣлы остаются непополненными, и, время отъ времени, попадаются монеты, о существованіи которыхъ никто до сихъ поръ не предполагалъ. Радуюсь, что многое спасено отъ гибели нашими нумизматами, нельзя въ тоже время не пожалѣть о томъ, что уже погибло или можетъ погибнуть, попавъ въ руки незнакоковъ. Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія мы считаемъ возможно болѣе широкое развитіе у насъ прекраснаго обычая, существующаго въ Германіи, публиковать во всеобщее свѣдѣніе все, что мало-мальски отличается отъ извѣстныхъ уже типовъ, и издавать каталоги хотя сколько-нибудь выдающихся частныхъ коллекцій.

Царствованіе Павла I. Къ этому царствованію относятся портретный рубль 1796 г. (№ 31, tab. IV), приведенный у Schub. на tab. XXX, № 834, и пробный ефимокъ 1798 г. (№ 32, tab. IV), приведенный тамъ-же на tab. XXX, № 841.

Къ царствованію *Александра I* относятся: пробный рубль (№ 33, tab. V) 1801 г., подобный изображенному у Schub. на tab. XXXI, № 874, и мѣдный портретный двухкопеечникъ 1801 г. (№ 34, tab. V), изображенный тамъ же на tab. XXXIII, № 905.

Наконецъ подъ № 35, tab. V, изображенъ знаменитый „константиновскій“ рубль 1825 г. подобный находящемуся у Schub. на tab. XXXIV, № 964, но отличающійся отъ послѣдняго тѣмъ, что гуртъ у него не гладкій, какъ у шубертовскаго экземпляра, а снабженъ гуртовою надписью:

СЕР. 83 $\frac{1}{2}$. ПРОБЫ 4 ЗОЛ. 82 $\frac{1}{16}$ ДОЛИ.

Его Императорское Высочество сообщает нѣсколько совершенно новыхъ свѣдѣній, которыя, помимо высokaго интереса, являются весьма важными данными для русской нумизматики. Въ виду этого мы позволимъ себѣ привести въ подлинникѣ слова Августѣйшаго автора:

„Еще въ началѣ 1879 года я узналъ, что въ министерствѣ финансовъ хранятся пять экземпляровъ константиновскаго рубля, два штемпеля и нѣсколько слѣпковъ; вскорѣ послѣ этого я просилъ министра финансовъ генералъ-адъютанта Грейга исходатайствовать у Государя Императора для меня одинъ изъ этихъ рублей, и дѣломъ 27 іюня 1879 г. на Кавказѣ (въ Боржомѣ) я получилъ экземпляръ этой рѣдчайшей монеты. Остальные экземпляры были распределены слѣдующимъ образомъ: одинъ экземпляръ Государь Императоръ присоединилъ къ своему небольшому собранію въ своемъ кабинетѣ, другой былъ отправленъ въ Эрмитажъ; третій получилъ Великій Князь Сергій Александровичъ; а четвертый былъ посланъ принцу Александру Гессенскому. Существуетъ еще шестой экземпляръ, находящійся въ собраніи гр. Толстыхъ; они его купили вмѣстѣ съ собраніемъ Шуберта. Замѣчательно, что экземпляръ гр. Толстыхъ вполне оконченъ, т. е. всѣ неровности края сглажены напилькомъ, но за то гуртъ у этого экземпляра гладкій, тогда какъ пять экземпляровъ, которые хранились въ Министерствѣ финансовъ, не вполне окончены: у нихъ края неровные, но на нихъ отпечатана гуртовая надпись, чуть впрочемъ замѣтная“ (стр. 23).

Затѣмъ Его Императорское Высочество приводитъ замѣтку Д. Ф. Кобеко о константиновскихъ рубляхъ, помѣщенную въ январской книгѣ „Русской Старины“ за 1880 г., и продолжаетъ: „Существуетъ еще брошюра о константиновскихъ рубляхъ, написанная кн. Трубецкимъ, въ Марселѣ въ 1873 г., и прибавленіе къ ней, напечатанное въ Петербургѣ въ 1879 году, но она не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Одинъ изъ рублей, о которыхъ онъ пишетъ,

находится нынѣ въ Эрмитажѣ; у него обѣ стороны совсѣмъ другія, чѣмъ у настоящихъ, и можно съ увѣренностью предположить, что штемпеля для этихъ поддѣльныхъ рублей были кѣмъ-то скопированы за границей, вѣроятно по гальванопластическому снимку съ рубля изъ собранія Шуберта (нынѣ экземпляръ гр. Толстыхъ). Штемпеля поддѣльныхъ рублей и оловянные оттиски съ нихъ находятся въ Эрмитажѣ“.

„Такимъ образомъ, слѣдуетъ считать констатированнымъ тотъ фактъ, что константиновскихъ рублей было чеканено всего шесть, изъ которыхъ пять хранились вмѣстѣ съ штемпелями до 1879 г. въ министерствѣ финансовъ, а шестой находился въ собраніи Шуберта, нынѣ принадлежащемъ гр. Толстымъ. Происхожденіе послѣдняго экземпляра, бывшаго до 1879 г. единственнымъ извѣстнымъ подлинникомъ, объяснялось первоначальнымъ владѣльцемъ его Шубертомъ такимъ образомъ, что онъ былъ приобрѣтенъ имъ случайно за границею на рулеткѣ, при чемъ извѣстный нумизматъ указывалъ на возможность предположить, что рубль этотъ, посланный въ 1825 г. Цесаревичу Константину Павловичу, былъ затѣмъ украденъ. Дѣланность объясненія этого очевидна. Несравненно болѣе вѣроятно другое предположеніе, что рубль этотъ былъ подаренъ Шуберту Рейхелемъ, который былъ изготовителемъ этихъ штемпелей. Какъ Шубертъ, такъ и Рейхель, были страстными нумизматами, и когда отъ послѣдняго потребовали предъявленія въ министерство финансовъ, для предполагавшагося уничтоженія, всѣхъ изготовленныхъ имъ шести экземпляровъ, онъ, вѣроятно, упросилъ гр. Канкринъ дозволить ему секретно передать Шуберту одинъ изъ нихъ; оставлять экземпляръ у себя Рейхелю было не ловко, а передавъ его своему приятелю, онъ оказывалъ ему услугу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасалъ отъ гибели хотя одинъ, какъ онъ думалъ, экземпляръ монеты, имъ изготовленной. Чтобы выгородить Рейхеля, Шубертъ придумалъ басню о находкѣ имъ рубля

за гравидею. Такимъ образомъ, засвидѣтельствованная нѣсколькими лицами утвержденіе гр. Канкринъ, что чеканено было всего шесть экземпляровъ константиновскаго рубля, вполнѣ подтверждалось, и всѣ экземпляры, кромѣ поименованныхъ мною, которые когда-либо появятся, должны считаться или поддѣльными, или чеканенными уже послѣ того, когда были открыты въ 1879 г. подлинные штемпеля“ (стр. 25).

Изъ монетъ *царствованія Николая I* въ изданіи Его Императорскаго Высочества изображены: Десятизлотникъ 1835 г. (№ 37, tab. V), извѣстный подъ названіемъ „фамиліаго“ рубля, изображенный Schub. tab. XXXIV, № 958. По поводу этой монеты Его Императорское Высочество сообщаетъ интересное свѣдѣніе, что у Великаго Князя Константина Николаевича есть подобный десятизлотникъ чеканенный изъ золота, перешедшій къ нему по наслѣдству послѣ Императора Николая Павловича. Затѣмъ изображены два пробныя рублевика: а) пробный рубль 1827 г. (№ 36, tab. V),—изданный Ю. Иверсеномъ въ сочиненіи „Неизданныя и рѣдкія русскія медали“ (СПБ. 1874. tab. II, fig. 8), но съ полосатымъ гуртомъ и чеканенный незакаленнымъ еще штемпелемъ; и б) пробный рубль 1845 г. (№ 38, tab. VI), извѣстный подъ названіемъ „Рейхелевскаго“ (у Schub. tab. XXXV, № 971). Серія описанныхъ въ трудѣ Его Императорскаго Высочества монетъ царствованія Николая I, заканчивается изображеніемъ „рейхелевскаго“ полтинника 1847 г. (№ 39, tab. VI), издавнаго у Schub. tab. XXXV, № 978, съ обычною на немъ неправильною гуртовою надписью.

Наконецъ, къ *царствованію Александра II* относятся пять монетъ (или, вѣрнѣе, четыре монеты и одинъ жетонъ), которыя всѣ должны быть отнесены къ числу неизданныхъ, такъ какъ они были (за исключеніемъ жетона № 42) лишь упомянуты въ таблицахъ Г. Гиля, но безъ детальнаго описанія.

Остановимся на нихъ подробнѣе:

1. Золотой двадцатипятирублевикъ (№ 40, tab. VI).

Лиц. ст. Государственный гербъ въ зубчатомъ ободкѣ.

Об. ст. Въ кружкѣ изъ бусъ надпись:

25—РУБЛЕЙ— —*— —1876—С.П.Б.

Кругомъ идетъ другая надпись:

ЧИСТАГО ЗОЛОТА 7 ЗОЛОТНИКОВЪ 3 ДОЛИ *

Все—въ зубчатомъ ободкѣ.

Гуртъ вдавленными точками. Вѣсъ 7 зол. 62 д.

Монета эта въ количествѣ 120 штукъ была отчеканена въ 1876 г. по заказу Великаго князя Владиміра Александровича, съ Высочайшаго разрѣшенія.

2. Никелевый десятикопеечникъ 1871 г. (№ 41, tab. VI).

Лиц. ст. Голова императора Александра I вправо.

Кругомъ надпись между двухъ ободковъ изъ бусъ:

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ В. М. ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОС *

Об. ст. Надпись:

10

КОПѢЕКЪ

Внизу, подъ нею, двѣ вѣтви: лавровая (справа) и дубовая (слѣва); на пересѣченіи ихъ продолговатый щитокъ съ годомъ: 1871; кругомъ ободокъ изъ бусъ.

Гуртъ гладкій. Вѣсъ 1 зол. 58 дол.

3. Другой никелевый десятикопеечникъ 1871 г. (№ 42, tab. VI).

Лиц. ст. Подобна лицевой сторонѣ предыдущаго десятикопеечника, но менѣе рельефна.

Об. ст. Надпись:

10—КОПѢЕКЪ —1871.

Надпись эта окружена двумя лавровыми вѣтвями, связанными внизу вьющеюся лентою. Кругомъ ободокъ изъ бусъ.

Гуртъ гладкій. Вѣсъ 1 зол. 55 дол.

Въ коллекціи Его Императорскаго Высочества имѣются еще мѣдные оттиски этихъ монетъ, одинаковаго вѣса съ

никкелевыми. Обѣ послѣднія монеты пріобрѣтены были въ Берлинѣ.

4. Никкелевый двухкопеечникъ 1863 г. (№ 44, tab. VII).
Лиц. ст. Государственный гербъ въ ободѣхъ изъ бусъ.
Об. ст. Надпись:

* 2 * — КОПѢЙКИ — 1863 — ЕМ.

Надпись эта окружена двумя лавровыми вѣтвями, связанными внизу лентою. Кругомъ ободовъ изъ бусъ.

Гурть гладкій. 2 зол. 23 доли.

Относительно этихъ трехъ никкелевыхъ монетъ (№№ 41, 42, 44) Его Императорское Высочество сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности.

Первая попытка введенія никкеля въ нашу монетную систему принадлежитъ вѣкоему Пермикову, имѣвшему на Уралѣ никкелевые рудники и желавшему найти сбытъ этому металлу. Онъ выработалъ проектъ введенія у насъ этой монеты и представилъ его въ Министерство Финансовъ вмѣстѣ съ образцами рудъ и изготовленною по его заказу въ Брюсселѣ монетою. Была ли эта монета описаннымъ выше двухкопеечникомъ, или какою другою, — неизвѣстно. Дальнѣйшая судьба этого проекта покрыта мракомъ неизвѣстности.

Затѣмъ 17 июля, 1871 г., академикъ Якоби представилъ министру финансовъ М. Х. Рейтерну письмо Аллара (I. Allard), директора брюссельскаго монетнаго двора отъ 31 марта 1871 г., съ приложенными къ этому письму проектомъ введенія въ Россію никкелевой монеты, выработаннымъ гг. Каваномъ (Cavens) и А. Алларомъ (Alphonse Allard), и коллекціею никкелевыхъ монетъ различныхъ государствъ.

Вотъ сущность письма г. Аллара: Указавъ на то обстоятельство, что никкелевая монета была сочувственно встрѣчена во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ она была введена (Америка, Швейцарія, Бельгія и др.), что обусловливалось присущими ей сравнительно съ мѣдною монетою, достоинствами (къ числу таковыхъ г. Алларъ относитъ

затруднительность поддѣлки, прочность, опрятность, неокисляемость и пр.), г. Алларъ находитъ, что введеніе никкелевой монеты въ Россіи на началахъ, выработанныхъ въ проектѣ Кавана и А. Аллара, будетъ со стороны послѣдней еще однимъ шагомъ впередъ на пути прогресса. Ссылаясь на свою двадцатипятилѣтнюю опытность и полное знаніе технической стороны дѣла, г. Алларъ предлагаетъ свои услуги для дешеваго и скорого изготовленія этой монеты для Россіи, въ какомъ угодно количествѣ. Въ видѣ опыта, онъ предлагаетъ отчеканить 50.000000 гривенниковъ по приложенному образцу. На этой образцовой монетѣ г. Алларъ распорядился помѣстить портретъ Александра I, умиротворителя Европы, не рѣшившись выставить портретъ царствующаго Императора безъ Высочайшаго на то соизволенія. (Отсюда слѣдуетъ, что портретъ Александра I былъ изображенъ на этихъ монетахъ преднамѣренно, а не по ошибкѣ, какъ это сказано въ таблицахъ Г. Гиля). Г. Алларъ выражаетъ увѣренность, что изготовленные имъ монеты будутъ охотно разобраны русскими хотя-бы „ради курьеза“.

Въ заключеніе г. Алларъ приводитъ еще одинъ доводъ въ пользу никкеля; а именно, указавъ на неравномѣрное отношеніе между принятыми у насъ въ монетномъ дѣлѣ металлами (отношеніе золота къ серебру 1:15¹/₂, а серебра къ мѣди 1:110), онъ говоритъ, что никкель, будучи въ 15¹/₂ разъ дешевле серебра и въ 7¹/₂ разъ дороже мѣди, значительно исправить эту неравномѣрность.

Проектъ, такъ горячо рекомендованный г. Алларомъ, былъ тѣмъ не менѣе отклоненъ министромъ финансовъ. Которая изъ двухъ опубликованныхъ теперь монетъ съ портретомъ Александра I была изготовлена по распоряженію г. Аллара,—теперь нельзя рѣшить.

Наковецъ, нѣсколько словъ о серебряномъ жетонѣ подъ № 43, таб. VI. Вотъ его описаніе:

Лиц. ст. Государственный гербъ въ веревчатомъ ободкѣ.

Об. ст. Голова итальянскаго короля Виктора Эммануила вѣнво. Подъ шею надпись мелкими буквами: FERRARIS; подъ нею: 1863; кругомъ: VITTORIO EMMANUELE II и зубчатый ободокъ.

Гуртъ гладкій. Вѣсъ 1 зол. 14 долей. У гр. Толстыхъ есть экземпляръ этого жетона, но лицевая сторона послѣдняго менѣе рельефна.

Жетонъ этотъ былъ выбить при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Американскій инженеръ Джорджъ Чемпни (George Champney) изъ Бостона изобрѣлъ способъ выдѣлки монетныхъ штемпелей простымъ ударомъ по стали не только закаленнымъ маточникомъ, а даже золотымъ или серебрянымъ монетнымъ кружкомъ. Въ 1876 г. изобрѣтатель показывалъ на петербургскомъ монетномъ дворѣ опыты примѣненія на дѣлѣ сдѣланнаго имъ изобрѣтенія. Для этихъ опытовъ Чемпни выбралъ неудачный штемпель лицевой стороны двадцатикопеечника, отличавшійся своею рельефностью и представлявшійся поэтому болѣе труднымъ для опыта. При помощи этого штемпеля и бывшаго у него штемпеля лицевой стороны итальянской монеты въ одну лиру, Чемпни и выбилъ описанный выше жетонъ.

Разборъ нашъ оконченъ.—Подведемъ итоги.

Въ изданномъ Его Императорскимъ Высочествомъ трудѣ мы находимъ:

а) Превосходно выполненныя изображенія и точныя описанія двадцати пяти монетъ (№№: 1, 4, 5, 7, 8, 11, 14, 15, 18, 20, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38 и 39), хотя и извѣстныхъ по прежнимъ изданіямъ, но воспроизводимыхъ теперь точнѣе и отчетливѣе, чѣмъ это было сдѣлано въ извѣстномъ атласѣ Шуберта.

б) Таковыя же изображенія двухъ монетъ Петра I (№№ 3 и 6), изображенія которыхъ находятся лишь въ пробныхъ таблицахъ г. Рошфора, недоступныхъ для публики.

с) Изображенія четырехъ монеть Александра II (№№ 40, 41, 42 и 44), которыя сдѣлались извѣстными лишь со времени изданія таблицъ Г. Гизля, но и то лишь въ самомъ краткомъ описаніи; и, наконецъ:

d) Описаніе и изображеніе тринадцати монеть (№№: 2, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 19, 22, 24, 29, 30 и 43), бывшихъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстными. Собственно говоря, въ числу монеть, издаваемыхъ впервые, слѣдуетъ отнести и четыре монеты, обозначенныя въ п. с. Изъ числа послѣднихъ, т. е. изданныхъ впервые монеть — одиѣ имѣють весьма важное значеніе для русской нумизматики, являясь совершенно новыми родами русскихъ монеть въ данномъ царствованіи (таковы №№: 12-й для царствованія Екатерины I, 22-й для царствованія Елизаветы, 30-й для царствованія Екатерины II и 40—44-й для царствованія Александра II); другія являются новыми видами извѣстныхъ уже родовъ монеть (сюда мы относимъ №№: 2, 9, 16, 17, 24 и 29-й); наконецъ третья отличаются отъ существующихъ уже видовъ монеть какими-нибудь мелкими особенностями (№№: 10, 13 и 19-й). Кромѣ всего этого, въ прекрасномъ трудѣ Его Императорскаго Высочества сообщается много новыхъ свѣдѣній, имѣющихъ высокой научный интересъ для русской нумизматики. Свѣдѣнія эти разбросаны по всему изданію Его Императорскаго Высочества въ видѣ примѣчаній къ описаніямъ отдѣльныхъ монеть и сопровождаются иногда приведеніемъ цѣликомъ документовъ, имѣющихъ важное историко-нумизматическое значеніе.

Этимъ краткимъ обзоромъ содержанія книги Его Императорскаго Высочества вполне рельефно обрисовывается, по нашему мнѣнію, то значеніе, которое она должна имѣть въ ряду другихъ произведеній нашей нумизматической литературы и, въ силу этого значенія, отводится подобающее ей почетное мѣсто въ ряду послѣднихъ.

Н. П. Черневъ.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА ПАЛОМНИКА НА АӨОНЪ¹⁾.

(Продолженіе).

Суббота. 16-е Іюля. Зографъ. Проспали литургію, такъ какъ здѣсь она совершается очень рано, непосредственно послѣ утрени, тогда какъ въ другихъ монастыряхъ между утренею и литургіею около часа промежутку. Правда о. Діонисій будилъ насъ еще далеко до восхода солнца, но намъ такъ удобно было спать, что мы умоляли его оставить насъ въ покоѣ. Послѣ чаю любезный о. Іосифъ предложилъ намъ осмотрѣть монастырь и его достопримѣчательности. Все показалъ намъ добрый о. Іосифъ, начиная съ хозяйственныхъ принадлежностей. Мы видѣли прекрасныя, образцовыя конюшни для муловъ, цистерны, мельницы, прачешную, кузнечную, красильню, огороды. Все это — образцово. Монастырь этотъ стоитъ въ числѣ первыхъ по богатству, имѣетъ много имѣній, дачъ (или погреч. *метоховъ*)... О. Іосифъ высказывалъ сожалѣніе о несправедливомъ, по его мнѣнію, дѣйствиіи русскаго правительства, отнявшаго у Зографа болгарскаго монастыря — заграничное имѣніе въ Киприановскомъ монастырѣ (въ Бессарабіи) на ряду съ отнятіемъ заграничныхъ имѣній другихъ греческихъ монастырей. Въ этомъ въ особенности онъ возлагалъ вину на преосвященнаго Павла, настоящаго экзарха Грузіи, а тогда бывшаго архіепископомъ кишиневскимъ. Это тѣмъ

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. Акад., май 1886 г.

болѣе несправедливо, говорилъ о. Іосифъ, что Зографскій монастырь имѣетъ стипендіатовъ въ Россіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Показавши намъ всю прекрасную обстановку монастыря и видимо довольный нашими похвалами, о. Іосифъ повелъ насъ въ соборъ, чтобы показать монастырскія святыни. Соборъ построенъ по образцу соборовъ въ другихъ монастыряхъ, и очень большой, свѣтлый. Иконостасъ своею причудливою рѣзкою обращаетъ на себя особенное вниманіе. Въ алтарѣ надъ престоломъ высится замѣчательный балдахинъ деревянный, кажется, кипарисный, весь испещренный причудливою рѣзкою. Обиліе рѣзбы въ этомъ монастырѣ придаетъ красу этому храму и отличаетъ его отъ другихъ храмовъ. Въ этомъ соборѣ есть три, почитаемыхъ чудотворными, иконы великомученика Георгія. Одна изъ этихъ иконъ, по преданію, написана сама собою, вслѣдствіе чего и монастырь называется Зографомъ (въ русскомъ переводѣ: „живописецъ“.) Преданіе слѣдующее: въ 919 году, въ царствованіе Льва Мудраго, три именитыхъ брата: Моисей, Ааронъ и Іоаннъ, оставивши міръ, поселились на Аеонѣ (на мѣстѣ настоящаго монастыря) и устроили церковь, но не могли согласиться относительно имени святого, которому должно посвятить церковь. Поэтому они молились, чтобы самъ Богъ указалъ, кому посвятить церковь. Цѣлую ночь они молились и утромъ сошедшись въ храмъ, увидѣли, что тамъ на приготовленной доскѣ написанъ ликъ св. Георгія, которому и была посвящена эта церковь. Живопись на иконѣ темна. На лицѣ св. Георгія виденъ маленькій бугорокъ; говорятъ, что это—часть пальца одного греческаго епископа, усомнившася въ самописанности этой иконы. О другой чудотворной иконѣ св. Георгія рассказываютъ, что она приплыла по морю изъ Аравіи и остановилась у пристани Ватопедскаго монастыря. Каждый монастырь желалъ обладать подобною святынею, а Ватопедъ—въ особенности. Чтобы узнать волю самого мученика, положили икону на дикаго и юнаго

мула, незнакомаго съ святогорскими путями и рѣшили, гдѣ онъ остановится, тому монастырю и будетъ принадлежать икона. Мулъ остановился на сосѣдственномъ холмѣ противъ Зографъ и самъ сейчасъ же издохъ. Тогда рѣшили икону эту оставить въ Зографѣ; а на этомъ холмѣ выстроили церковь во имя св. Георгія. На этомъ холмѣ, находящемся на 15 минутъ отъ монастыря, и теперь есть церковь съ кельями, въ которыхъ живутъ монастырскіе ремесленники. Эта икона стоитъ при колоннѣ близъ лѣваго клироса. Св. Великомученикъ — очень благообразенъ; издали думаешь, что это — женскій типъ. На противоположной сторонѣ отъ этой иконы при колоннѣ находится третья чудотворная икона св. Георгія, принадлежавшая Стефану, воеводѣ Молдоволахійскому. Стефанъ часто воевалъ съ турками. Однажды его окружило несмѣтное число неприятелей. Въ такомъ положеніи Стефанъ обратился къ Богу и къ св. великомученику Георгію, икону котораго онъ имѣлъ съ собою. Во снѣ явился ему Георгій, ободрилъ его и поручилъ отъ править его икону въ Зографъ. Побѣда была одержана полная. Лицъ св. Георгія на этой иконѣ выражаетъ энергію и мужество. Всѣ три иконы въ прекрасныхъ серебряныхъ ризахъ, увязанныхъ драгоценными камнями и украшенныхъ крестами, орденами... Всѣ украшенія на иконахъ изъ Россіи. Изъ собора насъ повели въ параклисъ св. Богородицы, т. е. въ маленькій храмъ. Здѣсь находится чудотворная икона Божіей Матери, называемая „Акаѣистною“.

Событіе, по которому эта икона признана чудотворною, относится къ далекимъ временамъ и свидѣтельствуетъ о неудачныхъ попыткахъ латинянъ совратить православныхъ въ католичество. Извѣстно, что 12-го апрѣля 1204 года латиняне востановцы взяли Константинополь и произвели въ немъ ужасающія жестокости и грабительства. Они протерли свою власть почти на всѣ европейскія провинціи византійской имперіи. Не забыли латиняне и св. Аеонской горы и всячески старались утвердить въ ней свое вліяніе

и склонить монаховъ къ униі, дѣйствуя не столько силою евангельскаго слова, сколько мечомъ и жестокостями. Въ особенности тяжелое время для Аеона было въ концѣ XIII в. при константинопольскомъ патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, который на второмъ ліонскомъ соборѣ согласился на подчиненіе восточной церкви римскому престолу. Для миссіонерскихъ цѣлей въ это время отправились латиняне на Аеонъ. Нѣкоторые монастыри, напр. Лавра, Ксиропотамъ, принимали западныхъ гостей съ честью, а нѣкоторые твердо рѣшились не отворять имъ вратъ и въ случаѣ нападенія ихъ энергически защищаться, запершись въ пиргѣ. Къ числу такихъ монастырей принадлежитъ Зографъ, иноки котораго, борясь за вѣру, претерпѣли мученическій вѣнецъ. Въ это время не вдали отъ монастыря подвизался одинъ старецъ имѣвшій обыкновеніе каждодневно прочитывать по нѣсколько разъ акакистъ Божіей Матери предъ ея иконой. Однажды, на немолчный привѣтъ старика Богородицѣ: „радуйся“, онъ слышитъ тоже привѣтъ: „радуйся и ты, старецъ Божій!“ Старецъ былъ инѣ себя отъ радости и испуга. Богоматерь торопила его пойти въ монастырь, чтобы предупредить иноковъ о предстоящей имъ опасности отъ идущихъ на ихъ монастырь латинянь и дать имъ возможность приготовиться къ достойной встрѣчѣ. Старецъ поспѣшилъ. Но едва вступилъ онъ въ монастырскій портикъ, какъ видитъ здѣсь ту самую икону, предъ которой онъ молился. О такомъ чудѣ онъ передалъ инокамъ, которые начали готовиться къ достойной встрѣчѣ гостей, т. е. къ сопротивленію до послѣдняго издыханія. Слабодушные ушли, а 26 иноковъ съ игуменомъ заперлись въ пиргѣ вмѣстѣ съ этою иконою. Латиняне не замедлили явиться, убѣждая силою красворччія отпереть двери монастыря и призвать папу главою церкви. Иноки не согласились и за свое мужество были сожжены въ этомъ пиргѣ. Икона Божіей Матери найдена невреденною въ пепелищѣ. Эта икона маленькая въ серебряной позлащенной ризѣ. Пламень оставилъ на ней слѣды, потому что она потемнѣла,

какъ должно полагать, отъ дыму. Теперь въ оградѣ монастырской на мѣстѣ этого пирга и въ память мученической кончины 26 иноковъ воздвигнуть прочный и прекрасный мраморный памятникъ въ 1873 году.

Памятникъ сдѣланъ изъ мрамора и поставленъ на каменномъ фундаментѣ. Вышина его—около двухъ сажень. Онъ обгороженъ желѣзною рѣшеткою. Вокругъ него разведенъ изящный цвѣтникъ. На всѣхъ четырехъ сторонахъ этого памятника крупными буквами написано все, касающееся какъ устройства самаго памятника, такъ и событiя, въ память котораго онъ поставленъ. На западной сторонѣ памятника какъ разъ по срединѣ устроенъ кивотъ. Въ этомъ кивотѣ находится икона, изображающая это печальное событiе; предъ нею неугасимо теплится лампада. На иконѣ изображенъ высокiй монастырскiй пиргъ; внизу разъяренные латиняне поджигаютъ его и вотъ уже огненные языки прорываются черезъ окна башни. На верху пирга стоятъ всѣ 26 мучениковъ. У нѣкоторыхъ развернуты свитки, которые они показываютъ стоящимъ внизу латинянамъ. На одномъ свиткѣ написано: „ВЗЕМЬ ХЛѢБЪ КАСНЬИ, А НЕ ПРѢСНЬИ, АКО ЖЕ ВЫ ТВОРИТЕ БЕЗЗАКОННО“; на другомъ: „БО СТОМА ИМКОЛѢ АЩЕ КТО ОТЛОЖИТЪ ИЛИ ПРИЛОЖИТЪ (,) АНАДЕМА ДА БУДЕТЪ“; на третьемъ: „ОКАЛНИИ ДУХОКОРЧЕ НЕ КРЕДИТЪ КЛАСИ (?), БРАДЫЛ (?), ПО ИСХОДЩА ИЗЪ ВЕНТЪРЕННАГО И ЛУКАКАГО СЕРДЧНАГО СОКРОКНИЩА“; на четвертомъ: „МИЛЮЩИЯ НАСЪ ПОМИЛЪИ КРОВЕ СЪТЪХЪ ТВОИХЪ ВОЗДВИГНИ КО СЛАВЪ ТВОЮ И КЪ ПАМАТЬ НАШУ“. Внизу стоятъ латиняне съ блаженными физиономiями съ развернутымъ свиткомъ: „ОТКЕРЗИТЕ НАМЪ ГОСПОДИ, ОТКЕРЗИТЕ ВЪГЛІЕ ХРЪТОВО СЧИМЪ“.

На восточной сторонѣ просто на мраморѣ написано: „НА СЕЛЪ МЪКЕТЪ, КЪ ВЪКШЕМЪ ПИРЪТЪ, СЪГ И КЪ ПРЕКОМЪНИЦЫ ЗОГРАФЕТЪИ, РАДИ ДОБЛАГО ИСПОКЪДАНИА ПРАВОСЛАВНЫА ВЪБЪРЫ, И ЛАТИНЪ СОЖЖЕНИ БЫША ПРИ БЛАГОЧЕСТ. БОЛГАРСКИЕМЪ ЦРЪК КОН-

стантинѣ Тисѣ Асенѣ, отступницѣ же ѿ православныа Восточныа Церкви Греческомѣ Царѣ Михаилѣ Палеолозѣ и латино мѣдрствѣющемѣ Патріарсѣ Веккѣ въ лѣто ѿ Хрѣста. 1276. Мѣа. Окт. 10. дна“.

На южной сторонѣ сверху маленькая выньетка:

Дко жертвы Гдѣи огнесожжена
 ныа кс въ лѣпотѣ авншася + Дко приношеніе твѣѣ все испечин-
 ныа кс на столпѣ предложшася
 +

„Имена сѣтыхъ кс припено мѣчениковѣ здѣ пострадавшихъ сѣтъ сіа: нрѣминѣ Ѡма, Барондфѣи, Курілаѣ, Міхей, Сіміонѣ, Нларіонѣ, Іаковѣ, Іобѣ, Кипріанѣ, Косма, Сергѣи, Мина, Іосифѣ, Іоанникій, Павелѣ, Антоній, Ѣвфумій, Дометіанѣ, Пардній, Сабба, Іаковѣ и Мартиніанѣ. Прочныхъ же четырехъ имена низвѣстны“.

На сѣверной сторонѣ:

„Здѣ же, въ пиплѣ обрѣтена ікона Прѣтвѣа Бѣцы, неповрежденнаа всепопадающимъ огнемъ и предизвѣстившаа наше стѣіе латинѣ на обитель сію“.

„Сей памятникѣ сооруженѣ. Въ лѣто. 1873 г. Мѣа Іюніа 12 дна“.

Во время освященія этого памятника было чудесное знаменіе, описанія котораго здѣсь же есть въ кивотѣ. Привожу его:

„ИЗВѢСТІЕ,

къ любопытнымъ и благочестивымъ читателямъ, о чудесномъ знаменіи, еже авнша надѣ соборною церковію и памятникомъ сѣтыхъ двадесати шести Прѣпеномчникомѣ въ день ихъ памяти, Мѣа Октомврѣа въ десятый день, въ лѣто лѣтѣ (1873 г.).

Пиръгъ, въ немже пострадаша Прѣпеномчницы, стоаше частію даже до лѣта 1873 г.: поеликъ же закрываше собою некозданное сѣверное зданіе обители, паче же поеликъ ѿ ветхости распадалася, и хоташе пасти, что нужно еѣ разрушити его. Сего ради, еже бы не забытиса мѣсто на немже стѣи совершиша мѹченическій подвигъ, и ради бльшаго храненія памяти стѣыхъ и о ихъ стѣемъ подвизѣ, вси братїа наша обители единодушно имѣлахъ велие желаніе поставити на мѣстѣ ономъ памятникъ. Сицевымъ же усердіемъ братїи, нача спѣшно соиздаться памятникъ сей, иже и совершился въ тоже аѿогъ лѣто; вси радостно ждахъ настѣпленія дне памяти стѣыхъ егда имѣаше освѣтитиса памятникъ. Тако всѣмъ чаюшимъ того дне, наста и навечеріе праздника стѣхъ, и въ соборнѣй церкви началъ всенощное бдѣніе, въ единъ часъ послѣ захожденія солнца. Ношь еѣ безднна и шкѣщащася токмо слабымъ свѣтомъ звѣздъ, въ природѣ же еѣ тишина велиа. Въ шесть съ половиною часовъ ¹⁾, ровно въ полнощи, егда въ церкви послѣ первыа кадїзмы на стѣени, читашася житіе и стѣданіе стѣыхъ, внезапно пронзиде въ церковь легкій шѣмъ, и авѣ послѣ сего огневидный столпъ явися надъ церковію, и скончавъ свѣтомъ освѣтити обитель, и окрестъ ея лежащія мѣста, толь великимъ свѣтомъ, яко легко познатьсѣ вѣемъ, не точію въ ней обшамъ, но и ѿ нея далеко отстѣпимъ. Дневный сей столпъ постѣвши надъ церковію три или четыре минуты, прїиде къ памятникъ и остановиса надъ нимъ на нѣсколко минутъ, тоже нача возноситиса вверхъ и, напоследокъ, превратиса въ крѣгъ, акн бы вѣнчалъ собою памятникъ и мѣсто на немъ же стѣи Прѣпеномчницы совершиша мѹченическій свой подвигъ. И тако совершился

¹⁾ Часы по восточному счисленію.

мученической своей подвигъ. И тако совершился дѣиной ея знаменіе, продолжившея до пятнадцати минутъ, имъ же очевидцы мнози изъ кратіи сентели, и пришедшихъ на праздникъ и скитанъ. Нже видѣвши, и прославиша Бга, прослаблющаго Стыа Своя.

Бмъ же и ѿ насъ буди честь и слава, во вѣки вѣковъ: Аминь“.

Осмотрѣвши достопримѣчательности монастырскія, мы направились въ архондарикъ, куда насъ позвали на обѣдъ. По пути мы встрѣтились съ о. игуменомъ Климентомъ, шедшимъ изъ общей трапезы. Онъ говоритъ хорошо по русски, такъ какъ нѣсколько раньше жилъ довольно долго въ Бессарабіи. Около 1/4 часа мы говорили съ нимъ. Онъ, хотя сѣдой, но еще очень живой и бодрый. Рѣчь его очень выразительна и разсудительна. Смотри на этого старца, подающаго всѣмъ примѣръ своею дѣятельностію, начинаешь понимать причину такого цвѣтущаго состоянія Зографскаго монастыря; онъ—этотъ старецъ—главная и движущая причина. Пообѣдали прекрасно; выспались еще лучше. Затѣмъ напились чаю и въ 5 часовъ направились туда, откуда отравились, т. е. въ Русскъ, куда три часа ходу отъ Зографа. Насъ сопровождалъ до монастырской пристави о. Іосифъ.

Путь отъ монастыря до моря вымощенъ мелкими камешками,—дорога торная. Ее отгнѣяютъ широколиственные каштаны и другія растенія: арія, комарня, дубъ. По бокамъ дороги—по горѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разведены большія виноградники, принадлежащіе Зографу. Въ оврагѣ видѣется монастырская мельница. Черезъ полчаса доѣхали мы до пристави. Здѣсь устроено нѣчто въ родѣ дачи, куда прѣѣзжаютъ зографскіе иноки, чтобы подышать морскимъ воздухомъ, а подчасъ и покупаться, хотя это не дозволяется ихъ уставомъ. На берегу моря высится высокой пиргъ; въ немъ устроена церковь во имя Св. Николая; онъ же служитъ складочнымъ мѣстомъ пшеницы и

различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Здѣсь огородъ образцовый; такіе огороды могутъ быть только у болгаръ, извѣстныхъ садоводовъ и огородниковъ. Здѣсь же строится вѣтряная мельница, которая будетъ молотъ, когда угодно, но она расположена около моря противъ длиннаго ущелья между разсѣвшимися здѣсь горами, такъ что образуется сквознякъ, который и будетъ приводить мельницу въ движеніе по желанію. Ужъ больно хитры монахи!

Распрошавшись любезно съ о. Іосифомъ, мы уѣхали. Все время до Руссика мы ѣхали по берегу морскому. Надъ нами висятъ высокія и обрывистыя, мѣстами совсѣмъ отвѣстныя, скалы, съ нависшими утесами, которые по-видимому ежеминутно готовы обрушиться. Чувствуешь свое ничтожество предъ этою бездушною громадой, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаешь и свое превосходство какъ человѣкъ одушевленный, имѣющій возможность восхищаться всѣмъ, даже и имъ—этимъ бездушнымъ, висящимъ камнемъ. Съ другой стороны—вѣчно шумящее море. Вечерніе лучи рассыпаются по необозримому морю. Стада дельфиновъ нырянями и вынырянями разнообразятъ монотонность моря. Впереди—Аеонъ. Словно пирамида подпираетъ небо. Бѣлое, чистое облако обвивалось кольцеобразно вокругъ горы и представляло подобіе вѣнца, надѣтаго на вершину Аеона; яркіе лучи солнца придали особенную красоту этому облачному вѣнцу. Направо, вдали отъ насъ мерещатся въ вечернемъ сумракѣ синѣющая Сия и Касандра, а еще далѣе мерцаетъ бѣлоснѣжное чело Олимпа.

Мулы спѣшать, такъ что нужно ихъ сдерживать. Слышенъ звонъ въ Руссикѣ. Мы перекрестились. Завернули за уголъ горы и предъ нами предсталъ Руссикъ, своими бѣлыми постройками отличающійся отъ другихъ монастырей. Слава Тебѣ, Господи! Скоро дома будемъ. На берегу моря и по монастырскимъ аллеямъ видны прохаживающіеся монахи по одному, по два... Это послѣ вечерни, доложилъ намъ о. Діонисій. Прохаживаются въ ожиданіи бдѣнія, ко-

торое черезъ часъ начнется и будетъ продолжаться до восхода солнца“. Солнце заходитъ; мы подъѣзжаемъ къ Руссику, какъ домой. Встрѣчаютъ иноки; поздравляютъ насъ съ благополучнымъ путешествіемъ и пріѣздомъ. Пришли въ тотъ же номеръ, гдѣ и прежде жили. Сейчасъ угостили насъ чаемъ, ужиномъ и пригласили на бѣніе, отъ чего мы по утомленію отказались. Такимъ образомъ мы находились въ путешествіи 10 дней. За это время мы осмотрѣли почти всѣ монастыри, по крайней мѣрѣ всѣ главныя. Остальные еще посѣтимъ, если будетъ время; но уже не на мулъ будемъ путешествовать, а на лодкѣ.

А. Стадницкій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Киевской духовной Академіи

ЗА М. АПРѢЛЬ 1886 Г.

Въ теченіи апрѣля мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество, музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества: 1) XXIV и XXV выпуски „Странствованій Василія Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“ и 2) второй выпускъ четвертаго тома „Православнаго Палестинскаго Сборника“ (С.-Петербургъ, 1886), заключающій „Повѣсть Епифанія о Іерусалиме и сущихъ въ немъ мѣстъ первой половины IX вѣка“, съ приложеніями.

Б) Отъ Московскаго Археологическаго Общества: „Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества“. Томъ IX, выпускъ I. Москва. 1886. 4-о.

В) Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего Общества за февраль 1886 г.

Г) Отъ Хорватскаго Археологическаго Общества — *Viestnik* сего общества, за 1886 г. выпускъ 2-й.

Д) Отъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи брошюра — „Общее собраніе членовъ Комиссіи 17 февраля 1886 года. Составилъ членъ Комиссіи М. Розановъ“. Тамбовъ, 1886 г.

Е) Отъ почетнаго члена, высокопреосвященнаго Леонтія, архіепископа холмскаго и варшавскаго: 1) „Новый Іерусалимъ“,—альбомъ фотографическихъ снимковъ и видовъ; 2) „Калишскій Альбомъ“, 1884 г.,—альбомъ фотографическихъ видовъ, съ историко-статистическимъ очеркомъ города Калиша. Изд. президентъ г. Калиша Ф. С. Пржедпельскій.

Ж) Отъ почетнаго члена, Высокопреосвященнаго Палладія, архіепископа казанскаго и свѣяжскаго, *двадцать пять рублей* (25 р.) серебромъ на нужды общества.

З) Отъ почетнаго члена, г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева: 1) Церковно-Археологическіе памятники, хранящіеся въ ризницѣ тульскаго архіерейскаго дома. Археологическое Описаніе Н. Троицкаго. Москва. 1885. 4-о 2) „Мѣсто земнаго упокоенія и надгробный памятникъ боярину и воеводѣ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, въ г. Суздаля“ (съ 5-ю литографическими изображеніями), Владимір. 1885. 4-о 3) Брошюра: „Счастливая судьба фресковъ Владимірскаго кафедральнаго Успенскаго собора XII вѣка“, Владимір. 1884. 8-о.

И) Отъ Директора Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ А. Г. Ильинскаго: 1) Альбомъ рисунковъ рукописныхъ Синодиковъ 1651, 1679, 1686 г. Рисоваль и издалъ И. Голышевъ. 1885.; 2—3) Псалтирь и Часословъ на японскомъ языкѣ, въ переводѣ начальника Россійской духовной миссіи въ Японіи, преосвященнаго Николая, епископа ревельскаго. 8-о.

І) Отъ члена-реvisора Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ С. И. Миропольскаго, дѣйствительнаго члена Церковно-Археологическаго Общества: 1) рукописное слово „Мефодія епископа папы римскаго о житіи человѣчествѣмъ“ и проч., 1785 г., in 4-о; 2) рукописный раскольниковскій сборникъ конца прошлаго или начала нынѣшняго вѣка, начинающійся выпискою „отъ исторіи о отцѣхъ и страдалецѣхъ соловецкихъ“, in 4-о; 3) „Скрижали Заветъ“,—рукописный катихизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, нынѣш-

вяго вѣка, in 4-о; 4) Двѣнадцать томиковъ рукописныхъ сочиненій Григорья Савича Сковороды, изъ коихъ десять писаны рукою самого Сковороды. Большая часть ихъ не издава. Они принадлежали прежде архіепископу харьковскому (впослѣдствіи черниговскому) Филарету, которому, вѣроятно, были поднесены въ даръ, наслѣдниками харьковскаго помѣщика Коваленскаго, у котораго проживалъ Сковорода. Г. Миропольскому достались эти рукописи отъ одного изъ наслѣдниковъ архіепископа Филарета. Это собраніе сочиненій Сковороды можно считать единственнымъ по своей полнотѣ и по тому, что оно почти сполна написано рукою самого украинскаго философа. 5) „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ Сковороды“. С.-Петербургъ. 1861. 6) „Сковорода, украинскій писатель XVIII вѣка“ Ореста Халаявскаго (изъ журнала „Основы“ за августъ и сентябрь 1862 года); 7) „Очеркъ жизни и дѣятельности перваго русскаго печатника Ивана Федорова“, С.-Петербургъ, 1883 г.; 8) „Новгородскій мѣсяцесловъ“, съ историческими, хронологическими и географическими свѣдѣніями. Соч. Краснянскаго. Новгородъ. 1876.

К) Отъ дѣйствительнаго члена, намѣстника Троице-Сергіевой Лавры архимандрита Леонида: „Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ... Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. С.-Петербургъ. 1885“.

Д) Отъ профессора Московскаго Университета А. С. Павлова: „Книги законныя, содержащія въ себѣ, въ древнерусскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовныя, брачныя и судебныя. Издалъ вмѣстѣ съ греческими подлинниками и съ историко-юридическимъ введеніемъ А. Павловъ. С.-Петербургъ. 1885“.

М) Отъ дѣйствительнаго члена, профессора С.-Петербургской духовной Академіи Н. И. Барсова: семь брошюръ Труды Киев. дух. Акад. Т. II. 1886 г. 20**

оттисковъ издаваемой имъ переписки Ивнокентія херсонскаго съ разными лицами.

Н) Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Воронежской духовной Семинаріи архимандрита Димитрія, брошюры: 1) „Историческій очеркъ священнаго коронованія русскихъ государей“ А. И. Н. Воронежъ. 1883. 2) „Очеркъ постепеннаго населенія Воронежской губерніи“, архим. Димитрія. Воронежъ. 1886. 3) „Указатель храмовыхъ празднествъ въ Воронежской епархіи. Выпускъ IV“. Воронежъ. 1886. 4) „Святитель Митрофанъ, первый епископъ воронежскій“ архим. Димитрія. Воронежъ. 1886. 5) „Св. Тихонъ I, епископъ воронежскій и елецкій“. Воронежъ. 6) „Анастасій епископъ воронежскій“. Воронежъ. 7) „Левъ епископъ воронежскій“. Воронежъ. 8) „Инструкція святителя Тихона I объ учрежденіи въ городахъ Воронежской епархіи словенскихъ школъ и о томъ, какъ учителямъ въ нихъ поступать“. Воронежъ. 9) „Семилуцкій Спасо-Преображенскій монастырь“. Воронежъ. 10) „Описаніе Толшевскаго Спасо-Преображенскаго монастыря“. Воронежъ. 11) „Описаніе Воронежскаго Алексѣевскаго Акатова мужскаго второкласнаго“ монастыря. Воронежъ. 12) „Краткое свѣдѣніе о Дивногорскомъ Успенскомъ монастырь“. Воронежъ. 13) „Нѣмецкая икона Божіей Матери въ слободѣ Михайловкѣ, Богучарскаго уѣзда“. Воронежъ. 14) „Село Быково, Землянскаго уѣзда“. Воронежъ. 15) „Село Аношкино“. Воронежъ. 16) „Слобода Черкасская Тростянка“. Воронежъ.

О) Отъ кафедральнаго протоіерея одесскаго собора А. Г. Лебединцева: „Книга философская о осми частехъ стаго Іоанна Дамаскина“, въ переводѣ и съ предисловіемъ Іоанна евзарха болгарскаго, — рукопись XVII вѣка, in 8-о.

П) Отъ предсѣдателя гражданскаго департамента Кіевской Судебной Палаты А. М. Лазаревскаго: пергаменная печатная грамота генераль-порутчику графу Петру Румянцову на пожалованіе въ полные генералы, 17 сентября, 1768 года, за подписью императрицы Екатерины II.

Р) Отъ дѣйствительнаго члена, преподавателя Таврической дух. семинаріи А. В. Иванова: 1) рукописное донесеніе бывшаго попа Георгія Иларіонова, обратившагося изъ діаконщины къ православію, нижегородскому епископу Питриму, съ собственноручной резолюціей послѣдняго, 1720 года. 2) „Греческое рукописное Евангеліе, находящееся въ библиотекѣ Таврической дух. семинаріи (нынѣ въ Церковно-Археологическомъ музеѣ)“ А. Иванова. С.-Петербургъ. 1886. 3) „Греческій рукописный Апостолъ, принадлежащій Предтеченской церкви въ г. Керчи“. А. Иванова. С.-Петербургъ. 1886.

С) Отъ дѣйствительнаго члена, преподавателя Одесской духовной семинаріи Л. С. Мацѣвича: 1) школьныя упражненія воспитанниковъ старой Кіевской Академіи Ивана и Іассона Мацѣвичей. 2) лекціи „О христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ“ и 7 проповѣдей архіепископа кишиневскаго Антонія (Шокотова); 3) письмо Ю. Ив. Венелина къ А. И. Бѣлюгову (изд. въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“ за сентябрь 1885 г.). 4) привѣтствіе отъ кишиневскаго соборнаго духовенства преосвященному Петру аккерманскому, 1871. 5) рукописный „Обиходъ и уставъ церковный“. 6) нѣсколько частныхъ документовъ на польскомъ языкѣ, 1805 г.; 7) документъ на арабскомъ языкѣ. 8) бронзовая босфорская монета Рискупориса, II в. по Р. Хр.

Т) Отъ дѣйствительнаго члена, Н. П. Чернева: 1) „Фотія, святѣйшаго патріарха константинопольскаго, Посланіе къ Михаилу князю болгарскому о должности княжеской“. Москва, 1779. 8-о. 2) „Краткая сибирская лѣтопись (кунгурская) со 154 рисунками“. С.-Петербургъ. 1880.

У) Отъ А. А. Титова, изъ Ростова Великаго: „Письмо О. М. Бодянскаго къ графу Сергію Григорьевичу Строганову о древнихъ русскихъ и славянскихъ монетахъ. Сообщилъ А. А. Титовъ. Москва. 1885“.

Ф) Отъ священника с. Татарбуварь, измаильскаго уѣзда, бессарабской губерніи. І. Я. Галушко: статуетка или кукла „Калаяна“, объ изготовленіи и почитаніи которой молдаванами священникъ Галушко пишетъ слѣдующее: „За недѣлю до пятницы предъ праздникомъ св. Георгія Побѣдосца въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ молдаванскихъ селеніяхъ дѣвушки 6—14-лѣтняго возраста собираются въ одинъ какой либо домъ и лѣпятъ изъ глины куклу, которая называется у нихъ „Калаянь“, а въ другихъ мѣстахъ „Траинь“, сушатъ ее, одѣваютъ и накавунѣ пятницы, за недѣлю предъ Юріемъ, собираются въ домъ, гдѣ приготовленъ Калаянь, устраиваютъ въ отдѣльной комнатѣ приличное мѣсто, ставятъ на немъ гробикъ съ Калаяномъ, зажигаютъ кругомъ восковыя свѣчи и оплакиваютъ его какъ покойника, а въ пятницу очень рано хоронятъ его гдѣ-нибудь на огородѣ и просятъ его послать дождь на землю, присовокупляя и другія прошенія и призыванія. Похоронивъ Калаяна, дѣти одѣваютъ одну дѣвочку съ ногъ до головы въ зелень и съ вѣнками въ рукахъ идутъ по селу и просятъ подаянія для поминовъ. Имъ даютъ крупу, муку, сало, деньги и проч., и они опять идутъ въ тотъ домъ, гдѣ лежалъ ихъ мертвый Калаянь. Здѣсь готовятъ для нихъ пища, питье и лакомства и дается обѣдъ, на которомъ присутствуютъ и старшіе. Этимъ кончается праздникъ Калаяна“. Кукла получена изъ с. Ердексъ-Бурно, измаильскаго уѣзда.

Х) Отъ студента І курса Кіевской духовной Академіи іеродіакона Митрофана—рукописный сборникъ in 4-о, заключающій оды Ломоносова, Толкованіе Притчей и Службы Владимірскимъ святымъ. Послѣднія переписаны Владимірскимъ купцомъ Алексѣемъ Муромцовымъ въ 1780 году.

Секретарь Общества *Н. Петровъ.*

ИЗВЛЕЧЕНИЕ

ИЗЪ

ПРОТОКОЛОВЪ СОВѢТА

КИЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ

ЗА 188⁵/₆ УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

КИЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.
1886.

**Печатано по опредѣленію Совѣта Кіевской духовной Ака-
деміи отъ 30 мая 1886 года.**

1885 года 16 августа.

Въ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея Епископа *Сильвестра*, присутствовали инспекторъ *Ив. Корольковъ* и профессора ординарные: *Дим. Постыховъ*, *Ив. Малышевскій*, *Вас. Пльницкій*, *Ст. Сольскій*, *Ник. Петровъ* и *Петръ Линицкій*, экстраординарные: *Петръ Лашкаревъ*, *Алексѣй Розовъ*, *Мих. Ковальницкій*, *Митроф. Ястребовъ*, *Маркеллинъ Олесницкій*, *Ник. Дроздовъ*, *Вас. Мамининъ* и *Конст. Поповъ*. Не былъ въ собраніи ординарный профессоръ *Акимъ Олесницкій* по неявѣ изъ отпуска.

Слушамъ: I. Сданный Высокопреосвященнѣйшимъ *Платономъ* Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ 19 іюля 1885 г. для точнаго исполненія указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 того же іюля за № 2431: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по вопросу о томъ, *можетъ ли быть даваемо студентамъ духовныхъ академій разрѣшеніе вступать въ бракъ во время прохожденія ими академическаго курса*, и, по справкѣ, приказали: въ 1879 году Святѣйшимъ Синодомъ дозволено было Совѣтамъ духовныхъ академій разрѣшать въ исключительныхъ случаяхъ, по особо уважительнымъ причинамъ, вступленіе студентовъ въ бракъ до окончанія ими курса ученія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ казеннокоштные студенты были смѣщаемы съ казеннаго содержанія на собственное и уплачивали за первое израсходованныя на нихъ деньги. На этомъ основаніи акаде-

мическіе Совѣты, какъ видно изъ имѣющихся въ Святѣйшемъ Синодѣ свѣдѣній, продолжаютъ давать студентамъ разрѣшеніе на бракъ и доселѣ, по введеніи уже въ дѣйствіе новаго устава духовныхъ академій, Высочайше утвержденнаго въ 20-й день апрѣля 1884 года. Между тѣмъ, по § 113 сего устава, всѣ студенты какъ казеннокоштные, такъ и своекоштные, обязываются жить въ зданіяхъ академій. Въ виду невыполнимости такого требованія для студентовъ, состоящихъ въ бракѣ, и въ предупрежденіе дальнѣйшихъ нарушеній приведеннаго параграфа, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Вашему Преосвященству, Митрополитамъ С.-Петербургскому и Московскому и Архіепископу Казанскому предложить Совѣтамъ академій, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяли студентамъ, въ продолженіе курса ученія, вступать въ бракъ, и тѣмъ изъ нихъ, кои не пожелаютъ сему подчиниться, увольняли бы вовсе изъ академіи со взысканіемъ денегъ, по расчету, за казенное въ ней содержаніе; о чемъ, для должныхъ къ исполненію распоряженій, послать Вашему Преосвященству, Митрополитамъ С.-Петербургскому и Московскому и Архіепископу Казанскому“.

Постановлено: Указъ принять къ точному исполненію и объявить студентамъ.

II. Отношеніе Волынской духовной Консисторіи отъ 27 іюня за № 6252: „Окончившій въ настоящемъ году курсъ ученія въ Кіевской духовной Академіи, по богословскому отдѣленію, Наркисъ *Прокоповичъ* вступилъ къ Его Высокопреосвященству съ прошеніемъ о *предоставленіи ему священническаго мѣста въ Волынской епархіи*. Вслѣдствіе сего и согласно резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 12 сего іюля за № 1749, Волынская духовная Консисторія имѣетъ честь просить Совѣтъ Кіевской духовной Академіи увѣдомить, не встрѣчается ли какихъ либо препятствій къ опре-

дѣленію Прокоповича на священническое мѣсто и, если таковыхъ не встрѣчается, выслать документы упомянутаго Прокоповича на имя Его Высокопреосвященства“.

Постановлено: Увѣдомить Волынскую духовную Консисторію, что окончившій курсъ въ Кіевской духовной Академіи, воспитанникъ Наркисъ Прокоповичъ какъ казенноштный обязанъ, по 160 § уст. дух. акад., прослужить извѣстное число лѣтъ по духовно-учебному вѣдомству и что онъ, по 2-му примѣч. къ 161 § того же устава, можетъ быть опредѣленъ на священническое мѣсто не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи мѣстнаго епархіальнаго Преосвященнаго съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о безпрепятственности къ освобожденію его отъ обязательной духовно-учебной службы.

IV. Предложеніе ректора Академіи: „Представленныя наставниками Академіи *темы для кандидатскихъ сочиненій* на 1885/6 учебный годъ мною пересмотрѣны. Изъ этихъ темъ, на основаніи 126 § уст. дух. акад., мною избраны и утверждены 69, которыя и предлагаю Совѣту для объявленія студентамъ IV курса“.

Постановлено: Одобренныя ректоромъ 69 темъ изъ числа предложенныхъ наставниками Академіи объявить черезъ инспектора ея студентамъ IV курса, которые имѣютъ избрать одну изъ сихъ темъ и на избранную тему написать сочиненія къ 1-му апрѣля 1886 года.

На семь журналъ Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Кіевскимъ положена резолюція: „2 сент. 1885 г. Исполнить“.

1885 года 2 сентября.

Въ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея Епископа Сильвестра, присутствовали инспекторъ и профессоры Академіи ординарные

я экстраординарные, кромѣ ординарнаго профессора Ив. Малышевскаго, состоящаго въ отпускѣ, и П. Диницкаго, отбывающаго обязанность присяжнаго застѣдателя въ Окружномъ Судѣ.

Слушали: I. Сданный 18-го августа 1885 г. Высокопреосвященѣйшимъ Платономъ Митрополитомъ Киевскимъ для надлежащаго распоряженія указъ Святѣйшаго Синода отъ 12-го того же августа за № 2766: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали: предложеньный г. исправляющимъ обязанности Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19-го минувшаго іюля за № 463, журналъ Учебнаго Комитета, № 239 по представленію Вашего Преосвященства *объ утвержденіи въ степени магистра богословія* смотрителя Кіево-Подольскаго духовнаго училища, кандидата богословія *Семена Трегубова*. Приказали: смотрителя Кіево-Подольскаго дух. училища кандидата С. Трегубова, удостоеннаго Совѣтомъ Киевской духовной Академіи степени магистра богословія, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, утвердить въ таковой степени; о чемъ, для зависящаго распоряженія, Вашему Преосвященству послать указъ“.

Постановлено: Объявить указъ г. Трегубову и выдать ему установленный дипломъ.

III. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 23 августа за № 3765 „По утвержденію г. исправляющимъ должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора 8-го текущаго августа докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Киевской духовной Академіи Леонидъ *Рождественскій* и Иванъ *Чарнецкій* определены на учительскія должности въ духовныя училища, первый въ Камышнянское, а послѣдній въ Шаргородское, по греческому языку. Канцелярія Оберъ-Прокурора долгомъ поставляетъ увѣдомить о семъ Академическій Совѣтъ для

зависящихъ распоряженій, присовокупляя, что объ ассигнованіи упомянутымъ кандидатамъ слѣдующихъ, по положенію, денегъ нынѣ же сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ⁴.

Постановлено: Кандидатамъ Рождественскому и Чарнецкому объявить о состоявшемся назначеніи ихъ на службу.

IV. Прошеніе студента II курса Бѣвской Академіи, уроженца Босніи, священника Николая *Лалича* отъ 28 августа: „По причинѣ неблагонадежнаго моего здоровья и другихъ семейныхъ обстоятельствъ мнѣ необходимо въ этомъ году уѣхать на родину; поѣтому честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство уволить меня изъ числа студентовъ Кіевской духовной Академіи съ выдачею Академическаго удостовѣренія о моемъ двухгодичномъ существованіи студентомъ Кіевской духовной Академіи“.

Постановлено: Боснійскаго серба священника Николая Лалича, согласно прошенію его уволить изъ числа студентовъ Академіи и выдать ему какъ свидѣтельство о двухгодичномъ пребываніи его въ Академіи, такъ и удостовѣреніе о неимѣніи препятствій со стороны Академіи къ выѣзду его изъ Россіи на родину, для полученія имъ потребнаго паспорта у мѣстнаго гражданскаго начальства на выѣздъ за границу имперіи.

IX. А) Отношеніе генеральнаго консула въ Яссахъ отъ 29 августа 1885 года за № 584: „Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отношеніемъ отъ 25 іюля за № 2192, въ отвѣтъ на мое ходатайство о принятіи въ Кіевскую духовную Академію, двухъ молодыхъ румынъ, окончившихъ курсъ въ Яесской семинаріи, для полученія высшаго богословскаго образованія, увѣдомилъ меня, что со стороны Св. Синода не встрѣчается препятствій къ предоставленію сказаннымъ молдавскимъ уроженцамъ стипендіи въ Кіевской духовной Академіи, и стипендіальныя деньги

будуть ассигнованы имъ по полученіи извѣщенія о поступленіи ихъ въ Академію. Вслѣдствіе сего Высокопреосвященный Іосифъ митрополитъ Молдавскій сообщилъ мнѣ, что имъ отправляются въ Киевскую духовную Академію для означенной цѣли окончившіе курсъ въ Ясской семинаріи молдавскіе уроженцы Θεодоръ Гига и Веспасіанъ Ербичанъ. На семъ основаніи ввѣренное мнѣ Консульство визировало паспорта на проѣздъ въ Кіевъ Гиги и Ербичана, и я считаю пріятностію рекомендовать ихъ благосклонности Вашего Преосвященства, покорнѣйше прося Васъ сообщить непосредственно Св. Синоду о поступленіи ихъ въ Академію для полученія стипендіальныхъ денегъ“.

Б) Прошенія румынскихъ подданныхъ воспитанниковъ Ясской семинаріи: а) Θεодора Гиги и б) Веспасіана Ербичана—о допущеніи ихъ къ испытанію для поступленія въ число студентовъ I курса Академіи, съ приложеніемъ семинарскаго аттестата и метрическаго свидѣтельства и съ поясненіемъ, что паспорта ими будутъ представлены на дняхъ по предъявленіи мѣстной полиціи.

Постановлено: Такъ какъ румыны Гига и Ербичанъ незнакомы съ русскимъ языкомъ, то ограничиться въ отношеніи къ нимъ однимъ письменнымъ испытаніемъ на латинскомъ языкѣ или на румынскомъ.

Ж. Представленные: а) экзаменаціонными комиссіями списки съ означеніемъ въ нихъ балловъ, полученныхъ явившимися въ Академію лицами (24 по назначенію и 41 по собственному желанію) на повѣрочныхъ испытаніяхъ какъ устныхъ по пяти предметамъ: догматическому богословію, общей древней церковной исторіи, логикѣ и двумъ древнимъ языкамъ, такъ и письменныхъ на темы богословскаго, философскаго и литературнаго содержанія; б) секретаремъ Совѣта общую табель сихъ балловъ, составленную имъ по окончаніи пріемнаго испытанія на основаніи экза-

менныхъ списковъ, съ выводомъ средняго балла особо какъ изъ суммы балловъ по сочиненіямъ, такъ и изъ суммы балловъ по устнымъ отвѣтамъ, и съ распредѣленіемъ воспитанниковъ въ спискѣ по относительной величинѣ суммы обоихъ среднихъ балловъ; в) штатнымъ врачомъ Академіи списокъ тѣхъ же лицъ съ отмѣтками академическаго врача о результатахъ произведеннаго имъ освидѣтельствованія состоянія здоровья на предметъ зачисленія ихъ на казенное содержаніе.

Для опредѣленія правъ cadaго изъ экзаменовавшихся на поступленіе въ число студентовъ I курса Совѣтомъ Академіи пересмотрѣны баллы и разрѣшены частныя вопросы, вызванныя неполными баллами; при чемъ нѣкоторыя сочиненія были прочитаны въ собраніи Совѣта въ видахъ непосредственнаго удостовѣренія въ удовлетворительности ихъ. При рѣшеніи возникшихъ вопросовъ собраніе Совѣта руководствовалось 111 § уст. дух. акад., по которому желающіе поступить въ Академію принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія, и указомъ Св. Синода отъ 7 апрѣля 1876 года за № 1003, въ коемъ изъяснено, что для поступленія въ число студентовъ экзаменующіеся должны имѣть удовлетворительныя отмѣтки по каждому предмету не менѣе 3, а снисхожденіе, по сему указу, можетъ быть оказываемо въ отношеніи къ получившимъ одинъ баллъ 2 и при томъ когда отмѣтка (2) покрывается удовлетворительнымъ балломъ по однородному предмету, напримѣръ, баллъ отвѣта по богословію, философскимъ наукамъ и исторіи балломъ сочиненія по этимъ предметамъ и наоборотъ. Примѣнительно къ этому указанію Совѣтъ Академіи призналъ возможнымъ оказать снисхожденіе имѣющимъ недостаточный баллъ по литературному сочиненію, если они имѣютъ удовлетворительный баллъ по древнимъ языкамъ и по другимъ сочиненіямъ, и наоборотъ: имѣющему недостаточный баллъ по одному изъ древнихъ языковъ давать снисхожденіе, если по другому

языку получилъ вполне удовлетворительный баллъ, равно
я на литературномъ сочиненіи.

Допущенные къ приѣмному экзамену воспитанники въ
числѣ 65 по сравнительному достоинству полученныхъ на
ономъ балловъ заняли въ спискѣ мѣста въ такомъ порядкѣ:

1. Петрушевскій Михаилъ.	Троицкій Иванъ.
Краснитскій Іоасафъ.	Липковскій Василій (вол.).
Маккавейскій Никола.	Сперанскій Михаилъ (вол.).
Чемена Климентъ.	Тарнавичъ Ефремъ (вол.).
5. Соколовъ Феодоръ.	35. Колосовскій Петръ (вол.).
Козицкій Петръ (вол.).	Гусевъ Александръ.
Поповъ Николай.	Тихвинскій Иванъ.
Ивановъ Николай.	Жемчужинъ Алексѣй.
Андріевскій Сергѣй (вол.).	Лукаевичъ Николай.
10. Маслюкъ Георгій (вол.).	40. Никулищевъ Дмитрій.
Соколовъ Иванъ (вол.).	Тарнавскій Иванъ (вол.).
Пареевьевъ Андрей.	Абламскій Исидоръ (вол.).
Экземплярскій Васил. (вол.).	Вишневъ Алексѣй (вол.).
Глаголевъ Дмитрій (вол.).	Захаровъ Александръ (вол.).
15. Соколовъ Василій.	45. Поповъ Василій (вол.).
Благонравовъ Евгений.	Поповъ Михаилъ (вол.).
Каливниковъ Василій.	Терлецкій Иванъ (вол.).
Горьковскій Василій.	Якубовичъ Флоръ (вол.).
Глазуновъ Петръ.	Стояковичъ Василій (сербъ).
20. Вахиревъ Николай (вол.).	50. Грифцевъ Николай (вол.).
Запольскій Алексѣй.	Полянскій Василій (вол.).
Крыжановскій Прокоп. (вол.).	Понятовскій Василій (вол.).
Смирновъ Петръ.	Волошинъ Констант. (вол.).
Сохранскій Тимошеей (вол.).	Граціанскій Николай (вол.).
25. Янушевскій Иванъ (вол.).	55. Мезека Харалампій (вол.).
Ильинскій Феодоръ (вол.).	Шамановскій Никол. (вол.).
Омельяновичъ Емельянъ	Окишеръ Михаилъ (вол.).
(вол.).	Харизоменовъ Алексѣй
Михайловскій Алексѣй.	(вол.).
Перстивскій Иванъ.	59. Андріевскій Митроф. (вол.).
30. Позднѣевъ Дмитрій.	

Не окончили экзамена:

60. Бугославскій Иванъ (вол.). 63. Троицкій Димитрій (вол.).
61. Павловскій Θεодосій (вол.). 64. Гловинскій Николай (вол.).
62. Чернявскій Василій (вол.).
и 65. Краснополскій Евгеній (вол.) не державшій вовсе
экзамена.

Изъ 59 воспитанниковъ, окончившихъ повѣрочное испытаніе, выдержали оное: а) по всѣмъ предметамъ удовлетворительно 23, б) при очень хорошихъ и удовлетворительныхъ вообще баллахъ, получили по одному предмету неудовлетворительный баллъ 18 и наконецъ в) неудовлетворительный баллъ по одному или по нѣсколькимъ предметамъ имѣютъ и 18 остальныхъ воспитанниковъ (№ № 42—59), но у нихъ по другимъ однороднымъ предметамъ вѣтъ высокихъ балловъ, которые могли бы покрыть недостаточный баллъ. Въ числѣ такихъ воспитанниковъ находится иностранецъ Василій Стояковичъ (№ 49).

Что касается до состоянія здоровья воспитанниковъ, окончившихъ приѣмный экзаменъ, то по свидѣтельству академическаго врача они оказываются вообще здоровыми, т. е. не имѣющими физическихъ недостатковъ или болѣзней, могущихъ препятствовать или затруднять для нихъ продолженіе образованія.

Справка: 1) По Высочайше утвержденному 20 апрѣля 1884 г. штату Кіевской Академіи положено 180 казенно-коштныхъ студентовъ, слѣдовательно по 45 на каждый курсъ.—На казенное содержаніе, по 112 § уст. дух. акад., зачисляются лучшіе изъ выдержавшихъ испытаніе, а остальные своекоштными съ помѣщеніемъ, по 113 §, въ зданіи Академіи въ качествѣ пансіонеровъ; внѣ зданій академіи дозволяется жить только у родителей.

2) Инспекторъ Академіи заявилъ собранію Совѣта, что въ настоящее время въ зданіи Академіи имѣется свободнаго мѣста только для 40 студентовъ.

3) Въ списокъ державшихъ пріемный экзаменъ значится одинъ Георгій Маслюкъ, который есть уроженецъ г. Кіева и имѣетъ мать въ семъ городѣ.

Постановлено: а) 41 первыхъ по списку воспитанниковъ, которые или по всѣмъ предметамъ испытанія получили удовлетворительные баллы (23) или при такихъ же баллахъ имѣютъ по одному предмету неудовлетворительный баллъ, но покрываемый вполне удовлетворительнымъ балломъ по другому однородному (18), принять въ число студентовъ I курса Академіи, съ помѣщеніемъ 40 въ зданіи Академіи и съ предоставленіемъ Георгію Маслюку жить при матери внѣ академическаго корпуса. б) Остальнымъ воспитанникамъ, получившимъ на повѣрочномъ испытаніи неудовлетворительные баллы, не покрываемые баллами по однороднымъ предметамъ, отказать въ пріемъ и возвратить документы, кромѣ серба Вас. Стояковича, котораго, на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ $\frac{11 \text{ марта}}{5 \text{ апрѣля}}$ 1869 г., принять въ число студентовъ Академіи, для выслушанія полного курса ея, но съ ограниченіемъ снисхожденія въ отношеніи присужденія ученой степени при выпускѣ изъ нея. в) Отъ принятыхъ на казенное содержаніе волонтеровъ отобрать подписки въ выполненіи ими требованій 160 — 161 §§ уст. дух. акад. г) Съ приложеніемъ именнаго списка державшихъ пріемный экзаменъ и съ вѣдомостію полученныхъ ими балловъ представить Святѣйшему Синоду о послѣдствіяхъ пріемнаго испытанія на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 14 іюня 1871 года за № 1301 и согласно съ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 11 февраля 1849 года.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства митрополита Кіевскаго такая: „5 сентября 1885 г. Исполнить“.

1885 года 4 сентября.

Въ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея Епископа Силвестра, присутствовали инспекторъ и профессеры Академіи ординарные и экстраординарные, кромѣ ординар. профессоровъ Ив. Малышевскаго, состоящаго въ отпускѣ, и Петра Диницкаго, отбывающаго обязанность присяжнаго засѣдателя въ Окружномъ Судѣ.

Слушали: П. Актъ повѣрочнаго въ особой Комиссіи 3 сентября испытанія сербскаго уроженца, воспитанника Бѣлградской православной семинаріи, Стефана *Веселиновича* для поступления въ число студентовъ Кіевской духовной Академіи.

Постановлено: Стефана Веселиновича, сербскаго уроженца, принять въ число студентовъ Академіи, на основаніи опредѣленія Святейшаго Синода отъ $\frac{11 \text{ марта}}{5 \text{ апрѣля}}$ 1869 года.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По III ст. журнала Совѣта Кіевской Академіи отъ 3 іюля 1885 года изъ 62 окончившихъ въ этомъ году въ ней курсъ наукъ Совѣтъ сей Академіи первыхъ двухъ болѣе даровитыхъ кандидатовъ Александра *Діаконова* и Сергѣя *Булатова* положилъ, на основаніи устава дух. акад. §§ 54 и 81 б. 5, оставить при Академіи для приготовленія къ занятію вакантныхъ при Академіи кафедръ: а) пастырскаго богословія и педагогики и б) исторіи и разбора западныхъ исповѣданій. Постановленіе сіе утверждено Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Кіевскимъ 17 того же іюля. По § 81 б. 5 со державіе оставляемымъ при Академіи профессорскимъ стипендіатамъ назначается Совѣтомъ ея. Такъ какъ размѣръ его опредѣленъ 22-ю статьею штата Академіи—700 р. въ годъ, каковая сумма значится и въ смѣтѣ, то Совѣту въ настоя-

щемъ случаѣ предстоить опредѣлить время, съ котораго должна быть начата выдача денегъ стипендіатамъ.

Постановлено: Избраннымъ въ профессорскіе стипендіаты А—ру Діаконову и Сер. Булатову годичный срокъ приготовленія къ преподаванію считать съ начала учебнаго 188^г/₆ года до конца его, а потому и выдачу имъ содержанія изъ годоваго оклада въ 700 руб. начать съ 16 августа сего 1885 года и производить помѣсячно.

IX. Предложеніе ректора Академіи: „Въ объяснительной запискѣ къ уставу дух. академій“ (стран. 40 и 41) относительно профессорскихъ стипендіатовъ, т. е. оставляемыхъ при Академіи болѣе даровитыхъ студентовъ по окончаніи курса для приготовленія въ теченіи года къ занятію профессорскихъ кафедръ, между прочимъ, сказано: „никакихъ должностей они не проходятъ; а все время должны посвящать изученію избранной науки, подъ руководствомъ старшихъ профессоровъ, ближе къ ней стоящихъ. По окончаніи года они должны представить академическому Совѣту отчетъ въ своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣлены на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры“. Предлагаю Совѣту указать тѣхъ профессоровъ, подъ руководствомъ которыхъ должны стоять избранные въ стипендіаты—А. Діаконовъ и С. Булатовъ, и объявить имъ о представленіи отчета въ ихъ занятіяхъ къ концу года“.

Постановлено: А—ра Діаконова, предназначеннаго для кафедры „пастырскаго богословія и педагогики“ поручить руководству ординарныхъ профессоровъ Академіи Д. Поспѣхова и В. Пѣвницкаго, а Сергѣя Булатова, избраннаго для кафедры „исторіи и разбора западныхъ исповѣданій“, поставить подъ руководство экстраорд. профессоровъ Мих. Ковальницкаго и Митр. Ястребова. Объ этомъ привести въ извѣстность тѣхъ и другихъ, а стипендіатамъ, кромѣ того, объявить, чтобы они въ концѣ учебнаго года представили

Совѣту отчетъ въ занятіяхъ своихъ по силѣ 55 § уст. дух. акад.

XI. Предложеніе его же: „По 121, 123—125 §§ Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1884 года устава духовныхъ академій въ числѣ занятій студентовъ Академіи положено составленіе сочиненій, которыхъ требуется не менѣе трехъ отъ студентовъ I, II и III курса и одно сочиненіе на ученую степень отъ студентовъ IV курса; и, кромѣ того, для всѣхъ студентовъ обязательно составленіе проповѣдей въ количествѣ, какое будетъ опредѣлено Совѣтомъ Академіи. Предлагаю Совѣту Академіи нынѣ составить расписаніе сочиненій на текущій учебный годъ для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ и расписаніе проповѣдей какъ для сихъ курсовъ, такъ и для IV курса“.

Постановлено: На 188⁵/₆ учебный годъ по прежнему назначить *по три сочиненія* для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ: а) для студентовъ I курса 1-е сочиненіе по психологii съ 1 октября по 1 декабря 1885 года, 2-е по священному писанію ветхаго завѣта съ 1 декабря тогоже года по 1 февраля 1886 года, 3-е по патристикѣ съ 1 февраля по 1 апрѣля 1886 года; б) для студентовъ II курса 1-е сочиненіе по исторіи философіи съ 1 октября по 1 декабря 1885 года; 2-е по введенію въ богословіе съ 1 декабря тогоже года по 1 февраля 1886 года; 3-е по логикѣ и метафизикѣ съ 1 февраля по 1 апрѣля 1886 года; в) для студентовъ III курса 1-е сочиненіе по догматикѣ съ 1 октября по 1 декабря 1885 года; 2-е по общей церковной исторіи съ 1 декабря тогоже года по 1 февраля 1886 года; 3-е по священному писанію новаго завѣта съ 1 февраля по 1 апрѣля 1886 года. Для студентовъ IV курса одно сочиненіе на степень кандидата къ 1 апрѣля 1886 года. Кромѣ того всѣмъ студентамъ Академіи написать по одной проповѣди: студентамъ I, II и III курсовъ одновременно къ 1-му октября 1885 года, а студентамъ IV курса по особому распи-

санію.—О такомъ расписаніи студенческихъ письменныхъ работъ привести въ извѣстность чрезъ Канцелярію какъ гг. преподавателей, такъ и студентовъ; при семъ пояснить наставникамъ, что каждый изъ нихъ, по предмету котораго назначено сочиненіе для студентовъ, по силѣ 126 § устава, имѣеть, до наступленія положеннаго для сочиненія срока, доставить темы ректору Академіи на разсмотрѣніе и утвержденіе, а по прочтеніи сочиненій представить ему списокъ написавшихъ оныя студентовъ съ означеніемъ балловъ ихъ; чтеніе и оцѣнку проповѣдей студентовъ III и IV курса въ семъ учебномъ году поручить ординарному профессору Василю Пѣвницкому, во II курсѣ экстраординарному профессору Василю Маливину и въ I курсѣ и. д. доцента Θεодору Покровскому; студентамъ же объявить, что бы они представляли свои сочиненія непременно въ срокъ, и напомнить имъ постановленное Совѣтомъ Академіи въ журналѣ отъ 2 сентября 1883 года (ст. VIII) правило, чтобы студентъ, не подавшій сочиненія въ назначенный расписаніемъ срокъ, писалъ таковое на вновь даваемую тему и въ болѣе краткій срокъ по назначенію ректора Академіи.

XII. Предложеніе его же: „Въ сосѣдномъ Румынскомъ Королевствѣ изъ числа православныхъ іерарховъ наиболее энергическимъ поборникомъ православія, покровителемъ духовнаго просвѣщенія и плодовитѣйшимъ писателемъ является преосвященный *Мелхиседекъ* епископъ Романскій, окончившій свое образованіе въ Кіевской духовной Академіи со степенью магистра богословія въ 1851 году и не прерывавшій своей связи съ Академіею, присылая въ бібліотеку ея свои разнообразныя труды богословскаго и церковно-историческаго содержанія. Не признаетъ ли нынѣ Совѣтъ Академіи возможнымъ почтить этого іерарха, по вниманію къ плодотворной дѣятельности его на пользу православной церкви и духовнаго просвѣщенія, избраніемъ въ званіе почетнаго члена Академіи?“

Ибо какъ законы настоящаго града не призываютъ умерщвленнаго снова къ жизни; такъ точно и законы того Града не призываютъ осужденнаго на вторую смерть къ вѣчной жизни. — Какимъ же образомъ, говорятъ, истинны слова вашего Христа: *Тю бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится вамъ* (Лук., VI, 38), если временный проступокъ наказывается вѣчнымъ навазаніемъ? Въ этомъ случаѣ они не обращаютъ вниманія на то, что объ одной и той же мѣрѣ сказано не въ смыслѣ равнаго протяженія времени, а въ смыслѣ взаимности зла, т. е. въ смыслѣ томъ, что совершающій зло зло и терпитъ. Впрочемъ, слова Господа могутъ быть понимаемы собственно въ примѣненіи къ тому предмету, о которомъ Онъ говорилъ, произнося эти слова, именно — о судахъ и осужденіяхъ. Такъ, кто судитъ и присуждаютъ неправильно, когда судится и осуждается правильно самъ, получаетъ хотя и не то, что далъ другимъ, но тою же самою мѣрою. Онъ далъ путемъ суда, отъ суда и терпитъ, хотя чрезъ осужденіе оказалъ несправедливость, а самъ терпитъ уже по справедливости.

ГЛАВА XII.

О великости прародительскаго преступленія, за которое встѣ, обрѣтающіеся внѣ благодати Спасителя, повинны вѣчному мученію.

Но вѣчныя мученія на человѣческой взглядъ кажутся потому жестокими и несправедливыми, что при настоящемъ расслабленіи смысла смертныхъ нѣтъ въ насъ того чувства высочайшей и чистѣйшей мудрости, которое давало бы намъ сознавать, какое безмѣрное преступленіе совершено было нашими прародителями. Ибо чѣмъ большимъ прародитель пользовался отъ Бога, тѣмъ съ большимъ нечестіемъ оставилъ Бога, и сдѣлался достойнымъ вѣчнаго зла, самъ погубивши то благо, которое могло быть вѣчнымъ. За это

осуждена вся масса человѣческаго рода: потому что учинившій это впервые наказанъ со всѣмъ потомствомъ, которое въ немъ коренилось, такъ что отъ этого справедливаго и заслуженнаго наказанія никто не освобождается иначе, какъ милосердію и незаслуженною благодатію; и родъ человѣческій распредѣляется такимъ образомъ, что на вѣкоторыхъ открывается вся сила благодати, на остальныхъ же—вся сила правосуднаго отщепенія. А то и другое на всѣхъ не открывается: потому что, если бы всѣ оставались въ состояніи наказанія вѣчнымъ осужденіемъ, ни на комъ не проявилась бы милосердая благодать Искупителя; съ другой стороны, если бы всѣ возводились отъ тьмы къ свѣту, ни на комъ не осуществилась бы строгость отщепенія. Но въ послѣднемъ состояніи находится гораздо большее число, чѣмъ въ первомъ, чтобы видно было, чему должны бы быть повинны всѣ. Если бы это состояніе было удѣломъ и для всѣхъ, то и въ такомъ случаѣ никто не имѣлъ бы права упрекать правосудіе Бога-Отмстителя; а если отъ него столь многіе освобождаются, то пусть они воздають великую благодарность за этотъ незаслуженный даръ Бога-Освободителя.

ГЛАВА XIII.

Противъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что мученіямъ послѣ смерти грѣшники подвергаются въ цѣляхъ очищенія.

Между тѣмъ платоники хотя и полагаютъ, что никакіе проступки не должны оставаться безнаказанными; но думаютъ, что всѣ мученія, опредѣляемыя какъ человѣческими, такъ и божественными законами, своею цѣлію имѣютъ исправленіе или въ настоящей жизни, или же послѣ смерти, если въ настоящей жизни кто-либо или совсѣмъ не на-

казывается, или наказывается такъ, что не исправляется. Отсюда известная сентенція Марона, который, сказавши о земныхъ тѣлахъ и смертныхъ членахъ, что, благодаря имъ, души

*Болятся, желаютъ, страдаютъ и радуются, и, въ тѣму
И въ мракъ заключенныя, надежды не видятъ,*

вслѣдъ за этимъ прибавляетъ:

Чтобы и съ закатомъ жизни ихъ жизнь не покинула,

т. е. не покинула жизнь и въ послѣдній день.

*Однако не все тогда зло; не все и тогда до конца
Тѣлесныя язвы минуютъ несчастныхъ: глубоко
Вростаетъ въ насъ многое, съ чѣмъ долю сжилися мы.
Отсюда онъ терпятъ муки, и за грѣхи старыя
Несутъ наказанья: иныя, простертыя въ воздухъ,
Висятъ въ немъ; въ пучинѣ глубокой злодѣйства дружицъ
Смываются черныя, или въ огнь сожигаются.*

(Энеид., кн. 6. ст. 733—742).

Придерживающіеся этого мнѣнія не признаютъ никакихъ послѣ смерти мученій, вромѣ очистительныхъ; и такъ какъ высшія на землѣ стихіями служатъ вода, воздухъ и огонь, то, полагаютъ, все зараженное земнымъ оскверненіемъ очищается одною изъ этихъ стихій. Такъ, у Виргилія указывается на воздухъ въ словахъ: „Распростертыя висятъ въ воздухъ“, на воду—въ словахъ: „Въ пучинѣ глубокой“, на огонь въ словахъ: „Или въ огнѣ сожигается“.—Признаемъ и мы, что существуютъ въ настоящей смертной жизни нѣкоторыя очистительныя мученія,—не такія, какимъ подвергаются люди, жизнь которыхъ оттого не дѣлается лучше, а напротивъ даже хуже,—но мученія дѣйствительно очистительныя, отъ которыхъ имъ подвергнутые исправляются. Всѣ же другія мученія, какъ временныя, такъ и вѣчныя, божественнымъ промысломъ—какъ и долженъ каждый смотрѣть на нихъ—випосылаются или за грѣхи какъ прошлые, такъ и тѣ, въ которыхъ еще живетъ наказываемый, или же для упражненія и обнаруженія добродѣтелей, —

ниспосылаются при посредствѣ людей и ангеловъ добрыхъ или злыхъ. Ибо если кто-нибудь терпитъ нѣчто злое по потребности или ошибкѣ другаго, грѣшнить въ этомъ случаѣ человѣкъ, который по невѣжеству, или по несправедливости учиняетъ кому-нибудь что-нибудь злое, а не Богъ, который по справедливому, хотя и сокровенному опредѣленію попускаетъ учинить это. Но временныя мученія претерпѣваютъ одни въ настоящей только жизни, другіе послѣ смерти, а нѣкоторые теперь и тогда, но во всякомъ случаѣ раньше онаго стражайшаго и послѣдняго суда. И тѣ, которые претерпѣваютъ временныя муки послѣ смерти, не все идутъ въ вѣчныя мученія, имѣющія быть послѣ этого суда. Ибо, какъ выше я сказалъ, нѣкоторымъ прощается въ будущемъ вѣкѣ то, что не прощается въ настоящемъ (Мф. XII, 32), т. е. они не будутъ подвергнуты нескончаемымъ мученіямъ будущаго вѣка.

ГЛАВА XIV.

О временныхъ мученіяхъ настоящей жизни, которымъ подверженъ человѣчскій родъ въ своемъ теперешнемъ состояніи.

Между тѣмъ въ высшей степени рѣдки люди, которые не несли бы наказаній въ настоящей жизни, а только лишь послѣ этой жизни. Однако мы сами знали и отъ другихъ слышали, что были такіе, которые до самой глубокой старости не болѣли даже самою легкою лихорадкой и провели всю жизнь покойно; хотя обыкновенно жизнь смертныхъ есть уже сама непрерывное наказаніе, потому что она -- непрерывное искушеніе, какъ называютъ ее священныя бниги, въ коихъ написано: *Не искушеніе ли житіе человеку на земли* (Иов. VII, 1)? И дѣйствительно, не малое наказаніе составляетъ уже неразуміе или невѣжество, которое считается въ такой степени заслуживающимъ презрѣнія, что учиться какому-нибудь ремеслу или грамотѣ заставляютъ дѣтей по-

средствомъ мучительныхъ наказаній, и самое это обученіе, въ которому дѣти побуждаются наказаніями, для нихъ такъ мучительно, что они предпочитаютъ иногда переносить наказанія, какими побуждаются къ наукѣ, чѣмъ учиться. Да и кто не пришелъ бы въ ужасъ и не предпочелъ бы умереть, еслибы ему предложили на выборъ или смерть претерпѣть, или снова пережить дѣтство? Начиная свое появленіе на свѣтъ не смѣхомъ, а плачемъ, дитя тѣмъ самымъ безсознательно даетъ напередъ знать, въ какія бѣдствія впадо оно. Одинъ только Зороастръ, говорятъ, при своемъ рожденіи засмѣялся; но и ему этотъ чудовищный смѣхъ не предрекъ ничего добраго. Говорятъ, что онъ былъ изобрѣтателемъ магическихъ искусствъ; однако же эти искусства не въ силахъ были для мнимаго счастья настоящей жизни помочь ему противъ враговъ: бывши царемъ бактріанцевъ, онъ побѣжденъ былъ ассирійскимъ царемъ Ниномъ. Поистинѣ, написанное: *Иго тяжко на сынѣхъ Адамѣхъ отъ дне исхода изъ чрева матери ихъ до дне погребенія въ мать естъхъ* (Сир. XL, 1), исполняется съ такою необходимостію, что даже дѣти, освободившіяся банею возрожденія отъ узъ первороднаго грѣха, въ которомъ одномъ были повинны, испытывая много зла, страдаютъ иногда отъ нападеній злыхъ духовъ. Это страданіе, впрочемъ, не вредитъ дѣтямъ, если они окончиваютъ жизнь въ этомъ возрастѣ, даже подъ тяжестію самаго страданія этого, служащаго причиною отдѣленія души отъ тѣла.

ГЛАВА XV.

О томъ, что все дѣло благодати Божіей, извлекающей насъ изъ глубины древняго злополучія, имѣетъ отношеніе къ новому порядку будущаго вѣка.

Однакожь, въ тяжкомъ игѣ, лажащемъ на сынахъ Адама отъ дня выхода ихъ изъ чрева матери и до дня

погребенія въ общую мать, заключается и это удивительное зло затѣмъ, чтобы мы были благоразумны и понимали, что настоящая жизнь сдѣлалась для насъ мучительною вслѣдствіе того въ высшей степени непотребнаго грѣха, который былъ содѣянъ въ раю, и что все, совершаемое въ насъ Новымъ Заветомъ, имѣетъ отношеніе не къ чему иному, какъ къ новому наслѣдію новаго вѣка, дабы, получивши теперь залогъ, мы паслѣдовали въ свое время и то, залогомъ чего онъ служить, а пока ходили въ надеждѣ и, со дня на день совершенствуясь, умерщвляли духомъ дѣла плоти (Рим. VIII, 13). Ибо *позна Господь сущія своя* (2 Тим. II, 19); и *Елицы Духомъ Божиимъ водятся, сии суть сынове Божіи* (Римл. VIII, 14). Но (сынове Божіи) по благодати, а не по природѣ. По природѣ есть одинъ только Сынъ Божій, ради насъ по милосердію сдѣлавшійся сыномъ человѣческимъ, чтобы мы, будучи по природѣ сынами человѣческими, стали по благодати сынами Божіими. Ибо оставаясь неизмѣннымъ, Онъ принялъ отъ насъ нашу природу, чтобы въ ней воспринять насъ, и непреложно сохраняя свое божество, сдѣлался причастнымъ нашей слабости, чтобы мы, измѣнившись на лучшее, совлекали свое смертное и грѣховное состояніе чрезъ общеніе съ Нимъ, безсмертнымъ и праведнымъ, и сохраняли то добро, которое Онъ произвелъ въ нашей природѣ, дополняя это добро въ благи Его природы высшимъ добромъ. Ибо какъ чрезъ одного согрѣшившаго (Римл. V, 12) мы дошли до того столь великаго зла; такъ чрезъ одного и того же оправдывающаго, человѣка и вмѣстѣ Бога, достигаемъ этого, столь высокаго, блага. Никто не долженъ считать себя перешедшимъ отъ перваго къ послѣднему до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ, гдѣ не будетъ уже никакого искушенія, пока не достигнетъ мира, пріобрѣтаемаго цѣною многихъ и разнообразныхъ подвиговъ этой брани, въ которой плоть похотствуетъ противъ

духа, а духъ противъ плоти (Галат. V, 17). Подобной брани никогда не было бы, если бы человѣческая природа силою свободной воли устояла въ той правотѣ, въ которой была сотворена. Но не захотѣвши оставаться въ мирѣ съ Богомъ, когда была блаженною, нынѣ, потерявши блаженство, она враждуетъ сама съ собою. И однако, хотя существуетъ въ настоящее время эта плачевная вражда, она все же лучше, чѣмъ предыдущая исторія человѣчества. Гораздо лучше, конечно, когда борются съ пороками, чѣмъ когда безъ всякой борьбы остаются въ подчиненіи у нихъ. Лучше, говорю, война съ надеждою на вѣчный миръ, нежели плѣнь безъ всякой мысли объ освобожденіи. И мы желаемъ избавиться отъ этой войны, горимъ огнемъ божественной любви къ приобрѣтенію того, строжайшимъ порядкомъ исполненнаго. мира, гдѣ низшее непреложно подчинено высшему. Но если (чего не дай, Боже!) нѣтъ уже никакой надежды на такое благо, то мы должны лучше оставаться въ тягостномъ состояніи этой борьбы, чѣмъ безъ борьбы допустить порокамъ возобладать надъ собою.

ГЛАВА XVI.

Подъ какими законами благодати находятся возрожденные всѣхъ возрастовъ.

Впрочемъ, милосердіе Божіе къ сосудамъ милосердія, предуготованнымъ къ славѣ, такъ велико, что даже первый возрастъ человѣка, т. е. младенчество, подчиняющееся плоти безъ всякаго сопротивленія, и второй, называемый дѣтствомъ, въ которомъ разумъ еще не началъ борьбы съ плотію и находится подъ вліяніемъ почти всѣхъ порочныхъ удовольствій, такъ какъ дитя по слабости ума еще не способно къ наставленію, хотя уже владѣетъ даромъ слова и видимо вышло изъ младенчества,— даже эти два первыхъ возраста,

если они приняли таинства Ходатая, т. е. переведены отъ власти тьмы въ царство Христово, хотя бы и умерли въ этихъ лѣтахъ, не только не предназначаются къ вѣчнымъ мукамъ, но даже не претерпѣваютъ по смерти никакихъ и очистительныхъ наказаній. Для нихъ достаточно одного духовнаго возрожденія, чтобы по смерти не вредило имъ то обстоятельство, что плотское рожденіе сопряжено со смертію. Но какъ скоро дитя вступаетъ въ возрастъ, въ которомъ начинаются обученіе и возможность подчиненія закону, оно должно начинать борьбу съ пороками и вести ее настойчиво, чтобы не склониться къ грѣхамъ, уже заслуживающимъ осужденія. И если эти пороки привычкою къ побѣдамъ еще не усилились, они легко побѣждаются и уступаютъ, а если привыкли побѣждать и властвовать, то побѣда надъ ними становится весьма трудною. Истинно и искренно побѣда эта достигается только подъ условіемъ услажденія истинною праведностію, которая существуетъ лишь въ Христовой вѣрѣ. Ибо разъ повелѣвающий законъ существуетъ, а въ духѣ нѣтъ соответствующаго ему расположенія, то запрещеніе подстрекаетъ грѣховное пожеланіе, и когда это побѣждаетъ, — виновность и въ нарушеніи закона. Съ другой стороны бываютъ случаи, когда самые явные пороки побѣждаются другими скрытыми пороками, считающимися за добродѣтели людьми, въ которыхъ царствуетъ гордость и гибельная надменность самоуслажденія. Отсюда, пороки должны считаться побѣжденными тогда, когда они побѣждаются любовью къ Богу, сообщаемую только самимъ Богомъ и только чрезъ Ходатая Бога и человѣковъ, человѣка Иисуса Христа, который сдѣлался причастнымъ нашей смертности, чтобы мы были причастны Его божеству. Весьма немногіе такъ счастливы, что съ самой юности своей не совершаютъ никакихъ, осужденія достойныхъ, грѣховъ, заключающихся въ позорныхъ поступкахъ или преступленіяхъ, или же въ

какомъ—либо непотребномъ и нечестивомъ заблужденіи, а все, къ чему только могло бы склонять ихъ плотское удовольствіе, подавляютъ избыточно сообщенными силами духа. Наибольшая же часть людей, съ принятіемъ обязательствъ закона, сначала любѣждаются преобладающими пороками и дѣлаются нарушителями закона, и только тогда уже прибѣгаютъ къ помощи благодати и при ея посредствѣ, путемъ болѣе искренняго раскаянія и болѣе настойчивой борьбы, становятся побѣдителями, подчинивши сперва свой умъ Богу, а потомъ уму плоть. Итакъ всякій, кто хочетъ избѣжать вѣчныхъ мученій, долженъ не только креститься, но и оправдаться во Христвѣ, и такимъ образомъ перейти отъ діавола ко Христу. Относительно же очистительныхъ наказаній должно думать, что если они и будутъ, то во всякомъ случаѣ будутъ ранѣе того послѣдняго и страшнаго суда. Не слѣдуетъ, впрочемъ, отрицать, что и самый тотъ вѣчный оговъ, смотря по заслугамъ, для однихъ изъ грѣшниковъ будетъ легче, а для другихъ тяжелѣе, вслѣдствіе ли того, что его сила и жаръ будутъ различны смотря по заслуженному каждымъ наказанію, или же вещь онъ будетъ одинаково, но не съ одинаковою мучительностію будемъ ощущаться.

ГЛАВА XVII.

О тѣхъ, по мнѣнію которыхъ никакія мученія людей не будутъ продолжаться вѣчно.

Теперь считаю необходимымъ обратиться съ своею рѣчью и съ мирнымъ разсмотрѣніемъ уже къ нашимъ милостивцамъ, по мнѣнію которыхъ или всѣ люди, коихъ правосуднѣйшій Судія найдетъ заслуживающими геенскаго наказанія, или же нѣкоторые изъ нихъ, мучиться будутъ не вѣчно, а послѣ известнаго пространства времени, болѣе или

менѣе продолжительнаго, смотря по свойствамъ грѣховъ
каждаго, будутъ освобождены отъ этихъ мученій. Въ этомъ
случаѣ милостивѣе другихъ былъ Оригенъ, который полагалъ,
что даже и самъ діаволь и его ангелы, послѣ болѣе
продолжительныхъ и тяжкихъ наказаній сообразно заслу-
женному, будутъ освобождены отъ этихъ мукъ и присоеди-
нены къ святымъ ангеламъ. Но частію за это, частію за
кое-что другое, въ особенности же за мнѣніе о безпрестанно
чередующихся блаженствахъ и злополучіяхъ и безконечно
повторяющихся чрезъ опредѣленные промежутки вѣковъ пере-
ходахъ и возвратахъ отъ блаженства къ злополучіямъ и
наоборотъ, Оригенъ былъ отвергнутъ церковію не незаслу-
женно: такъ какъ на самомъ дѣлѣ не оказался и миро-
серднымъ; потому что усвоилъ святымъ состоянія истинно-
злополучныя, когда они претерпѣваютъ муки, и ложно-бла-
женныя, когда они не имѣютъ истиннаго и безмятежнаго,
т. е. чуждаго всякаго страха, наслажденія вѣчнымъ благомъ.
Совершенно иначе подъ вліяніемъ человѣческаго состраданія
погрѣшаетъ милосердіе тѣхъ, которые считаютъ злополучія
людей, осужденныхъ на послѣднемъ судѣ, временными, и
даже для всѣхъ нихъ, рано или поздно имѣющихъ получить
помилованіе, допускаютъ вѣчное блаженство.—Если это вто-
рое мнѣніе потому хорошо и вѣрно, что милосердно, то
его нужно бы считать тѣмъ лучше и вѣрнѣе, чѣмъ оно
будетъ милосерднѣе. Пусть же источникъ этого милосердія
распространится и прольется и на ангеловъ осужденныхъ,
которые, хотя и послѣ длиннаго ряда вѣковъ, но должны
же быть помилованы. Почему бы онъ, распространяясь на всю
человѣческую природу, долженъ тотчасъ изсякнуть, когда
доходить до ангельской? Но они не осмѣливаются прости-
рать своего милосердія далѣе сказаннаго и не доводятъ
его до помилованія самого діавола. Правда, нѣкто былъ
болѣе смѣлымъ и превзошелъ ихъ; за то, какъ оказалось,

онъ впасть тѣмъ въ болѣе грубое и превратное заблужденіе противъ прямого слова Божія, чѣмъ болѣе считалъ себя милостивымъ.

ГЛАВА XVIII.

О тѣхъ, по мнѣнію которыхъ никто изъ людей не будетъ осужденъ на страшномъ судѣ ради хадатайства святыхъ.

Есть и такіе (я самъ въ своихъ бесѣдахъ имѣлъ дѣло съ подобными людьми), которые, повидимому питая уваженіе къ священнымъ писаніямъ, по своему поведенію не заслуживаютъ одобренія, и, защищая себя, приписываютъ Богу гораздо большее милосердіе къ человѣческому роду, чѣмъ вышеупомянутые. Они говорятъ, что, хотя о людяхъ порочныхъ и невѣрующихъ въ писаніи и сказано, что они достойны мученія, но, когда дѣло дойдетъ до суда, побѣдитъ милосердіе. Милосердный Богъ, говорятъ они, помируетъ ихъ по молитвамъ и ходатайству святыхъ своихъ. Ибо, если святые молились за нихъ тогда, когда видѣли въ нихъ враговъ, то не тѣмъ ли болѣе будутъ молиться за нихъ, когда увидятъ ихъ униженными и покорными? Вѣдь нельзя же допустить, чтобы святые были чужды чувству милосердія тогда, когда будутъ преисполнены совершеннѣйшей святости, чтобы они, молившіеся за своихъ враговъ, когда и сами не чужды были грѣха, не стали молиться за своихъ просителей, когда не будутъ уже имѣть никакого грѣха. Развѣ Богъ не послушаетъ тогда моленій столькихъ и такихъ сыновъ своихъ, когда въ этой святости ихъ не будетъ встрѣчать ничего затрудняющаго ихъ моленіе? И какъ тѣ, которые допускаютъ, что невѣрующие и недостойные люди претерпѣваютъ муки въ продолженіе долгаго времени и послѣ того освобождаются отъ всѣхъ золъ, такъ

особенно часто эти въ свою защиту ссылаются на свидѣтельство псалма, въ которомъ говорится: *Еда забудетъ ущедрити Богъ, или удержитъ во гнѣвъ Своемъ щедроты Своя (LXXVI, 10)?* Гнѣвъ Его, говорятъ они, выражается тѣмъ, что всѣ недостойные вѣчнаго блаженства будутъ Самимъ Судіею осуждены на вѣчное наказаніе. Но если Богъ допуститъ это наказаніе на долгое или на какое бы ни было время, Онъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ для этого въ своемъ гнѣвѣ удержать свои щедроты; чего, какъ говорить псаломъ, Онъ не сдѣлаетъ. Псаломъ не говоритъ вѣдь, что Богъ *долго* удержитъ въ гнѣвѣ своемъ щедроты свои, а говорить прямо, что не удержитъ.

Угрозу суда Божія, хотя и никто не будетъ осужденъ, они считаютъ угрозою не ложною точно такъ, какъ мы не можемъ назвать ложною изреченную Богомъ угрозу, что онъ истребитъ городъ Ниневію (Іон. III, 4); хотя то, что предрекъ Онъ безъ всякаго условія, не исполнилось. Онъ не сказалъ: Ниневія истребится, если (жители ея) не покаются и не исправятся“, но предвозвѣстилъ истребленіе этого города, не сдѣлавши такого добавленія. Эту угрозу они считаютъ истинною потому, что Богъ предрекъ то, чего (ниневитяне) заслуживали дѣйствительно, хотя и не допустилъ исполниться своей угрозою. Ибо, говорятъ, хотя Онъ пощадилъ уже покаявшихся, но онъ несомнѣнно зналъ, что они, покаются, и тѣмъ не менѣе безусловно и рѣшительно предрекъ, что истребленіе это было предсказано на основаніи строгости, потому что они того заслуживали; но оно не послѣдовало въ силу милосердія, котораго Богъ не удержалъ въ своемъ гнѣвѣ, пощадивъ повинившихся отъ наказанія, каковымъ угрожалъ строптивымъ. Если же, говорятъ, Богъ оказалъ пощаду тогда, когда этою пощадою опечалилъ своего святаго пророка, то не тѣмъ ли болѣе щедрую пощаду окажетъ Онъ тогда, когда о пощадѣ будутъ Его молить всѣ святые? Но объ этомъ, предположеніе о чемъ стро-

ять они въ своемъ умѣ, священное писаніе, по ихъ мнѣнію, умолчало потому, чтобы многіе страхомъ временныхъ или даже вѣчныхъ наказаній исправились, и чтобы такимъ образомъ было кому молиться за тѣхъ, которые бы не исправились. Впрочемъ они ни думаютъ, чтобы божественныя писанія молчали объ этомъ совершенно. Ибо какъ, говорятъ они, понимать слова: *Коль многое множество благодати твоя Господи, юже скрылъ еси боящимся тебѣ* (Псал. XXX, 20), если не такъ, что эта многая и тайная благодать божественнаго милосердія сокрыта была ради страха? Поэтому, прибавляютъ, и Апостолъ сказалъ: *Затвори Богъ вѣсъ въ противленіе, да вѣсъ помилуетъ* (Римл. XI, 32), давая понять, что отъ Него никто не будетъ осужденъ.— Впрочемъ и придерживающіеся этого мнѣнія не простираютъ его до помилованія или освобожденія отъ всякаго наказанія діавола и его ангеловъ. Свое человѣческое милосердіе они простираютъ только на однихъ людей, а главнымъ образомъ имѣютъ въ виду себя самихъ, суля подъ видомъ всеобщаго милосердія въ человѣческому роду обманчивую безнаказанность своимъ погибельнымъ нравамъ; поэтому въ проповѣди о милосердіи Божіемъ они превзойдутъ тѣхъ, которые эту безнаказанность сулятъ даже князю демоновъ и его свитѣ.

ГЛАВА XIX.

О тѣхъ, которые полную безнаказанность за грѣхи сулятъ даже еретикамъ, ради приобщенія Тѣла Христова.

Есть и другого рода общающіе освобожденіе отъ вѣчнаго наказанія, но не всѣмъ людямъ, а только омытымъ врещеніемъ Христа, которые дѣлаются причастниками Тѣла Его, какъ бы они ни жили, въ какой бы ереси или нечестіи ни находились, ради того, что говоритъ Іисусъ: *Сей есть хлѣбъ сходяій съ небесе, да аще кто отъ него ястъ*

не умреть. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже съедый съ небесе: аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки (Іоан. VI, 50—52). Такимъ образомъ, говорятъ, они необходимо избавляются отъ вѣчной смерти и непременно приводятся къ вѣчной жизни.

ГЛАВА XX.

О тѣхъ, которые обѣщаютъ помилованіе не вѣзмъ, а только возрожденнымъ въ католической церкви, хотя бы послѣ того они впали во многія преступленія и заблужденія.

Есть и такіе, которое обѣщаютъ это не вѣзмъ, имѣющимъ крещеніе Христа и таинство Его тѣла, а однимъ лишь католикамъ, хотя бы они жили и дурно; потому-де, что не въ таинствѣ только, а самымъ дѣломъ она вкусила Тѣло Христово, будучи названы на томъ Тѣлѣ Его, о которомъ говорить Апостолъ: *Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмь мнози* (I Кор. X, 17); такъ что хотя бы впоследствии они впали въ какую-либо ересь или даже въ языческое идолопоклонство, поколику получили крещеніе Христа и вкушали Его Тѣло въ тѣлѣ Христовомъ, т. е. въ католической церкви, они не умрутъ навѣчно и непременно наследуютъ вѣчную жизнь; и какъ бы велико ни было ихъ нечестіе, оно будетъ имѣть значеніе не по отношенію къ вѣчности мученій, а по отношенію къ ихъ продолжительности и великости.

ГЛАВА XXI.

О тѣхъ, которые утверждаютъ, что остающіеся въ католической вѣрѣ, хотя бы они жили весьма порочно и за это заслуживали бы мученій, будутъ спасены ради основанія вѣры.

А есть такіе, которые въ виду написаннаго: *Претерпѣвый же до конца, той спасется* (Мф. XXIV, 13) обѣщаютъ это спасеніе только остающимся въ католической

церкви, хотя и живущимъ въ ней порочно, именно—спасеніе чрезъ огонь, по заслугѣ спасительнаго основанія, о коемъ говоритъ Апостолъ: *основанія бо много никтоже можетъ положить, паче лежащаго, еже есть Христосъ Іисусъ. Аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: кождо дѣло явлено будетъ, день бо явитъ, зане огнемъ открывається, и кождо дѣло якоже есть, огонь искуситъ. И его же аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду прииметъ. А его же дѣло сгоритъ, отщепится: самъ же спасетъся, такожде якоже огнемъ* (1 Кор. III, 11—16). Такимъ образомъ, говорятъ, христіанинъ-каеоликъ имѣетъ въ основаніи Христа, каковаго основанія не имѣетъ ни одна ересь, отдѣлившаяся отъ единства Его тѣла. Ради этого-то основанія, хотя бы христіанинъ каеоликъ жилъ и порочно, какъ бы надстраивая дрова, сѣно, тростіе, онъ, полагають, будетъ спасенъ посредствомъ огня, т. е. помилованъ будетъ послѣ мученій въ томъ огнѣ, на какой осуждены будутъ на послѣднемъ судѣ порочные.

ГЛАВА XXII.

О тѣхъ, по мнѣнію которыхъ преступленія, совершаемыя при дѣлахъ милосердія, не подвергнутся осужденію на судъ.

Встрѣчалъ я и такихъ, по мнѣнію которыхъ мучиться въ вѣчномъ огнѣ будутъ только лишъ тѣ люди, которые не заботятся въ искупленіе грѣховъ своихъ творить дѣла милосердія, по слову апостола Іакова: *Судъ бо безъ милости не сотворшему милости* (II, 13). Слѣдовательно, говорятъ они, кто творитъ милость, тому хотя бы въ своемъ поведеніи лучшимъ и не дѣлался лучше, а при дѣлахъ милосердія жилъ непотребно и нечестиво, судъ будетъ милостивымъ,

такъ что онъ или совсѣмъ не подвергнется осужденію, или же будетъ освобожденъ отъ этого осужденія послѣ долгаго или короткаго времени. Поэтому-то, полагають, Самъ Судія живыхъ и мертвыхъ упомянулъ, что какъ стоящимъ направо, которымъ Онъ даруетъ вѣчную жизнь, такъ и стоящимъ налѣво, которыхъ осудить на вѣчное наказаніе, Онъ будетъ говорить только о дѣлахъ милосердія, совершенныхъ или несовершенныхъ (Мѣ. XXV, 34). Къ этому же, говорятъ они, относится и ежедневное прошеніе молитвы Господней: *И остави, намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мѣ. VI, 12). Ибо тотъ творить конечно милость, кто прощаетъ грѣхъ согрѣшившему предъ нимъ. Самъ Господь объяснилъ это, говоря: *Аще бо отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще ли не отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѣ. VI, 14. 15). Такимъ образомъ слова ап. Іакова, что судъ будетъ безъ милости для того, кто не творитъ милости, относятся и къ этому роду милости. Между тѣмъ, говорятъ, Господь сказалъ: „Если и вы простите людямъ, проститъ и вамъ Отецъ вашъ грѣхи ваши“, не указывая, большіе ли это грѣхи, или малые. Отсюда, полагають, даже и тѣмъ, которые до самаго послѣдняго дня своей жизни живутъ погибельно, ежедневно въ силу этой молитвы прощаются всѣ грѣха ихъ, каковы бы они ни были, какъ и самая эта молитва произносится ежедневно, лишь бы только они взяли за правило прощать отъ сердца всякій разъ, когда просить у нихъ милости тѣ, которые повредили имъ какимъ-нибудь грѣхомъ.—Когда я, при помощи Божіей, отвѣчу на всѣ (эти возраженія), тогда и конецъ настоящей книгѣ.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ

ПО

ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ.

(Продолженіе ¹).

О дѣлѣ совершеннаго Іисусомъ Христомъ искупленія рода человѣческаго.

§ 94.

Общее замѣчаніе.

Переходимъ къ ученію о томъ, что болѣе и ближе всего насъ касается и требуетъ къ себѣ особеннѣйшаго съ нашей стороны вниманія, а именно къ ученію о дѣлѣ совершеннаго Іисусомъ Христомъ нашего спасенія. Объ этомъ великомъ дѣлѣ вотъ какъ Самъ Онъ училъ: *Моя брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (Іоан. 4, 34); *яко сподохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца... Се же есть воля Пославшаго Мя, да всякъ, видяй Сына, и вѣруяй въ Него имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 40). Предъ окончаніемъ же Своего земнаго поприща, въ Своей молитвѣ къ Богу Отцу Онъ между прочимъ говорилъ: *дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю* (Іоан. 17, 4). Все, слѣдовательно, что ни дѣлалъ по снисхожденію Своемъ съ неба на землю или Своемъ воплощеніи, Сынъ Божій, дѣлалъ, во исполненіе воли Своего Отца, для вѣчной жизни

¹) См. Труды Кіев. дух. Акад., февраль, 1886 г.

Труды Кіевской дух. Академіи. Т. II. 1886 г.

или спасенія людей, и дѣлалъ, не какъ обыкновенный посланникъ Божій, а какъ истинный Сынъ Божій, посланный Своимъ Отцомъ въ міръ, въ чемъ собственно и заключалась вся неизмѣримо великая сила и спасительность совершеннаго Имъ здѣсь дѣла; такъ какъ по мысли и волѣ Бога Отца люди имѣли получить жизнь вѣчную или спастись не иначе, какъ только чрезъ вѣру въ Его Сына, а для того, чтобы они увѣровали въ Него, Онъ воплотился и далъ имъ возможность видѣть Себя Самого. Правда, это необычайное явленіе на землѣ во плоти Сына Божія, особенно же явленіе Его на общественномъ служеніи роду человѣческому, было весьма непродолжительно и въ отношеніи къ числу могшихъ Его видѣть ограничено, но сама по себѣ фактическая его дѣйствительность съ необъятными дѣйствіями и послѣдствіями должна была навсегда—до скончанія вѣковъ сохранить свою неистощимую животворность и спасительность для жизни всего человѣчества.

Что же именно сдѣлано было Спасителемъ нашимъ для нашего спасенія, съ пришествіемъ Его на землю? Начало великому дѣлу искупленія нашего Имъ положено было въ самомъ Его воплощеніи, въ которомъ Онъ, по выраженію ап. Павла, *пріискренивъ пріобщился нашей плоти и крови* (Евр. 2, 14), не переставъ быть Единороднымъ Сыномъ Божиимъ (Гал. 4, 4), и чрезъ это самое уже сталъ въ положеніе ходатая Бога и человѣковъ (Тим. 2, 5). Къ нему затѣмъ направлена была вся земная и по преимуществу общественная Его жизнь и дѣятельность со включеніемъ самой Его смерти. Но и со смертію оно не прекратилось, а напротивъ смерть послужила только къ болѣе широкому и спасительному его примѣненію, такъ какъ за ней послѣдовали воскресеніе, вознесеніе и сѣденіе Христова одесную Бога Отца, а вмѣстѣ съ симъ и вѣчное Его о людяхъ ходатайство съ благодатнымъ вспоможеніемъ ихъ спасенію. Такимъ образомъ совершенное и совершаемое нашимъ Спасителемъ дѣло искупленія людей настолько является великимъ и не-

объятнымъ, что напрасно было бы пытаться обозрѣть его со всею полнотою и обстоятельностью. А потому всего умѣстнѣе въ семь случаевъ, какъ поступаютъ съ давняго времени теологи, ограничиться однимъ изображеніемъ и возможнымъ уясненіемъ въ немъ трехъ, болѣе или менѣе обнимающихъ его, главныхъ и существенныхъ сторонъ, прообразовательно предъуказанныхъ еще ветхозавѣтнымъ тройственнымъ служеніемъ удостоивавшихся помазанія Божіимъ пророковъ, первосвященниковъ и царей (3 Цар. 19, 16; Исх. 30, 30; 1 Цар. 10, 1).

Само собою при этомъ разумѣется, что обозрѣвая тройственное служеніе Иисуса Христа, т. е. пророческое, первосвященническое и царское, мы должны по преимуществу имѣть въ виду то, что всѣ эти роды служеній проходилъ Онъ, не какъ помазанникъ Божій изъ обыкновенныхъ людей, а какъ истинный Сынъ Божій, ставшій человекомъ, или какъ Богочеловѣкъ, отъ чего Его служеніе и получило свою необычайную силу и дѣйствіе.

§ 95.

Откровенное ученіе о пророческомъ служеніи Христовомъ.

Такъ во первыхъ Самъ Иисусъ Христосъ вполнѣ принимая къ Себѣ пророчество Исаи о Мессіи, какъ имѣющимъ быть помазаннымъ и посланнымъ Духомъ Господнимъ для благовѣстія страждущимъ людямъ (Лук. 4, 18 и 21), и на самомъ дѣлѣ, согласно съ сими пророчествомъ, по нисшествіи на Него Духа Святаго при крещеніи (Марк. 1, 10), непрерывно во всю остальную жизнь Свою „проходилъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя царствіе Божіе“ (Лук. 8, 1), а предъ Своею смертію такъ Пилату объяснилъ причину этого рода Своего служенія въ мірѣ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину; и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 37). Изъ этого видно, что Иисусъ Хри-

стось однимъ изъ существеннѣйшихъ дѣлъ Своего посольства въ міръ почиталъ учительство или наученіе людей божественной истинѣ, въ каковомъ отношеніи Онъ являлся схожимъ какъ со всѣми давнѣе посылаемыми пророками, чрезъ которыхъ Самъ Богъ говорилъ людямъ (Евр. 1, 1), такъ въ особенности съ провозвѣстникомъ ветхаго закона Моисеемъ, который и предсказалъ о Немъ, какъ о имѣющемъ быть подобномъ ему пророкѣ (Втор. 18, 15; Дѣян. 7, 37). Но съ другой стороны какая безконечная была разница между Немъ, въ которомъ глаголалъ Богъ людямъ, какъ въ Своемъ Сынѣ (Евр. 1, 1), и пророками, въ которыхъ Онъ глаголалъ какъ только просвѣщаемыхъ Своимъ Духомъ (2 Петр. 1, 21)! Тогда какъ пророки, бывъ вдохновляемы Святѣмъ Духомъ, что ни говорили отъ имени Божія, говорили не свое, а только внушаемое имъ Богомъ, Онъ, хотя въ виду Своего особеннаго положенія по домостроительству и учяль, что *ученіе Ею тѣсть Ею, но пославшаю Ею* (Іоан. 7, 16), но въ то же время къ этому присовокупяль, что, какъ Сыну, Ему принадлежитъ все, что имѣетъ Его Отецъ, и въ частности самобытное обладаніе истинною (Іоан. 16, 15), почему Онъ былъ самою истинною (Іоан. 14, 6) и *свѣтомъ истиннымъ, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка, грядущаю въ міръ* (Іоан. 1, 9). Потому-то, тогда какъ пророки, сообщая людямъ откровенное ученіе, обыкновенно такъ говорили: *такъ глаголетъ Господь* или *глаголетъ Господь*, Онъ, какъ Самъ первоисточникъ истины и законоположникъ, такъ учяль: *Азъ же глаголю вамъ* (Матѣ. 5, 22. 28. 32. 34 и 39), или: *аминь глаголю вамъ* (Матѣ. 5, 18; 6, 2; 8, 10; 10, 15 и 23; 11, 11; 16, 28; 17, 20; 18, 3), *аминь, аминь глаголю вамъ* (Іоан. 1, 51; 5, 19. 24 и 25; 6, 47 и 53). Однимъ словомъ, хотя Христось былъ учителемъ, подобнымъ пророкамъ, но вмѣстѣ съ симъ Онъ былъ единственнымъ, ни съ кѣмъ несравнимымъ учителемъ, такимъ учителемъ, по сравненію съ которыми самые апостолы не могли назваться учителями, а только учениками (Матѣ. 23, 8), иначе говоря, Онъ былъ не только учителемъ, но Богоучителемъ.

Понятно послѣ сего, какъ должно было быть важно и по своимъ послѣдствіямъ необъятно учительское служеніе Иисуса Христа, конечно, при вѣрѣ въ Него, какъ пришедшаго въ міръ для просвѣщенія людей Сына Божія, что до неотразимой очевидности подтверждено было Его словами и дѣлами! Могли ли, какъ Самъ Онъ училъ, всѣ еще не потерявшіе любви къ истинѣ люди не послушать голоса Его (Іоан. 18, 37)? А послушавшіеся Его голоса, могли ли они не повѣрить всему тому, чему училъ Онъ? Принятые же ими съ живою и сердечною вѣрою Его *маголы*, которые, по Его словамъ, были *духъ и жизнь* (Іоан. 6, 63), само собою разумѣется, должны были стать свѣтоносными и живовосными началами для ихъ новой духовно-благодатной во Христѣ жизни.

Но что же именно новаго и особенно важнаго для жизни людей дано было въ ученіи Христовомъ, сравнительно съ тѣмъ, что было сообщено чрезъ пророковъ? Не вдаваясь въ подробности, отвѣтимъ на это нижеслѣдующимъ главнымъ и существеннымъ.

Во первыхъ, Иисусъ Христосъ, уча о Себѣ Самомъ, какъ отличномъ отъ Своего Отца, посланномъ Имъ въ міръ Сынъ, и объ Отцѣ, какъ отличномъ отъ Него лицѣ, пославшемъ Его, а также, какъ объ отличномъ отъ Нихъ обоихъ, Имъ самимъ имѣющемъ быть посланнымъ и исходящемъ отъ Отца, Св. Духъ¹⁾, ясно открылъ, о чемъ только гадательно говорилось въ ветхомъ завѣтѣ, о существованіи въ Божествѣ трехъ дѣйствительныхъ божескихъ лицъ, Отца, Сына и Св. Духа, что не могло не имѣть весьма важнаго значенія въ дѣлѣ Боговѣдѣнія; такъ какъ мѣсто прежняго болѣе общаго и вышняго представленія о Богѣ должно было замѣнить собою болѣе опредѣленное и внутреннее, а вмѣстѣ съ симъ и болѣе животворное о Немъ представленіе, а именно, представленіе не какъ объ одной

¹⁾ См. настоящ. Догматики т. II. § 89.

только полнотѣ могущественнѣйшихъ силъ и поражающаго величія, но и какъ о полнотѣ неизреченной трогательной любви, которой слабымъ на землѣ подобіемъ служить любовь и взаимныя, проникнутыя ею, отношенія между родителами и дѣтьми.

Далѣе Іисусъ Христосъ открылъ не только то, что Богъ въ Самомъ Себѣ есть любящій Отецъ въ отношеніи къ Своему Сыну и Св. Духу, но и то, что въ нравственномъ благодатномъ смыслѣ Онъ есть такой же любящій Отецъ и въ отношеніи къ людямъ, не только подающій имъ всѣ блага (Матѣ. 7, 11), но и настолько возлюбившій ихъ, не смотря на всю ихъ грѣховность, *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣрующій въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Представленіе же такое о Богѣ, понятно, не могло не вызвать въ людяхъ, вмѣсто прежнихъ рабскихъ, новыхъ сыновнихъ чувствъ къ Богу, и чрезъ это положить начало новымъ высшимъ религиознымъ ихъ къ Нему отношеніямъ, что ап. Павелъ, въ своемъ обращеніи къ увѣровавшимъ во Христа, опредѣляетъ такъ: *не пріяте духа работы каки въ боязнь, но пріяте духа симположенія, о немже вопіемъ: Авва Отче* (Римл. 8, 15). Тѣмъ же уже *мыси рабъ, но сынъ; аще ли же сынъ, и наследникъ Божій Іисусъ Христомъ* (Гал. 4, 7).

Совмѣстно же съ симъ, Христосъ преподавалъ новое ученіе и о людяхъ, какъ братьяхъ, имѣющихъ однимъ общимъ своимъ по творчеству и промыслительному отношенію отцомъ Бога (Мат. 5, 45), Которому, повтому, всѣ должны молиться такъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (Матѣ. 6, 9). А потому Онъ далъ людямъ *новую заповѣдь* о любви (Іоан. 13, 34), а именно такой любви, которая, подобно любви Отца небеснаго, не должна ограничиваться одними любящими насъ или намъ дружественными, а обнимать собою и ненавидящихъ насъ или враговъ (Мат. 5, 44—47), и которая притомъ должна простираться до полнѣйшаго самоотверженія ради спасенія ближняго, образецъ чему данъ былъ

Самимъ же Иисусомъ Христомъ (Іоан. 13, 34; 15, 13). Понятно, что столь возвышенное ученіе Христова не могло не произвести самыхъ благотворныхъ дѣйствій, какъ на всю вообще нравственную жизнь людей, такъ въ особенности на жизнь ихъ въ отношеніяхъ ихъ къ ближнимъ.

Наконецъ, что тоже весьма важно, Иисусомъ Христомъ, вмѣстѣ съ указаніемъ людямъ ихъ возвышеннѣйшаго нравственнаго идеала, заключающагося въ Богъ (Матѣ. 5, 18), и Его Сынъ (Іоан. 14, 6), сообщено было, сравнительно съ ветхозавѣтнымъ, гораздо болѣе ясное и опредѣленное ученіе, какъ относительно существованія будущей жизни, такъ и уготованныхъ для праведниковъ вѣчныхъ наградъ, равно какъ для грѣшныхъ вѣчныхъ наказаній (Матѣ. 25, 46), что должноствовало служить для людей однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій къ возможному осуществленію вышеозначеннаго идеала.

Все это, какъ заключающее въ себѣ чистую и неизмѣнную истину, само собою понятно, должно было явиться плодотворнымъ и спасительнымъ, не для однихъ только іудеевъ, которыхъ по преимуществу поучалъ Христосъ, а и для всѣхъ народовъ, и не въ одно только то время, въ которое жилъ Онъ, а на всѣ дальнѣйшія времена, почему Онъ и далъ заповѣдь апостоламъ о томъ, чтобы они заповѣдавшему Имъ научили всѣ народы (Матѣ. 28, 20), а о Своемъ ученіи выразился такъ: *небо и земля мимоидеть, слова же Моя не мимоидутъ* (Матѣ. 24, 35).

§ 96.

О первосвященническомъ служеніи Христовомъ.

Но для спасенія людей недостаточно было одного того, чтобы сообщить имъ возвышеннѣйшее познаніе о Богѣ, какъ ихъ Отцѣ по благодати, и о нихъ самихъ, какъ Его дѣтяхъ и наследникахъ Христовыхъ. Могли ль они сознать себя чадами Божиими, когда чувствовали себя рабами грѣха?

Могли ли они съ сыновнимъ дерзновеніемъ обращаться къ Богу и питать сыновнія къ Нему чувства, когда на ихъ совѣсти лежало тяжкое бремя ихъ грѣховности и виновности, позагавшее собою непреодолимую преграду между ихъ грѣховною и виновною природою и святымъ и праведнымъ Богомъ? Тогда только они могли бы войти въ сыновнія чувства и отношенія къ Богу, когда бы уничтожилась между ними и Богомъ прежняя грѣховная преграда, когда бы снята была съ нихъ виновность предъ Богомъ и совѣсти ихъ даровано было истинное и полное примиреніе съ Нимъ. А это Исусомъ Христомъ и было доставлено людямъ чрезъ Его первосвященническое или умилоостивительное служеніе, которое опять было особенно важно, и такія принесло важныя послѣдствія именно потому, что его совершилъ, принесшій Себя въ жертву за грѣхи людей, Христосъ, не какъ человѣкъ только, хотя невинный и безгрѣшный, но вмѣстѣ и какъ Сынъ Божій.

Хотя Онъ, какъ говорятъ ап. Петръ, только въ послѣдніи времена явился агнцемъ, кровію котораго стали искупаться отъ грѣховъ вѣрующіе, но еще до словенія міра предопредѣленъ былъ быть таковымъ (Петр. 1, 19 и 20), а потому, по словамъ ап. Павла, входя въ міръ, Онъ къ Отцу Своему такъ говорилъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси; тѣло же совершилъ Ты еси; всеосожженій и о грѣхъ не благоволил еси; тогда рече: се иду, въ лавизнѣ книжнѣи написана о Мнѣ, еже сотворити волю Твою, Боже* (Евр. 10, 5—7. Пс. 39, 7 и 8).

По пришествіи же Своемъ въ міръ или воплощеніи, для спасенія людей отъ грѣховъ ихъ (Мат. 1, 21), хотя Онъ, какъ извѣстно, неоднократно училъ, что Ему надлежитъ пострадать и умереть собственно какъ сыну человѣческому (Мат. 17, 22; 20, 18; Марк. 10, 33. Лук. 9, 44; 18, 31—33; 24, 7. Іоан. 3, 13. 14; 12, 34), но въ то же время этого рода самопожертвованіе для спасенія людей, не только не считалъ чуждымъ себѣ, какъ Сыну Божію, и напротивъ

прямо признавалъ одною изъ существенныхъ цѣлей Своего пришествія въ міръ. Такой именно, а не иной смыслъ имѣють слѣдующія Его совершенно ясныя рѣчи: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе; аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки, и хлѣбъ, ею же Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. 6, 51), *сею ради Мъ Отець любитъ, яко Азъ душу Мою полагаю, да паки прииму ю, никтоже возьметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ... сію заповѣдь пріяхъ отъ Отца Моего* (Іоан. 10, 17 и 18); *нынѣ душа Моя возмутися, и что реку: Отче, спаси Мъ отъ часа сего, но сею ради приидохъ на часъ сей* (Іоан. 12, 27).

И апостолы, когда учили о Христѣ, что Онъ за насъ или вмѣсто насъ конечно по человѣчеству пострадалъ и умеръ, какъ праведникъ за неправедныхъ (1 Петр. 3, 18. Рим. 5, 6. 2 Кор. 5, 15), всегда съ симъ соединяли и ту мысль, что въ этомъ не безучастно было и Его божество, какъ Сына Божія, которое, бывъ по воплощеніи ипостасно соединено съ человѣчествомъ, не разлучалось съ нимъ ни во время его страданій, ни во время его смерти. Подтверженіемъ сему могутъ служить нижеслѣдующія мѣста изъ посланій апостольскихъ: *о семъ есть любовь, не яко мы возлюбимъ Бога, но яко Той возлюби насъ, и посла Сына Своего очищеніе* (умилостивительную жертву) *о грѣсѣхъ нашихъ* (1 Иоан. 4, 10); *иже убо Сына Своего не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Ею, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32); *аще и Сынъ бже, обаче навѣче отъ снѣхъ, яже постради, послушанію* (Евр. 5, 8). Такой смыслъ имѣють и выраженія: *Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8), *Господь Богъ стяжа церковь кровію Своею* (Дѣян. 20, 28), *кровь Иисуса Христа Сына Ею* (Бога) *очищаетъ насъ отъ всякію грѣхи* (1 Иоан. 1, 7).

Но съ особенною ясностію эта самая мысль выражена ап. Павломъ въ посланіи къ филиппійцамъ, гдѣ о Христѣ Иисусѣ говорится, что Онъ, не смотря на то, что былъ

образомъ Божиимъ и не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, уничививъ Себя, принявъ образъ раба, и смирилъ Себя, бывъ послушнымъ до смерти, и смерти крестной (Филип. 2, 6—8) и гдѣ, слѣдовательно, какъ самоуничженіе, такъ и самая крестная смерть Христова въ послѣднемъ своемъ основаніи относятся прямо къ лицу Его, какъ Сына Божія.

Потому-то собственно и самая принесенная Богу Христомъ въ Его страданіяхъ и смерти за людей, жертва получила такое необъятное значеніе, ставъ *явленіемъ правды Божіей* (Рим. 3, 26), и въ то же время безъ противорѣчій ей принесши грѣшнымъ людямъ такого рода неизмѣримо великія послѣдствія, каковыми явились: искупленіе ихъ (1 Кор. 6, 20. Гал. 3, 13. 1 Тим. 2, 6) и оставленіе имъ грѣховъ (Мат. 26, 28. Рим. 3, 25. Еф. 1, 7. Колос. 1, 14), а также ихъ оправданіе (2 Кор. 5, 21) и примиреніе съ Богомъ (Рим. 5, 10. 2 Кор. 5, 19. Еф. 2, 14).

Потому-то и эти самыя спасительныя послѣдствія жертвы Христовой имѣли и имѣютъ необъятную силу и значеніе, простираясь на всѣхъ людей и всякаго рода ихъ грѣхи, а также на всѣ времена: такъ какъ, по свидѣтельству ап. Іоанна, *Христосъ очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и о всего міра* (1 Іоан. 2, 2) и *кровь Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 7), а по словамъ ап. Павла, *Онъ, ни кровію козлію, ниже телъчею, но Своєю кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтѣй* (Евр. 9, 12).

§ 97.

О царскомъ служеніи.

Но для полноты или возглавленія искупительнаго дѣла Христова требовалось, чтобы не только были прощены Богомъ грѣшныя люди и признаны въ правахъ на именованіе чада Божіихъ, а чтобы на самомъ дѣлѣ стали истин-

ными, живыми и благодатными дѣтьми Божиими. Для этого же вслѣдствіе глубокаго поврежденія ихъ природы, необходимо было, по выраженію пророка, дать имъ *сердце ново и духъ новъ* (Иезек. 36, 26), а также нужныя силы и средства къ возрастанію и преспѣванію въ нихъ новой благодатной жизни. Все это и было имъ дано и не перестаетъ подаваться Христомъ чрезъ Его служеніе царское. Такъ какъ по опредѣленію Божию (Лук. 1, 32 и 33), Онъ, по Своемъ воплощеніи и совершеніи искупительнаго дѣла, имѣлъ, какъ Богочеловѣкъ, стать, и на самомъ дѣлѣ сталъ, съ покореніемъ Ему всего подъ ноги Его, превыше всякаго начальства и власти, а вмѣстѣ съ симъ и стоящею превыше главою тѣла искупленной Имъ церкви, съ тѣмъ чтобы непрерывно возрождать и оживотворять его Своею животворною жизнію (Еф. 1, 21—23; 2, 5; 4, 15 и 16), дабы такимъ образомъ всѣ Христомъ ожили, подобно тому, какъ всѣ умерли и умираютъ Адамомъ (1 Кор. 15, 22).

На это Его возвышенное служеніе еще до Его воплощенія ясно было указано архангеломъ Гавріиломъ, который, благовѣствуя Пресвятой Дѣвѣ о Его зачатіи и рожденіи, между прочимъ сказалъ слѣдующее: *сей будетъ велий, и Сынъ Вышняго наречется, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида Отца Его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (Лук. 1, 32 и 33).

Самъ же Онъ, по вступленіи въ общественное служеніе, и проповѣдь Свою началъ съ того: *покайтесь, приблизитесь царствію небесное* (Мат. 3, 2), царствіе, конечно, то самое, въ которомъ, какъ Самъ училъ, сравнительно съ Іоанномъ Крестителемъ, Онъ былъ большимъ (Мат. 11, 11), а именно его владыкою или царемъ (Іоан. 18, 37).

Но это царство, не заключая въ себѣ ничего похожего на воинственный (Іоан. 18, 36) и вообще на наружный видъ земныхъ царствъ (Лук. 17, 20 и 21), не было царствомъ отъ міра сего (Іоан. 18, 36), а было существующимъ внутри людей (Лук. 17, 21) и небеснымъ или такого рода

царствомъ, которое, обнимая собою души вѣрующихъ, всеми своими стремленіями и цѣлями имѣло обращаться и направляться не къ землѣ и земному, а къ небу и небесному, къ чему земля и земное должны были служить только средствомъ и подготовительною ступенью (Мат. 6, 19—21; 6, 33).

Потому-то все, въ чемъ ни открывалась царственная или могущественная власть и сила Христова, клонилось именно къ тому, чтобы возрождать и воспитывать людей для новой высшей духовно-благодатной жизни (Іоан. 3, 5—8), дабы они содѣлывались способными и достойными сынами открывшагося для нихъ царствія небеснаго (Мат. 8, 38). Для этого были совершены Имъ, во время земной жизни, многія чудесныя знаменія и дѣйствія, долженствовавшія имѣти своимъ слѣдствіемъ умноженіе и утверженіе спасающей вѣры въ Него, какъ Сына Божія (Іоан. 2, 23; 7, 31; 10, 42). Для этого данъ былъ Имъ людямъ, вмѣсто менѣе совершеннаго ветхозавѣтнаго, новый болѣе совершенный и возвышенный законъ любви и духовно-нравственной жизни, осуществленіе котораго должно было приводить ихъ къ нравственному Богоподобию (Мат. 5, 48). Для этого была создана Имъ и съ освящающими и воспитывающими лицами и средствами церковь (Мат. 16, 18,) долженствовавшая навсегда служить къ совершенію святыхъ... *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужи совершенны, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 11—13). Наконецъ, для этой же цѣли, и послѣ Его смерти, совершенъ былъ Имъ рядъ слѣдующихъ, самыхъ важныхъ и необычайныхъ обнаруженій Его царственной власти, какими были: Его сошествіе для проповѣди во адъ и изведеніе оттуда праведныхъ душъ (1 Петр. 3, 18 и 19; 4 б. Еф. 4, 8—10), Его воскресеніе, вознесеніе на небо и сѣденіе одесную Бога и Отца (Марк. 16, 19). Такъ какъ этими царственными Своими дѣйствіями Онъ не только уничтожилъ существовавшія для людей за гробомъ преграды къ небу, проложивши Собою къ нему свободный путь (Евр. 2, 14; 6, 20),

но, вслѣдствіе полученія Имъ по самому челоѣчеству Своему *всякой власти на небеси и на земли* (Мат. 28, 18. Рим. 1, 4), получилъ полную возможность быть и на самомъ дѣлѣ сталъ всегдашнимъ ихъ помощникомъ и на земномъ трудномъ пути ихъ къ царствію небесному (Евр. 2, 18). Такъ по вознесеніи Своемъ на небо и восхъденіи одесную Бога Отца, Онъ, согласно обѣтованію Своему (Іоан. 16, 7), ниспослалъ на оставшихся на землѣ апостоловъ Св. Духа (Дѣян. 2, 4), съ тѣмъ чтобы Онъ, какъ съ ними, такъ и съ ихъ послѣдователями пребылъ во вѣкъ (Іоан. 14, 16), наставляя ихъ на *всяку истину* (Іоан. 16, 13) и раздавая имъ на пользу разные Свой дарованія (1 Кор. 12, 7 и 11). Но тѣмъ не менѣе и Самъ Онъ не прерывалъ, не прерываетъ и никогда не прерветъ Своихъ самыхъ внутреннихъ, а вмѣстѣ съ симъ и самыхъ животворныхъ отношеній къ Своей созданной Имъ на землѣ церкви, всегда оставался ея невидимую главою (Еф. 5, 23—27). Потому что *подобаетъ Ему царствовать, дондеже положитъ вся враги подъ ногама своими* (1 Кор. 15, 25).

Ученіе объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ.

Церковно - отеческое.

§ 98.

Общее замѣчаніе.

Согласно съ откровеннымъ ученіемъ и церковь всю спасительность и благотворность искупительныхъ дѣлъ Христовыхъ всегда поставляла во внутреннюю зависимость ихъ отъ самого достоинства лица Искупителя, не какъ челоѣка только, а какъ истиннаго Богочелоѣка, т. е., воплотившагося Сына Божія, отъ чего собственно они получили и получаютъ такое животворное и широкое значеніе. Таковая мысль церкви объ искупительныхъ дѣлахъ Христовыхъ уже ясно выразилась въ символахъ какъ древнѣйшихъ

частныхъ церквей, такъ и во вселенскомъ никеопареградскомъ символѣ, гдѣ всегда прежде исповѣдывался Иисусъ Христосъ сошедшимъ съ небесъ и воплотившимся насъ ради Сыномъ Божиимъ, и уже только вслѣдъ за симъ перечислялись главнѣйшія изъ Его искупительныхъ дѣйствій, которыя, понятно, должны были, повтому, быть относимы къ Нему, не какъ къ человѣку только, а какъ къ Богочеловѣку¹⁾. Еще яснѣе выразилась она въ древне-отеческомъ сотеорологическомъ ученіи, которое всегда проникалось живою и глубокою вѣрою въ Искупителя міра, какъ Богочеловѣка, около нея вращалось и въ ней сосредоточивалось. Этимъ между прочимъ объясняется и то особенное обстоятельство, что древніе отцы и учителя, а также церковные писатели, когда касались искупительнаго дѣла Христова, большею частію ограничивались однимъ только благоговѣйнымъ изображеніемъ той или другой фактической его стороны, но мало и рѣдко занимались уясненіемъ внутренней его стороны, а именно уясненіемъ, какъ того, почему нужно было совершить дѣло искупленія именно Сыну Божию, такъ и того, почему таковое искупленіе оказалось и оказывается спасительнымъ для всѣхъ людей. Это, какъ кажется, происходило главнымъ образомъ отъ того, что, по ихъ представленію, вся сущность и важность искупительнаго дѣла заключалась именно въ томъ, что принявъ на Себя совершить и совершилъ его Самъ Сынъ Божій, а потому признавалось вполне достаточнымъ только знать и увѣровать, что насъ искупилъ нашего ради спасенія вочеловѣчившійся и пострадавшій Сынъ Божій, чтобы надлежаще понять и оцѣнить, какъ необходимость и цѣлесообразность, такъ необъятную благотворность такого искупленія. И это было совершенно вѣрно. Потому что, если мы увѣрены въ томъ, что дѣйствительно Самъ воплотившійся Сынъ Божій искупилъ насъ и искупилъ Своею само-

¹⁾ См. Символ. древніе, нашей Догматики т. I. § 13.

уничженною и страдальческою жизнію, а также смертію, воскресеніемъ, вознесеніемъ на небо и сѣденіемъ одесную Отца, то вмѣстѣ съ симъ не можемъ не быть увѣренными и въ томъ, что такой именно, а не иной способъ искупленія нашего и оказывался нужнымъ и пригоднымъ, или что тоже вполне отвѣчающимъ съ одной стороны требованіямъ премудрости, благодати и правды Божіей, а съ другой—потребностямъ нуждающагося въ искупленіи человѣчества. Равнымъ образомъ, если мы убѣждены въ томъ, что Сынъ Божій воплотился и пострадалъ не для того только, чтобы искупить одного ипостасно воспринятаго Имъ чловѣка, а чтобы искупить и всѣхъ людей; то вмѣстѣ съ симъ не можемъ не быть убѣждены и въ томъ, что совершенное Имъ искупленіе должно было быть и было такого всеобщаго свойства, что простиралось и простирается на всѣхъ способныхъ къ спасенію людей, и на всѣхъ ихъ простираетъ свою спасительную силу. Но тѣмъ не менѣе у древнихъ учителей можно не мало встрѣтить, хотя большею частію отрывочно и мимоходомъ высказываемыхъ, и такого рода мыслей, которыя проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на таинственную и сокровенную сторону въ откровенномъ ученіи о тайнѣ искупленія Христомъ всего рода человѣческаго. На это и обратимъ нужное вниманіе при краткомъ обзорѣни самаго ихъ нижеслѣдующаго ученія.

§ 99.

Ученіе мужей апостольскихъ.

Въ ученіи мужей апостольскихъ замѣчается та особенность, что свое почти исключительное вниманіе они останавливаютъ на первосвященническомъ служеніи Христовомъ, или принесеніи Имъ Себя Самого чрезъ страданія и смерть въ жертву за грѣхъ міра, что объясняется отчасти самымъ существомъ предмета, такъ какъ страданія и смерть Христовы составляютъ срединный и даже средо-

точный пунктъ во всей искупительной Его дѣятельности, частію же тѣмъ, что при этомъ могло имѣться въ виду отстраненіе ложныхъ (евіонейскихъ и докетическихъ) мнѣній, придававшихъ значеніе одному только учительскому служенію Христову. Изображая же страданія Христовы и Его смерть, они, какъ сейчасъ увидимъ, съ особеннѣйшею ясностію и силою учатъ, какъ о томъ, что ихъ претерпѣлъ Христосъ не какъ человекъ, а и Сынъ Божій, такъ и о томъ, что они имѣли не одно только нравственное значеніе, а значеніе дѣйствительно искупающей или вмѣсто другихъ заступающей жертвы, принесшей въ свою очередь людямъ не мнимое, а дѣйствительное искупленіе грѣховъ и начало новой благодатной во Христѣ жизни. Но почему только такая жертва нужна была и какимъ образомъ она могла произвести столь спасительныя дѣйствія, объ этомъ они прямо не говорятъ, хотя даютъ ясно понять, что означенная жертва вполне согласна была съ волею Божіей и ей благоугодна, а потому могла и должна была имѣть такія искупительныя и спасительныя послѣдствія.

Такъ, по ученію ап. *Варнавы*, „Самъ Господь предалъ тѣло Свое на смерть... и восхотѣлъ пострадать за нашу душу; не смотря на то, что былъ Господь вселенной, Которому прежде устроенія вѣковъ Отецъ говорилъ *созворимъ человека по образу и по подобію нашему*“ (Быт. 1, 26) ¹⁾, восхотѣлъ потому, „что Самъ Онъ за наши грѣхи имѣлъ принести въ жертву сосудъ Своего духа“ ²⁾, согласно съ тѣмъ, какъ объ этомъ напередъ открыто и общаю было чрезъ пророковъ Богомъ ³⁾, а также ясно было прообразовано въ жертвоприношеніи Авраамомъ Исаака ⁴⁾. Для чего же Онъ пострадалъ и сосудъ духа Своего принесъ въ жер-

¹⁾ Epist. с. 5.

²⁾ Ibid. с. 7.

³⁾ Ibid. с. 5.

⁴⁾ Ibid. с. 7.

тву, подобно тому какъ Авраамомъ принесенъ былъ Исаакъ?—Для того, отвѣчаетъ св. Варнава, чтобы мы получили отпущеніе грѣховъ и освятились именно чрезъ окропленіе кровію Его ¹⁾). Вслѣдъ же за симъ изобразивши дальнѣйшіе плоды искупленія людей кровію Христовою, а именно ихъ обновленіе и воссозданіе въ новую тварь ²⁾, онъ въ формѣ вывода вѣрующимъ преподаетъ слѣдующее весьма замѣчательное наставленіе: „если, говоритъ онъ, Сынъ Божій, Господь, имѣющій судить живыхъ и мертвыхъ, пострадалъ для того, чтобы Его раны оживотворили насъ; то будемъ вѣровать, что Сынъ Божій не могъ пострадать, какъ развѣ только для насъ“ ³⁾).

Трудно и желать большей ясности и убѣдительности, съ какою ап. Варнава училъ о томъ, что Самъ Сынъ Божій пострадалъ, и пострадалъ не за кого-либо иного, какъ за насъ, и не для чего-либо иного; какъ для отпущенія нашихъ грѣховъ и нашего возрожденія, во что и должны мы вѣровать. Но что касается того, почему именно Сыну Божию нужно было пострадать за людей, и какимъ образомъ эта Его жертва могла дать имъ искупленіе, объ этомъ прямо онъ ничего не говоритъ, хотя у него, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ мѣстъ, совершенно необходимо предполагалось какъ то, что таковая именно жертва, какъ напередъ предопредѣленная и обѣтованная Богомъ, необходима была для искупленія людей, такъ и то, что только она одна могла искуплять, и, какъ опытъ показываетъ, дѣйствительно искупляетъ и возрождаетъ людей.

Въ такомъ же точно смыслѣ училъ объ искупительномъ значеніи страданій Христовыхъ и св. *Климентъ римскій*, по словамъ котораго Господь нашъ Іисусъ Христосъ не

¹⁾ Epist. c. 5.

²⁾ Ibid. c. 6.

³⁾ Ibid. c. 7.

смотря на то, что былъ жезломъ ¹⁾ и сіяніемъ величія Божія и настолькоъ превосходитъ ангеловъ, насколько славнѣйшее предъ ними наследовалъ имя ²⁾, по любви, какую Онъ имѣлъ къ намъ, по волѣ Божіей далъ кровь Свою за насъ и плоть Свою за плоть нашу, и душу Свою за души наши³⁾. И эта Его пролитая для нашего спасенія кровь ⁴⁾, какъ кровь Господа ⁵⁾, такъ была драгоценна предъ Богомъ, что всему міру принесла благодать покаянія ⁶⁾ и искупленіе всѣмъ вѣрующимъ и уповающимъ на Бога ⁷⁾. Совмѣстно же съ симъ Климентъ, подобно Варнавѣ, почитаетъ плодомъ страданій Христовыхъ и все относящееся къ освященію людей, изъ чего имъ между прочимъ указывается на то, что во Христѣ мы обрѣтаемъ первосвященника нашихъ приношеній, заступника и помощника въ немощи нашей, что посредствомъ Его взираемъ мы на высоту неба и чрезъ Него, какъ бы въ зеркалѣ, видимъ чистое и пресвѣтлое лице Бога ⁸⁾, но о всемъ этомъ, подобно же Варнавѣ, учитъ все ничего не говоря какъ о причинахъ столь великой плодотворности страданій Христовыхъ и Его смерти, такъ и о причинѣ необходимости этихъ самихъ страданій и смерти.

Между тѣмъ *Ерм.*, столь же ясно уча о томъ, что Сынъ Божій для того, чтобы очистить грѣхи людей, поставилъ Себя въ рабское положеніе и весьма много потрудился, равно какъ и весьма много пострадалъ ⁹⁾, къ этому присовокупляетъ стоящую вниманія мысль и о безусловной необходимости того и другого для спасенія людей, хотя она у

¹⁾ Epist. 1. ad Corinth. c. 26.

²⁾ Ibid. c. 36.

³⁾ Ibid. c. 49.

⁴⁾ Ibid. c. 7.

⁵⁾ Ibid. c. 12.

⁶⁾ Ibid. c. 7.

⁷⁾ Ibid. c. 12.

⁸⁾ Ibid. c. 36.

⁹⁾ Past. lib. III. siml. 5. n. 6.

него больше предполагается, чѣмъ прямо высказывается. Объяснивъ Ерму, что древній камень въ башнѣ есть Сынъ Божій, древнѣйшій всякой твари, а новая въ ней дверь есть тотъ же Сынъ Божій, только явившійся (во плоти) въ послѣдніе дни и сдѣлавшійся новою дверію для желающихъ войти въ царствіе Божіе, Пастырь слѣдующее говоритъ ему объ этой двери: „никто не войдетъ въ царствіе Божіе, если не приметъ имени Сына Божія... Ибо какъ въ городъ (огражденный стѣною) нельзя войти иначе, какъ только чрезъ ворота его, такъ и въ царствіе Божіе не можетъ человѣкъ войти иначе, какъ только чрезъ имя возлюбленнаго Сына Божія... Который есть дверь и единственный доступъ ко Господу“¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ, что не трудно видѣть, съ необходимостію предполагается слѣдующая мысль: если одинъ только Сынъ Божій могъ стать приводящею людей къ Богу и въ царствіе Божіе дверію, а также на самомъ дѣлѣ Онъ сталъ таковою дверію только по явленіи Своемъ въ міръ и совершеніи здѣсь Своего многотруднаго и страдальческаго подвига съ цѣлію очищенія грѣховъ людскихъ, то понятно, что все это такъ необходимо было для нашего спасенія, что если бы сего не было, то тогда бы и Сынъ Божій не сталъ тѣмъ, чѣмъ теперь есть для людей, т. е. дверію къ Богу и царствію Божію.

Можно думать, что подобныя мысли раздѣлялъ и *св. Игнатій*, который уча о Христѣ, что плотию Своею распялся за насъ²⁾ и за насъ умеръ съ тѣмъ, чтобы мы, вѣруя въ Его смерть, избѣжали смерти³⁾, въ то же время называлъ Его дверію ко Отцу, которою входятъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, пророки, апостолы и церковь⁴⁾. Кромѣ того нужно замѣтить, что все его христологическое ученіе проникнуто мыслию о Христѣ, какъ главѣ, объединяющей

¹⁾ Past. lib. III. simil. 9. n. 12.

²⁾ Epist. ad Smyrn. c. 1.

³⁾ Epist. ad Trall. c. 2.

⁴⁾ Epist. ad Philadelph. c. 9.

собою весь организмъ человѣчества¹⁾, вслѣдствіе чего становится болѣе или менѣе понятнымъ то, какимъ образомъ Христосъ сталъ и становится для всѣхъ дверію во Отцу, или какимъ образомъ распространилъ и продолжаетъ распространять на всѣхъ Свой искупительныя дѣйствія.

Подобная мысль, какъ можно думать, предполагалась также и у *св. Полкарпа смирскаго*, когда послѣдній объ Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ и вѣчномъ первосвященникѣ²⁾, училъ, что Онъ, не смотря на то, что не содѣлалъ никакого грѣха и въ устахъ Его не обрѣталось лжи, грѣхи наши вознесъ на Своемъ тѣлѣ на древо, все претерпѣлъ ради насъ, и самую смерть, сдѣлавъ все это не съ иною, а съ тою именно цѣлію, чтобы намъ жить въ Немъ³⁾.

Но особеннѣйшаго вниманія заслуживаетъ разсужденіе объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ древнѣйшаго автора посланія къ *Дионету*, который хотя по примѣру мужей апостольскихъ вовсе не пытается уяснить, почему именно чрезъ страданія и смерть, а не какъ-либо иначе, нужно было искупить людей Сыну Божію, но съ поражающею ясностію и силою изображаетъ какъ безусловную нужду человѣчества въ божественной помощи, такъ и то, что совершенное Иисусомъ Христомъ искупленіе такимъ именно было дѣломъ, которое, отъ вѣковъ бывъ предуставлено Богомъ Отцемъ вмѣстѣ съ Его Сыномъ, было вполне согласно съ ихъ правдою и любовію, и которое недовѣдомымъ для людей образомъ имѣло принести и принесло тѣ именно спасительныя дѣйствія искупленія и оправданія, въ какихъ все человѣчество нуждалось. „Богъ, говоритъ означенный авторъ, принялъ великое и неизреченное намѣреніе (искупить людей), которое сообщилъ одному Сыну Своему. Доколѣ онъ держалъ и сохранялъ въ тайнѣ премудрый совѣтъ Свой, казалось, что Онъ оставилъ насъ и не имѣлъ

¹⁾ Epist. ad Smyrn. c. 1. et 8.

²⁾ Epist. ad Philip. c. 12.

³⁾ Ibid. c. 1 и 8.

о насъ попеченія. Но послѣ того, какъ онъ открылъ чрезъ возлюбленнаго Сына Своего и объявилъ то, что было отвѣка уготовано, даровалъ намъ вмѣстѣ все: и быть участниками Его благодѣяній, и видѣть Его и (съ Нимъ) дѣйствовать... Впрочемъ если Онъ попустилъ намъ въ прежнее время слѣдовать по собственному нашему произволу безпорядочнымъ страстямъ..., то не потому, чтобы увеселялся нашими грѣхами..., а потому, что приготовлялъ настоящее время праведности (чрезъ убѣжденіе насъ изъ нашихъ собственныхъ дѣлъ въ томъ, что мы недостойны жизни и сами собою не можемъ войти въ царствіе Божіе)..., когда же исполнилась мѣра нашей неправды и стало совершенно яснымъ, что въ воздаяніе за нее слѣдуетъ ожидать наказанія и смерти, когда пришло время, въ которое Богъ по непредвѣльному челоувѣколюбію и по единой любви Своей предположилъ явить наконецъ Свою благодать и силу, тогда Онъ не возненавидѣлъ насъ, не отвергъ, не вспомнилъ нашего зла, но съ долготерпѣніемъ снесъ его и Самъ принялъ на Себя грѣхи наши. Онъ предалъ Сына Своего въ искупленіе за насъ, Святаго за беззаконныхъ, Невиннаго за виновныхъ, Праведнаго за неправедныхъ, Нетлѣннаго за тлѣнныхъ, Безсмертнаго за смертныхъ. Ибо что другое могло прикрыть грѣхи наши, какъ не Его праведность? Чрезъ кого мы беззаконные и нечестивые могли оправдаться, кромѣ Сына Божія? О сладостное измѣненіе, о непостижимое строительство, о неожиданныя благодѣянія! Беззаконія многихъ покрываются однимъ Праведникомъ, и праведность одного оправдываетъ многихъ беззаконниковъ⁴.

Приведенное мѣсто само въ себѣ настолькоъ ясно, что вовсе не нуждается въ какихъ-либо постороннихъ объясненіяхъ.

§ 100.

Ученіе христіанскихъ апологетовъ II и III вѣка.

Между тѣмъ христіанскіе апологеты II и III вѣка ученіе объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ излагаютъ, сооб-

разно съ потребностями времени, какъ сейчасъ увидимъ, гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, касаясь не только служенія Его первосвященническаго, но и пророческаго или учительскаго, а также и царскаго. Кроме того, обращая свой взглядъ на все дѣло искупленія Христова, они вмѣстѣ съ симъ болѣе или менѣе уясняютъ какъ то, почему нужно было совершить его именно Христу Сыну Божию, такъ и то, почему и какимъ образомъ оно могло оказаться благотворнымъ и спасительнымъ для всѣхъ людей.

По *Иустину*, Христосъ, Слово Божіе или Сынъ Божій, потому явился въ міръ и сталъ Спасителемъ людей, что еще прежде вѣковъ предвидѣвшимъ ихъ паденіе ¹⁾ Богомъ положено было спасти ихъ чрезъ Свое Слово ²⁾. Чрезъ Слово же было положено спасти, потому что Оно всегда было и пребываетъ единственнымъ органомъ и посредникомъ какъ всѣхъ вообще откровеній Божіихъ въ міръ, такъ и въ частности особеннѣйшаго Его откровенія, относящагося къ домостроительству спасенія рода человѣческаго ³⁾. Потому-то Слово Сынъ Божій хотя безтѣлесно, но часто и многообразно открывало Себя втеченіе всего вѣхаго завѣта въ родѣ человѣческомъ, подготавливая чрезъ это какъ іудеевъ, такъ и лучшихъ изъ язычниковъ къ Своему пришествію ⁴⁾, а наконецъ и въ самой плоти человѣческой явилось, сдѣлавъ все это отнюдь не потому, чтобы въ томъ имѣло нужду, а единственно для того, чтобы спасти людей ⁵⁾.

Что же, по *Иустину*, сдѣлалъ для ихъ спасенія пришедшій на землю и воплотившійся ради насъ Сынъ Божій?

Онъ прежде всего людямъ, находящимся во мракѣ невѣдѣнія, даровалъ свѣтъ Своей божественной истины, не

¹⁾ Dialog. cum Triph. n. 16 et 88.

²⁾ Ibid. n. 95 et 127.

³⁾ Ibid. n. 56 et 60. Apolog. I: n. 63.

⁴⁾ Apolog. II. n. 10. Dialog. n. 56 et 60. Apolog. I. n. 63.

⁵⁾ Dialog. n. 88. Apolog. I. n. 23.

частичный только или тусклый (какой былъ и у древнихъ лучшихъ философовъ), а полный¹⁾ и кромѣ того животворный, или такого рода свѣтъ, который „горитъ и свѣтитъ сильнѣе солнца и проходитъ глубины сердца и ума“²⁾, и потому, понятно, во всѣхъ способныхъ къ вѣрѣ такое вызываетъ къ себѣ глубокое и ничѣмъ непоколебимое довѣріе, какого никогда не заслуживало и не заслужить ученіе даже такого рода авторитетныхъ мыслителей, каковъ былъ Сократъ³⁾. Потому-то ученіе Христово вмѣстѣ съ преподаваемымъ Имъ закономъ одинаково благотворно для всѣхъ народовъ и таковымъ должно пребыть на всѣ времена. „Намъ дарованъ законъ вѣчный и совершенный, и завѣтъ вѣрный, это Христосъ, послѣ Котораго нѣтъ болѣе ни закона, ни постановленія или заповѣда“⁴⁾. Вмѣстѣ же съ симъ Христосъ, по Іустину, какъ вѣчный священникъ Бога⁵⁾, искупилъ людей отъ лежащаго на нихъ проклятiя за ихъ грѣхи, а также отъ ѣтихъ самихъ грѣховъ, и искупилъ именно Своею самоуничженною жизнію, а также крестными страданiями и кровію. Не смотря на то, что Онъ былъ Слово и Самый Богъ⁶⁾, Онъ, подобно тому какъ Іаковъ служилъ Лавану за пестрый и многовидный скотъ, потерпѣлъ рабство даже до креста за разнообразныхъ людей изъ всякаго народа, чтобы прiобрѣсти ихъ Своею кровію и таинствомъ крестнымъ⁷⁾. Не смотря на то, что Самъ чуждъ былъ вины и проклятiя, Онъ, какъ Его Отцу было угодно, привялъ на Себя проклятiя всѣхъ, за весь родъ человѣческой, чтобы спасти сдѣлавшихъ достойное проклятiя⁸⁾. Не смотря на то, что былъ Сыномъ Божиимъ, Онъ претерпѣлъ, и дѣйствительно претерпѣлъ страданiя и распятiе за весь родъ человѣ-

¹⁾ Apolog. II. n. 8.

²⁾ Dialog. cum Triph. n. 121.

³⁾ Apolog. 2. n. 10.

⁴⁾ Dialog. cum Triph. n. 11.

⁵⁾ Ibid. n. 96.

⁶⁾ Apolog. I. n. 63.

⁷⁾ Dialog. n. 134.

⁸⁾ Ibid. n. 94 et 95.

ческій¹⁾, претерпѣлъ именно для того, ч.обы мы люди грѣшники исцѣлились Его язвою²⁾, или очистились отъ всякаго грѣха³⁾, какъ объ этомъ было предсказано чрезъ пророковъ, а также символически предъказано чрезъ мѣднаго змія, которымъ спасались укушенные змѣями⁴⁾, чрезъ кровь пасхальнаго агнца, спасшую бывшихъ въ Египтѣ (евреевъ), и чрезъ червленную веревку, спасшую въ Іерихонѣ блудницу Раавъ⁵⁾.

Наконецъ, по Іустину, Христось, какъ царь⁶⁾, смертію и воскресеніемъ Своимъ побѣдилъ смерть⁷⁾, которой отъ Адама чрезъ обольщеніе змѣею подпалъ весь родъ человѣческій⁸⁾, а также побѣдилъ и самаго коварствовавшего изначала змія (діавола)⁹⁾, разрушивъ его начальства и власти¹⁰⁾, и Самъ сталъ, подобно спасшему людей отъ потопа Ною, главою новаго, возрождаемаго Имъ, рода¹¹⁾, и вмѣстѣ съ симъ и всегдашнимъ нашимъ помощникомъ и спасителемъ, подающимъ намъ всѣ потребныя силы къ спасенію въ борьбѣ съ его врагами¹²⁾, и неизмѣнную надежду на жизнь вѣчную¹³⁾ и вѣчное царство¹⁴⁾.

Не трудно видѣть, что св. Іустинъ не только сравнительно съ прежнимъ полнѣе и обстоятельнѣе изображаетъ искупительныя дѣла Христовы, какъ дѣла Самого воплощеннаго Слова или Сына Божія, но и отчасти уясняетъ то,

¹⁾ Apolog. I. n. 63. Dialog. n. 88 et 103.

²⁾ Dialog. n. 43.

³⁾ Ibid. n. 41 et 86.

⁴⁾ Ibid. n. 94.

⁵⁾ Ibid. n. 111.

⁶⁾ Ibid. n. 96.

⁷⁾ Apolog. I. n. 63.

⁸⁾ Dialog. n. 88.

⁹⁾ Ibid. n. 45.

¹⁰⁾ Ibid. n. 41. Apolog. II. n. 6.

¹¹⁾ Dialog. n. 138.

¹²⁾ Ibid. n. 30.

¹³⁾ De resurrect. n. 1.

¹⁴⁾ Dialog. n. 116.

почему именно Слову или Сыну Божію, а не кому-либо иному, возможно и нужно было совершить искупленіе чело-вѣчества, хотя при этомъ онъ ничего не говоритъ о томъ, почему для искупленія людей нужны были самое воплощеніе и страданія Сына Божія, равно какъ не объясняетъ и того, какимъ образомъ спасительность искупительныхъ дѣлъ, хотя они были совершены однимъ Христомъ, могли и должны были распространиться на всѣхъ.

Между тѣмъ эти именно стороны въ ученіи объ искупленіи восполняются и достаточно уясняются *св. Принемъ*, что и заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія.

По Принею, Богъ, отъ вѣчности предвидѣвъ паденіе чедовѣка и предопредѣливъ его искупленіе¹⁾, вмѣстѣ съ симъ предопредѣлилъ такъ искупить его, чтобы это, при Его любви и милости, стояло въ полнѣйшемъ согласіи съ свойствами и требованіями Его правды. Потому что Богъ хотя всемогущъ и въ силу Своего всемогущества все могъ бы сдѣлать, чего бы ни восхотѣлъ, но всегда и во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ, и даже въ дѣйствіяхъ, касающихся отступника діавола, поступаетъ согласно съ правдою, дабы и для самого богоотступника было вразумительно, что Онъ руководится во всемъ не одною силою Своею, а—вмѣстѣ и правдою²⁾.

¹⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 1. n. 1.

²⁾ Такой именно, а не иной смыслъ, по нашему мнѣнію, имѣютъ ниже-слѣдующія слова, заключающія въ себѣ частную мысль о характерѣ искупительнаго дѣла Христова, насколько оно касалось избавленія людей отъ власти діавола: „могущественное Слово и чедовѣкъ истинный, разумно искупая насъ кромѣ Своею, Самого Себя далъ въ искупленіе за подвергшихся плѣну. И поелику отступничество несправедливо возобладало нами и насъ, по природѣ составляющихъ достоиніе всемогущаго Бога, прогнвоестественно отчуждало (отъ Него) и сдѣлало насъ своими естественными учениками; то Слово Божіе всемогущее праведно обратилось противъ самого отступничества и искупило отъ него Свое достоиніе, не силою, какъ то отступничество возобладало надъ нами, ненаситно похищая чужое, но убѣжденіемъ, какъ пообаетъ Богу, силою разумно дѣйствующемъ, а не насилующемъ получило Себѣ угодное, такъ чтобы ни правда не была нарушена, ни древнее созданіе Божіе не погибло“ (Contr. haeres. lib.

Что же требовалось правдою Божіею для искупленія и возстановленія падшаго человѣка? Такъ какъ нарушившій заповѣди Божію человѣкъ чрезъ то сдѣлался предъ Богомъ виновнымъ, что своимъ неповиновеніемъ ¹⁾, а также утратою въ себѣ сходства съ Его образомъ ²⁾, оскорбилъ Его и вмѣстѣ съ сямъ отчуждился отъ общенія и единенія съ Нимъ ³⁾, вмѣсто этого подпавши въ рабство діавола и смерти ⁴⁾, то для искупленія его требовалось какъ то, чтобы его неповиновеніе было заглажено соответствующимъ повинновеніемъ, такъ и то, чтобы въ немъ возстановленъ былъ образъ Божій, при чемъ только могли быть возстановлены миръ и единеніе между Богомъ и человѣкомъ, а также необходимо было его отреченіе и освобожденіе отъ рабства діавола и смерти, при чемъ только онъ могъ сдѣлаться членомъ царства Божія.

Но, спрашивается далѣе, кто же могъ выполнить всѣ эти требованія правды Божіей? Этого, по Иринею, не могъ сдѣлать самъ человѣкъ, а могъ и имѣлъ сдѣлать только Богъ, и притомъ опять, что требовалось правдою, не Самъ Собою, а вмѣстѣ съ человѣкомъ. „Ибо если бы не человѣкъ побѣдилъ врага человѣческаго, то врагъ не былъ бы побѣжденъ законно. И опять если бы не Богъ даровалъ спасеніе, то мы не имѣли бы его прочно“ ⁵⁾.

V. с. 1. п. 1). Понимать же приведенное мѣсто въ такомъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его нѣкоторые изъ протестантскихъ теологовъ (Dogm. Geschicht. Hagenb. § 68), что будто бы, по Иринею, Сынъ Божій вступилъ въ договоръ съ діаволомъ и далъ ему Свою душу въ видѣ выкупа за свободу людей, вовсе не имѣеть никакого основанія, потому что, какъ увидимъ, вездѣ у св. Иринея грѣшные люди представляются должниками не діаволу, а Самому Богу, Которому Искунитель нашъ и уплачиваетъ за насъ должное, въ отношеніи же къ діаволу, отъ власти котораго Онъ освобождаетъ насъ, вездѣ изображается, какъ его побѣдитель.

¹⁾ Contr. haeres. lib. V. с. 17. п. 1. Ibid. с. 16. п. 5.

²⁾ Ibid. с. 16. п. 2.

³⁾ Ibid. с. 17. п. 1.

⁴⁾ Ibid. с. 1. п. 1; с. 21. п. 3.

⁵⁾ Ibid. lib. III. с. 18. п. 7.

Потому-то Богъ Слово, Сынъ Божій, принявшій на Себя, по волѣ Отца, дѣло спасенія людей, послѣ долгихъ подготовительныхъ Своихъ откровеній въ древнемъ мірѣ ¹⁾, нисшелъ во утробу Св. Дѣвы Маріа и чрезъ рожденіе отъ Нея воссоединилъ съ Собою древнее созданіе—Адама ²⁾, чтобы, будучи Богомъ, стать вмѣстѣ человѣкомъ, будучи Сыномъ Всѣмъ, стать вмѣстѣ и сыномъ человѣческимъ ³⁾.

Потому-то, далѣе, Сынъ Божій, совершая все потребное для искупленія человѣка, совершаетъ его не какъ Богъ, но и какъ человѣкъ вмѣстѣ. Такъ Онъ тѣмъ уже самымъ возстановилъ въ человѣкѣ образъ Божій, что соединился воедино съ человѣкомъ; потому что Слово Божіе, по образу котораго былъ созданъ и подобіе котораго утратилъ человѣкъ, ставъ плотію, „истинно и дѣйствительно показало образъ, Само сдѣлавшись тѣмъ, что было Его образомъ, и прочно возстановило подобіе, дѣлая человѣка чрезъ видимое Слово соподобнымъ невидимому Отцу“ ⁴⁾. „Чтобы, далѣе, разрушилось непослушаніе человѣка, бывшее вначалѣ по отношенію къ дереву, Онъ былъ послушенъ даже до смерти, и смерти крестной, бывшее на древѣ непослушаніе исправляя чрезъ послушаніе на древѣ крестномъ“ ⁵⁾. Но все это опять дѣлалъ Онъ не какъ Богъ только или человѣкъ, а какъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Ибо тогда какъ Онъ по человѣчеству былъ подвергаемъ испытаніямъ, поруганіямъ, распятію и смерти, соприсносущее Ему Слово его подкрѣпляло, выдерживало искушеніи и побѣждало ⁶⁾.

Наконецъ, Искупитель нашъ, чтобы освободить людей отъ рабства діавола, Своею непобѣдимую силою сокрушилъ и разрушилъ его власть, опять сдѣлавши это не какъ Богъ

¹⁾ Contr. haeres. lib. IV. c. 12. n. 4.

²⁾ Ibid. lib. V. c. 1. n. 2 et 3.

³⁾ Ibid. lib. III. c. 18. n. 6; c. 19. n. 3.

⁴⁾ Ibid. lib. V. c. 16. n. 2.

⁵⁾ Ibid. n. 3. Ibid. c. 17. n. 1.

⁶⁾ Ibid. lib. III. c. 19. n. 3.

только, а и какъ человѣкъ вмѣстѣ, такъ какъ врагъ не былъ бы побѣжденъ справедливо, если бы побѣдившій его не былъ человѣкомъ отъ жены¹⁾). Какъ человѣкъ, Онъ показалъ его бѣглецомъ и преступникомъ закона и отступникомъ отъ Бога, а потомъ какъ Слово крѣпко связалъ его, какъ Своего бѣглеца, и расхитилъ его сосуды, т. е. людей, коими онъ владѣлъ и несправедливо пользовался²⁾).

Вмѣстѣ же съ виновникомъ смерти, Христось, не какъ Богъ только, но и какъ человѣкъ, упразднилъ и силу смерти, „чтобы какъ чрезъ человѣка побѣжденного родъ нашъ висшелъ въ смерть, такъ опять чрезъ человѣка побѣдителя мы взошли въ жизнь, и какъ чрезъ человѣка смерть одержала побѣду надъ нами, такъ опять чрезъ человѣка мы получили побѣду надъ смертію“³⁾).

Поэтому-то необходимыми слѣдствіями означенныхъ искупительныхъ дѣлъ Христовыхъ были: умилоствленіе оскорбленнаго правосудія Божія, примиреніе, единеніе и общеніе людей съ Богомъ при отпущеніи имъ ихъ грѣховъ⁴⁾, и освобожденіе отъ власти діавола⁵⁾, а также дарованіе имъ новой жизни въ Богѣ⁶⁾).

На естественный же при семъ вопросъ: какимъ образомъ совершенное Христомъ однолично искупленіе человѣка могло относиться ко всѣмъ людямъ и на нихъ распространяться, у св. Иринея находимъ отвѣтъ слѣдующій. По его мысли, Исусъ Христось, будучи Богомъ Словомъ, тѣмъ самымъ Словомъ, по образу котораго созданы были всѣ люди⁷⁾, не былъ по человѣчеству обыкновеннымъ человѣкомъ, а напротивъ былъ особеннѣйшимъ, первообразнымъ

¹⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 21. n. 1.

²⁾ Ibid. n. 3.

³⁾ Ibid. n. 1.

⁴⁾ Ibid. c. 16. n. 3; c. 17. n. 1.

⁵⁾ Ibid. c. 21. n. 3.

⁶⁾ Ibid. lib. III. c. 22. n. 4.

⁷⁾ Ibid. lib. V. c. 16. n. 2.

и возвышающимся надъ всѣми людьми, или такого рода человѣкомъ, который имѣлъ отношеніе къ человѣчеству похожее на то, въ какомъ находился къ нему Адамъ ¹⁾, и который, поэтому, на все человѣчество могъ производить вліяніе похожее на то, какъ на весь организмъ тѣлесный вліяетъ его глава. А такъ какъ Христосъ всецѣло мыслию и задачею своей посланнической дѣятельности имѣлъ не что иное, какъ только въ Себѣ и чрезъ Себя спасти всѣхъ людей, такъ какъ Онъ „далъ Свою душу за души наши и Свою плоть за плоти наши“, и все, что ни дѣлалъ, дѣлалъ для искупленія нашего ²⁾, то понятно, что дѣйствіе и сила Его искупительныхъ дѣлъ могли и должны были простирались на всѣхъ людей, и смотря по такой или иной ихъ восприимчивости, такъ или иначе на нихъ отражаться.

Потому-то, подобно тому, какъ въ первомъ Адамѣ мы оскорбили Бога неисполненіемъ Его заповѣди, во второмъ Адамѣ съ Нимъ примирились, бывъ послушны даже до смерти ³⁾, и подобно тому, какъ въ душевномъ Адамѣ всѣ мы умерли, такъ въ духовномъ всѣ оживились ⁴⁾. „Ибо какъ непослушаніемъ одного человѣка вошелъ грѣхъ и чрезъ грѣхъ появилась смерть, такъ чрезъ послушаніе одного человѣка введенная праведность оплодотворить жизнь людямъ, бывшимъ вѣкогда мертвыми“ ⁵⁾.

Потому-то Господь, какъ первородный изъ мертвыхъ, сдѣлался началомъ живущихъ, подобно тому, какъ Адамъ сдѣлался началомъ умирающихъ; вслѣдствіе чего и древнихъ отцовъ возродилъ въ жизнь Божию ⁶⁾, ниспедши во адъ и извлекши изъ него, послѣ благовѣстія Своего и отпуще-

¹⁾ Contr. haeres. lib. III. c. 21. n. 10.

²⁾ Ibid. lib. V. c. 1. n. 1.

³⁾ Ibid. c. 16. n. 3.

⁴⁾ Ibid. c. 1. n. 3.

⁵⁾ Ibid. lib. III. c. 21. n. 10.

⁶⁾ Ibid. c. 23. n. 4.

нія грѣховъ, всѣхъ уповающихъ на Него праведниковъ и патриарховъ ¹⁾).

Потому-то, наконецъ, „Онъ въ Себѣ Самомъ образовалъ пачатки воскресенія челоуѣка, дабы какъ глава воскресла изъ мертвыхъ, такъ и остальное тѣло всего челоуѣчества, находящагося въ (земной) жизни, по исполненіи времени осужденія, назначеннаго за непослушаніе, воскресло совокупаемое посредствомъ связей и составовъ и укрѣпляемое приращеніемъ Божиимъ“ ²⁾. Итакъ ученіе Иринея объ искупленіи довольно значительно пополняетъ собою ученіе Іустиново, а въ связи съ послѣднимъ, что слѣдуетъ замѣтить, оно является достаточно цѣлостнымъ и полнымъ, и даже настолько полнымъ, что сравнительно съ нимъ почти ничего большаго не встрѣчается у другихъ отцовъ, а также церковныхъ писателей этого періода. Такъ напр. *Тертуліанъ* ³⁾, *Климентъ александрійскій* ⁴⁾, *св. Кипріанъ* ⁵⁾

¹⁾ Contr. haeres. lib. IV. c. 27. n. 2; lib. V. c. 31. n. 1.

²⁾ Ibid. lib. III. c. 19. n. 3.

³⁾ По *Тертуліану*, какъ и по Іустину и Иринею, Богъ—Слово имѣвшій по предопредѣленію Божию спасти людей, непрерывно и постоянно открывалъ и такъ сказать воплощалъ Себя въ тѣленіе ветхозавѣтнаго времени, пока наконецъ не родился челоуѣкомъ (Advers. Marc. lib. II. c. 27 et 31; Advers. Prax. c. 14 et 16), родился же отъ плоти и во плоти для того, чтобы рожденіемъ Своимъ преобразовать наше рожденіе и Своею смертію разрушить нашу смерть, воскресши въ той плоти, въ каковой родился (Advers. Marc. lib. III. c. 9), на что было предугазано и въ ветхомъ завѣтѣ чрезъ приношеніе въ жертву пасхальнаго агнца (Advers. Iud. c. 11). Можно замѣтить еще, что Тертуліанъ, согласно съ Иринеємъ, упоминаетъ о сошествіи Христовомъ во адъ, куда, по его словамъ, Христосъ сходилъ для того, чтобы сдѣлать спутниками Себѣ на небо патриарховъ и пророковъ (De anima c. 55).

⁴⁾ Своего ученія объ искупленіи *Климентъ александрійскій* не раскрываетъ подробно, но съ несомнѣнною очевидностію признаетъ за Иисусомъ Христомъ значеніе, не какъ только просвѣтителя и руководителя словомъ и жизнью челоуѣчества (Strom. IV, 638), а и какъ искупителя, искупившаго его Своими страданіями и смертію, которыя не чужды были Ему и какъ Богу (Cohort. 10, 84). *Климентъ* между прочимъ упоминаетъ и о сходженіи Христовомъ во адъ для проповѣди тамъ евангелія (Strom. VI, 6).

⁵⁾ У *св. Кипріана* встрѣчаются только отрывочныя изреченія несомнѣнно впрочемъ свидѣтельствующія о его вѣрѣ въ искупительное значеніе дѣлъ Хри-

и Меѳодій¹⁾, только повторяютъ, и то большею частію мимоходомъ и отрывочно, что было высказано Іустиномъ и Иринеємъ самаго главнаго и существеннаго относительно искупительнаго служенія Христова. Одинъ Оригенъ не только съ достаточною полнотою и обстоятельностью разсматриваетъ ученіе объ искупленіи, но и при этомъ не мало высказываетъ такихъ мыслей, которыя могутъ служить въ нѣкоторомъ отношеніи пополненіемъ или уясненіемъ воззрѣніямъ св. Іустина и Иринея и на которыхъ, повтому, не лишне оставить наше вниманіе. Христось, по Оригену, пришедши спасти людей, которые ходили во тьмѣ и жили въ странѣ и сѣни смертней, первѣе всего, согласно съ предсказаніемъ Исаи (Ис. 9, 2), просвѣтилъ ихъ свѣтомъ своей божественной истинны²⁾. Но такъ какъ одного просвѣщенія съ благоувѣстіемъ о спасеніи столько же недостаточно было для спасенія недугующаго грѣхами человѣчества, сколько недостаточно бываетъ для тяжело больнаго одно утѣшеніе въ возможности выздоровленія, безъ подачи самой врачевой помощи³⁾, то Онъ вмѣстѣ съ тьмѣ, какъ былъ учителемъ, явился на помощь людямъ и какъ истинный духовный ихъ врачъ⁴⁾, приуготовивши имъ врачевную и цѣлительную силу въ томъ самомъ, гдѣ крылся ихъ недугъ, т. е. въ человѣческой природѣ, которую на Себя воспринялъ. Врачевство же это состояло въ томъ, что по самому человѣчеству Своему не сотворивъ никакого грѣха и даже не допустивъ никакой лести или расположенія къ чему-либо

стových, изреченія въ родѣ слѣдующихъ: „Христось понесъ грѣхи наши и за насъ болѣзновалъ, Богъ Его предалъ за грѣхи наши“ (lib. de Iarv.), или „Христось побѣдилъ смерть крестомъ Своимъ, искупилъ вѣрующахъ цѣною крови Своей, примирялъ человѣка съ Богомъ Отцемъ и оживотворилъ небеснымъ возрожденіемъ“ (lib. ad Demetrian. n. 25) и т. п.

¹⁾ По *Меѳодію* Христось по человѣчеству есть второй Адамъ (Conv. decem. virgin. orat. 3. n. 4), чрезъ Котораго точно также распространяется искупленіе, какъ чрезъ Адама перваго распространилось паденіе.

²⁾ In Ioann. T. II. n. 21.

³⁾ Ibid. T. I. n. 22. Contr. Cels. lib. VI. n. 69.

⁴⁾ Contr. Cels. lib. IV. n. 57.

злomu, Онъ одержалъ полную побѣду надъ грѣхомъ и всѣмъ грѣховнымъ, чрезъ что въ Себѣ Самомъ возстановилъ утраченную людьми истинную духовную жизнь, долженствовавшую сдѣлаться источникомъ жизни и обновленія для всѣхъ увѣровавшихъ въ Него людей ¹⁾).

Но такъ какъ, далѣе, для того, чтобы люди могли воспринять начатки этой новой во Христѣ жизни, необходимо было ихъ избавленіе отъ всѣхъ ихъ прежнихъ грѣховныхъ недуговъ, которые отчуждали ихъ отъ Бога и Его живоносной жизни; то Христосъ совершилъ для нихъ и это великое дѣло, ставъ искупляющимъ между ними и Богомъ посредникомъ, принесши за грѣхи и вины ихъ предъ Богомъ въ Своихъ добровольныхъ и неповинныхъ страданіяхъ удовлетворившую правдѣ Божіей жертву, и чрезъ это пріобрѣвъ для нихъ у Бога примиреніе съ Нимъ, а также прощеніе и очищеніе всѣхъ ихъ прежнихъ грѣховъ. Пунетъ же этотъ самый важный въ ученіи объ искупленіи Оригенъ объясняетъ и оправдываетъ слѣдующими, заслуживающими вниманія, мыслями и соображеніями. Грѣхи, согласно съ правдою, могутъ быть искуплены и очищены не иначе, какъ только или наказаніемъ самихъ же согрѣшающихъ, или же жертвою кого-либо другого неповиннаго въ грѣхахъ, но добровольно принимающаго на себя наказаніе за грѣхи другихъ, съ цѣлю ихъ искупленія въ силу своей невинности. А такъ какъ Богъ по Своему милосердію не восхотѣлъ подвергнуть наказанію всѣхъ согрѣшившихъ предъ Его правдою людей, то Имъ и избрано было второе средство къ удовлетворенію правды за грѣхи людей,—средство чрезъ добровольное принятіе на Себя наказаній за грѣхи людей Его Единороднымъ Сыномъ, на что предуказанія были между прочимъ еще въ ветхомъ завѣтѣ въ установленныхъ тамъ жертвахъ за грѣхи людскіе ²⁾). Согласно

¹⁾ Contr. Cels. lib. II. n. 41 et 44; lib. IV. n. 15. In Ioann. T. I. n. 23.

²⁾ In Levit. hom. 2. n. 2—4. Homil. 5. n. 3. In Numer. hom. 10. n. 2. In epist. ad Rom. lib. III. n. 9.

же съ предъизображенною такимъ образомъ волею Божіею, Христось Сынъ Божій, не ради Себя, а ради насъ, облекается плотію нашею, не ради Себя, а ради насъ, обрекаетъ Себя на жизнь полную непрерывныхъ лишеній, тяжелыхъ испытаній, огорченій и страданій¹⁾, не ради Себя, а ради насъ, обрекаетъ Себя на самыя томительныя страданія, распятіе на крестѣ и самую смерть²⁾, какъ предсказалъ Исаія, Онъ ведется на смерть, *яко овца на заколеніе*, ведется на смерть за беззаконія людей Своихъ, за грѣхи наши, и такимъ образомъ несетъ на Себѣ то наказаніе, которое должны были понести мы сами, и претерпѣваетъ ту смерть, которой должны бы были заслуженно подвергнуться мы сами³⁾. Между тѣмъ Онъ въ то же время былъ совершенно невиненъ и безгрѣшенъ, такъ какъ Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха и не было лжи въ устахъ Его (1 Петр. 2, 22). А это именно и было то, что дѣлало принесенную имъ за грѣхи людей жертву вполне благоугодною Богу жертвою, такой жертвою, какой никто въ мірѣ, кромѣ Его, не могъ принести, ни даже святые, ни самые апостолы. Потому что только одного того, кто не зналъ грѣха, Богъ могъ сдѣлать за насъ жертвою, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ (2 Кор. 5, 21)⁴⁾. Потому-то одинъ только Христось могъ поднять и дѣйствительно подвѣлъ на Себя неизмѣримую тяжесть грѣховъ всего міра⁵⁾, одинъ только могъ омытъ и дѣйствительно омылъ и омываетъ Своею кровію грѣхи наши⁶⁾; потому-то Онъ одинъ могъ стать и на самомъ дѣлѣ сталъ и на вѣки пребудетъ первосвященникомъ нашимъ, приносящимъ Богу умилостивительную жертву о грѣхахъ и самую за насъ

1) In Ioann. T. II. n. 21.

2) In Levit. homil. 1. n. 3.

3) In Ioann. T. XXVIII. n. 14. T. VI. n. 35.

4) Ibid. T. XXVIII. n. 14.

5) Ibidem.

6) In Levit. hom. 12. n. 1 et 2.

Труды Киев. дух. Акад. Т. II. 1836 г.

принесенною жертвою и очищеніемъ, какъ нашихъ грѣховъ, такъ и всего міра ¹⁾).

Наконецъ, по Оригену, такъ какъ для безпрепятственнаго и успѣшнаго утвержденія и распространенія въ людяхъ новой благодатной жизни необходимо было освобожденіе изъ-подъ рабства и власти діавола, то Искупитель ихъ Христосъ и это великое для нихъ благодѣяніе совершилъ, совершивъ его съ одной стороны чрезъ основаніе на землѣ и распространеніе, въ ущербъ владычеству діавола, Своего собственнаго благодатнаго царства, а съ другой чрезъ сокрушеніе власти діавола въ самомъ адѣ Своимъ туда душою нисшествіемъ и освобожденіемъ оттуда подпавшихъ этой власти душъ способныхъ къ вѣрѣ. Последнее же обстоятельство Оригенъ изображаетъ такъ, что Иисусъ Христосъ именно цѣною души Своей выкупилъ изъ-подъ власти діавола предавшіяся ему души ²⁾, на что считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе, такъ какъ и некоторые этотъ образъ представленія Оригеновъ понимали въ томъ смыслѣ, что будто бы Христосъ, по договору съ діаволомъ, какъ выкупъ за плѣнныхъ отдалъ Свою душу, каковою еси не овладѣлъ послѣдній, вслѣдствіе ея святости, то это была его вина. Но такъ ли понималъ Оригенъ свой образъ представленія освобожденіе душъ человѣческихъ изъ-подъ власти діавола посредствомъ выкупа ихъ цѣною души Христовой? Не думаемъ, чтобы это могло быть, потому что Оригенъ вовсе ничего не говоритъ объ означенномъ договорѣ Христа съ діаволомъ и объ отданіи ему Своей души, а вмѣсто этого напротивъ изображаетъ Его, подобно Ирипею, не какъ плѣнника, а какъ грознаго Побѣдителя, который хотя является между плѣнными душами въ темницѣ ада, но проповѣдуетъ имъ, не смотря на то, что это не согласовалось

¹⁾ In epist. ad Rom. lib. III. n. 8.

²⁾ In Exod. hom. 8. n. 6. Comment. in Matth. T. XIII. n. 8 et 9; tom. XVI. n. 8. In epist. ad Rom. lib. II. n. 13.

съ желаніями діавола, благовѣстіе о ихъ свободѣ, и затѣмъ подаютъ такую свободу не всѣмъ, а только тѣмъ именно душамъ, которыя оказались способными принять и на самомъ дѣлѣ съ вѣрою приняли Его благовѣстіе¹⁾). Думаемъ же, что Оригенъ здѣсь выкупъ душъ цѣною души Христовой понималъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ понималъ вообще искупленіе людей посредствомъ жертвы Христовой отъ заслуженныхъ ими бѣдствій, а именно, въ смыслѣ удовлетворенія или отдавія за грѣхи людей должнаго одной правдѣ Божіей, естественнымъ слѣдствіемъ чего должно было быть прекращеніе какъ всѣхъ вообще доселѣ допускаемыхъ этою правдою волею человѣческихъ, такъ и въ частности одного—самаго тяжкаго изъ нихъ—господства надъ ними діавола. Только самъ діаволь, по Оригену, долгое время обольщался тою мыслию и надеждою, что по смерти Христа овладѣетъ Его душою, какъ богатою добычею, наравнѣ съ другими душами человѣческими, въ виду чего возбудилъ противъ Него народъ еврейскій и подвинулъ Іуду къ предательству Его на смерть²⁾), но во всѣхъ этихъ расчетахъ своихъ обманулся, такъ какъ совлекипсь тѣла и нисшедши во адъ, душа Христова явилась здѣсь во всемъ блескѣ Своего нравственнаго величія и силы, и этимъ совершенно поразила и сокрушила силу діавола, сильную только надъ безсильными грѣшными душами³⁾). Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что вышеозначенный образъ представленія объ освобожденіи душъ изъ власти діавола посредствомъ выкупа выраженъ былъ Оригеномъ довольно неясно и неопредѣленно; чѣмъ отчасти объясняется и то, почему тѣ изъ дальнѣйшихъ учителей, которые повторяли этотъ образъ представленія, не одинаковый соединяли съ нимъ смыслъ и значеніе, что

¹⁾ In Regn. hom. 2. Patr. curs. compl. graec. T. XII. col. 120.

²⁾ Serm. Comment. in Matth. n. 75. Comment. in Matth. T. XIII n. 8 et 9.

³⁾ Contr. Cels. lib. 1. c. 8. n. 4. Comment. in. epist. Rom. lib. II. n. 13.

мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ при изложеніи отеческаго ученія въ дальнѣйшемъ періодѣ ¹⁾.

§ 101.

Ученіе въ дальнѣйшее время.

Отцы же и учителя дальнѣйшаго періода въ своемъ ученіи объ искупленіи, какъ замѣчалось и прежде, тоже по преимуществу ограничиваются однимъ краткимъ изображеніемъ величія искупительныхъ дѣлъ Христовыхъ, всегда ставимыхъ въ связи съ божественнымъ величіемъ самого ихъ Виновника. Но тѣмъ не менѣе ими высказано было по частямъ не мало относящагося и къ возможному уясненію или опредѣленію самой внутренней значимости этихъ дѣлъ въ отношеніи къ нашему спасенію. Правда, что въ семь случаевъ они не идутъ далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе давнѣе намѣчены были въ вышеизложенномъ нами древне-церковномъ воззрѣніи на сущность искупленія св. Іустина и Иринея; но для насъ то и важно, что они, строго придерживаясь этого воззрѣнія, въ то же время развиваютъ и изображаютъ его съ сравнительно большею полнотою и опредѣленностію, и кромѣ того съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, требующихъ своего особеннаго изъясненія. А такъ какъ ихъ ученіе касается, то пророческаго, то первосвященническаго, а также царскаго служенія Іисуса Христа, то съ этихъ сторонъ въ возможной краткости и рассмотримъ его.

1. Касаясь учительскаго служенія Христова, они, какъ было и прежде, его высокую и исключительную важность

¹⁾ Можно замѣтить, что въ ученіи Оригеновымъ объ искупленіи та еще встрѣчается особенность, что будто Іисусъ Христосъ не только за людей на землѣ принесъ заключающуюся въ Его страданіяхъ и смерти жертву, но и особеннаго рода нѣкоторую духовную жертву, какъ архіерей, пршедшій небеса, принесъ на небесахъ за міръ духовный (In Levit. hom. 1. n. 3. In Iohann. T. I. n. 40),—что, какъ извѣстно, не было принято церковію.

и значимость полагаютъ въ томъ, что Христось училъ и научилъ людей истинному Боговѣдѣнію и Богопочтенію, не какъ обыкновенный земной, а какъ облеченный властію божественнаго авторитета учитель, и что кромѣ того Онъ училъ и научилъ не однимъ словомъ только, а и самимъ дѣломъ или примѣромъ, явивъ въ Себѣ, чего не замѣчалось ни въ одномъ земномъ учителѣ, живой и воплощенный образецъ совершеннѣйшей истины и святости, вслѣдствіе чего, повѣстно, его ученіе должно было имѣть свою неотразимоубѣдительную и благотворную силу для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ¹⁾.

По св. *Аванасію александрійскому*, напр. невѣдѣніе истиннаго Бога и идолопоклонство настолько были общи и распространены во всемъ мірѣ, что изъ людей никто не могъ ихъ поколебать и замѣнить истиннымъ Боговѣдѣніемъ, потому что никто не могъ вызвать къ Себѣ довѣріе и склонить сердца всѣхъ, могъ же сдѣлать и дѣйствительно сдѣлалъ это только Богъ—Слово, Который видѣлъ душу и умъ людей, всѣмъ управлялъ въ природѣ и чрезъ нее открывалъ Отца²⁾. Эту же мысль повторяютъ и уясняютъ св. *Кириллъ іерусалимскій*³⁾ и *Кириллъ александрійскій*⁴⁾, уча, что отъ язвы идолопоклонства могъ исцѣлить, для чего между прочимъ и на землю пришелъ, одинъ только Сынъ Божій.

А насколько важнымъ представлялось въ учительствѣ Христовомъ то, что Онъ училъ не однимъ словомъ, а и всею Своею совершенно, согласною съ Своимъ ученіемъ

¹⁾ Мысль какъ о совершенствѣ новаго ученія Христова сравнительно съ ветхозавѣтнымъ, такъ и о его спасительности и годности для всѣхъ народовъ и временъ, съ особенною ясностію раскрывалъ: *Евсевій* (*Demonstr. evang.* I, 4—7. *Праерар. evang.* I, 1), *Златоустъ* (*In Matth. homil.* 16, n. 3 et 5; *Homil.* 15 n. 6 et 7. *In epist. ad Rom. hom.* 8, n. 1—4), *Теодоритъ* (*Divin. decret. c.* 16 et 17) и *Августинъ* (*De ver. relig.* IX, n. 17; *De util. cred. c.* 8, n. 20).

²⁾ *De incarnat. Verbi Dei.* n. 14.

³⁾ *Cathech. orat.* 6, n. 11.

⁴⁾ *Comment. in Esaiam lib. V. opp.* T. II, p. 776. ed. Lutet. 1638.

жизнию, для примѣра приведемъ хоть въ краткомъ извлеченіи слѣдующее, заслуживающее вниманія, разсужденіе по сему поводу извѣстнаго на западѣ церковнаго писателя *Лактанція*. Съ самаго начала, какъ сталъ міръ существовать, по Лактанцію, кто изъ людей ни являлся учителемъ добродѣтели, не могъ вызвать въ другихъ полнаго къ себѣ довѣрія, равно какъ и расположить ихъ въ непрекословенному слѣдованію провозвѣщаемымъ имъ правиламъ добродѣтельной жизни. Отъ чего же это происходило? Отъ того, что люди въ дѣлахъ добродѣтели больше убѣждаются дѣлами, чѣмъ словами, почему тогда какъ они въ семь случаѣ могли бы вполне довѣриться такому учителю, который бы не только училъ, но и творилъ то, чему учить и такимъ образомъ самъ идетъ впередъ, какъ бы держа за руку своего слушателя, наоборотъ никакъ не могли заставить себя питать довѣріе къ такого рода учителямъ, которые не дѣлали того, чему учили, или даже противно этому поступали. А между тѣмъ таковы и были философы, которые своихъ словъ не подтверждали дѣлами, которые, когда проповѣдывали другимъ о преодолѣніи страстей, сами имъ непрекословно подвергались, а потому ни въ кого не всеяли добродѣтели и ихъ правиламъ никто не слѣдовалъ. Но какимъ же учителемъ явился Христосъ? Онъ-то именно и былъ тѣмъ единственнымъ учителемъ, который не только словомъ премудрости училъ, но и дѣйствительною добродѣтельною подтверждалъ Свое ученіе, для чего Онъ, между прочимъ, не смотря на то, что былъ Богомъ, принявъ человѣческую плоть и сталъ человѣкомъ, такъ какъ безъ этого нельзя было явить людямъ живаго примѣра Своей святой и добродѣтельной жизни. Понятно, что предъ голосомъ этого истиннаго и праведнаго учителя должно умолкнуть всякое сомнѣніе и недовѣріе людское, равно какъ здѣсь не могутъ имѣть мѣста обычныя людскія извиненія и оправданія своихъ нравственныхъ недостатковъ слабостію и немощностію плотской природы, такъ какъ

Самъ учитель на Своемъ собственномъ примѣрѣ показалъ, что и въ плоти можно побѣждать всякій грѣхъ и достигнуть богоподобной святости¹⁾.

Мысль эту, которую по существу раздѣляли и всѣ древніе учителя, такъ какъ всѣ они Иисуса Христа по человечеству признавали святымъ и безгрѣшнымъ, *Дамаскинъ* впоследствии въ сжатой формѣ выразилъ такъ, что „Сынъ Божій принялъ наше естество (между прочимъ) и для того, чтобы чрезъ Себя Самого и въ Себѣ Самомъ возобновить образъ (Божій) и подобіе, и (такимъ образомъ) научить насъ жизни добродѣтельной, чрезъ Себя Самого содѣлавъ ее удободоступною для насъ“²⁾.

2. Касааясь первосвященническаго служенія Христова, отцы и учителя этого періода, какъ было и прежде, оставляютъ свое особеннѣйшее вниманіе на томъ, что было самаго важнаго и выдающаго въ этомъ служеніи, а именно на страданіяхъ и смерти Христовой, и видя въ нихъ по преимуществу принесенную Христомъ Богу за грѣхи всѣхъ людей жертву, для большей ясности обыкновенно представляютъ послѣднюю въ видѣ уплаты правосудію Божию человеческого долга, уплаты оказавшейся вполне достаточною, какъ потому, что она заключалась въ добровольной и непорочной жертвѣ, такъ главнымъ образомъ потому, что эта жертва принесена была не отъ лица человѣка только, а совместно и Сына Божія.

Такъ, напр. по ученію *св. Афанасія александрійскаго*, тогда какъ человѣкъ самъ собою не могъ искупить себя, такъ какъ для этого требовалось, чего онъ не могъ выполнить, не одно покаяніе въ совершенныхъ грѣхахъ, а и уничтоженіе въ себѣ смерти и вкорененіе новой жизни, это великое дѣло привялъ на Себя Самъ Сынъ Божій, какъ потому, что Онъ одинъ только могъ его исполнить, такъ и потому,

¹⁾ Instit. lib. IV. c. 23 et 24. Справ. Ibid. c. 11 et 17.

²⁾ De fid. orthodox. lib. IV. c. 4.

что, по слову Апостола, подобало начальникомъ спасенія сдѣлаться именно Ему, *Ею же ради всяческая и Имъ же всяческая* (2 Кор. 5, 10). Но какъ же Онъ могъ совершить его? Для того, чтобы милостію Божіею не была нарушена Его правда, требовалась со стороны Искупителя людей полная уплата ихъ долга правосудію Божію. А такъ какъ на людяхъ между прочимъ лежалъ тотъ долгъ, что они за свои грѣхи повинны были закону смерти, то и Искупителю необходимо было умереть, чтобы Своею смертію заплатить за смерть всѣхъ повинныхъ смерти. Потому-то Христосъ, пришедши на землю для искупленія людей, не въ солнце или звѣзды облекся, а воспринялъ отъ Пресв. Дѣвы непорочную плоть человѣческую, вочеловѣчившись же пострадалъ и умеръ не ивою, а крестною смертію, съ тѣмъ чтобы, ставъ вмѣсто насъ клятвою, понести на Себѣ заслуженное вашими грѣхами проклятіе и тѣмъ самымъ искупить насъ отъ него. Смерть же Христова явилась вполнѣ искупительною смертію за другихъ потому, что Онъ повесъ ее не за Себя, а за другихъ совершенно добровольно, будучи Самъ невиненъ и безгрѣшенъ, въ особенности же потому, что при этомъ Онъ былъ Богъ-Слово и силою Своего божества имѣлъ воскресить Свое умершее тѣло, и такимъ образомъ самую Свою смертію упразднить смерть, открывая въ ней для всѣхъ вѣрующихъ источникъ и начало новой вѣчной жизни¹⁾.

Точно также училъ *св. Кирилль іерусалимскій*. По его словамъ „мы были врагами Богу по причинѣ грѣха, и Богъ опредѣлилъ смерть грѣшнику. Чему же, спрашиваетъ онъ, изъ двухъ надлежало быть: по правосудію ли надлежало умертвить, или по челолюбію нарушить опредѣленіе“, и на это отвѣчаетъ слѣдующимъ: „примѣчай премудрость Божію, Богъ сохранилъ (здѣсь) и истину опредѣленія и силу челолюбія. Возмешь Христосъ *грѣхи на тѣло на древо,*

¹⁾ De incarn. Verbi n. 7—10; 20, 25 et 43.

да смертію Ею мы отъ грѣхъ избавимъ, правдою пожизнемъ“ (1 Петр. 2, 24) ¹⁾). На вопросъ же, какимъ образомъ смерть Христова могла произвести такое необъятно великое искупительное дѣйствіе, вотъ какой даетъ онъ отвѣтъ: „немаловаженъ былъ умершій за насъ, не чувственный былъ агнецъ, не простой былъ человѣкъ; не ангелъ только былъ, но вочеловѣчившійся Богъ. Не столь было важно беззаконіе грѣшниковъ, сколь была важна правда умершаго за нихъ. Не столько мы согрѣшили, сколько сдѣлалъ правды положившій душу Свою ²⁾). Не удивляйся (потому) тому, что міръ весь искупленъ... Если первосозданный изъ земли навесъ всемірную смерть, то Создавшій его изъ земли не могъ ли привести жизни вѣчной, Самъ будучи живъ? Если Финеесъ, умертвившій въ ревности блудодѣйствовавшаго человѣка, прекратилъ гнѣвъ Божій, то Іисусъ, не другого предавъ смерти, но Самого Себя принести въ искупительную цѣну, ужели не могъ утолить гнѣва (Божія) на людей“ ³⁾)?

Эту же самую мысль съ подобною ясностію и силою раскрывали *св. Василій великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ*. По *Василію*, тогда какъ никто изъ людей, по слову писанія, не могъ дать Богу измѣны за ся и цѣну избавленія души своей (Пс. 48, 8), чтобы умилостивить Бога, потому что всѣ сами повинны были грѣху, таковою измѣною и цѣною избавленія за души всѣхъ явилась равноцѣнная всѣмъ людямъ святая и многоцѣнная за нихъ пролитая кровь Господа нашего Іисуса Христа. Почему же? Потому что Онъ не простой былъ человѣкъ, а превосходящій людей естествомъ Богочеловѣкъ, и кромѣ того по самому человечеству Своему былъ совершенно безгрѣшенъ, почему не имѣлъ нужды въ томъ, чтобы давать Богу выкупъ за избавленіе Своей души, а Самъ могъ дать и дѣйствительно

¹⁾ Cathech. orat. 13. n. 33.

²⁾ Ibid. n. 33.

³⁾ Ibid. n. 2.

дязь таковой за другихъ, являясь, по слову Апостола, архіереємъ преподобнымъ, незлобивымъ, безсквернымъ и отлученнымъ отъ грѣшникъ... иже не имать по вся дни нужды, якоже первосвященникъ, прежде о своихъ грѣсѣхъ жертвы приносити, потомъ же о людскихъ несправедливостяхъ“ (Евр. 7, 26. 27; 9, 7)¹⁾. По Григорию же Богослову, „Имъ за каждый долгъ нашъ воздано особо... Для сего Иисусъ постился, былъ искушаемъ и побѣждалъ побѣдившаго; для сего древо за древо и руки за руку,—руки, мужественно распростерты за руку невоздержно простертую, руки пригвожденныя за руку своевольную, руки, совокупающія воедино концы міра, за руку, извергшую Адама; для сего вознесеніе на крестъ за паденіе, желчь за вкушеніе, терновый вѣнецъ за худое владычество, смерть за смерть... и погребеніе за возвращеніе въ землю“²⁾. А по Златоусту, Христосъ заплатилъ даже больше, чѣмъ сколько мы были должны, такъ что Его уплата въ сравненіи съ долгомъ составляетъ то же, что безмѣрное море въ сравненіи съ малою каплею³⁾.

Подобнымъ же образомъ учили объ искупительномъ значеніи первосвященническаго ученія Христова св. Иларій⁴⁾, Ефремъ Сиринъ⁵⁾, Амвросій⁶⁾, Епифаній⁷⁾, Кириллъ александрійскій⁸⁾, Августинъ⁹⁾ и другіе¹⁰⁾, а также св. Іоаннъ Дамаскинъ, который главныя мысли о семъ предшествовав-

¹⁾ Homil. in Psalm. 48. vers. 8 et 9.

²⁾ Orat. 2. (apologetica) n. 23. Сравни. Пѣсноп. таинства. о Сынѣ. Та. св. отц. IV. 220.

³⁾ Homil. 10. in epist. ad Rom. c. 5. vers. 17.

⁴⁾ In Psalm. 135.

⁵⁾ Слово о еград. Спасит. Твор. св. отц. XV, 248.

⁶⁾ In Luc. c. 7: „не искушала насъ кровь пророковъ, не искушала насъ Петръ или Павелъ; одинъ тотъ могъ искупить насъ Своєю смертію, кто и Богъ есть и человекъ“.

⁷⁾ Haerese. 69. n. 39.

⁸⁾ Comment. in Joann. lib. c. 1. Patr. curs. compl. graec. T. 73. col. 205.

⁹⁾ Tract. in Psalm. 149.

¹⁰⁾ Напр. Григорій нисскій. De obscuro. Domin. opp. T. III. ed. Morel. p. 1638. По Евсевію, можно замѣтить первую причину смерти Христовой было

шихъ пастырей въ такой формѣ выразилъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ безгрѣшный (ибо *cruxa ne сотвори* (1 Петр. 2, 22), *ниже обрѣтется лествъ во устѣхъ Ею* (Ис. 53, 9), не подлежалъ смерти, потому что смерть вошла въ міръ чрезъ грѣхъ. Но Онъ умираетъ, пріемля за насъ смерть, и за насъ приносить Себя въ жертву Отцу; ибо мы согрѣшили предъ Отцемъ, и Ему надлежало принять цѣну искупленія за насъ, чтобы такимъ образомъ намъ освободиться отъ осужденія“¹⁾.

3. Что касается, наконецъ, царскаго служенія Христова, то учителя этого періода, какъ и имъ предшествовавшіе, первымъ и самымъ существеннымъ его дѣломъ почитали упраздненіе смертію Христовою имущаго державу смерти, и вмѣстѣ съ симъ освобожденіе изъ-подъ его власти плѣнныхъ имъ душъ чelовѣческихъ. Но въ образѣ представленія о самомъ способѣ совершенія этого великаго искупительнаго дѣла усматривается у нѣкоторыхъ изъ нихъ нижеслѣдующая особенность, которая обращаетъ на себя вниманіе и требуетъ нужнаго разъясненія.

Какъ мы знаемъ, еще *св. Иринея* избавленіе людей отъ рабства діавола и смерти представлялъ подъ формою выкупа ихъ цѣною крови Христовой, но ему совершенно чужда была при этомъ мысль о какомъ бы ни было договорѣ Христа съ діаволомъ или о сдѣланномъ со стороны Христа и заключающемся въ Его смерти выкупномъ предложеніи, которое діаволъ могъ принять и не принять. Правда, *св. Иринея*, касаясь сего предмета, выразился вотъ какимъ, по-видимому благопріятнымъ для вышеозначенной мысли образомъ. „Повелику, говоритъ онъ, отступничество несправедливо возобладало нами и насъ, по природѣ составляющихъ

то, чтобы Ему получить господство надъ мертвыми и живыми, второи—то, чтобы пострадать за насъ, и ставъ за насъ клятвою, очистить грѣха наши, и третью—то, чтобы совершить божественное жертвоприношеніе и за весь міръ принести великую жертву сущему надъ всѣми Божу (Demonstr. evang. IV, 12).

¹⁾ De fid. orthodox. lib. III. c. 27.

достояніе всемогущаго Бога, противоестественно отчуждено (отъ Него) и сдѣлало насъ своими собственными учениками, то Слово Божіе всемогущее, но не скудное въ своемъ правосудіи, праведно обратилось противъ самаго отступничества и искупило отъ него свое достояніе, не силою, какъ то (отступничество) возоблададо пасть нами, ненасытно похищая чужое, но убѣжденіемъ, какъ подобаеть Богу, убѣждая, а не насилуя получать, что Ему угодно¹⁾. Но подъ убѣжденіемъ, о которомъ здѣсь рѣчь, св. Иринеи, какъ должно полагать, вовсе не разумѣлъ убѣжденіи въ смыслѣ склоненія Христомъ діавола къ принатию въ замѣнъ за находящихся въ его плѣну человѣческихъ душъ Своей собственной души, а скорѣе напротивъ разумѣлъ убѣжденіе въ смыслѣ разоблаченія или обличенія Искупителемъ діавола въ его незаконномъ и преступномъ захватѣ не принадлежащихъ ему по праву душъ,—что между прочимъ подтверждается и другимъ болѣе яснымъ и опредѣленнымъ мѣстомъ, гдѣ такъ представляется дѣло, что Спаситель, вступивъ изъ-за искупленія людей въ борьбу съ діаволомъ, „какъ человѣкъ, показалъ его бѣглецомъ и преступникомъ закона и отступникомъ отъ Бога, а потомъ какъ Слово—крѣпко связалъ его, какъ Своего бѣглеца, и расхитилъ его сосуды, т. е. людей, коими онъ владѣлъ и несправедливо пользовался²⁾).

И *Оригенъ*, какъ мы видѣли, также освобожденіе Христомъ людей изъ-подъ власти діавола и смерти представлялъ подъ видомъ выкупа ихъ изъ плѣна цѣною Своей души, но съ этимъ вовсе не соединялъ мысли о томъ, будто бы эта выкупная за души человѣческія цѣна была предложена не Богу, а діаволу, хотя въ то же время онъ допускалъ, что самъ діаволь расхитывалъ дѣйствительно чрезъ преданіе смерти Іисуса приобрѣсть въ Его душѣ богатую для себя

¹⁾ Contr. haeres. lib. V. c. 1. n. 1.

²⁾ Ibid. c. 21. n. 3.

добычу, въ чемъ однакожъ совершенно обманулся, оказавшись не въ силахъ удержать ее въ своей власти, и совмѣстно съ симъ потерялъ власть и надъ другими душами человѣческими¹⁾).

Между тѣмъ нѣкоторые изъ учителей этого періода, ставъ повторять прежній образъ представленія объ освобожденіи людей отъ виновника грѣха и смерти посредствомъ выкупа цѣною смерти Христовой, вмѣстѣ съ симъ стали привмѣшивать въ него нѣкоторыя совершенно новыя свои собственныя мнѣнія, а именно: что будто бы выкупъ за находящихся въ плѣну у діавола душъ данъ былъ Христомъ въ Его тѣлесной смерти, по взаимному соглашенію, самому діаволу, призвавшему въ Немъ необычайнаго человѣка, но не подозревавшему въ Немъ прикрытаго человѣчествомъ Божества, и что будто бы это должно было быть сдѣлано, съ одной стороны для того, чтобы соблюсти справедливость, которую требовалось за свободу плѣнныхъ душъ ихъ обладателю дать соответствующій выкупъ, а съ другой—для того, чтобы чрезъ эту обманчивую приманку смерти тѣла Христова, скрывавашаго подъ собою Его Божество, побудить діавола неволью приблизиться и прикоснуться къ самому Божеству, слѣдствіемъ чего должно было быть сокрушеніе его власти и свобода всѣхъ доселѣ подвластныхъ ему неповинныхъ человѣческихъ душъ.

По *Кириллу іерусалимскому*, „Господу надлежало пострадать за васъ. Но діаволъ не осмѣлился бы приступить къ Нему, если бы зналъ Его. Поэтому-то преданное на смерть Его тѣло сдѣлалось приманкою для змія съ тѣмъ, чтобы онъ, рѣшившись поглотить его, вмѣстѣ съ нимъ изблевалъ и прежде имъ поглощенныхъ“²⁾). По *Василію же великому*, „для изведенія нашего на свободу, которую мы утеряли, бывъ побѣждены насиліемъ діавола, нужна была

¹⁾ См. предмуд. § 100.

²⁾ *Cathech. orat.* 12. n. 15.

искупительная цѣна. Потому что діаволъ, взявъ насъ въ рабство, не освободилъ бы отъ своего мучительства, если бы не пожелалъ обидѣть насъ, побужденный къ тому какими-либо достойными выкупомъ. А потому и предложенное ему въ выкупъ должно было быть не однородно съ поработченными, а въ значительной мѣрѣ превышать ихъ цѣнность, чтобы добровольно склонить діавола къ освобожденію отъ рабства плѣнниковъ¹⁾. А Григорій нисскій этотъ исключительный образъ воззрѣнія на выкупъ людей изъ рабства діавола вотъ какими пополняетъ мыслями и соображеніями. По его представленію, если нѣкоторые изъ людей кому-либо продаютъ самихъ себя вмѣстѣ съ своею свободою, то они всѣми признаются рабами своего покупателя, хотя бы были и высокаго происхожденія, и никто не сочтетъ дѣломъ позволительнымъ и законнымъ, если бы кто захотѣлъ ихъ исхитить изъ рабства ихъ властителя, тогда какъ наоборотъ всякій признаетъ вполне законнымъ и справедливымъ, если бы кто для изыятія таковыхъ изъ рабства вступилъ въ соглашеніе съ ихъ обладателемъ и согласно съ желаніемъ послѣдняго предложилъ ему за ихъ свободу равноцѣнный имъ или даже превышающій ихъ цѣнность выкупъ. Потому-то и Искупителемъ нашимъ для освобожденія насъ отъ діавола, подъ власть котораго мы чрезъ грѣхъ себя продали, употреблено не насильственное, а такое средство, противъ справедливости котораго ничего не могъ возразить самъ діаволъ, а именно Имъ, въ замѣнъ находящихся во власти діавола людей, предложена была Своя собственная плоть человѣческая, подъ которою сокрыто было божество и которая, обнаруживая себя въ необычайныхъ дѣйствіяхъ, ту внушила діаволу мысль, что чрезъ приобрѣтеніе ея взамѣнъ за содержащихся въ его власти душъ не только ничего не потеряетъ, но и еще получить больше. Но между тѣмъ тогда какъ врагъ нашъ

¹⁾ Homil. in Psalm. 48. vers. 7.

подобно жадной рыбѣ, бросился на приманку плоти, вмѣстѣ съ симъ имъ увлечена была и уда Божества. Слѣдствіемъ же сего было то, что по водвореніи жизни на мѣсто смерти и появленіи свѣта на мѣсто тьмы само собою уничтожилось то, что было противоположно свѣту и жизни. Потому что вѣтъ возможности и тьмѣ оставаться въ присутствіи свѣта, и быть смерти, когда дѣйствуетъ жизнь. Правда, присовокупляетъ къ сему Григорій, въ семъ случаѣ допущенъ былъ вѣкоторый въ отношеніи въ діаволу обманъ, но тому, кто обманулъ человѣка приманкою удовольствія, и самому надлежало обмануться человѣческимъ видомъ Божества и тѣмъ невольно послужить въ явленію премудрости и правды Божіей, что долженъ бы былъ сознать и самъ діаволъ, если бы только въ состояніи былъ восчувствовать силу тѣхъ спасительныхъ благодѣній, кація Искупителемъ чрезъ это поданы были людямъ ¹⁾).

Но спрашивается, какъ такой образъ представленія нужно понимать? Мы не думаемъ, чтобы означенные учителя все въ этомъ образѣ принимали въ собственномъ или буквальномъ смыслѣ, а именно, что будто бы дѣйствительно было соглашеніе между Христомъ и діаволомъ относительно условій выкупа находившихся въ плѣну у послѣдняго всѣхъ человѣческихъ душъ, и что будто бы въ силу этого дѣйствительно Христосъ съ тою цѣлію предалъ Себя на смерть, чтобы въ душѣ Своей представить діаволу нужный за другія души выкупъ, безъ чего послѣдній имѣлъ бы полное право не отпустить ихъ на свободу, какъ ихъ полновластный обладатель. Не думаемъ же такъ потому, что, какъ мы видѣли, они согласно съ другими совершенно ясно учили тому, что пострадавшій и умершій за насъ Христосъ припесъ Себя въ жертву не кому-либо иному, какъ Самому Богу Отцу, и не для чего-либо иного, какъ

¹⁾ Orat. Cathed. с. 22—26. Такое мнѣніе было раздѣляемо и нѣкоторыми западными учителями (напр. Амвросіемъ и Руфинномъ).

для уплаты вмѣсто насъ должнаго нами или удовлетворенія правдѣ Божіей, а вмѣстѣ съ симъ и для избавленія насъ, какъ отъ всѣхъ вообще заслуженныхъ нами золъ, такъ и въ частности отъ рабства смерти и діавола. Самъ *Григорій нисскій*, который собственно до своего рода крайности и развилъ теорію выкупа, совершенно прямо и безъ всякихъ колебаній училъ, что „Первосвященникъ и посланникъ нашего исповѣданія, преподобный, незлобивый, нескверный, не причастный нечистотѣ или какому-либо (грѣховному) помышленію, тѣлесно принесся Богу и Отцу за всѣхъ людей..., какъ священникъ по чину Мелхиседекову, Онъ Самого Себя принесъ Отцу въ выкупъ, не за одного израиля, но за всѣ народы“¹⁾. Кромѣ того означенные учителя вовсе не считали діавола вполнѣ самостоятельнымъ и законнымъ обладателемъ человѣческихъ душъ, но почитали его, согласно съ другими учителями, ставшимъ таковымъ только вслѣдствіе поущенія на то Божія, а также вслѣдствіе добровольнаго подчиненія его насильственной власти пораженныхъ грѣхомъ самихъ же человѣческихъ душъ, почему, что само собою понятно, они не могли признать за діаволомъ вполнѣ законнаго права, какъ на освобожденіе по своему усмотрѣнію поработившихся ему душъ, такъ и на заключеніе съ кѣмъ-либо по сему предмету какого-либо выкупнаго договора. Потому-то намъ представляется совершенно умѣстнымъ предположить, не понимали ль они предложенный діаволу за плѣненныхъ имъ людей выкупъ въ томъ смыслѣ, что хотя таковой собственно относился къ Богу и къ одному Богу, потому что всѣ люди оказывались предъ Нимъ однимъ виновными должниками, и если подпали подъ плѣнъ и рабство діавола, то только съ Его на то соизволенія, на подобіе того, какъ согласно съ волею царя заимодавца должникъ попадаетъ во власть его тюремщика, но въ то же время онъ въ нѣкоторомъ родѣ относился и къ

¹⁾ De occurs. Domin. Opp. T. III. p. 454. ed Morel. p. 1638.

дiаволу, такъ какъ по волѣ Божіей происходилъ въ области и такъ сказать на глазахъ имѣющаго державу смерти дiавола, только, присовокупляемъ, относился къ нему не какъ какой-либо договоршій съ нимъ актъ, а какъ актъ правосуднаго и милостиваго приговора Божіа, въ силу котораго онъ долженъ былъ отпустить на свободу пѣнныхъ грѣшниковъ, на подобіе того, какъ по предъявленіи царскаго указа о судѣ и помилованіи, тюремщикъ не считаетъ себя уже въ правѣ удерживать въ темницѣ заключенныхъ преступниковъ, а напротивъ почитаетъ себя обязаннымъ тотчасъ выпустить ихъ изъ темницы на свободу. Въ такомъ по крайней мѣрѣ смыслѣ данный Христомъ за людей выкупъ понятъ былъ *св. Іоанномъ Златоустомъ*, который Бога, попустившаго виновныхъ предъ Нимъ людей подпасть подъ рабство дiавола, сравнивалъ съ тѣмъ заимодавцемъ, который должника ему десятью околами должника съ женою, дѣтми и слугами ввергнулъ въ темницу, а Христа Искупителя— съ тѣмъ благотворителемъ, который вмѣсто должника не только возвратилъ десять оловъ, но еще приложилъ къ сему десять тысячъ талантовъ залога, вслѣдствіе чего не только освободилъ должника изъ темницы, но и ввелъ его въ царскій дворець и удостоилъ царскихъ почестей⁴⁾.

Но тѣмъ не менѣе такого рода пониманіе выкупа не высказывалось прямо и ясно вышеозначенными учителями, а потому ихъ образъ представленія о семъ предметѣ, какъ самъ по себѣ неточный и въ частности невѣрный, не могъ не вызвать въ церкви нѣкоторыхъ недоумѣній и возраженій. По сему поводу *св. Григорій Богословъ* вотъ между прочимъ что писалъ: „кому (спрашивается) и для чего пролита излиянная за васъ кровь, кровь великая и преславная, кровь Бога и Архіерея, и жертвы? Если цѣпа искупленія дается не иному кому, какъ содержащему во власти, то спрашиваю, кому и по какой причинѣ привесена такая

⁴⁾ Homil. 10. in epist. ad Rom. c. 5. vers. 17.

Труды Киев. дух. Акад. 1886 г. Т. II.

цѣна? Если—лукавому, то какъ это оскорбительно! Разбойникъ получаетъ цѣну искупленія, получаетъ не только отъ Бога, но самаго Бога, за свое мучительство беретъ такую безмѣрную плату... А если—Отцу, то во-первыхъ—почему это, когда мы не у Него были въ плѣну, а во-вторыхъ, ради чего кровь Единороднаго пріятна была Отцу, когда Онъ не пріянялъ и Исаака, принесеннаго отцемъ, но замѣнилъ жертвоприношеніе, вмѣсто словесной жертвы пріянявъ овна? Или (наковецъ) не открывается ли отсюда, что пріемлетъ Отецъ не потому, что требовалъ или имѣлъ нужду, но по домостроительству и потому, что человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога,—чтобы Онъ Самъ избавилъ насъ, преодолевъ мучителя силою, и возвелъ насъ къ Себѣ чрезъ Сына—посредника все устрояющаго въ честь Отца, которому Онъ во всемъ покоренъ? Таковы дѣла Христовы, большее же сего да будетъ почитено молчаніемъ¹⁾.

Такое столь прямое и строгое сужденіе уважаемѣйшаго въ церкви Богослова, направленное имъ противъ крайностей въ вышеозначенной теоріи выкупа, не могло остаться безъ своихъ благихъ послѣдствій. Такъ у бл. Августина эта теорія появилась уже въ слѣдующемъ существенно измѣненномъ видѣ. По представленію Августина, подобно тому, какъ побѣдитель пріобрѣтаетъ право властвованія не только надъ одними побѣжденными, но и надъ ихъ потомками, и дьяволъ, одержавши чрезъ грѣхонаденіе побѣду надъ первыми людьми, вмѣстѣ съ симъ по допущенію Божію пріобрѣлъ въ нѣкоторомъ отношеніи законное право власти и надъ всеми ихъ поработившими себя грѣху потомками. Между тѣмъ этимъ дьяволъ не ограничился, а задумалъ подчинить своей власти и подвергнуть смерти безгрѣшнаго и ни въ чемъ неповиннаго Иисуса Христа, Сына Божія. Но это, понятно, было преступнымъ насиліемъ, противнымъ закону и правдѣ, а потому навлекло на него праведную кару Божію, слѣдствіемъ чего была

¹⁾ Orat. 45 (in Pasch.) n. 22.

потеря имъ власти не только надъ Христомъ, но и надъ увѣровавшими во Христа всѣми прежде поработченными ему людьми ¹⁾. Въ подобномъ видѣ представляли искупленіе Христомъ людей отъ власти діавола св. *Левъ великій* ²⁾ и *Григорій великій* ³⁾. А между тѣмъ другіе изъ учителей, какъ напр. *Златоустъ* ⁴⁾ и *Теодоритъ* ⁵⁾, согласно съ болѣе древнимъ образомъ представленія св. Иринеея, предпочитали изображать его въ видѣ брани Искупителя съ поработителемъ челоуѣчества діаволомъ, — брани, кончившейся побѣдою перваго надъ послѣднимъ, слѣдствіемъ чего было сокрушеніе власти діавола и дарованіе свободы увѣровавшимъ во Христа узникамъ. *Іоаннъ же Дамаскинъ* вотъ какъ изображаетъ эту самую побѣду, которою одною, по его словамъ, доставлена была людямъ свобода отъ рабства діавола, а отнюдь не тѣмъ, что будто бы послѣднему была (въ видѣ выкупа) принесена кровь Господа, принесенная Христомъ одному Богу Отцу. „Смерть, говорятъ онъ, приступивъ и поглотивъ тѣло Господне, какъ приманку, прозвизалась Божествомъ, какъ удою, и вкусивъ безсмертнаго и животворящаго тѣла, сама погибла и возвратила всѣхъ, поглощенныхъ ею прежде. Потому что какъ съ явленіемъ свѣта исчезаетъ тьма, такъ и прикосновеніемъ жизни было прогнано тлѣніе и для всѣхъ настала жизнь, а для губителя — погибель“ ⁶⁾.

Дальнѣйшимъ же послѣдствіемъ побѣды надъ смертію и адомъ царственнымъ дѣломъ Христовымъ учителя этого періода, какъ и прежніе, почитали воскресеніе Христово, вмѣстѣ съ симъ видя въ немъ самую важную и многозначительную ступень въ искупленія челоуѣчества и возве-

¹⁾ De liber. arbitr. lib. III. c. 10. n. 29. De Trinit. lib. XIII. c. 12 et 14

²⁾ Serm. 59. c. 1 et 3.

³⁾ Moral. lib. III. c. 16; lib. XVII. c. 30; lib. XXXIII. c. 9.

⁴⁾ Homil. 2. in Matth. n. 1. Снес. слово на Пасху.

⁵⁾ Divin. decret. c. 11. Также *Еуифаній* (Наевр. 2. 20).

⁶⁾ De fid. orthodox. lib. IV. c. 27.

деніи его отъ смерти къ жизни, отъ тлѣнія къ нетлѣнію и безсмертію, такъ какъ, по ихъ представленію, собственно чрезъ воскресеніе Христова явлена была Его полная побѣда надъ смертію, а также положено было начало и данъ былъ несомнѣнный залогъ нетлѣнія и вѣчной жизни для всѣхъ искупленныхъ людей. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія нижеслѣдующее разсужденіе *св. Аванасія*, который, касаясь сего предмета, вотъ что говоритъ: „Господь особеннѣйшею цѣлью Своего домостроительства имѣлъ то, чтобы явить воскресеніе Своего тѣла; въ немъ хотѣлъ Онъ явить всѣмъ знаменіе побѣды надъ смертію, и увѣрить всѣхъ, что чрезъ Него истреблено тлѣніе и даровано людямъ нетлѣніе... А что смерть сокрушена, что крестъ сдѣлался побѣдою надъ нею, что она не имѣетъ уже болѣе силы, содѣлавшись мертвою, сему немаловажнымъ признакомъ и яснымъ удостовѣреніемъ служить то, что она пренебрегается всѣми учениками Христовыми, всѣ, не боясь, наступаютъ на нее; и крестнымъ знаменіемъ съ вѣрою попираютъ ее, какъ мертвую. Прежде, пока не наступило божественное Спасителево пришествіе, страшна была смерть и самимъ святымъ, и всякаго умярающаго оплакивали, какъ погибшаго. Теперь же, поелику Спаситель воскресилъ тѣло, смерть уже не страшна, но всѣ вѣрующіе во Христа попираютъ ее, какъ ничтожную, и скорѣе рѣшаются умереть, нежели отречься отъ вѣры во Христа. Потому что несомнѣнно знаютъ, что умирающіе не погибаютъ, но остаются живы, и чрезъ воскресеніе содѣлаются нетлѣвными“¹⁾. Подобнымъ же образомъ о высокомъ и необъятномъ значеніи воскресенія Христова учили и другіе отцы церкви, какъ напр. *св. Кириллъ іерусалимскій*²⁾, *Григорій Богословъ*³⁾, *Іоаннъ Златоустъ*⁴⁾ и *Дамаскинъ*⁵⁾.

¹⁾ De incarnat. Verbi Dei. n. 22 et 27.

²⁾ Orat. catech. 11. n. 1.

³⁾ Orat. 1. (in Pasch.) n. 1 et 2.

⁴⁾ In Matth. homil. 90. n. 2

⁵⁾ De fid. orthodox. lib. III. c. 29.

Касаясь, наконецъ, того, что составляетъ какъ бы вершину или возглавленіе царскаго служенія Христова, а именно вознесенія Христова и возсѣденія одесную Бога Отца, учителя разсматриваемаго нами періода прежде всего опредѣляютъ, какаго рода та царская власть надъ небомъ и землею, какая дана была Іисусу Христу по Его вознесеніи на небо и возсѣденіи одесную Бога Отца, а вслѣдъ за симъ отчасти уясняютъ и то, каковымъ образомъ эта власть,—власть единого, можетъ распространять и дѣйствительно распространяетъ свои искупительныя дѣйствія на все нуждающееся въ искупленіи человѣчество. Такъ, подъ означенною властію они разумѣютъ не ту чисто божественную власть, каковую Христосъ по одному Своему Божеству всегда имѣлъ надъ міромъ, и каковая никогда не прекратится, а ту особеннѣйшую духовно-благодатную власть, или власть по домостроительству спасенія людей, какая была пріобрѣтена Имъ Его искупительными заслугами, какъ Богочеловѣкъ, и какая продолжится только до окончательной побѣды надъ грѣхомъ и смертію¹⁾. А что касается того, каковымъ образомъ спасающая сила этой власти простирается на всѣхъ людей, то это они, согласно съ древнѣйшими учителями, большею частію объясняютъ тѣмъ особеннѣйшимъ и внутреннѣйшимъ соотношеніемъ, въ какое къ людямъ, на подобіе Адама, сталъ Искупитель нашъ, бывъ не только по безгрѣшности единственнымъ человѣкомъ, но вмѣстѣ Богомъ, а потому имѣя полную возможность распространить Свое всемогущее и животносное вліяніе и дѣйствіе на всѣхъ, кто только оказывается къ воспринятію ихъ способнымъ. „Если, по Кириллу іерусалимскому, единога прегрѣшеніемъ смерть царствова въ міръ, то не паче ли правдою единога воцарителся жизнь (Рим. 5, 17)? Если первоадава

¹⁾ См. напр. *Григ. Богосл.* (Orat. 30. De theolog. 4. n. 2 et 3); *Златоуст.* (Homil. 39. in epist. 1 ad Corinth. c. 15, 5 et 24); *Теодоритъ* (In Psalm. 2); *Зенон. верок* (на слова: 1 Кор. 15, 24. Хр. Чт. 1838. 11, 15); *Август.* (Tract. in Psalm. 149).

ный изъ земли принесетъ всемірную смерть, то не принесетъ ли вѣчную жизнь Создавшій человека изъ земли, когда Самъ Онъ есть жизнь¹⁾? По *Аванисію* же *александрійскому*, Сынъ Божій, сдѣлавшись чрезъ воплощеніе соприсущимъ всѣмъ намъ, этимъ самымъ уже помогаетъ намъ въ дѣлахъ нашего спасенія и избавляетъ насъ отъ всѣхъ навѣтновъ вражескихъ, подобно тому, какъ какой-либо славный земной царь, поселившись въ какомъ-либо городѣ, этимъ самымъ уже охраняетъ благоденствіе его жителей и отстраняетъ отъ нихъ всякія опасенія отъ нападенія со стороны ихъ враговъ²⁾. А другіе учителя, какъ напр. *Григорій нисскій*³⁾, *Григорій Боюсловъ*⁴⁾, *Златоустъ*⁵⁾ и *Авустинъ*⁶⁾, Иисуса Христа въ Его внутреннемъ отношеніи къ духовно-благодатному царству обыкновенно сравниваютъ съ главою въ ея отношеніи къ тѣлесному организму, котораго всѣ члены, пока не прерываютъ своей связи съ главою, и ея жизнею силою, одинаково проникаются, оживотворяются и сохраняются.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что означенные учителя всеобщность искупительныхъ дѣйствій Христовыхъ понимали не въ смыслѣ безусловномъ, а ограничительномъ, и именно, только въ смыслѣ ихъ общегодности и предназначимости для общаго спасенія, хотя на дѣлѣ не всѣ ими должнымъ образомъ пользуются и спасаются. По *Златоусту*, напр. „Христосъ съ своей стороны умеръ за всѣхъ, чтобы спасти всѣхъ, и эта смерть вполнѣ соотвѣтствовала гибели всѣхъ, но не всѣхъ истребила грѣхи, потому что сами того не хотѣли“⁷⁾. *Теодоритъ* же, по поводу словъ ап. Павла: *послушаніемъ единому праведни будутъ мнози* (Рим. 5,

¹⁾ Orat. catech. 13. n. 2.

²⁾ De incarnat. Dei Verbi. n. 9.

³⁾ Orat. catech. c. 16.

⁴⁾ Orat. 30. n. 4.

⁵⁾ Homil. 8, in epist. ad Rom. c. 5. vers. 17.

⁶⁾ De Trinit. lib. IV. c. 7 et 9.

⁷⁾ In Hebr. homil. 17. n. 2.

19), замѣчаетъ слѣдующее: „весьма кстати Апостоль употребилъ здѣсь слово: многіе. Потому что послѣ пришествія Спасителя не всѣ получаютъ спасеніе..., а только вѣрующіе въ Него и живущіе по Его божественнымъ законамъ“¹⁾).

§ 102.

Замѣчанія о дальнѣйшей судьбѣ догмата на востокъ и западъ съ критическимъ сужденіемъ о противныхъ ему ученіяхъ.

Относительно же дальнѣйшей судьбы разсматриваемаго нами догмата слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что восточная церковь соблюла и соблюдаетъ его во всей неизмѣнной цѣлости и силѣ, почитая въ немъ, согласно съ древнѣйшею церковію, самымъ главнымъ и какъ бы средоточнымъ то, что Іисусъ Христосъ, не смотря на то, что былъ Сыномъ Божиимъ и человѣкомъ совершенно безгрѣшнымъ и неповиннымъ, добровольно пострадалъ и умеръ, съ тѣмъ, чтобы принеся Себя Богу въ жертву за грѣхи всѣхъ людей, и приобрѣсть имъ помилованіе и прощеніе, послѣ же смерти воскресши, вознесшись и возсѣвши одесную Бога Отца, стать вѣчнымъ ихъ предъ Нимъ ходатаемъ и предстателемъ. Такое вѣрованіе восточной церкви между прочимъ съ ясностію выразилось въ Посланіи восточныхъ патріарховъ²⁾ и въ Православномъ исповѣданіи католической и апостольской церкви восточной³⁾.

То же самое можно сказать и относительно западной церкви, въ которой тоже въ цѣлости соблюли означенный догматъ, хотя не безъ борьбы съ немалочисленными противными ему мнѣніями. А такъ какъ принятая здѣсь его формулировка въ главномъ и существенномъ была выработана *Анзельмомъ кентербурійскимъ*, то мы считаемъ не лиш-

¹⁾ Divin decret. с. 11.

²⁾ Членъ 8.

³⁾ Вопрос. 45 и 47.

нимъ вкратцѣ изложить самое ученіе объ искупленіи этого знаменитаго схоластическаго богослова. По его воззрѣнію, первый человѣкъ чрезъ свое грѣхопаденіе безконечно оскорбилъ Бога, поступивъ противъ Его воли не только благой и премудрой, но и праведной и святой, а также не воздавъ подобающей Ему чести, что оказывалось тѣмъ преступленіемъ и виновнѣе, что сопровождалось порчею не только самого падшаго человѣка, но и всѣхъ его потомковъ, а также всей твари. А такъ какъ всякій грѣхъ потому самому, что есть грѣхъ, долженъ быть или соотвѣтственно своей виновности наказанъ, или же соотвѣтствующимъ удовлетвореніемъ искупленъ; то вышеозначенный грѣхъ, вслѣдствіе своей безграницной виновности, долженъ быть или наказанъ вѣчною гибелью и смертію, или же искупленъ такого рода удовлетвореніемъ или жертвою, которая имѣла бы безграницное значеніе. Но Богу не благоугодно было допустить первое, а потому должно было имѣть мѣсто послѣднее. Но кто же, спрашивается, могъ принести Богу удовлетвореніе, или жертву, вполне соотвѣтствовавшую безконечной винѣ человѣка? Такой жертвы не могъ принести ни самъ человѣкъ, какъ конечный и виновный предъ Богомъ, ни другое какое-либо созданное существо, ни самъ ангелъ, потому что всѣ они конечны, могъ же сдѣлать это одинъ, стоящій превыше твари, безконечный Богъ. А такъ какъ, далѣе, жертва удовлетворенія за грѣхи людей естественно должна была быть принесенною отъ лица человѣка и притомъ человѣка безгрѣшнаго, иначе она не могла быть богоугодною жертвою, то приносящій ее долженъ былъ быть не только Богомъ, но вмѣстѣ и человѣкомъ, и притомъ совершенно невиннымъ и безгрѣшнымъ человѣкомъ, почему долженъ былъ непорочно родиться отъ непорочной дѣвы. Между тѣмъ такимъ именно и явился Искупителемъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ. Будучи Сыномъ Божиимъ, Онъ сталъ человѣкомъ, родившись безсѣменно отъ Духа Святаго и пренепорочной Дѣвы Маріи, сталъ человѣкомъ для того, чтобы искупить людей,

принесли Себя за нихъ въ жертву, для удовлетворенія оскорбленному правосудію Божию. Не смотря на то, что былъ Сыномъ Божиимъ, а также человѣкомъ совершенно безгрѣшнымъ, Онъ принялъ на Себя грѣхи воіхъ людей, и за нихъ пострадалъ и умеръ, каковаи жертва, какъ жертва Богочеловѣка, и жертва совершенно невинная и добровольная не могла не быть благоугодною Богу, и не послужить полнымъ удовлетвореніемъ за грѣхи всего міра ¹⁾).

Эта теорія, при крайней своей схоластичности, не заключающая въ себѣ ничего несогласнаго съ мыслию древней вселенской церкви, какъ извѣстно, была принята и заняла господствующее положеніе въ западной церкви. Правда, въ непродолжительномъ времени послѣ ея повзленія, возсталъ противъ ней *Петръ Абелярдъ*, противопоставивъ ей свою собственную теорію, теорію не искупительнаго, а только чисто моральнаго значенія смерти Христовой, которая будто бы потому только была благотворна, что осязательно выразила любовь Божию къ людямъ, и чрезъ то и въ нихъ самихъ стала возжигать спасительную любовь къ Богу ²⁾). Но это ученіе Абелярдова на первыхъ же порахъ съ негодованіемъ было встрѣчено и со всею силою отвергнуто *Бернардомъ кларвэйскимъ* ³⁾), которымъ вмѣстѣ съ симъ защищено и подтверждено ученіе Ансельмова. Въ непродолжительномъ же времени то же было повторено *Петромъ Ломбардомъ* ⁴⁾), а впослѣдствіи и знаменитымъ *Томомъ аквинскимъ* ⁵⁾), благодаря чему ученіе Ансельмова, не смотря на частые не всегда благопріятствовавшіе ему схоластико-богословскіе споры ⁶⁾), вошло въ силу и стало общепринятымъ въ западной церкви.

¹⁾ Cur Deus homo. Lib. I. c. 11 et 14; Lib. II. c. 5 et 6.

²⁾ Comment. in epist. ad Rom. 3, 26. Theolog. Christ. lib. IV. c. 13.

³⁾ Epist. 190. c. 5.

⁴⁾ Libr. sent. III. dist. 19.

⁵⁾ Summ. P. III. qu. 22.

⁶⁾ Главнымъ предметомъ таковыхъ споровъ былъ вопросъ: какимъ образомъ смерть Христа одного могла равняться безгрѣшной винойъ всѣхъ людей.

Между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что оно и въ протестантствѣ на первыхъ порахъ было принято во всей своей полнотѣ и силѣ, бывъ утверждено Аугсбургскимъ Исповѣданіемъ, признавшимъ удовлетворительное значеніе за смертью Иисуса Христа, а также Формулою Согласія (*formulae concordiae*), усвоившею такое же значеніе и всей проникнутой всецѣлымъ послушаніемъ Богу Отцу земной жизни Христовой (*obedientia activa*)¹⁾. Но къ сожалѣнію на почвѣ того же протестантства, впоследствии времени, вмѣстѣ съ рационализмомъ, возникли и совершенно противоположныя ученія, низведшія какъ земную жизнь, такъ и смерть Иисуса Христа до значенія только чисто моральнаго или примѣро-назидательнаго. Таковому лжехристіанскому воззрѣнію начало положилъ Социнъ, противопоставивъ ученію Ансельмову нижеслѣдующія возраженія, на которыя намъ не лишне обратить вниманіе, такъ какъ въ виду ихъ и дальнѣйшими рационалистическими теологами отвергаемо было означенное ученіе, какъ будто бы заключающее въ себѣ противорѣчія. По Социну, удовлетвореніе оскорбленному правосудію за грѣхи людей и прощеніе таковыхъ въ силу милости Божіей—два несовмѣстимыя представленія, потому что кто требуетъ себѣ удовлетворенія и принимаетъ его, тотъ не прощаетъ, равно какъ и наоборотъ, кто прощаетъ, тотъ не нуждается въ удовлетвореніи. Кромѣ того, по Социну, не совмѣстно съ правдою Божіею—и при-

Тогда какъ защитники Ансельмовы отвѣчали на это тѣмъ, что Христосъ страдалъ и умеръ, не какъ человѣкъ только, а какъ Богочеловѣкъ, прогавши его утверждали, что Христосъ страдалъ и умеръ, безъ всякаго участія въ себѣ Его Божества, потому и смерть Его не могла имѣть безконечнаго значенія въ отношеніи къ искупленію всѣхъ людей. *Дунсъ-Скоттъ* же, можно замѣтить, склонившись на сторону послѣднихъ, къ этому присовокупилъ такое мнѣніе, что хотя дѣйствительно смерть Христова сама по себѣ не имѣла безмѣрно-искупительнаго значенія, но такое значеніе усвоено ей по благоволенію (*acceptioe gratuita*) Самимъ Богомъ (*Sent. III. dist. 19*).

¹⁾ *Confess. august. art. 4. Formul. concord. p. 684. Cp. Kanis. Luther. Dogm. ed. 1868. T. III. § 12. p. 387.*

нимать такого рода удовлетвореніе за виновныхъ, которое состоитъ въ наказаніи невиннаго, что не допускается и правымъ судомъ человѣческимъ. А наконецъ смерть Христова, хотя бы и была смертію неповиннаго, ни въ какомъ случаѣ не могла бы быть полнымъ удовлетвореніемъ правды Божіей за смерть другихъ, такъ какъ смерть одного, и притомъ временная, далеко не можетъ равняться смерти всѣхъ людей, и притомъ заслуженной и вѣчной ихъ смерти, почему, по Социну, всего уместнѣе за смертію Христовою признать одно только чисто нравственное значеніе, а именно, значеніе залога несомнѣнной увѣренности въ томъ, что каждый христіанинъ можетъ получить прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную подъ тѣмъ условіемъ, если только во всемъ будетъ подражать возвышеннѣйшему примѣру Его самоотверженнѣйшей и добродѣтельной жизни¹⁾.

Но спрашивается, есть ли что-либо христіанскаго въ подобномъ воззрѣніи на значеніе страданій и смерти Христовой? Не есть ли оно, напротивъ, цѣликомъ воспроизведеніе того древняго лжехристіанскаго воззрѣнія на лицо Іисуса Христа и Его служеніе, какого держались древніе евіоней, гностики и ариане, и какое совершенно было отвергнуто церковію, какъ нехристіанское? Ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Социнъ и его сторонники, разсуждая о значеніи смерти Христовой, не знаютъ и не хотятъ знать откровеннаго объ этомъ ученія и видятъ противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ? Такъ, они находятъ противорѣчіе въ томъ, что Богъ съ одной стороны прощаетъ грѣшныхъ людей, а съ другой требуетъ удовлетворенія своему правосудію и таковое принимаетъ. Но не значитъ ли это—разсуждать о Богѣ, по примѣру древнихъ гностиковъ, допускавшихъ двухъ противоположныхъ боговъ—грозно-правосуднаго ветхозавѣтнаго и безусловно милостиваго

¹⁾ Socin. Praelect. theolog. c. 15 et 29. Сравни. Hagenbach. Dogm. geschicht. 1857. § 268. p. 659.

новозавѣтнаго, въ виду чего древними учителями противопоставлена была та несомнѣнная истина, что истинный Богъ долженъ быть вмѣстѣ правосуденъ и милостивъ, такъ какъ ни правда безъ милости не есть истинная правда, ни милость безъ правды не есть истинная милость? Или же, во имя безстрастности Бога, представлять Его совершенно чуждымъ всякихъ оскорбленій грѣхами людскими, не значить ли это представлять Его совершенно безразличнымъ къ добру и злу? Между тѣмъ нужно замѣтить, что ученіемъ объ удовлетвореніи за грѣхи людей оскорбленной правды Божіей предполагалось не иное какое-либо оскорбленіе въ Богѣ, а только оскорбленіе вслѣдствіе нарушенія людьми составляющаго одно съ Его природою и долженствовавшаго быть всегдашнимъ для человѣка идеаломъ нравственнаго закона, равно какъ и требовалось удовлетвореніе не чему-либо иному, какъ тому же нравственному закону, что между прочимъ и было выяснено, въ виду возраженій соцініанскихъ, арменіаниномъ Гроціемъ¹⁾.

Далѣе, означенные мыслители указываютъ на то, что несообразно даже съ судомъ человѣческимъ наказывать

¹⁾ По представленію Гроція, наказаніе за всякаго рода преступленія нужно не для удовлетворенія какого-либо личнаго оскорбленія, а для возстановленія силы и величія закона въ сознаніи духовно-нравственныхъ существъ. Въ подобномъ же смыслѣ нужно было и наказаніе за грѣхи предъ Богомъ всего человѣчества. Богъ чуждъ Самъ въ Себѣ всякаго рода оскорбленія, но Онъ не могъ оставить безъ возможнаго удовлетворенія нарушенный людьми нравственный законъ, который общъ Ему Самому наравнѣ со всѣми духовно-нравственными существами, не могъ потому, что въ противномъ случаѣ таковой законъ потерялъ бы свое значеніе въ мірѣ нравственномъ. Но кто же могъ принести такое удовлетвореніе? Никто изъ людей этого не могъ сдѣлать, потому что всѣ они были грѣшны и виновны, а потому принялъ на Себя исполнить это безгрѣшный Христосъ, принести въ Своихъ добровольныхъ страданіяхъ и смерти возможное удовлетвореніе къ возстановленію униженнаго въ сознаніи духовно-нравственныхъ существъ величія и силы нравственнаго закона. И такое удовлетвореніе не могло быть не принято Богомъ, потому что и не могло быть другого болѣе умѣстнаго и соответственнаго съ существомъ дѣла удовлетворенія (Hugo Grotius, *Defensio fidei catholicae de satisfactioe Christi*. Lugd. 1617).

невиннаго вмѣсто виновнаго съ тѣмъ, чтобы только послѣднему дать прощеніе. Но, спрашивается, почему же они не знаютъ и не хотятъ знать того, что Іисусъ Христосъ чему и Самъ ясно училъ, не по насилію какому-либо или принужденію, а Самъ Собою Себя Самого добровольно обрекъ и предалъ на страданія и смерть съ тѣмъ, чтобы отдать душу свою во избавленіе за всѣхъ? А между тѣмъ никакимъ судомъ человѣческимъ не можетъ быть сочтено преступнымъ то, если бы какой-либо судія, судя виновнаго, съ участіемъ выслушалъ и принялъ во вниманіе ходатайство о немъ такого сердобольнаго ходатая, который бы самъ, будучи совершенно безупреченъ и неповиненъ, въ то же время такъ глубоко сокрушался и умолялъ о прощеніи виновнаго, что готовъ бы былъ самъ вмѣсто него потерпѣть и выстрадать все имъ заслуженное. Не можетъ также никѣмъ быть признано преступнымъ и то, если бы означенный судія не только оказалъ возможное снисхожденіе, но даже совершенно простилъ виновнаго, когда бы нашелъ довлѣющее къ тому основаніе въ такомъ ходатайствѣ, напр. несомнѣнный залогъ всецѣлаго раскаянія и исправленія виновнаго. Что же несоотвѣтственнаго съ закономъ или правдою заключается въ томъ, что Іисусъ Христосъ, будучи Самъ невиненъ и безгрѣшенъ, по безпредѣльной любви Своей къ грѣшнымъ людямъ принесъ въ лицѣ Своемъ за нихъ ходатайственную Богу жертву, и эта жертва принесла виновнымъ людямъ прощеніе, бывъ съ благоволеніемъ принята Богомъ, бывъ такъ потому принята, что въ ней заключалось все довлѣющее къ прощенію людей, и между другимъ и зачатокъ залога всецѣлаго ихъ раскаянія и новой во Христѣ жизни?

Наконецъ социніане и подобные имъ рационалистическіе мыслители почитаютъ неммыслимымъ то, чтобы искупительная жертва Іисуса Христа, какъ только одного, могла простирать свое искупительное значеніе на людей всѣхъ, хотя бы и дѣйствительно заключала въ себѣ такое значеніе.

Но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они не могутъ понять этого, видя во Христѣ одного возвышеннѣйшаго въ нравственномъ отношеніи человѣка. Пусть увѣруютъ во Христа, какъ истиннаго Сына Божія или какъ Богочеловѣка, тогда безъ затрудненія поймутъ то, что само по себѣ ясно и осознательно для каждаго вѣрующаго христіанина. А пока пусть знаютъ, что одинъ примѣръ высокосамоотверженной жизни и смерти Иисуса Христа, какъ человѣка, за коковаго они Его принимаютъ, никогда не спасетъ ихъ, подобно тому, какъ никого не спасали подобныя идеальноравствественныя примѣры, бывшіе и до пришествія Христа. Мы, впрочемъ, этимъ вовсе не отрицаемъ своего значенія и плодотворнаго примѣра за жизнь и страданіями Христовыми, а только утверждаемъ, что онъ самъ собою не спасалъ и не спасаетъ людей. Если въ христіанствѣ течетъ новая совершеннѣйшая по образцу жизни Христовой жизнь, то главная причина этому заключается не въ чемъ-либо иномъ, а въ томъ, что Самъ Иисусъ Христосъ, ставши Искупителемъ людей, въ силу Своихъ искупительныхъ заслугъ, распространяетъ и поддерживаетъ въ нихъ Свою новую истинную жизнь, подавая вѣрующимъ въ Него всѣ нужныя къ тому силы и средства. А какимъ образомъ въ частности совершается это великое дѣло, объ этомъ у насъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ нашемъ трактатѣ.

(Продолженіе будетъ).

Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности.

(Окончаніе ¹).

VI.

Церковно-народное собраніе, разрѣшенное султанскимъ фирманомъ еще въ ноябрѣ 1857 года, открылась не скоро, такъ какъ между министрами Порты и высшимъ греческимъ духовенствомъ возникло сильное несогласіе въ мнѣніяхъ касательно присяги духовныхъ лицъ Портѣ, присутствованія представителя Порты на засѣданіяхъ церковно-народнаго собранія и количества и способа избранія членовъ собранія. По настоянію патриархіи, присяга Портѣ была отмѣнена, но удержанъ Портою представитель ея на засѣданіяхъ собранія. Членами собранія назначены были 31 свѣтскихъ членовъ и 7 духовныхъ. Изъ свѣтскихъ членовъ было 10 депутатовъ отъ столицы и 21 изъ областей и между ними только 3 представителя славянъ, именно представители Босніи (Вутковичъ), Тырнова (Минчоглу) и Филиппополя (Стояновичъ) и, кромѣ того, уполномоченный престарѣлаго князя Вогоридеса (Фотіади), вскорѣ затѣмъ умершаго. Депутатами отъ духовенства сначала назначены были 6 митрополитовъ-геронтовъ или постоянныхъ членовъ константинопольскаго Синода и митрополитъ дидимотихскій. Но въ іюль 1858 года, по приказанію Порты, митрополиты-геронты исключены были изъ состава собранія и, вмѣсто ихъ, назначены и вызваны митрополиты не изъ геронтовъ.

¹) См. Труды Кіев. дух. Акад., июнь 1886 г.

Назначенные такимъ образомъ депутаты стали съѣзжаться въ Константинополь дѣломъ 1858 года, такъ что къ сентябрю мѣсяцу ихъ съѣхалось до 12 лицъ. Наконецъ, 3 октября, 1858 года, церковно-народное собраніе открыло свои засѣданія, происходившія разъ въ недѣлю¹⁾ и продолжавшіяся, съ перерывами, до 2/10 февраля 1860 года включительно²⁾. „Въ самомъ началѣ совѣщаній о дѣлахъ церкви возникло сильнѣйшее и раздражительное разногласіе между его святѣйшествомъ и членами св. синода. Послѣ, спустя непродолжительное время, частію успокоительнымъ ходомъ дѣлъ въ народномъ совѣтѣ, частію при помощи посторонней, время отъ времени пламень разногласія былъ потушаемъ. Но отнюдь нельзя сказать, чтобы причины, произведшія сей печальный раздоръ, были устранены“,—писалъ архимандритъ Петръ³⁾. Предметами обсужденій и постановленій собранія были—избраніе патріарха и архіереевъ, составъ св. синода, сношенія св. синода съ патріархомъ и взаимныя ихъ обязанности, погашеніе патріаршаго долга и содержаніе православнаго духовенства и общественныхъ учрежденій⁴⁾. Не смотря на преобладаніе греческаго элемента въ церковно-народномъ собраніи, нѣкоторыя постановленія его могли привести въ будущемъ пользу и славянамъ, такъ какъ вообще клонились къ расширенію правъ народнаго представительства въ церковно-общественныхъ дѣлахъ, которыми могли воспользоваться и славяне. Притомъ же, и немногочисленные члены собранія изъ славянъ нерѣдко поднимали на его засѣданіяхъ голосъ за

¹⁾ Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78. См. „Греко-болгарская распра“ Ѧ. Стоянова-Бурнова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 506.

²⁾ Донесеніе архим. Петра 9 февраля 1860 г. м. Григорія, въ бумагахъ послѣдняго, № 92.

³⁾ Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода. 8 ноября, 1858 г., и м. Григорію, въ 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 3 и 16 на обор.

⁴⁾ Донесеніе А. Лобанова отъ 2/10 февраля, 1859 г. Министру Иностранныхъ дѣлъ, съ постановленіями собранія, въ бумагахъ м. Григорія, №№ 87 и 82.

своихъ единоплеменниковъ и имѣли въ этомъ отношеніи нѣкоторый успѣхъ.

Не касаясь всѣхъ занятій и постановленій церковно-народнаго собранія, остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя или прямо касались славянъ, или же косвенно могли быть въ послѣдствіи благоприятны имъ.

Въ постановленіи объ избраніи патріарха сказано, что, въ случаѣ вакансіи патріаршаго престола, кромѣ назначенія мѣстоблюстителя, увѣдомленія Портѣ и митрополитамъ, „равнымъ образомъ будутъ отправлены письма къ 28 общинамъ, т. е. къ кесарійской, ефесской, ираклійской, визической, никомидійской и никейской (отъ сихъ двухъ послѣднихъ будетъ одинъ представитель), халкидонской и деркосской (отъ которыхъ также будетъ одинъ представитель), салонянской, тырновской, адрианопольскій, амасійской, янинской, брусской, пелагонійской, босвійской, критской, требизондской, ларисской, филиппопольской, сересской, смирской, митиленской, виддинской, вариской, софійской, хіосской, сколійской, писидійской и кастамунской, чтобы ихъ пригласить къ назначенному двю по одному представителю, или таковымъ назначить кого-либо изъ своихъ соотечественниковъ, человека безукоризненнаго и пребывающаго въ Константинополѣ“¹⁾, для участія въ избраніи новаго патріарха. Этимъ постановленіемъ дано право на участіе въ выборѣ патріарха и нѣсколькимъ славянскимъ городамъ, имѣвшимъ второстепенное значеніе въ имперіи, тогда какъ лишены были этого права нѣкоторые изъ первенствующихъ греческихъ городовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ одинъ изъ духовныхъ членовъ собранія въ своихъ примѣчаніяхъ на правила объ избраніи патріарха. „По милости нѣкоторыхъ, засѣдающихъ теперь въ народномъ совѣтѣ,—писалъ онъ,—данъ голосъ и тѣмъ городамъ, которые не имѣютъ правъ, принадлежащихъ первенствующимъ

¹⁾ Донесеніе А. Лобанова, въ бумагахъ и. Григорія, № 82, глава I, ст. 2. Труды Кіев. дух. Акад. Т. II, 1886 г.

городамъ, какъ на примѣръ *Тырнову, Филиппоплю, Серръ, Смирнѣ, Митленѣ, Софіи, Хиосу...*, но забыли другія области, какъ-то Трапезундъ, Еллеспонтъ, Ниссу, Призрѣвъ, Синопъ, Рухизани¹⁾.

Засѣданіе 19 декабря 1858 года посвящено было разсмотрѣнію вопроса объ избраніи епархіальныхъ архіереевъ. Свѣтскіе стали требовать себѣ участія и въ избраніи архіереевъ. Начались горячія пренія. „Въ особенности депутаты отъ болгаръ, — писалъ новый нашъ посланникъ при Портѣ А. Лобановъ отъ 27 декабря 1858 года, — позволили себѣ въ увлеченіи неумѣренныя обвиненія противъ высшаго духовенства“. Отъ вопроса объ избраніи архіереевъ они перешли къ вопросу о томъ, на какомъ языкѣ совершается богослуженіе въ Болгаріи. Засѣданіе становилось очень шумно, и тогда нѣкоторые изъ преосвященныхъ прочли списокъ епархій и церквей, въ которыхъ богослуженіе совершается исключительно по-славянски. По прочтеніи сего списка, спокойствіе возстановилось²⁾. Въ засѣданіи 3 января 1859 года рассмотрѣнъ и утвержденъ проектъ комиссіи о составѣ св. синода и выборѣ и визложеніи архіереевъ. „Чтобы рѣшеніе дѣла было опредѣленнѣе и точнѣе, дали каждому члену собранія карточку, чтобы каждый свободно выразилъ свое мнѣніе. Всѣ прочіе дали утвердительные голоса, кромѣ представителей Босніи и Филиппополя, представившихъ бѣглыя, и духовнаго лица, подавшаго отрицательный голосъ.

¹⁾ Довесаніе А. Лобанова, въ бумагахъ м. Григорія, № 88.

²⁾ Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патриархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 11. Кромѣ того, въ бумагахъ архим. Пегра имѣется записка представителей епархій Босніи и Болгаріи на имя собранія и его предсѣдателя, помѣченная 6 декабря 1858 года, въ которой развиваются совершенно тѣ же мысли о злоупотребленіяхъ высшаго греческаго духовенства, необходимости славянскаго языка при богослуженіи и способѣ избранія архіереевъ при участіи паствы, какія высказывались болгарскими депутатами на засѣданіи 19 декабря 1858 года. Она напечатана также въ статьѣ Ѳ. Стоянова-Бурмова „Греко-болгарская распра“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 508—511.

Представитель Босні отговаривался своею отдаленностію, разумно сказавъ, что не понималъ разсужденія о предметѣ, который предложенъ на утвержденіе, потому что о немъ говорили на непонятномъ ему языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, когда ему вкратцѣ было объяснено, онъ понялъ вполнѣ и согласился съ другими, что сдѣлалъ и представитель Филиппополя, отнеся жалобу на составленіе прежде бывшихъ протоколовъ¹⁾.

Въ правилахъ объ избраніи архіереевъ и удаленіе ихъ съ кафедръ, между прочимъ, постановлено было слѣдующее: „Ст. 5. Онъ (архіерей) долженъ знать греческій, турецкій и славянскій языки, смотря по области, въ какую назначается.—Ст. 9. Въ случаѣ смерти одного изъ архіереевъ, занимающихъ епархіальную кафедру, св. синодъ не приступитъ къ назначенію преемника прежде полученіи оффиціального донесенія о кончинѣ архіерейской, подписаннаго мѣстными духовными и свѣтскими лицами, съ цѣлью, чтобы, если вмѣстѣ съ симъ увѣдомленіемъ, посланнымъ при первомъ удобномъ случаѣ, они представили бы церкви кого-нибудь, извѣстнаго имъ и церкви, обладающаго требуемыми качествами, находящагося въ то время или въ самой епархіи или въ другомъ мѣстѣ Оттоманской имперіи, опытнаго въ обязанностяхъ духовнаго пастыря и испытаннаго въ служебныхъ дѣлахъ или при умершемъ, или при какомъ-нибудь другомъ архіереѣ,—это лицо принято было, по одобренію св. синода, въ число трехъ кандидатовъ.—Ст. 12. Каждый епархіальный архіерей пожизненно остается на мѣстѣ, на которое призванъ. Но ежели христіане которой-нибудь епархіи представятъ церкви жалобы на архіерея, тогда св. синодъ, истощивъ всѣ средства примиренія враждующихъ сторонъ и постаравшись чрезъ посредство сосѣдняго архіерея изслѣдовать дѣло и возстановить миръ, дол-

¹⁾ Корреспонденція изъ газеты „Византия“, въ русскомъ переводѣ, въ бумагахъ архим. Петра.

женъ, если жалующіеся настаиваютъ и требуютъ суда, вызвать въ Константинополь обвиняемаго архіерея... Ежели же обвиненный признавъ невиннымъ, онъ возвращается безпрепятственно къ своей должности, снабженный доказательствомъ своей невинности, а тѣ, кои его обвиняли, будутъ объявлены клеветниками, подвергнутся заслуженнымъ наказаніямъ и будутъ присуждены къ вознагражденію архіерею, котораго они несправедливо преслѣдовали¹⁾. Обязывая епархіальныхъ архіереевъ знать мѣстный языкъ своихъ пасомыхъ, эти правила вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ послѣднимъ значительную долю участія въ выборѣ и удаленіи архіереевъ, что въ епархіяхъ съ сплошнымъ или преобладающимъ славянскимъ населеніемъ давало возможность выбирать кандидатовъ на епископства изъ славянъ же.

Болѣе прямые и рѣшительныя постановленія въ пользу славянъ сдѣланы въ правилахъ о сношеніяхъ св. синода съ патріархомъ и о взаимныхъ ихъ обязанностяхъ. „Ст. 27... Въ епархіяхъ болѣе замѣчательныхъ,—говорится здѣсь,—должны кромѣ того быть духовныя школы, въ коихъ будутъ воспитываться желающіе посвятить себя церкви и въ особенности сыновья священниковъ, равно какъ и дьяконы и священники, нуждающіеся еще въ образованіи. Воспитанники со способностями и желающіе усовершенствоваться будутъ посылаемы архіереемъ въ богословское училище въ Константинополь.—Ст. 34. Должно быть главнѣйшею заботою св. синода принять въ разсужденіе и посвятить свое вниманіе жалобамъ, поданнымъ церкви въ разныя времена нашими братьями единовѣрцами болгарамъ, въ отношеніи служенія св. литургіи. Церковь должна съ духовною попечительностію и съ материнскою любовію изслѣдовать, до какой степени жалобы и прошенія, ей подавныя, требуютъ исправленія, и должна оказать справедливость для возвращенія мира и спокойствія нашимъ возлюбленнымъ братьямъ.—

¹⁾ Постановленія собранія—въ бумагахъ м. Григорія, № 82.

Ст. 36. Особенныя заботы должны быть приложены и къ другимъ народнымъ учрежденіямъ, какъ гошпитали, главное народное училище въ Константинополѣ, равно какъ и школы общинныя и окружныя¹⁾.

По поводу поименованныхъ постановленій посланникъ А. Лобановъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 7/12 февраля 1859 г., слѣдующее: „Не входя въ подробное разсмотрѣніе проекта этого учрежденія (константинопольскаго св. синода), я долгомъ считаю обратить вниманіе Вашего Сіятельства для распоряженія, отъ которыхъ могутъ ожидать особенной пользы племени негреческія въ Турціи. Это 1) обязательство для архіереевъ знать нарѣчіе округа, гдѣ находятся ихъ епархіи (гл. II, ст. 5); 2) право паствы, въ случаѣ смерти архіерея, представлять кандидата (тамъ же, ст. 9); 3) право паствы приносить жалобы синоду на архіерея (тамъ же, ст. 12); и, 4) непрѣмѣнная обязанность синода, какъ только онъ соберется, принять къ должному соображенію просьбы и жалобы, изъясненныя болгарами относительно служенія литургіи (гл. IV, ст. 34). Сколько я могъ судить по многимъ разговорамъ съ духовными и свѣтскими членами совѣта, они искренно желаютъ уничтожить прискорбное недоразумѣніе, существующее между племенами славянскими и греческими въ Турціи, и, сколько мнѣ извѣстно, распоряженія, выше мною поименованныя, уже много способствовали къ утвержденію нѣкотораго спокойствія въ умахъ болгаръ, пребывающихъ въ Константинополѣ. Между вопросами, о которыхъ совѣтъ долженъ еще разсуждать, два главныхъ суть: погашеніе патриаршаго долга и содержаніе православнаго духовенства и общественныхъ учреждений²⁾. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что г. Лобановъ оптимистически смотрѣлъ на дѣло и, повидимому, вовсе не зналъ, что почти одновременно съ его пред-

¹⁾ Постановленія собранія—въ бумагахъ и. Григорія, № 82.

²⁾ Представленіе Лобанова—въ бумагахъ и. Григорія, № 87.

ставленіемъ члены константинопольскаго синода составили свои замѣчанія на постановленія церковно-народнаго собранія, съ протестомъ противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезъ архимандрита Петра препроводили ихъ къ новгородскому и с.-петербургскому митрополиту Григорію¹⁾ и такимъ образомъ старались подорвать значеніе дѣятельности церковно-народнаго собранія.

Между тѣмъ занятія этого собранія продолжались пока своимъ чередомъ и оканчивались большею частію благополучно и мирно. Здѣсь можно отмѣтить только небезынтересный для насъ эпизодъ возвышенія голоса славянскихъ членовъ собранія на засѣданіи 12 марта 1859 г. по поводу преній о жалованьи духовенству. „Преніе сдѣлалось общимъ; свѣтскіе члены потребовали баллотировки. Оказалось въ пользу жалованья только 6 голосовъ, а именно: логофета, греческаго константинопольскаго депутата Адоссида, Фотіади (уполномоченнаго отъ престарѣлаго князя Вогоридеса, который впоследствии умеръ) и всѣхъ трехъ славянскихъ депутатовъ (2 отъ Босніи и 1 отъ Болгаріи). Особенно послѣдній (Гавро Вутковичъ) возражалъ духовенству такъ горячо и съ такимъ увлеченіемъ говорилъ въ пользу своихъ соотечественниковъ, и особенно славянскихъ священниковъ, утѣсняемыхъ епископами, что собраніе, не вполне понявъ его рѣчь, произнесенную по-славянски и переведенную по-гречески адрианопольскимъ митрополитомъ въ смягченномъ видѣ, уполномочило Г. Вутковича представить протестъ свой въ слѣдующее засѣданіе. Протестъ былъ представленъ и прочитанъ въ засѣданіи 20 марта. Въ немъ излагались причины неудовольствія босняковъ противъ высшаго духовенства. Оказалось, что эта записка, написанная, по словамъ князя Лобанова, болѣе съ увлеченіемъ, чѣмъ систематически, имѣла только внѣшнюю связь съ

¹⁾ Допесеніе архим. Петра и. Григорію, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 16 на об. Самыя замѣчанія—въ бумагахъ м. Григорія, № 90.

вопросомъ о жалованьи. Собрание приняло протестъ сей къ свѣдѣнію и повторило обѣщаніе свое позаботиться о прекращеніи злоупотребленій¹⁾. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ своихъ собраніе постановило передать управление церковными имуществами въ свѣтское распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы постоянный народный совѣтъ, который будетъ состоять изъ 8 мирянъ и 4 духовныхъ лицъ, имѣлъ высшее наблюденіе надъ управленіемъ церковными имуществами и надъ управленіемъ церковныхъ доходовъ²⁾.

VII.

Но мирныя занятія церковно-народнаго собранія скоро нарушены были интригами и происками геронтовъ, подорвавшими авторитетъ собранія и разбудившими греко-болгарскую распрю. Недовольные проэктированнымъ уничтоженіемъ своихъ правъ и преимуществъ, геронты или безсмѣнные члены прежняго константинопольскаго св. синода успѣли склонить на свою сторону и патріарха Кирилла. Тогда свѣтскіе члены собранія рѣшились подать Портѣ прошеніе объ удаленіи патріарха Кирилла отъ предсѣдательства въ собранія, а одинъ изъ нихъ, Адоссиди, добирався, чрезъ великаго визиря, дружески расположеннаго къ нему, даже сверженія патріарха съ престола и назначенія мѣстоблюстителемъ друга своего митрополита солунскаго Неофита, одного изъ духовныхъ членовъ церковно-народнаго собранія. Порта по ходатайству русской миссіи, не приняла сего прошенія, и вмѣсто того были, по приказанію Порты, удалены изъ столицы всѣ геронты, безъ официальнаго согласія на то патріарха³⁾; но, отправляясь въ свои епархіи, они написали протестъ противъ своего удаленія

¹⁾ Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 30.

²⁾ Тамъ же, л. 37.

³⁾ Тамъ же, л. 37.

изъ столицы и постарались дать ему широкое распространіе¹⁾. Это было въ іюнь 1859 года²⁾. Такимъ образомъ, прежній синодъ изъ безсмѣнныхъ членовъ былъ фактически упраздненъ на время, а новый, проектированный церковно-народнымъ собраніемъ, еще не составленъ,—и духовная административная власть сосредоточивалась въ лицѣ одного только патріарха. Этими обстоятельствами и задумалъ воспользоваться митрополитъ солунскій Неофитъ, чтобы свергнуть патріарха Кирилла съ престола и самому занять его мѣсто. Это—тотъ самый митрополитъ Неофитъ, который въ мартѣ 1857 года, по жалобамъ тырновскихъ болгаръ, переведенъ былъ съ тырновской епархіи на солунскую и успѣлъ произвести здѣсь смуты назначеніемъ своего діакона Мелетія на полианскую или кукушскую епархію. Будучи назначенъ въ члены церковно-народнаго собранія, митрополитъ Неофитъ позволялъ себѣ, въ полиомъ собраніи, самыя неприличныя выраженія противъ патріарха Кирилла, такъ что послѣдній высказалъ нашему посланнику Лобанову желаніе, чтобы Неофитъ былъ удаленъ въ свою епархію такъ же, какъ и геронты. Но верховный визирь Фуадъ-паша отвѣтилъ Лобанову, что „Порта не намѣрена поддерживать *нѣкоторыя личныя неприязни*, которыя могли привести хотя къ частному разложенію сего совѣщательнаго собранія, и что всѣ члены онаго до конца своихъ трудовъ будутъ удержаны на мѣстѣ, на которое они призваны довѣріемъ народнымъ“³⁾. Пользуясь безнаказанностію, Неофитъ повелъ интригу противъ патріарха далѣе и старался вооружить противъ него болгаръ и привлечь ихъ на свою сторону. Въ этомъ заподозрѣвалъ его архимандритъ Петръ уже въ представленіи своемъ 7 августа 1859 года,

¹⁾ См. этотъ протестъ въ бумагахъ м. Григорія, №№ 83—85.

²⁾ Письмо архим. Петра къ м. Григорію, въ бумагахъ сего послѣдняго, № 91.

³⁾ Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., л. 36, въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

оберъ-прокурору св. синода¹⁾, а въ другомъ представленіи своемъ тому же оберъ-прокурору, писанномъ послѣ 12 сентября того же года, онъ прямо писалъ о митрополитѣ Неофитѣ слѣдующее: „Солунскій митрополитъ Неофитъ очень желаетъ быть патріархомъ на мѣсто настоящаго. Онъ ласкаетъ болгаръ, много общается сдѣлать въ пользу ихъ, если будетъ патріархомъ, и утѣшаетъ ихъ самую счастливою будущностію. Болгары, сколько замѣтно, расположены къ нему и—вѣрятъ“²⁾. Вѣроятно, этотъ Неофитъ солунскій и былъ тайною пружиною тѣхъ болгарскихъ волненій, о коихъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Еще 5 октября, 1858 года, на мѣсто Стефана Ковачевича, хиротонисованъ былъ во епископа къ болгарской константинопольской церкви архимандритъ Иларіонъ Стояновичъ, съ титуломъ Макаріупольскаго³⁾; но для богослуженія въ этой церкви каждый разъ, повидимому, требовалось разрѣшеніе патріарха. 11 іюля 1859 года, „болгары, по обыкновенію, идутъ вечеромъ къ патріарху за позволеніемъ служить на утро въ своей церкви литургію. Патріаршіи протосингелъ, послѣ многихъ ругательствъ сначала мірянамъ, а послѣ и преосвященному болгарскому Иларіону, налагаетъ на церковь *ѣротос* (запрещеніе); патріархъ подтверждаетъ предъ мірянами запрещеніе, но, какъ теперь говорятъ, не на церковь, а совершать бракъ, о коемъ ниже будетъ сказано. Нѣкоторые изъ болгаръ узнали это въ

¹⁾ Въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 20 на оборотѣ. См. ниже слѣдующее примѣчаніе.

²⁾ Тамъ же, л. 21 на об.

³⁾ „Греко-болгарская распри“ О. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г. стр. 530. Объ обстановкѣ новаго архипастыря архимандритъ Петръ писалъ въ концѣ 1858 г. кievскому митрополиту Исидору слѣдующее: „Для торжественнаго и благолѣпнаго служенія какъ въ готовой, крайне скудной, такъ и въ имѣющей создаться церкви, они (болгары) испросили себѣ архіерей; но ему облачатся не по что. Я далъ ему на время церковную митру и мантию, и въ этомъ его преосвященство служить теперь“. См. черновыя бумаги архим. Петра, л. 43 на обор.

тотъ же день, другіе—на утро, когда пришли къ литургіи; передано народу, и онъ волновался и волнуется по сей день,—писалъ архимандритъ Петръ 1 августа 1860 года. Въ негодованіи народа слышатся нынѣ не однѣ только прежнія угрозы. 31 іюля болгары, какъ я слышалъ, приготовили жалобу къ султану, въ коей просятъ совершеннаго своего отдѣленія отъ греческой іерархіи; болѣе 1000 печатей, вмѣсто подписи, уже приложено къ бумагѣ. Отчего такъ разгнѣвались болгары?—спрашиваетъ архимандритъ Петръ, сообщившій эти свѣдѣнія, и отвѣчаетъ такъ: „Совершенно успокоенные надеждою на благонамѣренность народнаго совѣта, они вдругъ увидѣли, что сивелевсисъ не окончилъ еще своего назначенія, между тѣмъ предпринимаются мѣры рѣшительныя (какъ изгнаніе геронтовъ), а въ пользу ихъ ничего доселѣ необъявлено. Даже его святѣйшество объявилъ (я слышалъ это отъ вѣрныхъ людей изъ болгаръ), что теперь — другія времена, и онъ можетъ не принимать распоряженій своихъ предшественниковъ. Потому народъ, и безъ того подозрительный, вдругъ вообразилъ, что ѣростосъ есть страшное оскорбленіе народности, и что подобныя оскорбленія могутъ и впредь зависѣть отъ одной прихоти архіерея... Не думаю (но кто знаетъ?), чтобы настоящее смущеніе константинопольскихъ болгаръ имѣло слишкомъ печальныя послѣдствія; но позволено себѣ думать, что патріархъ однѣми мелкими уступками едва ли можетъ успокоить столь возмущенное чувство 60 тысячъ мѣстныхъ болгаръ... Вотъ первое распоряженіе его святѣйшества по расчлененіи св. синода.—На какомъ основаніи послѣдовали такія распоряженія по отношенію къ болгарской церкви со стороны патріархата? Были причины, не кстати собранныя и вовсе не ко времени удостоенныя строгаго вниманія, именно: 1) въ недавнемъ времени священники болгарской церкви совершали бракъ въ чужомъ приходѣ, за что послѣдовала жалоба патріарху отъ мѣстнаго причта; 2) на дняхъ умерла дѣвица у одного изъ богатыхъ болгаръ и погребена

однимъ причтомъ болгарской церкви, хотя мѣстожителство этого болгарина—въ приходѣ греческой патриархіи, и 3) причтъ болгарской церкви надѣлся, безъ участія греческаго священника, совершить бракъ одного болгарина изъ Солуни, тогда какъ митрополитъ солунскій находится въ Константинополѣ. Это послѣднее происшествіе и послужило поводомъ къ столь печальнымъ явленіямъ... Если бѣ священники болгарскіе современно были вразумлены, что поступаютъ несправедливо, то ничего подобнаго случиться бы не могло; но вдругъ яростю, и въ чувствѣ народа—взрывъ.—Болгары, по наложеніи запрещенія на церковь, вотъ что позволили себѣ сдѣлать: 1) уклониться отъ исполненія двукратно присланнаго имъ дозволенія служить въ своей церкви на слѣдующій день; 2) поутру, въ обычное время литургіи, всѣмъ приходящимъ въ церковь раздавать билетки, съ дерзкимъ объявленіемъ на нихъ о наложенномъ запрещеніи служить въ церкви, и 3) типографщику Цанкову, органу пропаганды, дозволили печатать о греческой іерархіи все, что онъ можетъ. Само собою, это низкая лезть и наглая придирка¹⁾.

Узнавъ о волненіяхъ болгаръ и объ изготовленіи ими жалобы султану, съ просьбой объ отдѣленіи ихъ отъ греческой іерархіи, архимандритъ Петръ вѣдиль къ болгарскому преосвященному Иларіону и убѣждалъ его и другихъ вліятельныхъ лицъ соблюсти миръ церкви и сильнѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать противъ народнаго движенія. Преосвященный Иларіонъ, хотя едва скрывалъ какъ свое раздраженіе противъ патриарха, такъ и несогласіе дѣлиться съ греческимъ духовенствомъ доходами при исправленіи требъ, однако обѣщалъ полное свое содѣйствіе умиротворенію церкви, но при этомъ жаловался, что „народъ своеволенъ, и что онъ не имѣетъ надъ нимъ такой силы, какую слѣдовало

¹⁾ Представленіе архим. Петра м. Григорію, 1 августа, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 91.

бы имѣть по его сану и по обстоятельствамъ церкви“. Можетъ быть, благодаря усиліямъ преосвященнаго Иларіона, „только трое изъ богатыхъ болгаръ упорствовали въ требованіи представить прошеніе султану; всѣ же другіе надѣялись, что будутъ удовлетворены распоряженіями Великой Церкви“¹⁾. Дѣйствительно, патріархъ объявилъ преосвященному Иларіону, что болгарскіе священники могутъ попрежнему совершать разныя требы по приглашенію своихъ соплеменниковъ. Но тѣмъ не менѣе прошеніе все-таки было подано султану, хотя и въ смягченномъ видѣ: въ немъ они просили Порту о дарованіи болгарскому народу такихъ же правъ, какими пользуются прочіе христіанскіе народы имперіи. Порта передала это прошеніе церковно-народному собранію²⁾. Наконецъ 25 октября 1859 года, состоялось наружное и временное примиреніе между константинопольскими болгарами и высшей греческой іерархіей, по поводу закладки новаго болгарскаго храма въ Константинополѣ. „Болгары константинопольскіе,—писалъ архимандритъ Петръ м. Григорію въ концѣ 1859 года,—прежде такъ взволнованные столь несчастнымъ запрещеніемъ отправлять богослуженіе въ своей народной церкви, имѣли недавно самое большое торжество отеческаго къ нимъ вниманія іерарховъ греческихъ. Всѣ патріархи съ многочисленнымъ клиромъ присутствовали на ихъ народномъ торжествѣ, по случаю положенія перваго камня въ основаніе имѣющей созидаться церкви болгарской. Были ли отъ чистаго сердца рады тому (а должны быть) болгары, опредѣлить не легко; только то извѣстно, что они теперь мирствуютъ, и духовенство ихъ, поощренное обѣщаніемъ большой свободы въ отправленіи

¹⁾ Представленіе архим. Петра м. Григорію, 7 августа, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 20.

²⁾ Довнесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, послѣ 12 сент., 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 21. См. „Греко-болгарская распря“ Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ февраль, 1836 г., стр. 527.

требъ у своихъ соотчичей, забыло, а вслѣдъ за нимъ и другіе забываютъ тѣ неистовыя ощущенія, которыя развиты въ нихъ небосторожнымъ запрещеніемъ. Дай Богъ, чтобы подобныя грустныя событія никогда не повторялись, если это возможно при безсмысленно дерзкомъ направленіи духа болгаръ! Весь дальнѣйшій ходъ ихъ мятежа и жалобъ по вышесказанному случаю прекращенъ окончательно стараніями многихъ, многихъ“²⁾...

VIII.

Въ нѣкоторой связи со смутами между константинопольскими болгарами изъ - за *ἄρροτος*-а стоятъ успѣхи католической пропаганды среди болгаръ, во второй половинѣ 1859 года, развивавшіеся параллельно съ этими смутами и въ значительной степени обусловливавшіеся ими.

Намъ извѣстно уже о силахъ и средствахъ католической пропаганды въ Турціи въ 50 годахъ нынѣшняго столѣтія. Однимъ изъ видныхъ ея представителей былъ папскій префектъ въ Константинополѣ лазаристъ Боре. Видя, какъ разгоралась греко-болгарская распри, онъ счелъ эту минуту удобною для пропаганды; съ другой стороны, французскій и австрійскій посланники считали эту пропаганду очень удобнымъ средствомъ для постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла турецкой имперіи и противовѣсомъ вліянію Россіи на своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ. Было составлено цѣлое общество, найдены агенты, въ средствахъ недостатка не было; въ Бебекѣ, предмѣстьи Константинополя, открыто было католическое училище для болгаръ, потомъ въ Солоникахъ и т. д.³⁾ Наибольшую энергію

²⁾ Донесеніе архим. Петра и Григорію, въ концѣ 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 28 на об. и 29. О печатномъ текстѣ надпись на мѣдной доскѣ, положенной въ основаніе храма, см. „Извѣстія Церковно-археологическаго Общества“ за 1885 годъ стр. 38.

³⁾ „Первый вѣзиръ болгарскій блаженный Антимъ“, Муромцовой въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 316. См. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г., стр. 414.

развила эта пропаганда во время происходившихъ въ Константинополѣ смуть между болгарами, и именно сначала въ самомъ Константинополѣ, а потомъ въ кукушской или полѣанской епархіи, подвѣдомой солунскому митрополиту Неофиту.

Въ Константинополѣ однимъ изъ ярыхъ сторонниковъ католической пропаганды и наперстникомъ Боре является болгаринъ Драганъ Цанковъ, думавшій привлечь къ болгарамъ помощь и симпатію Европы религіозной увіей болгаръ съ Рямомъ и редактировавшій въ Константинополѣ, съ марта 1859 года, газету „Болгарія“, въ которой онъ дѣлалъ ожесточенныя, злобныя нападки на православную церковь не только греческую, но и русскую¹⁾. Мы уже слышали, что во время столкновенія константинопольскихъ болгаръ съ патріархомъ изъ-за ѿротоc-а, они дозволили Цанкову печатать о греческой іерархіи все, что онъ можетъ. Вѣроятно, около этого времени, вѣсколько молодыхъ болгаръ, изъ числа преданныхъ Цанкову, подали Портѣ прошеніе о томъ, чтобы она предписала великой церкви дать имъ независимое церковно-народное управленіе и къ этому прошенію подписались сами и заставили также подписаться разныхъ рабочихъ и торговцевъ. Но главные епитропы не подписали этого прошенія, а только увѣрили вышепомянутыхъ молодыхъ людей, что если Порта запроситъ ихъ, по какимъ причинамъ они не подписали сего прошенія, то они готовы отвѣчать въ такомъ смыслѣ, что доселѣ они не неоднократно обращались къ Портѣ съ подобными

¹⁾ Тамъ же. Си. чернильн. бумага архим. Петра, л. 29. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за май, 1882 г., несправедливо сказано, будто Цанковъ кончилъ курсъ въ Киевской дух. Академіи: здѣсь онъ никогда не былъ. Въ спискѣ воспитанниковъ Киевской Академіи (въ „Трудахъ“ сей Академіи за декабрь 1869 г.) значатся слѣдующіе болгарскіе воспитанники: іеромонахъ Наевангъ Столяновичъ (окончилъ курсъ 1851 г.), Феодоръ Столяновъ-Бурмовъ (1857 г.), іеродіаконъ Евеній Русниковъ (1865), Феодилъ Добрановичъ (1867), Димитрій Благоевъ и Василій Друмевъ (1869) и Райча Королевъ.

просьбами, но вмѣсто отвѣта, и по настоящее время остаются забытыми¹⁾. Мы не знаемъ дальнѣйшей судьбы этого прошенія, если только оно не есть то самое прошеніе, которое, по свидѣтельству архимандрита Петра, изготовлено было 31 іюля 1859 года и о которомъ мы говорили выше. Но во всякомъ случаѣ прошеніе приверженцевъ Цанкова, будучи тождественно или, по крайней мѣрѣ, сходно по содержанію съ прошеніемъ 31 іюля 1859 года, свидѣтельствовало о тогдашней солидарности стремленій обѣихъ партій константинопольскихъ болгаръ, т. е. православной и приверженной къ униі. Но эта солидарность вскорѣ была разстроена усиліями русской миссіи въ Константинополь и преосвященнаго Иларіона макаріупольскаго, — и обѣ партіи пошли, послѣ этого, совершенно противоположными путями. По сообщенію архимандрита Петра отъ 7 августа, 1859 года, „на этой недѣлѣ болгары собирали подписку съ рукоприкладствомъ, чтобъ никто не смѣлъ поддерживать типографщика Цанкова, поистинѣ злодѣйствующаго для церкви православной и мятущаго духъ народный. А кто этотъ Цанковъ? Самъ по себѣ человекъ ограниченный, пустой и злобный, но наперстникъ Боре и уста іезуитовъ монастыря Санъ-Бенедетто“²⁾. Въ другомъ донесеніи своемъ послѣ 12 сентября 1859 года, архимандритъ Петръ писалъ слѣдующее: „Не безъ борьбы, но почти общими силами болгары возстали противъ Цанкова (здѣсь исключительно надобно отдать честь преосвященному Иларіону, окончательно склонившемуся на то вслѣдствіе усиленныхъ моихъ убѣжденій и, частію, обличеній) и сначала на общемъ собраніи рѣшили отказаться отъ полученія журнала, а послѣ (теперь) начали изобрѣтать средства отнять самую типографію у Цанкова. Послѣднее не легко, потому что типографія состоитъ подъ сильнымъ, хотя косвеннымъ и небезцѣльнымъ покро-

¹⁾ Записка объ этомъ, безъ подписи и даты, — въ бумагахъ архим. Петра.

²⁾ Въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 20.

вительствомъ французскаго посольства. Но такъ какъ Цанковъ долженъ много денегъ нѣкоторымъ эпитропамъ болгарскимъ, то они и думаютъ отобрать у него типографію, если удастся, въ погашеніе долга. Вслѣдствіе этого Цанковъ вѣдъ себя отъ злости, и въ этомъ чувствѣ, увлекши за собой нѣсколько молодыхъ болгаръ, воспитанныхъ не въ правилахъ родной вѣры и отечества, рѣшается, какъ и на это имѣю секретный документъ, торжественно представить папѣ исповѣданіе вѣры, просить отъ него епископовъ для Болгаріи и ходатайствовать предъ его папскимъ велич., чрезъ императора Наполеона, о такихъ сношеніяхъ съ Турціею, чтобы никакое посольство не смѣло противодѣйствовать инструкціямъ его святѣйшества¹⁾. „Но буйный порывъ его (Цанкова) обратиться къ папѣ съ приготовленнымъ исповѣданіемъ вѣры,—писалъ архимандритъ въ декабрѣ 1859 года,—доселѣ задерживается какъ разстройствомъ его партіи, озлобленной противъ грековъ клеветами папистовъ и безразличнымъ европейскимъ воспитаніемъ, такъ и стараніями людей благонамѣренныхъ. Не смотря на это, газета его *Бомарія*, опасна для православія. И убитая въ Константинополѣ (а къ этому приняты всѣ возможныя мѣры, именно: противъ нея пишетъ и редакторъ Цареградскаго Вѣстника Александръ Евзархъ, и редакторъ Книжицъ

¹⁾ Донесеніе оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1. Въ бумагахъ архим. Петра сохранился и тотъ „секретный документъ“, на который онъ ссылается. По сообщенію этого документа, Цанковъ, съ нѣсколькими приверженцами своими, написалъ прошеніе къ папѣ о томъ, чтобы или посланы были для Болгаріи католическіе епископы, или же назначены были изъ болгаръ подъ покровительствомъ папы, и чтобы эти епископы наблюдали за всѣми училищами и вѣдѣтъ съ тѣмъ за православіемъ (?) всего народа. Кроме того, въ томъ же прошеніи Цанковъ просилъ ходатайства папы предъ Наполеономъ III о томъ, чтобы этотъ послѣдній приказалъ своему посольству въ Константинополѣ защищать настоящее дѣйствіе ихъ отъ вмѣшательства другихъ государствъ и оказывать покровительство и помощь при всѣхъ пренатствіяхъ, какія бы могли встрѣтиться ихъ желанію. Но прошеніе это не было тотчасъ отправлено, такъ какъ компанія эта раздѣлилась на двѣ партіи, и передано было „извѣстному лицу“ (?).

Болгарскихъ Крестичъ, и особенно съ усердіемъ и мѣткостью магистръ Теодоръ Стояновъ, при возможномъ содѣйствіи съ моей стороны и совѣтами и нужными источниками для опроверженія дерзкихъ глумленій противъ церкви православной), она все еще можетъ вредоносно дѣйствовать въ болгарскихъ селеніяхъ, при необразованности духовенства и народа и при неимоვნно развившейся въ Болгаріи пропагандѣ католической и протестантской. Между тѣмъ, сколько я могу замѣчать, всѣ попытки болгаръ стамбульскихъ къ прекращенію этого журнала оказываются довольно безсильными противу покровительства ему посольства французскаго, всемогущаго у насъ въ Стамбулѣ, можетъ быть только по немощи или беззаботности другихъ. Слѣдовательно, газетѣ *Вомарія* суждено, такъ сказать, падать въ самой себѣ по безсилію неправды. Но такъ упдая, она въ бѣшеной злости своей начинаегъ лить ядъ свой на другихъ, тонко чувствуя, откуда начинаются ея пораженія. А потому къ прямымъ своимъ нападеніямъ на православную церковь восточную начиаетъ всюду примѣшивать гнусную ложь и дерзости противу москвитовъ. Такъ, позорно онъ отзывается о св. Синодѣ и, между прочими клеветами, о нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ будто бы о наукахъ богословскихъ и понятія не имѣютъ“.

„Но не такая— было туча,—продолжаетъ архимандритъ Петръ,—въ сентябрѣ собралась надъ горизонтомъ церкви греческой. Епархія кукушская (греч. Πολιάνας), состоящая изъ 30-ти тысячъ душъ православнаго исповѣданія, вся, по газетамъ французскимъ и греческимъ, обратилась въ католичество“¹⁾. По донесеніямъ архимандрита Петра, дѣло это представляется въ такомъ видѣ. Въ этой епархіи былъ доселѣ недостойный архіерей, который если и держался на мѣстѣ, то вліяніемъ логовета, брата его, и послѣ Пасхи съ

¹⁾ Донесеніе архим. Петра и Григорію въ декабрѣ 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 29.

безчестьемъ лишень каведры. По низложеніи патріархомъ этого недостойнаго епископа, кукушане вознамѣрились просить въ пастыри сиротствующей своей епархіи архимавдрита Пареевнѣ, имъ давно извѣстнаго и любимаго. Нѣсколько разъ убѣдительно просилъ объ этомъ патріарха и архимандритъ Петръ. „Его святѣйшество, писалъ архимандритъ Петръ,—всегда изъявляя полное согласіе на то, отсылалъ меня къ *киріарху*. Такъ называются тѣ митрополиты, въ вѣдѣніи коихъ есть подчиненные имъ епископы. Киріархъ, митрополитъ солунскій, повторялъ мнѣ только одно, что мѣсто еще не праздно и архіерей не низложенъ. Я на это возражалъ ему, что его святѣйшество считаетъ это дѣло конченнымъ и совершенно согласенъ на опредѣленіе туда пастыремъ архимандрита Пареевнѣ. На это его высокопреосвященство обыкновенно отвѣчалъ, что если бы патріархъ желалъ Пареевнѣ поставить епископомъ, то онъ и прежде могъ бы это сдѣлать, но не дѣлалъ... И это длилось болѣе мѣсяца“. Митрополитъ солунскій послалъ къ кукушанамъ епископа плотамоссаго. „Кукушане его не приняли,—и старѣйшины ихъ, оскорбленные, по ихъ понятіямъ, такую невнимательностію духовнаго начальства къ ихъ просьбамъ, въ существѣ дѣла довольно нахальнымъ, и давно подущаемые къ нагlostямъ противъ Великой церкви другими..., рѣшились обратиться къ французскому консулу Солуны съ изъявленіемъ готовности подчиниться папѣ и вступить въ единеніе съ западною церковію“. Планъ этотъ созрѣлъ у нихъ еще въ іюнь 1859 года, но приведенъ въ исполненіе лишь въ сентябрѣ того же года. Французскій консулъ послалъ въ Кукушъ настоятеля солунской католической общины Тюрюка и извѣстилъ Боре. Тюрюкъ прежде всего склонилъ къ подписи на унию трехъ священниковъ, давши напередъ каждому изъ нихъ по 1500 піастровъ; изъ жителей же подписались на присоединеніе къ папѣ только 54 почетнѣйшія семейства, и притомъ будто бы согласились только на признаніе главенства папы и подчявенія ему въ

смыслѣ политическомъ, а не іерархическомъ, и отнюдь не думали перемѣнять своихъ догматовъ и обрядовъ. Съ своей стороны Боре, начальникъ лазаристовъ и ректоръ Бебекскаго училища въ Константинополѣ, получивъ увѣдомленіе солунскаго французскаго консула, „нанялъ нарочно корабль и, напутствуемый фирманомъ, равно какъ и сопровождаемый свитой fra Jesu и, неизбежно, сестрами милосердія (такъ онъ всегда ѣздитъ), отправился въ Солунъ“.

„Патріархія испугалась и уныла“. Какъ только разнеслась вѣсть объ отпаденіи кукушанъ въ унию, „въ тотъ же день съ торопливостью и безпокойствомъ, — писалъ архимандритъ Петръ, — нарочито пріѣзжаетъ изъ Фанара одинъ знакомый, котораго мнѣнїи слушается его святѣйшество, за совѣтами, какъ поступить патріарху въ вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ. Подъ удручающимъ впечатлѣніемъ я могъ только посовѣтовать послать на мѣсто преосвященнаго Иларіона съ кѣмъ-либо изъ старцевъ аеонскаго Зографскаго (болгарскаго) монастыря и обѣщать кукушанамъ совершенное удовлетвореніе всѣхъ законныхъ и даже, по времени, протителныхъ требованій“. Патріархъ вселенскій, по совѣщаніи съ синодомъ, рѣшился принять „сказанную мѣру, т. е. послать преосвященнаго Иларіона, обѣщая чрезъ него, если совращающіеся раскаются, исполненіе требованій епархіотовъ“. Преосвященный Иларіонъ макаріупольскій отправился туда 12 сентября, а вслѣдъ за тѣмъ отправился на Аеонъ, по тому же дѣлу, и архимандритъ Петръ. Кукушанамъ данъ былъ въ епископы Пареевій, — и „все въ епархіи успокоилось и пришло въ прежній чинъ и порядокъ“¹⁾.

Нельзя однако же не признать, что этотъ прискорбный инцидентъ, окончившійся торжествомъ кукуцскихъ болгаръ, не могъ не подѣйствовать возбуждающимъ образомъ на ихъ

¹⁾ Донсенія архимандрита Петра оберъ-прокурору Св. Синода, послѣ 12 сентября и митрополиту Григорію, въ декабрѣ 1859 года, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, гл. 23, 24, 29 и 30. Пареевій рукоположенъ былъ въ октябрѣ 1859 года.

соотечественниковъ и не заставилъ ихъ добиваться назначенія своихъ архіереевъ и на другія болгарскія епархіи и возстановленія особой болгарской іерархіи. По крайней мѣрѣ, послѣ кукушской исторіи, является цѣлый рядъ попытокъ со стороны болгаръ избавить какимъ-либо способомъ болгарскія епархіи отъ греческихъ іерарховъ и замѣнить ихъ болгарскими. Въ декабрѣ того же 1859 года умеръ охридскій митрополитъ Іоанникій, и охридяне просили патріархію назначить на вакантную кафедру одного изъ трехъ духовныхъ лицъ, признанныхъ епархіей достойными занимать это мѣсто. Но патріархъ нашелъ болѣе удобнымъ, не обращая вниманія на ходатайство охридянъ, назначить митрополитомъ охридскимъ Мелетія велесскаго, ненавидимаго за свою жадность и жестокость. Охридяне выгнали Мелетія изъ города и отказались почитать имя патріарха на литургіи ¹⁾. Въ это же самое время жители самоковской и преславской епархій неоднократно просили патріархію о смѣненіи ихъ архіереевъ, будто бы опозорившихъ своими дѣйствіями всю церковь; но патріархъ оставляла эти просьбы безъ вниманія. Въ концѣ концовъ патріархъ рѣшилась вызвать въ Константинополь самоковского митрополита Маттея, но, оставивъ за нимъ епархію, послала въ Самоковъ для управленія ею въ качествѣ викарія нѣкоего Паисія, занимавшаго предъ тѣмъ должность діакона при болгарской церкви въ Константинополь и будто бы прогнаннаго оттуда за безнравственное поведеніе ²⁾.

Не ограничиваясь просьбами къ патріарху, болгары разныхъ епархій обращались со своими требованіями относительно назначенія имъ архіереевъ изъ болгаръ и воспита-

¹⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“, Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за май, 1882 г., стр. 411 и сл.; См. „Греко-болгарская распра“ Ѡ. Стоянова-Бурмова, тамъ же, февраль, 1886 г., стр. 543.

²⁾ „Греко-болгарская распра“ Ѡ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 543.

повлениа болгарской іерархіи и къ Портѣ, и къ церковно-народному собранію, хотя и не имѣли успѣха.

IX.

Въ своемъ обзорѣ дѣятельности церковно-народнаго собранія мы остановились на томъ пунктѣ, когда въ іюнѣ 1859 года, въ средѣ этого собранія возникъ внутренней раздоръ, обнаружившійся въ стремленіи свѣтскихъ членовъ собранія устранивъ патриарха отъ предсѣдательства въ этомъ собраніи, въ высылкѣ геронтовъ изъ Ковстантинополя и въ непріязненномъ столкновеніи патриарха съ солунскимъ митрополитомъ Неофитомъ. А эти обстоятельства, конечно, не могли содѣйствовать поддержанію и увеличенію авторитета собранія. „Между пастырями (царями), — писалъ архимандритъ Петръ, — болѣе и болѣе возрастаетъ вопросъ, — согласны ли рѣшенія Синелевсиса съ канонами церкви. Одни говорятъ положительно, другіе строго отрицаютъ. Въ это положеніе Великой церкви съ заботливымъ участіемъ входитъ и церковь Еллады. Въ газетахъ яеинскихъ начинаютъ появляться статьи не въ духѣ Синелевсиса“. Разрабатывалась въ политическихъ сферахъ Еллады мысль о томъ, „что для окончательнаго утвержденія опредѣленій Синелевсиса непременно долженъ быть созванъ помѣстный соборъ“. Къ этому присоединился еще заговоръ нѣкоторыхъ турокъ противъ султана за введеніе имъ гаттигумаюна, во исполненіе котораго создано было церковно-народное собраніе, — заговоръ, задуманный на 3 или 4 сентября 1859 года¹⁾. Съ своей стороны и болгары уже не

¹⁾ Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, послѣ 12 сент., 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 21 и 22. „Сентября 4 дня, — писалъ архим. Петръ, — Константинополь долженъ бы былъ видѣть ужасающее, давно въ немъ невиданное зрѣлище, если бы Господь попустилъ злодѣямъ привести въ исполненіе свой замыселъ. Ночью 3-го часа (а нѣкоторые говорятъ — утромъ 4-го) султану открытъ былъ однимъ изъ нашихъ (участвовавшимъ) заговоръ, цѣлю котораго было умертвить въ мечети (4-е бол

такъ довѣрчиво и почтительно начинаютъ относиться къ церковно-народному собранію, какъ прежде, протестуютъ противъ его постановленій и жалуются на него султану.

Въ сентябрѣ 1859 года народный совѣтъ продолжалъ свои засѣданія и, рѣшивъ дѣло о жалованьи архіереямъ, занялся изысканіемъ средствъ, откуда и какими образомъ получить сумму на оное. „Послѣ того не мало придется ему,—предполагалъ архимандритъ Петръ,—заниматься церковными дѣлами Болгаріи“¹⁾). Но на самомъ дѣлѣ народный совѣтъ едва ли имѣлъ такое намѣреніе. Мы видѣли выше, что константинопольскіе болгары въ сентябрѣ 1859 года подали Портѣ прошеніе о дарованіи болгарскому народу такихъ же правъ, какими пользуются прочіе христіанскіе народы имперіи, и что Порта передала это прошеніе церковно-народному собранію; но послѣднее, кажется, вовсе не разсматривало этой просьбы, а между тѣмъ занятія его приходили къ концу. По этому съ декабря 1859 начинается цѣлый рядъ протестовъ болгаръ уже противъ самого народнаго собранія и его постановленій. „Прежде всѣхъ привнесла жалобу на собраніе филиппопольскіе болгары. Прошенія,

въ пятницу) его величество и погубить все его (собственно) семейство. Участники заговора были нѣкоторые паша, улеме и софты (ученые при мечетяхъ), артиллерія и вся разноплеменная..., поляки, вѣнцы, венгры и др., служившіе прежде въ войскахъ, но, по отставкѣ или исключенію изъ службы, прожившіе и изголодавшіе. Причинами заговора, какъ слышно, злоумышленные поставляютъ то, что султанъ погубилъ духъ народный и народную l'industrie (англичане и французы завладѣли торговлею и промыслами), что онъ *гнуръ* и настаиваетъ на введеніи *гамти-гумаюна*. Слѣдствіемъ заговора, вѣрнѣе, полагають династическую реформу и возведеніе на тронъ султанскаго брата Ацака, отъявленнаго фанатика и любимаго изувѣрной толпы; но къ этому бы неизбежно прибавилась сграшная рѣзня христіанъ и всеродныя имъ поруганія, хотя и найдены, какъ и слышалъ, бумаги у заговорщиковъ, въ которыхъ объявляется неприкосновенность христіанъ, лишь бы только европейскія державы не вѣшивали въ домашнее устроеніе обдуманнаго заговорщиками образа управленія. Къ миссіи, назначенная для изслѣдованія этого дѣла, обѣщаетъ впоследствии раскрыть его со всею подробностію, а теперь,—говорятъ,—безъ жалости топтать въ Босфорѣ виновныхъ и отыскивать таковыхъ по провинціямъ“.

¹⁾ Донесеніе архим. Петра, въ его черновыхъ бумагахъ, л. 21 и 22.

адресованныя ими Высокой Портѣ и патриарху, были сообщены собранію въ засѣданіи 4 декабря 1859 года. Вслѣдъ за филиппопольскими болгарскими протестовали противъ направленія собранія соплеменники ихъ изъ Тырнова, Шумлы, Ески-Загры, Казанлыка и проч. Протестъ изъ Тырнова былъ сообщенъ собранію лично тырновскимъ представителемъ Николаемъ Минчогу. Въ своихъ протестахъ болгары ставили на видъ Портѣ и патриарху, что болгарскій народъ былъ представляемъ въ собраніи весьма неравномерно съ его численностію, а именно лишь тремя голосами; что собраніе, отвергнувъ ихъ просьбу объ израніи архіереевъ епархіями и не постановивъ, чтобы въ болгарскія епархіи были посылаемы архіереями лица болгарскаго происхожденія, обнаружило свою несправедливость и пристрастіе, и что греки устраиваютъ дѣла такъ, чтобы болгарскій народъ находился и на будущее время въ подчиненіи греческому. Тырновскій представитель, сообщая протестъ представляемыхъ имъ жителей, присовокупилъ, что болгары чувствуютъ себя весьма обиженными Великою Церковію, упразднившею тырновскую патриархію и охридскую автокефальную архіепископію, и горько жалуются, что греческіе архіереи преслѣдуютъ славяно-болгарскій языкъ и навязываютъ имъ греческій. Онъ заявилъ еще, что болгарскій народъ не приметъ на себя обязательства участвовать въ уплатѣ долговъ патриархіи, прежде чѣмъ будетъ точно опредѣлена цифра ихъ и прежде чѣмъ будетъ доказано, что они были сдѣланы для пользы православныхъ христіанъ, подвѣдомыхъ вселенскому престолу¹⁾. Въроятно, объ этомъ же протестѣ тырновскихъ болгаръ сообщалъ архимандритъ Петръ въ донесеніи своемъ с.-петербургскому митрополиту

¹⁾ „Греко-болгарская распри“ О. Стоянова-Бурнова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за февраль, 1886 года, стр. 516—517. Протестъ былъ заявленъ тырновскимъ представителемъ 15 января 1860 года. Содержаніе его см. въ брошюрѣ Т. П. Филипова „Вселенскій патриархъ Григорій и греко-болгарская распри“, С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 18 и 19.

Григорію отъ 9 февраля 1860 года, относя этотъ протестъ, или повтореніе его, къ послѣднему засѣданію собранія. „Въ послѣднее засѣданіе народнаго совѣта,—говоритъ онъ,—подавъ также новый протестъ терновскихъ болгаръ, которыми они требуютъ народу исключительнаго права на избраніе архіереевъ для епархій, въ коихъ больше болгаръ, чѣмъ грековъ. Протестъ этотъ отвергнувъ единогласно всѣмъ Сивелевскимъ; за то представитель терновскій въ сивелевсисѣ не согласился подписывать статью объ уплатѣ общественнаго долга на счетъ мірянъ“¹⁾. Сильное вліяніе на отрицательное рѣшеніе болгарскаго вопроса Сивелевскимъ имѣла рѣчь члена его, доктора Каратеодори, презрительно отвергавшаго всѣ требованія болгаръ, при чемъ авторъ прибавилъ, что въ собраніи представителей греческихъ когда-нибудь могутъ быть выслушиваемы рѣчи о правахъ націи болгарской²⁾.

Засѣданія народнаго совѣта окончились 5/16 марта 1860 года; но при завершеніи рукоприкладствомъ рѣшеній совѣта случилось довольно важное обстоятельство, ослаблявшее ихъ значеніе и силу. „Три духовныхъ члена этого совѣта,—писалъ архимандритъ Петръ,—и именно митрополиты адрианопольскій, сивлирійскій и димитріадскій не соблагволили подписаться, какъ несогласные съ опредѣленіями совѣта. На время вышедши изъ собранія, они, по возвращеніи своемъ, подали его святѣйшеству бумагу, за подписомъ шести митрополитовъ (т. е. ихъ трехъ и еще троиныхъ другихъ, не участвовавшихъ въ совѣтѣ), въ которой ясно изъявляютъ свое несогласіе съ опредѣленіями совѣта, какъ противными канонамъ церкви, и просятъ, чтобы все доселѣ рѣшенное было пересмотрѣно и точнѣе изслѣдовано всѣми

¹⁾ Въ бумагахъ м. Григорія, № 92.

²⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“, Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за май, 1882 г., стр. 411. На рѣчь Каратеодори болгары не замедлили отвѣтить брошюрой, подъ заглавіемъ „Отвѣтъ на слова господина С. Каратеодори“. См. „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ томъ же журналѣ, за февраль, 1886 года, стр. 519.

патріархами (ихъ въ Константинополѣ въ настоящее время 7; отъ одного изъ нихъ я прежде слышалъ подобное желаніе) и другими образованнѣйшими и благочестивѣйшими пастырями церкви. Его святѣйшество, патріархъ вселенскій, находясь, какъ кажется, доселѣ подъ обаяніемъ сладкогласія свѣтскихъ, очень этимъ встревожился и потомъ сдѣлалъ распоряженія, отзывающіяся насиліемъ, приказавъ вышеозначеннымъ митрополитамъ удалиться въ свои епархіи. Оставивши собраніе, митрополиты сіи прямо отправились въ Порту и тамъ, объяснивъ обстоятельства, открыли и свое желаніе. Не извѣстно еще, какой оборотъ приметъ это дѣло. Члены подписавшіеся желаютъ немедленно представить труды свои Портѣ; но недовольные рѣшеніями Синевелсиса владыки, кажется, подадутъ отчетливый протестъ на основаніи тѣхъ *замычаній*, которыя были у меня въ рукахъ, но которыя очень скоро потребованы отъ меня авторомъ для цѣлей, мнѣ не объясненныхъ¹⁾). Конечно протестовавшіе митрополиты, какъ греки, нисколько не думали защищать болгарскаго дѣла; но ихъ протестъ, подрывая значеніе рѣшеній собранія въ самомъ ихъ корнѣ, могъ оказать косвенную услугу и болгарамъ и прокладывалъ путь и болгарскимъ протестамъ противъ этихъ рѣшеній. Протесты эти, дѣйствительно, не замедлили появиться вскорѣ по окончаніи занятій народнаго собранія и имѣли въ виду предупредить утвержденіе рѣшеній собранія султаномъ.

Х.

Нельзя сказать, чтобы усилія болгаръ имѣть своихъ архіереевъ оставались безуспѣшными. Во время засѣданій церковно-народнаго собранія они успѣли приобрести себѣ, разными способами, четырехъ архіереевъ изъ своихъ соотечественниковъ, именно: Авксентія велесскаго, Иларіона мака-

¹⁾ Донесеніе архим. Петра и Григорію, отъ 9 марта, 1860 г., въ бумагахъ послѣдняго, № 92.

риупольскаго, Наревніа поліанскаго и Памсіа, викарія самоковскаго. Но этотъ успѣхъ ободрилъ ихъ еще болѣе и побудилъ ихъ теперь, по окончаніи засѣданій народнаго собранія, домогаться образованія особой болгарской іерархіи. „Нельзя не замѣчать,—говоритъ архимандритъ Петръ,— что болгары слишкомъ ободрены обстоятельствами: четыре (Памсіа, новый епископъ болгарской, рукоположенъ на дняхъ) архіерея въ одинъ годъ,—и не умѣютъ устоять на пути умѣренности и справедливости“¹⁾. Въ концѣ марта 1860 года они подали Высокой Портѣ слѣдующее прошеніе: „Греческое духовенство не только не признаетъ болгарскаго народа равнымъ съ греческимъ, но и стремится совершенно изгладить имя его. Зная, что образъ дѣйствій сего духовенства въ отношеніи къ нашему народу, вполне осуждаемый христіанскою вѣрой, несогласенъ также съ волей его величества, мы просили, назадъ тому три года, правительство Высокой Порты оказать намъ свое покровительство противъ чинимой намъ несправедливости. Вслѣдствіе сего Высокая Porta распорядилась, чтобы созвано было въ патриархіи особое собраніе для обсужденія мѣръ къ уврачеванію зла. Хотя большинство членовъ этого собранія было составлено изъ грековъ, ибо епархіи, населенныя болгарами, были представляемы лишь тремя лицами, а болгары, живущіе въ столицѣ, не смотря на то, что они превосходятъ своимъ числомъ находящихся въ оной грековъ, подданныхъ имперіи, не имѣли въ немъ своего представителя, мы надѣялись однако, что собраніе будетъ руководиться справедливостью въ своихъ постановленіяхъ и сдѣлаетъ, что нужно, для поправленія дѣла. Но вышло иначе. Греки разсчитали все такъ, чтобы болгарскій народъ находился на будущее время въ ихъ подчиненіи. Кроме сего, они распорядились, чтобы прежнія добровольныя подаванія въ пользу архіереевъ обратились въ обязательныя и дава-

¹⁾ Въ бумагахъ арх. м. Петра, № 92.

лись имъ какъ жалованье, равно чтобы долгъ патріархіи, который восходитъ до семи милліоновъ грошей, былъ уплаченъ всѣмъ православнымъ населеніемъ, зависящимъ отъ вселенскаго патріарха, хотя уплата сего долга должна быть возложена на однихъ грековъ, ибо займы были заключены для исполненія ихъ провѣтокъ. Такъ какъ всѣ эти несправедливости дѣлаются намъ греческимъ духовенствомъ подъ прикрытіемъ религіи и вопреки духу оной, то мы не можемъ имѣть въ будущемъ ничего общаго съ нимъ, а тѣмъ болѣе находиться подъ его властью. Мы просимъ, по этому, правительство его величества даровать намъ право, которымъ пользуются прочіе народы въ имперіи, установить независимое отъ грековъ управленіе нашими церковными дѣлами; ибо, имѣя своихъ епископовъ, своихъ священниковъ и свои церкви, мы не нуждаемся въ греческихъ архіереяхъ. Симъ способомъ мы будемъ имѣть возможность возложить заботу о нашихъ церковныхъ дѣлахъ и нуждахъ на людей способныхъ, добросовѣстныхъ и знающихъ нашъ языкъ, равно какъ и избавиться отъ угнетеній и интригъ греческаго духовенства“, и проч.¹⁾

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по окончаніи засѣданій церковно-народнаго собранія, и извѣстный уже намъ Цанковъ возобновилъ свою попытку образовать особую болгарскую іерархію путемъ принятія уніи съ Римомъ и подчиненія папѣ и на этотъ разъ имѣлъ успѣхъ, хотя самый кратковременный. По прошенію сторонниковъ Цанкова и при содѣйствіи Боре, папа дѣйствительно образовалъ болгаро-уніатскую церковь съ нѣсколькими священниками и епископомъ Іосифомъ изъ болгаръ, но она распалась немедленно по своему образованіи. „Здѣшняя болгаро-уніатская церковь,—писалъ іеромонахъ Гавріилъ 24 іюня, 1861 года, архимандриту Петру въ Аѳины,—въ созиданіи которой онъ (Цанковъ)

¹⁾ „Греко-болгарская распри“ О. Стоянова-Бурнова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 520—521.

былъ столь усерднымъ рабочимъ, уже распалась прежде, чѣмъ успѣла организоваться правильнымъ образомъ. Два уніатскіе священника возвратились въ патріархію съ чувствомъ раскаянія. Епископъ Іосифъ, недавно рукоположенный въ Римѣ, куда возилъ его Боре, въ началѣ іюня явился въ наше посольство на другой день по полученіи изъ Порты берата, который давалъ ему титулъ архіепископа всей Болгаріи и всѣ права, съ нимъ соединенныя. Онъ просилъ у посланника позволенія и средствъ поѣхать въ Россію, и просьба его немедленно была исполнена среди общаго изумленія и радости русскихъ¹⁾. Архимандритъ Макарій, единственный человекъ, на котораго могли рассчитывать іезуиты, тоже, говорятъ, перешелъ въ болгарскую православную церковь. Такъ Боре опять обжегся, потерявъ новое пораженіе въ суетномъ и даже преступномъ нападеніи своемъ на Восточную Церковь²⁾. Послѣ этого „даже Цаяковъ замолкъ — было на вѣкоторое время. Впрочемъ, его крики, эти крики капризнаго и злаго ребенка, сколько суетны, столько же бесполезны“³⁾.

Въ виду усиливавшагося возбужденія болгаръ и съ цѣлю удовлетворить сколько нибудь одушевлявшему ихъ чувству ненависти къ греческому духовенству и въ то же время чтобъ удержать болгаръ отъ перехода въ унію, тогда только еще затѣвавшуюся, болгарскіе епископы Иларіонъ и Авксентій сочли себя вынужденными прибѣгнуть къ мѣрѣ крайней. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, 3 апрѣля, 1860 года, когда Иларіонъ совершалъ торжественное богослуженіе въ константинопольской болгарской церкви, онъ уступилъ шумнымъ крикамъ во множествѣ собравшагося въ церковь на-

¹⁾ Онъ поимѣнъ былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ и здѣсь скончался, предварительно оказавъ русскому правительству услугу посвященіемъ уніатскихъ священниковъ для Холмской Руси во время натянутыхъ отношеній русскаго правительства къ папѣ. — Но уніа болгаръ съ католическою церковію провозглашена еще въ декабрѣ 1860 года. См. брошюру Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распра“, С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 25.

²⁾ Въ бумагахъ архим. Петра.

рода и отиѣнилъ поминавенеіе на литургіи патріаршаго имени вмѣсто котораго сталъ поминать „всякое епископство православныхъ“. Длшь только вѣсть объ этомъ распространилась по Болгаріи, 33 города и мѣстечка прислали Иларіону благодарственные адреса и присоединились къ принятой имъ мѣрѣ; константинопольскіе уніаты толпами стали возвращаться въ православіе. Считая виновниками всего случившагося Авксентія и Иларіона, патріархъ осудилъ ихъ обоихъ и лишилъ архіерейства и священства ¹⁾. Это было на мѣстномъ соборѣ 24 февраля 1861 года. „Великая церковь,— писалъ по этому поводу 26 апрѣля 1861 года іеромонахъ Гавріилъ архимандриту Петру,—созваніемъ собора (24 февраля) начала открывать и наступательныя дѣйствія свои противъ движенія болгаръ съ свойственною ей энергіей; но встрѣтила со стороны ихъ сильное сопротивленіе,—и кака я мрачная была картина! Вообразите гнѣвъ и досаду низложенныхъ епископовъ, громко вопіющихъ противъ несправедливости соборнаго суда, горячее ожесточеніе многочисленной партіи ихъ, раздраженіе грековъ, негодованіе Великой церкви, глумленіе неправославнаго міра, тонкую хитрость здѣшняго правительства, которое старается въ одно и то же время угодить и грекамъ и болгарамъ. Такъ больно и грустно было въ сердцѣ при видѣ этой печальной картины разложенія церкви.—Иларіонъ въ первое воскресенье послѣ низложенія своего священнодѣйствовалъ литургію къ соблазну католиковъ, которые громко вричали противъ незаконности его священнодѣйствія, но потомъ струсая и, боясь преслѣдованія власти, готовившей ему изгнаніе, онъ долго скрывался въ частныхъ домахъ. Наконецъ на страстной седмицѣ онъ опять пришелъ домой и, съ разрѣшенія султана, служилъ вмѣстѣ съ Авксентіемъ литур-

¹⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“ Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за май, 1882 г., стр. 411—417. Объясненіе преосвѣд. Иларіона см. въ брошюрѣ: Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распра“. С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 20 и 21.

гію въ первый день Пасхи подъ прикрытіемъ солдатъ, которые окружили церковь для предотвращенія возможныхъ дракъ и рѣзни. Смѣшно и грустно при воспоминаніи объ этомъ событіи¹⁾. По настоянію патріарха, Иларіонъ и Авксентій были арестованы, по распоряженію Порты, и отправлены въ ссылку въ Малую Азію²⁾.

Но „ссылкою Иларіона и Авксентія³⁾ болгарскій вопросъ далеко не конченъ.—писалъ 24 іюня 1861 года іеромонахъ Гавріилъ архимандриту Петру. Теперь происходятъ здѣсь совѣщанія о болгарскомъ дѣлѣ, въ которыхъ принимаютъ участіе прибывшіе сюда уполномоченные отъ всѣхъ болгарскихъ епархій. Сужденія болгаръ принимаютъ характеръ болѣе спокойный и рѣшительный. Литературная брань ихъ съ греками менѣе слышна⁴⁾. Въ это время болгары выработали и представили патріарху и Портѣ слѣдующіе 8 пунктовъ своихъ требованій: 1) въ избраніи патріарха болгары имѣютъ право участвовать наравнѣ съ греками; 2) члены патріаршаго синода состоятъ на половину изъ грековъ, на половину изъ болгаръ; 3) болгарскіе архіереи (6) составляютъ съ шестью мірянами болгарскій народный совѣтъ, вѣдающій всѣ дѣла болгарскаго народа, не касающіяся религіи; 4) достойнѣйшій изъ архіереевъ съ выборнымъ міряниномъ пребываютъ въ Константинополѣ и представляютъ предъ правительствомъ болгарскій народъ; 5) смѣна этихъ двухъ лицъ не зависитъ отъ патріарха, а въ случаѣ обвиненія ихъ народнымъ собраніемъ дѣлается

¹⁾ Въ бумагахъ архим. Петра.

²⁾ „Гречо-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“, Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май, 1862 г., стр. 418.

³⁾ Авксентій умеръ въ февралѣ, 1865 г., не захотѣвъ принять разрѣшеніе наложенной на него клятвы, посланное ему патріархомъ вслѣдствіе настояній русскаго посла (тамъ же, стр. 421). Поэтому онъ погребенъ былъ священническимъ чиномъ. Участвовавшимъ въ погребальной процессіи раздавались литографическія изображенія похоронъ пресвященнаго Авксентія. Одинъ экземпляръ такого изображенія находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при Киевской дух. Академіи. См. „Труды“ сей Академіи за декабрь 1885 года, стр. 723.

⁴⁾ Въ бумагахъ архимандрита Петра.

Портой; 6) для замѣщенія катедръ выбираются епархіей два кандидата: одинъ изъ нихъ избирается болгарскимъ народнымъ совѣтомъ и рукополагается патріархомъ; 7) въ смѣшанныхъ епархіяхъ архіерей выбирается изъ того народа, который многочисленнѣе, но онъ долженъ основательно знать оба языка, греческій и болгарскій, и строго блюсти, чтобы никакого препятствія не было селянамъ употреблять въ церквахъ и училищахъ свой народный языкъ, и 8) архіереямъ назначается жалованье¹⁾.

Изложеніе дальнѣйшаго хода греко-болгарской распри не входитъ въ нашу задачу. Мы укажемъ только важнѣйшіе моменты и результаты этой распри. Послѣ долгихъ обсужденій и споровъ, — говоритъ г. Телловъ, — обѣ стороны убѣдились въ необходимости покончить споръ, но не были въ силахъ ограничить и видоизмѣнить свои требованія настолько, чтобы придти къ возможности соглашенія. Съ одной стороны сильное, хотя и не всегда высказываемое прямо стремленіе болгаръ къ достиженію самостоятельности, а съ другой — упорная рѣшимость грековъ удержать свое первенство создаютъ тысячи затрудненій, которыя, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, обращаются въ неодолимые препятствія⁴. Собравшись въ Константинополь на общее совѣщаніе, болгарскіе архіереи заявляютъ, что они считаютъ невозможнымъ установить какія-либо соглашенія съ патріархомъ, а потому они — епископы удаляются отъ служенія константинопольскому престолу, возвращаясь въ болгарскую древнюю автокефальную церковь, которая была, есть и будетъ вѣчно въ духовномъ единеніи съ Великою Церковію. По просьбѣ ихъ, Порта дала свое согласіе на дарованіе болгарской церкви независимаго автокефальнаго устройства, — и 28 февраля 1870 года болгарскіе выборные получили фирманъ, допускающій само-

¹⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“ Теллова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май, 1882 г., стр. 417.

стоятельность ихъ церкви. Во главѣ управленія этого новаго независимаго отъ Константинополя округа поставленъ ексархъ со своимъ синодомъ, избираемый этимъ послѣднимъ и немедленно утверждаемый константинопольскимъ патріархомъ, который обязанъ выдать утвердительную грамоту. По дѣламъ, требующимъ совмѣстнаго совѣщанія, болгарскій синодъ относится къ вселенскому патріарху, который долженъ давать ему просимую помощь и отвѣчать безъ замедленія на его запросы. Выбранъ былъ и первый ексархъ болгарскій, Анеимъ виддинскій. Но когда онъ, не будучи принятъ патріархомъ съ официальнымъ представленіемъ, самъ своею властію объявилъ въ константинопольской болгарской церкви актъ, провозглашающій независимость болгарской церкви; то помѣстивъ константинопольскій синодъ, нарочно созванный въ 1872 году для рѣшенія греко-болгарской распри, большинствомъ голосовъ объявилъ болгаръ схизматиками и отлучилъ отъ церкви. Главнымъ обвиненіемъ противъ болгаръ было выставлено стремленіе ввести въ церковь начало племенныхъ различій. „Изъ среды болгарскаго народа,—говорилось въ соборномъ актѣ,—возстали люди, дерзнувшіе внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новочленіе о филетизмѣ (племенномъ различіи) и образовать, въ презрѣніе божественныхъ священныхъ канонѣвъ, неслыханное доселѣ племенное сборище“; поэтому „мы отвергаемъ и осуждаемъ филетизмъ, какъ нѣчто противное евангельскому ученію и канонамъ божественныхъ отцовъ нашихъ... Пріемлющихъ филетизмъ и дерзающихъ основывать на немъ племенная сборища мы провозглашаемъ... чуждыми единой святой, каеволической церкви или, что то же, схизматиками“¹⁾.

¹⁾ „Греко-болгарскій церковный вопросъ въ нашей печати“ А. Съездцаго, въ „Странникѣ“, за октябрь, ноябрь и декабрь 1883 года. См. брошюру Т. Н. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распра“, С. Петербургъ, 1870 г., стр. 27 и слѣд.

Это объявленіе схизмы и отлученіе отъ церкви и до сихъ поръ тяготѣеть надъ болгарями, не смотря на послѣдовавшую затѣмъ политическую обособленность болгарскаго народа, дарованную ему Россіей, и, вѣроятно, еще долго будетъ тяготѣть надъ нимъ, потому что болгарская народность и церковная іерархія не только обнимаетъ собою нынѣшнюю Болгарію и Румелию, но имѣетъ притязанія и на другія области со смѣшаннымъ населеніемъ въ европейской Турціи, тогда какъ на тѣ же самыя области (Фракію и Македонію) и даже на Румелию имѣетъ виды и греческая іерархія и національность. Слѣдовательно, обвиненіе въ филиетизмъ одинаково должно падать на обѣ враждующія стороны. Стороннее вмѣшательство въ эту международную распрю балканскихъ народовъ едва ли можетъ успокоить ихъ умы и страсти, такъ какъ каждый изъ этихъ народовъ, опираясь на историческія права свои, мечтаетъ о преобладающемъ вліяніи и господствѣ на полуостровѣ, не можетъ удовлетвориться тою долею наслѣдства „больнаго человѣка“, какая ему назначена, и будетъ роптать на посредниковъ и защитниковъ своихъ за мнимую обиду въ дѣлѣ этого наслѣдства. Такъ не одинъ разъ и было съ Россіей, испытывавшей червую благодарность отъ освобожденныхъ ею единовѣрныхъ племенъ балканскаго полуострова. Напрасно политическіе умы нашего времени ломаютъ свои головы надъ составленіемъ плановъ и проэктвовъ относительно умиротворенія балканскаго полуострова. Эта задача перейдетъ въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ,—и если не намъ, то по крайней мѣрѣ нашимъ потомкамъ еще не разъ придется быть свидѣтелями продолженія смуть и кровавыхъ столкновеній между племенами балканскаго полуострова.

Н. Петровъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕТОДИЗМА.

(Продолженіе¹).

с) 2. Чѣмъ методисты привлекали народныя массы на свою сторону.

Уже одного взгляда на быстрое распространеніе методизма достаточно для того, чтобы признать, что методисты располагали вѣрными средствами для привлеченія къ себѣ народныхъ массъ. Правда, что причину быстрого распространенія методизма можно видѣть въ томъ, что методизмъ былъ вполне годенъ для удовлетворенія сильно заявлявшихъ себя потребностей англійскаго народа, потребностей, возникшихъ давно, никогда неудовлетворявшихся и достигшихъ своего полнаго напряженія ко времени появленія методизма; такимъ образомъ методизмъ можно считать результатомъ условій, дѣйствовавшихъ долгое время. Но это однако не исключаетъ вопроса о томъ, какъ же удовлетворялось то, къ чему столько времени стремились и чего такъ долго не могли удовлетворить, потому что методистское движеніе и выродившееся изъ него движеніе евангелическое воплотились въ немногихъ личностяхъ, которыя взяли на себя дѣло преобразованія англійскаго народа. За этими личностями должна остаться память исторіи, какъ за людьми, вѣрно понявшими нужды народа и сумѣвшими изыскать средства къ удовлетворенію этихъ нуждъ. Отчасти мы уже знаемъ, для чего методизмъ былъ нуженъ англійскому народу: мы уже видѣли, что методисты стремились къ религіозно - нравствен-

¹) См. Груды Кіев. дух. Акад., июнь 1886 г.

ному воспитанію народа, къ возстановленію силы и духа религіи въ ихъ первоначальной чистотѣ и непосредственности. Удалось ли это, это будетъ видно послѣ, да это и другой совершенно вопросъ; для исторіи важно то, что средства, направленные къ этой цѣли вызвали въ народѣ сильное движеніе давшее огромные результаты, измѣнившее во многихъ отношеніяхъ жизнь англійскаго народа. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о средствахъ, которыя были употреблены руководителями методистскаго движенія, получаетъ полное право на разрѣшеніе. Причина быстрого распространенія методизма кроется въ томъ, что онъ удовлетворялъ потребностямъ времени и мѣста; условія быстроты распространенія—въ томъ, что люди, сознавшіе необходимость удовлетворить эти потребности могли безпрепятственно выступить съ своими реформаторскими планами и употреблять прискаанныя для этого средства. — Главнѣйшимъ средствомъ для распространенія методизма служила проповѣдь; о ней главнымъ образомъ и должна идти рѣчь, когда мы имѣемъ въ виду рѣшать вопросъ о средствахъ для распространенія методизма. Говоря безъ преувеличенія, мы должны сказать, что первый кружокъ методистовъ составился благодаря силѣ убѣжденія Чарльза Весли; собранія первыхъ членовъ методизма происходили тоже не безъ вліянія проповѣдническаго слова братьевъ Весли, изъ кружка методистовъ слово убѣжденія (проповѣдное слово) перенесено было въ мѣста заключенія, въ дома призрѣнія и помѣщенія нищихъ, больныхъ и т. п. Преобразование религіозно-нравственной жизни колонистовъ Георгіи братья Весли думали произвести не иначе, какъ чрезъ проповѣданіе. Когда они сошлись съ герингутерами, то П. Бѣлеръ прямо совѣтовалъ Весли: „Проповѣдуй вѣру настолько, насколько у тебя ее есть; послѣ ты будешь проповѣдать ее потому, что она у тебя есть“. Бѣлеръ рассчитывалъ на то, что Весли ограничится проповѣдью для сообщенія догматическаго ученія: онъ видѣлъ въ проповѣди Весли средство къ

наученію истинамъ вѣры, взатымъ изъ гернгутіанской догматики. Но Весли смотрѣлъ на проповѣдь шире: въ ней онъ видѣлъ не только средство къ наученію, но и средство къ побужденію другихъ жить согласно съ такими или иными теоретическими воззрѣніями—догматическими истинами. Вслѣдствіе такого разногласія произошло то, что П. Бѣлеръ и гернгутіане сильно опасались за послѣдствія, которыя могла принять проповѣдь Джона Весли и его сторонниковъ¹⁾. Разногласія изъ-за проповѣданія были отчасти причиною разрыва между методистами и гернгутіанами. Еще до запрещенія методистамъ проповѣданія въ храмахъ епископальной церкви ихъ проповѣдь была настолько отличва отъ общаго типа проповѣди епископальной церкви, что вызвала противъ себя возраженія духовенства, окончившіяся изгнаніемъ методистовъ съ церковныхъ кафедръ. Вполнѣ проповѣдь методистовъ получила свои характерныя особенности послѣ того, какъ ничто уже не связывало ея свободы: ни приличіе и сдержанность, приписываемыя произнесеніемъ проповѣди въ епископальномъ храмѣ съ одной стороны; ни осторожность гернгутіанъ, бывшая слѣдствіемъ ихъ несмѣлости, которая зависѣла отъ жизни и дѣятельности въ чужой землѣ съ другой.—Чтобы дать понятіе о проповѣди методистовъ, нужно имѣть подъ руками большее число средствъ, чѣмъ было ихъ у насъ. По этой причинѣ, не претендуя на полноту, мы постараемся сказать о проповѣди методистовъ все, что было возможно узнать для насъ съ ваходившимися подъ руками пособіями. При чтеніи рассказовъ о распространіи методизма невольнo поражаетесь цифрами, которыми выражается количество людей, собиравшихся слушать проповѣди главныхъ распространителей методизма²⁾. Невольно является вопросъ: что такого особеннаго была въ проповѣди методистовъ, чѣмъ бы можно

¹⁾ *Проесс. Иоаннъ*, 1 вып., 61 стр.

²⁾ Мы уже имѣли случай указывать цифровыя данныя по этому вопросу.

было объяснить ея дѣйствіе на массы? Отчего проповѣдь господствующихъ церквей (епископальной въ Англіи и пресвитеріанской въ Шотландіи), а также проповѣдь въ сектахъ диссентеровъ не увлекала на свою сторону столькихъ послѣдователей? Отвѣчая на эти вопросы, различные историки методизма сходятся въ одномъ общемъ мнѣніи, что проповѣдь тогдашняго англійскаго духовенства не соответствовала своему назначенію, а потому не имѣла и той дѣйственности, которую имѣла проповѣдь методистовъ¹⁾. Дѣйственность проповѣди вообще зависитъ и отъ самой проповѣди, и отъ внѣшнихъ условій, которыми она обставлена; въ частности проповѣдь методистовъ удовлетворительно была и съ той, и съ другой стороны. По своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствомъ она соответствовала своей цѣли гораздо болѣе, чѣмъ проповѣдь господствующаго духовенства. По содержанію своему она касалась такихъ вопросовъ, которые наиболее интересуютъ человѣка,—вопросовъ жизненно-практическихъ: она не затрогивала теоретическихъ истинъ религіи, а если и касалась ихъ, то въ той только мѣрѣ, въ какой это было необходимо для выясненія нравственно-практическихъ задачъ. Стремленіе къ нравственному возрожденію и къ перерожденію современнаго общества заставляло проповѣдниковъ методизма описывать главнымъ образомъ нравственно-религіозную жизнь человѣка въ ея главныхъ моментахъ. Отсюда ясно, почему вопросы о поврежденіи человѣческой природы, произведенномъ грѣхомъ Адама, объ искупленіи совершенномъ Иисусомъ Христомъ, объ оправданіи чрезъ вѣру во Христа, о необходимомъ для этого пробужденіи и обращеніи человѣка, объ освященіи и совершенствѣ его,—однимъ

¹⁾ Авторъ *Histoire des sectes religieuses*, а также Southey, Hagenbach, Lesku, преосвященный Іоаннъ, Маколей и другіе подтверждаютъ это; сужденія Lesku и преосв. Іоанна въ сущности согласны между собою, хотя кажутся противоположными съ перваго раза.

словомъ вопросы „объ адѣ и небѣ, о смерти и судѣ“¹⁾ были почти единственными вопросами, которыми занимались проповѣдники методисты этого періода (т. е. перваго періода). Человѣкъ всегда чувствуетъ страхъ предъ смертію и посмертнымъ существованіемъ; это чувство явнѣе сильно развито въ массахъ простого народа. Если постоянно и энергично проповѣдать объ этомъ, настойчиво поддерживать этотъ страхъ, настраивая воображеніе указаніемъ тѣсной связи между настоящею и будущею жизнью человѣка, то народную массу можно довести до такого состоянія, что она охотно, хотя и съ ужасомъ, будетъ слушать рѣчь о подобныхъ предметахъ. Загробная жизнь увлекаетъ собою пылкость человѣческаго духа, и всякая попытка дать отвѣтъ на вопросы о ней принимается и будетъ приниматься охотно. Методисты отлично понимали это: ни одна проповѣдь не пропускала вопросовъ о загробной жизни,—и дѣло дошло до такой крайности, что годичная конференція методистовъ (1745 г.) должна была ограничить ревность проповѣдниковъ въ этомъ отношеніи. Упомянутые предметы, проповѣдей до того экзальтировали народную массу, что во время самаго проповѣданія происходили припадки, часто оканчивавшіеся умопомѣшательствомъ, а общество слушателей должно было расходиться съ разстроеннымъ воображеніемъ, съ стономъ и слезами. Упомянутые вопросы эсхатологическаго характера, по мнѣнію Гагенбаха, были единственнымъ,—что было нужно для простого народа²⁾.—Какъ же располагался матеріалъ въ проповѣдяхъ методистовъ? Нужно замѣтить, что методисты въ этомъ отношеніи не слѣдовали какому-нибудь строго опредѣленному плану или какимъ-нибудь методическимъ приемамъ. Проповѣдь обыкновенно произносилась экспромптомъ, а потому, порядокъ въ изложеніи предмета проповѣди зависѣлъ отъ личнаго таланта проповѣдника. Въ этомъ отношеніи проповѣдники методизма

¹⁾ Histoire des sectes religieuses, IV, 464; Lecky, S. 63; Hagenbach, I, 462.

²⁾ Ibid.

имѣли предъ собою всѣ преимущества сравнительно съ проповѣдниками, которые связаны опредѣленными правилами и прикованы въ одному мѣсту, гдѣ аудиторія посѣщается одними и тѣми же слушателями. Вотъ что *Southey* говорить, напр., объ Уайтфилдѣ: „То, что ему приходилось часто повторять одну и ту же проповѣдь, и при томъ въ видѣ свободнаго трактата, безъ рукописи, должно считать большимъ преимуществомъ, хотя не единственнымъ и не самымъ значительнымъ; если бы онъ прочитывалъ проповѣди по рукописи, тогда онъ въ большинствѣ случаевъ остались бы неизмѣнными; буквы на бумагѣ были бы для него руководною нитью, которая не позволяла бы ему уклоняться съ опредѣленнаго пути, и фантазія его спала бы во время дѣйствованія губъ и глазъ“¹⁾. Такимъ образомъ вмѣсто сухого трактата, написаннаго по законамъ логики, вмѣсто проповѣди со всѣми риторическими приѣмами, методисты предлагали живую рѣчь, которая свободно текла ничѣмъ не сдерживаемая, ничѣмъ не управляемая, кромѣ фантазіи. Понятно, что кромѣ достоинствъ это имѣло и свои невыгодныя стороны. Первое, что было неудобно при такой постановкѣ дѣла, это нарушеніе законовъ логики. Правда, что нарушеніе логическихъ законовъ не могло быть особенно вредно для ораторства методистовъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они обращались съ своею рѣчью къ необразованной массѣ; но оно давало врагамъ методизма (епископальному духовенству и диссентерамъ) довольно опасное орудіе противъ методистовъ. Произнося свои поученія, методистъ-проповѣдникъ искалъ случая подѣйствовать на чувство и волю, а вовсе не на умъ слушателей (что требуетъ строго логическихъ сужденій о предметахъ рѣчи). Такимъ образомъ сила убѣжденія была для него гораздо нужнѣе, чѣмъ самые строгіе логическіе выводы и правильныя сужденія. Сила убѣжденія въ истинности того, что

¹⁾ Wesley's Leben, II, 331.

проповѣдалось, помогала оратору въ бѣльшей степени, нежели всевозможные логическіе приемы; но отсюда вышло то, что на сторонѣ методистовъ оказалось весьма мало послѣдователей изъ образованныхъ классовъ общества¹⁾. Другой недостатокъ проповѣди методистовъ, произносимой экспромптомъ, — возможность постоянного повторенія. Вслѣдствіе его рѣчь проповѣдника-методиста дѣлалась скучною, утомительною; она и не могла бы производить такого сильнаго дѣйствія, если бы проповѣднику приходилось произносить ее постоянно предъ одними и тѣми же слушателями. Но методисты имѣли возможность и умѣли указанный недостатокъ обратить въ свою пользу: они не избѣгали повтореній въ своей рѣчи, напротивъ намѣренно вводили ихъ съ тѣмъ, чтобы тверже запечатлѣть въ памяти слушателей тѣ предметы, о которыхъ идетъ рѣчь въ проповѣди²⁾. Надоѣсть же своими повтореніями они и не особенно могли, потому что, переходя съ одного мѣста на другое, они имѣли постоянно новыхъ и новыхъ слушателей; а самая проповѣдь значительно выигрывала отъ этого, потому что послѣ произнесенія нѣсколько разъ она отлично обрабатывалась, запоминалась и очищалась отъ недостатковъ; проповѣднику оставалось заботиться только о внѣшнихъ подробностяхъ, а не относительно содержанія, которое было вполне готово³⁾. — Съ внѣшней стороны проповѣдь методистовъ имѣла все необходимое, чтобы дѣйствовать на массы простого народа. Всѣ проповѣдники методизма (развѣ за исключеніемъ весьма немногихъ) происходили изъ простого сословія и потому были близки къ простому народу по своимъ чувствованіямъ

¹⁾ На недостатокъ логичности указываютъ путешественники и въ настоящее время, когда говорятъ о проповѣди методистовъ. См. Русск. Вѣсти. 1883, статья „Изъ религіозной жизни въ Сѣверн. Америкѣ“.

²⁾ Такова между прочимъ проповѣдь Весли, приведенная у *Jacoby* II, 443—450.

³⁾ *Southey*, II, 230; *Stevens*, I, 364; оба автора приводятъ отзывъ Франклина о проповѣди Уайтфилда.

и стремленіямъ. Звѣзда первой величины среди проповѣдниковъ методизма—Уайтфилдъ,—какъ мы видѣли, былъ сыномъ трактирщика и воспитался въ трактирѣ; другіе проповѣдники изъ простыхъ членовъ-мірянъ (lay-preachers) были то каменщиками, то плотниками, то уличными торговцами, то солдатами, то (самое большее) купцами. Обращаясь съ проповѣдническимъ словомъ къ простому народу, они, какъ и слѣдовало ожидать, говорили къ нему языкомъ обыденной жизни, языкомъ, который былъ чуждъ школьныхъ техническихъ оборотовъ, непонятныхъ литературныхъ выраженій; они заговорили языкомъ улицы, рынка, а не языкомъ книги, или ученаго кабинета, университетской аудиторіи и кафедръ, гдѣ тѣснились слушатели высшихъ и среднихъ сословій. Такимъ образомъ у методистовъ проповѣдь была уличнымъ разсужденіемъ о религіозныхъ предметахъ; а это имѣло неотразимое дѣйствіе на народныя массы¹⁾. Но если эта „народность въ языкѣ“ проповѣди методистовъ у однихъ проповѣдниковъ (именно у необразованныхъ) была слѣдствіемъ необходимости, то въ рѣчахъ братьевъ Весли, получившихъ университетское образованіе, она была усвоена, благодаря сознательно выработанному хорошо обдуманному плану. Одинъ изъ историковъ методизма приводитъ слова предисловія къ одному изъ собраній проповѣдей Джона Весли, подтверждающія наши слова²⁾. Таковъ былъ между прочимъ языкъ проповѣдей даже одного изъ представителей епископальнаго духовенства, бывшаго на сторонѣ методистовъ³⁾. Но мы были бы несправедливы, если бы въ этой народности языка методистской проповѣди стали видѣть только ея достоинства. Чтобы оцѣнить по достоинству указанную особенность проповѣди методистовъ, намъ необходимо указать на то, что „народность“ въ данномъ

¹⁾ Histoire des sectes religieuses, B. IV, p. 462; *Lecky* S. 53.

²⁾ *Hagenbach*, op. cit., I, 462.

³⁾ Разумѣнь Grimshaw. См. *Lecky* S. 110.

случаѣ болѣею частью обращалась въ вульгарность: методисты о религіозныхъ предметахъ говорили языкомъ, совершенно недостойнымъ этихъ предметовъ, доходя до крайности. Великое дѣло провозвѣщенія Слова Божія они обращали въ площадно-трактирное болтовство¹⁾. Последнее обстоятельство и было, кажется, главною причиною того, что уже въ концѣ 30 годовъ прошедшаго столѣтія имъ воспрещено было проповѣдать съ церковныхъ кафедръ. Здѣсь намъ необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку: изъ главныхъ проповѣдниковъ методизма только Уайтфилдъ отличался крайнею вульгарностію языка проповѣди. Относительно братьевъ Весли нужно сказать, что они были гораздо сдержаннѣе въ своихъ проповѣдяхъ и почти чужды упомянутаго недостатка, если судить по немногимъ бывшимъ у насъ подъ руками отрывкамъ, взятымъ изъ ихъ проповѣдей²⁾. Для характеристики проповѣдническаго языка Уайтфилда считаемъ нужнымъ привести 1—2 отрывка изъ его проповѣдей. Такихъ отрывковъ въ нашемъ распоряженіи въ сожалѣнію было весьма немного. О самыхъ священныхъ предметахъ Уайтфилдъ трактовалъ съ самою неуклюжею фамилярностію. Такъ, Господа Іисуса Христа онъ называлъ часто „ягненкомъ, зажареннымъ въ удовлетвореніе гнѣва Божественнаго“³⁾ относительно себя онъ говоритъ то съ вѣзбою напыщенностію, то съ самымъ приняженнымъ смиреніемъ, доходящимъ до самопрезрѣнія. „Я—говорилъ онъ—очень близко ощущаю вертоградъ, куда каждый день отправляюсь чтобы въ прохладѣ прогуливаться съ моимъ Богомъ и бесѣдовать съ Нимъ“. Въ другой разъ онъ говорилъ: „Я полонъ, такъ сказать, Божественною полнотою; часто я бываю на Голгофѣ, а часто на горѣ

¹⁾ Понятно, что *Stevens, Jacoby* о проповѣдническихъ методистовъ и въ частности Уайтфилда выражаются иначе. См. *Stevens*, I, 364, 365.

²⁾ Это признаетъ и католическій авторъ *Histoire des sectes religieuses*, N. IV, p. 473.

³⁾ *Lecky* S. 49.

Отворъ“, или: „Я въ самомъ дѣлѣ началъ свою небесную жизнь и пасусь съ упитанными тельцами“. Въ другихъ же случаяхъ онъ описываетъ себя, какъ „червь“, называетъ себя „мертвюю собакою“ и „вѣкимъ извергомъ рода человеческого“¹⁾.—Такой способъ проповѣданія при полной понятности простому народу былъ однако совершенно новымъ и оригинальнымъ въ Англіи; а потому народъ при всякомъ удобномъ случаѣ стремился массами слушать чудакъ-проповѣдниковъ, которые стремились небо низвести на землю. Одна часть толпы собиралась вокругъ оригинальныхъ каедръ и оригинальныхъ проповѣдниковъ съ искреннимъ желаніемъ послушать назидательнаго слова, т. е., удовлетворяя своему религіозному чувству; другая же часть являлась изъ любопытства, изъ желанія послушать тѣхъ, о которыхъ всѣ толковали. Были однако и такіе (какъ сознаются даже братья Весли), которые имѣли единственною цѣлю насмѣшки и издѣвательство надъ „высочками“—проповѣдниками; къ послѣднимъ относились всѣ, чьи интересы страдали отъ проповѣди методистовъ. Но такъ какъ въ проповѣди методистовъ помимо указанныхъ недостатковъ было очень не мало достоинствъ, то окснчаніе проповѣди часто было совершенно не такимъ, какъ этого ожидали недоброегатели методистовъ; но объ этомъ послѣ. Живой англійскій народный языкъ давалъ вѣкоторымъ талантливымъ проповѣдникамъ методизма средства къ тому, что они могли сдѣлать рѣчь свою живою, образвою и ясною. Лекки говоритъ, что въ этомъ отношеніи Уайтфилдъ былъ своего рода неподражаемымъ образцомъ²⁾. Никто изъ проповѣдниковъ такъ, какъ онъ, не умѣлъ облекать въ величественныя краски самыхъ обыкновенныхъ предметовъ; проповѣдь его соединяла совершенство образа съ убѣдительностію. У него самые отвлеченные предметы

¹⁾ *Lecky* S. 49.

²⁾ *Idem.* S. 52.

дѣлались осязательными, а таинственно-религіозныя истины получали конкретность вѣдшихъ матеріальныхъ предметовъ; давно прошедшія событія онъ умѣлъ такъ отчетливо возстановлять предъ глазами, какъ на картинѣ. Говоря о покаяніи и обращеніи грѣшника къ Богу, онъ представлялъ себѣ и излагалъ предъ слушателями этотъ таинственный актъ въ видѣ передачи ангеломъ Богу молитвы грѣшника, а медлительность грѣшника и милосердіе Божіе съ Его долготерпѣвіемъ—въ видѣ печальнаго ангела, ожидающаго, пока грѣшникъ обратится къ Богу и дастъ возможность ангелу вознести къ Богу свою покаянную молитву. Однажды Уайтхедъ говорилъ: „Присутствующій здѣсь ангелъ готовъ уже взлетѣть на небо, и должно взлетѣть ему; но не понесетъ онъ туда извѣстія о раскаяніи бѣднаго грѣшника, находящагося въ этой толпѣ, и объ оставленіи имъ прежнихъ своихъ заблужденій⁴. Чтобы придать болъшую силу и выразительность своему слову, онъ воскликнулъ: „Стой, Гавріиль, стой! прежде чѣмъ войдешь въ священныя врата, возьми съ собою вѣсть о томъ, что раскаявшійся грѣшникъ обратился къ Богу!“ По словамъ бывшаго при этой проповѣди Юма, это восклицаніе имѣло такое сильное вліяніе на слушателей, какого не производилъ ни одинъ проповѣдникъ¹). Также живо и образно умѣлъ говорить и Джонъ Весли. Описывая ниспосланіе благодати челоуѣку при желаніи обращенія къ Богу, Джонъ Весли такъ живо представляетъ этотъ актъ, что челоуѣку, кажется, достаточно простереть руки, принять этотъ великій даръ Божій, чтобы никогда не разлучаться съ нимъ. Понятно, что проповѣдь при произнесеніи производила болѣе глубокое и сильное впечатлѣвіе, чѣмъ она производитъ при чтеніи; однако и при чтеніи ея (даже и по нѣмецкому переводу) замѣтны остатки ея чарующей силы. „Какъ бѣдный грѣшникъ, у котораго вѣтъ ничего, чѣмъ бы онъ могъ воз-

¹) *Lecky* S. 54.

дать (Вору), у котораго нечего принести Ему (въ жертву), ты долженъ ожидать освященія такъ, какъ ты существуешь (wie du bist); — ожидай же его въ данное время! Ничто да не удерживаетъ тебя отъ этого (ожиданія)! Почему? Потому что Христось готовъ; Онъ есть все, чего нужно тебѣ; Онъ ждетъ тебя; Онъ стоитъ у дверей (сердца твоего). Отверзи двери, дай войти твоему небесному Гостю и никогда не позволяй Ему оставлять тебя. Вечерай съ Нимъ и торжествуй праздникъ вѣчно продолжающейся любви“¹⁾. Въ одной изъ проповѣдей Уайтфилда страданія Христовы описаны такъ живо и ясно, какъ изображать ихъ могъ только современникъ-очевидецъ, или же вдохновенный пророкъ. „Смотрите туда, — восклицалъ онъ, простирая свои руки вдаль, — Кто это виденъ тамъ? О! это Господь нашъ въ смертныхъ мукахъ! Слышите, слышите?! Слышите ли вы??!! „Отче, если возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія! однако не Моя воля, но Твоя да будетъ“! — Такія мѣста, по словамъ *Southey* встрѣчаются въ его сочиненіяхъ весьма часто²⁾. — Мѣтко подобранныя сравненія придавали проповѣди методистовъ необыкновенную живость и дѣйственность. Такъ одинъ проповѣдникъ говорилъ въ своей воодушевленной рѣчи. „Есть два свидѣтеля, мертвыхъ и въ настоящее время покрытыхъ пылью; но они возстанутъ въ день судный и будутъ говорить, свидѣтельствуя противъ насъ (т. е., слушателей). Вотъ здѣсь эти свидѣтели, покрытые пылью, погребенные на вашихъ книжныхъ полкахъ, лежащіе безъ движенія; эти свидѣтели — Ветхій и Новый завѣты“! — „Одинъ изъ слушателей, прибавляетъ *Southey*, былъ весьма сильно пораженъ этими словами, припомнивъ, что его Библія дѣйствительно покрыта пылью, и что онъ даже пальцемъ начертилъ на пыли свое имя, какъ будто свой смертный при-

¹⁾ Извлечение изъ Works of Wesley, сдѣланныя *Jacoby*, II, 350. (Vol. I, p. 391).

²⁾ Wesley's Leben, B. II, SS. 233, 234.

говоръ на челѣ одного изъ этихъ неподкупныхъ свидѣтелей. Воспоминаніе объ этомъ не давало ему покоя ни ночью, ни днемъ¹⁾).—Особенности методистской проповѣди съ внутренней и вѣшной стороны дѣйствовали на массы слушателей тѣмъ сильнѣе, что методисты перемѣнили самый способъ произношенія проповѣдей. Раньше мы имѣли случай упомянуть со словъ *Lecky*, что проповѣди епископальнаго духовенства походили на бездушные трактаты, произносимые безъ жестикюляціи и повышенія голоса; „иного рода произношеніе производило въ народѣ смѣхъ; поэтому англійскіе ораторы стремились къ простотѣ и отсутствію украшеній“. Наоборотъ методистскіе проповѣдники считали необходимою при произношеніи вводить искусственность, театральность, жестикюляцію; это было и естественно, потому что проповѣдь произносилась экспромптомъ. Объ Уайтфилдѣ, напр., извѣстно, что онъ на каедрѣ кричалъ, стучалъ ногами; что каждый мускулъ его лица былъ въ напряженіи, каждый нервъ поддавался страстному движенію²⁾). Такое поведеніе его на каедрѣ или вообще во время проповѣданія можно объяснить его актерскимъ талантомъ, развитымъ еще въ молодые годы³⁾). При помощи тѣлесныхъ движеній Уайтфилдъ достигалъ того, что каждый слушатель могъ относить слова проповѣдника къ самому себѣ; въ частныхъ случаяхъ это обстоятельство очень много зависѣло отъ того, что онъ имѣлъ обыкновеніе употреблять мѣстоименія второго лица въ единственномъ числѣ. Такое обыкновеніе имѣло важное значеніе для вліянія на слушателей; но часто оно приводило и къ смѣшнымъ результатамъ⁴⁾). Не смотря

1) Wesley's Leben, II, 80.

2) *Lecky*, S. 53.

3) *Southey* II, 232.

4) Однажды актеръ *Shuter*, прославившійся ролью бродяги въ драмѣ „Бродяги“ (*Rambler*), сидѣлъ впереди слушателей Уайтфилда. Уайтфилдъ, замѣтивъ это, обратился въ его сторону и воскликнулъ: „И ты, бѣдный бродяга, слишкомъ далеко уклонился отъ Него (Господа Іисуса)! О! оставь свое бро-

на все это жестуляция Уайтфилда почти все известные намъ писатели о методизмъ приписываютъ весьма важное значеніе. Онъ поразительно дѣйствовалъ на слушателей, произнося слова осужденія: „Идите отъ Мене проклятіи во оны вѣчныя“¹⁾). Рассказываютъ, что онъ могъ превосходно воспроизвести сцену отреченія св. апостола Петра и его горькихъ раскаяній послѣ этого. Относительно другихъ проповѣдниковъ методизма известно, что они не такъ, какъ слѣдуетъ, вели себя во время проповѣданія слова Божія. Довозраженіемъ справедливости нашихъ словъ могутъ быть запрещенія со стороны епископальнаго духовенства допускать проповѣдниковъ методизма въ храмы господствующей церкви и увѣщанія Джона Весли, направленные имъ къ возбужденію въ проповѣдникахъ долгаго благоговѣнія и серьезности, а также ко внушенію имъ приличнаго поведенія во время проповѣданія. Изъ увѣщаній Джона Весли видно, что его помощники по распространенію методизма допускали во время проповѣданія крикъ, неумѣстныя шутки и неприличныя тѣлодвиженія²⁾). Другіе историки методизма рассказываютъ, что проповѣдники методизма недостатокъ природнаго краснорѣчія старались восполнить модуляціями голоса и жестами, часто весьма странными³⁾; тривиальныя выходки нерѣдко ослабляли дѣйствіе хорошей рѣчи. Сводя все сказанное, мы должны притти къ тому выводу, что способъ произнесенія проповѣдей давалъ методистамъ преимуществва предъ епископальнымъ духовенствомъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, да и не должны говорить, что методисты въ данномъ отношеніи были образцами совершенства,

дажничество и иди къ Иисусу!⁴⁾ Говоря въ другой разъ предъ собраніемъ негровъ, онъ такъ выразительно спросилъ своихъ слушателей, хотѣтъ ли они войти въ царство небесное, что одинъ старикъ—негръ очень внятно сказалъ: „Да, господи!“ И потомъ пояснилъ, что отвѣтилъ потому, что никто не хотѣлъ отвѣчать на повторенный нѣсколько разъ вопросъ. См. *Lecky*, S. 53, 54.

1) *Southey* II, 234; *Lecky*, S. 55.

2) *Southey*, II, 211, 212.

3) *Histoire des sectes religieuses*, B. IV, p. 462.

мы хотимъ сказать только то, что массы народа охотѣе шли слушать проповѣдниковъ изъ епископальнаго и диссидентскаго духовенства Англіи: онѣ стремились туда, гдѣ рассчитывали слышать понятную рѣчь о религіозныхъ предметахъ, хотя бы эта рѣчь сопровождалась иногда и неуиѣстными выходками. Но эти выходки, противныя эстетическому вкусу слушателей образованной аудиторіи, въ аудиторіяхъ базарныхъ, площадныхъ и полевыхъ служили средствомъ къ увеличенію числа слушателей, а слѣдовательно и сторонниковъ методизма.—Если содержаніе методистской проповѣди было болѣе доступно простому народу; если внѣшнія качества проповѣди (языкъ и способъ произнесенія) также увеличивали массы слушателей, то условія, въ которыхъ была поставлена проповѣдь методистовъ, должны были располагать къ ней еще болѣе. Сюда слѣдуетъ отнести то, что 1) проповѣдь методистовъ была запрещенною, 2) проповѣдь происходила при необыкновенной обстановкѣ, которою методисты прекрасно умѣли пользоваться, 3) эту проповѣдь можно было слышать всегда и вездѣ: она не имѣла оффиціального характера.—Когда мы говоримъ, что обаятельность проповѣди методистовъ зависѣла вчастности отъ того, что она была запрещенною, то разумѣемъ тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что запрещенное одною стороною находитъ себѣ сочувствіе и мѣсто примѣненія въ противоположной по духу и убѣжденіямъ сторонѣ. Съ этой точки зрѣнія проповѣдь методистовъ, запрещаемая духовенствомъ епископальной церкви и ея приверженцами, находила себѣ приверженцевъ и сочувственный пріемъ во всѣхъ тѣхъ, кто былъ противникомъ этой церкви, а если не церкви, то, по крайней мѣрѣ, ея духовенства. Такимъ образомъ проповѣдь методистовъ вслѣдствіе запрещенія ея нашла себѣ сочувственный пріемъ и сторонниковъ среди нѣкоторыхъ диссентеровъ и пресвитеріанъ (члены установленной церкви въ Шотландіи). Этого мало: проповѣдь методистовъ своею оригинальностью возбудила интересъ къ

религиознымъ дѣламъ даже въ тѣхъ, которые въ этииъ дѣламъ равнше относились съ пренебреженіемъ или холоднымъ равнодушіемъ. Въ такого рода людяхъ проповѣдь методистовъ возбудила интересъ такого рода, какой возбуждаетъ собирающееся несчастье, во грозящее не намъ, а совершенно стороннимъ для насъ людямъ.—Понятно, что тѣ, о правахъ которыхъ проповѣдь методистовъ распространялась, за права которыхъ сильно ратовала, становились на сторону ея сами собою—сюда слѣдуетъ отнести массы простого народа. Симпатіи къ проповѣдникамъ методизма должны были увеличиться значительно вслѣдствіе того, что проповѣдникамъ методизма приходилось понести нѣкоторый родъ гоненій (каковы: запрещеніе проповѣдать въ англиканскихъ церквахъ, изгнаніе послѣ проповѣди изъ нѣкоторыхъ приходовъ). Пояснимъ сказанное примѣрами. Что проповѣдь методистовъ находила сочувствіе у диссентеровъ, это ясно видно изъ того, что послѣ запрещенія Уайтфилду проповѣданія на церковныхъ кафедрахъ епископальныхъ храмовъ, его пригласили проповѣдать въ капеллахъ „Соединеннаго священства“ (Presbytery-Associated)¹⁾. Извѣстно также, что диссентеры составляли значительный контингентъ методистскихъ общинъ, а проповѣдники изъ диссентеровъ составляли въ методизмъ сильную партію, увлекавшую членовъ методизма къ отдѣленію отъ епископальной церкви, особенно въ отношеніи богослуженія²⁾.—Къ категоріи лицъ, интересовавшихся методистскою проповѣдью вслѣдствіе желанія видѣть въ методистахъ возникновеніе новой церковной партіи, нужно отнести всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которые интересовались методизмомъ³⁾; осо-

¹⁾ *Locky*, S. 50; о значеніи и дѣятельности того, что извѣстно подъ именемъ Presbytery-Associations см. Real-Encyclopäd. v. *Herzog* B. XIII.

²⁾ *Southey* II, 306—308.

³⁾ Графиня Гѣятингдонъ принадлежитъ прямо къ членамъ методизма, а не къ сочувствующимъ только; свое еданоміе съ методистами она заявила очень реально.

Труды Киев. дух. Акад. Т. II. 1886 г.

бенно въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе кружокъ аристократокъ, собиравшихся въ гостинныхъ ледя Гѣнтингдонъ. Хотя такого рода обращенными методисты не могли особенно гордиться, однако они были весьма полезны для общинъ особаго рода протекцію; а это было весьма важно для методистовъ, особенно въ первое время. Простой народъ, за права котораго ратовали методисты, стоялъ на сторонѣ ихъ; за это говорятъ всѣ извѣстные намъ историки методизма; главная часть общинъ состояла изъ простаго народа; большинство проповѣдниковъ-помощниковъ (helpers)—тоже. Примѣровъ приводить неужно; каждая страница сочиненій *Southey*, *Jacoby*, *Lecky*, *Stevens*'а и др. историковъ методизма говоритъ за сочувствіе простаго народа къ методистамъ. Члены методизма изъ простаго народа были самыми искренними приверженцами методизма. Вниманіе къ проповѣди методистовъ со стороны тѣхъ лицъ, интересы которыхъ она какимъ-нибудь образомъ затрогивала, весьма понятно. Послѣ, при описаніи борьбы, которую пришлось методизму вынести, мы увидимъ это ясно.—Подъ необыкновенною обстановкою проповѣди методистовъ мы разумѣемъ какъ мѣста произнесенія проповѣдей, такъ и время, въ которое онѣ произносились. Всѣ извѣстныя намъ исторіи методизма отмѣчаютъ какъ нѣчто выдающееся то, что методисты не стѣснялись проповѣданіемъ, гдѣ угодно. Въ этомъ отношеніи они, по представленію *Southey*¹⁾, возобновляли древній миссіонерскій обычай распространять ученіе повсюду. Правда, методистовъ можно въ этомъ отношеніи сравнивать съ миссіонерами; но не слѣдуетъ забывать и того, что миссіонеры поставлены въ необходимость безразлично относиться къ мѣсту проповѣданія: они должны проповѣдать всюду, гдѣ есть слушатели. Насколько такая необходимость могла бы оправдывать методистовъ, мы отказываемся категорически рѣшать такой вопросъ. Слову

¹⁾ *Southey* I, 224.

Божію непротивно проповѣданіе *благовременнѣ* и *безвременнѣ*, а потому вопросъ о правотѣ или виновности методистовъ сводится къ вопросу о томъ, проповѣдали они чистое ученіе, согласное съ Словомъ Божіимъ, или же ложное. Последній вопросъ, а слѣдовательно и первый, тѣсно связанный съ нимъ, долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ дѣло съ совершившимся фактомъ и должны произнести о немъ свое сужденіе. Методисты проповѣдали всюду и сами сознавались, что такого рода проповѣдь весьма выгодна въ смыслѣ приобрѣтенія новыхъ членовъ. Съ этимъ нельзя не согласиться. Известно, что массы народа стремились слушать проповѣдь на открытомъ воздухѣ съ жадностью, какъ будто на какое-нибудь невиданное зрѣлище. Въ этомъ смыслѣ проповѣди на открытомъ воздухѣ придаетъ большое значеніе и *Southey*¹⁾. Онъ говоритъ, что эта проповѣдь дала возможность Джону Весли войти въ соприкосновеніе съ такого рода слушателями, которые безъ этого никогда не услышали бы его голоса. Считать предосудительнымъ проповѣданіе такого рода простой народъ не могъ; такое проповѣданіе въ Англіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, было въ употребленіи почти во всѣ времена, когда она стала христіанскою страной²⁾; методисты возобновили только тотъ обычай, который вышелъ изъ употребленія лѣтъ около 80.—Проповѣданіе подъ открытымъ небомъ и въ частныхъ домахъ доставляло методистамъ огромныя преимущества предъ епископальнымъ духовенствомъ. Оно давало имъ возможность пользоваться красотами природы и всякаго рода внѣшними обстоятельствами къ возбужденію религіознаго чувства въ толпѣ, слушающей проповѣдника; методисты пользовались указанными преимуществами довольно

¹⁾ *Southey* (*Wesley's Leben*) I, 373.

²⁾ *Ibid.* I, 370—374.

искусно ¹⁾). Средствомъ при этомъ служили не только создающія, но и разрушительныя силы природы,—что особенно практиковалось въ дѣвственныхъ мѣстностяхъ Америки. Такъ, одинъ проповѣдникъ сильно възальтировалъ своихъ слушателей тѣмъ, что умѣлъ воспользоваться во время проповѣданія наступившею страшною грозой, чтобы изобразить моментъ второго пришествія Спасителя въ міръ ²⁾). Какъ на особенный случай, когда методисты высказали особенное умѣнье пользоваться обстоятельствами, нужно указать на ихъ дѣятельность во время землетрясенія, бывшаго въ Лондонѣ и окрестностяхъ въ 1750 году ³⁾). Не менѣе удачно пользовались методисты для своихъ цѣлей и другими народными бѣдствіями ⁴⁾). Умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ сказалось въ томъ, между прочимъ, что методисты прекрасно пользовались такимъ или инымъ настроеніемъ, извѣстнымъ нравственнымъ развитіемъ и общественнымъ положеніемъ своихъ слушателей. Такъ, къ солдатамъ проповѣдникъ методизма обращается съ солдатскою рѣчью, рисуя картины, родныя чувствамъ военнаго человѣка ⁵⁾); матросамъ тотъ же проповѣдникъ говорилъ на ихъ матросскомъ жаргонѣ, пестрѣвшемъ множествомъ техническихъ названій. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательнъ уже извѣстный намъ Уайтхедъ ⁶⁾); но еще

¹⁾ Какъ сознавались сами проповѣдники методизма въ этомъ. См. *Southey*, II, 428.

²⁾ *Southey* II, 430.

³⁾ *Lecky* SS. 81, 82.

⁴⁾ Напримѣръ народною войною 1745 года, какъ объ этомъ говорятъ *Jacoby* и другіе историки методизма (См. Тр. Киев. д. Акад., апрѣль, 1886, стрр. 482—483).

⁵⁾ *Stevens*, I, 175, 176; Справ. *Jacoby* I, 118—120.

⁶⁾ Однажды въ Нью-Йоркѣ онъ говорилъ матросамъ: „Прекрасно, дѣти; мы видимъ ясное небо и плывемъ по очаровательной части широкаго и гладкаго моря; подъ легкимъ вѣтеркомъ и скоро потеряемъ изъ виду землю! Но что обозначаетъ это внезапное затмѣніе неба? Что это за темное облачко распростертое на западномъ горизонтѣ!? Чу!! отдаленный громъ!? О блещущая молнія; приближается буря! Всѣ по мѣстамъ“ и т. д. Этимъ родомъ рѣчи онъ произвелъ необыкновенную сенсацію въ своихъ слушателяхъ. См. *Lecky* SS. 56, 57.

больше въ этомъ отличались Джонъ Весли и калвинистъ-методистъ *Berrige*. Во время проповѣдей обоихъ упомянутыхъ проповѣдниковъ особенно часто повторялись извѣстные въ методизмъ и сдѣлавшіе методизмъ особенно извѣстнымъ случаи психофизическаго потрясенія стоявшихъ предъ кафедрою слушателей и особенно слушательницъ. Причину всѣхъ потрясеній подобнаго рода нужно видѣть въ томъ, что упомянутые проповѣдники отлично, мастерскою кистью, умѣли описывать низость и наготу пороковъ, зная, какой изъ нихъ наиболѣе свойственъ толпѣ, стоявшей предъ кафедрою. Безжалостность въ обличеніи и настойчивость въ укориэвахъ производили на слушателей замѣчательное вліяніе. Въ виду этихъ обличеній и укориэвъ становится понятнымъ въ исторіи методизма весьма многое. Прежде всего становится ясною причина преслѣдованій, направленныхъ противъ проповѣдниковъ методизма съ самаго перваго времени, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ. Слова *Преосв. Иоанна* и *Southey*, свидѣтельствующія за то, что въ первыхъ проповѣдяхъ Весли содержаніе представляло собою ничто иное какъ сатиры, на разнаго рода людей, какъ нельзя болѣе подтверждають нашу мысль ¹⁾. Еще яснѣе это видно изъ проповѣди Джона Весли, произнесенной имъ въ оксфордскомъ университетѣ въ послѣдній разъ ²⁾. — Вооружившись такою проповѣдью методисты не сидѣли на одномъ мѣстѣ, не ожидали, когда у нихъ будетъ возможность и случай начать свое проповѣданіе. Напротивъ они сами стремились къ тому, чтобы поискать слушателей, тогда какъ епископальное духовенство ожидало своихъ слушателей въ приходскихъ храмахъ. Методистъ-проповѣдникъ не обращалъ вниманія ни на мѣсто, ни на время проповѣданія: онъ говорилъ всегда, какъ только было можно говорить. Бывали случаи, что проповѣдники произносили поученія

¹⁾ *Southey* I, 101; *Преосв. Иоанна* вып. I.

²⁾ *Преосв. Иоанна*, вып. I, стр. 87—91.

по 4 раза въ день ¹⁾, а иногда даже и болѣе ²⁾, если присоединить къ проповѣдничеству увѣщанія, дѣлаемые проповѣдниками постоянно. Естественно, что проповѣдь методистовъ произносилась во всякое время дня и ночи. Особенно много произносилось проповѣдей въ дни воскресные и праздничные; во время ихъ методисты имѣли возможность проповѣдать въ мѣстахъ общественныхъ гуляній и народныхъ сборищъ. Въ такихъ случаяхъ предметомъ проповѣди служила безпечная праздность толпы, оскверненіе святости праздничныхъ дней, пьянство и п. т. Примѣровъ проповѣди въ этомъ родѣ весьма много; изъ нихъ видно, что самыя большія толпы народа собирались въ Моренсѣ ³⁾.

Сводя все сказанное о проповѣди методистовъ, мы необходимо должны притти къ тому выводу, что методисты избрали вѣрное средство для своей цѣли—для пробужденія народа отъ его нравственно-религіозной спячки. Проповѣдь ихъ была мощною силою, достаточною для того, чтобы вызвать броженіе, дать толчекъ новому движенію. Но эта проповѣдь не дала бы тѣхъ блестящихъ плодовъ (въ методистскомъ смыслѣ), если бы она была единственнымъ орудіемъ въ рукахъ методистовъ: тогда она разрушила бы старыя формы религіозно-нравственной жизни, не создавъ новыхъ; сила привычки и укоренившася обычая снова возстановила бы разрушенное, если бы методисты не постарались поддерживать въ народѣ своего вліянія благотворительною дѣятельностію и укрѣплять проповѣданное посредствомъ

¹⁾ *Jacoby* I, 38. Если принять во вниманіе, что Джонъ Весли проповѣдалъ 60 лѣтъ (1731—1791 гг.), то и тогда приходится въ день среднимъ числомъ двѣ проповѣди, потому что, по *Jacoby* (*Geeschichte d. Methodismus* I, 194), онъ произнесъ 40,560 проповѣдей. Объ Уайтфилдѣ извѣстно, что онъ проповѣдалъ среднимъ числомъ 10 разъ въ недѣлю (*Lesky*, S. 46. *Histoire des sectes religieuses*, V. VI, p. 473); бывали случаи, что онъ говорилъ 5—8 разъ въ день.

²⁾ Впрочемъ Весли предписалъ, чтобы проповѣдники не произносили поученій болѣе 2 разъ въ будни, и 3—въ воскресный день. См. *Southey* II, 211.

³⁾ Мѣсто народныхъ гуляній въ Лондонѣ, необыкновенно много посѣщаемое; *Southey* I, 241, 243.

особаго рода религіозныхъ собраній.—Благотворительность методистовъ получила свое окончательное развитіе и полную организацію во второй періодъ методизма, когда онъ вполне отдѣлился отъ епископальной церкви, какъ особое религіозное общество; но основныя черты благотворительности, ея принципы и формы были намѣчены еще въ первый періодъ его жизни и даже очень рано. Намъ извѣстно уже, что забота о бѣдныхъ и несчастныхъ членахъ общества входила въ программу членовъ оксфордскаго кружка методистовъ; что матеріальныя средства для этой великой цѣли они старались составить чрезъ членскіе взносы; что на эти же взносы они сумѣли основать двѣ школы, имѣя въ виду недостатокъ воспитательно-образовательныхъ учреждений въ Англіи. Распространеніе методизма по Англіи не только не ограничило ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи, но дало возможность даже расширить ее: увеличеніе числа членовъ давало средства къ увеличенію денежныхъ взносовъ, изъ которыхъ методисты могли дѣлать затраты на благотворительность. Что методисты продолжали служить дѣлу благотворительности, производя сборы съ членовъ, за это очень опредѣленно говорить во-первыхъ правило общества, основаннаго въ Феттеръ-Лейнѣ Бѣлеромъ¹⁾, и во-вторыхъ распространеніе этого правила въ „Правилахъ“, изданныхъ около 1742 г. Джономъ Весли²⁾. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ мы даже можемъ видѣть, что методисты настолько ревностно относились къ сборамъ пожертвованій, что давали поводъ къ упрекамъ въ эксплуатаціи недалековидныхъ членовъ общества. Такое обвиненіе бросали въ методистовъ нѣкоторые члены епископальнаго духовенства. *Преемв. Иоаннъ* приводитъ въ своемъ сочиненіи письмо одного изъ духов-

¹⁾ Хотя у *Jacoby* (I, 60, 61) нѣтъ предписаній относительно сборовъ, но судя потому, что эти правила общества созданы по образцу герингутанскихъ, гдѣ такое предписаніе было, нужно думать, что неузаконенное собраніе взносовъ практиковалось все-таки.

²⁾ *Jacoby* II, 70, 71.

ныхъ лицъ къ Джону Весли, въ которомъ говорится, что методисты опустошаютъ карманы доврчивыхъ простаковъ подъ благовиднымъ предлогомъ¹⁾). Чтобы правильно судить о степени безпристрастія такого упрека, необходимо имѣть въ виду слѣдующее. Во-первыхъ извѣстно, что методисты стремились къ преобразованію религиозно-нравственного порядка жизни англійскаго общества. Для этой цѣли они, какъ увидимъ послѣ, составили такого рода правила виѣшней жизни, что нѣкоторые историки методизма рѣшаются сравнивать правила эти съ уставами католическихъ монастырей, а сочинителя этихъ правилъ то съ Францискомъ Ассизи (основателемъ францисканскаго ордена), то съ Игнатіемъ Лойолою (создателемъ ордена іезуитовъ)²⁾. Предположимъ теперь, что обвиненіе методистовъ въ эксплуатаціи вѣрно. Спрашивается: что же было привлекательнаго въ методизмъ, что заставляло бы относиться къ нему съ уваженіемъ народныя массы? Чѣмъ обусловливается его быстрое распространеніе въ народныхъ массахъ? Проповѣдь методистовъ могла сдѣлать только поворотъ къ методизму; удерживать же, привязывать къ нему должна была какая-нибудь другая сила, — внутренняя сила его. Чтобы дать объ этой силѣ правильное понятіе, необходимо имѣть въ виду, что народъ въ массѣ своей (не одинъ только простой классъ, а цѣлая нація) весьма чутокъ при одѣннѣ новыхъ явленій, особенно если они касаются такъ или иначе его собственнаго благосостоянія. Здѣсь, какъ нельзя больше имѣть примѣненіе пословица: *Vox populi, vox Dei*. Это народное чувство въ массѣ своей и особенно на первыхъ порахъ бессознательно, такъ что къ нему скорѣе всего идетъ названіе „народное чутье“, „народный инстинктъ“. Въ сознаніе общества оно входитъ постепенно чрезъ отдѣльныхъ членовъ общества, которые

¹⁾ „Изъ исторіи религіозн. сектъ въ Америкѣ“ вып. I стр. 76, 77.

²⁾ *Southey* II, 465, — здѣсь Весли ставится даже выше всѣхъ такихъ людей за свою самостоятельность.

истолковываютъ и популяризуютъ предметъ бессознательнаго въ первое время чувствованія. Вотъ это-то народное чутье подсказывало англичанамъ, что методизмъ есть нѣчто такое, чего отвергать ни коимъ образомъ не слѣдуетъ, а наоборотъ слѣдуетъ принять какъ источникъ нѣкотораго рода благъ. Какія же блага методизмъ могъ доставить английскому народу? Прежде всего методисты удовлетворяли религіознымъ потребностямъ націи, которыя живо сознавались ею, но на удовлетвореніе которыхъ мало обращалось вниманія со стороны духовенства господствующей церкви ¹⁾. Въ началѣ своего труда мы имѣли случай упомянуть, что къ началу XVIII в. въ Англии даже создавалось мнѣніе, что необходимо отдѣлить религію высшихъ классовъ отъ религіи простого народа. Въ силу такого принципа простой народъ былъ предоставленъ самому себѣ въ удовлетвореніи своихъ религіозныхъ потребностей. Но методисты практически отвергли этотъ ложный принципъ и начали проповѣдать необходимость *всеобщаго* возрожденія, потому что *все* одинаково находится во грѣхахъ и должны подвергнуться осужденію. Методисты не дѣлали различія между образованными и необразованными, развитыми и неразвитыми людьми: всѣмъ одинаково они проповѣдали, всѣхъ одинаково принимали въ свои общества. Итакъ простой народъ снова уравнивался съ высшими классами въ своихъ религіозно-нравственныхъ правахъ и получалъ возможность удовлетворять своимъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ. То же самое должно сказать о народномъ образованіи. Забота объ этомъ предметѣ была одною изъ первыхъ заботъ методистовъ-проповѣдниковъ. Еще въ Оксфордѣ и Георгинѣ члены „священнаго клуба“ заявили свои намѣренія поднять народное образованіе и особенно намѣреніе поднять на высоту бѣдныхъ заброшенныхъ обществомъ дѣтей. Они ясно сознавали, какую изву составляютъ для

¹⁾ Слова *Lecky*.

других проповѣдниковъ методизма нѣкоторыя весьма непривлекательныя черты, соблазнительныя для проповѣдниковъ слова Божія¹⁾, то овѣ важны только для насъ, какъ постороннихъ зрителей, и важны только съ нравственной точки зрѣнія, которою слѣдуетъ руководиться при оцѣнкѣ характеровъ главныхъ руководителей методистскаго движенія. Большинству современниковъ, особенно изъ простого народа, черты, извѣстныя историкамъ, были неизвѣстны. Что касается соблазнительной въ проповѣдникахъ слова Божія тривіальности, эта тривіальность, эта нѣкоторая неотесанность, даже грубость должны были привлекать симпатіи народа, а не отталкивать ихъ, потому что онѣ (указанныя черты) приближали проповѣдниковъ къ обыкновенной массѣ. Весли, Уайтфилдъ и всѣ ихъ помощники являлись предъ простымъ народомъ съ ореоломъ поборниковъ народныхъ правъ, почитателей о бѣдныхъ и устроителей судьбы несчастныхъ дѣтей. Постоянная проповѣдь, устроеніе методистскихъ общинъ и дѣтскихъ пріютовъ, а также жизнь, проводимая среди многихъ лишеній, жизнь почти аскетическая, полная непріятностей, но выносимая безъ ропота, безъ колебаній,—все это указывало въ методистахъ простому народу скорѣе вдохновенныхъ пророковъ, чѣмъ шарлатановъ, готовыхъ воспользоваться чужимъ карманомъ для своихъ, эгоистическихъ цѣлей. Вотъ въ чемъ заключается привлекательная сторона методизма; а относительно строгости „правилъ“, которая, кажется, должна была отталкивать отъ методизма, или по крайней мѣрѣ устрашать желающихъ перейти на сторону его членовъ,—нужно замѣтить, что строгость эта была только воображаемою. Изъ разныхъ наставленій, которыя Джонъ Весли дѣлалъ своимъ помощникамъ проповѣдникамъ и простымъ членамъ,

¹⁾ Достаточно взять переговоры Весли объ отъѣздѣ изъ Оксфорда и о его поступленіи на мѣсто отца, а также его дѣла съ С. Вильямсомъ и женою (Ир. Іоаннъ вып. I); о грубости проповѣдниковъ говоритъ *Southey* II, 511.

мы можем видѣть, что никакія правила не могли разомъ достигнуть своихъ цѣлей: вполнѣ исполненіе ихъ требовалось только отъ „совершенныхъ“ членовъ¹⁾. Съ другой стороны необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что для народа, который пережилъ индепендентство временъ республики, было не трудно сжиться съ методизмомъ и его строгими требованіями. Объяснить вступленіе въ строгую по своимъ требованіямъ общину весьма легко тѣмъ же, чѣмъ во времена О. Кромвеля объяснялся и объясняется переходъ въ индепендентство. Человѣкъ при этомъ терялъ меньше, чѣмъ получалъ: онъ получалъ религіозную свободу, а отказаться долженъ былъ отъ нѣкоторыхъ преимуществъ вѣшной жизни (отъ извѣстнаго рода роскоши въ одеждѣ, столѣ и т. п.), которыя при нѣкоторой тактикѣ можно было удержать за собою. То же самое было и въ отношеніи методистовъ. Если требовалъ строгаго выполненія составленныхъ имъ общихъ правилъ, давая вмѣсто этого религіозную свободу: правила можно было обходить, воспользовавшись религіозною свободою. Какъ же объяснить теперь, что методисты особенно въ первое время терпѣли нѣкотораго рода стѣсненія и непріятности отъ простого народа? На это нужно сказать, что простой народъ не понималъ методистовъ въ первое время ихъ дѣятельности: онъ видѣлъ въ нихъ толпу, которая стремится убить въ человѣкѣ всякое чувство, кромѣ религіознаго, стремится отнять у человѣка даже доступныя ему, дозволенныя наслажденія²⁾. Но ближайшее знакомство съ методистами указало въ нихъ мучениковъ за идею. Такимъ образомъ преслѣдованія, которымъ, какъ увидимъ, подвергались методисты, были полезны методизму не меньше, чѣмъ даже

¹⁾ Отъ этихъ членовъ требовали точнаго исполненія правилъ, потому что думали, что сила ихъ вѣри можетъ „преоблѣдить міръ“. См. *Real-Encyclopädie von Herzog*. В. IX, S. 691, Ausg. 2.

²⁾ *Southey II*, 491 и дал. обвиняетъ методистовъ въ этомъ, говоря даже, что ихъ проповѣдь была вредна для цивилизаціоннаго развитія общества.

покровительство такихъ лицъ, какъ леди Гѣнтингдонъ¹⁾. Если проповѣдь методистовъ была возбудителемъ религіознаго движенія; если благотворительность ихъ поддерживала симпатіи къ этому движенію въ народныхъ массахъ; то ихъ религіозныя собранія могутъ быть разсматриваемы не иначе какъ средство къ укрѣпленію и развитію религіозныхъ идей, проводимыхъ въ проповѣди. Но мы сказали бы слишкомъ мало, если бы только указаннымъ результатомъ ограничили значеніе религіозныхъ собраній методистовъ. Религіозныя собранія методистовъ, устрояемыя въ каждой вновь открытой общинѣ, по своему особенному характеру не только поддерживали вліяніе проповѣди методистовъ, развивая и укрѣпляя въ обществѣ религіозныя взгляды, но и служили къ усиленію симпатій народа къ методистамъ, увлекая массы своею оригинальностью и обращаясь мало по малу въ акты богослужебныхъ дѣйствій, вполне отличныхъ отъ богослуженія епископальной церкви. Послѣ мы будемъ снова говорить о богослуженіи методистовъ съ цѣлію показать его постепенное развитіе, насколько дозволяютъ наши средства. Теперь же мы считаемъ нужнымъ сказать, что весь циклъ методистскаго богослуженія настоящаго времени развился изъ собраній методистовъ, имѣвшихъ назначеніе поднять религіозность новыхъ членовъ въ методистскихъ общинахъ. Первоначально эти собранія не имѣли значенія богослужебнаго, а потому совершались свободно, безъ опредѣленнаго разъ навсегда порядка. Въ правилахъ, положенныхъ въ основу общества въ Феттеръ-Дейнѣ, говорилось: „Члены общины) пусть разъ въ недѣлю собираются, чтобы исповѣдать другъ другу свои грѣхи и молиться другъ за друга“; „всѣ классы должны собираться въ среду вечеромъ въ 8 часовъ; собраніе должно начинаться и оканчиваться пѣніемъ и молитвою“; „черезъ три воскресныхъ дня канунъ четвертаго долженъ быть уважаемъ, какъ день

¹⁾ *Southey*, II, 34.

всеобщей молитвы за других⁴; „каждый восьмой день (8—10 часовъ вечера въ воскресеніе) долженъ происходить праздникъ любви (вечера любви, агапа)⁵“). Какъ мы видимъ, въ этихъ правилахъ не указано порядка собраній, не опредѣленъ и характеръ ихъ. По этой причинѣ совершеніе собраній давало возможность методистамъ проявить полную свободу своего религіознаго творчества,—что въ свою очередь сообщало имъ (собраніямъ) живой, непринужденный, а потому и увлекательный характеръ. При этихъ собраніяхъ участвовали не всѣ члены методизма, а только тѣ, которые были лично знакомы Джону Весли (такъ было въ началѣ), или тѣ, которымъ онъ выдавалъ особаго рода входный билетъ (Society-Tickets). Понятно, что такого рода таинственность сильно дѣйствовала на воображеніе остальной массы членовъ, и они стремились получить доступъ, усиливая свою ревность въ исполненіи того, что рекомендовалось проповѣдниками методизма. Первоначально такого рода собранія происходили въ частныхъ домахъ—помѣщеніи сравнительно небольшомъ; такъ что комната, избранная для этой цѣли, въ большинствѣ случаевъ была биткомъ набита посѣтителями. Тамъ не менѣе всегда оставалось свободное мѣсто для проповѣдника (одного изъ братьевъ Весли, Уайт-Филда или какого-нибудь выдающагося проповѣдника). До появленія послѣдняго присутствующіе пѣли какой-нибудь духовный гимнъ изъ сборника, сдѣланнаго Джономъ Весли весьма тщательно. Среди этихъ гимновъ много, если не большинство гимновъ принадлежало самороднымъ поэтамъ изъ методистовъ⁶). При появленіи проповѣдника среди собравшихся пѣніе обыкновенно смолкало; наступала глубокая тишина. Явившійся проповѣдникъ бралъ въ руки библію и

⁴) *Jacoby I*, 60, 61.

⁵) Къ числу ихъ принадлежалъ и Чарльзъ Весли, котораго гимны цѣнились и цѣнятся столь высоко, что историки методизма называютъ его „бардомъ“ методизма.

начиналъ изъясненіе какого-нибудь мѣста изъ книгъ Св. Писанія, преимущественно изъ Новаго завета. Все вниманіе проповѣдниковъ обращено было на вопросъ объ отношеніи Бога къ человѣку; а изъ этого отдѣла догматики преимущественное вниманіе обращалось на вопросъ объ Искупителѣ и Мзодоздателяхъ. По окончаніи объясненія слѣдовало снова пѣніе гимна. Такимъ образомъ толкованіе Св. Писанія нѣсколько разъ смѣнялось пѣніемъ. Послѣдній гимнъ сопровождался подпискою на добровольный взносъ пожертвованій; производился сборъ этихъ пожертвованій, который заключался благодарственною молитвою къ Богу. Собраніе расходилось, получивъ отъ проповѣдника благословеніе Божіе. Подобнаго рода собранія продолжались иногда по 2 и больше часовъ. „Я“, говоритъ одинъ диссентеръ, — очевидецъ одного изъ такихъ собраній, — „никогда не видалъ такой молитвы; ни разу мнѣ не приходилось встрѣчать и столь очевидныхъ признаковъ благочестиваго настроенія въ присутствующихъ, какъ здѣсь. Послѣ каждой молитвы изъ среды ихъ раздавалось серьезное „аминь“, пропосившееся по собранію подобно шуму волнъ.... Если можетъ быть гдѣ небесная музыка, то это здѣсь, и если небо достижимо для земли, то въ этомъ именно собраніи многіе могли его достигнуть. Да! я не помню, чтобы мое сердце когда-нибудь богѣе возвышалось до восхваленія Бога и любви къ Нему, чѣмъ во время этого собранія, и даже въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ его, я ощущалъ трепетавшее въ моей груди чувство подобнаго рода“¹⁾. Отчего же зависѣло такое сильное дѣйствіе на умы и чувства слушателей и присутствующихъ при этомъ? Причина кроется въ томъ, что методисты заговорили къ народу совсѣмъ не въ томъ духѣ и не тѣмъ языкомъ, какъ епископальное духовенство того времени. Общественное богослуженіе методистовъ, если такъ можно назвать ихъ религіоз-

¹⁾ *Southey*, I, 248, 249.

ныя собранія до отдѣленія отъ епископальной церкви, производилось съ большею выразительностію, чѣмъ въ „высокой церкви“ (High Church) англиканства; пѣніе общины было живое; гимны выбирались по большей части старинныя; выборъ производилъ самъ Джонъ Весли; текстъ многихъ изъ этихъ гимновъ Чарльзъ Весли переложилъ въ стихотворную форму. Какъ въ проповѣди, такъ и въ гимнахъ авторы изъ методистовъ старались научить простой народъ простой истинѣ, избѣгая философскихъ положеній, блестящей, но трудной для пониманія, учености; послѣднее доходило до того, что они даже не цитировали основныхъ текстовъ Св. Писанія. Они старались избѣгать въ рѣчи и пѣніи трудно-понимаемыхъ словъ, которыя не встрѣчаются въ обыденной жизни, техническихъ терминовъ, встрѣчающихся только въ ученыхъ богословскихъ трактатахъ и непонятныхъ для людей, мало начитанныхъ ¹⁾. Если къ этому присоединить то, что, какъ проповѣди, такъ и богослужебныя собранія указанного рода происходили при повѣтической обстановкѣ естественныхъ красотъ природы (подъ открытымъ небомъ, въ красиво-расположенной мѣстности), то намъ вполне будетъ понятно то сильное дѣйствіе на массы народа, которое заставляло ихъ переходить на сторону методистовъ съ быстротою, изумлявшею не только духовенство господствующей церкви, но и самихъ руководителей методизма ²⁾.

А. Булаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Hagenbach*, op. cit., I, 462.

²⁾ Весли самъ поражался быстротою распространенія методизма, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ сочиненія *Jacoby*, которое было у насъ подъ рубрикою.

ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ СВ. ЗЕМЛЮ.

По поводу книги: „Съ русскими паломниками на святой землѣ весною 1884 года“ (Очерки, замѣтки и наблюденія А. В. Елисева).
СПБ. 1885 г.

Православное Палестинское Общество, желая, какъ сказано въ отчетѣ Общества отъ 18 октября 1884 года, „всесторонне ознакомиться съ потребностями и жизнью нашихъ святогробскихъ паломниковъ, въ январѣ 1883 года обратилось къ своему сочлену А. В. Елисеву съ просьбою—отправиться въ Іерусалимъ во время самаго большого наплыва тамъ богомольцевъ, около Великаго поста. Инструкція, данная Обществомъ г. Елисеву, сводилась къ слѣдующему: совершить путь въ обществѣ поклонниковъ и прожить на мѣстѣ ихъ жизнь“ (Отчеты Православнаго Палестинскаго Общества за 1884—1885 г. стр. 6). Предложеніе Палестинскаго Общества было радушно принято г. Елисевымъ. Плодами его путешествія „среди простыхъ паломниковъ“ были: 1) краткій докладъ Обществу, читанный въ засѣданіи 18 октября 1884 года, и 2) объемистая книга (365 страницъ), заглавіе которой мы выписали въ началѣ этой замѣтки.

А. В. Елисевъ опытный путешественникъ по Востоку. Онъ былъ уже разъ въ св. землѣ, путешествовалъ и по Африкѣ, былъ въ степяхъ Сахары. Его увлекательныя очерки: „Львиныя ночи“ и „Въ странѣ туареговъ“ были съ удовольствіемъ прочитаны читателями „Русскаго Вѣстника“. По профессіи авторъ означенныхъ очерковъ—практикующій

врачъ. Врачъ такъ полезенъ для простыхъ паломниковъ въ дальнемъ ихъ странствованіи! Все это, взятое въ совокупности, указываетъ на ту попечительную обдуманность, съ какою Палестинское Общество разыскивало въ своей средѣ сочлена, могущаго съ пользою *прожить жизнью паломниковъ* въ св. землѣ... Когда А. В. Елисеѣвъ возвратился изъ св. земли, „Общество“ въ своемъ собраніи заявило: „наши надежды вполне оправдались“ (Отчеты 1884—1885 г. стр. 7). Но въ литературѣ послышался и энергическій, отрицательный голосъ по поводу книги „Съ русскими паломниками на св. землѣ“... Въ ноябрьской книгѣ „Литературныхъ прибавленій къ газетѣ Гражданинъ“ за 1885 годъ помѣщена довольно обширная строго-обличительная статья г. Денисова по адресу г. Елисеѣва. Первый изъ нихъ совершенно огорченъ и приведенъ въ гнѣвное состояніе книгой Елисеѣва...

Посѣтивъ св. землю нѣсколько раньше автора книги „Съ русскими паломниками“, я радъ подѣлиться *моими личными* впечатлѣніями по поводу этой, заслуживающей вниманія, книги. Полемика внѣ моей задачи.

Прежде всего я могу сказать, что А. В. Елисеѣвъ *счастливый* авторъ-паломникъ... Его книгу читали и будутъ, кажется, читать многіе. Книга читается легко. На ней лежитъ печать искренности и убѣжденія. Авторъ говоритъ то, въ чемъ онъ убѣжденъ (Всегда ли вѣрны его убѣжденія?—это другой вопросъ...). Трудъ его (за исключеніемъ упомянутой выше статьи „Гражданина“) былъ съ равнымъ привѣтомъ встрѣченъ литературной библіографіей разныхъ отѣнковъ и направленій (Сравните, напр. отзывы „Московскихъ Вѣдомостей“ № 296 1885 г. и „Вѣстникъ Европы“ за тотъ же годъ, октябрьская книга). Такимъ общимъ привѣтомъ на Руси встрѣчали не много книгъ по описанію св. земли! До 1867 года на нѣмецкомъ языкѣ было издано до тысячи отдѣльныхъ сочиненій по описанію Палестины. И эти книги имѣли читателей! На русскомъ языкѣ до

1876 года было издаво, начиная отъ перваго нашего отечественнаго паломника, благочестиваго игумена Дзвіла, всего лишь 97 книгъ по описанію св. земли. И за исключеніемъ выдающихся книгъ А. С. Норова и А. Н. Муравьева онѣ мало читались въ Руси. Поэтому большинство у насъ мало знаетъ тѣ священныя мѣста, которыя упоминаются на каждой страницѣ Библии. Ни для кого не тайна, что и сама Библия у насъ читается не многими...

Сравнивая *въ общемъ* по содержанію книгу А. В. Елисѣева со всѣми тѣми, что у насъ уже напечатано по описанію св. земли, мы не можемъ не замѣтить, что книга эта имѣетъ *свои исключительныя особенности*. Тогда какъ въ большинствѣ случаевъ до настоящей поры описывались главнымъ образомъ *святыя мѣста*, ихъ значеніе, подлинность, археологическія изысканія и личныя душевныя чувства, въ книгѣ „Съ русскими паломниками“ описывается исключительно *бытовая сторона* жизни паломника въ св. землѣ. Какъ живетъ паломнику? Какія его нужды? Какъ совершается его дальній путь на Востокъ? Какъ онъ возвращается и съ чѣмъ на родину?—вотъ вопросы книги. Но есть и другія задачи. Мы и переходимъ къ содержанію самой книги.

Объемистая книга Елисѣева раздѣлена на XIII большихъ главъ, которымъ предпослано небольшое историческое вступительное слово. „Не мудроно, говорится въ этомъ вступительномъ словѣ на первой же страницѣ, что русскій паломникъ появился у святыхъ мѣсть Востока еще тогда, когда, быть можетъ, свѣтъ христіанства не пролился на всю семью русскихъ славянъ, когда на Руси еще здравствовали богатыри могучіе, да калики переходіе—первые русскіе паломники. Если былина еще говоритъ о путешествіи сорова каликъ со коликою за моря—окіаны, горы высокія въ граду святому Ерусалиму или даже заговоры и древнія сказки народныя повѣствуютъ о хожденіи русскихъ гостей въ Палестину, чтобы „святой святыхъ помолитися, Господню

Гробу поклониться, во Ердань рѣкъ искупатися“, то нечего сомнѣваться, что русское паломничество началось чуть не до насажденія христіанства на Руси св. Владиміромъ“. Эта оригинальная мысль, высказанная едва ли не въ первый разъ, имѣетъ за собою очень много исторической вѣроятности. Наши славянскіе предки до всеобщаго принятія христіанства при Владимірѣ святомъ въ частности изучали христіанство во время своихъ частыхъ странствованій въ Крымъ, откуда они получали соль, необходимую въ ежедневной обыденной жизни, на Кавказъ, откуда получали серебро, драгоценные камни, мѣха горныхъ звѣрей и вино, въ Царь-градъ, какъ мѣсто высшей науки и культуры, и, наконецъ, въ св. землю, какъ мѣсто новой, высшей, богооткровенной религіи. На обычно-народныхъ путешествіяхъ въ св. землю въ древней Руси указываетъ примѣръ преп. Феодосія Печерскаго, который въ самой ранней юности рѣшился было взять посохъ паломника. Не самъ же онъ *одинъ* располагалъ итти въ невѣдомую отдаленную страну! И вотъ въ теченіе долгихъ, долгихъ вѣковъ не превращались, а росли ряды русскихъ паломниковъ на христіанскомъ Востока. Въ настоящее время русскіе богомольцы странствуютъ по св. землѣ, какъ по своей „родной губерніи“.

Послѣ краткаго вступительнаго слова, авторъ въ 1-й главѣ говоритъ о прежнихъ путяхъ въ св. землю. „Издвеле русскіе паломники пробирались въ Палестину двумя или даже тремя путями—или сухопутьемъ черезъ Кавказъ, Малую Азію и Сирію, или смѣшаннымъ сухопутно-морскимъ путемъ черезъ Европейскую Турцію (даже Австрію и Италію) и черезъ Архипелагъ и Мраморное море, или преимуществу путемъ морскимъ“. Послѣдніе два пути извѣстны. Объ нихъ нечего и говорить. Первый же сухопутный путь изъ Россіи въ Палестину въ высшей степени интересенъ. Въ книгѣ Елисеѣва дано мѣсто любопытной паломнической рукописи, въ которой крестьянинъ Вятской губерніи, Тихоновъ, описываетъ свое странствованіе ко Гробу

Господню чрезъ Кавказъ. Посѣтивъ въ недавнее каникулярное время Кавказъ и увидѣвъ его высокія, покрытыя вѣчными снѣгами, горы, раздѣленныя глубокими долинами, по которымъ съ неимоверной быстротой и ревомъ мчатся горные потоки или Терека, или Арагвы, или Ріона, или другихъ быстронесущихся рѣкъ, я былъ потрясенъ до глубины души, читая правдивыя сказанія „страдника Божія“ Тихонова. Чего только не вытерпѣлъ этотъ самоотверженный русскій паломникъ! Записка его занимаетъ полторы печатныхъ страницы. Въ виду ея глубокаго интереса выпишемъ изъ нея выдающіяся мѣста, сохранивъ правописаніе подлинника: „отъ г. Тиѳлиса шель я по горамъ великимъ до границы съ мѣсяцъ; по дорогѣ, говоритъ Тихоновъ, дважды битъ былъ злыми черкесами; они хотѣли урѣзать (обрѣзать?) меня, но, видя бѣдноту мою и наготу, отпустили съ миромъ. На самой границѣ три дни сидѣлъ въ казармѣ турецкой въ карантинѣ. Потомъ по великимъ дебрямъ (на Кавказѣ во многихъ мѣстахъ уцѣляли еще непроходимые дѣвственные лѣса) и скаламъ путался мѣсяца два; едва не умеръ съ голоду, потому что земля бѣдна, одинъ камень. За деревней Махмачаеъ едва не заѣлъ барсъ. Спасъ меня пастухъ овчій; онъ же накормилъ меня молокомъ и хлѣбомъ и показалъ дорогу на Карсъ... Отъ Карса черезъ полтора мѣсяца прибылъ я въ г. Ирзирумъ; у воротъ (какъ извѣстно, всѣ восточные города обнесены крѣпостной стѣной), меня взяла стража и отвела въ тюрьму. Сидѣлъ я тамъ двѣ недѣли, а потомъ, когда узнали, что я хаджа, выпустили. Одинъ грекъ прирѣлъ меня, самъ Господь Богъ его надумилъ; прожилъ я у него недѣльки двѣ и со слезами распрощался съ нимъ. Онъ пристроилъ меня къ каравану степному; шель я за караваномъ дней 14 по горамъ великимъ, потомъ затерялся и блуждалъ по горамъ, не зная дороги... Много недѣлъ я шель до Алеппо; уже и счетъ днямъ потерялъ, и дней святыхъ, и праздниковъ не зналъ. Наконецъ добрался до Алеппо—города большаго и богатаго и нищъ,

и босъ, и гладень... Тамъ одинъ добрый не то турчинъ, не то христіанинъ, верѣтивъ меня и узнавъ, что я русскій и иду ко Гробу Господню, призрѣлъ меня по-братски... У него я узналъ, что пути моего отъ Россіи было годъ и два мѣсяца и что я больше половины пути до святаго града прошелъ... Проживъ недѣли двѣ въ Кайфѣ у одного грека, у котораго навялся служить на огородѣ, пошелъ я уже по святому пути ко граду Назарету, куда и сподобился притти черезъ годъ и девять мѣсяцевъ странствованія отъ предѣловъ россійскихъ. Тамъ я встрѣтилъ трехъ русскихъ богомольцевъ, съ которыми и продолжалъ свой странный путь. Наконецъ черезъ два года и одинъ мѣсяць пути достигъ я святаго изъ святыхъ града Ерусалима, пройдя городъ Севастію и Самарію, гдѣ со товарищи моими многія обиды отъ жидовъ на базарѣ претерпѣли. Въ горахъ самарянскихъ нападали на насъ конники, прося бакшишъ, но не получивъ ничего, оставили насъ съ миромъ“ (19—21 стр.). Вотъ по-истинѣ подвижническій путь паломника прежнихъ временъ! На такой подвигъ не могли рѣшиться тѣ, у кого не было сердечной *живой* вѣры... Впрочемъ въ Іерусалимѣ мнѣ говорили, что Армяне и въ настоящее время предпринимаютъ иногда путешествіе въ святую землю черезъ Курдистанъ, Месопотамію и Сирію. Но армянамъ это удобнѣе; имъ не предстоитъ трудный путь странника черезъ гористый Кавказъ. Читая же задушевный разсказъ Тихонова, словно повторяешь *русскій* „Анабазисъ“ съ описаніемъ бѣдствій отступающихъ грековъ по той же мѣстности, гдѣ странствовалъ вятскій крестьянинъ.

Съ II главы авторъ переходитъ къ описанію *современнаго* паломничества. Этому описанію и посвящена вся остальная часть книги. „Теперь ѣздить на поклоненіе къ св. мѣстамъ дальняго Востока стало легко, почти безопасно и очень удобно, что, безъ сомнѣнія, и послужило главною причиною того, что русское паломничество въ послѣднее время увеличивается прогрессивно съ каждымъ годомъ до

того, что въ Палестинѣ, не смотря на огромныя помѣщенія для нашихъ богомольцевъ, этимъ послѣднимъ частенько не находится мѣста⁴. „Въ послѣдніе годы, говорить въ другомъ мѣстѣ г. Елисеѣвъ, энергическая помощь Палестинскаго Общества, умѣло взяшагося за свое дѣло, обусловила такое быстрое возрастаніе прилива богомольцевъ, что если дѣло пойдетъ также впередъ, то придется ограничить выдачу паломническихъ книжекъ до извѣстнаго предѣла, такъ какъ русскія помѣщенія въ Іерусалимѣ оказываются болѣе чѣмъ несостоятельными“. И дѣйствительно пора ограничить излишній приливъ поклонниковъ на Востокѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ число нашихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ къ празднику Пасхи возросло до 4000 человекъ, тогда какъ на „русскихъ постройкахъ“ можетъ помѣститься не болѣе тысячи человекъ⁴). Православное Палестинское Общество поставило себѣ не одну исключительную, а три задачи по отношенію къ св. землѣ: а) оказывать пособіе православнымъ паломникамъ этихъ мѣстъ, б) собирать, разрабатывать и распространять въ Россіи свѣдѣнія о святыхъ мѣстахъ Востока и в) учреждать школы, больницы и страннопріимныя дома, а также оказывать матеріальное пособіе мѣстнымъ жителямъ, церквамъ, монастырямъ и духовенству св. земли. Первые двѣ задачи, безспорно, осуществляются очень умѣло и удачно: удешевленная цѣна „паломническихъ книжекъ“ (напр. 33 рубля изъ Кіева въ Іерусалимъ и обратно), привлекли въ св. землю массу путешественниковъ; по издательской дѣятельности отпечатано—7 выпусковъ „Палестинскаго Сборника“, одинъ выпускъ „Паломническаго патерика“, въ которомъ помѣщено древнее сказаніе Кирилла скиеопольскаго о житіи преподобнаго Саввы Освященнаго, описаніе странствованій нашего кіевского „пѣшеходца“ Барскаго, народная книга „Къ Животворящему

⁴) Точно говоря, мужескій корпусъ построенъ на 300 ч., а женскій на 500 ч. Въ составѣ паломниковъ женщины всегда больше.

Грсбу Господню“ и изданъ въ увеличенномъ масштабѣ полный планъ новаго Іерусалима по А. Соци и К. Циммерману; но относительно школъ и развитія просвѣщенія въ св. землѣ задача Общества тормозится и неспорится... А это самая настоятельная нужда въ Палестинѣ. Именно по этому вопросу европейскія миссіи такъ замѣтно опередили насъ. Мы осиливаемъ европейскую миссію количествомъ паломниковъ, а они культурою. Одинъ Ратисбонъ (французскій крещеный еврей, умершій въ прошломъ году) сдѣлалъ для развитія школъ на Востокѣ столько, что намъ необходимо употребить много, много энергіи, чтобы стать въ параллель съ его трудами. Справедливо, что у Палестинскаго Общества нѣтъ недостатка въ энергіи къ увеличенію школъ въ св. землѣ, тамъ уже существуютъ школы въ Бетжалѣ, Кефръ-Ясифѣ, Рамѣ, Муджедилѣ и Шаджарѣ (по отчету Общества отъ 29 мая 1885 года въ этихъ школахъ было 125 учениковъ), но правъ и г. Елисеѣвъ, заявляя свое желаніе, чтобы были сдѣланы нѣкоторыя ограниченія въ выдачѣ „паломническихъ книжекъ“, увеличивающихъ безъ мѣры число странниковъ. Авторъ книги „Съ русскими паломниками“ достаточно изучилъ и отрицательные элементы паломничества... На Руси уже давно привились и умножились цѣлыя секты „странниковъ“ и „бѣгуновъ“. Явленіе это, т. е. увеличенное развитіе паломничества, не ново въ исторіи церкви. Были времена, когда учителя церкви съ каеодры церковной должны были сдерживать лишніе порывы къ странствованію, замѣчая, какъ жены, бросая мужей, и отцы, оставляя на произволъ домъ и дѣтей, отправлялись въ далекія странствованія.

Опустивъ рассказы А. В. Елисеѣва о выправкѣ заграничнаго паспорта, о житѣ-бытѣ паломника на пароходѣ, о его тяжеломъ багажѣ (и со мною отправился на пароходѣ изъ Одессы одинъ крестьянинъ, который везъ съ собою кромѣ сухарей еще пудъ пшена на кашу), о посѣщеніи путешественниками портовыхъ городовъ—Одессы, Царь-

града, Дардавелль, Смирны, Хиоса, Мерсины, Александретты, гдѣ, по преданію, вѣтъ выбросилъ на берегъ пророка Іону, Латакіи, древней Лаодикии¹⁾, гдѣ былъ помѣстный соборъ (въ книгѣ „Съ русскими паломниками“ допущена ошибка: „Лаодикію, говоритъ г. Елисеѣвъ, чествуютъ паломники въ воспоминаніе бывшаго здѣсь *вселенскою собора*“, стр. 92), Бейрута,—древняго Верита, и Яффы, мы станемъ въ ряды паломниковъ прямо у стѣнъ святого города. „Надо видѣть радость, говоритъ съ воодушевленіемъ авторъ, которая наполняетъ тогда все существованіе паломника, то священное чувство умиленія, съ какимъ онъ созерцаетъ впервые представившійся его грѣшнымъ очамъ городъ мира, трижды благословенный Іерусалимъ... Не только христіанинъ, но и мусульманинъ, узрѣвъ священный градъ, одинаково скажетъ: „слава Богу! Конченъ дальній путь!“ У подножія Голгофы и Сіона всякій путникъ найдетъ свой желанный покой... И будь то маловѣръ или атеистъ, или, что вамъ угодно, человекъ далекій и отъ Бога, и отъ людей, хотя бы закоренѣлый злодѣй или преступникъ, но сердце какъ-то невольно заговоритъ въ немъ при видѣ того города, съ представленіемъ о которомъ встанетъ невольно въ памяти навѣянное еще съ дѣтства религиозное воспоминаніе, встанутъ, какъ живые, евангельскіе образы, и какъ-то невольно цѣлыя картины, словно наброшенные мгновенною кистью художника, представятся полныя живыхъ красокъ и образовъ передъ изумленными духовными очами всякаго, еще не въ вонецъ измельчавшаго въ погонѣ за суетою, человека... И въ эти минуты хочется видѣть, созерцать, вѣро-

¹⁾ На „*tabula geographica Imperii Romani*“ указано три Лаодикии: одна по сосѣдству съ г. Колоссами (объ ней и упоминается въ посланіи къ Колоссамъ), другая по сосѣдству съ Иконіей, и третья напротивъ о. Кипра. Мнѣ кажется, что собственно неизвѣстно, въ какой изъ этихъ трехъ Лаодикий былъ помѣстный соборъ. Равно какъ бл. Іеронимъ указываетъ другое мѣсто путешествія пр. Іоны, именно по сирійскому, а не по мало-азійскому берегу Средиземнаго моря.

вать и умиляться...“ Это чувство сердечнаго умиленія при первомъ взорѣ на святой городъ довольно вѣрно подмѣчено авторомъ. Мнѣ рассказывали въ Іерусалимѣ нѣсколько случаевъ, какъ самые индифферентные въ вопросахъ вѣры люди орошали обильными слезами священную „лавницу Гроба Господня“. Въ одно время, передавалъ мнѣ почтенный старецъ—іеромонахъ нашей миссіи въ Іерусалимѣ, въ виду Яффы бросилъ якорь русскій военный корабль. Весь экипажъ корабля поочередно посѣтилъ святой городъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ моряковъ, не чуждые духа стрицавил, нацѣяннаго къ намъ фальшивымъ развитіемъ культуронауки, съ свѣтскою развязностію переступали священный порогъ храма Гроба Господня. Но никто изъ нихъ, по словамъ старца, не вышелъ изъ пещеры Гроба Господня съ глазами не орошенными слезами умиленія. Присутствуя нѣрѣдко при одрѣ умирающихъ, я давно пришелъ къ тому убѣжденію, что вѣра почти всегда таится на днѣ и въ глубинѣ души, даже не вѣровавшей въ своей жизни... „Если такъ глубоко отзывается въ сердцѣ каждаго, даже не-паломника, одно первое впечатлѣніе, производимое Іерусалимомъ, то легко себѣ представить, по словамъ автора, что тогда творится въ душѣ истиннаго паломника“... (стр. 117).

Вотъ дальній русскій паломникъ на „русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ“. Здѣсь онъ, дѣйствительно, какъ у себя въ домѣ. Здѣсь онъ видитъ посреди вѣ обширнаго погоста православный русскій храмъ Живоначальной Троицы. На колокольнѣ ударили благовѣсть къ богослуженію. Знакомый звукъ тяжеловѣснаго колокола. Колоколъ на мусульманскомъ Востокѣ!—какая рѣдкость! Здѣсь впервые и даль благовѣсть именно русскій колоколъ. На „русскихъ постройкахъ“ нашъ паломникъ слышитъ вездѣ русскую рѣчь, точно онъ въ Кіевѣ, на лаврской странно-пріимной гостинницѣ, или въ Троицкой лаврѣ преп. Сергія, видитъ русскія лица, знакомую одежду, родные обычаи. Отдохнуть бы съ дороги нашему усталому поклоннику на „постройкахъ“! Но „по-

стройки“ оказались и тѣсными и переполненными... Русскія постройки въ Іерусалимѣ раздѣляются на двѣ главныя категоріи: на „дворянскій корпусъ“ и помѣщенія для простаго народа. Эти послѣднія подраздѣляются на мужскія и женскія помѣщенія. „По первоначальному плану палестинской комиссіи, говоритъ г. Елисеѣвъ, было предложено выстроить два корпуса въ два этажа—мужской на 300 поклонниковъ, а женскій на 500 паломницъ. Въ дѣствіе неизвѣстныхъ причинъ постройки не докончены, и въ обоихъ корпусахъ не существуетъ верхнихъ этажей, а поклонниковъ приходится помѣщать всегда въ два раза болѣе—минимумъ около 1000 человѣкъ, а въ сезонное время до 1500 и болѣе. Не смотря на это, даже при такой тѣсотѣ размѣщенія многимъ не хватаетъ мѣста, такъ какъ въ Пасхѣ набирается часто до 4000 паломниковъ; немудрено, поэтому, что разбиваются на дворѣ шатры, что консульство помѣщаетъ приходящихъ въ греческіе монастыри и даже принимаетъ арабскіе ханы“ (стр. 122). Въ послѣднее время число нашихъ паломниковъ возрасло еще. „Число нашихъ богомольцевъ, говоритъ Б. Мансуровъ, около 1860 года не превышавшее 600—700 человѣкъ, въ 1883 году уже дошло до 4,000 человѣкъ“. Слѣдовательно „на постройкахъ“ сдѣлалось еще тѣснѣе...

Г. Елисеѣву принадлежитъ инициатива полнаго, откровеннаго, душевнаго разоблаченія тѣхъ нуждъ, тѣхъ невзгодъ и огорченій, которымъ подвергается русскій паломникъ въ Іерусалимѣ. Авторъ начертилъ довольно сложную картину „будничной жизни на постройкахъ“ четырехъ-тысячной массы народа, употребивъ для своей картины только *темные* цвѣта. Картина, невольна, производитъ подавляющее впечатлѣніе. И вообще говоря, во всей большой книгѣ А. В. Елисеѣва употреблены по преимуществу *темные* цвѣта... Это главный и существенный недостатокъ книги. Это важная ошибка автора. Въ виду высокой важности вопроса, — вопроса, имѣющаго священное и глубоко чтимое значеніе

для всего христіанскаго міра, было бы благоразумнѣе обойти умолчаніемъ нѣкоторыя неприглядныя детали „будничной жизни“ въ *свят. землѣ*, на *священныхъ мѣстахъ*... Сердечно и искренно желалось бы, чтобы авторъ свою книгу освѣтилъ гораздо большимъ количествомъ свѣтлыхъ, благодатныхъ, оживляющихъ лучей священнаго Востока. Мнѣ отвѣтить: „а если свѣтлыхъ явленій нѣтъ?“—Но этого никто не рѣшится безусловно утверждать. Никто, положительно, никто. Видѣлъ и я въ св. землѣ нѣкоторые нежелательные случаи и обстоятельства.. Приходилось слышать и жалобы, и ропотъ нѣкоторыхъ *отдѣльныхъ личностей*. Но гдѣ же этого не случается въ *отдѣльныхъ примѣрахъ*!.. Отъ общаго же порицанія всего и всѣхъ справедливость требуетъ поудержаться. *Что же видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего...*

Указавъ съ грустью, по христіанской совѣсти, на преувеличенный *общій тонъ* книги „Съ русскими паломниками на св. землѣ“, мы не отрицаемъ того, что нѣкоторые *частныя* недостатки изложены въ этой книгѣ со всею искренностію; авторъ очевидно имѣлъ добрую цѣль—помочь, помочь поскорѣе нуждающимся трудникамъ на далекой чужой землѣ. За эти послѣднія откровенныя заявленія большое общерусское спасибо А. В. Елисеѣву. Онъ первый указалъ на необходимость устроить чайную, столовую и баню. Какъ оказалось, заявленія эти нашли откликъ въ сочувствующихъ добрыхъ сердцахъ. Въ послѣднихъ отчетахъ Палестинскаго Общества я прочиталъ, что А. Н. Журавлевъ пожертвовалъ 3,600 рублей на устройство чайной на русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ. С. Троицкій пожертвовалъ на тотъ же предметъ 100 рублей. „Его Высочеству, читаемъ далѣе въ Отчетѣ, Августѣйшему Предсѣдателю Палестинскаго Общества, благоугодно было, пользунсь отъѣздомъ на поклоненіе къ св. Гробу Д. Д. Смышляева, возложить на него приведеніе въ исполненіе воли жертвователей, по соглашенію съ вновь назначеннымъ въ Іерусалимъ генеральнымъ консуломъ Д. Н. Бухаревымъ. Мы уже имѣемъ извѣстіе,

что Д. Д., который долженъ нынѣ находиться въ Иерусалимѣ, по пути ознакомился съ устройствомъ чайныхъ въ Россіи. Если чайная удастся, то тогда намъ будетъ предстоять еще забота объ устройствѣ на русскихъ постройкахъ дешевой столовой, приблизительно на тѣхъ же условіяхъ, какъ оныя существуютъ въ Петербургѣ. На Д. Д. Смышляева же Его Высочеству угодно было возложить соображеніе на мѣстѣ о возможности удовлетворить другой насущной потребности нашихъ паломниковъ, именно, устройство русской бани. Недостатокъ воды на нашихъ постройкахъ, а главное—отсутствіе возможности спускать грязную воду, можетъ быть, заставить отказаться отъ мысли осуществить это предположеніе, именно на русскихъ постройкахъ, а придется подыскать для предположенной бани другое, болѣе подходящее мѣсто*. Все же инициатива этихъ необходимыхъ улучшеній принадлежитъ Г. Елисеѣву. По его же заявленію Палестинское Общество озаботилось и расширеніемъ помѣщеній для паломниковъ. Въ видѣ опыта рѣшено разбить на обширномъ дворѣ русскихъ построекъ киргизскія кибитки, оказавшія такую существенную услугу раневымъ воинамъ нашимъ въ послѣднюю войну. Въ послѣдній отчетъ уже и занесено, что князь Шаховской пожертвовалъ для паломниковъ двѣ такихъ кибитки, изъ которыхъ одна служила М. Д. Скобелеву въ его Ахаль-Текинскомъ походѣ. Палестинское Общество обратило вниманіе и на неудобства нашихъ почтовыхъ сообщеній съ Иерусалимомъ. Неудобства эти были дѣйствительно такъ велики, что когда я сядялся въ Константинополь на пароходъ, чтобы отправиться въ Иерусалимъ, то нѣкоторые лица изъ русскихъ, которымъ я вовсе не былъ извѣстенъ, рѣшились, къ моему большому смущенію, вручить мнѣ довольно цѣнный денежный пакетъ и посылку съ древними золотыми монетами, чтобы только избѣжать стѣсненій турецкой почты.

На стр. 125, г. Елисеѣвъ указалъ на недостатокъ толковыхъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу проводни-

ковъ въ св. землѣ. Въ отвѣтъ и на этотъ вопросъ Палестинское Общество предлагаетъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ слѣдующій проэктъ: „въ Казани мы и имѣемъ школу миссіонеровъ для проповѣданія слова истины среди невѣрныхъ, не подобаешь ли нѣкоторымъ изъ нихъ начать свой подвигъ среди своихъ родныхъ соотечественниковъ. Какъ усилится въ нихъ это самоотверженіе при проповѣди слова Того въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ шелъ на смерть крестную ради насъ“¹⁾. Этотъ проэктъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ глубокаго вниманія, что многіе изъ миссіонеровъ въ Казани знаютъ мусульманскій и арабскій языки. Итакъ справедливыя и резонныя заявленія г. Елисѣева нашли на Руси сочувственный откликъ! Авторъ книги „Съ русскими паломниками“ не можетъ пожаловаться, что его голосъ былъ „гласомъ вопіющаго въ пустыни“. За его правдивыя жалобы ему скажетъ спасибо вся русская земля. А за его исключительно *темныя краски* на него покосятся и уже покосились многіе...

Главная и исключительная цѣль путешествій въ св. землю — священное поклоненіе досточтимымъ святынямъ св. земли. Иной цѣли, по существу дѣла, не должно бы существовать... Рѣшаемся поставить не легкій для насъ вопросъ: какими чертами изображаетъ авторъ книги „Съ русскими паломниками на св. землѣ“ молитвенно-религіозное поклоненіе паломниковъ священнымъ памятникамъ христіанской святой религіи: Гробу Господню, Голгоѣ, Геесиманской пещерѣ и другимъ св. мѣстамъ?—Въ отвѣтъ на предложенный вопросъ заключается, по нашему крайнему разумѣнію, *ключъ* къ открытію и уясненію направленія и духа всей большой книги г. Елисѣева. Авторъ въ анализѣ религіозно-нравственнаго и молитвеннаго чувства паломниковъ во всей своей книгѣ держится *исключительно объективнаго пріема*. Онъ во всѣхъ мѣстахъ своей книги, коль скоро дѣло коснется

¹⁾ Отчетъ отдѣленія пособія паломникамъ Пр. Пал. Общества, читанный С. С. Корсаковымъ 7 октября 1885 г. стр. 11, 15 и 18.

молитвенно-религіознаго проявленія вѣрующей души, говорить о другихъ, но не о себѣ. Съ такимъ объективнымъ приѣмомъ авторства—это еще единственная книга о св. землѣ на русскомъ языкѣ. Когда вы читаете древникъ ли нашихъ отечественныхъ паломниковъ: благочестиваго игумена Давида, пѣшеходца Барскаго, или новыхъ: А. Н. Муравьева, А. С. Норова и многихъ, многихъ другихъ, вы видите тѣ чувства, которыми воодушевлялись эти лица. А. В. Елисеѣвъ ни слова не говоритъ о своей душѣ. Свои субъективные чувства онъ оставилъ для себя и, надѣмся, для всевидящаго ока Божія... Разъ, онъ не пожелалъ приподнять въ своей книгѣ занавѣсъ надъ тайниками своего сердца, не дерзнемъ сдѣлать этого и мы. Позволимъ только себѣ замѣтить, что во всей книгѣ „Съ русскими паломниками“ виденъ во всемъ вѣрный себѣ врачъ тѣла, но не врачъ души. А большинство паломниковъ всего міра являются именно въ св. землю, ко св. мѣстамъ, врачевать страждущую душу. Въ подтвержденіе того, что почтеннѣйшій докторъ только объективно чертитъ картину, или точнѣе говоря, свимааетъ только фотографію съ молящагося простолюдина-паломника, я цѣликомъ приведу одно изъ лучшихъ мѣстъ его книги—это паломникъ въ первый разъ у Гроба Господня. Священная минута!... Единственная минута въ жизни. Съ нею можетъ сравниться лишь часъ смерти. Выше было уже замѣчено, что у порога Животворящаго Гроба чудодѣйственно пробуждается дремлющее въ вѣрѣ сердце даже индифферентнаго молодого человѣка, еще не рѣшавшаго въ своей жизни тяжелыхъ, а иногда и роковыхъ вопросовъ жизни. „Наконецъ, говоритъ авторъ, наступаетъ давно вожелѣнная минута, когда паломникъ достигаетъ апогея своего паломничества, когда онъ, претерпѣвшій все, Христа ради, сподобится наконецъ унасть ницъ предъ Гробомъ Основателя религіи мира и любви и облобызать священный камень—святѣйшій престолъ на землѣ. Не мнѣ описывать состояніе души паломника, когда онъ прибли-

жается къ этой святынѣ, не мнѣ анализировать тѣ ощущенія, которыя не переводимы на языкъ психологіи, тѣ струны, которыя звучать тогда въ сердцѣ, наполняя его неизъяснимымъ, тихимъ счастьемъ и виѣстѣ съ тѣмъ священнымъ трепетомъ. Не чувствуешь, гдѣ находишься въ ту минуту—на небѣ или на землѣ, говорилъ мнѣ старый паломникъ, не вѣдаешь—идешь или летишь, движимый невѣдомою силою; въ глазахъ, наполненныхъ слезами священной радости и умиленія, расходятся свѣтлые и радужные круги, которые застилаютъ зрѣніе и, не давая ясныхъ изображеній, еще болѣе заставляютъ трепетать священнымъ трепетомъ сердце дожившаго до этой минуты паломника. Снявъ сапоги, въ однихъ чистыхъ чулкахъ, которые потомъ онъ прибережетъ на смертныя часы, скрестивъ руки на груди, приближается паломникъ ко входу Кувукліи; многіе ползутъ туда на колѣнахъ; все совершается чинно, не торопясь, за чѣмъ наблюдаютъ, какъ путеводитель, такъ и архимандритъ Гроба Господня. Въ Кувуклію входятъ по одиночкѣ, чтобы не мѣшать одинъ другому—ощутить самую трепетную минуту въ жизни паломника, когда онъ, узрѣвъ Гробъ Господень, падаетъ ницъ предъ нимъ и, если можетъ еще, возсылаетъ горячую молитву... (Въ св. Кувуклію входятъ по одному въ виду той причины, что многимъ и войти туда невозможно. Св. Кувуклія очень невелика по своимъ размѣрамъ, и входитъ въ это священнѣйшее мѣсто, какъ извѣстно, нужно наклонясь въ поясъ, что замѣтилъ еще Даніилъ паломникъ). Но не до молитвы многимъ; сердце ихъ до того переполнено священою радостію, что они уже не могутъ молиться, а только плачутъ въ умиленіи. Что тогда происходитъ на душѣ паломника, что онъ ощущаетъ во всемъ своемъ существѣ, то вѣдомо одному Богу, а мы оставимъ одного паломника въ Кувукліи, распростертаго въ священномъ трепетѣ предъ Гробомъ Господнимъ, въ минуту „дѣйствительнаго общенія между Богомъ и людьми“. Выйдя изъ Кувукліи, долго еще молится паломникъ около нея; многіе

Труды Кіевской дух. Акад. Т. II. 1886 г. 30

только теперь получают возможность молиться, когда пройдут первые трепетные порывы сильно охватившаго все существо священнаго чувства. Приложившись ко Гробу Господню, каждый жертвует по силѣ возможности. Но и тутъ, какъ и въ патриархіи, только что переживъ самую великую минуту въ жизни, съ сердцемъ „размигчившимся какъ воскъ, духомъ способнымъ воспарить“, не скупится паломникъ, а выкладываетъ все, что можетъ пожертвовать. Все ставится ребромъ, и въкоторые жертвуютъ послѣднее, оставаясь буквально нищими, едва имѣя денегъ на возвращеніе. Гдѣ же и жертвовать, думаетъ паломникъ, какъ не у Гроба Господня? Въ нашъ вѣкъ охлажденія религіознаго чувства и усердія встрѣчаются паломники, которые норовятъ сдѣлать все подешевле и стараются отдѣлаться двугривенными и пятиалтынными¹⁾, но все-таки большинство не скупится, насколько то возможно. Не столько серебро, сколько бумажки, даже въ три и пять рублей, сыплются на блюдо, и если взять среднюю арифметическую всего количества пожертвованій, то рубль можно принять за среднюю пожертвованія паломника въ этомъ случаѣ.—Всѣ, приложившіеся ко Гробу Господню, послѣ посвѣщенія Кузувліи устанавливаются предъ нею путеводителемъ въ шеренги: архимандритъ Гроба Господня²⁾ и святогробное братство въ свѣтлыхъ ризахъ (добавлю отъ себя, что на всемъ Востокѣ траурныхъ ризъ вовсе не употребляютъ ни при

¹⁾ Когда я былъ въ Іерусалимѣ, то помощникъ ризничаго Гроба Господня рассказывалъ мнѣ не мало исторій—какъ иногда „обходить“ греческихъ записчиковъ въ синодике наши паломники, напр. одинъ волостной старшина, продиговавъ длинный списокъ именъ, отказался внести какое бы то ни было пожертвованіе по той причинѣ, что ему хорошо извѣстно, что на Руси въ каждомъ храмѣ собираютъ пожертвованія „на Гробъ Господень“. Онъ видѣлъ такую кружку и въ храмѣ своей родной деревни...

²⁾ Этотъ замѣчательный старецъ, если не ошибаюсь я, уже болѣе 35 лѣтъ живетъ безвыходно при Гробѣ Господнемъ и все это время несетъ должность настоятеля Гроба Господня. Его знаютъ и почитаютъ всѣ наши паломники, посѣтившіе хоть одинъ разъ святой градъ.

погребеніяхъ, ни даже въ дни страстной седмицы; траурная ризница есть русская богослужебная особенность, введенная у насъ, кажется, со временъ императрицы Анны Іоанновны), поютъ канонъ и стихиры изъ такъ называемаго Сіонскаго пѣсенника—это мѣстное изданіе очень распространено между паломниками и стоитъ отъ 90 коп. до 1 рубля¹⁾. При этомъ даются въ руки присутствующимъ опять (въ первый разъ это дѣлается въ патриархіи) возженныя свѣчи, за которыя снова „по положенію“ взимается по 20 коп. По окончаніи пѣнія канона архимандритъ говорить по-русски поученіе изъ Сіонскаго пѣсенника на тему о достиженіи св. земли поклонниками, пришедшими изъ далекой Россіи, и о томъ, что они сподобились наконецъ въ награду за свое хожденіе узрѣть Гробъ Господень; при этомъ проповѣдникъ опять поздравляетъ богомольцевъ со счастливымъ прибытіемъ и приглашаетъ слѣдовать за нимъ“ (130—132 стр.). Начинается обхожденіе съ возженными свѣчами воѣхъ многочисленныхъ придѣловъ и св. мѣстъ храма Гроба Господня и Воскресенія. „Подъемомъ на Голгофу, заключаетъ авторъ свое повѣствованіе, и поклоненіемъ тамъ оканчивается хожденіе по храму Воскресенія на тотъ день“. Изъ этой довольно длинной выписки изъ книги „Съ русскими паломниками“ каждый можетъ увидѣть своими глазами талантливое начертаніе трогательной картины—сѣрдечной молитвы трудника-богомольца у Животворящаго Гроба Господня, но только начертаніе *объективное*, наблюдательное, мѣткое, начертаніе съ подробностями и выводомъ средняго ариметическаго числа. Желалось бы видѣть изліяніе чувствъ сердца и души и самого автора.

¹⁾ „Сіонскій пѣснопѣвецъ“, а не пѣсенникъ, изданъ въ Іерусалимѣ о. архимандритомъ Серафимомъ, по благословенію іерусалимскаго патриарха Іероея I. Начинается онъ такой вступительной заголовкой: „послѣдованіе священныя литавія“. Но „литавія“ послѣдованіе католическаго богослуженія. Очевидно, что „Сіонскій пѣснопѣвецъ“ редактировалъ кто-то мало знакомый съ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ.

Желалось бы прочитать *субъективное* настроеніе его. И это не праздное желаніе, не вывѣдываніе нескромнаго любопытства, а исканіе ключа, какъ было замѣчено выше.— ключа къ книгѣ, которая нашла и найдетъ для себя усердныхъ читателей. Но ключъ авторъ оставилъ у себя. Онъ долженъ быть въ тайникѣ его совѣсти. Мы не вправѣ туда вторгаться.

Выдающаяся особенность книги „Съ русскими паломниками на св. землѣ“—это рѣзкое разоблаченіе нѣкоторыхъ отрицательныхъ качествъ греческаго духовенства, служащаго на святыхъ мѣстахъ православно-христіанскаго Востока. Послѣ известной книги Благовѣщанскаго „Среди богомольцевъ—наблюденія и замѣтки во время путешествія по Востоку“, книги написанной въ періодъ развитія обличительной литературы, книга А. В. Елисѣева является только вторымъ фактомъ въ разоблаченіи недостатковъ греческаго духовенства. Этимъ разоблаченіемъ посвящена вторая половина обширной VI главы и почти вся VII глава. Разбирая книгу почтеннаго составителя ея въ послѣдовательномъ порядкѣ, мы неминуемо должны были дойти и до этихъ двухъ скорбныхъ главъ. И дѣйствительно скорбныхъ и для многотруднаго дѣла паломничества, и для читателя, и для написавшаго ихъ, и, наконецъ для того, кто бы рѣшился разбирать ихъ!... Я окончательно не рѣшаюсь входить въ разбирательство разоблаченій греческаго духовенства, обвиняемаго г. Елисѣевымъ, и не рѣшаюсь вотъ почему: 1) я самъ священникъ и по собственному опыту знаю—какъ тяжело переносить разные обвиненія, въ такомъ изобиліи вваливаемыхъ на духовный санъ; 2) разбирательство разныхъ мелкихъ дразгъ считаю несовѣстимымъ съ достоинствомъ *духовно-ученаго* журнала, издаваемаго при *духовной академіи*; 3) разоблаченія г. Елисѣева разбираютъ дѣло „не по существу“, а касаются лишь частныхъ случаевъ отрицательнаго характера, въ родѣ того, напр., что „на моихъ глазахъ, говоритъ авторъ, монахъ, стоявшій у Гроба Господня, продалъ одной поклонницѣ цѣвѣ-

токъ изъ букета, положеннаго католиками во время какой-то процессіи на верхнюю плиту Гроба; когда бѣдная станушка отблагодарила продавца 20 коп., онъ бросилъ назадъ эту монету и потребовалъ 40 коп.“ (205 стр.). Очевидно, что это частное злоупотребленіе какаго-либо *клирика*, (а не монаха—священника), служащаго при свято-гробскомъ братствѣ. А гдѣ не бываетъ *частныхъ* злоупотребленій?!... Если въ составѣ греческаго духовенства встрѣчаются и недостойныя лица, то есть тамъ примѣры лицъ, стоящихъ на всей высотѣ своего священнаго служенія, напр. о. архимандритъ Серафимъ, настоятель храма Гроба Господня, проходящій эту важную должность, какъ было замѣчено выше, около 35 лѣтъ, или не такъ давно умершій митрополитъ Петры Аравійской Мелетій, котораго подъ именемъ св. Петра рѣшительно знаетъ весь русскій паломническій людъ. Наконецъ 4) почтенный докторъ не чуждѣтаки пристрастія въ своихъ разоблаченіяхъ злоупотребленій палестинскаго духовенства. Онъ свидѣтель „пристрастный“. Начавъ съ тѣхъ святыхъ обѣтовъ, что „не умолкну ради Сіона, и ради Іерусалима не успокоюсь“, пока не скажу всего того, въ чемъ я убѣжденъ, чего не вырвутъ у меня даже громы проклятія (какое страшное слово!...), хотя, быть можетъ, я, какъ человѣкъ, и погрѣшу не разъ въ томъ, что я скажу“ (стр. 202), авторъ въ дальнѣйшемъ своемъ разсказѣ подбираетъ фактъ за фактомъ только изобличительнаго, только корыстнаго, только оскорбительнаго свойства.

Что особенно оскорбительно и изобличаетъ пристрастіе въ сужденіяхъ г. Елисѣева, такъ именно то, что параллельно съ изображеніемъ корыстолюбія греческаго духовенства онъ представляетъ мнимое безкорыстіе католическаго клира въ св. землѣ. А я по совѣсти могу представить факты корысти и католическаго духовенства. На Елеонской горѣ паломники посѣщаютъ храмъ Pater Noster. Здѣсь же вблизи находится и другой храмъ съ именемъ Credo. По преданію, на мѣстѣ перваго храма Спасителя

изрекъ: *Отче нашъ*, а на мѣстѣ второго составленъ „Апостольскій Символь вѣры“. „За посѣщеніе этихъ святынь, какъ и вообще *католическихъ*, говорятъ г. Елисеѣвъ на 143 стр., съ поклонниковъ *ни въ какой формѣ* ничего не взимается, монахи не торчатъ предъ глазами со свѣчами или записью, что такъ прискучиваетъ видѣть у православныхъ святынь. Одинъ изъ братій, наблюдающій за храмомъ, стоитъ гдѣ-нибудь въ углу, молится или читаетъ что-нибудь, не мѣшая посѣтителемъ отдаваться чувству, охватившему ихъ; буде же у кого найдется усердіе поставить свѣчу или опустить пожертвованіе,—онъ укажетъ кружку или съ поклономъ продастъ свѣчу. Такъ какъ въ церковь Патеръ Ностеръ обыкновенно ведетъ поклонниковъ сторожъ, который подноситъ также посѣтителемъ „цвѣты изъ вертограда“, то многіе ему даютъ отъ себя одну, двѣ парички (это мелкая турецкая монета), тѣмъ болѣе, что путеводитель приглашаетъ сдѣлать это, такъ какъ сторожъ очень бѣденъ“. Вы пріятно удивлены этой тирадой въ безкорыстіи католиковъ! Но именно въ этомъ самомъ мѣстѣ *лично со мною* произошло вотъ что: Pater Noster есть женскій монастырь, основанный богатой Парижской графиней, живущей въ Парижѣ и теперь, за входящими въ храмъ наблюдають нередныя монахини, которыя незамѣтно для зрителя смотрять за вами сквозь рѣшетчатое окно. Какъ только я окончилъ молитву, комвѣ подошла дежурная монахиня и подала карточку съ наклеенными на ней сухими цвѣтами. На карточкѣ напечатано „Jérusalem“. Карточки эти очень изящны. Сколько стоитъ эта карточка?—спросилъ я.—„Un franc“, отвѣчала монахиня. А за одинъ франкъ въ Іерусалимѣ я купилъ цѣлую дюжину такихъ карточекъ съ цвѣтами. Гдѣ же здѣсь хваленое безкорыстіе! Вотъ другой примѣръ мнимаго католическаго безкорыстія: „братія францисканцы“—такъ называемые „стражи св. земли“ пожелали взять съ меня за „Guide—indicateur“ по св. землѣ, изданный этимъ братствомъ, вдвое больше, чѣмъ сколько въ дѣйствительности

стоитъ эта книга. Случай при этомъ вышелъ такой: въ группѣ богомольцевъ, ѣхавшихъ со мною на пароходѣ, одинъ паломникъ обронилъ въ море свой паспортъ, о чемъ я заявилъ мнѣ, когда пароходъ бросалъ якорь въ виду Яффы и когда слѣдовало высаживаться на берегъ. Этотъ бѣдный человѣкъ просилъ меня, чтобы я походатайствовалъ предъ яфскимъ вице-консуломъ о выдачѣ ему проходнаго билета въ Іерусалимъ. Билетъ былъ выхлопотанъ. Встрѣчая почти каждый день на „русскихъ постройкахъ“ своихъ спутниковъ по пароходу, я въ числѣ ихъ не находилъ того человѣка, который потерялъ свой паспортъ. Гдѣ этотъ человѣкъ?—спросилъ я моихъ спутниковъ.—Въ Іерусалимѣ онъ отдѣлился отъ насъ, и мы больше его не видѣли, былъ мнѣ отвѣтъ. Но вотъ прошло двѣ недѣли послѣ нашего пріѣзда въ св. градъ. Утромъ приходитъ ко мнѣ неожиданно-негаданно этотъ затерявшійся спутникъ и заявляетъ, что онъ желалъ бы возвратиться на родину, но безъ паспорта не можетъ пуститься въ обратный путь. Не возьмусь ли я, спрашиваетъ онъ, выхлопотать ему паспортъ у іерусалимскаго консула?—Гдѣ же ты скрывался до сихъ поръ?—спрашиваю я его.—Я, отвѣчалъ онъ, католическаго исповѣданія и не желалъ объявлять объ этомъ своимъ землякамъ на пароходѣ, чтобы они не чуждались меня. По приходѣ въ Іерусалимъ я поселился на двѣ недѣли въ францисканскомъ монастырѣ Casa nova. По правиламъ этого монастыря, тамъ содержать паломника безмездно на всемъ готовомъ только двѣ недѣли, а потомъ настоятельно выселяютъ. Вотъ теперь безъ паспорта мнѣ некуда и дѣваться, говорилъ въ отчаяніи бѣдный странникъ. Я рѣшился сходить къ консулу съ просьбой—направить этого человѣка на родину. Между тѣмъ, вынувъ изъ кошелька 2 р. 50 к., я попросилъ моего растеряннаго спутника сходить, пока я возвращусь отъ консула, въ Casa nova и купить тамъ для меня у францисканъ Guide—indicateur. Возвратившись отъ консула (безъ особенно твердыхъ результатовъ), я

засталъ уже въ моей кельѣ спутника своего съ книгой, но ему поручено было сказать мнѣ, что книгу я могу взять только тогда, когда еще доплачу 2 р. 50 к. Я послалъ сказать, что мнѣ подлинно извѣстно, что книга стоить не выше 2 р. 50 коп. Мнѣ отвѣтили—„да“, но за переплеть требуется еще 2 р. 50 к. (А переплеть книги былъ самый обыкновенный). Тогда я еще разъ попросилъ сходить въ францисканамъ, чтобы мнѣ дали книгу безъ переплета, что я переплету ее дома. Мнѣ окончательно отвѣтили—„книги вѣтъ“. Свои 2 р. 50 к. я получилъ обратно. Гдѣ же здѣсь хваленое безкорыстіе католиковъ? У насъ на Руси повелась давнишняя болѣзнь: хвалить чужое, и особенно европейское, а хулить свое, и особенно „духовное“... Изъ приведенныхъ мною примѣровъ, что и католики въ св. землѣ такъ же не чуждаются денегъ, какъ и всѣ вообще смертные, я отнюдь не вывожу такого обобщенія: всѣ католики въ Палестинѣ очень корыстолюбивы. Есть между ними примѣры полнаго, безкорыстнаго, даже фанатическаго служенія своей идеѣ. Но говорю объ этомъ къ тому, чтобы частные случаи корыстныхъ выходовъ греческихъ клириковъ на св. мѣстахъ не слѣдуетъ возводить въ то широкое обобщеніе, что все греческое духовенство корыстолюбиво (214 стр.). Главный начальникъ католическаго общества, посвященнаго *Страстямъ Христовымъ* („пассіонитовъ“), недавно обокралъ это общество на 1,000,000 лиръ! И этотъ хищникъ въ духовной сутанѣ нашелъ для себя поддержку въ палестинской „конгрегаціи соборовъ“, будучи защищаемъ кардиналомъ Каіерфино! По логикѣ А. В. Елисеѣва слѣдуетъ всему католическому міру послѣ этого закричать на весь свѣтъ: „мы перестаемъ вѣрить, мы дѣлаемся атеистами“!

Оканчивая съ тяжелымъ вопросомъ по обвиненію греческаго духовенства въ корысти, мы должны повторить, какъ это было замѣчено выше, что обвиненія эти относятся къ частнымъ, исключительнымъ, правда, крайне нежелательнымъ случаямъ. По существу дѣла можно бы поставить на

видъ два важныхъ вопроса, касающихся греческаго духовенства: 1) духовенство это, за нѣкоторыми отрядными исключеніями, лишено *высшаю*, полнаго богословскаго образованія, такъ какъ два эллинскія училища, при Крестномъ монастырѣ въ Іерусалимѣ, и на островѣ Халки, въ константинопольскомъ патріархатѣ, даютъ только среднее образование съ очень посредственнымъ уровнемъ и 2) духовенство греческое порабощаетъ въ своемъ составѣ всякій *національный элементъ*, давая господство только одному эллинизму. Это вѣковое традиціонное преданіе высшей греческой іерархіи. Священный епископскій санъ въ св. землѣ вообще, и въ свято-гробскомъ составѣ въ частности, могутъ занять только и исключительно лица эллинской національности. Мѣстный элементъ изъ состава христіанъ арабскаго народа никогда не возвысится тамъ до высшихъ степеней. Мѣстный элементъ всегда при греческомъ клирѣ служитъ только въ качествѣ *дровосѣковъ и водоносовъ при жертвенникѣ*, какъ жители древняго Гаваона при Скинии (I. Нав. IX. 27). Въ давно минувшія времена въ іерусалимскомъ клирѣ, какъ извѣстно, были горячіе и продолжительные споры между туземнымъ элементомъ и эллинскимъ, кончившіеся полнымъ господствомъ послѣдняго. Къ какимъ печальнымъ результатамъ привелъ іерархическій споръ между греческимъ и славянскимъ элементами въ Болгаріи—объ этомъ и говорить тяжело!... Въ безвозвратно минувшіе вѣка и у насъ на Руси сотворился, по словамъ лѣтописца, „мятежъ во святительствѣ“ изъ-за того, что константинопольскіе патріархи не желали иногда посвящать во всероссійскіе митрополиты русскихъ по происхожденію. Такъ послѣ поставленія, или, какъ тогда говорили, „настолюванья“ митрополита св. Алексія, константинопольскій соборъ сдѣлалъ оговорку, что „Алексій поставляется митрополитомъ, какъ исключеніе, вслѣдствіе высокаго личнаго достоинства, но что впредь митрополиты должны посвящаться въ Россію *исключительно изъ грековъ*“. Для насъ споръ о господствѣ національности

отошелъ уже въ область исторіи, а въ св. землѣ онъ еще таится, какъ искра въ большомъ, снаружи притухшемъ, кострѣ. Но этихъ вопросовъ не касается въ своей книгѣ г. Елисеѣвъ. Разборъ ихъ не входитъ и въ вашу задачу. Мы ихъ коснулись лишь настолько, чтобы показать, что эллинскій составъ іерархіи освѣтился бы, если бъ былъ допущенъ въ него приливъ мѣстныхъ народныхъ силъ... Между тѣмъ иностранныя миссіи всѣхъ вообще исповѣданій не игнорируютъ въ своихъ миссіонерскихъ задачахъ мѣстнымъ элементомъ.

Лучшія страницы книги „Съ русскими паломниками на св. землѣ“—это описаніе 3 дальнихъ экскурсій богомольцевъ: на священный Іорданъ, въ Хевронъ „къ дубу“ и въ Назаретъ. Описаніе сихъ экскурсій занимаетъ всю VIII, довольно обширную, главу. Какъ легко и пріятно читается эта глава! Сколько воспоминаній, сколько отрадныхъ чувствъ пробуждаетъ она въ сердцахъ бывшихъ паломниковъ!.. Вообще описательный пріемъ—это талантъ А. В. Елисеѣва. Его „львиныя ночи“ увлекали многихъ. Оцѣнка же людей и религіознаго чувства вѣрующаго сердца—его слабая сторона.

На Іорданъ караванъ выступаетъ изъ Іерусалима накануне Крещенскаго сочельника, въ Хевронъ караванъ снаряжается къ празднику Пятидесятницы, въ Назаретъ—къ дню Благовѣщенія. Описаніе богомольческихъ каравановъ авторъ начинаетъ съ іорданскаго путешествія. „Въ караванѣ этомъ, говоритъ онъ, принимаютъ участіе, кромѣ русскихъ поклонниковъ, также паломники другихъ націй—славяне, греки, православные арабы, къ этому дню стекающіеся въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Палестины, такъ что въ караванахъ участвуетъ отъ трехъ до пяти тысячъ человекъ, и въ томъ числѣ не менѣе (нынѣ) какъ двѣ тысячи русскихъ поклонниковъ (Только представьте себѣ, читатель, это массовое передвиженіе народовъ!). Караванъ этотъ представляетъ также чрезвычайно оригиналь-

ное зрѣлище, которое подъ южнымъ небомъ Палестины, въ ея горныхъ дебряхъ и пустыняхъ, представляется особенно величественнымъ, что становится понятнымъ, почему прохожденіе русскихъ каравановъ чрезъ всю Палестину производитъ на туземцевъ впечатлѣніе еще болѣе сильное, чѣмъ ученые экспедиціи иновѣрцевъ и даже театральныя католическія процессіи⁴.

Мы не рѣшаемся далѣе дѣлать длинныя выписки и выборки лучшихъ мѣстъ изъ экскурсій въ виду той причины, что и прежде были сдѣланы нами необходимыя извлеченія. Отсылаемъ читателя къ самой книгѣ А. В. Елисѣева. Прочтите, напр. 241 стр. какъ „съ молитвою и освѣнсь крестнымъ знаменіемъ, выступаютъ паломники изъ Іерусалима“. Прочтите на 245 стр. какъ паломники, при пѣніи: *Во Иорданъ крещаяшуся Тебѣ, Господи*, всѣмъ составомъ пяти тысячной массы погружаются въ священныя струи рѣки. „Нигдѣ въ мірѣ, говоритъ авторъ, развѣ только въ Гангѣ у Бенареса, не происходитъ такого колоссальнаго погруженія въ воду многочисленныхъ богомольцевъ“.

Назаретскій караванъ авторъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „обыкновенно утромъ 21 марта изъ построекъ на Наблусскую дорогу выступаетъ огромный русскій караванъ, имѣя во главѣ второго драгомана консульства, путеводителя и іеромонаха отъ миссіи“ и т. д. (стр. 260). Здѣсь я лично повстрѣчался съ небольшимъ недоразумѣніемъ. Въ отчетѣ Палестинскаго Общества отъ 18 октября 1884 года говорится, что А. В. Елисѣевъ отправился изъ Петербурга въ февралѣ означеннаго года и „послѣ осмотра въ Одессѣ и Константинополѣ страннопримныхъ домовъ, онъ совершилъ съ нашими паломниками морской путь, затѣмъ, *захвативъ въ окрестностяхъ Назарета нашъ Благовѣщенскій паломническій караванъ*, онъ съ нимъ прибылъ въ Іерусалимъ и прожилъ тамъ слишкомъ мѣсяцъ жизни простаго богомольца“ (7 стр.). Между тѣмъ, авторъ „Съ русскими паломниками“ въ описаніи экскурсіи изъ Іерусалима въ Назаретъ, какъ

видно изъ вышеприведеннаго мѣста и далѣе изъ всего разсказа, говорить о себѣ какъ непосредственномъ участникѣ въ путешествіи. Конечно мой вопросъ случайный и не важный.

Описаніе паломническихъ путешествій А. В. Елишевѣ заканчиваетъ слѣдующею общою замѣткой: „на Өаворѣ бываеъ еще караванъ во дню Преображенія, но онъ далеко уступаетъ по своей величинѣ и грандіозности Благовѣщенскому.—На праздникъ Преображенія на Өаворѣ бываеъ служеніе, разумѣеъ, болѣе торжественное; туда собираеъ много православныхъ арабовъ со всей Галилеи и тогда въ оградѣ монастырской бываеъ настоящая толкотня. Стономъ въ этотъ день стоить гулъ надъ тихою Өаворскою обителью; на дворѣ водать хороводы, и молодежь танцуетъ и кружитъ подъ голосистую флейту, при чемъ особенно отличаются миловидныя каньники, т. е. обитательницы Кеферъ-Кань“. Хороводы послѣ вечернаго богослуженія—смѣшеніе мірскаго съ церковнымъ, еъ печальная мѣстная арабская особенность, на которой лежить еше печать дикости нравовъ. Извѣстно, что и въ день великой субботы, послѣ „низведенія огня“ въ храмъ Гроба Господня, арабы выражають свой душевный восторгъ дикою пляскою и неистовыми криками.

„Богомолецъ, посѣтившій Виедземъ, Горнюю, говорить авторъ, всѣ монастыри подъ Іерусалимомъ, Хевронъ, Іорданъ и сдѣлавшій путешествие въ Сѣверную Палестину въ Назаретъ и Өаворъ, можетъ считать свое паломничество вполне оконченнымъ и совершеннымъ“. Оно окончено и въ дѣйствительности.

Въ книгѣ „Съ русскими паломниками“ имѣеъ еше очень важный рядъ описаній, который было бы непросто обойти молчаніемъ—это описаніе по порядку священныхъ службъ въ храмъ Гроба Господня, начиная съ недѣли ваій и оканчивая заутреней въ день Пасхи. Помолиться въ эти свитые дни на тѣхъ святыхъ мѣстахъ, гдѣ совершилось самое спасительное дѣло нашего искупленія,

собственно и составляетъ дѣль вѣковаго паломничества въ св. землю для значительнаго большинства богомольцевъ. Богослуженіе въ эти великіе дни у Животворящаго Гроба—верхъ величія и духовнаго торжества Іерусалима земнаго. Въ эти дни въ св. градѣ сбываются пророческія слова Исаи: *Свѣтися, свѣтися Іерусалиме, прииде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія. Се тма покрываетъ землю, и мракъ на языки на тебѣ же явится слава Господня, и слава ея на тебѣ узрится... Возведи окрестъ очи твои, и виждь собранная чада твоя, се приидоша вси сынове твои издалеча и дщери твои...* (LX, 1—4). Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось посѣтить Іерусалимъ не въ великіе дни его міроваго торжества (причина тому—служебныя обязанности), а въ самые знойные числа половины лѣта. Я лично не видѣлъ особенностей въ богослуженіи страстной седмицы въ Іерусалимѣ, по этой причинѣ я съ особеннымъ интересомъ читалъ IX главу книги А. В. Елисеѣва, гдѣ описаны эти особенности. Въ частности я углубился въ чтеніе описанія „низведенія огня“ въ день великой субботы...

Конечно, мы не вправѣ требовать отъ составителя книги „Съ русскими паломниками“ уставно-церковнаго описанія великихъ службъ страстной седмицы. Авторъ—человѣкъ свѣтскій... Онъ не Арсеній Сухановъ, отправлявшійся на Востокъ для спеціальнаго изученія „богослужебныхъ чиновъ греческихъ“. Онъ и самъ о себѣ откровенно говоритъ: „я не буду описывать (да и не въ состояніи сдѣлать этого) всѣхъ службъ, которыя правятся какъ въ великую четырехдесятницу, такъ и на страстной недѣлѣ въ Іерусалимѣ, и тѣхъ небольшихъ отличій, которыми характеризуется служеніе у Гроба Господня, совершаемое Патріархомъ со всѣмъ клиромъ его, а укажу только на то, что бьетъ въ глаза всякому паломнику и не-паломнику, что неизгладимыми чертами запечатлѣвается въ памяти присутствующихъ“ (283 стр.).

Изъ описанія особенностей богослуженія страстной седмицы А. В. Елисеѣва я сначала думалъ-было выписать

здѣсь разсказъ автора „о благодати священнаго огня“, такъ какъ это священнодѣйствіе, по его словамъ, составляетъ „единственное зрѣлище въ мірѣ“ и „быть въ Іерусалимѣ на Пасхѣ и не быть при раздачѣ священнаго огня—это значить не видѣть ничего“, но въ виду заявленія (стр. 291), что „небесный огонь въ некоторомъ начинается казаться чрезчуръ земнымъ“, я предпочелъ лучше передать непосредственное впечатлѣніе автора о пасхальной заутрени въ храмѣ Воскресенія. Свѣтлая заутрени тоже единственное богослуженіе православной церкви. Я не разъ самъ видѣлъ, какъ пновѣрцы приходятъ въ православный храмъ помолиться въ пасхальную заутреню. Какъ же она совершается въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія? „Вѣшности пасхальнаго служенія поражаетъ даже привыкшаго къ видамъ паломника. Уже задолго до полуночи Іерусалимъ принимаетъ праздничный видъ; мусульмане какъ бы ступеваются, во всемъ видно наступленіе великаго христіанскаго праздника. По всѣмъ улицамъ и закоулкамъ, ведущимъ къ храму Воскресенія, стоятъ пылающіе факелы; ихъ багровымъ свѣтомъ залита и площадь предъ храмомъ, и самый храмъ снаружи. Не только храмъ и площадка набиты массою разношерстныхъ и разряженныхъ богомольцевъ, но даже всѣ закоулки и дворы, прилегающіе къ храму, переполнены до того, что еле можно двигаться. Спозаранку забираются богомольцы въ храмъ, чтобы занять мѣста получше, а потому и устаютъ порядкомъ, пока не начнется служба. Весь храмъ залитъ свѣтомъ и великолѣпно иллюминированъ; Кувуклія блистаетъ тысячами разноцвѣтныхъ лампадъ и фонарей, унизывающихъ ее сверху до низу; масса пылающихъ свѣчей въ рукахъ тысячъ богомольцевъ еще болѣе увеличиваетъ эффектъ; все сіяетъ, все блеститъ. Храмъ представляется настоящимъ храмомъ свѣта, сіянія и огня. Обстановка дѣйствительно чарующая, поражающая великолѣпіемъ, особенно, когда масса духовенства, залитаго золо-

томъ и серебромъ, съ величественнымъ патріархомъ во главѣ, обходить храмъ... но божественная служба при всей своей торжественности не производитъ, по словамъ автора, того впечатлѣнія, которое могло бы неотразимо дѣйствовать на присутствующихъ. Я спрашивалъ не разъ и себя, и другихъ, продолжаетъ А. В., для кого и для чего служитъ пасхальная заутреня и литургія на непонятномъ, для огромнаго большинства присутствующихъ, греческомъ языкѣ, когда его не понимаютъ болѣе девяти десятыхъ молящихся? Не только для тысячъ русскихъ и славянскихъ паломниковъ, но и для туземцевъ арабовъ это служеніе не можетъ дать ничего, кромѣ внѣшности, т. е. той стороны, которою православіе должно дорожить всего менѣе. Вопросы отъ чего, для чего, какъ и почему приходится такъ часто ставить въ дѣлахъ Палестины, что нечего на нихъ ждать и отвѣта*... (292 и 293 стр.).

Въ послѣднее время блаженнѣйшій патріархъ іерусалимскій Никодимъ, долго имѣвшій жителство въ Россіи, очень часто, къ радости русскихъ паломниковъ, дѣлаетъ при богослуженіи возгласы на церковно-славянскомъ языкѣ. А недавно я получилъ извѣстіе, что въ храмъ Гроба Господня разъ въ теченіе недѣли будетъ совершаться все богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ и что особенно важно, — наши богомольцы не будутъ запирались на ночь въ семь св. храмъ ..

„Утромъ въ Свѣтлое Воскресеніе, такъ заканчиваетъ авторъ IX гл., возвратившихся поздно изъ церкви паломниковъ будитъ нескончаемый ревъ ословъ, муловъ и верблюдовъ, которыхъ привели во множествѣ на русскій дворъ погонщики, зная, что извѣстная часть богомольцевъ въ Свѣтлое же Воскресеніе поторопится выѣхать подъ вечерокъ изъ Іерусалима, чтобы поспѣть на яфоской пароходъ, отходящій во вторникъ“. Другая часть богомольцевъ отъѣзжаетъ на родину послѣ праздника Вознесенія. Наконецъ, послѣдній остатокъ уѣзжаетъ послѣ Троицы. Іерусалимъ опустѣлъ

до новаго паломническаго года! Наступили знойные дни восточнаго лѣта. Помню я эти дни и ихъ истому...

Въ книгѣ „Съ русскими паломниками на св. землѣ“ поставлено и рѣшено очень много *частныхъ* вопросовъ, напр. какъ проводить свой день паломникъ? что онъ употребляетъ въ пищу? сколько денегъ, среднимъ числомъ, онъ расходуетъ въ сутки? какая цѣна съѣстныхъ припасовъ въ Іерусалимѣ? какія книги читають грамотные паломники? кто такіе проводяки нашихъ паломниковъ по святымъ мѣстамъ? какія именно святые мѣста посѣщаютъ богомольцы? сколько они жертвуютъ въ этихъ мѣстахъ? какъ имъ живется-можется въ греческихъ монастыряхъ на наемныхъ квартирахъ? какіе „типы“ богомольцевъ в странницъ попадаются въ св. землѣ? какъ устроены иностранныя страннопріимницы Casa Nova и Hospitium Austro-Ungaricum? какіе порядки на „русскихъ постройкахъ“ и въ русскомъ госпиталѣ? и т. д. и т. д. Книга А. В. Елисеѣва, какъ было замѣчено нѣсколько разъ, очень внушительная по своему объему и широкой программѣ. Объемъ журвальнаго замѣтки не позволялъ намъ останавливаться на всѣхъ *частныхъ* вопросахъ разбираемой книги. Мы останавливались только на самыхъ *главныхъ* мѣстахъ книги. Къ такимъ главнымъ мѣстамъ принадлежитъ и вопросъ—о судьбѣ православія въ святой землѣ. Вопросъ этотъ говоритъ самъ за себя. Въ нѣсколькихъ главахъ своей книги г. Елисеѣвъ ставилъ и разбиралъ вопросъ о судьбѣ православія въ св. землѣ, но исключительно посвятилъ онъ этому существенно-важному вопросу заключительную, послѣднюю (XIII), главу своего труда. Разборомъ этой главы и мы окончимъ наши замѣтки.

Католическій патріархъ Валерга—„человѣкъ полный жизни и энергіи, по характеристикѣ г. Елисеѣва, человѣкъ блистательнаго ума и желѣзной воли“, въ теченіе 27-лѣтняго своего патріаршества, создалъ могущественную католическую пропаганду въ св. землѣ, которая нанесла туземному

православію первый страшный ударъ, „огромную кровоточащую, ослабляющую рану“, по сравненію автора...

„Только искусный хирургъ можетъ перевязать эту рану, остановить быстро вытекающую кровь изъ изнемогающаго организма, говорить съ воодушевленіемъ докторъ-паломникъ, поддержать его своимъ искусствомъ и даже влить новой крови, новой силы и энергіи“. Гдѣ же взять такого искуснаго хирурга?!—Его можетъ дать, по справедливому указанію г. Елисеѣва, только Россія. Русская помощь, продолжаетъ авторъ, должна явиться „или возможно скоро, или никогда; немного позднеѣ будетъ уже совсѣмъ поздно, потому что свѣтъ православія померкнетъ въ Палестинѣ въ удушающей атмосферѣ инновѣрныхъ пропагандъ и не возгорится никогда, потому что католичество и протестантизмъ умѣютъ мѣртва живую вѣру, умѣютъ гасить яркій свѣточъ религіознаго чувства и теплоты навсегда,—одно своею догматикою и папизмомъ, другое—отрицаніемъ и сомнительною авторитетностію. Православіе ждетъ помощи отъ Россіи, потому что больше ей притти неоткуда“. Г. Елисеѣвъ, какъ видно и изъ предыдущихъ его рѣзкихъ замѣтокъ, не вѣритъ въ силу греческаго духовенства. „Не имъ уже высоко держать знамя православія; оно вываливается изъ ихъ изнемогающихъ отъ безсилія и старческой порочности рукъ“... (357 стр.). А кто же до сихъ поръ защищалъ православіе на Востока?—Какъ классическіе греки, такъ и новый родъ эллиновъ не чужды могучей энергіи во всякой борьбѣ.

Откуда же, на самомъ дѣлѣ, ожидать помощи православію въ св. землѣ?—„На вопросъ этотъ, остроумно замѣчаетъ г. Елисеѣвъ, отвѣчать и легко, и не легко, потому что онъ рѣшается просто, но не проста“... По указанію его помощь можетъ быть подана тремя силами:

1) Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. „Общество это, уже имѣющее подъ собою такую крѣпкую основу, какой не имѣетъ ни одно частное общество на Руси—

Труды Киев. дух. Акад. Т. II. 1886 г.

31

симпатію дѣлаго русскаго народа и сильную правительственную и авторитетную поддержку, представляет не только одинъ изъ тѣхъ мощныхъ устоевъ, за которые можетъ ухватиться православіе на святой землѣ, но и такую живую активную силу, которая можетъ бороться сама по себѣ не безуспѣшно, какъ оно показало себя въ первые же годы своего существованія^а. Дѣйствительно, новоучрежденное Палестинское Общество не мало уже сдѣлало и, конечно, много, много еще сдѣлаетъ для поддержанія православія въ св. землѣ. Программа Общества широко захватила важные вопросы въ Палестинѣ. Только бы больше сочувствія этой программѣ въ свято-гробскомъ братствѣ!...

2) „Второю могучею силою въ Палестинѣ будутъ наши паломники. Это—живая мощная сила, но ею нужно умѣть пользоваться, умѣть найти въ ней точку опоры, и тогда ею можно творить чудеса^а. Но въ чемъ заключается умѣнье пользоваться русскими паломниками?—авторъ не указываетъ. Да мудро и указать! Развѣ на одно можно указать, чтобы въ составъ паломниковъ входили *истинные боюмолцы земли русской*, а не тотъ вѣчно бродячій элементъ, который близко граничитъ съ сектой „странниковъ“. На этотъ вопросъ слѣдовало бы Палестинскому Обществу обратить самое строгое вниманіе, какъ я разъ и писалъ въ моемъ частномъ письмѣ къ одному изъ учредителей общества.

3) Третьимъ живымъ дѣятелемъ на нивѣ православія должна быть наша русская миссія въ Іерусалимѣ. Сдѣлавъ краткій очеркъ учрежденія миссіи съ 1847 года, г. Елисѣевъ говорить, что большая часть сдѣланнаго въ Палестинѣ принадлежитъ неутомному труженнику—теперешнему начальнику миссіи, уважаемому о. архимандриту Автонову. Онъ приобрѣлъ покупкою значительные участки земли: въ Хевронѣ, Іерихонѣ, Тиверіадѣ, въ Горнаѣ городѣ Іуды, на Елеонской горѣ и въ Яфѣ. На этихъ участкахъ воздвигнуты такія солидныя постройки, въ которыхъ (въ Хевронѣ и Іерихонѣ) находятъ пріютъ даже иностранные

путешественники. „Только теперь, когда у русской миссіи есть своя родная земля и свой родной угольъ, свои опорные пункты на св. землѣ, она можетъ подумать и о своей прямой дѣли—стать настоящимъ борцомъ за дѣло православія „на мѣстѣ святѣ“; требовать же отъ нея этого раньше было бы по крайней мѣрѣ нелогично“... Но наша миссія въ св. градѣ состоитъ: изъ начальника миссіи, 2 іеромонаховъ и 1 іеродіакова. Стоя на всей высотѣ своего священнаго призванія, много ли можетъ сдѣлать, безъ должной поддержки отъ кого слѣдуетъ, этотъ священный малочисленный сонмъ?! Вотъ почему г. Елисѣевъ и говорить: „надо поставить нашу миссію такъ, чтобы она не только не зависѣла отъ патріархіи, но и сама имѣла свой голосъ въ іерусалимскомъ синодѣ—голосъ, который должны были бы уважать греки, зная, что за нимъ стоитъ могучая стихійная сила стомилионнаго русскаго народа и воля ея державнаго вождя“.

Когда по возвращеніи изъ св. земли я представился почившему митрополиту Кіевскому Филовею и передалъ ему, что православію въ св. землѣ сильно угрожаетъ иновѣрная пропаганда, почившій святитель Божій, выслушавъ меня съ глубокимъ вниманіемъ, набожно перекрестился и изрекъ: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, основавшій Свою Вселенскую Церковь на землѣ, заповѣдалъ—*врата адава не одолѣютъ ей*. Если мы будемъ достойными христіанами, то свѣтъ православія никогда не угаснетъ „въ матери церквей, въ Сіонѣ святомъ“. Многозначительныя пророческія слова!... Вотъ та *иная*, Высшая помощь, которая поддержитъ и рѣшитъ судьбы православія въ святой землѣ.

Священникъ Кл. Фоменко.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА ПАЛОМНИКА НА АФОНЪ ¹⁾.

(Продолженіе).

Руссикъ. 17 іюля. Воскресенье. Цѣлую ночь совершалось бдѣніе. Сявозъ сонъ доносилось до меня хорошее пѣніе русскихъ иноковъ, поющихъ въ церкви Покрова Богородицы и—однообразное, заунывное пѣніе иноковъ грековъ изъ соборной церкви св. Пантелеимона. Уже свѣтало, когда я проснулся; какъ разъ въ это время священникъ возгласилъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“. Вотъ гдѣ точное исполненіе устава! Здѣсь нѣтъ такихъ несоотвѣтствій содержанія извѣстной молитвы съ временемъ, какъ у насъ часто бываетъ... По окончаніи утрени я уснулъ, да еще глубокимъ утреннимъ сномъ, потому что ночью, собственно говоря, я не спалъ, а только мучился отъ сильнаго нервного возбужденія, вызваннаго доносившимся до меня пѣніемъ. Пѣніе вообще, и в частности церковное, всегда производитъ на меня сильное впечатлѣніе, но слышимое въ полусознательномъ состояніи, въ какомъ я находился въ эту ночь, возбуждаетъ просто до болѣзненности... Сильный стукъ въ двери разбудилъ меня. Сявозъ сонъ слышу что-то, но почему-то не могу подняться. Догадываюсь, что это, должно быть, о. Діонисій будить насъ. Но мнѣ представилось, что я въ какомъ-то другомъ монастырѣ и что сейчасъ нужно ѣхать далѣе по горѣ. Поэтому, я и отвѣтилъ: сейчасъ встаю, о. Діонисій. А мулы готовы? Но вдругъ очнулъ.

¹⁾ См. Труды Киев. дух. Акад., июль 1886 г.

ся и убѣдился, что я уже дома и потому избавленъ отъ труднаго путешествія на мулахъ по горѣ. Тотчасъ подбѣжалъ къ дверямъ и отодвинулъ задвижку. О. Діонисій вошелъ въ полномъ парадномъ монашескомъ одѣяніи: въ новомъ клобукѣ, въ черной чистенькой рясѣ, съ елейною физиономіей, но съ заспанными глазами.

„Что вы такъ долго и крѣпко спите? Я стучу, стучу, и не достучусь“, сказалъ онъ, но совершенно не съ тономъ укоризны.

—Такъ и слѣдуетъ, говорю я. Сказано—стучите и отворять. Вы постучали, я и отворилъ.

„Одѣвайтесь, скоро литургія начнется; бдѣніе ужъ давно кончилось“.

—А вы были, о. Діонисій, на бдѣніи?

„Былъ, хотя съ дороги страшно утружденъ былъ; но спалъ формальнымъ порядкомъ (обычное выраженіе о. Діонисія), прости Господи! Батюшка игуменъ два раза будилъ меня, говоря, чтобы я не вывалился изъ монашеской стойки и не храпѣлъ. Что же дѣлать? Немощи“...

Скоро я одѣлся и пошелъ въ церковь. Литургія только что началась. Служилъ о. игуменъ Макарій въ сослуженіи шести іеромонаховъ. Пѣли, кажется, нѣсколько лучше, чѣмъ въ первый разъ, хотя басы и теперь слишкомъ усердствовали въ ущербъ теноровой партіи, вслѣдствіе чего выходило слишкомъ криливо. Между прочимъ сегодня пѣли и концертъ неизвѣстнаго мнѣ композитора, но по всей вѣроятности мѣстнаго аеонскаго: „Тебе воплощеннаго Спаса Христа... во гласѣхъ пѣний величаемъ“. Этотъ концертъ вѣроятно рассчитанъ на эффектъ, но напрасно; на любителя истиннаго церковнаго пѣнія онъ не можетъ произвести никакого пріятнаго дѣйствія. Онъ можетъ произвести эффектъ только на любителя сильныхъ ощущеній, потому что партія басовая почти исключительно построена на верхнихъ нотахъ и верхнее *re* въ одномъ мѣстѣ тянется на цѣлыя пять тактовъ. Можетъ-быть этотъ концертъ, если бъ онъ пѣлся

съ маленькими голосами и притомъ вѣскольکو искусѣе, и произвелъ бы пріятное впечатлѣніе, но въ такомъ видѣ, въ какомъ я его сегодня слыхалъ, пусть не поется, или по крайней мѣрѣ—рѣдко...

Въ церкви было очень много богомольцевъ, пріѣхавшихъ на послѣднемъ пароходѣ. Ни въ одномъ монастырѣ не видалъ я столько богомольцевъ, какъ здѣсь. Но, Боже мой! какіе они измученные, оборванные! Пріѣзжаютъ изъ Россіи такими здоровыми, а здѣсь, соревнуя монахамъ въ подвигахъ, становятся блѣдными, измученными. Видѣлъ я также многихъ бравыхъ солдатъ; только теперь они ужъ вовсе не brave: лица ихъ, прежде свѣжія, здоровыя, теперь блѣды и болѣзненны. Они уже ходятъ въ монашескихъ полурыскахъ и, по благословенію о. Игумена, находятся на извѣстныхъ послушаніяхъ. Но что за усердіе къ молитвѣ, что за вѣра у этихъ простыхъ людей, просто удивительно! Изъ среды богомольцевъ обратили на себя мое вниманіе два пожилыхъ поклонника. Такого видимаго усердія къ молитвѣ, такого благоговѣнія, мнѣ кажется, не приходилось видѣть. Если бы я былъ художникомъ и думалъ изобразить картину искренно молящагося челоуѣка, то лучшей модели для такой картины не нашелъ бы. Съ самаго начала литургіи и до конца эти поклонники стояли на одномъ мѣстѣ: одинъ предъ иконою св. Пантелеимона-Цѣлителя, а другой—предъ иконою Божіей Матери. Оба они, вперивъ свои глаза на иконы, стояли какъ статуи, помавая иногда главами своими въ сознаніи своего грѣхознаго недостойнства.

По окончаніи литургіи мы были приглашены въ самый главный архондарикъ, гдѣ былъ о. Макарій со служившими іеромонахами и другіе почетные гости. О. Макарій вручилъ намъ по просфорѣ и поздравилъ съ благополучнымъ путешествіемъ. Мы съ своей стороны поблагодарили его за предоставленіе намъ удобствъ для благополучнаго путеше-

ствія. Затѣмъ, мы всѣ съ о. Макаріемъ пошли въ общую трапезу.

Послѣ обѣда, я, слѣдуя монашескому обычаю, заснулъ. Спалъ не долго; вышелъ на коридоръ; тихо; монахи еще не просыпались. Долго-долго прохаживался я по коридору, напоминая своимъ стукомъ въ такой гробовой тишинѣ какого-нибудь часового въ тюрьмѣ. Много-много тогда я кое-чего передумалъ; все мое десятидневное путешествіе по горѣ предстало какъ на ладони. Погрузившись въ думы, я и не замѣтилъ, что полуденное солнце слишкомъ жгло, такъ что, опомнившись, я очутился съ страшною головою болью. Пришелъ въ келью, затворилъ ставни и прилегъ. Черезъ часъ слышу, звонять въ вечернѣ. Монахи встаютъ и опять идутъ молиться. И такой круговоротъ, такое однообразіе во всю жизнь!... Неужели я былъ бы въ состояніи вынести все это?...

Русскѣ. 18 іюля. Понедѣльникъ. Сегодня и весь день проболѣлъ. Чувствую сильную боль въ головѣ, въ ногахъ, внутренней жаръ...

Вторникъ. 19 іюля. Чувствую себя сегодня гораздо лучше, чѣмъ вчера, благодаря морскому купанію, которымъ мы рѣшили пользоваться три раза на день: утромъ въ четыре часа, въ 10 часовъ и вечеромъ. Купаться прекрасно, въ особенности по утрамъ и вечерамъ. Удивляюсь, какъ монахи не пользуются такою благодатію, считая это невинное удовольствіе грѣхомъ. Сегодня мы купались вечеромъ довольно поздно—часовъ въ девять, чего не позволили бы себѣ въ другое время, такъ какъ ворота монастыря запираются обыкновенно довольно рано; но такъ какъ теперь было всеобщее бдѣніе по случаю завтрашняго праздника св. пророка Іаіи, то ворота оставались отпертыми цѣлую ночь. Чувствовали мы теперь себя очень хорошо. Солнце уже давно спряталось за Олимпъ; красные лучи его еле-еле догораютъ; становится темно. Мы уже выкупались и сидимъ на камнѣ, любуясь безпредѣльнымъ моремъ и неумолкае-

мымъ шумомъ его. Въ монастырѣ трезвонять, да такъ прекрасно, съ такимъ переборомъ колоколовъ, что невольно заслушиваешься. Звонить, какъ видно, мастеръ своего дѣла. Въ это время не вдали отъ насъ послышались какія-то завыванія,—не то кошачьи, не то собачьи, не то волчьи. Оказалось, что это были шакалы, пришедшіе такъ близко на звонъ колоколовъ. Вставши съ камня и намѣреваясь уже итти домой, такъ какъ уже порядочно стемнѣло, мы подлѣ креста находящагося не вдали отъ насъ на могилѣ, замѣтили что-то движущееся. Это былъ молящійся инокъ. Съ какимъ усердіемъ молился онъ! Припадетъ къ землѣ и мигнуть пять лежитъ, затѣмъ встанетъ и опять молится. Слышны всхлипыванія. О чемъ молится этотъ инокъ? Быть-можетъ у него тяжкій грѣхъ на душѣ... Кто знаетъ его настоящій внутренній міръ?

Пришедши въ монастырь, мы стояли на бдѣніи около четырехъ часовъ. Монахи не всѣ бдятъ; нѣкоторые преспокойно отдыхаютъ въ своихъ монашескихъ стойкахъ (стосидіяхъ). Эклисиархи часто обходятъ церковь со свѣчею и будятъ небдящихъ. Иногда самъ о. игумень совершаетъ обхождение и нарушаетъ сладкій покой отдыхающихъ. Во второмъ часу ночи я пришелъ въ келью и уснулъ, даже не раздѣваясь, такъ усталъ послѣ бдѣнія.

Среда. 20 іюля. Русскъ. Былъ на литургіи; богомольцевъ было гораздо меньше, чѣмъ въ воскресенье: многіе ушли на храмовой праздникъ въ Ильинскій скитъ.

Сегодня во время обѣда я увидѣлся съ своимъ старымъ знакомымъ Наумычемъ. Я сразу не узналъ его: на немъ была монашеская полурукава, поверхъ нея—поварскій фартухъ, на головѣ—монашескій кукуль. Онъ подавалъ намъ кушаніе.

„Здравствуй, Егорычъ!“ привѣтствовалъ онъ меня.

— Что это съ вами, Трофимъ Наумычъ? Не поступаете ли въ монахи?

„Теперь на монашенскомъ послушеніи. Хочу испытать, что это за жизнь монашеская; а то, что такъ жить,— нужно все переиспытать. Вотъ вчера-сь я и пошелъ къ батюшкѣ отцу Макарію и говорю ему: батюшка, благословите на какое-нибудь монашеское послушеніе; хочу-де испытать все: на всѣхъ послушаніяхъ буду, а потомъ и поѣду домой и буду уже знать, что это за жизнь монашеская. Батюшка Макарій засмѣялся, да и благословилъ меня сперва на это поварское послушаніе. Нужно, Егорычъ, все переиспытать“. Я замѣтилъ, что онъ какъ будто стыдится меня и другихъ объдающихъ, и потому когда говоритъ, то какъ будто защищается, хотя никто не нападаетъ на него. И дѣйствительно, ему чувствуется неловко: недавно былъ бариномъ, ему прислуживали, а теперь онъ другимъ прислуживаетъ. Я всячески оправдывалъ его поступокъ и даже похвалилъ за такое хорошее дѣло, какъ испытаніе монашеской жизни. Онъ, видимо, успокоился.

21 июля. Четвергъ. Въ эту ночь я былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ моихъ отворенныхъ окошекъ. На дворѣ былъ сильнѣйшій вѣтеръ. Я вышелъ на коридоръ. Страшно было ходить по висячему деревянному коридору, который такъ и трясся отъ сильного вѣтра. Деревья гнутся до долу; слышенъ стукъ отъ падающихъ бревенъ. Море разыгралось во всей своей стихійной силѣ; шумъ и плескъ волнъ о скалистые берега такъ явственно слышны, какъ бы я стоялъ при морѣ. А между тѣмъ на небѣ ни одного облачка: небо усѣяно ярко свѣтящимися звѣздами (что свидѣтельствуеетъ о прозрачности воздуха), какъ въ самую тихую ночь. Вообще меня удивляетъ здѣшняя погода. Около мѣсяца я здѣсь живу и во все это время не видѣлъ на небѣ ни малѣйшаго облачка; отъ утра до вечера солнце печетъ сильнѣйшимъ образомъ, не встрѣчая для себя на небѣ никакого препятствія; ночью же при совершенно безоблачномъ небѣ очень часто бывають страшныя бури.—Простоявъ нѣсколько минутъ на коридорѣ и намѣреваясь уже

итти обратно въ свою келью, я вдругъ былъ пораженъ страшными криками не вдали отъ меня: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй ми...! Ай, ой...“! Побѣжалъ я въ свой номеръ, заперъ двери и легъ, укрывшись одеяломъ, хотя до неимовѣрности душно было. Но я уже не могъ спать до утра; тѣмъ болѣе, что скоро послышался отчаянный звонъ колокольчика, пробуждающій монаховъ на утреню. Испугавшій же меня своимъ крикомъ былъ, какъ оказалось, нервно разстроенный старикъ-монахъ, которому уже перевалило за 90 лѣтъ...

Сегодня за обѣдомъ не было Трофима Наумыча. Мнѣ сказали, что онъ уже бросилъ это послушаніе. Скоро, думаю себѣ, испытываетъ онъ монашескія послушанія. Послѣ обѣда я прилегъ немного, потому что ночью мало спалъ. Только что задремалъ, слышу, кто-то стучить въ двери. Отворю, и предо мною предстаетъ Наумычъ; но онъ уже безъ риски, безъ фартуха, безъ кукуля... однимъ словомъ прежній Наумычъ, но только какой-то разбитый, разслабленный.

— Что это вы не въ монашескомъ одѣвніи? спрашиваю его.

„Что же дѣлать? Вотъ руки попухли, какъ колоды; только вѣдь день поработалъ, а что если бы мѣсяць, или годъ... Вѣдь оно какъ будто и хорошо на этомъ поварскомъ послушеніи на счетъ кушаніевъ и питія; но работы—страхъ сколько! Всякому, кто ни придетъ, подавай, да на столъ клади не одну тарелку, а тарелокъ шесть. Онъ-то все это загадить, а ты послѣ и мой. Ну, добро были бы какіе-нибудь благородные, какъ мы, примѣромъ, съ тобою; а то какой-нибудь паршивый гречонокъ: ты ему и подай, ты за нимъ и вымой... Кажется, оно легкая работа: подай, вымой, да и только. Такъ я сначала и думалъ; все такъ аккуратно вымывалъ посуду сперва въ горячей, а потомъ въ холодной водѣ. Грекъ-то поварь,—на что умный человекъ,—видитъ это мое усердіе, да и говоритъ: „э, братъ, Трофимъ! Не долго ты потянешь, ежели такъ поработаешь“.

Я не вѣрилъ ему; но пришлось скоро повѣрить. Поужинали мы вчера прекрасно. Пошелъ я спать. Слышу, что-то начинается похалывать въ пальцахъ, да каждый разъ все сильнѣе, да сильнѣе. Дали мнѣ регальнаго масла¹⁾: все мажу, да мажу; ужъ зазвонили на утреню, а я все мажу, да такъ и цѣлую ночь не спалъ. Гляжу утромъ—вся рука распухла. Вѣду я къ монастырскому доктору; онъ чѣмъ-то помазалъ, и вотъ теперь стало нѣсколько лучше. Ну его совсѣмъ съ монашенскимъ послушеніемъ! Что за нужда! Я вѣдь никогда не работалъ. У меня дома артель человѣкъ въ 50, а тутъ работай; будто и такъ я не имѣю права жить въ монастырѣ; вѣдь я сюда уже представилъ 25,000 пудовъ рыбы! Иду я сегодня послѣ литургіи къ батюшкѣ отцу Макарію, да и говорю ему: ну, батюшка, плюну я теперь въ глаза тому, кто скажетъ, что монахамъ живется легко. Всякому, кто захочетъ итти на Аѳонѣ посвящаться въ монахи, скажу: заворачивай и иди въ Сибирь; тамъ гораздо лучше, чѣмъ монахамъ на Аѳонѣ. Батюшка засмѣлся, да и говоритъ: „зачѣмъ тебѣ, Наумычъ, брать монашенское послушеніе? Жилъ бы себѣ, какъ живутъ другіе благородные“. Нѣтъ, говорю я, хочу испытать всѣ монашенскія послушенія. Вотъ какъ руки вылѣчу, то благословите, батюшка, на другое послушеніе, только полегче. Батюшка о. Макарій засмѣялся только и обѣщаль дать мнѣ другое послушеніе. Такъ вотъ, Егорычъ, что значитъ монашенское послушеніе!... Хотя мнѣ не нужда, а все-таки хочу испытать... Вотъ, Егорычъ, напиши-ка мнѣ письмо“!

Первое письмо я написалъ домой къ его женѣ. Въ этомъ письмѣ я писалъ отъ имени Трофима, что я живу на Аѳонѣ, молюсь Богу и тружусь, несу послушанія, которія очень трудны, и даже не по силамъ мнѣ.

¹⁾ Весьма гжучее масло, приготовляемое специально на Аѳонѣ изъ травъ, здѣсь растущихъ. Оно здѣсь считается цѣлительнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней—наружныхъ и внутреннихъ. Цѣнится слишкомъ дорого.

„Не нужно было этого писать, не нужно... Нужно было только поклониться всѣмъ“...

Насилу я убѣдилъ его, что это отнюдь не ровняетъ его достоинства, а напротивъ—возвышаетъ. Теперь я по крайней мѣрѣ узналъ, въ какомъ родѣ ему письмо нужно писать. Четыре письма, написанныя въ такомъ духѣ, вполне удовлетворили его.

Пятница. 22 июля. Руссикъ. Въ седьмомъ часу вечера я съ нѣкоторыми почтенными иноками гулялъ въ окрестностяхъ Руссика. Нечаянно пришли мы къ монастырской мельницѣ, находящейся на $\frac{1}{4}$ часа разстояніи отъ монастыря. Нечаянность эта доставила мнѣ большое удовольствіе, потому что мельница заслуживаетъ того, чтобы видѣть ее. Мельница—водяная; но воды въ этой мѣстности мало. Поэтому на возвышенности горы устроенъ большой бассейнъ, туда мало по малу изъ сосѣднихъ болѣе высокихъ скалъ собирается вода, приносимая маленькими ручейками. Въ одномъ направленіи внизъ устроены четыре мельницы, которыя всѣ за-разъ и приводятся въ движеніе одною и тою же водою изъ бассейна. Внутреннее устройство мельницъ—самое простое и цѣлесообразное. Эти мельницы строилъ простой монахъ, въ мірѣ бывший плотникомъ; а между тѣмъ, тутъ есть чему поучиться и самому ученому механику. Любуясь такими постройками, которыми, замѣчу, Руссикъ мало по малу обстраивается, я подумалъ: великое будущее предстоитъ Руссику! Многие греческіе монастыри отъ ветхости разрушаются, а онъ все болѣе и болѣе обстраивается...

А. Стадницкій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи

ЗА МѢСЯЦЪ МАЙ, 1886 ГОДА.

Въ теченіи мая мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи, музей и библиотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Православнаго Палестинскаго Общества— XXVI выпускъ „Странствованій Василя Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока“.

Б) Отъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества „Извѣстія“ сего Общества за мартъ 1886 года.

В) Отъ дѣйствительнаго члена, преосвященнаго Поликарпа, епископа уманскаго, второго викарія Кіевской епархіи, два фотографическіе снимка съ древней иконы св. Николая, находящейся въ кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ.

Г) Отъ дѣйствительнаго члена, генералъ-майора свиты Его Величества, графа Гр. Ал. Милорадовича брошюра: „Служба прес. Владычицъ нашей Богородицъ въ честь и память явленія чудотворныя иконы ея Любечскія“. С.-Петербургъ. 1885.

Д) Отъ дѣйствительнаго члена, д. с. с. А. В. Звенигородскаго *десять руб.* (10 р.) серебромъ на нужды Общества.

Е) Отъ членовъ изъ преподавателей Кіевской дух. Академіи *двадцать восемь руб.* (28 р.) серебромъ членскихъ взносов.

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена Н. П. Чернева: три серги изъ серебряной проволоки, съ подвѣсками и камнями

на подвѣскахъ, найденныя при выемкѣ земли въ м. Брова-рахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, и относимаго къ до-татарской эпохѣ.

З) Отъ дѣйствительнаго члена, житомирскаго полиціймейстера Т. І. Вержбицкаго: 1) израильскій новодѣльный сикль; 2) австрійскій талеръ Іосифа II, 1784 года; 3) „Ежемѣсячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ“ за іюль—декабрь 1762 г. и іюль—декабрь 1763 г.; 4) „Способъ, которымъ можно учить и обучаться словесныхъ наукъ“, Роллена, въ переводѣ Ив. Крюкова, часть 3, С.-Петербургъ, 1780 года.

И) Отъ священника кievской Златоустовской церкви Н. Гр. Успенскаго—служебникъ униатскій униевской печати 1740 г., въ листъ на 12+473 страницахъ, безъ выходнаго листа.

І) Отъ священника мѣстечка Ружина, Сквирскаго уѣзда Кievской губ., Василя Радецкаго: 1) мѣдный восьми-конечный крестъ—тѣльничъ съ изображеніемъ распатія и церковно-славянскими надписями, и 2) бронзовый медальонъ на коронацію Почаевской иконы Богоматери 8 сентября 1773 года, изданный въ Римѣ.

К) Отъ бывшаго учителя Кievской гимназіи А. А. Иванова составленная и изданная имъ брошюра: „О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и въ письмѣ“. Кievъ 1681.

Л) Отъ жены преподавателя третьей Кievской гимназіи и Кievскаго Института благородныхъ дѣвицъ Ульяны Феодоровны Юскевичъ-Красковской урожденной Мысловской—портретъ Кievскаго митрополита Филарета, писанный масляными красками, въ деревянной золоченой рамкѣ, доставшійся ей по наслѣдству отъ отца ея, покойнаго протоіерея кievской Георгіевской церкви Феодора Мысловскаго.

Секретарь Общества *Н. Петровъ*.

Предложеніе сіе принято единодушно собраніемъ Совѣта Академіи.

Постановлено: О единогласномъ избраніи въ званіе почетнаго члена Академіи Преосвященнаго Милхиседека епископа Романскаго, извѣстнаго учеными трудами въ области богословско-исторической науки и своими заслугами православной церкви въ Румыніи, записать въ протоколъ настоящаго засѣданія и, по силѣ уст. дух. акад. § 81 в. 3, представить установленнымъ порядкомъ въ Святѣйшій Синодъ.

XIII. Составленное членомъ Совѣта и Правленія, ординарнымъ профессоромъ Василиемъ Пѣвницкимъ *расписание лекцій на 188⁵/6 учебный годъ, при семъ прилагаемое.*

Постановлено: Такъ какъ расписание лекцій на 188⁵/6 учебный годъ составлено согласно съ требованіями 119 и 120 § устава дух. акад. и сообразно съ проектомъ учебнаго плана, записаннымъ въ 1-й статьѣ журнала Совѣта Академіи отъ 14 іюня 1885 года; то расписание сіе, по силѣ устава § 81 а. 2, утвердить и привести въ извѣстность между всеми преподавателями и студентами Академіи для руководства и точнаго исполненія.

На семъ журналѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ Кіевскимъ положена резолюція; „21 сент. 1885 г. Утверждается“.

1885 года 9 сентября.

Въ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея епископа Сильвестра, присутствовали инспекторъ и профессора Академіи ординарные и экстраординарные, кромѣ ординарныхъ профессоровъ

Протоколъ 2

Павла Мальшевскаго, состоящаго въ отпускѣ, и Петра Дивичкаго, отбывающаго обязанность присяжнаго засѣдателя въ Окружномъ Судѣ.

Слушали: II. Актъ произведеннаго комиссіею изъ четырехъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи 6 сентября 1885 года повѣрочнаго испытанія іеродіакона *Митрофана* (окончившаго курсъ ученія въ Воронежской духовной семинаріи въ 1883 году и состоявшаго при Россійской духовной Миссіи въ Японіи) въ видахъ поступленія въ число студентовъ I курса Кіевской духовной Академіи.

Постановлено: Іеродіакона Митрофана, окончившаго курсъ ученія въ Воронежской семинаріи съ званіемъ студента и нынѣ выдержавшаго удовлетворительно повѣрочное испытаніе, принять въ число студентовъ I курса Академіи.

III. Отношеніе ректора Кіевского Университета отъ 5 сентября за № 1449 на имя ректора Академіи: „Согласно ходатайству юридическаго факультета Университета Св. Владиміра, г. Попечитель Кіевского Учебнаго Округа, предложеніемъ отъ 31 августа 1885 года за № 7613, утвердилъ экстраординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи Петра *Лашкарева* въ званіи *приватъ-доцента* Университета Св. Владиміра по кафедрѣ церковнаго права. Сообщая объ этомъ, имѣю честь покорнѣйше просить распоряженія Вашего Преосвященства о высылкѣ въ Университетъ Св. Владиміра послужнаго списка г. Лашкарева“.

Постановлено: Объ утвержденіи г. Лашкарева въ званіи приватъ-доцента Университета записать въ послужной списокъ его и копію этого списка выслать въ Университетъ.

IV. Актъ повѣрочнаго испытанія, произведеннаго 4—7 сего сентября двумъ румынамъ, окончившимъ курсъ въ Ясской православной семинаріи и присланнымъ въ Академію для полученія высшаго богословскаго образованія, Теодору *Гинь* и Веспасіану *Ербичану*, которые, за незнаніемъ рус-

скаго языка, давали на румынскомъ языкѣ письменные отвѣты.

Постановлено: Румынскихъ уроженцевъ *Ө.* Гагу и *В.* Ербичана принять въ число студентовъ Академіи на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ ^{11 марта}_{5 апреля} 1869 года и о поступленіи ихъ въ академію сообщить г. Оберъ-Прокурору Св. Синода для зависящаго распоряженія объ отпускѣ имъ стипендій, которыя предназначены для нихъ, какъ видно изъ отношенія генеральнаго Русскаго Консула въ Яссахъ отъ 29 августа за № 586.

У. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „Въ 100 § новаго устава духовныхъ академій поименовано 11 наукъ, обязательно изучаемыхъ студентами, а изъ прочихъ предметовъ академическаго курса въ 101 § составлены двѣ параллельныя группы — филологическая и историческая, которыя предоставлены выбору студентовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ одного изъ двухъ классическихъ и одного изъ трехъ новыхъ языковъ. Вслѣдствіе сего и по примѣру прошлаго года предъ открытіемъ лекцій Канцелярією Академіи сданы были особые листы для собственноручной записи вновь принятыхъ въ I курсъ студентовъ въ одну изъ поименованныхъ группъ съ означеніемъ избираемаго для изученія вмѣстѣ съ нею одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

По группамъ наукъ студенты I курса распредѣлились такимъ образомъ:

На первой, или филологической, группѣ наукъ двадцать одинъ: Выхиревъ Николай, Глаголевъ Дмитрій, Глазуновъ Петръ, Запольскій Алексѣй, Козицкій Петръ, Краснитскій Юсафъ, Дипковскій Василій, Макавейскій Никола, Маслюкъ Георгій, Омельяновичъ Емельянъ, Пареевьевъ Андрей, Перстинскій Иванъ, Петрушевскій Михаилъ, Поповъ Николай, Смирновъ Петръ, Соколовъ Василій, Соколовъ Феодоръ, Тихвинскій Иванъ, Чемена Климентъ, Эземплярскій Василій и Янушевскій Иванъ.

На второй, или исторической, группѣ наукъ двадцать пять: Андриевскій Сергѣй, Благовраховъ Евгений, Веселиновичъ Стефанъ (сербъ), Гига Феодоръ (румынь), Горьковскій Василій, Гусевъ Александръ, Ербичанъ Веспасіанъ (румынь), Жемчуживъ Алексѣй, Ивановъ Николай, Ильинскій Феодоръ, Каливниковъ Василій, Колосовскій Петръ, Крыжановскій Проконій, Лукасевичъ Николай, Митрофанъ іеродіаковъ, Михайловскій Алексѣй, Никулицевъ Дмитрій, Позднѣевъ Дмитрій, Соколовъ Иванъ, Сохранскій Михаилъ, Сперанскій Михаилъ Стояковичъ Василій (сербъ), Тарнавичъ Ефремъ, Тарнавскій Иванъ и Троицкій Иванъ.

По классамъ древнихъ языковъ распредѣлились такъ: а) на *греческій языкъ* записались двадцать семь: Андриевскій Сергѣй, Горьковскій Василій, Жемчуживъ Алексѣй, Ивановъ Николай, Ильинскій Феодоръ, Каливниковъ Василій, Колосовскій Петръ, Краснитскій Іоасафъ, Крыжановскій Проконій, Липковскій Василій, Маслюкъ Георгій, Митрофанъ іеродіаковъ, Михайловскій Алексѣй, Никулицевъ Дмитрій, Омельяновичъ Емельянъ, Паренъевъ Андрей, Перстинскій Иванъ, Петрушевскій Михаилъ, Поповъ Николай, Смирновъ Петръ, Соколовъ Иванъ, Соколовъ Феодоръ, Тарнавичъ Ефремъ, Тарнавскій Иванъ, Тихвинскій Иванъ, Чемена Климентъ и Япушевскій Иванъ. б) На *латинскій языкъ* девятнадцать: Благовраховъ Евгений, Вяхиревъ Николай, Веселиновичъ Стефанъ (сербъ), Гига Феодоръ (румынь), Глаголевъ Дмитрій, Глазуновъ Петръ, Гусевъ Александръ, Ербичанъ Веспасіанъ (румынь), Запольскій Алексѣй, Козицкій Петръ, Лукасевичъ Николай, Маккавейскій Никола, Позднѣевъ Дмитрій, Соколовъ Василій, Сохранскій Тимоѳей, Сперанскій Михаилъ, Стояновичъ Василій (сербъ), Троицкій Иванъ и Экземплярскій Василій.

На классы *новыхъ языковъ* записались: 1) на *французскій языкъ* пятнадцать: Андриевскій Сергѣй, Глазуновъ Петръ, Горьковскій Василій, Гусевъ Александръ, Запольскій Алексѣй, Каливниковъ Василій, Лукасевичъ Николай, Маслюкъ

Георгій, Михайловскій Алексѣй, Пароеньевъ Андрей, Поповъ Николай, Соколовъ Θεодоръ, Сохранскій Тимоѣей, Троицкій Иванъ и Янушевскій Иванъ. 2) На *нѣмецкій языкъ* двадцать семь: Благодеровъ Евгеній, Выхиревъ Николай, Веселиновичъ Стефанъ (сербъ), Гига Θεодоръ (румынь), Глаголевъ Дмитрій, Ербичанъ Веспасіанъ (румынь), Жемчужинъ Алексѣй, Ильинскій Θεодоръ, Козицкій Петръ, Колосовскій Петръ, Крыжановскій Прокоѣй, Липковскій Василій, Никулищевъ Даматрій, Омельяновичъ Емельянъ, Перстинскій Иванъ, Петрушевскій Михаилъ, Позднѣевъ Дмитрій, Смирновъ Петръ, Соколовъ Василій, Соколовъ Иванъ, Сперанскій Михаилъ, Стояковичъ Василій (сербъ), Тарнавичъ Ефремъ, Тарнавскій Иванъ, Тихвинскій Иванъ, Чемева Климентъ и Эземплярскій Василій. 3) На *англійскій языкъ* четыре студента: Ивановъ Николай, Краснитскій Іоасафъ, Маккавейскій Николай и Митрофанъ іеродіаконъ.

Постановлено: Подписные листы приобщить къ дѣламъ, сдѣлавъ предварительно соотвѣтствующія имъ отмѣтки въ общемъ алфавитномъ спискѣ студентовъ 1 курса. За тѣмъ таковой списокъ отпечатать въ потребномъ количествѣ для г.г. преподавателей, для экзаменныхъ комиссій и для разныхъ надобностей Канцеляріи Академіи.

Резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Платона митрополита Кіевскаго слѣдующая „21 сент. 1885 г. Утверждается“.

1885 года 26 сентября.

Въ торжественномъ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Платона митрополита Кіевскаго и Галицкаго, присутствовали ректоръ Академіи, ординарные и экстраординарные профессеры, доценты и прочіе преподаватели ея.

На основаніи §1 уст. дух. акад. и во исполненіе XI ст. журнала Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 26 октября 1884 года состоялось въ 26-й день 1885 года торжественное собраніе Академіи, въ которомъ экстраординарный профессоръ Дроздовъ произнесъ рѣчь „о запросахъ современной жизни въ отношеніи къ богословской наукѣ“ и ординарный профессоръ Сольскій прочелъ извлеченіе изъ отчета о состояніи Академіи за 1884½ учебный годъ. Актъ сей почтили своимъ присутствіемъ многіе любители духовнаго просвѣщенія.

Постановлено: О состоявшемся въ установленномъ порядкѣ годичномъ актѣ Академіи записать въ протоколѣ Совѣта Академіи. Рѣчь и отчетъ напечатать для общаго свѣдѣнія въ академическомъ журналѣ; кромѣ того отчетъ представить, по силѣ §90 уст. дух. акад., въ Святѣйшій Синодъ.

На семь журналѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ Митрополитомъ Кіевскимъ положена резолюція „2 окт. 1885 г. Исполнить“.

1885 года 31 октября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея епископа Сильвестра, присутствовали инспекторъ и всѣ профессора ординарные и экстраординарные.

Слушали: I. Полученныя, за время отъ послѣдняго сентябрскаго собранія Совѣта до настоящаго засѣданія, распоряженія центрального управленія духовно-учебнаго вѣдомства касательно распредѣленія окончившихъ въ семь году курсъ наукъ въ Кіевской духовной Академіи:

А) Сданный Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ Кіевскимъ указъ Св. Синода отъ 18 сентября 1885 года за № 3241: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный г. исполняющимъ обязанности синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 23 мивувшаго августа за № 590, журналъ Учебнаго Комитета № 287, съ заключеніемъ Комитета, по представленію Вашего Преосвященства о послѣдовавшемъ со стороны Совѣта Кіевской духовной Академіи распределенія въкоторыя изъ окончившихъ въ текущемъ году курсъ воспитанниковъ означенной академіи на преподавательскія вакансіи въ семинаріяхъ и училищахъ Кіевского духовно-учебнаго округа. Приказали: Рассмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) окончившихъ въ текущемъ году курсъ ученія въ Кіевской духовной Академіи воспитанниковъ назначить на преподавательскія вакансіи въ семинаріяхъ и училищахъ Кіевского духовно-учебнаго округа: Мелетія *Немоловскаго* на должность преподавателя св. писанія въ Волынскую семинарію; Владиміра *Некленаева* въ ту же семинарію на должность преподавателя церковной исторіи; Григорія *Крыжановскаго* и Николая *Плахотина* въ ту же семинарію на двѣ вакансіи преподавателей словесности и исторіи русской литературы; Авксентія *Стадницкаго* на должность преподавателя греческаго языка въ Кишиневскую семинарію; Иларіона *Семейкина* въ ту же семинарію на должность преподавателя словесности и исторіи русской литературы; Михаила *Едлинскаго* на должность преподавателя церковной исторіи въ Кіевскую семинарію; Григорія *Сербинова* на должность преподавателя философскихъ наукъ въ Таврическую семинарію; Виктора *Лотоцкаго* на должность преподавателя церковной исторіи въ Тифлисскую семинарію; Василя *Блѣлева* въ ту же семинарію на должность преподавателя словесности и исторіи русской литературы; Валеріана *Остроюрскаго* на должность преподавателя св. писанія въ Чернигов-

окою семинарію; Герасима *Смоличева* въ ту же семинарію на должность преподавателя латинскаго языка; Михаила *Одноралова* на должность помощника инспектора въ донскую семинарію; Николая *Махатадзе* на должность помощника инспектора въ Тифлисскую семинарію; Іуліана *Компана* на должность помощника инспектора въ Черниговскую семинарію; Александра *Италиискаго* на должность учителя арифметики и географіи въ Горійское дух. училище; Константина *Теодоровскаго* на должность учителя русскаго и церковно-славянскаго языка въ Единецкое училище; Ивана *Балевича* на должность учителя русскаго и церковно-славянскаго языка въ Житомирское училище; Андрея *Деллесакаго* на должность учителя греческаго языка въ параллельныхъ классахъ Кишиневскаго училища; Николая *Будзиловича* въ то же училище на должность учителя арифметики и географіи въ параллельныхъ классахъ; Михаила *Смирнова* и Иннокентія *Бобровницкаго* на двѣ вакантныя должности учителей русскаго языка въ томъ же Кишиневскомъ училищѣ, изъ нихъ Смирновъ въ штатные классы, а Бобровницкаго въ параллельные; Николая *Сорокольтова* на должность учителя русскаго языка въ Клеванское училище; Анавію *Леккарскаго* на ту же должность въ Кременецкое училище; Виктора *Якубовича* на ту же должность въ Кутанское училище въ параллельные классы; Павла *Викумъ* на должность учителя арифметики и географіи въ Миягѣльское училище; Ксенофонта *Вѣлинскаго* на должность учителя русскаго языка въ Мѣлѣцкое училище; Антона *Тимощева* на должность учителя того же предмета въ Одесское училище; Антоша *Зеленецкаго* на должность учителя арифметики и географіи въ Тульчинское училище; Іустина *Городецкаго* на должность учителя русскаго языка въ Усть-медвѣдцкое училище; Николая *Славина* на должность учителя того же предмета въ Черниговское училище; Валеріана *Костецкаго* на должность учителя русскаго языка въ Горійскомъ духовномъ училищѣ; рекомендуемаго же Совѣтомъ академіи на должность втораго учителя русскаго языка въ томъ же училищѣ кандидата Давра Пине-

вича, въ виду послѣдовавшаго со стороны преосвященнаго экзарха Грузіи распоряженія о предоставленіи означенной вакансіи бывшему преподавателю Подольской семинаріи Владиміру Лакербау, оставить временно безъ назначенія; на вакансію преподавателя греческаго языка въ Курской семинаріи перемѣстить преподавателя того же предмета въ Новочеркасскомъ духовномъ училищѣ Аѳанасьева, вслѣдствіе просьбы его и въ виду одобрительнаго о служебной дѣятельности его отзыва бывшаго члена-ревизора Учебнаго Комитета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Керскаго, а учителемъ греческаго языка въ Новочеркасскомъ училищѣ назначить рекомендуемаго Совѣтомъ Академіи на должность преподавателя Курской семинаріи кандидата Аѳанасія Булгакова. 2) Распоряженіе по приведенію сего въ исполненіе предоставить г. исполняющему обязанности синодальнаго Оберъ-прокурора. 3) Поручить Хозяйственному при Святѣйшемъ Синодѣ Управленію сдѣлать распоряженіе о выдачѣ назначеннымъ настоящимъ опредѣленіемъ на духовно-учебную службу въ семинаріяхъ и училищахъ лицамъ изъ подлежащаго источника прогонныхъ и другихъ, слѣдующихъ по положенію, денегъ; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, Вашему Преосвященству, а равно и Преосвященнымъ епархій, въ учебныя заведенія коихъ назначены на службу кандидаты Кіевской духовной Академіи, дать звать указами, въ Канцелярію же Оберъ прокурора Святѣйшаго Синода, Хозяйственное Управленіе и Учебный Комитетъ передать выписки изъ сего опредѣленія“.

На семь указѣ Его Высокопреосвященствомъ положена такая резолюція: „27-го сент. 1885 г. Предлагаю Совѣту Кіевской духовной Академіи сдѣлать надлежащее распоряженіе касательно поименованныхъ въ настоящемъ указѣ воспитанниковъ Академіи, исключая Валеріана Костецкаго и Лавра Пиневича, такъ какъ я прошу Святѣйшій Синодъ перваго изъ этихъ воспитанниковъ опредѣлить учителемъ русскаго языка въ Кіево-Подольскомъ духовномъ училищѣ, а послѣдняго

назначить учителемъ этого языка въ Горійскомъ училищѣ на Кавказѣ, въ которое онъ предназначенъ былъ Совѣтомъ Кіевской духовной Академіи“.

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ 22 октября, для надлежащаго распоряженія, отношеніе Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 17 октября за № 4844: „Кандидатъ Кіевской духовной Академіи Валеріанъ *Костецкій*, назначенный по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ ^{23 августа}_{18 сентября} 1885 г. на учительскую должность по русскому и церковно-славянскому языку въ Горійское духовное училище, освобожденъ, 10 текущаго октября, отъ даннаго ему Святѣйшимъ Синодомъ назначенія на службу въ означенное Горійское училище, и затѣмъ, согласно ходатайству Вашего Высокопреосвященства, опредѣленъ мною того же числа на такую должность въ Кіево-Подольское духовное училище, о чемъ вмѣстѣ съ симъ и сообщено мною Преосвященному епарху Грузин. Долгомъ поставляю увѣдомить о семъ Ваше Высокопреосвященство для зависящихъ, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженій“.

в) Отношенія Канцеляріи Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода: а) отъ 16 сентября за № 4173 о томъ, что по утвержденному г. исправляющимъ должность синодальнаго Оберъ-прокурора, 5 текущаго сентября, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Кіевской духовной Академіи Иванъ *Стрѣльбицкій* опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Одесскую духовную семинарію“.

б) Отъ 21 сентября за № 4257 о томъ, что по утвержденному г. исправляющимъ должность Оберъ-прокурора Св. Синода, 12 текущаго сентября, докладу Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ кандидатъ Кіевской духовной Академіи Николай *Шпаковский* опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Таврическую духовную семинарію“.

в) Отъ 7 октября за № 4616 о томъ, что по утвержденному г. Оберъ-прокуроромъ Св. Синода, 26 минувшаго сентября, докладу Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, канди-

даты Кіевской духовной Академіи Петръ *Боголюбовъ*, Лавръ *Пиневичъ* и Василій *Стопневичъ* опредѣлены на учительскія должности въ духовныя училища: первый въ Камышинское и второй въ Обоянское по русскому и церковно-славянскому языку, а послѣдній въ Воронежское по латинскому языку*.

г) Отъ 19 октября за № 4924 о томъ, что, по утвержденному г. синодальнымъ Оберъ-прокуроромъ кандидатъ Кіевской духовной Академіи Иванъ *Гончаревскій* опредѣленъ на должность учителя по арифметикѣ и географіи въ Купянское духовное училище.

Справка: О состоявшемся назначеніи вышепоименованныхъ кандидатовъ на духовно-учебную службу дано знать имъ повѣстками Совѣта Академіи отъ 24 и 30 сентября за №№ 768, 794—825, отъ 15, 26 и 28 октября за №№ 871—873, 923 и 929.

Постановлено: Указъ Св. Синода, отношеніе Оберъ-прокурора Св. Синода и увѣдомленія Канцеляріи его, за сдѣланнымъ распоряженіемъ по нимъ, приобщить къ дѣлу объ опредѣленіи кандидатовъ послѣдняго выпуска Академіи на службу.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ 22 октября для надлежащаго распоряженія указъ Святѣйшаго Синода отъ 16 октября за № 3618 *объ утвержденіи въ званіи почетнаго члена* Кіевской духовной Академіи единогласно избраннаго въ это званіе академическимъ Совѣтомъ Преосвященнаго *Мелхиседека* епископа Романскаго въ Королевствѣ Румынскомъ.

Постановлено: Изготовить и выслать Преосвященному Мелхиседеку дипломъ на званіе почетнаго члена Академіи.

III. Указъ Св. Синода отъ 16 октября за № 3594 ректору Кіевской Академіи Преосвященному Сильвестру епископу Каневскому, третьему викарію Кіевской епархіи о томъ, что Высочайше утвержденъ въ 12-й день сего октября

всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о битіи Преосвященному *Сильвестру первому викарію* Кіевской епархіи, а управляющему Кіево-Златоверхо-Михайловскимъ монастыремъ архимандриту *Иерониму* епископомъ чигиривскимъ, *третьимъ викарію* той же епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ г. Кіевъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и внести въ послужной списокъ Преосвященнаго Сильвестра о переименованіи его въ перваго викарія Кіевской епархіи.

IV. а) Увѣдомленіе Правленія Кіевской духовной Семинаріи отъ 27 сентября за № 920 о томъ, что указомъ Св. Синода, отъ 19 сентября сего года за № 3267, на вакантную должность помощника смотрителя въ Кіево-Софійскомъ духовномъ училищѣ, согласно ходатайству Его Высокопреосвященства, назначенъ помощникъ инспектора Кіевской духовной Академіи кандидатъ богословія *Александръ Розовъ*.

б) Представленіе ректора Академіи Его Высокопреосвященству митрополиту Кіевскому отъ 28 сентября за № 789 объ увольненіи Александра Розова отъ должности помощника инспектора Академіи и объ опредѣленіи на эту должность доцента Академіи *Арсенія Царевскаго* съ 1-го октября. На сѣмъ представленіи Его Высокопреосвященствомъ положена резолюція: „28 сентября 1885 г. Согласенъ“.

Справка: Правленіемъ Академіи съ 1 октября прекращено производство жалованья Александру Розову по должности помощника инспектора Академіи, о чемъ сообщено Правленію Кіево-Софійскаго дух. училища и сдѣлано потребное распоряженіе о выдачѣ жалованья Арсенію Царевскому.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію и записать служебныя перемѣны по принадлежности въ формулярныя

списки г. Розова и Царевского; сообщить копию послужнаго списка Розова Правленію Кіево-Софійскаго дух. училища.

V. Увѣдомленіе ректора Кіевскаго Университета отъ 24 сентября за № 1567 о томъ, что экстраординарный профессоръ Академіи Василій *Малининъ* утвержденъ *приватъ-доцентомъ* Университета Св. Владимира по кафедрѣ русскаго языка и словесности предложеніемъ г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа 12 апрѣля 1885 г. за № 3524, а доцентъ Стеф. *Голубевъ* утвержденъ въ томъ же званіи по кафедрѣ исторіи церкви предложеніемъ г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа отъ 5-го марта 1885 г. за № 2203, съ содержаніемъ послѣднему по 1200 руб. въ годъ.

Постановлено: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Внесенную ректоромъ Академіи въ Совѣтъ ея *вѣдомость о пропуценныхъ* преподавателями ея по разнымъ причинамъ *лекціяхъ въ сентябрь* 1885 года. Изъ этой вѣдомости видно, что опущены лекціи:

а) *по болѣзни:*

1) по общей церковной исторіи экстраорд. профессоромъ Ковальницкимъ 2 л.л. (12 и 13 ч.ч.);

2) по русской гражданской исторіи доцентомъ Завитневичемъ 4 л.л. (16, 23, 28, 30 ч.ч.);

3) по логикѣ и метафизикѣ испр. д. доцента Ефремовымъ 4 л.л. (23, 25, 28 и 30 ч.ч.);

4) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ ординар. профессоромъ Петровымъ 2 л.л. (28 и 30 ч.ч.);

5) по французскому языку лекторомъ Штрогоферомъ 4 л.л. (9 и 27 ч.ч.);

б) *по домашнимъ обстоятельствамъ:*

6) по еврейскому языку и библейской археологіи ординарнымъ профес. Олесницкимъ 1 л. (9 ч.);

в) по нахожденію въ отпускъ:

7) по литургіи доцентомъ Дмитріевскимъ 1 л. (7 ч.)

8) по исторіи русской церкви ординар. профес. Малышевскимъ 4 л.л. (7, 9, 10, 13 ч.ч.);

9) по исторіи и обличенію русскаго раскола доцентомъ Голубевымъ 10 л.л. (9, 11, 13, 16, 18, 20, 23, 25, 27 и 30 ч.ч.);

г) по вызову въ *Окружной Судъ* въ качествѣ присяжнаго за-сѣдателя:

10) по исторіи философіи ординар. профес. Дивичкимъ 8 л.л. (4, 6, 11 и 13 ч.ч.);

д) по вызову въ *Судебную Палату*:

11) по исторіи философіи ординар. профес. Дивичкимъ 1 л. (25 ч.);

12) по церковному праву экстраорд. профессоромъ Лашкаревымъ 1 л. (25 ч.);

Постановлено: Записать въ протоколъ настоящаго за-сѣданія для напечатанія въ академическомъ журналѣ по силѣ VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинар-ныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

Х. Довесенія комиссій, по назначенію Совѣта Ака-деміи производившихъ въ августъ 1885 года повѣрочныя испытанія, о *сравнительномъ достоинствѣ ответовъ воспитан-никовъ разныхъ семинарій* по предметамъ сихъ испытаній:

А) Комиссіи, производившей экзаменъ семинарскимъ воспитанникамъ по *догматическому богословію*.

„Комиссія, производившая пріемный экзаменъ семи-нарскимъ воспитанникамъ по догматическому богословію долгъ имѣть представить Совѣту Академіи о результатахъ испытанія слѣдующій отзывъ:

1) Въ отвѣтахъ экзаменовавшихся Коммиссія видѣла доброе знаніе православно-догматическихъ истинъ.

2) Въ разсужденіи текстовъ свящ. писанія, приводимыхъ въ подтвержденіе этихъ истинъ, Коммиссія желала бы видѣть болѣе буквальной точности, болѣе умѣнья находить въ текстѣ доказательный пунктъ, а въ иныхъ случаяхъ и знанія подлиннаго греческаго выраженія.

3) Но всего меньше въ отвѣтахъ экзаменующихся Коммиссія усмотрѣла знакомства съ вѣроисповѣдными разностями, встрѣчаясь съ такими случаями, когда отвѣчающій не могъ указать, на чемъ католики основываютъ, напр., ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, и какъ бы они могли быть опровергнуты. Что же касается протестантскихъ разностей, то тутъ иногда смѣшивались самыя крупныя пункты догматики лютеранъ и реформатовъ.

4) Лучшіе отвѣты даны воспитанниками, присланными на казенный счетъ“.

Б) Экзаменаціонной Коммиссіи *по древней церковной исторіи*:

„По древней церковной исторіи экзаменовавшіеся воспитанники духовныхъ семинарій болѣею частью давали отвѣты болѣе или менѣе удовлетворительные. По достоинству отвѣтовъ, въ среднемъ выводѣ балловъ, семинарскіе воспитанники могутъ быть расположены въ слѣдующемъ, нисходящемъ отъ высшихъ балловъ къ низшимъ, порядкѣ: черниговской семинаріи, курской, екатеринославской, тамбовской, воронежской, подольской, псковской, тульской, одесской, кишиневской, кievской, рязанской, харьковской, орловской, волынской, полтавской, владимірской, тверской, калужской, таврической и смоленской. (Положительно неудовлетворительными были отвѣты двухъ волонтеровъ, одного изъ владимірской и другаго изъ кievской семинаріи. Кроме того, отвѣты 13 ти воспитанниковъ изъ семинарій воронежской, кievской, одесской, орловской, полтавской, смоленской, таврической, тверской и калужской имѣли низшій удовлетво-

рительный баллъ). Важнѣйшіе недостатки отвѣтовъ состояли въ незнаніи нѣкоторыхъ церковно-историческихъ фактовъ, хронологическихъ и географическихъ данныхъ и въ неточности выраженій. Недостаточно основательное знаніе содержания текстовъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ первенствующей христіанской церкви, замѣчено у нѣкоторыхъ воспитанниковъ семинарій калужской, кievской, подольской, тверской и тульской. Одинъ волонтеръ изъ кievской семинаріи ничего не могъ сказать о Юліанѣ отступникѣ, а воспитанникъ псковской семинаріи не имѣлъ понятія о „Библиотека“ константинопольскаго патріарха Фотія. Болѣе рѣзкія ошибки противъ хронологіи и географіи допущены были нѣкоторыми воспитанниками семинарій владимірской, воронежской, калужской, кievской, смоленской и одесской. Такъ, напр., воспитанникъ калужской семинаріи относилъ жизнь и дѣятельность св. Іустина философа къ IV, а Ефрема Сирина къ III вѣку; воспитанникъ смоленской семинаріи относилъ время жизни св. Иринея Лионскаго къ IV вѣку, а городъ Лионъ полагалъ въ малой Азіи. Особенно же грубую ошибку допустилъ волонтеръ изъ воспитанниковъ владимірской семинаріи, относившій время жизни Константина Великаго къ XII, а Юліана отступника къ XI вѣкамъ. Неточность выраженій, доходившая иногда до искаженія самыхъ выражаемыхъ понятій, преимущественно замѣчена у одного воспитанника подольской, одного таврической и двухъ воспитанниковъ тверской семинарій“.

В) Испытательной Комиссіи по логикѣ:

„Комиссія, производившая экзаменъ по логикѣ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, имѣетъ честь донести Совѣту Академіи, что всѣхъ воспитанниковъ, подвергавшихся испытанію по логикѣ, было числомъ 61. Изъ нихъ 20 воспитанниковъ получили баллы отъ $4\frac{1}{2}$ до 4, 17-ть воспитанниковъ получили баллъ $3\frac{1}{2}$, 14 воспитанниковъ 3, 3 воспитанника— $2\frac{1}{2}$ и 7 воспитанниковъ—2. Находя такой резуль-

ГЛАВА XXIII.

Противъ мнѣнія тѣхъ, по словамъ которыхъ наказанія ни для діавола, ни для людей злыхъ не будутъ вѣчны.

Прежде всего надобно рѣшить, почему церковь отвергла разглагольствія людей, обѣщающихъ очищеніе или помилованіе діаволу, хотя бы и послѣ великихъ и самыхъ продолжительныхъ мученій. Столь многіе святые и свѣдущіе въ ветхихъ и новыхъ священныхъ книгахъ мужи ни мало не завидовали тому, что тѣ или иные, сколько бы ихъ ни было, ангелы послѣ такихъ или иныхъ, какъ бы они ни были велики или малы; наказаній, получаютъ очищеніе и блаженство въ небесномъ царствѣ. Но они видѣли, что не можетъ быть пустымъ и безсильнымъ божественный приговоръ, который Господь, какъ самъ Онъ предсказалъ, произнесетъ на судѣ: *Идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мф. XXV, 41),—приговоръ, показывающій, что діаволъ и ангелы его будутъ горѣть въ вѣчномъ огнѣ. Видѣли также, что не можетъ быть безсильнымъ и написанное въ Апобалиписисѣ: *И діаволъ лстай ихъ вверженъ будетъ въ езеро огненно и жупелно, идѣже зѣръ и лживый пророкъ: и мучени будутъ день и ночь во вѣки вѣковъ* (XX, 10). Тамъ сказано—*вѣчный*, здѣсь—*во вѣки вѣковъ*: выраженія эти на языкѣ священнаго писанія означаютъ обыкновенно только время, не имѣющее конца. По этому въ объясненіе, почему истиннѣйшее благочестіе считаетъ твердымъ и непреложнымъ, что діаволъ и его ангелы не будутъ участниками праведности и жизни святыхъ, не можетъ быть указано иной болѣе правильной и очевидной причины, кромѣ словъ писанія, никого не обманывающаго, что Богъ не пощадилъ (2 Петр. II, 4) и присудилъ ихъ, держать пока связанными въ темницахъ подземнаго мрака и наказать на послѣднемъ

судѣ, когда ихъ приметъ вѣчный огонь, въ которомъ они будутъ мучиться во вѣки вѣковъ. А если такъ, то какимъ образомъ можно думать, что отъ вѣчности этого мученія, послѣ такого или иного времени, освободятся люди всѣ ли то, или же нѣкоторые, не ослабляя тѣмъ вѣрованія, что наказаніе демоновъ будетъ вѣчно? Если тѣ, которымъ сказано будетъ: *Идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его*, всѣ ли то или же только нѣкоторые будутъ въ этомъ огнѣ не вѣчно: то почему же думать, что вѣчно будутъ въ немъ діаволъ и его ангелы? Развѣ приговоръ Божій, который произнесенъ будетъ одинаково для злыхъ ангеловъ и людей, по отношенію къ ангеламъ будетъ истиннымъ, а по отношенію къ людямъ ложнымъ? Такъ конечно было бы, если бы силу имѣло не то, что сказалъ Богъ, а то, что измышляютъ люди. Но такъ какъ этого быть не можетъ, то, пока есть время, желающіе избѣжать вѣчнаго наказанія должны не аргументировать противъ Бога, а повиноваться божественному ученію. Затѣмъ, какое основаніе вѣчное мученіе понимать какъ огонь продолжительнаго времени, а вѣчную жизнь—какъ жизнь безъ конца, когда Христосъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одномъ и томъ же приговорѣ, о томъ и другомъ сказалъ: *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мѡ. XXV, 46)? Если и то и другое вѣчны, очевидно то и другое нужно понимать или какъ продолжительное, но конечное, или же какъ постоянное и безконечное. То и другое относится между собою, какъ равныя; поэтому какъ мученіе, такъ и жизнь вѣчны. Но говорить: „Вѣчная жизнь будетъ безъ конца, а наказаніе вѣчное будетъ имѣть конецъ“—совершенная нелѣпость. Отсюда, такъ какъ вѣчная жизнь святыхъ будетъ безъ конца, то для тѣхъ, для кого назначено будетъ вѣчное наказаніе, наказаніе это безъ всякаго сомнѣнія также не будетъ имѣть конца.

ГЛАВА XXIV.

Противъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что на судъ Богъ пощадитъ всѣхъ виновныхъ ради молитвъ святыхъ.

Этотъ доводъ имѣетъ силу и противъ тѣхъ, которые, защищая самихъ себя, осмѣливаются итти противъ словъ Божіихъ, какъ бы движимые большимъ милосердіемъ,—т. е. представляютъ дѣло такъ, что если Богъ говоритъ, что люди будутъ страдать, то слова эти истинны въ томъ смыслѣ, что люди заслуживаютъ страданія, а не въ томъ, что они будутъ страдать (дѣйствительно). Ибо, говорятъ, Богъ помиуетъ ихъ по молитвамъ святыхъ Своихъ, которые тогда тѣмъ болѣе будутъ молиться за враговъ своихъ, чѣмъ болѣе будутъ святыми, и молитва ихъ, когда они не будутъ уже имѣть никакого грѣха, будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе и достойнѣе вниманія Божія. Почему же при этой совершеннѣйшей святости я будучи въ состояніи своими чистѣйшими и милосерднѣйшими молитвами все вымолить, святые не будутъ молиться и за ангеловъ, для которыхъ приготовленъ вѣчный огонь, дабы Богъ смягчилъ и для нихъ приговоръ Свой, сдѣлалъ ихъ лучше и освободилъ отъ этого огня? Или можетъ быть отыщется кто-нибудь такой, кто и это сочтетъ возможнымъ, утверждая, что и ангелы святые вмѣстѣ съ святыми людьми, которые тогда будутъ равны ангеламъ Божіимъ, станутъ молиться за заслужившихъ наказаніе ангеловъ и людей, чтобы и они освобождены были по милосердію отъ того, чего они дѣйствительно заслужили? Но такъ никто изъ правовѣрующихъ не говорилъ и не скажетъ. Иначе нѣтъ причины, почему церковь, которой Учитель Богъ заповѣдалъ молиться за своихъ враговъ, не молится за діавола и его ангеловъ. По той же самой причинѣ, по какой церковь нынѣ не молится за злыхъ ангеловъ, которыхъ она

знаеть за враговъ своихъ, она и на страшномъ судѣ, хотя будетъ тогда совершенною по святости, не будетъ молиться за людей осужденныхъ на муку въ вѣчномъ огнѣ. Въ настоящее время она молится за тѣхъ, которыхъ въ человѣческомъ родѣ считаетъ за своихъ враговъ, потому собственно, что настоящее время—время плодотворнаго покаянія. Ибо о чемъ по преимуществу молить она для нихъ, если не о томъ, чтобы Богъ далъ имъ, какъ говоритъ Апостолъ. *покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ диавольскія стги, живи уловени отъ него, въ свою его волю* (2 Тим. II, 25. 26)? Вѣдь если бы о нѣкоторыхъ она съ точностію знала, что они хотя находятся еще и въ настоящей жизни, но уже предопредѣлены идти въ вѣчный огонь съ диаволомъ; то также не стала бы молиться за нихъ, какъ и за самого діавола. Но такъ какъ она съ этой стороны ни о комъ не увѣрена, то молится за всѣхъ, находящихся въ тѣлѣ, враждебныхъ ей людямъ: только не за всѣхъ бываютъ услышаны ея молитвы. Молитвы ея принимаются за тѣхъ только, которые, хотя и противятся церкви, однако предопредѣлены въ тому, чтобы молитвы церкви о нихъ были услышаны и чтобы они сдѣлались сынами церкви. Если же нѣкоторые до самой смерти своей сохраняютъ нераскаянное сердце и изъ враговъ не дѣлаются сынами: развѣ церковь за нихъ, т. е. за души такихъ умершихъ, молится? Почему это, какъ не потому, что тотъ считается уже на сторонѣ діавола, кто, пока находился въ тѣлѣ, не перешелъ на сторону Христа?

Итакъ причина, почему тогда церковь не будетъ молиться за людей, заслужившихъ наказаніе вѣчнымъ огнемъ, та же самая, почему она теперь не молится и тогда не будетъ молиться и за злыхъ ангеловъ; по этой же причинѣ, молясь за людей, она уже и въ настоящее время не молится за умершихъ невѣрныхъ и нечестивыхъ. Молитва самой церкви, или же такихъ либо иныхъ благочестивыхъ

людей за нѣкоторыхъ умершихъ услышана бываетъ; но лишь за тѣхъ возрожденныхъ во Христвъ, жизнь которыхъ въ тѣлѣ была проведена не настолькоъ дурно, чтобы считать ихъ незаслуживающими подобнаго милосердія, и не настолькоъ хорошо, чтобы это милосердіе было для нихъ уже не нужно. Точно также и когда наступитъ воскресеніе мертвыхъ, будетъ не мало такихъ, которымъ послѣ мученій, испытанныхъ душами умершихъ, оказано будетъ милосердіе, такъ что они не будутъ посланы въ вѣчный огонь. Ибо не было бы и сказано о нѣкоторыхъ, что имъ не отпустится ни въ семь, ни въ будущемъ вѣкѣ (Мѣ. XII, 32), если бы не было такихъ, которымъ хотя въ настоящемъ вѣкѣ не отпущено, однако отпущено будетъ въ будущемъ. Но такъ какъ Судія живыхъ и мертвыхъ скажетъ: *Прійдите, благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*, а другимъ напротивъ: *Идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его, и—идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мѣ. XXV, 34. 41. 46): то было бы крайнею дерзостію отрицать вѣчное наказаніе для кого-либо изъ тѣхъ, о которыхъ Богъ сказалъ, что они пойдутъ въ вѣчную муку, чтобы путемъ такого дерзкаго убѣжденія привести къ отчаянію или сомнѣнію и въ самой вѣчной жизни.

Такимъ образомъ на основаніи словъ псалма: *Еда забудетъ ущедрити Богъ, или удержитъ во гнѣвъ Своимъ щедроты Своя?* никто не долженъ думать, будто приговоръ Божій о добродѣтельныхъ людяхъ—приговоръ истинный, а о злыхъ—ложный, или же о добродѣтельныхъ людяхъ и злыхъ ангелахъ—истинный, а о людяхъ злыхъ—ложный. Ибо эти слова псалма относятся къ сосудамъ милосердія и къ сынамъ обѣтованія, однимъ изъ числа какихъ былъ и самъ пророкъ который, сказавши: *Еда забудетъ ущедрити Богъ, или*

удержитъ во гнѣвъ Своємъ щедроты Своя, вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: *И рѣхъ: нынѣ начахъ, сія измѣна десницы Вышняго* (стих. 11). Эти слова служатъ объясненіемъ связаннаго имъ: *Еда удержитъ (Богъ) во гнѣвъ Своємъ щедроты Своя?* Гнѣвъ Божій—это самая смертная жизнь, гдѣ человекъ уподобился суетѣ и дни его проходятъ какъ тѣнь (Пс. СХІІІ, 4). Однако въ этомъ гнѣвѣ Богъ не забываетъ быть и милостивымъ, повелѣвая Своему солнцу свѣтити на добрыхъ и злыхъ и посылая дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Мф. V, 45), и такимъ образомъ въ гнѣвѣ Своємъ не удерживая щедротъ Своихъ. Въ особенности же (милость Божія видна) въ томъ, что выражаетъ псаломъ въ словахъ: *Нынѣ начахъ, сія измѣна десницы Вышняго*; такъ какъ Богъ уже въ самой этой злополучнѣйшей жизни, которая есть гнѣвъ Его, переменяетъ судьбу сосудовъ милосердія на лучшее, хотя гнѣвъ Его на ихъ настоящемъ поврежденномъ состояніи остается, потому что щедроты Своя Онъ не удерживаетъ въ гнѣвѣ Своємъ. Отсюда такъ какъ истина этой божественной истинѣ имѣетъ полное приложеніе къ настоящей жизни, то нѣтъ необходимости понимать ее въ приложеніи къ тому времени, когда непринадлежащія къ Граду Божію будутъ подвергнуты вѣчному наказанію. Но тѣ, которымъ хотѣлось бы это изреченіе относить къ будущимъ мѣстамъ нечестивыхъ пусть понимаютъ его такъ, по крайней мѣрѣ, что Богъ въ Своємъ гнѣвѣ, который откроется въ вѣчномъ наказаніи, не лишитъ (нечестивыхъ) Своихъ щедротъ, и сдѣластъ ихъ мученія не такими суровыми, какихъ они достойны,—пусть понимаютъ не такъ, что мученія эти или совсѣмъ не будутъ, или же вѣзгода преобразятся, а такъ, что они будутъ мягче или легче въ сравненіи съ заслуженнымъ. Въ такомъ случаѣ Богъ и въ гнѣвѣ Своємъ останется, и въ этомъ гнѣвѣ Своємъ не удержитъ щедротъ Своихъ.—Этого мнѣнія, однако, если я не отвергаю, то и не утверждаю.

Впрочемъ тѣ, по мнѣнію которыхъ слова: *Идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный* (Мѡ. XXV, 41), и *Идутъ сіи въ муку вѣчную* (Мѡ. XXV, 46), *Мучени будутъ во вѣки вѣковъ* (Апокал. XX, 10), и *Червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ* (Исаі. LXVI, 24), и другіи подобнаго рода, сказаны скорѣе въ смыслѣ угрозы, чѣмъ дѣйствительнаго приговора,—тѣ стоятъ въ полномъ и рѣшительномъ противорѣчіи не столько со мною, сколько съ самимъ божественнымъ Писаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ниневитяне приесли покаяніе въ настоящей жизни (Іон. III, 7), и потому—покаяніе плодотворное, подобно тѣмъ сѣятелямъ на полѣ, которые по волѣ Божіей сѣютъ со слезами пожинаемое послѣ съ радостію (Псал. CXXV, 6): тѣмъ не менѣе кто будетъ отрицать исполненіе на нихъ того, что предсказалъ Господь, кромѣ развѣ человека, мало понимающаго, какъ истребляетъ Богъ грѣшниковъ не только въ гнѣвѣ Своемъ, но и въ милости? Грѣшники истребляются двоякимъ образомъ—или какъ содомляне, когда навазываются за свои грѣхи самые люди, или же какъ ниневитяне, когда чрезъ покаяніе разрушаются только грѣхи людей. Слѣдовательно предсказаніе Божіе исполнилось: Ниневія, которая была злою, истреблена, и явилась Ниневія добрая, которой не было. Ибо, хотя стѣны и дома остались цѣлы, но городъ былъ истребленъ въ своихъ порочныхъ нравахъ. Такимъ образомъ, хотя пророкъ и былъ опечаленъ, что устранившее ниневитянъ пророчество его не исполнилось (Іон. IV, 1—3), однако то, что предсказано было предвѣдѣющимъ Богомъ, исполнилось, такъ какъ предсказавшій зналъ, какъ лучше должно было оно исполниться.

А чтобы ложные милостивцы знали, въ чему относится написанное: *Коль много множество благодати твоея Господи, юже скрылъ еси боящимся тебѣ* пусть прочитаютъ, что слѣдуетъ дальше: *Содѣлалъ еси уповающимъ на тя* (Псал. XXX, 20). Что значить: скрылъ боящимся и содѣлалъ

уповающимъ, какъ не то, что тѣмъ, которые изъ страха мученій желаютъ создать свою праведность отъ закона, не мила праведность Божія (Римл. X, 3), такъ какъ они ея не знаютъ? Ея они и не вкусили (Іоан. IV. 18). Они надѣются на себя, а не на Бога, и множество благодати Божіей для нихъ закрыто потому, что они хотя и боятся Бога, но тѣмъ рабскимъ страхомъ, котораго нѣтъ въ любви, ибо *совершенство любви вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18). Блага Свои Богъ уготовляетъ уповающимъ на Него чрезъ внушеніе имъ любви къ Себѣ, чтобы хвалясь по чувству чистаго страха,—не того страха, который изгоняется любовію вонъ, а который пребываетъ во вѣки вѣковъ (Псал. XVШ, 10),—они хвалились о Господѣ. Праведность Божія есть Христосъ, который, какъ говоритъ Апостоль, *бысть намъ премудрость отъ Бога, правда и освященіе и избавленіе, да, якоже пишется, хвалійся о Господѣ да хвалится* (1 Кор. I, 30. 31). Этой праведности, даруемой благодатью безъ всякихъ заслугъ, тѣ, которые хотятъ создать свою собственную праведность, не знаютъ, и потому праведности Божіей, т. е. Христу, не повинуются (Рим. X, 3). Въ ней-то, этой праведности, и заключается то многое множество благодати Божіей, ради которой въ псалмѣ говорится: *Вкусите и видите, яко благъ Господь* (Пс. XXXШ, 9). И вкушая ее въ своемъ настоящемъ странствованіи, но не насыщаясь вполне, мы тѣмъ болѣе алчемъ и жаждемъ ея, чтобы насытиться тогда, когда узримъ Его, якоже есть (1 Іоан. III, 2), и когда исполнится написанное: *Насыщуся ввсегда явитимися славу Твоею* (Пс. XVI, 15). Въ такомъ именно смыслѣ Христосъ содѣлываетъ многое множество Своей благодати надѣвающимся на Него. Если же Богъ скрываетъ Свою благодать боящимся Его въ томъ смыслѣ, какъ они понимаютъ, т. е. въ смыслѣ благодати, по которой Онъ не будетъ судить нечестивыхъ, чтобы правильно жили незнающіе этой благодати и только боящіеся осужденія, и чтобы такимъ образомъ было кому

молиться за живущихъ неправедно, то въ какомъ же смыслѣ Онъ содѣлываетъ Свою благодать надѣвающимся на Него, когда, по ихъ мнѣнію, по этой благодати Онъ не будетъ судить тѣхъ, которые на Него не надѣются? Итакъ, пусть ищутъ той благодати, которую Богъ уготовляетъ надѣвающимся на Него, а не той, которую Онъ будто бы приготовляетъ презирающимъ и хулящимъ Его. За предѣлами настоящей жизни человѣкъ напрасно ищетъ того, чего не хотѣлъ приготовить, находясь въ своемъ тѣлѣ. Точно также и слова Апостола: *Затвори Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ*, сказаны не въ томъ смыслѣ, будто Онъ никого не осудитъ, а въ томъ, какой вытекаетъ изъ предыдущей рѣчи Апостола. Ибо сказавши объ іудеяхъ, имѣющихъ въ послѣдствіи увѣровать, Апостолъ обращается съ своими словами къ увѣровавшимъ уже язычникамъ, въ которыхъ писалъ свои посланія: *Якоже бо и вы иногда противистесь Богови, нынѣ же помиловани бысте сихъ противленіемъ: такожде и сіи нынѣ противились вашей милости, да и тѣи помиловани будутъ* (Рим. XI, 30. 31). Велѣдъ за этимъ прибавляетъ онъ слова, которыя они должно толкуютъ въ свою пользу, и говоритъ: *Затвори Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ*. Кого это всѣхъ, если не тѣхъ, о которыхъ Апостолъ велъ свою рѣчь раньше, какъ бы такъ теперь говоря: „и васъ и ихъ“? Такимъ образомъ Богъ и язычниковъ и іудеевъ, *иже предувѣдъ и предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего* (Рим. VIII, 29), всѣхъ заключилъ въ непослушаніе, чтобы они, почувствовавъ чрезъ покаяніе горечь своего непослушанія и обратившись чрезъ вѣру къ святости милосердія Божія, восклицали словами псалма: *Коль многое множество благодати Твоя Господи, юже скрылъ еси боящимся Тебе, содѣлалъ еси уповающимъ* не на себя, а на Тя! Итакъ, Богъ милостивъ ко всѣмъ сосудамъ милосердія. Къ кому же именно ко всѣмъ? А къ тѣмъ, кого Онъ какъ изъ язычниковъ,

такъ и изъ іудеевъ предопредѣлилъ, призвалъ, оправдалъ и прославилъ; только изъ этихъ всѣхъ Онъ не осудить никого, а не вообще изъ всѣхъ людей.

ГЛАВА XXV.

Могутъ ли благодаря таинствамъ надѣяться на освобожденіе отъ вѣчнаго наказанія тѣ, которые крещены у еретиковъ, и послѣ вслѣдствіе дурной жизни дѣлаются худшими, или которые возрождены у каволиковъ, но уклоняются въ ереси и расколы, или которые хотя и не отклонились отъ каволиковъ, у которыхъ возрождены, но продолжаютъ жить порочно.

Отвѣтимъ и тѣмъ, которые не обѣщаютъ освобожденія отъ вѣчнаго огня не только діаволу и его ангеламъ, но даже и всѣмъ людямъ, а обѣщаютъ только тѣмъ, которые омыты крещеніемъ Христа и дѣлаются причастниками Его тѣла и крови, какъ бы при этомъ они ни жили, въ какой бы ереси или нечестіи ни находились. Но противъ такихъ говоритъ Апостолъ въ словахъ: *Явлена же суть дѣла плотская, яже суть прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, рвенія, завиды, ярости, разжженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, піянства, безчинны кличи, и подобная симъ, яже предглаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящій царствія Божія не наследуютъ* (Гал., V, 19—21). Эти слова очевидно ложны, если подобнаго рода грѣшники послѣ извѣстнаго времени наследуютъ царствіе Божіе. Но такъ какъ слова Апостола не ложны, то ясно, что царства Божія такіе не наследуютъ. А если царства Божія они никогда не наследуютъ, то будутъ находиться въ вѣчномъ мученіи, потому что средняго мѣста, гдѣ бы былъ свободенъ отъ вѣчнаго наказанія тотъ, кто не вселенъ будетъ въ царствѣ Божіемъ, не существуетъ.

Поэтому естественно спросить, какъ же слѣдуетъ понимать сказанное Господомъ Иисусомъ: *Сей есть хлѣбъ сходяій съ небесе, да аще кто отъ него ясть, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI, 50—52). Но толкованіе этихъ, кому мы отвѣчаемъ сейчасъ, устраняется тѣми, кому мы должны отвѣчать послѣ; послѣдніе будущее помилованіе общають не всѣмъ, принимающимъ таинство Крещенія и Тѣла Христова, а только лишь баеолибанъ, хотя живущимъ и худо: потому что, говорятъ они, баеолики тѣло Христово вкушали не въ таинствѣ только, а самымъ дѣломъ, входя въ составъ того тѣла Христова, о которомъ говоритъ Апостолъ: *Единый хлѣбъ, едино тѣло есмь мнози* (1 Кор. X, 17). Такимъ образомъ, кто принадлежитъ къ единству тѣла Его, т. е. къ обществу членовъ — христіанъ, — тѣла, таинство котораго вѣрующіе въ причащеніи обыкновенно получаютъ отъ алтаря, — тотъ справедливо долженъ быть названъ ядущимъ тѣло Христа и пьющимъ кровь Его. Отсюда отдѣлившіеся отъ единства этого тѣла, еретики и раскольники, могутъ принимать также это таинство, но не въ пользу себѣ, а во вредъ, и не только не получаютъ за это помилованія въ будущемъ, а напротивъ будутъ еще строже судимы; такъ какъ они не принадлежатъ къ тому союзу мира, выраженіемъ котораго служить это таинство.

Но и тѣ, въ свою очередь, которые правильно понимаютъ, что тотъ не долженъ называться ядущимъ тѣло Христа, кто не принадлежитъ къ тѣлу Христову, неправильно общають освобожденіе отъ наказанія въ вѣчномъ огнѣ такимъ, которые отъ единства этого тѣла отступаютъ или въ ересь, или даже въ языческое сугвѣріе. Во первыхъ они должны имѣть въ виду, насколько недонустимо и съ здравымъ смысломъ рѣшительно несогласно, чтобы многіе,

даже почти всѣ, которые, отпавши отъ церкви католической создали нечестивыя ереси и сдѣлались ересіархами, имѣли лучшую участь, нежели тѣ, которые католиками никогда не были, будучи уловлены въ сѣти еретиковъ,—лучшую, если такихъ ересіарховъ освобождаетъ отъ вѣчнаго наказанія то обстоятельство, что они крестились въ католической церкви и на первыхъ порахъ принимали въ истинномъ тѣлѣ Христовомъ таинство Тѣла Христа; такъ какъ отступникъ отъ вѣры и изъ отступника ставшій ея гонителемъ гораздо конечно хуже, нежели тотъ, кто отъ нея никогда не отступалъ, потому что никогда къ ней не принадлежалъ. Во-вторыхъ, Апостолъ имѣетъ въ виду и ихъ, когда произноситъ вышеприведенныя слова свои, и по перечисленіи подобныхъ плотскихъ дѣлъ, предрекаетъ съ одинаковою достовѣрностію: *Яко таковая творящии царствія Божія не наследятъ* (Гал. V, 21).

Затѣмъ не должны быть безпечными въ своихъ пагубныхъ и осужденія заслуживающихъ нравахъ и тѣ, которые остаются повидимому до конца въ общеніи съ католическою церковію, имѣя при этомъ въ виду слова: *Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мф. X, 22); но вслѣдствіе нечестивой жизни теряютъ самое праведность, т. е. Христа, или прелюбодѣйствуя, или совершая въ своемъ тѣлѣ другія студодѣянія, о которыхъ Апостолъ не захотѣлъ и говорить, или утопая въ постыдной роскоши, или дѣлая что-нибудь изъ того, о чемъ говоритъ Апостолъ: *Яко таковая творящии царствія Божія не наследятъ*. Всѣ дѣлающіе подобныя дѣла, будутъ непремѣнно подвергнуты вѣчному наказанію, потому что быть въ царствѣ Божіемъ не могутъ. Ибо оставаясь въ подобныхъ дѣлахъ до конца настоящей жизни, они конечно не должны быть названы до конца пребывшими во Христѣ, потому что пребыть во Христѣ значитъ пребыть въ вѣрѣ Его. Вѣра же эта, какъ

опредѣляетъ ее тотъ же Апостолъ, *любовію споспѣше-
ствуется* (Гал. V, 6). А любовь, какъ говорить онъ въ
другомъ мѣстѣ, *не мыслитъ зла* (1 Кор. XIII, 10; Римл. XIII,
10). Не могутъ быть названы тавіе и вкушающими тѣло Христа,
потому что не должны причисляться въ числу членовъ
Христа. Не говорю о другомъ, но они въ одно и то же
время не могутъ быть членами Христа и членами блудницы
(1 Кор. VI, 15). Наконецъ и Самъ, сказавшій: *Ядый мою
плоть и пійй мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ
въ немъ* (Іоан. VI, 57), показываетъ, что значить ѣсть
тѣло Христа и пить кровь Его не въ таинствѣ только, но
и самымъ дѣломъ: значить это—пребывать во Христѣ,
чтобы и Христосъ пребывалъ въ немъ. Христосъ какъ бы
тавъ сказалъ слова тѣ: „Кто не пребываетъ во Мнѣ и въ
комъ Я не пребываю, тотъ пусть не говоритъ и не думаетъ
о себѣ, что онъ ѣсть тѣло Мое и пьетъ кровь Мою“. Такимъ
образомъ тѣ во Христѣ не пребываютъ, кто не суть члены
Его, а тѣ не члены Христа, кто сдѣлались членами блуд-
ницы, если только они не совлекутъ съ себя этого зла
черезъ покаяніе и черезъ примиреніе не возвратятся ко благу.

ГЛАВА XXVI.

*Что значитъ имѣть въ основаніи Христа и кому объ-
щается спасеніе черезъ посредство огня.*

Но, говорятъ, христіане-каволики въ основаніи имѣютъ
Христа, отъ единства съ которымъ они не отступаютъ,
хотя бы на этомъ основаніи построили и самую худую
жизнь, въ родѣ дровъ, сѣна, соломы (1 Кор. III, 11, 12):
правая вѣра, по которой Христосъ есть для нихъ основаніе,
хотя и съ ущербомъ,—такъ какъ то, что назидается на
этомъ основаніи, будетъ сожжено,—но можетъ рано или
поздно сласти ихъ отъ вѣчности этого огня. Такимъ пусть

кратко отвѣтитъ апостолъ Іаковъ: *Аще въру, глаголетъ кто и мѣти, дѣлъ же не имать, еда можетъ въра спасти его* (Іак. II, 14)? Но, возражаютъ, кто же это тотъ, о комъ говоритъ апостолъ Павелъ: *Самъ же спасется такожде, якоже огнемъ* (1 Кор. III, 15)? Спросимъ вмѣстѣ и мы, кто это такой; хотя вѣ всякаго сомнѣнія, это не тотъ (кого разумѣютъ они), чтобы не оказались въ противорѣчїи изреченія двухъ апостоловъ, когда одинъ изъ нихъ говоритъ: „Хотя бы кто имѣлъ за собою и дурныя дѣла, его спасетъ вѣра посредствомъ огня“, а другой: „Если кто добрыхъ дѣлъ не имѣетъ, развѣ вѣра можетъ его спасти?“

Мы опредѣлимъ, кто можетъ спастись посредствомъ огня, если прежде опредѣлимъ, что значитъ имѣть въ основанїи Христа. На этотъ разъ всего лучше обратиться въ самому этому сравненїю: въ зданїи ничто не кладется прежде основанїя; поэтому Христось служитъ основанїемъ только для того, кто носятъ Его въ своемъ сердцѣ такъ, что выше Христа для него не существуетъ ничто земное и временное, даже и дозволенное. Если же подобные предметы онъ ставитъ выше Христа, то хотя повидимому и имѣетъ Христову вѣру, но основанїемъ для него служить не Христось; а если при этомъ, преступая спасительныя заповѣди, онъ совершаетъ недозволенное, то не тѣмъ ли болѣе очевидно, что онъ Христа повелѣвающаго или позволяющаго ставить не впереди, а позади, предпочитая слѣдовать постыдно собственной похоти вопреки Его повелѣнїямъ или дозволенїямъ? Такимъ образомъ, если кто-либо изъ христіанъ любитъ блудницу, и прилѣпляясь къ ней, становится однимъ съ нею тѣломъ (1 Кор. VI, 16), такой уже въ основанїи имѣетъ не Христа. Если же кто любитъ свою жену, если любитъ ее по Христу (Еф. V, 25), то кто будетъ сомнѣваться, что основанїемъ для него служить Христось? Но если даже онъ любитъ ее и по вѣву сему, плотски, въ страсти похо-

тѣнія, какъ и язычники незнающіе Бога (1 Сол. IV, 5), то и это по снисхожденію дозволяетъ Апостолъ, или лучше самъ Христосъ чрезъ Апостола. Отсюда и такой можетъ въ основаніи имѣть Христа. Ибо если ни одну изъ этихъ привязанностей или пожеланій онъ не ставитъ выше Христа, то, хотя и назидаетъ дрова, сѣно, солому, Христосъ все же остается для него основаніемъ; почему онъ и спасется посредствомъ огня. Удовольствія этого рода и земныя привязанности, извинительныя ради супружескаго союза, будутъ сожжены огнемъ бѣдствія, къ которому относятся вдовство и всѣ тѣ несчастія, которыя разрушаютъ ихъ. Для того, кто строилъ, постройка эта будетъ убыточна: онъ не будетъ обладать тѣмъ, что строилъ; и тяжкія страданія причинитъ ему потеря того, пользованіе чѣмъ его улаждало. Но посредствомъ этого огня онъ спасется ради основанія, потому что если бы гонитель предложилъ ему вопросъ—это ли, или Христа предпочитаетъ онъ имѣть,—онъ предпочелъ бы Христа. Вотъ, по словамъ Апостола, человекъ назидающій на основаніи золото, серебро, драгоценныя камни: *Не оженивайся*, говоритъ онъ, *печется о Господнихъ, како угодити Господу* (1 Кор. VII, 32). А вотъ другой, назидающій дрова, сѣно, солому: *А оженивайся*, говоритъ, *печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (33). *Когождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ*, т. е. день бѣдствія: *зане огнемъ открывается* (1 Кор. III, 13). Это самое бѣдствіе Апостолъ и называетъ огнемъ, какъ читается то въ другомъ мѣстѣ: *суды свудельничи испушаетъ пещь, а мужей праведныхъ—испытаніе бѣдствія* (Сир. XXVII, 6). *И кождо дѣло, яковоже есть, огонь испутитъ. И его же аще дѣло пребудетъ* (ибо то, чѣмъ каждый озабоченъ о Господнемъ, какъ угождать Господу, остается), *еже назда, мзду приметъ*: т. е. получить то, о чемъ заботился. *А егоже дѣло сгоритъ, отщепитъся*; такъ какъ не будетъ уже обладать тѣмъ, что

любилъ. *Самъ же спасется*, — такъ какъ никакое бѣдствіе не могло сдвинуть его съ основанія, — *такжеже якоже огнемъ* (1 Кор. III, 13—15). Ибо чѣмъ обладалъ онъ не безъ обольстительной любви, съ тѣмъ разстается не безъ жгучей скорби. Такъ, по моему мнѣнію, объясняется тотъ огонь, который никому изъ нихъ не будетъ въ осужденіе, но одного обогатитъ, другому причинитъ ущербъ. и испытаетъ обоихъ.

А если бы въ указанномъ мѣстѣ мы захотѣли разумѣть тотъ огонь, о которомъ Господь скажетъ стоящимъ по лѣвую сторону: *Идите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный* (Мѣ. XXV, 41): такъ что къ числу ихъ принадлежали бы и тѣ, которые назидали на основаніи дрова, сѣно, солому, но которые по истеченіи времени, опредѣленнаго сообразно съ ихъ грѣхами, освободятся отъ этого огня въ силу добраго основанія: то кого должны будутъ разумѣть подъ стоящими направо, коимъ сказано будетъ: *Приидите благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе* (Мѣ. XXV, 34), если не тѣхъ, которые назидали на основаніи золото, серебро, камни драгоценныя? Но въ этотъ огонь, о которомъ сказано: *Такжеже якоже огнемъ*, если его разумѣть здѣсь, должны быть посланы и тѣ и другіе, т. е. стоящіе и направо, и налево. Ибо въ томъ огнѣ, о которомъ сказано: *Дѣнь бо явитъ, зане огнемъ открывається. И коегождо дѣло, якожеже есть, огонь искуситъ*, должны быть испытаны и тѣ и другіе. А если онъ испытаетъ и тѣхъ и другихъ; такъ что чье дѣло пребудетъ, т. е. то, что онъ наздалъ, огнемъ не будетъ сожжено, тотъ получитъ награду; а чье дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ осужденіе: то очевидно, огонь этотъ не есть огонь вѣчный. Въ вѣчный огонь будутъ посланы одни только стоящіе по лѣвую сторону на послѣднее и вѣчное осужденіе, между тѣмъ этотъ огонь служить испытаніемъ и для стоящихъ направо

ИЗЪ ЧТЕНІЙ
по
ЦЕРКОВНОМУ ПРАВУ.
ВСТУПЛЕНІЕ.

Отличительную черту права нашей Православной Греко-восточной церкви составляет глубокая христіанская и общечеловѣческая древность его основъ. Періодъ образованія положительнаго религіознаго, или собственно-каноническаго права нашей церкви, это такъ называемый—періодъ вселенскихъ соборовъ, открывшійся признаніемъ за христіанствомъ правъ религіи государственной въ имперіи Греко-римской при Константинѣ В. и закончившійся эпохою раздѣленія церквей. Послѣдній соборъ, постановленія котораго вошли въ кодексъ каноновъ Православной церкви, собирався въ 879 году, т. е. тысячу съ небольшимъ лѣтъ назадъ. Тотъ же самый періодъ былъ періодомъ образованія и основнаго церковно-гражданскаго права нашей церкви. За исключеніемъ двухъ повелѣй императора Алексѣя Комнена, касающихся впрочемъ частнаго примѣненія прежде изданныхъ законовъ, въ гражданской части нашей Кормчей самымъ позднѣйшимъ по времени обнародованія своего законодательнымъ документомъ представляется Прохиронъ Василія Македонянина, вышедшій между 870 и 878 годами. Если же вникнуть въ исторію самаго образованія права, нельзя не признать, что соборы позднѣйшіе обыкновенно только подтверждали и разъясняли, и лишь отчасти пополняли, постановленія соборовъ древнѣйшихъ; а соборы древнѣйшіе переводили въ законы положительные уже существовавшіе

преданія и обычаи отцовъ. Равнымъ образомъ и законы государей христіанскихъ по большей части не создавали для церкви и христіанства такихъ правъ, какихъ не имѣли бы религіи древнія, а ограничивались пересмотромъ и примѣненіемъ къ христіанству и церкви законовъ древнѣйшихъ, и притомъ такъ, что пересмотръ этотъ, за самыми незначительными исключеніями, окончился еще эпохою императора Юстиніана. Составившіеся въ эту эпоху или вслѣдъ за нею номоканоны (Іоанна Схоластика и въ XIV титуловъ, впоследствии—Фотіевскій) представляютъ право церковное образовавшимся уже въ такой полнотѣ и относительной законченности, что устраняютъ на послѣдующее время почти вовсе потребность для Православной церкви въ новой кодификаціи ея законовъ.

Съ точки зрѣнія религіозной подобная особенность права церкви Православной можетъ говорить только въ пользу его. Древность вообще приличествуетъ религіи. „Древніе догматы, говоритъ одинъ изъ великихъ отцовъ христіанской церкви, какъ-то особымъ образомъ внушаютъ благоговѣніе, представляя въ своей древности, какъ бы въ нѣкоей сѣдинѣ, досточтимый видъ“¹⁾. Это такъ естественно, что у народовъ, жившихъ религіознымъ чувствомъ, древность почти отождествлялась съ религіею, и святость институтовъ религіозныхъ ставилась въ прямую зависимость отъ ихъ старины. Въ примѣненіи же частіе къ христіанству, чѣмъ древнѣе тѣ или иныя его преданія, обычаи, установленія, тѣмъ выше ихъ религіозный авторитетъ, потому что тѣмъ ближе они къ источнику христіанской истины. Для церкви христіанской это принципъ, предъ которымъ преклонялась она съ глубокой своей древности. Тотъ же св. отецъ, воспроизводя образъ древняго христіанскаго епископа, жившаго въ половинѣ IV вѣка и по мнѣнію древней церкви наиболѣе приближавшагося къ идеалу истинно-

¹⁾ Василія В. пр. 92.

христіанскаго епископа, описываетъ его такъ: Онъ былъ „стражемъ отеческихъ постановленій, врагомъ новизны (въ религіи), изображавшимъ въ себѣ самомъ видъ древней церкви, приводившимъ ввѣренную ему церковь къ древнему состоянію, какъ бы къ вѣкоему священному образу; такъ что жившіе съ нимъ казались какъ бы жившими съ тѣми, которые за двѣсти и болѣе лѣтъ блистали на подобіе свѣтильниковъ. Поэтому оный мужъ не выдавалъ отъ себя ничего, никакаго изобрѣтенія ума; но, по благословенію Моисея, умѣлъ износить изъ тайнъ своего сердца, изъ добрыхъ т. е. сокровищницъ, *ветхая ветхихъ и ветхая предъ лицомъ новыхъ* (Лев. XXVI. 10). Поэтому въ собраніяхъ епископскихъ онъ удостоивался перваго мѣста не по возрасту, а потому, что былъ выше всѣхъ архаизмомъ мудрости (τῷ τῆς σοφίας ἀρχαίῳ), удерживая первенство въ общемъ мнѣніи* ¹⁾).

Возвышая религіозное значеніе права нашей Православной церкви, архаизмъ этого права не набрасываетъ тѣни и на его ученое достоинство. По справедливому замѣчанію Тертулліана, Христосъ не бессмысленныхъ и еще дикихъ людей приводилъ къ человѣчности, а просвѣтилъ познаніемъ истины людей уже цивилизованныхъ и плѣнившихся гражданственностію ²⁾). Первые три вѣка христіанской эры, какъ извѣстно, были вѣками высшаго развитія культуры права у римлянъ. Относительный упадокъ ея замѣчается къ концу этого періода, послѣ смерти Александра Севера, но только—относительный. Не появлялось болѣе такихъ знаменитыхъ правовѣдовъ, какъ въ прежнее время; тѣмъ не менѣе результаты, добытые предшествовавшею обработкою права, продолжали сохранять свою силу, и юриспруденція получила новую культурную почву чрезъ введеніе преподаванія ея въ школахъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи,

¹⁾ Basil. Epist. XXVIII. al. 62.

²⁾ Apolog. XXI.

особенно—на востокѣ. Изъ этихъ школъ выходили государственные люди послѣдующаго періода, въ особенности знаменитые кодификаторы римскаго права, придавшіе этому періоду особое значеніе. Изъ этихъ же школъ вышли и многіе изъ наиболѣе знаменитыхъ отцовъ и учителей христіанской церкви того времени.

Былъ ли знаменитый апологетъ христіанства конца II и начала III вѣка, Тертуліанъ, одно и то же лицо съ Тертуліаномъ—юристутомъ, отрывки изъ сочиненій котораго читаются въ Дигестахъ Юстиніановскихъ, оставляемъ вопросомъ открытымъ. Но достаточно вчитаться въ его Аполוגію и другіе трактаты, чтобы вмѣстѣ съ Евсевіемъ признать въ этомъ древнѣйшемъ писателѣ церковномъ глубокаго знатока права. Въ III вѣкѣ, когда, по свидѣтельству Ариобія, въ рядахъ христіанъ были и ораторы, и грамматикѣ, и риторы, и юриконсульты, и медики, и философы¹⁾, глубокимъ юридическимъ образованіемъ выдѣляется св. Григорій Неокесарійскій, одинъ изъ первыхъ по времени отцовъ, правила которыхъ вошли впоследствии въ кодексъ канонѣвъ Православной церкви. Изъ отцовъ, юристовъ по образованію, IV вѣка достаточно упомянуть имена Василія В., Амвросія Медиоланскаго, Іоанна Златоуста, чтобы дать понятіе о томъ представительствѣ, какое имѣла юриспруденція въ рядахъ тогдашней іерархіи церковной; хотя вообще представительство это упомянутыми отцами далеко не ограничивалось. О Василіѣ В. и Іоаннѣ Златоустѣ прямо извѣстно, что они готовили себя къ званію адвокатовъ, а Амвросій Медиоланскій избранъ въ епископы изъ префектовъ. Но время ихъ не было временемъ нашей специализаціи наукъ. Полное научное образованіе тогда обнимало всѣ такъ называемыя свободныя науки, и изучавшій краснорѣчіе, напр., изучалъ и право, какъ предметъ краснорѣчія судейнаго. Такъ изъ отцевъ III вѣка

¹⁾ *Advers. Gentes*, II. 5.

изучалъ право Киприанъ, изъ отцевъ IV—V вѣка—блаженный Августинъ, и пр. Нечего и говорить, что собственно канонисты церковные того періода были прежде всего учеными юристами. Таковъ знаменитый современникъ Юстиніана, Іоаннъ Схоластикъ патріархъ константинопольскій; таковъ еще болѣе знаменитый впослѣдствіи константинопольскій же патріархъ Фотій.

Но не отнимая ничего у достоинства религіознаго и ученаго, древность права церкви Православной представляетъ въ немъ весьма важныя особенности свойства социально-политическаго. Упреки въ неподвижности, въ отсутствіи жизненности, въ несоотвѣтствіи духу времени, расточаемые по адресу церкви Православной католичествомъ и протестантствомъ, въ значительной мѣрѣ обуславливаются именно этою стороною ея права. Дѣйствительно, не одно только время, счисляемое вѣками, отдѣляетъ насъ отъ періода образованія права церкви Православной: отдѣляютъ насъ отъ него измѣнившіяся условія и запросы человѣческой жизни, а особенно—разнсть въ цѣляхъ и задачахъ законодателей, разность въ воззрѣніяхъ и принципахъ самой науки.

Почва, впрочемъ, на которой образовалось право нашей церкви, или тѣ условія и запросы жизни, на которые оно отвѣчало, хотя и представляетъ извѣстныя разности сравнительно съ почвою, на которой мы живемъ, или тѣми условіями и запросами жизни, на которые отвѣчаетъ современное намъ право, но разности—далеко не столь существеннаго свойства, какими онѣ могутъ казаться. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, при какихъ бы историческихъ условіяхъ ни проводилъ онъ свою жизнь. Есть явленія жизни социальной, повторяющіяся съ замѣчательною тождественностію въ общемъ, хотя и отличающіяся нѣкоторыми особенностями въ мелочныхъ частностяхъ. Право церкви Православной, насколько обращено оно къ условіямъ и запросамъ исторической жизни человѣчества, по большей

части и имѣть дѣло именно съ такими явленіями соціальной жизни. Гораздо важнѣе та разность, какая дается особыми началами, лежащими въ основѣ этого права. Не подлежитъ сомнѣнію, что право нашей церкви, образовавшееся на почвѣ греко-римской и отчасти, пожалуй, византійской, есть продуктъ такъ называемой цивилизаціи античной, резко отличающейся отъ современной намъ цивилизаціи народовъ европейскихъ.

Въ отличіе отъ законодательствъ новѣйшаго времени, древніе законодатели вообще не ограничивали дѣлей законодательныхъ одною формальною юстиціею. Цивилизація античная не отдѣляла политики отъ морали. Она предоставляла государству всего человѣка, требуя отъ него какъ защиты естественныхъ правъ человѣка, такъ особенно его нравственнаго и политическаго воспитанія. Лучшимъ образомъ подобныхъ воззрѣній служить сочиненіе Платона „о Законахъ“, — прямая инструкція древнему законодателю. „Существенная черта политики Платона, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ его комментаторовъ, та, что она нераздѣльна съ моралью. Въ этомъ ея заслуга и вмѣстѣ недостатокъ. Его воззрѣнія поразительны, истинны, величественны, и имѣютъ значеніе для всѣхъ временъ, какъ совѣсть и добродѣтель, со всею своею строгостію неподкупною и аскетизмомъ, проникающимъ до подробностей, которыя напоминаютъ отличительныя черты эпохи, ушедшей невозвратно. Новѣйшая цивилизація оставляетъ государству только то, чего не можетъ отнять у него безъ ущерба общественному порядку; цивилизація античная предоставляла государству все, что въ человѣкѣ есть и мыслится. Одна можетъ - быть уже до крайности отдѣляетъ политику отъ морали; другая быть - можетъ уже недостаточно различаетъ ихъ. Востокъ по необходимости смѣшивалъ ихъ въ деспотическомъ единствѣ, поглощавшемъ все; Греція, долженствовавшая выдѣлать все, чтобы все освободить и начать эру свободы, — Греція своею колыбелью была еще свя-

зана съ востокомъ, отъ котораго вела свое начало; а къ этой - то Греціи первыхъ вѣковъ Платонъ и обращаетъ постоянно свои взоры. Онъ стоитъ въ отношеніи къ ней чрезъ посредство школы Пиеагорейской, которой политика всецѣло моральная; Сократъ, его учитель, всю жизнь призывалъ къ добродѣтели политиковъ его времени; и самъ онъ, если смотрѣть съ самой общей точки зрѣнія, прежде всего великій моралистъ¹⁾. Оставляя вопросъ о заслугахъ и недостаткахъ политики Платона, о крайностяхъ одной и другой цивилизаціи, и т. д., открытымъ, подлежащимъ рѣшенію будущихъ вѣковъ и опытовъ человеческой исторіи, замѣтимъ, что и Римъ, не связанный такъ ясно, какъ Греція, своею колыбелью съ востокомъ, держался не иныхъ воззрѣній въ своей внутренней политикѣ, и проводилъ ихъ даже съ большею послѣдовательностью, чѣмъ республики греческія. Въ сочиненіяхъ Цицерона „о Законахъ“, „о Республикѣ“, и другихъ, мы встрѣчаемся съ тою же нераздѣльною отъ морали политикою, какъ и у Платона, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что Цицеронъ болѣе, чѣмъ Платонъ, держится на почвѣ современнаго ему, дѣйствовавшаго римскаго законодательства, и сколько обращаетъ взоры къ прошедшему, столько же устремляетъ ихъ и въ будущее, и законы свои рекомендуетъ не такимъ маленькимъ греческимъ республикамъ, какъ Платонъ, а всѣмъ народамъ добрымъ и мужественнымъ.

Эта особенность древней политики облегчила въ свое время успѣхи христіанству. Возникнувъ въ Іудеѣ и распространяясь оттуда по римскимъ провинціямъ, христіанство долго находило для себя защиту и покровительство въ морально-политическихъ воззрѣніяхъ римскихъ государей, на судъ которыхъ передавало свое дѣло, когда вызывало преслѣдованія противъ себя со стороны населенія провинцій. Эта же особенность дала за тѣмъ и торжество хри-

¹⁾ Cousin. Oeuvres de Platon, tom. VII, Argument.

стіанству въ лицѣ и законахъ императора Константина В., и организовала то право, съ которымъ христіанская церковь должна была войти въ историческую жизнь новыхъ народовъ и съ которымъ она дѣйствительно вошла въ жизнь народа русскаго.

Было бы слишкомъ долго входить въ подробное разсмотрѣніе того, насколько отношенія государей римскихъ къ христіанству до Константина В., а особенно законодательная дѣятельность по предметамъ вѣры и церкви христіанской самого Константина и его преемниковъ, соответствовали инструкціи Платона древнимъ законодателямъ. Достаточно замѣтить, что апологеты христіанства обращались къ государямъ какъ именно къ философамъ въ политикѣ, а христіанскіе государи—законодатели мотивировали иногда свои законы почти буквально выраженіями Платона. Что же касается соответствія тѣмъ возрѣніямъ самаго права церковнаго, какъ оно сложилось уже къ началу V вѣка, то на этотъ счетъ достаточно припомнить нѣсколько словъ блаженнаго Августина къ язычнику, употребившему въ перепискѣ съ нимъ фразу изъ Цицерона о любви къ отечеству. „Вчитайся, говоритъ онъ, въ эти самыя книги о Республикѣ, изъ которыхъ ты почерпнулъ свою мысль... Вчитайся, прошу тебя, и обрати вниманіе на то, какими похвалами обставляется тамъ умѣренность и воздержаніе, вѣрность къ супружескому союзу, чистые, честные и добрые нравы, которыми отличающееся государство можетъ быть по справедливости названо цвѣтущимъ. Эти вѣдь самыя нравы преподаются и изучаются, какъ бы въ священныхъ аудиторіяхъ народовъ, въ церквахъ, по всему міру вырастающихъ“¹⁾.

Само по себѣ христіанство менѣе всего было ученіемъ политическимъ. Никакихъ законовъ свойства политическаго I. Христосъ не давалъ; никакихъ теорій такого же свойства

¹⁾ August. Epist. XCI (al. 209), n. 3.

Онъ не проводилъ. Въ божественную миссію Его не вошло переустройство установившагося исторически гражданскаго порядка человѣческой жизни, или указаніе законодателямъ народовъ какихъ-либо новыхъ политическихъ цѣлей и задачъ. Не христіанство, а нашествіе готовъ и вандаловъ на западную половину древней имперіи Греко-римской, разрушеніе тамъ этой имперіи и основаніе на развалинахъ ея новыхъ государствъ, положили начало новой цивилизаціи, отличающей политику отъ морали. Варварство ли народовъ, неумудренныхъ историческими опытами жизни разумно-соціальною; развившіяся ли къ тому времени властолюбивыя притязанія римскихъ епископовъ на исключительное господство въ сферѣ морально-политическаго воспитанія народовъ, дѣйствительно не отличавшихся этимъ воспитаніемъ, были тому причиною,—мы въ данномъ случаѣ разбирать не будемъ. Отмѣтимъ только историческій фактъ: западная церковь съ Римомъ во главѣ является впервые усвоившею себѣ съ исключительностію морально-политическое воспитаніе народовъ, а государства, образовавшіяся на развалинахъ западно-римской имперіи,—исключительно юстицію формальную. Неестественность такого раздѣла сказалась впоследствии протестантствомъ; но разъ порванныя связи съ міромъ античнымъ протестантство возстановить не успѣло: потому что, отвергая католичество, отвергло вмѣстѣ съ нимъ и то право, которое католичество вынесло изъ античнаго міра, хотя и дало ему впоследствии не соответствующее античной мудрости развитіе. Приведенный выше комментаторъ Платона имѣлъ повтому основаніе видѣть въ воззрѣніяхъ древняго философа „черты эпохи, ушедшей невозвратно“.

Но ушедшая невозвратно для запада, эпоха эта можетъ не казаться такою для насъ. Продолжившееся на цѣлое тысячелѣтіе по паденія Рима существованіе восточной половины имперіи Греко-римской, подъ видомъ имперіи Византійской, продолжило на востокѣ на цѣлое тѣсячелѣтіе же

господство античных законодательных традицій. Возникновеніе между тѣмъ государства Русскаго подѣ цивилизующимъ вліяніемъ Византіи обезпечило для тѣхъ традицій дальнѣйшую почву. Въ то время, когда Византія, или второй Римъ, какъ называли ее вслѣдъ за греками наши предки, падала подѣ ударами безбожныхъ агарявъ, уже стоялъ третій Римъ, какъ называли свою Москву они же, справедливо гордись ея духовно-политическимъ родствомъ. Никакого раздѣла между церковію и государствомъ у нашихъ предковъ не произошло. Отношенія между этими институтами на почвѣ русской остались тѣ же, какія существовали съ первыхъ временъ христіанства на почвѣ греко-римской и византійской. Изъ всѣхъ народовъ новаго міра народъ русскій остался наиболѣе вѣрнымъ государственными принципамъ міра античнаго; и если право нашей Православной церкви представляется намъ чѣмъ-то отдѣленнымъ отъ современной русской жизни кромѣ времени своего образованія, то это зависитъ прежде всего и главнымъ образомъ отъ разности въ воззрѣніяхъ и принципахъ современной науки сравнительно съ древнею наукою права.

Не считаемъ себя въ правѣ входить въ разсужденія о примѣнимости или непримѣимости современныхъ принциповъ юстиціи формальной къ другимъ отраслямъ дѣйствующаго права народа русскаго. Но непримѣимость ихъ къ той отрасли этого права, какую представляетъ собою право церкви Православной, ясна сама собою. Какъ извѣстно, наука права, имѣя дѣло съ законами права, не влагаеть свои вачала въ данный матеріалъ, а извлекаеть ихъ изъ самыхъ законовъ. Только при этомъ условіи она вноситъ свѣтъ въ изучаемую ею область фактовъ. Примѣненіе къ нашей церковной юстиціи принциповъ юстиціи формальной можетъ быть, и бываетъ, только въ обходъ тѣхъ трудностей, какія неизбѣжно соединяются съ самостоятельнымъ изученіемъ предмета. Мало пользы, а много вреда приноситъ примѣненіе къ праву нашей церкви и излюбленныхъ теорій ка-

нонистовъ католическихъ и протестантскихъ. Пригодныя для права, какъ оно формировалось на западѣ въ вѣка сравнительно позднѣйшія при особыхъ историческихъ условіяхъ, теоріи эти, вносимыя въ право церкви Православной, скорѣе искажаютъ, чѣмъ уясняютъ дѣйствительный смыслъ нашихъ церковныхъ законовъ. Право вашей Православной церкви не есть продуктъ только древней жизни; но и продуктъ древней науки. И христіанскіе государи—законодатели того времени, и древніе отцы церкви, имѣли свои научные принципы, свои морально-политическія теоріи, которыя и выразились съ замѣчательною послѣдовательностію въ православномъ правѣ церковномъ. Съ точки зрѣнія этихъ именно принциповъ и этихъ теорій только и можетъ быть освѣщена надлежащимъ образомъ область названнаго права.

Соотвѣтственно этому наука права церкви Православной, чтобы быть достойною своего имени, должна болѣе или менѣе отрѣшиться насъ отъ установившихся въ настоящее время юридическихъ принциповъ и теорій, возвращать къ воззрѣніямъ и принципамъ міра античнаго,—воскрешать для насъ самую науку древняго права, насколько право церковное между прочимъ обязано и ей своимъ образованіемъ. Въ ряду другихъ юридическихъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ матеріаломъ современнымъ, она, подобно вышеописанному епископу, должна уметь износить изъ своихъ сокровищницъ *ветхая ветхихъ и ветхая предъ лицомъ новыхъ*. Когда выдѣлится она, подобно ему же, „архаизмомъ мудрости“, она займетъ почетное положеніе и между другими юридическими науками. Ибо „архаизмъ мудрости“, имѣющій особенное значеніе въ религіи, не безразличенъ и въ социальномъ отношеніи вообще. Тотъ народъ никогда не достигаетъ политической крѣпости и зрѣлости, который созидаетъ настоящее на развалинахъ прошедшаго,—вѣрится только въ свой наличный смыслъ, забывая и презирая мудрость и завѣты отцовъ. Подобную слабую сторону у древнихъ грековъ и хотѣлъ, очевидно, поставить на видъ

древній египетскій жрецъ, обращаясь къ знаменитому законодателю аеинянъ съ такою рѣчью: „О Солонъ, Солонъ, вы, греки, вѣчныя дѣти, и нѣтъ между вами старика; душа у васъ всегда юношеская: въ ней нѣтъ древняго вѣрованія, основаннаго на воспоминаніяхъ старины, — нѣтъ ученія, посѣдѣвшаго отъ времени“¹⁾). Многовѣковое историческое существованіе, прочное внутреннее устройство и внѣшнее политическое могущество были всегда удѣломъ народовъ, соединявшимъ энергію юности съ мудростію старости, и указанія настоящаго провѣрявшихъ опытами вѣковъ минувшихъ. Это, какъ особое благо, и предуказывалъ Моисей народу еврейскому, когда въ ряду другихъ благословеній ему отъ Бога изрекалъ и то, что храня *ветхія и ветхія ветхихъ*, онъ и новое будетъ присоединять къ ветхому²⁾). На томъ основаны и прочныя успѣхи цивилизаціи и науки вообще, что поколѣнія и народы позднѣйшіе идутъ по слѣдамъ поколѣній и народовъ древнѣйшихъ, восполняя собственными опытами унаслѣдованное отъ нихъ достояніе.

Не легка намѣченная задача для православной науки, едва начинающей первые робкіе шаги. Смѣнится, конечно, не одно учебное поколѣніе, пока она осуществитъ эту задачу достойнымъ науки образомъ. Къ сожалѣнію, мы привыкли во всемъ итти по слѣдамъ науки западно-европейской, и предпочитаемъ изучать даже право нашей Православной церкви по руководствамъ католическимъ и протестантскимъ. Благо такія руководства готовы и находятся подъ руками въ громадныхъ массахъ; а самостоятельная научная обработка права церкви Православной не дошла еще до составленія даже одного, сколько-нибудь удовлетворительнаго, руководства по его предмету. Кромѣ сводовъ систематическихъ, доставшихся намъ по наслѣдству едва не отъ эпохи Юстиніановской, послѣдними по времени опы-

¹⁾ Plato, Timaeus.

²⁾ Лев. XXVI. 10; Сн. Пѣсн. VII. 13.—Мат. XIII, 52.

тами дѣйствительно ученой обработки права нашей церкви были труды православныхъ греческихъ канонистовъ XII, и отчасти—XIV вѣка. Трудно принимать на себя продолженіе дѣла, прерваннаго такъ давно и веденнаго при томъ людьми, несравненно лучше насъ къ нему подготовленными. Канонисты тѣ были и учеными юристами, и главное—юристами еще той школы, изъ которой выходили сами законодатели.

Но наука должна ясно ставить свою задачу, хотя бы достиженіе этой задачи въ данное время было далеко не по силамъ ея. Лучше итти медленными и колеблющимися шагами, по прямо къ поставленной ясно цѣли, чѣмъ итти шагами твердыми и быстрыми, но въ направленіи къ цѣли не ведущемъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОСНОВЫ ПРАВА ЦЕРКОВНАГО ВООБЩЕ.

1. Происхождение и основы внѣшняго общежительнаго порядка и регулирующихъ его законовъ.

Являясь въ міръ, человѣкъ встрѣчаетъ въ немъ извѣстный, установленный уже до него, внѣшній порядокъ общественной жизни, отводящій ему мѣсто въ средѣ того или иного человѣческаго союза, обезпечивающій ему такія или иныя выгоды этого союза и возлагающій на него въ средѣ и по отношенію къ тому же союзу тѣ или другія обязанности. Рождаясь, человѣкъ самымъ актомъ рожденія входитъ въ составъ извѣстной семьи или рода,—становится членомъ одного изъ самыхъ тѣсныхъ человѣческихъ союзовъ, обезпечивающихъ ему воспитаніе физическое и нравственное, и возлагающихъ на него соотвѣтственныя тому обязанности по отношенію къ семьѣ или роду. Тѣмъ же самымъ актомъ рожденія, вводящимъ человѣка въ составъ извѣстной семьи или рода, вводится онъ и въ составъ извѣстнаго гражданскаго общества или государства,—становится членомъ наиболѣе обширныхъ человѣческихъ союзовъ, стремящихся къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей и нуждъ возможно-наибольшимъ объединеніемъ человѣческихъ силъ и устанавливающихъ соотвѣтственныя тому права и обязанности для своихъ членовъ. Этотъ внѣшній, для каждаго изъ насъ въ общемъ уже готовый и отъ личнаго произвола нашего независящій, порядокъ земной человѣческой жизни, насколько имѣетъ видъ извѣстныхъ

общежительныхъ учреждений и выражается въ опредѣленныхъ нормахъ, нарушение которыхъ не допускается при-
сущею ему же охранительною и повудительною силою, называется вообще правомъ. При этомъ, какъ по различію союзовъ, членомъ которыхъ является человѣкъ, такъ и по различію отношеній, въ какія онъ, въ качествѣ члена этихъ союзовъ поставляется, въ правѣ различаютъ извѣстные виды его: называютъ право семейное, гражданское, государственное, религіозное, церковное и т. д.¹⁾

Обращаясь къ исторіи для уясненія происхожденія этого порядка, находятъ его до извѣстной степени фактически связаннымъ съ происхожденіемъ и постепеннымъ развитіемъ самыхъ человѣческихъ союзовъ. Тамъ, гдѣ въ зародышѣ только семья (у народовъ дикихъ), въ зародышѣ и право семейное. Гдѣ семейный бытъ получилъ большую организацію и переходитъ въ болѣе обширный союзъ, называемый родомъ (у народовъ полудикихъ, кочевыхъ), тамъ право семейное имѣетъ и болѣе обширное развитіе. Также точно, гдѣ нѣтъ общества гражданскаго или гдѣ не организованъ еще такъ называемый союзъ государственный, тамъ не находятъ слѣдовъ и права государственнаго или гражданскаго. Первые зачатки его появляются обыкновенно съ зачатками самой гражданственности, и развиваются по той мѣрѣ, какъ организуются союзы человѣческіе, носящіе имя союзовъ государственныхъ или гражданскихъ. Это фактическая связь права съ тѣмъ или инымъ исторически даннымъ человѣческимъ союзомъ простирается до такой степени, что даже союзы однородные, но раздѣленные мѣстомъ или временемъ, или различающіеся по физическимъ и нравственнымъ свойствамъ и расположеніямъ входящихъ въ составъ ихъ членовъ, даютъ извѣстныя разновидности

¹⁾ *Jus quod jussum est*, воззрѣніи римскіе юристы; но науку права опредѣляли какъ *rerum divinarum atque humanarum notitia, justis atque injustis scientia*. Dig. lib. I. tit. 1. fr. 10. § 2.

въ самомъ однородномъ правѣ. Инымъ, напр., является право семейное у народовъ современнаго востока и запада, или сѣвера и юга; инымъ оно было у народовъ древности, и инымъ оно у новѣйшихъ народовъ. Въ свою очередь и право государственное или гражданское инымъ было у каждаго изъ извѣстныхъ народовъ древняго міра, и инымъ является у каждаго изъ народовъ новѣйшаго времени.

Фактическая связь исторически даннаго права съ образованіемъ и постепеннымъ развитіемъ человѣческихъ союзовъ была замѣчена еще съ глубокой древности. Придавая существенное значеніе разнообразностямъ въ этомъ правѣ и обращая исключительное вниманіе на матеріальныя выгоды, обезпечиваемыя человѣческими союзами членамъ его, и въ древнее время, какъ и теперь, находились мыслители (которыхъ, впрочемъ, бл. Августинъ называетъ *dormicutes, ut ita dicam, qui neque alto somno stultitiae sopiebantur, nec in sopientiae lucem poterant evigilare*¹⁾), которые выставляли человѣческое право не болѣе, какъ дѣломъ самихъ же человѣческихъ союзовъ; и считая эти союзы за свободныя соглашенія между ихъ членами въ виду взаимнаго содѣйствія къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей, не хотѣли признавать въ человѣческомъ правѣ ничего, что не вытекало бы непосредственно изъ соображеній пользы, какъ она понимается въ то или иное время членами того или другаго союза. Подобныя возрѣнія на существо права для умовъ поверхностныхъ, но не чуждыхъ претензій на проницательность и оригинальность, всегда имѣли свою долю привлекательности. Понятія выгоды, пользы, матеріальнаго интереса, такого свойства, что для освоенія съ ними не требуется никакого серьезнаго научнаго развитія: они понятія массы, и по плечу всякой посредственности. Притомъ, право въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно, вырабатывается самими человѣческими союзами, и насколько вырабатывается созна-

¹⁾ De Doctrin. Christ. III. 9.

тельно. вырабатывается въ виду опредѣленныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этими союзами. Самыя представленія о пользѣ, какъ одномъ изъ прямыхъ стимуловъ къ развитію права въ томъ или иномъ направленіи, оправдываются въ значительной мѣрѣ ближайшимъ назначеніемъ права. *Homini causa omne jus constitutum est.* говорили римскіе правовѣды¹⁾. Неудивительно, если упомавутся воззрѣнія прииѣнялись и прииѣняются до нѣкоторой степени удачно къ разъясненію разновидностей права, доходящихъ иногда до взаимнаго противорѣчія. Но объясняя разновидности и противорѣчія въ правѣ, при всей многочисленности своей представляющія собою въ немъ явленія случайныя, воззрѣнія этого рода не объясняютъ того, что въ правѣ человѣческомъ всѣхъ временъ и народовъ представляетъ собою общее и постоянное, и потому—существенное. И въ правѣ семейномъ и въ правѣ гражданскомъ или государственномъ, какъ оно дается исторически, есть много сторовъ до такой степени тождественныхъ, постоянныхъ и слѣдовательно существенныхъ, что появленіе ихъ въ правѣ было бы чудомъ, если бы право не имѣло другихъ основъ, кромѣ свободнаго соглашенія между членами союзовъ, дѣйствовавшихъ въ разные времена при разныхъ историческихъ условіяхъ и на самыхъ разнообразныхъ степеняхъ умственнаго и нравственнаго развитія исключительно по соображеніямъ пользы.

Болѣе серьезные изслѣдователи права, останавливая вниманіе по преимуществу на томъ, что въ исторически данномъ правѣ является наиболѣе общимъ, постояннымъ и существеннымъ, видятъ въ немъ не выраженіе воли союзовъ человѣческихъ, а выраженіе закона, производящаго самыя эти союзы,—закона, съ которымъ тѣ или иные исторически данныя союзы могутъ вступать въ борьбу, противопоставляя ему свою волю и свою мнимую пользу, но замѣнить которой или подмѣнить они не могутъ, по крайней

¹⁾ Dig. lib. I. tit. V. fr. 2.

мѣръ—безнаказанно. Только въ опредѣленіи этого закона не всѣ изслѣдователи согласны между собою.

Одни, принимая во вниманіе главнымъ образомъ обязанности, налагаемыя на человѣка общежитіемъ, думаютъ видѣть этотъ законъ въ присущемъ человѣческой совѣсти законѣ нравственномъ. Дѣйствительно, если сопоставить обязанности, налагаемыя на человѣка внѣшнимъ общежительнымъ порядкомъ, съ обязанностями, внушаемыми ему закономъ нравственнымъ, нельзя не признать, что первыя представляются заимствованными изъ послѣднихъ, но такъ, что далеко не исчерпываютъ своего источника. Существенное отличіе ихъ отъ обязанностей нравственныхъ заключается въ томъ, что исполненіе ихъ требуется внѣшнимъ образомъ и можетъ быть вынуждено присущею тому или иному человѣческому союзу внѣшнею принудительною силою; между тѣмъ какъ законъ нравственный ограничивается указаніемъ, что мы должны дѣлать или не дѣлать, предоставляя исполненіе этого свободной нашей волѣ. Но если обязанности нравственныя получили для человѣка силу долга, исполненіе имъ обязанностей, налагаемыхъ правомъ, предполагается само собою; такъ что примѣненіе къ исполненію ихъ силы принудительной не имѣетъ болѣе мѣста. *Прозердину*, по словамъ апостола, законъ не лежитъ (1 Тим. I. 9); иначе: для человѣка, неуклонно слѣдующаго предписаніямъ закона нравственнаго, излишни указанія на его обязанности со стороны закона правового, — не нуженъ самъ законъ.

Другіе изслѣдователи права, останавливая преимущественное вниманіе на внѣшней принудительной силѣ его требованій, по которой неисполненіе ихъ влечетъ за собою наказаніе со стороны власти общественной, видятъ основу права въ присущемъ человѣку естественномъ чувствѣ справедливости, сродномъ съ чувствомъ нравственнымъ, но на высшей степени развитія послѣдняго отличающемся отъ него. По опредѣленію римскихъ правовѣдovъ чувство это

выражается требованіемъ воздавать каждому должное ему¹⁾. По разъясненію, данному Христомъ, оно обязываетъ человѣка не дѣлать другому того, чего онъ себѣ не желаетъ (Мат. VII. 12). Въ области внѣшнихъ общежительныхъ отношеній оно полагаетъ основаніе закону возмездія, — закону, существованія котораго не отрицалъ и Христосъ, когда говорилъ, что *пріемши ножъ, ножемъ пошибнуть* (Мат. XXVI. 52), хотя развитіемъ высшихъ нравственныхъ понятій въ своихъ послѣдователяхъ старался ослабить фактическое дѣйствіе этого закона (Мат. VII. 38—41). Вообще этимъ чувствомъ, дѣйствующихъ въ человѣкѣ съ замѣчательною живостію и силою на всѣхъ степеняхъ его умственного и нравственного развитія, объясняется съ достаточною удовлетворительностію та сторона права человѣческаго, которая называется правосудіемъ; почему и самое чувство это называется иногда *естественнымъ правосудіемъ*.

Но если принять во вниманіе, что и законъ нравственный имѣетъ предметомъ своимъ обязанности, возникающія уже изъ данныхъ отношеній, и чувство справедливости вообще или такъ называемое естественное правосудіе охраняетъ отношенія, уже признанныя за существующія закономъ: то нельзя не признать болѣе основательнымъ мнѣніе тѣхъ изслѣдователей права, которые указываютъ первый источникъ его въ самой природѣ человѣка, или въ томъ естественномъ или что то же — божественномъ для человѣка законѣ, который выразился такимъ, а не инымъ, въ созданіи для него этихъ, а не иныхъ условій жизни, — этихъ, а не другихъ условій умственного и нравственного развитія, и такихъ, а не другихъ способовъ самоохраны. Ибо, если совѣсть приводитъ къ сознанію человѣка известныя обязанности какъ данныя въ ней самой, — она сама и есть этотъ законъ человѣческой природы; если же она формулируетъ обязанности въ виду тѣхъ или иныхъ установляющихся отношеній, — фор-

¹⁾ Instit. I. 1.

мулируеть ихъ по соотвѣтствію или несоотвѣтствію этихъ отношеній съ закономъ естественнымъ, котораго она во всякомъ разѣ служитъ отраженіемъ. Чувство же естественной справедливости, или такъ называемое естественное правосудіе, поколику охраняетъ неприкосновенность установленнаго отношеній, еще менѣе можетъ само по себѣ уяснить происхожденіе самыхъ этихъ отношеній, хотя охраненіемъ ихъ указываетъ на ихъ происхожденіе отъ закона естественнаго.

Мысль, что основаній человѣческаго права слѣдуетъ искать въ самой человѣческой природѣ и въ тѣхъ естественныхъ условіяхъ, какія указаны для жизни и духовно-нравственнаго развитія человѣку Творцемъ природы и человѣка, сама по себѣ такъ ясна и проста, что, повидимому, и не нуждались бы въ доказательствахъ. Если родъ человѣческій съ незапамятныхъ исторіею временъ жилъ и живетъ во взаимномъ общеніи, составляя извѣстные болѣе тѣсныя или болѣе обширные союзы,—причина этого конечно въ самой природѣ человѣка,—въ томъ, что, какъ замѣчаетъ Лактанцій, „человѣкъ безъ человѣка никомъ образомъ жить не можетъ“¹⁾. И это тѣмъ очевиднѣе, что по характеру, какъ совершенно справедливо говоритъ блаж. Августинъ, „нѣтъ никакого другого рода существъ до такой степени любящаго раздоры влѣдствіе порока“, какъ люди²⁾. Не можетъ жить человѣкъ безъ человѣка жизнію физическою, какъ по совершенной безпомощности своего состоянія въ періоды дѣтства, преклонной старости и болѣзней, такъ и по недостаточности одиночныхъ силъ для удовлетворенія самымъ обыденнымъ потребностямъ жизни. А еще болѣе человѣкъ безъ человѣка жить не можетъ жизнію духовно-нравственною,—тою жизнію, которая собственно и отличаетъ его отъ другихъ животныхъ и которая условливается самымъ широкимъ общеніемъ его духовно-нравственныхъ силъ.

¹⁾ Divin. Institut. VI. 10.

²⁾ De Civit. Dei XII. 27.

„Всякій человекъ можетъ развивать свои познанія и совершенствоваться во все продолженіе своей жизни, говорить одинъ изъ новѣйшихъ писателей; но если бы онъ имѣлъ общенія съ подобными ему, плоды трудовъ его погибали бы вмѣстѣ съ нимъ, и тѣ, которые слѣдовали бы за нимъ, должны были бы начинать съизнова. Тогда, индивидуально усовершенный человекъ нисколько не могъ бы расширять своихъ познаній, крайне ограниченнаго краткимъ срокомъ жизни и незначительнаго пространствомъ, служащимъ полемъ дѣйствія для каждаго. Живущіе сегодня не воспользовались бы трудами своихъ предшественниковъ и не могли бы передать результата своихъ трудовъ потомству. Опытъ всегда имѣлъ бы характеръ мѣстный, потому что ограничивался бы тѣмъ уголкомъ земли, который дано знать каждому. Человекъ былъ бы не болѣе, какъ животное, похожее на другія,—животное, котораго способности не много вышшія, но всегда одинаковыя, образовали бы родъ неизмѣннаго инстинкта, отъ котораго онъ не могъ бы отрѣшиться, чтобы выработать идею познанія. Но благодаря общенію, установившемуся между людьми посредствомъ языка, письменности, памятниковъ всякаго рода, и состоянію социальнаго, дѣла идутъ иначе, и мы можемъ развивать себя. Индивидуумъ прямымъ образомъ сообщается съ своими современниками и пользуется ихъ опытами, современно производимыми на разныхъ пунктахъ пространства; посредствомъ устнаго преданія и письма онъ имѣетъ общеніе даже съ тѣми, которыя сошли съ лица земли, и съ тѣми, которые еще не родились; такъ что его опытъ присоединяется къ опыту подобныхъ ему, не имѣи другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, кои Творецъ положилъ способностямъ и сроку бытія человечества¹⁾. Созналъ ли человекъ необходимость и вы-

¹⁾ Courselle-Senevil.—Etudes sur la science sociale, pag. 52—53. Отноительно самыхъ первыхъ зачатковъ человѣческаго общаго житія у древнихъ существъ имѣетъ двойное мнѣніе. Одни, руководясь сохраняющимися преданіями о за-

годы для него общегитія съ перваго же появленія своего на землѣ, и соотвѣтственно этому сразу же сталъ въ извѣстных сознательно-разумныхъ и взаимно-обязательныхъ отношеніяхъ къ подобнымъ себѣ; или приходилъ къ подобному сознанию и устанавливалъ эти отношенія постепенно; или бессознательно и независимо отъ личной воли явившись въ условіяхъ общегитія, осмыслялъ ихъ и ограждалъ законами по той мѣрѣ, какъ умудрялся опытами и исторією,—онъ

потомъ въѣхъ царствованія Сатурна, представляли человѣчество съ перваго же появленія его на землѣ существующимъ въ условіяхъ общегитія, и при томъ—въ условіяхъ наилучшихъ сравнительно съ временами позднѣйшими. Въ глубокую древность, по словамъ Платона, „малолюдство должно было внушать людямъ взаимную любовь и расположеніе. Тогда не надобно было оспаривать другъ у друга пищу, ибо не было недостатка въ питательныхъ средствахъ, но все было привольно; не нуждались ни въ молотѣ, ни въ мисахъ,—домомъ добывали себѣ нехлудую и нескудную пищу; имѣли изобиліе въ одеждѣ и въ покровкахъ, въ жилищахъ и орудіяхъ... Отъ того въ тѣ времена люди не были слишкомъ бѣдны, и бѣдность не поселяла между ними раздоровъ. Съ другой стороны, безъ золота и серебра не было между ними и богатыхъ; а гдѣ нѣтъ богатства и бѣдности, тамъ по необходимости процвѣтаютъ добрые и справедливые нравы,—тамъ нѣтъ насилія и притѣсненій, нѣтъ зависти и ревности. Живя въ природной простотѣ, они были добры; въ простосердечіи вѣрили добру, которому ихъ учили, и злу, отъ котораго отвращали, и легко убѣждались. Никто не умѣлъ,—что имѣть почитается мудростію,—подозрѣвать въ этомъ ученіи обманъ. Почитая истинною все, что имъ говорили о богахъ и людяхъ, съ нею сообразовали жизнь свою. Все доказываешь, заключаетъ Платонъ, что они были такими, какими мы ихъ теперь описали* *). По такому представленію о начальныхъ временахъ общегитія человѣческаго дальнѣйшая исторія человѣчества и усилія такъ называемой цивилизаціи въ его средѣ должны были только подвергать испытаніямъ изначала даннымъ основы и формы общегитія, и вынуждать человѣчество на защиту тѣхъ изъ нихъ, которыми измѣнявшіеся условія жизни грозили разрушеніемъ. Другое совершенно противоположное этому мнѣніе о первыхъ временахъ человѣчества, читается у Горация. „Когда эти животныя, говоритъ Гораций о людяхъ, впервые выползли на вновь образованную землю,—нѣкое и грязное стадо—они дрались за пищу и убѣжище, сперва просто ногтями и кулаками, послѣ—лубиною, и наконецъ—оружіемъ, которое научилъ ихъ дѣлать опыты. Затѣмъ они изобрѣли названія для предметовъ, слова для выраженія своихъ мыслей; прекратили борьбу, стали укрѣплять города и создавать законы** *).

*) De legg. III.

***) Horat. Sat. lib. I. 3. 99.

во всякомъ случаѣ удовлетворяя этимъ только прямымъ требованіямъ собственной природы ¹⁾).

Понимаемое какъ прямое требованіе человѣческой природы, право не исключаетъ проявленій въ немъ и закона нравственнаго, и правосудія естественнаго, насколько тотъ и другое представляютъ собою такой же естественный законъ, написанный, по выраженію Писавія, не на скрижаляхъ каменныхъ, а на сердцахъ человѣческихъ. Не исключаетъ оно, такъ понимаемое, и идеи полезности. Напротивъ, оно отождествляется въ этомъ случаѣ съ пользою, но не съ тою одностороннею, частною, субъективною пользою, какъ она можетъ быть понимаема тѣмъ или инымъ лицомъ или даже союзомъ человѣческимъ, а съ тою истинною пользою, которая заключается въ правильномъ удовлетвореніи истиннымъ потребностямъ человѣческой природы при тѣхъ естественныхъ условіяхъ, какія указаны ей Творцемъ природы. Это та польза, различеніе которой отъ природы вызывало, по словамъ Цицерона, проклятія со стороны Сократа тому, кто первый ввелъ его ²⁾. Ибо различеніе пользы отъ природы въ существѣ дѣла есть не иное что, какъ замѣна требованій природы узкими соображеніями человѣческаго эгоизма,—изва, которую разлагается общественный порядокъ.

¹⁾ „Люди, говоритъ Платонъ, необходимо должны имѣть законъ и жить по законамъ; иначе они ничѣмъ не отличаются отъ самыхъ дивныхъ животныхъ. Причина этому та, что никакая природа человѣческая (въ смыслѣ индивидуума) сама по себѣ не способна видѣть полезное ближнимъ своимъ, живущимъ въ государственномъ устройствѣ, и даже зная лучшее, она бессильна и не имѣетъ постоянной воли слѣдовать ему. Во-первыхъ, трудно понять, что въ государственномъ устройствѣ необходимо должно заботиться не о своемъ собственномъ, а объ общемъ... Во-вторыхъ, если бы кто и достаточно успѣлъ въ этомъ познаніи, и достигъ эго истину, то потомъ, управляя государствомъ совершенно по произволу, не отдавая никому отчета, онъ никакъ не могъ бы остаться при своемъ первомъ мнѣніи и жить для общаго блага, не проинвавъ его на свое личное“. De legg. IX.

²⁾ Cic. de legg. l. 12.

Но если основы права коренятся въ самой природѣ человѣческой, фактическія формы, въ какихъ являлось и является оно въ дѣйствительной жизни, далеко не уясняются изъ одного закона природы. Въ дѣйствительности право является не только выраженіемъ, но и охраненіемъ закона природы. Ибо язва, разлагающая общественный порядокъ, къ несчастію человѣчества также присуща ему, какъ и законъ естественный, на которомъ зиждется порядокъ. Чѣмъ шире и глубже распространеніе этой язвы, тѣмъ яснѣе въ охрану закона природы выступаетъ иная сила и иной законъ, кромѣ закона природы. Эта сила и этотъ законъ трудно уловимы для непосредственнаго человѣческаго сознанія. Но что они присущи судьбамъ человѣческаго права, какъ оно является въ исторіи, это не ускользало отъ наблюденія непрелюбимыхъ изслѣдователей этихъ судьбъ.

„Ни одинъ человѣкъ, говорилъ еще Платонъ въ свое время, никогда ничего не узаконяетъ; но случаи и разныя несчастія суть источники законовъ: или жестокая война или гибельное вліяніе недостатка влечетъ государство къ упадку и измѣняетъ законы; иногда болѣзни, голодъ и несчастные годы заставляютъ вводить новизны. Взирая на сіе, всякій согласится со мною, что смертный ничего не устанавливаетъ, но всё дѣла человѣческія суть игра случая... Но въ тѣхъ же обстоятельствахъ хороши и другія слова— что Богъ, счастье въ рукѣ Божіей и чреда управляютъ судьбою человѣчества. За ними уже надлежитъ дать мѣсто искусству: ибо великую услугу доставляетъ знаніе кормчаго во время бури¹⁾). Каковы бы такимъ образомъ ни были естественныя основы права, въ исторіи ему предшествуетъ и его обуславливаетъ вѣчто иное, что въ данномъ мѣстѣ Платонъ называетъ игрою случая, а потомъ дѣломъ Бога, счастья въ рукѣ Божіей и чреды, управляющихъ судьбою человѣчества, но что въ другомъ случаѣ онъ же, согласно древ-

¹⁾ Plat. de legg. IV.

ней вѣрѣ челоуѣчества, выставляеть за дѣйствіе правосудія божественнаго, такъ или иначе проявляющагося въ міровыхъ событіяхъ. „Граждане, выражается онъ въ другомъ мѣстѣ: Богъ, какъ говорятъ древнее преданіе, содержащій въ себѣ начало, средину и конецъ всѣхъ вещей, шестуеть прямо и проивкаеть всю вселенную; Ему всегда сопутствуетъ правосудіе, мститель за нарушеніе божественнаго закона“¹⁾. За тѣмъ уже, что касается фактической формулировки права, оно зависитъ въ извѣстной мѣрѣ и отъ того, что Платонъ называетъ знаніемъ кормчаго во время бури.

Дѣйствительно, то самое, присущее челоуѣческому сознанію, чувство, которое называется чувствомъ справедливости и служитъ основаніемъ такъ называемаго естественнаго правосудія, то самое чувство у всѣхъ народовъ и во всѣ времена соединилось съ представленіемъ, что выражающійся въ этомъ чувствѣ законъ не есть законъ только челоуѣческой, но и божественной; что нарушающій его, если и можетъ избѣжать кары челоуѣческой, не можетъ и не долженъ избѣжать такъ или иначе кары божественной; что если правда челоуѣческая не въ состояніи оказывається въ то или иное время оградить указанная Богомъ условія для земной жизни челоуѣка: то войти въ дѣла челоуѣческія должна такъ или иначе правда божественная. И по вѣрованіямъ народовъ ово-то и входило въ эти дѣла, когда надъ ними разражались тѣ или иныя бѣдствія, когда судьбы ихъ подвергались тѣмъ или инымъ переворотамъ. Съ особенною яркостію подобныя представленія выступаютъ въ міросозерцаніи тѣхъ народовъ древности, историческое призваніе которыхъ проявлялось по преимуществу въ разработкѣ и пропагандѣ челоуѣческаго права (у египтянъ и римлянъ). Но дають себя чувствовать они и въ воззрѣніяхъ древнихъ изслѣдователей историческихъ судебъ народовъ. Не чужды они были и древней философіи права и даже — положительно-

¹⁾ Plat. de legg. IV.

ному законодательству древнихъ народовъ. Не чужды они и новѣйшей наукѣ, хотя послѣдняя предпочитаетъ называть закономъ исторію то, что древніе называли силою и закономъ божественнымъ.

Насколько вѣрованія въ зависимость дѣлъ человѣческихъ отъ воли божественнаго провидѣнія были общими и постоянными вѣрованіями всѣхъ народовъ, они издревле, съ тѣхъ по крайней мѣрѣ поръ, какъ человечество знаетъ о своемъ земномъ существованіи, выражались въ *релиіи* или *правѣ религіозномъ* вообще.

2. Происхожденіе и основы религіозно-общественныхъ установленій.

Собственно подѣ *религіею* (*religio*) римляне, отъ которыхъ заимствовано это слово, разумѣли чувство благоговѣнія, страха, ужаса, и т. п., которыя возбуждала въ человѣкѣ присущая какъ природѣ видимой вообще, такъ дѣламъ человѣческимъ въ особенности высшая божественная сила. Различали они *религію къ Богу* (*ad Deum religio*), разумѣя подѣ нею рядъ чувствъ, рождающихся въ человѣкѣ изъ общаго сознанія его зависимости отъ той таинственной и высочайшей силы, которою все держится и все управляется въ мірѣ; различали они и религію общественнаго порядка человѣческой жизни, разумѣя надѣ нею того же свойства чувство охраняющее неприкосновенность тѣхъ или иныхъ отношеній или учрежденій человѣческаго обществѣ представленіемъ присущей имъ той же божественной силы. О послѣдней религіи говорили они, когда употребляли выраженія: *религія крови и свойства* ¹⁾, *религія обѣта* ²⁾, *религія клятвы* ³⁾, *религія иррочовъ* ⁴⁾, *религія мѣста* ⁵⁾ и т. д.

¹⁾ Religio sanguinis et affinitatis.—Valer. Max. lib. II cap. 1. n. 7.

²⁾ Religio voti.—Liv. lib. V. cap. 23.

³⁾ Religio iurjurandi.—Liv. lib III. cap. 20.

⁴⁾ Religio sepulchrorum.—Cic. De legg. II. 22.

⁵⁾ Religio loci.—Ulpian. Dig. lib. II. tit. IV. fr. 2.

Разумѣя подѣ религіею въ собственномъ смыслѣ рядъ такого рода чувствъ, римляне называли иногда этимъ именемъ и всю совокупность понятій о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и человѣку съ одной стороны, и совокупность обязанностей человѣка въ отношеніи къ Богу, выражающихся въ установленіяхъ общественнаго и частнаго культа и въ соблюденіи разнаго рода законовъ чловѣческаго общегитія, признанныхъ за выраженіе божественной воли,— съ другой ¹⁾). Въ послѣднемъ смыслѣ слово религія вошло въ общее употребленіе и у новѣйшихъ народовъ. Но въ строгомъ смыслѣ и на языкѣ юридическомъ у римлянъ подѣ религіею разумѣлось именно религиозное чувство или религиозная совѣсть, охраняющая неприкосновенность тѣхъ или иныхъ вѣрованій, учреждений и отношеній общественныхъ.

Обращаясь къ исторіи религіи, понимаемой въ смыслѣ системы вѣрованій и связанныхъ съ ними учреждений общественнаго и частнаго культа, изслѣдователи поражаются и здѣсь такимъ же чрезвычайнымъ разнообразіемъ ея у различныхъ народовъ древняго и новаго времени, какое находятъ въ законахъ чловѣческаго общегитія вообще. Разнообразіе это доходитъ иногда до полнаго противорѣчія какъ въ понятіяхъ о Существѣ Божественномъ и Его отношеніи къ міру и человѣку, такъ и въ опредѣленіи обязанностей человѣка къ Богу, или что то же—въ установленіяхъ общественнаго и частнаго культа. Древній міръ не зналъ почти вовсе религіи общей не только всѣмъ, но и многимъ или даже нѣсколькимъ народамъ или гражданскимъ обществамъ. „Своя у каждаго народа (*civitas*) религія, говорилъ Цицеронъ; своя особая у насъ“ ²⁾). При этомъ не только относительно количества и личности боговъ, но и самыхъ свойствъ ихъ у разныхъ народовъ были свои особыя представленія. По словамъ Климента Александрійскаго, греки, напр., представляя боговъ по виду подобными людямъ, представляли

¹⁾ См. *Lexicon Forcellini*, v. *religio*.

²⁾ *Orat. pro Flacco*.

ихъ подверженными и тѣмъ же страстямъ, какимъ были подвержены сами. И какъ по наружному виду, по словамъ Ксенофана, каждый народъ представлялъ ихъ похожими на себя: еѳіопы черными и курносыми, еракійцы рыжими и голубоглазыми; такъ и по свойствамъ душевнымъ уподобляли ихъ себѣ. Варвары изображали ихъ суровыми и съ звѣрскими нравами; греки—болѣе кроткими, но вмѣстѣ воспримчивыми ко всякаго рода душевнымъ движеніямъ и волненіямъ¹⁾. Затѣмъ представляемые въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и съ самыми различными свойствами, боги были, по словамъ Апулея, почитаемы у разныхъ народовъ и разными жертвами, церемоніями, обрядами: у однихъ народовъ богослуженіе совершалось въ ночное, у другихъ въ дневное время: у однихъ оно имѣло открытый, у другихъ тайный характеръ; у однихъ соединялось съ радостнымъ, у другихъ съ скорбнымъ чувствомъ. Каждая вообще страна имѣла свои особые уставы и обычаи какъ относительно порядка богослуженія вообще, такъ и относительно обязанностей служителей религіи, правилъ жертвоприношенія, храмовъ, и т. п.²⁾ Міръ новый знаетъ нѣсколько религіи общихъ по крайней мѣрѣ многимъ народамъ; при чемъ народы, принадлежащія къ одной человѣческой расѣ или племени, оказываются содержащими по преимуществу одну религію, къ другой—другую. Кромѣ того, народы наиболѣе цивилизованные оказываются послѣдователями религіи христіанской; народы менѣе цивилизованные—послѣдователями другихъ религіи. Но и при этомъ сравнительно болшемъ религіозномъ объединеніи народовъ новаго времени, разности религіозныя, хотя и въ менѣе рѣзкихъ формахъ, продолжаютъ существовать даже между народами, содержащими одну и ту же религію. Само христіанство распадается на множество исповѣданій, сектъ, толковъ, по большей части

¹⁾ Strom. VII.

²⁾ De Deo So-ratis.

взаимно враждебныхъ и вводящихъ религіозную рознь въ среду даже одного и того же христіанскаго народа.

Останавливая и въ религіи, какъ и въ правѣ вообще, исключительное вниманіе на разностяхъ религіозныхъ, доходящихъ особенно въ древнемъ мірѣ нерѣдко до нелѣпаго и смѣшного, или до отвратительнаго и ужаснаго, мыслители, выставляющіе право человѣческое вообще за произведеніе узкаго человѣческаго эгоизма, еще ревностнѣе примѣняютъ подобную точку зрѣнія къ праву религіозному. До нѣкоторой степени вторятъ имъ, по временамъ, и мыслители, повидимому, болѣе серьезные, но такіе, которые, соглашаясь допустить вліяніе на образованіе человѣческаго права закона нравственнаго, врожденнаго человѣку чувства справедливости, даже—закона естественнаго и историческаго, не желаютъ ни въ послѣднемъ усмотрѣть, ни помимо его указать присущій человѣческому праву законъ божественный. Замѣчаемое въ исторіи многихъ народовъ нарочитое развитіе извѣстныхъ вѣрованій и институтовъ религіозныхъ, сообразно болѣе или менѣе яснымъ цѣлямъ законодателей этихъ народовъ, даетъ тѣмъ и другимъ мыслителямъ большую или меньшую смѣлость утверждать, что религія вообще есть не болѣе, какъ одно изъ средствъ, такъ или иначе придуманныхъ законодателями для достиженія извѣстныхъ политическихъ цѣлей. Различіе въ воззрѣніяхъ мыслителей перваго и втораго рода сводится лишь къ тому, что первые отрицаютъ значеніе религіи безусловно; послѣдніе же допускаютъ значеніе ея для того или иного народа на извѣстной степени его умственнаго и нравственнаго развитія. Первые видятъ въ ней простое измышленіе человѣческое для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей партіи и даже отдѣльныхъ лицъ; послѣдніе—болѣе или менѣе удачное обращеніе народныхъ мнѣній или заблужденій на пользу общественнаго порядка жизни.

Воззрѣнія подобнаго свойства не новы въ исторіи. Съ ними въ свое время имѣлъ дѣло еще Платонъ. Въ сочиненіи

„о Законахъ“ онъ представляетъ ихъ ходячими въ средѣ современнаго ему юношества, и видитъ причины ихъ частію въ невѣріи вообще, поддерживаемомъ тогдашнюю литературу, и между прочимъ, „людьми занимающимися естественными изслѣдованіями“¹⁾, частію въ тенденціяхъ соціально-политическаго свойства. Къ несчастью Платона, положительная религія его народа была такова, что встать на защиту ея противъ невѣрія, подкрѣпляемаго „естественными изслѣдованіями“, было не легко. „Мы должны, говорить онъ, жаловаться на сочиненія новѣйшихъ мудрецовъ, какъ на причину настоящихъ золъ; они-то производятъ всю порчу. Если я или ты въ доказательство бытія Божія представимъ солнце, луну, звѣзды и землю,—что они суть боги и божественны: то послѣдователи сихъ мудрецовъ скажутъ, что это земля и камни, что они нисколько не могутъ пещись о дѣлахъ человѣческихъ; и краснорѣчіемъ своимъ превратятъ это въ достовѣрность“. Тѣмъ не менѣе Платонъ находитъ возможнымъ выставить противъ этого невѣрія всеобщность вѣры, а въ самомъ невѣріи указать на его неестественный человѣкъ характеръ. „Можно ли, говорить онъ, не сердясь говорить о богахъ, о бытіи ихъ?... Люди, которые издѣтства вѣрили священнымъ повѣствованіямъ, слышаннымъ ими отъ матерей и кормилицъ, при жертвоприношеніяхъ и молитвахъ; которые въ свое время привыкли къ священнымъ обрядамъ и услаждали ими свой взоръ и слухъ; которые видѣли родителей своихъ съ пламеннымъ усердіемъ приносившими жертвы за себя и за нихъ, и бесѣдовавшими съ богами молитвами и прошеніями въ несомнѣнной вѣрѣ въ бытіе ихъ; которые были ежедневно свидѣтелями, что оллены и всѣ варвары при восхожденіи и захожденіи солнца и луны, въ счастья и несчастьяхъ приносятъ мольбы и поклоняются богамъ, не имѣя

¹⁾ Или, какъ онъ выражается иначе, „въ невѣжествѣ почти неисчислимомъ, почитающемъ себя совершенною мудростію“.

никакого сомнѣнія въ бытія ихъ,—эти люди, презрѣвши все это безъ достаточной причины, по которой можно было бы предполагать въ нихъ хотя малѣйшій умъ, принуждаютъ насъ говорить теперь то, что мы говоримъ... Но безъ гнѣва... скажемъ откровенно кому-нибудь изъ таковыхъ: юноша, ты еще молодъ. Придетъ время и заставитъ тебя переменить теперешнія твои мнѣнія, и принять противоположныя; до тѣхъ же поръ не слѣши быть судьей дѣла важнѣйшаго. Важнѣе же всего,—о чемъ ты теперь не думаешь,—имѣть справедливое понятіе о богахъ, и вести жизнь хорошую или не хорошую. Во-первыхъ я скажу тебѣ о нихъ нѣчто важное, и ты вѣрно никогда не обличишь меня во лжи: не ты одинъ, и не друзья твои первые начали имѣть о богахъ такое мнѣніе; во всякое время въ большемъ или меньшемъ числѣ люди бывають подвержены этой болѣзни. Я тебѣ скажу, что съ ними бываетъ. Еще ни одинъ изъ нихъ, отъ юности возросшій во мнѣніи, что нѣтъ боговъ, не остался постоянно въ этомъ заблужденіи... Другія два мнѣнія постояннѣе, и то не у многихъ, а у нѣкоторыхъ: первое—что есть боги, но они не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ; и другое—что они пекутся, но легко могутъ преклониться жертвами и молитвами*... Обращаясь къ ученіямъ теоденціознаго свойства, Платонъ разоблачаетъ ихъ такъ: „Они говорятъ, что боги суть произведеніе художества; что они не по природѣ существуютъ, а по законамъ; что они у всякаго народа свои различныя, смотря потому, какъ народы условились между собою въ законодательствѣ; что прекрасное одно по природѣ, другое по закону; что справедливости по природѣ совѣмъ нѣтъ, но въ разногласіяхъ люди различно устанавливаютъ ее между собою и всегда измѣняютъ; измѣненія, какія въ ней бывають сдѣланы, остаются на то время господствующими и происходятъ по законамъ, а не по природѣ. Все это идетъ отъ мудрыхъ людей новѣйшихъ временъ, отъ прозаиковъ и поэтовъ, полагающихъ величайшую справедливость въ перевѣсъ, одерживаемомъ силою. Отъ

этого и въ ходу теперь мнѣнія, будто вовсе нѣтъ боговъ, которыхъ законъ велитъ признавать; отсюда и возмущенія: всѣ стремятся къ справедливости естественной, которая вѣдѣла состоитъ въ томъ, чтобы властвовать надъ другими, и не жить въ подчиненіи у другого по закону... Что остается дѣлать законодателю? спрашиваетъ затѣмъ Платонъ. И отвѣчаетъ въ заключеніе: „Кричать, какъ говорится, по весь ротъ, и словами содѣйствовать древней вѣрѣ, что есть боги,—заступиться за законъ и искусство, которыя происходятъ отъ природы и не меньше природы: ибо суть порожденіе ума“¹⁾.

Послѣдній совѣтъ,—т. е. въ противовѣсъ ученіямъ извѣстнаго свойства развить ученіе о религіи и ея учрежденіяхъ въ порядѣ жизни общественной, какъ о происходящихъ отъ природы и не меньшихъ природы въ качествѣ порожденій ума,—въ свое время принялъ къ свѣдѣнію и руководству Цицеронъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что до такого открытаго отрицанія религіи или даже—глумленія надъ народною святынею, до какого доходило юношество греческое, римляне не доходили никогда. Римскіе нравы въ данномъ отношеніи были слишкомъ строги и серьезны²⁾. Въ Римѣ, какъ видно изъ Цицерона, могло получить нѣкоторый ходъ, и то въ видѣ ученія философскаго, лишь мнѣніе, что „боги есть, но они не пекутся о дѣлахъ человеческихъ“, поддерживаемое отчасти другимъ (о которомъ Платонъ не упоминаетъ, но которое также формулировалось у грековъ) мнѣніемъ, что собственно положительныя религіи, основанныя на представленіи о непосредственномъ вмѣшателствѣ божества въ дѣла человѣческія, имѣютъ

¹⁾ Plat. de legg. X.

²⁾ Выказывать пренебреженіе къ народной религіи было у римлянъ вообще не безопасно. Val. Max. I. cap. IV. n. 3; et Cic. De Divin.: Nec vero non omni supplicio digni P. Claudius, L. Junius, consules, qui contra auspicia navigarunt. Parendum enim fuit religioni, nec patrius mos tam contumaciter repudiandus. Jure igitur alter populi judicio damnatus est; alter mortem sibi ipse conscivit.

свое значеніе и должны существовать, но только для массы народной. „Философія, говорилъ напр. Страбонъ, адресуется къ малому числу людей; невозможно, чтобы женщины и простонародье были приводимы къ религіи, благочестію и вѣрѣ разсужденіями философскими: для этого нужно суевѣріе“¹⁾). Но и въ такой, смягченной формѣ, антирелигіозное ученіе встрѣтило сильный отпоръ въ практическомъ здравомысліи римлянъ. Результаты его римляне могли уже наблюдать на грекахъ. „Тѣ, говоритъ относительно послѣдняго мнѣнія Цицеронъ, которые утверждали, что представленіе о богахъ безсмертныхъ во всей его совокупности придумано людьми мудрыми для пользы республики, чтобы тѣмъ, кому разумъ не могъ внушить его долга, внушала этотъ долгъ религія, тѣ не въ самомъ ли корнѣ подорвали религію“²⁾? Оцѣнивая и все вообще ученіе о невмѣстительствѣ божества въ дѣла человѣческія съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій для человѣческаго общежитія, Цицеронъ говорилъ: „Есть и были философы, которые думали, что боги не имѣютъ никакого рѣшительно попеченія о дѣлахъ человѣческихъ. Если это мнѣніе ихъ справедливо, то какое возможно благочестіе? Какая святыня? Какая религія? Въдъ все это признается нужнымъ воздавать божествамъ при томъ условіи, если они это видятъ, и если въ свою очередь боги безсмертные воздаютъ за это роду человѣческому. Если же боги помогать намъ не могутъ и не хотятъ, и не заботятся вовсе, и не замѣчаютъ того, что мы дѣлаемъ, да и нѣтъ ничего такого, что могло бы отъ нихъ распространяться на человѣческую жизнь: то зачѣмъ мы и воздаемъ богамъ безсмертнымъ какой бы то ни было культъ или почитаніе, и обращаемся къ нимъ съ какими бы то ни было молитвами? Вымышленнымъ формамъ не можетъ быть присуще благочестіе, какъ и другія добродѣтели. вмѣстѣ съ благочастіемъ необходимо отвергнуть въ этомъ случаѣ

¹⁾ Strab. lib. I. p. 13. Cf. Arist. Polit. III. 5.

²⁾ Cic. De Nat. deor. I. n. 42.

Труды Кіевской дух. Акад. Т. II. 1886 г.

и святую, и религію. За устраненіемъ же ихъ послѣдуетъ сумятица житейская и великій беспорядокъ. Да я и не знаю, съ уничтоженіемъ благочестія по отношенію къ богамъ удержится ли въ человѣческомъ родѣ довѣріе и общеніе, и нѣкая превосходиѣйшая добродѣтель, справедливость⁴⁾? Въ виду такихъ послѣдствій для общежительнаго порядка ученія о религіозныхъ институтахъ, какъ о формахъ „вымышленныхъ“ или „придуманннхъ“, Цицеронъ и далъ особое развитіе ученію о правѣ естественномъ, какъ основѣ права положительнаго вообще⁵⁾, и права религіознаго въ особенности.

Только указывая на природу, какъ на основу права,

⁴⁾ De Nat. deor. I. 2.

⁵⁾ „Справедливость, говоритъ Цицеронъ, есть свойство души, соблюдающаю общую пользу, оказывать каждому должное уваженіе. Начала ея даны природою; затѣмъ нѣчто перешло въ обычай на основаніи полезности; послѣ, получившее начало отъ природы и одобренное обычаемъ, утвердили, какъ неприкосновенное, страхъ законовъ и религія. То право дано природою, которое не догадка произвела, а вложила нѣкоторая врожденная сила, и къ которому относятся: религія, благочестіе, взаимная любовь, возмездіе, уваженіе къ высшимъ, вѣрность“, и проч. (De invent. lib. II, in fin). Подтвержденіе такого рода воззрѣній на основы права Цицеронъ находитъ въ самомъ сознаніи человѣкомъ этихъ основъ за существующія независимо отъ воли законодателей и дѣйствующія въ немъ помимо соображеній о какой бы то ни было пользѣ или выгодѣ. „Если наказаніе, говоритъ онъ, если страхъ казни отвращаетъ насъ отъ несправедливой и злодѣйской жизни: то человѣка несправедливаго нѣтъ, или вѣрнѣе—дурные люди должны считаться неосторожными. Если не честное само по себѣ побуждаетъ насъ быть людьми добрыми, а нѣкоторая польза и прибыль: то мы люди лукавые, а не добрые. Ибо что сдѣлаетъ въ ночной темнотѣ тотъ, кто боится только судьи и свидѣтеля? Что сдѣлаетъ онъ, встрѣтивъ въ пустынномъ мѣстѣ слабосильнаго и одинокаго такого, у котораго могъ бы награбить много золота?“. Вообще, по Цицерону, если бы право устанавливалось во имя только пользы, то установленное во имя одной пользы испровергалось бы во имя другой; если бы основывались только на законодательствѣ положительномъ, на волѣ народовъ, предписаніяхъ государей, мнѣніяхъ судей и т. д.: то законы могли бы обращать несправедливость въ справедливость и зло въ добро; если же мы различаемъ хорошей законъ отъ дурнаго, то различаемъ на основаніи естественной нормы (naturae postea). „Природа различаетъ не только правое отъ неправаго, но и все вообще честное отъ гнуснаго“. De legg. I. 14—16.

Цицеронъ отнюдь не разсматриваетъ ее какъ нѣчто особое отъ разума, или дѣйствующее отъ него независимо. Между правомъ естественнымъ, устанавливаемымъ природою, и правомъ положительнымъ, произведеніемъ чловѣческаго разума, по его представленіямъ, существуетъ болѣе или менѣе постоянная внутренняя связь, зависящая отъ общаго для природы и разума источника. Законъ, по его опредѣленію, есть здравый разумъ (*recta ratio*), и понимаемые въ этомъ смыслѣ законы, а слѣдовательно и право вообще, общи, какъ выражается онъ, и людямъ и богамъ. „Какъ ничего нѣтъ лучше разума, разсуждаетъ Цицеронъ, и разумъ этотъ принадлежность и чловѣка и Бога: то первое общее у чловѣка съ Богомъ это—общеніе (*societas*) въ разумѣ. А у кого общій разумъ, у тѣхъ общій и здравый разумъ. Если же здравый разумъ есть законъ, то мы должны думать, что люди соединены съ богами въ одно общество и самымъ закономъ. А между кѣмъ существуетъ общеніе въ законѣ, между тѣми существуетъ общеніе и въ правѣ“. И люди и боги, по заключенію его, повинуются такимъ образомъ одному и тому же небесному распоряженію, божественному уму, Богу всемогущему¹⁾. Почему и религія является у него въ заключеніи основанною сколько на правѣ естественномъ, столько же на этомъ общеніи чловѣка съ Богомъ въ разумѣ. „Если бы право не утверждалось на природѣ, уничтожались бы всѣ добродѣтели... И не только обязанности въ отношеніи къ людямъ, но и церемоніи и религія въ отношеніи къ богамъ были бы ниспровергнуты; ибо я думаю, что ихъ долженъ поддерживать не страхъ, а тотъ союзъ, который существуетъ между чловѣкомъ и Богомъ“²⁾. Этотъ союзъ и сказывается тѣми требованіями, какія выражаются для чловѣка въ правѣ естественномъ. „Умъ божественный, говоритъ онъ, не можетъ быть безъ

¹⁾ De legg. I. 7.

²⁾ Ibid. n. 15.

разума, а разумъ божественный не можетъ не имѣть этой силы, узаконяющей справедливое и запрещающей несправедливое“. Замѣтивъ далѣе, что изъ того, что во время Тарквинія не существовало въ Римѣ положительнаго закона о насиліи (*de stupris*), не слѣдуетъ, будто Тарквиній не нарушилъ этого вѣчнаго закона, когда сдѣлалъ насиліе Лукреціи, Цицеронъ продолжаетъ: „Былъ разумъ, происшедшій отъ природы вещей, побуждающій къ справедливому образу дѣйствій и отклоняющій отъ преступленія. Разумъ этотъ не съ того времени сталъ закономъ, какъ былъ написанъ, а съ того, какъ возникъ. Возникъ же онъ вмѣстѣ съ умомъ божественнымъ“¹⁾, и пр.

Такое воззрѣніе на религію не устраняло примѣненія и къ ея институтамъ критерія полезности. И греческій и римскій мыслитель одинаково имѣли въ виду уяснить величайшія выгоды, вносимыя религіею въ порядокъ общежитія человѣческаго. Польза религіи нераздѣльна съ самымъ существованіемъ религіи и такова, что, по мнѣнію ихъ, съ религіи и долженъ былъ начинать законодатель всякаго народа. Итакъ, говоритъ Цицеронъ словами Платона, прежде всего пусть граждане будутъ убѣждены, что боги суть владыки и правители всего, и что все, что ни дѣлается, дѣлается ихъ силою, по ихъ власти и изволенію; что они дѣлаютъ роду человѣческому всяческое добро; и кто каковъ есть, что дѣлаетъ, что задумываетъ про себя, съ какою мыслию, съ какимъ благоговѣніемъ исполняетъ религіозныя обязанности,—все это они видятъ, и дѣлаютъ различіе между благочестивыми и нечестивыми. Ибо напоенныя этия души не будутъ отвращаться отъ полезнаго и истиннаго образа мыслей... Кто станетъ отрывать пользу этихъ вѣрованій, когда приметъ въ соображеніе, какъ многое держится на вѣствѣ, какъ полезна религія въ договорахъ, какъ многихъ удерживаетъ отъ злодѣйства страхъ божественнаго наказанія, какъ свято будетъ взаимное обще-

¹⁾ De legg. II. 4.

ніе гражданъ, когда боги бессмертные будутъ стоять между ними то въ качествѣ судей, то въ качествѣ свидѣтелей¹⁾. И Платонъ и Цицеронъ одинаково повтому посвящали свое вниманіе разнаго рода институтамъ религіознымъ, разсматривая ихъ какъ естественную принадлежность общественнаго порядка человѣческой жизни и указывая условія, при какихъ они могли приносить этому порядку наибольшую пользу.

Разсматриваемая съ той же точки зрѣнія,—требованіе закона естественнаго или предписанія здраваго смысла,—религія даже и у народовъ древняго міра оказывалась имѣющею при всемъ своемъ разнообразіи тождественныя стороны. Такія стороны существовали не только между религіями греческою и римскою, но и между этими религіями и религіями древняго Египта и Персіи. То, что римляне въ собственномъ смыслѣ называли: *religio sanguinis et affinitatis*, *religio voti*, *religio iusjurandi*, *religio sepulchrorum*, etc., не было принадлежностію только религіи римской или греческой, а было принадлежностію религіи всѣхъ народовъ, насколько эти религіи были выраженіемъ разума или того общаго закона, о которомъ говорилъ Цицеронъ: „Есть законъ истинный, разумъ здравый, согласный природѣ, влитый во всѣхъ, постоянный, вѣчный. Онъ призываетъ къ долгу повелѣвая, отвращаетъ отъ обмана запрещая; и повелѣваетъ онъ и запрещаетъ не напрасно, какъ не напрасно тревожитъ повелѣніемъ или запрещеніемъ злыхъ. Нельзя въ этомъ законѣ ни отмѣнить что-либо, ни измѣнить; нельзя отвергнуть его и въ дѣломъ видѣ. Не можетъ освободить насъ отъ этого закона ни сенатъ, ни народъ. Да не нужно искать для этого закона и объяснителя или толкователя. И не иной законъ для Рима, не иной для Аѳинъ; не иной сегодня, не иной послѣ; но для всѣхъ народовъ и на всѣ времена одинъ законъ вѣчный, неизмѣнный; и одинъ какъ бы общій

¹⁾ De legg. II. 7.

учитель и правитель всего Богъ, который его составилъ, разсмотрѣлъ, издалъ^а, и пр. ') .

Взглядъ на религію, какъ на законъ для человѣка естественный, выражающійся требованіями его разумной природы, нашелъ въ свое время полное подтвержденіе въ ученіи христіанскомъ. По словамъ апостола Павла, все, что касается общихъ понятій о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру было извѣстно не одному народу еврейскому, имѣвшему по этому предмету особое божественное откровеніе, но и всѣмъ языческимъ народамъ, имѣвшимъ по тому же предмету откровеніе естественное. *Разумное Божіе*, говорилъ онъ о послѣднихъ, *явь есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Ею отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Ею и Божество, во еже быти имъ безответнымъ* (Римл. I. 19, 20). Откровеніе это, по ученію апостола, не ограничивалось одною, такъ сказать, теоретическою стороною религіи, а обнимало всю область человѣческихъ отношеній, стоящихъ подъ охраною религіозно-правстввеннаго чувства. *Егда бо языцы, говоритъ онъ, неимуща закона естествомъ законная творятъ, (то) сии закона неимуща, сами себѣ суть законъ: иже (они) являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествоющей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отъщцавающимъ (оправдывающимъ.—Римл. II. 14, 15).* То была вина уже самихъ народовъ, что они, какъ говоритъ тотъ же апостолъ, *разумѣше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленіями своими .. И измѣниша славу нетлѣнную Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и змѣй... И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумъ, сею ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная* (Рим. I. 21 и дал.), и т. д.

Но если право человѣческое вообще, имѣя основы въ человѣческой природѣ, въ историческихъ формахъ своихъ

^а) Lactant. Div. Inst. VI. 8.

обнаруживаетъ зависимость еще отъ иного закона, кромѣ закона природы: то тѣмъ естественнѣе было ожидать, что Провидѣніе божественное не останется чуждымъ исторіи человѣческой религіи. Всѣ народы и всѣ древніе законодатели народовъ вѣрили и внушали вѣру, что изъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, отношенія религіозныя, или поставленныя подъ охрану религіи, непосредственнѣе и нагляднѣе всѣхъ другихъ отношеній вызываютъ въ случаѣ нарушенія ихъ нару божественнаго правосудія. Нагляднѣе всего выразилась эта вѣра во всеобщности клятвы, основаніемъ которой у всѣхъ народовъ и законодателей служило и служить именно представленіе о томъ, что Богъ, призываемый какъ свидѣтель сердечныхъ помышленій человѣка и мститель тому, кто обманываетъ, не умедляетъ обнаруживать свою правду и карающее могущество. Вѣрили народы, и въ событіяхъ историческихъ видѣли дѣйствительное подтвержденіе своей вѣры, что религіознымъ институтамъ ихъ была и вообще присуща высшая божественная сила, такъ или иначе, но неизбѣжно каравшая всякаго рода святотства¹⁾. Не отрицало и не отрицаетъ и ученіе христіанское того значенія клятвы вообще, какое имѣла она во всѣ времена и на взглядъ всѣхъ народовъ²⁾. Не отрицало оно и историческихъ фактовъ казней, постигавшихъ святотатства даже въ средѣ языческихъ народовъ³⁾. Но на дѣйствительное отношеніе Провидѣнія божественнаго къ исторически

¹⁾ Особенно глубокою вѣрою въ данное отношеніе отличались римляне. Извѣстенъ, наприм., рассказъ Ливія, подтверждаемый и другими римскими писателями, о судьбѣ рода Поттицевъ. Когда Аппій Клавдій, будучи цензоромъ, дозволилъ Поттиціямъ, которымъ принадлежало фамильное жречество при великомъ жертвенникѣ Геркулеса, замѣнить себя въ отправленіи этой обязанности публичными рабами,—Римъ былъ потрясенъ страшною казнью, обрушившеюся надъ несчастнымъ родомъ. Двѣнадцать фамилій Поттицевъ, между которыми было до тридцати человѣкъ зрѣлаго возраста, погибли всѣ въ теченіи одного года. Слуста нѣсколько лѣтъ и самъ Аппій лишился зрѣнія. Liv. IX. 29. Другіе примѣры подобныхъ казней у Valer. Max. lib. I. cap. I. n. 16—21.

²⁾ Vas. B. nр. 20.—Eго же Epist. LXXXV.

³⁾ Lactant. Div. Inst. II. cap. 8.

даннымъ религіямъ христіанство пролило свой особый свѣтъ ученіемъ о религіи откровенной или о церкви, какъ особомъ въ средѣ человѣчества божественномъ институтѣ, призванномъ быть орудіемъ къ религіозному просвѣщенію и спасенію человѣчества.

3. Понятіе о церкви.

По ученію христіанства, человѣкъ соотвѣтственно природѣ своей былъ призванъ къ разумно-свободному общенію съ Творцемъ этой природы, которое должно было выразиться въ соблюденіи божественной заповѣди, данной ему для свободнаго съ его стороны исполненія. Сохраненіе этого общенія имѣло создать для человѣка порядокъ земной жизни совершенно отличный отъ порядка, даннаго исторически. Нарушеніе же его повело къ образованію порядка фактически существующаго. Но въ безпредѣльномъ своемъ милосердіи Богъ не оставилъ и человѣчества падшаго. Пока природа человѣческаго не искажалась и не разрушалась совершенно, паденіе человѣка не было окончательнымъ и безвозвратнымъ. Пока въ сознаніи человѣчества не погасла потребность нравственнаго общенія съ Творцемъ его, не исчезала надежда на возможность для него спасенія если не своими собственными силами, то при чрезвычайномъ содѣйствіи божественномъ. Такое содѣйствіе и выразилось созданіемъ въ средѣ человѣчества церкви, сперва — такъ называемой ветхозавѣтной, потомъ — новозавѣтной или христіанской.

Церковь ветхозавѣтная созидалась на обътованіи спасенія, которое дано было Богомъ падшему человѣку вслѣдъ за паденіемъ его. По смыслу обътованія, спасеніе это должно было совершиться въ опредѣленное Промысломъ Божиимъ время чрезъ нарочитаго Искупителя. До наступленія же этого времени человѣчество призывалось къ сохраненію вѣры въ Бога и въ обѣщаннаго Искупителя, и къ соблюденію требованій закона естественнаго, насколько законъ

оставался общимъ мировымъ закономъ и продолжалъ сказываться и въ самой природѣ человѣка падшаго. Первоначально къ этому, основанному на обѣтованіи искупленія, союзу между Богомъ и падшимъ человѣкомъ призывалось одинаково все человѣчество, безъ всякихъ различій и ограниченій. Ибо и о патріархахъ народа еврейскаго Филонъ совершенно справедливо говоритъ, что „они не были научены и просвѣщены кѣмъ-либо: не учились у учителей, что должно дѣлать и читать; но сами собою вразумлялись и научались слѣдовать порядку природы; принимали эту природу за законъ, который дѣйствительно есть законъ, самый древнѣйшій“¹⁾. Но затѣмъ, съ распространеніемъ въ средѣ народовъ идолопоклонства, къ упомянутому союзу съ Богомъ былъ особеннымъ образомъ призванъ народъ еврейскій. Призывая послѣдній, Богъ уже не нашелъ возможнымъ, въ видахъ сохраненія вѣры истинной и обѣтованія о спасеніи, оставить этотъ народъ подъ руководствомъ единственно закона естественнаго: но далъ ему чрезъ Моисея особый законъ примѣнительно къ его національному характеру и тѣмъ историческимъ условіямъ, при какихъ предстояло ему продолжить свое независимое существованіе до времени предопредѣленнаго Промысломъ явленія Искупителя міра. А чтобы законъ этотъ не заглушилъ въ сердцахъ народа закона естественнаго, Богъ отъ времени до времени будилъ въ народѣ сознаніе этого закона частію чрезъ пророковъ, которыхъ посылалъ къ нему, частію посредствомъ испытаній, которымъ подвергалъ народъ.

Съ явленіемъ на землю Искупителя міра и совершеніемъ чрезъ Него дѣла спасенія человѣчества образовалась въ средѣ послѣдняго церковь такъ называемая новозавѣтная или христіанская. Церковь эта, какъ и церковь первобытная, до Моисея, призываетъ къ общенію съ Богомъ весь человѣческій родъ; хотя призываетъ пока къ общенію

¹⁾ De Abrah.—Vitring. De Synag. lib. I. pars II. cap. 1.

тайнственному чрезъ Христа, проповѣдуя обѣтованіе общенія непосредственнаго, *лицемъ къ лицу*, какъ выражается Апостоль (1 Кор. XIII. 12), только въ жизни будущей. Сравнительно съ церковію первобытною или патриархальною, церковь новозавѣтная является „наученною и просвѣщенной“ Христомъ; имѣеть и учителей, чтобы учиться у нихъ, „что должно дѣлать и читать“. Но божественное откровеніе, которымъ церковь христіанская располагаетъ, равно какъ и существующій въ ней учительскій и руководительный институтъ, даны ей отнюдь не въ отиѣну или замѣну закона естественнаго и того порядка земнаго общежитія человѣческаго, который установился на основаніи этого закона.

4. Отношеніе созданной І. Христомъ церкви къ естественно-правовому или исторически сложившемуся порядку человѣческаго общежитія.

Въ числѣ обвиненій, которыя ввозились на І. Христа іудеями предъ судомъ правителя римскаго, на первомъ мѣстѣ стояло обвиненія Его въ томъ, что Онъ былъ врагомъ общественнаго и государственнаго порядка, противникомъ власти Кесаревой. *Сею обрѣтохомъ*, говорили іудеи, *развращающа языкъ нашъ и возбраняюща Кесареву дань даяти, глаголюща Себе Христа царя быти* (Лук. XXIII. 2); и потомъ всею массою кричали: *Аще сеюпустиши, ииси другъ Кесаревъ: всякъ, иже царя себѣ творитъ, противится Кесарю* (Іоан. XIX. 12). Подобное обвиненіе на взглядъ самого Пилата, чуткаго конечно не менѣе самихъ іудеевъ ко всякаго рода ученіямъ соціально-политическаго свойства, показалось такою нелѣпостію, что вызвало съ его стороны только насмѣшки надъ ожесточенною толпою враговъ Христовыхъ (Іоан. XIX. 14—15, 19—22). Дѣйствительно, только при іудейской слѣпотѣ можно было представить себѣ ученіе и дѣятельность Іисуса Христа посягательствомъ на установившійся порядокъ жизни гражданской. Порядокъ этотъ опирался на законахъ; а Онъ училъ: *Да не мните яко при-*

идохъ разорити законъ или пророки: не придохъ разорити, но исполнити (Матѣ. V. 17). Порядокъ этотъ охранялся властями; а Онъ, повелѣвая воздавать *Божіе Богу*, заповѣдывалъ и *Кесарево воздавать Кесарю* (Матѣ. XXII. 21); и когда нѣкто обратился къ Нему съ просьбою—войти въ его дѣло съ братомъ по раздѣлу имущества, отвѣчалъ: *Человѣче, кто Мя постави судію или дѣлителя надъ вами* (Лук. XII. 14)? Правда, съ той высоко-нравственной точки зрѣнія, на какой стояло Его ученіе, Онъ не могъ одобрять всего, что дозволялось законами. *Моисей*, говорилъ Онъ іудеямъ, *но жестокосердію вашему повелъ вамъ пустити жены ваши: изъ начала же не бысть тако* (Матѣ. XIX. 8). Но развитіемъ высшаго нравственнаго воззрѣнія на предметъ Онъ и ограничился, оставляя пользоваться дозволеніемъ закона жестокосердымъ. Не могъ Онъ и въ существовавшихъ властяхъ іудейскихъ не усматривать, какъ далеко не соответствовали онѣ своему призванію. Ръчи Его не разъ направлялись противъ книжниковъ и фарисеевъ, слѣпыхъ вождей, но никогда не вызывали на открытое неповиновеніе имъ. *Вся, елика аще рекуть вамъ блости, соблюдайте и творите; но дѣломъ же ихъ не творите* (Матѣ. XXIII. 3), наставлялъ Онъ народъ. Не значило это и того, чтобы самыя распоряженія іудейскихъ властей Онъ всегда находилъ безукоризненными. Когда собиратели подати на храмъ предложили уплатить эту подать и Ему,—въ бесѣдѣ съ Петромъ Онъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости налога; тѣмъ не менѣе уплатилъ его не только за Себя, но и за Петра. *Да не соблазнимъ ихъ*, замѣтилъ Онъ при этомъ собесѣднику (Матѣ. XVII. 24—27). Внося новый свѣтъ въ область религіозныхъ воззрѣній человѣчества, не могъ Онъ не отрѣшиться и религіозную совѣсть народа отъ узъ закона обрядоваго, какія наложены были на нее закономъ Моисеевымъ. *Грядетъ часъ*, говорилъ Онъ, *и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему* (Іоан. IV. 23). Тѣмъ не

менѣе, заставъ торжниковъ во храмѣ іерусалимскомъ, со гнѣвомъ изгоняетъ ихъ, требуя уваженія къ дому Отца своего (Іоан. II. 14—16); обличаетъ книжниковъ и фарисеевъ въ неповиманіи началъ религіознаго права и неправильномъ толкованіи его (Мате. XXIII. 16 и слѣд.); на самомъ наконецъ судѣ предъ первосвященникомъ іудейскимъ указываетъ нарушение въ отношеніи къ Нему обычныхъ требованій правосудія. *Аще злы мѣлазъ, говорятъ Онъ ударившему Его служителю, свидѣтельствуй о злы; аще ли добры, что Мя бѣши* (Іоан. XVIII. 23)? Но какъ ни вѣрно было обвиненіе Іисуса Христа въ домогательствѣ какого бы то ни было переворота политическаго, оно вызвало съ Его стороны торжественное, предъ лицомъ представителя римскаго государства, исповѣданіе, что *царство Его нѣсть отъ міра сего*; что Онъ не можетъ, по подобію царей земныхъ, имѣть служителей, которые подвизались бы за Него обычнымъ для земныхъ царствъ порядкомъ; что главная задача Его свидѣтельство истины и единственный расчетъ на силу этой истины: *Азъ на сіе родихся, говорилъ Онъ въ заключеніе Пилату, и на сіе приидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину; и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. XVIII. 33—37). Отношеніе же своего царства не отъ міра сего къ правовому порядку царствъ земныхъ I. Христосъ указалъ яснѣе всего, когда призналъ надъ Собой власть судившаго Его Пилата, какъ власть данную *свыше* (Іоан. XIX. 11).

Соотвѣтственно этому и апостолы Христовы, распространяя евангеліе Его по всему міру, всячески старались устранить мысль о томъ, будто призывая народы къ вѣрѣ Христовой, устроивъ церкви и поставивъ ихъ подъ нравственное руководство особыхъ пастырей и учителей, они отрицали этимъ законы, обязательные въ обществѣ человѣческомъ, замѣняли установившійся гражданскій порядокъ жизни чѣмъ-то новымъ, выводили вѣрующихъ изъ подчиненія властямъ существующимъ. Апостолъ Петръ даже наро-

чито предостерегалъ вѣрующихъ отъ появленія лжеучителей, которые введутъ пагубныя ереси, и отвергаясь испутившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель. Какъ на особенность этихъ лжеучителей, онъ именно указывалъ, что они „идутъ вслѣдъ саверныхъ похотей плоти, презираютъ начальства, дерзки, своевольны, и не страшатся злословить вышшихъ“ (2 Петр. II. 10). А Іуда апостолъ говоритъ объ этихъ лжеучителяхъ, какъ уже дѣйствительно появившихся: „Вирались нѣкоторые люди... нечестивые, обращающіе благодать Бога нашего въ поводъ къ распутству и отвергающіеся... Господа нашего Іисуса Христа..., которые оскверняютъ плоть, отвергають начальства и злословятъ высокія власти..., злословятъ то, чего не знаютъ; что же по природѣ, какъ безсловесныя животныя, знаютъ, тѣмъ растлѣваютъ себя. Горе имъ... Это ропотники, вичѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ“, и т. д. (Іуды ст. 4, 8, 10, 11, 16). Насколько позволяютъ заключать слова апостола Петра объ этихъ лжеучителяхъ: „Объщаютъ имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія“ (2 Петр. II. 19), подобная мысль о неповиновеніи властямъ и законамъ была приурочиваема ими къ ученію апостольскому о свободѣ, пріобрѣтенной для насъ Христомъ. Но эта свобода, будучи свободою нравственнаго свойства,—свободою отъ грѣха, проклятій, смерти,—вовсе не освобождала отъ исполненія требованій общественнаго порядка, отъ покорности властямъ и законамъ. Тотъ же апостолъ Павелъ, въ писаніяхъ котораго наиболѣе раскрывается христіанское ученіе о свободѣ, такъ говоритъ въ посланіи къ Римлянамъ: *Всяка душа властямъ высшимъ да подчиняется. Нѣтъ бо власть, аще не отъ Бога: суція же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъже противаяяся власти, Божію повелѣнію противаяется... Князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. Хоцещи ли не бояться власти?—Благов твори... Аще ли злое твориши, бойся; не бо всу мечъ носитъ: Божій бо слуга есть, отмститель въ знѣвъ злое творящему. Тѣмъже потреба повиноватися не токмо за знѣвъ, но*

и за совесть, и т. д. (Римл. XIII. 1 и дал.). Изясняя эти слова, св. Иоаннъ Златоустъ говорилъ между прочимъ: „Много говорить по этому предмету (Апостолъ) и въ другихъ посланіяхъ, подчиняя какъ слугъ господамъ, такъ и подначальныхъ начальникамъ. Дѣлаетъ же это, чтобы показать, что Христосъ ввелъ свои законы не для испроверженія общаго порядка жизни гражданской, а для исправленія его къ лучшему... А чтобы показать, что повелѣваетъ это всѣмъ даже священникамъ и монахамъ, а не только людямъ свѣтскимъ, онъ поясняетъ это въ самомъ вступленіи рѣчи, говоря: „Всякая душа властямъ высшимъ да подчиняется“,—хоть бы ты былъ апостолъ, хотя бы евангелистъ или пророкъ, хотя бы другой кто: ибо подчиненіе не испровергаетъ благочестія. И не просто сказалъ: „Да повируется (κείνῳ εὐσεβῶς)“, но—„Да подчиняется (ὁ ἵκιστα σέβῳ)“. А первое правовое основаніе (δίκαιον) для такого законоположенія, согласное съ воззрѣніями вѣрующихъ, состоитъ въ томъ, что все это учреждено Богомъ: *Нѣтъ бо власть, говоритъ, еще не отъ Бога... Тѣмъ же противляйся власти Божію повелѣнію противляется.* Смотри, куда онъ возводитъ дѣло, чѣмъ страшитъ, и какъ показываетъ, что это имѣетъ значеніе долга. Чтобы вѣрующіе не сказали: „Ты-де унижаешь насъ и вводишь въ презрѣніе, когда подчиняешь насъ начальникамъ,—насъ, имѣющихъ принять участіе въ царствованіи небесномъ“, онъ показываетъ, что дѣлающій это подчиняется не начальникамъ, но Богу“. А касательно ближайшаго повода, вызвавшаго Апостола на подробное изложеніе этого ученія объ отношеніи созданной Христомъ церкви къ властямъ, св. отецъ замѣчаетъ: „Этимъ онъ внушалъ невѣрнымъ правителямъ лучшее расположеніе къ религіи, а вѣрующимъ посвященіе. Ибо повсюду распространилась тогда молва, обвинявшая апостоловъ въ мятежъ и нововведенія, и въ томъ, будто они все дѣлаютъ и говорятъ для испроверженія общихъ законовъ. Итакъ, назидаетъ въ заключеніе отецъ, когда ты покажешь, что общій нашъ Го-

сподъ предписалъ это всѣмъ своимъ, ты заградишь уста тѣмъ, которые клеветуютъ на апостоловъ, какъ на нововводителей, и съ большею свободою будешь разсуждать объ истинѣ догматовъ¹⁾.

Жестокія гоненія, которымъ подверглось христіанство въ царствованіе Нерона и отчасти Домиціана, должны были подвергнуть тяжкому испытанію уваженіе послѣдователей Христовыхъ къ законамъ и властямъ государственнымъ. Казалось бы, что при томъ убѣжденіи въ истинности и несомнѣнномъ превосходствѣ христіанства, какъ религіи, предъ всѣми извѣстными древнему міру религіями, какое само собою предполагалось въ христіанахъ, послѣднимъ естественно было усумниться въ божественномъ авторитетѣ порядка и охраняющихъ его властей, какъ скоро этотъ порядокъ и эти власти отказывали христіанству въ правѣ на самое его существованіе. Христіане могли бы, повидимому, если не игнорировать ученіе Христа и апостоловъ объ уваженіи къ первому и подчиненіи послѣднимъ, то дать этому ученію условное толкованіе. Наплывъ мѣтній съ Востока, указывавшихъ въ видимомъ мірѣ господство злого начала и нашедшихъ для своего развитія подготовленную почву въ воззрѣніяхъ нѣкоторыхъ изъ греческихъ философовъ, какъ нельзя болѣе благопріятствовала этому²⁾. Отрицательное отношеніе къ общественнымъ законамъ и властямъ могло появиться не только въ видѣ „повода къ распутству“, какъ во времена апостольскія, но и съ тенденціями нрав-

¹⁾ Бес. XXIII на посл. къ Римл.

²⁾ Восточная философія тѣмъ существенно и отличалась отъ философіи народовъ запада, что стремилась всячески отрѣзать человѣка отъ условій жизни дѣйствительной. Извѣстенъ характеристическій по этому предмету разсказъ Плутарха о посольствѣ Александра Македонскаго къ философамъ индійскимъ. Посланецъ Александра передавалъ, что однея изъ гимнософистовъ, Дандамины, съ большимъ радушіемъ разговаривалъ съ нимъ, выслушалъ внимательно многое о Сократѣ, Пифагорѣ и Діогенѣ, отзывался о послѣднихъ какъ о людяхъ великаго ума, но сказалъ, что они уже слишкомъ много оказывали уваженія къ законамъ. Plut. Alex. 65.

ственного характера, оправдываемыми обстоятельствами времени. Оно и появлялось въ различныхъ ересьяхъ, проводившихъ до такой степени мрачныя воззрѣнія на земной порядокъ человѣческой жизни, что нѣкоторыя изъ нихъ даже въ законѣ Моисеевомъ видѣли законъ, данный демономъ¹⁾. Проявлялось оно отчасти и у нѣкоторыхъ писателей церковныхъ, отказывавшихся иногда примирять съ нравственнымъ долгомъ христіанина подчиненіе извѣстнымъ условіямъ и исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей общежитія гражданского²⁾. Но въ церкви вообще оно находило полное осужденіе.

Въ сочиненіи противъ ересей св. Ириней Лионскій такъ между прочимъ опровергалъ ходячія въ его время еретическія воззрѣнія на институтъ государственный. „Діаволь лгалъ, когда говорилъ (показывая Христу всѣ царства вселенной): „Все это мнѣ отдано, и кому хочу, даю это“ (Лук. IV. 6). Не онъ опредѣлилъ царство этого вѣка, а Богъ: ибо сердце царевы въ рукѣ Божіей (Прит. XXI. 1). И устами Соломона говоритъ Слово: „Черезъ Меня цари царствуютъ, и могущественные держатъ справедливость. Черезъ Меня государи возвышались, и тираны черезъ Меня царствуютъ на землѣ“ (Прит. VIII. 16). И апостолъ Павелъ говоритъ: „Всѣмъ высшимъ властямъ будьте подчинены. Ибо нѣтъ власти, какъ только отъ Бога“, пр. Переходи за тѣмъ къ значенію, какое въ порядкѣ божественнаго міроуправленія усвоено властямъ государственнымъ, св. отецъ указываетъ такія основанія для существованія и дѣйствій правительствъ. „Поелику, говоритъ онъ, удалившійся отъ Бога чловѣкъ дошелъ до такого звѣрства, что даже единокровнаго своего сталъ считать для себя врагомъ и предаваться всякаго

¹⁾ Ptolemaei ad Florum epist.—Apud Eriphan. Adv. Haeres. Haer. XIII. 33 n. 3.

²⁾ Оригенъ, напр., одобрялъ и защищалъ уклоненіе христіанъ отъ военной и гражданской службы.—Contra Cels. VIII. 73—75.—По Аввагару, христіане не ведутъ въ судахъ тяжбъ.—Legat. pro Christ. I et XI, etc.

рода безпокойству, челоуѣкоубійству, жадности: то Богъ наложилъ на него страхъ челоуѣческій (ибо страха Божія онъ не зналъ), чтобы подчиняясь власти людей и подъ принужденіемъ со стороны закона ихъ, онъ соблюдалъ хоть нѣкоторую справедливость и сохранялъ во взаимныхъ отношеніяхъ умѣренность, боясь открыто выставленнаго меча, какъ говоритъ Апостоль: *„Не безъ причины мечъ носить: Божій бо слуга есть, отмститель въ мнѣхъ творящему злое...* Поэтому - то и сами правители, имѣя въ законахъ справедливое полномочіе (*indumentum justitiae*), не будутъ подлежать отвѣту и не понесутъ наказанія за то, что дѣлаютъ по праву и законно; а что совершаютъ къ ниспроверженію справедливости, вопреки праву, нечестиво, противозаконно, по обычаю тирановъ, въ томъ и погибнуть: ибо праведный судъ Божій простирается одинаково на всѣхъ и не теряетъ своей силы въ отношеніи къ кому бы то ни было. Итакъ, заключаетъ Отецъ, земное царство установлено для пользы народной Богомъ (а не дьяволомъ, который совершенно никогда не знаетъ покоя, даже не желаетъ, чтобы и самые народы жили въ покоѣ), чтобы боясь челоуѣческаго царства, люди не пожирали другъ друга какъ рыбы, но чрезъ установленіе законовъ отражали разнаго рода неправду народную¹⁾.

Это глубокое убѣжденіе въ провиденціальній важности государственнаго авторитета въ порядкѣ земной жизни челоуѣка, въ безответности властей во всемъ, что ни дѣлаютъ онѣ въ предѣлахъ права и законовъ, и въ отвѣтственности ихъ только передъ судомъ Божиимъ въ такихъ случаяхъ, когда онѣ преступаютъ границы права и законовъ,—это убѣжденіе остается неизмѣннымъ въ средѣ христіанской и въ дальнѣйшей, открывшейся съ царствованія Александра Севера, періодъ гоненій на христіанство со стороны законовъ и властей римскихъ. Когда гоненія эти начались,

¹⁾ Contra Haeres. V. 24.

Труды Кіев. дух. Акад. Т. II. 1886 г.

христиане были уже весьма многочисленны. Сами язычники не вѣрили, чтобы христианская масса, страдая отъ преслѣдованій, не прибѣгла наконецъ къ заговору и возстанію, и съ ужасомъ представляя себѣ послѣдствія подобнаго взрыва, готовы уже были во всемъ видѣть признаки угрожающаго бѣдствія. Но церковь была слишкомъ далеко не только отъ заговоровъ и возстаній, но и отъ того, чтобы воспользоваться какимъ-либо образомъ самою робостію, какую христиане невольно внушали своею массою правительству и народу. „Припомните сами, успокоивалъ на этотъ счетъ властей римскихъ Тертуліанъ, сколько разъ вы ожесточались противъ христианъ, частію по личному усмотрѣнію, частію по требованію законовъ? Сколько разъ даже безъ вашего вѣдома самоуправно нападали на насъ враждебный народъ съ камнями и огнемъ? А среди неистовствъ вакханалій не щадятъ христианъ даже мертвыхъ: изъ могильнаго покоя, изъ своего рода священнаго убѣжища смерти, ихъ, уже иныхъ чѣмъ они были, уже и не цѣлыхъ (*jam alios, jam nec totos*), отрываютъ, разсѣкаютъ, растаскиваютъ. А между тѣмъ замѣтили ли вы когда-нибудь, чтобы эти якобы заговорщики, эти неотступающіе передъ самою смертію люди, воздавали за обиду? И это въ то время, когда и одной ночи съ нѣсколькими лучинками было бы слишкомъ достаточно для мщенія, если бы только у насъ было дозвоительно воздавать зломъ за зло... Если бы мы захотѣли дѣйствовать и въ качествѣ открытыхъ враговъ, а не тайныхъ мстителей,—развѣ у насъ не достало бы когортъ и армій?.. Вчерашніе мы, а все уже ваше наполнили: города, острова, замки, муниципіи, народныя собранія, самые лагеря, трибы, декуріи, дворецъ императорскій, сенатъ, форумъ; только храмы мы оставили вамъ. На какую войну не были бы способны, не были бы готовы, даже и при неравныхъ силахъ, мы, которые такъ охотно несемъ головы подъ мечъ, если бы по нашимъ нравственнымъ правиламъ намъ не дозволялось скорѣе быть

убиваемыми, чѣмъ убивать? Да могли мы и безоружные, и не прибѣгая къ возстанію, а только не соглашаясь съ вами, бороться противъ васъ въ качествѣ враждебной партіи (*divortii invidia*)¹⁾. Такимъ образомъ не только тайная месть или явное возстаніе, но даже и обычная политическая интрига считалась для церкви недозволительною по отношенію къ государству въ такое время, когда въ этомъ государствѣ не находили подчасъ защиты и христіанскія могилы съ полуистлѣвшими въ нихъ трупами.

5. Независимыя отъ исторически сложившагося порядка человѣческаго общежитія основы права собственно церковнаго.

Но если въ лицѣ своей церкви І. Христосъ не создавалъ такого института, котораго назначеніемъ было бы переустройство существовавшаго порядка жизни гражданской, который имѣлъ бы право отиѣнять установленные въ этомъ порядкѣ законы или отказывать въ своемъ повиновеніи требованіямъ властей государственныхъ, а въ случаѣ преслѣдованія со стороны законовъ и властей—прибѣгать для своей защиты къ тайной мести, явному возстанію или даже къ сформированію партіи политическаго свойства: тѣмъ не менѣе было бы ошибкою утверждать, будто І. Христосъ осудилъ свою церковь на положеніе совершенно безправное. Была опредѣленная почва, на которой обосновалъ свою церковь І. Христосъ, на которой Онъ уполномочилъ ее къ дѣятельности, независимой отъ исторически сложившагося порядка человѣческой жизни.

Воздадите, училъ Онъ, *Кесарева, Кесареви, и Божію, Богови* (Мат. XXII. 21). Не тотъ смыслъ имѣютъ эти слова Христовы, который впослѣдствіи, примѣнительно къ обстоятельствамъ своего времени, соединяли иногда съ ними нѣкоторые изъ отцовъ и учителей западной церкви, и который такъ любятъ усвоить имъ позднѣйшіе западные же канонисты. Не то значили они, чтобы ту область виѣш-

¹⁾ Apolog. XXXVII.

нихъ и общежительныхъ отношеній, которая подлежитъ регулированію со стороны законовъ и властей государственныхъ, I. Христосъ раздѣлялъ на двѣ одна отъ другой независимыя области, предоставляя въ одной изъ нихъ дѣйствовать кесарю, а въ другой признавая единственною компетентною установленную Имъ же власть церковную. Древніе правовѣды римскіе дѣлили исторически сложившіяся отношенія общегитія человѣческаго на двѣ области, область права божественнаго и область права человѣческаго, и самое правовѣдѣніе опредѣляли какъ знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ. Основаніемъ для такого дѣленія служило у нихъ обширное развитіе религиозныхъ институтовъ въ области государственнаго (публичнаго) и гражданскаго (частнаго) права, съ подчиненіемъ этихъ институтовъ спеціальному вѣдѣнію института понтификальнаго. Унаследовавшіе отъ древняго Рима правовую вообще точку зрѣнія и съ трудомъ отрѣшавшіеся отъ нея въ вопросахъ даже нравственно-теоретическаго свойства, отцы и учителя западной церкви, дѣйствительно, обращались иногда къ означенному изреченію Христову, чтобы оправдывать имъ установившійся со временъ Константина В. и въ силу его законовъ раздѣлъ вѣдомствъ церковнаго и гражданскаго и ограничивать вмѣшательство свѣтскихъ властей въ область перваго¹⁾. Но было бы излишнимъ доказывать, что подобное пониманіе словъ Христовыхъ не отвѣчаетъ ни буквальному смыслу ихъ, ни тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ они произнесены. Совершенно иначе толковали ихъ отцы и писатели восточные. „Ты же, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, когда слышишь: Воздавай Кесарево Кесарю, разумѣй это только о томъ, что не оскорбляетъ благочестія; а если что оскорбляетъ благочестіе, то уже дань и пошлина не Кесарю, а діаволу“²⁾. „Исусъ, поясняетъ тѣ же слова блаж. Феодосі-

¹⁾ Сморг. наприм. Ambros. Epist. XX. n. 19.—Serm. contr. Maxent. n. 30—32.

²⁾ На Матѣ. Вѣс. LXX, al. LXXI. n. 2.

лать, на томъ основаніи, что монета носитъ образъ Кесаря, обязываетъ въ отношеніи къ Кесарю тѣмъ, что его, т. е. что носитъ его образъ... Въ тѣлесномъ и во внѣшнемъ должно повиноваться Кесарю; во внутреннемъ же и духовномъ Богу¹⁾. Никакого различія вѣдомствъ церковнаго и гражданскаго въ данныхъ словахъ І. Христа ни отецъ, ни учитель восточной церкви не подозрѣвали. Ибо благочестіе христіанское, которое имѣлъ въ виду св. Іоаннъ Златоустъ, можетъ быть и не быть оскорбляемо дѣйствіями государственной власти по всѣмъ могущимъ подлежать ея вѣденію областямъ. Что же касается различенія тѣлеснаго и внѣшняго отъ внутренняго и духовнаго, которое проводитъ бл. Феодилактъ, то этимъ различіемъ все, что ни касается правового положенія церкви въ обществѣ гражданскомъ, прямо относится къ области кесаревой. Но если словами: *Воздадите Кесарева, Кесареву; и Божія, Богови*, І. Христось не выдѣлялъ для церкви какаго-либо обособленнаго вѣдомства въ общемъ порядкѣ жизни гражданской, съ правомъ считать его исключительно своимъ вѣдомствомъ, останавливая внимательство въ него власти государственной: тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ богопочитанія и въ вопросахъ совѣсти религіозной вообще подчинялъ человѣка закону иному, кромѣ закона Кесарева. Не облакалъ Христось человѣка правомъ уклониться отъ исполненія какаго бы то ни было требованія властей и законовъ государственныхъ, если требованіе это не оскорбляетъ благочестія и относится къ условіямъ тѣлесной и внѣшней человѣческой жизни; но если бы власти и законы потребовали чего-либо оскорбляющаго благочестіе и относящагося къ внутренней духовной жизни человѣка, Онъ давалъ христіанству право отвѣтить то же, что отвѣчали вѣкогда апостолы синадріону іудейскому: *Аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. IV. 19).

¹⁾ Толк. на XII гл. отъ Мате.

Поэтому-то въ періодъ гоненій на церковь, строгіе исполнители законовъ человѣческаго общежитія вообще и самыя вѣрныя подданные властей государственныхъ, христіане считали себя нравственно обязанными уклоняться отъ исполненія этихъ законовъ и отказываться въ повиновенія этимъ властямъ, когда тѣ или другіе предписывали имъ идолопоклонство или запрещали поклоненіе Богу истинному. „Чтимъ мы, писалъ Тертуліанъ, и императора, чтимъ такъ, какъ намъ прилично и ему полезно, какъ чловѣка второго послѣ Бога и то, чѣмъ онъ есть, получившаго отъ Бога, и меньшаго только Бога“¹⁾... Мы имѣемъ прямое предписаніе, что должны быть во всякаго рода повиновенія, должны подчиниться, по заповѣди Апостола, правителямъ, государямъ, властямъ, но не преступая нравственныхъ обязанностей,—настолько, чтобы удалиться идолопоклонства. Для этого и данъ извѣстный примѣръ трехъ братьевъ, которые, во всемъ другомъ повинаясь Навуходоносору, съ величайшею твердостью отказались воздать требуемую честь образу его (Дан. III. 18)... Такъ и Даниилъ, во всемъ дѣйствовавшій по уполномоченію Дарія, до тѣхъ поръ исполнялъ свой долгъ, пока не было опасности для его нравственныхъ обязанностей“²⁾.

Такимъ образомъ область истиннаго богопочитанія, насколько она опредѣляется прямыми заповѣдами божественными и составляетъ обязательный для религіозной совѣсти законъ, была единственною областію, въ которой церковь могла дѣйствовать и дѣйствовала независимо отъ признанія или непризнанія за нею правъ на законное существованіе въ порядкѣ жизни государственной или гражданской. Но ограничивая такимъ тѣснымъ кругомъ право независимаго отъ кесарей дѣйствованія церкви, І. Христосъ не ограничивалъ для нея пользованія тѣми правами въ

¹⁾ Ad Scapul. II.

²⁾ De Idolatr. XV.

порядкѣ жизни государственной и гражданской, которыя существуютъ подѣ охраною власти государственной и которыми она могла пользоваться въ зависимости отъ власти Кесаревой, если, разумѣется, права эти по существу своему не противорѣчили ея нравственнымъ началамъ.

6. Основы для права церковнаго въ исторически сложившемся порядкѣ человѣческой жизни.

Посылая апостоловъ своихъ въ міръ, І. Христосъ говорилъ имъ, что посылаетъ ихъ какъ овецъ въ среду волковъ, и совѣтовалъ имъ быть мудрыми, какъ змѣи, и незлобивыми, какъ голуби, и остерегаться людей, которые будутъ отдавать ихъ въ судилища и бить въ синагогахъ (Мат. X. 16, 17). Тѣмъ не менѣе однакоже Онъ заповѣдалъ имъ не брать съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. *Достоинъ бо есть, говорилъ Онъ, длатель мзды своей* (Мат. X. 9, 10). Не общалъ Онъ должнаго имъ гостепріимства въ каждомъ домѣ, даже въ каждомъ городѣ; но предлагаемымъ велѣлъ пользоваться съ покойною совѣстію (Лук. X. 7). Изъ дома и города, гдѣ не примутъ ихъ, заповѣдалъ уходить; но прибавлялъ, что въ день дѣйствія божественнаго правосудія землѣ Содомской и Гоморрской будетъ отраднѣе, чѣмъ тому городу (Мат. X. 14, 15). *И предъ владыки и цари ведени будете, говорилъ Онъ, Мене ради во свидѣтельство имъ и языкомъ. Егда же предають вы, не нечтитеся, како или что возлагаете; дастся вамъ въ той часъ, что возлагаете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца вашего глаголай въ васъ* (Мат. X. 18, 19). Въ началахъ естественной справедливости, въ чуткости къ истинѣ по крайней мѣрѣ лучшей части человѣчества, въ дѣйствіяхъ правосудія божественнаго на защиту правды и истины въ человѣческой исторіи, и наконецъ, въ мудрости правителей и государей народовъ предуказывалъ, такимъ образомъ, Христосъ основы для установленія правового положенія

своей церкви въ томъ порядкѣ общежитія человѣческаго, въ среду котораго вводилъ созданную Имъ церковь. Тѣ самые элементы, какіе входятъ въ образованіе права вообще, должны были слѣдовательно войти въ образованіе и права церковнаго въ порядкѣ жизни государственной и гражданской.

Соотвѣтственно этому, за исключеніемъ лишь того, что относилось къ богочитанію, церковь съ первыхъ же поръ появленія и дѣйствія своихъ въ средѣ человѣчества отнюдь не отрываетъ своихъ членовъ отъ естественной всему человѣчеству почвы, не выдѣляетъ и не обособляетъ ихъ изъ общаго правового порядка человѣческой жизни. „Мы не брамины или гимнософисты Индіи, говорилъ въ свое время язычникамъ Тертуліанъ; мы не жители лѣсовъ и изгнанники изъ жизни. Мы не забываемъ должной благодарности къ Богу, Творцу, Господу: мы не отвергаемъ никакого плода дѣлъ Его, а только стараемся быть воздержными, чтобы не употреблять сверхъ мѣры и не какъ слѣдуетъ. Мы живемъ вмѣстѣ съ вами въ этомъ мірѣ не безъ вашего форума, не безъ рынка, не безъ бань, лавокъ, фабрикъ, ярмарокъ и другихъ торговыхъ сношеній; съ вами вмѣстѣ и мы плаваемъ по морямъ; съ вами и мы несемъ военную службу; занимаемся и сельскимъ хозяйствомъ, занимаемся и торговлею... Не принимаю участія въ твоихъ религиозныхъ церемоніяхъ,—все же и на тотъ разъ остаюсь человекомъ“¹⁾). Поставленные въ общія со всѣмъ человѣчествомъ условія жизни, послѣдователи Христовы должны были искать и ожидать установленія и огражденія своихъ естественныхъ правъ и общимъ всему человѣчеству порядкомъ. „Почему, спрашиваетъ блаж. Августинъ, апостолы не просили законовъ у царей? И отвѣчаетъ: „Потому, что не тѣ были тогда времена,—цари были не тѣ... Другое было тогда время, а все дѣлается соотвѣтственно своему

¹⁾ Apolog. XLII.

времени⁴. „Впрочемъ, прибавляетъ Августинъ, апостолъ Павелъ не усумнился встать подъ защиту и римскихъ законовъ, провозгласивъ, что онъ римскій гражданинъ, которыхъ въ то время не дозволялось подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ. Тотъ же апостолъ, чтобы не предали его іудеямъ, замышлявшимъ убить его, потребовалъ военной охраны Кесаря, хотя и римскаго государя, но не христіанина“¹). И послѣ апостоловъ, слѣдуя примѣру ихъ, когда христіанство подвергалось гоненіямъ въ римскихъ провинціяхъ со стороны населенія этихъ провинцій, такъ называемые апологеты христіанства не разъ обращались съ своими апологіями въ защиту его къ государямъ римскимъ: на основаніи такъ называемаго у римлянъ права народовъ (*jus gentium*) и соотвѣтствующей ему провинціальной политики государей, они старались и успѣвали обеспечивать христіанству даже покровительство императоровъ римскихъ. Въ самый періодъ общихъ гоненій на христіанство со стороны властей и законовъ собственно римскихъ, открывшійся съ царствованія Септимія Севера, были случаи, когда церковь обращалась къ справедливости государей и находила въ ней защиту противъ самоуправства лицъ частныхъ. Объ Александрѣ Северѣ извѣстно, напримѣръ, что онъ разсматривалъ тяжбу между христіанами и содержателями гостинницъ изъ-за одного общественнаго мѣста, и рѣшилъ дѣло въ пользу христіанъ²). Послѣ, въ царствованіе Авреліана, когда осужденный соборомъ антиохійскимъ Павелъ Самосатскій не захотѣлъ подчиниться приговору собора и оставить епископскій домъ въ Антиохіи, христіанскіе епископы обращались съ жалобой на него къ императору, и Авреліанъ, по словамъ Евсевія, „рѣшилъ дѣло весьма справедливо: предписалъ передать домъ тѣмъ, съ кѣмъ италійскіе и римскіе епископы имѣютъ переписку объ ученіи вѣры.

¹) Lib. ad Bonifac. sev Epist. CLXXXV.

²) Lamprid. vit. Alex. Sev.

Тогда-то уже, прибавляетъ историкъ, вышеупомянутый мужъ съ величайшимъ стыдомъ былъ изгнанъ изъ церкви мірскою властію¹⁾.

Неблагоприятныя для христіанства времена были, впрочемъ, вообще не продолжительны. Та естественно-правовая почва, на которую вступило оно, вышедши изъ границъ Іудеи, оказалась подготовленною для него Промысломъ божественнымъ даже гораздо успѣшнѣе, чѣмъ почва Іудеи. Установленіе во времени появленія христіанства всемірнаго владычества римлянъ, и мало по малу распространившееся повсемѣстно господство принциповъ римскаго права, обезпечили христіанству и быстрое распространеніе по всему тогдашнему міру, и сравнительно не менѣе скорое вступленіе во всѣ права, подобающія религіи въ порядкѣ жизни государственной и гражданской.

П. Лашкаревъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Истор. Ессев. VII. 30.

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МЕТОДИЗМА.

(Продолженіе¹).

с) 3. Составъ методистскихъ общинъ и внутренняя ихъ жизнь.

Исторія распространенія методизма ясно показываетъ, что наибольшій пріемъ методистскіе проповѣдники имѣли среди менѣе образованныхъ членовъ англійскаго общества: главный контингентъ методистовъ былъ изъ простаго народа. Одинъ изъ историковъ методизма повторяетъ нѣсколько разъ, что въ первое время многіе изъ странствующихъ проповѣдниковъ были людьми неучеными. Замѣняла недостатокъ краснорѣчія крикомъ и странными жестами, одѣваясь въ костюмъ низшаго класса, говоря простонароднымъ языкомъ и владѣя неблаговоспитанными манерами, подобныя проповѣдники имѣли тѣмъ не менѣе неслыханный успѣхъ, потому что все приближало ихъ къ низшимъ классамъ общества²). Изъ сочиненій *Southey* и *Lecky* видно, что и наименьшій пріемъ и сочувствіе методисты встрѣчали въ земледѣльческихъ графствахъ Англіи, а наиболѣе благоприятно относились къ нимъ въ приморскихъ торговыхъ городахъ государства и на окраинахъ его³). Такимъ обра-

¹) См. Труды Киев. дух. Акад., июль 1886 г.

²) Авторъ *Histoire des sectes religieuses* В. IV, 462.

³) *Southey* II, 62, 67; *Lecky* S. 89. Ту же мысль выражаетъ *Lloyd*, авторъ *History of the English Church in the short biographical sketches*, p. 172; *Дожель*, въ своемъ сочиненіи „Англія въ социальномъ и политическомъ отношеніи“, развиваетъ ту мысль, что такое положеніе дѣлъ зависитъ отъ особнхъ историческихъ условій и ему подчиняется теченіе исторіи не только однихъ методистовъ, но и другихъ диссидентскихъ обществъ Англіи.

зомъ методизмъ очень быстро распространился въ бристольскихъ каменноугольныхъ копяхъ, въ горахъ Уэльза (Wales) и Cornwall'я, въ Ирландіи, сѣверной Шотландіи, среди солдатъ всего государства и негровъ Америки. Въ Америкѣ, впрочемъ методизмъ распространялся среди всѣхъ колонистовъ. Это показываетъ, что методизмъ усвоили классы, болѣе частью необезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, которые своей духовной жизни могли и могутъ посвящать весьма немного остающагося отъ трудовъ свободнаго времени. Духовенство господствующей церкви не могло имѣть успѣха среди таковыхъ классовъ, потому что для воспитанія массы и поднятія ея въ умственномъ и религіозномъ отношеніяхъ требовались настойчивость, а также болѣе тѣсное сближеніе съ массою. У методистовъ не было недостатка въ первой, не отказывались они и отъ второго. Методизмъ, сильно дѣйствующій своею громовою проповѣдью, мгновенно поражалъ грубое чувство грубыхъ слушателей: для сильно болящаго методисты изобрѣли сильно дѣйствующее лекарство—жгучую проповѣдь со всѣми ужасами смерти и ада, неописуемымъ блаженствомъ вѣчной жизни и рая. Повѣстно, что на образованные классы (высшее духовенство и аристократію, зараженные скепсисомъ) потрясающія грубую толпу средства, какъ проповѣдь и экстатическое богослуженіе, не могли производить вліянія. Проповѣдь странствующихъ проповѣдниковъ и методистское богослуженіе были рассчитаны на религіозное чувство; образованный же классъ жилъ болѣе разсудкомъ, чѣмъ чувствомъ. Методизмъ ограничивалъ взгляды и чувство своихъ приверженцевъ, ограничивая тѣ удовольствія, которыя поднимаютъ жизнь души въ ея нормальномъ состояніи, стѣсняя развитіе талантовъ, которые доставляютъ жизни украшеніе, и быть разрушителямъ товарищества¹⁾). Этимъ, кажется, вполне достаточно объясняется намъ: почему вступленіе высшихъ

¹⁾ Southey II, 486, 487.

классовъ въ общины методистовъ было такъ незначительно; члены изъ аристократіи и высшаго духовенства не такъ легко отказывались отъ своихъ привычекъ, чтобы усвоить себѣ правила методистскихъ общинъ, хотя бы и не въ ихъ полномъ объемѣ и строгости. Но сказать, что въ числѣ членовъ методизма совершенно не было людей изъ высшаго круга, никакъ нельзя. Меньше всего въ числѣ методистовъ было арендаторовъ, откупщиковъ и земельныхъ владѣльцевъ¹⁾, потому что эти люди отличаются необыкновенною устойчивостію въ своихъ воззрѣніяхъ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ рядахъ методистовъ были члены, а также и сочувствующіе ему люди изъ самыхъ консервативныхъ аристократовъ и изъ самаго образованнаго по своему времени епископальнаго духовенства. Къ числу образованнаго епископальнаго духовенства въ общинахъ методистовъ должно отнести братьевъ Весли, окончившихъ курсъ въ Оксфордѣ, Флетчера, происходившаго изъ швейцарской дворянской фамиліи, окончившаго курсъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, и нѣк. другихъ. Вліяніе методистовъ на высшій аристократическій кругъ было также значительно, хотя и не такъ правильно, какъ на низшіе классы. Оно шло главнымъ образомъ чрезъ графиню Г'ентингдонъ, салонъ которой былъ центромъ кальвинскаго методизма. Изъ ея аристократическихъ знакомыхъ по преимуществу женскій кружокъ сложился на сторону методистовъ. Раньше мы уже имѣли случай замѣтить, что одна изъ ея родственницъ даже вышла замужъ за Йоркшайрскаго проповѣдника Ингама, бывшаго однимъ изъ самыхъ искреннихъ друзей братьевъ Весли. Нѣкоторое время къ методистамъ принадлежала одна изъ очень приближенныхъ дамъ къ королю Георгу II, — что даетъ возможность объяснить благорасположенность этого короля къ методистамъ³⁾. Изъ мужчинъ аристократическаго круга

¹⁾ *Southey* II, 64.

²⁾ *Ibid.* II, 66, 67.

³⁾ *Jacoby* I, 92; См. также *Southey* II, 165.

известенъ, какъ серьезный методистъ, только братъ Боллингброва¹⁾.

Способъ принятія членовъ въ методистскую общину не былъ особенно сложнымъ. Въ правилахъ, данныхъ Бёлеромъ первому обществу методистовъ, читаемъ: „Каждому, желающему вступить въ общество, должно предложить слѣдующіе вопросы: Какія причины заставляютъ его желать вступленія въ общество? Имѣеть ли онъ желаніе быть откровеннымъ предъ братьями по общинѣ безъ всякихъ колебаній? Не имѣеть ли онъ желанія сдѣлать какихъ-нибудь возраженій противъ правилъ, положенныхъ въ основу общества? (5 правило). „Если такого члена принимаютъ, какъ сочлена, то каждый изъ прежнихъ членовъ долженъ высказать свои сужденія противъ принятія его, если имѣются какія-нибудь препятствія для этого“ (6 правило). „Тѣ, противъ которыхъ ничего не нашлось препятствующаго, раздѣляются для дальнѣйшаго испытанія на классы и въ руководство имъ дается одинъ изъ прежнихъ опытныхъ членовъ общины“ (7 правило). „Если послѣ годичнаго испытанія противъ этихъ новичковъ не будетъ высказано никакой жалобы, то они принимаются въ число дѣйствительныхъ членовъ общества“ (8 правило)²⁾. — Изъ этихъ правилъ видно, что всякій безъ различія пола, возраста, вѣроисповѣданія, соглашавшійся вступить въ общество и вынести время испытанія, принимался въ общину. Испытаніе состояло въ наблюденіи надъ нравственною жизнью члена и его внѣшнимъ поведеніемъ. По всей вѣроятности на основаніи подобныхъ личныхъ наблюденій и наблюденій посредствомъ своихъ друзей, Джонъ Весли пришелъ къ сознанію необходимости раздѣлить своихъ послѣдователей на два разряда послѣ своего отдѣленія отъ геригутіанъ и Уайтфилда. До этого времени

¹⁾ *Lecky*, SS. 104—107.

²⁾ *Jacoby* I, 60, 61; то же самое гласили правила геригутіанъ о приѣмѣ членовъ въ общину. См. *Преосвящ. Иоанна* вып. I.

число сторонников методизма было еще незначительно настолько, что заключалось въ предѣлахъ двухъ общинъ лондонской и бристольской. Послѣ начала усиленной проповѣднической дѣятельности количество членовъ быстро увеличилось: общины методистовъ основаны были и въ другихъ городахъ. Чтобы упорядочить надзоръ за ними, Весли выдѣлилъ изъ общаго числа тѣхъ членовъ, которые отличались своею бузукоризненною нравственностью, и разграничилъ ихъ отъ членовъ, за которыми были извѣстны какіе-нибудь проступки. Послѣдніе члены всегда могли слушать проповѣди методистовъ, но не могли участвовать въ религіозныхъ собраніяхъ¹⁾. Такимъ образомъ подъ верховнымъ надзоромъ Джона Весли находилось нѣсколько обществъ (Societies), изъ которыхъ каждое было подѣлено на двѣ части, но всѣ они вмѣстѣ составляли единое общество методистовъ, а потому назывались „соединенныя общества“ (United Societies). Еще самое первое (геригутіано-методистское) общество по второму правилу Бѣлера было подраздѣлено на нѣсколько мелкихъ обществъ, или классовъ (classes), по 5—10 членовъ. Такое дѣленіе осталось навсегда и въ обществахъ методистовъ, послѣ отдѣленія Весли отъ геригутіанъ; а въ 1742 году оно было узаконено Джономъ Весли чрезъ особое правило въ ряду „Общихъ правилъ соединенныхъ обществъ“ (Common Rules of United Societies)²⁾. Въ руководители класса избирался самый достойный и способный изъ членовъ класса, который бы могъ руководить религіозно-нравственною жизнью своихъ членовъ и слѣдить за ихъ внѣшнимъ поведеніемъ³⁾. Члены же класса должны были сообщать ему о своихъ душевныхъ состояніяхъ. Если руководитель класса

¹⁾ *Проесс. Иоаннъ*, вып. I, стрр. 69—70.

²⁾ См. *Stevens's* I, 136; *Jacoby* II, 70. Эти правила были составлены Джономъ и Чарльзомъ Весли въ руководство членамъ методистскихъ общинъ около 1742 (*Stevens, ibid.* 137). Они представляютъ распространеніе правилъ Бѣлера; сравн. *Jacoby* I, 60, 61 и II, 70, 71; также *Stevens's* I, 135—137.

³⁾ *Southey* I, 368; II, 91, 92; *Jacoby* II, 70 (второе правило).

(classleader) находилъ, что какой-нибудь изъ членовъ живеть не такъ, какъ слѣдуетъ, т. е., не по методистскимъ правиламъ, то онъ долженъ былъ доносить объ этомъ Джону Весли въ присутствіи собравшихся членовъ; впоследствии Джонъ Весли замѣнялъ проповѣдникъ, его помощникъ (helper). Виновнаго въ присутствіи всѣхъ собравшихся увѣщавали нѣсколько разъ, и, если онъ измѣнялъ свое поведеніе къ лучшему, то его оставляли членомъ общества, а если оставался неисправимымъ, то его изгоняли изъ общества. Снова онъ могъ быть принятъ въ члены, когда приносилъ твердое покаяніе и неуклонно рѣшался исправить свой образъ жизни. Чтобы слѣдить постоянно за образомъ жизни членовъ своего класса, руководитель долженъ былъ разъ въ недѣлю побывать въ домахъ этихъ членовъ. Цѣлю этихъ посѣщеній было: узнавать, успѣваетъ ли членъ класса въ своей святой жизни, давать по обстоятельствамъ нужные совѣты, или „запрещать, умолять, утѣшать, увѣщавать и собирать съ членовъ добровольныя подаванія для благотворительныхъ цѣлей“¹⁾). Послѣ такого посѣщенія руководитель класса долженъ былъ давать отчетъ тому, кто завѣдывалъ всѣми общинами или только общинами известнаго округа. Первоначально отчетъ отъ нихъ принималъ самъ Джонъ Весли. Но въ 1742 году уже правило объ обязанностяхъ руководителей класса гласило: „Разъ въ недѣлю руководитель долженъ сходиться съ проповѣдниками и управителями финансовыхъ дѣлъ общины, чтобы первымъ сообщить о религіозно-нравственномъ состояніи общины, а вторымъ передать собранныя за недѣлю добровольныя пожертвованія“²⁾). Такимъ образомъ отъ руководителя класса требовалось столько трудовъ, что почти все его время должно

¹⁾ *Jacoby*, I, 79; II, 70, 71.

²⁾ Первоначально добровольныя, эти пожертвованія были освящены постоянной практикою и обратились въ обязательныя, по мѣрѣ обращенія новыхъ членовъ, увеличенія общинъ и ихъ нуждъ. *Southey* I, 366, 367.

было уходить на служеніе методизму. А такъ какъ общины методистовъ были не въ состояніи содержать ихъ на свой счетъ, то было весьма естественно измѣнить подобную постановку дѣла; измѣненіе обязанностей класснаго руководителя было тѣмъ необходимѣе, что весьма часто въ известной семьѣ членъ методистскихъ общинъ былъ только одинъ; посѣщеніе этого члена было весьма непріятно другимъ членамъ семейства; отсюда для методистовъ возникали новыя непріятности. Чтобы избѣжать всего такого, было постановлено, что руководитель класса вмѣсто посѣщенія членовъ своего класса разъ въ недѣлю долженъ собирать ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ руководитель класса за одинъ разъ могъ сдѣлать то, что прежде дѣлалось въ нѣсколько приемовъ ¹⁾. Такимъ-то образомъ и произошли классныя собранія (*class-meetings*) методистовъ ²⁾. Итакъ зерномъ всякаго методистскаго общества служить классъ, или общество въ 5—10 членовъ. Это, такъ сказать, методистская семья съ отцомъ во главѣ въ видѣ руководителя класса. Учрежденіе классовъ по словамъ Джона Весли, съ которыми согласны и историки методизма изъ методистовъ, было весьма полезно, потому что чрезъ такое учрежденіе члены научались познавать другъ друга, совместно переносить такия или иныя лишенія и взаимно облегчать ихъ своею заботливостью ³⁾. Было ли въ самомъ дѣлѣ такъ, это опредѣлить не легко, потому что есть нѣкоторыя

¹⁾ *Southey*, I, 368.

²⁾ *Ibid.* I, 369; объ учрежденіи классныхъ собраній Джонъ Весли, ставшійся для cadaго изъ нововведеній своихъ подписать историческое основаніе, говорить: „Въ первыя времена христіанства тѣ, которыхъ Господь посмалъ на проповѣдь, возвѣщали слово Божіе всей твари. Слушателями были евреи и язычники. Коль скоро нѣкоторые изъ нихъ убѣждались въ истинности христіанства и рѣшались отказаться отъ грѣховныхъ привычекъ, искать спасенія въ евангеліи, они соединались въ соумы... Съ этими изъ обращенныхъ собирались вмѣстѣ и учителя ихъ, чтобы воспитывать ихъ... и молиться съ ними и за нихъ по ихъ потребностямъ“. См. *Jacoby* I, 88, 89.

³⁾ *Southey*, I, 369.

данныя, свидѣтельствующія противъ нравственнаго значенія классовъ и классныхъ собраній (classes and classmeetings). Известно, что классный руководитель долженъ былъ стараться заглянуть во всѣ стороны жизни своихъ членовъ. Но такое заглядываніе въ чужую душу, при которомъ самыя сокровенныя мысли, самыя святые чувства становились предметомъ обсужденія со стороны руководителя и другихъ членовъ класса, людей часто вполне невѣжественныхъ,—такое заглядываніе, говоримъ, не могло быть особенно пріятно. Понятно, что отъ руководителя и другихъ членовъ старались скрывать то, что открыты считали невозможнымъ¹⁾. Наиболее вѣроятнымъ кажется то, что руководителю удавалось узнать только о внѣшнемъ поведеніи членовъ своего класса; все большее этого должно было вести къ нравственной порчѣ членовъ, къ раздорамъ и непріятностямъ²⁾.—Всѣ классы известной общины кромѣ своихъ частныхъ собраній должны были сходиться разъ въ недѣлю для общей молитвы и слушанія проповѣди. Эти собранія и есть то, что мы называли религіозными собраніями методистовъ; впоследствии собранія эти обратились въ богослужебныя собранія. Къ подобнымъ собраніямъ были допускаемы не всѣ члены методистскихъ общинъ, а только тѣ,

¹⁾ Тенная сторона классовъ, говоритъ *Southey*, состоитъ въ томъ, что они обособляли мужчинъ и женщинъ, холостыхъ и дѣвцы, отъ женатыхъ и замужнихъ... Но не нужно особенно знать людей, чтобы понять, къ чему могло повести это взаимное самоиспитаніе. Послѣ нихъ становится вполнѣ непонятнымъ, если кто нибудь позволитъ своей супругѣ или дочери посѣщать собранія, въ которыхъ невинность и цѣломудріе не обезпечены отъ укуловъ (См. *Wesley's Leben*, II, 212, 213). То же самое почти повторяетъ и *Lecky* со словъ брата Джона Весли Самуила, обращенныхъ къ ихъ матери (см. *Entstehungsgeschichte d. Methodismus*, S. 43).

²⁾ „Въ общенъ система Джона Весли вела къ тому, чтобы выдвинуть внѣшность религіи на мѣсто ея сущности... онъ сдѣлалъ изъ религіи показную вещь... Естественнымъ слѣдствіемъ было то, что многие члены послѣ того, какъ ихъ покидало религіозное воодушевленіе, обращали вниманіе на форму, придавая значеніе фарисейскому виду святости, если религіозное чувство вполнѣ оставало ихъ. *Southey* II, 495, 496.

которые имѣли society-tickets (входный значекъ общества). Во время союза методистовъ съ герругианами такія собранія происходили по средамъ (4-е правило Бѣлера). По всей вѣроятности и послѣ отдѣленія отъ герругианъ они происходили по средамъ, потому что вводить новый день для этого Джонъ Весли не имѣлъ нужды, а оставить тотъ же день были весьма серьезныя причины: Джону Весли было необходимо удержать своихъ приверженцевъ отъ посѣщенія собраній герругианъ. Объ общемъ характерѣ собраній и порядкѣ ихъ совершенія мы уже говорили, когда толковали о значеніи таковыхъ собраній для быстрого распространенія методизма.—Мы уже нѣсколько разъ упоминали о томъ, что членамъ, отличавшимся особымъ благочестіемъ, входъ въ собраніе обезпечивался выдачею особыхъ контрмарокъ, или значковъ, бумажныхъ, деревянныхъ, золотыхъ и серебряныхъ. Выдача этихъ значковъ повторялась чрезъ три мѣсяца, при чемъ каждый членъ лично являлся къ Джону Весли ¹⁾. Каждый значекъ имѣлъ на себѣ имя члена, которому его выдавали, за подписью Джона Весли. Членамъ методистскихъ общинъ значки подобнаго рода облегчали сношенія другъ съ другомъ и съ членами другихъ общинъ, потому что члена, имѣвшаго подобный значекъ, методисты другихъ общинъ въ другихъ городахъ допускали свободно во всѣ собранія религіознаго и распорядительнаго характера. Наоборотъ того, кто не имѣлъ такого значка, въ собраніе не допускали. Имѣвшаго билетъ (society-ticket) во время его путешествій методисты принимали по-дружески и по-братски, содѣйствовали ему въ его дѣлахъ и т. д. Несомнѣнно, что введеніемъ такихъ билетиковъ Джонъ Весли хотѣлъ возстановить древне-христіанскій обычай давать членамъ такъ называемыя представительныя грамоты (*γράμματα συντακτά*) ²⁾.

¹⁾ Real-Encyclopädie von Herzog, B. IX, S. 691, 2 Ausg.

²⁾ Преосв. Иоаннъ, вып. I; Jacoby, I, 90.

Такъ раздѣлялись и жили общины методистовъ до 1744 года, когда происходила первая конференція методистовъ и когда обстоятельства, а также просьбы нѣкоторыхъ членовъ, заставили Джона Весли точнѣе опредѣлить различіе между членами по степенямъ ихъ нравственнаго совершенства. Еще въ спорахъ съ геригутіанами Джонъ Весли настаивалъ на томъ, что вѣра имѣетъ свои степени, развиваясь въ человѣкѣ, и что по этой причинѣ нужно различать менѣе и болѣе совершенныхъ въ вѣрѣ, или даже и не имѣющихъ вѣры и благодати совершенно („отпавшихъ отъ благодати“). По опредѣленію членовъ конференціи 1744 года, или собственно по указанію Джона Весли, который тогда былъ полноправнымъ распорядителемъ дѣлъ методизма, всѣ члены методизма были раздѣлены на 4 разряда. Къ первому разряду были отнесены, тѣ которые только искали еще своего спасенія, которые только еще начали сознавать неудовлетворительность своего душевнаго состоянія; они назывались „пробужденными“, а общества состояція изъ нихъ назывались „соединенныя сообщества“ (United Societies). Членовъ этого рода было наибольшее количество, потому что всякій, обращающійся къ методизму, былъ ничто иное, какъ „пробужденный“ изъ своего прежняго грѣховнаго усыпленія. Чтобы стать на высшую степень совершенства, нужно было выказать въ себѣ особый фанатизмъ, обнаружить особую способность къ нравственному и тѣлесному самоистязанію, а также прославиться проповѣдническимъ даромъ (умѣньемъ толковать св. писаніе). „Классы“ методистовъ (общества въ 5—10 человѣкъ) представляютъ только частное подраздѣленіе „соединенныхъ сообществъ“.—Второй разрядъ членовъ методизма составляли тѣ, которые признавали себя освященными, получившими прощеніе грѣховъ по благодати. Они назывались „благодатствованными“; набирались они изъ разряда „пробужденныхъ“. Но такъ какъ для этого было нужно выдаваться изъ ряда обыкновенныхъ членовъ, то понятно, что они „благодатствованные“ были не такъ

многочисленны, какъ „пробужденные“. Относительно „облагодатствованных“ рассуждали, что они получили не только прощенье грѣховъ, но и свидѣтельство Св. Духа, убѣждавшее въ прощениі грѣховъ. Ихъ общества назывались „союзъ общинъ“ (Bands Societies). Въ этихъ общинахъ раздѣленіе на классы было средствомъ къ болѣе точному распредѣленію членовъ по ихъ внутреннимъ и внѣшнимъ качествамъ. Намъ кажется достаточнымъ, если мы для различія приведемъ слова Джона Весли, объясняющія причину раздѣленія общинъ на „Bands“. Нѣкоторымъ членамъ общинъ хотѣлось имѣть болѣе тѣсный и интимный кружокъ для взаимной исповѣди, нежели общее собраніе классовъ и собраніе каждаго класса въ отдѣльности, потому что въ такихъ собраніяхъ было неудобно распространяться по поводу нѣкоторыхъ страстныхъ движеній и душевной борьбы. „Удовлетворяя желанію ихъ, говорилъ Весли, я раздѣлилъ ихъ на меньшія общества, соединяя женатыхъ съ женатыми замужнихъ съ замужними, холостыхъ съ холостыми и дѣвицъ съ дѣвицами“. Для нихъ же былъ кажется введенъ и отдѣльный праздникъ любви (нѣкоторое подобіе агапы), если судить объ этомъ на основаніи дальнѣйшихъ словъ Весли, приведенныхъ у Якоби¹⁾). Въ составъ третьяго разряда были отнесены такъ называемые „просвѣщенные“. „Просвѣщеніе“ человѣка есть высшая степень, до которой по методистскому взгляду доходить совершенство человѣка. „Просвѣщенные,—это люди, „ходящіе во свѣтъ лица Божія“, сдѣлавшіеся еще при жизни своей святыми и не подверженные власти грѣха. Союзъ просвѣщенныхъ назывался „избранное общество“. Не смотря на то, что методисты признавали степень совершенства, или святости, они отвергаютъ и отвергали ученіе о невозможности отпасть отъ благодати: они признавали возможность такого отпаденія, о чемъ ясно говорить ихъ учрежденіе четвертаго разряда, или класса чле-

¹⁾ Geschichte d. Methodismus, B. I, S. 90.

новъ „кающихся“. Нужно впрочемъ замѣтить, что разряды „просвѣщенныхъ“ и „кающихся“ особаго распространѣнія въ методизмъ не получили¹⁾; послѣднее не удивительно, если принять во вниманіе то, что трудно съ одной стороны дойти до такой степени духовной гордости, чтобы начать представлять себя святымъ еще при жизни, хотя человекъ и обладаетъ слабостію, побуждающею его созерцать въ себѣ всевозможныя совершенства²⁾. Еще труднѣе было бы такое самовозвышеніе въ такомъ наблюдательномъ обществѣ, какъ общество методистовъ. Съ другой стороны трудно и опасно доказывать человекъ, что онъ отпалъ отъ благодати, не раздражая при этомъ его нравственнаго самолюбія; да это было бы и невыгодно для методизма, потому что покаяніе и всякаго рода принудительныя эпитиміи вели къ сокращенію числа членовъ методизма³⁾. Такимъ образомъ и послѣ первой конференціи у методистовъ преобладающими осталось два разряда членовъ „пробужденные“ и „благодатствованные“, или „обращенные“, а соответственно этому было два рода общинъ *United Societies* и *Bands - Societies*. Такой порядокъ остался безъ измѣненія во всей послѣдующей жизни методизма.

Для управленія общинами методизма еще въ самое первое время ихъ существованія Джонъ Весли учредилъ классъ проповѣдниковъ изъ мирянъ, или, какъ ихъ называлъ Джонъ Весли, „помощниковъ“ (*helpers*). Послѣ отдѣленія Уайтфилда съ кальвино-методистами, у арминіано-методистовъ осталось только двое лицъ имѣвшихъ право руководить членовъ методизма въ ихъ религіозно-нравственной

¹⁾ Real-Encyclopädie von Herzog, B. IX, S. 691, Ausg. 2.

²⁾ Духовная гордость есть одинъ изъ довольно распространенныхъ недостатковъ среди членовъ методизма, въ которомъ ихъ укоряютъ даже сочувствующіе методизму писатели (*Southey* II, 485).—Что среди методистовъ былъ случай самаго возмутительнаго самообольщенія, за это говорятъ попытки Джона Весли „отличать свидѣтельство Духа Божія отъ свидѣтельства гордости, высокомерія“ (*Southey* II, 182, 183).

³⁾ Объ этомъ ясно говорятъ *Jacoby* I, 135, 136 и *Преосв. Иоаннъ*, вып. I.

жизни. Это были ординированные братья Весли, которые канонически могли совершать таинства крещенія и причащенія, учить своихъ послѣдователей и управлять вновь основанными общинами методистовъ. Джонъ Весли, какъ глава общества, и принялся за устройство управленія¹⁾. Есть основаніе думать, что Джонъ Весли всѣми силами старался привлечь въ это время на свою сторону епископальное духовенство, чтобы тѣмъ воспрепятствовать отдѣленію своихъ послѣдователей отъ господствующей церкви, хотя самъ безсознательно отдалялся отъ этой церкви²⁾. Но ему удалось привлечь только въѣкоторыхъ членовъ изъ духовенства, потому что въ немъ видѣли опаснаго нововводителя, для котораго нѣтъ ничего священнаго въ обычаяхъ церковной практики³⁾. Отсутствие посвященныхъ по правиламъ епископальной церкви лицъ сильно обезпокоивало братьевъ Весли: каждый вновь обращенный членъ методизма оказывался въ самомъ затруднительномъ положеніи; духовенство въ нѣкоторыхъ приходскихъ общинахъ отказывало методистамъ въ таинствѣ причащенія, „проповѣдало противъ нихъ, рассказывая всякія несообразности, отказывало брать ихъ на работы и другимъ не совѣтовало дѣлать того же,—словомъ направляло противъ неопитовъ методизма всевозможныя мѣры, хотя методизмъ офиціально не былъ осужденъ правительствомъ, а высшею церковною властію не былъ отдѣленъ отъ господствующей церкви“. Результатомъ таковыхъ стѣсненій было то, что многіе изъ новообращенныхъ „обратились въ міръ“, т. е. оставили общины методистовъ⁴⁾. Во избѣжаніе подобныхъ затрудненій нужно было устроить такъ, чтобы каждая община методистовъ имѣла своего проповѣдника; но проповѣдниковъ,

¹⁾ *Southey*, I, 363.

²⁾ *Idem*, I, 365.

³⁾ *Idem*, I, 376; оно больше склонялось къ кальвино-методизму. *Southey* II, 384, 385.—У *Stevens*'а перечислены лица изъ духовенства, симпатизировавшія методизму. См. *History of Methodism*, V. I, pp. 156, 241.

⁴⁾ *Southey* I, 378, 379.

какъ мы сказали, осталось только два, да и эти должны были колесить по государству, чтобы пріобрѣтать новыхъ послѣдователей. Прямымъ и естественнымъ выходомъ изъ затрудненія должно было быть возникновеніе проповѣдничества изъ мірянъ, непосвященныхъ по каноническимъ правиламъ епископальной церкви. Въ зачаточномъ видѣ такое проповѣдничество было еще и раньше. Еще члены оксфордскаго священнаго клуба при благотворительныхъ посвѣщеніяхъ проповѣдали слово Божіе въ частныхъ домахъ и мѣстахъ заключенія преступниковъ. Во время союза съ герингутіанами Джонъ Весли познакомился съ практикою ихъ общинъ при выборахъ религіозно-нравственныхъ руководителей для членовъ ихъ общинъ. Когда обстоятельства принудили его, то онъ обратилъ вниманіе на практику протестантизма и реформатства въ томъ же отношеніи, и по всей вѣроятности рѣшился послѣдовать ихъ примѣру¹⁾, назначая въ руководители общинъ членовъ-мірянъ, когда самому приходилось удалиться на нѣкоторое время изъ извѣстнаго города или мѣстечка. Такъ было еще раньше 1742 года. Извѣстный уже намъ Кавнигъ, отошедшій въ кальвино-методизмъ, предстоителствуетъ въ общинѣ, молится и толкуетъ св. писаніе, хотя еще и не проповѣдуетъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Это происходило въ Кингсвудѣ. Нѣкто Малевилдъ оставался проповѣдникомъ въ Лондонѣ, когда Джону Весли было необходимо на нѣкоторое время повидать столицу. Что иное дѣлалъ, какъ не проповѣдалъ, Нильсонъ до того времени, пока къ нему не явился на помощь Джонъ Весли? Эти три человека и должны считаться первыми проповѣдниками изъ мірянъ въ общинахъ методистовъ армяніанъ²⁾. У кальвино-методистовъ

¹⁾ Хотя *Jacoby* (I, 81, 82) представляетъ дѣло такъ, что будто проповѣдничество началось безъ вѣдома Весли, но всѣ данныя говорятъ за то, что онъ положилъ ему начало, что онъ былъ причиною введенія проповѣдниковъ изъ мірянъ. *Пр. Иоаннъ*, вып. I, стр. 70—73.

²⁾ *Stevens* I, 97, 126.

были также свои проповѣдники миряне, какъ мы уже раньше видѣли это. До 1742 года Джонъ Весли еще нерѣшительно дѣйствуетъ при введеніи проповѣдничества изъ мирянъ; но въ 1742 году ихъ появляется въ разныхъ мѣстахъ до 20 человѣкъ, а въ 1744 году такихъ проповѣдниковъ было уже 40 (изъ ординированнаго духовенства 3—4 человѣка). Съ этого времени число ихъ возрастаетъ пропорціонально возрастанію числа членовъ методизма¹⁾. Обыкновенно это были люди изъ бѣднаго класса, необразованные, но отличающіеся твердостью вѣры и равностію къ дѣлу спасенія своего и своихъ ближнихъ²⁾. Однако это не исключало въ нихъ присутствія и земныхъ побужденій, какъ гордость, честолюбіе, властолюбіе, весьма естественныхъ въ людяхъ поднявшихся изъ ничтожества на нѣкоторую (сравнительную) высоту³⁾. Сначала эти проповѣдники были только помощниками Джона Весли и его брата, Уайтфилда и его сотрудницы леди Гевтингдонъ. Послѣ же они стали самостоятельными руководителями общинъ. Какъ помощники (helpers) главныхъ дѣятелей въ методизмѣ, они сопровождали ихъ по странѣ⁴⁾ или оставались нѣкоторымъ образомъ намѣстниками этихъ дѣятелей въ отсутствіе ихъ. Иногда же ихъ посылали къ извѣстной общинѣ и даже къ нѣсколькимъ общинамъ за одинъ разъ. Такимъ путемъ возникло странствующее проповѣдничество. Впрочемъ нужно замѣтить, что проповѣдничество такого рода существовало во всѣ времена церковной исторіи Англій и только прекратилось лѣтъ за 70 до появленія методизма⁵⁾; методистами оно было возстановлено только въ грандіозныхъ размѣрахъ. Если же извѣстный проповѣдникъ или членъ, способный къ проповѣдничеству, не хотѣлъ странствовать для проповѣданія, то онъ могъ оставаться въ одной какой-нибудь общинѣ, какъ житель извѣстной мѣстности и быть проповѣдникомъ такой общины подъ надзоромъ проповѣдниковъ странствующаго

¹⁾ Real-Encyclopädie von *Herzog*, B. IX, SS. 460, 461, Ausg. I.

²⁾ Такъ выражается о нихъ *Jacoby*.

³⁾ *Southey* II, 71, 72 und ff.

⁴⁾ *Ibid.* 71.

⁵⁾ *Southey* I, 369—373.

щихъ съ одного мѣста на другое¹⁾. Отсюда съ самаго ранняго времени въ методизмъ получило различіе проповѣдниковъ странствующихъ (itinerant, travelling preachers) и проповѣдниковъ осѣдлыхъ, мѣстныхъ (local preachers). Каждый странствующій проповѣдникъ былъ вначалѣ мѣстнымъ проповѣдникомъ²⁾. Проповѣдники въ методизмъ получили высшее значеніе: всѣ руководители классовъ были обязаны давать проповѣднику отчетъ въ своей дѣятельности, сообщать имъ свои недоумѣнія и ставить различные вопросы для разрѣшенія; проповѣдникъ (не будемъ забывать, что Весли, Уайтхилдъ были ничто иное, какъ странствующие проповѣдники) выслушивалъ отчетъ, выражалъ свое мнѣніе по поводу недоумѣнныхъ вопросовъ, дѣлалъ исключеніе недостойныхъ членовъ общины, принималъ въ число членовъ вновь обращенныхъ, налагалъ эпитиміи на провинившихся. Явившись въ извѣстную общину проповѣдникъ былъ главнымъ лицомъ въ ней: онъ предостоятельствоваъ въ религіозныхъ собраніяхъ, руководилъ членовъ въ выборѣ книгъ для чтенія, завѣдывалъ выборомъ для пѣнія религіозно-нравственныхъ гимновъ и самымъ пѣніемъ гимновъ; но самое главное то, что онъ былъ проповѣдникомъ-распорядителемъ методизма³⁾. Занятія мѣстныхъ проповѣдниковъ и обязанности ихъ были таковы же, какъ и занятія и обязанности проповѣдниковъ странствующихъ; но послѣдніе пользовались преимуществами чести и авторитетности, какъ имѣющіе большую опытность и непосредственно сносящіеся съ Джовомъ Весли: они требовали у мѣстныхъ проповѣдниковъ отчета въ ихъ дѣятельности.

1) А. Булаковъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Southey, II, 78.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Подробнѣе объ обязанностяхъ проповѣдниковъ нужно смотрѣть у Southey (II, 97, 99) и Преев. Иоанна въ I вып. У перваго приведены слова Весли о трудности проповѣдническаго служенія, у втораго изложены ихъ обязанности.

Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія.

Въ настоящее время у насъ уже достаточно сознава истина, что археологическія данныя, добываемыя путемъ раскопокъ земляныхъ сооруженій, которыми такъ богата русская государственная область, представляютъ для нашей древней исторіи не менѣе цѣнный научный матеріалъ, чѣмъ скудныя свѣдѣнія письменныхъ источниковъ, и что между этимъ матеріаломъ особую цѣнность имѣютъ коллекціи предметовъ, освѣщающихъ бытовую сторону жизни собственно русскихъ славянъ, какъ основного этнографическаго зерна, изъ котораго развился нашъ государственный организмъ. Есть даже надежда, что наукѣ со временемъ удастся установить такую классификацію всего этого матеріала, въ которой будетъ отведено свое мѣсто входящимъ въ составъ его какъ разнообразнымъ этнографическимъ элементамъ, такъ и своеобразнымъ наслоеніямъ различныхъ историческихъ эпохъ. Въ сознаніи этой истины нашими учеными археологами въ послѣднее время сдѣлавъ цѣлый рядъ систематическихъ раскопокъ въ мѣстахъ поселенія ильменскихъ славянъ, смоленскихъ кривичей, сѣверянъ, полянъ, древлянъ, и отъ этихъ раскопокъ въ большинствѣ случаевъ получены результаты, имѣющіе весьма важное научное значеніе. Такихъ же богатыхъ результатовъ слѣдуетъ ожидать и отъ археологическаго изслѣдованія въ землѣ дреговичей, на которой, насколько намъ извѣстно, до послѣдняго времени не останавливалъ вниманія ни одинъ ученый археологъ. Правда, въ

последнее время и здѣсь не мало раскопано или вѣрнѣе—разрушено кургановъ, но объ этихъ раскопкахъ слѣдуетъ лишь пожалѣть, такъ какъ онѣ производились или въ интересахъ устраненія препятствій при вспашкѣ земли, или изъ простаго любопытства; въ томъ и другомъ случаѣ въ результатъ отъ подобныхъ раскопокъ получается лишь уничтоженіе драгоценныхъ для науки памятниковъ. То же между прочимъ слѣдуетъ сказать и о раскопкахъ, произведенныхъ въ минской губерніи графомъ Евстаѣемъ Тышкевичемъ, такъ какъ составленная имъ археологическая коллекція считается утраченною для науки¹⁾.—А между тѣмъ область дреговичей заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскаго археолога уже потому одному, что здѣсь скорѣе всего можно встрѣтиться съ памятниками, принадлежащими исключительно славяно-русской народности, такъ какъ исторія не помнитъ, чтобы когда-нибудь въ области системъ р.р. Припети и Березины жилъ какой-нибудь не-славянскій народъ. Во время Геродота эта область, повидимому, еще вовсе не была заселена. Между народами, извѣстными этому историку, самымъ сѣвернымъ изъ обитавшихъ на западъ отъ Борисеева были невры, жившіе вдоль рѣки Гипаниса, которыхъ, насколько намъ извѣстно, ни одинъ серьезный изслѣдователь не помѣщалъ сѣвернѣе р. Припети. Къ сѣверу же отъ невровъ, по прямому свидѣтельству Геродота, лежала *пустыня* (кн. IV, гл. 17). Что же касается мнѣнія Шафарика, что будто бы „начиная отъ истоковъ Днѣстра, сѣверо-восточныя страны нынѣшней Волыни и Бѣлоруссіи“ занимали будины²⁾, то оно основано на такихъ соображеніяхъ, которыя не заслуживаютъ даже вниманія въ виду точнаго опредѣленія Геродота, по которому будины жили „по ту сторону“ не только Борисеева, но и Танаиса. Будемъ ли мы

¹⁾ См. „Обозр. Истор. Бѣлоруссіи“. О. Турчиновича, стр. 245, примѣч. 8; сравн. „Значеніе кургановъ, какъ истор. источн.“. Д. Самоковсова, стр. 31.

²⁾ Славянскія Древности. Переводъ Бодянскаго. Москва. 1839 г. т. I, кн. 2, стр. 11.

подъ Танаисомъ понимать Донъ, Донецъ, Міусъ, Молочную, или какую угодно другую рѣку, впадавшую, по свидѣтельству Геродота, въ большое озеро, „именуемое Меотидою“ (IV, 57), во всякомъ случаѣ рѣка эта, какъ несомнѣнно принадлежавшая къ Азовскому бассейну, протекала восточнѣе Днѣпра (Борисѣена), а такъ какъ будины жили *по ту сторону* этой рѣки, т. е. на востокъ отъ нея, то переводить ихъ въ область Березины—это значитъ произвольно искажать текстъ древняго памятника. Но если бы эта гипотеза Шафарика и была принята, то и тогда основная наша мысль не потеряла бы своего значенія, потому что, какъ извѣстно, со временъ Оссолинскаго и того же Шафарика существуетъ мнѣніе, что будины, равно какъ и невры, были предками славянъ¹⁾.

Изъ позднѣйшихъ народовъ неславянскихъ, но сошедшихъ съ славянами, въ разсматриваемую область, насколько извѣстно изъ исторіи, не проникали своими поселеніями ни финны, ни позднѣйшіе степные кочевники, ни даже литовцы, граница древнѣйшихъ поселеній которыхъ на востокъ не простиралась дальше верховьевъ Нѣмана. Напротивъ, свидѣтельства древнихъ византійскихъ и западныхъ писателей о славянахъ, что „они живутъ въ лѣсахъ, у рѣкъ, болотъ и озеръ, куда доступъ труденъ“, какъ говоритъ императоръ Маврикій, и что „болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто городовъ“, какъ свидѣтельствуется Іорнандъ,— во всей своей силѣ могутъ быть отнесены именно къ области дреговичей, которая, благодаря своимъ знаменитымъ пинскимъ болотамъ, густымъ, часто совершенно непроходимымъ лѣсамъ, массѣ озеръ, рѣкъ и ручейковъ, представляетъ не мало укромныхъ уголковъ, доступъ въ которые дѣйствительно труденъ, а во время весенняго разлива рѣкъ даже совершенно невозможенъ.

¹⁾ Славянскія Древности, т. I, кн. 2, стр. 15.

Любопытное явленіе представляет слѣдующій фактъ. Названіе дреговичи, судя по окончанію, произошло повидимому отъ собственного имени и слѣдовательно должно быть разсматриваемо какъ *postea ragonusium*. Между тѣмъ историкъ упорно производитъ его отъ слова *драга*, *драгва*, что значитъ болото, трясина. И нужно замѣтить, что это производство имѣетъ за себя весьма серьезныя основанія въ физическихъ особенностяхъ этой мѣстности. Известно, что припетская низменность, съ находящимися въ цевтрѣ ея пинскими болотами, даже въ настоящее время поднимается не выше 68 аршинъ ($22\frac{2}{3}$ саж.) надъ уровнемъ Балтійскаго моря; въ древности же, какъ думаютъ ученые, вся она могла быть залита водою и представляла озеро, равное по величинѣ Азовскому морю. Слѣды этого озера, кромѣ пинскихъ болотъ, сохранились еще въ множествѣ небольшихъ озеръ, отличающихся по мѣстамъ необыкновенною глубиною, и известныхъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „безодницъ“ (т. е. бездонницъ). Характеристическую особенность этихъ озеръ составляетъ то, что они, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ есть основаніе думать, соединены между собою, и съ другими водными бассейнами, подземными протоками, по мѣстамъ настолько значительными, что рыба изъ одного изъ нихъ можетъ свободно переходить въ другой. Намъ передавали за достовѣрное слѣдующій фактъ. Графъ Іосифъ Тышкевичъ произвелъ въ имѣніи Плещеницахъ, борисовскаго уѣзда, слѣдующій опытъ. Приказавъ поймать щуку, онъ привязалъ ей колокольчикъ съ своими собственными инициалами и велѣлъ бросить въ озеро. Каково же было его удивленіе, когда по прошествіи нѣкотораго времени щука эта поймана была рыбаками въ имѣніи другого помѣщика, г. Чудовскаго, въ озерѣ, отстоящемъ отъ перваго болѣе чѣмъ на 50 верстъ, и неимѣющаго съ нимъ никакого видимаго сообщенія. Если подобнаго рода факты достовѣрны, то область дреговичей своими геологическими особенностями вполне оправдываетъ свое историческое названіе.

Не менѣе интересно встрѣчающееся въ предѣлахъ разсматриваемой территоріи и слѣдующее явленіе, служащее прекраснымъ комментариемъ къ одному мѣсту въ исторіи Геродота. Благодаря обилію влаги, южная часть минской губерніи производитъ необыкновенное множество змѣй; а въ припетскомъ Полѣсьи ихъ такая масса, что особый видъ безвредныхъ изъ нихъ появляется даже въ домахъ, такъ что дѣтямъ приходится иногда вступать съ ними въ борьбу за чашку молока. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ мѣстномъ населеніи выработался особый суевѣрный взглядъ на нихъ, какъ на охранителей домашнего очага. Если ужъ выползаетъ изъ своего укромнаго уголка на средину избы и здѣсь погибаетъ, то это принимается какъ злоѣщее предзнаменованіе: въ домѣ, по мѣстному вѣрованію, непременно случится несчастье. Но особенно характерно то, что здѣсь, на ряду съ обыкновенными видами змѣй, попадаются особи, представляющія крайне странное, совершенно феноменальное явленіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ интеллигентный охотникъ, въ припетскихъ болотахъ, натолкнулся на остовъ гигантскихъ размѣровъ змія, веимѣющаго ничего общаго по своей величинѣ съ видомъ змѣй, обыкновенно встрѣчающихся въ этой мѣстности. А прошлымъ лѣтомъ въ самомъ губернскомъ городѣ Минскѣ, въ такъ называемомъ татарскомъ концѣ, однимъ господиномъ убита чудовищныхъ размѣровъ крокодилъ - видная ящерица, съ острыми какъ у щуки зубами, покрытая панцирь-видной чешуей. Дерзость этого чудовища дошла до того, что оно бросилось на указанного господина и было убито нѣсколькими ударами палки¹⁾. Дѣло натуралистовъ объяснить фактъ появленія въ разсматриваемой мѣстности подобнаго рода феноменальныхъ типовъ. Мы же съ своей исторической точки зрѣнія

¹⁾ Это пресмыкающееся доставлено въ мѣстное реальное училище, гдѣ мы лично его осматривали.

позволимъ себѣ лишь сопоставить съ этимъ фактомъ слѣдующее свидѣтельство Геродота о неврахъ. Упомянувъ въ 17 гл. IV книги неврѣвъ въ числѣ народовъ, жившихъ вдоль рѣки Гипаниса, и замѣтивъ, что къ сѣверу отъ нихъ, насколько ему извѣстно, лежитъ пустыня, въ 105 гл. той же книги онъ говоритъ о неврахъ слѣдующее: „за одно поколѣніе до похода Дарія змѣи вынудили ихъ покинуть всю страну свою, именно: земля ихъ произвела множество змѣй, а еще больше вторглось ихъ изъ верхнихъ пустынныхъ земель, пока наконецъ жители не были принуждены покинуть родину и не поселились вмѣстѣ съ будинами“. Исслѣдователи помѣщаютъ неврѣвъ обыкновенно въ области верхняго Буга и Дѣвстра. Если змѣи напали на нихъ съ сѣвера, то они естественно должны были двинуться на югъ; слѣдовательно сначала неврѣвы могли занимать область правыхъ притоковъ Припети и значить змѣи напали на нихъ съ припетскаго Полѣсья. Полѣсье, какъ мы замѣтили, и въ настоящее время изобилуетъ змѣями; но въ эпоху Дарія, когда производительность дѣвственной природы была сильнѣе, ихъ могло появляться не только въ количественномъ отношеніи больше, но и виды ихъ могли быть разнообразнѣе и крупнѣе. Крупнѣйшіе изъ нихъ со временемъ выродились, и попадающіяся въ настоящее время единичныя особи представляютъ лишь слабое воспроизведеніе своихъ древнихъ прототиповъ. Во всякомъ случаѣ догадка наша не противорѣчить принципамъ современнаго естествознанія.

Для археолога, который задумалъ-бы избрать область дреговичей предметомъ своего изслѣдованія, прежде всего желательно было бы конечно съ возможною точностію опредѣлить границы территоріи, которую занимало племя дреговичей. Къ сожалѣнію, нашимъ историкамъ не удалось еще притти къ какому-нибудь общему соглашенію въ этомъ вопросѣ, который и по настоящее время все еще считается спорнымъ, несмотря на то, что въ нашей начальной лѣтописи есть, повидимому, прямое и точное на этотъ счетъ

указаніе. Здѣсь, при описаніи разселенія славянъ по областямъ, о дреговичахъ прямо сказано: „а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася дреговичи“¹⁾). Основываясь на этомъ мѣстѣ лѣтописи, нѣкоторые историки полагаютъ, что область дреговичей, въ направленіи съ юга на сѣверъ, занимала все пространство отъ Припети до верховьевъ З. Двины, граница на востокъ съ Днѣпромъ, а на западѣ съ верховьями Нѣмана и его притоковъ, т. е., за небольшимъ исключеніемъ, почти совпадали съ территоріей, занимаемой нынѣшняю Минскою губерніей. Но этому прямому свидѣтельству Повѣсти Временныхъ лѣтъ противорѣчатъ точно также прямыя повидимому указанія позднѣйшаго лѣтописнаго свода. Именно, города, расположенные въ области системы р. Припети, здѣсь называются городами дреговичей, а расположенные въ области системы р. Березины называютъ уже кривскими. Такъ напр. расположенные на притокахъ Припети города: Слудзь на Случи, Клеческъ на Лани, въ Ипатіевскомъ спискѣ (подъ 1116 и 1149 гг.) относятся къ области дреговичей²⁾; а расположенные на притокахъ Березины: Язяславъ на Свислочи, Логожскъ на Гойнѣ и Борисовъ на самой Березинѣ, въ Лаурентіевскомъ спискѣ (подъ 1127 г.) называются городами кривскими. Что же касается расположеннаго тоже на Свислочи нынѣшняго губернскаго города Минска, то онъ не разъ упоминается въ лѣтописи какъ городъ, примыкавшій въ политическомъ отношеніи къ области полоцкихъ кривичей³⁾. „Въ виду такихъ ясныхъ и положительныхъ данныхъ, говоритъ Н. П. Барсовъ, нѣтъ никакихъ основаній принимать дословно извѣстіе Начальной лѣтописи о разселеніи дреговичей; можетъ-быть слѣдуетъ допустить только, что лѣтописецъ, отмѣчая область ихъ между Припетью и Двиною,

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л. т. I, стр. 3.

²⁾ Тамъ же т. II, стр. 7 и 4б.

³⁾ Тамъ же т. I стр. 72; т. II, стр. 7.

Труды Киевской дух. Академіи. Т. II. 1886 г.

имѣлъ въ виду не болѣе, какъ указать, что поселенія этого племени или земля дреговичей въ его время, т. е. въ концѣ XI в., лежали къ сѣверу отъ Припети по направленію къ Западной Двинѣ. Собственно область дреговичей ограничивалась на сѣверѣ волокомъ или водораздѣломъ между лѣвыми притоками Припети съ одной стороны и съ другой—полостью Нѣмана, занятою, какъ мы полагаемъ, въ эпоху Начальной лѣтописи итвягами, и полостью Березины, заселенною уже кривскими славянами¹⁾. Какъ ни остроумна эта догадка почтеннаго профессора, но, по нашему мнѣнію, она не можетъ быть принята. Дѣло въ томъ, что положенное въ ея основаніе предположеніе, что авторъ Начальной лѣтописи въ приведенномъ выше мѣстѣ не точно якобы обозначаетъ сѣверные предѣлы области дреговичей, и что въ его время полость Березины уже заселена была кривичами, стоитъ въ противорѣчій съ свидѣтельствомъ той же лѣтописи относительно предѣловъ области расселенія кривичей. Разъ сказавъ, что дреговичи занимали пространство отъ Припети до Двины, лѣтописецъ не забываетъ этого, и, оставаясь послѣдовательнымъ, для кривичей отводитъ верховья З. Двины, Волги и Двѣпра. Замѣтивъ, что на Полотѣ жили полочане, лѣтописецъ продолжаетъ: „отъ нихъ же кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги, и наверхъ Двины, и наверхъ Двѣпра, ихъ же городъ есть Смоленскъ“²⁾. Это мѣсто Начальной лѣтописи находится въ полной гармоніи съ ея свидѣтельствомъ о мѣстѣ поселенія дреговичей. Въ виду такой строгой послѣдовательности лѣтописца ставить сѣверною границею области дреговичей водораздѣльную линію между системами Березины и Припети и распространять южныя поселенія кривичей въ область Березины, это значитъ вносить произволъ въ пониманіе прямого, а потому не допускающаго никакихъ толкованій свидѣтельства Начальной

¹⁾ „Очерки Русской Историч. Географіи“. Варшава. 1885 г., стр. 124.

²⁾ И. С. Р. Л. т. I, стр. 5.

лѣтописи. Но можетъ-быть такое толкованіе обязательно въ виду наименованія въ позднѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ побережинскихъ городовъ кривскими? Не думаемъ: свидѣтельство Начальной лѣтописи для насъ, особенно въ данномъ случаѣ, должно быть признано болѣе достовѣрнымъ источникомъ, чѣмъ свидѣтельство позднѣйшаго лѣтописнаго свода, и въ виду прямого характера обоихъ этихъ свидѣтельствъ предпочтеніе, безъ сомнѣнія, мы должны отдать первому, ставя его исходною точкою при толкованіи послѣдняго, а не наоборотъ. Итакъ, на какомъ основаніи или вѣрвѣе—въ какомъ смыслѣ позднѣйшій лѣтописецъ называетъ побережинскіе города кривскими? Мы думаемъ, что не въ этнографическомъ, а въ политическомъ смыслѣ.—Изъ хода событій, слѣдовавшихъ послѣ смерти Ярослава I, мы знаемъ, что побережинская область уже въ это время въ политическомъ отношеніи входила въ составъ княжества Полоцкаго. Это видно изъ того, что братья Ярославичи, во время борьбы съ Всеславомъ полоцкимъ, разоряютъ Минскъ (1066 г.), какъ городъ всеславовъ. Мало того. Раньше этого времени, еще при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, какъ потомъ увидимъ, не только область системы Березины, но и вся земля дреговичей, вплоть до самой Припети, въ политическомъ отношеніи входила въ составъ Полоцкаго княжества и только при Владимирѣ изъ нея выдѣлена была область Туровская, доставшаяся его сыну Святополку; но въ основаніе такого дѣленія положены были не этнографическія, а чисто топографическія соображенія. Вотъ почему сѣверная вѣтвь дреговичей, будучи искусственно присоединена къ Полоцкой области, какъ чуждая ей въ племенномъ отношеніи, никакъ не могла слиться съ нею органически, а силилась образовать у себя особый политическій центръ въ Минскѣ. Этимъ между прочимъ слѣдуетъ объяснять то обстоятельство, что, когда въ потомствѣ знаменитаго Всеслава Брячиславича возникла междоусобная борьба, то противники князей полоцкихъ находили пріютъ и поддержку

въ Минскѣ, который такимъ образомъ вступалъ въ открытую борьбу съ Полоцкомъ. Какъ на примѣръ въ этомъ родѣ можно указать на борьбу Ростислава Глѣбовича съ Роговолодомъ Борисовичемъ во второй половинѣ XII вѣка. Тѣмъ не менѣе эта сѣверная вѣтвь дреговичей (поберезинскій край), будучи оторвана отъ своего племеннаго центра—Турова, мало по малу утратила свое племенное названіе и съ терминомъ *дреговичи* стало соединяться представленіе только о Туровской области, а на область Березины перенесено было названіе господствовавшего здѣсь въ политическомъ отношеніи племени кривичей. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, дреговичскіе города: Минскъ, Изяславъ, Доложскъ, Борисовъ, т. е. лежавшіе на сѣверъ отъ выше указанной водораздѣльной линіи, какъ зависѣвшіе въ политическомъ отношеніи отъ полоцкихъ кривичей, стали называться кривскими. Ставясь на эту точку зрѣнія, мы легко можемъ примирить указанное противорѣчіе между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ лѣтописными сводами.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что самыя лѣтописныя свидѣтельства, на которыхъ главнымъ образомъ основываетъ свое мнѣніе г. Барсовъ, далеко не имѣютъ такого рѣшительнаго характера, какъ это кажется на первый взглядъ. Серьезнаго вниманія заслуживаютъ два мѣста. Первое изъ нихъ взято изъ разсказа Лаврентіевской лѣтописи подъ 1127 годомъ объ отправленіи в. кн. киевскимъ Мстиславомъ союзныхъ войскъ противъ князей полоцкихъ. Изъ хода разсказа видно, что конечная цѣль этого похода состояла въ томъ, чтобы заставить полочанъ выгнать изъ Полоцка непокорнаго князя Давида Всеславича, для чего Мстиславъ приказалъ своимъ подручнымъ князьямъ разорять сосѣднія съ нхъ удѣлами полоцкія владѣнія; а ближайшими полоцкими владѣніями были города поберезинскіе. Поэтому, когда Лаврентіевская лѣтопись говоритъ, что „посла князь Мстиславъ братю свою на Кривичѣ“ и приказалъ разорять поберезинскіе города—Изяславль, Борисовъ

и Логожскъ, то еще не значить, что лѣтописецъ непременно называетъ эти города кривскими, и тѣмъ болѣе—въ точномъ, этнографическомъ, смыслѣ слова. Встрѣтившись напр. съ выраженіемъ, что русскіе, двинувшись на нѣмцевъ, разорили Познанскую область, мы конечно никогда не стали бы утверждать, что авторъ этого извѣстія называетъ эту область нѣмецкою въ этнографическомъ смыслѣ. Такъ точно и здѣсь. Хотя походъ союзниковъ Мстислава направленъ былъ собственно противъ полоцкихъ кривичей, но жертвой его сдѣлались подчиненные Полоцку побережинскіе дреговичскіе города, разореніе которыхъ, усиленное походомъ смолянъ на Друтскъ, а новгородцевъ на Неколючъ, оказалось вполне достаточнымъ для того, чтобы заставить полочанъ смириться и изгнать Давыда съ сыновьями, а вмѣсто его, съ разрѣшенія Мстислава, принять брата Давыда-Рогволода.—Не слѣдуетъ также забывать и того, что по Ипатіевскому списку Мстиславъ снаряжаетъ походъ не противъ кривичей, а напротивъ *многіе кривичи* участвуютъ въ походѣ противъ полочанъ: „того же лѣта (1128), читаемъ здѣсь, посла князь Мстиславъ съ братьею своею многы кривичи“...¹⁾ и т. д. Варіантъ этотъ не такъ страненъ, какъ это на первый взглядъ можетъ показаться, потому что въ походѣ, о которомъ, здѣсь идетъ рѣчь, дѣйствительно участвовали смоленскіе кривичи. Во всякомъ случаѣ уже самый фактъ существованія этого варіанта заставляетъ относиться къ разсматриваемому мѣсту лѣтописи съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и осторожностію.

Другое свидѣтельство, подтверждающее повидимому мнѣніе г. Барсова, находится въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1149 годомъ. Здѣсь говорится, что когда послѣ извѣстной переяславльской битвы Юрій суздальскій занялъ Кіевъ, союзникъ его Святославъ Ольговичъ, въ награду за оказан-

¹⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 11.

ную ему помощь, взялъ себѣ между прочимъ „Случьскъ, и Клецкъ, и вси дреговичѣ“¹⁾. Это мѣсто даетъ основаніе г. Барсову думать, что Слуцкъ и Клецкъ были „главными пунктами всѣхъ дреговичей“, а такъ какъ оба эти города расположены въ области системы р. Припети, то слѣдовательно поселенія дреговичей и ограничивались этою областью, не простираясь въ область Березины²⁾. Но почтенный историкъ не обратилъ вниманія на то, что въ число городовъ, взятыхъ Святославомъ Ольговичемъ, не вошелъ г. Туровъ, который въ слѣдующемъ же году отданъ былъ тѣмъ же Юріемъ сыну Авдрею³⁾. Если такимъ образомъ основываться на этомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, по которому *всѣ дреговичи* отошли къ Святославу Ольговичу, то не только побережинскіе города, но и Туровъ придется исключить изъ числа дреговичьскихъ городовъ, а это противорѣчитъ мнѣнію самого г. Барсова. Если Туровъ не принадлежалъ дреговичамъ, то онъ по своему географическому положенію могъ принадлежать только древлянамъ; а между тѣмъ извѣстно, что въ Начальной лѣтописи Туровская область прямо противопоставляется Древлянской: Владимиръ посадилъ „Святополка Туровъ, а Святослава Деревѣхъ“⁴⁾. Вообще, при сужденіи о границахъ племени дреговичей показаніями позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ нужно пользоваться съ большою осторожностью. Дѣло въ томъ, что племя это, будучи разбросано на значительномъ пространствѣ, очень рано должно было расчлениваться на нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей, расположившихся по системамъ орошающихъ ихъ область довольно значительныхъ рѣкъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ Припети и Березинѣ. Благодаря обилію непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, сооб-

¹⁾ П. С. Р. Л. т. II, стр. 45.

²⁾ Очерки Русск. Истор. Географ. стр. 124.

³⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 142; т. II, стр. 52.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 52.

щеніе между этими отдѣльными вѣтвями было затруднительно, вслѣдствіе чего сознаніе племеннаго единства у нихъ должно было скоро ослабѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ племя должно было ослабѣть и политически, что конечно повело къ легкому покоренію его сосѣдами, подчинявшими его себя по частямъ. Въ этой внутренней разрозненности племени нужно искать объясненія того, почему позднѣе князья, не справляясь съ этнографіей, совершенно произвольно дѣлили дреговичскіе города между собою, отчисляя одни къ Кіеву, другіе къ Полоцку, третья къ Чернигову, четвертые къ Волыни. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ представленія объ этнографическихъ границахъ области дреговичей скоро должны были затемниться и перепутаться и точныя указанія на нихъ могли сохраниться развѣ только въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“.

Свое предположеніе, что вся область дреговичей первоначально въ политическомъ отношеніи составляла одно цѣлое съ областью полоцкихъ кривичей, мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Извѣстно, что дреговичи, послѣ двукратнаго упоминанія о нихъ въ началѣ лѣтописи, именно, въ трактатѣ о разселеніи славяно-русскихъ племенъ, потомъ исчезаютъ изъ начальнаго лѣтописнаго свода, какъ будто авторъ Повѣсти Временныхъ лѣтъ совершенно забылъ о ихъ существованіи. Племя это не упоминается ни въ разсказѣ лѣтописца о завоевательныхъ дѣйствіяхъ варяго-русскихъ князей на югѣ, ни въ числѣ племенъ участвовавшихъ въ походахъ Олега и Игоря на грековъ. Особенно любопытно то, что въ походѣ Олега, кромѣ позднѣе покоренныхъ отдаленныхъ угличей и витичей, участвуютъ всѣ тогдашнія славяно-русскія племена, именно: ильменскіе славяне, кривичи, поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, думбы и тиверцы; но дреговичей въ этомъ перечнѣ не встрѣчаемъ. Допустить, что дреговичи къ этому времени еще не были подчинены Кіеву, невозможно во-первыхъ потому, что лѣтописецъ и позднѣе не говоритъ объ ихъ

подчиненіи, а между тѣмъ современникъ Игоря, Константиъ Багрянородный (905—989), упоминаетъ дреговичей (Δρογοβίται) въ числѣ племенъ, которые уже платили дань Руси, во-вторыхъ—потому, что не подчинивши дреговичей, Олегу нельзя было бы свободно владѣть изъ Кіева полоцкими кривичами. Это нѣсколько странное на первый взглядъ умалчиваніе лѣтописца о дреговичахъ давно обратило на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей и вызвало нѣсколько болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ и предположеній. Н. П. Барсовъ въ своихъ прекрасныхъ „Очеркахъ Русской Исторической Географіи“, основываясь на занесенномъ въ Никоновскую лѣтопись, подъ 865 годомъ, извѣстіи, что „воеваша Аскольдъ и Диръ полочанъ и много зла сѣвориша“¹⁾, дѣлаетъ предположеніе, что дреговичи „еще при первыхъ кіевскихъ князьяхъ до-Рюриковичахъ вошли въ составъ Русскаго государства. По крайней мѣрѣ, продолжаетъ почтенный авторъ, извѣстіе о войнахъ Аскольда и Дира съ полочанами даетъ основаніе предполагать непосредственное сосѣдство тогдашнихъ кіевскихъ владѣній съ Полоцкою землею, а слѣдовательно и зависимость дреговичей отъ кіевского князя“²⁾. Если бы это мнѣніе г. Барсова было принято, то, безъ сомнѣнія, въ немъ можно было бы отыскать достаточное объясненіе того, почему Рюриковичамъ не приходилось подчинять Кіеву дреговичей, хотя неупоминаніе о дреговичахъ въ числѣ племенъ, участвовавшихъ въ походахъ Олега и Игоря на грековъ, и съ этой точки зрѣнія объяснить нельзя. Но и самое предположеніе г. Барсова подвергается серьезной критикѣ. Е. Е. Замысловскій, въ рецензійи еще на первое изданіе названнаго сочиненія г. Барсова, представилъ по этому вопросу слѣдующее возраженіе. Извѣстіе о войнѣ Аскольда и Дира съ полочанами находится подъ 865 г., а затѣмъ подъ слѣдующимъ годомъ

¹⁾ П. С. Р. Л. т. IX, стр. 9.

²⁾ Издан. 1885 г. стр. 129.

въ этой же лѣтописи разсказывается о походѣ ихъ на грековъ. „Такъ какъ ранѣ этой войны въ Никоновской лѣтописи нѣтъ извѣстiя объ Аскольдѣ и Дирѣ, а въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстiй о войнѣ ихъ съ полочанами, то она можетъ быть отнесена къ тому времени, когда Аскольдъ и Диръ не владѣли Кіевомъ“. Г. Барсовъ во второмъ изданiи своего труда нашелъ эту аргументацію остроумною, но не согласился съ нею, указавъ на то, что отъ Никоновской лѣтописи, какъ позднѣйшаго свода, нельзя ожидать особой полноты и послѣдовательности въ передачѣ данныхъ изъ имѣвшагося у ея списателя матеріала, и что „во всякомъ случаѣ Аскольдъ и Диръ могли воевать съ полочанами не иначе, какъ самостоятельные владѣльцы или князья, отъ своего имени, на свой страхъ... Но самостоятельными они были только въ Кіевѣ, и повтому ближе всего предположить, что только изъ Кіева могла быть ведена война съ полочанами, о которой говоритъ Никоновская лѣтопись“¹⁾. Въ свою очередь и мы аргументацію г. Барсова готовы признать вполне остроумною, но согласиться съ нею не можемъ и прежде всего потому, что война Аскольда и Дира съ полочанами изъ Кіева не можетъ быть оправдана никакими соображенiями и расчетами. Изъ-за чего, спрашивается, этимъ варягамъ было вступать изъ Кіева въ борьбу съ отдаленными полочанами, когда для ихъ завоевательныхъ стремленiй открывалось самое широкое поприще дѣятельности на югѣ. Если Аскольдъ и Диръ рѣшили утвердиться въ Кіевѣ, то имъ слѣдовало прежде всего позаботиться о покоренiи сосѣднихъ славяно-русскихъ племенъ, какъ это и сдѣлалъ позднѣе Олегъ. Г. Барсовъ, правда, допуская возможность „непосредственнаго сосѣдства тогдашнихъ (т. е. при Аскольдѣ и Дирѣ) кіевскихъ владѣнiй съ Полоцкою землею“, повидимому, предполагаетъ, что сосѣднiя съ Кіевомъ племена еще ранѣе покорены были Асколь-

¹⁾ Тамъ же, стр. 293, примѣч. 227.

домъ и Диромъ. Но эту мысль мы считаемъ совершенно неправдоподобною уже потому одному, что въ числѣ южныхъ племенъ были сильные и свободолюбивые древляне, покорить которыхъ, какъ потомъ оказалось, можно было только послѣ долгой и упорной борьбы; а такая борьба, если бы ее вели Аскольдъ и Диръ, не могла бы не обратить на себя вниманія современниковъ, и слѣдовательно не могла бы ускользнуть потомъ и отъ вниманія древнѣйшаго лѣтописца. Не говоримъ уже о томъ, что непосредственный преемникъ Аскольда и Диры на кievскомъ столѣ, Олегъ, не нашелъ на югѣ никакихъ слѣдовъ объединительной дѣятельности своихъ предшественниковъ; даже власть хозаръ не была уничтожена. Правда, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ сохранилось извѣстiе, что Аскольдъ и Диръ, завладѣвъ полянскою землею, „бѣша ратни съ древляны и съ углича“¹⁾. Но на основанiи имѣющихся данныхъ всего естественное предположить, что война эта была не наступательная, а оборонительная, такъ какъ по прямому свидѣтельству древнѣйшей лѣтописи поляне терпѣли обиды отъ древлянъ и другихъ племенъ²⁾. Завладѣвъ полянами, Аскольдъ и Диръ естественно должны были взять ихъ подъ свою защиту, что и повело къ столкновенiю съ самымъ вомественнымъ изъ южныхъ племенъ, древлянами, и съ владѣвшими устьемъ Днѣпра, а слѣдовательно державшими въ своихъ рукахъ днѣпровскiй путь, угличами. Если же эта война велась съ завоевательною цѣлю, то она, какъ неприведшая къ желанной цѣли³⁾, равносильна была поражению, въ виду котораго походъ на отдаленный Полоцкъ былъ бы ни съ чѣмъ несообразенъ и даже невозможенъ.—Наконецъ Аскольдъ и Диръ не могли воевать полочанъ изъ Кiева, какъ самостоятельные владѣльцы, и много зла имъ сдѣлать потому,

¹⁾ П. С. Р. Л. т. V, стр. 88 и т. VI, стр. 269.

²⁾ Тамъ же, г. I, стр. 7.

³⁾ *Имѣть рать, бытъ ратнымъ* съ кѣмъ вѣбудь, на языкѣ лѣтописца значить вести нѣрѣшительную войну. Сравни, тамъ же т. I, стр. 10.

что въ Полоцкѣ, по прямому свидѣтельству лѣтописей, въ томъ числѣ и Никоновской, въ это время уже сидѣлъ мужъ Рюрика. Развѣ могущественный новгородскій князь, располагавшій главными силами пришедшихъ изъ-за моря варяговъ, могъ дозволить безнаказанно разорять платившую ему дань область Аскольду и Диру, которые были его простыми дружинниками и которые даже „ко Царю-городу“ не смѣли отправиться безъ его разрѣшенія („испросистася“)! Вообще мы думаемъ, что если разсматриваемому извѣстію Никоновской лѣтописи слѣдуетъ придавать значеніе, то фактъ борьбы Аскольда и Диры съ полочанами слѣдуетъ относить ко времени до утвержденія ихъ въ Кіевѣ и ставить въ причинную связь съ фактомъ отправленія Рюрикомъ въ Полоцкѣ своего мужа. На эту мысль насъ наводитъ то обстоятельство, что въ Никоновской лѣтописи извѣстія объ отправленіи мужа въ Полоцкѣ и о борьбѣ Аскольда и Диры съ полочанами отнесены къ одному и тому же году. Для уясненія этого обстоятельства предлагаемъ обратить вниманіе на слѣдующее сопоставленіе фактовъ. Изъ сохранившагося въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ извѣстія о возмущеніи въ 864 году противъ Рюрика новгородцевъ подъ предводительствомъ Вадима Храбраго мы знаемъ, что призваншія варяжскихъ князей племена не совсѣмъ были довольны призванными. Хотя новгородская революція и подавлена была Рюрикомъ, но подъ влияніемъ однихъ и тѣхъ же причинъ она могла отозваться въ политическихъ центрахъ и другихъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи князей, между прочимъ и въ Полоцкѣ. Пока въ Изборскѣ сидѣлъ Труворъ, полочанамъ было безопасно обнаруживать свои неудовольствія; но когда въ 864 году Труворъ скончался, полочане въ слѣдующемъ же году, по примѣру новгородцевъ могли открыто обнаружить свои праждебныя дѣйствія противъ Рюрика, и послѣдній, для усмиренія бунта, отправилъ на нихъ Аскольда и Диру, которые, подавляя возстаніе, по выраженію лѣтописца,

„много зла сътвориша полочанамъ“, послѣ чего Рюрикъ уже безпрепятственно отправилъ въ Полоцкъ своего мужа. Этотъ свой подвигъ Аскольдъ и Диръ могли совершить по пути изъ Новгорода на югъ, какъ позднѣе сдѣлалъ нѣчто подобное Владимиръ. Отсутствіе извѣстій въ лѣтописяхъ о возстаніи полочанъ не можетъ служить серьезнымъ возраженіемъ противъ возможности этого факта, такъ какъ въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій и о возмущеніи Вадима, а между тѣмъ фактъ этотъ признается историками вполне вѣроятнымъ.

Итакъ доводы, на которыхъ основывается предположеніе о покореніи дреговичей изъ Кіева, по нашему мнѣнію, недостаточно убѣдительны, и намъ гораздо болѣе правдоподобною представляется слѣдующая догадка С. М. Соловьева: „по всемъ вѣроятностямъ, говоритъ онъ, дреговичи были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная ихъ половина; вотъ почему княжество Мясное, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежало къ Полоцкому“¹⁾. Когда именно совершилось это повореніе, сказать трудно; но есть основаніе думать, что дреговичи очень рано примкнули къ союзу сѣверныхъ племенъ. Въ Іоакимовской лѣтописи они упоминаются даже въ числѣ племенъ, призывавшихъ варяжскихъ князей. Составляя одно цѣлое съ полоцкими кривичами, дреговичи позднѣе въ союзѣ съ ними вошли и въ составъ Кіевского княжества. Поэтому въ разсказѣ лѣтописца о дѣятельности варяжскихъ князей на югъ они нигдѣ не упоминаются отдѣльно; но подразумѣваются вездѣ, гдѣ упоминаются кривичи. Допуская эту мысль, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны допустить и то, что изъ Полоцка покорена была не сѣверная только половина дреговичей, какъ думаетъ Соловьевъ, а все это племя, такъ какъ только въ этомъ случаѣ мы можемъ понять и объяснить фактъ исчезновенія изъ Повѣсти Временныхъ лѣтъ

¹⁾ Истор. Россіи, т. I, стр. 355, примѣч. 180.

самого названія этого племени. На первоначальное политическое единство этихъ двухъ племенъ указываетъ и то, что поздвѣе оба они совмѣстно оказались въ рукахъ двухъ заморскихъ выходцевъ, захватившихъ всю область отъ З. Двины до Припети и засѣвшихъ на крайнихъ ея предѣлахъ: Рогволодъ на Двины—въ Полоцкѣ, а Туръ на Припети—въ Туровѣ. Фактъ этотъ, передаваемый въ рассказѣ о событіяхъ относящихся къ исторіи борьбы Владимира съ Ярополкомъ, вызываетъ большое недоумѣніе у историковъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже совершенно игнорируютъ Тура, признавая, вѣроятно, его лицомъ, вымышленнымъ лѣтописцемъ для объясненія названія города Турова. Но такой скептицизмъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. Извѣстіе о Турѣ мы встрѣчаемъ въ томъ же мѣстѣ древней лѣтописи, въ которомъ говорится и о Рогволодѣ. Историческое существованіе Рогволода оправдано поздвѣйшими событіями, поэтому, оставаясь послѣдовательными, мы должны признать и Тура за дѣйствительное историческое лицо. Что же касается предположенія, что имя Туръ придумано лѣтописцемъ для объясненія происхожденія названія города Турова, то оно едва ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія. То несомнѣнно, что корень „тур“ послужилъ основой для образованія названія многихъ древнихъ урочищъ и даже рѣкъ; но несомнѣнно также и то, что имя Туръ было однимъ изъ самыхъ ходячихъ собственныхъ именъ въ рассматриваемое время. Это видно изъ того, что въ одномъ договорѣ Игоря съ греками, въ числѣ пословъ „отъ рода русскаго“, встрѣчается цѣлыхъ 4 тура; именно: Тур-дуви, Тур-довъ, Туръ-бидъ и Туръ-бернъ. Любопытно то, что окончаніе *бернъ* встрѣчается въ этомъ же договорѣ въ окончаніи имени и другого посла (Шихъ-бернъ) и какъ собственное имя (Праствнъ, Берновъ)... Изъ этого можно заключить, что подъ всѣми этими окончаніями (дуви, довъ, бидъ, бернъ) скрываются собственные имена, означающія отцовъ этихъ пословъ или владѣтельныхъ лицъ, отъ которыхъ они были посланы; наконецъ

они могутъ означать обычное фамильное окончаніе, равносильное нашему *вичь* или *овъ*. Но имя Туръ несомнѣнно употреблялось и безъ всякаго окончанія. В. Ипатіевской лѣтописи подъ 1208 годомъ упоминается, напр., Петръ Туровичъ.—Въ какомъ отношеніи этотъ туровскій Туръ стоялъ къ Рогволоду полоцкому, мы не знаемъ. Онъ могъ быть его родственникомъ, могъ быть равноправнымъ его союзникомъ, могъ быть наконецъ простымъ его дружинникомъ. Въ одномъ изъ лѣтописныхъ списковъ онъ называется братомъ Рогволода ¹⁾. Это вполне вѣроятно; хотя съ увѣренностію можно утверждать лишь то, что оба эти лица должны были находиться между собою въ самой тѣсной связи политической, къ чему побуждало ихъ единство интересовъ, состоявшихъ въ захватѣ и удержаніи за собою захваченныхъ ими волостей, на которыя всегда могли предъявить и дѣйствительно предъявили потомъ свои права Рюриковичи. Существованіе тѣсной связи между Рогволодомъ и Туромъ вытекаетъ также изъ одновременнаго появленія и исчезновенія ихъ въ исторіи. Лѣтописецъ, заговоривъ о Рогволодѣ, считаетъ нужнымъ упомянуть и о Турѣ, хотя Туръ не имѣетъ никакого видимаго отношенія къ передаваемому имъ событію. Это наводитъ на мысль, что въ первоисточникѣ, которымъ пользовался лѣтописецъ, оба эти лица поставлены были въ какую-то тѣсную связь между собою; вслѣдствіе чего лѣтописецъ, заговоривъ объ одномъ изъ нихъ, подчиняясь закону ассоціаціи представленій, счелъ неудобнымъ не упомянуть о другомъ.—Затѣмъ по прямому свидѣтельству лѣтописи оба эти лица пришли „изъ-за моря“ и имѣли „власть свою“—одинъ въ Полоцкѣ, другой въ Туровѣ, т. е. они не были ни подручниками Рюриковичей, ни простыми ихъ посадниками: они пришли изъ-за моря и имѣли власть свою, т. е. были независимыми отъ Рюриковичей полноправными владѣльцами. Независимыми же владѣльцами въ предѣлахъ тогдашней

¹⁾ Шлецеръ. Несторъ. Ч. III, стр. 654.

русской государственной области они не могли явиться ни при Олегѣ, ни при Игорѣ, такъ какъ оба эти князя, по прямому свидѣтельству лѣтописи, еще свободно распоряжались кривичами, какъ подвластнымъ себѣ племенемъ; а въ предварительномъ договорѣ Олега съ греками Полоцкѣ даже прямо поставленъ въ числѣ городовъ, въ которыхъ „сѣдяху князя подъ Ольгомъ суще“. Въ виду этого всего естественно предположить, что Рогволодъ и Туръ утвердились въ своихъ волостяхъ или въ правленіе Ольги, или при Святославѣ, который, какъ извѣстно, все свое княженіе провелъ въ войнахъ съ хозарами и болгарами, и которому некогда было заниматься дѣлами сѣвера, тѣмъ болѣе, что у него, какъ извѣстно, созрѣлъ даже планъ окончательнаго перенесенія резиденціи на Дунай. Если степные варвары, пользуясь отсутствіемъ Святослава, могли безнаказанно опустошать кievскую область, угрожая самой столицѣ, то нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ томъ, что предприимчивые варяги, воспользовавшись тѣми же обстоятельствами, захватили въ свои руки полоцко-дреговичскую область. Но господство ихъ здѣсь продолжалось не долго. Владимиръ, лишивши жизни Рогволода, не могъ пощадить и его союзника Тура. И дѣйствительно, изъ распредѣленія волостей между сыновьями Владимира мы узнаемъ, что перешедшая въ руки Рюриковичей полоцко-туровская область раздѣлена была при Владимирѣ на двѣ волости съ самостоятельными административными центрами въ Полоцкѣ и Туровѣ. Границей между этими двумя волостями уже съ этого, вѣроятно, времени признана была выше указанная водораздѣльная линія между системами Припети и Березины. Этою же линіей еще раньше могли раздѣлиться владѣнія Рогволода и Тура, если только они были равноправными владѣльцами. Но повторяемъ, что въ основаніе такого дѣленія положены были не этнографическія, а чисто топографическія условія. Эти же условія позднѣе способствовали выдѣленію и обособленію княжества Минскаго. Говоря такимъ образомъ, мы

конечно по отношенію къ данному случаю вполне раздѣляемъ мнѣніе С. М. Сокольева ¹⁾, признаваемое и нѣкоторыми другими учеными, что съ тѣхъ поръ, какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, совпаденіе границъ земельныхъ и племенныхъ, т. е. политическихъ и этнографическихъ единицъ, было нарушено и области стали составляться изъ частей разныхъ племенъ.

Итакъ, опираясь на прямое свидѣтельство Начальной лѣтописи и принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя соображенія, сѣвѣрною границею племени дреговичей мы признаемъ водораздѣльную линію между системами Вилия и Березины съ одной стороны и З. Двины—съ другой. Проходящая здѣсь полоса суши, возвышаясь приблизительно на 1000 футовъ надъ уровнемъ моря и на 300 ф. надъ окружающею мѣстностью, продолжаясь далѣе на востокъ, составляетъ также водораздѣльную линію между Двѣпромъ и З. Двиной и могла служить границей между полоцкими и смоленскими кривичами. Врѣзываясь, далѣе, клиномъ между верхнею Березиной и Двѣпромъ и служа мѣстомъ истока р. Друта, она вмѣстѣ съ этою рѣкою, служила, по всей вѣроятности, границею между дреговичами и смоленскими кривичами. Вообще, если бы потребовалось болѣе или менѣе точно опредѣлить границы племени дреговичей, то мы провели бы ихъ такимъ образомъ. На югъ граница шла по Припяти; на востокъ, подымаясь вверхъ, она продолжалась по Двѣпру, до впаденія р. Друта, и далѣе рѣкою Друтомъ; сѣвѣрною границею служила выше названная водораздѣльная линія, а западную—линія, пересѣкающая верховья Вилия, Нѣмана и Шара, рѣкъ, среднее теченіе которыхъ уже занимало племя литовское. Само собою разумѣется, что рассмотрѣнный нами вопросъ окончательно будетъ рѣшенъ лишь тогда, когда путемъ археологическихъ раскопокъ будутъ приведены въ извѣстность скрытые теперь

¹⁾ Истор. Росс. 1853 г. т. III, стр. 24.

въ нѣдрахъ земли вещественные памятники, которые, проливая свѣтъ на внутренній бытъ отдѣльныхъ племенъ, помогутъ опредѣлить ихъ специфическія особенности и такимъ образомъ болѣе или менѣе точно установить предѣлы областей, принадлежащихъ тому или другому племенному типу.

Теперь посмотримъ, съ какими историческими памятниками можетъ встрѣтиться археологъ, поставившій область дреговичей предметомъ своего изслѣдованія. Извѣстно, что въ предѣлахъ территоріи, заселенной въ древности русскими славянами, чаще всего встрѣчаются древнія монеты, городища и курганы. Со всѣми этими памятниками можно встрѣтиться и въ области дреговичей.

Насколько можно судить на основаніи сдѣланнаго Д. Я. Самоквасовымъ распредѣленія по областямъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ мѣстахъ поселенія русскихъ славянъ¹⁾, въ предѣлахъ земли дреговичей, если имѣть въ виду точныя границы этого племени, древнія римскія монеты до настоящаго времени не были находимы, или по крайней мѣрѣ въ печати о нихъ не говорилось. Поэтому мы съ удовольствіемъ заносимъ въ археологическую лѣтопись слѣдующій фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Игуменскомъ уѣздѣ Минской губерніи, недалеко отъ с. Верхменя, слѣдовательно въ области системы р. Березины, крестьяниномъ найдена была древняя золотая монета, пріобрѣтенная потомъ однимъ изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. Послѣдній поспѣшилъ представить ее вниманію одного изъ своихъ профессоровъ, который, благодаря ей хорошей сохранности, сразу узналъ въ ней монету римскаго императора Трояна (98—117). Къ сожалѣнію, почтенный профессоръ, найдя, что представленная ему монета принадлежитъ къ обще-извѣстному типу, не придавъ вновь найденному экземпляру должнаго значенія, не обративъ

¹⁾ „Исторія Русскаго Права“. Вып. II. Варшава 1884 г., стр. 138.
Труды Кіевской дух. Акад. Т. II. 1886 г.

вниманія на то, что въ данномъ случаѣ научный интересъ заключается не въ новизнѣ типа, а въ мѣстѣ находенія монеты. Не встрѣтивъ должной поддержки, студентъ продалъ монету за 5 рублей въ мѣняльную лавку. Тѣмъ не менѣе находеніе монеты императора Траяна въ указанной мѣстности мы отмѣчаемъ какъ вполне достовѣрный фактъ, свѣдѣнія о которомъ мы получили изъ устъ самого бывшего владѣльца этой монеты.

Гораздо большаго вниманія археологіи заслуживаютъ разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ разсматриваемой области городища. Пропедемъ лѣтомъ намъ удалось посѣтить и осмотрѣть 4 такихъ городища: три въ Игуменскомъ уѣздѣ и одно въ Минскомъ. Изъ первыхъ трехъ два представляютъ собою типъ обыкновеннаго городища, часто встрѣчающагося въ предѣлахъ нашей государственной области: это небольшія площадки, обведенныя кругомъ ровомъ и образовавшимся при его вырытіи валомъ. Одно изъ нихъ находится въ 10 верстахъ отъ уѣзднаго города Игумена и расположено вблизи селенія, носящаго названіе Городище. Оно имѣетъ форму почти правильнаго круга, діаметръ котораго равняется приблизительно 60 шагамъ. Другое расположено недалеко отъ села Верхменя, при застѣнкѣ Заказинцѣ. Форма его овальная, длина равняется 115 шагамъ, ширина 80, по вѣнцу вала 350 шаговъ. Въ настоящее время площадь этого городища покрыта вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ.— Но особеннаго вниманія заслуживаетъ земляное сооруженіе, расположенное почти въ глухомъ лѣсу, въ верстахъ 6 отъ того же села Верхменя, при селеніи Завязокі. Мѣстомъ для него избранъ неширокій въ основаніи, но круто поднимающійся холмъ, возвышающійся надъ окружающею мѣстностью на сажени 15. На верхнюю площадку его ведутъ три подъема, образуемые двумя одинъ надъ другимъ расположенными валами съ глубокими рвами. Во рвахъ этихъ, особенно въ верхнемъ, собраны камни, которые могли служить средствомъ для обороны. Самая верхняя площадка

очень незначительна: она представляет правильный кругъ, діаметръ котораго не достигаетъ и 50 шаговъ. Въ виду такой незначительности объема самой площадки и трудности сообщенія съ нею, можно съ увѣренностью утверждать, что это городище никогда не имѣло постоянного населенія, а служило лишь мѣстомъ временнаго убѣжища и обороны на случай нападенія враговъ. И нужно замѣтить, что въ стратегическомъ отношеніи оно дѣйствительно представляетъ почти недоступный пунктъ, защищать который, если имѣть въ виду способъ веденія въ древности войны, легко было при самыхъ ограниченныхъ средствахъ обороны. Въ нижнемъ рву, при осмотрѣ этого городища, между камнями отыскано было нѣчто въ родѣ грубо обтесаннаго долота, имѣющаго форму человѣческой стопы. Въ окрестностяхъ же этого городища крестьяниномъ выпаханъ былъ приобретенный нами небольшой по объему, просверленный и прекрасно отшлифованный каменный молотокъ, принадлежащій къ позднѣйшей формациі каменнаго вѣка. Вообще, находеніе въ данной мѣстности искусственно приготовленныхъ изъ камня предметовъ не рѣдко. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ послѣднихъ двухъ городищъ расположено урочище Туры, усѣянное курганами.—Упомянемъ здѣсь же и о городищѣ, расположенномъ тоже сравнительно очень недалеко отъ того же с. Верхменя, вблизи застѣвка Пеликъ; посѣтить это городище лично намъ не удалось.

Совершенно другимъ характеромъ отличается городище, расположенное на правомъ берегу р. Нѣмана, между двумя мѣстечками Столпцами и Н. Свержемъ, и извѣстное въ данной мѣстности подъ названіемъ „замчища“. Замчище это занимаетъ оконечность песчаной возвышенности, клиномъ врѣзывающейся съ сѣверо-востока въ низменное луговое пространство праваго побережья Нѣмана. Отъ Нѣмана оно отдѣляется такъ называемымъ *озерищемъ*, т. е. подковообразнымъ углубленіемъ, прилегающимъ одною стороною къ

насыпи вала, а другою (открытою) обращеннымъ къ рѣкѣ. Озерище это, представляющее несомнѣнные слѣды искусственнаго сооруженія, по мѣстному преданію, служило когда-то дномъ теперь уже высохшаго озера, отъ котораго остались только небольшія, наполненныя водою впадины. Все же пространство, занимаемое озерищемъ, покрывается водою только во время весенняго разлива Нѣмана.—Самое замчище для приближающагося къ нему наблюдателя представляется группой песчаныхъ холмовъ, покрытыхъ кустарниками. Но видъ совершенно измѣняется, когда вы взбираетесь на первую изъ этихъ холмовидныхъ насыпей. Вашему взору открывается довольно обширная, круглая площадь, пространствомъ около 35,000 квадратныхъ сажени, опоясанная кругомъ высокимъ валомъ. Валъ этотъ, благодаря рыхлости песчаной почвы, сильно пострадалъ отъ времени, утратилъ свою первоначальную правильность и изрѣзанъ по мѣстамъ повидимому естественно образовавшимися проходами; но на сѣверо-западной сторонѣ насыпи, съ противоположной стороны отъ Нѣмана, есть проходъ, образованіе котораго, повидимому, современно сооруженію самого вала. Внутренняя площадь замчища въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ равняется почти 200 саж., а въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ—около 180 саж. Западная меньшая половина всего внутреннего пространства представляется нѣсколько возвышеннѣе и отдѣляется отъ главной площади цѣпью небольшихъ возвышеній, представляющихъ, повидимому, остатокъ внутренней насыпи, сѣверная оконечность которой вполне сохранилась въ видѣ отдѣльной продолговатой площадки. Подножье этой внутренней насыпи, равно какъ и подножье внѣшняго вала, по мѣстамъ усѣяно мусоромъ отъ разложившихся костей съѣденныхъ животныхъ, черепками отъ разбитой посуды, осколками кремней, мелкимъ углемъ, рѣчными раковинами и мелкими кусками кирпича; здѣсь же найденъ и небольшой желѣзный ключъ довольно грубой работы.

Тамъ, гдѣ осылающійся валъ круто обрывается, не трудно замѣтить и тотъ слой насыпи, который выдѣляется изъ себя весь этотъ мусоръ: онъ лежитъ на фута два ниже поверхности насыпи и состоитъ изъ образовавшагося отъ перегноя чернозема. Толщина этого слоя въ разныхъ мѣстахъ различна: отъ очень узкой полоски онъ по мѣстамъ доходитъ до аршинной ширины. Сдѣланная нами пробная раскопка убѣдила, что весь указанный мусоръ выдѣляется изъ этого именно слоя чернозема. Любопытно то, что поверхность внутренней площади замчища до того неизменна, что достаточно нѣсколько разъ колануть заступомъ, чтобы показалась вода; верхній слой почвы состоитъ изъ наноснаго ила и совершенно непригоденъ для развитія растительности. Можно даже полагать, что прежде внутренняя площадь замчища служила дномъ озера, которое наполнялось водою чрезъ выше указанный проходъ во время весенняго разлива Нѣмана, который и теперь весною, въ полую воду, заливаетъ все прилегающее съ трехъ сторонъ къ насыпи замчища луговое пространство. Населеніе же замчища въ такомъ случаѣ сосредоточивалось на довольно широкой поверхности насыпи, вслѣдствіе чего здѣсь и образовался указанный слой перегноя. Кости отъ стѣбденныхъ животныхъ и рыбъ, черепки отъ посуды, осколки отъ кремней, которыхъ, по свидѣтельству мѣстнаго населенія, прежде было гораздо больше, уголь, — все это даетъ основаніе смотрѣть на это замчище, какъ на древнее городище. Но въ мѣстномъ населеніи сохранилось о немъ другое преданіе. Простой народъ смотритъ на замчище, какъ на мѣсто провалившагося заклятаго замка, съ которымъ соединяется нѣсколько суевѣрныхъ рассказовъ, чуждыхъ всякой исторической подкладки. — По словамъ же одного полунинтеллигентнаго старожилы здѣсь будто бы дѣйствительно стоялъ когда-то замокъ, принадлежавшій князьямъ Сангушкамъ. Потомъ онъ проданъ былъ князьямъ Чарторыйскимъ, при которыхъ подвергся разрушенію. Когда это случилось, рассказчикъ

не знаетъ; но со словъ старожиловъ передаетъ, что будто бы еще сравнительно въ недавнее время изъ замчища приносились доски и кирпичи отъ построекъ. Само собою разумеется, что только правильная систематическая раскопка можетъ доставить данныя для уясненія исторіи этого замчища, что, въ виду его положенія на верхнемъ теченіи Нѣмана, т. е. на границѣ литовско-русскихъ поселеній, было бы весьма желательно. Кромѣ поименованныхъ, въ предѣлахъ области дреговичей есть конечно и другія городища, но о нихъ мы умалчиваемъ, потому что осмотрѣть ихъ лично намъ не удалось. Можемъ упомянуть впрочемъ о прекрасно сохранившихся окопахъ древняго города Изяславля, лежавшаго на верхнемъ теченіи р. Свислочи, на мѣстѣ теперешняго мѣстечка Заславля. Обстоятельное описаніе этихъ окоповъ съ приложеннымъ планомъ можно встрѣтить у извѣстнаго польскаго писателя Сырокомля.

Теперь перейдемъ къ другому виду древнихъ земляныхъ сооружений, къ такъ называемымъ курганамъ. Западно-русскіе курганы обратили на себя вниманіе еще знаменитаго историка Нарбутта, который, посѣтивъ Могилевскую губернію въ качествѣ военнаго инженера въ 1810 и 1811 гг., даже лично занимался ихъ изслѣдованіемъ въ окрестностяхъ гг. Ст. Быхова и Рогачева ¹⁾. Обиліе кургановъ въ западно-русскомъ краѣ затѣмъ констатировалъ О. Турчиновичъ въ своемъ „Обозрѣніи Исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ“. „Земля Бѣлоруссіи, говоритъ онъ, воздымается курганами (tumulus) повсемѣстно; особенно же въ области, центромъ которой можно принять среднее теченіе Днѣпра: съ лѣвой стороны, начиная немного выше мѣстечка Шклова Могилевскаго уѣзда, до устья Припети и до прежнихъ границъ литовскихъ владѣній съ Россією; а съ правой область кургановъ простирается чрезъ Борисовскій уѣздъ до границъ собственной Литвы. Но наиболѣе находится ихъ: съ одной

¹⁾ Narbutt. Dz. Star. Nat. Lit. Wil. 1837 г. II, 547—556.

стороны—между р. Друтью и низовымъ теченіемъ Березины, съ другой—между г. Могилевомъ и р. Сожемъ. Въ этой области—среди которой будетъ Рогачевъ—вдоль берега Днѣпра, въ такомъ множествѣ являются столпленными эти таинственные курганы, что невольно рождается мысль, будто бы эта страна была вѣковымъ кладбищемъ какого-то многочисленнаго народа въ древности¹⁾. Въ частности „въ Бобруйскомъ уѣздѣ Минской губерніи, говоритъ тотъ же авторъ, т. е. въ землѣ дреговичей, между рр. Птичью и Орессою, находится множество древнихъ кургановъ, стоящихъ уединенно, семействами и даже цѣлыми селеніями, въ двѣ и три линіи. Вершина каждаго кургана состоитъ изъ впадины—признакъ, что мертвыхъ засыпали землею въ сидячемъ положеніи; по мѣрѣ растлѣнія тѣла земля осаживается внизъ“²⁾. Въ свою очередь и мы можемъ засвидѣтельствовать, что на пространствѣ между Березиной и Нѣманомъ, по линіи, проходящей чрезъ губ. Минскъ, кургановъ встрѣчается такая масса, что по мѣстамъ они бросаются въ глаза даже при быстромъ движеніи по желѣзной дорогѣ. Такое обиліе памятниковъ языческой старины въ разсматриваемой области можетъ быть объяснимо только значительною плотностью населенія ея въ дохристіанскій періодъ нашей исторіи, что отчасти подтверждается и историческими данными. Извѣстно, что съ наступленіемъ удѣльнаго періода начинается вѣковая, по временамъ варварски жестокая, борьба между Ярославичами съ одной стороны и потомками сына Роганды, Изяслава Владимировича—съ другой. Въ борьбѣ этой, которая при Всеславѣ Брячиславичѣ подошкомъ и Глѣбѣ Всеславичѣ минскомъ отличалась особенно острымъ характеромъ, цѣлые города Полоцкой волости разрушались, а жители умерщвлялись или уводились въ плѣнъ: „си же братья (Ярославичи), читаемъ напр. въ лѣтописи

¹⁾ Обзор. Истор. Бѣлор. съ др. вр. С.П.В. 1857 г., стр. 3.

²⁾ Тамъ же стр. 245, примѣч. 8.

подъ 1066 г., взяша Мѣнескъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты“ (въ плѣнь)¹⁾. „Изѣвхахомъ городъ (Минскъ), говоритъ Владимиръ Мономахъ въ своемъ поученіи, и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины“²⁾. Понятно, что при такихъ условіяхъ населеніе въ край не могло особенно быстро разрастаться. Несмотря на это, въ предѣлахъ области, намѣченной нами для племени дреговичей, можно указать больше 10 городовъ, сдѣлавшихся въ XIII в. административными центрами для самостоятельныхъ удѣловъ. Таковы города: Друцкъ, Изяславль, Минскъ, Новогородокъ, Логойскъ, Слуцкъ, Клецкъ, Стрѣжевъ, Лукомль, Свислочь, Борисовъ, Туровъ, Пинскъ. Возможность существованія такого количества хотя и незначительныхъ удѣловъ на столь ограниченномъ пространствѣ, при сравнительно неблагоприятныхъ для роста населенія обстоятельствахъ, можетъ быть объяснима только значительною плотностью населенія въ край въ доудѣльный періодъ. Эта-то плотность населенія и оставила слѣды въ обиліи могильныхъ кургановъ разсматриваемой области.

По виѣшнему виду здѣшніе курганы принадлежать къ одному типу съ описаннымъ Нарбуттомъ могилевскими курганами. Одни изъ нихъ не поднимаются выше двухъ футовъ надъ окружающею поверхностью, высота другихъ доходитъ до двухъ саженьей. Большая часть имѣютъ форму правильнаго полукруга, нѣсколько расширяющагося къ основанію, съ тупою, иногда провалившешуюся вершиною. Кургановъ громаднхъ размѣровъ, каковы напр. черниговскіе Черная Могила и Гульбище, здѣсь намъ встрѣчать не приходилось. Здѣшніе курганы расположены группами и разбросаны иногда на значительномъ пространствѣ. Въ размѣщеніи отдѣльныхъ кургановъ въ группѣ повидимому нѣтъ никакого порядка: стоятъ они по одиночкѣ, по два и по

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 72.

²⁾ Тамъ же, стр. 103.

три вмѣстѣ. Большая часть стоитъ особнякомъ; но нѣкоторые соединены и даже совершенно слиты въ основаніи, и расходятся только вершинами. Между парными попадаются—одинъ большой, другой малый.—Среди мѣстнаго населенія древнее преданіе о курганахъ повидимому совершенно утрачено и замѣнено представленіями, навѣянными позднѣйшими историческими событіями, что впрочемъ совершенно понятно. Нашъ западно-русскій край въ теченіи всей своей исторической жизни служилъ ареной многовѣковой борьбы трехъ сосѣднихъ народностей: русскихъ, поляковъ и литовцевъ; ему приходилось также принимать у себя такихъ гостей, какъ татары, козаки, шведы, французы. Позднѣйшія историческія событія, благодаря силѣ производимаго ими впечатлѣнія, овладѣвая на время народнымъ сознаниемъ, оставляли въ послѣднемъ своего рода наслоенія, подъ давленіемъ которыхъ мало по малу должны были угасать преданія глубокой старины. Вотъ почему на разспросы о происхожденіи городищъ и кургановъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ приходится получить или полный отрицательный отвѣтъ, или мнѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ историческихъ событій. Всего свѣжѣе конечно въ народной памяти сохранились воспоминавія о событіяхъ отечественной войны. Поэтому и въ народѣ господствуетъ представленіе о мѣстныхъ городищахъ и курганахъ, какъ о военныхъ укрѣпленіяхъ и могилахъ французовъ. Но особенно глубокое и, какъ это видно изъ сохранившихся въ народѣ разсказовъ, особенно тяжелое воспоминавіе о себѣ оставили шведы. И вотъ даже въ окрестностяхъ г. Борисова, т. е. тамъ, гдѣ еще существуютъ постройки, въ которыхъ, по мѣстному преданію, помѣщался Наполеонъ I съ своимъ штабомъ, гдѣ въ стволахъ деревьевъ еще и теперь сидятъ французскія ядра, гдѣ постоянно находятъ предметы, напоминающіе отечественную войну, гдѣ еще попадаются старики, лично работавшіе на такъ называемыхъ чичаговскихъ батареяхъ, словомъ, гдѣ все напо-

минаеть о французяхъ, даже и здѣсь мѣстное населеніе извѣстную группу кургановъ называетъ шведскими могилами. Конечно, относиться къ подобнаго рода народному преданію исключительно скептически нельзя, такъ какъ въ немъ иногда можетъ скрываться извѣстная доля правды; но въ большинствѣ случаевъ, какъ намъ отчасти лично пришлось убѣдиться, историческая правда въ народной памяти утрачена и ея мѣсто занято позднѣйшими домыслами, которые впрочемъ сами по себѣ небезынтересны и могли бы сдѣлаться предметомъ изученія съ точки зрѣнія исторической психологіи ¹⁾).

Болѣе внимательному обследованію намъ удалось подвергнуть группу кургановъ, расположенную въ Минскомъ уѣздѣ, Койдановской волости, въ имѣніи О. А. Тарасовой Черниковщинѣ. Мѣстность эта орошается рѣкою Усою, однимъ изъ самыхъ выдающихся притоковъ верхняго Нѣмана. По берегамъ Усы курганы встрѣчаются довольно

¹⁾ Особенно любопытно было бы сопоставить существующіе въ этой мѣстности рассказы о французяхъ съ такими же рассказами о шведахъ. „Мнѣ было 12 лѣтъ, рассказывалъ намъ одинъ старичокъ, когда чрезъ наше мѣстечко (Койдановъ, Минскаго уѣзда) проходили французы. Мы дѣти съ ужасомъ ожидали ихъ, и поэтому, какъ только провѣся слухъ о приближеніи французскаго отряда, всѣ попрятались. Но убѣдившись, что французы ничего дурного не дѣлають, мы мало по малу стали вылезать изъ укромныхъ уголковъ и собираться около расположившагося закусывать отряда. Вдругъ, въ величайшему нашему ужасу, по командѣ начальника, солдаты моментально охватили насъ цѣпью; мы считали уже себя погибшими; но наши опасенія были неосновательны: послѣявшись надъ нашимъ испугомъ, французы въ награду позволили намъ воспользоваться остатками ихъ закуски, чѣмъ мы конечно несказанно были обрадованы. Не такъ, добавилъ старичокъ, относились къ дѣтямъ шведы: шведъ ворвется въ избу, хватить ребенка за ножки и головкою о печку; а большихъ дѣтей засадитъ за лавку, придавитъ къ стѣнѣ, такъ сразу и задавитъ всѣхъ“. — Ясно, что хотя и шведы, и французы являлись въ край съ одною и тою же враждебною цѣлью, но въ народной памяти тѣ и другіе оставили далеко не одинаковыя воспоминанія. Для насъ въ данномъ случаѣ важно собственно то, что такого именно рода воспоминанія, господствуя въ народной памяти, устанавливають въ сознаніи тотъ уголъ зрѣнія, съ точки зрѣнія котораго мѣстное населеніе привыкло освѣщать памятники своей глубочайшей старины.

часто. Въ разсматриваемой мѣстности, на разстояніи не больше трехъ верстъ при прямомъ сообщеніи, намъ пришлось встрѣтить ихъ три группы. Курганы, о которыхъ идетъ рѣчь, лежатъ непосредственно при деревнѣ Черниковщинѣ и разбросаны въ безпорядкѣ на значительномъ пространствѣ по волнистой открытой мѣстности. Теперь ихъ не наберется и двухъ десятковъ; но прежде, по словамъ мѣстныхъ жителей, ихъ было гораздо болѣе; значительная часть ихъ разрыта по распоряженію прежняго помѣщика въ интересахъ увеличенія пространства пахатной земли. При разрытіи этихъ кургановъ были выкапываемы человѣческія кости, и между прочимъ вырытъ будто бы былъ костякъ, принадлежавшій человѣку исполинскаго роста, ножная голень котораго, по единогласному свидѣтельству четырехъ крестьянъ и одного еврея, доходила до пояса человѣка средняго роста. Въ спускающемся тутъ же съ косогора, размытомъ водою, рву, разсыяны черепки отъ битой посуды; тамъ же найдено было два точильныхъ камня. Въ этой же мѣстности найдены были будто бы два остова отъ дорожныхъ сумокъ и сабля. О судьбѣ этихъ предметовъ рассказчики ничего не знаютъ. На наши разспросы о курганахъ пришлось получить обычный здѣсь отвѣтъ: „не знаемъ, мусибыць (вѣроятно) французскіе“. Когда же нами выражено было по этому поводу сомнѣніе, одинъ изъ получившихъ въ специальномъ агрономическомъ училищѣ крестьянъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, это „поганскія могилы“; но высказалъ это не какъ мѣстное преданіе, а какъ свое личное мнѣніе.

Не имѣя возможности приступить къ систематической раскопкѣ этихъ кургановъ, мы рѣшили раскопать одинъ изъ нихъ пробной траншеей шириною въ полтора аршина. Для этой цѣли избранъ былъ одиноко стоящій значительной величины курганъ, воздѣ котораго, кажется, прежде находился другой меньшей величины, теперь уже раскопанный. Образецъ такихъ парныхъ кургановъ еще сохранился въ

разсматриваемой группѣ. Избранный курганъ имѣетъ въ окружности при основаніи 50 шаговъ, отвѣсная высота его въ центрѣ насыпи отъ вершины до основанія 3¹/₂ аршина; форма его—полукругъ съ тупою вершиною; расположенъ онъ на косогорѣ, вслѣдствіе чего форма нѣсколько расширяющагося въ основанію полукруга не имѣетъ строгой правильности. Земля для насыпи привесена повидимому изъ другаго мѣста; по крайней мѣрѣ вокругъ этого, равно какъ и другихъ кургановъ этой группы, соответствующихъ углубленій не сохранилось. Направленіе траншеи при раскопѣ избрано съ востока на западъ. Верхній слой насыпи оказался песчанымъ, однороднымъ съ подпочвеннымъ слоемъ данной мѣстности. Но на глубинѣ одного аршина оказался слой пепельнаго цвѣта суглинка, сильно усохшаго и очень твердаго. Въ этомъ слое, на глубинѣ 1¹/₂ аршина, найденъ былъ лежащій въ горизонтальномъ направленіи человѣческой костякъ, обращенный головою на западъ, а ногами на востокъ. Положеніе отдѣльныхъ частей костяка совершенно естественное и именно такое, какое представлено на модели, созданной В. Антоновичемъ на основаніи раскопокъ, произведенныхъ имъ въ землѣ древлянской. Длина костяка нѣсколько больше двухъ аршинъ; размѣръ костей свидѣтельствуетъ о нѣжномъ сложеніи субъекта, хотя на основаніи зубовъ можно судить, что костякъ принадлежитъ старому человѣку. Любопытно то, что въ то время какъ задніе зубы сохранились очень хорошо, передвіе почти на половину съѣдены, словно вожемъ срѣзаны, что можетъ дать основаніе для сужденія о формѣ и средствахъ питанія даннаго субъекта.—Около головы костяка найдены три стеклянныхъ позолоченныхъ бусы и четыре кольца изъ низкопробнаго серебра. Концы колець сходятся спирально, а не спаяны, что даетъ основаніе относить приготовленіе ихъ не позже чѣмъ къ IX вѣку. Кольца и бусы по внѣшнему виду совершенно такія же, какія попадаются и въ древлянскихъ курганахъ. Другихъ предметовъ въ нашемъ курганѣ не оказалось, хотя

раскопка доведена была до самаго почвеннаго слоя. Польщенные этимъ успѣхомъ, мы рѣшили раскопать такимъ же способомъ еще одинъ курганъ, расположенный въ шагахъ 400 отъ перваго, приблизительно такой же по формѣ и величинѣ, и слѣдовательно обѣщавшій одни и тѣ же результаты. Но каково же было наше удивленіе, когда на той же глубинѣ вмѣсто костяка оказалось кострище съ явными остатками золы и угля, несомнѣнными признаками погребенія чрезъ сожженіе; но предметовъ, въ родѣ напр. сосуда съ костями, на пространствѣ, захваченномъ траншеей, не оказалось, хотя раскопка опять таки доведена была до почвеннаго слоя. Такимъ образомъ въ одной и той же группѣ одни изъ кургановъ насыпались надъ погребенными покойниками, другіе—надъ сожженными: очень любопытный, хотя и не единственный въ своемъ родѣ, фактъ существованія въ одномъ и томъ же мѣстѣ двухъ различныхъ формъ погребенія.

Сообщенныя здѣсь свѣдѣнія пріобрѣтены нами случайно, а поѣтому отличаются отрывочнымъ характеромъ; но думаемъ, что и ихъ достаточно для того, чтобы показать, какая богатая жатва ожидаетъ того археолога, который, располагая необходимыми средствами, избралъ бы область дреговичей предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

В. Завитневичъ.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА ПАЛОМНИКА НА АЕОНЪ¹⁾.

(Продолженіе).

Суббота. 23 іюля. Время пребыванія моего на св. Аеонѣ приблизилось уже къ концу; сегодня вечеромъ меня уже не будетъ на Аеонѣ. Почти весь сегодняшній день посвященъ былъ на приготовленіе къ обратному отъѣзду. Не хотѣлось мнѣ такъ скоро отсюда уѣзжать; не хотѣлось разставаться въ радушную братію Руссика, гдѣ я чувствовалъ себя какъ „дома“. Въ три недѣли пребыванія моего на Аеонѣ я настолько уже успѣлъ войти въ колею монастырской жизни, что она отнюдь уже не казалась для меня тягостною, какъ сначала. Желательно было бы мнѣ остаться здѣсь еще по крайней мѣрѣ до 27 іюля, чтобы быть на храмовомъ праздникѣ Руссика въ честь св. Пантелеимона; говорятъ, что празднество это совершается съ величайшею торжественностью. Но несмотря на это, долѣе оставаться здѣсь мнѣ нельзя. Турецкій пароходъ заходитъ на Аеонъ одинъ разъ черезъ двѣ недѣли. Слѣдовательно, если я не поѣду на пароходѣ, имѣющемъ притти сегодня вечеромъ, то придется оставить Аеонъ около 8 августа. Это бы еще ничего не значило, если бы въ перспективѣ не было карантина, который, правда, по неслишкомъ еще достовѣрнымъ извѣстіямъ, придется выдерживать или въ Дарданеллахъ, или предъ Одессою въ теченія 10 дней. Вотъ почему мнѣ необходимо было

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. Акад., іюль, 1886 г.

сегодня выѣзжать, чтобы поспѣть въ Кіевъ къ 15 августа, по которое число и выданъ мнѣ заграничный паспортъ.

Собравши имѣющіяся у насъ вещицы, мы (я и Черняшевскій) пошли въ монастырскую лавку и приобрѣли нѣкоторыя вещи, которыя напоминали бы намъ объ Аеонѣ. Мы купили нѣсколько паръ хорошихъ четокъ, нѣсколько позолоченныхъ и простыхъ крестиковъ, большую икону цѣлителя Пантелеимона, альбомъ аеонскихъ видовъ и многое другое въ этомъ родѣ...

По возвращеніи въ номеръ, намъ предложена была большая книга, въ которую вписываютъ свои имена почетные посѣтители Аеона. Нѣтъ сомнѣнія, что книга эта будетъ имѣть большое историческое значеніе для исторіи Аеона, такъ какъ здѣсь собственноручно вписываются не только имена посѣтителей Аеона, но тѣ или иныя замѣчанія о современной жизни Аеона, объ ея достоинствахъ или недостаткахъ. Жаль только, что книга эта заведена сравнительно не очень давно, именно въ 1852 году. Первою стоитъ запись, если память не измѣнила, Безобразова, по мысли котораго и заведена эта книга. Я очень жалью, что, по недостатку времени, не успѣлъ хорошо ознакомиться съ этою книгою и списать кое-какія характерныя записи, которыхъ здѣсь очень много. Общій тонъ всѣхъ записей: восхищеніе аеонскими красотами, монастырскою живописью Руссина, сожалѣніе о замѣчающейся на Аеонѣ распрѣ греческихъ инокъ съ русскими (впрочемъ, это высказывается только въ нѣкоторыхъ записяхъ, напр. въ записи покойнаго преосв. Порфирія) и благодарность оо. Макарію и Герониму съ братьею за ихъ радушіе и любовь. Запись моя была въ такомъ же духѣ, только примѣнительно къ моему положенію. Я написалъ, что вакаціонное время, проведенное мною на Аеонѣ, останется памятнымъ для меня на всю жизнь, какъ по разнообразію прекрасныхъ впечатлѣній, испытанныхъ мною во время путешествія по Аеону, такъ и потому рою мыслей, которыя возбудило во мнѣ посѣщеніе Аеона и его древнихъ

монастырей; что монастырская киновія есть возможное стремленіе къ достиженію идеала первобытнаго христіанскаго общества, когда у всѣхъ христіанъ было едино сердце, единый духъ, всѣ имѣли все общее, постоянно пребывая въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ; что я познакомился съ новыми, невиданными еще мною формами жизни, вслѣдствіе чего умъ мой обогатился новымъ запасомъ свѣдѣній, по словамъ Премудраго: „обтекаая страны, умножаетъ разумъ“. Въ заключеніе я высказалъ благодарность о. Макарію съ братьею за всѣ удобства, которыми я пользовался въ монастырѣ, а также во время путешествія. „Прощай Аeonъ, прощай дорогой Русикъ“! закончилъ я.— Не ложь, а сущую правду писалъ я, восхищаясь киновіею. Киновія—это самый высшій родъ монашеской жизни и вполне соответствующій идеѣ монашества, Монашество въ собственномъ смыслѣ слова тождественно съ анахоретствомъ: всякій монахъ по идеѣ есть анахоретъ. Но если подвигъ анахоретства и труденъ, потому что человѣкъ, созданный для общественной жизни, когда удаляется въ пустыню, идетъ, такъ сказать, наперекоръ своей природѣ, то киновія гораздо труднѣе. Правда, человѣкъ здѣсь живетъ въ средѣ подобныхъ себѣ, но, что самое главное, отрывается отъ своего я, отъ своей воли. Слово игумена принимается въ киновіи за изъясненіе Господней воли. А что стоитъ человѣку, одаренному великимъ даромъ свободы, подчинить свою волю другому, стѣснять себя въ дѣйствіяхъ и даже въ самой мысли и такимъ образомъ лишаться этого дара? Не подвигъ ли это? Въ киновіи въ полномъ смыслѣ—подвижники, и притомъ великіе подвижники, потому что ради Бога и своего спасенія, слѣдуя словамъ Спасителя, отреклись сами отъ себя и предали свою волю какъ бы на крестное распятіе. Въ киновіяхъ—истинный путь крестнаго самоотверженія. Жизнь киновіатовъ и величайшіе изъ отцовъ считали слишкомъ высокою и не всѣми выносивою... Впрочемъ, я слишкомъ уже увлекся, восхищаясь

вяновитскою жизнью. Кто желаетъ видѣть киновою, какъ истинное выраженіе идеи монашества, пусть самъ лично убѣдится въ этомъ, съѣздивши на Аеонъ.

Какъ видно изъ данной намъ книги, Аеонъ посѣщается весьма многими именитыми лицами. Не оставляютъ его своимъ посѣщеніемъ и покровительствомъ многія лица изъ царской фамиліи: здѣсь есть подпись великой княгини Александры Петровны, бывшей въ 1881 году у береговъ Аеона, великихъ князей: Александра Александровича и Константина Константиновича. Аеонъ, какъ видно, посѣщало много высокопоставленныхъ лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ съ научною цѣлью: преосвященный Порфирій (недавно скончавшійся), преосв. Александръ полтавскій (умершій въ Кіевѣ), архимандритъ Леонидъ, арх. Антонинъ, нынѣ начальникъ іерусалимской миссіи, Безобразовъ, Голубинскій, братья Терновскіе и много другихъ ученыхъ. Замѣчу à ргорор, что контингентъ посѣтителей Аеона изъ молодыхъ учащихся очень и очень не великъ. Если судить по этой книгѣ, то никто изъ молодыхъ учащихся съ 52 года (съ какихъ поръ ведется эта книга) не посѣщала Аеона, такъ что я являюсь первымъ посѣтителемъ Аеона изъ учащагося люда. Не знаю, буду ли хорошъ на почивъ.

Наступаетъ вечеръ; близится часъ нашего отъѣзда. Насъ пригласили въ церковь на напутственный молебенъ о безопасномъ плаваніи по водамъ. Я съ Черныатынскимъ исправляю обязанности чтецовъ и пѣвцовъ. Послѣ молебна мы пошли проститься съ достоуважаемымъ игуменомъ о. Макаріемъ. При прощаніи мы лично поблагодарили его за его отеческое отношеніе къ намъ во все время пребыванія на Аеонѣ. Онъ благословилъ насъ кипарисными иконами Паутеллеимона, нѣсколькими парами четокъ, видами Аеонской горы и монастыря... Въ 8 часовъ вечера мы при благожеланіи братіи отправились къ монастырской пристани, называемой здѣсь „арсана“, гдѣ насъ ожидала большая лодка, которая должна довести насъ на пристань „Дафну“, гдѣ пристаетъ

пароходъ. Много братія сопровождало насъ до монастырской пристани. Между ними былъ и добрыйшій о. Діонисій, нашъ чичероне, все время хлопотавшій сегодня о насъ, шарая насъ въ далекій путь. Теперь онъ съ большими узломъ, гдѣ припасены различные съѣстные припасы. Бдѣный о. Діонисій! Онъ плачетъ. Онъ сквозь слезы благословляетъ насъ, цѣлуетъ. Отъ маленькаго Коли онъ просто оторваться не можетъ, видя въ немъ своего маленькаго братца. Тронуты до слезъ и мы, видя такое расположеніе къ намъ отшельниковъ аеонскихъ.

Тихо отчалили мы отъ берега. Прощай Аеонъ! Прощай дорогой Русикъ! Прощай радушная братія! Въ монастырѣ въ это время зазвонили на повечеріе. Далеко разнеслся по горамъ звукъ колокола. Тяжело стало на сердцѣ, какъ будто съ родными разстался. Медленно движется наша громадная лодка, подгоняемая веслами трехъ мальчиковъ-болгаръ. Русикъ мало по малу срывается въ вечерней мглѣ. Обиліе свѣтовыхъ точекъ еще даетъ знать о мѣстѣ Русика. Предъ нами встаютъ картины грозныхъ нависшихъ скалъ, круто опускающихся въ море. Тихо въ горахъ. Коегдѣ заблеститъ огонекъ,—это вѣроятно келья; откуда-то доносится заунывный звукъ колокола. Я весь предался созерцанію и не свожу глазъ съ удалявшагося Аеона, упитываясь, такъ сказать, его исчезавшимъ образомъ. Изъ такого созерцанія я выведенъ былъ тихо обращеннымъ ко мнѣ чьимъ-то вопросомъ:

„Что, Егорычъ, такъ пригорюнился?“

Обращаюсь назадъ и, къ моему удивленію, вижу моего добраго знакомаго Трофима Наумыча.

„Что, не узнаешь? Я теперь опять въ монашенскомъ одѣяніи. Батюшка о. Макарій благословилъ меня на новое послушеніе принимать съ парохода и отправлять богомольцевъ. Первый разъ теперь я тебя отправляю. Жаль мнѣ расставаться съ тобою, Егорычъ. Ты такая прекрасная компанія былъ мнѣ, что лучше и трудно поискать. Дай ты

мнѣ свой адресъ; когда я послѣ Покрова буду ѣхать съ Аеона, то непременно свижусь съ тобой въ Кіевѣ. Такъ бы поѣхалъ домой и я теперь съ тобой; но хочу испытать всѣ монашенскія послушенія“...

Изъ другихъ знакомыхъ теперь ѣхалъ также профессоръ А. Цугарелли. Изъ разспросовъ его я узналъ, что онъ на Аеонъ пріѣхалъ вовсе не спеціально по Иверо-Грузинскому дѣлу. Цель же его состояла въ томъ, чтобы изслѣдовать вообще древнія рукописи и преимущественно грузинскія. Двѣ недѣли онъ усидчиво работалъ въ богатой рукописями иверской библіотекѣ. Относительно же древняго спора грековъ съ грузинами на право владѣнія Иверомъ профессоръ сказалъ, что явнѣ Божьяго дня, что этотъ монастырь грузинскій; дѣло остается только за формальною стороною, т. е. требуется только лучше все это оформить.

Наковецъ и Даена ужъ не далеко. Вдругъ слышимъ пароходный свистокъ. Смотримъ, изъ-за аеонскаго выступа заблестѣлъ огонекъ. Это—турецкій пароходъ, имѣющій увезти насъ. Свѣтящаяся точка все ближе и ближе къ намъ движется; уже замѣтны очертанія парохода, слышенъ страшный ревъ и шипѣніе этого звѣря морскаго, ужъ подъ нами колышется вода, приводимая въ движеніе дыханіемъ этого чудовища. Мы ужъ и не пристаемъ къ пристаи, а прямо къ пароходу, который не пускаетъ теперь якоря, такъ какъ погода тихая, а держится на парахъ. По спущенному трапу мы влѣзли на пароходъ. На немъ пріѣхало теперь много богомольцевъ нарочито къ празднику св. Пантелеимова. Остальные пассажиры были все красноголовы фески: греки, албанцы и турки, вооруженные ножами, пистолетами и ружьями. Сначала даже страхъ обуялъ меня, въ особенности при видѣ свирѣпыхъ и грозныхъ албанцевъ, которые почему-то напоминали мнѣ морскихъ пиратовъ, въ былое время нападавшихъ и разграблявшихъ аеонскіе монастыри. Но вскорѣ я свыкъся съ своимъ положеніемъ среди восточныхъ людей, которые сдѣлались даже для меня объек-

томъ восхищенія и наслажденія ихъ величавымъ, мужественнымъ видомъ.—Черезъ часъ,—приблизительно въ одиннадцатомъ часу вечера,—пароходъ отошелъ по направленію къ Солуни, который отстоитъ отъ Аеона почти на сутки вѣды на пароходѣ. Скоро скрылся Аеонъ въ ночной темнотѣ. Ночная темь освѣщалась большимъ заревомъ въ сѣверной части Аеона, по направленію къ Зографу и Хилендарю. Мы такъ и подумали было, что, чего не дай Богъ, горитъ какой-нибудь изъ этихъ монастырей. Но бывший съ нами монахъ изъ Зографа объяснилъ, что это горятъ только лѣса зографскіе и хилендарскіе, но вдали отъ самыхъ монастырей, такъ что имъ не угрожаетъ никакой опасности. Эти лѣса подожжены греческими крестьянами въ отмстку монахамъ за то, что они-де незаконно владѣютъ ими.

Вессалоники (Солунь). Воскресенье. 24 іюля. Зыбь на морѣ въ эту ночь была довольно сильная. Едва обогнули мы мысъ Сикия и вступили въ открытое море, какъ вдругъ подулъ вѣтеръ и волны начали очень недружелюбно подталкивать насъ въ разныя стороны, обдавая пассажировъ солеными брызгами; но пароходъ, быстро разсѣвая ихъ, продолжалъ свой путь среди ночной темноты, въ которой свѣтились только огни на палубѣ, да бѣлѣли гребни волнъ. Пассажиры перваго и втораго класса ушли въ каюту, а мы, пассажиры третьяго класса, остались на палубѣ, освѣжаясь по временамъ брызгами свирѣпѣющаго моря. Турки, которые, замѣчу, и отправляясь въ путешествіе, стараются обставить себя болѣе или менѣе комфортабельно, захвативъ самую лучшую часть палубы, расположились спать, разостлавъ ковры или бараньи шкуры и закутавшись въ шали по самые глаза. Греки же, составивши отдѣльное общество и не обращая вниманія на свирѣпѣющія волны и довольно чувствительное покачиваніе нашего маленькаго парохода, распѣвали пѣсни; а одинъ изъ нихъ, на потѣху своимъ землякамъ, исполнялъ какой-то странный, монотонный танецъ.

Я пробылъ на палубѣ, стоя до поздней ночи, погруженный въ свои думы. И я не прочь бы обставить себя комфортабельно, подобно какому-нибудь турку, да нѣтъ возможности: у меня нѣтъ не только какой-нибудь бараньей шкуры, которую бы я подостлалъ подъ себя, нѣтъ даже достаточно теплаго верхняго одѣянія, чтобы защитить себя отъ сырости и холоднаго вѣтра. Только около полуночи удалось мнѣ кое-какъ примоститься. Спалось не хорошо; проснулся съ восходомъ солнца. Въ это время мы уже плыли по широкому Солунскому заливу. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была восхитительна. На горизонтѣ видѣлся синеватый берегъ Кассандры, мимо которой мы проплыли ночью; еще дальше обозначался чуть замѣтный и почти слившійся съ небомъ остроконечный пикъ Аэона, надъ которымъ, будто флагъ, стояло бѣлое облачко. Съ правой стороны тянулись постепенно возвышающіеся берега македонскаго полуострова, а съ лѣвой—возвышался сорокоглавый Олимпъ во всей своей величественной красотѣ. Средину его опоясывали бѣлыя облака, а надъ ними, какъ бѣлая палатка, торчала коническая вершина Оссы, засыпанная снѣгомъ. Розовыми блестками горѣли при свѣтѣ восходящаго солнца его вѣчные снѣга, и я съ какимъ-то самодовольствомъ и наслажденіемъ любовался на этотъ гигантскій престолъ языческаго громовержца. Наслаждаясь такою прекрасною картиною, я унесся мыслью къ его былому классическому величію, когда онъ живымъ воображеніемъ грековъ былъ заселенъ богами. Возстала предо мною и тѣнь безсмертнаго Гомера съ его безсмертнымъ твореніемъ. Прошлая историческая жизнь Македоніи также предносилась, правда—смутно, въ моей мысли. Предо мною поочередно возставали знаменитые представители различныхъ эпохъ ея: Александръ Великій, св. апостолъ Павелъ, равноапостольный Константинъ, св. братья Кирилъ и Меѳодій...

Въ то время, какъ я уносился мыслью къ историческому былому Фессалии и Македоніи, пароходъ нашъ, круто повернувши по направленію къ сѣверо-востоку, вошелъ въ Солунскій проливъ, и предъ нами предсталъ самый городъ Солунъ во всемъ его ви́шнемъ величіи. Городъ представляетъ видъ четырехугольника, съ трехъ сторонъ обнесенъ высокими стѣнами, изъ которыхъ возвышаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ тупоконечныя высокія башни. На самомъ же берегу залива стоитъ огромная древняя башня, бывшая, какъ говорятъ, мѣстомъ заключенія преступниковъ. Солунъ расположенъ при заливѣ того же имени, на плоской горѣ, постепенно понижающейся къ заливу. Оттого-то онъ съ ви́шней стороны кажется просто восхитительнымъ, какъ и всѣ вообще восточныя города, въ особенности расположенныя на покатостяхъ. Окрестности города, какъ видно, саншкомъ печальны и непривѣтливы: кругомъ—голая пустыня. Солнце здѣсь сильно печетъ, сильнѣе даже, чѣмъ на Аеонѣ, а вслѣдствіе этого вся растительность уничтожается въ продолженіи лѣта. Непріятно, какъ подумаешь, что здѣсь на пароходѣ придется жариться три дня. Что же касается Солуни какъ порта, то въ этомъ отношеніи ему можетъ позавидовать всякій другой портовый городъ. Вотъ почему Солунъ—одинъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ Турціи и ведетъ частыя торговыя сношенія съ Европою. Обширный рейдъ его вмѣщаетъ въ себѣ пароходы и корабли всѣхъ странъ. Подъѣзжая къ рейду, мы были свидѣтелями восхитительнаго зрѣлища. Солунскій заливъ положительно былъ усыпанъ канками ливущихъ турокъ. Сегодня—предпоследній день Рамазана—Байрамъ, который празднуется въ продолженіи трехъ дней. Байрамъ имѣетъ такое же значеніе для турокъ, какъ для насъ Пасха. Мимо насъ то и дѣло шныряютъ роскошныя остроконечныя канки съ важно сидящими въ нихъ турками, которые привѣтствуютъ нашъ пароходъ то своими монотонными пѣснями, то выстрѣлами изъ пистолетовъ. Такая теперъ идетъ пальба, что

думаешь—бомбардируютъ пароходъ. Стрѣляніе изъ пистолетовъ у турокъ, какъ я узнаю, составляетъ необходимое условіе всякаго праздника; въ особенности этимъ занимаются дѣти. Смотри на это веселіе и я почему-то возрадовался духомъ, любуюсь зрѣлищемъ ликующихъ турокъ и ихъ разношертными, роскошными костюмами. Наконецъ, часа въ три, пароходъ нашъ бросилъ якорь въ виду ликующаго города. Скоро же и веселое, поэтическое настроеніе мое смѣнилось совершенно не поэтическимъ. Дѣло въ томъ, что едва только пароходъ нашъ бросилъ якорь, какъ его буквально со всѣхъ сторонъ облѣпили лодочники, носильщики (хамалы), крича, жестикулируя, споря, переругиваясь на всевозможныхъ языкахъ и производя торжище, способное разогнать поэтическія мечты у самаго Байрона, не то что у меня. Необходимо было просто съ бою защищать свои вещи отъ слишкомъ услужливыхъ хамаловъ. Главный контингентъ лодочниковъ составляютъ евреи (называемые здѣсь *чифутами*); они, приспособительно къ мѣстности, въ красныхъ фескахъ; но все-таки ихъ нельзя смѣшивать съ турками, или греками; ихъ типъ должно-быть никогда не измѣнится, не смотря ни на какія физическія и историческія условія. Типъ „вѣчнаго жида“ никогда не умретъ. Нѣкоторые изъ лодочниковъ-евреевъ немного даже говорятъ по-русски и потому большею частью перевозятъ русскихъ богомольцевъ въ городъ. Желая осмотрѣть городъ и мы, договоривши еврея Самуила, спустились въ лодку и проплыли на ней среди множества большихъ и малыхъ пароходовъ, среди парусныхъ судовъ самыхъ фантастическихъ формъ и множества маленькихъ каяковъ. Лодка наша приняла бортомъ къ дѣлому ряду другихъ стоявшихъ у берега лодокъ, черезъ которыя намъ пришлось перескакивать. Исполнивъ этотъ маневръ, мы взбѣжали по нѣсколькимъ каменнымъ ступенькамъ и очутились въ таможенѣ, гдѣ, надо правду сказать, обошлись съ нами весьма вѣжливо, вѣроятно, по случаю праздника. Выйдя изъ таможни, мы очу-

тились на набережной Солуни, — города, игравшаго когда-то важную роль какъ въ языческомъ, такъ и въ христіанскомъ мірѣ. Прекрасна солунская набережная! Прежде здѣсь была стѣна со стороны залива, такъ что городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; потомъ (и не слишкомъ давно — лѣтъ двадцать назадъ) срыли эту стѣну и устроили отличную набережную. Она вымощена гранитомъ и представляетъ прекрасное мѣсто для гулянья. Передъ вами разстилается водная равнина живописнаго залива, на которомъ множество пароходовъ, судовъ и лодокъ снуютъ туда и сюда. Даль залива замыкается величественнымъ Олимпомъ, вершина котораго видѣется въ далекой синевѣ. Теперь она полна ликующаго народа, который въ праздничныхъ нарядахъ, съ веселыми лицами и шумнымъ разговоромъ, тѣснится взадъ и впередъ. Вся набережная усыяна кофейнями, которыя замѣняютъ наши чайныя. Полны кофейни турками: въ одномъ мѣстѣ общество веселыхъ турокъ, подогнувши ноги подъ себя, распѣваетъ веселыя пѣсни, — что видно по ихъ энергичной жестикуляціи; въ другомъ мѣстѣ нѣсколько солидныхъ турокъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства и превосходства своего предъ другими втягиваютъ въ себя дымъ изъ роскошныхъ кальяновъ, равнодушно смотря на все окружающее, подобно философамъ, понявшимъ тайну жизни; въ иномъ углу общество турокъ „высасываетъ“¹⁾ кофе изъ миниатюрныхъ чашечекъ, весело о чемъ-то разговаривая. Надо отдать справедливость туркамъ: веселятся они очень разумно, не допуская никакихъ безобразій. Я не встрѣчалъ ни одного пьянаго турка... Что мнѣ бросилось въ глаза, такъ это положительное отсутствіе женщинъ на этомъ гуляніи. Неужели для нихъ не существуетъ праздника?!

¹⁾ Употребленное мною слово лучше всего выражаетъ способъ потребления турками кофе; нельзя сказать „распиваютъ“, потому что кофе турецкое довольно густое, и турки именно по каллѣ высасываютъ его изъ миниатюрной чашечки, находя въ этомъ величайшее удовольствіе.

Насмотрѣвшись вдоволь на либующихъ турокъ, мы рѣшили сегодня побродить по городу безъ опредѣленной цѣли, оставляя на завтра осмотръ археологическихъ памятниковъ, которыми такъ богатъ Солунъ. Бродить по восточному городу, не задаваясь никакою цѣлью, куда глаза глядятъ, гораздо пріятнѣе, чѣмъ, слѣдуя напр. предписаніямъ *Путеводителя*, осматривать какіе-нибудь памятники старины..

Чѣмъ дальше идешь въ глубь города, тѣмъ болѣе и болѣе разочаровываешься въ немъ: улицы кривыя, узкія, грязныя, воюющія; всюду валяются груды мусора. А вѣдь когда-то, надобно полагать, онъ не былъ такимъ, потому что исторія гласитъ, что прежде онъ дѣйствительно процвѣталъ, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ императора Феодосія Великаго и не разъ имѣлъ притязаніе быть столицею.. По мѣрѣ приближенія къ окраинамъ города, праздничное движеніе постепенно уменьшается; здѣсь уже не слышать городского шума. Дома наглухо окружены глиняными заборами; изъ оконъ, заложенныхъ деревянными рѣшетками, выглядываютъ иногда блѣдныя лица турчанокъ, обреченныхъ на вѣчное заключеніе. Тишина прерывается иногда только толпою мальчишекъ, которые пронесутся мимо васъ съ быстротою вихря съ шумомъ, гамомъ и пистолетными выстрѣлами. Ворочаясь назадъ и пройдя нѣсколько пустынныхъ улицъ, мы вдругъ очутились въ страшномъ поворотѣ шумной городской жизни. Оказалось, что мы попали въ еврейскій восточный базаръ. Восточный базаръ представляетъ довольно оригинальное явленіе, и не видѣвшій его не можетъ имѣть яснаго представленія, не смотря ни на какія описанія. Базаръ этотъ помѣщается въ длинной, узкой, извилистой галлерей, которая состоитъ изъ деревянныхъ, сквозныхъ построекъ однообразной формы; вверху кровли домовъ сходятся такъ близко, что оставляютъ только небольшія щели, которыя прикрываются или досками, или вѣтками плюща и винограда, и свѣтъ еле-еле пробивается въ мелкія скважины; такъ что въ сущности эти улицы по-

ходить на подземные тоннели. По обѣимъ сторонамъ этихъ тоннелей и расположены различные товары, но, что самое главное, въ такомъ страшномъ беспорядкѣ, какого сразу и представить нельзя: рядомъ съ кузницею помѣщается кондитерская, тутъ же и уличная печь, гдѣ червомазый вѣлопъ стряпаетъ кушаніе для желающихъ, рядомъ съ нею, положимъ, ювелиръ, который въ свою очередь находитсѣ въ сосѣдствѣ съ продавцомъ битой баранины и т. д. Въ теченіи цѣлаго дня свуетъ множество народу туда и сюда, движутся ослы и мулы, нагруженные досками и кирпичами. Прибавьте къ этому еще шумъ, гамъ, визгъ, крикъ... и вы, быть можетъ, составите хотя приблизительное понятіе о восточномъ базарѣ. Здѣсь почти вся мелкая торговля сосредоточена въ рукахъ евреевъ, которые составляютъ подавляющее большинство городского населенія ¹⁾).

Въ Солуни есть подворье Руссика; намъ хотѣлось зайти туда, чтобы отдохнуть, такъ какъ порядочно устали, но не знали, гдѣ оно находится. Мальчишъ-турченочъ вывелъ насъ изъ затрудненія. Узнавши въ насъ русскихъ, которые навѣрно ищутъ русскаго подворья, и видя удобный случай получить бакшишъ, онъ обратился къ намъ съ такими словами: „Московъ метохъ? бакшишъ“!

Этимъ, очевидно, онъ давалъ намъ понять, что знаетъ, гдѣ русское подворье, и онъ готовъ намъ указать его, но за это нуженъ бакшишъ, т. е. вознагражденіе. Мы дали ему копѣекъ десять на русскія деньги, и онъ привелъ насъ въ русское подворье, находящееся, какъ оказалось, невдале отъ насъ. Домъ, занимаемый подворьемъ, очень невзрачный. Братія состоятъ изъ трехъ монаховъ; старшій надъ ними и вмѣстѣ завѣдующій подворьемъ—о. Іосифъ; онъ, какъ

¹⁾ По произведенной недавно переписи населенія въ Солуни жителей 129,000, изъ нихъ грековъ 15,800, болгаръ 1,700, турокъ 26,000, яхдовъ 80,000, цыганъ 1,200, прочихъ 4,700 (Востокъ № 321, 1885 г.).

видно, больше „умудренъ житейскимъ опытомъ“, чѣмъ наученъ нижнимъ учениемъ. О. Іосифъ принялъ насъ любовно, предложивши неизбежное на востокѣ глико съ холодною водою. Въ 8 часу оставили мы подворье, простишись съ любезнымъ о. Іосифомъ, который, впрочемъ, оказался на этотъ разъ не слишкомъ любезнымъ, такъ какъ не потрудился проводить насъ на пристань (а это, между прочимъ, составляетъ и должно составлять одну изъ главныхъ обязанностей монаховъ, живущихъ на подворьяхъ), вслѣдствіе чего намъ пришлось нѣсколько поблуждать, покаместъ мы вышли на набережную, гдѣ насъ давно уже ожидалъ договоренный нами еврей Самуиль. Быстро поплыли мы по зеркальной поверхности залива. Празднующій городъ мы оставили и пошли на скучный пароходъ. Впрочемъ, и здѣсь не слишкомъ скучно было: турки-матросы тоже веселились, распѣвали свои монотонныя пѣсни и стрѣляли изъ пистолетовъ, нарушая покой мирно спящихъ пассажировъ. Долго, долго любовался я картиною иллюминаннаго города, который въ настоящее время было просто очаровательнымъ. Теперь только я могу понять то значеніе, которое когда-то игралъ Солунъ, имѣя даже притязаніе быть стольнымъ градомъ.

Такъ какъ Солунъ имѣетъ весьма важное значеніе не только для исторіи христіанства вообще¹⁾, но въ частности и для насъ, русскихъ, потому что здѣсь жили просвѣтителі славянскаго племени Кириллъ (Константинъ) и Меодій (Аванасій), и здѣсь, по всей вѣроятности, послѣдовало изобрѣтеніе письменъ; то мы считаемъ нужнымъ сказать нѣ-

¹⁾ *Апостолъ Павелъ* самъ указываетъ на важное значеніе, какое имѣла Солунская церковь въ первые годы распространенія христіанства: „Вы, имѣете оны въ первомъ посланіи къ ессалоникійцамъ, сдѣлались подражателями намъ и Господу, принявъ слово при многихъ скорбяхъ съ радостію Духа Святаго; такъ что вы стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи, ибо отъ васъ пронеслось слово Господне не только въ Македоніи и Ахаіи, но и во всякомъ мѣстѣ прошла слава о вѣрѣ вашей въ Бога“ (I. 6—8).

сколько словъ о прошедшихъ судьбахъ этого замѣчательнаго города¹⁾.

Городъ Эссалоника (Солунъ, Салоника—сокращенное отъ Эссалоника) въ прежнее время до завоеванія его греками, назывался Галія, который былъ населенъ народами еракійскаго племени. Овладевши имъ, греки дали ему другое названіе—Терма,—такое названіе онъ получилъ отъ множества теплыхъ ключей, находившихся здѣсь; эти теплицы и теперь существуютъ. Во время извѣстныхъ греко-персидскихъ войнъ, Терма со всѣми принадлежащими областями была покорена Ксерксомъ, царемъ персидскимъ. Послѣ побѣды грековъ надъ персами, Терма была освобождена отъ персидскаго могущества и досталась въ удѣлъ царямъ македонскимъ. Къ этому-то времени (въ IV в. до Р. X.) относится процвѣтаніе Термы,—она сдѣлалась столицей Македоніи,—и переименованіе ея въ Эссалонику. Последнее названіе она получила отъ имени дочери Филиппа, сестры Александра македонскаго, жены Кассандра, сына Антигона. По мнѣнію однихъ этотъ городъ назвалъ такимъ образомъ Кассандръ въ честь своей жены Эссалоники; а по мнѣнію другихъ—самъ Филиппъ въ честь той же особы—своей любимой дочери.

За 147 лѣтъ до Р. X. Эссалоника вѣстѣ съ Македонскимъ царствомъ, послѣ сраженія при *Пиднѣ*, подпадаетъ владычеству римлянъ; значеніе ея какъ столицы утрачено и она осталась только богатымъ торговымъ городомъ. Христіанство внесено было въ Эссалонику самимъ ап. Павломъ въ его второе путешествіе. Сѣмя христіанства, посѣянное здѣсь апостоломъ, принесло большіе плоды, не смотря на то, что юной церкви пришлось много терпѣть. Вскорѣ, по основаніи здѣсь церкви, во время гоненія Нерона пострадалъ за Христа Аристархъ, посвященный ап. Павломъ

¹⁾ При изложеніи исторіи Солуни мы пользовались замѣчательнымъ сочиненіемъ Tehier: *L'Architecture Byzantine*. Londres. 1864. Ср. Христіанскія древности, Прохорова, 1871 г. выпускъ 5.

въ епископы для Фессалоники. Затѣмъ, во времена гоненій на христіанъ, солунская церковь не избѣгла общей участи и во времена гоненія Галерія дала двухъ мучениковъ за Христа: св. Димитрія солунскаго и Нестора.

Приблизительно къ этому времени относится процвѣтаніе Фессалоники, такъ что Константинъ Великій, задумавши основать новую столицу, избралъ было ее сперва для этой цѣли; но повальная болѣзнь, свирѣпствовавшая здѣсь въ его время, заставила его покинуть планъ сдѣлать ее столицею имперіи. Тѣмъ не менѣе Фессалоника въ послѣдующее время была очень любима императорами, которые всячески покровительствовали ей и воздвигали въ ней великолѣпные храмы.

Въ половинѣ VII вѣка (675—688), Македонія была опустошена аvaraми и славянами; славяне поселились въ окрестностяхъ Фессалоники. Сначала они были враждебны грекамъ и не разъ угрожали Фессалоникѣ опустошеніемъ; но затѣмъ, обжившись, стали мирными жителями, принимали христіанскую вѣру и начатки греческой цивилизаціи. Но вслѣдствіе незнанія славянами греческаго языка, христіанство распространялось между ними очень медленно, и притомъ не понимая греческаго языка, на которомъ происходило богослуженіе, славяне естественно были плохими христіанами. Это-то и побудило двухъ солунскихъ жителей, св. братьевъ Кирилла и Меѳодія (въ половинѣ IX в.), изобрѣсти для славянъ письмена, перевести книги священнаго писанія и богослужебныя на славянскій языкъ и тѣмъ положить начало умственному и религіозному развитію славянскаго племени. Это событіе, по своимъ послѣдствіямъ, самое важнѣйшее, самое славное въ исторіи Фессалоники и ея края. Въ 940 году она была разграблена и разорена сарацинами; въ началѣ одиннадцатаго вѣка подъ стѣнами Солуни идетъ жестокая война императора Василия II съ болгарскимъ царемъ Самуиломъ, а въ концѣ XII вѣка она была опустошена норманнами, ворвавшимися въ нее подъ

предводительствомъ сивилійскаго короля Вильгельма. Въ 1204 году Балдуинъ, опустошитель Константинополя, отдалъ Фессалонику въ ленное владѣніе маркизу монферратскому. Но она недолго находилась въ рукахъ латинянъ и сдѣлалась опять достояніемъ возобновленной византійской имперіи. Затѣмъ, когда въ XV столѣтіи турки начали нападать на византійскую имперію и отнимать отъ нея область за областію; то Фессалоника рѣшилась отдаться сильной въ то время Венеціи и искать у нея защиты противъ турокъ. Но султанъ Муратъ II пошелъ съ войскомъ противъ враждебнаго города и 1 марта 1430 г. Фессалоника была взята приступомъ. Городъ былъ сожженъ; церкви были обращены въ мечети, а монастыри—въ караванъ-сарай¹⁾. Съ этихъ поръ Фессалоника сдѣлалась обыкновеннымъ губерскимъ городомъ турецкой имперіи. Богъ знаетъ, придется ли ей еще когда-нибудь играть такую роль, какую она играла въ прошедшемъ.—Въ настоящее время Фессалоника замѣчательна богатыми памятниками старой византійской архитектуры. Завтра думаю осмотрѣть нѣкоторые архитектурные памятники, если что-нибудь не помѣшаетъ.

На турецкомъ пароходѣ, въ виду Солуни.

Понедѣльникъ. 25 іюля. Проливной дождь поднялъ сегодня очень рано—часа въ четыре утра—пассажировъ третьяго класса съ ихъ импровизированныхъ постелей, въ томъ числѣ, конечно, и меня, грѣшнаго раба Божія. Сильно промокъ я; укрыться негдѣ. Правда, трюмъ открыли для насъ; но туда столько нашло пассажировъ—турокъ и нашихъ богомольцевъ, что положительно нельзя было и повернуться. При томъ же, тамъ такая была духота, что я предпочелъ лучше мокнуть подъ дождемъ, чѣмъ вдыхать въ себя вредные міазмы. А между тѣмъ дождь не перестаетъ. Небо и море подернулись сѣрою, слезащеюся мглою; что-то тяжелое, свинцовое легло

¹⁾ Texier. L'architecture Byzantine, p. 128

на этотъ прекрасный заливъ; корабли, словно намощія птицы, опустили свои еще вчера бѣлые, а теперь потемнѣвшіе крылья - паруса; пароходы неистово дымятъ, отравляя воздухъ угольнымъ чадомъ и копотью. Вдругъ засверкала молнія, послышались со стороны Олимпа отдаленные раскаты грома, все явственнѣе и явственнѣе усиливающіеся; вся окрестность загрохотала, съ одной стороны отъ сильныхъ раскатовъ грома, а съ другой—отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыми турки заканчиваютъ послѣдній день Байрама. Мнѣ сначала страшно было, такъ какъ я вообще боюсь грозы, а потомъ даже находилъ наслажденіе, прислушиваясь къ этой страшной, небесной музыкѣ. Припомнился мнѣ при этомъ и „слѣпецъ всевидящій“ Гомеръ, который въ безсмертной Илиадѣ такъ изображаетъ, должно быть, подобное явленіе:

„Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ и людей и безсмертныхъ
Съ неба; внизу колебалъ Посейдонъ необъятную землю;
Гори тряслись; отъ подошвы богатой котлами Иды
Все до вершинъ ея и Пергамъ съ кораблями дрожало“.

Я отчаялся было уже въ возможности посѣтить сегодня солунскія святилища; а завтра пароходъ снимается. Но, къ счастью къ 12 часамъ дня дождь пересталъ; вся природа освѣжилась, и я освѣжился, даже черезъ чуръ, такъ какъ положительно весь промокъ. Затѣмъ настала прекрасная погода; южное солнце пригрѣло и все высушилось.

Просушившись нѣсколько, мы на лодкѣ того же Самуила, который оказался весьма добрымъ человѣкомъ и хорошимъ чичероне, отправились на берегъ, имѣя въ виду осмотрѣть нѣкоторые древніе памятники. Мы имѣли возможность осмотрѣть только три архитектурныхъ памятника: церковь во имя св. Софїи, церковь св. Георгія, и церковь св. Димитрія,—всѣ три обращены въ мечети.

Прежде всего мы направились къ церкви св. Софїи, которая находится почти въ центрѣ города. Замѣчательно, что она, будучи обращена въ мечеть (а это было въ 1589

году при Раткубъ-Ибрагимъ-Пашѣ), сохранила прежнее свое названіе „'Αγία Σοφία“, и турки ее иначе и не называютъ.

Мы вошли во дворъ, окруженный наглухо каменною стѣною; ограда двора усажена высокими деревьями, подтѣнью которыхъ мы нѣсколько минутъ сидѣли, ожидая сторожа. 'Αγία Σοφία находится на восточной сторонѣ двора. Дворъ здѣсь не окружаетъ церковь со всѣхъ сторонъ, какъ у насъ напр. большею частію. Вообще относительно дворовъ въ древне-греческихъ церквахъ нужно замѣтить, что они обыкновенно пристроивались къ церквамъ съ одной западной стороны, именно—въ видѣ четвероугольника, который боковыми сторонами упирался въ углы церкви; но иногда они окружали церкви и съ трехъ сторонъ—съ запада и съ боковъ, за исключеніемъ востока, и наконецъ нѣкоторыя немногія церкви были обнесены ими и со всѣхъ четырехъ сторонъ. Такъ какъ послѣднее извѣстно, говорить профессоръ Голубинскій, о тѣхъ церквахъ, которыя не имѣли восточныхъ алтарныхъ абсидъ и въ которыхъ алтари въ видѣ исключенія, вмѣсто этихъ абсидъ, были поставлены среди ихъ самихъ (въ серединѣ церквей), то слѣдуетъ думать, что не принято было ограждать дворами алтарей (находившихся обычно въ восточныхъ абсидахъ)¹⁾. Что касается назначенія дворовъ, то они, по всей вѣроятности, служили мѣстомъ для кающихся. 'Αγία Σοφία въ настоящее время производитъ весьма непріятное впечатлѣніе совнѣ, такъ что, судя по одному внѣшнему виду въ настоящемъ ея состояніи, трудно составить себѣ понятіе о первоначальномъ ея видѣ; такое же неблагопріятное впечатлѣніе производитъ она и изнутри: вездѣ все грубо замазано глиною или известію, какъ будто только что ремонтируютъ ее; и, не смотря на это, все-таки въ иныхъ мѣстахъ, выявляются черты первоначальной роскошной мозаики, которая и зама-

¹⁾ Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви. 1881 г. Томъ I (вторая половинна тома), стр. 58.

зывается варварскою рукою турка все-таки блеститъ предъ вами въ своей первобытной красотѣ. Вслѣдствіе этого зданіе 'Αγία Σοφία, прекрасное по плану, кажется пустымъ; впрочемъ, это нужно сказать о турецкихъ мечетахъ вообще, которыя кажутся пустыми и непривлекательными вслѣдствіе отсутствія различныхъ украшеній. Пользуясь извѣстнымъ сочиненіемъ по византійской архитектурѣ, *Тексе*, мы можемъ представить первоначальный планъ св. Софіи въ слѣдующемъ видѣ¹⁾.

Предъ входомъ въ церковь былъ портикъ съ девятью колоннами зеленоватаго цвѣта, поддерживающими арки. Въ настоящее время этотъ портикъ не въ первоначальномъ его видѣ, а перестроенъ турками: круглыя византійскія арки замѣнены остроконечными, а капители колоннъ, которыя были коринтскаго ордена съ надкапительникомъ, украшеннымъ крестомъ, замѣнены капителями въ турецкомъ стилѣ. Входъ ведетъ въ нареекъ или поперечную галерею, откуда оглашенные слушали богослуженіе; съ главнымъ нефомъ или кораблемъ она сообщается тремя дверьми и окнами. Корабль—въ 34 фута въ діаметръ—осѣненъ полусферическимъ куполомъ такого же размѣра, который лежитъ на тамбурѣ, опирающемся на четырехъ широкихъ аркахъ, опирающихся въ свою очередь на четыре толстые столба и образующихъ такъ называемый греческій равно-конечный крестъ. Позади четырехъ столбовъ идетъ линія столбовъ галерейныхъ, по пяти съ обоехъ сторонъ, сѣверной и южной, раздѣляемыхъ, въ пролетахъ между ними, четырьмя колоннами, съ расходящимися поверхъ ихъ арками. Восточная часть зданія оканчивается тремя довольно большими абсидами, изъ которыхъ средній—наибольшій. Въ среднемъ абсидѣ былъ алтарь, или собственно престолъ, а вправо и влево отъ него, въ двухъ другихъ абсидахъ, жертвенникъ

¹⁾ Texier. L'Architecture Byzantine, p. 156. Ср. Прохоровъ, Русскія древности, 1871 г. Вып. 6. Ср. Воскресн. чтеніе, т. XXIII, стр. 319.

и діаконникъ. На мѣстѣ иконостаса, снятаго турками, полъ приподнять на одну ступень. Церковь св. Софіи солунской, на подобіе Софіи константинопольской, двухъярусная. Въ верхнемъ ярусѣ устроена для женщинъ галлерей (гинеконитисъ), которая съ трехъ сторонъ обходитъ корабль (за исключеніемъ восточной стороны) и образуетъ широкія трибуны, поддерживаемыя колоннами. Колонны здѣсь іонійскаго ордена; надкапительникъ очень высокъ, съ крестомъ. Куполь храма освѣщенъ двѣнадцатью окнами съ круглыми арками. Таковъ, въ общихъ чертахъ, планъ солунской св. Софіи.

Солунская Софія напоминаетъ собою Софію константинопольскую или Юстиніанову и по всей вѣроятности основана тѣмъ же Юстиніаномъ. Прокопій впрочемъ въ своей книгѣ „о зданіяхъ“, говоря объ Юстиніановыхъ постройкахъ, не упоминаетъ о ессалоникійской Софіейской церкви. Но не слѣдуетъ забывать того, что Юстиніанъ жилъ десятью годами долѣе того времени, которыми оканчивается книга Прокопія¹⁾, такъ что онъ въ это время и могъ построить ее. Солунская Софія, своимъ устройствомъ напоминая константинопольскую Софію, выказываетъ и свои особенности. Впрочемъ, нѣкоторое различіе въ планѣ обѣихъ св. Софій еще ничего не говоритъ противъ построенія ихъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, потому что оно кроется въ самой сущности дѣла.

Въ самомъ дѣлѣ, Юстиніанова Софія (константинопольская) представляетъ такое гениальное проявленіе духа человѣческаго въ области архитектурнаго искусства, что ничего подобнаго по гениальному замыслу и исполненію не было и не будетъ. Это—единственное явленіе въ своемъ родѣ! Она представляетъ собою купольную церковь въ самомъ высшемъ и полномъ развитіи ее формы, такъ что далѣе

¹⁾ Texier. L'Architecture Byzantine, p. 154. Книга Прокопія „de Aedificiis“ оканчивается 555 годомъ, а императоръ Юстиніанъ умеръ въ 565 году.

итти было некуда. Поразительное и грандіозное величіе константинопольской Софіи заключается въ томъ именно, что въ ея сферическомъ куполѣ, распротертомъ надъ всѣмъ зданіемъ, вполне выражена идея созданія Богу рукотвореннаго храма подобнаго храму нерукотворенному, подобнаго той небесной сферѣ, которая распростирается надъ нашими головами, въ этомъ и состоитъ мысль купольной церкви. Чтобы быть подобіемъ небесной сферѣ, сферическій куполь, очевидно, долженъ быть возможно большимъ, ибо иначе онъ будетъ не подобіемъ небесной сферы, а карриатурой. Следовательно, сферически-купольная церковь, чтобы быть вѣрною своей мысли, предполагаетъ зданіе грандіозныхъ и исключительныхъ размѣровъ ¹⁾. Такимъ именно единственнымъ и исключительнымъ зданіемъ и была константинопольская купольная Софія. Но дальше нужно было или оставить эту купольную церковь, потому что она была рассчитана на необыкновенныя и исключительныя средства, или же найти какой-нибудь другой исходъ, чтобы куполь, не превращаясь въ карриатуру, сталъ доступенъ для средствъ обыкновенныхъ. Выходъ изъ указаннаго затрудненія и нашли въ томъ, что, сокративъ діаметръ купола, вмѣсто убавленной шири пошли въ высь: на столбахъ подкупольныхъ начали ставить болѣе или менѣе высокій тамбуръ или барабанъ, который уже и покрывали малымъ сферическимъ куполомъ или тамбурнымъ ²⁾. Этотъ тамбурный куполь, какъ болѣе удобный въ архитектурномъ отношеніи, и вошелъ еще при жизни Юстиніана въ общее употребленіе. Поэтому, не безъ основанія, полагаютъ, что солунская Софія, построенная при Юстиніанѣ послѣ константинопольской Софіи одними и тѣми же архитекторами, была первымъ образцомъ измѣненія сферическаго купола въ тамбурный, какъ болѣе удобоисполнимый въ архитектурномъ отношеніи. Въ этомъ-

¹⁾ Е. Голубинскій. Исторія Рус. Церкви. 2 пол. I тома, стр. 29.

²⁾ Ibidem, стр. 30.

то и заключается существенная черта различія между планами двухъ Софій. Куполъ въ Софїи солунской не обнимаетъ собою всей площади центрального четырехугольника такъ называемаго архитектурнаго креста, или, лучше сказать, съ четырьмя подъ-арочными пространствами образуетъ крестъ внутри сего четырехугольника.

Изъ этого теперь становится яснымъ также, какая изъ обѣихъ греческихъ Софій служила прототипомъ для нашей киевской Софїи. Обыкновенно утверждаютъ, что киевская Софїя есть уменьшенная копія съ константинопольской. Но это утверженіе несправедливо и голословно. Видѣвши всѣ три Софїи, мы смѣло можемъ сказать, что киевская Софїя имѣла своимъ прототипомъ солунскую Софїю, какъ болѣе удобоисполнимую въ архитектурномъ отношеніи. И дѣйствительно,—что самое главное,—въ киевской и солунской Софїи купола одинаковы по своей формѣ, т. е. тамбуръ или барабанъ съ сферическимъ покровомъ, и не обнимаютъ собою всей площади центрального четырехугольника такъ называемаго архитектурнаго креста.

Въ солунской Софїи удѣлѣли нѣкоторыя мозаическія изображенія. Относительно этого нужно замѣтить, что солунскимъ церквамъ въ этомъ случаѣ посчастливилось больше, чѣмъ другимъ памятникамъ: мозаическія изображенія, которыми убраны куполъ, своды храма очень хорошо сохранены и весьма ясно замѣтны, не смотря на стараніе турокъ замазать ихъ. Не знаю, чѣмъ объяснить давнее обстоятельство. Не видна ли въ этомъ корысть турокъ, которые сохраняютъ древніе христіанскіе памятники съ цѣлью получать „бакшиши“ отъ богомольцевъ за посѣщеніе древнихъ христіанскихъ святынь?...

Куполъ весь покрытъ мозаичными изображеніями, которыя начинаются повыше ливніи оконъ. Въ глубинѣ его, по всей вѣроятности, было изображеніе въ радужномъ кругѣ Вознесенія Господня; теперь же видны только ноги Спаси-

теля, поддерживаемыя двумя парящими ангелами; остальные же части тѣла частію опали, а частію закрашены. Ниже ангеловъ совершенно отчетливо видна греческая надпись, незакрашенная ничѣмъ, изъ книги Дѣяній Апостольскихъ: Ἀνδρες Γαλιλαῖοι, τί ἐστέχετε ἐμβλέποντες εἰς τὸν οὐρανόν; οὗτος ὁ Ἰησοῦς ὁ ἀναληφθεὶς ἀφ' ὑμῶν εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἐλεύσεται ὁμοίως ἐμβαλεῖσθε αὐτὸν πορευόμενον εἰς τὸν οὐρανόν (I, 11). Ниже этой надписи изображены во весь ростъ апостолы, и въ срединѣ ихъ Богоматерь, прямо надъ алтарною аркою, окруженная по сторонамъ ангелами. Апостолы отдѣляются другъ отъ друга оливковыми деревьями, что и навело ту-рокъ на мысль закрасить фигуры апостоловъ и замѣнить ихъ деревьями; но они въ этомъ не вполнѣ успѣли, такъ какъ все-таки фигуры апостоловъ различаются довольно ясно; на нихъ римскія тоги голубоватаго цвѣта. Положенія ихъ разнообразны: одни съ поднятымъ взоромъ къ небу, другіе съ поднятою рукою на головѣ; у однихъ въ рукахъ свитки, а у другихъ—книги.

На восточной стѣнѣ храма, въ сводѣ главнаго алтарнаго полуархія, по образцу Софіи константинопольской, изображена Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, едва-едва замѣтная подъ слоемъ краски. Что касается достоинства всѣхъ этихъ мозаическихъ изображеній, то они, по замѣчанію *Тексье*, весьма художественны и исполнены съ рѣдкимъ изяществомъ ¹⁾.

Взявши на память нѣсколько мозаичныхъ камешковъ, которые при насъ же собралъ сопровождавшій насъ дервишъ и заплативши ему за все меджидъ (1 р. 65 к.), мы, въ сопровожденіи того же Самуила, отправились въ турецкую мечеть *Джами-Си*, превращенную изъ христіанскаго храма въ честь св. Георгія. По внѣшнему виду эта мечеть производитъ особенное впечатлѣніе своимъ огромнымъ и высокимъ куполомъ, который накрытъ почти горизонтальною

¹⁾ Texier, p. 157.

крышею изъ черепицы. Во дворѣ, обсаженномъ вѣковыми кипарисами, находится фонтанъ для омовенія. Недалеко отъ фонтана и близъ дверей мечети мы увидѣли лежащій великій камень со скульптурными украшеніями; въ немъ высѣчено шесть ступеней, ведущихъ винтообразно на вершину его. Говорятъ, что это прежде была языческая каеэдра, съ которой жрецы проповѣдывали народу, а потомъ съ нею проповѣдывалъ и св. апостолъ Павелъ. Войдя въ (бывшую) церковь, мы были поражены оригинальностью плана ея. Представьте себѣ большой кругъ почти въ 34 аршина въ діаметрѣ, обнесенный стѣною необыкновенной толщины въ 9 аршинъ; внутри ея продѣланы на равномъ разстояніи восемь нишъ прямоугольныхъ, крытыхъ сводами; одна изъ нихъ, обращенная къ востоку, обширнѣе другихъ и далеко выступаетъ наружу, — здѣсь, по всей вѣроятности былъ алтарь; на извѣстной высотѣ начинается сгибаться полукруглая линія купола, который и покрываетъ весь кругъ, или ротонду. Планъ этой церкви, въ сущности весьма простой, но очень оригинальный и рѣдко встрѣчающійся. Оригинальность плана, заключающаяся въ кругломъ видѣ, свойственномъ вообще древнимъ языческимъ храмамъ, послужила поводомъ къ тому, что большинство ученыхъ смотрѣло на нее какъ на дѣйствительный античный языческій храмъ, который послѣ торжества христіанской религіи былъ превращенъ въ христіанскую церковь посредствомъ постройки абсида и разукрашенія купола мозаичными христіанскими изображеніями. Но Тексье не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Основываясь съ одной стороны на однохарактерности постройки, а съ другой — на кирпичныхъ клеймахъ съ крестами и буквами: N и A (которое есть, вѣроятно, сокращеніе слова NIKA), онъ считаетъ этотъ храмъ самостоятельнымъ христіанскимъ произведеніемъ. Построеніе этого храма онъ относитъ къ IV в., ко времени Константина Великаго на томъ основаніи, что изображенія свя-

тыхъ въ куполѣ не представляютъ ни одного лица, которое бы жило позднѣе временъ Константина ¹⁾). Внутренность и этой мечети производитъ какое-то впечатлѣніе пустоты, такъ какъ и здѣсь все заврашено. Но и чрезъ эту штукатурку видны мозаическія изображенія святыхъ, замѣтныя въ особенности въ сводахъ обширнаго купола. Соответственно восьми нишамъ, и куполъ раздѣленъ на восемь отдѣленій, разукрашенныхъ мозаикою. Въ центрѣ каждаго отдѣленія, въ различныхъ видахъ, видно мозаическое изображеніе маленькаго храма, внутренность открытаго алтаря съ колонами, архитравами и сводами; впереди главнаго углубленія алтаря видится престолъ, по сторонамъ котораго стоятъ по два, иногда по три святыхъ въ фелони съ поднятыми руками въ видѣ моленія. Мозаическія изображенія, въ церкви св. Георгія, по замѣчанію Тексье, весьма высокаго достоинства ²⁾).

Отсюда мы направились къ церкви св. Димитрія солунскаго, пострадавшаго въ 306 году по Р. Х. въ царствованіе Галерія ³⁾). Она въ настоящее время обращена въ мечеть. Обзоръ этого храма познакомило насъ съ христіанскою древностію, только совѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ обзоръ разсмотрѣнныхъ уже нами древнихъ памятниковъ.

Пройдя довольно значительное пространство отъ церкви св. Георгія, мы наконецъ пришли къ церкви св. Ди-

¹⁾ Texier. L'Architecture Byzantine, p. 145.

²⁾ Ibidem, p. 149.

³⁾ О жизни св. Димитрія солунскаго извѣстно слѣдующее: Онъ происходилъ изъ сенаторской фамиліи, служилъ въ войскѣ, и потомъ получилъ отъ императора Максиминіана консульское достоинство. Послѣ этого онъ обратился въ христіанство и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ истинной вѣры. Галерій приказалъ заключить его въ тюрьму и потомъ осудилъ на смерть (въ 306 году). Тѣло его, выброшенное какъ тѣло преступника, было тайно погребено христіанами; могила святаго только имъ была извѣстна. Вскорѣ св. мученикъ прославился: его мощи источали цѣлебное миро. Но церковь въ честь его построена была только въ началѣ V в. (413 г.). Почти въ первоначальномъ видѣ она и до сихъ поръ существуетъ.

митрія, расположенной въ западной части города. Мы вошли въ небольшой квадратный дворъ, посреди котораго находится фонтанъ съ восемью колоннами, поддерживающими арки. Старый, грозный дервишъ ввелъ насъ во храмъ боковою дверью съ сѣверной стороны. Этотъ входъ очень тѣснъ и небрежно устланъ дикимъ камнемъ. Нельзя думать, что, бы это былъ главный входъ, тѣмъ болѣе, что онъ не съ западной стороны, какъ обыкновенно въ древнихъ церквахъ. И дѣйствительно, главный входъ съ запада задѣланъ и уничтоженъ турками. Войдя въ церковь, я сразу не могъ ориентироваться среди множества колоннъ съ ихъ арками, не могъ понять плана ея. Но когда я сталъ противъ закрытаго входа, то сразу мнѣ стало все понятнымъ: я въ первый разъ видѣлъ громадную базилику въ ея настоящемъ, древнемъ видѣ (корабль). Она дѣлится колоннами на три нефа или корабля. Высокій средній корабль образуется десятию огромными колоннами драгоцѣннаго мрамора, пересѣкаемыми въ двухъ мѣстахъ массивными четырехъугольными столбами; надъ боковыми кораблями устроены хоры, идущіе кругомъ всего храма; они служили мѣстомъ для стоянія женщинъ во время богослуженія. Хоры также образуютъ колоннаду увѣчанную арками, надъ которыми возвышается пробитая окнами стѣна до стропилъ крыши, незакрытой изнутри ничѣмъ. Такимъ образомъ эта базилика въ три яруса. Вообще же храмъ внутри поражаетъ величественностію и красотой. Черезъ всю широту церкви тянется притворъ, отдѣленный отъ нея стѣною, въ которой трое дверей. Въ сѣверномъ концѣ его, образуящемъ небольшую квадратную комнату, крытую сводомъ, стоитъ простой кирпичный гробъ св. Дмитрія. Предъ нимъ еле-еле теплилась лампадка, которую, не знаю почему, постоянно возжигаетъ турокъ. Тяжелое чувство произвелъ на меня этотъ темный погребальный покой св. Дмитрія, слабо освѣщаемый едва виднымъ, замирающимъ огонькомъ неугасимой лампы. Поклонившись съ чувствомъ благоговѣнія

гробу великомученика и положивши по нѣсколько паръ въ находящуюся здѣсь тарелку на освѣщеніе могилы масломъ, мы съ тяжелымъ чувствомъ оставили этотъ бывший нѣкогда величественный храмъ.

Базилкою св. Димитрія мы закончили обзоръне солунскихъ святынь. Было около 7 часовъ вечера. Мы пошли на набережную, которая биткомъ набита была турками, послѣдній день веселящимися. Заливъ тоже усѣянъ былъ кайками. По просьбѣ Самуила, порядочно таки отъ насъ заработавшаго, мы около часу катались по заливу, а затѣмъ воротились въ свой пловучій домъ. Въ десятомъ часу вечера, при страшной пальбѣ изъ вѣрстныхъ пушекъ, я предалъ себя въ объятія морфея.

На водахъ Архипелага. Вторникъ. 26 іюля. Въ два часа пополудни нашъ пароходъ снялся съ якоря, и мы отплыли обратнымъ путемъ. Съ радостнымъ чувствомъ оставилъ я уже скучный, не ликующій городъ, такъ какъ Байрамъ вчера кончился и городъ принялъ прежній будничныи видъ.

Давно уже заватилось солнце за величественный Олимпъ, когда мы проѣзжали мимо Аеона, верхній пикъ котораго видѣлся еще съ Солуни. Когда пароходъ поровнялся съ Аеономъ, то богомольцы, бывшіе на палубѣ, осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, пали ницъ, прощаясь, быть можетъ, послѣдній разъ съ св. горою...

Ночь была тихая и ясная. Я прекрасно устроился на палубѣ подъ спасательною лодкою. Здѣсь была и моя гостиная, и спальня и канцелярія. Голый помостъ палубы служилъ постелью, зимнее пальто—подушкою, лѣтнее—одѣяломъ, чемоданъ письменнымъ столомъ. Не смотря на такую слишкомъ скромную обстановку, я былъ доволенъ ею: воздухъ чистый, свобода... Лежишь по часу на спинѣ, смотришь въ звѣздное небо, уносишься мыслью Богъ знаетъ куда, весь обращаешься въ созерцаніе, такъ что приходишь въ безсознательное состояніе и уже не помнишь, о чемъ думаешь... Сегодня увидалъ новый мѣсяцъ; вспомнилъ, что

26-го іюня я также видалъ новый мѣсяцъ, когда плылъ изъ Одессы въ Константинополь. Значить, уже мѣсяцъ, какъ нахожусь въ путешествіи.

Среда. 27 іюля. Почти цѣлый день плыли по прекрасному Архипелагу. Съ палубы я любовался прекрасными видами Цикладскихъ острововъ. Точно вершины затопленныхъ моремъ горъ кругомъ видѣются острова; по мѣрѣ того, какъ мы подходимъ, они медленно, будто нехотя, разступаются, чтобы дать намъ дорогу; а тамъ, впереди, снова темное море, и острова за островами, уходя въ туманъ, синѣютъ и теряются на горизонтѣ. Въ Чинакъ-кале и Галлиполи нашъ пароходъ останавливался нѣсколько времени для выгрузки товаровъ. Въ Мраморное море мы вступили уже сумерками.

Константинополь. 28 іюля. На разсвѣтѣ, часа въ четыре, мы вступили въ Босфоръ. Еще съ полуночи виденъ былъ мерцающій огонекъ константинопольскаго маяка, но только утромъ приплыли мы въ Босфоръ. Константинополь скрытъ былъ въ утреннемъ туманѣ, такъ что сразу предстала предъ нами картина величественнаго Стамбула, освѣщенная лучами восходящаго солнца. Фантастическая картина! Если бы онъ и внутри былъ такимъ, какимъ кажется совнѣ, то лучшаго города въ мірѣ не было бы, да и не могло бы быть. По зеркальному проливу уже шныряло множество пароходовъ и пароходиковъ; между ними по всѣмъ направленіямъ мелькали маленькіе, остроносые кайки. Только что остановился нашъ пароходъ, какъ, по обыкновенію, его окружили со всѣхъ сторонъ лодочки, нахально предлагая свои услуги. Скоро прибыла и монастырская лодка съ о. Юліемъ, на обязанности котораго лежить принимать богомольцевъ съ парохода и отправлять. Отъ него мы узнали, что предъ Одессою придется выдержать карантинъ въ теченіи 7 дней. На берегу насъ опять хотѣли осматривать таможенные; но приличный бакшишъ избавилъ насъ отъ непріятности разбрасывать свои вещи для безполезнаго

осмотра. Вотъ гдѣ поучиться взяточничеству, именно у турецкихъ таможенныхъ! Мы прѣехали изъ Солуни, турецкаго же города; зачѣмъ же насъ обыскивать? Когда мы прѣехали изъ Одессы, обыскъ вполнѣ понятенъ; а теперь—совершенно непонятенъ, и очевидно предпринимался только съ цѣлью собрать бакшишъ.

Хамалъ свезъ наши вещи въ подворье, гдѣ мы заняли прежніе номера.

Пятница. 29 іюля. Сегодня въ 10 часовъ утра заходили мы въ русское агентство пароходства узнать о времени отправленія пароходовъ въ Одессу. Узнали, что въ воскресенье отправляется въ Одессу пароходъ „Цесаревичъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнали о семидневномъ карантинѣ. Неприятно быть семь дней на водѣ безъ дѣла...

Константинополь. Суббота. 30 іюля. Былъ на вечернемъ богослуженіи, по окончаніи котораго долго прохаживался по балкону, люблюсь, быть можетъ, послѣдній разъ прекраснымъ видомъ на Константинополь, Бессфоръ и Иліополь. Иліополемъ (Ἰλιος солнце и πόλις городъ) называются противоположащія въ Малой Азіи Скутари и Халкидонъ; такое названіе они получили отъ того, что находятся противъ солнца, которое прямо бросаетъ сюда свои лучи; въ окнахъ отражается солнечный свѣтъ, и городъ кажется какъ бы въ пламени. Вотъ и теперь Иліополь блеститъ тысячами огней и какъ бы горитъ,—что одинъ богомолецъ и подумалъ было. Очень сожалѣю, что я, откладывая со дня на день посѣщеніе Иліополя, не посѣтилъ его, уstraшенный отчасти рассказами о происходящихъ тамъ грабежахъ и разбояхъ. Относительно святыхъ халкидонскихъ мѣръ говорили, что здѣсь есть (кажется) мощи св. Евеміи въ церкви, принадлежащей армянамъ. Св. Евемія известна какъ ревнительница православія при жизни и по смерти. Дѣло въ томъ, что когда во время иконоборческихъ споровъ противоположащія партіи уравнились въ числѣ, то для третьейскаго суда выбрана была (умершая) св. Евемія, мощи

которой почивали въ Халкидонѣ; въ руки ей данъ былъ бѣлый листъ бумаги, на которомъ она написала бы свое рѣшеніе. Церковь заперли наглухо. На другой день, къ удивленію всѣхъ, на бѣломъ листѣ бумаги было написано рѣшеніе въ пользу иконопочитанія...

Проходясь по балкону, мы долго разговаривали съ оо. Алексіемъ и Пансіемъ, завѣдующими этимъ подворьемъ. О. Алексій очень толковый человѣкъ. Хотя онъ не получилъ никакого школьнаго образованія, а прямо изъ прикащиковъ попалъ въ монахи, но онъ достаточно развится чтеніемъ, и имѣетъ довольно много свѣдѣній по исторіи русской и греческой церкви. Отецъ Паисій по книжному развитію ниже о. Алексія, но по жизненному опыту—далеко выше. О. Паисій—личность въ своемъ родѣ замѣчательная. Дѣтъ двадцать назадъ, онъ принадлежалъ къ сектѣ шалопутовъ, былъ главнымъ вожакомъ этой секты подъ именемъ „блаженнаго Васеньки“. Объ этомъ я узналъ случайно. Какъ-то высказалъ я сожалѣніе, что не пришлось вчера присутствовать на верченіяхъ дервишей. Эти верченія, какъ имѣющія цѣлью привести человѣка въ непосредственное созерцаніе Бога и единеніе съ Нимъ, я сравнилъ съ верченіями вокругъ чана съ водою нашихъ сектантовъ хлыстовъ. Отсюда мы перешли къ вопросу о русскихъ сектантахъ. Между прочимъ я сказалъ, что о. Паисій, должно быть, знакомъ съ нѣкоторыми сектами, такъ какъ ихъ много въ томъ краѣ (въ Оренбургской губ.), откуда онъ. „Не только знакомъ, сказалъ онъ, но даже имѣлъ несчастье принадлежать къ сектѣ шалопутовъ и быть ихъ земнымъ богомъ. Что, бывало, Васенька ни скажетъ, то свито“. При этомъ онъ рассказалъ намъ очень интересную исторію своего первоначальнаго совращенія въ сектанство, свое пребываніе въ сектѣ шалопутовъ въ роли главнаго вожака ея и даже бога, свое обращеніе въ православіе... Съ удовольствіемъ прослушали мы правдивую исторію жизни о. Паисія, рассказанную притомъ увлекательно и красно-

рѣчиво. Настолько она мнѣ врѣзалась въ памяти, что я могъ бы записать ее дословно, если бы она не была уже раньше записана. По окончаніи своего разсказа, о. Паисій обратился къ намъ съ вопросомъ: „а вы не читали моего сочиненія“? Этотъ вопросъ, по правдѣ, нѣсколько удивилъ меня. Неужели, думаю себѣ, о. Паисій писатель? Вѣдь онъ, какъ видно изъ разговора, не владѣеть хорошо литературнымъ языкомъ.

— Нѣтъ, говоримъ, не читали. А интересно бы прочесть.

О. Паисій былъ такъ добръ и далъ намъ книжку, которая такъ озаглавляется: „Вразумленіе заблуждшимъ и Исповѣдь обратившагося отъ заблужденія“ (Москва. 1881 г. Изданіе третіе). Дѣйствительно, здѣсь содержится почти дословно то, что разсказывалъ намъ о. Паисій. Надо полагать, о. Паисій разсказывалъ свою исторію кому-нибудь изъ образованныхъ аеонскихъ иноковъ, который и записалъ ее литературнымъ языкомъ. Давая мнѣ эту книжку, о. Паисій сказалъ: „вотъ здѣсь всѣ грѣхи мои; представляю ихъ на посмѣяніе всего свѣта. Молю Господа, пришедшаго спасти грѣшниковъ, чрезъ чтеніе ея заблуждіе да познаютъ свое душепагубное житіе и да возвратятся въ нѣдра св. церкви“.

Отсылая желающихъ поближе ознакомиться съ этою довольно замѣчательною „Исповѣдью“ къ самой книгѣ, мы, пользуясь позволеніемъ о. Паисія, считаемъ неизлишнимъ прибавить къ ней нѣчто. О. Паисій родомъ изъ Оренбургской губерніи, по происхожденію казакъ. Родители его были люди очень религіозные и притомъ въ строго православномъ духѣ. Понятно, что и сына своего, Василія (мірское имя о. Паисія), они воспитали въ такомъ же благочестіи. На 20 году они женили своего сына, и зажили новобрачные, повидимому, прекрасно. „Но, нѣтъ: что-то грызеть, разсказывалъ о. Паисій, что-то душа ноетъ... нѣту спокойствія... чувствую себя страшнымъ грѣшникомъ, а спастись такъ хочется, такъ хочется, что вотъ бы душу

отдаля, лишь бы спастись... Никто не могъ меня утѣшить. Церковь была отъ насъ далеко, за 17 верстъ, и я очень рѣдко бывалъ въ ней, слѣдовательно, не могъ я утѣшиться службою Божіей; бесѣдовать съ отцомъ духовнымъ тоже не могъ, такъ какъ все равно напрасно было бы..., да притомъ—это и не въ обычаѣ въ нашемъ краѣ. Думалъ я, наконецъ, найти утѣшеніе у раскольниковъ, не вѣдая, что они отступили отъ православной вѣры^а. Вступленіе о. Паисія въ расколъ произошло такимъ образомъ. Въ періодъ своей душевной борьбы онъ познакомился съ двумя главными расколуучителями, возвратившимися въ то время на родину изъ Ташкента, гдѣ они были въ ссылкѣ: Лосевымъ и Трифономъ Родіоничемъ Богомоловымъ. Замѣтивъ недоживную натуру о. Паисія и находя полезнымъ для распространенія своей шалопутской секты приобрѣтеніе такого адепта, они обласкали его, назвали избранныкомъ отъ міра... Къ нимъ-то и присталъ ревнующій о спасеніи юноша, плѣнился ихъ внѣшнимъ благочестіемъ. И дѣйствительно, вновь завербованный адептъ не обманулъ возлагаемыхъ на него надеждъ и въ ревности своей далеко превзошелъ своихъ учителей. Скоро на мѣсто ихъ онъ былъ сдѣланъ вожакомъ своей секты. Въ средѣ своей онъ приобрѣлъ такой авторитетъ, что возведенъ былъ въ Сына Божія, а духовная жена его, Пелагея,—въ Богородицу. Неимовѣрный успѣхъ имѣлъ онъ въ распространеніи своей секты между крестьянами, ревнующими о спасеніи; вліяніе его сказалось на трехъ со-сѣднихъ губерніяхъ. Меня заинтересовала живучесть этой секты. Я поинтересовался узнать сущность ея. Оказывается, что эта секта (которую о. Паисій называетъ „шалопутскою“^а) имѣетъ много общаго съ сектою штундистовъ, но только съ нѣкоторыми прибавленіями въ еретическомъ николаитскомъ духѣ (николаиты,—по имени своего учителя Николая,—еретики первыхъ временъ христіанства, освящавшіе прелюбодѣяніе для умерщвленія плоти и возвышенія духа). Они не признаютъ священниковъ и вообще

церковной іерархіи, а имѣютъ своихъ учителей. Для общаго наученія собираются они по вечерамъ въ какомъ-нибудь знакомомъ домѣ. Садятся здѣсь они рядами попарно, каждый мужчина съ избранною имъ женщиною, или дѣвцею, именуя другъ друга *духовными братьями и сестрами*, начинаютъ пѣть составленные ихъ учителями духовныя псалмы и канты; потомъ наставникъ преподаетъ духовныя наставленія, какъ жить, особенно новопришедшимъ. Если новопоступившій въ секту женатъ, то велятъ оставить жену *плотскую*, а вмѣсто ея избрать *духовную*; замужнимъ женщинамъ велятъ они оставлять своихъ *плотскихъ*, т. е. законныхъ мужей, а вмѣсто ихъ имѣть *духовныхъ*. По окончаніи же этихъ наставленій, всѣ предаются прелюбодѣянью съ своими духовными женами. О. Пансіи тоже развелся было съ своею „прекрасною и умною женою—Наташею“ и обзавелся духовною „отвратительною“ Пелагеею. Слѣдуя своему ученію, они въ то же время исполняютъ почти всѣ обряды и таинства, содержимыя православною церковью,—но только для виду и избѣжанія преслѣдованія. Поэтому, они обманываютъ священниковъ и въ глазахъ ихъ становятся самыми примѣрными христіанами и благочестивыми людьми. Напр., положимъ, на завтра назначена священникомъ исповѣдь. Въ вечернемъ собраніи шалопутовъ и даются уже наставленія, какъ вести себя въ данномъ случаѣ: „вотъ завтра имѣете итти къ попу исповѣдываться, говорить ихъ лжеучитель; смотрите, ухо востро... Не сказывайте, что у насъ бываетъ, что мы дѣлаемъ... Заплатите ему хорошенько и онъ васъ въ покоѣ оставитъ“... Приходитъ, положимъ, къ нимъ въ домъ священникъ съ крестомъ; они принимаютъ его, какъ нельзя лучше: вмѣсто двухъ положенныхъ яицъ даютъ десять, да еще въ придачу курицу. Такъ-то они и вводятъ въ заблужденіе духовное и свѣтское начальство. Но вотъ получаетъ священникъ запросъ изъ консисторіи: „Слышно, молъ, что въ приходѣ много сектантовъ. Правда ли?“ Священникъ и отписываетъ, что ничего подобнаго не

видано, не слышано: всё прихожане—самые примѣрные христіане: исправно ходятъ въ церковь, исполняютъ обряды и таинства, не пьянствуютъ, трудятся... И растутъ подъ эгидою благочестія сектантство! И все это изъ-за спасенія!.. Великое дѣло спасенія!.. Видно на святой Руси много есть людей, ревнующихъ о своемъ спасеніи. Нужны люди, которые умѣли бы поддержать эту ревность и направить ее на истинный путь...

Отца Паисія обратила на истинный путь, по его словамъ, „Царица небесная и его жена Наташа“. Жена его все время пребывала въ православіи и долго сокрушалась по своему мужѣ, бросившемъ ее и предавшемся въ дьявольскія руки. Однажды ей было видѣніе, что мужъ ее мучимъ въ аду бѣсами. Она рассказала ему объ этомъ; и онъ, послѣ долгой борьбы съ собою и мучившими его бѣсами, обратился на истинный путь; вмѣстѣ съ этимъ онъ обратился въ лоно православной церкви около 1000 человекъ, совращенныхъ имъ прежде въ сектантство. Послѣ этого (нынѣшній) о. Паисій сдѣлался самымъ ревностнымъ христіаниномъ, стараясь принести Богу плоды достойные покаянія. Но хотя совѣсть его и очищена была покаяніемъ, но полного мира въ своей душѣ онъ не находилъ, ревность о спасеніи не покидала его, и онъ, оставивъ жену, пошелъ на Афонъ, гдѣ и постригся въ монахи. Это было въ 1866 году. По прошествіи нѣкотораго времени старцы, видя въ немъ вліятельнаго человека, послали его на послушаніе въ константинопольское подворье, какъ центральное. Послушаніе его теперь состоитъ въ томъ, чтобы вразумлять подобно ему заблужденныхъ богомольцевъ, отправляющихся на поклоненіе въ Іерусалимъ или на Афонъ. Онъ говорилъ намъ, что иногда по цѣлымъ ночамъ бесѣдуетъ съ заблужденными, которыхъ очень много бываетъ, и, большею частью, успѣваетъ въ обращеніи ихъ. И дѣйствительно, о. Паисій можетъ производить вліяніе: онъ уменъ, многоопытенъ, весьма рѣчистъ. Вообще о. Паисій производитъ очень хорошее впечатлѣніе

и я весьма радъ, что имѣлъ случай поближе познакомиться съ нимъ.

Воскресенье. 31 июля. Конецъ путешествію! Въ 4 часа пополудни „Цесаревичъ“ снялся съ якоря и пошелъ вверхъ по Босфору. Все время плаванія по проливу я стоялъ на ютѣ, любясь очаровательнымъ видомъ Константинополя, все болѣе и болѣе исчезающаго изъ глазъ нашихъ по мѣрѣ удаленія парохода. Противъ Буюкъ-Дере пароходъ остановился на полчаса, чтобы принять почту. Затѣмъ мы выѣхали изъ пролива въ широкое пространство Чернаго моря.

Конецъ путешествію! Уже исчезли скалистые берега Босфора, и мы въ открытомъ морѣ. Уныло стою я у поднятаго трапа, смотря въ безпредѣльное водное пространство... Дельфины сопровождаютъ нашъ пароходъ, играя и въ стремительномъ бѣгѣ выныряя на воздухъ... Да, легко имъ странствовать по морьямъ и океанамъ: времени свободнаго вдоволь, денегъ же не надо; все время рѣзвятся они, забывая о вчерашнемъ, не думая о завтрашнемъ днѣ. А тутъ, и денегъ уже нѣтъ, и „томленіе духа“ впереди... Меня „томить“ мечта, которая едва ли осуществится. Мнѣ хотѣлось бы сплотить въ одно цѣлое мелкія ощущенія, обрывки чувствъ, клочки мыслей... однимъ словомъ, все испытанное и передуманное мною во время путешествія, все, что я беспорядочно заносилъ въ настоящій дневникъ...

Опять „томленіе духа“, какъ подумаешь о семидневномъ карантинѣ!...

Выдержавши съ большимъ трудомъ семидневный карантинъ, я 8-го августа, въ два часа пополудни, вступилъ на русскую землю въ карантинной гавани въ Одессѣ. Отсюда черезъ два дня я отправился въ дорогой Кіевъ.

А. Стадницкій.

Письма протоіерія І. М. Скворцова къ преосв. Иннокентію Архієпископу Херсонскому.

(Продолженіе¹).

XI.

Признаюсь, не хотѣлось принимать мнѣ золотыхъ подарковъ; но что дѣлать съ людьми, которыхъ нельзя унять отъ благотворительности?—Пришлось взять и благодарить...

Не хотѣлось еще болѣе отдавать Вамъ портрета, который такъ хорошо стоялъ предо мною и со мною познакомился. Но что опять дѣлать съ тѣми, которые и сами не любятъ своихъ портретовъ, и другимъ не позволяютъ имѣть ихъ.

Не хотѣлось бы и защищать себя противъ упрековъ въ невѣріи какомъ-то, по случаю задержки Ареопажита. Но какъ не сказать и объ томъ слова два? Извѣстно и вѣдомо каждому, что Вамъ мы всѣ очень вѣримъ и доверяемся. Но когда чужая книга держится въ десять разъ долѣе, нежели сколько нужно Вамъ для прочтенія, то какъ не подумать, что эта книга въ рукахъ теперь не Вашихъ, а какихъ-нибудь М—чей²) или І—мовъ? А имъ, право, мы имѣемъ все право не довѣрять...

¹) См. Труды Кіев. дух. Акад., май, 1886 г.

²) М. А. Максимовичъ, который очень неаккуратно возвращаетъ давни ому книги и рукописи, и котораго Ив. М. Скворцовъ называлъ книгогубцемъ. Кто обозначенъ подъ словомъ „І—мовъ“, не знаетъ. Не Геронимъ ли Геллертъ?

Пишу въ концѣ Контрактвъ. Они отличались тѣмъ, что нынѣ съѣхалось къ намъ множество евреевъ купцовъ, имъ на этотъ разъ дана индульгенція.—Впрочемъ тотъ же шумъ, тѣ же увеселенія и мотовство.

У насъ новый попечитель генераль-майоръ Трескинъ. Онъ еще не прибылъ.—Слухъ есть, хотя еще недостовѣрный, что Дм. Гавриловичъ ¹⁾ останется въ Петербургѣ.

ХLI.

Мои дѣла все тѣ же. Думаю объ отдѣлкѣ дома. Жду пенсию, которая неизвѣстно съ котораго времени будетъ мнѣ назначена. Вѣрнѣе всего, что три года будутъ вычтены (а это значить 9 тыс. руб.).

Владыки наши здравствуютъ.

У насъ держатся морозы. Вчера, сказываютъ, въ ночи блеснула надъ Кіевомъ молнія и раздался сильный ударъ грома. Это необыкновенное явленіе!

3 февраля 1846 г.

Портретъ я обложилъ своими книженками, чтобъ ему было мягче. Книжки можете раздать кому угодно.

Нынѣшняя имьянинница ²⁾ просить Вашего благословенія.

ХLII.

Христось воскресел!

Послѣ молчанія не кратковременнаго, какое лучшее слово могу произнести къ Вамъ? Это слово великое пропанесъ вѣкогда міръ горній и дольній, послѣ великаго молчанія субботняго, и съ тѣхъ поръ оно оглашаетъ весь родъ человѣческій. Вамъ изъяснить, какія благотворныя дѣйствія произвело въ мірѣ это сильное слово, а мнѣ довольно сказать тольбо то, что имъ разрѣшается и мое безсловесіе, имъ отверзается мое сердце и не терпитъ болѣе молчанія. Что

¹⁾ Вибиковъ, кіевскій генераль-губернаторъ.

²⁾ Жена Скворцова, Анна Семеновна.

же говорить оно?—Христосъ воскрес!—Христе воскресшій! дары божественнаго воскресенія Твоего усугуби вѣрному и ревностному служителю твоему на великой чредѣ архипастырства поставленному, и даруй ему гѣта возлюбленнѣйшаго изъ учениковъ твоихъ, да церковь наша какъ можно болѣе находитъ въ немъ свое утѣшеніе, украшеніе и подкрѣпленіе!—Это весьма прилично и весьма нужно, чтобы лучшіе ученики и учителя любви христіанской жили и подвизались у насъ какъ можно долѣе.

Не лишнее сказать теперь и нѣсколько новостей кievскихъ.—У насъ нынѣ новый попечитель—Александръ Сем. Трескинъ, генералъ-маіоръ. На первый разъ явилъ себя очень добрымъ и дѣятельнымъ. Доброта и справедливость. говорятъ, лучшія свойства его, а намъ и нужны они,—особенно послѣднее свойство.—Вскорѣ, по прїѣздѣ новаго попечителя, получена бумага о моей пенсіи. Она назначается со времени увольненія моего отъ Академіи, а слѣдов. три года. прошедшіе до того, исчезаютъ невозвратно.—Что дѣлать? Богатымъ мнѣ не должно быть, а домъ я дострою и съ этою пенсіею.—Попечитель нашъ отличается дородностію. Но, по словамъ директрисы нашей, онъ толстъ, а пролезаетъ въ иглиное ухо...

Объ участи семейства о. Пушнова я, кажется, писалъ уже. Лишаясь и отца и матери, это семейство получило двухъ - третнюю пенсію, было рекомендовано благотворительной Аннѣ Алек. графинѣ, но кто-то наговорилъ Владыкѣ, будто старшая дочь не хочетъ быть за духовнымъ лицомъ, и благотворительность заграждена.

Померъ, извѣстный Вамъ, тестъ г. Чеховича¹⁾, Добровольскій.

Вообще, этотъ годъ богатъ жертвами смерти. Это, впрочемъ, можетъ быть, только въ первой половинѣ, и вслѣдствіе открытія астрономами планеты Астрей.

У насъ въ Академіи благословенный миръ и тишина.

¹⁾ Бывшаго профессоромъ физики и математики въ Киевской Академіи.

Въ Университетѣ произошло было какое-то движеніе, по случаю безпокойствъ заграничныхъ, но напрасно наговорили на него, будто болѣе 10 человекъ въ немъ задержано и арестовано. Увѣряютъ, что одинъ взятъ, и то когда-то, а не нынѣ, принадлежавшій Университету. Итакъ, если и до Васъ доходятъ не славные объ насъ слухи,—не вѣрьте. Мирницы есмы и ведемъ себя, не то, чтобы хорошо, но и не такъ, какъ объ насъ думаютъ.

XLIII.

Редакція наша съ благодарностію приняла духовныя вѣсти изъ Харькова и напечатаетъ ихъ, какъ Вамъ угодно, и въ такой скорости, какъ позволить новая типографія Глюксбергова, въ которой буквъ не болѣе какъ на 3 листа. За печать можно ли что взять отъ юнаго монастыря, который самъ во всемъ нуждается? Пусть помолится за насъ грѣшныхъ, и пусть читаетъ иногда наши постныя статьи, хотя изъ послушанія и для упражненія въ добродѣтели терпѣнія.

Книги, избитыя на почтѣ, переплетутся Академією на ея счетъ, который не много отяготитъ ее. За то Вы библиотекѣ нашей пришлете въ даръ свои сочиненія, особенно тѣ, какія писаны Вами внѣ Кіева, ибо ихъ въ ней доселѣ нѣтъ. Пришлите также и нѣсколько экземпляровъ Догматическаго Сборника, когда онъ напечатается. Такимъ образомъ съ избыткомъ вознаградится библіотека.

За деньги своихъ книгъ я посылатъ къ Вамъ не согласенъ, потому что Вы сами никогда ничего не присылали мнѣ за деньги. А пусть, кому нужно или хочется, присылаетъ ко мнѣ свои требованія, а для скорости оборота—и деньги съ тѣмъ, чтобы по прежнимъ примѣрамъ выслано было соразмѣрное посылаемому количеству книжекъ. Теперь пока есть запасецъ—100 и 200 экземпляровъ.

Еще нѣсколько словъ объ обличительной проповѣди ¹⁾.

¹⁾ Т. е. проповѣди Иннокентія, принесенной въ Харьковъ, которая обудила тамъ толку и недовольство мѣстныхъ властей.

Справлялся я съ законами о праздникахъ, и нашелъ, что по Уложенію (гл. X ст. 25) нужно дѣйствительно считать время праздника съ вечера. Въ Уложеніи именно сказано: лавки закрывать за три часа до вечера наканунѣ воскресенья и Господскихъ праздниковъ; и до окончанія литургіи не торговать. Въ послѣдующихъ Указахъ говорится и объ увеселеніяхъ, чтобъ ихъ не начинать до окончанія литургіи. Всякій видитъ, что это „до окончанія“ надобно объяснять по смыслу изложенному въ Уложеніи, который основанъ на понятіи церковномъ. Какъ же нынѣ толкуютъ все это иначе?—О. ректоръ имѣлъ разговоръ о проповѣди Вашей съ нашимъ Владыкою, и Владыка сказалъ, что хорошо бы такую проповѣдь представить Св. Синоду, хотя впрочемъ и онъ не совсѣмъ одобряетъ наше напечатаніе такой проповѣди. А какъ же представить Синоду, не дѣлая непріятности харьковскимъ властямъ?—Вотъ до чего мы дожили, что и св. правды вслухъ сказать уже не смѣемъ!... Гдѣ же тѣ, которые предъ цари глаголали и не стыдились? Гдѣ Θεодосіевы обличители? Гдѣ Златоусты, вещадившіе вельможъ? О tempora! о mores!

Нынѣ наши собираются за городомъ—въ монастырѣ Выдубицкомъ, у о. Пареевнѣ, говорятъ, большого хлѣбосола. Звали и меня, но 1) классъ въ университетѣ, 2) погода предурная—холодная и вѣтреная, 3) дѣла строительныя, 4) моя нелюдимость... все заставляеть меня остаться въ атмосферѣ городской.

Ерѣп и Ареопагитъ

Изъ дальнихъ странствій возвратился,

И тотъ, кто съ нимъ давно простился

Усердно Васъ благодарить.

О если бъ и Евхаристарій

Изъ клѣти какъ-нибудь бѣжалъ!

Поздравляю, между прочимъ, съ прибавкою жалованья. А моя пенсія все еще въ дорогѣ и придетъ, вѣрно, къ тому времени, когда нужно расплачиваться съ подрядчиками.

Анна Семеновна, о которой Вамъ желательно слышать что-либо, все попрежнему. Также иногда заболить, также отболить. То никуда не хочется ей выйти изъ дому, то все бы ходить, да ѣздить.

21 апрѣля 1846 г.

Поклонъ всеусердный и любовно-братскій Матвѣю Алексѣевичу. Что нынѣ онъ подѣлываетъ? Давно не писалъ мнѣ никто о его житьѣ-бытьѣ, свободно-философскомъ.

XLIV.

Не былъ нигдѣ, потому что все время жилъ для дому. Впрочемъ о. ректоръ завтра обѣщалъ проводить меня въ Пирогово. Тамъ, въ пещерахъ, припомнимъ былое...

Наши погуляли довольно. О. ректоръ былъ въ Одессѣ на ревизіи. Другіе ѣздили то къ знакомымъ, то къ роднымъ. Владыка большею частію въ Голосѣевѣ, гдѣ недавно освятилъ трехпрестольную церковь каменную, имъ сооруженную. Говорятъ, что тамъ готовить онъ себѣ мѣсто покоища досмертнаго, а можетъ быть, и посмертнаго.

М. А. Максимовичъ привезъ свои лекціи—(по русской словесности) почитать и что-то еще—кажется, Кіевлянина. Но гдѣ Евхаристаріонъ?—Со мною встрѣчь убѣгаетъ.

Я. Кузьмича ¹⁾ печатается Церковное Краснорѣчіе, которое нѣсколько лѣтъ проходило очищеніе цензурное.—Ипатьичъ А—скій ²⁾ напечаталъ недавно свои стихотворенія, въ коихъ все есть—и молищійся языкъ, и влечущій другихъ...

8 августа 1846 г.

XLV.

Пишу еще на квартирѣ, но, кажется, это послѣднее квартирное посланіе. Къ концу сего мѣсяца надѣюсь быть

¹⁾ Амфитеатрова.

²⁾ Аскотенскій, Викторъ Ипатьевичъ.

уже самовластнымъ жителемъ собственнаго дома, который давно ожидаетъ хозяина. Положено у меня занять сперва одинъ этажъ верхній, а нижній, по опасенію сырости, оставить дальнѣйшей высушкѣ.

По почтѣ Вы изволите получить большой томъ съ дѣтскими книгами. Можете отдать ихъ кому угодно, а всего лучше — книгопродавцу, который и соберетъ въ пользу автора отъ 40 до 50 коп. сер. за книжку, — разумѣется, не лишая себя торговыхъ польвъ.

Предпринимаю и я грѣшный издать новую книжку въ свѣтъ. Но петербургская цензура, видно, больше затрудняется въ такихъ случаяхъ, нежели кievская. Да и какъ не затрудняться въ нашъ вѣкъ? — На духовныхъ смотреть не одни духовные, а и свѣтскіе... Какъ ни разсвѣивайте страхи, а они скопляются надъ нами сами собою.

Препочтенный старецъ Досіеѣй удивилъ меня. Нѣсколько дней обѣщалъ мнѣ открыть одинъ секретъ — именно, отъ Васъ. И вотъ я нарочно ѣду, въ назначенный день, въ Лавру; дожидаюсь, пока нашъ старецъ Досіеѣй кончитъ литургію, дожидаюсь потомъ, пока выпроводитъ гостей. Наконецъ мы одни — вдвоемъ. „Пожалуйте сюда, поближе. Садитесь. Вотъ секретъ, который я хочу открыть Вамъ! Пр. Иннокентій харьковскій Васъ очень любитъ и уважаетъ“. — „Не приказываетъ ли онъ мнѣ чего?“ — „Ничего, а только просилъ меня сказать Вамъ этотъ секретъ“. — Да, что это у Васъ за секреты? И кто велѣлъ секретничать въ такихъ вещахъ?... Старецъ очень живой, и обновляется орлею юностію. Ничего, если онъ и пошутилъ со мною.

Вы на водахъ врачебныхъ, а я все лѣто въ душевнои атмосферѣ.

XLVI.

Какъ-то послѣ этого издадите Вы свои находки въ Сборникъ? — Разумѣется, поскромнѣе, чтобъ и небогатые любители вѣроученія могли приобрѣсть эти сокровища.

Почему бы поученій не печатать тетрадками небольшими, чтобъ могли расходиться не по домамъ только, а и по хижинамъ?

Поздравляю съ св. постомъ, котораго мы провели уже самую трудную (для священниковъ) недѣлю. На этой недѣлѣ имѣлъ я удовольствіе или паче—соблазнъ получить отъ Васъ блестящій аппетитный ларчикъ. Что дѣлать? Благодарить щедротъ, хотя она *ressat exseri sine omnia asseri*.

Преосв. Іеремія пишетъ, просить для своей новой Семинаріи побольше книжекъ.

10 февраля 1847 г.

XLVII.

Странно, если Вы доселѣ не получили тетрадей. Меня завѣрили, что Владыка послалъ ихъ отъ себя, съ письмомъ своимъ къ Вамъ еще около 10 января,—завѣрилъ челоувѣкъ близкій къ нему и въ наше время много или паче всемогущій у него ¹⁾... Если и теперь вѣтъ у Васъ этого паденія²⁾, на претыканіе къ намъ пришедшаго, то не угодно ли написать къ самому Владыкѣ?

Вамъ любопытно знать, что за живопись открыта въ Софійскомъ соборѣ? Объ ней уже писали, а теперь ее самое пишутъ, т. е. подправляютъ. Лица открыты такой же величины какъ въ алтарѣ мозаичныя, только писанныя ал-фреско и всѣ, особенно св. жены на одинъ манеръ, такъ что нельзя знать, кто написанъ. Подписей нигдѣ не найдете. Есть изображенія безъ головъ, безъ другихъ частей. Нужно дополнять. Есть въ алтарѣ и такія изображенія, которыя въ останкахъ своихъ, неизвѣстно, какую евангельскую исторію представляютъ. Изображенія, разумѣется, довольно неискусны, но—древни, а потому драгоценны. Ноги святыхъ написанныхъ на столбахъ были подъ поломъ, потому подъ собора

¹⁾ Разумѣется, вѣроятно, Антоій (казанскій), въ то время ректоръ семинаріи, племянникъ митрополита Филарета.

²⁾ Рѣчь о проповѣдахъ Иннокентія, изданныхъ послѣ подъ именемъ (Паденія Адамова".

опустили на аршинъ и теперь входятъ въ соборъ лѣсенкой. Предпривымають много. Дѣло пойдетъ на годы, и Владыка, кажется, правду сказалъ, что ему не дождаться окончанія работы.

Открываетъ древность и наша Археографическая Комиссія, только не въ церквахъ, а въ могилахъ. Недавно вышло великолѣпное изданіе въ огромныхъ тетрадахъ, чего? описанія пустошей найдешныхъ въ двухъ курганахъ,—горшковъ, обручей, камушковъ и т. п. Все это издано съ золотыми и разноцвѣтными бордюрами на языкахъ русскомъ и французскомъ.

XLVIII.

Душевно благодарю за дорогую книжку на четырестыниці. Проповѣдь объ инокахъ читаю и нерѣдко людямъ свѣтскимъ, у нихъ часто видишь большія коллекціи картинъ, а иконы ни одной.—Одною изъ проповѣдей на страсти мы хотимъ заключить нашъ истекающій журнальный годъ... въ знакъ, можетъ быть, того, что больше проповѣдей Вашихъ въ нашемъ журналѣ читатели не дождутся. Что же они будутъ читать? Наши геніи поистощились. Придется переводить побольше, и старое выдавать за новое... Подписчиковъ уменьшаются, по какому-то закону, каждый годъ на 200.

Такова ли у Васъ нынѣ погода?

У насъ дни ясные и довольно теплые. Свѣгу нигдѣ почти нѣтъ. Давно вѣдимъ на колесахъ.

10 марта 1847 г.

Канонъ Св. Духу, какой есть, постараюсь переслать къ Вамъ.

P. S. Не переписываетесь ли съ кѣмъ въ Синодъ? Спросите, почему это вотъ одиннадцатый мѣсяцъ держать мое Церковное Законовѣдѣніе? Если судьба его, прежде

благоприятная, теперь *in adversam partem mutata est*, то чего же думать долго? Пусть отдадут мнѣ мое. Я самъ тридцею молить уже не смѣю.

XLIX.

Подозрѣніе наше на Владыку едва ли основательно. Что не изъ устъ его вышла молва, это видно изъ несходства этой молвы съ самымъ дѣломъ, Вами описаннымъ. Вѣроятно слышанное мною старая сказка, еще образовавшаяся во время оно. Слышалъ я ее отъ г. Чеховича¹⁾, съ которымъ, какъ человѣкомъ простодушнымъ, можно говорить о томъ и другомъ, не боясь оглашеній. Справедливѣе кажется то, что у Владыки есть излишнее опасеніе въ дѣлахъ трудныхъ, и все выходящее изъ обыкновеннаго ему круга представляется ему подозрительнымъ, опаснымъ. Говорить онъ напр. имярекъ: зачѣмъ много говорить о паденіи прародителей, когда самъ Духъ Святой написалъ такъ мало?—(забываетъ Владыка, что Духъ Святой въ Новомъ Завѣтѣ объясняетъ эту исторію всѣмъ ученіемъ христіанскимъ).

У г. губернатора постараюсь быть и объяснить ему, что нужно. Совѣтую впрочемъ послать для употребленія тюремнаго не вещественнаго, а духовнаго хлѣба, т. е. нѣсколько книжекъ. Вѣдь тамъ и грамотные бывають, а добрая книга для такихъ лучше иногда денегъ.

Что услышу отъ губернатора, напишу предъ Паскою.

Между тѣмъ мнѣ поручено напомнить Вамъ еще объ одномъ долгѣ. Книгопродавецъ Гликсбергъ считаетъ на Васъ за полученіемъ 200 р. (1841 г.) 91 р. 38 к. Сверхъ того въ августѣ прошлаго года послалъ онъ, Гликсбергъ, къ Вамъ продолженіе Библии, тетради 17—21, а также писалъ Вамъ и о готовности своей выписать латинскихъ классиковъ въ чи-

¹⁾ Венидикъ Павловичъ Чеховичъ, профессоръ физики и математики въ Кіевской духовной Академіи.

слѣ 100 или болѣе томовъ (каждый въ 2 р. сер.) и продолженіе Галлерей Voisségée, но не выписываетъ потому, что не получалъ отъ Васъ согласія. Если что будетъ угодно отвѣчать Гликсбергу, то можете и прямо отнестись къ нему въ Вильно, или, вмѣсто того, сказать мнѣ для увѣдомленія чрезъ здѣшняго повѣреннаго.

L.

У насъ время похоже на весну. Днѣпръ вскрылся еще 18 числа. Были уже и дожди; нѣкоторые слышали даже громъ.

Но мартъ мѣсяцъ тяжелъ для чахоточныхъ, недавно лишились мы въ институтѣ двухъ дѣвицъ чахоточныхъ. Въ числѣ ихъ одна—Гуляева, дочь покойнаго Спиридона Васильевича¹⁾.—Дивное дѣло! И жена его и дѣти обречены на чахотку. Остался одинъ сынъ, живущій въ Академіи²⁾—тоже не совсѣмъ надежный.

Въ Академіи та перемѣна, что докторъ нашъ Щербина, оставляя академическую больницу, перешелъ въ университетскую на должность, а вмѣсто его опредѣленъ извѣстный Пелехинъ, бывшій нѣкогда воспитанникомъ старой Академіи и нѣсколько времени проходившій должность учителя уже при насъ. Онъ теперь, кончая 30-лѣтіе учительское, живетъ съ женою и дѣтьми у насъ, и довольно славится медицинскою опытностію.

¹⁾ 22 марта 1847 г.

LI.

Христось воскрес!

Съ торжествомъ торжествуй! съ радостію радостей!—
Радуются души наши о Господѣ; облече бо насъ въ ризу

¹⁾ Вышшаго профессора академіи.

²⁾ М. С. Гуляевъ, впоследствии профессоръ академіи и зять протоіерея І. М. Скворцова, скончавшійся отъ холеры въ 1866 году.

спасенія, и одеждою веселія одѣя васъ. Слава, честь и вѣчное благодареніе Виновику нашей радости!

Велика милость Господа ко мнѣ грѣшному! Вотъ Онъ даруетъ мнѣ встрѣтить свѣтлый праздникъ уже въ новомъ моемъ домѣ, среди семейства неумаленнаго и неопечаленнаго. Прежняя вся мимоидоша, и я не помню скорби за радость. Что жъ? думаю, не всѣ ли скорби и безпокойства наши пройдутъ также, и кончатся одною радостію Воскресенія?—И новые дома наши устарѣютъ, еще скорѣе устарѣетъ домъ тѣла моего; придетъ пожаръ и на этотъ домъ мой, нигдѣ незастрахованный. Ктѣ же выстроитъ мнѣ домъ новѣйшій, лучшій? Буду ли я тамъ праздновать Пасху вѣчную?

Но Христось воскресел! повторяю и увѣренъ, что дѣйствія сего божественнаго воскресенія благи, спасительны и вѣчны. Вѣрую видѣти благая на землѣ живыхъ. Надѣюсь на молитвы великихъ строителей духовныхъ. Да сохранитъ ихъ для блага нашего Воскресшій Господь здравыхъ, долгоденствующихъ, право правящихъ слово Его истины!

Р. С. Г. гражданскій губернаторъ нашъ вотъ что сказалъ мнѣ: „Напрасно записываютъ иные значительную сумму на тюремные комитеты, напрасно и тюремный комитетъ считалъ доселѣ (на Васъ) долгъ. Я, де, объясню ему, что требованіе его неправильно, и надѣюсь, что мнимый долгъ (Вашъ) исключенъ будетъ изъ списковъ“. А я прибавлю: лучше всего записывать ежегодныя пожертвованія съ оговоркою: „пока буду на мѣстѣ или пока буду въ состояніи“ и т. под.

О пересылкѣ къ Вамъ канона св. Духу просилъ я о. типографа лаврскаго. Расчетъ съ нимъ уже сдѣлавъ. Это точно долженъ быть канонъ грѣва Максима, тотъ самый, который онъ, сидя въ темницѣ и не имѣя ни пера ни бумаги, написалъ углемъ на стѣнѣ.

LII.

Что можно было, сдѣлано. Г. Гликсберга въ Кіевѣ нѣтъ, и потому деньги отданы его повѣренному подъ росписку. Съ тѣмъ вмѣстѣ сказано — и это будетъ написано къ Гликсбергу — что Его В—во готовъ отослать книгопродавцу обратно изданія неполныя, что и удовлетворить вѣроятно всѣ счета долговые. Впрочемъ дѣло можетъ лучше рѣшиться въ Петербургѣ, куда, по увѣренію повѣреннаго, Гликсбергъ собирается.

О зрителяхъ справку учинилъ. Оказалось, что о перемѣнѣ Архистова Черняковымъ представлено куда слѣдуетъ еще отъ 4 апрѣля (1847).

LIII.

Болѣзни ходятъ и у насъ. Напр., и самъ покорнѣйшій слуга сидитъ не по обычаю — дома, и управляется съ нашлемъ.

Сколько въ вашихъ мѣстахъ такихъ стихоплетовъ, какихъ у насъ забрали въ крѣпость и отправили въ Питеръ? Здѣсь даже носился слухъ, что университетъ Вашъ закрыть.

Нашъ университетъ нынѣ поставленъ въ непосредственное вѣдомство военнаго губернатора, безъ котораго попечитель ни одной бумаги рѣшать не будетъ. Недавно Дн. Гавр.¹⁾ собиралъ насъ въ свои покои, и сказалъ намъ сильную рѣчь, — научая насъ во всѣхъ лекціяхъ держаться религіи и самодержавія. Исправить ли это избалованныхъ юношей нашихъ? — Покажетъ время.

6 мая 1847 г.

И такъ Вамъ путь въ столицу Петрову? Благословенъ гридый во имя Господне!... Рассказываютъ у насъ слѣдующее: „читая проповѣди харьковскаго преосвященнаго, я нахожу, что это человекъ очень умный, почему же не вызовутъ его въ Петербургъ? „Такъ спросила Государыня о Бажанова. — „Да потому и не вызываютъ, Ваше Величество,

¹⁾ Бибиковъ.

что очень умный"—былъ отвѣтъ послѣдняго.—Если это похоже на правду, то Вамъ предстоятъ подвиги, въ которыхъ съ одной стороны будутъ противодѣятели, а съ другой и сильныя пособники. Ибо гдѣ не найдетъ уваженія умъ? А умъ съ добрымъ сердцемъ сдѣлаетъ много добра людямъ, когда дадутъ ему пространство... Deus, me liberet!

LIV.

Для дня, какой готовимся мы встрѣтить (26 ноября), и у вѣмага отверзутся уста, и у сухорукаго подвинутся персты для писанія; потому и тупые слухомъ да услышать и отвращающіе отъ насъ очи да узрять!...

Желали мы, готовились мы принять Васъ яко же подобаетъ, или лучше, какъ ввухаетъ намъ долгъ и сердце, увидѣть Васъ, нѣсколько минутъ побесѣдовать усты ко устамъ,—и что же попрепятствовало? Ваше непонятное намъ нежеланіе видѣть Кіевъ, столько любимый Вами!.. Не ропщемъ; ибо предполагаемъ причины важныя, хотя намъ неизвѣстныя. Сердце наше говоритъ намъ: „это не знакъ охлажденія его въ вамъ; ни чести ни слава не измѣнили доброты его сердечной; и въ отдаленіи онъ близокъ къ вамъ“. Такъ! вѣруемъ, уповаемъ и любимъ!

Между тѣмъ, вольный ли грѣхъ или невольный, онъ долженъ быть очищенъ хотя видомъ покаянія. По крайней мѣрѣ, Кіевъ стоитъ того, чтобъ проѣхавшіе мимо его и ожиданіямъ его неудовлетворившіе написали Кіеву что-нибудь въ свое извиненіе!—За то Кіевъ вѣчный молитвенникъ Вашъ, и много можетъ молитва его у Господа, споспѣшествуемая молитвами Печерскихъ угодниковъ.

Отъ сихъ-то небесныхъ заступниковъ нашихъ Кіевъ посылаетъ Вамъ и благожеланія и благословенія свои на день Вашего Ангела. Кіевъ посылаетъ,—а я только единъ изъ посланниковъ Кіева, и прошу усердно Вашего благословенія и святыхъ молитвъ за себя и за свое семейство,

Не у Васъ только перемены: есть онѣ и у насъ. У Васъ въ архіереяхъ; у насъ въ архимандритахъ. Замышляютъ еще докторство писателя Догматики¹⁾). Почему бы и не такъ? Только, по моему мнѣнію, нужно бы представить вмѣстѣ и ректора Академіи²⁾ къ тому же достоинству, а для сего потребовать отъ него (самъ онъ не рѣшится) какого нибудь трактата богословскаго.—Хорошо бы еще повесить и инспектора нашего³⁾), который въ этомъ званіи какъ-то слишкомъ не нравится нашему обществу академическому.

Владыки наши здравствуютъ. Но старшій Владыка, послѣ болѣзни, сталъ болѣе остороженъ—и болѣе домо-сѣдствуетъ.

Мы вступили было въ зиму (Днѣпръ на нѣсколько дней остановился), а теперь опять у насъ осень—и тепло и грязно.

20 ноября 1847 г.

(Сбираюсь въ Лавру, гдѣ назначена мнѣ проповѣдь).

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ректора семинаріи, архим. Антонія.

²⁾ Архимандрита Дмитрія.

³⁾ Феофана (Авсенева).

татъ испытанія вообще удовлетворительнымъ, Коммиссія въ то же время долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи слѣдующія наблюденія, сдѣланныя ею на основаніи экзаменскихъ отвѣтовъ воспитанниковъ семинаріи. Прежде всего Коммиссіею было усмотрѣно, что ея замѣчанія въ прежнихъ отчетахъ о томъ, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ въ замѣнъ одобреннаго Святѣйшимъ Синодомъ учебника по логикѣ были употребляемы, при преподаваніи логики, другія руководства по этой наукѣ, по видимому не остались безслѣдными, по крайнѣй мѣрѣ изъ отвѣтовъ воспитанниковъ не видно было, чтобы подобнаго рода отступленія были допускаемы въ семинаріяхъ и въ настоящее время. Къ сожалѣнію Коммиссія имѣла нѣсколько случаевъ убѣдиться въ томъ, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, при преподаваніи логики, допускается другаго рода отступленія отъ принятой программы по этой наукѣ: это совершенно непознанныя и нежелательныя сокращенія и выпуски нѣкоторыхъ очень важныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ программѣ. Подобное сокращеніе и выпуски сказывались въ отвѣтахъ воспитанниковъ недостаточно яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ логическихъ приѣмовъ и ихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу. Было также замѣчено слабое знакомство воспитанниковъ съ практической стороною логики; большинство изъ нихъ крайне затруднялось въ приведеніи примѣровъ и разъясненіи на нихъ тѣхъ или другихъ логическихъ дѣйствій. Въ виду этого было бы желательно, 1) чтобы логика проходила въ семинаріяхъ въ объемѣ утвержденной программы безъ всякихъ сокращеній и выпусковъ и 2) чтобы должное вниманіе обращалось на практическія упражненія воспитанниковъ при изученіи ими логики⁴.

Г) Коммиссія, производившей приѣмныя испытанія по греческому языку:

„Воспитанники семинаріи, экзаменовавшіеся по греческому языку при поступленіи въ Академію, оказались достаточно знакомыми съ тѣми писателями, которые были

предложены имъ для перевода,—Омиромъ, Димосееномъ и Платономъ. Многие изъ нихъ почти свободно переводили означенныхъ писателей и обнаружили познанія, свидѣтельствующія объ ихъ навыкѣ и умѣньи обращаться съ произведеніями, писанными на аттическомъ и іоническомъ діалектѣ. Общій уровень познаній по греческому языку выразился въ слѣдующихъ баллахъ: восемь человекъ получили высшіе баллы (5 и $4\frac{1}{2}$), двадцать девять очень хорошіе (4 и $3\frac{1}{2}$), шестнадцать—хорошіе (3) и пять—не вполне удовлетворительные и посредственные ($2\frac{1}{2}$ и 2). Лучшіе отвѣты дали воспитанники семинарій: подольской (двое получили 5 и $4\frac{1}{2}$), тульской (одинъ получилъ $4\frac{1}{2}$, а другой 4+), воронежской (оба по 4+), (киевской изъ 12 воспитанниковъ одинъ получилъ 5, трое по 4, четыре по $3\frac{1}{2}$ и четыре—по 3), курской (всѣ трое—по 4) и одесской (одинъ— $4\frac{1}{2}$ и одинъ 3+). Изъ нѣкоторыхъ семинарій воспитанники давали смѣшанные отвѣты, за которые получили высшіе и низшіе баллы. Такъ, изъ черниговской семинаріи одинъ получилъ 5, другой— $2\frac{1}{2}$; изъ полтавской—одинъ $4\frac{1}{2}$, а другой 2; изъ кишиневской—двое по 2, третій $3\frac{1}{2}$ и четвертый 4; изъ рязанской одинъ получилъ $2\frac{1}{2}$, а остальные 3, $3\frac{1}{2}$ и 4; такъ что на основаніи балловъ, полученныхъ на экзаменѣ воспитанниками трудно судить о преподаваніи греческаго языка въ той или другой семинаріи. Во всякомъ разѣ слѣдуетъ пожелать:

1) чтобы воспитанники семинаріи отчетливѣе усвоили этимологическія и синтаксическія правила, такъ какъ они иногда смѣшивали формы самыхъ употребительныхъ глаголовъ (напр. γίνωσκω, γίνωμαι), или же вовсе не знали основныхъ временъ чаще другихъ встрѣчающихся глаголовъ (ἔχω, διδάσκω, βαίνω), а также не имѣли яснаго представленія объ употребленіи залоговъ, падежей, предлоговъ и даже члена;

2) чтобы они возможно чаще были упражняемы въ письменныхъ работахъ и черезъ это избѣгали бы грубыхъ орфографическихъ и просодическихъ ошибокъ и

3) чтобы познакомились (хотя въ общихъ чертахъ) какъ съ содержаніемъ переводимыхъ въ семинаріяхъ авторовъ, такъ съ исторіею и мѣологіею Греціи. На экзаменѣ одни изъ воспитанниковъ не могли передать содержанія Иліады, или рѣчей Демосеена, другіе не знали, въ какой части Греціи находятся Аѣины, Спарта, Олимпъ, а нѣкоторые не имѣли представленія о богахъ греческихъ—Зевсѣ, Афродитѣ, Посидонѣ, Ирѣ, Аѣинѣ и т. п.⁴.

Д) Коммиссіи, производившей приемныя испытанія по латинскому языку:

„Лучшія познанія по латинскому языку обнаружены воспитанниками, присланными на казенный счетъ. Такъ высшій баллъ 5 изъ 24 казеннокоштныхъ воспитанниковъ получили четверо, а изъ 35 волонтеровъ только двое. Наиболѣе удовлетворительныя отвѣты принадлежатъ воспитанникамъ тульской, калужской и черниговской семинарій, а наиболѣе слабые—воспитанникамъ костромской и кишиневской семинарій. Недостатки въ отвѣтахъ были въ общемъ тѣ же, на которые и прежде коммиссія обращала вниманіе, а именно: отсутствіе должной осмысленности въ чтеніи, предшествующемъ переводу, недостаточное вниманіе въ смыслъ переводимыхъ мѣстъ и въ синтаксическій строй, вслѣдствіе чего экзаменующіеся часто переводятъ отдѣльныя слова, не обращая надлежащаго вниманія на ихъ взаимную связь и на мысль, выражаемую ими, нетвердое знаніе грамматики и особенно синтаксиса, просодіи и метрики (нѣкоторые изъ экзаменовавшихся даже заявили, что они не только въ училищахъ, но и въ семинаріяхъ читали поэтовъ безъ соблюденія просодическихъ и метрическихъ требованій), незнаніе значенія многихъ весьма употребительныхъ словъ (напр. ingenium, castra, moenia, proficisci, intra и т. под.), смѣшеніе синонимовъ и омонимовъ (напр. aether, ater и aeternus, seri и coeri, bidens и bibens)⁴.

Е) Коммиссіи изъ двухъ преподавателей о достоинствѣ

сочиненій на тему *богословскаго содержания*, писанных на приемномъ экзаменѣ въ августѣ 1885 года:

„Богословскія сочиненія на тему: „церковное преданіе и его значеніе въ богословской наукѣ и религіозной жизни“. Всѣ эти сочиненія въ общей совокупности въ достаточной мѣрѣ исчерпываютъ содержаніе темы, предлагая отвѣты на слѣдующіи три вопроса: 1) что разумѣется подѣ церковнымъ преданіемъ? 2) какое оно имѣетъ значеніе въ богословской наукѣ и 3) въ религіозной жизни? Почти всѣ сочиненія правильно и довольно точно отвѣчаютъ на первый вопросъ и только въ трехъ-четырехъ сочиненіяхъ замѣтно неясное представленіе о церковномъ преданіи. Въ большей части сочиненій находимъ удовлетворительный отвѣтъ и на второй вопросъ; но уже значительное число ихъ не даетъ примаго отвѣта на вопросъ, разсуждая о значеніи преданія вообще въ христіанствѣ или въ первыхъ христіанскіяхъ вѣках, или же выясняя значеніе преданія въ изъясненіи св. писанія и въ опредѣленіи подлинности св. книгъ и т. п. Наоборотъ, авторы большей части сочиненій не дали обстоятельнаго отвѣта на третій вопросъ, ограничиваясь общими и неопредѣленными сужденіями о значеніи церковнаго преданія въ религіозной жизни, а нѣкоторые и совсѣмъ ничего не сказали о семъ предметѣ.

Въ литературномъ отношеніи сочиненія вообще удовлетворительны, хотя въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ встрѣчаются грамматическія ошибки и нескладныя выраженія. Лучшія сочиненія написаны воспитанниками семинарій: кіевской, курской, екатеринославской, кишиневской, наиболѣе слабыя сочиненія принадлежатъ воспитанникамъ подольской семинаріи“.

Ж) Комиссіи изъ преподавателей о достоинствѣ сочиненій *по философіи*, писанныхъ студентами семинаріи на приемномъ испытаніи въ академіи въ августѣ сего 1885 года:

„За исключеніемъ весьма немногихъ, остальные сочиненія не отличаются никакими особыми достоинствами, такъ что

послѣ прочтенія ихъ не остается даже никакихъ опредѣленныхъ впечатлѣній: до того большинство сочиненій однообразны и безхарактерны и по содержанію и по изложенію. Улучшенія противъ прежняго времени не замѣчается; недостатки, указанные въ прежнихъ отзывахъ, встрѣчаются и теперь“.

3) Комиссія изъ двухъ преподавателей о достоинствѣ сочиненій на тему *литературнаго содержанія*, писанныхъ на пріемномъ экзаменѣ въ августѣ 1885 года:

„Сочиненія по русской словесности сравнительно съ сочиненіями прежнихъ лѣтъ представляютъ одно отрадное преимущество—отсутствіе грубыхъ ошибокъ противъ принятаго правописанія. Только лишь у одного изъ державшихъ экзаменъ (не принятаго) встрѣтилось опущеніе ѣ въ неокончательномъ наклоненіи. Частѣ случаи неправильнаго употребленія знаковь препинанія. Особенно рѣзко бросается въ глаза рѣшительное злоупотребленіе *тире* и *занятой*. Если принять во вниманіе, что ошибочное употребленіе знаковь препинанія послѣдовательно повторяется при извѣстномъ строѣ предложенія, то нужно будетъ признать, что ошибки происходятъ не столько отъ недостатка навыка, сколько отъ дурной теоріи.

Но отдавая справедливое безспорному успѣху въ грамотности, въ то же время нельзя не отмѣтить и явленія, по нашему мнѣнію, очень неутѣшительнаго—полнаго отсутствія выдающихся сочиненій. Преимущество одного сочиненія предъ другимъ сводится лишь къ большей или меньшей правильности, чистотѣ и плавности рѣчи; но нѣтъ ни одного сочиненія, которое выдѣлялось бы глубиною мысли, силою доводовъ или предпочтительнымъ знаніемъ предмета. Если принять во вниманіе значительное число державшихъ экзаменъ, то едва ли подобное явленіе можно объяснить случайностію. Видимо, что при упражненіяхъ обращалось исключительное вниманіе на внѣшнія качества работы: грамотность и языкъ, который однако въ сочиненіяхъ студен-

товъ нѣкоторыхъ семинарій не перестаетъ быть вычурнымъ и напыщеннымъ, и не поощрялось углубленіе въ предметъ, какъ путемъ самостоятельнаго размышленія, такъ и посредствомъ знакомства съ выдающимися и наиболее подходящими печатными трудами, разумѣется, по указанію наставника. А для этого необходимо нѣкоторыя изъ письменныхъ упражненій, особенно въ высшихъ классахъ, давать на болѣе продолжительный срокъ и предъявлять къ нимъ болѣе требованій какъ въ отношеніи внѣшнихъ, такъ и въ отношеніи внутреннихъ достоинствъ работы*.

Постановлено: Довесенія экзаменаціонныхъ комиссій приобщить къ дѣлу о приемѣ въ семь году воспитанниковъ въ Кіевской Академіи, а копіи съ нихъ приложить къ представленію въ Святѣйшій Синодъ о послѣдствіяхъ состоявшаго приема.

XII. Прошеніе псаломщика при Институтской церкви Александра *Флоринскаго* отъ 28 сентября на имя Высокопреосвященнаго Платона митрополита Кіевскаго: „Окончивъ въ настоящемъ году полный курсъ наукъ въ Кіевской духовной Семинаріи по второму разряду и занявъ мѣсто псаломщика при Институтской церкви во имя святыхъ мученицы Царьцы Александры, я имѣю желаніе продолжать изученіе богословскихъ наукъ въ духовной Академіи. Посему обращаюсь къ Вашему Высокопреосвященству со смиреннѣйшею просьбою о разрѣшеніи мнѣ слушать лекціи во избрѣнной Вашему Архипастырскому попеченію Кіевской духовной Академіи. При семъ имѣю представить и мое свидѣтельство объ окончаніи курса Кіевской духовной Семинаріи*.

На семь прошеніи Его Высокопреосвященствомъ положена такая резолюція: „1 окт. 1885 г. Имѣетъ Правленіе Кіевской духовной Академіи доложить мнѣ, можетъ ли проситель допущенъ быть къ слушанію богословскихъ лекцій въ ней? Настоящее прошеніе, съ приложеннымъ къ нему свидѣтельствомъ, возвратить мнѣ*.

Справка: По VI ст. журнала Совѣта Академіи отъ 2 сентября 1885 года въ просьбѣ окончившаго курсъ ученія въ Подольской дух. Семинаріи Мих. Семперовича о допущеніи къ слушанію лекцій въ Академіи было отказано на томъ основаніи, что съ половины 1884 года, въ силу вновь введеннаго въ Академіи устава, не существуетъ въ ней особой категоріи учащихъся подъ именемъ слушателей.

Постановлено: По предмету прошенія Александра Флоринскаго доложить Его Высокопреосвященству слѣдующее: по новому уставу духовныхъ Академій, Высочайше утвержденному 20 апрѣля 1884 года, слушатели, допускаяшіеся по § 8 прежняго устава ихъ, исключены изъ числа учащихъся въ Академіи (объяснительная записка къ уставу дух. акад. стран. 37) и потому „допущеніе постороннихъ слушателей“, бывшее по прежнему уставу (§ 86 А. 2) въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію Совѣта Академіи, изъято по новому уставу совсѣмъ изъ вѣдѣнія Совѣта; япрочемъ, отрицая существованіе вольныхъ слушателей въ академіи, какъ не полезнаго для нея элемента, новый уставъ (115 §) призналъ возможнымъ къ слушанію лекцій допускать по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго и постороннихъ лицъ, но только, какъ сказано въ объяснительной запискѣ „извѣстныхъ ему какъ любовію къ духовной учености, такъ и своею доброю нравственностію“, а потому Совѣтъ Академіи съ своей стороны по содержанію прошенія А. Флоринскаго можетъ дать не иное заключеніе, какъ отрицательное.

XIII. Отношеніе Совѣта Московской дух. Академіи отъ 13 сентября за № 462: „Совѣтъ Московской дух. Академіи, имѣя нужду въ принадлежащей Кіевской дух. Академіи рукописи бібліотеки митрополита Московскаго Макарія № 15, содержащей въ себѣ „Пренія о вѣрѣ Арсенія Суханова“ съ раскольническими добавленіями, покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской дух. Академіи о высылкѣ озна-

ченной рукописи на трехмѣсячный срокъ, по минованіи котораго она будетъ возвращена въ совершенной цѣлости и исправности“.

Постановлено: Макаріевскую рукопись № 15 выслать въ Московскую духовную Академію на трехмѣсячный срокъ.

XIV. Прошенія преподавателей Академіи:

а) ординар. профессора Н. Петрова отъ 5 октября: „Для студента IV курса Кіевской духовной Академіи Махова нужны, при составленіи имъ диссертациі на ученую степень, слѣдующія рукописи: 1) *Scientia sacra, disputationibus theologicis sanctae ecclesiae orientali scripturae et patribus consentaneis, speculative et controversae illustrata in Collegio Petra-Alexieviano Mosquensi ann. 1706—1710.* (Рукоп. Москов. дух. Академіи, №№ 255, 257, 262, 271, 273 и 274). 2) Иго Господне благо и бремя его легко, сіе есть законъ Божій, съ заповѣдями своими отъ призрачныхъ новоязымысленныхъ тяжестей и неудобствъ противническихъ свободенъ и проч., соч. ректоромъ Теофилактомъ Допатинскимъ (Рукоп. Московской дух. Академіи). 3) Неправда раскольническая, которую на себя объявили Выгорѣцкіе пустосвяты въ отвѣтахъ на вопросы, поданные имъ отъ честнаго іеромонаха Неофита, — въ спискѣ 1740 года, принадлежавшемъ Архангельскому епископу Варсоноію (Рукопись библиотеки Архангельской семинаріи № 532). 4) Біографическій каталогъ тверскихъ архіепископовъ, Евдокимова (Рукопись тверской семинаріи). Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи отнестись, куда слѣдуетъ, о высылкѣ этихъ рукописей на непродолжительное время для студента Махова подъ моею отвѣтственностію за цѣлость и сохранность рукописей“.

б) Доцента Ал. Дмитріевскаго отъ 15 октября: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи выписать для ученыхъ работъ необходимыя рукописи изъ библиотекъ—Московской синодальной: служебники XIV вѣка № 601 (по опи-

санію 344), № 578 (345) и XVI в. № 612 (356) и уставы № 337 (389) и № 321 (393) и изъ Казанской дух. Академіи (бывшей Соловецкаго монастыря) уставы № 1128, № 1127 и № 1118, часословъ № 1146 и списокъ гениадіевскаго окозрительнаго устава, срокомъ на три мѣсяца“.

в) Доцента Влад. Завитневича отъ 18 октября: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Кіевской духовной академіи свестись съ управленіемъ С-Петербургской Императорской Публичной Библиотеки о высылкѣ на мѣсячный срокъ въ Академію слѣдующихъ старопечатныхъ сочиненій: 1) *Kaokol któru roz-siewa Stephanek Zizania w cerkwiach Russkich w Wilnie (Wilno w drukarni Bractwa cerkiewnego) Жербовскаго (1595)*, 2) *Plewuy Stephanka Zyzaaniey, Heretyka, z cerkwi Russkiej wykłętego (Wilno in 4) 1596 г.*, и 3) *Казанье св. Кирилла объ Антихристѣ Стефана Зизанія (1596)*.

Постановлено: О высылкѣ просимыхъ наставниками Академіи книгъ для временнаго пользованія отвѣстись въ Правленія подлежащихъ учреждений.

XVI. Предложеніе члена Совѣта Академіи профессора *Акима Олесницкаго:* „Честь имѣю довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что въ числѣ поступившихъ вновь въ Кіевскую Академію студентовъ не нашлось ни одного, который имѣлъ бы какія нибудь свѣдѣнія въ общихъ основахъ еврейской грамматики, большинство студентовъ не знакомы съ простымъ чтеніемъ. Это обстоятельство ставить въ затрудненіе и меня, такъ какъ, начиная занятіе съ студентами съ алфавита, я долженъ слишкомъ сократить свой курсъ еврейскаго языка и археологіи,—и самихъ студентовъ, которымъ при сложности другихъ студенческихъ занятій въ Академіи, нелегко преодолевать тѣ трудности, которыя неизбѣжны при первомъ ознакомленіи съ совершенно новымъ шрифтомъ и первыми лексическими и грамматическими основаніями языка. Мало того, совершенное незнакомство студентовъ съ

еврейскимъ языкомъ затрудняетъ преподавателей св. писанія ветхаго завета и библейской исторіи. По крайней мѣрѣ на годичныхъ экзаменахъ по этимъ предметамъ нерѣдко приходится встрѣчать, что студенты приводятъ еврейскія фразы, въ значеніи которыхъ не могутъ дать отчета. Между тѣмъ ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ въ самой Академіи невозможно всѣмъ студентамъ, по необязательности этого предмета.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ покорно прошу Совѣтъ Академіи, буде возможно, ходатайствовать о томъ, чтобы 1) Семинарскія Правленія обязывали предназначенныхъ къ поступленію въ Академію учениковъ ознакомиться съ элементарною еврейскою грамматикою; 2) въ самой Академіи изученіе еврейскаго языка и библейской археологіи сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ студентовъ, какъ это было до 1869 года“.

Справка: По новому, Высочайше утвержденному 20 апрѣля 1884 года уставу духовныхъ Академій (§ 101) „еврейскій языкъ и библейская археологія отнесены къ одной изъ двухъ параллельныхъ группъ наукъ, именно филологической или литературной. Поэтому они изучаются тою частію студентовъ, которые записываются на эту группу; а записывающіеся на другую группу наукъ—историческихъ—вовсе не изучаютъ еврейскаго языка и библейской археологіи. —По новому же, Высочайше утвержденному 22 августа 1884 года, уставу духовныхъ Семинарій (§ 121) еврейскій языкъ преподается только для желающихъ; а изъ 1 примѣчанія къ расписанію уроковъ по учебнымъ предметамъ въ семинаріяхъ, приложенному къ уставу ихъ, видно, что уроки по еврейскому языку полагаются внѣ класснаго времени.

Постановлено: Предложеніе профессора Ак. Олесницкаго принять въ виду важности еврейскаго языка для высшаго

богословскаго образованія и установленнымъ порядкомъ представить на разрѣшеніе Святѣйшаго Синода.

XVII. Отзывъ экстраорд. профессора Академіи Петра Лашкарева о сочиненіи преподавателя Кіевской дух. Семинаріи Павла Забѣлина подъ заглавіемъ „Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской церкви и церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской церкви“.

„Издавая свое сочиненіе въ свѣтъ, авторъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ въ виду двѣ цѣли: съ одной стороны онъ желалъ удовлетворить настоятельной нуждѣ нашихъ пастырей „въ возможно полномъ и систематическомъ собраніи каноническихъ постановленій Вселенской церкви и дѣйствующихъ церковно-гражданскихъ постановленій Русской церкви относительно всѣхъ ихъ правъ и обязанностей“, съ другой—полагалъ дать нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ подходящее и болѣе или менѣе полное руководство по предмету практическаго руководства для пастырей, котораго заведенія эти не имѣютъ (предисл.).

Чтобы сочиненіе г. Забѣлина удовлетворяло указаннымъ цѣлямъ, автору нужно было соединить въ немъ трудъ и приемы кодификатора съ трудомъ и приемами преподавателя-педагога. Относительно перваго требованія авторъ говоритъ: „мы старались сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы наша книга, за недостаткомъ надлежащей кодификаціи церковнаго законодательства, была возможно-полнымъ и въ то же время систематическимъ собраніемъ такихъ каноническихъ постановленій и церковно-гражданскихъ постановленій нашей церкви, знаніе которыхъ совершенно необходимо для служителей церкви—пресвитеровъ въ ихъ жизни и дѣятельности (предисл. ко 2 ч. стр. IV)“, при чемъ поясняетъ: „самыя постановленія и правила церкви вселенской и русской мы старались приводить съ буквальною точностію, насколько это было возможно безъ нарушенія систематичности и другихъ литературныхъ требованій, а въ видахъ уясненія

истиннаго смысла и значенія правилъ и постановленій церковныхъ мы нерѣдко сопоставляли одни съ другими, справлялись съ свидѣтельствомъ исторіи, обращались къ толкованіямъ лучшихъ законовѣдовъ церкви“ и проч. (тамъ же стр. II). Трудъ же и приемы преподавателя-педагога ограничились, по словамъ автора же, слѣдующимъ. Какъ въ первой, такъ и въ послѣдующихъ частяхъ своей книги, говоритъ онъ, мы излагали каноническія постановленія вселенской церкви и церковно гражданскія постановленія русской церкви совсѣмъ отдѣльно одни отъ другихъ. Такъ поступили мы, руководствуясь желаніемъ полнѣе изложить какъ постановленія церкви вселенской, такъ и постановленія церкви русской, обстоятельнѣе опредѣлить возрѣвія церкви вселенской на всѣ стороны жизни и дѣятельности пастырской и возрѣвія церкви отечественной на тотъ же предметъ, ясное и нагляднѣе показать согласіе дѣйствующаго права практики церкви русской относительно правъ и обязанностей пастырскихъ съ духомъ законодательства церкви вселенской и такимъ образомъ облегчить для читателей возможно болѣе полное пониманіе не только буквы закона, которымъ долженъ руководиться пастырь церкви русской, но и самаго духа этого закона, его смысла и значенія“ (тамъ же стр. I. II). Для той же цѣли, уясненія смысла и значенія тѣхъ или другихъ постановленій, авторъ, по его же словамъ, останавливалъ вниманіе на „распоряженіяхъ, опредѣленіяхъ разныхъ епархіальныхъ начальствъ, юридическую компетентность которыхъ въ дѣлѣ разумнѣя положительнаго закона нельзя не признать“, отдавая впрочемъ имъ мѣсто въ примѣчаніяхъ.

Но всѣ эти личныя объясненія автора относительно цѣлей его книги, и того труда и приемовъ, какіе приложилъ онъ для достиженія этихъ цѣлей, при разсмотрѣніи самаго сочиненія оказываются, къ сожалѣнію, только *издательскимъ приѣмомъ*. Книга автора не представляетъ собою ни того, что называется сводомъ, ни того, что могло бы дѣйстви-

тельно служить руководствомъ при изложеніи или изученіи такъ называемаго „практическаго руководства для пастырей“.

Авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на три части, подраздѣляя каждую изъ нихъ на особые отдѣлы, и въ каждомъ изъ послѣднихъ излагаетъ сперва „каноническія постановленія христіанской церкви“, опредѣляющія тѣ или другія права и обязанности пресвитеровъ относительно извѣстнаго предмета, а затѣмъ „церковно-гражданскія постановленія Русской церкви“ относительно тѣхъ же правъ и обязанностей. Но то, что онъ называетъ каноническими постановленіями христіанской церкви, вовсе не суть постановленія вселенскихъ или помѣстныхъ соборовъ или правила св. отцовъ, *приводимыя съ буквальною точностію*. Это трактаты самаго автора, основанныя на его личномъ изученіи предмета, подрѣпляемыя ссылками на каноны, но буквальныйъ смысломъ каноновъ далеко не всегда оправдываемыя и толкованіями православныхъ канонистовъ вообще не проверенныя. Не только требованіямъ свода, но и обычнымъ требованіямъ ученой работы эта часть сочиненія г. Забѣлина не вполне удовлетворяетъ. Болѣе приближаются по своему характеру къ своду тѣ части отдѣловъ, которыя озаглавливаются какъ „Церковно-гражданскія постановленія Русской церкви“, но и то далеко не всегда. Насколько и въ этой части авторъ „старается облегчить для читателей возможно болѣе полное пониманіе не только буквы закона, но и самаго духа этого закона, его смысла и значенія“,—онъ и въ этой части, вмѣсто свода дѣйствующаго права, даетъ по этому праву собственное руководство, нерѣдко довольно сомнительнаго достоинства. „Лучшими законовѣдами церкви“, которымъ онъ при этомъ слѣдуетъ, оказываются, между прочимъ, составители книжекъ, озаглавливаемыхъ „практическими руководствами для священниковъ“, или даже—составители статейъ для журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, включая въ ихъ число и самаго же автора.

Что же касается предположенія автора дать въ своей книгѣ совмѣстно съ систематическимъ сводомъ права и учебникъ по предмету преподаваемой въ семинаріяхъ науки „практическаго руководства для пастырей“, то это предположеніе автора, по нашему мнѣнію, есть слѣдствіе простаго недоразумѣнія его. Какъ видно изъ введенія къ книгѣ, авторъ встрѣтился съ подраздѣленіемъ права церковнаго *на общее или вселенское*, называемое также и *основнымъ* (въ извѣстномъ смыслѣ), и на частное или (что якобы одно и тоже) дѣйствующее право—практику (?) той или другой помѣстной церкви (введ. стр. 2 и 3). Не отдавъ себѣ должнаго отчета въ томъ, насколько подобное раздѣленіе права логически правильно и отвѣчаетъ существу дѣла, но соблазнившись названіемъ дѣйствующаго права практикою церкви, авторъ и порѣшилъ, что сводъ такого права, насколько оно можетъ касаться и касается пресвитеровъ, и будетъ тѣмъ, что рекомендуется для преподаванія въ семинаріяхъ подъ именемъ „практическаго руководства для пастырей“.

Но оставивъ въ сторонѣ широкія задачи, рѣшеныя якобы авторомъ въ его сочиненіи, а на дѣлѣ оказавшіяся для него непосильными; игнорировавъ авторскія предисловія и введенія, посвященныя разъясненію этихъ задачъ и способа ихъ выполненія, оставшихся только въ желаніи для него; игнорировавъ подсказанныя этими задачами, но существу дѣла несоотвѣтствующія, многія изъ оглавленій, данныхъ авторомъ разнымъ частямъ и отдѣламъ его сочиненія; и рассматривая книгу автора просто какъ обзоръ церковнаго и церковно-гражданскаго законодательства примѣнительно къ разнаго рода служебнымъ обязанностямъ и житейскимъ отношеніямъ священниковъ приходскихъ, сочиненію г. Забѣлина можно не отказать въ нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствахъ. Прежде всего такимъ достоинствомъ является полнота обзоръ. Авторъ не упустилъ изъ виду ни одной изъ сторонъ въ служебной дѣятельности и житейскихъ отношеніяхъ приходскаго священника, и при-

валъ въ соображенію по возможности все, важное и неважное, что въ существующемъ законодательствѣ, въ распоряженіяхъ епархіальныхъ начальствъ, даже—въ нѣкоторыхъ книжкахъ и журнальныхъ статейкахъ можетъ послужить священнику указаніемъ или руководствомъ на тотъ или другой случай. Эта полнота свидѣтельствующая о несомнѣнномъ трудолюбіи автора, пріятно дѣйствующемъ на читателя его книги, и оставляетъ въ послѣднемъ чувство удовлетворенности, не смотря на тѣ или иные недостатки сочиненія. Другое достоинство книги заключается въ ясности и послѣдовательности изложенія, замѣчаемыхъ особенно въ отдѣлахъ, посвященныхъ русскому церковно-гражданскому законодательству. Эти послѣдніе отдѣлы, насколько приближаются именно къ своду дѣйствующаго законодательства, могутъ быть признаны пріобрѣтеніемъ цѣннымъ для духовной литературы. Въ этой послѣдней части книга г. Забѣлина можетъ служить полезной справочною книгою и для священника, и отчасти для преподавателя.

Принимая во вниманіе эти достоинства книги г. Забѣлина, а особенно его несомнѣнное трудолюбіе, обещающее въ будущемъ исправленіе замѣченныхъ выше недостатковъ въ его настоящей ученой работѣ, можно не отказать ему въ искомой имъ степени магистра“.

Справка: Сочиненіе свое кандидатъ Павелъ Забѣлинъ представилъ въ Совѣтъ Академіи 5 іюня 1885 г. отпечатаннымъ. Рассмотрѣніе его поручено экстраорд. профессору Петру Лашкареву по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня 1885 года (ст. II). Пав. Забѣлинъ окончилъ полный курсъ наукъ въ Кіевской духовной Академіи въ іюнь 1873 года и, при окончаніи курса, за отличное поведеніе и успѣхи удостоенъ степени кандидата богословія съ правомъ получить степень магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія, но по представленіи удовлетворительной для сей степени диссертациі и по защищеніи ея.

Постановлено: Согласно съ рецензією профессора Петра Лашкарева сочиненіе Павла Забѣлина признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія, но сужденіе объ удостоеніи автора къ этой степени имѣть по удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта, на основаніи 136 § устава 1884 года и вызвать г. Забѣлина въ ближайшее засѣданіе Совѣта, а официальными оппонентами назначить, кромѣ рецензента г. Лашкарева, экстраординарнаго профессора Василія Милинина и доцента Ал. Дмитриевскаго.

XIX. Предложеніе Ректора Академіи о томъ, что, по примѣру прежнихъ лѣтъ, для торжественнаго собранія Академіи въ слѣдующую годовщину необходимо избрать двухъ профессоровъ, изъ коихъ на одного возложить составленіе отчета, а другому предоставить составленіе рѣчи, въ исполненіе 91 § уст. дух. акад.

Постановлено: Составленіе отчета возложить на члена Совѣта и Правленія Ив. Малышевскаго, а приготовленіе рѣчи предоставить экстраординарному профессору Василію Милинину.

XX. Предложеніе его же о приобрѣтеніи для академической бібліотеки по одному экземпляру изданій Л. Чичагова: 1) „Дневникъ пребыванія Царя Освободителя въ Дунайской Арміи“ и 2) перваго выпуска „Архива Адмирала Чичагова“ (матеріалы къ исторіи царствованія Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II).

Постановлено: О высылкѣ названныхъ книгъ отнестись къ издателю по указанному имъ адресу въ печатномъ заявленіи объ этихъ изданіяхъ.

XXI. Докладъ секретаря Совѣта Академіи о томъ, что по сметѣ Академіи въ семь 1885 году ассигнована Юсѳовская премія въ 165 р. за лучшія изъ кандидатскихъ сочиненій восписанниковъ ея, окончившихъ курсъ въ семь году.

Постановлено: Поручить профессорам Малышевскому, Пѣвницкому и Сольскому пересмотрѣть лучшія кандидатскія сочиненія воспитанниковъ послѣдняго выпуска Академіи и одно изъ нихъ болѣе отличающееся своими достоинствами рекомендовать къ награжденію.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства Митрополита Кіевскаго такая: „16 нояб. 1885 г. Утверждается“.

1885 года 29 ноября.

Въ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ ректора ея Епископа Сильвестра, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ ординар. профессора П. Ливницкаго, не бывшаго по болѣзни.

Слушам: I. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „По XVII ст. журнала Совѣта Академіи отъ 31 октября 1885 года постановлено: согласно съ рецензією профессора П. Лашкарева сочиненіе П. *Забѣлина* признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія, но сужденіе объ удостоеніи автора къ этой степени имѣть по удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта, на основаніи 136 § устава 1884 года; для чего и вызвать г. Забѣлина въ ближайшее засѣданіе Совѣта, а официальными оппонентами назначить, кромѣ рецензента г. Лашкарева, экстраординарнаго профес. Вас. Маливина и доц. Ал. Дмитріевскаго“.

Въ послѣдствіе такого постановленія Академіи въ повѣсткѣ о засѣданіи Совѣта ея на 29 сего ноября въ числѣ занятій его назначенъ былъ въ 6 часовъ вечера коллоквиумъ, который и состоялся въ этомъ собраніи въ назначенное время. Кромѣ доцентовъ и прочихъ преподавателей Академіи, при-

Протоколы.

4

глашенныхъ ректоромъ ея по силѣ примѣчанія къ 79 § уст. дух. акад., присутствовали и другіе, не принадлежащіе къ составу академіи, но приглашенные на основаніи 136 § уст. дух. акад. Совѣтомъ Академіи: преосвященные Поликарпъ епископъ Уманскій и Іеронимъ епископъ Чигиринскій, ректоръ Семинаріи архимандритъ Иринеѣ, кафедральный протоіерей о. Петръ Лебединцевъ, преподаватели мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Сначала кандидатъ Забѣлинъ далъ краткое поясненіе задачи представленнаго имъ на степень магистра сочиненія „Права и обязанности пресвитеровъ“, а за тѣмъ слѣдовали возраженія трехъ наставниковъ Академіи, назначенныхъ Совѣтомъ ея въ качествѣ официальныхъ оппонентовъ. Въ 8½ часовъ, по окончаніи возраженій оппонентовъ и данныхъ магистрантомъ отвѣтовъ или разъясненій, председателемъ Совѣта Академіи предложено членамъ его вопросъ: „удовлетворительна ли защита?“ и большинствомъ членовъ данъ утвердительный отвѣтъ.

Постановлено: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся теперь защиты г. Забѣлинымъ сочиненія его „Права и обязанности пресвитеровъ“ и на основаніи признанной прежде Совѣтомъ удовлетворительности самаго сочиненія для искомой имъ степени магистра богословія удостоить автора его этой степени и просить архипастырскаго ходатайства Высокопреосвященнѣйшаго Платона митрополита Кіевскаго предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи Павла Забѣлина въ степени магистра богословія, согласно съ уставомъ дух. академій § 81 в. 6.

По объявленіи председателемъ Совѣта сего постановленія приглашенные на коллоквиумъ лица удалились изъ зала собранія и остались въ немъ только члены Совѣта для рѣшенія дѣлъ, поступившихъ въ Академію въ теченіи ноября и подлежащихъ его разсмотрѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ 8 ноября 1885 года въ Совѣтъ Академіи „для свѣдѣнія и руководства

въ потребныхъ случаяхъ" указъ Св. Синода отъ 1 того же ноября за № 3851: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 10 минувшаго октября за № 714, журналъ Учебнаго Комитета, № 387, съ заключеніемъ этого Комитета, по возникшему, вслѣдствіе одобренія Совѣтомъ Кіевской духовной Академіи къ напечатанію сочиненія профессора той же Академіи Петрова подъ заглавіемъ „Очерки Украинской литературы“, вопросу *о правахъ Совѣтовъ духовныхъ Академій относительно цензуры книгъ, представляемыхъ на ихъ разсмотрѣніе.* Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ находитъ, что хотя представленныя Совѣтомъ Кіевской духовной Академіи основанія, расположившія его принять къ своему разсмотрѣнію сочиненіе профессора этой Академіи Петрова, подъ заглавіемъ „Очерки Украинской литературы“, и не могутъ быть признаны правильными, но принимая во вниманіе, что Академическіе Совѣты понимали § 180 устава 1869 г. слишкомъ широко и принимали къ своему разсмотрѣнію сочиненія академическихъ преподавателей не только по богословскимъ наукамъ, но и по предметамъ общеобразовательнаго курса духовныхъ Академій, издаваемыхъ отъ имени самихъ авторовъ, а не Академій, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) допущенную Совѣтомъ Кіевской Академіи неправильность въ принятіи къ своему разсмотрѣнію сочиненія профессора Петрова, подъ заглавіемъ „Очерки Украинской литературы“ (насколько оно имѣетъ отношеніе къ преподаваемой имъ исторіи русской литературы и если не заключаетъ въ себѣ вредной тенденціозности), не вѣнчать ему въ вину, предложивъ на будущее время неуклонно руководствоваться настоящимъ разъяснительнымъ постановленіемъ Святѣйшаго Синода по этому предмету. 2) Совѣтамъ духовныхъ Академій, въ разъясненіе § 173 устава духовныхъ Академій и для устраненія на будущее время

неправильностей въ примѣненіи дѣйствія этого параграфа. предложить, что а) подъ именемъ „тезисовъ и разсужденій“, о которыхъ говоритъ § 173 устава православныхъ духовныхъ академій. должно понимать тѣ ученые положенія, изслѣдованія или разсужденія, которыя написаны на учрежденныя въ академіи премія или на соисканіе ученыхъ степеней. Таковыя сочиненія, хотя бы издавались и не самими Академіями, разрѣшаются ими къ печатанію въ числѣ экземпляровъ по усмотрѣнію Академіи и авторовъ, съ обращеніемъ ихъ въ продажу; б) подъ именемъ изъятыхъ отъ цензуры „иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, издаваемыхъ академіями“, должно разумѣть сочиненія и сборники, которые Академіи издають на собственный счетъ, а также издаваемые при академіяхъ духовные журналы; в) за симъ прочія ученые и учено-литературнаго содержанія сочиненія, издаваемые не отъ имени Академіи, а отъ имени и на счетъ авторовъ—профессоровъ и прочихъ преподавателей Академій, подлежатъ, смотря по своему предмету и содержанію, дѣйствію правилъ общей или духовной цензуры; о чемъ, для зависящихъ распоряженій и исполненія, Вашему Преосвященству, Преосвященнымъ Митрополитамъ Новгородскому и С.-Петербургскому и Московскому и Архіепископу Казанскому послать указы“.

Справка: Основанія, по которымъ сочиненіе Петрова Совѣтомъ Академіи принято къ разсмотрѣнію и одобрено къ напечатанію, изложены въ III статьѣ журнала общаго собранія Совѣта отъ 30 апрѣля 1884 года (или на страницахъ 245—249 печатныхъ протоколовъ Сов. Акад. за 188^г/₄ уч. годъ).

Постановлено: Данное въ указѣ разъясненіе 173 § устава дух. академій, Высочайше утвержденнаго 20 апрѣля 1884 года, принять къ руководству на будущее время, а прочее къ свѣдѣнію.

IV. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 31 октября 1885 года за № 5191 о томъ, что по

утвержденному г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 19 текущаго октября, докладу Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ дѣйствительныя студенты Кіевской духовной Академіи Александръ Ральцевичъ и Иванъ Понятовскій опредѣлены на должность учителей въ духовныя училища, первый въ Оауретское, а послѣдній въ Горійское—по русскому и церковно-славянскому языку“.

Справка: О состоявшемся назначеніи А-ра Ральцевича и Ив. Понятовскаго дано знать имъ повѣстками отъ 7 ноября за № 958 и 959.

Постановлено: Отношеніе, за сдѣланнымъ по нему распоряженіемъ, приобщить къ дѣлу объ опредѣленіи на службу воспитанниковъ Академіи окончившихъ курсъ въ семъ 1885 г.

V. Отношенія: а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 30 октября 1885 года за № 1085 съ препровожденіемъ на мѣсячный срокъ трехъ принадлежащихъ ей книгъ: 1) Kąkol który rozsiewa Stephanek Zizania w cerkwiach Ruskich w Wilnie 1595 г. 2) Plewy Starpanka Zizaniej Heretyka z cerkwie Ruskiej wykłątego. Wilno 1596 г. и 3) Казанье св. Кирилла объ антихриствъ, Стефана Зизанія Вильно 1596 г.

б) Правленія Тверской дух. Семинаріи отъ 12 ноября за № 1041 съ препровожденіемъ на мѣсячный срокъ рукописи подъ заглавіемъ „Каталогъ Преосвященныхъ Тверскихъ“, Евдокимова.

в) Прокурора Московской Св. Синода Конторы отъ 23 ноября за № 2511 съ препровожденіемъ изъ Московской Синодальной библіотеки на трехмѣсячный срокъ принадлежащихъ ей рукописей за №№ 601/1000, 600/1000, 614/1000, 611/1000 и 611/1000.

г) Совѣта Московской духовной Академіи отъ 25 ноября за № 675 съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ принадлежащихъ ей рукописей: Sancta Sacra, disputationibus theologicis sanctae ecclesiae orientali, scriptarum, conciliis et

patribus consentaneis, speculative et controversae illustrata in Collegio Petro-Alexiovioano Mosquensi ann. 1706—1710 (Рукоп. №№ 255, 257, 259, 262, 271, 273 и 274), а также рукописи за № 127/333.

Справка: Книги, поименованныя въ первомъ отношеніи, Совѣтомъ Академіи выписаны по просьбѣ доцента Вл. Завитяевича, а во второмъ—по просьбѣ профессора Ник. Петрова; своевременно по полученіи съ почты выданы были для пользованія, а нынѣ ими возвращены въ Совѣтъ для отсылки по принадлежности. Что касается до рукописей, упомянутыхъ въ третьемъ и четвертомъ отношеніяхъ, то онѣ еще не получены съ почты. Онѣ вытребованы по просьбѣ доцента А. Дмитриевскаго и профессора Ник. Петрова.

Постановлено: Въ Управление Императорской Публичной Библіотеки три книги и въ Правленіе Тверской дух. Семинаріи рукопись, за минованіемъ надобности въ нихъ, возвратить съ выраженіемъ благодарности; а о рукописяхъ Московской духовной Академіи и Московской Синодальной Библіотеки увѣдомить, какъ скоро онѣ будутъ получены съ почты.

VII. Внесенную въ Совѣтъ Академіи ректоромъ ея *вѣдомость о лекціяхъ, опущенныхъ т. е. преподавателями въ октябрь мѣсяцъ 1885 года.* По сей вѣдомости значится, что опущены лекціи.

а) по болѣзни:

1) по психологіи орд. заслуж. проф. Поспѣховымъ 2 л.л. (15 и 26 ч.ч.),

2) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ орд. проф. Петровымъ 1 л. (2 ч.),

3) по церковному праву экстраорд. проф. Дашкаревымъ 2 л.л. (14 ч.),

4) по логикѣ и метафизикѣ и. д. доцента Ефремовымъ 1 л. (16 ч.),

5) по русской гражданской исторіи доцентомъ Завитневичемъ 1 л. (3 ч.),

6) по французскому языку лекторомъ Штрогоферомъ 2 л. (28 ч.);

б) *вслѣдствіе отбыванія обязанности присяжнаго застѣдателя въ Окружномъ Судѣ:*

1) по исторіи русской церкви ординар. профес. Малышевскимъ 7 л.л. (7, 8, 11, 15, и 19 ч.ч.),

2) по русскому и церковно-славянскому языку и исторіи русской литературы экстраорд. профес. Маливинымъ 7 л.л. (7, 8, 12, 15 и 19 ч.ч.),

3) по латинскому языку экстраорд. профессоромъ Дроздовымъ 8 л.л. (7, 10, 15 и 17 ч.ч.).

Постановлено: Записать въ протоколъ настоящаго за-сѣданія для напечатанія въ академическомъ журналѣ по силѣ VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладную записку заслуж. ординар. профессора Академіи Ив. *Малышевскаго* о томъ, не признаетъ ли Совѣтъ Академіи возможнымъ выписать изъ Императорской Публичной Библіотеки на мѣсячный срокъ необходимыя для него слѣдующія три книги: 1) Грамматика Словенска, Зизанія. Въ Вильнѣ, 1596 г., 2) Наука ку читанію и разумѣнію писма словенскаго, Зизанія. Въ Вильнѣ 1596 г. и 3) Грамматика Словенская, Мелетія Смотрицкаго. 1619 года. В. Евю.

Постановлено: Огнестись въ Управление Императорской Публичной Библіотеки о высылкѣ трехъ книгъ, поименованныхъ въ запискѣ профессора Малышевскаго.

IX. Докладную записку исправляющаго должность доцента Феодора *Покровскаго* съ представленіемъ установленнаго числа экземпляровъ его печатнаго магистерскаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское“.

Справка: По 1 ст. журнала отъ 5 іюня 1885 года постановлено: „согласно съ рецензією профессора Акіма Олесницкаго сочиненіе Θεодора Покровскаго признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія; но сужденіе объ удостоеніи автора этой степени имѣть по полученіи сочиненія въ печатномъ видѣ и по удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта Академіи.

Постановлено: Кандидата Θεодора Покровскаго, на основаніи 136 § уст. дух. акад., допустить къ коллоквиуму для защищенія представленнаго имъ на степень магистра сочиненія; для сего вызвать его въ ближайшее засѣданіе Совѣта, а официальными оппонентами назначить ординарныхъ профессоровъ Стефана Сольскаго и Акіма Олесницкаго.

Х. Отношеніе Совѣта С.-Петербургскаго Университета отъ 11 ноября за № 1631 съ препровожденіемъ экземпляра 32 книжки протоколовъ Совѣта сего Университета за вторую половину 1884—1885 года.

Справки: Предыдущія книжки „Протоколовъ Совѣта С.-Петербургскаго Университета“, по пересмотрѣ и отмѣткѣ полезныхъ свѣдѣній для Канцеляріи Академіи, сдавались въ библіотеку Академіи.

Постановлено: Экземпляръ 32 книжки „Протоколовъ Совѣта С.-Петербургскаго Университета“ передать въ бібліотеку Академіи.

XI. Предложеніе Ректора Академіи: „По 1 пункту редакціонныхъ правилъ, утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ Митрополитомъ Кіевскимъ 6 октября 1881 года по журналу Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 11 іюня того же года, редакторы для издаваемыхъ при сей Академіи журналовъ должны быть въ сентябрѣ избираемы на два года въ общемъ собраніи наставниковъ Академіи. Въ IV ст. журнала общаго собранія Совѣта Академіи отъ 7 октября

1883 года, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 22 того же октября, записанъ актъ избранія ординарныхъ профессоровъ Василя Пѣвницкаго въ редактора „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“ и Ив. Малышевскаго въ редактора „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. На мѣсто послѣдняго, уволеннаго по прошенію, избранъ въ общемъ собраніи Совѣта 27 января 1884 года и по журналу его утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ 21 февраля того же года ординарный профессоръ Николай Петровъ въ званіи редактора. Въ виду истеченія двухлѣтія, на которое профессора В. Пѣвницкій и Н. Петровъ назначены редакторами академическихъ журналовъ, предлагаю собранію избрать редакторовъ на новое двухлѣтіе“.

По поводу предложенія Ректора Академіи наличные редакторы заявили, что на дняхъ начнется печатаніе послѣдней книжки какъ „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“, такъ и „Епархіальныхъ вѣдомостей“, и что требуется уже приготовить статьи для первыхъ книжекъ того и другаго изданія на 1886 годъ въ избѣжаніе несвоевременнаго выхода ихъ, а потому необходимо теперь же избрать новыхъ редакторовъ и на будущее время избирать заблаговременно.

По вниманію къ пріобрѣтенной опытности наличныхъ редакторовъ и въ виду неудобства для новыхъ лицъ теперь же взяться за редакторское дѣло при краткости остающагося времени до новаго года, къ началу котораго должны быть напечатаны первые книжки издаваемыхъ при Академіи журналовъ, собраніемъ Совѣта единогласно избраны въ редакторы ихъ на 1886 и 1887 годы профессора В. Пѣвницкій и Н. Петровъ, состоявшіе въ этой должности въ теченіи минувшихъ двухъ лѣтъ.

Постановлено: Для продолженія издаваемыхъ при Академіи журналовъ признать редакторами ихъ нынѣ единогласно избранныхъ для сего на новое двухлѣтіе профессоровъ В. Пѣвницкаго и Н. Петрова, поручивъ первому редак-

тированіе „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“, а второму редактированіе „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

XII. Отношеніе къ ректору Кіевской духовной Академіи учрежденнаго при Греческомъ Филологическомъ Обществѣ въ Константинополѣ распорядительнаго Комитета по устройству ученаго конгресса. Упомянувъ въ этомъ отношеніи о принятомъ намѣреніи ознаменовать двадцатипятилѣтіе его со времени основанія устройствомъ конгресса ученыхъ 16/8 августа 1886 года, Комитетъ проситъ поставить объ этомъ въ извѣстность членовъ академической корпораціи и предложить имъ принять участіе въ конгрессѣ, лично прибывъ въ Константинополь или приславъ ученый трудъ, который соотвѣтствовалъ бы программѣ предложенныхъ для конгресса вопросовъ и могъ бы быть прочитанъ въ ономъ. При этомъ отношеніи приложены уставъ конгресса и программа вопросовъ для него на греческомъ и французскомъ языкахъ.

Постановлено: Объ имѣющемъ быть въ концѣ августа 1886 года конгрессѣ, учрежденномъ Греческимъ Филологическимъ Обществомъ въ Константинополѣ, привести въ извѣстность г.г. наставниковъ Академіи.

Резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Платона митрополита Кіевского: „31 декабря 1885 г. Утверждается“.

1885 года 20 декабря.

Въ собраніи *Совѣта* Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, присутствовали ординарные и экстраординарные профессеры.

Слушам: I. Докладъ секретаря Совѣта Академіи: „Исполняющій должность доцента Академіи Теодоръ Покровский

въ февралѣ сего 1885 года представилъ въ Совѣтъ Академіи на степень магистра богословія рукописное сочиненіе свое подъ заглавіемъ „Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское“. По порученію Совѣта, разсмотрѣно сочиненіе сіе ординарнымъ профессоромъ Академіи Акимомъ Олесницкимъ и, согласно съ подробною рецензіею его, Совѣтомъ Академіи 5 іюня признано удовлетворительнымъ для искомой степени. Затѣмъ въ печатномъ видѣ названное сочиненіе г. Покровскій представилъ 29 минувшаго ноября и Совѣтъ Академіи въ тотъ же день, по IX ст. журнала своего, постановилъ: кандидата богословія **Θ. Я. Покровскаго**, на основаніи 136 § уст. дух. акад., въ ближайшее засѣданіе Совѣта допустить къ коллоквиуму для защиты представленнаго имъ на степень магистра сочиненія, а для сего официальными оппонентами назначить ординарныхъ профессоровъ **Стеф. Сольскаго** и **Ак. Олесницкаго**“.

Въ послѣдствіе такого постановленія Ректоромъ Академіи въ повѣсткѣ о засѣданіи Совѣта на 20 декабря въ числѣ занятій первымъ назначенъ былъ въ 6 часовъ вечера коллоквиумъ, который и состоялся въ назначенное время. Кромѣ доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи, приглашенныхъ ректоромъ ея по силѣ примѣчанія къ 79 § уст. дух. акад., присутствовали и другія лица, не принадлежащія къ составу Академіи, но приглашенные Совѣтомъ ея на основаніи 136 § устава: Преосвященные епископы Уманскій Поликарпъ и Чигиринскій Іеронимъ, ректоръ Семинаріи архимандритъ Ириней, преподаватели мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и законоучители гимназій. Сначала кандидатъ Покровскій далъ краткое поясненіе задачи представленнаго имъ на степень магистра сочиненія: „Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское“, а затѣмъ слѣдовали возраженія двухъ профессоровъ Академіи, назначенныхъ Совѣтомъ ея въ качествѣ официальныхъ оппонентовъ. Послѣ того возражали по собственному желанію двое изъ преподавателей Академіи **Малининъ** и **Завитъ**

невичъ, испросившіе на то предварително разрѣшеніе председателя Совѣта. Въ 9 часовъ вечера, по окончаніи возраженій официальныхъ и частныхъ оппонентовъ и данныхъ магистрантомъ на оныя отвѣтовъ или разъясненій, председателемъ Совѣта Академіи предложенъ членамъ его вопросъ „удовлетворительна ли защита“? и получилъ отъ нихъ утвердительный отвѣтъ.

Постановлено: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся теперь защиты г. Покровскимъ сочиненія его „Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское“ и на основаніи признанной прежде Совѣтомъ удовлетворительности самаго сочиненія для искомой имъ степени магистра богословія удостоить автора его этой степени и просить архипастырскаго ходатайства Высокопреосвященнѣйшаго Платона митрополита Кіевскаго предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи кандидата Федора Покровскаго въ степени магистра богословія, согласно съ уставомъ дух. акад. § 81 в. 6.

По объявленіи председателемъ Совѣта сего постановленія, приглашенныя на коллоквиумъ лица удалились изъ зала собранія и остались въ немъ только члены Совѣта для рѣшенія дѣлъ, поступившихъ въ Академію въ теченія декабря и подлежащихъ его рассмотрѣнію.

II. Представленіе трехъ членовъ Правленія Академіи отъ 18 декабря: „Изъ кандидатскихъ сочиненій, представленныхъ студентами, кончившими курсъ въ настоящемъ 1885 году, мы признали заслуживающимъ *преміи* Высокопреосвященнаго Іосифа митрополита Литовскаго сочиненіе бывшаго студента академіи, нынѣ кандидата, *Александра* Діаконова на тему: „Историческій очеркъ филологическаго изученія славянскихъ библейскихъ текстовъ“.

Постановлено: Согласно съ заключеніемъ членовъ Правленія сочиненіе кандидата Александра Діаконова удостоить

Госифской преміи въ 165 рублей, ассигнованной по смѣтѣ Кіевской духовной Академіи на 1885 годъ; о чемъ сообщить Правленію Академіи для зависающаго распоряженія о выдачѣ оной по названію.

III. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 15 декабря за № 926 съ просьбою принять участіе въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета для выработки программы VII Археологическаго Съезда въ г. Ярославлѣ и съ этой цѣлью избрать изъ среды своей депутатовъ, которыхъ Московское Археологическое Общество покорнѣйше проситъ пожаловать на засѣданіе Предварительнаго Комитета 8 января 1886 года въ Москву въ домъ Общества, что на Берсеневѣ^а.

Постановлено: Такъ какъ никто изъ профессоровъ Академіи нынѣ не находитъ для себя удобнымъ принять приглашеніе Московскаго Археологическаго Общества, то проситъ почетнаго члена Кіевской Академіи графа Мих. Влад. Толстаго принять въ качествѣ депутата отъ Академіи участіе въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета по устройству VII Археологическаго Съезда въ г. Ярославлѣ.

V. Отношенія: а) Совѣта Казанской духовной Академіи отъ 9 декабря за № 1501: „Вслѣдствіе отношенія отъ 2 ноября сего года за № 948 Совѣтъ Академіи имѣетъ честь препроводить при семъ на трехмѣсячный срокъ, пять рукописей: № ¹²²⁷/₁₁₁₂ Уставъ церковный на 1464 л.; № ¹²²⁷/₁₁₁₂ Уставъ на 489 л.; № ¹⁴²⁴/₈₀ Уставъ, рукопись анзер. скита на 666 л.; № ¹²²⁸/₁₁₁₇ Уставъ св. Филиппа Соловецкаго игумена на 63 л. и № ¹²²⁸/₁₁₁₆ Часословъ на 510 листахъ. При семъ Совѣтъ Казанской Академіи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Кіевской Академіи увѣдомить о полученіи сихъ рукописей и по минованіи трехмѣсячнаго срока и даже ранѣе, если то будетъ возможно, возвратить ихъ, такъ какъ рукописи эти не въ далекомъ будущемъ необходимы будутъ Комиссіи по описанію рукописей для описанія ихъ“.

б) Правленія Архангельской духовной Семинаріи отъ 11 декабря за № 694: „Вслѣдствіе отношенія Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 6 минувшаго ноября за № 953 Правленіе Архангельской духовной Семинаріи, съ разрѣшенія Его Преосвященства, имѣеть честь препроводить при семь въ Совѣтъ Академіи принадлежащую семинарской библіотекѣ рукопись подъ заглавіемъ: „Неправда раскольническая, которую на себя объявили Выгорѣцкіе пустосвяты въ отвѣтахъ на вопросы, поданныя имъ отъ честнаго Іеромонаха Неофита, въ спискѣ 1740 года, принадлежавшемъ Архангельскому Епископу Варсонофію“, и покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи о полученіи рукописей увѣдомить Правленіе Семинаріи“.

Справка: Поименованныя въ отношеніяхъ рукописи еще не получены съ почты. Первыя выписаны для доцента Ал. Дмитріевскаго, а послѣдняя для профессора Николая Петрова.

Постановлено: По полученіи рукописей выдать ихъ подъ расписку тѣмъ преподавателямъ, для которыхъ онѣ на срокъ выписаны, и увѣдомить о полученіи.

VI. Прошеніе доцента Академіи Влад. Завитневича отъ 19 декабря: „Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Кіевской дух. Академіи снести съ Управленіемъ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки по вопросу о высылкѣ въ Академію необходимаго мнѣ сочиненія: List do Zakonników Monastera Cerkwie Stego Duchu Wilenskiego na ich przedmowe w Weryficaciej jakoby niewinności ich powtórne wydanej położona odpisany Wilno 1621 r.“.

Постановлено: Просить Управленіе Императорской Публичной Библіотеки о высылкѣ необходимаго для доцента Завитневича сочиненія.

VIII. Отношенія: а) Совѣта Московской духовной Академіи отъ 19 октября за № 584 съ приложеніемъ для библи-

отеки Кіевской Академіи экземпляра магистерскихъ диссертацій: В. Вельтистова „Грѣхъ, его происхожденіе, сущность и слѣдствія“. М. 1885, и Н. Боголюбскаго „Исламъ, его происхожденіе и сущность, по сравненію съ христіанствомъ“, Самара 1885 г; б) Ректора Казанскаго Университета отъ 8 ноября за № 2581 съ приложеніемъ брошюры подъ заглавіемъ „Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 5 ноября 1885 года“; в) Совѣта Казанской духовной Академіи отъ 30 ноября за № 1427 съ приложеніемъ экземпляра „Годичнаго акта въ Казанской духовной Академіи 8 ноября 1885 года“; г) Ректора Бѣлградской Семинаріи въ Сербіи архимандрита Никанора Ружичича отъ 20 ноября съ препровожденіемъ для бібліотеки Кіевской духовной Академіи брошюры „Годичный отчетъ Бѣлградской Семинаріи“ и по экземпляру „Историческій обзоръ священно-библейской энзететики“ и „Различіе философской этики отъ христіанской“; д) бывшаго воспитанника Кіевской духовной Академіи Ян. Сим. Гогебашвили отъ 30 ноября: „Какъ бывший воспитанникъ Кіевской духовной Академіи, я считаю пріятнѣйшимъ своимъ долгомъ препроводить вмѣстѣ съ симъ въ Правленіе оной для фундаментальной бібліотеки по одному экземпляру составленныхъ мною и изданныхъ педагогическихъ руководствъ и пособій на грузинскомъ языкѣ, которые, будучи или рекомендованы или одобрены Ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, служатъ главнѣйшими руководствами по грузинскому языку въ школахъ свѣтскихъ и духовныхъ, а также въ семьяхъ. Руководства эти и пособія суть слѣдующія: 1) „Ключъ къ природѣ“, классная книга для чтенія въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ и прогимназическихъ классахъ, съ христоматіею, рисунками и картою закавказскаго края; 2) „Связка“, сборникъ элементарныхъ разсказовъ по естествовѣденію съ рисунками; 3) „Родной языкъ“ азбука и книга для чтенія; 4) „Группа плодовъ“, содержащая юношескіе разсказы, переведенные съ иностранныхъ языковъ и съ русскаго;

5) „Канделябрь“ — сборникъ юношескихъ стихотвореній; 6) „Прописи“ съ рисунками и 7) „Пучекъ весеннихъ почекъ“ — семейная азбука и книга для чтенія“.

Постановлено: Книги и брошюры сдать въ бібліотеку и о полученіи ихъ увѣдомить съ выраженіемъ благодарности.

IX. Внесенную ректоромъ Академіи въ Совѣтъ оной *вѣдомость о лекціяхъ, опущенныхъ* г.г. преподавателями въ истекшемъ *ноябрь* мѣсяцѣ 1885 г. По сей вѣдомости значится, что опущены лекціи:

а) *по болъзни:*

1) по греческому языку экстраорд. проф. Корольковымъ 2 л.л. (19 ч.)

2) По педагогикѣ экстраорд. проф. М. Олесницкимъ 1 л. (19 ч.)

3) по нравственному богословію экстраор. профессоръ М. Олесницкимъ 5 л.л. (15, 18, 19, 22 и 23 ч.ч.)

4) по еврейскому языку и библейской археологіи орд. проф. А. Олесницкимъ 1 л. (18 ч.)

5) по логикѣ и метафизикѣ и. д. доцента Ефремовымъ 6 л.л. (9, 11, 13, 16, 18 и 20 ч.ч.)

6) по исторіи и обличевію русскаго раскола доцентомъ Голубевымъ 2 л.л. (15 и 17 ч.ч.)

7) по французскому языку лекторомъ Штрогоферомъ 2 л.л. (11 ч.)

б) *по семейнымъ обстоятельствамъ:*

8) по общей церковной исторіи экстраорд. профессоромъ Ковальницкимъ 1 л. (7 ч.)

Постановлено: Записать въ протоколъ настоящаго засѣданія для напечатанія въ академическомъ журналѣ по

ОГЛАВЛЕНИЕ

второго тома Трудовъ Кіевской духовной Академіи за 1886 годъ
(№№ 5—8).

Май (№ 5).

	Страницы:
1. Блаженнаго Августина, епископа ипповійскаго (въ русскомъ переводѣ) О градѣ Божіемъ книга двадцать первая.	281—296
2. Порядки и обычаи, соблюдавшіеся при сказываніи проповѣдей въ древней церкви (въ III—V вѣкахъ). <i>В. Θ. Пльницкаго.</i>	3— 42
3. Начало Греко-болгарской распри и возрожденія Болгарской народности. <i>Н. И. Петрова.</i>	43— 72
4. Судьба Славянской Церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія. <i>И. И. Малышевскаго.</i>	73— 110
5. Слово въ пятокъ третьей недѣли великаго поста, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря. <i>С. Т. Голубева.</i>	111—118
6. Слово въ пятокъ 4-й недѣли великаго поста. <i>А. А. Дмитриевскаго.</i>	119—132
7. Дневникъ студента-паломника на Аѳонѣ. <i>А. Стадничкаго.</i>	133—141
8. Письма протоіерея І. М. Скворцова къ преосв. Иннокентію, архіеп. херсонскому. Сообщ. <i>Н. И. Барсовъ.</i>	142—147
9. Извѣстія Церковно-археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи (за м.м. февраль и мартъ 1886 г.). <i>Н. И. Петрова.</i> . . .	148—156

Въ Приложеніи:

10. Отчеты о состояніи и дѣятельности Богоявленскаго Братства при Кіевской дух. Академіи для вспомошествованія нуждающимся студентамъ ея за 1883, 1884 и 1885 г.г. съ приложеніемъ списка всѣхъ лицъ, вошедшихъ въ составъ Братства за эти годы. 1— 56

Іюль (№ 6).

11. Блаженнаго Іеронима (въ русскомъ переводѣ) Четырнадцать книгъ толкованій на пророка Іезекиіля. Книга восьмая. 375—401
12. Начало Греко-болгарской распри и возрожденія Болгарской народности. *Н. И. Петрова* . 157—197
13. Судьба Славянской Церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія. *И. И. Мамышевскаго*. 198—230
14. Очерки исторіи методизма. *А. Булакова*. . . 231—257
15. Къ вопросу о сомнамбулизмѣ. 258—285
16. Нѣсколько словъ по поводу книги Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Георгія Михайловича „Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія“. *Н. П. Чернева*. 286—304
17. Дневникъ студента-паломника въ Аѳонѣ. *А. Стадническаго*. 305—314
18. Извѣстія Церковно-археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи (за м. апрѣль 1886 г.). *Н. И. Петрова*. 315—320

Въ приложеніи:

19. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи 16 августа, 2 и 4 сент. 1885 г. 1— 16

III

Юль (№ 7).

Страницы:

20. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ) О градѣ Божіемъ книга двадцать первая.	297—312
21. Изъ чтеній по догматическому богословію. Епископа Силвестра.	321—382
22. Начало Греко-болгарской распри и возрожденія Болгарской народности. Н. И. Петрова.	383—417
23. Очерки исторіи методизма. А. Булакова.	418—449
24. Путешествія въ св. землю. Свящ. К. I. Ооменка.	450—483
25. Дневникъ студента-паломника на Аеонъ. А. Стадницкаго.	484—492
26. Извѣстія Церковно-археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи (за м. май 1886 г.). Н. И. Петрова	493—494

Въ приложеніи:

27. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи 9, 26 сентября и 31 октября 1885 года.	17— 32

Августъ (№ 8).

28. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ) О градѣ Божіемъ книга двадцать первая.	313—328
29. Изъ чтеній по церковному праву. П. А. Лашкарева	495—552
30. Очерки исторіи методизма. А. Булакова.	553—568
31. Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія. В. З. Завитневича.	569—603
32. Дневникъ студента-паломника на Аеонъ. (Окончаніе). А. Стадницкаго.	604—639

33. Письма протоіерія І. М. Скворцова къ преосв.
 Иннокентію, архіеп. херсонскому. Сообщ. *Н.*
И. Барсовъ. 640—654

Въ приложенія:

34. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской
 духовной Академіи 29 ноября и 20 декабря
 1885 года. 33— 64

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ 3-й томъ Бесѣдъ и Поученій Преосвященнаго Никанора, Епископа Херсонскаго и Одесскаго.

Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

Въ продажѣ имѣются 1-й (1884) и 2-й (1885) томы Бесѣдъ и Поученій Его Преосвященства; каждый томъ по 2 руб. Съ требованіями на книги можно обращаться въ *ОДЕССУ*, въ Канцелярію Епископа.

Въ редакціи Трудовъ Кіевской духовной Академіи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены).

80. Загробная жизнь по воззрѣнію древнихъ римлянъ. Н. М. Дроздова. 1881 г. Ц. 35 к.
81. Исторія нравственности и нравственныхъ ученій. М. А. Олесницкаго. Ч. 1-я. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к.
82. Мѣсяцесловы святыхъ при рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ Церковно-археологическаго Музея. Г. О. Булашева. 1882 г. Ц. 40 коп.
83. Славянофильство и либерализмъ. П. И. Ляницкаго. 1882 г. Ц. 1 р. 30 к.
84. Книга Пѣснь Пѣсней и ея новѣйшіе критики. А. А. Олесницкаго. 1882 г. Ц. 3 р.
85. Преосв. Филаретъ, еп. рижскій, какъ ректоръ Кіевской дух. Академіи. (съ портретомъ, факсимиле и прибавленіями). Ив. Н. Королькова. 1882 г. Ц. 60 к.
86. Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кіевск. дух. Академіи“ (съ систематическимъ перечнемъ статей, помѣщенныхъ въ журналъ за 20 лѣтъ, и алфавитнымъ указателемъ авторовъ). И. Н. Королькова. 1883 г. Ц. 2 руб.
87. Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Проф. Н. И. Петрова. 1884 г. Ц. 3 р.

88. Чтенія въ Церковно-археолог. Обществѣ при Кіевской дух. Академіи. Вып. 1-й. 1883 г. Ц. 1 р. 20 к.
89. Описаніе коллекціи древнихъ русскихъ иконъ. Иеромонаха Христофора (Смирнова). 1883 г. Ц. 1 р.
90. Происхожденіе и значеніе праздника Рождества Христова. Его же. 1883 г. Ц. 70 к.
91. Братскій совѣтъ новорукположенному въ сельскій приходъ священнику. Вып. 1. Свяд. Аѳ. Недѣльскаго. 1883 г. Ц. 1 р.
92. Кіевскій митрополитъ Петръ Могилъ и его сподвижники. С. Т. Голубева. 1883 г. Ц. 5 р.
93. Преосвяд. Иринскій Фальковский, епископъ чигиринскій. Г. О. Булашева. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
94. Діалоги Платона Тимэй и Критій. Переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями Г. В. Малеванскаго. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
95. Ученіе Шлейермахера о религіи. Ѳ. С. Орнатскаго. Кіевъ. 1884. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.
96. Ученіе двѣнадцати апостоловъ. К. Д. Попова. Кіевъ. 1885. Изданіе 2-е испр. Ц. 30 к.
97. Нравственный прогрессъ. М. А. Олесницкаго. Цѣна 30 коп.
98. Запросы современной жизни въ отношеніи къ богословской наукѣ. Н. М. Дроздова. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.
99. Происхожденіе книги „Екклесіастъ“. Еписк. Филарета. 1885. Ц. 1 р.
100. Раздѣленіе еврейскаго царства на царства іудейское и израильское. Ѳ. Я. Покровскаго. 1885. Ц. 2 р. 25 к.
101. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ. Часть I. Службы круга седмичнаго и годичнаго и чинопослѣдованія таинствъ. А. А. Дмитріевскаго. Ц. 4 р. съ пересмыкою.
102. Книга Притчей Соломоновыхъ и ея новѣйшіе критики. А. А. Олесницкаго. Ц. 1 р.
103. Древнееврейскія монеты (съ рисунками). С. А. Булатова. 1886 г. Ц. 3 р.
104. Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Ѳ. Пѣвницкаго. Изд. 2. 1886. Ц. 1 р. 50 к.
105. Поминки преосв. Порфирія Успенскаго и проф. Московской дух. Академіи И. Д. Мавсветова. Краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности ихъ. А. А. Дмитріевскаго. Ц. 75 к. съ перес.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.**

Please return promptly.

APR 22 '63 H

3 2044 105 193 395